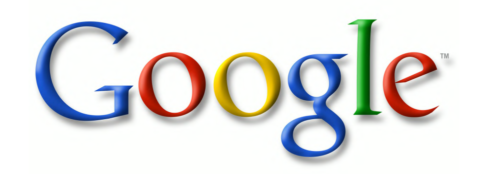

VE
RI
TAS

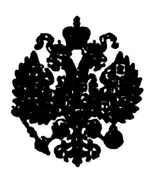
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXXIII.

1902.

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

См. 3-ю стр. обложки.

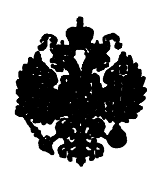
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXXIII.

1902.

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

Minister of
Public Instruction

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя члена совѣта министра народнаго просвѣщенія, генералъ-лейтенанта по адмиралтейству Вальронда.

Петръ Павловичъ. По окончаніи съ блестящимъ успѣхомъ курса наукъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ офицерскихъ классахъ того корпуса, вы, еще въ молодыхъ годахъ, обратили на себя особенное вниманіе своими отличными способностями и дарованіями и были призваны къ преподаванію морскихъ наукъ въ высшемъ разсадникѣ нашихъ моряковъ. Прослуживъ свыше 45-лѣтъ преподавателемъ, воспитателемъ и затѣмъ инспекторомъ классовъ морскаго кадетскаго корпуса, вы достигли серьезныхъ результатовъ по образованію нѣсколькихъ поколѣній морскихъ офицеровъ.

Въ виду педагогическаго вашего такта и опытности, вамъ было поручено преподаваніе спеціальныхъ предметовъ въ Николаевской морской академіи, а также вы избраны были преподавателемъ морскихъ наукъ въ Бозѣ почивающему наслѣднику цесаревичу Георгію Александровичу и другимъ членамъ Императорской фамиліи Нашей, готовившимся къ службѣ во флотѣ. Во вниманіе вашихъ педагогическихъ трудовъ вы Мною и были призваны въ 1897 году къ занятіямъ въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія.

Нынѣ, въ день исполнившагося 50-лѣтія отлично полезной службы

вашей, Я считаю пріятнымъ для Себя изъявить вамъ Мое искреннее благоволеніе.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„и благодарный
НИКОЛАЙ".

Въ Петергофѣ,
13-го августа 1902 года.

II. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ,

данные Правительствующему Сенату.

30-го мая 1902 года. „Попечителю Рижскаго учебнаго округа, заслуженному профессору, доктору греческой словесности, тайному совѣтнику *Шварцу*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа".

18-го іюня 1902 года. „Помощнику попечителя Кіевскаго учебнаго округа, двора нашего въ званіи камергера, коллежскому совѣтнику *Извольскому*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ Рижскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи".

13-го іюля 1902 года. „Директору института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, доктору ботаники, статскому совѣтнику *Бѣляеву* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа".

10-го августа 1902 года. „Попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, совѣщательному члену медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, доктору медицины, тайному совѣтнику *фонъ-Анрепу*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть директоромъ медицинскаго департамента того же министерства".

10-го августа 1902 года. „Дѣйствительному члену Императорскаго института экспериментальной медицины, доктору ботаники, статскому совѣтнику *Виноградскому*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть директоромъ того же института".

III. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (20-го мая 1902 года). *О распространеніи на Кунгурское техническое, имени Губкина, училище дѣйствія основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о распространеніи на Кунгурское техническое, имени Губкина, училище дѣйствія основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о распространеніи на Кунгурское техническое, имени Губкина, училище дѣйствія основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ измѣненіе и дополненіе узаконеній о Кунгурскомъ техническомъ училищѣ, имени А. С. Губкина, постановить:

I. На Кунгурское техническое училище, имени А. С. Губкина, распространяется дѣйствіе основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ (Св. Зак., т. XI, ч. 1 уст. учеб. зав., изд. 1893 г., ст. 1814—1854) и другихъ позднѣйшихъ узаконеній, касающихся сихъ училищъ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ особыхъ правилъ:

1) Училище состоитъ изъ четырехъ одногодичныхъ классовъ, съ теоретическимъ и практическимъ въ нихъ преподаваніемъ.

2) Отъ поступающихъ въ училище требуется окончаніе курса городского училища по положенію 31 мая 1872 г.

3) Окончившіе курсъ училища получаютъ званія: лучшіе—мастера съ отличіемъ, а остальные—мастера по машино-строительному дѣлу.

4) Попечительный комитетъ училища составляютъ, подъ предсѣдательствомъ почетнаго попечителя, четыре почетные члена, директоръ училища, инспекторъ и ученый мастеръ. Комитетъ руководствуется въ своей дѣятельности инструкціей, утверждаемою министромъ народнаго просвѣщенія.

5) Почетнымъ попечителемъ училища состоитъ старшій изъ прямыхъ наслѣдниковъ покойнаго учредителя училища А. С. Губкина. Въ случаѣ его несовершеннолѣтія, обязанности попечителя училища исполняются однимъ изъ его опекуновъ или попечителей.

6) Почетные члены попечительнаго комитета избираются попечителемъ училища изъ лицъ, оказавшихъ особыя услуги этому учебному заведенію или сдѣлавшихъ значительныя для него пожертвованія, и утверждаются въ семъ званіи министромъ народнаго просвѣщенія. Одинъ изъ почетныхъ членовъ, по выбору попечителя, исправляетъ должность послѣдняго, въ случаяхъ его отсутствія.

7) Директоръ училища избирается почетнымъ попечителемъ и утверждается въ должности, по представленію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, министромъ народнаго просвѣщенія.

II. Врачу и письмоводителю Кунгурскаго техническаго училища, имени А. С. Губкина, присвоить права на пенсію: первому—по медицинскому положенію изъ оклада 300 руб., а второму—по VIII пенсіонному разряду.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 9-го іюля 1902 г., № 68, ст. 673).

2. (3-го іюня 1902 года). *О порядкѣ предоставленія дополнительныхъ отсрочекъ по отбыванію воинской повинности для окончанія образованія.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о порядкѣ предоставленія дополнительныхъ отсрочекъ по отбыванію воинской повинности для окончанія образованія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, государственной экономіи и промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго о порядкѣ предоставленія дополнительныхъ отсрочекъ по отбыванію воинской повинности для окончанія образованія, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Начальствамъ учебныхъ заведеній предоставляется въ уважительныхъ случаяхъ ходатайствовать о предоставленіи воспитанникамъ сихъ заведеній дополнительныхъ, сверхъ установленныхъ уставомъ о воинской повинности, отсрочекъ по отбыванію сей повинности, для окончанія образованія. Означенныя ходатайства разрѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ военнымъ министромъ и съ министромъ или главноуправляющимъ, въ вѣдѣніи коего состоитъ учебное заведеніе.

2) Относительно лицъ, принадлежащихъ къ войсковому казачьему населенію, ходатайства о дополнительныхъ отсрочкахъ по отбыванію воинской повинности воспитанникамъ учебныхъ заведеній до окончанія образованія (ст. 1) разрѣшаются военнымъ министромъ, на основаніи отзыва подлежащаго министра или главноуправляющаго, въ вѣдѣніи коего состоитъ учебное заведеніе.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Тамъ же*, 19-го іюля 1902 г., № 71, ст. 736).

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(1-го іюля 1902 года № 56). По Виленскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* инспекторъ Могилевской дирекціи народныхъ училищъ *Тихомировъ*—съ 5-го апрѣля 1902 г.; преподаватель Гомельской мужской гимназіи *Чикидовскій*—съ 20-го февраля 1902 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* преподаватели гимназій: Слуцкой, *Трояновскій* — съ 22-го іюля 1901 г. и Шавельской, *Трейманъ* — съ 10-го іюня 1901 г.; наставникъ Поневѣжской учительской семинаріи *Горскій* — съ 21-го августа 1901 г.; штатный смотритель Климовичскаго уѣзднаго училища *Низяевъ*—съ 1-го января 1901 г.; преподаватель Брестской прогимназіи *Шишковъ* — съ 24-го октября 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* штатный врачъ Минской гимназіи *Свида*—съ 1-го августа 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Витебской гимназіи *Вилынь* — съ 16-го февраля 1902 г.; учитель приготовительнаго класса Пинскаго реальнаго училища *Хоровецъ* — съ 1-го октября 1900 г.; учи-

тель Гомельской женской гимназіи *Ровачъ* — съ 26-го іюля 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Минской, *Быковъ*—съ 1-го августа 1900 г. и Шавельской, *Ивановъ*—съ 1-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* учителя приходскихъ училищъ: Мозырскаго, *Боборыкинъ*—съ 26-го октября 1901 г., Климовичскаго, *Азаровъ*—съ 1-го августа 1897 г., Чаусскаго, *Атрашкевичъ* — съ 1-го февраля 1891 г. и Гродненскаго, *Потѣйкинъ* — съ 1-го сентября 1901 г.; бывшій учитель Хорощанскаго приходскаго училища *Хомичъ*—съ 1-го августа 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: почетный смотритель Оршанскаго городского училища *Цекертъ* — съ 11-го марта 1898 г.; учителя приходскихъ училищъ: Селецкаго, *Тараскевичъ* — съ 1-го сентября 1897 г. и Гоніондзскаго, *Манюта*—съ 16-го октября 1899 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря:* учителя городскихъ училищъ: при Виленскомъ учительскомъ институтѣ, *Синицкій* — съ 7-го января 1898 г., Оршанскаго: *Новосѣльтовъ* — съ 1-го января 1897 г. и *Дорошевичъ* — съ 1-го августа 1897 г. и Мстиславскаго, *Любинскій* — съ 1-го іюля 1897 года; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Виленской 2-й, *Сивицкій*—съ 1-го февраля 1898 г. и Гродненской, *Замулко*—съ 28-го января 1898 г.; *губернскаго секретаря,* бывшій учитель уѣзднаго училища, нынѣ учитель Гродненскаго городского училища *Януковичъ*—съ 1-го августа 1896 г.

По Западно-Сибирскому учебному округу. *Производятся,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: первые учителя городскихъ училищъ: Семипалатинскаго пятикласснаго: *Соловьевъ* — съ 15-го ноября 1901 г. и *Степановъ* — съ 1-го августа 1897 г., Петропавловскаго пятикласснаго, *Кулаковъ*—съ 1-го ноября 1887 г. и Кокчетавскаго трехкласснаго, *Лопачевъ* — съ 1-го августа 1897 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, врачъ Томскаго уѣзднаго училища *Ломовицкій*—съ 20-го апрѣля 1902 года; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, учитель Березовскаго уѣзднаго училища *Свиридовъ* — съ 25-го ноября 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора:* учителя Томской Маріинской женской гимназіи: *Дирдовскій* — съ 27-го іюня 1897 г., *Гриве*—съ 1-го августа 1897 г. и *Борзовъ*—съ 30-го августа 1897 г.; *титулярнаго совѣтника* первый учитель

Петропавловскаго пятикласснаго городского училища *Сѣриковъ* — съ 10-го іюля 1892 г.

По управленію учебными заведеніями Приамурскаго края. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, учитель-инспекторъ Николаевскаго на Амурѣ городского училища *Рындичъ* — съ 15-го іюня 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Благовѣщенскаго приходскаго училища, имени барона Корфа, *Махайличенко* — съ 1-го декабря 1893 г.

Назначается директоръ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Комаровъ*—директоромъ Бѣлгородскаго учительскаго института, согласно прошенію.

Утверждается шталмейстеръ Высочайшаго Двора *Брянчаниновъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Зарайскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ его шталмейстеромъ.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, младшій врачъ лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго Императора Австрійскаго полка, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Жандръ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета, по каѳедрѣ физіологіи.

(6-го іюля 1902 года, № 58). *Назначаются*: экстраординарные профессоры Императорскаго университета св. Владиміра: докторъ теоріи и исторіи искусствъ, коллежскій совѣтникъ *Павлуцкій* и докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Вагнеръ*—ординарными профессорами того же университета, по каѳедрамъ: первый—теоріи и исторіи искусствъ, а второй—діагностики, съ пропедевтическою клиникою; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, врачъ при томъ же университетѣ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Богдановъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи, съ 1-го іюля; приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, магистръ агрономіи, титулярный совѣтникъ *Сабанинъ* и св. Владиміра, магистръ русской исторіи, коллежскій секретарь *Запольскій-Довнаръ*—исправляющими должность экстраординарнаго профессора тѣхъ же университетовъ, по каѳедрамъ: первый—агрономіи, а второй—русской исторіи.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, преподаватель Минской духовной семинаріи, статскій

совѣтникъ *Булычевъ*—директоромъ реальнаго училища въ посту Александровскомъ, на островѣ Сахалинѣ, съ 1-го іюля.

Увольняются отъ службы: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ярошъ*, согласно прошенію, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; директоры: Великолуцкаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бѣлавинъ* и Прославской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Бондаренко*, оба за выслугою срока, изъ нихъ Бондаренко съ 1-го іюля; адъюнктъ-профессоръ Рижскаго политехническаго института, коллежскій совѣтникъ *Кларкъ*, съ 1-го іюля, согласно прошенію.

По Рижскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учителя гимназій: Юрьевской, *Скрябинъ*—съ 1-го января 1902 г. и Аренсбургской, *Вильде*—съ 1-го января 1902 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя гимназій: Перновской мужской, *Бауэръ*—съ 1-го марта 1902 г. и Аренсбургской, *Игель*—съ 1-го августа 1901 г.; врачи: Либавской Николаевской гимназіи, *Веберъ*—съ 20-го февраля 1902 г. и Либавскаго трехкласснаго городского училища, *Гольдбергъ*—съ 26-го января 1898 г. и штатный наставникъ прибалтійской учительской семинаріи *Карповъ*—съ 15-го іюля 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя гимназій: Юрьевской, *Петровъ*—съ 1-го сентября 1900 г., Аренсбургской: *Лыжинъ*—съ 20-го января 1900 г. и *Баллодъ*—съ 1-го ноября 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учителя: приготовительнаго класса Перновской мужской гимназіи, *Бонче-Осмоловскій*—съ 1-го ноября 1898 г., Рижскаго городского училища Императрицы Екатерины II: *Хваловскій*—съ 17-го августа 1901 г. и (сверхштатный) *Дружинскій*—съ 10-го февраля 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, помощникъ классныхъ наставниковъ Ревельской гимназіи Императора Николая I *Корнієнко*—съ 24-го марта 1899 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: второй учитель при Рижскихъ городскихъ соединенныхъ начальныхъ училищахъ, что на бульварѣ Тотлебена, *Мейеръ*—съ 1-го іюня 1893 г.; второй учитель Рижскаго Петровскаго двухкласснаго мужскаго начальнаго училища *Янкевичъ*—съ 1-го августа 1901 г.; первый учитель Рижскаго Клюверсгольмскаго городского начальнаго училища *Брейкшъ*—съ 22-го января 1901 г.; учитель Рижскаго городского Гагенсбергскаго начальнаго училища *Зединь*—съ 3-го мая 1901 г.; первый учитель Рижскаго городского Марковскаго

начальнаго училища *Савельевъ*—съ 1-го августа 1901 г.; учитель Рижскаго городского Гаррасскаго женскаго начальнаго училища *Рундель*—со 2-го августа 1901 г.; учитель Рижскаго городского Екатериниидамбскаго мужскаго начальнаго училища *Тиманъ*—со 2-го августа 1901 г.; первый учитель Рижскаго городского Аннинскаго женскаго начальнаго училища *Кришканъ*—со 2-го августа 1901 г.; первый учитель Рижскаго городского Торенсбергскаго женскаго начальнаго училища *Цируль*—съ 2-го августа 1901 г. и первый учитель Рижскаго Торенсберскаго городского мужскаго начальнаго училища *Роде*—съ 10-го августа 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *титулярнаго совѣтника*, врачъ Фридрихштадтскаго трехкласснаго городского училища Императора Александра II *Герцбергъ*—съ 5-го марта 1898 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: сверхштатный клиническій ассистентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института *Михайловъ*—съ 1-го ноября 1897 г., по степени ветеринара; учителя городскихъ училищъ Верроскаго, *Таубе*—съ 1-го января 1898 г., Ревельскаго четырехкласснаго Императрицы Екатерины II, *Калнынь*—съ 15-го августа 1896 г. и Гапсальскаго трехкласснаго, *Лойко* — съ 1-го февраля 1897 г.; *коллежскаго регистратора*, учитель-завѣдывающій Вольмарскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Пляшкевичъ*—съ 1-го іюля 1901 г., на основаніи ст. 132 уст. служб. прав., изд. 1896 г. (св. зак. т. III).

(13-го іюля 1902 года, № 60). По Кавказскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: директоръ Бакинскаго низшаго механико-техническаго училища, инженеръ-технологъ *Михалевскій*—съ 1-го сентября 1900 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Кубанской области *Апостоловъ*—съ 1-го февраля 1902 г.; учителя: Елисаветпольской мужской гимназіи: *Поляковъ*—съ 1-го ноября 1901 г., *Скивскій* и *Реслеръ*, оба—съ 1-го іюля 1901 г., Ставропольской мужской гимназіи, *Морозовскій*—съ 9-го іюня 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: Бакинской Маріинской женской гимназіи, *Харкевичъ*—съ 5-го сентября 1900 г., Ставропольской мужской гимназіи: *Рукавишниковъ*—съ 1-го августа 1901 г., *Фирсовъ*—съ 20-го іюля 1901 г. и *Соколовъ*—съ 15-го іюня 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Тифлисскаго реальнаго училища, *Бѣлюговъ*—съ 17-го августа 1892 г.; учителя того же училища: *Станишевскій*—съ 22-го сентября 1901 г., *Грековъ*—съ 14-го августа 1901 г., Елиса-

ветпольской мужской гимназіи: *Мироновичъ*—съ 16-го сентября 1900 г., *Сидоровъ*—съ 9-го ноября 1900 г. и *Тактаковъ*—съ 7-го сентября 1900 г., Елисаветпольскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, *Харадзе*—съ 28-го ноября 1901 г., 2-й Тифлисской мужской гимназіи, *Ліозенъ*—съ 1-го сентября 1900 г., Закавказской учительской семинаріи *Терг-Арутюновъ*—съ 15-го іюня 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Кутаисской мужской гимназіи *Зайцевъ*—съ 22-го февраля 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: помощникъ классныхъ наставниковъ Тифлисской 2-й мужской гимназіи: *Поповъ*—съ 31-го октября 1900 г.; учителя: приготовительнаго класса Пятигорской прогимназіи, *Столбунъ*—съ 18-го января 1902 г., Бакинской Маріинской женской гимназіи, *Емельяновъ*—съ 27-го апрѣля 1899 г.; учитель-смотритель Кагызманскаго двухкласснаго нормальнаго сельскаго училища *Новрузовъ*—съ 27-го октября 1899 г.; учитель приготовительнаго класса Шушинскаго реальнаго училища *Береславцевъ*—съ 25-го апрѣля 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* помощникъ классныхъ наставниковъ Бакинской мужской гимназіи *Наримановъ*—съ 7-го мая 1899 г.; штатный учитель Карскаго городского училища *Бакрадзе*—съ 12-го ноября 1897 г.; учитель-смотритель Ардаганскаго нормальнаго двухкласснаго сельскаго училища *Рамбиди*—съ 12-го декабря 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, помощникъ классныхъ наставниковъ Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища *Волошинъ*—съ 28-го декабря 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: сверхштатный учитель Карсскаго городского училища *Цитлидзе*—съ 26-го октября 1898 г.; учителя-завѣдывающіе двухклассными училищами: Кавказскимъ, *Бутенковъ*—съ 23-го іюля 1895 г., Конеловскимъ, *Бирюковъ*—съ 1-го августа 1899 г. и Архангельскимъ, *Кохановскій*—съ 1-го августа 1896 г., Успенскимъ, *Ляпинъ*—съ 1-го августа 1889 г., Тихорѣцкимъ, *Морошкинъ*—съ 8-го августа 1901 г., Новодеревянковскимъ, *Натаровъ*—съ 29-го сентября 1901 г., Кореновскимъ, *Остриковъ*—съ 1-го августа 1901 г., Старощербиновскимъ, *Погуляевъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Камышеватскимъ, *Соболь*—съ 1-го августа 1896 г., Екатериновскимъ, *Скворцовъ*—съ 1-го августа 1891 г., Усть-Лабинскимъ, *Шныпкинъ*—съ 1-го августа 1889 г., Екатеринодарскимъ общества владикавказской желѣзной дороги, *Евтушенко*—съ 1-го августа 1894 г., Ладожскимъ, *Растегаевъ*—съ 1-го августа 1894 г., Екатеринодарскимъ армянскаго общества, *Нестеренко*—съ 1-го августа 1894 г., Старокорсунскимъ,

Грицай—съ 1-го августа 1901 г., Абинскимъ, *Бабенко*—съ 1-го августа 1888 г., Ивановскимъ, *Рудько*—съ 1-го августа 1899 г., Поповичевскимъ, *Бѣляевъ*—съ 1-го августа 1901 г., Старовеличковскимъ, *Птушенко*—съ 1-го августа 1900 г., Чамлыкскимъ, *Рясинскій*—съ 1-го августа 1900 г.; учителя-завѣдывающіе одноклассными училищами: Ясенскимъ, *Плохой*—съ 1-го августа 1894 г., Тифлисскимъ, *Ступинъ*—съ 25-го августа 1901 г., Терновскимъ, *Цвѣтный*—съ 15-го ноября 1885 г., Каневскимъ, *Чуйко*—съ 1-го сентября 1898 г.; учителя-завѣдывающіе городскими начальными училищами: 1-мъ Ейскимъ, *Соловьевъ*—съ 1-го августа 1899 г., 2-мъ Екатеринодарскимъ, *Никитинъ*—съ 10-мая 1889 г., 3-мъ Екатеринодарскимъ, *Шаховъ*—съ 21-го декабря 1889 г., 5-мъ Екатеринодарскимъ, *Толстовъ*—съ 1-го августа 1890 г., Великокняжескимъ, *Классенъ*—съ 11-го ноября 1896 г.; учителя: двухкласснаго Медвѣдовскаго училища, *Антроповъ*—съ 1-го августа 1898 г., Усть-Лабинскаго двухкласснаго станичнаго училища, *Александровъ*—съ 10-го октября 1900 г., Полтавскаго двухкласснаго училища, *Чигринъ*—съ 1-го августа 1901 г., 1-го Екатеринодарскаго городского начальнаго училища, *Руденко*—съ 1-го августа 1892 г., начальныхъ училищъ: Троицкаго, *Турчинъ*—съ 1 августа 1901 г., Великокняжескаго, *Фризенъ*—съ 11-го ноября 1896 г.; помощникъ учителя Старощербиновскаго двухкласснаго училища *Ткаченко*—съ 1-го сентября 1896 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* учителя: Прочноокопскаго одноклассиаго училища, *Срединскій*—съ 20-го января 1896 г., Отрадненскаго двухкласснаго училища, *Джемарджидзе*—съ 1-го августа 1892 г., Армавирскаго Александровскаго двухкласснаго училища, *Розановъ*—съ 20-го ноября 1897 г., Благовѣщенскаго станичнаго училища, *Могилатъ*—съ 1-го августа 1886 г.; учителя-завѣдывающіе: 2-мъ Ейскимъ мужскимъ начальнымъ училищемъ, *Θеодосіевъ*—съ 1-го августа 1887 г., Слѣпцовскимъ двухкласснымъ станичнымъ училищемъ, *Лобановъ* — съ 1-го сентября 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора:* преподаватель Батумской мужской гимназіи *Чогошвили*—съ 1-го августа 1897 г.; учителя: Бакинской Маріинской женской гимназіи, *Мухинъ*—съ 12-го сентября 1896 г., Тифлисскаго реальнаго училища, *Заринъ*—съ 15-го октября 1897 г.; *коллежскаго секретаря:* штатный учитель Карсскаго городского училища *Яновичъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; сверхштатный учитель того же училища *Киракосовъ*—съ 30-го января 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ

Кутаисскаго реальнаго училища *Габаевъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; исправляющій должность дѣлопроизводителя канцеляріи попечителя учебнаго округа *Аѳанасьевъ*—съ 18-го октября 1900 г., по степени кандидата богословія.

Назначаются: директоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, докторъ ботаники, статскій совѣтникъ *Бѣляевъ* — попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа; преподаватель С.-Петербургскаго археологическаго института, членъ археографической комиссіи министерства, докторъ русской исторіи, надворный совѣтникъ *Лихачевъ*—помощникомъ директора Императорской публичной библіотеки, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; директоръ народныхъ училищъ Орловской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Червлянскій* — директоромъ Новоторжской учительской семинаріи; директоръ Новоторжской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Виноградовъ*, причисленный къ министерству, инспекторъ губернскихъ училищъ слѣпыхъ вѣдомства попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, коллежскій совѣтникъ *Смирновъ* и инспекторы: народныхъ училищъ Тверской губерніи, статскій совѣтникъ *Бойчевскій* и Томской гимназіи, статскій совѣтникъ *Курочкинъ* — директорами народныхъ училищъ губерній: первый—Костромской, второй—С.-Петербургской, третій—Орловской и послѣдній—Тобольской; инспекторъ главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, инженеръ-технологъ, статскій совѣтникъ *Натингъ*—директоромъ того же училища; инспекторъ Бобруйской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Преображенскій* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Усть-Медвѣдицкаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Маклецовъ*—директорами: первый—Брестской гимназіи, а второй—Каменскаго реальнаго училища, оба съ 1-го іюля; экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Медвѣдевъ* и приватъ-доцентъ и ассистентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины, титулярный совѣтникъ *Агабабовъ*—профессорами тѣхъ же университетовъ: первый—ординарнымъ, по каѳедрѣ физіологіи, а второй—экстраординарнымъ, по каѳедрѣ офтальмологіи; въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, статскій совѣтникъ *фонъ-Дервизъ*, коллежскій ассесоръ *Регель* и коллежскій секретарь *Шестаковъ*—вновь почетными попечителями гимназій: фонъ-Дервизъ—Рязанской, Регель—С.-Петербургской пятой и Шестаковъ—Кіевской второй, всѣ трое на три года, съ

оставленіемъ перваго изъ нихъ въ придворномъ званіи; преподаватели С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I: инженеръ-технологи: статскій совѣтникъ *Дешевой* и надворный совѣтникъ *Быковъ* и гражданскій инженеръ, надворный совѣтникъ *Шишко*—адъюнктъ-профессорами того же института: первый—по механической технологіи, второй—по прикладной механикѣ и послѣдній—по строительному искусству.

Переводится на службу, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, врачъ-консультантъ больницы и клинической лѣчебницы для приходящихъ больныхъ при покровской общинѣ сестеръ милосердія, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Массенъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, съ 1-го іюля.

Перемѣщаются: директоры гимназій: Варшавской четвертой, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ваккеръ* и Прагской, статскій совѣтникъ *Косминскій*—директорами Варшавскихъ гимназій: Ваккеръ—шестой, а Косминскій—четвертой, оба съ 15-го іюня; директоры реальныхъ училищъ: Тульскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Никульцевъ* и Калужскаго статскій совѣтникъ *Карякинъ*—одинъ на мѣсто другого, съ 1-го іюля; начальникъ Ломжинской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Туцу*—начальникомъ Варшавской учебной дирекціи; директоръ народныхъ училищъ Тобольской губерніи, статскій совѣтникъ *Рамзевичъ*, директоромъ народныхъ училищъ Томской губерніи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, консультантъ и почетный профессоръ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Лимбергъ*.

Умершіе исключаются изъ списковъ: помощникъ директора Императорской публичной библіотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Феттерлейнъ*, съ 16-го іюня; окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чеховичъ* съ 4-го іюня.

(20-го іюля 1902 г., № 61). *Назначаются*: директоры прогимназій: Ржевской, преобразованной въ гимназію, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Стебловъ* и Московской, преобразованной въ Московскую десятую гимназію, статскій совѣтникъ *Смольяниновъ* — директорами означенныхъ гимназій, оба съ 1-го іюля; экстраординарный

профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ ботаники, статскій совѣтникъ *Каменскій*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ ботаники.

Увольняется, согласно прошенію, ректоръ и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ всеобщей исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фортинскій*—отъ первой изъ означенныхъ должностей.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Ревельской гимназіи Императора Николая I, статскій совѣтникъ *Янчевецкій*, съ 1-го іюля.

По Варшавскому учебному округу. *Производятся,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* бывшій инспекторъ народныхъ училищъ Петроковской губерніи, нынѣ въ отставкѣ *Козачковскій* — съ 26-го января 1902 г.; учителя: Варшавской 4-й мужской гимназіи, *Крыжановскій*—съ 1-го марта 1901 г. и Ловичскаго реальнаго училища, *Архангельскій* — съ 1-го января 1902 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Ченстоховской гимназіи *Гроздовъ* — съ 23-го ноября 1901 г.; учителя: Ломжинской мужской гимназіи, *Рейхвальдъ* — съ 15-го ноября 1901 г. и Замостской мужской прогимназіи, *Степановъ* — съ 1-го января 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* прозекторъ при каѳедрѣ патологической анатоміи Императорскаго Варшавскаго университета *Длоховскій*—съ 1-го іюня 1899 г.; лекторъ русскаго языка при томъ же университетѣ *Михайловъ*—съ 17-го іюня 1898 г.; учителя: Варшавской 4-й мужской гимназіи, *Ижакъ*—съ 31-го мая 1901 г., Калишской женской гимназіи, *Винклеръ*—съ 15-го сентября 1901 г. и Замостской мужской прогимназіи, *Пѣнькевичъ*—съ 1-го августа 1901 г.; врачъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Лавягинъ*—съ 29-го сентября 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Гостынинскаго трехкласснаго, *Сербулъ* — съ 1-го августа 1894 г. и Петроковскаго Александровскаго трехкласснаго, *Пугацевичъ*—съ 1-го декабря 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* учитель Прагской гимназіи *Троицкій* — съ 1-го августа 1901 г.; бывшій штатный ординаторъ при факультетской хирургической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета, нынѣ въ отставкѣ, *Паславскій*—съ 1-го января 1900 г.; бывшій сверхштатный ординаторъ при клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней того же университета, нынѣ въ отставкѣ, *Дыдынскій* — съ 18-го января 1898 г. и учитель приготови-

тельнаго класса Маріампольской гимназіи *Важеевскій*—съ 20-го февраля 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: штатный преподаватель Варшавской школы садоводства при помологическомъ садѣ *Жабыкинъ*—съ 29-го іюня 1898 г.; штатный учитель Кѣлецкой женской гимназіи *Горонович*ъ — съ 30-го апрѣля 1901 г.; сверхштатный учитель 2-го Варшавскаго трехкласснаго городского училища *Чепикъ* — съ 1-го августа 1898 г. и помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Варшавской 5-й, *Ваксенбургъ* — съ 1-го января 1900 г. и Сувалкской мужской, *Казберукъ* — съ 20-го ноября 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* письмоводитель Варшавской 1-й мужской гимназіи *Александровъ*—съ 20-го февраля 1902 г. и смотритель зданій Императорскаго Варшавскаго университета *Котляревскій*—съ 9-го августа 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора:* учителя: Ченстоховской гимназіи, *Коровкевичъ* — съ 9-го сентября 1896 г. и Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища, *Армитевичъ* — съ 1-го января 1898 г.; *титулярнаго совѣтника,* лаборантъ при каѳедрѣ медицинской химіи Императорскаго Варшавскаго университета *Турецкій* — съ 8-го марта 1893 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: сверхштатный лаборантъ при геолого-палеонтологическомъ кабинетѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Скрипниковъ*—съ 24-го октября 1896 г., по степени кандидата Императорскаго университета; сверхштатный учитель Петроковскаго трехкласснаго городского училища *Игнатьевъ*—съ 21-го сентября 1897 г. и помощники классныхъ наставниковъ: Варшавской 1-й мужской гимназіи, *Ивановъ*—съ 13-го февраля 1902 г. и Замостской мужской прогимназіи, *Харлампович*ъ—съ 11-го августа 1897 г.; *губернскаго секретаря:* учителя: Лодзинской мужской гимназіи, *Петровъ* — съ 10-го октября 1898 г. и Калишской женской гимназіи, *Архангельскій*—съ 1-го октября 1897 г., оба по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета.

(27-го іюля 1902 года, № 65). По Казанскому учебному округу. *Утверждаются* въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора,* бывшій сверхштатный учитель Казанскаго реальнаго училища, нынѣ земскій начальникъ 3-го участка Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи *Плетневъ*—съ 1-го ноября 1896 г.; *титулярнаго совѣтника,* лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета *Орловъ*—съ 11-го января 1897 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря,* учитель Царицынскаго ремесленнаго училища *Марковъ*—съ 1-го іюля 1894 г.

По Оренбургскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники* со старшинствомъ, преподаватель Красноуфимскаго промышленнаго училища *Окиничцъ*—съ 1-го сентября 1900 г.

По Варшавскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ, учитель техническаго черченія Варшавскаго рисовальнаго класса *Ракевичъ*—съ 23-го апрѣля 1897 г., по званію инженеръ-архитектора.

(1-го августа 1902 года, № 66). *Назначаются:* исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, магистръ физики и физической географіи, коллежскій секретарь *Пильчиковъ*—профессоромъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, по физикѣ; ассистентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ химіи, коллежскій секретарь *Семеновъ*—адъюнктъ-профессоромъ того же института, по неорганической и аналитической химіи.

(10-го августа 1902 года, № 67). *Опредѣляется* на службу, инженеръ-технологъ *Потебня*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по электротехникѣ, съ 1-го іюля.

Назначаются: директоръ Аккерманской прогимназіи, преобразованной въ гимназію, статскій совѣтникъ *Друговъ*—директоромъ означенной гимназіи; инспекторъ Черниговской гимназіи, статскій совѣтникъ *Круковской* и завѣдывающій учебною частью техническихъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, статскій совѣтникъ *Агровъ*—директорами реальныхъ училищъ: первый—Черниговскаго, а второй—Челябинскаго, оба—съ 1-го іюля; прозекторъ и приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины *Маньковскій* — экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ гистологіи.

Утверждается, надворный совѣтникъ *Хараджаевъ*—вновь, почетнымъ попечителемъ Маріупольской гимназіи, согласно избранію, на три года.

Увольняются отъ службы: директоръ Царицынской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Третьяковъ*, съ 1-го августа, за выслугою срока; согласно прошенію, директоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, тайный совѣтникъ *Аристовъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Псковской гимназіи, дѣй-

ствительный статскій совѣтникъ *Щепинскій*, съ 15-го іюля, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

V. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать нижепоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, орденами: *святаго равноапостольнаго князя Владиміра четвертой степени*, почетнаго смотрителя Нижегородскаго трехкласснаго городского училища, потомственнаго почетнаго гражданина Михаила *Каменскаго; святыя Анны второй степени*, члена совѣта и завѣдывающаго хозяйствомъ С.-Петербургской безплатной двухклассной имени Комисарова-Костромскаго школы, потомственнаго почетнаго гражданина Алексѣя *Картаева* и *святаго Станислава второй степени*: почетнаго попечителя Бакинскаго низшаго химико и механико-техническаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина, первой гильдіи купца *Гаджи-Зейналъ Абдина Тагіева* и почетнаго блюстителя третьей Ташкентской русско-туземной школы, сарта Мухамедъ Мухитдина Ходжа Хакима Ходжа Ишана *Колянова* и *третьей степени*: учителя-завѣдывающаго Одесскимъ новослободскимъ № 70 народнымъ училищемъ, отставного коллежскаго ассессора Ивана *Сафонова* и предсѣдателя попечительнаго совѣта Ставропольской Ольгинской женской гимназіи, отставнаго губернскаго секретаря Павла *Извощикова*.

Государь Императоръ, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе къ 6-му мая сего года, ученика Житомирской первой мужской гимназіи Николая *Чечета*, за совершонный имъ подвигъ человѣколюбія, *серебряною медалью, съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“, для ношенія въ петлицѣ, на Владимірской лентѣ.*

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, на 6-е мая сего года, *медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ: золотыми на лентахъ:*

Андреевской — почетный попечитель Архангельской гимназіи, второй гильдіи купецъ Александръ *Починковъ; Александровской* — почетный смотритель Акмолинскаго трехкласснаго городского училища, второй гильдіи купецъ Матвѣй *Кубринъ*; *Владимірской*: потомственные почетные граждане: дѣйствительный членъ Троицко-Савско-Кяхтинскаго отдѣленія и восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества Георгій *Осокинъ* и почетный блюститель 1-го Ташкентскаго русско-туземнаго училища, сартъ Сеидъ-Каримъ-Сеидъ *Азимбаевъ*, почетный попечитель Асхабадской мужской прогимназіи, первой гильдіи купецъ Александръ *Епифановъ* и попечитель Стерлитамакскаго 3-го городского начальнаго народнаго училища, купецъ Алексѣй *Кузнецовъ*; *Аннинской*: личные почетные граждане: вольнонаемные писцы: департамента народнаго просвѣщенія Николай *Васильевъ* и канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Александръ *Махаевъ* и печатникъ литографіи департамента народнаго просвѣщенія Степанъ *Григорьевъ* и членъ попечительнаго совѣта Одесскаго еврейскаго сиротскаго дома и однокласснаго при немъ училища, второй гильдіи купецъ Моисей *Рабиновичъ*, и *Станиславской*: потомственные почетные граждане: вольнонаемный писецъ при канцеляріи технологическаго института Николая I Θедоръ *Шаховцовъ*, магазинъ-вахтеръ механическихъ мастерскихъ того же института Константинъ *Прокофьевъ* и предсѣдатель и казначей попечительнаго совѣта Измаильской женской гимназіи Василій *Филиппов*ъ, личные почетные граждане: завѣдывающіе двухклассными училищами: Бѣлоцерковскимъ начальнымъ еврейскимъ, Васильковскаго уѣзда, Яковъ *Шиперовичъ* и Талабскимъ сельскимъ, Псковскаго уѣзда, Михаилъ *Горшечниковъ*, потомственные почетные граждане: учителя училищъ: Купавинскаго при Докторскомъ заводѣ начальнаго народнаго, Богородскаго уѣзда, Илья *Бѣляевъ*, Тарусовскаго сельскаго народнаго, Дмитровскаго уѣзда, Гавріилъ *Кореневскій* и Анатольевскаго 1-го земскаго народнаго, Одесскаго уѣзда, Петръ *Ульяновъ*; личные почетные граждане, учителя училищъ: Быбинскаго 3-го мужскаго начальнаго городского Иванъ *Виноградовъ* и начальныхъ: при Псковской учительской семинаріи Алексѣй *Тепляковъ*, Загорскаго, Псковскаго уѣзда, Дмитрій *Рѣпкинъ* и Бежаницкаго, Новоржевскаго уѣзда, Дмитрій *Дедюхинъ* и Раменскаго начальнаго народнаго, Бронницкаго уѣзда, Θедоръ *Преображенскій*, учителя училищъ: Рождественскаго начальнаго, Опочецкаго уѣзда, сынъ священника Павелъ *Танаевъ*, Качановскаго начальнаго народнаго, Литинскаго уѣзда, сынъ священника Ипполитъ *Трофимо-*

вичъ, Великосельскаго двухкласснаго, Ярославскаго уѣзда, изъ духовнаго званія Николай *Кутузовъ*, Давыдковскаго двухкласснаго, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, изъ духовнаго званія Алексѣй *Ширяевъ*, Рыбинскаго 4-го начальнаго городского, изъ духовнаго званія Александръ *Солонцевъ* и Кулебакскаго сельскаго начальнаго, Ардатовскаго уѣзда, сынъ священника Порфирій *Щегловъ*; личные почетные граждане: вольнонаемный писецъ департамента народнаго просвѣщенія Дмитрій *Ивановъ*, учитель пѣнія Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища и женской гимназіи Иванъ *Великосельскій*, швейцаръ департамента народнаго просвѣщенія Николай *Степановъ*, фельдшеръ, по найму, при технологическомъ институтѣ Императора Николая I Ѳедоръ *Логиновъ*, фельдшеръ при пансіонѣ С.-Петербургской третьей гимназіи Владиміръ *Никитинъ*, старшій служитель при домахъ департамента народнаго просвѣщенія Алексѣй *Коршуновъ* и швейцаръ при С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ Михаилъ *Галкинъ*, второй гильдіи купцы: староста церкви при пансіонѣ Пермской гимназіи Александръ *Алинъ*, товарищъ предсѣдателя попечительства Ташкентскаго ремесленнаго училища Николай *Федоровъ*, членъ попечительнаго совѣта Каинской женской прогимназіи Николай *Ерофѣевъ*, почетный блюститель Омскаго Крестовоздвиженскаго мужскаго приходскаго училища Михаилъ *Замараевъ* и попечитель Бахмутскаго общественнаго еврейскаго училища Миронъ *Заславскій*; учителя училищъ: Великолуцкаго приходскаго, изъ мѣщанъ Гавріилъ *Кужелевъ* и Псковскаго Александровскаго Петровско-Посадскаго, сынъ оставного унтеръ-офицера Модестъ *Брадисъ*, бывшій швейцаръ при Ставропольской Ольгинской женской гимназіи, гренадеръ 2-й статьи Матвѣй *Есауленко*, бывшій служитель Московской 5-ой гимназіи, отставной фельдфебель Матвѣй *Климовъ* и строитель Горбатовскаго приходскаго женскаго училища, мѣщанинъ Василій *Орѣховъ* и *серебряными на лентахъ: Александровской*—служитель технологическаго института Императора Николая I, отставной артиллерійскій счетчикъ 4-го класса Филиппъ *Акимовъ; Владимірской*: письмоводитель экономъ Закавказской учительской семинаріи, отставной унтеръ-офицеръ Левъ *Голубятниковъ*, швейцаръ при технологическомъ институтѣ Императора Николая I, отставной старшій музыкантъ Матвѣй *Орловъ* и служитель того же института, отставной старшій унтеръ-офицеръ Петръ *Золотовъ; Анниnской:* Красноуфимскій второй гильдіи купецъ Ѳадѣй *Мальковъ*, оставные старшіе унтеръ-офицеры: разсыльный Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Импе-

раторскомъ Московскомъ университетѣ Андрей *Уткинъ* и служитель Императорскаго Московскаго университета Николай *Ивановъ*, служители технологическаго института Императора Николая I младшій медицинскій фельдшеръ Захаръ *Артемовъ* и музыкантъ унтеръ-офицерскаго званія Томасъ *Караско*, швейцаръ при музеѣ того же института отставной унтеръ-офицеръ Изотъ *Ляхъ* и почетный блюститель Старо-Чиназскаго русско-туземнаго училища киргизъ Аллаяръ *Бахтыуразовъ*, и *Станиславской:* служитель Императорскаго Московскаго университета, потомственный почетный гражданинъ Евгеній *Понятскій*, личные почетные граждане: членъ отъ правительства попечительства Ташкентскаго ремесленнаго училища Александръ *Мелковскій* и почетный блюститель Выѣздно-Слободскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища Сергѣй *Жевакинъ*, второй гильдіи купцы: почетный смотритель Демянскаго трехкласснаго городского училища Николай *Трюшневъ*, предсѣдатель попечительнаго совѣта Курганской Александровской женской прогимназіи Иванъ *Меньшиковъ* и попечитель Весело-Ивановскаго начальнаго народнаго училища, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Василій *Тищенко*; учитель-завѣдывающій Кондинскимъ одноклассньмъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ Иванъ *Соловьевъ*, завѣдывающій Очерскимъ двухклассньмъ училищемъ, Оханскаго уѣзда, Яковъ *Филатовъ*, учителя училищъ приходскихъ: Великолуцкаго Иванъ *Звѣревъ* и Иванъ *Звонаревъ* и Псковскаго Сергѣй *Губаревъ*, начальныхъ народныхъ: Очерскаго Василій *Чебыкинъ* и Басмановскаго, Шадринскаго уѣзда, Василій *Иртеговъ* и сельскихъ начальныхъ народныхъ, Дмитровскаго уѣзда Озерецкаго Михаилъ *Синельщиковъ* и Синьковскаго Григорій *Чванкинъ*, попечитель Племенскаго начальнаго народнаго училища, Порховскаго уѣзда, временный купецъ Андрей *Бычковъ*, служитель технологическаго института Императора Николая I, запасный старшій фейерверкеръ Осипъ *Шахрай*, Императорскаго Томскаго университета, уволенный изъ запаса въ ополченіе младшій фейерверкеръ Кириллъ *Мурзинъ* и пансіона гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, отставной младшій фейерверкеръ Денисъ *Спиридоновъ*, разсыльный при канцеляріи С.-Петербургской восьмой гимназіи, младшій фейерверкеръ Михаилъ *Семеновъ;* служителя: канцеляріи попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа отставной унтеръ-офицеръ Моисей *Мануиловъ*, Императорскихъ университетовъ: Московскаго: отставной ветеринарный фельдшеръ Егоръ *Герасимовъ*, запасный писарь старшаго разряда Павелъ *Сарычевъ-Кулешовъ* и за-

пасный старшій унтеръ-офицеръ Дмитрій *Дворянковъ,* и Юрьевскаго, отставной старшій аптечный фельдшеръ Давидъ *Канукене,* технологическаго института Императора Николая I отставные унтеръ-офицеры: Игнатій *Мелетіевъ* и Филимонъ *Алексѣевъ* и запасный старшій унтеръ-офицеръ Егоръ *Марковъ* и при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ ,отставной младшій унтеръ-офицеръ Дмитрій *Власовъ,* швейцаръ того же института отставной унтеръ-офицеръ Михаилъ *Шевелевъ,* служитель Каменецъ-Подольской гимназіи, отставной унтеръ-офицеръ Аввакумъ *Шастъ* и почетный блюститель Атбасарскаго мужскаго начальнаго училища, Акмолинской области казакъ Степанъ *Бѣловъ, и для ношенія на груди: золотыми на лентахъ: Аннинской:* начальница частной женской гимназіи М. Ѳ. Калайдовичъ Марія *Калайдовичъ,* преподавательница частной женской гимназіи Е. Е. Констанъ въ Москвѣ Лидія *Александрова,* учительница частной женской гимназіи Калайдовичъ въ Москвѣ Клавдія *Шабалина,* классная надзирательница частной женской гимназіи Е. Е. Констанъ въ Москвѣ Антонина *Вольтановская*; начальницы женскихъ прогимназій: Трубчевской Анна *Семичева,* Вытегорской Вѣра *Иванова* и Старорусской Евгенія *Магнусъ;* учительницы женскихъ прогимназій: Гори Анастасіинской Ольга *Гоглигидзе* и Трубчевской Марія *Булашевичъ;* содержательницы частныхъ учебныхъ заведеній 3-го разряда въ С.-Петербургѣ: Варвара *Мельхиседекова* и Елена *Бараніусъ,* почетная блюстительница Валдайскаго Александровскаго двухкласснаго женскаго училища Ольга *Кншвицкая,* попечительницы училищъ: Псковскаго Ольгинскаго женскаго приходскаго Марія *Красовская* и Дубровскаго начальнаго народнаго, Порховскаго уѣзда, Александра *Протопопова*, учительница Псковскаго евангелическо-лютеранскаго частнаго женскаго училища Евгенія *Раухъ,* классная дама частной женской гимназіи Лохвицкой-Скалонъ въ С.-Петербургѣ Юлія *Шмидъ,* учительницы училищъ Псковскаго Ольгинскаго приходскаго женскаго Аріанда *Де-Барани* и Кудровскаго начальнаго, Островскаго уѣзда, Антонина *Бѣльская,* жена коллежскаго совѣтника, имѣющая свидѣтельство на званіе домашней учительницы Инна *Ковалевская,* учредительница и содержательница Воскресенскаго заводскаго училища, Стерлитамакскаго уѣзда, Александра *Пашкова* и почетная блюстительница Омскихъ Крестовоздвиженскаго и Смѣннаго женскихъ приходскихъ училищъ Елисавета *Кабанова* и *Станиславской*: учительница Трубчевской женской прогимназіи Юлія *Покровская,* начальница Переславской женской прогимназіи Надежда *Никонова,* классная надзирательница частной женской

гимназіи М. Ѳ. Калайдовичъ въ Москвѣ Елена *Страздасъ*, начальница Рыбинской Маріинской женской гимназіи Елисавета *Малова*, преподавательница той же гимназіи Ольга *Соколова*, начальница частной женской гимназіи Пуссель въ Москвѣ Марія *Пуссель*, почетная блюстительница Каменскаго сельскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Новоторжскаго уѣзда, потомственная почетная гражданка Юлія *Кувшинова*; учительницы училищъ: Севастопольскаго народнаго, Ирина *Грекулова* и сельскихъ начальныхъ народныхъ: Дмитровскаго уѣзда Деденевскаго Евдокія *Попова*, Васильевскаго, Евдокія *Порывкина* и Ильинскаго, Анна *Порывкина* и Александровскаго начальнаго народнаго въ городѣ Твери, Ольга *Воронина*, попечительницы Вытегорской женской прогимназіи, вдова купца Евдокія *Матвѣева* и Сомовскаго женскаго начальнаго училища въ гор. Твери, жена второй гильдіи купца Антонина *Шкваркина*, почетная блюстительница Акмолинскаго женскаго приходскаго училища, вдова купеческаго сына Евгенія *Хлѣбникова*, завѣдывающая Толковскимъ одноклассньмъ сельскимъ училищемъ, Островскаго уѣзда, Лидія *Ладынина*; учительницы приходскихъ училищъ: Островскаго мужскаго Аполлинарія *Карузина* и Торопецкаго женскаго, Елисавета *Харинская*, швейцаръ при церковной лѣстницѣ технологическаго института Императора Николая I, мѣщанинъ Борисъ *Козловъ*, капельмейстеръ при Закавказской учительской семинаріи, мѣщанинъ Ааронъ-Моисей *Пеккеръ* и попечитель Верховскаго начальнаго училища, Порѣчскаго уѣзда, крестьянинъ Онуфрій *Багрецовъ* и *серебряными на лентахъ: Аннинской:* учительница рукодѣлія частной женской гимназіи Лохвицкой-Скалонъ, въ С.-Петербургѣ, Вѣра *Любичъ-Давидовичъ*, классная надзирательница частной женской гимназіи Е. Е. Констанъ, въ Москвѣ, Алиса *Дидерихсенъ*; второй гильдіи купцы: почетные блюстители училищъ: Приближенскаго станичнаго, Петръ *Юхневичъ* и Владикавказскаго Константиновскаго приходскаго, Богданъ *Казаровъ* и членъ попечительнаго совѣта Тарской женской прогимназіи Левъ *Глизманъ*, попечительница Великолуцкаго женскаго приходскаго училища, жена купца Марія *Баженова*, буфетчикъ при столовой пансіона Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, мѣщанинъ Кузьма *Осиповъ*, попечитель Монастырскаго начальнаго народнаго училища, Верхотурскаго уѣзда, мѣщанинъ Михаилъ *Спиридоновъ*, тифлисскій гражданинъ Симонъ *Абуладзе*, повивальная бабка акушерско-гинекологической клиники Императорскаго Юрьевскаго университета, изъ мѣщанъ Гильда *Умблія*, сторожъ канцеляріи совѣта того же университета, изъ мѣщанъ Алексѣй *Тимо-*

феевъ, запасные бомбардиры: служитель при технологическомъ институтѣ Императора Николая I Антонъ *Буковскій* и служитель С.-Петербургской третьей гимназіи Петръ *Акуловъ*, старшій дядька при пансіонѣ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, отставной рядовой Михаилъ *Савельевъ*, служитель при пансіонѣ С.-Петербургской третьей гимназіи, отставной рядовой Митрофанъ *Михайловъ*, вахтеръ С.-Петербургской шестой гимназіи, запасный рядовой Трофимъ *Прохорцевъ*, служитель Императорскаго Юрьевскаго университета, изъ крестьянъ Фридрихъ *Финкъ*, вахтеръ при технологическомъ институтѣ Императора Николая I, крестьянинъ Лукашъ *Буковскій*, служитель С.-Петербургской частной женской гимназіи Гедда, крестьянинъ Онисимъ *Корніенко*, поваръ при пансіонѣ С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища, крестьянинъ Өедоръ *Степановъ* и *Станиславской*: исправляющій обязанности мастера механическо-слесарной мастерской технологическаго института Императора Николая I, ремесленникъ Александръ *Николаевъ*, старшій машинистъ при томъ же институтѣ, мѣщанинъ Владиміръ *Кольцовъ*, столярный мастеръ при Закавказской учительской семинаріи, мѣщанинъ Михаилъ *Татіевъ*, учитель музыки Бердичевскаго двухкласснаго еврейскаго училища, мѣщанинъ Дувидъ *Бродецкій*, служитель канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, мѣщанинъ Иванъ *Гурьяновъ*, экономъ Владикавказскаго графа Лориса-Меликова ремесленнаго училища, мѣщанинъ Габо *Бочашвили*, швейцаръ при С.-Петербургской 8-й гимназіи, мѣщанинъ Николай *Тимоѳеевъ*, попечитель Гальцовскаго начальнаго училища, Переславскаго уѣзда, мѣщанинъ Алексѣй *Тимоѳеевъ*, служители Императорскаго Юрьевскаго университета изъ цеховыхъ Михель *Сирель* и отставной рядовой Карлъ *Пертъ* и при С.-Петербургской 3-й гимназіи, запасный рядовой Никита *Богдановъ*, разсыльный при канцеляріи той же гимназіи запасный рядовой Никита *Парѣевскій*, швейцаръ при Рязанской гимназіи, ратникъ ополченія 1-го разряда Федотъ *Васильевъ*, учитель слесарно-токарнаго ремесла при Бакинскомъ техническомъ училищѣ, крестьянинъ Махмудъ *Селимовъ*, служитель канцеляріи попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа, ратникъ ополченія Петръ *Деминъ*, швейцаръ при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, изъ крестьянъ Михаилъ *Викитремъ*; служителя: при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ: изъ крестьянъ Рудольфъ *Рейнвальдъ*, изъ крестьянъ Оскаръ *Рейнвальдъ*, и изъ крестьянъ Янъ *Саббракъ* и С.-Петербургскихъ гимназій: третьей: изъ крестьянъ Спиридонъ *Мокѣевъ* и изъ крестьянъ Андрей *Ковалевъ* и Ларинской, крестьянинъ Михаилъ *Осиповъ*, старшій сидѣльникъ клиники для

нервныхъ и душевныхъ болѣзней Императорскаго Юрьевскаго университета, изъ крестьянъ Андресъ *Гансонъ*, разсыльный при канцеляріи С.-Петербургской Ларинской гимназіи, крестьянинъ Иванъ *Петровъ*, поваръ при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, крестьянинъ Павелъ *Поляковъ*, буфетчикъ при пансіонѣ С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища, крестьянинъ Семенъ *Яковлевъ*, дворникъ при С.-Петербургской третьей гимназіи, крестьянинъ Егоръ *Григорьевъ*, вахтеръ Гатчинскаго реальнаго училища Императора Александра III, крестьянинъ Миронъ *Кузнецовъ*, попечители начальныхъ училищъ: Вашкинскаго, Переславскаго уѣзда, крестьянинъ Владиміръ *Князевъ*, Коншинскаго, крестьянинъ Иванъ *Митряшинъ* и Спировскаго, Корчевскаго уѣзда, крестьянинъ Яковъ *Марковъ*, садовникъ при С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ, крестьянинъ Василій *Никаноровъ*, служитель Тверскаго казеннаго начальнаго въ Москвѣ училища, крестьянинъ Сергѣй *Котовъ*, сидѣлка хирургической клиники Императорскаго Юрьевскаго университета, Кадри *Кяръ*, крестьянинъ села Дубовки, Ковельскаго уѣзда Степанъ *Борнеюкъ* и крестьянинъ села Эммаусъ, Тверскаго уѣзда, Евдокимъ *Синицынъ*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію, Всемилостивѣйше пожалованы, на 6-е мая сего года, *серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“ для ношенія на груди на Александровской лентѣ:* по С.-Петербургскому учебному округу: содержательница частнаго начальнаго училища 3-го разряда въ гор. Архангельскѣ, Вѣра *Селезнева*, помощникъ учителя Яренскаго городского приходскаго училища Петръ *Гулынинъ;* начальныхъ народныхъ училищъ: Грязовецкаго уѣзда: учитель Жерноковскаго, Ѳедоръ *Галанинъ* и учительницы: Черношингорскаго, Анна *Ретровская*, Кошкинскаго, Александра *Точиева*, Неванниковскаго, Елизавета *Товіева* и Степуринскаго, Анна *Скворцова;* Новгородскаго уѣзда: учителя училищъ: одноклассныхъ министерскихъ: Чудско-Борскаго, Владиміръ *Обоницкій* и Заволожскаго, Евфимъ *Григорьевъ,* начальныхъ народныхъ: Тютицкаго, Никита *Григорьевъ*, Волкинскаго, Степанъ *Козловъ*, Добросельскаго, Алексѣй *Михайловъ*, Прилуцкаго, Алексѣй *Константиновъ* и Ново-Николаевскаго нѣмецкаго, Антонъ *Каськъ*; учительницы училищъ: Знаменскаго, Екатерина *Лихачева*, Черновскаго, Вѣра *Быстрякова* и частнаго начальнаго въ гор. Новгородѣ, Марія *Сидорова;* учителя училищъ: Крестецкаго уѣзда: Ручьевскаго одноклассснаго министерскаго,

Михаилъ *Михайловъ* и Ляковскаго начальнаго Иванъ *Ясновидскій*; Старорусскаго уѣзда: учителя училищъ: одноклассныхъ министерскихъ: Палючскаго, Дмитрій *Павловъ* и Рамушевскаго, Алексѣй *Аксеновъ* и начальныхъ народныхъ: Спасительскаго, Николай *Ивановъ*, Астриловскаго, Илья *Сухановъ*, Цемянскаго, Дмитрій *Подосиновиковъ*, Коломскаго, Кузьма *Тихоновъ* и Подгорскаго, Дмитрій *Федулинъ*, учительница Должинскаго начальнаго народнаго училища Старорусскаго уѣзда, Ольга *Харламова;* учителя училищъ: одноклассныхъ министерскихъ Демянскаго уѣзда: Семеновскаго, Иванъ *Столяровъ* и Луженскаго, Михаилъ *Даниловъ,* начальныхъ народныхъ Боровичскаго уѣзда: Новоселицкаго, Николай *Горбачевъ* и Ануфріевскаго, Платонъ *Богдановъ* и Тихвинскаго городского приходскаго, Василій *Горбачевъ*, учительницы начальныхъ народныхъ училищъ: Устюженскаго уѣзда: Кузьминскаго, Марія *Тимофеева* и Перскаго, Анна *Яковцевская*, учителя училищъ: Кирилловскаго уѣзда: Волокославинскаго двухкласснаго министерскаго, Василій *Матросовъ* и начальныхъ народныхъ: Мущининскаго, Акиндинъ *Корыпаловъ*, Ниловицкаго, Алексѣй *Волковъ*, Уломскаго Николай *Покровскій*, Курдюжскаго, Яковъ *Старостинъ* и Удажскаго, Кириллъ *Ивановъ*; учительницы училищъ: Кирилловскаго приходскаго женскаго, Марія *Ѳоменко* и начальныхъ народныхъ: Каликинскаго, Вѣра *Щеглова*, Кузинскаго, Марія *Колкачская* и Покровскаго, Анна *Хвалынская;* учителя училищъ: приходскихъ: Крохинскаго, Бѣлозерскаго уѣзда, Павелъ *Сорокинъ* и Псковскаго, Василій *Стехновскій*, министерскихъ двухклассныхъ: Бѣлозерскаго уѣзда, Антушевскаго, Семенъ *Власовъ* и Тимонинскаго, Григорій *Уткинъ* и одноклассныхъ: Волково-Хилетскаго, Бѣлозерскаго уѣзда, Василій *Добронравовъ* и Островскаго, Иванъ *Ѳедоровъ* и начальныхъ народныхъ: Бѣлозерскаго уѣзда: Погорѣльскаго, Андрей *Митусовъ*, Георгіевскаго, Егоръ *Ивановъ,* Сорскаго, Ѳедоръ *Константиновъ*, Солмасскаго, Владиміръ *Рухманъ*, Колатемскаго, Алексѣй *Акининъ* и Желобовскаго, Прокопій *Кузнецовъ;* Островскаго уѣзда, Перетесскаго, Семенъ *Крекшинскій,* Крекшинскаго, Алексѣй *Михайловъ* и Дубецкаго Сергѣй *Шевтановъ*, Лосевскаго, Великолуцкаго уѣзда, Павелъ *Князевъ*; Псковскаго уѣзда: Верхнемостскаго, Василій *Корнильевъ,* Неключскаго, Александръ *Ивановъ,* Сторонейскаго, Петръ *Болбуковъ* и Щесприцкаго, Григорій *Ѳедоровъ*, Черницкаго, Опочецкаго уѣзда, Василій *Смирновъ* и Чихачевскаго, Новоржевскаго уѣзда, Иванъ *Костинъ* и учительницы начальныхъ народныхъ училищъ: Островскаго уѣзда: Горявскаго, Марія *Картышева*, Вытегородецкаго, Ольга *Левковичъ* и Брицевскаго,

Марія *Владимірская*, Великолуцкаго уѣзда: Михайловскаго, Анна *Митрофанова*, Вязевскаго, Надежда *Ястремская* и Красногородскаго, Зинаида *Затеплинская*, Псковскаго уѣзда, Дуловскаго, Ольга *Мусатъ* и Обижскаго, Наталія *Евдокимова*, и Опочецкаго уѣзда: Утретскаго, Елена *Петрова*, Репровскаго, Наталія *Прощаницкая* и Габановскаго, Евдокія *Затеплинская*; по Московскому учебному округу: учительницы: частной женской гимназіи М. Ѳ. Калайдовичъ, въ Москвѣ, Эмма *Гольце*, учительница Переславской женской прогимназіи Марія *Любимова*, преподавательница частной женской гимназіи Е. Е. Констанъ, въ Москвѣ, Евгенія *Машкова*, учителя училищъ: Коломенскаго 4-го городского начальнаго, Иванъ *Хлѣбниковъ*, сельскихъ начальныхъ народныхъ: Коломенскаго уѣзда, Алешковскаго, Алексѣй *Гришановъ*, Ачкасовскаго, Николай *Знаменскій*, Бѣлоколодезскаго мужскаго, Сергѣй *Осиповъ*, Воскресенскаго, Петръ *Смирновъ*, Горскаго мужскаго, Александръ *Смирновъ*, Малинскаго мужскаго, Сергѣй *Павловъ*, Непецинскаго, Сергѣй *Величкинъ*, Пестриковскаго, Леонидъ *Успенскій*, Старо-Голутвинскаго, Николай *Крыловъ* и Суковскаго, Левъ *Смоленскій* и Горскаго мужскаго начальнаго народнаго, Коломенскаго уѣзда, Александръ *Соколовъ* и учительницы сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ: Коломенскаго уѣзда: Акатьевскаго, Ираида *Васильева*, Бѣлоколодезскаго мужскаго, Елизавета *Осипова*, Карасевскаго, Анна *Лыкова*, Лысцевскаго: Варвара *Корноухова* и Клавдія *Парусникова*, Малинскаго женскаго, Марія *Соколова*, Петриковскаго: Прасковья *Успенская* и Екатерина *Смирнова*, Семеновскаго 1-го, Варвара *Торопова* и Шкинскаго, Анна *Петрова*; по Казанскому учебному округу: учителя училищъ: Симбирскаго приходскаго мужскаго 2-хъ класснаго, Алексѣй *Соколовъ* и сельскихъ народныхъ: Сенгилеевскаго уѣзда Новодѣвиченскаго 2-хъ класснаго, Иванъ *Шепелевъ* и Лукинскаго одноклассснаго, Алексѣй *Новинскій*, Самарскаго уѣзда: Красноярскаго 2-хъ класснаго, Николай *Бушуевъ*, Старо-Буянскаго, Никита *Рыскинъ*, Лопатинскаго, Николай *Маловскій*, Кобельминскаго, Алексѣй *Ѳедоровъ*, Владимірскаго, Николай *Сакулинъ*, Березово-Гайскаго, Василій *Балясниковъ* и Ново-Семайкинскаго, Ѳедоръ *Шляковъ*; Николаевскаго уѣзда: Березовскаго 2-хъ класснаго, Павелъ *Ипполитовъ*, Николаевскаго, Николай *Соколовъ* и Семеновскаго, Михаилъ *Ивановъ* и Ставропольскаго уѣзда: Крестово-Городищенскаго, Иванъ *Николаевъ* и Тургеневскаго, Иванъ *Сергіевскій*, учительницы приходскихъ училищъ въ гор. Самарѣ, I смѣшаннаго, Пелагея *Алмаева*, II мужскаго, Татьяна *Соловьева* и Марія *Савицкая*, VI женскаго, Марія *Лохвицкая*, VII женскаго, На-

дежда *Кудряшева* и VII мужскаго, Анна *Сильверстова*, учительница школы приказчиковъ въ гор. Самарѣ, Марія *Европеусъ* и учительницы сельскихъ народныхъ училищъ: Самарскаго уѣзда, Степно-Шенталинскаго, Анна *Гришева*, Спасскаго, имени Ю. Ѳ. Самарина, Людмила *Кильдюшевская*, Шламскаго, Евдокія *Скороходова*, Криволукскаго, Дарья *Безрукова*, Краснодомскаго, Екатерина *Дурицина*, Чернорѣченскаго, Наталья *Ѳомина*, Смышляевскаго, Екатерина *Клячина*, Преображенскаго, Варвара *Миропьдова*, Мало-Чесноковскаго, Варвара *Евстафьева*, Ново-Костычевскаго женскаго, Степанида *Мичурина*, Царевщинскаго, Прасковья *Багратіонова* и Черновскаго, Марія *Чернышева* и Ставропольскаго уѣзда: Архангельскаго, Антонина *Покровская*, Васильевскаго, Марія *Майнская*, Благовѣщенско-Сусканскаго, Матрена *Мочалкина* и Суходольскаго, Анна *Наумова*; по Оренбургскому учебному округу: учительница Пермской женской гимназіи, Евгенія *Сенюшкина*, учителя начальныхъ народныхъ училищъ, Верхъ-Мичкинскаго, Кунгурскаго уѣзда, Николай *Грязныхъ* и Таборскаго, Оханскаго уѣзда, Федоръ *Замятинъ*, вѣроучитель Тургайскаго 2-хъ-класснаго русско-киргизскаго училища Мухамедъ-яръ *Балимбаевъ*, начальница Нижнетагильской Павло-Анатоліевской женской прогимназіи Людмила *Кларкъ*, учительницы училищъ: Пытвенскаго 2-хъ класснаго, Оханскаго уѣзда Анна *Гоголинская* и начальныхъ народныхъ: Мугайскаго, Верхотурскаго уѣзда, Екатерина *Бѣлова* и женскихъ, Красноуфимскаго уѣзда: Бымовскаго, Агнія *Кречетова* и Ершовскаго, Надежда *Басанова* и помощницы учительницы Дубровскаго училища, Оханскаго уѣзда Юлія *Пономарева* и Лидія *Тронина*; по Харьковскому учебному округу: учителя училищъ: начальныхъ народныхъ: Инсарскаго уѣзда: Шуваровскаго, Доримедонтъ *Рязанцевъ*, Лемдяйско-Майданскаго, Петръ *Романовъ* и Сіялѣевско-Пятинскаго, Александръ *Крыловъ*, Подлѣсно-Тавлинскаго сельскаго, Саранскаго уѣзда, Иларіонъ *Козловъ*, Саранскаго городского начальнаго народнаго, Владиміръ *Полянскій* и приходскихъ: Березовскаго, Михаилъ *Селиверстовъ* и Донской области, Арженевскаго, Филиппъ *Ларинъ* и Безпаловскаго, Игнатій *Овчинниковъ*, учительница Филоновскаго женскаго училища 3-го разряда, Донской области, Аполлинарія *Благовѣщенская* и бывшая учительница Николаевскаго сельскаго начальнаго училища, Саранскаго уѣзда, Анна *Благоданова*; по Одесскому учебному округу: учителя завѣдывающіе училищами: Симферопольскимъ татарскимъ одноклассньшъ, министерства народнаго просвѣщенія, Ибраимъ *Шейхъ-Аметовъ* и Юзовскимъ заводскимъ начальнымъ, Бахмутскаго уѣзда, Феофилъ *Морозъ*, учителя училищъ:

Ново-Васильевскаго 2-го народнаго, Бердянскаго уѣзда, Александръ *Рафаиловъ,* начальныхъ народныхъ, Павлоградскаго уѣзда, Богуславскаго, Андрей *Бурмаковъ* и Дмитріевскаго, Михаилъ *Кильчинскій,* Доманевскаго земскаго народнаго, Ананьевскаго уѣзда, Филиппъ *Поповъ,* Новостародубскаго земскаго одноклассного народнаго, Александрійскаго уѣзда Яковъ *Котляровъ,* Нейзацкаго центральнаго, Симферопольскаго уѣзда, Фридрихъ *Штейнвандъ,* Клясницкаго нѣмецкаго церковно-приходскаго, Аккерманскаго уѣзда, Генрихъ *Вагнеръ,* Одесскаго 2-го еврейскаго начальнаго 2-хъ класснаго, Израиль *Цырлинъ* и частныхъ еврейскихъ мужскихъ, 3-го разряда, въ гор. Одессѣ: содержимаго И. Сиваковымъ, Лейба *Роберманъ,* содержимаго Б. Левинымъ, Иванъ *Подкаминеръ,* содержимаго Б. Болухеръ, Маркъ *Гройнимъ*; учительницы училищъ: начальныхъ народныхъ: Павлоградскаго уѣзда: Михайловскаго, Глафира *Запорожская,* Васильевскаго женскаго Варвара *Оканева* и Каховскаго, Елена *Торгашева* и Калиновскаго, Бахмутскаго уѣзда, Надежда *Говорова,* Карасубазарскаго 2-хъ класснаго приходскаго женскаго, Симферопольскаго уѣзда, Вѣра *Чакирова,* Каменскаго сельскаго одноклассного министерства народнаго просвѣщенія, Бѣлецкаго уѣзда, Екатерина *Болдыренко,* земскихъ одноклассныхъ народныхъ, Александрійскаго уѣзда: Глинскаго Іуліанія *Сухорукова* и Николаевскаго, Елена *Заволюкъ* и двухкласснаго при станціи „Гришино" Екатерининской желѣзной дороги, Бахмутскаго уѣзда, Акилина *Бѣлинская* и помощницы учителей одноклассныхъ народныхъ училищъ, Александрійскаго уѣзда: Павлынскаго земскаго, Марія *Черненко* и Диковскаго женскаго, Домникія *Куренная*; по Кіевскому учебному округу: учителя училищъ начальныхъ народныхъ: Кролевецкаго уѣзда: Карыльскаго, Аѳанасій *Дзюба* и Пакошичскаго, Алексѣй *Кролевецкій,* Тывровскаго, Винницкаго уѣзда, Алексѣй *Китновскій,* Литинскаго уѣзда: Березнянскаго, Ѳедоръ *Баржицкій* и Мазуровскаго Сергѣй *Сорочинскій,* Ярмолинецкаго, Проскуровскаго уѣзда, Иванъ *Недзельскій,* Баговицкаго, Каменецкаго уѣзда, Николай *Инфимовскій,* Лебединскаго, Чигиринскаго уѣзда, Флоръ *Тарновскій,* Засульскаго, Роменскаго уѣзда, Николай *Рублевскій* и Берестовскаго, Гадячскаго уѣзда, Михаилъ *Иваненко* и Смѣлянскаго двухкласснаго сельскаго, Роменскаго уѣзда, Иванъ *Букшованый;* учительницы училищъ: начальныхъ народныхъ: Козацкаго, Козелецкаго уѣзда, Раиса *Раевская,* Зѣньковскаго уѣзда: Камышевскаго, Дарья *Кошельникова,* Куземинскаго, Александра *Стефановичъ,* Малопавловскаго, Дарія *Кропшина,* Опошнянскаго, Любовь *Кричевская* и Ступскаго, Екатерина *Манджосъ*

и Сарскаго 1-го, Гадячскаго уѣзда, Анастасія *Мартиновичъ* и Лютеньскаго двухкласснаго сельскаго того же уѣзда, Анастасія *Сѣчинова;* по Рижскому учебному округу: учитель-завѣдывающій Кольскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ Антоній *Кяркъ,* учителя училищъ: Нейенгофскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія Иванъ *Соо* и Анніяскаго волостнаго Томасъ *Штейнъ;* учителя-завѣдывающіе училищами: начальнымъ для дѣтей рабочихъ при Лигатской писчебумажной фабрикѣ въ мѣстечкѣ Лигатъ, Рижскаго уѣзда, Георгій *Гутманъ* и Раугескимъ евангелическо-лютеранскимъ приходскимъ Адольфъ *Ассоръ*; учителя волостныхъ школъ, Рижскаго уѣзда: Биринской, Антонъ *Бебрисъ* и Кокенгузенской, Петръ *Малта,* учителя училищъ: Роденпойскаго приходскаго, Рижскаго уѣзда, Авщетъ *Гуссманъ* и евангелическо-лютеранскихъ: Нейгаузенскаго приходскаго, Александръ *Ундрицъ* и Раугескаго, Гансъ *Лейсонъ* и начальница Верроскаго женскаго городского училища 2-го разряда Жозефина *Петерсонъ;* по Кавказскому учебному округу: завѣдывающіе училищами: Червленскимъ двухкласснымъ Георгій *Ткачевъ,* Карабулакскимъ станичнымъ, Петръ *Дытынковскій* и Аксаевскимъ сельскимъ приходскимъ, Петръ *Осетровъ,* учитель Слѣпцовскаго двухкласснаго станичнаго училища, Ѳедоръ *Буравцевъ,* учительница Ставропольской Ольгинской женской гимназіи Людмила *Горшкова* и учительница приготовительнаго класса Бакинской Маріинской женской гимназіи Александра *Милянская;* по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя Омскихъ мужскихъ городскихъ приходскихъ училищъ, Воскресенскаго, Никандръ *Медвѣдевъ* и Никольскаго, Александръ *Степановъ* и по Приамурскому краю, учительница Хабаровскаго Алексѣевскаго приходскаго училища, Дарья *Шибанова.*

VI. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (21-го іюня 1902 года, за № 18303). *Циркулярное предложеніе министерства отъ 21-го минувшаго іюня за № 18303, съ разъясненіемъ установленныхъ циркулярнымъ предложеніемъ министерства отъ 5-го іюня 1899 года за № 13249 правилъ соблюденія учениками порядка и приличія внѣ стѣнъ учебнаго заведенія.*

Разсмотрѣвъ доставленные начальствами учебныхъ округовъ отзывы на циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ

14-го апрѣля 1901 г., за № 10707, а также заключеніе ученаго комитета министерства по возбужденному однимъ изъ гг. попечителей вопросу о мѣрахъ къ тому, чтобы надзоръ за учениками среднихъ учебныхъ заведеній, увольняемыми на каникулярное время въ предѣлы другихъ учебныхъ округовъ, возможно лучше достигалъ своей цѣли,— я признаю цѣлесообразнымъ разъяснить установленныя циркулярнымъ предложеніемъ министерства отъ 5-го іюня 1899 г., за № 13249, правила о соблюденіи учениками порядка и приличія внѣ стѣнъ учебнаго заведенія нижеслѣдующимъ образомъ:

1) Наблюденіе въ вакаціонное время за поведеніемъ внѣ дома учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній и принятіе соотвѣтственныхъ мѣръ, въ случаяхъ нарушенія учениками установленныхъ для нихъ правилъ или вообще совершенія ими какихъ-либо предосудительныхъ поступковъ, составляютъ право лишь тѣхъ лицъ, служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія, которыя состоятъ членами педагогическихъ совѣтовъ означенныхъ заведеній.

2) Наблюденіе въ вакаціонное время за поведеніемъ внѣ дома учениковъ распространяется и на воспитанниковъ низшихъ учебныхъ заведеній, когда для сихъ воспитанниковъ установлена форменная одежда. Наблюденіе это присвоивается ближайшимъ образомъ учащимъ въ подобныхъ заведеніяхъ, но право на таковое имѣютъ также служащіе, означенные въ предыдущемъ пунктѣ.

3) Начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній вмѣняется въ неуклонную обязанность снабжать всѣхъ учащихся, уѣзжающихъ на каникулярное время, отпускными билетами съ обозначеніемъ мѣста отпуска и своевременно сообщать списки уволенныхъ въ отпускъ учениковъ, также съ обозначеніемъ мѣста отпуска, въ канцелярію попечителя учебнаго округа.

4) Наблюдателямъ предоставляется право регулировать, по возможности, посѣщеніе учащимися спектаклей, концертовъ, танцовальныхъ вечеровъ и другихъ увеселеній, съ воспрещеніемъ ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній выступать исполнителями на лѣтнихъ дачныхъ сценахъ.

При выборѣ лицъ, командируемыхъ въ такъ называемые курорты и дачныя мѣстности, для наблюденія за учениками, учебному начальству надлежитъ руководствоваться тѣмъ, что означенныя командировки должны быть возлагаемы только на лицъ, извѣстныхъ своимъ педагогическимъ тактомъ и своею любовью къ дѣтямъ.

Объ изложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходитель-

ство для зависящихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу.

2. (29-го іюля 1902 года, № 20058). *О пріемѣ въ высшія учебныя заведенія.*

Въ виду предстоящаго наступленія новаго академическаго года имѣю честь сообщить вашему превосходительству нижеслѣдующія распоряженія, покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, оповѣстить начальниковъ подвѣдомственныхъ вамъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній о подлежащихъ частяхъ настоящаго циркуляра.

1. Доставлявшіяся донынѣ ректорамъ университетовъ и директорамъ высшихъ спеціальныхъ заведеній секретныя характеристики соотвѣтственныхъ абитуріентовъ средней школы отмѣняются на будущее время. Окончившимъ же курсъ послѣдней воспитанникамъ, заявившимъ о желаніи поступить въ высшее учебное заведеніе министерства народнаго просвѣщенія, выдается впредь полная выписка изъ ихъ кондуита за послѣдніе три года ихъ пребыванія въ гимназіи или реальномъ училищѣ. Подавшій прошеніе о зачисленіи его въ студенты прилагаетъ означенную выписку къ документамъ, которые представляетъ въ университетъ или высшее спеціальное заведеніе. Въ настоящемъ году выписки, по изготовленіи ихъ, могутъ за позднимъ временемъ, быть непосредственно направлены начальствами среднихъ учебныхъ заведеній въ соотвѣтственныя высшія. Зачисляющее въ студенты начальство, не придавая рѣшающаго значенія сопоставленнымъ въ выпискѣ даннымъ, когда таковыя не повлекли за собой пониженія окончательной оцѣнки поведенія воспитанника, принимаетъ, однако, эти данныя въ соображеніе какъ при выясненіи предпочтительныхъ правъ того или другого лица на предоставленіе ему наличной студенческой вакансіи въ предѣлахъ положеннаго комплекта, такъ и, въ случаѣ состоявшагося пріема, при обсужденіи дисциплинарныхъ послѣдствій тѣхъ проступковъ, которые зачисленнымъ будутъ совершены въ бытность его студентомъ. Поступающій на 1-й курсъ долженъ быть предупрежденъ о томъ при его опредѣленіи въ высшее учебное заведеніе.

2. При замѣщеніи остающихся, въ предѣлахъ установленнаго комплекта, студенческихъ вакансій надлежитъ въ случаѣ равенства прочихъ условій отдавать предпочтеніе абитуріентамъ тѣхъ гимназій и реальныхъ училищъ, изъ которыхъ въ послѣдніе годы поступало въ

данное высшее учебное заведеніе сравнительно меньшее число лицъ, участвовавшихъ затѣмъ въ бытность студентами въ безпорядкахъ.

3. Установленныя для высшихъ учебныхъ заведеній комплектныя нормы не отмѣняются, въ виду тѣсноты помѣщеній, и на предстоящій академическій годъ. Однако, начальствамъ сихъ заведеній предоставляется, по соображеніи особливо уважительныхъ обстоятельствъ, принять до 10% сверхкомплектныхъ студентовъ на 1-й курсъ.

4. Въ виду исключительныхъ условій, при которыхъ будетъ въ наступающемъ учебномъ году производиться пріемъ студентовъ въ университетъ св. Владиміра, ректору сего университета предоставляется зачислить въ студенты 1-го курса сверхъ комплекта въ общемъ до 200 человѣкъ на всѣхъ факультетахъ.

5. Комплектъ для высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ разрѣшается довести въ наступающемъ учебномъ году до цифры 300 слушательницъ.

6. Относительно пріема лицъ іудейскаго исповѣданія возстанавливаются на предстоящій учебный годъ для Варшавскаго и Новороссійскаго университетовъ, а также для Рижскаго политехническаго института процентныя нормы, пониженныя распоряженіемъ 1901 года.

7. Процентъ лицъ іудейскаго исповѣданія, принимаемыхъ въ число студентовъ, разсчитывается во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по отношенію къ общему количеству вновь поступающихъ, а не самостоятельно для каждаго факультета или отдѣленія.

8. Окончившіе курсъ гимназій принимаются вообще и въ предстоящемъ учебномъ году въ тѣ университеты, которые соотвѣтствуютъ указаніямъ циркуляра отъ 5-го іюля 1899 г., за № 15773. Но преимущественное передъ инокружными абитуріентами право на зачисленіе въ студенты подлежащаго университета утрачивается воспитанниками мѣстныхъ гимназій, которые не подали прошенія ректору до 10-го августа. Остающіяся въ предѣлахъ комплекта вакансіи, а также сверхкомплектныя (п. 3 сего циркуляра) замѣщаются по истеченіи означеннаго срока ректоромъ даннаго университета безотносительно къ тому, въ гимназіи какого округа окончилъ курсъ подавшій прошеніе. Настоящее распоряженіе не распространяется на Варшавскій университетъ, въ которомъ къ пріему инокружныхъ абитуріентовъ продолжаютъ примѣняться прежнія правила. Въ университетъ св. Владиміра должны быть въ предстоящемъ учебномъ году принимаемы на 1-й курсъ только абитуріенты гимназій Кіевскаго учебнаго округа. Воспитанники гимназій Кавказскаго учебнаго округа могутъ

поэтому въ наступающемъ учебномъ году быть зачисляемы въ студенты 1-го курса въ Новороссійскій, Харьковскій и Казанскій университеты.

9. Обратный пріемъ въ высшее учебное заведеніе лицъ, уволенныхъ изъ него за участіе въ безпорядкахъ *безъ опредѣленія срока*, на который выдано увольнительное свидѣтельство, можетъ, подъ условіемъ утвержденія пріема попечителемъ учебнаго округа, быть допущенъ не ранѣе начала 1903—4 академическаго года правленіемъ университета или соотвѣтствующимъ правленію въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ учрежденіемъ. Прошенія о таковомъ обратномъ зачисленіи принимаются начальствами подлежащихъ заведеній къ разсмотрѣнію не ранѣе лѣта 1903 года.

10. Уволенные за участіе въ безпорядкахъ *на срокъ* принимаются обратно въ то высшее учебное заведеніе, отъ котораго получили увольнительное свидѣтельство, лишь по истеченіи назначеннаго срока и при наличности установленнаго документа о поведеніи за время, проведенное внѣ учебнаго заведенія.

11. Лица, уволенныя за участіе въ безпорядкахъ безъ запрещенія поступить въ *другое* учебное заведеніе, могутъ быть приняты въ таковое не ранѣе начала 1903—1904 учебнаго года.

12. Уволенные изъ университета св. Владиміра на основаніи п. 1 предварительнаго объявленія 12-го января 1902 года, въ случаѣ обратнаго зачисленія ихъ нынѣ на 1-й курсъ въ порядкѣ, указанномъ названнымъ объявленіемъ, могутъ, если пожелаютъ, приступить къ занятіямъ съ января 1903 года, буде имѣютъ уже зачетъ осенняго полугодія. Письменное заявленіе подается каждымъ изъ желающихъ не позднѣе 1-го сентября 1902 года. Означеннымъ правомъ могутъ, на тѣхъ же условіяхъ, воспользоваться студенты университета св. Владиміра, получившіе зачетъ третьяго семестра и оставленные затѣмъ на 2-й годъ на II курсѣ въ силу п. I предварительнаго объявленія.

13. Утвержденныя попечителемъ учебнаго округа постановленія правленій и другихъ соотвѣтствующихъ учрежденій по указаннымъ выше въ пунктахъ 10-мъ, 11-мъ и 12-мъ дѣламъ считаются окончательными.

Къ изложенному признаю нужнымъ присовокупить слѣдующее. Принимая во вниманіе, что съ одной стороны временныя правила 22-го декабря 1901 г. еще нигдѣ не введены въ дѣйствіе полностью, а введеніе ихъ было поставлено въ зависимость отъ возбужденія ходатайствъ, фактически не состоявшихся, съ другой же стороны, что съ изданіемъ сихъ временныхъ правилъ считались отмѣненными нѣ-

которыя статьи прежнихъ правилъ для студентовъ, вслѣдствіе чего остается неизвѣстнымъ, что является дѣйствующимъ правиломъ по цѣлому ряду такихъ вопросовъ, той или другой постановкой которыхъ обусловленъ надлежащій ходъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣю честь просить ваше превосходительство сообщить начальникамъ подвѣдомственныхъ вамъ высшихъ учебныхъ заведеній, что предположенія свои относительно наиболѣе цѣлесообразнаго выхода изъ сего затруднительнаго положенія я вношу на обсужденіе совѣщанія нѣкоторыхъ изъ гг. министровъ, коему съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по всеподданнѣйшему докладу моему, 27-го мая сего года, предоставлено проектировать, въ случаѣ надобности, правила, предполагающія видоизмѣненія Высочайше одобренныхъ, какъ временныя мѣры, въ истекшемъ году. Окончательныя распоряженія по сему вопросу будутъ сообщены въ ближайшемъ будущемъ, дабы въ самомъ началѣ учебнаго полугодія могли быть розданы студентамъ вновь напечатанныя въ измѣненной редакціи правила.

VII. ПОЛОЖЕНІЯ О СТИПЕНДІЯХЪ И ПРЕМІЯХЪ ПРИ ЗАВЕДЕНІЯХЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (24-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Виктора Александровича Петровскаго при Плесскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 г., утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Плесскомъ, Костромской губерніи, городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Виктора Александровича Петровскаго, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти* рублей, образовавшагося изъ добровольныхъ пожертвованій служащихъ въ Плесскихъ городскихъ мужскомъ и женскомъ училищахъ и плесскаго мѣщанина А. В. Кузнецова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Нерехтскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ

названнаго училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ избранныхъ стипендіатовъ, а остатокъ отъ процентовъ—на учебныя пособія тѣмъ же двумъ ученикамъ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣйшихъ, безъ различія происхожденія и сословія учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Плесскаго городского училища, которому предоставляется и право лишать стипендіатовъ стипендіи, но лишь въ случаѣ ихъ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Плесскаго городского, по положенію 31-го мая 1872 года, трехкласснаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго для употребленія по назначенію.

2. (8-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени купца Хрисаноа Георгіевича Федотова при Волчанскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Волчанскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ учреждается стипендія имени купца Хрисаноа Георгіевича Федотова, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ съ этою цѣлью капитала въ *двѣ тысячи* руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ четырехъ билетахъ внутренняго $4^1/_2\%$ займа 1893 года, хранится въ Волчанскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Волчанскаго городского училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются одному изъ бѣднѣйшихъ, православнаго вѣроисповѣданія,

учениковъ названнаго училища, уроженцу города Волчанска, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Волчанскаго городского училища.

§ 5. Въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіата педагогическому совѣту училища принадлежитъ право лишить его стипендіи и избрать другого ученика.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ сему капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (14-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей рижской мѣщанки Дарьи Никифоровны Перласовой при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II учреждается стипендія имени умершей рижской мѣщанки Дарьи Никифоровны Перласовой, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго ею съ этою цѣлью капитала въ *пятьсотъ* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Рижскаго городского училища Императрицы Екатерины II, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, при чемъ въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, педагогическій совѣтъ училища пріобрѣтаетъ вмѣсто нихъ новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ по закону 20-го мая 1885 года въ казну государственнаго сбора, выдаются избранному стипендіату.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ православнаго исповѣданія учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Рижскаго городского Императрицы Екатерины II училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ оному и, по мѣрѣ возможности, обращаются въ бумаги, указанныя въ § 2 сего положенія, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (20-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени иваново-вознесенской купеческой вдовы Маріи Михайловны Китаевой при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи* руб., завѣщаннаго иваново-вознесенской купеческой вдовой Маріей Михайловной Китаевой, учреждается при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, по 1.000 руб. каждое, хранится въ Иваново-Вознесенскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на взносъ платы за ученіе и другія надобности избраннаго стипендіата.

§ 4. Право избранія стипендіата, изъ числа бѣдныхъ учениковъ училища, принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 5. Стипендіатъ, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности, можетъ быть лишенъ права пользованія стипендіею по постановленію педагогическаго совѣта.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

5. (23-го іюня 1902 года). *Положеніе о третьей стипендіи при С.-Петербургской 5-й гимназіи имени бывшаго дирижера хора Императорской С.-Петербургской русской оперы Өедора Өедоровича Беккера.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу шестьсотъ* руб. учреждается при С.-Петербургской 5-й гимназіи хоромъ Императорской С.-Петербургской русской оперы стипендія имени бывшаго дирижера хора Өедора Өедоровича Беккера.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственной 4% рентѣ, составляетъ неотъемлемую собственность С.-Петербургской пятой гимназіи и хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на уплату за право ученія стипендіата въ названной гимназіи, остальная же за симъ сумма и могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для образованія впослѣдствіи новой стипендіи.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи изъ числа выдержавшихъ съ наибольшимъ успѣхомъ испытаніе дѣтей членовъ хора Императорской русской оперы въ С.-Петербургѣ, христіанскаго вѣроисповѣданія, состоящихъ какъ на дѣйствительной службѣ, такъ и въ отставкѣ съ 15-го марта 1888 года. Кандидату выдержавшему испытаніе въ высшій классъ, отдается предпочтеніе предъ другими.

§ 5. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею въ продолженіе всего гимназическаго курса, если только будетъ заслуживать того по своему отличному поведенію и хорошимъ успѣхамъ въ наукахъ.

§ 6. За стипендіатомъ, оставшимся на второй годъ въ томъ же классѣ, можетъ быть сохранена стипендія, но не иначе, какъ по особо уважительнымъ причинамъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (23-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Ивановича Проворова при С.-Петербургской Ларинской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пять тысячъ* руб., завѣщаннаго бывшимъ ученикомъ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Александромъ Ивановичемъ Проворовымъ, учреждается при названной гимназіи одна стипендія имени завѣщателя для полупансіонера гимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ правительственныхъ или въ гарантированныхъ правительствомъ % бумагахъ, составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи и хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, проценты же съ этихъ бумагъ по полугодіямъ вносятся въ спеціальныя средства гимназіи по отдѣлу I, ст. I, въ размѣрѣ взимаемой за содержаніе полупансіонера платы.

§ 3. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

§ 4. Пользованіе стипендіею предоставляется стипендіату только во время обученія его въ Ларинской гимназіи и не налагаетъ на него никакихъ обязательствъ.

§ 5. Остатки % отъ стипендіальной платы причисляются къ основному капиталу для увеличенія его, съ цѣлью учрежденія со временемъ стипендіи полнаго пансіонера, взамѣнъ учреждаемой симъ положеніемъ стипендіи полупансіонера.

7. (27-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей иваново-вознесенской купеческой вдовы Маріи Михайловны Китаевой при Иваново-Вознесенской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Иваново-Вознесенской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени покойной иваново-вознесенской купеческой вдовы Маріи Михайловны Китаевой, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго ею съ этою цѣлью капитала въ *двѣ тысячи* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣ-

тельствахъ государственной 4% ренты, по 1.000 рублей каждое, хранится въ Иваново-Вознесенскомъ отдѣленіи государственнаго банка, составляя неотъемлемую собственность гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе и другія надобности избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту гимназіи, коему предоставляется право лишать стипендіатку стипендіи въ случаѣ ея неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

8. (27-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго секретаря Харлампія Яковлевича Гавеловскаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *девять тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ два* рубля *шестьдесятъ шесть* коп., пожертвованнаго по духовному завѣщанію коллежскимъ секретаремъ Харлампіемъ Яковлевичемъ Гавеловскимъ, учреждается при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ шести свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, изъ которыхъ одно свидѣтельство въ 5.000 руб., одно въ 500 руб., четыре по 1.000 руб., въ двухъ выигрышныхъ билетахъ 1-го внутренняго займа и наличными деньгами 152 руб. 66 коп., хранится въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Годовой размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала въ годъ, за вычетомъ

изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года и расходовъ по страхованію выигрышныхъ билетовъ 1-го внутренняго займа.

§ 4. Стипендіей могутъ пользоваться студенты всѣхъ факультетовъ Харьковскаго университета, православнаго исповѣданія, удовлетворяющіе требованіямъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ студентамъ университета.

§ 5. Избраніе стипендіата предоставляется на усмотрѣніе правленія университета.

§ 6. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи остатки должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу для образованія съ теченіемъ времени второй стипендіи на счетъ процентовъ съ возросшаго капитала.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (30-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго профессора Императорской военно-медицинской академіи тайнаго совѣтника Венцеля Грубера и жены его Августы Груберъ при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. По завѣщанію профессора доктора Венцеля Грубера и жены его Августы Груберъ *100.000* австрійскихъ гульденовъ переданы въ Императорское россійское министерство народнаго просвѣщенія для образованія стипендій при семи университетахъ и Императорской военно-медицинской академіи.

§ 2. Одна восьмая часть этого капитала принадлежитъ Императорскому Варшавскому университету; она хранится согласно правиламъ для храненія спеціальныхъ средствъ Императорскаго Варшавскаго университета и на % съ этой суммы учреждается стипендія.

§ 3. Стипендія эта выдается безъ различія національности и вѣроисповѣданія, при томъ хотя-бы въ формѣ пособія для путешествія съ научной цѣлью за границу.

§ 4. Стипендія назначается на трехлѣтній срокъ тому изъ врачей, который посвящаетъ себя предпочтительно изученію нормальной анатоміи.

§ 5. Кандидатъ на стипендію избирается медицинскимъ факультетомъ и утверждается совѣтомъ университета; наблюденіе за заня-

тіями получающаго стипендію лежитъ на медицинскомъ факультетѣ, который ежегодно сообщаетъ совѣту свѣдѣнія о нихъ.

§ 6. Получившій стипендію можетъ удерживать ее и дольше трехъ лѣтъ по особому на каждый годъ постановленію факультета и утвержденію совѣта, если будетъ представлять одобряемыя медицинскимъ факультетомъ работы по анатоміи и впредь посвятитъ себя этому предмету.

§ 7. Если при назначеніи стипендіи не окажется ни одного врача, который желалъ бы посвятить себя предпочтительно анатоміи, то стипендія можетъ быть предоставлена на прочихъ равныхъ условіяхъ врачу, посвящающему себя другому теоретическому медицинскому предмету.

§ 8. Выдача стипендіи прекращается съ полученіемъ стипендіатомъ должности профессора, доцента или иного соотвѣтствующаго профессурѣ, или по служебнымъ правамъ, или по содержанію, мѣста.

§ 9. Если бы съ теченіемъ времени медицинскій факультетъ Императорскаго Варшавскаго университета былъ закрытъ, то стипендія передается другому вновь открытому факультету, а за неимѣніемъ таковаго тому изъ прочихъ, который съ пожертвованной ему стипендіей достигъ наилучшихъ результатовъ.

10. (3-го іюля 1902 года). *Положеніе о стипендіи, учреждаемой при Двинскомъ реальномъ училищѣ Павломъ Моисеевичемъ и Софіей Исааковной Лунцъ въ память ихъ сына, Лео Лунца, бывшаго ученика VII класса названнаго училища.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала, заключающагося въ 4% государственныхъ рентахъ на сумму *одну тысячу шестьсотъ* рублей по номинальной ихъ стоимости, учреждается при Двинскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени бывшаго ученика VII класса этого училища Лео Лунца.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ Двинскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Двинскаго реальнаго училища, и, составляя его собственность, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и не можетъ быть обращенъ на другой предметъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода въ тиражъ или погашенія вышеуказанныхъ бумагъ 4% государственной ренты, педагоги-

ческій совѣтъ училища обмѣниваетъ ихъ на другія, правительственныя или правительствомъ гарантированныя равноцѣнныя процентныя бумаги.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога съ купоновъ, выдаются стипендіату ежегодно въ два срока: въ день рожденія Лео Лунца 2-го октября и въ день смерти его—4-го февраля.

§ 4. Стипендіатъ выбирается педагогическимъ совѣтомъ Двинскаго реальнаго училища изъ бѣднѣйшихъ учениковъ одного изъ старшихъ классовъ, начиная съ 5-го, исключительно іудейскаго вѣроисповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ при удовлетворительныхъ успѣхахъ въ наукахъ, при чемъ, при равныхъ условіяхъ, преимущество отдается уроженцамъ г. Двинска, а изъ сихъ послѣднихъ, при равенствѣ другихъ условій, старшему по классу.

§ 5. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей во все время пребыванія своего въ училищѣ, но, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія, педагогическій совѣтъ можетъ лишить его стипендіи и ранѣе выхода изъ училища.

§ 6. Остатки, могущіе образоваться вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи, по отсутствію или нуждающихся въ ней лицъ, или по отсутствію вообще въ училищѣ въ теченіе нѣкотораго времени учениковъ іудейскаго вѣроисповѣданія, или по какой-либо иной причинѣ, присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Двинскаго реальнаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ переходитъ въ это послѣднее на вышеизложенныхъ условіяхъ; въ случаѣ же закрытія училища, капиталъ на тѣхъ же условіяхъ переходитъ въ другое, по указанію попечителя округа, учебное заведеніе г. Двинска, имѣющее права не ниже средняго учебнаго заведенія (дающее право на поступленіе въ высшія учебныя заведенія).

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (11-го іюля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени Любови Ефимовны Александровичъ при Ташкентскомъ ремесленномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *двѣсти* рублей, пожертвованнаго надворнымъ совѣтникомъ Е. А. Александровичемъ, учреждается

при Ташкентскомъ ремесленномъ училищѣ одна стипендія имени Любови Ефимовны Александровичъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты, хранится въ Ташкентскомъ областномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, составляя неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ названнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата, а остатокъ выдается стипендіату на покупку книгъ и учебныхъ пособій, или одежды и обуви.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ ремесленнаго училища, православнаго вѣроисповѣданія, крестьянскаго или мѣщанскаго сословій, отличающихся примѣрнымъ поведеніемъ и хорошими успѣхами.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Ташкентскаго ремесленнаго училища, которому принадлежитъ и право лишенія стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведенія, или малоуспѣшности стипендіата, если таковыя не зависятъ отъ болѣзни или какихъ-либо другихъ уважительныхъ причинъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Ташкентскаго ремесленнаго училища въ другое учебное заведеніе, стипендія переходитъ въ него на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (18-го іюля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени врача Іосифа Соломоновича Каменецкаго при Николаевскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи пятьсотъ* руб., завѣщаннаго врачемъ Іосифомъ Соломоновичемъ Каменецкимъ, учреждается при Николаевскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4½% заклад-

ныхъ листахъ земскаго банка Херсонской губерніи, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, выдаются стипендіату два раза въ годъ: въ январѣ и августѣ въ равныхъ частяхъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища изъ числа заслуживающихъ по своимъ успѣхамъ и поведенію бѣдныхъ учениковъ сего заведенія, іудейскаго исповѣданія.

§ 5. Стипендіатъ пользуется предоставленной ему стипендіей до выбытія изъ заведенія или лишенія таковой, по опредѣленію педагогическаго совѣта, за неодобрительное поведеніе и лѣность.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (25-го іюля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени почетнаго инженеръ-технолога Семена Степановича Калашникова въ технологическомъ институтѣ Императора Николая I.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго почетнымъ инженеръ-технологомъ Семеномъ Степановичемъ Калашниковымъ капитала въ *9.000* руб., составляющаго по обмѣнѣ закладныхъ $4^1/_2$% листовъ С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка на свидѣтельства 4% государственной ренты на сумму *восемь тысячъ семьсотъ* руб., учреждается стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендія назначается недостаточнымъ студентамъ всѣхъ сословій—православнаго вѣроисповѣданія, получившимъ среднее образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ Псковской губ., причемъ преимущественнымъ правомъ пользуются уроженцы г. Порхова. Если таковыхъ студентовъ не окажется, то временно стипендію можно выдавать студенту изъ числа дѣтей служащихъ на Николаевской желѣзной дорогѣ, но непремѣнно православнаго вѣроисповѣданія.

§ 3. Назначеніе стипендіи производится учебнымъ комитетомъ.

§ 4. Размѣръ стипендіи—300 руб. въ годъ; впослѣдствіи, при

вздорожаніи жизни, учебный комитетъ можетъ соотвѣтственно увеличить размѣръ стипендіи. Излишекъ процентовъ присоединяется къ основному капиталу и, если впослѣдствіи доходъ съ капитала будетъ достаточенъ, то учебный комитетъ выдаетъ стипендію второму и слѣдующимъ студентамъ, удовлетворяющимъ условіямъ пункта 2-го.

VIII. ОБЪ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ НА 1902—1903.

11-го іюня 1902 года истекаетъ срокъ дѣйствія Высочайшаго повелѣнія о средней общеобразовательной школѣ, а посему, для устройства учебной части въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія на 1902—1903 учебный годъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ маѣ 1902 года была образована особая комиссія; въ составъ ея, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, вошли, въ качествѣ представителей отъ каждаго округа, по одному директору гимназіи и реальнаго училища.

Въ своихъ работахъ комиссія исходила изъ того положенія, что прекращеніе дѣйствія Высочайшаго повелѣнія 11-го іюня 1901 года само по себѣ предполагаетъ возстановленіе того порядка, который дѣйствовалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ до 1901 года. Но, съ другой стороны, комиссія полагала, что таковое возстановленіе закона возможно въ томъ лишь случаѣ, если дѣйствіе его будетъ согласовано съ совокупностью тѣхъ условій, въ которыхъ въ настоящее время находятся среднія учебныя заведенія, и если временное возвращеніе къ старому порядку совершится при полномъ вниманіи къ интересамъ учащихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія имѣла въ виду, что на нее возложено устройство учебной части въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ только временное, всего лишь на одинъ годъ. Поэтому, высказывая свои предположенія о томъ характерѣ, который могъ бы быть приданъ постановкѣ учебнаго дѣла на 1902—1903 учебный годъ, комиссія воздерживалась отъ теоретическихъ разсужденій объ относительныхъ преимуществахъ той или другой школьной системы, а стояла исключительно на точкахъ зрѣнія педагогической и практической. Комиссіи казалось, что она тѣмъ лучше исполнитъ свою задачу, чѣмъ меньше намѣчаемыми ею мѣрами, съ одной стороны стѣснится введеніе предстоящей школьной реформы, а съ другой — нарушится правильность теченія учебнаго дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По предварительномъ обсужденіи вопросовъ, относящихся къ учебной части на 1902—1903 годъ, въ двухъ подкомиссіяхъ—одной изъ директоровъ гимназій и другой изъ директоровъ реальныхъ училищъ—комиссія остановилась на слѣдующихъ предположеніяхъ:

I. Для гимназій:

1) По отношенію къ I и II классамъ, комиссія высказалась за сохраненіе въ нихъ учебнаго строя и программъ прошлаго 1901—1902 года, опасаясь, какъ бы измѣненіе его не отразилось неблагопріятно на учебно-воспитательной сторонѣ дѣла.

2) Число уроковъ и изучаемыхъ въ I и II классахъ предметовъ въ наступающемъ учебномъ году комиссія полагала бы возможнымъ оставить безъ измѣненія, по сравненію съ прошлымъ годомъ, въ видахъ объединенія двухъ низшихъ классовъ гимназіи въ учебномъ отношеніи и установленія преемственности въ прохожденіи курсовъ; для устраненія же тѣхъ практическихъ затрудненій, съ которыми сопряжено было въ I классѣ преподаваніе двухъ новыхъ языковъ, комиссія думала, что въ 1-мъ классѣ можетъ преподаваться одинъ новый языкъ (нѣмецкій).

3) Изученіе латинскаго языка предположено начинать съ III класса, а также продолжить въ этомъ классѣ начатый уже во II классѣ курсъ природовѣдѣнія, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы ученики будущаго III класса имѣли возможность закончить курсъ этого предмета; въ этомъ же классѣ, по мнѣнію комиссіи, могло бы начаться необязательное изученіе втораго новаго языка.

4) Для учебнаго строя IV класса подкомиссіи казалось полезнымъ выработать на будущій 1902—1903 учебный годъ двѣ таблицы недѣльныхъ уроковъ, на случай сохраненія гимназій двухъ разрядовъ, согласно установленному въ истекшемъ учебномъ году порядку—одну (для большинства гимназій) съ однимъ латинскимъ языкомъ, но съ обязательнымъ изученіемъ обоихъ новыхъ языковъ, другую (для нѣкоторыхъ гимназій) съ латинскимъ и греческимъ языками, но съ обязательнымъ изученіемъ лишь одного новаго языка.

5) Въ старшихъ классахъ гимназій, начиная съ V, предположено оставить безъ измѣненія число недѣльныхъ уроковъ согласно съ таблицею 1890 г.

Въ связи съ этими предположеніями, выработанными подкомиссіей директоровъ гимназій, намѣчены соотвѣтствующія измѣненія въ таблицахъ недѣльныхъ уроковъ III и IV классовъ; учебные же планы и программы 1890 и 1900 гг. могутъ остаться, по мнѣнію комиссіи, въ

силѣ во всѣхъ классахъ, начиная съ III по VIII, кромѣ, конечно, отступленій, вызываемыхъ тѣми условіями, въ которыхъ гимназіи въ настоящее время находятся.

II. По реальнымъ училищамъ:

Комиссія высказалась за сохраненіе въ дѣйствіи для I и II классовъ положенія 1901 года, а для остальныхъ классовъ, начиная съ III, учебныхъ плановъ 1895 г. Подкомиссіи казалось только, что измѣненію подлежитъ постановка преподаванія новыхъ языковъ. Принимая во вниманіе невозможность на практикѣ вести параллельное преподаваніе двухъ иностранныхъ языковъ (вслѣдствіе неимѣнія средствъ, помѣщеній и преподавателей), подкомиссія подала голосъ за то, чтобы:

1) въ первомъ классѣ преподавался одинъ нѣмецкій языкъ;

2) во второмъ классѣ преподавались оба языка: нѣмецкій и французскій, но число уроковъ по этимъ языкамъ подкомиссія намѣтила разное съ тою цѣлью, чтобы, безъ ущерба для дальнѣйшаго обученія, можно было соединить учениковъ II класса, по переходѣ ихъ въ третій, въ одну группу и, такимъ образомъ, избѣжать дѣленія на группы при обученіи языкамъ въ слѣдующихъ классахъ;

3) въ третьемъ классѣ, по мнѣнію подкомиссіи, должно начинаться обязательное обученіе французскому языку, и для учениковъ этой группы, приступающихъ къ изученію языка на годъ позже, впослѣдствіи, въ старшихъ классахъ подкомиссія предположила увеличить число уроковъ этого языка.

Что касается программъ, то предположено лишь нѣсколько измѣнить временныя программы 1901—1902 года въ трехъ низшихъ классахъ, а въ остальныхъ классахъ слѣдовать программамъ 1895 года.

Занятія комиссіи директоровъ гимназій и реальныхъ училищъ въ настоящее время закончены, и мнѣніе ея объ устройствѣ учебной части въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія на 1902—1903 учебный годъ передано на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ предположенія комиссіи директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній относительно устройства учебной части въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на 1902—3 учебный годъ, призналъ проектированную для реальныхъ училищъ таблицу недѣльныхъ уроковъ составленною цѣлесообразно и уменьшилъ лишь число уроковъ во II классѣ на одинъ,

исключивъ изъ курса сего класса предполагавшійся урокъ чистописанія. Таблица эта получила слѣдующій видъ:

	I.	II.	III.	IV.
Законъ Божій	2	2	2	2
Русскій языкъ	5	5	4	4
Математика	4	4	4	6
Исторія	2	2	2	2
Географія	2	2	2	2
Нѣмецкій языкъ	5	$^6/_3$	5	4
Французскій языкъ	—	$^6/_3$	5	4
Природовѣдѣніе	2	2	2	2
Рисованіе	2	2	2	2
Чистописаніе	2	—	—	—
Черченіе	—	—	2	2
Итого	26	28	30	30

Относительно новыхъ языковъ предположено комиссіей и одобрено ученымъ комитетомъ, что изучавшіе въ I классѣ нѣмецкій языкъ въ истекшемъ году будутъ имѣть во II классѣ 3 урока нѣмецкаго языка и 6 уроковъ французскаго языка, изучавшіе же въ I классѣ французскій языкъ будутъ имѣть во II классѣ, при 6 урокахъ нѣмецкаго языка, 3 урока французскаго языка. Въ тѣхъ училищахъ, гдѣ въ I классѣ преподавался одинъ нѣмецкій языкъ, проектировано назначить во II классѣ 4 урока нѣмецкаго и 5 уроковъ французскаго языка, а въ тѣхъ училищахъ, въ I классѣ которыхъ преподавался одинъ французскій языкъ, ввести во II классѣ 3 урока по французскому и 6 уроковъ по нѣмецкому языку. Для учениковъ, не учившихся французскому языку въ первыхъ двухъ классахъ, предположено ввести обязательное обученіе французскому языку въ III классѣ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, въ старшихъ классахъ, число уроковъ этого языка было увеличено, а вмѣсто того было уменьшено на два число уроковъ по рисованію въ V классѣ и на одинъ число уроковъ по черченію въ VI классѣ.

Что же касается гимназій и прогимназій, то ученый комитетъ полагалъ: 1) примѣнить къ двумъ первымъ классамъ то устройство преподаванія, которое проектировано для реальныхъ училищъ; 2) въ III классѣ увеличить число недѣльныхъ уроковъ по латинскому языку

на одинъ противъ распредѣленія занятій, выработаннаго комиссіей; 3) въ IV классѣ начать во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ изученіе греческаго языка, а также прибавить по 1 уроку латинскаго языка и географіи къ числу предположенныхъ комиссіей для гимназій съ обоими древними языками; наконецъ, второй новый языкъ признать факультативнымъ для слабыхъ учениковъ; 4) въ старшихъ классахъ, начиная съ V-го, оставить въ силѣ, согласно заключенію комиссіи, учебные планы 1890 года и программы 1900 года.

Комиссія высказалась за устраненіе греческаго языка изъ курса большинства гимназій съ 1902—3 учебнаго года, считая неудобнымъ прекратить въ IV классѣ обязательное изученіе обоихъ новыхъ языковъ, начатое въ истекшемъ школьномъ году въ III классѣ, и, съ другой стороны, не видя возможности допустить чрезмѣрное обремененіе IV класса лингвистическимъ матеріаломъ (русскій, церковнославянскій, греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій, а въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа еще и польскій языкъ для большинства учащихся).

Возстанавливая во всѣхъ гимназіяхъ преподаваніе греческаго языка въ IV классѣ на 1902—3 учебный годъ, ученый комитетъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что при устройствѣ учебной части на означенный школьный годъ слѣдуетъ „отнюдь не уклоняться“ отъ двухъ существующихъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ что предположеніе комиссіи о возможномъ третьемъ типѣ (гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ), какъ затрогивающее по существу и отчасти предрѣшающее общій вопросъ о будущей реформѣ, не должно бы подлежать обсужденію.

Разница въ воззрѣніяхъ комиссіи и ученаго комитета относительно распредѣленія недѣльныхъ уроковъ для четырехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій на 1902—3 учебный годъ выясняется слѣдующими двумя таблицами:

1. Таблица комиссіи директоровъ.

	I.	II.	III.	Гимн. съ одн. древн. язык. IV.	Гимн. съ двумя древн. язык. IV.
Законъ Божій	2	2	2	2	2
Русскій языкъ	5	5	4	4	4
Латинскій языкъ	—	—	4	5	4

Греческій языкъ	—	—	—	—	4
Математика	4	4	4	4	4
Исторія	2	2	2	3	3
Географія	2	3	2	2	2
1-й новый языкъ	5 (нѣм.)	5	3	3(4)	2
2-й новый языкъ	—	5	3	4(3)	2
Природовѣдѣніе	2	2	2	—	—
Рисованіе	2	2	1	—	—
Чистописаніе	2	1	—	—	—
Итого	26	26	27	27	27

Въ IV классѣ комиссія предполагала факультативное обученіе одному изъ новыхъ языковъ для гимназій съ обоими древними языками, такъ что изучающіе лишь одинъ новый языкъ имѣли бы 25 недѣльныхъ уроковъ.

Нѣкоторое уменьшеніе общаго числа недѣльныхъ часовъ въ IV классѣ противъ установленнаго таблицей 1890 года (29, а для изучающихъ одинъ новый языкъ 26), комиссія считала вообще желательнымъ въ виду возрастныхъ условій, въ которыхъ находятся ученики этого класса. Ученый комитетъ, не соглашаясь съ комиссіей, призналъ, между прочимъ, непослѣдовательнымъ, при такой постановкѣ вопроса, одновременное сохраненіе высшей нормы недѣльныхъ часовъ для IV класса реальныхъ училищъ. Для гимназій съ однимъ древнимъ языкомъ и обязательнымъ обученіемъ обоимъ новымъ языкамъ комиссія предположила 3 часа по тому изъ новыхъ языковъ, который въ предыдущемъ классѣ изучался при 4 урокахъ и 4 часа по тому новому языку, который въ III классѣ проходился при 3 урокахъ.

II. Таблица, составленная по журналу ученаго комитета.

	I.	II.	III.	IV.
Законъ Божій	2	2	2	2
Русскій языкъ	5	5	4	4
Латинскій языкъ	—	—	5	5
Греческій языкъ	—	—	—	4
Математика	4	4	4	4

Исторія	2	2	2	3
Географія	2	2	2	3
Нѣмецкій языкъ	5	6/3	3	2
Французскій языкъ	—	3/6	3	2
Природовѣдѣніе	2	2	2	—
Рисованіе	2	2	1	—
Чистописаніе	2	—	—	—
Итого	26	28	28	29

Заключеніе комиссіи и мнѣніе ученаго комитета поступили на разсмотрѣніе совѣта министра народнаго просвѣщенія.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, воспослѣдовавшаго, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, 20-го апрѣля сего года, была учреждена при министерствѣ народнаго просвѣщенія особая комиссія, въ составъ которой вошли, въ качествѣ представителей отъ 11 учебныхъ округовъ, по одному директору гимназіи и одному директору реальнаго училища, для обсужденія вопроса объ устройствѣ учебной части въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на 1902—1903 учебный годъ. Выработанные комиссіею проекты таковаго устройства, по обсужденіи ихъ въ ученомъ комитетѣ министерства и затѣмъ въ совѣтѣ министра, были повергнуты дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Зенгеромъ, съ его соображеніями по настоящему дѣлу, на Высочайшее благовоззрѣніе. 20-го сего іюля Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: I. Утвердить на 1902—1903 учебный годъ, для четырехъ младшихъ классовъ реальныхъ училищъ, таблицу уроковъ, одобренную ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и совѣтомъ министра. II. Утвердить на 1902—1903 учебный годъ для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій, таблицу недѣльныхъ уроковъ, одобренную ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и совѣтомъ министра, не распространяя ся лишь на рижскую городскую гимназію, на гимназіи при обоихъ историко-филологическихъ институтахъ, на гимназическіе классы Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, на гимназическіе классы лицея Цесаревича Николая и на гим-

назическія отдѣленія тѣхъ церковныхъ училищъ, программы которыхъ не подверглись измѣненіямъ въ 1901—1902 учебномъ году. III. Утвердить на 1902—1903 учебный годъ, для IV класса 3-й петербургской, 5-й московской, 4-й варшавской, 2-й кіевской и юрьевской гимназій, таблицу недѣльныхъ уроковъ съ греческимъ языкомъ, выработанную комиссіей директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, созванной съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 20-го апрѣля 1902 года. IV. Утвердить на 1902—1903 учебный годъ, для IV класса прогимназій и гимназій, не поименованныхъ въ пунктахъ II и III, таблицу недѣльныхъ уроковъ, выработанную означенною въ пунктѣ III комиссіею директоровъ для гимназій съ курсомъ IV класса безъ греческаго языка. V. Дѣйствіе изложенныхъ въ предыдущихъ пунктахъ мѣропріятій сохранить въ силѣ и по истеченіи 1902—1903 учебнаго года, впредь до введенія утвержденныхъ въ законодательномъ порядкѣ новыхъ уставовъ гимназій и прогимназій, а также реальныхъ училищъ, съ предоставленіемъ, однако, министру народнаго просвѣщенія права видоизмѣнять число уроковъ по каждому предмету и распредѣленіе ихъ по классамъ, по своему ближайшему усмотрѣнію по истеченіи 1902—1903 учебнаго года, до введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ указанныхъ заведеній.

Таблицы уроковъ въ младшихъ классахъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, подлежащія введенію на основаніи приведеннаго Высочайшаго повелѣнія въ 1902—1903 учебномъ году, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Таблица А (для гимназій).

	I.	II.	III.	IV. Гимназіи, поименованныя въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г.	IV. Гимназіи, поименованныя въ п. III Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г.
Законъ Божій	2	2	2	2	2
Русскій языкъ	5	5	4	4	4
Латинскій языкъ	—	—	5	5	4
Греческій языкъ	—	—	—	—	4
Математика	4	4	4	4	4
Исторія	2	2	2	3	3

Географія	2	2	2	2	2
Нѣмецкій языкъ	5	6/3	3	3(4)	2
Французскій языкъ	—	3/6	3	4(3)	2
Природовѣдѣніе	2	2	2	—	—
Рисованіе	2	2	1	—	—
Чистописаніе	2	—	—	—	—
Итого	26	28	28	27	27

Таблица Б (для реальныхъ училищъ).

	I.	II.	III.	IV.
Законъ Божій	2	2	2	2
Русскій языкъ	5	5	4	4
Математика	4	4	4	6
Исторія	2	2	2	2
Географія	2	2	2	2
Нѣмецкій языкъ	5	6/3	5	4
Французскій языкъ	—	3/6	5	4
Природовѣдѣніе	2	2	2	2
Рисованіе	2	2	2	2
Чистописаніе	2	—	—	—
Черченіе	—	—	2	2
Итого	26	28	30	30

Примѣчаніе 1. Изучавшіе въ I классѣ гимназій и реальныхъ училищъ нѣмецкій языкъ въ 1901—1902 учебномъ году будутъ имѣть во II классѣ 3 урока нѣмецкаго языка и 6 уроковъ французскаго языка, изучавшіе же въ 1 классѣ французскій языкъ будутъ имѣть во II классѣ 6 уроковъ нѣмецкаго языка и 3 урока французскаго языка. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ въ I классѣ преподавался одинъ нѣмецкій языкъ, могутъ быть назначены во II классѣ 4 урока нѣмецкаго и 5 уроковъ французскаго языка, а въ тѣхъ, гдѣ въ I клaсѣ преподавался одинъ французскій языкъ, вводятся во II классѣ 3 урока по французскому и 6 уроковъ по нѣмецкому языку. Для учениковъ реальныхъ училищъ, не учившихся французскому языку въ первыхъ двухъ классахъ, вводится обязательное обученіе французскому

языку въ III классѣ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, въ старшихъ классахъ, число уроковъ этого языка было увеличено, а, вмѣсто того, было уменьшено на два число уроковъ по рисованію въ V классѣ и на одинъ число уроковъ по черченію въ VI классѣ. Въ III классѣ гимназій продолжаеся обученіе обоимъ новымъ языкамъ, причемъ изученіе втораго изъ нихъ представляется не обязательнымъ, а факультативнымъ, въ виду введенія въ этомъ классѣ совершенно новаго для многихъ учениковъ языка латинскаго. Въ гимназіяхъ съ курсомъ IV класса безъ греческаго языка продолжается въ этомъ классѣ обязательное изученіе обоихъ новыхъ языковъ, начатое въ 1901—1902 учебномъ году, при томъ съ такимъ разсчетомъ, что тотъ изъ этихъ языковъ, который въ III классѣ изучался при 4 урокахъ, будетъ изучаться въ IV классѣ при 3-хъ урокахъ, и наоборотъ; въ гимназіяхъ же съ обоими древними языками въ IV классѣ обученіе второму новому языку устанавливается лишь факультативное. *Примѣчаніе 2.* Вышеприведенная таблица А не подлежитъ введенію въ гимназіяхъ: Рижской городской, гимназіяхъ при историко-филологическихъ институтахъ с.-петербургскомъ и нѣжинскомъ, въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, гимназическихъ отдѣленіяхъ с.-петербургскихъ училищъ при церквахъ св. Петра, св. Анны, св. Екатерины и реформатскихъ, а также училища при евангелическо-лютеранской церкви свв. апостоловъ Петра и Павла въ Москвѣ. Равнымъ образомъ не вводится таблица Б въ реальныхъ отдѣленіяхъ вышеозначенныхъ церковныхъ училищъ, а также въ тѣхъ реальныхъ училищахъ, содержимыхъ безъ участія казны, къ которымъ не было примѣнено въ 1901 г. дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 11-го іюня того года о нѣкоторыхъ подготовительныхъ мѣропріятіяхъ къ реформѣ средней школы.

IX. ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСІОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Къ 1-му мая 1902 года по отдѣлу XXX специальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія 1902 года, „капиталъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ“, состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами . . . . . . 36.287 руб. 23 коп.

% бумагами, по номинальной цѣнѣ:

4% свид. госуд. ренты на	25.000	руб.
4½% закл. лист.: Московск. земельн. банка .	138.000	„
„ „ „ Бессар.-Таврическ. „ .	137.000	„
„ „ „ Донскаго „ .	137.000	„
„ „ „ Полтавскаго „ .	85.900	„
„ „ „ Кіевскаго „ .	75.000	„
„ „ „ Яросл.-Костромск. „ .	73.900	„
„ „ „ Виленскаго „ .	40.100	„
„ „ „ Нижег.-Самарскаго „ .	15,900	„
„ „ „ Земск. банка Херсонск. г.	18.500	„
„ Облигацій Московскаго городск. кред. общества	75.000	„
$3^{8}/_{10}$% конверсіон. облигацій	34.050	„
	855.350	руб.

X. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Мечъ, Сергѣй*. Россія. Учебникъ отечественной географіи. 12-ое, испр. изданіе. М. 1901. Стр. 158. Цѣна 50 коп.“

— „*Поливановъ, Левъ*. Учебникъ русской грамматики. II. Синтаксисъ для II, III, IV и V классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 6-е. М. 1902. Стр. XVI+158. Цѣна 70 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Ушинскій, К.* Дѣтскій міръ и хрестоматія. Часть 1-я. Изданіе 36-е, перем. *Я. И. Наумовымъ*. С.-Пб. 1902. Стр. 200+74. Цѣна 50 коп. — Часть 2-я. Изданіе 31-е, переем. *Я. И. Наумовымъ* и *П. А. Шафрановымъ*. С.-Пб. 1902. Стр. 304+103. Цѣна 60 коп.“ (для младшихъ классовъ).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Азбелевъ, Н. П.* Единство въ устройствѣ вселенной. С.-Пб. 1902. Стр. X+404. Цѣна 3 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Богдановъ, М. Н.* Въ лѣсной глуши. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. (Изъ русской природы). М. 1902. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Ворисгофферъ, С.* Алмазы перуанцы. Переводъ *Е. Св—каго*. Изданіе Б. Н. Звонарева. С.-Пб. 1902. Стр. IV+584. Цѣна 2 р.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ ученическія би-

бліотеки городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Воскресенскій, В.* Русская народная поэзія. Изданіе 2-е. (Подъ ред. *В. Яковлева*). Изданіе Н. П. Карбасникова. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+304. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Каленовъ, П. А.* Будда. Поэма.—Философскія статьи. М. 1902. Стр. 236. Цѣна 1 р. 60 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Орловскій, Сергѣй.* Радушное и другіе разсказы. М. 1900. Стр. 270. Цѣна не обозначена“ (для младшаго возраста).

— „*Рагозина, З. А.* Древнѣйшая исторія Востока. I. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1902. Стр. XII+423. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и для выдачи учащимся въ видѣ награды).

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу „Николай Ивановичъ Пироговъ какъ педагогъ. *А. Рождествина.* Казань. 1902. Стр. 45. Цѣна 30 коп.“—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

XI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Арженниковъ, К. П.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ. Годъ I. Счетъ до 100. Дѣйствія до 20. Изданіе 6-е, М. Д. Наумова. М. 1900. Стр. VI+75. Цѣна 15 коп.—Изданіе 7-е. М. 1901. Стр. VI+75. Цѣна 15 коп.—Годъ II. 1-я сотня. 1-я тысяча.

Изданіе 7-е. М. 1901. Стр. VI+73. Цѣна 15 коп.—Годъ III. Числа любой величины. Составныя именованныя числа. Изданіе 5-е. М. 1900. Стр. IV+99. Цѣна 15 коп.—Изданіе 7-е. М. 1901. Стр. IV+99. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Гусева, М. А.* Классное и домашнее чтеніе. Хрестоматія. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+245. Цѣна 65 коп.“ (для старшаго отдѣленія городскихъ училищъ, а также и для I класса среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Поливановъ, Левъ.* Начальная книжка для обученія русскому языку. Хрестоматія. Начатки грамматики. Письменныя задачи. Изданіе 11-е. М. 1902. Стр. X+218. Цѣна 50 коп.“ (для городскихъ и сельскихъ училищъ, а также и для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Сатаровъ, В. Н.* Практическій курсъ элементарной грамматики. Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. 155+IV. Цѣна 15 коп.“

— „*Тихомировъ, Д. И.* Элементарный курсъ грамматики для городскихъ двухклассныхъ училищъ. 77-ое изданіе. М. 1900. Стр. 156. Цѣна 20 коп.“ (для городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а также и для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Ушинскій, К.* Дѣтскій міръ и хрестоматія. Часть 1-я. Изданіе 36-е, пересм. *Я. Н. Наумовымъ*. С.-Пб. 1902. Стр. III+200+74. Цѣна 50 коп.—Часть 2-я. Изданіе 31-е, пересм. *Я. Н. Наумовымъ* и *П. А. Шафрановымъ*. С.-Пб. 1902. Стр. V+304+103. Цѣна 60 коп.“

— „*Ушинскій, К.* Родное слово для дѣтей младшаго возраста. С.-Пб. 1902. Годъ 1-й. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. Изданіе 123-е. Стр. IV+112. Цѣна 25 коп.—Годъ 2-й. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія. Изданіе 106-е. Стр. 138+IV. Цѣна 35 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Арженниковъ, К. П.* Методика начальной ариѳметики. Изданіе 3-е, перед. и дополн., М. Д. Наумова. М. 1900. Стр. IV+72+273. Цѣна 1 р.—Изданіе 4-е, перед. и дополн. М. 1901. Стр. IV+345. Цѣна 1 р., въ перепл. 1 р. 15 коп.“ (также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Демьяновъ, Г. П.* Иллюстрированный путеводитель по Волгѣ.

Изданіе 8-е. Нижній-Новгородъ. 1902. Стр. 39+353+X+I карта. Цѣна 75 коп." (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Лункевичъ, В.* Каменный уголь. Изданіе Ф. Павленкова. (Научно-популярная библіотека для народа. № 34). С.-Пб. 1901. Стр. 72. Цѣна 20 коп." (также и въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Третьяковъ, М. К.* Уроки ариѳметики. Пособіе для учителей инородческихъ школъ. Часть I. Курсъ 1-го и 2-го года. Гольдингенъ. 1902. Стр. V+321. Цѣна 90 коп." (для инородческихъ начальныхъ школъ).

— „*Харузина, В. Н.* Сказки русскихъ инородцевъ. Съ предисловіемъ *В. М. Михайловскаго.* Изданіе А. И. Мамонтова. М. 1898. Стр. II+299+II. Цѣна 1 р. 50 к." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Алтаевъ, Ал.* Мигуэль Сервантесъ. Изданіе ред. журн. „Всходы". С.-Пб. 1900. Стр. 176. Цѣна 40 коп."

— „*Де-Амичисъ.* Отъ Аппенинъ до Андъ. (Въ поискахъ за матерью). Изданіе 2-е магаз. „Дѣтское воспитаніе". М. 1900. Стр. 56. Цѣна 20 коп." (также и для народныхъ чтеній).

— „*Бубликовъ, М.,* и *Н. Гольденбергъ.* Русская школа. Систематическій сборникъ статей образцовыхъ русскихъ писателей. С.-Пб. 1902. Стр. 256. Цѣна 75 коп."

— „Буры и ихъ страна. Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 71. Харьковъ. 1901. Стр. 46. Цѣна 3 коп. (2 р. 25 к. сотня)" (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Бухаревъ, I.* Бесѣды пастыря на десять заповѣдей Закона Божія. Изд. Отдѣла распр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1901. Стр. 63. Цѣна 5 коп."

— „*Виноградовъ, Г.* Разсудительная раскольница или „Отъ Москвы

до Богородска". 2-е изд. Отдѣла распростр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1901. Стр. 47. Цѣна 5 коп."

— „*Виссаріонъ*, епископъ. Свекрови и невѣстки. 6-е изд. Отдѣла распр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1901. Стр. 16. Цѣна 2 коп."

— „*Гоголь, Н. В.* 1) Ночь передъ Рождествомъ. Стр. IV + 64. Цѣна 4 к. — 2) Пропавшая грамота. Стр. VI + 31. Цѣна 2 к. — 3) Сорочинская ярмарка. Стр. II + 48. Цѣна 4 к. — 4) Вечеръ накануне Ивана Купала. Стр. IV+31. Цѣна 2 к.—5) Тарасъ Бульба. Стр. V+191. Цѣна 12 к.—6) Вій. Стр. 64. Цѣна 4 к. — 7) Носъ. Стр. VII + 48. Цѣна 4 к. — 8) Шинель. Стр. V+48. Цѣна 4 к. — 9) Коляска. Стр. VI+31. Цѣна 2 к.—10) Ревизоръ. Стр. III+108. Цѣна 8 к.—11) Женитьба. Стр. III+80. Цѣна 6 к.—12) Страшная месть. Стр. IV + 63. Цѣна 4 к. — 13) Заколдованное мѣсто. Стр. IV + 16. Цѣна 2 к. — 14) Старосвѣтскіе помѣщики. Стр. II + 47. Цѣна 4 к.—15) Майская ночь или Утопленница. Стр. II+47. Цѣна 4 к. (Дешевыя изданія Т—ва И. Д. Сытина. Подъ ред. *А. И. Кирпичникова.* М. 1902)".

— „*Гоголь, Н. В.* (Иллюстрированная Гоголевская библіотека. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1901 — 1902). № 1. Сорочинская ярмарка. Стр. 61 + II. Цѣна 4 к. — № 2. Вечеръ накануне Ивана Купала. Стр. 43+II. Цѣна 4 к.—№ 3. Майская ночь или Утопленница. Стр. 61+I. Цѣна 4 к.—№ 4. Пропавшая грамота. Стр. 30+II. Цѣна 3 к.—№ 5. Ночь передъ Рождествомъ. Стр. 96. Цѣна 6 коп.— № 6. Страшная месть. Стр. 92+II. Цѣна 6 коп.—№ 7. Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка. Стр. 56. Цѣна 4 коп. — № 8. Заколдованное мѣсто. Стр. 32+I. Цѣна 2 коп. — № 9. Старосвѣтскіе помѣщики. Стр. 59 + I. Цѣна 4 коп.—№ 10. Тарасъ Бульба. Стр. 224. Цѣна 16 коп.—№ 11. Вій. Стр. 80. Цѣна 6 коп.—№ 12. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Стр. 95+I. Цѣна 6 коп.—№ 13. Невскій проспектъ. Стр. 72. Цѣна 6 коп.—№ 14. Записки сумасшедшаго. Стр. 48. Цѣна 4 коп. — № 15. Портретъ. Стр. 112. Цѣна 8 коп. — № 16. Носъ. Стр. 60. Цѣна 4 коп. — № 17. Шинель. Стр. 64. Цѣна 4 коп. — № 18. Коляска. Стр. 32. Цѣна 3 к. — № 19. Похожденія Чичикова или Мертвыя души. Стр. 704. Цѣна 50 к. — № 20. Ревизоръ. Стр. 160. Цѣна 10 коп. — № 21. Женитьба. Стр. 107. Цѣна 8 коп. — № 22. Игроки. Стр. 72. Цѣна 6 коп. — № 23. Утро дѣлового человѣка и Отрывокъ. Стр. 44. Цѣна 4 коп. — № 24. Тяжба и Лакей-

ская. Стр. 30. Цѣна 3 коп. — № 25. Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи. Стр. 64. Цѣна 4 коп.“

— „*Гоголь, Н. В.* Избранныя сочиненія для юношества. Изданіе ред. журн. „Образованіе“ подъ ред. *Александра Острогорскаго*. С.-Пб. 1902. Томъ I. Стр. XII+376. — Томъ II. Стр. 504. Цѣна за 2 тома 1 р.“

— „*Диккенсъ, Ч.* Скряга Скруджъ и три добрыхъ духа. Передѣлалъ *А. Сердобольскій*. Изданіе 3-е, М. В. Клюкина. М. 1899. Стр. 64. Цѣна 35 коп.“ (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ семинарій и для народныхъ чтеній).

— „Живописная Россія. Иллюстрированный вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи. Томъ 1-й (1901 г.). Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Цѣна 4 р. 50 к., въ пер. 5 р. 25 к.“ (за исключеніемъ отдѣла „Временникъ Живописной Россіи“).

— „Жизнь и страданія святаго великомученика Евстафія-Плакиды, его жены и дѣтей. Изд. Отдѣла распр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 3 коп.“

— „Жизнь преподобнаго отца нашего Іосифа пѣснописца и творца каноновъ. Изд. Отдѣла распр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „Жизнь святаго Андрея, Христа ради юродиваго. Изд. Отдѣла распр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 3 коп.“

— „Жизнь святаго Іоанна Милостиваго Александрійскаго патріарха. Изд. Отдѣла распр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „Жизнь святой великомученицы Анастасіи узорѣшительницы. Изд. Отдѣла распр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1900. Стр. 31 Цѣна 3 коп.“

— „Житіе и страданіе святыя славныя великомученицы Ирины. Изд. Отдѣла распр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „*Жуковскій, В. А.* Избранныя сочиненія въ одномъ томѣ. Подъ ред. *А. Д. Алферова*. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Стр. XVI+428. Цѣна 60 коп.“

— „*Капцевичъ, Н.* Садите деревья! Вильна. 1902. Стр. 59. Цѣна 25 коп.“ (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и для народныхъ чтеній).

— „*Лаврентій*, епископъ Курскій. Къ уклоняющимся отъ семейной жизни. Изд. Отдѣла распр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1900. Стр. 29+II. Цѣна 3 коп.“

— „*Львовичъ, В.* Народы русскаго царства. (Сборникъ статей по этнографіи. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1901. Стр. 599. Цѣна 2 р.“ (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Разсказы и сказки. Томъ II. (Библіотека «Дѣтскаго Чтенія»). М. 1902. Стр. 230. Цѣна 1 р.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Мечъ, Сергѣй.* Уроки географіи Европы. 2-е, испр. и дополн. изданіе. М. 1902. Стр. 144. Цѣна 40 коп.“

— „*Никитинъ, Иванъ Савичъ.* Стихотворенія. Съ краткой біографіей. Составилъ *К. Говоровъ.* Изданіе 2-е, И. С. Аскарханова. С.-Пб. 1900. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“

— „Нѣсколько словъ о женщинахъ-соблазнительницахъ. (По житію св. Мартиніана). Изд. Отдѣла распр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 2 коп.“

— „Подвиги воинскихъ чиновъ въ мирное время. (Народныя изданія. «Досугъ и дѣло»). Изданіе 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“ (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ семинарій и для народныхъ чтеній).

— „Православному христіанину для бесѣды съ мусульманиномъ (магометаниномъ). (Самая бесѣда). Изд. Отдѣла распростр. духовно-нравств. книгъ при Моск. Общ. любит. дух. просв. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „*Сно, Евгеній.* Генри Стэнли, его жизнь и путешествія. Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 73. Харьковъ. 1901. Стр. 79. Цѣна 4 коп. (3 руб. 50 коп. сотня)“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Сно, Евгеній.* Жизнь и путешествія Николая Михайловича Пржевальскаго. Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 74. Харьковъ. 1901. Стр. 164. Цѣна 6 р. за сотню“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для народныхъ чтеній).

— „*Хрѣновъ, К.* Пѣвцы народной жизни. Съ предисловіемъ *И. Горбунова-Посадова.* № 319. М. 1899. Стр. IX+198. Цѣна 15 коп.“

д) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Генералиссимусъ, свѣтлѣйшій князь Италійскій, графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ Рымникскій. Изданіе ред. журн. „Досугъ и дѣло". Спб. 1900. Стр. 80. Цѣна 20 коп." (также и для народныхъ чтеній).

— „*Гоголь, Н. В.* Собраніе сочиненій. Съ его біографіей и примѣчаніями. Подъ ред. *А. И. Кирпичникова.* Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Стр. XXIV + V + 738. Цѣна 80 коп."

— „*Гуринъ.* О туберкулезѣ у животныхъ (чахотка, бугорчатка) и туберкулинѣ. 1899 г. Цѣна 10 к."

— „*Киплингъ, Р.* Котуко. Повѣсть изъ жизни эскимосовъ. Съ англійскаго *А. П.* Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 76. Харьковъ. 1901. Стр. 47. Цѣна 3 коп. (2 р. 10 к. сотня)."

— „*Крыловъ.* Басни. Полное собраніе. Изданіе 3-е, А. Я. Панафидина. М. 1900. Стр. III + 302 + IV. Цѣна не обозначена."

— „На помощь матерямъ. Педагогическое изданіе. Редакторъ-издательница *А. Ильикова-Толиверова.* Годъ VIII. 1901. №№ 1—9. Цѣна 6 р.".

— „*Навроцкій, А. А.* (*Н. А. Вроцкій*). Изъ волжскихъ преданій. I. Коромыслова башня. II. Княжья могила. Изданіе А. И. Попова. Нижній-Новгородъ. 1897. Стр. 16. Цѣна 10 к."

— „*Пахарнаевъ, А. I.* Законъ, обычай и волостной судъ. (Руководство для крестьянъ). Изданіе неофиціальное. Пермь. 1894. Стр. 75. Цѣна 60 коп."

— „Свѣточи русской поэзіи. Изданіе А. И. Мамонтова. М. 1899. Стр. 255. Цѣна 40 коп." (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Хрьновъ, К.* Для взрослыхъ. Женское горе. Сборникъ стихотвореній. № 320. М. 1898. Стр. 105 + II. Цѣна 6 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Демидовъ, Н.* А. С. Пушкинъ. Его жизнь и творчество. Изданіе ред. журн. „Всходы". Спб. 1899. Стр. 199. Цѣна 25 коп." (съ

тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи опущены были стихи, приведенные на стр. 181—2, изъ стихотворенія „На смерть Пушкина").

— „*Крыловъ, А.* Доброе слово. Сборникъ стихотвореній. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1902. Стр. 80. Цѣна 30 коп." (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи выпущено было стихотвореніе А. Толстого „Утѣшеніе" и рисунокъ къ нему).

Опредѣленіемъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. министромъ, постановлено:

— Брошюру: „*Толстой, Л. Н.* Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Изданіе М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1901. Стр. 16. Цѣна 3 коп." — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Опредѣленіемъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Анекдоты и преданія о Петрѣ Великомъ, первомъ Императорѣ земли русской и его любви къ государству. Изданіе книгопродавца Манухина. М. 1873. Стр. 148+IV."—**исключить** изъ „Каталога книгъ и періодическихъ изданій для безплатныхъ народныхъ читаленъ".

XII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку „*K. Hartmann* и *Dr. Villaret.* Предохранительныя рабочія очки, ихъ типы, конструкціи и примѣненіе. Переводъ съ нѣмецкаго инженеръ-технолога *Л. К. Лейхмана.* Изданіе *Казначеева.* Москва. 1902 г., цѣна 80 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ промышленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ.

— Книгу: „*Е. И. Орловъ.* Техническій анализъ. Оборудованіе за-

водскихъ лабораторій и способы изслѣдованія фабричныхъ, заводскихъ и сельскохозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. 10-й выпускъ. Анализы сырыхъ матеріаловъ, употребляемыхъ при химической обработкѣ волокнистыхъ веществъ, кромѣ пигментовъ. Изд. *К. Н. Тихомирова.* Москва 1902 года. Цѣна 1 руб. 50 коп."—допустить, какъ пособіе, въ фундаментальныя и ученическія библіотеки промышленныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру *З. Н. Самойловой* подъ заглавіемъ: „Руководство кройки дамскихъ костюмовъ"—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для женскихъ профессіональныхъ и рукодѣльныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія.

— 1) Книгу *В. Корнакова* „Измѣреніе площадей, поверхностей и объемовъ тѣлъ. 2-ое изданіе. С.-Петербургъ 1900 г. Цѣна 60 коп."—допустить, какъ и первое изданіе, въ качествѣ учебнаго пособія въ низшія профессіональныя школы и въ воскресные или вечерніе курсы для рабочихъ и 2) допустить 2-е изданіе книги того же автора „Азбука графической грамотности. С.-Петербургъ 1900 г. Цѣна 85 коп."—въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи линейному черченію въ низшихъ профессіональныхъ школахъ и на воскресныхъ и вечернихъ курсахъ для рабочихъ.

— Книгу *М. Д. Косткевичъ* подъ заглавіемъ „Руководство кройки и шитья дамскихъ, дѣтскихъ и верхнихъ платьевъ. 2-е дополненное и переработанное изданіе, съ 118 рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ 12-ти листовъ вопросныхъ рисунковъ, четырехъ выкроечныхъ линеекъ и сорока масштабовъ. Изданіе *Маркса,* цѣна 5 руб."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ женскихъ профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ введено обученіе шитью и кройкѣ платьевъ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденнымъ г. временно-исправляющимъ обязанности товарища министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру *А. Н. Альмединген*а „Свѣтильный газъ. Изданіе редакціи журнала «Техническое Образованіе». С.-Петербургъ 1901 г. Цѣна 20 коп." — одобрить для библіотекъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ.

ПОВѢСТИ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

I. Обзоръ литературы.

Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ стали предметомъ историко-литературнаго изученія только съ начала XIX вѣка, хотя были извѣстны историкамъ XVIII-го. Еще кн. Щербатовъ въ своей Исторіи [1]), въ повѣствованіи о Куликовской битвѣ, слѣдовалъ разсказу, помѣщенному въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ. Изложеніе историка заключалось въ простой передачѣ текста, безъ критическаго къ нему отношенія. Скептицизмъ кн. Щербатова не пошелъ далѣе нѣкоторыхъ частностей, нарушавшихъ, по его мнѣнію, естественный ходъ событій. Такъ имъ выдѣлены въ примѣчанія эпизодъ съ примѣтами Дм. Волынца и разсказы о видѣніяхъ разныхъ лицъ во время битвы, какъ невѣроятныя событія. Возбуждали въ немъ сомнѣніе имена нѣкоторыхъ князей изъ числа пришедшихъ Дмитрію Донскому на помощь, также численность войска (которую онъ считалъ въ 200, а не въ 400 тысячъ), наконецъ—ему казался неправдоподобнымъ разсказъ о томъ, какъ Дм. Волынецъ выжидалъ попутнаго вѣтра, чтобы броситься на враговъ изъ засады (по мнѣнію историка, здѣсь была просто уловка хитраго предводителя, ожидавшаго удобнѣйшаго момента боя). Вотъ все, что сдѣлалъ кн. Щербатовъ относительно критики текста. Пускаясь въ длинныя объясненія каждаго собственнаго имени, встрѣчающагося въ разсказѣ, историкъ доказалъ этимъ крайне довѣрчивое отношеніе къ имѣвшемуся у него сводному тексту повѣсти.

Кн. Щербатову слѣдовалъ во взглядахъ Ив. Стриттеръ [2]). Главной

[1]) *Кн. Щербатовъ*. Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1781. Т. IV.

[2]) *Ив. Стриттеръ*. Исторія россійскаго государства. Спб. 1801. Т. II.

заслугой его слѣдуетъ признать то, что еще задолго до Тимковскаго онъ ввелъ въ обращеніе рукописный источникъ повѣствованія о походѣ Дмитрія на Мамая. По его собственнымъ словамъ, онъ „употребилъ, кромѣ приводимыхъ донынѣ лѣтописей, рукописное описаніе сего похода на россійскомъ языкѣ неизвѣстнаго сочинителя, которое въ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ подъ № 6 находится, и съ которымъ повѣствованія Кіевскаго Синопсиса во многомъ весьма согласуются". (Прим. на стр. 434). Въ число „извѣстныхъ" лѣтописей входятъ Ростовская и Типографская. Далѣе пересказа содержанія авторъ не пошелъ; важно только то, что въ изложеніи Стриттеръ, главнымъ образомъ, держался текста архивнаго списка, того самаго, который позже былъ принятъ Снегиревымъ въ число варіантовъ къ изданному имъ Повѣданію по списку Тимковскаго.

Гораздо большее критическое отношеніе къ текстамъ повѣстей о Куликовской битвѣ замѣчается у Н. М. Карамзина [1]). Историкъ дѣлилъ описаніе битвы съ Мамаемъ на двѣ редакціи: 1) носитъ дѣйствительно историческій характеръ и находится въ Ростовской и другихъ сходныхъ съ ней лѣтописяхъ, 2)—болѣе пространная повѣсть, помѣщенная въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ, исключительно баснословна. Первую Карамзинъ положилъ въ основу своего историческаго повѣствованія, о второй же упоминалъ и приводилъ выдержки только „для любопытнаго читателя". Основываясь на одномъ знакомомъ ему спискѣ повѣсти библіотеки гр. Толстого, Карамзинъ считалъ вторую редакцію составленной рязанскимъ іереемъ Софроніемъ въ исходѣ XV вѣка. Что этотъ редакторъ или составитель не былъ современникомъ описываемому имъ событію, доказательствомъ, по мнѣнію Карамзина, служатъ многочисленные анахронизмы и несообразности въ изложеніи. Во время побоища, напримѣръ, Кипріанъ еще не былъ митрополитомъ; образъ Богоматери, писанный Лукой, привезенъ въ Москву при сынѣ Дмитрія Донского; бѣлозерскихъ князей на самомъ дѣлѣ было два, а не восемь; имена остальныхъ князей—участниковъ битвы или перебиты или вымышлены; Евдокія, говоритъ повѣсть, пошла въ теремъ со снохою, но въ 1380 г. послѣдней еще не было; 28 августа названо субботой, но въ тотъ годъ оно приходилось во вторникъ и пр. (Послѣднее замѣчаніе еще ранѣе Карамзина сдѣлалъ Стриттеръ, см. прим. на стр. 450 II тома).

Кромѣ Толстовскаго Карамзину были извѣстны еще списки второй

---

[1]) Примѣчанія къ V т. Исторіи Государства Россійскаго, 65, 71—76, 79—81, 85.

редакціи, какъ онъ называлъ „сказочной“, именно Синодальной библіотеки №№ 365 и 529. Несомнѣнно, историкъ читалъ ихъ, даже отмѣтилъ, что списки второй редакціи несогласны между собою, но далѣе вышеприведенныхъ заключеній онъ не пошелъ. Горячій поклонникъ Шлецера, Карамзинъ проникся его скептицизмомъ и оказался далеко не безпристрастнымъ литературнымъ критикомъ. Отвергая вполнѣ всѣ свидѣтельства пространной редакціи, онъ слишкомъ довѣрился лѣтописной. Судя по выдержкамъ изъ лѣтописной редакціи, приведеннымъ въ примѣчаніяхъ, утерянная Ростовская лѣтопись, въ той части, гдѣ она говоритъ о Куликовской битвѣ, принадлежала къ разряду такихъ, какъ Софійская I, Воскресенская, а разсказъ послѣднихъ о побоищѣ отнюдь не можетъ быть названъ дѣйствительно историческимъ повѣствованіемъ.

Взглядъ Карамзина на повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ долгое время былъ авторитетомъ у большинства историковъ. Митрополитъ Евгеній, дойдя въ своемъ словарѣ [1]) до имени Софронія, писалъ: „Софроній, священникъ рязанскій XV вѣка, сочинилъ Исторію или Повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамая съ безчисленными Агаряны. Повѣсть сія внесена въ Никоновскую лѣтопись, а особый списокъ есть въ Патріаршей библіотекѣ“. Вотъ все, что сказано имъ о Софроніи и вообще о повѣсти. Неизвѣстно, на какой списокъ намекалъ митрополитъ Евгеній, такъ какъ въ Патріаршей библіотекѣ—не одинъ. Нетрудно видѣть, что вышеприведенное извѣстіе цѣликомъ основано на Карамзинѣ, а не на собственномъ изысканіи.

Совершенно то же повторилъ Арцыбашевъ [2]). Въ главѣ „Просвѣщеніе“ авторъ говоритъ, что Побоище великаго князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ сочинено рязанцемъ іереемъ Софроніемъ. Авторство послѣдняго Арцыбашевъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ основываетъ на свидѣтельствѣ все той же рукописи гр. Толстого.

Толчкомъ къ болѣе детальному изученію повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ явился вопросъ о подлинности Слова о полку Игоревѣ, сдѣлавшійся особенно острымъ въ концѣ первой четверти XIX вѣка. Какъ извѣстно, нѣкоторыя выраженія повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ чрезвычайно напоминаютъ подобныя въ Словѣ. Съ этихъ поръ повѣсти, вѣрнѣе, одна редакція ихъ, получившая у изслѣдователей названіе

---

[1]) *М. Евгеній.* Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. Спб. 1827. Т. II.

[2]) *Арцыбашевъ.* Повѣствованіе о Россіи. М. 1838.

Повѣданія, являются неразлучными спутниками послѣдующихъ работъ по Слову о полку Игоревѣ. Съ этихъ поръ Повѣданіе становится предметомъ изученія, и если это изученіе далеко не было обстоятельнымъ, то причина заключалась въ томъ, что главное вниманіе изслѣдователей все-таки лежало на Словѣ.

Въ 1818 году Калайдовичъ писалъ [1]): „Скоро появится новый пѣвецъ побѣды Дмитрія Донского надъ Мамаемъ, который силою выраженій, красотою слога и близкимъ сходствомъ съ пѣснію Игоревою открываетъ въ себѣ совершеннаго подражателя оной“. Желая обратить вниманіе общества на литературныя достоинства памятника, прославлявшаго Куликовскую битву, Калайдовичъ, нѣсколько позже— въ 1820 году, повторилъ то же, но полнѣе, въ другой своей статьѣ [2]). Перечисляя работы покойнаго Романа Θеодоровича Тимковскаго, Калайдовичъ останавливается на одной, неоконченной, состоявшей въ примѣчаніяхъ на „Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ в. кн. Дмитрія Ивановича Донского“. Это „драгоцѣнное“ сочиненіе, какъ увѣряетъ авторъ, было найдено Тимковскимъ въ рукописи XVII вѣка, но не въ томъ видѣ, который предлагается какъ историческое повѣствованіе въ лѣтописяхъ. Оно „нѣсколько согласно съ другимъ сочиненіемъ, извѣстнымъ по рукописямъ, и написано въ піитической прозѣ. Нѣкоторыя мѣста сей героической пѣсни имѣютъ сходство со Словомъ о полку Игоря, изъ коего, повидимому, оныя заимствованы. Пѣвецъ Игоревъ, будучи самъ исполненъ піитическаго восторга, обращается въ Бояну, соловью древняго времени, ожидая отъ него вдохновенія: пѣвецъ же Дмитріевъ призываетъ нѣкоего Урана [3]) для одушевленія предмета, имъ воспѣваемаго. Первый воспѣваетъ Курчанъ опытными кметями (наѣздниками), повитыми подъ звукомъ трубъ, взлелѣянными подъ шлемами, вскормленными концами копій; вторый также описываетъ московское воинство. Въ пѣсни Игоревой Всеславъ представленъ необыкновеннымъ человѣкомъ, въ повѣсти о побѣдѣ Дмитрія изображенъ такимъ же смѣлымъ, предпріимчивымъ волхвомъ Дмитрій Волынецъ. Наконецъ вмѣсто супруги Игоря у пѣвца Дмитріева описана Евдокія, жена великаго князя, сидящая въ своемъ

---

[1]) Опытъ рѣшенія вопроса, на какомъ языкѣ написана Пѣснь о полку Игоря. (Труды О-ва Люб. Р. Слов. 1818, XI).

[2]) О трудахъ проф. Тимковскаго по русской исторіи. *Вѣстникъ Европы*, 1820, VI.

[3]) Этотъ „Уранъ“ (Сія повѣдай, Оуранъ..., по изд. Снегирева) дожилъ до самаго поздняго времени, хотя представляетъ несомнѣнную ошибку въ чтеніи рукописи; слѣдовало читать очевидно—„брань“, хотя это слово вскорѣ и повторяется въ текстѣ.

златоверхомъ теремѣ, надъ рѣкою Москвою, пригорюнившись, въ сѣтованіи о разлукѣ съ ея любезнымъ Дмитріемъ. И самыя слова, изъ пѣсни Игоровой взятыя: харалужный, стягъ, галица и другія, въ послѣдней нерѣдко встрѣчаются".

За Калайдовичемъ остается заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе изслѣдователей на повѣсть, какъ на литературное произведеніе. Но относительно „открытія" Тимковскимъ новаго памятника Калайдовичъ нѣсколько увлекся. Случившееся незадолго до того открытіе Слова о полку Игоревѣ несомнѣнно заставило Калайдовича усмотрѣть въ бумагахъ Тимковскаго еще новую находку. Между тѣмъ изъ предыдущаго изложенія видно, что то же самое произведеніе, только по другимъ спискамъ, было извѣстно Стриттеру и Карамзину. Должно быть Калайдовичъ не зналъ этого; онъ непосредственно за Тимковскимъ признавалъ открытіе Повѣданія. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ Тимковскому [1]): „Въ одной лѣтописи Синодальной библіотеки находится описаніе сраженія Дмитрія Донского съ Мамаемъ, сходное съ пѣснью, вами найденною, исключая того, что въ первой пропущены многія піитическія мѣста, находящіяся во второй". Это неправда, потому что, во-первыхъ, списки Синодальной библіотеки не чужды мѣстъ поэтическихъ, во-вторыхъ—когда это „найденное" произведеніе было напечатано, а затѣмъ повторено въ рядѣ изданій, то однимъ изъ варіантовъ для списка Тимковскаго послужила, какъ уже указано, извѣстная Стриттеру Архивская рукопись. Итакъ, для повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ вопроса объ открытіи быть не могло. Въ этомъ случаѣ замѣтки Калайдовича только сбивали съ толку и современниковъ и позднѣйшихъ изслѣдователей. Тотъ же Н. П., авторъ статьи въ Сынѣ Отечества, спрашивалъ въ примѣчаніи: „Слѣдовательно Р. Ѳ. Тимковскому обязаны мы находкою пѣсни о Куликовской битвѣ?".

Но еще прошло много времени, прежде чѣмъ повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ послужили предметомъ научной работы. Еще въ 1834 г. проф. Давыдовъ [2]) повторялъ карамзинскія заключенія: „Къ роду повѣствованій о Татарахъ, говоритъ онъ, относится и Софроніева повѣсть о Мамаѣ.... плачъ Евдокіи обличаетъ въ ней сочинителя іерея"... (стр. 503). Выше онъ называетъ этого іерея рязанцемъ. Кромѣ нѣ-

---

[1]) См. *Сынъ Отечества*, 1839, VIII, статья Н. П.: Любопытныя замѣчанія къ Слову о полку Игоровомъ.

[2]) Лекція проф. Давыдова: „Составныя начала и направленіе средней отечественной словесности". Уч. Зап. Моск. Унив. 1834, III.

которыхъ отрывковъ, приведенныхъ профессоромъ для ознакомленія со „среднимъ“ русскимъ языкомъ, о памятникѣ не сказано ни одного слова.

Благодаря краткой замѣткѣ, сдѣланной въ томъ же году Строевымъ [1]), исторія памятника не только не подвинулась впередъ, но еще болѣе затемнилась. Основываясь на извѣстномъ ему Едомскомъ лѣтописцѣ, авторъ считалъ повѣсть написанной въ половинѣ XVI вѣка священникомъ Софоніемъ. Доказательствъ, почему Строевъ считалъ такую хронологическую дату правильной, не приведено; что же касается новаго наименованія автора повѣсти, то эта двойственность: Софроній-Софоній явилась источникомъ долгихъ споровъ и догадокъ о настоящемъ имени составителя.

Первый, кто подвергъ повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ болѣе или менѣе детальному изученію, былъ И. Снегиревъ. Выводы свои онъ изложилъ въ предисловіи, написанномъ къ изданію „Повѣданія и сказанія о побоищѣ в. кн. Дмитрія Донского, слова о житіи и преставленіи его и слова о полку Игоревѣ“ [2]). Съ этихъ поръ пространная редакція повѣсти, названная Карамзинымъ баснословной, получаетъ прочно за ней установившееся названіе „Повѣданія“, въ отличіе отъ другихъ редакцій [3]). Этотъ же терминъ будетъ принятъ мною и въ настоящемъ изложеніи.

Снегиревъ сдѣлалъ свое изданіе по пяти извѣстнымъ ему спискамъ: 1) Тимковскаго, 2) Снегирева, 3) Ермолаева, 4) кн. Оболенскаго (архивный), 5) Царскаго, лицевой. Всѣ эти списки, различные по подробностямъ, считаются имъ одной редакціи. Въ основаніе издателемъ положенъ списокъ Тимковскаго, считаемый имъ древнѣйшимъ, хотя онъ относится къ XVII вѣку. Въ вопросѣ о времени составленія Снегиревъ относилъ первоначальную редакцію Повѣданія къ XV вѣку и предположительно указалъ на двѣ послѣдующія переработки: при митр. Макаріи и во время польскаго лихолѣтья. Основываясь на томъ, что странно отъ рязанца ожидать, чтобы онъ надѣлялъ бранными эпитетами своего же князя Олега, Снегиревъ думалъ, что составитель

[1]) Указаніе матеріаловъ отечественной исторіи. *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1834, II.

[2]) Рус. Ист. Сборникъ III, кн. 1. М. 1838.

[3]) Содержаніе Повѣданія, по Снегиреву, таково: Вступленіе; приготовленія къ битвѣ; выступленіе и смотръ войска; раскаяніе Олега и Ольгерда; переходъ черезъ Донъ; построеніе войска въ боевой порядокъ; примѣты Дмитрія Волынца; битва; заключеніе. Между этими частями вставлены эпизоды, связанные искусственными переходами.

Повѣданія скорѣе какой-нибудь владимирецъ или ростовецъ. Объ его имени издатель не сказалъ ничего, такъ что вопросъ о Софроніи-Софоніи остался открытымъ.

Конечно, Снегиревъ не оставилъ издаваемаго имъ памятника безъ того, чтобы не сравнить его со Словомъ о полку Игоревѣ. Съ этой цѣлью имъ приложенъ къ изданію текстъ послѣдняго. Изъ сравненія и разбора содержанія Снегиревъ пришелъ къ заключенію, что Повѣданіе проникнуто христіанскимъ духомъ, изобилуетъ вставками, затѣйливо и поэтично, но хуже Слова.

Очень кратко коснулся Снегиревъ лѣтописной редакціи. Онъ отдѣлилъ ее отъ Повѣданія, указавъ, что повѣсть, помѣщенная въ Софійскомъ временникѣ, не носитъ слѣдовъ подражанія Слову о полку Игоревѣ.

Итакъ, въ вопросѣ о времени Снегиревъ слѣдуетъ Карамзину. Новой и оригинальной въ предисловіи слѣдуетъ признать мысль автора, хотя высказанную бездоказательно, о возможности послѣдовательныхъ переработокъ текста Повѣданія. Авторъ насчитывалъ три редакціи: XV вѣка, затѣмъ—при Макаріи, наконецъ—начала XVII вѣка. Къ сожалѣнію, никто изъ изслѣдователей не занялся провѣркой или доказательствомъ справедливости этого предположенія.

Продолжателемъ работы Снегирева по сличенію Повѣданія со Словомъ о полку Игоревѣ явился Дубенскій въ своей работѣ, посвященной послѣднему [1]). Для доказательства извѣстности Слова въ средніе вѣка, Дубенскій выписалъ сходныя мѣста изъ памятниковъ. Такъ какъ интересъ изслѣдователя лежалъ на Словѣ, то послѣднее, по его мнѣнію, неизмѣримо выше. Планъ, ходъ, выраженія Повѣданія только тогда и становятся понятны, когда прочитаешь Слово, которому рабски подчинялся составитель перваго. Въ Повѣданіи—языкъ средній, представляющій смѣсь книжныхъ формъ съ простонародными. Оно—произведеніе упадка, рабол̀ѣпное, притомъ дѣтское подражаніе Слову. (Въ послѣднемъ случаѣ Дубенскій дѣлаетъ ссылку на Снегирева). Слово поражаетъ и увлекаетъ, такъ что никакой мысли не можетъ быть о возможности заимствованія Словомъ чего-либо изъ Повѣданія, наоборотъ—авторъ Повѣданія говоритъ о многомъ только потому, что объ этомъ говорилъ авторъ Слова.

Вмѣстѣ съ Карамзинымъ Дубенскій авторомъ Повѣданія считалъ Софронія рязанца. Времени составленія не указалъ, но древнѣйшимъ

---

[1]) *Д. Дубенскій.* Слово о полку Игоревѣ. Русскія достопамятности, ч. III. М. 1844.

спискомъ, опять вмѣстѣ съ Карамзинымъ и опять безъ всякихъ доказательствъ, считалъ списокъ Синодальной библіотеки № 365.

Можетъ быть, изученіе Повѣданія не пошло бы дальше сравненій его со Словомъ, если бы не случилась одна литературная находка, заставившая изслѣдователей обратить большее вниманіе на заброшенный памятникъ и осложнившая вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ его литературной исторіи. Годъ спустя по выходѣ изслѣдованія кн. Вяземскаго, 17-го іюля 1852 г., редакторъ Временника, въ которомъ оно было напечатано, И. Д. Бѣляевъ писалъ А. Н. Попову: „Вуколъ Михайловичъ Ундольскій недавно купилъ груду рукописныхъ книгъ. Я, по обычаю, пошелъ къ нему пересматривать покупку; онъ, между прочимъ, подаетъ мнѣ одинъ рукописный сборникъ и говоритъ, что здѣсь есть Слово о Мамаевомъ побоищѣ. Читаю Слово, и что же—чудная вещь, Слово—вовсе неизвѣстное, и просто запросто почти цѣликомъ Слово о полку Игоревѣ, подлаженное къ обстоятельствамъ Мамаева побоища. Сборникъ по почерку принадлежитъ къ первой половинѣ XVII вѣка, слѣдовательно, Слово о полку Игоревѣ было давно извѣстно русскимъ людямъ; мы только несчастные до сихъ поръ не имѣемъ ни одного стараго списка этому Слову. Посылаю вамъ Слово въ корректурномъ листѣ; вѣроятно, и графъ Д. Н. Блудовъ будетъ интересоваться этой находкой, ибо его, кажется, занимаетъ Слово о полку Игоревѣ“ [1]).

Такими словами была привѣтствуема находка новаго памятника литературы, имѣвшая на этотъ разъ полное право именоваться открытіемъ. О томъ же Бѣляевъ писалъ и Погодину: „Жаль, что я не могу быть у васъ. Впрочемъ, вы и безъ меня разрѣшите вопросъ о новомъ Словѣ на Мамаево побоище, вотъ вамъ корректурный листъ. Здѣсь Слово о полку Игоревѣ не упоминается, но что сочинитель зналъ это Слово, то въ этомъ нельзя сомнѣваться. Въ Софоніевомъ Словѣ можно отыскать сходство съ Словомъ о полку Игоревѣ, а здѣсь цѣликомъ это Слово, только приложено къ Донскому“. (Ibid.).

Издать и написать предисловіе къ новооткрытому памятнику взялъ на себя Бѣляевъ [2]). Кромѣ Слова по списку Ундольскаго авторъ пересмотрѣлъ вопросъ и о старомъ Повѣданіи и пришелъ къ такимъ выводамъ:

---

[1]) *И. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XII. Спб. 1898.

[2]) *И. Бѣляевъ.* Предисловіе къ Слову о в. кн. Дмитріѣ Ивановичѣ и братѣ его Владимірѣ Андреевичѣ яко побѣдили супостата своего царя Мамая, по сп. Ундольскаго. Временникъ И. М. Об. Ист. и Др. Росс. XIV. М. 1852.

1) Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ в. кн. Дмитрія Донского (т. е. то, что издавалъ Снегиревъ) писано рязанцемъ Софоніемъ, который жилъ, вѣроятно, въ концѣ XIV вѣка и былъ современникомъ событію, а не іереемъ Софроніемъ, жившимъ въ концѣ XV вѣка, какъ утверждали нѣкоторые, основываясь на спискѣ гр. Толстого. Анахронизмы и историческія неправильности, указанные Карамзинымъ, какъ нарушающіе возможность предположенія о современности автора событію—простое мудрованіе позднѣйшихъ переписчиковъ.

2) Поэтому текстъ Повѣданія очень искаженъ: дошедшіе до насъ списки отличны между собою по многимъ и важнымъ измѣненіямъ, сокращеніямъ, дополненіямъ и по началу. Между тѣмъ они всѣ должны восходить къ одному оригиналу. (Бѣляеву уже было извѣстно большее количество списковъ: 1) Тимковскаго, 2) Снегирева, 3) кн. Оболенскаго, 4) Ундольскаго, 5) его же, 6) Погодина и 7) Ермолаева).

3) Списокъ Повѣданія, принадлежащій Погодину (скоропись XVII), будучи искаженъ не менѣе другихъ, сохранилъ много мѣстъ истинно поэтическихъ, утраченныхъ въ другихъ спискахъ, изъ чего можно заключить, что оригиналъ Софоніева Повѣданія далеко не походилъ на дошедшіе до насъ списки. Подлинникъ, конечно, не былъ искаженъ анахронизмами и историческими неправильностями.

4) Доказательства современности автора событію, однако, не совсѣмъ сгладились въ позднѣйшихъ спискахъ: имена гостей—сурожанъ, взятыхъ въ походъ противъ Мамая, вездѣ одинаковы; точно также и имена боярскихъ и воеводскихъ женъ.

Дальнѣйшія положенія уже касаются новаго Слова о Дмитріи, по списку Ундольскаго.

5) Въ Словѣ находятся ясныя указанія на пѣсни Бояна и Слово о полку Игоревѣ, отсюда вытекаетъ необходимое заключеніе, что послѣднее было извѣстно, его изучали, ему подражали.

6) Слово въ спискѣ XVII вѣка упоминаетъ о Софоніи, какъ объ авторѣ, уже писавшемъ о битвѣ съ Мамаемъ. Поэтому Слово сочинено, весьма вѣроятно, въ началѣ XV вѣка, когда Куликовская битва еще сильно занимала умъ русскихъ. Авторъ Слова—неизвѣстенъ.

Таковы выводы, благодаря которымъ за Повѣданіемъ установилось авторство Софонія. Бѣляеву еще не былъ извѣстенъ Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, который навелъ бы его на другія соображенія. Вообще его выводы страдаютъ слишкомъ общимъ характеромъ и не поддержаны доказательствами. Въ Словѣ дѣйствительно есть заимствованія изъ Слова о полку Игоревѣ, но изъ него ли одного? Почему время

составленія Слова отнесено къ началу XV вѣка, а Повѣданія—къ XIV? Затѣмъ—почему Погодинскій списокъ долженъ быть ближе къ оригиналу? Всему этому доказательствъ нѣтъ. Если бы авторъ отнесся повнимательнѣе къ поэтическимъ мѣстамъ, то увидалъ бы тожество нѣкоторыхъ и въ Повѣданіи и въ Словѣ. Наконецъ, заключеніе, что всѣ списки Повѣданія восходятъ къ одному оригиналу, т. е. всѣ—одной редакціи, представляетъ шагъ назадъ сравнительно съ положеніемъ Снегирева, указывавшаго на возможность трехъ послѣдовательныхъ редакціонныхъ обработокъ.

Послѣ Снегирева С. М. Соловьевъ попытался раздѣлить повѣсти на редакціи [1]). Онъ широко взглянулъ на дѣло и коснулся не одного Повѣданія, но всего вообще цикла сказаній о Куликовской битвѣ. По мнѣнію историка, литературная исторія сказаній представляется въ такомъ видѣ. Первоначальное сказаніе, сходное съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ, проникнутое религіознымъ характеромъ, безъ подозрительныхъ подробностей, вошло въ нѣкоторыя лѣтописи, напримѣръ въ Софійскую I.

Такое важное событіе, какъ побѣда надъ татарами, однако должно было породить множество устныхъ подробностей; при переписываніи онѣ вносились въ текстъ и, такимъ образомъ, составилось украшенное сказаніе. Въ такомъ сказаніи эти подробности подозрительны, часто—невѣрны.

Наконецъ, существуетъ третій видъ—Задонщина (сп. Ундольскаго), написанная въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ. Предыдущее сказаніе, пространное, знакомо съ Задонщиной. Это послѣднее заключеніе историка, хотя высказанное осторожно, какъ разъ противорѣчитъ (и достаточно основательно) мнѣнію Бѣляева, считавшаго Повѣданіе по времени составленія ранѣе Задонщины.

Что касается имени автора, равно какъ и вопроса о времени составленія, то Соловьевъ не взялся судить объ этомъ: „неизвѣстно, когда составились эти сказанія", говоритъ онъ. Историкъ привелъ только три варіанта имени автора: 1) Софроній, іерей рязанскій; 2) Софоній, брянскій бояринъ (Тверская лѣтопись) и 3) Софонія.

Не будучи по спеціальности историкомъ литературы, Соловьевъ однако указалъ на многое такое, что впослѣдствіи было повторено другими изслѣдователями повѣстей, но безъ ссылки на Исторію. Такъ,

[1]) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. IV, гл. III. М. 1853 г.

еще до Назарова Соловьевъ указалъ на сходство лѣтописной редакціи съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ, до Срезневскаго—объ участіи устнаго элемента въ Повѣданіи, задолго до позднѣйшихъ работъ—о первоначальности лѣтописной редакціи. Затѣмъ его дѣленіе повѣстей на 3 вида или редакціи было принято большинствомъ изслѣдователей съ нѣкоторыми лишь варіантами.

Наконецъ, на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* появилась обстоятельная работа, носящая характеръ историко-литературнаго изслѣдованія. Это была работа І. Назарова, поставившаго себѣ задачей опредѣлить характеръ участія эпоса въ постепенномъ развитіи сочиненій о Мамаевомъ побоищѣ [1]).

Усвоивъ себѣ, очевидно, мысль Соловьева, Назаровъ говорилъ, что сказанія о войнѣ съ Мамаемъ были устныя и собственно литературныя. Всѣ они взаимно дополняли другъ друга: писатели XV — XVI вѣка черпали изъ устныхъ; литературныя, въ свою очередь, оказали вліяніе на народныя сказанія. Но каковы были эти устныя сказанія, отвѣтить трудно.

Таково основное положеніе Назарова. Оно страдаетъ тѣмъ же, чѣмъ вообще всѣ изслѣдованія о сказаніяхъ о Куликовской битвѣ: мысль автора, можетъ быть, и вѣрна, но она не убѣдительна, такъ какъ высказана совершенно голословно. Въ лѣтописныхъ сборникахъ, говорилъ далѣе Назаровъ, историческія повѣсти подвергались различнымъ измѣненіямъ, отсюда—много редакцій. Первичная всегда должна быть краткой, позднѣйшія, стремясь удовлетворить любознательности, обогащались подробностями, весьма разнообразными, взятыми изъ устныхъ сказаній. Отсюда въ позднѣйшихъ явилась невыдержанность тона и слога.

Назаровъ различалъ двѣ редакціи. Первая вошла въ лѣтописи и называется имъ „Сказаніе“. Она, безъ сомнѣнія, древнѣйшая повѣсть, бѣдна подробностями и представляетъ какъ бы конспектъ второй.

Сказаніе сочинено, можетъ быть, вскорѣ послѣ смерти преп. Сергія († 1392 г.), поэтому въ немъ нѣтъ анахронизмовъ, какъ во второй редакціи.

Сказаніе является въ двухъ видахъ: 1) краткомъ, помѣщенномъ въ Новгородской I лѣтописи, первой половины XV вѣка и 2) полнѣйшемъ—въ остальныхъ лѣтописяхъ, старѣйшіе списки кото-

[1]) *І. Назаровъ*. Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1858 г., VII и VIII.

рыхъ восходятъ къ концу XV и началу XVI вѣка. (Авторъ основываетъ различіе между ними на употребленіи нѣкоторыхъ буквъ, этимологическихъ формъ, синтаксическихъ оборотовъ, вставокъ, замѣны выраженій подобными же). Полнѣйшій видъ — древнѣе, такъ что первый—сокращеніе второго.

О древности лѣтописной редакціи, какъ указано, говорилъ Соловьевъ. На основаніи филологическихъ разысканій Назаровъ считалъ стоящими ближе къ подлиннику тѣ списки, которые вошли въ Новгородскую IV лѣтопись, что весьма недавно высказано также академикомъ А. А. Шахматовымъ. Впрочемъ, эта сторона изложена авторомъ не совсѣмъ ясно: онъ не упоминаетъ, напримѣръ, о Супрасльской лѣтописи, изданной еще въ 1836 г.; въ какомъ же отношеніи къ подлиннику стоитъ текстъ помѣщенной въ ней Повѣсти?

Вмѣстѣ съ Соловьевымъ Назаровъ указывалъ далѣе, что по строю, изложенію и направленію первичная редакція сказанія находится въ близкомъ родствѣ съ повѣстью о побѣдѣ Невской. Авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи привелъ нѣкоторыя мѣста изъ той и другой для сравненія, но примѣры были взяты на удачу, и авторъ не воспользовался тѣмъ, что могло дать болѣе детальное сравненіе.

Вторая редакція представляетъ распространенную повѣсть и является, по мнѣнію Назарова, въ 3 видахъ: 1) Повѣданіе, дошедшее въ сборникахъ XVII — XVIII вѣковъ; 2) вошедшее въ Никоновскую лѣтопись и 3)—въ Синопсисъ.

Повѣданіе дошло не въ первоначальномъ видѣ. Списки значительно разнятся; такъ, одни обстоятельства присутствуютъ въ одномъ и неизвѣстны другому списку, что особенно замѣтно въ поэтическихъ мѣстахъ. Отсюда авторъ выводитъ, что первоначальной основой можно признать лишь то, что находится сходнаго во всѣхъ спискахъ. Несомнѣнно, выводъ этотъ весьма близокъ къ истинѣ, но авторъ не настоялъ на немъ. Наоборотъ, онъ въ дальнѣйшемъ уклонился отъ принятаго имъ правильнаго пути и счелъ почему-то самымъ близкимъ къ первоначальной редакціи списокъ Тимковскаго (кромѣ воззванія и окончанія). Съ этимъ нельзя согласиться потому, что далеко не всѣ списки были разобраны авторомъ, еще болѣе ихъ—ему было неизвѣстно. Впрочемъ, онъ самъ оговаривается, предполагая, что оригиналъ могъ содержать только одну историческую повѣсть безъ наслоеній.

Повѣданіе въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, представляетъ, по мнѣнію Назарова, опытъ сближенія книжной повѣсти со сказаніями

народа. Въ основѣ его лежитъ, слѣдовательно, пространная историческая повѣсть, дополненная украшающими отрывками изъ произведенія, сложеннаго подъ вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ. Кромѣ того, нѣкоторыя подробности занесены въ Повѣданіе изъ эпоса, монастырскихъ сказаній; отсюда въ языкѣ памятника обиліе формъ народныхъ.

Къ сожалѣнію, авторъ не остановился подробно на разборѣ литературныхъ источниковъ Повѣданія, указавъ лишь вкратцѣ на привходящіе элементы, и не выдѣлилъ вставочныхъ повѣстей, находящихся, безъ сомнѣнія, въ Повѣданіи.

Наконецъ, о времени составленія Повѣданія авторъ, на основаніи данныхъ языка, относилъ его ко второй четверти XV вѣка. Что же касается имени составителя, то Назаровъ, приведя варіанты имени Софроній—Софоній, по происхожденію то рязанскаго іерея, то брянскаго боярина, склоняется къ тому, что авторъ — одинъ, рязанецъ, все равно—Софоній или Софроній.

Можно еще оспаривать, что Софроній былъ, по мнѣнію автора, составителемъ Повѣданія (Назаровъ не зналъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка), но что Софоній—то же, что Софроній, съ этимъ нельзя не согласиться. Въ данномъ случаѣ приходится считаться съ ошибкой переписчиковъ, невѣрно прочитавшихъ рукопись: въ начертаніи „Софоній“ не вписанъ вынесенный наверхъ *р*.

О повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ, Назаровъ говоритъ кратко. Та редакція, которая находится въ Никоновской, представляетъ, по его мнѣнію, сводъ разныхъ отдѣльныхъ сочиненій о войнѣ съ Мамаемъ. Трудно однако согласиться, чтобы это былъ сводъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не указалъ, каковы были эти сочиненія. Наконецъ, въ повѣсть, внесенную въ Синопсисъ, введены варіанты изъ народныхъ устныхъ сказаній. Можно возразить и противъ этого мнѣнія: варіанты изъ устныхъ сказаній вошли и въ Повѣданіе, въ такомъ случаѣ, что же заставило автора выдѣлить повѣсть Синопсиса, какъ особый видъ или редакцію? Къ исторической повѣсти, по мнѣнію Назарова, примыкаетъ Слово о Дмитріи (сп. Ундольскаго), написанное, особенно въ 1-й части, въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ, съ добавленіемъ изъ народныхъ преданій. Составлено Слово послѣ Софоніева сочиненія, до XVII вѣка, можетъ быть въ періодъ времени съ половины XV до половины XVI вѣка.

Итакъ, Повѣсть раздѣлена авторомъ на категоріи: находящуюся въ лѣтописяхъ, краткую и полную, при чемъ послѣдняя—древнѣйшая—

и на находящуюся въ сборникахъ и сводахъ. Послѣдняя не дошла въ первоначальной редакціи, но въ разное время дополнялась вставками изъ народныхъ сказаній. Въ спискѣ Тимковскаго представляется ближайшій къ первоначальной редакціи текстъ этой категоріи. Изъ Синопсиса повѣсть вошла въ народъ. Задонщина только примыкаетъ по сюжету, на нее оказали особенное вліяніе Слово о полку Игоревѣ и народныя сказанія.

Таковы выводы. Во многомъ, какъ видно изъ изложенія, авторъ слѣдовалъ указаніямъ Соловьева, на многое имъ мало или вовсе не обращено вниманія. Нельзя не сознаться, что чрезвычайно трудно установить, сколько же по Назарову было редакцій? Не обращено вниманія на сходство поэтическихъ мѣстъ Повѣданія съ такими же Задонщины. Не доказано, почему послѣднюю слѣдуетъ относить къ указанному авторомъ времени; неясно все, что касается Синопсиса и Никоновской лѣтописи; указаны, но не провѣрены отношенія различныхъ списковъ между собою. Вообще—критической работы надъ текстомъ нѣтъ, между тѣмъ изслѣдованіе Назарова имѣло въ виду всестороннее разсмотрѣніе взятой имъ на себя задачи. Нѣкоторые выводы, однако, какъ, напримѣръ, о времени составленія Повѣданія, объ имени автора, наконецъ—замѣчанія о лѣтописной редакціи слѣдуетъ отнести къ числу удачныхъ.

Вскорѣ послѣ открытія Ундольскимъ списка Слова, подобный памятникъ, но въ гораздо болѣе раннемъ спискѣ, именно—XV вѣка, былъ найденъ арх. Варлаамомъ въ библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Въ 1859 году былъ изданъ текстъ памятника, при чемъ издатель написалъ предисловіе [1]). Рукопись представляла сборникъ, въ которомъ повѣсть помѣщена на 121 листѣ подъ такимъ заглавіемъ: „Писаніе Софонія старца рязанца блгви ѡ҃. Задонщина велико҃ кнзя гн҃а Димитрія Ивановиˇ и брата его кнзя володимира ѡндрѣевиˇ“. Текстъ близокъ къ сп. Ундольскаго, но не совсѣмъ и представляетъ значительные варіанты.

Эта находка должна была бы измѣнить существовавшіе выводы. Во-первыхъ, для названія устанавливался болѣе краткій терминъ „Задонщина“ (впрочемъ, имъ пользовались и раньше), во-вторыхъ—весьма точно обозначалось время написанія этой редакціи — во всякомъ случаѣ не позже второй половины XV вѣка, въ-третьихъ—под-

[1]) Арх. Варлаамъ. Описаніе сборника XV столѣтія Кир.-Бѣл. монастыря. Уч. Зап. II отд. Имп. Акад. Наукъ. Кн. V. Спб. 1859 г.

рывалось мнѣніе, что Софонія авторъ Повѣданія: заглавіе весьма ясно свидѣтельствуетъ, что онъ скорѣе авторъ Задонщины, чѣмъ пространнаго Повѣданія, наконецъ—Задонщина находится въ ближайшемъ родствѣ со Словомъ по сп. Ундольскаго.

Таковы данныя, на основаніи которыхъ слѣдовало бы пересмотрѣть вопросъ о взаимномъ отношеніи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Между тѣмъ арх. Варлаамъ ограничился въ предисловіи немногими и весьма шаткими предположеніями. Указавъ на то, что Задонщина написана въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ (весьма устарѣлое указаніе), авторъ отличилъ ее отъ повѣсти, помѣщенной въ сборникѣ Румянцевскаго музея подъ № 378. Послѣднюю онъ считалъ напечатанной въ Кіевскомъ Синопсисѣ и въ Никоновской лѣтописи. Но всѣ три текста имѣютъ весьма мало общаго между собою и принадлежатъ скорѣе тремъ разнымъ редакціямъ. Въ вопросѣ объ имени автора арх. Варлаамомъ также приведено довольно странное толкованіе: повѣсть сборника № 378 приписана рязанцу іерею Софронію, а текстъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка—старцу рязанцу Софонію. Арх. Варлаамъ разсуждалъ такъ: старецъ — значитъ инокъ; поэтому Софроній, будучи еще іереемъ, написалъ пространную повѣсть, а уже инокомъ — пѣснь объ одномъ и томъ же. Имя его, по извѣстному обычаю, въ монашествѣ было перемѣнено: въ міру Софроній, въ инокахъ Софоній. Не трудно видѣть во всемъ этомъ крайнюю натяжку, основанную на полномъ незнакомствѣ автора съ самими сказаніями и съ предыдущей литературой, хотя бы съ однимъ Назаровымъ.

Изданнымъ текстомъ воспользовался И. Срезневскій для изданія своего своднаго текста Задонщины [1]). При этомъ издатель сдѣлалъ о ней нѣсколько важныхъ замѣчаній.

Повѣстей о битвѣ съ Мамаемъ, по мнѣнію Срезневскаго, было нѣсколько, въ различной передачѣ. Повѣсти эти шли въ народъ, гдѣ въ свою очередь подвергались переработкѣ. Вообще — „желателенъ ихъ разносторонній литературный и историческій сравнительный разборъ“, — замѣчаніе характерное, показывающее, что по разработкѣ повѣстей до 1858 года не было въ сущности сдѣлано ничего.

Задонщина—это поэма, въ родѣ великорусской старины или малорусской думы, написанная въ такой же прозѣ, какъ Слово о полку

[1]) Задонщина в. кн. господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера Ондрѣевича. Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ, VI. Спб. 1858 г.

Игоревѣ, которое она напоминаетъ по тону изложенія, подбору подробностей содержанія, выраженіями, напоминаетъ такъ, какъ подражаніе должно напоминать подлинникъ. Оба списка, и Ундольскаго и Кирилло-Бѣлозерскій, сильно искажены, поэтому, пока не нашелся третій, Задонщину слѣдуетъ читать, дополняя одинъ списокъ другимъ[1]). (Опытъ такого чтенія и представилъ Срезневскій, при чемъ за основаніе принятъ Кирилло-Бѣлозерскій сп., а изъ сп. Ундольскаго приведены дополненія и окончаніе, котораго въ Кирилло-Бѣлозерскомъ нѣтъ. У Срезневскаго вообще было стремленіе производить сводку текстовъ, хотя научнаго значенія такая сводка имѣть не можетъ). Основываясь на изученіи содержанія Задонщины, Срезневскій пришелъ къ такимъ выводамъ:

1) Оба списка по измѣненіямъ выраженій, перестановкѣ мѣстъ, подстановкѣ именъ и лицъ показываютъ, что писаны съ памяти. Что они списывались не съ готоваго извода, показываетъ также множество случайныхъ грамматическихъ неправильностей. Задонщина, слѣдовательно, была достояніемъ памяти.

2) Задонщина напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ; оба памятника—не чисто книжнаго происхожденія, можетъ быть оба были достояніемъ памяти и голосились, какъ старины и думы. Объемъ не долженъ смущать, такъ какъ для удержанія памятью величина памятника значенія не имѣетъ.

3) Задонщина — подражаніе, но врядъ ли одному Слову о полку Игоревѣ. Можетъ быть, былъ рядъ подобныхъ поэмъ? Яркость оборотовъ въ Словѣ доказываетъ, что они явились не въ немъ первомъ. (Авторъ приводитъ для образца нѣкоторыя мѣста изъ лѣтописей, напоминающія по своему складу стиль Слова). Въ Задонщинѣ находится много такого, что хотя и такъ же сложено, какъ въ Словѣ, но по содержанію и выраженію отлично, откуда же это явилось? Точно также отдѣльныя вставки, которыя находятся въ Словѣ и отсутствуютъ въ Задонщинѣ и наоборотъ, показываютъ, что для подобныхъ памятниковъ существовалъ одинъ общій источникъ. Такихъ поэмъ пока нѣтъ на лицо, но это не значитъ, что ихъ никогда не было. Задонщина подражаетъ такому роду поэмъ, и въ немъ есть непосредственныя частички „замышленія Бояня“.

Такимъ образомъ Срезневскій былъ склоненъ предположить су-

[1]) Этотъ третій списокъ, какъ будетъ указано ниже, былъ найденъ въ 1890 г. въ одномъ сборникѣ Син. Б—ки подъ № 790 проф. А. И. Смирновымъ.

ществованіе особой повѣствовательной школы, проникнутой поэтическимъ одушевленіемъ, школы, къ типу произведеній которой восходятъ Слово и Задонщина. Подобныя поэмы, равно какъ и другіе списки Задонщины, могутъ еще оказаться. Предположеніе Срезневскаго отчасти оправдалось: третій списокъ Задонщины найденъ; что же касается возможности существованія поэмъ, то и въ этомъ отношеніи догадку Срезневскаго оправдала находка отрывка изъ Слова о погибели русскія земли (изд. Хр. Лопаревымъ).

Вышеприведенные выводы Срезневскаго нашли себѣ мѣсто въ Исторіи русской литературы ак. А. Н. Пыпина. Указанія на школу, воспѣвавшую пѣсни славы, во всякомъ случаѣ достойно вниманія. Сомнительно только, чтобы эти поэмы голосились какъ старины или думы. Указаніе же на то, что Задонщина написана ранѣе Повѣданія (вопреки мнѣнію Бѣляева и Назарова и согласно съ Соловьевымъ), находитъ себѣ довольно вѣское доказательство въ наличности такого древняго списка, какъ изданный арх. Варлаамомъ.

Въ примѣчаніяхъ къ своей статьѣ Срезневскій обратилъ вниманіе и на Повѣданіе. Не зная, какъ рѣшить вопросъ объ авторствѣ Софронія, который является какъ будто творцомъ и того и другого произведенія, Срезневскій счелъ это имя простой книжной вставкой. Въ Повѣданіи онъ обратилъ вниманіе на поэтическія мѣста (чего до него никто не дѣлалъ). Въ повѣстяхъ о Мамаевомъ побоищѣ, говоритъ онъ, есть кое-что, напоминающее складомъ Слово о полку Игоревѣ и Задонщину. Многія мѣста въ нихъ буквально заимствованы изъ послѣдней, по всѣмъ вѣроятіямъ изъ разныхъ ея редакцій. Эти мѣста теперь сбиты, но прежде, очевидно, была какая-либо цѣлость. Отсюда Срезневскій признаетъ существованіе 2 словъ, вѣрнѣе редакцій: 1) прославлявшая князя Владиміра Андреевича, находится въ спискахъ Ундольскаго и Кирилло-Бѣлозерскомъ; 2) прославлявшая боярина Дмитрія Волынца—Повѣданіе.

Приводя поэтическія мѣста изъ Повѣданія, Срезневскій говоритъ: „Читатель, вѣрно, замѣтилъ дословныя или почти дословныя повторенія однихъ и тѣхъ же довольно сложныхъ выраженій: мнѣ кажется, что это доказываетъ, что составители повѣстей пользовались готовымъ запасомъ изъ словъ о Куликовской битвѣ по памяти, какъ составители сѣверныхъ сагъ (повѣстей)—готовымъ запасомъ изъ квидъ (словъ)“ [1]).

---

[1]) *Эрбенъ*, издавая въ 1870 г. Слово о полку Игоровѣ и Задонщину, ограни-

Одновременно съ работой ак. Срезневскаго вопроса о повѣстяхъ о Куликовской битвѣ коснулся преосв. Филаретъ въ своемъ Обзорѣ [1]). Напечатанная въ 1859 г. работа преосв. Филарета, очевидно, была написана гораздо раньше: онъ совершенно не знаетъ о существованіи Кирилло-Бѣлозерскаго списка, объ имени автора Повѣданія повторяетъ старыя мнѣнія. Авторъ Обзора считаетъ, что Софонія, рязанскій священникъ, написалъ Повѣданіе о нахожденіи на Русь Мамая. Это Повѣданіе представляетъ историко-поэтическое изображеніе Куликовской битвы, при чемъ сочинитель основывался на разсказахъ очевидцевъ. Анахронизмы заставляли нѣкоторыхъ изслѣдователей (отсюда видно, что Филаретъ пользовался однимъ Карамзинымъ) относить сочиненіе и сочинителя къ XV вѣку, но Слово по сп. Ундольскаго, написанное не прежде конца XV вѣка,—позднѣе Повѣданія, такъ какъ составляетъ подражаніе послѣднему, отсюда — Повѣданіе слѣдуетъ отнести къ концу XIV вѣка. Ошибки и анахронизмы могутъ принадлежать переписчикамъ.

Повидимому, преосв. Филаретъ весьма мало былъ знакомъ съ предыдущей литературой по вопросу о повѣстяхъ, иначе онъ по другому бы взглянулъ на взаимное отношеніе Повѣданія и Задонщины (на основаніи статьи Срезневскаго); болѣе того: Филаретъ приписывалъ составленіе лѣтописной редакціи повѣсти тому же Софоніи, судя по сходству нѣкоторыхъ выраженій и мѣстъ; Софоніи же, по его мнѣнію, могло принадлежать и житіе Дмитрія Донского. Подобное заключеніе о лѣтописной редакціи было странно сдѣлать послѣ работы Назарова, пришедшаго совершенно къ иному выводу. Вообще замѣтка автора Обзора ничего новаго не внесла въ литературу повѣстей и для дальнѣйшей разработки вопроса значенія не имѣла.

Между тѣмъ этими заключеніями воспользовался проф. С. Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ [2]). Шевыревъ признавалъ, что Повѣданіе написано рязанцемъ Софоніей (и списокъ Ундольскаго подтверждаетъ это, по его мнѣнію), до 1389 г., такъ какъ о Дмитріи нигдѣ не говорится, какъ объ умершемъ. До первоначальнаго текста добраться

чился лишь переводомъ, не прибѣгая къ критикѣ, объясненій Срезневскаго. Онъ повторилъ всѣ его ошибки („за царемъ Соломономъ" — оба они считаютъ, что Соломонъ—Владимиръ святой). Что касается объясненій темныхъ мѣстъ Задонщины, то Срезневскій посвятилъ имъ особую статью, см. Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ VII, стр. 96.

[1]) Обзоръ русской духовной литературы. Харьковъ. 1859 г. Т. I.

[2]) Лекціи по исторіи русской словесности. Ч. III. Изд. 2. Спб. 1887 г.

трудно, вслѣдствіе крайняго искаженія его переписчиками. Они особенно исказили внѣшнюю, поэтическую сторону, заимствованную изъ Слова о полку Игоревѣ. Въ виду того, что основной идеей произведенія является сила креста, побѣждающая поганство (авторъ въ изложеніи содержанія всюду оттѣняетъ эту идею), Повѣданіе по духу выше Слова о полку Игоревѣ. Наоборотъ, значительно ниже Слова и Повѣданія Задонщина (автору знакомы оба списка); имъ она подражаетъ много и неумѣло. Значеніе Задонщины состоитъ только въ томъ, что она подтвердила Софоніево авторство Повѣданія и достовѣрность Слова о полку Игоревѣ. Таковы заключенія Шевырева, вытекавшія вообще изъ его точки зрѣнія. Напрасно искать у него критическаго разбора памятниковъ. Всѣ заключенія голословны и неправильны. Въ спискѣ Ундольскаго, дѣйствительно, есть фраза: „помяну рязанца Софонія", что, какъ будто, утверждаетъ за Софоніей авторство Повѣданія, но почему то же самое долженъ подтверждать Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, признающій за Софоніемъ авторство Задонщины, а не Повѣданія, остается безъ отвѣта.

Съ легкой руки Шевырева надолго у историковъ литературы утвердилось такое поверхностное отношеніе къ повѣстямъ. Вскорѣ оно нашло себѣ выразителя въ лицѣ А. Милюкова, автора очень широкой по заглавію, но элементарной по выполненію книги [1]). Въ статьѣ о древней поэзіи авторъ коснулся повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ и, конечно, сравнилъ ихъ съ Словомъ о полку Игоревѣ. Найдя большое сходство въ содержаніи, авторъ признаетъ превосходство Слова надъ „ничтожностью" Сказанія, явившагося результатомъ паденія письменности благодаря игу. Далѣе этого авторъ не пошелъ [2]).

Повидимому, вопросомъ о литературной исторіи повѣстей спеціально не занимался акад. Ѳ. И. Буслаевъ; по крайней мѣрѣ въ своей Хрестоматіи [3]) онъ очень мало и осторожно сказалъ о нихъ. Описанія Мамаева побоища Буслаевъ дѣлитъ на двѣ редакціи: 1) Задонщина (приводимая имъ по сп. Ундольскаго) и 2) Сказаніе (по изданію

---

[1]) Очеркъ исторіи русской поэзіи. Спб. 1864. 3-е изд.

[2]) Выводы Шевырева и до сихъ поръ повторяются составителями элементарныхъ руководствъ по русской литературѣ. Такъ, наприм., Шевыровъ цитируется въ „Очеркахъ по исторіи древне-русской письменности" Протопопова, изд. 1902 г., гдѣ авторъ, разбирая повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, пользуется исключительно имъ и Снегиревымъ.

[3]) Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. М. 1861.

Снегирева). Трудно сказать, говоритъ авторъ, въ которой изъ нихъ удержалось болѣе отъ первоначальнаго сказанія рязанца Софронія (Буслаевъ такъ читаетъ это имя). Въ первой разсказъ круглѣе, вторая—болѣе распространена. Подражаніе Слову о полку Игоревѣ рабское, особенно въ первой редакціи, которая не принадлежитъ Софронію, но отъ него многое въ ней могло удержаться. Однако, несмотря на подражаніе, многія мѣста отличаются художественнымъ достоинствомъ, таковы плачи боярынь, описаніе войска, заключеніе [1]). Буслаевскую точку зрѣнія усвоили себѣ составители двухъ наиболѣе распространенныхъ руководствъ по исторіи русской литературы—А. Галаховъ [2]) и И. Порфирьевъ [3]). Обѣ книги, какъ извѣстно, выдержали нѣсколько изданій. То, что говорятъ составители о повѣстяхъ о Мамаевомъ побоищѣ (притомъ чрезвычайно кратко), стало достояніемъ средней школы. По этому изложенію составлялось представленіе о повѣстяхъ у всякаго, кто приступалъ къ изученію русской литературы. Авторы какъ будто не знаютъ ни одного предыдущаго изслѣдованія по интересовавшему ихъ вопросу. Въ новыя изданія своихъ книгъ они также не внесли никакихъ перемѣнъ. Между тѣмъ всѣ составители школьныхъ руководствъ по исторіи русской литературы заимствовали и продолжаютъ заимствовать все, что касается вопроса о повѣстяхъ, у Порфирьева и Галахова. Благодаря этому, у человѣка, прошедшаго среднюю школу, о повѣстяхъ складывается одно и то же сбивчивое и невѣрное представленіе: краткое знакомство съ содержаніемъ, убѣжденіе, что Повѣданіе и Задонщина заимствовали всѣ обороты изъ Слова о полку Игоревѣ, но подражаніе вышло неумѣло и неудачно; что особенно тяжело по языку Повѣданіе, слогъ котораго испорченъ, пересыпанъ цвѣтами краснорѣчія; что Задонщина ближе къ народно-поэтической рѣчи, но болѣе несамостоятельное произведеніе; наконецъ, что Повѣданіе написано Софоніей (или Софроніей: авторы не различаютъ именъ и ничего не говорятъ о нихъ) въ XIV-мъ вѣкѣ, а Задонщина въ XV-мъ вѣкѣ.

Какъ уже указано, эти общія и недоказанныя ничѣмъ предположенія сдѣлались господствующими, какъ будто для исторіи повѣстей

---

[1]) Выводы акад. Буслаева цѣликомъ были повторены Н. Я. Аристовымъ въ его Хрестоматіи по русской исторіи, Варшава 1870, въ которой онъ приводитъ отрывокъ изъ Задонщины, по сп. Ундольскаго.

[2]) Исторія русской словесности древней и новой, А. Галахова. М. изд. 1—1870, 2—1880 г. Т. I.

[3]) Исторія русской словесности, И. Порфирьева. Казань 1870, ч. I.

о Мамаевомъ побоищѣ было уже сказано послѣднее слово. Дѣйствительно, долгое время въ наукѣ не появлялось работъ по этому вопросу. Если и упоминали изслѣдователи о повѣстяхъ, то лишь попутно, въ работахъ, посвященныхъ разработкѣ иныхъ темъ.

Такъ, вопроса о повѣстяхъ коснулся отчасти въ своей магистерской диссертаціи П. Полевой [1]) въ первой части своего труда—Обзоръ памятниковъ славянскихъ. Изложивъ вкратцѣ содержаніе Задонщины (по сводному тексту, изд. Срезневскимъ), авторъ замѣчаетъ, что побѣда Дмитрія послужила основаніемъ многихъ разновидныхъ произведеній. Вставные эпизоды объясняются стремленіемъ отдѣльныхъ областей заявить свое участіе въ великомъ событіи. Что они вносились уже послѣ составленія редакціи, доказывается анахронизмами.

До насъ дошло два рода произведеній о Куликовской битвѣ, взаимно дополненныя впослѣдствіи: 1) книжныя (по предыдущимъ изслѣдованіямъ—лѣтописная редакція) и—2) народныя (Задонщина, повѣсть въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ). При сходствѣ, часто буквальномъ, Задонщины со Словомъ, попадаются обороты, только составленные по образцу оборотовъ Слова, а не заимствованные. Это сходство не только между этими двумя памятниками, но и вообще между произведеніями другихъ родовъ доказываетъ, что въ обширномъ кругѣ однородныхъ произведеній успѣлъ выработаться одинаковый способъ изложенія и расположенія сюжета.

Изъ этихъ словъ ясно, что авторъ цѣликомъ повторилъ мысль Срезневскаго. Объ анахронизмахъ тоже говорилъ Соловьевъ, такъ что и эта мысль не новая. Что же касается предположенія автора, что Куликовская битва послужила источникомъ многихъ разновидныхъ произведеній, то оно имъ не доказано, да и взято у того же Соловьева. Повѣданія Полевой не коснулся, такъ что его замѣчанія ничего новаго въ литературу не внесли.

Въ 1866 году А. Поповымъ [2]) была указана редакція Повѣсти, помѣщенная въ Хронографѣ. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Толстовскаго, говоритъ онъ, помѣщенъ подробный разсказъ о княженіи Дмитрія Ивановича съ обширными выписками изъ лѣтописнаго сказанія о побоищѣ съ Мамаемъ. Разсказъ Хронографа отличается отъ лѣтопис-

---

[1]) Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской. Спб. 1864.

[2]) Обзоръ хронографовъ русской редакціи. М. 1866. В. I.

ной редакціи болѣе сжатымъ изложеніемъ и нѣкоторыми подробностями. А. Поповъ издалъ текстъ этой новой редакціи въ своемъ „Изборникѣ статей", и, такимъ образомъ, для изслѣдователей прибавился новый матеріалъ, ждавшій своей обработки.

Попытка установить редакціи послѣ Соловьева была сдѣлана другимъ историкомъ—К. Бестужевымъ-Рюминымъ [1]), который признавалъ, что вопросъ еще далеко не разработанъ: „Куликовская битва, говоритъ онъ, вызвала три редакціи, послѣдовательность и взаимную зависимость которыхъ пока еще трудно опредѣлить" (стр. 40). Предположительное дѣленіе Бестужева-Рюмина въ общемъ совпадаетъ съ Соловьевскимъ: первая редакція—лѣтописное сказаніе о побоищѣ великаго князя Дмитрія, гдѣ мало фактовъ, но много благочестивыхъ размышленій (занесенная въ Новгородскую первая повѣсть признается имъ сокращеніемъ этой редакціи). Вторая редакція—Повѣсть или Повѣданіе о побоищѣ великаго князя Дмитрія, изобилующая подробностями, анахронизмами и дополненіями въ разныхъ спискахъ. (По отличіямъ авторъ даже склоненъ редакцію Синопсиса считать отдѣльной). Приписывается — Софонію (напрасно только авторъ въ этомъ случаѣ сослался на Обзоръ Филарета). Наконецъ—третья редакція—поэтическая Задонщина (изданная Срезневскимъ и Ундольскимъ). Подобное дѣленіе нельзя не признать достаточно основательнымъ и заслуживающимъ полнаго вниманія.

Какъ уже выше говорено, послѣдовавшія работы касались повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ попутно. Такова, правда довольно обширная, замѣтка о нихъ проф. А. И. Смирнова, посвятившаго разбору повѣстей цѣлую главу своего изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ [2]).

Авторъ повторяетъ мнѣніе Срезневскаго о томъ, что нѣкоторыя мѣста Слова были извѣстны наизусть послѣдующимъ книжникамъ и вошли въ Задонщину и Сказанія. И та и другія представляютъ двѣ группы, на которыя распадаются повѣсти, при чемъ въ основѣ Сказаній лежитъ Слово о житіи великаго кн. Дмитрія Ивановича.

Расположивъ памятники по такому порядку: сп. Кирилло-Бѣлозерскій—Ундольскаго—Сказаніе по изд. Снегирева—Слово о полку Игоревѣ, авторъ произвелъ самое подробное сличеніе сходныхъ мѣстъ

---

[1]) Русская исторія. I. Спб. 1872.

[2]) *А. И. Смирновъ.* О Словѣ о полку Игоревѣ. Гл. 4: Судьбы Слова о полку Игоревѣ въ послѣдующей рус. литературѣ. Фил. Зап. V. Воронежъ 1878.

и разобралъ, въ какомъ отношеніи находятся эти мѣста между собою. Въ данномъ случаѣ это самая обстоятельная часть труда проф. Смирнова.

Далѣе авторъ поставилъ себѣ рядъ вопросовъ:

1) Всѣ ли произведенія о Мамаевомъ побоищѣ заимствовали картины и выраженія непосредственно изъ Слова?

2) Можно ли предположить, что Слово при составленіи ихъ было уже записано?

3) Пользовались ли авторы записаннымъ Словомъ или цитировали его наизусть?

4) Сами повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ—устныя творенія или письменныя?

Вопросы эти показываютъ, что вниманіе автора главнымъ образомъ было сосредоточено на Словѣ. Изъ отвѣтовъ однако выясняется точка зрѣнія автора и на повѣсти.

Изъ разбора Кирилло-Бѣлозерскаго списка (который авторъ считаетъ подлиннымъ писаніемъ Софоніи) видно, что составителю хорошо было извѣстно Слово, которое онъ взялъ какъ образецъ для изображенія событія, можетъ быть ему современнаго.

Планъ автора по сп. Ундольскаго (проф. Смирновъ раздѣляетъ авторовъ Задонщинъ, какъ и Е. Барсовъ) тотъ же, что и предыдущій, только вступленіе обширнѣе и конецъ длиннѣе. Краски тѣ же, что и въ писаніи Софоніи.

Повѣданіе имѣетъ совсѣмъ иной планъ. Въ немъ три части, заимствованія изъ Слова имѣютъ второстепенное значеніе. Слово о полку Игоревѣ только украсило это произведеніе, но не дало ему своего плана, какъ первымъ двумъ. (Мнѣніе прямо противоположное Снегиреву и Дубенскому). Въ основѣ Повѣданія лежитъ первоначальная повѣсть, писанная современникомъ. Мѣста, сходныя со Словомъ, попали не непосредственно, а изъ писанія Софоніи, потому что въ Повѣданіи, какъ и въ Словѣ о Дмитріи, упоминается о Софоніи или Софроніи.

Весьма можетъ быть, что текстъ обоихъ списковъ Задонщинъ, представляющій часть сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, записанъ по памяти, но первоначальное сказаніе—врядъ ли устное, и авторъ этой первоначальной редакціи врядъ ли пользовался Словомъ о полку Игоревѣ тоже по памяти: Слово было записано, можетъ быть, послѣ составленія, но Софоній могъ детально изучить его части только потому, что это былъ письменный памятникъ. (Здѣсь авторъ расхо-

дится съ мнѣніемъ Срезневскаго, отводившаго значительную долю участія памяти въ созданіи повѣстей и Слова). Итакъ, по мнѣнію проф. Смирнова, писаніе Софоніи записано по памяти, но происхожденіе его книжное, источникъ заимствованія—тоже книжный. Слово о Дмитріи — произведеніе книжнаго человѣка, источники его частью книжные, частью устные. Наконецъ, Повѣданіе—несомнѣнно книжнаго происхожденія и заимствованія изъ Слова, большею частію, извлечены изъ рукописей.

Выводы эти, однако, не вполнѣ ясны. О первыхъ двухъ спискахъ не сказано прямо—книжнаго они характера или нѣтъ; мало доказательствъ, почему слѣдуетъ раздѣлять авторовъ Задонщинъ (скорѣй уже это редакторы, чѣмъ авторы), неясно, что заимствованія въ Повѣданіе изъ Слова извлечены изъ рукописей. Авторъ же говорилъ, что эти заимствованія шли скорѣе изъ писанія Софоніи, чѣмъ изъ Слова. Редакцій не установлено, равно какъ вовсе не сказано объ отношеніяхъ списковъ Повѣданія между собою.

Тѣмъ не менѣе работа проф. Смирнова важна, какъ самое полное сравненіе поэтическихъ мѣстъ Повѣстей со Словомъ, установленіемъ положенія, что Задонщина явилась ранѣе Повѣданія, подтвержденіемъ мнѣнія Срезневскаго о возможности существованія на Руси особой поэтической школы и попыткой установить послѣдовательное заимствованіе поэтическихъ мѣстъ въ памятникахъ.

Дѣленіемъ Соловьева на редакціи и предположеніемъ о существованіи литературныхъ школъ воспользовался И. Хрущовъ въ статьѣ, спеціально посвященной вопросу о Повѣстяхъ [1]). Въ общемъ онъ повторяетъ старыя мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ у автора замѣчается стремленіе поставить вопросъ на новую почву.

Памятники, прославившіе Куликовскую битву, по мнѣнію автора, состоятъ изъ 3-хъ самостоятельныхъ произведеній: 1) сказанія лѣтописныхъ сводовъ; 2) поэтическаго, приписываемаго Софоніи; 3) Задонщины (изданной Ундольскимъ). Всѣ они въ частностяхъ видоизмѣнены.

Странно, что авторъ нигдѣ не упомянулъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка. Вообще указанія литературы вопроса у него крайне неполныя: упомянуты лишь Карамзинъ, Шевыревъ, Костомаровъ (сказавшій о

---

[1]) *И. Хрущовъ*. О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву. Чтенія въ О-вѣ Нестора Л-ца. I. 1879.

повѣстяхъ лишь вскользь) и Срезневскій. И послѣ этого авторъ говоритъ: „Вотъ вкратцѣ исторія судьбы этихъ сказаній въ наукѣ“.

Каждое изъ этихъ произведеній принадлежитъ особой школѣ. Первая школа — сѣверо-русское лѣтописанье, отличается большой искусственностью, книжностью, офиціальностью и общими мѣстами. Разсказчикъ не былъ очевидцемъ битвы, даже мало вслушался въ разсказы участниковъ. Вообще составлена повѣсть блѣдно. Анахронизмы отсутствуютъ, замѣтно желаніе соблюсти точность въ опредѣленіи дней и часовъ похода и битвы. Авторъ могъ знать о ходившихъ пѣсняхъ, но не воспользовался ими, замѣнивъ соотвѣтствующими книжными вставками: въ пѣснѣ, напримѣръ, былъ плачъ боярынь, въ лѣтописную редакцію вставленъ эпизодъ съ плачущей Рахилью.

Вторая школа проникнута духомъ поэзіи религіозной, монашеской. Герой второго произведенія—Сергій, что даетъ возможность отнести Повѣданіе не иначе, какъ къ концу XV-го вѣка. Что касается вопроса объ авторствѣ Софоніи, основанномъ, главнымъ образомъ, на свидѣтельствѣ списка Ундольскаго и на томъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ Повѣданіе приписывается Софоніи, то авторъ рѣшаетъ его по своему. Этотъ Софоній былъ первымъ прославителемъ Куликовской битвы, и произведеніе его дошло лишь въ отголоскахъ, занесенныхъ по памяти въ сказанія. Анахронизмы Повѣданія органичны, ихъ можно объяснить (помнили, напр., еще хорошо Кипріана, Ольгерда [1]), перенесеніе иконы во Владиміръ и пр.). Молитвы, по мнѣнію автора, составляютъ органическое цѣлое со стороны основной идеи составителя сказанія.

Для Повѣданія авторъ (первый изъ изслѣдователей) попытался указать на источники. Вѣроятно, были, говоритъ онъ, записки о походѣ, списки именъ участниковъ, разсказы о подробностяхъ сраженія, преданія о разныхъ видѣніяхъ во время боя, гусельныя словеса, старины, Софоніевы складки. Была, напр., цѣлая старина, по мнѣнію Н. Хрущова, о томъ, какъ Дмитрій узналъ о походѣ Мамая, начинавшаяся, какъ и всѣ старины, пиромъ у тысяцкаго Микулы Васильевича. Въ Повѣданіи вообще много мѣстъ, которыя составляли одно цѣлое, сохранившееся въ обломкахъ въ Задонщинѣ. Это цѣлое и принадлежитъ Софоніи; но ему приписывать составленіе Повѣданія несомнѣнная ошибка.

---

[1]) Автору не былъ знакомъ одинъ изъ списковъ Синодальной библіотеки, иначе онъ не сказалъ бы этого.

Третья школа—бѣдна на Руси произведеніями. Это школа письменной обработки пѣсенъ славы. Задонщина древнѣе Повѣданія (хотя у автора не приведены доказательства), она—какъ бы источникъ послѣдняго. Произведеніе же рязанскаго поэта до насъ въ цѣлости не дошло. (Авторъ не знаетъ Кирилло-Бѣлозерскаго сп. и Синодальнаго, найденнаго позже, иначе онъ перемѣнилъ бы свою точку зрѣнія) [1]).

Выше было сказано, что на ряду съ положительными замѣчаніями, какъ-то: признаніемъ существованія школъ, характеристикой лѣтописной редакціи, попыткой указать источники, сомнѣніемъ въ принадлежности Повѣданія перу Софоніи, у автора встрѣчаются ничѣмъ недоказанныя положенія. Причину отсутствія достаточнаго основанія въ сужденіи о Повѣстяхъ слѣдуетъ искать въ томъ, что и г. Хрущовъ, какъ и остальные изслѣдователи, не занялся изученіемъ состава списковъ Повѣданія.

Какъ извѣстно, повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ вошла въ народныя лубочныя картины. Д. Ровинскій, издавая послѣднія, высказалъ о ней нѣсколько своихъ замѣчаній [2]). Старѣйшей редакціей онъ признаетъ Задонщину, но подъ ней, очевидно, разумѣетъ и Повѣданіе и списки Кирилло-Бѣлозерскій и Ундольскаго. Въ остальномъ онъ повторяетъ мнѣніе Карамзина, приписывая эту редакцію іерею Софронію, и арх. Варлаама, считая, что древнѣйшій списокъ подъ № 378 Румянцевскаго музея заимствованъ у Софронія. Кромѣ того, въ лѣтописяхъ и хронографахъ занесены разныя отдѣльныя описанія того же событія, то книжнаго, то народнаго происхожденія. Изъ разбора подробностей вытекаетъ, по мнѣнію автора, что 1) кромѣ извѣстныхъ, существовало множество другихъ сказаній о Мамаевомъ побоищѣ и 2)—послѣ составленія первоначальныхъ редакцій въ нихъ вносились разные эпизоды, даже въ самое позднее время. Послѣднее обстоятельство было причиной появленія анахронизмовъ. Въ другомъ мѣстѣ [3]) Д. Ровинскій, вопреки предыдущимъ изслѣдователямъ, говоритъ, что Задонщиной народъ восхищался, переживая ея описанія. Хотя текстъ ея составился подъ вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ, но послѣднее по содержанію и по обилію поэтическихъ хитросплете-

[1]) Въ своей другой книгѣ: „Бесѣды о русской литературѣ", Спб. 1900, авторъ только элементарно разсказалъ содержаніе Повѣданія и Задонщины.

[2]) Русскія народныя картинки. Сборникъ II отд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1881. Т. XXVI.

[3]) Ibid.. Т. XXVII.

ній не представляло для народа такого интереса, какъ описаніе Куликовской битвы.

Вообще замѣчанія Д. Ровинскаго высказаны попутно и значенія особаго не имѣютъ. Одно только заслуживаетъ вниманія, что Ровинскій, первый послѣ Снегирева, намѣтилъ существованіе послѣдовательныхъ редакціонныхъ переработокъ.

Обстоятельный разборъ редакцій Повѣстей далъ въ своихъ лекціяхъ проф. О. Миллеръ [1]). Въ нихъ авторъ изложилъ тѣ выводы, къ которымъ пришла литература повѣстей; въ иныхъ мѣстахъ онъ сдѣлалъ свои замѣчанія, въ иныхъ—повторилъ ошибки предыдущихъ изслѣдователей.

Основываясь на упоминаніи имени Софоніи однимъ изъ позднѣйшихъ списковъ Повѣданія,—спискомъ Ундольскаго и отрывкомъ въ Тверской лѣтописи, О. Миллеръ выразилъ предположеніе о существованіи какого-то древнѣйшаго сказанія, принадлежавшаго этому Софоніи. (Эта мысль принадлежитъ, какъ указано выше, г. Хрущову). Тотъ же матеріалъ, который дошелъ до насъ, можно разбить на три редакціи. Къ первой принадлежитъ современная, лѣтописная, составленная москвичемъ, близко стоявшимъ къ в. кн. Дмитрію, котораго онъ идеализируетъ. Признаками современности служатъ отсутствіе упоминанія о митрополитѣ, негодующій тонъ на Олега. Судя по тому, что прен. Сергій является въ ней лицомъ не легендарнымъ, время написанія редакціи слѣдуетъ отнести ко времени около 1392 г. Разсказъ редакціи полонъ исторической правды, опредѣленія мѣста и времени чрезвычайно точны. Встрѣчающіяся эпическія мѣста (напр., описаніе боя) авторъ могъ знать по знакомымъ ему наизусть образцамъ. Таково мнѣніе О. Миллера о первой редакціи. Напрасно авторъ считаетъ разсказъ ея полнымъ правды. Мнѣніе г. Хрущова, котораго авторъ, кстати сказать, чрезвычайно цѣнитъ, было въ этомъ случаѣ иное и ближе къ истинѣ.

Второй редакціей О. Миллеръ ставитъ Задонщину, напрасно считавшуюся, по его словамъ, третьей редакціей. Разбирая мнѣнія о ней изслѣдователей, авторъ считается съ двумя: съ признававшимъ одну общую эпическую основу для нея и для Слова (мнѣніе Срезневскаго) и съ другимъ, считающимъ Задонщину книжнымъ подражаніемъ Слову. О. Миллеръ присоединяется къ послѣднему, такъ

[1]) Лекціи по исторіи русской литературы. Спб. 188$^{3}/_{4}$. Литограф. изданіе.

какъ Срезневскій въ своихъ доказательствахъ „доходитъ иногда до странныхъ выводовъ и непонятныхъ заключеній".

Въ третьей редакціи—Повѣданіи авторъ обращаетъ вниманіе на двойное заглавіе (на что еще указывалъ Назаровъ)—„Повѣданіе и Сказаніе", и говоритъ, что оно заставляетъ подразумѣвать два источника: книжный и устный. Дѣйствительно, первая половина Повѣданія книжная, вторая—съ большими заимствованіями изъ устныхъ сказаній. Излагая вкратцѣ исторію изданій Повѣданія, О. Миллеръ повторилъ разсказъ Калайдовича о находкѣ этого памятника Тимковскимъ. Со Снегиревымъ авторъ не согласенъ въ томъ, что сравнивать Повѣданіе со Словомъ напрасно, такъ какъ въ Повѣданіи больше мѣстъ обще-эпическихъ, чѣмъ заимствованныхъ. Въ основѣ Повѣданія лежитъ та же повѣсть, что и въ первой редакціи, но распространенная вставками изъ другихъ источниковъ или риторическими украшеніями. (О. Миллеръ повторяетъ того же Урана). Дмитрій идеализированъ въ ней еще больше. Взятыми изъ другихъ источниковъ авторъ считалъ разсказы о чудесахъ, предзнаменованія передъ битвой, эпизодъ съ Бренкомъ и пр. Вообще же сводка сдѣлана искусно, хотя слѣды спаекъ не исчезли.

Изъ работъ по повѣстямъ О. Миллеръ называетъ главныя: Бѣляева, Снегирева, Срезневскаго, Назарова и Хрущова (послѣднихъ, особенно Хрущова, онъ цѣнитъ высоко).

Эта же третья редакція, только съ измѣненіями и прибавками изъ устныхъ разсказовъ, вошла въ Никоновскую лѣт. и позже, въ XVII вѣкѣ,—въ Синопсисъ, съ эпическими подробностями въ описаніи вооруженія въ разсказѣ о Захаріи Тютчевѣ. Изъ Синопсиса—вошла въ народныя сказки.

О. Миллеръ окончательно установилъ послѣдовательный порядокъ редакцій такъ, какъ онъ былъ намѣченъ предыдущими изслѣдователями. Между тѣмъ Д. И. Иловайскій въ своей Исторіи [1]) держится совершенно иного мнѣнія. Считая Повѣданіе одной редакціи съ Никоновской лѣтописью, только поэтичнѣй (уже это одно показываетъ, что редакція не одна), историкъ говоритъ, что авторомъ его былъ Софоній рязанецъ, духовное лицо. И Задонщина и отрывокъ Тверской лѣтописи подтверждаютъ это. Повѣданіе сочинено Софоніемъ вскорѣ послѣ битвы и впослѣдствіи послужило источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ сказаній и словъ—и лѣтописной редакціи, и Задонщины, и

[1]) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. М. 1884. Т. II. Прим. 31.

Никоновской, и той, которая въ передѣлкахъ, съ пропусками и вставками, стала достояніемъ многочисленныхъ сборниковъ. Послѣдніе лучше удержали языкъ первоисточника, языкъ, перемѣненный въ лѣтописяхъ на лѣтописный ладъ. Что первоначальное Повѣданіе сочинено вскорѣ послѣ битвы, доказывается именами убитыхъ князей и воеводъ, вездѣ одинаковыми, именами гостей-сурожанъ, развѣдчиковъ; дѣти кн. Дмитрія указаны именно тѣ, которыя были во время похода [1]).

Синопсисъ то же Повѣданіе, только передѣланное въ литературную повѣсть XVII вѣка.

Попытка историка представить первоначальное писаніе Софоніи повліявшимъ на всѣ послѣдующія повѣсти никакъ не можетъ назваться удачной. Слишкомъ отличны редакціи, чтобы всѣмъ имъ предполагать одинъ оригиналъ. Изъ всей замѣтки Д. И. Иловайскаго интересно лишь одно замѣчаніе о двухъ моментахъ описанія: въ битвѣ, въ сущности, описывается, говоритъ историкъ, начало боя и выходъ засаднаго полка, а не другія перипетіи боя, несомнѣнно бывшія; объяснить это можно тѣмъ, что Софоній писалъ только похвалу Дмитрію и Владиміру, а не полный отчетъ о битвѣ.

Въ 1885 г. появилась работа Тимофеева [2]), о которой ак. А. Н. Пыпинъ отзывается какъ объ изслѣдованіи, наиболѣе подробно разсмотрѣвшемъ сказанія о Мамаевомъ побоищѣ.

На ряду съ старинами объ освобожденіи отъ татарскаго ига возникли и книжныя произведенія на ту же тему, говоритъ авторъ. Эти книжныя произведенія дѣлятся на двѣ редакціи. Первая представляетъ спокойное изложеніе, прерываемое изрѣдка вставками изъ Слова о полку Игоревѣ; вторая, менѣе пространная, рабская копія Слова. Къ первой относится Повѣданіе, ко второй — Задонщина (по двумъ спискамъ).

Въ основу своего разбора Повѣданія авторъ положилъ списокъ проф. Тихонравова, относимый имъ къ концу XVI или началу XVII вѣка. Кромѣ этого списка Тимофееву были знакомы (т. е. онъ о нихъ упоминаетъ) еще 13: шесть бывшихъ гр. Толстого, теперь Импера-

---

[1]) Между тѣмъ ниже авторъ самъ себѣ противорѣчитъ: „Должно однако сознаться, что сличеніе разныхъ редакцій представляетъ великую путаницу по отношенію къ именамъ князей и бояръ, начальствовавшихъ отдѣльными частями на походѣ—и особенно во время битвы“ (стр. 547).

[2]) *Тимофеевъ.* Сказанія о Куликовской битвѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1885, VIII и IX.

торской Публичной Библіотеки; отрывки изъ списка Ермолаева; списокъ Морозова; Тимковскаго, два архива министерства иностранныхъ дѣлъ и два бѣлорусскихъ (Буслаева и „Книга о побоищи Мамая царя").

Кромѣ того списки Повѣданія находятся въ Софійскомъ Временникѣ, въ Кіевскомъ Синопсисѣ, сходные между собою „буква въ букву". (Здѣсь что-нибудь не такъ, потому что оба текста—двухъ совершенно отличныхъ редакцій).

Вообще списки одинаковы, разница благодаря интерполяціи или отъ произвола переписчиковъ. Всѣ они имѣютъ въ основаніи одно не дошедшее сказаніе. Ближе къ послѣднему—списокъ Тихонравова, но и онъ не первоначальный.

Разбирая вторую редакцію, авторъ сравниваетъ сходныя мѣста со Словомъ (это послѣ работы Смирнова!) и указываетъ, что поэтическій элементъ въ Задонщинѣ стоитъ на первомъ планѣ. Изъ двухъ списковъ текстъ сп. Ундольскаго полнѣе и представляетъ какъ бы переходъ къ Повѣданію. При этомъ авторъ выставляетъ предположеніе: не представляетъ ли списокъ Ундольскаго текста Задонщины въ неполномъ видѣ, съ пропусками и пробѣлами, которые восполняются подставленіемъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ Задонщины? (Предположеніе странное послѣ вполнѣ отвѣчающей на это работы Срезневскаго).

Далѣе авторъ разбираетъ Повѣданіе въ томъ видѣ, какъ оно находится въ Никоновской лѣтописи. Послѣдняя редакція, имѣвшая оригиналомъ Повѣданіе, полнѣе, но безъ поэтическаго элемента. Составлена она, можетъ быть, по какому-либо варіанту Повѣданія.

О редакціи Синопсиса Тимофеевымъ сказано еще меньше. Указывается лишь на то, что Повѣданіе менѣе измѣнено въ этой редакціи, выброшены одни поэтическія мѣста.

Авторъ совершенно незнакомъ съ литературой повѣстей и увѣряетъ, что о повѣстяхъ существуютъ лишь „бѣглыя замѣтки". Упоминаются: Карамзинъ, м. Евгеній, Арцыбашевъ, Бѣляевъ, Ягичъ, Шевыревъ и Соловьевъ. Всѣ эти имена, видно, взяты наудачу.

Оригинально мнѣніе автора о Софоніи: Повѣданіе и Задонщину, говоритъ онъ, писали два разныхъ лица: Задонщину—рязанскій старецъ Софоній, Повѣданіе—іерей Софроній, жившій въ концѣ XV в. Задонщина (сп. Кирилло-Бѣлозерскій) возникла въ Рязани, списокъ Ундольскаго—въ Переяславлѣ Залѣсскомъ или гдѣ-нибудь по близости отъ Москвы (какъ же, въ такомъ случаѣ, у нихъ одинъ

авторъ?) и Повѣданіе—гдѣ-нибудь въ Новгородской землѣ, судя по сп. Тихонравова.

Выводы автора, слѣдовательно, таковы:

1) Оригиналъ Повѣданія утраченъ, ни въ одномъ спискѣ нѣтъ первоначальной редакціи.

2) Повѣданіе и Задонщина руководились Словомъ о полку Игоревѣ.

3) Оригиналами обоихъ памятниковъ были двѣ разныя редакціи.

4) Оба памятника составлены въ концѣ XV вѣка. Варлаамовская редакція первоначальна, она относится къ XV вѣку.

5) Списки возникли на сѣверѣ (Новгородъ), юго-западѣ (Бѣлоруссія или Кіевъ) и въ Московско-Суздальской области.

6) Повѣданіе имѣло вліяніе на позднѣйшую литературу о битвѣ.

7) Литература о самихъ памятникахъ—скудна.

Изъ разсмотрѣнія работы Тимофеева не трудно видѣть, что она далеко неудовлетворительна. Авторъ довелъ до крайности нежеланіе знакомиться съ литературой вопроса. Отсюда вытекаетъ голословность выводовъ, неясность раздѣленія на редакціи, потому что все написано на основаніи двухъ-трехъ старыхъ умозаключеній. Нѣтъ ссылокъ на такія работы, какъ Назарова, Хрущова, Смирнова, Срезневскаго. Объ именахъ составителей очень натянутое положеніе, равно какъ и въ вопросѣ о мѣстѣ и времени возникновенія редакцій. Совсѣмъ невѣрно указано на сходство Синопсиса съ Софійскимъ временникомъ. Не доказано, почему слѣдуетъ отдѣлять списки Задонщинъ; кромѣ того авторъ, въ данномъ случаѣ, самъ себѣ противорѣчитъ.

Принимая все это во вниманіе, никакъ нельзя согласиться съ ак. А. Н. Пыпинымъ, указывающимъ на полноту обзора Тимофеева. Авторъ, наоборотъ, нигдѣ не показываетъ критической работы надъ составомъ текста и надъ сравненіемъ варіантовъ. Впрочемъ, онъ и самъ признаетъ это.

Не разъ уже выраженное предположеніе о возможности существованія на Руси школы, воспѣвавшей пѣсни славы (Срезневскій, Хрущовъ), особенно развилъ въ своемъ изслѣдованіи Е. В. Барсовъ [1]), въ особой главѣ, посвященной отношенію Слова къ позднѣйшимъ повѣстямъ. Въ ней авторъ коснулся повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ,

---

[1]) *Е. Барсовъ.* Слово о полку Игоревѣ какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. М. 1887.

какъ такихъ, на которыхъ слѣды вліянія Слова замѣтны какъ непосредственное его воздѣйствіе.

Авторъ говоритъ, что современники не могли довольствоваться такимъ витіеватымъ, но холоднымъ разсказомъ о побоищѣ, каковъ находящійся въ лѣтописныхъ сводахъ. Поэтому появились другія литературныя обработки, представляющія два типа: 1) поэмы, воспѣвавшія хвалу Дмитрію и его брату, и 2) повѣсти съ преобладаніемъ историческаго элемента.

Первыя дошли въ двухъ видахъ: краткомъ (Кирилло-Бѣлозерскій сп.) и пространномъ (сп. Ундольскаго). Въ краткомъ видѣ, буквально повторяющемъ Слово, указано и имя автора: Софоній рязанецъ (кто бы онъ ни былъ—іерей или бояринъ, важно, что онъ, воспользовавшись скорбью и радостью битвы, подражалъ Слову, гдѣ торжественный тонъ сливается съ элегическимъ), писавшій подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ битвы.

Е. В. Барсовъ несогласенъ, слѣдовательно, съ мнѣніемъ проф. Смирнова о томъ, что Кирилло-Бѣлозерскій списокъ не первоначальный видъ писанія Софоніи, а копія, занесенная въ сборники по памяти. Особенность древне-русской письменности, говоритъ авторъ, та, что краткія редакціи предшествуютъ пространнымъ, и краткость писанія Софоніи заставляетъ признать его первоначальность.

Авторъ пространнаго вида неизвѣстенъ, но первымъ источникомъ его поэмы служило писаніе Софоніи рязанца, о которомъ онъ вспоминаетъ въ своемъ произведеніи. Изъ сравненія краткаго и полнаго вида оказывается, что распространеніе послѣдняго основано на счетъ того же Слова о полку Игоревѣ. (Запѣвъ, котораго нѣтъ у Софоніи, есть въ Словѣ, наибольшее тяготѣніе къ буквѣ Слова и болѣе стройное и логическое расположеніе частей. Однимъ словомъ, цѣлью автора пространнаго вида было—восполнить похвалу, написанную Софоніей). Предполагать о существованіи какой-либо пространной поэмы Софоніи и ея сокращеній—не имѣетъ достаточныхъ основаній.

Таковы выводы автора, которые, можетъ быть, измѣнились бы, еслибъ Е. В. Барсовъ зналъ третій текстъ Задонщины, открытый уже спустя по написаніи его изслѣдованія.

Переходя къ разбору повѣстей второго типа, авторъ указываетъ на ихъ распространенность и разнообразіе. Главное же ихъ содержаніе, въ сущности, одно. Онѣ витіеваты, но риторическія украшенія заимствованы не непосредственно изъ Слова, а изъ повѣстей перваго

типа. Заимствованія видоизмѣнялись и располагались согласно пониманію книжниковъ.

Большая часть дошедшихъ повѣстей—новгородскаго происхожденія: въ писаніи Софоніи говорится, что новгородцы не поспѣли къ бою, а въ повѣствованіяхъ—новгородцы принимаютъ дѣятельное участіе, ихъ семь, по другимъ спискамъ—сорокъ тысячъ. Очевидно, Новгороду хотѣлось принять хотя нравственное участіе въ битвѣ.

Однако этого мало для доказательства новгородскаго происхожденія повѣстей. Могъ существовать особый разсказъ о новгородскомъ ополченіи, потомъ уже вставленный въ текстъ повѣсти, какъ и другія вставки, на которыя указывали Хрущовъ и О. Миллеръ.

Много мѣста удѣлено у Е. В. Барсова на разборъ того, какъ отразилось въ Задонщинахъ Слово. Многое, оказывается, было не понято, о многомъ сказано глухо; сглажены многіе художественные образы, не поняты слова, такъ какъ авторы Задонщинъ были незнакомы съ мѣстными говорами или не поняли уже испорченныхъ мѣстъ Слова.

Въ заключеніе Е. В. Барсовъ вступаетъ въ полемику съ Ровинскимъ, указывая, что распространенность повѣстей именно слѣдуетъ усматривать въ ихъ сходствѣ со Словомъ.

Итакъ авторъ признаетъ, что Задонщина ранѣе Повѣданія, но раздѣленіе Задонщины на два самостоятельныхъ произведенія—сомнительно. (Въ этомъ случаѣ Е. В. Барсовъ повторилъ выводъ проф. Смирнова). Вообще же главное вниманіе изслѣдователя все-таки лежало на Словѣ, и поэтому о многомъ, касающемся повѣстей, высказано кратко или общими словами, еще требующими провѣрки, о многомъ (напримѣръ—о составѣ текста, редакціяхъ) вовсе не говорится.

Какъ уже выше было указано, въ 1890 г. нашелся третій списокъ Задонщины, изданный проф. Смирновымъ [1]). Свое изданіе текста А. И. Смирновъ снабдилъ предисловіемъ, въ которомъ, изъ разбора сходныхъ мѣстъ Синодальнаго списка съ соотвѣтствующими Ундольскаго и Кирилло-Бѣлозерскаго, выводитъ, что 1) Синодальный—ближе къ Ундольскому, 2) Синодальный не представляетъ простой копіи Ундольскаго, но оба восходятъ къ одному оригиналу; оба переписчика въ иныхъ мѣстахъ буквально переписывали, въ другихъ—передѣлывали оригиналъ.

Синодальный списокъ еще не былъ предметомъ изслѣдованія, но

---

[1]) 3-й списокъ Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII-вѣка. *Рус. Фил. Вѣстникъ.* 1890. Варшава, № 2.

его содержаніе такого рода, что могло бы нѣкоторымъ образомъ измѣнить предыдущіе выводы о Задонщинѣ.

Лѣтописной редакціи коснулся въ своемъ трудѣ объ обще-русскихъ лѣтописныхъ сводахъ ак. А. А. Шахматовъ [1]). Въ 5-й главѣ, посвященной разбору источниковъ полихрона 1423 г., А. А. Шахматовъ касается лѣтописнаго сказанія о побоищѣ. Владимирскій полихронъ, говоритъ авторъ, былъ составленъ въ 1423 г. при митрополичьемъ дворѣ. Нѣкоторыя событія до 1390 могли войти въ него изъ лѣтописи, составленной при Кипріанѣ. Но въ послѣдней отсутствовало сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, такъ что оно внесено въ сводъ впервые въ 1423 году, хотя составлено еще въ XIV вѣкѣ.

Въ наиболѣе близкомъ къ первоначальной редакціи видѣ сказаніе сохранилось въ Новгородской IV, Софійской 1 и 2 и Ростовской лѣтописяхъ, въ Воскресенскую попало съ значительными сокращеніями, а въ Никоновскую въ распространенномъ и поновленномъ видѣ.

Такимъ образомъ мысль о первоначальности лѣтописной редакціи окончательно подтверждается результатомъ критической работы автора надъ составомъ лѣтописныхъ текстовъ. Одно только неясно въ выводахъ А. А. Шахматова: въ чемъ заключаются „значительныя" измѣненія текста повѣсти въ Воскресенской лѣтописи. Наоборотъ, повѣсти, помѣщенныя въ Воскресенской и Софійской 1 лѣтописяхъ, скорѣе слѣдуетъ считать чрезвычайно сходными между собою.

Таковы историко-литературныя изслѣдованія повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Изъ предыдущаго изложенія приходится вывести, что въ теченіе цѣлаго вѣка ничего, или почти ничего не было сдѣлано положительнаго по этому вопросу. Еще Бестужевъ-Рюминъ указывалъ на крайнюю запутанность въ раздѣленіи повѣстей на редакціи. Тимофеевъ уже въ 1885 г. писалъ: „Критической работы, работы надъ составомъ текста, сравненія разночтеній и варіантовъ — еще не появлялось до сихъ поръ въ нашей литературѣ; къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ до сихъ поръ даже изданія всѣхъ существующихъ списковъ Повѣданія и Задонщины". Въ своей Исторіи русской литературы А. Н. Пыпинъ указываетъ на то же самое, признавая, что вопросъ еще далеко не выясненъ.

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901, XI. Настоящій обзоръ не полонъ потому, что не разсмотрѣны мнѣнія о повѣстяхъ Н. С. Тихонравова и Е. Голубинскаго. Перваго потому, что его лекціи еще не появлялись въ печати, второго, — что та половина тома Исторіи церкви, гдѣ авторъ долженъ говорить о повѣстяхъ, тоже еще не выходила въ свѣтъ.

Положительными данными слѣдуетъ пока признать:

1) Редакціи повѣстей могли подвергаться послѣдовательной обработкѣ (Снегиревъ, Ровинскій).

2) Повѣданіе и особенно Задонщина находятся въ прямомъ отношеніи со Словомъ о полку Игоревѣ, изъ котораго заимствовали поэтическія мѣста (Снегиревъ, Дубенскій, Бѣляевъ, Срезневскій, Полевой, Соловьевъ, Смирновъ, Барсовъ).

3) Текстъ повѣстей искаженъ, и списки чрезвычайно разнятся между собою.

4) Повѣсти раздѣляются приблизительно на три редакціи, въ такомъ порядкѣ: лѣтописная—Задонщина—Повѣданіе, лѣтописная редакція — первоначальна. (Соловьевъ, Назаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, Хрущовъ, О. Миллеръ, Барсовъ).

5) Лѣтописная редакція находится въ близкой связи съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ (Соловьевъ, Назаровъ).

6) Повѣсти принадлежатъ къ произведеніямъ, вышедшимъ изъ особой поэтической школы, пользовавшейся въ широкой степени эпическимъ матеріаломъ (Срезневскій, Полевой, Хрущовъ, Барсовъ).

7) Повѣданіе изобилуетъ анахронизмами.

8) Матеріаломъ для дополненія Повѣданія могли служить многочисленные и разнообразные источники (Назаровъ, Хрущовъ, О. Миллеръ).

9) Изъ списковъ лѣтописной редакціи ближе къ первоначальному тексту стоятъ тѣ списки, которые вошли въ Новгородскую IV л. (Назаровъ, Шахматовъ).

Въ остальномъ—мнѣнія изслѣдователей расходятся.

С. Шамбинаго.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ И ЗАДАЧИ СКАНДИНАВСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Начало всякой филологіи—письмо. Когда человѣкъ пытался излагать свою рѣчь въ видимыхъ знакахъ, то ему приходилось впервые задумываться надъ звуками своего языка и его свойствами. Такимъ образомъ, и зачатки скандинавской филологіи восходятъ къ началу скандинавской письменности. Дѣйствительно, мы застаемъ уже въ Исландіи вполнѣ научное отношеніе къ вопросамъ о примѣненіи латинскаго алфавита къ звуковымъ особенностямъ древнесѣвернаго языка, объ описательныхъ выраженіяхъ, о синонимахъ и пр. Самымъ объемистымъ и вмѣстѣ наиболѣе выдающимся сочиненіемъ въ этомъ направленіи является сборникъ Snorri Sturlason'a (1178—1241), извѣстный подъ названіемъ Эдды, т. е. Поэтика. Этотъ сборникъ, наряду съ трактатами по грамматикѣ, содержитъ еще двѣ статьи, цѣлью которыхъ было поддержать и освѣжить въ скальдахъ и ихъ публикѣ знакомство съ древнесѣверной миѳологіей, служившей необходимѣйшимъ аппаратомъ для тогдашней поэзіи. Снррова Эдда была въ свое время не только замѣчательнымъ научнымъ памятникомъ, но и патріотическимъ подвигомъ, спасшимъ родную старину отъ забвенія и презрѣнія. По общественному идеалу Снорри,—возрожденію древнесѣвернаго родового быта,—не суждено было осуществиться, и въ его лицѣ Исландія потеряла послѣдняго могущественнаго поборника своей независимости. Политическая несамостоятельность Исландіи повлекла за собой и упадокъ духовныхъ интересовъ. Отнынѣ уже научныя занятія переходятъ къ скандинавамъ материка. Только въ послѣднее время Исландія опять стала поставлять своихъ сотрудниковъ въ области родной филологіи, изъ которыхъ самымъ дѣятельнымъ оказался Гудбрандъ Вигфуссонъ, издатель саги о Стурлунгахъ, съ

обстоятельнымъ введеніемъ о литературѣ сагъ вообще, редакторъ и толкователь эддическихъ пѣсенъ въ изданномъ имъ—Corpus poëticum boreale и Finnur Jónsson, авторъ еще неоконченной исторіи древнесѣверной литературы. Университетъ въ Рейкіавикѣ даетъ право думать, что Исландія въ скоромъ времени приметъ опять оживленное участіе въ разработкѣ научныхъ вопросовъ, касающихся ея же собственной старины.

На материкѣ только реформація разсѣяла тѣ тѣни, которыя скрывали отъ глазъ любознательнаго скандинава его прошлое, такъ что въ Швеціи послѣдніе католическіе епископы уже обратились къ научнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ, возникъ большой культурно-историческій очеркъ епископа Olaus Magnus'a Historia, de gentibus Septentrionalibus, а въ Даніи эта эпоха ознаменована изданіемъ хроники Саксона Грамматика. Интересъ, проявившійся на материкѣ къ древнесѣверному преданію, повелъ, между прочимъ, и къ тому, что стали перевозить изъ Исландіи рукописи, главнымъ образомъ, въ Данію. Самымъ рьянымъ собирателемъ былъ Арне Магнуссонъ, который завѣщалъ оставшуюся послѣ пожара Копенгагена въ 1728 г. все еще богатую свою коллекцію королевской библіотекѣ тамъ же; въ нее входятъ самые цѣнные рукописные сборники на древнесѣверномъ языкѣ. Кромѣ того, онъ ассигновалъ капиталъ, доходы съ котораго либо раздаются въ видѣ стипендій молодымъ ученымъ, либо отводятся на изданія исландскихъ текстовъ. Первымъ такимъ изданіемъ вышли въ свѣтъ эддическія пѣсни подъ заглавіемъ: Edda rhytmica seu antiquior. Въ Швеціи покровителемъ подобнаго рода интересовъ былъ государственный канцлеръ Magnus Gabriel de la Gardie. У шведовъ не было прямого повода увлекаться исландской литературой, зато явная связь острова Готланда и гётской провинціи съ древними готами внушала вниманіе и участіе къ памятникамъ старины. Поэтому de la Gardie пріобрѣтаетъ такъ называемый Codex argenteus и даритъ эту единственную въ своемъ родѣ, роскошную рукопись въ Упсальскій университетъ. Всѣ толкованія сосредоточиваются на готскомъ переводѣ Вульфилой библіи съ одной стороны и на вопросѣ о происхожденіи скандинавовъ съ другой. Въ концѣ концовъ, слагается легенда, что Швеція колыбель всеобщей цивилизаціи, легенда, которая немало льстила патріотическому чувству и въ связи съ воинственнымъ тогда настроеніемъ шведскаго общества, вообще, сильно возбуждала умы молодежи. Одинъ изъ послѣдователей этой теоріи относилъ Сноррову Эдду за 500 лѣтъ до основанія Трои; руническія надписи существовали по тогдашнему мнѣнію еще до потопа!

Но вотъ изъ среды ученыхъ, допускавшихъ столь фантастическія догадки, вышелъ профессоръ Johannes Ihre (1707—1780), положившій основаніе сравнительному изслѣдованію скандинавскихъ языковъ. Къ этой точкѣ зрѣнія привели пр. Ире проходившія черезъ всю Европу стремленія реформировать современный родной языкъ, приноровить его къ болѣе строгой схемѣ, очистить его отъ вульгарныхъ и заимствованныхъ выраженій, провести болѣе послѣдовательное правописаніе и т. п. Желая осуществить эти требованія по отношенію къ шведскому языку, пр. Ире сталъ изучать древніе тексты, а также и разные говоры Швеціи. Отсюда пр. Ире перешелъ къ сравненію шведскихъ словъ съ родственными другихъ германскихъ языковъ, изъ которыхъ готскому онъ придавалъ коренное значеніе. На основаніи добытаго матеріала пр. Ире установлялъ этимологію словъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не ускользнуло отъ его вниманія и то обстоятельство, что соотвѣтствіе звуковъ въ родственныхъ между собою языкахъ подвержено извѣстной закономѣрности. Его главный трудъ—историческій словарь шведскаго языка: Glossarium Sviogothicum, въ которомъ кромѣ германскихъ языковъ привлечены къ сличенію и греческій и латинскій; тутъ же приложены таблицы чередованія звуковъ въ приведенныхъ языкахъ.

Къ пр. Ире непосредственно примыкаетъ Размусъ Раскъ (1787—1832), дѣятельность котораго оказала вліяніе уже на развитіе всеобщаго языкознанія. Раскъ обладалъ способностью усвоивать чужіе языки съ замѣчательной легкостью разговорнымъ путемъ. Не довольствуясь теоретическимъ познаніемъ изучаемаго языка, Раскъ старался пополнить свои свѣдѣнія практическими упражненіями и посѣщеніемъ ихъ страны. Занявшись еще со школьной скамьи и впослѣдствіи въ копенгагенскомъ университетѣ спеціально древнеисландскимъ языкомъ, пр. Раскъ послѣ окончанія университетскихъ занятій два года проводитъ въ Исландіи для полнаго ознакомленія съ ея живой рѣчью. Возвратившись домой, онъ издаетъ первую грамматику древнеисландскаго языка и основываетъ Исландское литературное общество — Islenska bókmentafélag, — распадающееся на два отдѣленія, изъ которыхъ одно засѣдаетъ въ Копенгагенѣ, а другое въ Рейкіавикѣ. Въ слѣдующемъ затѣмъ сочиненіи о происхожденіи древнеисландскаго языка Раскъ, продолжая разрабатывать намѣченный его предшественникомъ, пр. Ире, вопросъ родства древнеисландскаго яз. съ греческимъ и латинскимъ, открылъ еще близость германскихъ языковъ къ славянскимъ и, въ особенности, къ литовскому. Читая

тексты, Раскъ выписывалъ по порядку всѣ слова въ той формѣ, какъ они попадались, изъ того же текста подыскивалъ другія формы тѣхъ же словъ, сличалъ ихъ между собою и составлялъ таблицы склоненія и спряженія. Раскъ, однако, стремился укладывать всѣ свои наблюденія надъ строемъ отдѣльныхъ языковъ въ одну всеобъемлющую систему и для этой цѣли занимался не менѣе, какъ 55 языками, изъ которыхъ находилъ самымъ легкимъ, не исключая и англійскаго,—малайскій. Однако переступить за предѣлы Европы Раскъ не рѣшается съ одной книжной подготовкой и, заручившись какъ частной, такъ и казенной поддержкой, отправляется на востокъ для изученія тамошнихъ языковъ на мѣстѣ. Черезъ Петербургъ, Москву, Астрахань и Кавказъ Раскъ пріѣзжаетъ въ Тегеранъ, посѣщаетъ далѣе Индію и Цейлонъ и послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Азіи возвращается на родину съ богатымъ запасомъ знаній. Но смерть прекратила преждевременно его дѣятельность, богатую результатами, но обѣщавшую еще несравненно больше.

Благодаря Ире и Раску скандинавская филологія стала на вполнѣ научную почву, и послѣ нихъ уже наступаетъ болѣе или менѣе детальная разработка отдѣльныхъ ея отраслей.

Особое воодушевленіе ко всему древнескандинавскому возбудила романтическая школа. Въ Стокгольмѣ молодые литераторы и ученые образовали такъ называемый Гётскій союзъ, въ составъ котораго входили и прославившійся впослѣдствіи поэтъ Esaias Tegnér и извѣстный историкъ Erik Gustaf Geijer. Бесѣды союза и статьи, печатаемыя въ его изданіи Iduna вращались исключительно около идеаловъ скандинавской древности. Равнымъ образомъ и въ Даніи поэтъ-романтикъ Öhlenschläger выразилъ это сочувствіе къ отдаленнымъ временамъ скандинавскихъ родичей. Неисчерпаемымъ источникомъ новыхъ сюжетовъ и типичныхъ героевъ стали три тома Sagabibliothek, изданныхъ Peter Erasmus Müller'омъ. Въ нихъ издатель разбираетъ содержаніе почти всѣхъ исландскихъ сагъ, начиная съ историческихъ и кончая полумиѳическими и сказочными. Въ связи съ разборомъ сагъ Müller занялся и критической оцѣнкой сказаній, сообщаемыхъ въ Снорровой Эддѣ и у Саксона Грамматика. Всѣ эти труды еще до сего дня служатъ удобнымъ пособіемъ для изслѣдователя. Далѣе слѣдуетъ упомянуть, что кромѣ своего увлеченія древностью романтики обнаружили и пониманіе народной поэзіи. Среди нихъ нашлись первые собиратели и издатели народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ средневѣковая скандинавская баллада является самымъ важнымъ открытіемъ.

Однако, ученые, казалось, совершенно забыли о томъ, что саги и эддическія пѣсни, эти главные памятники древнесѣверной литературы, были записаны и найдены почти исключительно въ Исландіи. Безъ всякаго стѣсненія они присваивали своему народу сказанія и миѳы, извѣстные имъ по исландскимъ источникамъ, нисколько не давая себѣ отчета въ томъ, насколько наличность такихъ же сказаній на материкѣ, и именно въ Даніи и Швеціи, можетъ быть вѣроятной, если и не доказанной. Даже за языкомъ этихъ памятниковъ упрочилось названіе древнесѣвернаго вообще, хотя въ немъ несомнѣнно кроются весьма яркіе признаки собственно исландскаго разнорѣчія, навѣрно отсутствовавшіе въ древнедатскомъ и древнешведскомъ говорахъ. Пока всѣхъ ослѣпляло романтическое увлеченіе: эддическія пѣсни, саги, миѳы, старинный языкъ—все это признавалось общимъ добромъ, общимъ поэтическимъ достояніемъ; въ этой родной литературѣ находили общескандинавскіе идеалы и теперь, правда, нарушенное, но какъ бы еще осязаемое племенное единство.

Но эпоха мечтательнаго романтизма смѣняется годами народныхъ броженій, и на скандинавскомъ сѣверѣ пробуждается бывшая до тѣхъ поръ въ пренебреженіи нація съ особой культурной задачей и съ новыми притязаніями. Въ 1814 г. Норвегія была соединена со Швеціей по Кильскому договору. Съ этого момента стремленія къ политической самостоятельности, подготовившіяся уже въ XVIII вѣкѣ въ норвежскомъ обществѣ, стали на твердую почву. Точкой отправленія послужило ученіе, что король, въ данномъ случаѣ, шведскій, лишь избранникъ народа. Отсюда естественно выводился суверенитетъ стортинга. На ряду съ парламентомъ, въ которомъ норвежцы шагъ за шагомъ отвоевывали себѣ самобытность во всѣхъ отрасляхъ правленія, шла оживленная общественная манифестація. Понятно, что такія общеевропейскія стремленія, какъ отраженія іюльской революціи и 1848 годъ, сильно должны были волновать норвежскую интеллигенцію, и вотъ эти то волненія создали крайне національную тенденцію въ наукѣ и и въ литературѣ. Въ послѣдней подъемъ національнаго духа повелъ къ выдѣленію особаго, „норвежско-норвежскаго" литературнаго языка вмѣсто прежняго датско-норвежскаго, къ учрежденію своего театра и къ эпохѣ расцвѣта, которая выдвинула Ибсена и Бьернсона. Въ наукѣ родилось желаніе выставить историческое прошлое норвежскаго народа въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ. Создалась цѣлая цѣпь научныхъ предположеній, долженствовавшихъ поддержать авторитетъ Норвегіи въ семьѣ сѣверныхъ народовъ. Въ области исторіи норвежское

знамя было поднято Peter Munch'омъ (1810—63); относительно литературы R. Keyser (1803—64) проводилъ взглядъ, что всѣ поэтическіе памятники, записанные въ Исландіи, въ сущности, принадлежать норвежскому народу. Лекціи Keyser'а о древнесѣверной литературѣ: Nordmændenes Videnskabelighed og Literatur i Middelalderen, были изданы только послѣ смерти самаго лектора. Приведу нѣсколько строкъ, въ которыхъ Keyser высказываетъ основную мысль своего сочиненія: „Исландскій скальдъ пѣлъ въ Норвегіи на норвежскіе сюжеты на томъ же языкѣ, по той же мелодіи и въ тѣхъ же оборотахъ, которые употреблялись норвежскими скальдами еще задолго до колонизаціи самой Исландіи. Исландскій сказитель сагъ разсказывалъ въ Норвегіи же о норвежскихъ происшествіяхъ хотя лишь то, что онъ черезъ вторыя и третьи руки черпалъ изъ норвежскаго преданія, не обнаруживая при этомъ другихъ способностей, какъ только умѣніе запоминать слышанное и плавно повторять разсказъ, который уже въ норвежской традиціи получилъ свою болѣе или менѣе стойкую форму".

Это заявленіе Keyser'а вызвало цѣлую бурю негодованія. Изъ противниковъ его особенно выдавался своей горячностью Svend Grundtvig, знаменитый датскій фольклористъ. Оспаривая гипотезу Keyser'а въ V томѣ Historisk tidskrift и въ брошюрѣ: Er Nordens gamle literatur norsk eller er den dels islandsk dels nordisk? Grundtvig впалъ въ другую крайность, утверждая, что исландская литература не представляетъ чего-либо специфически норвежскаго, а передаетъ общескандинавскія сказанія и миѳы, которые съ одинаковымъ правомъ можно было бы назвать и датскими и шведскими. Они возникли въ такую раннюю эпоху, что Норвегія тогда еще не имѣла богатаго событіями прошедшаго, которое могло бы вызвать оригинальныя саги и миѳы. Но норвежцы усвоили себѣ общескандинавское преданіе на подобіе тому, какъ въ древней исторіи греческія колоніи у Чернаго моря и современное англійское населеніе въ Канадѣ и въ Индіи пользуются духовнымъ наслѣдствомъ отъ общихъ предковъ. Довольно наивно Grundtvig доказываетъ, что датскій языкъ стоитъ ближе всего къ праязыку въ виду его южнаго положенія и вытекающаго отсюда тѣснѣйшаго родства съ остальными германскими племенами.—Въ Швеціи въ этомъ спорѣ обратила на себя вниманіе статья M. Richert'а. Уже одно заглавіе ея: Om nordisk bildning och fornnordisk literatur, указываетъ на то, что Richert подходитъ къ спорнымъ вопросамъ не объективно, а усматривалъ въ нихъ рѣшеніи извѣстную тенденцію для своего времени. И онъ полагаетъ, что во время населенія Исландіи еще не су-

ществовало понятіе о трехъ скандинавскихъ государствахъ, и то обстоятельство, что какая-нибудь пѣснь сложилась въ Норвегіи, Даніи или Швеціи, не имѣетъ ровно никакого значенія относительно ея національности. Шведы въ это время открыли, что они представляютъ изъ себя чистую націю безъ примѣси чужой крови (Kernvolk), въ то время какъ датчане—смѣшанный народъ (Mischvolk). Наконецъ, что касается правового и государственнаго порядка, то шведы оказались несомнѣнно консервативнѣе другихъ скандинавовъ.

Можетъ быть, этотъ споръ изъ-за національнаго характера скандинавской старины еще надолго задержалъ бы спокойное развитіе нашей науки, если бы не вмѣшались нѣмецкіе ученые, стоящіе въ сторонѣ отъ политическихъ страстей, а именно, проф. Конрадъ Мауреръ въ Мюнхенѣ и проф. Теодоръ Мёбіусъ въ Килѣ. Оба высказались въ первомъ томѣ журнала Zeitschrift für deutsche Philologie, и сюда же относится и капитальное изслѣдованіе Маурера: Über die ausdrücke altnordische, altnorwegische und isländische sprache, напечатанное въ изданіяхъ баварской академіи наукъ, XI т. II отд. Занявшись строго критическимъ установленіемъ хронологіи отдѣльныхъ сочиненій и разсмотрѣніемъ вопроса о вѣроятной давности пѣсенъ и сказаній, они убѣдились въ томъ, что расцвѣтъ древнесѣверной литературы относится развѣ только къ концу языческаго періода и, во всякомъ случаѣ, вскорѣ подпалъ подъ вліяніе христіанства. Отсюда явствовало, что исландская литература, прежде всего, исландская.—Этотъ выводъ настолько простъ и справедливъ, что самые ярые патріоты должны были уступить.

Съ этого момента начинается особое направленіе скандинавской филологіи, которое заключается въ томъ, что ученые стараются во всѣхъ изслѣдуемыхъ памятникахъ, миѳахъ, сказаніяхъ, формахъ языка и пр. выяснять національныя особенности. Оказалось, напримѣръ, что эддическія пѣсни въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ Исландіи, но нѣкоторыя сложились, можетъ быть, и въ Норвегіи, а нѣсколько, всего двѣ, въ Гренландіи. Среди рукописей мы уже отличаемъ исландскіе и норвежскіе изводы, мало того, разсуждаемъ о томъ, записана ли та или другая сага на югѣ, востокѣ или западѣ Исландіи. Въ самыхъ древнихъ руническихъ надписяхъ мы уже находимъ діалектическія примѣты. Далѣе выяснилось, что миѳы и сказанія, хотя и касаются одного и того же лица или подвига, въ различныхъ краяхъ разногласны между собой. Мы допускаемъ, напримѣръ, чтобъ Саксонъ Грамматикъ давалъ намъ иной разсказъ о Бальдерѣ, чѣмъ Снорри.

Такія божества, какъ Геймдаль и Браги, вѣроятно оригинальныя созданія самихъ исландцевъ и никогда не признавались на материкѣ. Фрей и Одинъ никогда не пользовались такой популярностью въ Скандинавіи, какъ Торъ, и на древнесѣверномъ олимпѣ являются захожими гостями. Чтобъ удовлетворить этому пристрастію къ дифференціаціи, Henrik Schück въ своей исторіи шведской литературы и въ отдѣльномъ очеркѣ: Svensk gudatro under en heden tid въ Finsk tidskrift т. XLV, несмотря на полную скудость данныхъ, пытался возстановить и картину шведскаго миѳологическаго и героическаго міра. Но въ нѣкоторыхъ вопросахъ роль отдѣльныхъ народовъ совершенно еще не выяснена; такъ, относительно набѣговъ викинговъ на западную Европу, норвежцы и датчане еще до сего дня спорятъ между собой, какая страна доставляла наибольшій контингентъ воиновъ-переселенцевъ. По кельтскимъ хроникамъ викинги явились изъ страны Lochlann, что означаетъ „приморская страна“ (loch=море, lann ср. land=страна). Датчанинъ Johannes Steenstrup толкуетъ это названіе, какъ датскій островъ Sjæland (Seland); норвежецъ Gustaf Storm, какъ переводъ названія норвежской провинціи Firdafylke=„Область у фьорда“. И какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ предвзятая точка зрѣнія предрѣшаетъ многое. Такимъ образомъ, національный вопросъ далеко еще не устраненъ изъ нашей науки, и разграничивать культурныя проявленія каждаго племени съ возможнымъ безпристрастіемъ—одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ современнаго изслѣдователя въ области скандинавской филологіи.

Пріуроченіе всѣхъ явленій къ родной почвѣ имѣло очень важное послѣдствіе. Пока вся скандинавская старина разсматривалась какъ нѣчто общее, точное географическое пріуроченіе оказывалось тщетнымъ. Когда же каждой странѣ была возвращена свойственная ей культура, то она же вмѣстѣ съ тѣмъ попадала въ опредѣленныя историческія рамки. Тогда постепенно стали выясняться и условія, при которыхъ развивалась жизнь того или другого народа. Въ скандинавской праисторіи наблюдаются два пункта культурнаго общенія съ остальнымъ міромъ: западъ и востокъ. На первомъ главными дѣйствующими лицами выступили — норвежцы, на второмъ — шведы. Извѣстно, что норвежцы задолго до открытія Исландіи основали свои колоніи на оркнейскихъ, гебридскихъ и шетландскихъ островахъ, что они посѣщали Шотландію и Англію и дружелюбно были приняты тамъ при королевскихъ дворахъ, и что имъ же удалось пріобрѣсти прочныя связи и въ Ирландіи. Все это должно было вести къ тѣсному

общенію съ мѣстнымъ кельтскимъ населеніемъ, которое уже приняло христіанство и успѣло познакомиться съ общеевропейской культурой. Начало исландско-норвежской традиціи поэтому могло находиться подъ воздѣйствіемъ христіанскихъ и античныхъ элементовъ, которые скандинавы переняли при посредничествѣ кельтовъ. Эту возможность впервые имѣлъ въ виду Herman Bang, когда онъ сопоставлялъ космогоническую эддическую пѣснь Voluspá съ предсказаніями Сивиллы (Voluspaa og de Sibyllinske Orakler 1879 г.). По самымъ вѣскимъ представителемъ этого взгляда явился многосторонній норвежскій ученый Sophus Bugge, который распространилъ свои изслѣдованія какъ на различные эддическіе миѳы, такъ и на героическія сказанія, въ особенности въ двухъ книгахъ: Studier over de nordiske Gude—og Heltesagns Oprindelse 1881 г. и Helgedigtene, deres hjem og forbindelser 1896 г. Въ сравненіи съ заслугами Bugge попытки нѣмецкаго ученаго Elard Hugo Meyer'a—представить новое толкованіе Voluspá, Schullerus'a—объяснить представленіе о Вальгаллѣ при свѣтѣ христіанскихъ источниковъ, и мюнхенскаго доцента Golther'a,—связать греческое преданіе о Дедалѣ и Икарѣ съ сказаніями о Волундѣ, оказываются лишь слабыми подражаніями. Несмотря на свою плодотворность, работы Bugge однако встрѣтили сильный отпоръ и не только со стороны задѣтыхъ за-живо патріотовъ, но, главнымъ образомъ, изъ-за ненадежности метода. Bugge обладаетъ необычайной начитанностью и смѣлостью въ комбинаціяхъ, но забываетъ, что каждый миѳъ, каждое сказаніе прежде всего—живое творчество, которое можетъ орудовать и книжными матеріалами, но отнюдь не уподобляется мозаикѣ изъ пестрыхъ литературныхъ осколковъ. Такимъ образомъ, Бугге для одного законченнаго въ себѣ миѳа открываетъ рядъ самыхъ разнообразныхъ и по времени и по содержанію источниковъ. Что касается объясненія собственныхъ именъ, то Бугге считаетъ себя въ правѣ допускать народныя этимологіи, но въ такомъ широкомъ объемѣ, что наука теряетъ всякія права; его работы такъ и пестрятъ лингвистическими курьезами: Hercules у него даетъ Orvar-Oddr, Οἰνώνη—Nanna, Beelzebub—Býleiptr и т. п. Въ Германіи противъ Бугге выступилъ горячій ученикъ Гримма, Карлъ Мюлленгофъ въ V томѣ его Deutsche Altertumskunde, который однако былъ изданъ только послѣ смерти самого автора Шеромъ. Въ своемъ цѣнномъ и солидномъ изслѣдованіи объ эддической традиціи К. Мюлленгофъ не воздержался отъ довольно грубыхъ выходокъ противъ Бугге. Существеннымъ же недостаткомъ страдаетъ объемистый трудъ шведскаго поэта и философа Viktor Ryd-

berg'а: Undersökningar i germanisk mytologi. Rydberg, говоритъ знаменитый языковѣдъ, проф. въ Упсалѣ Adolf Noreen, показалъ намъ, какой бы мы получили языческій народный эпосъ, если бы ему суждено было развиваться еще нѣсколько столѣтій, и наконецъ встрѣтить творческій геній на подобіе Rydberg'а. Но кромѣ такого поэтическаго возстановленія миѳовъ Rydberg сдѣлалъ много интересныхъ открытій, хотя бы одно то, что пророчества Сивиллы никоимъ образомъ не могли быть извѣстными на западѣ, когда возникло предсказаніе сѣверной Валы (Völuspâ).—Самъ же Noreen сочувствуетъ начинаніямъ Бугге хотя думаетъ, что христіанскіе и античные элементы проникли на сѣверъ не черезъ кельтовъ, а инымъ путемъ. Кажется, Noreen при этомъ имѣетъ въ виду поѣздки викинговъ и сношенія ихъ съ Нормандіей,—взглядъ, высказанный вскользь Golther'омъ и открывающій еще совсѣмъ незатронутыя задачи будущимъ изслѣдователямъ.

Цѣнный вкладъ въ знаменитый споръ объ оригинальности Voluspa сдѣлалъ и академикъ А. Н. Веселовскій въ XVIII статьѣ его серіи „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“ 1891 г. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же Разысканій нашъ почтенный ученый формулируетъ свой взглядъ такъ: „необходимъ, прежде всего, новый пересмотръ разныхъ „порѣшоныхъ“ вопросовъ, хотя бы затѣмъ, чтобъ имѣть право сказать себѣ, что мы многаго не знаемъ. Въ этомъ отрицательномъ смыслѣ полезна недавняя попытка Бугге...“. О вышеназванной книгѣ Мейера А. Н. Веселовскій отзывается слѣдующимъ образомъ: „Мы должны быть благодарны ему за попытку приложить ко всему составу Voluspa критерія христіанскихъ источниковъ, давшаго нѣсколько убѣдительныхъ результатовъ при анализѣ подробностей и отдѣльныхъ эпизодовъ поэмы. Кое гдѣ изслѣдованіе Мейера повело эту частичную работу далѣе и не безъ успѣха; объяснить цѣлое, но тѣмъ же пріемамъ, ему, на нашъ взглядъ, не удалось, но полезно было попытаться сдѣлать это, хотя бы подъ опасеніемъ оставить въ читателяхъ впечатлѣніе отрицательнаго свойства: non liquet“.—Насколько можно теперь судить, слѣды христіанскаго вліянія болѣе очевидны и несомнѣнны, между тѣмъ, какъ наличность античныхъ мотивовъ въ древнесѣверномъ преданіи еще до сихъ поръ находится подъ сомнѣніемъ. Совершенно еще непочатымъ остается вопросъ о взаимоотношеніи кельтскихъ сказаній со скандинавскими, вопросъ весьма важный, такъ какъ слѣдуетъ полагать, что не только скандинавы заимствовали у кельтовъ, но и наоборотъ, а при этомъ возможно встрѣтить въ кельтскихъ отраженіяхъ весьма древнія разновидности сѣверныхъ миѳовъ. Что такое духовное общеніе имѣло мѣсто,

доказывается множествомъ кельтскихъ словъ, перешедшихъ въ древне-сѣверный языкъ; но незнаніе скандинавистами кельтскаго языка до сихъ поръ препятствовало самостоятельному разслѣдованію относящихся сюда вопросовъ.

Еще темнѣе культурная исторія скандинавскаго востока, не только потому, что мѣстные источники совершенно молчатъ о нихъ, но и потому что сосѣднія народности—финскія и славянскія, съ которыми сталкиваются восточные викинги, очень поздно освѣщаются исторіей. Бѣда въ томъ, что мы не имѣемъ ни одного сборника, обнимающаго собственно шведскія сказанія, намъ приходится довольствоваться тѣми воспоминаніями, которыя случайно сохранились у Саксона Грамматика, и тѣми намеками, которые находимъ въ фантастическихъ исландскихъ сагахъ. Я не могу согласиться съ датскимъ ученымъ Jessen'омъ, который въ этихъ сагахъ видитъ лишь „историзирующую обработку, пріуроченную къ исторіи сказокъ" — historisierende Bearbeitung von Märchen, но думаю, что всѣ саги могутъ имѣть извѣстную историческую подкладку, которую необходимо вскрыть. Востокъ у скандинавовъ былъ страной чудесъ по преимуществу: сюда Торъ совершалъ свои воинственныя экскурсіи; здѣсь помѣщались страны великановъ, финовъ-колдуновъ и амазонокъ; не мудрено, что саги приноравливали къ поѣздкамъ на востокъ различныя сказочныя схемы; но въ эти схемы укладывался матеріалъ, весьма для насъ цѣнный. Выдѣлить его изъ литературной обстановки— задача фольклориста.

На помощь этимъ изслѣдованіямъ въ области собственно скандинавской литературы должна прійти финологія. Пока выводили весь миѳологическій и эпическій составъ Калевалы непосредственно изъ Азіи, нечего было и сравнивать финское преданіе съ европейскимъ. Теперь же всѣ финологи согласны между собой, что финскіе миѳы въ дошедшей до насъ формѣ слагались только послѣ распространенія среди финовъ христіанскихъ представленій и что даже не русская Карелія, гдѣ Ленротъ записалъ наибольшее количество пѣсенъ, настоящая родина Калевалы, а болѣе западная часть Финляндіи. Естественно, что благодаря такой постановкѣ вопросъ о заимствованіи финами скандинавскихъ миѳовъ и о передачѣ своихъ собственныхъ сказаній скандинавамъ пріобрѣтаетъ большую степень вѣроятности, которая увеличивается по мѣрѣ того, какъ открываются поразительныя параллели между поэтическими образами того и другого народа. Укажу лишь на одинъ примѣръ. Восточно-скандинавское сказаніе о мельницѣ Гротти, которая мелетъ золото и блаженство и подъ ко-

нецъ падаетъ въ море, производя соль, тожественно съ загадочнымъ Сампо, что кустъ Ильмариненъ.

Финско-скандинавскія отношенія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ старорусской культурой. Проф. Всеволодъ Миллеръ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ Очерковъ по русской народной словесности излагаетъ рядъ наблюденій, доказывающихъ участіе новгородскаго сѣвера въ развитіи эпическаго пѣснопѣнія. Важнѣе еще, что культурное теченіе древней Руси первоначально шло съ сѣвера на югъ, съ Новгорода до Кіева. Слѣдуетъ полагать, что скандинавы не только въ самомъ Новгородѣ, ими называемомъ Holmgard'ѣ, имѣли свою факторію, но и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи, какъ, напримѣръ, въ Плоцкѣ. Въ ихъ рукахъ была вся Нева; на Ладожскомъ озерѣ они себя чувствовали дома и, должно быть, по всему прибрежью Финскаго залива были разсѣяны ихъ укрѣпленія. Еще въ первоначальной лѣтописи говорится, что фины и славяне дѣйствовали сообща противъ варяговъ. Признаніе этихъ взаимоотношеній выразилось въ русской наукѣ въ такъ называемомъ варяжскомъ вопросѣ. Но это значило—читать романъ съ конца. Призваніе варяговъ и водвореніе на Руси Рюрика есть, пожалуй, завершеніе многовѣковой эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ исходный пунктъ собственно русской исторіи. Это сознавалъ и самъ лѣтописецъ, который и повѣдалъ намъ, „откуду есть пошла Руская земя“. Дорусскій періодъ нашей исторіи по справедливости таки пришлось бы назвать норманскимъ. Освѣщать его темень посредствомъ этимологическихъ толкованій культурныхъ терминовъ и мѣстныхъ названій, и на основаніи дошедшаго до насъ преданія, провѣряя выводы археологическими находками, аналогіями и послѣдующимъ затѣмъ развитіемъ дѣлъ—задача скандинавской филологіи, особенно близкая представителямъ ея въ Россіи.

Появившіяся изслѣдованія въ этомъ направленіи доказываютъ, что жатва на этомъ полѣ ожидается обильная. Изъ богатой литературы по варяжскому вопросу выдается фундаментальное изслѣдованіе Куника: Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven 1844 г., единственное до сихъ поръ, которое удовлетворяетъ требованіямъ строгой филологіи. Его популяризировалъ и отчасти и дополнилъ датскій ученый Thomsen въ пяти публичныхъ лекціяхъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: Über den Ursprung des russischen Staates. Но совершенно непочатую область затронули этимологическія разысканія Thomsen'a—Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen 1870 г. и Beroringer mellem de finske og de

baltiske (littauisk-lettiske) Sprog 1890 г. — Въ послѣдніе годы академикъ А. Н. Веселовскій занялся разборомъ шведскихъ пересказовъ саги о Тидрекѣ Бернскомъ. Исходя изъ того, что описываемыя въ самой сагѣ враждованія съ народомъ вильцевъ-вельтовъ могли уже принадлежать къ исконному содержанію даннаго цикла сказаній, акад. А. Н. Веселовскій пріурочиваетъ и другія подробности къ тому же мѣсту, къ прибалтійскому краю. Въ эстляндскомъ эпосѣ отложились мотивы сказанія о Волундѣ, а герои нѣмецкихъ поэмъ выступаютъ въ роли эпонимовъ финскихъ народностей. Словомъ, гипотеза эта такого рода, что передвигается принципіальная точка зрѣнія на образованіе и толкованіе нѣмецкихъ героическихъ сказаній вообще, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ усматривается отраженіе извѣстныхъ этническихъ фактовъ нашей балтійской праисторіи.

Общій интересъ, который представляетъ изъ себя изученіе скандинавскаго міра, безусловно признанъ, такъ что нѣкоторые нѣмецкіе и англійскіе университеты уже сочли нужнымъ допустить у себя особаго представителя этой отрасли, не говоря о скандинавскихъ странахъ и объ университетѣ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ существуютъ каѳедры по скандинавской филологіи. Но въ Россіи, кажется мнѣ, кромѣ общаго значенія возможно и совершенно самостоятельное развитіе скандинавской филологіи въ связи съ финологіей и съ выясненіемъ вопросовъ „варяжскихъ“. Это обстоятельство даетъ право думать, что скандинавская филологія будетъ имѣть свою будущность и въ Россіи и будетъ служить здѣсь важнымъ подспорьемъ не только для занятій по неофилологіи вообще, но и для изученія родной старины.

К. Тіандеръ.

БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ СИБИРИ.

Плугъ историка-изслѣдователя провелъ до сихъ поръ лишь рѣдкія и неглубокія борозды на полѣ изученія прошлаго Закаменной Россіи. Поле это хотя и ограничено неширокими хронологическими предѣлами и не представляетъ на своей поверхности особенной яркости и разнообразія, однако имѣетъ чрезвычайно интересную и важную историческую подпочву, съ одной стороны, а съ другой — даетъ полную возможность прослѣдить тѣ измѣненія въ историческомъ процессѣ и въ формахъ русской народной жизни, которыя обусловливались неизбѣжнымъ вліяніемъ новыхъ факторовъ: иной природой, другимъ климатомъ, столкновеніемъ и сожительствомъ съ обширнымъ инородческимъ міромъ и, наконецъ, свободой отъ тѣхъ стѣсненій и тягостей, которыя всецѣло царили надъ массой населенія Московской Руси. Сравнительно недолгая историческая жизнь сибирской окраины (при чемъ значительная часть ея прошла въ безсознательныхъ, такъ сказать, растительныхъ процессахъ), отдаленность и отчужденность края, наконецъ, даже въ настоящее время полное отсутствіе въ немъ организацій, связанныхъ съ изученіемъ его прошлаго, какъ архивныхъ комиссій, историческихъ обществъ,—все это вполнѣ объясняетъ и извиняетъ малоудовлетворительные результаты предшествовавшаго изученія сибирской исторіи, тѣмъ болѣе, что эти скудные результаты достигнуты, главнымъ образомъ, трудами одинокихъ и разсѣянныхъ по разнымъ мѣстностямъ любителей, занятыхъ обычно другими дѣлами, не имѣвшихъ солиднаго руководства, всѣхъ нужныхъ пособій и часто не обладавшихъ даже надлежащей подготовкой. Теперь, когда зауральскій потокъ русской жизни все болѣе и болѣе сливается съ потокомъ общерусскимъ, когда сама практи-

ческая жизнь выдвигаетъ весьма серьезные вопросы и требуетъ немедленнаго ихъ разрѣшенія,—теперь особенно необходимо, чтобы инородческое изученіе помогло выяснить нѣкоторые современные вопросы, помогло лучше оріентироваться въ нихъ: таковъ вопросъ историческій, вопросъ о ссылкѣ, фактически не разрѣшенный и до сегодня (извѣстно, что теперь въ Сибири не менѣе 300.000 ссыльныхъ, изъ которыхъ лишь $^1/_3$ находится въ состояніи осѣдлости); таковъ вопросъ переселенческій, старинный вопросъ колонизаціи Сибири. Наконецъ, крайне важно всестороннее выясненіе того, какіе пути, средства и условія прежде способствовали значительному благосостоянію сибирской крестьянской массы, и что̀ теперь стало препятствовать этому благосостоянію. Этотъ серьезный вопросъ исторіи народнаго хозяйства особенно важенъ въ виду несомнѣннаго и быстраго упадка крестьянской зажиточности въ Сибири за послѣднее время. Въ области этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ историческая наука непосредственно сближается съ жизнью и является той magistra vitae, о которой говоритъ Цицеронъ. Безъ помощи исторической науки невозможно рѣшить удовлетворительно эти вопросы, какъ нельзя понять и оцѣнить послѣднюю страницу книги, не читавъ предыдущихъ. Такимъ образомъ, сама жизнь какъ бы выдвигаетъ на первый планъ нѣкоторые ближайшіе вопросы и задачи историческаго изученія Сибири. Прежде чѣмъ перейти къ подробному разсмотрѣнію этихъ насущныхъ задачъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о вопросахъ, какъ бы заложенныхъ въ сибирской исторической подпочвѣ, имѣющихъ общее историческое значеніе, но, при всей своей важности, не укладывающихся въ категорію задачъ ближайшихъ.

Историческія судьбы Сибири до русскаго занятія представляютъ еще не разгаданныя и не разобранныя страницы. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшнія инородческія племена Сибири—лишь обломки древнихъ народовъ, испытавшихъ цѣлый рядъ переворотовъ и переселеній. Исторія должна указать роль, которую въ калейдоскопѣ древнихъ событій играли тюгуйцы въ VIII-мъ вѣкѣ, уйгуры, кыркызы (на верховьяхъ Енисея и по Абакану), курлыканы (на сѣверѣ отъ Байкала), китаис и др. вѣтви тюркскаго и монгольскаго племенъ. Несомнѣнно, что эти древніе обитатели Сибири имѣли довольно развитую культуру, какъ это видно изъ курганныхъ предметовъ, слѣдовъ многочисленныхъ городищъ и оросительныхъ сооруженій, изъ начертаній и надписей на скалахъ и могильныхъ камняхъ. На всемъ протяженіи южной и средней Сибири встрѣчаются остатки рвовъ и валовъ,

окружавшихъ бывшія тамъ когда-то довольно обширныя поселенія, далеко превосходившія своими размѣрами паулы нынѣшнихъ вогуловъ, жалкія деревушки остяковъ, разбросанныя на непривѣтливыхъ берегахъ Оби и ея притоковъ, и спрятавшіеся въ густыхъ лѣсахъ аилы алтайцевъ. На утесахъ, отвѣсно опускающихся въ Енисей, Томь, Бухтарму и др. рѣки, на скалахъ въ Забайкальѣ, на могильныхъ камняхъ въ степяхъ Семирѣчья и особенно въ Минусинскомъ краѣ встрѣчаются изображенія животныхъ, начертанныя неизгладимой черной и красной красками, высѣченныя на камняхъ надписи—остатки письменности, когда-то существовавшей у первобытныхъ обитателей Сибири. Въ 1893 году датскій ученый Томсонъ дешифрировалъ древнія тюркскія руны на памятникахъ Кюль-Тегина и Бильге-хана, открытыхъ сибиряками Падеринымъ и незабвеннымъ Ядринцевымъ въ Монголіи по р. Орхону. Написанныя на одномъ изъ тюркскихъ нарѣчій, близкомъ къ уйгурскому, орхонскія надписи дали ключъ къ пониманію и енисейскихъ надписей, повидимому, еще болѣе древнихъ (VI в.) и представляющихъ какой-то діалектъ. Трудное дѣло дешифрированія енисейскихъ надписей подвигается впередъ усиліями нашихъ оріенталистовъ съ акад. Радловымъ во главѣ и, несомнѣнно, броситъ яркій свѣтъ на исторію южной Сибири. Изъ сопоставленія данныхъ археологіи, результатовъ изученія тюркскихъ надписей на скалахъ и могильныхъ памятникахъ съ извѣстіями, сообщаемыми о сѣверной Азіи въ китайскихъ лѣтописяхъ и въ монгольскихъ и тюркскихъ народныхъ преданіяхъ,—наука, безъ сомнѣнія, придетъ къ чрезвычайно важнымъ выводамъ не только о древнѣйшихъ судьбахъ сѣверной Азіи, но, быть можетъ, дойдетъ и до уразумѣнія родства европейскихъ и азіатскихъ народовъ. Изученіе нѣкоторыхъ современныхъ историческихъ племенъ Сибири съ точки зрѣнія исторіи культуры вообще и въ сѣверномъ полушаріи въ особенности должно дать обширные и важные результаты. Изучая культуру тюркскихъ и монгольскихъ племенъ въ Сибири сравнительно съ культурой первобытныхъ дикарей Австраліи, южной Америки, Африки, Зондскихъ острововъ, нетрудно убѣдиться, что въ Сибири мы имѣемъ уже высшую ступень, переходную отъ первобытной къ слѣдующей, такъ что именно въ Сибири можно найти тѣ потерянныя звенья, которыя соединяютъ первобытнаго дикаря съ историческимъ человѣкомъ. Природа была болѣе нѣжной и заботливой матерью по отношенію къ австралійцамъ, ботокудамъ, бушменамъ, туземцамъ Зондскихъ острововъ, чѣмъ къ сибирскимъ инородцамъ; но по этой причинѣ она и

оставила первыхъ на самой низкой ступени культурной жизни и не дала имъ поводовъ для самостоятельнаго, самобытнаго развитія. Совсѣмъ не то представляютъ собою сибирскіе инородцы: у нихъ до настоящаго времени можно найти какъ первоначальныя жилища и первобытную обстановку, такъ и цѣлую скалу измѣненій въ зависимости и отъ естественной эволюціи, и отъ мѣстныхъ условій. У сибирскихъ инородцевъ можно подсмотрѣть самые зародыши ремеслъ и занятій, начало плетенья, тканья, выдѣлки разныхъ произведеній, первые способы обработки металловъ. У нихъ можно открыть первые зачатки земледѣльческой, хозяйственной дѣятельности—первыя ступени той длинной лѣстницы, которая возвела человѣка къ осѣдлой земледѣльческой жизни. Сибирскіе инородцы на этихъ современныхъ примѣрахъ показываютъ, какъ за первоначальнымъ хищническимъ собираніемъ дикорастущихъ злаковъ (кырлыкъ—дикая греча), выкапываніемъ дикихъ съѣдобныхъ корней (кандыкъ, саранка и др.), извлеченіемъ ихъ изъ норъ грызуновъ, добываніемъ меда дикихъ пчелъ, словомъ, какъ за этой хищнической эксплуатаціей даровъ природы начинается болѣе сознательное отношеніе къ нимъ: территорія распредѣляется для эксплуатаціи между группами населенія, часть даровъ природы оставляется про запасъ, для размноженія, даже грызунамъ оставляется часть ихъ запасовъ, чтобы не лишиться этихъ даровыхъ работниковъ. За этимъ первымъ шагомъ по пути культурнаго развитія человѣкъ начинаетъ уже сознательно эксплуатировать природу посредствомъ зачатковъ земледѣлія и скотоводства; къ навыку и опытности присоединяется и капиталъ въ видѣ орудій производства. Въ Сибири, именно въ алтайскомъ районѣ, какъ думаетъ Ядринцевъ, авторъ не оконченнаго труда „Начало осѣдлости. Изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ", можно прослѣдить любопытныя формы перехода отъ быта чисто-кочевого къ осѣдлому, земледѣльческому, подъ непреодолимымъ вліяніемъ окружающей природы: пришлые съ юга номады (можетъ быть, тюгуйцы), поселившись въ Алтайскихъ горахъ, поневолѣ укоротили размахъ своего кочевого маятника, а продвинувшись еще далѣе, въ область лѣсовъ, сократили его на 10—15 верстъ. Лѣса повліяли на остановку передвиженія, сдѣлали не только невозможными прежнія массовыя перемѣщенія, столь характерныя для кочевого быта, но даже разбили пришельцевъ на очень мелкія группы, прикрѣпили ихъ къ мѣсту, доставляя матеріалъ для жилищъ и открывая удобренные перегноемъ клочки почвы для земледѣльческаго хозяйства. Надлежащая поста-

новка и правильное рѣшеніе этихъ основныхъ вопросовъ связываетъ исторію Сибири съ исторіей всего человѣчества и требуютъ соединенныхъ трудовъ цѣлаго ряда оріенталистовъ, историковъ культуры, антропологовъ и этнографовъ. Заслуживаетъ также основательнаго разсмотрѣнія исторія передней Сибири непосредственно передъ появленіемъ Ермака, хотя и представляетъ, главнымъ образомъ, лишь династическіе споры между ханами Шейбанидами, потомками Шейбана, сына Джучи, внука Чингисъ-Хана съ одной стороны, и княжескимъ родомъ сибирскихъ владѣтелей съ другой. Въ связи съ этими переворотами и спорами находится вопросъ о столь замѣтномъ среднеазіатскомъ вліяніи на среднюю Сибирь въ эпоху занятія ея русскими. Эти страницы сибирской исторіи до сихъ поръ представляютъ еще много не заполненныхъ строкъ.

Покончивъ съ указаніями на эти сложные и трудные вопросы, вызываемые отдаленнымъ прошлымъ сибирской окраины, остановимся теперь на вопросахъ, болѣе простыхъ, но зато и требующихъ немедленнаго разрѣшенія. Въ хронологической послѣдовательности на первомъ планѣ здѣсь стоитъ вопросъ о сибирскомъ лѣтописаніи. Сибирскія лѣтописи раздѣляются на два вида: общія, какъ Строгановская, Есиповская, Ремезовская, и частныя, городскія, какъ нѣсколько тобольскихъ, иркутская лѣтопись Пежемскаго [1]), енисейская, кузнецкая; къ этой же категоріи можетъ быть отнесена и вторая половина лѣтописи Черепановской. Остальныя сибирскія лѣтописи и въ настоящее время возбуждаютъ много еще не разрѣшенныхъ вопросовъ. Изъ этихъ лѣтописей удовлетворительно издана только лицевая Ремезовская (въ 1882 г.), фотолитографически, съ полнымъ текстомъ гражданской печатью. Лѣтописи Строгановская и Есиповская изданы дважды: Небольсинымъ въ 1849 г. и Спасскимъ—Строгановская въ 1821 году и Есиповская въ 1824 году. Изданія обѣихъ этихъ лѣтописей нельзя признать удовлетворительными: онѣ изданы безъ сличенія рукописей, не говоря уже объ ихъ критикѣ; кромѣ того, лѣтописи эти изданы неисправно. Извлеченія изъ Черепановской лѣтописи напечатаны и въ „Сиб. Вѣст.“ Спасскаго (1821 г., кн. VII) и въ „Лѣтописяхъ занятій Археогр. комис.“ (Вып. VII, отд. IV). Общее же количество всѣхъ списковъ лѣтописей и лѣтописныхъ статей и

[1]) Въ печатаемомъ В. И. Сукачевымъ сборникѣ матеріаловъ „Первое столѣтіе Иркутска“ находится еще иркутская лѣтопись, переписанная въ 20-хъ годахъ XIX вѣка для В. Н. Басинна.

мѣста ихъ нахожденія до сихъ поръ не приведены еще въ полную извѣстность. Въ одномъ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится до 7 такихъ списковъ; находятся они и въ библіотекахъ Академіи наукъ, Московскаго Общества исторіи и древностей, въ нѣкоторыхъ библіотекахъ сибирскихъ гимназій и семинарій и у частныхъ лицъ. Полное и внимательное изданіе всѣхъ списковъ сколько-нибудь оригинальныхъ редакцій — совершенно необходимая предварительная работа: лишь послѣ этого возможно приступить къ ихъ сличенію, къ взаимному объясненію и опредѣленію состава, къ вопросу объ ихъ относительной древности и достовѣрности. Безъ такого предварительнаго изданія всѣ мнѣнія о Строгановской и Есиповской лѣтописяхъ продолжаютъ оставаться лишь одпѣми гипотезами. Такъ какъ надъ сибирскими лѣтописями не были произведены указанныя выше предварительныя работы, то всѣ существующія мнѣнія объ ихъ сравнительной древности и достовѣрности, а потому о роли Строгановыхъ и Ермака въ дѣлѣ завоеванія Сибирскаго юрта, остаются вполнѣ субъективными. Поэтому какъ нельзя согласиться съ Карамзинымъ, Соловьевымъ и Майковымъ о достовѣрности и оригинальности Строгановской лѣтописи, такъ же невозможно принять подобное мнѣніе Иловайскаго о Ремезовской и Небольсина объ Есиповской: ни у кого изъ нихъ нѣтъ и даже не могло быть точно подкрѣпленныхъ основаній. Въ самое послѣднее время вопросъ подвергся новому пересмотру: г. Дмитріевъ въ статьѣ „Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894 г., № 1 — 2) высказался за пріоритетъ Строгановской лѣтописи и за иниціативу Строгановыхъ въ покореніи Сибири Ермакомъ. Но аргументы этого автора легко поддаются критикѣ. Съ другой стороны, г. Адріановъ въ двухъ статьяхъ: „Къ вопросу о покореніи Сибири" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, № 4) и „Покореніе югорскихъ земель и Сибири" (ib. 1894, № 7), съ болѣе серьезными аргументами, выдвигаетъ на первый планъ Есиповскую лѣтопись. Г. Адріановъ, имѣя въ рукахъ текстъ, изданный Спасскимъ въ 1824 г., полагаетъ, что дополнительныя главы, слѣдующія въ немъ за 36-й гл., и есть запись митр. Кипріана, вписанная въ синодикъ тобольскаго собора. (Кстати, сохранился ли этотъ синодикъ въ тобольскомъ соборѣ?). Строгановская лѣтопись, по мнѣнію г. Адріанова, представляетъ тенденціозную передѣлку Есиповской, на которой основана и Ремезовская, осложненная народными преданіями и еще двумя неизвѣстными лѣтописями. Но стремленіе г. Адріанова найти въ

дополнительныхъ главахъ запись Кипріана подрывается, кромѣ другихъ соображеній, уже тѣмъ, что въ Есиповской лѣтописи, изданной Небольсинымъ, этихъ главъ совсѣмъ нѣтъ, такъ что и списокъ Берха можетъ оказаться лишь другой редакціей. Такъ какъ списокъ Небольсина завершается 1636 г. и представляетъ собою законченное цѣлое, то и всѣ дополнительныя главы—происхожденія позднѣйшаго и Есипову не принадлежать. Кромѣ того, эти добавочныя главы, въ которыхъ идетъ повтореніе сказаннаго раньше, не отличаются необходимой для первоисточника краткостью и не даютъ никакихъ новыхъ свѣдѣній. Наконецъ, г. Тыжновъ, въ поискахъ за первообразомъ сибирскихъ лѣтописей, думаетъ открыть его въ лѣтописи Ремезовской („Сибир. Сборн." 1898 г. „Новѣйшіе труды по исторіи покоренія Сибири"), куда, будто бы, вошли первоначальныя записи, которыми пользовались и Есиповъ, и Ремезовъ. Эта мысль высказана г. Тыжновымъ, конечно, только какъ вѣроятная догадка. Такимъ образомъ, хотя сибирскія лѣтописи извѣстны исторической наукѣ уже болѣе $1^1/_2$ столѣтія, однако вопросы объ ихъ цѣнности, достовѣрности и составѣ остаются открытыми и ожидаютъ еще изслѣдователя, а это, въ свою очередь, будетъ лишь тогда, когда для сужденія о нихъ явится прочная основа—ихъ полное научное изданіе. Прискорбно видѣть, какъ много труда, эрудиціи и остроумія тратятъ изслѣдователи на установку и подкрѣпленіе своихъ гипотезъ, не имѣя въ рукахъ научнаго изданія сибирскихъ лѣтописей! Къ счастію такое изданіе можно считать теперь уже совершившимся фактомъ. Археографической комиссіей отпечатанъ и въ началѣ 1903 г. будетъ выпущенъ въ свѣтъ томъ сибирскихъ лѣтописей. Въ этотъ обширный томъ (397 стр.) вошли основныя сибирскія лѣтописи—Строгановская въ спискахъ Спасскаго, Толстовскомъ и Аѳанасьевскомъ, Румянцевскомъ, Погодинскомъ, Бузуновскомъ и Головинскомъ, и Ремезовская въ спискахъ: Мировича и Императ. Публич. Библ. Приведены, кромѣ того, варіанты и изъ другихъ второстепенныхъ списковъ. Предисловіе, начатое еще покойнымъ академикомъ Майковымъ, заканчивается В. В. Майковымъ. Такимъ образомъ, только съ 1903 года изслѣдователи будутъ имѣть солидный научный фундаментъ для сужденій о сибирскихъ лѣтописяхъ. Къ полному разрѣшенію вопроса о лѣтописяхъ, кромѣ того, должны быть привлечены и такъ называемыя лѣтописныя статьи, хронографы, старинныя космографіи, всѣ акты и грамоты, имѣющіе отношеніе къ Строгановымъ, а также историческія пѣсни объ Ермакѣ. Болѣе всего до сихъ поръ посчастливилось наименѣе важной и самой

младшей изъ сибирскихъ лѣтописей—Черепановской: акад. Майковъ хорошо разсмотрѣлъ ее, указалъ ея составъ и далъ мотивированную оцѣнку („О сибирскомъ лѣтописномъ сборникѣ Черепанова", 1877 г.). Послѣ разбора Майковымъ этой лѣтописи для позднѣйшихъ изслѣдователей остается только открыть источники вошедшихъ туда отдѣльныхъ сказаній и критически разсмотрѣть сообщаемые ею факты мѣстной, преимущественно тобольской, исторіи. Лѣтописи частныя, городскія имѣются въ Сибири для Тобольска и Иркутска; въ Енисейскѣ и Кузнецкѣ было также лѣтописаніе, отъ котораго, кажется, уцѣлѣли кое-какіе слѣды; быть можетъ, подобныя лѣтописи существуютъ и въ др. городахъ, но вообще число ихъ еще не приведено въ извѣстность до настоящаго времени. Изъ городскихъ сибирскихъ лѣтописей только тобольскія изслѣдованы г. Тыжновымъ („Записки Рус. Археол. Общества", 1898, т. X. „Замѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири. Тобольскъ"). Г. Тыжновъ даетъ обзоръ содержанія и дѣлаетъ нѣкоторыя заключенія о слѣдующихъ тобольскихъ лѣтописяхъ: „Записки, къ сибирской исторіи служащія" (напечат. въ „Древ. Рос. Вивл.", изд. 2, 1788 г.), „Сибирскій Лѣтописецъ" („Сѣв. Арх." 1826 г., ч. 19, и въ изданіи Кузнецова, Тобольскъ, 1892), „Краткое показаніе о бывшихъ воеводахъ, геберпаторахъ и прочихъ чинахъ", Тоб., 1792 г. Росписи воеводъ и архіереевъ, повидимому, послужили основнымъ ядромъ этихъ лѣтописей; впослѣдствіи къ нимъ присоединились и нѣкоторыя русскія извѣстія, почерпнутыя изъ „Лѣтописи о мятежахъ", отдѣльныя сказанія, разныя мѣстныя извѣстія болѣе или менѣе официальнаго характера. Хотя „Записки" составлены въ послѣдней четверти XVII вѣка, а „Лѣтописецъ"—въ 1-й четверти 18-го, однако вліянія первыхъ на послѣдній незамѣтно, чего нельзя сказать о „Краткомъ показаніи". Если судить о городскихъ сибирскихъ лѣтописяхъ по лѣтописямъ тобольскимъ, то нужно сказать, что онѣ не представляютъ значительной исторической цѣнности, хотя и сообщаютъ нѣкоторыя данныя даже бытового характера, которыя никакъ не могли бы попасть въ источники чисто-официальнаго происхожденія. Иркутскія лѣтописи еще ожидаютъ своего изслѣдователя, и ихъ разборъ—одна изъ задачъ любителей мѣстной старины въ Иркутскѣ. Что касается лѣтописей Енисейска и Кузнецка, то ихъ считаютъ утраченными, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы имѣли случай видѣть ту и другую въ редакціяхъ весьма поздняго времени. Енисейская лѣтопись доведена до половины XIX вѣка, не представляетъ особеннаго интереса, переполнена извѣстіями о построеніи церквей, по-

жарахъ, смѣнахъ начальствовавшихъ лицъ и т. п.; въ томъ же родѣ лѣтопись Кузнецкая, которая даетъ довольно любопытныя бытовыя данныя о внѣшней обстановкѣ кузнецкой жизни, вѣроятно, въ началѣ XIX вѣка. Но вообще свѣдѣнія этого рода, сообщаемыя городскими лѣтописями, далеко уступаютъ по богатству, разнообразію и яркости даннымъ, приведеннымъ въ „Домовой лѣтописи“ Андреева (окончена въ 1789 году), сибирскаго Болотова въ миніатюрѣ, которая одна можетъ стать предметомъ небольшого изслѣдованія (напечатана въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей“, 1870 г., № 4).

Историческая жизнь сибирской окраины не можетъ, конечно, представить взору изслѣдователя пестроты, разнообразія, движенія, внѣшней занимательности и драматизма. Не только лица, занимавшія офиціальное положеніе, играли на самомъ дѣлѣ незначительную и невліятельную роль, но даже землеискатели, вожди казачьихъ дружинъ, какъ Хабаровъ, Поярковъ, Атласовъ, были лишь представительными главами своихъ дружинъ, исполнителями ихъ коллективной воли, общихъ плановъ. Въ случаяхъ столкновенія воли коллективной и воли личной побѣждала обыкновенно первая. Не отдѣльныя личности, а сами народныя массы были двигателями сибирской исторической жизни, дѣятелями мѣстной исторіи. Такъ продолжалось въ теченіе всего XVII вѣка и даже части XVIII, пока, наконецъ, петербургское правительство, въ интересахъ централизаціи, единообразія, внѣшняго благочинія, не стало подрѣзывать буйные всходы самобытной народной жизни въ Сибири и налагать на нее однообразную мертвящую печать. Поэтому наиболѣе интереснымъ временемъ сибирской исторической жизни является XVII вѣкъ, ея древній періодъ, когда столь явственно бился пульсъ народной массы, когда такъ громко журчалъ нижній потокъ народной жизни, впослѣдствіи перегороженный плотинами и заваленный историческимъ мусоромъ. Сибирь XVII вѣка представляла собою благодарную арену, на которой свободно могли проявиться и развиться всѣ основныя черты духа сѣверныхъ великоруссовъ, не стѣсняемыя, съ одной стороны, постояннымъ и властнымъ правительственнымъ вмѣшательствомъ, а съ другой—опасными и многочисленными врагами-сосѣдями, какъ это было въ южной, степной окраинѣ Московской Руси. Въ Сибири на долю русскаго человѣка выпала преимущественно борьба съ труднодоступными горами, непроходимыми тайгами, лютыми морозами и страшными вьюгами, а это, конечно, выше и благороднѣе человѣкоубійственной войны хотя бы и съ крымскими татарами. Воспроизвести предъ потомствомъ

эту знаменательную по внутреннему содержанію эпоху, прослѣдить малозамѣтные органическіе процессы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ этотъ періодъ—вотъ задача историка, трудная, но вмѣстѣ съ тѣмъ благодарная, потому что въ этомъ случаѣ окраинная исторія является цѣннымъ, выясняющимъ вкладомъ въ исторію общерусскую. Эти, можно сказать, самыя важныя главы сибирской исторіи представляютъ въ настоящее время зіяющій пробѣлъ; здѣсь нѣтъ даже груды безпорядочно разбросанныхъ кирпичей—здѣсь мы находимъ только первичную матерію, изъ которой сначала должны быть сдѣланы кирпичи, а изъ нихъ впослѣдствіи можно будетъ соорудить и самое зданіе. Подобное утвержденіе не должно показаться страннымъ, хотя общіе обзоры сибирской исторіи дали почтенные Миллеръ и Фишеръ, добрый старомодный Словцовъ, а храбрый генералъ Андріевичъ довелъ его даже до 1819 г. Выше мы убѣдились, въ какомъ малопригодномъ видѣ все еще остаются сибирскія лѣтописи для положительныхъ, точныхъ выводовъ о первыхъ годахъ русскаго господства въ Сибири, хотя самый вопросъ о роли Строгановыхъ и Ермака въ завоеваніи Сибири—совершенно неважный, второстепенный. Вопросъ этотъ указанные выше историки излагаютъ на основаніи малопригодныхъ для такого пользованія лѣтописей. Центральный для сибирской исторіи XVII вѣкъ разработанъ ими особенно слабо: Словцовъ и Андріевичъ пользуются тѣмъ же недостаточнымъ актовымъ матеріаломъ, который уже былъ опубликованъ и даже использованъ Фишеромъ и Миллеромъ, а введенный Андріевичемъ новый матеріалъ изъ полнаго собранія законовъ — матеріалъ, хотя и представляющій нѣкоторыя положительныя стороны, но во всякомъ случаѣ односторонній и недостаточный. Весь центръ тяжести историческаго изученія Сибири въ XVII вѣкѣ находится въ матеріалѣ архивномъ, которымъ чрезвычайно обильны московскіе архивы министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи; сюда же должны быть отнесены матеріалы мѣстныхъ сибирскихъ архивовъ или случайно уцѣлѣвшихъ, какъ, напримѣръ, тюменскій, или вновь собираемые, какъ архивъ при тобольскомъ губернскомъ музеѣ. Г. Буцинскій, кажется, одинъ изъ первыхъ обратилъ серьезное вниманіе на сибирскія сокровища архива министерства юстиціи и воспользовался ими для своей интересной работы „Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ“. Эту книгу можно упрекнуть лишь въ томъ, что ея слишкомъ широкій размахъ не соотвѣтствуетъ тому дѣйствительному научному уровню, до котораго довели вопросъ предшествовавшія изслѣдованія. Дѣйстви-

тельно, г. Буцинскій хочетъ охватить всѣ стороны жизни не только русскаго, но даже инородческаго населенія 7 городовъ и 7 уѣздовъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія—задача очень обширная, для которой не произведены еще необходимыя подготовительныя работы. Сибирскіе историческіе документы XVII вѣка носятъ такой характеръ, что лишь детальнымъ изслѣдованіемъ очень большого ихъ количества можно достичь какихъ-либо второстепенныхъ выводовъ, которые сами, въ свою очередь, послужатъ матеріаломъ и базисомъ для болѣе важныхъ заключеній. Г. Буцинскій, конечно, не могъ въ одной книгѣ детально познакомиться со всей суммой историческаго матеріала для этихъ уѣздовъ и городовъ на протяженіи почти 50 лѣтъ, а потому эта книга не можетъ считаться рѣшеніемъ вопроса, который она затрогиваетъ. Какъ вся суть предстоящихъ историческихъ изслѣдованій о Сибири заключается въ разработкѣ архивнаго матеріала, относящагося къ XVII вѣку, такъ главный центръ этого матеріала находится въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстиціи. И въ прекрасномъ, необходимомъ трудѣ г. Оглоблина „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“ мы имѣемъ путеводную нить, благодаря которой изслѣдователь можетъ проникнуть въ самые отдаленные углы этого громаднаго архивнаго лабиринта. Скажемъ даже болѣе: трудъ г. Оглоблина дастъ возможность опредѣлить, въ общихъ чертахъ, границы и объемъ нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ сибирской исторіи и позволяетъ судить о количествѣ, характерѣ и даже качествѣ матеріала. Вообще можно смѣло сказать, что если въ ближайшее къ намъ время подвинется впередъ изученіе исторической жизни Сибири, и подвинется именно въ указанномъ выше направленіи, единственно полезномъ и плодотворномъ,—то наука много будетъ обязана этимъ необходимому предварительному труду г. Оглоблина. Вопросъ о заселеніи Сибири, конечно, долженъ быть краеугольнымъ камнемъ при изученіи исторической жизни этой окраины. Особенно цѣнные матеріалы о земледѣльческой, народной колонизаціи находятся въ переписныхъ и дозорныхъ книгахъ, которыя по своему значенію равняются россійскимъ книгамъ писцовымъ и переписнымъ, въ дозорныхъ и переписныхъ книгахъ монастырей, въ крестьянскихъ книгахъ (преимущественно о десятинной пашнѣ), въ мірскихъ челобитьяхъ пашенныхъ крестьянъ и гулящихъ людей, въ дѣлахъ слободчиковъ и въ „прибыльныхъ“ книгахъ. Имѣющіеся на лицо матеріалы проливаютъ свѣтъ и на многіе привходящіе вопросы: о происхожденіи деревень, о положеніи крестьянъ, сидѣвшихъ на „собинныхъ“

пашняхъ, и крестьянъ оброчныхъ, о количествѣ пашенъ, занятыхъ крестьянами „сверхъ указу“, съ которыхъ шелъ государевъ выдѣльный пятый снопъ, о мотивахъ, заставлявшихъ крестьянъ переселяться въ то время, о мѣрахъ, употребляемыхъ правительствомъ для заселенія: о „приборѣ“ новыхъ крестьянъ, о „подмогѣ“ имъ, о переведенцахъ. Напримѣръ, въ самомъ началѣ XVIII вѣка изъ переписныхъ книгъ пришлыхъ людей въ Томскѣ видно, откуда и почему являлись переселенцы въ Томскъ и его уѣздъ: „отъ голоду“, слыпали, что „въ Томскѣ землями довольно и мѣсто хлѣбородное“, „своею охотою“, „не отъ церковнаго раскола“ и т. п. Енисейскіе пашенные крестьяне въ 134—135 г. желали странной на нашъ взглядъ „подмоги“: они просили прислать имъ изъ Тобольска „гулящихъ женокъ, на комъ женитися“, а „безъ женишекъ, государь, намъ быть никакъ не мочно“. Государь приказалъ тобольскому воеводѣ послать въ Енисейскъ „женокъ гулящихъ—вдовъ и дѣвокъ“, но таковыхъ въ Тобольскѣ не оказалось, и было приказано искать ихъ въ другихъ городахъ. Поиски, вѣроятно, оказались неудачными, потому что въ 138 г. 53 человѣка пашенныхъ енисейскихъ крестьянъ вмѣстѣ со старостой просятъ отпустить ихъ въ другіе города для женитьбы. Вольная колонизація поощрялась сибирскими воеводами, которые охотно выдавали проѣзжія грамоты даже бѣглымъ крестьянамъ и посадскимъ изъ Устюга, Соликамска и др. поморскихъ городовъ, да и вообще запретительныя мѣры не могли остановить потокъ этой колонизаціи. Роль гулящихъ людей въ заселеніи Сибири также заслуживаетъ внимательнаго изученія, какъ и вопросъ о слободчикахъ, т. е. лицахъ, которымъ правительство давало право на свой счетъ заселять вольными людьми свои участки земли на извѣстныхъ условіяхъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ колонизаціонное движеніе народной массы продолжалось. Наряду съ колонизаціей звѣропромышленной и землеискательской, соединенной съ страшнымъ развитіемъ одичалости, насилій и звѣрствъ всякаго рода, замѣтенъ и другой, болѣе мирный потокъ—стремленіе народной массы на югъ, по верховымъ притокамъ трехъ великихъ сибирскихъ рѣкъ, въ болѣе удобныя для земледѣлія мѣста, на черноземные пустыри. Историческіе документы первой четверти XVIII-го вѣка представляютъ намъ всю трудность осѣдлой жизни для сибирскихъ заселыциковъ того времени по сосѣдству съ южно-сибирскими инородцами, которые стремились стереть съ лица земли своихъ новыхъ сосѣдей, и для послѣднихъ поэтому возникла постоянная необходимость самозащиты и самообороны. Невольная,

ссыльная колонизація Сибири представляетъ крупный вопросъ мѣстной исторіи, очень плохо разработанный именно потому, что въ распоряженіи изслѣдователей было очень мало сырого, архивнаго матеріала. Правительство XVII вѣка пользовалось ссылкой въ Сибирь не какъ простой мѣрой наказанія, но какъ однимъ изъ средствъ колонизаціи: служилые люди ссылались въ „службы", жилецкіе въ „пашню", при чемъ первымъ давалось обычное жалованье, а вторымъ—„подмога". Среди ссыльныхъ служилыхъ людей было много иноземцевъ—польскихъ, литовскихъ, нѣмецкихъ людей, вносившихъ въ сибирскую жизнь повышенное чувство личности и вообще болѣе культурныя начала. Служилые иноземцы изъ ссыльныхъ пользовались нѣкоторой автономіей: тобольская литва въ 136 г. била челомъ государю объ утвержденіи избраннаго ею въ ротмистры Григорія Чернаго. Колонизаціонная роль звѣропромышленниковъ также достойна вниманія историковъ. Верхотурскія „обыскныя" и „отпускныя" книги, напримѣръ, позволяютъ усмотрѣть, какой широкій потокъ энергичныхъ жителей поморскихъ уѣздовъ направлялся въ Сибирь для промысловъ и торговли, и даютъ понятіе о географическомъ направленіи дѣятельности этихъ промышленныхъ людей. „Росписные списки" и „допросные рѣчи" сѣверныхъ городовъ, какъ Мангазея, Енисейскъ, также даютъ представленіе о мѣстахъ происхожденія промышленныхъ людей, о пунктахъ ихъ дѣятельности и объ ея результатахъ. Роль сибирскихъ монастырей въ дѣлѣ заселенія края также ожидаетъ еще своего изслѣдователя; очень цѣнные матеріалы даютъ челобитныя строителей разныхъ монастырей и пустынь. „Новая пустынь" по р. Кети представляетъ типичный примѣръ зарожденія сибирскихъ монастырей: ей положилъ начало строитель, старецъ Илья, съ тремя работными людьми. „А строится въ той пустыни часовня да двѣ избы". Наконецъ, служилая колонизація Сибири намѣчена лишь въ общихъ чертахъ, преимущественно съ внѣшней, фактической стороны, въ явленіяхъ болѣе крупныхъ, между тѣмъ какъ мелкія, хотя и болѣе типичныя, пока остаются въ тѣни. Суммарное изученіе такихъ мелкихъ, каждый въ отдѣльности документовъ, какъ послужные списки служилыхъ людей или „распросныя рѣчи", даетъ интересный матеріалъ о служилой колонизаціи „новыхъ землицъ"; къ этой же категоріи относятся „отписки" приказныхъ людей, посланныхъ для „письма земель", ихъ челобитныя со свѣдѣніями о строеніи ими новыхъ остроговъ, объ открытіи новыхъ землицъ, о столкновеніяхъ съ инородцами; въ челобитьяхъ казаковъ заключается также много цѣнныхъ данныхъ о „по-

выхъ землицахъ". Таковы тѣ пять элементовъ, изъ которыхъ слагалось русское колонизаціонное движеніе въ Сибири XVII-го вѣка. Сравнивая характеръ, мотивы и факторы этой колонизаціи съ заселеніемъ восточной окраины Европейской Россіи (Поволжья) или южной, степной, какъ это представлено, напримѣръ, въ трудахъ гг. Перетятковича и Багалѣя,—необходимо признать за сибирской колонизаціей нѣкоторыя оригинальныя черты. Если колонизація Поволжья и особенно южной, степной окраины была преимущественно правительственной, то сибирская—преимущественно вольно-народной. Колонизаціонный процессъ на югѣ начинается станичными и сторожевыми разъѣздами и заканчивается построеніемъ новыхъ городовъ и селеній; города имѣли военный характеръ, большинство ихъ жителей состояло изъ служилыхъ людей, особенно въ Слободской украинѣ, они заселялись преимущественно „сведенцами", а не „сходцами". Не такъ было въ Сибири: аванпосты землеискателей и промышленниковъ проникали въ глубину инородческаго міра, остроги основывались не столько для защиты отъ инородцевъ, сколько для объясачиванія ихъ, и въ городахъ преобладали вольные пришельцы. Среди многихъ аналогичныхъ документовъ, „извѣтныя рѣчи" сибирскихъ казаковъ хорошо иллюстрируютъ процессъ этого механическаго проникновенія русскаго элемента въ инородческій міръ. Такимъ образомъ, о сибирскихъ колонизаторахъ нельзя отозваться такъ, какъ это сдѣлалъ проф. Багалѣй объ южно-украинскихъ: „мало личной иниціативы и предпріимчивости осталось на долю самаго населенія". Въ Сибири же эти признаки стояли на первомъ планѣ. На югѣ система обороны была тѣсно связана съ колонизаціей края, и потому, по справедливому замѣчанію проф. Багалѣя, „великорусскую колонизацію степной окраины можно назвать государственной". Самая власть воеводъ была болѣе сильной, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе стѣсненной и болѣе ограниченной, чѣмъ въ Сибири, гдѣ самый безапелляціонный произволъ воеводъ вызывалъ въ населеніи значительную силу сопротивленія, преимущественно въ служиломъ классѣ. Помѣстная система, принятая въ Поволжьѣ и на югѣ, въ Сибири была совершенно неизвѣстна. Наконецъ, сами колонизаціонные элементы Поволжья и степной окраины были отличны отъ сибирскихъ: Поволжье заселялось преимущественно жителями сосѣднихъ областей, нынѣшнихъ Нижегородской, Ярославской и др. губерній, южная окраина—изъ мѣстностей центральной Россіи, а впослѣдствіи малороссами, съ запада, Сибирь же заселялась преимущественно предпріимчивыми и свободолюбивыми обитателями поморскихъ уѣздовъ.

Детальное сравненіе особенностей заселенія Сибири и окраинъ Европейской Россіи, въ зависимости отъ географическихъ и историческихъ причинъ, могло бы представить значительный интересъ. Въ тѣсной связи съ колонизаціей Сибири стоитъ обширный инородческій вопросъ, какъ слѣдуетъ не разрѣшенный и въ наше время. Это въ полномъ смыслѣ одинъ изъ больныхъ вопросовъ не только для Сибири, но и для всей Россіи. Быть можетъ, обстоятельное знакомство съ этимъ вопросомъ въ XVII и XVIII вѣкахъ будетъ способствовать болѣе правильному его разрѣшенію въ настоящее время. Московское правительство XVII вѣка интересовалось инородцами Сибири, главнымъ образомъ, съ фискальной стороны, что видно уже изъ громаднаго количества дошедшихъ документовъ, имѣющихъ чисто фискальныя цѣли— ясачныхъ книгъ, равныхъ по своему значенію переписнымъ книгамъ русскаго населенія, ясачныхъ приходныхъ книгъ, которыя опредѣляютъ количество плательщиковъ и величину ясака и поминковъ. Эту однородную категорію документовъ дополняютъ ясачныя „смѣты и номѣты", доплатныя книги ясака, а также инородческія челобитныя, касающіяся разныхъ тягостей, преимущественно фискальнаго характера. Всѣ ясачныя книги, находящіяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи въ огромномъ числѣ (1766), охватываютъ цѣлое столѣтіе—съ 20-хъ годовъ XVII-го по 20-е года XVIII-го вѣковъ. Детальное и мелочное вначалѣ и въ результатѣ обобщающее ихъ изслѣдованіе должно дать картину отношеній русскихъ пришельцевъ къ сибирскимъ аборигенамъ за весь этотъ періодъ: ихъ численное распредѣленіе по уѣздамъ, движеніе населенія (или прямо убывающее, или прибывающее весьма слабо), уменьшеніе числа шкурокъ дорогихъ звѣрей и замѣна послѣднихъ болѣе дешевыми, увеличивающаяся стоимость шкурки и т. п. Всѣ эти мнѣнія, высказываемыя теперь болѣе или менѣе предположительно, явятся тогда въ непреложномъ свѣтѣ исторической достовѣрности. Документы этой категоріи доказываютъ, что въ старинной Сибири, несмотря на категорическое запрещеніе правительства, практиковалась кабала инородцевъ, и притомъ и такими элементами русскаго общества, которые, казалось бы, должны были стоять вдали отъ подобныхъ посягательствъ на человѣческую личность. Такъ, изъ березовской переписной книги дѣтей мужского и женскаго пола ясачныхъ, которые служатъ по кабаламъ и купчимъ у русскихъ, видно, что соборный попъ Макарій имѣлъ „самоядцкаго рода дѣвку Анютку", купленную имъ у торговаго человѣка Гришки Тимоѳеева; у другого попа были купленные „дѣвка и

парень остяцкаго роду“. Эти покупки совершались чаще всего „въ голодное время“. Къ этой группѣ документовъ относится, напримѣръ, и „Томская именная роспись остяцкихъ мужиковъ, жонокъ, дѣвокъ и робятъ“, отобранныхъ у нарымскаго воеводы стольника Ивана Загоскина въ 143 году. Инородцевъ вообще не считали за полноправныхъ людей, за „человѣческія души“: напримѣръ, то, что считалось „нечистымъ“, „поганымъ“ для русскаго, не признавалось таковымъ для инородца. Изъ „приходной книги государеву скоту“ въ Ленскомъ острогѣ за 148 г. видно, что инородцевъ-аманатовъ кормили мертвечиной, и это такъ и записывалось: „У Мишки Коновалова куплены: одинъ конь утонулъ, другой на вязкѣ задавился—за три руб.“ и т. д. Инородческіе бунты, ихъ причины, пріемы укрощенія и конечные результаты также не представлены еще въ детальной и цѣльной картинѣ. Прошлое сибирскихъ бухарцевъ, которые теперь обнищали, уменьшились въ числѣ, утратили всякое торговое значеніе, также заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Изъ тарскихъ и тюменскихъ дозорныхъ книгъ видно, что бухарцы этихъ мѣстностей были когда-то очень состоятельны, вели большую торговлю, даже покупали и брали въ залогъ земли, принадлежавшія русскимъ. Отношенія русскихъ къ крупнымъ и самостоятельнымъ сосѣднимъ азіатскимъ племенамъ—очень мало разработанный вопросъ, хотя онъ и имѣетъ не только тѣсную связь съ сибирской исторіей, но и съ общерусской. Эти отношенія характеризуютъ цѣли и пріемы московской политики и дипломатіи, цѣли и стремленія самихъ инородцевъ и полученные для обѣихъ сторонъ результаты. Поэтому монгольскія, дзюнгарскія, киргизскія и калмыцкія дѣла, въ такомъ обиліи находящіяся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, представляютъ очень цѣнный и важный историческій матеріалъ, нуждающійся въ обработкѣ. Какъ ясачный вопросъ стоялъ на первомъ планѣ въ отношеніяхъ къ инородцамъ, такъ очень видную роль въ примѣненіи къ русскому населенію Сибири XVII вѣка играли вопросы финансоваго управленія вообще. Поэтому весьма многочисленные сохранившіеся документы этого рода очень важны: они позволяютъ нарисовать детальную картину экономическаго положенія городскихъ жителей, ихъ промысловъ, торговли; таковы, напримѣръ, „именныя оброчныя книги“ съ перечисленіемъ посадскихъ людей, ихъ оброковъ и службъ, „сборныя книги десятой деньги“ съ полной оцѣнкой имущества, капиталовъ, торговъ и промысловъ городского населенія, наконецъ, разныя „сборныя книги“ денегъ—подымныхъ, банныхъ и т. д. Обложеніе касалось какъ людей

(напримѣръ, явчая, головщина и т. д.), такъ и животныхъ (роговое, пошерстное), строеній (избные рубли, поанбарное), хмеля, соленой рыбы, даже собачьяго корма на сѣверѣ. Многочисленныя приходныя и соболиныя книги касаются быта наименѣе извѣстнаго класса—жилецкихъ людей и среди нихъ преимущественно торговыхъ и промышленныхъ людей. Много тысячъ уцѣлѣвшихъ „проѣзжихъ памятей" представляетъ совершенно не разработанный матеріалъ для исторіи торговаго и промышленнаго движенія въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. Наконецъ, въ тарскихъ, тобольскихъ и тюменскихъ таможенныхъ книгахъ заключается много неизвѣстнаго матеріала о торговыхъ сношеніяхъ старинной Сибири съ Бухарой и другими среднеазіатскими ханствами. Вопросъ о воеводскомъ управленіи въ старинной Сибири—одинъ изъ самыхъ большихъ и сложныхъ вопросовъ мѣстной исторіи и по количеству уцѣлѣвшихъ архивныхъ документовъ, и потому, что онъ распадается на нѣсколько частныхъ, въ зависимости отъ разнообразныхъ функцій воеводъ: чисто административной, и военной и гражданской, судебной, финансовой и даже отчасти дипломатической, и, наконецъ, потому, что въ Сибири воеводское управленіе имѣло нѣкоторыя оригинальныя черты, неизвѣстныя на Руси доуральской. Напримѣръ, таможенные головы находились въ Сибири въ меньшей зависимости отъ воеводъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, пользовались значительной долей самостоятельности, сносились непосредственно съ Сибирскимъ приказомъ, получали отъ него „отвѣтныя грамоты". Воеводамъ, которые не вмѣшивались въ дѣятельность головъ, цѣловальниковъ и таможенныхъ подъячихъ, сообщались только результаты этой дѣятельности: передавались деньги, мягкая рухлядь, вручались отчеты, которые головы иногда и сами посылали въ Сибирскій приказъ.

Подробное изученіе документовъ воеводскаго управленія должно открыть много новыхъ оригинальныхъ чертъ. Челобитья на воеводъ и вообще дѣла о злоупотребленіяхъ служилыхъ людей представляютъ очень мало изслѣдованный матеріалъ, важный какъ для характеристики отношеній между управляющими и управляемыми, такъ и вообще для пониманія современнаго быта и нравовъ. Если въ Сибири вообще не было волненій крестьянскихъ, то нерѣдко замѣчается оригинальное явленіе — бунты одной категоріи служилыхъ людей противъ другой, крѣпко сплоченнаго постояннаго сословія мѣстныхъ служилыхъ людей противъ московскихъ пришельцевъ и воеводъ; напримѣръ, въ 176 г. *всѣ* якутскіе казаки подали челобитную на *всѣхъ* мѣстныхъ служилыхъ людей. Нерѣдки были также коллективныя челобитья отъ всего города

или даже отъ всего уѣзда на какого-нибудь особенно безцеремоннаго воеводу, и подобныя явленія даже въ то суровое время не считались незаконными и недопустимыми. Особенно многочисленны сыски о воеводскихъ злоупотребленіяхъ, и эти воеводы, все представители родовитыхъ дворянскихъ фамилій, почти всѣ безъ исключенія оставили по себѣ недобрую память по множеству производившихся о нихъ сысковъ. Очень интересны общіе сыски, вродѣ позднѣйшихъ сенаторскихъ ревизій, какъ напримѣръ, думного дьяка Полянскаго и дьяка Берестова или стольника Акинфова, которые ждутъ еще своего изслѣдователя, какъ и громадное дѣло о злоупотребленіяхъ казненнаго Петромъ Великимъ тобольскаго губернатора кн. Матвѣя Гагарина. Интересны также дѣла, касающіяся церковнаго управленія. Изъ нихъ, въ общемъ, можно вывести заключеніе о нравственной распущенности сибирскихъ казаковъ и служилыхъ людей того времени, даже воеводъ, о ссорахъ послѣднихъ съ архіереями, о роли архіереевъ, какъ „ока царева". Напримѣръ, тобольскій архіепископъ Симеонъ сообщаетъ въ Москву, въ 163 г., что у тюменскаго воеводы Елдежина съ городомъ „великій несовѣтъ и несогласіе", что воевода не отпускаетъ изъ города въ Москву челобитчиковъ, такъ что архіепископъ велѣлъ дать имъ проѣзжую грамоту отъ себя. Митрополитъ Игнатій былъ въ сильной враждѣ съ тобольскими воеводами Нарышкиными, ихъ „отъ церкви Божіей отлучилъ", а воеводскаго товарища, дьяка Протопопова, сбирался публично высѣчь въ своей крестовой палатѣ. Туруханскій попъ Тихонъ обвинялся въ томъ, что онъ „дерзновенно" открылъ мощи мѣстнаго чудотворца Василія Мангазейскаго. Интересны проекты митрополита Филоѳея по вопросамъ церковнаго управленія: онъ предлагалъ „у раскольщиковъ жилища жечь", „съ остяцкихъ идоловъ подать брать": тогда остяки сами своихъ идоловъ станутъ „палить". Кромѣ того, чрезвычайно важно было бы историческое освѣщеніе такихъ вопросовъ, какъ о верстаньѣ служилыхъ людей, условіяхъ ихъ службы, перевода изъ одного „чина" въ другой, распространеніи православія среди инородцевъ, попыткахъ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ, какъ соли, слюды, серебра и т. п.

Обращаясь снова къ намѣченнымъ выше вопросамъ и припоминая, съ одной стороны, крайне недостаточную ихъ разработку въ исторической литературѣ, а съ другой—замѣчательное изобиліе сырыхъ архивныхъ матеріаловъ для ихъ изученія,—естественно прійти къ мысли о желательности скорѣйшей и всесторонней ихъ обработки и изслѣдованія. Въ примѣненіи къ сибирской исторіи вполнѣ вѣрна мысль

Соловьева о преобладающемъ значеніи архивныхъ источниковъ. Сибирскіе архивные документы не представляютъ ничего затруднительнаго для пользованія ими, въ нихъ нѣтъ путающихъ конъектуръ и интерполяцій, они лишь устанавливаютъ извѣстные современные имъ факты самой жизни; это не правительственные акты, попадающіе въ полное собраніе законовъ и отражающіе часто не дѣйствительную жизнь, а лишь намѣренія, планы и предначертанія центральнаго правительства. Итакъ, монографіи по указаннымъ выше вопросамъ на основаніи, главнымъ образомъ, архивныхъ матеріаловъ—непосредственная задача лицъ, занимающихся изученіемъ исторіи Сибири. Но такъ какъ этимъ дѣломъ съ особымъ успѣхомъ могутъ заниматься лица не только съ предварительной научной подготовкой, но и могущія почерпать матеріалъ прямо изъ архивовъ, преимущественно московскихъ, то, параллельно съ этимъ, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на извлеченіе матеріаловъ изъ архивовъ и на изданіе ихъ: въ Сибири въ настоящее время можно насчитать не менѣе полутора десятка любителей мѣстной исторіи, которые охотно употребятъ свой досугъ на обработку изданныхъ матеріаловъ, обработку, въ которой, вслѣдствіе самаго характера матеріаловъ, такъ много значитъ подсчетъ, сличеніе, сопоставленіе.

Позволимъ себѣ на личномъ примѣрѣ показать всю пользу изданій сырыхъ матеріаловъ. Когда мы жили въ одномъ глухомъ сибирскомъ городѣ, г. Кузнецовъ-Красноярскій издалъ „Приходныя окладныя ясачныя книги Томскаго уѣзда 1706—1718 гг.“. Подсчитавъ чисто-статистическимъ способомъ имѣющіяся тамъ цифровыя данныя и сопоставивъ ихъ съ ранѣе напечатанными подобными же данными о тѣхъ же самыхъ ясачныхъ волостяхъ за послѣдніе годы XVII вѣка, помѣщенными въ „Том. Губ. Вѣд.“ 60-хъ годовъ,—мы пришли къ нѣкоторымъ точнымъ выводамъ относительно ясачнаго вопроса, хотя эти выводы и ограничены однимъ Томскимъ уѣздомъ географически и 30-ти годами хронологически. Но безъ изданія г. Кузнецова-Красноярскаго мы не могли бы прійти и къ такимъ результатамъ. Итакъ, необходимо извлекать и издавать архивные документы и притомъ не въ кругу извѣстныхъ намѣченныхъ вопросовъ, а, такъ сказать, территоріально, по городамъ и уѣздамъ. При этомъ должна быть выработана извѣстная программа для руководства при выборѣ матеріала, конечно, модифицируемая условіями мѣста и времени. Сборниковъ матеріаловъ для сибирскихъ уѣздовъ нѣтъ совсѣмъ; относительно городовъ изданы матеріалы только для исторіи Тобольска, Якутска, Нерчинска, Селенгинска и Иркутска. Выборъ матеріаловъ здѣсь произведенъ совершенно

случайно, безъ плана, это именно наборъ, а не подборъ, не выборъ: здѣсь преобладаютъ документы чисто внѣшняго характера—книги дозорныя, переписныя, смѣтные списки и т. п. Съ другой стороны, мало полезны были бы для сибирскаго историка сборники и такихъ матеріаловъ, гдѣ преимущественное вниманіе обращено было бы только на факты курьезные, необычные, случайные: то, что крикливо и курьезно, далеко не всегда типично. Для сибирской исторіи, главнымъ дѣятелемъ которой была народная масса, типичны скорѣе именно факты нормальной, обыденной жизни, сѣрые факты жизни, тусклой, безцвѣтной въ отдѣльныхъ, частичныхъ проявленіяхъ, типичной лишь по однородности и постоянству проявленій массовыхъ, суммарныхъ. Такую именно программу, un programme raisonné, необходимо выработать, для городовъ и уѣздовъ отдѣльно, чтобы руководствоваться ею при извлеченіи сибирскихъ архивныхъ матеріаловъ [1]). Случайныя изданія матеріаловъ, безъ опредѣленнаго плана, безъ соображенія съ дальнѣйшими намѣченными цѣлями, вообще мало полезны для сибирской исторіи, потому что все равно нѣтъ и не будетъ никакой возможности издать всѣ сибирскіе архивные матеріалы. Подобныя изданія должны сообразоваться съ кругомъ важнѣйшихъ вопросовъ сибирской исторіи вообще и притомъ, въ частности, непремѣнно имѣть въ виду каждый разъ опредѣленную территорію—города и уѣзды—и извѣстныя хронологическія границы. Рядъ такихъ изданій дастъ прекрасный матеріалъ для обстоятельныхъ монографій, освѣщающихъ важнѣйшія стороны прошлаго русской Сибири, а эти монографіи, въ свою очередь, послужатъ тѣми мозаичными камнями, изъ которыхъ будетъ возможно наконецъ создать полную, цѣльную и правдивую картину исторической жизни Сибири.

П. Головачевъ.

---

[1]) Опытъ такой програмы нами прочтенъ въ видѣ доклада въ Московской Археографической комиссіи въ апрѣлѣ текущаго года: „Желательный типъ сборниковъ матеріаловъ для исторіи сибирскихъ городовъ XVII вѣка". Примѣнительно къ этому типу нами составленъ упомянутый выше печатаемый теперь сборникъ „Первое столѣтіе Иркутска", а также и другой — „Тюмень въ XVII вѣкѣ", печатаніе котораго начнется въ ноябрѣ.

ИДЕЯ ЦѢННОСТИ.

I.

Стремленіе къ возможно большему раздѣленію труда отразилось не только въ экономической области, но и въ сферѣ науки и повлекло за собой крайнюю спеціализацію знаній.

Нельзя отрицать, что спеціализація имѣетъ хорошую сторону. Человѣкъ, обрабатывающій небольшой клочокъ земли, при равенствѣ другихъ условій, можетъ обработать его тщательнѣе и лучше, чѣмъ тотъ, который вспахиваетъ цѣлое поле. Тотъ, кто всю жизнь дѣлаетъ часть булавки, можетъ сдѣлать ее несравненно быстрѣе и лучше, чѣмъ тотъ, кто занимается слесарнымъ ремесломъ вообще. Но примѣнимо ли такое раздѣленіе труда въ научной сферѣ? Можно ли получить важные результаты въ ограниченномъ кругѣ изслѣдованій, не имѣя достаточно яснаго понятія о смежныхъ областяхъ знанія? Послѣ самыхъ добросовѣстныхъ и утомительныхъ изысканій въ той или другой узкой спеціальности не остается ли возможность или даже вѣроятность прійти къ такимъ выводамъ или гипотезамъ, которые сами собой вытекаютъ изъ общихъ положеній или, наоборотъ, явно противорѣчатъ фактамъ, входящимъ въ другую спеціальность?

Нѣчто подобное случилось и съ политической экономіей, гдѣ подробно разрабатываются отдѣльныя части, въ то время какъ самое основаніе ея — понятіе о цѣнности—продолжаетъ висѣть въ воздухѣ, оставаясь столь же сбивчивымъ, какъ оно было при Адамѣ Смитѣ.

Цѣнность не есть спеціально экономическій терминъ, а дѣленіе ея на потребительную и мѣновую, придуманное съ цѣлью отдѣлить область политической экономіи отъ психологіи и нравственности, ис-

кусственно и не выдерживаетъ критики. То, что не имѣетъ потребительной цѣнности, не можетъ имѣть и мѣновой, а если всякая мѣновая цѣнность должна имѣть потребительную, то ясно, что все, что можетъ быть обмѣнено, имѣетъ и ту и другую.

Если бы цѣнность была идеей очевидной, не допускающей никакихъ сомнѣній и всѣми и одинаково понимаемой подобно геометрическимъ аксіомамъ, можно было бы исходить изъ нея какъ изъ даннаго, не пытаясь опредѣлить или разъяснить то, что само должно служить основаніемъ для дальнѣйшихъ опредѣленій и разъясненій. Но этого нѣтъ. Идеи блага и цѣнности настолько широки, что хотя каждый поминутно пользуется ими въ своей дѣятельности, въ принципіальныхъ вопросахъ онѣ то и дѣло даютъ поводъ къ нескончаемымъ спорамъ.

Вся человѣческая жизнь, личная и общественная, основана на идеѣ цѣнности. Какъ бы люди ни понимали *благо*, въ чемъ бы они ни полагали его, каждый поступокъ ихъ опредѣляется желаніемъ достигнуть какъ можно большаго блага или, если это неизбѣжно, претерпѣть какъ можно меньшее зло.

Какъ бы ни было маловажно то или другое дѣйствіе, оно всегда имѣетъ мотивъ, — а мотивъ есть не что иное, какъ представленіе о желательности того или другого явленія, факта, состоянія.

Дѣйствіе и воля неразрывно связаны между собою, такъ что тамъ, гдѣ есть дѣйствіе, неизбѣжно должна быть и воля; не всегда воля (или желаніе) обусловливаетъ соотвѣтствующее дѣйствіе, но дѣйствіе, въ точномъ смыслѣ слова, безъ воли немыслимо, такъ какъ дѣйствіе, лишенное волевого элемента, остается простымъ движеніемъ, происхожденіе котораго можно прослѣдить до безконечности среди чисто механическихъ причинъ, сводящихся къ превращенію различныхъ видовъ движенія.

Каждый разъ какъ человѣкъ рѣшается на тотъ или другой поступокъ, онъ ставитъ себѣ вопросъ, стоитъ или нѣтъ предпринимать извѣстный трудъ, подвергаться нѣкоторой опасности, выносить нѣкоторыя лишенія При рѣшеніи этого вопроса онъ вынужденъ принимать въ соображеніе не только цѣль, которая кажется ему желательной, но и необходимыя для ея достиженія условія.

Представимъ себѣ моряка, отправляющагося въ дальнее плаваніе съ торговою цѣлью: предпринимая плаваніе, онъ долженъ взвѣсить не только тотъ физическій и умственный трудъ, который ему придется затратить на плаваніе, но и рискъ потерпѣть кораблекрушеніе, ли-

шенія, которымъ онъ долженъ подвергнуться въ пути, горечь разставанія съ семьей и съ отечествомъ. Чѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на него эти отрицательные мотивы, тѣмъ сильнѣе должны быть мотивы положительные, т. е. тѣ выгоды, которыя онъ ожидаетъ отъ своего плаванія, какъ для себя, такъ и для своихъ близкихъ.

У различныхъ индивидуумовъ сила разнородныхъ мотивовъ различна. У одного тщеславіе на столько развито, что онъ изъ-за ничтожнаго отличія готовъ рисковать жизнью, другой настолько лѣнивъ, что не двинется ради громкой славы, третій такъ сострадателенъ, что готовъ скорѣе самъ терпѣть лишенія, чѣмъ видѣть страданія ближняго; но какъ ни различны ихъ склонности, всѣ онѣ соизмѣримы, по крайней мѣрѣ въ томъ же человѣкѣ. Какъ бы ни былъ сострадателенъ человѣкъ, онъ едва ли отдастъ послѣднее имущество другому, если видитъ, что тотъ нуждается въ немъ менѣе, чѣмъ онъ самъ; и какъ бы онъ ни былъ лѣнивъ, онъ навѣрное посторонится, если увидитъ, что на него несется поѣздъ, который можетъ его раздавить.

Такимъ образомъ, не касаясь нравственной стороны вопроса, не разсматривая того, что должно разумѣть подъ добромъ и подъ зломъ съ метафизической или религіозной точки зрѣнія, и оставаясь исключительно на почвѣ доступныхъ каждому фактовъ самонаблюденія, мы не можемъ не видѣть, что каждый желаетъ для себя достиженія того, что онъ считаетъ благомъ, и избѣжанія того, что признаетъ зломъ. Мы не можемъ не видѣть также, что благо и худо понятія не только относительныя, но и соотносительныя, т. е. не только меньшее благо есть худо сравнительно съ бóльшимъ, или меньшее худо есть благо сравнительно съ бóльшимъ, но, кромѣ того, меньшее благо само превращается въ худо, если влечетъ за собой бóльшее худо, или меньшее худо (напримѣръ, хирургическая операція) превращается въ благо, если предотвращаетъ бóльшее худо (болѣзнь). Для того, чтобы было возможно подобное взвѣшиваніе, необходимо, чтобы существовало общее мѣрило блага и худа, хотя бы оно оставалось исключительно субъективнымъ.

Въ сущности, почти вся жизнь человѣческая проходитъ въ сознательномъ или безсознательномъ взвѣшиваніи различныхъ, иногда противоположныхъ мотивовъ и, каждый разъ, выбирая изъ нихъ тѣ, которые становятся опредѣляющими въ его дѣйствіяхъ, онъ спрашиваетъ себя: *стоитъ или не стоитъ?* Нѣтъ ничего въ жизни, не исключая ея самой, относительно чего нельзя было бы поставить эти вопросы. Если бы мы теоретически захотѣли усомниться въ

этомъ, самоубійства явились бы безспорнымъ доказательствомъ, что возможна отрицательная оцѣнка даже собственной жизни.

Существуетъ теорія, что не блага заставляютъ волю субъекта стремиться къ ихъ достиженію, а наоборотъ сущность воли заставляетъ казаться тотъ или другой предметъ или явленіе благомъ или худомъ, смотря по тому, какое его отношеніе къ волѣ. Конечно, одно и то же явленіе, напримѣръ, одна и та же температура для одного пріятна, а другому кажется нестерпимо холодной или жаркой; но такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы сказать, въ чемъ именно состоитъ то отношеніе между волею и воспринимаемымъ объектомъ, которое обусловливаетъ чувство удовольствія или страданія, то на какую бы точку зрѣнія мы ни стали, это нисколько не мѣняетъ вопроса, и мы можемъ сказать, что каждый стремится къ тому, что доставляетъ ему удовольствіе, и избѣгаетъ того, что причиняетъ ему страданіе.

Это основной законъ, управляющій всѣми живыми существами, которыхъ мы знаемъ или можемъ себѣ представить, и человѣкъ не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Разумъ безконечно расширяетъ сферу того, что является ему добромъ или зломъ, выводя его дѣятельность далеко за предѣлы непосредственныхъ ощущеній; но нельзя себѣ представить человѣческаго дѣйствія, которое не имѣло бы никакого отношенія къ какому-либо чувству. Это настолько очевидно, что, пытаясь найти въ разумѣ или сознаніи долга основаніе нравственности независимо отъ чувства (любви къ ближнему), мы невольно возвращаемся къ „чувству“ долга, если только сознаніе это должно быть мотивомъ дѣйствія, а не отвлеченнымъ понятіемъ.

Если бы мы захотѣли доказывать, что человѣкъ вообще и всегда долженъ стремиться къ страданію и избѣгать удовольствія, мы не только впали бы въ противорѣчіе съ природой, и наше доказательство, какъ бы оно ни было искусно, никого не убѣдило бы; но оно кромѣ того оказало бы сомнительную услугу нравственности, въ интересахъ которой иногда предпринимается нѣчто подобное, такъ какъ, если для насъ самихъ удовольствіе не есть благо, а страданіе не есть зло, то отсюда легко сдѣлать выводъ, что, помогая другимъ, мы не дѣлаемъ ничего хорошаго, а причиняя имъ страданіе не дѣлаемъ зла.

Въ практической жизни никто не сомнѣвается, что, доставляя другому удовольствіе, или избавляя его отъ страданія, онъ дѣлаетъ добро, а поступая обратно—зло. Итакъ, самое общее и самое понят-

ное значеніе словъ добро и зло есть причиненіе другому удовольствія или страданія.

Если теперь мы оставимъ въ сторонѣ этическое значеніе словъ добро и зло и будемъ говорить объ удовольствіи и страданіи субъекта безъ отношенія къ другимъ лицамъ, то должны будемъ признать, что все, что доставляетъ ему удовольствіе, есть благо, а все, что причиняетъ страданіе—худо, разумѣется при томъ условіи, чтобы благо не было связано съ большимъ худомъ, или худо съ бóльшимъ благомъ.

Такимъ образомъ богатство какъ средство пріобрѣтенія множества матеріальныхъ благъ само по себѣ безспорно есть благо, если оно не связано съ такимъ зломъ или горемъ, которое уничтожаетъ его значеніе.

Но если человѣкъ, добывая богатство, вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣтетъ мучительную болѣзнь, онъ сдѣлаетъ сомнительное пріобрѣтеніе. Нація, которая достигнетъ самымъ блестящихъ торговыхъ балансовъ и высшей степени развитой промышленности, но утратитъ способность самообороны противъ своихъ сосѣдей, недолго будетъ пользоваться своими матеріальными преимуществами.

Но что такое богатство? Подъ этимъ словомъ разумѣютъ обыкновенно обиліе разныхъ матеріальныхъ предметовъ, которыми пользуется владѣлецъ и которые может обмѣнивать на другіе; не всегда однако эти предметы являются въ конкретной и вполнѣ опредѣленной формѣ,—иногда они могутъ быть только правомъ или возможностью, и одно это право при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ оплачиваться очень дорого. Такимъ образомъ, богатство можно вообще опредѣлить какъ *совокупность благъ, которыя могутъ быть отчуждаемы*. Есть блага, которыя, будучи несомнѣнными благами, остаются неотдѣлимы отъ личности человѣка: здоровье, умъ, нравственныя качества не могутъ передаваться другимъ ни за какія деньги и потому не могутъ считаться „богатствомъ“.

II.

Опредѣленіе богатства какъ отчуждаемаго блага, очевидно, находится въ тѣсной связи съ тѣмъ, что въ политической экономіи называется мѣновою цѣнностью, и приводитъ насъ къ понятію о цѣнности вообще.

Мы видѣли уже, что вся человѣческая дѣятельность основана на этомъ понятіи. Все то, что помогаетъ достигнуть цѣли, въ чемъ

бы ни состояла эта цѣль—въ томъ, чтобы найти удовлетвореніе нѣкоторой потребности, или въ томъ, чтобы избѣжать какого-нибудь страданія, все это есть—цѣнность.

Едва-ли кто-нибудь станетъ спорить противъ такого опредѣленія; но скажутъ, вѣроятно, что оно примѣнимо только къ потребительной, а не къ мѣновой цѣнности. Такъ какъ есть множество предметовъ или благъ, удовлетворяющихъ самыя существенныя потребности, которыя не имѣютъ мѣновой цѣнности, потому что находятся у каждаго подъ рукой, какъ, напримѣръ, вода и воздухъ.

Но повторяю: такое различеніе потребительной и мѣновой цѣнности совершенно искусственно и лишено логическаго основанія.

Какіе это предметы, которые, имѣя потребительную цѣнность, не имѣютъ будто бы мѣновой? Чаще всего какъ на такіе предметы указываютъ на солнечный свѣтъ, на воздухъ и на воду. Никто не припишетъ исключительно потребительную, а не мѣновую цѣнность пищѣ или топливу, какъ бы дешевы они ни были.

Дѣйствительно, при обыкновенныхъ условіяхъ свѣтъ, воздухъ или вода не имѣютъ ни цѣны, ни мѣновой цѣнности. Но не трудно представить себѣ множество случаевъ, когда, наоборотъ, другіе *обыкновенно* цѣнные преметы теряютъ всякую цѣнность, а вода или воздухъ—пріобрѣтаютъ ее.

Разумѣется для того, чтобы человѣкъ захотѣлъ мѣняться, необходимо, чтобы онъ испытывалъ большую потребность въ томъ предметѣ, который онъ пріобрѣтаетъ, чѣмъ въ томъ, который уступаетъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы потребности, удовлетворяющіяся *посредствомъ обмѣна съ другими людьми*, чѣмъ либо отличались отъ тѣхъ, которыя удовлетворяются имъ самимъ непосредственно, и чтобы поэтому нужно было дѣлать различеніе между потребительной и мѣновой цѣнностью. Каждый разъ, какъ человѣкъ обдумываетъ способъ удовлетворенія той или другой потребности; даже если онъ находится на необитаемомъ островѣ, онъ сравниваетъ трудность, лишеніе или утомленіе, необходимыя для удовлетворенія этой потребности, съ удовольствіемъ, которое получитъ отъ такого удовлетворенія. Прекращеніе возможности обмѣна *съ другими людьми* не только не исключаетъ возможности размышленія о сравнительной цѣнности предметовъ, но дѣлаетъ его еще необходимѣе.

Тотъ, кто находится въ такомъ положеніи, поневолѣ вынужденъ дѣлать тщательную расцѣнку имѣющихся у него предметовъ, такъ какъ онъ знаетъ, что если у него есть столько-то

ружейныхъ патроновъ, столько-то фунтовъ хлѣба и столько-то стеариновыхъ свѣчъ и ранѣе извѣстнаго срока онъ не можетъ выбраться съ острова, то онъ долженъ знать также, въ какой мѣрѣ каждый изъ этихъ предметовъ можетъ удовлетворить его потребности, и если ему придется, плывя въ лодкѣ, чтобы не утонуть, выбросить часть изъ нихъ, онъ выброситъ тѣ, которые для него представляютъ меньшую цѣнность, хотя очень можетъ быть, что порядокъ этихъ цѣнностей будетъ обратный тому, къ которому мы привыкли въ населенныхъ странахъ, и мѣшокъ съ золотомъ полетитъ въ воду скорѣе, чѣмъ мѣшокъ сухарей. Положимъ, на островѣ, куда онъ попалъ, онъ найдетъ множество плодовъ, дичи и рыбы, но нигдѣ не увидитъ прѣсной воды. Онъ прежде всего постарается устроить цистерну и съ жадностью будетъ собирать дождевыя капли; ясно, что вода станетъ для него дороже фруктовъ и другой пищи, и для того, чтобы добыть ведро воды, онъ охотно употребитъ пять или шесть дней, во время которыхъ могъ бы убить нѣсколько десятковъ птицъ, или поймать цѣлые пуды рыбы, т. е. сдѣлать то же, что сдѣлалъ бы, если бы, имѣя этихъ птицъ или рыбъ, могъ *обмѣняться* ими съ другимъ человѣкомъ, у котораго было бы ведро воды.

Каждый разъ, какъ человѣкъ, удовлетворяя одну потребность, отказывается отъ удовлетворенія другой, каждый разъ, какъ онъ выбираетъ между двумя благами, онъ въ сущности дѣлаетъ то же, что сдѣлалъ бы совершая обмѣнъ.

Но для того, чтобы рѣшиться на выборъ между двумя благами, онъ долженъ имѣть нѣкоторое мѣрило ихъ цѣнности, онъ долженъ признать, что *стоитъ* отказаться отъ одного изъ нихъ, чтобы воспользоваться другимъ. Мѣрило это вполнѣ субъективно; но оно несомнѣнно существуетъ у каждаго, иначе онъ долженъ былъ бы, какъ знаменитый оселъ Буридана, умереть прежде, чѣмъ на что-нибудь рѣшиться. Чѣмъ шире кругозоръ человѣка, чѣмъ болѣе многочисленныя и отдаленныя послѣдствія своего поступка онъ предвидитъ, тѣмъ труднѣе бываетъ ему иногда принять то или другое рѣшеніе. Когда вопросъ ограничивается прямымъ обмѣномъ, человѣкъ, который сытъ, но хочетъ пить, безъ колебаній отдастъ кусокъ хлѣба за стаканъ воды; сомнѣнье возможно только тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о предпочтеніи одной изъ двухъ приблизительно равносильныхъ потребностей.

III.

Въ чемъ слѣдуетъ искать мѣрило цѣнности? Если цѣнность есть то, что доставляетъ нѣкоторое удовольствіе, или избавляетъ отъ нѣкотораго страданія, то величина ея должна быть пропорціональна тому удовольствію, которое она доставляетъ, или тому страданію, отъ котораго избавляетъ. А такъ какъ и удовольствіе и страданіе явленія вполнѣ субъективныя, то ясно, что каждый самъ есть единственный судья цѣнности того, что онъ желаетъ пріобрѣсти, и, если Исавъ продалъ право старшинства за чечевичную похлебку, то въ тотъ моментъ, когда онъ это сдѣлалъ, она была *для него* дѣйствительно дороже, или—что то же—желательнѣе уступленнаго имъ права.

Съ другой стороны на подобномъ примѣрѣ особенно ясно выступаютъ тѣ соображенія, которыя заставили политико-экономовъ пытаться установить различіе между потребительной и мѣновой цѣнностью. Конечно, для голоднаго Исава вкусная похлебка могла являться важнѣе отдаленныхъ правъ, пользу которыхъ онъ не предвидѣлъ, но нельзя-ли найти болѣе или менѣе объективнаго мѣрила, которое позволяло бы сравнивать у разныхъ людей, находящихся въ различныхъ условіяхъ, цѣнность однихъ и тѣхъ же предметовъ?

На основаніи того, что уже было сказано не трудно предвидѣть, что точное рѣшеніе этой задачи немыслимо. Не только разные люди, но и одинъ и тотъ же человѣкъ даетъ предметамъ различную цѣну, смотря по условіямъ, въ которыхъ самъ находится. Сытый и голодный, бодрый и усталый, здоровый и больной, на все смотрятъ различными глазами, и нѣтъ такого предмета, на который они смотрѣли бы вполнѣ одинаково и который казался бы имъ равно желательнымъ или равно устрашающимъ.

Поэтому, чтобы сравнивать цѣнность предметовъ или благъ между собой, нельзя принимать за основаніе значеніе, которое они могутъ имѣть для того или другого человѣка въ отдѣльности и при данныхъ условіяхъ, а нужно имѣть въ виду отвлеченнаго покупателя и отвлеченнаго продавца; только при такихъ условіяхъ можно установить болѣе или менѣе однообразную цѣну (т.-е. цѣнность, выраженную въ денежныхъ единицахъ) на тотъ или другой товаръ.

Но существуетъ-ли такой предметъ, который для всѣхъ имѣлъ бы одинаковую цѣнность и потому могъ бы служить мѣриломъ всѣхъ

остальныхъ? Деньги являются, повидимому, такимъ предметомъ, но и они мѣрило далеко не точное. Правда, деньги имѣютъ нѣкоторую цѣнность и для богатаго и для бѣднаго, но цѣнность эта далеко не одинакова. То же самое, разумѣется, относится ко всѣмъ предметамъ, которые могутъ быть куплены за деньги. Въ виду этого, если политическая экономія хочетъ быть наукою, она должна прежде всего найти такую непроизвольную единицу, которая позволяла бы сравнивать различныя цѣнности.

Такъ какъ цѣнность не есть нѣчто безотносительное, существующее самостоятельно и неизмѣнно, а наоборотъ, возникаетъ, увеличивается или уменьшается сообразно съ конкретными условіями, то, повидимому, изучая эти условія, можно дойти до источника цѣнности, а тогда уже слѣдуетъ искать и ея мѣрила.

Такъ какъ почти ни одна человѣческая потребность не можетъ быть удовлетворена безъ нѣкотораго труда, то естественно является мысль найти въ трудѣ источникъ и мѣрило цѣнности. Трудъ почти всегда связанъ съ болѣе или менѣе непріятнымъ чувствомъ усилія и утомленія, такъ что для того, кто добровольно предпринимаетъ этотъ трудъ, всегда является вопросъ, *стоитъ ли труда* цѣль, которая будетъ достигнута. Этотъ вопросъ одинаково неизбѣженъ и въ серіозныхъ и въ сравнительно ничтожныхъ вопросахъ жизни. Каждый лично оцѣнивая степень напряженія или усилія, которое онъ долженъ сдѣлать для полученія извѣстнаго результата, и степень удовольствія, которое онъ испытываетъ отъ полученія этого результата, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнный для него отвѣтъ на вопросъ — стоитъ ли труда достиженіе того или другого блага; но очевидно, что такимъ образомъ мы возвращаемся къ чисто субъективному психологическому мѣрилу цѣнности. Наоборотъ, какъ только мы захотимъ по личному опыту чувство напряженія, неразрывно связанное со всякою внѣшнею дѣятельностью, сравнить съ результатами, которые эта дѣятельность имѣетъ внѣ насъ, такъ опять исчезаетъ то мѣрило цѣнности, которое явилось намъ въ продолжительности и напряженности труда. Каждый самъ сознаетъ, насколько *трудно* ему пройти извѣстное разстояніе, копать землю, грести на лодкѣ или дѣлать то или другое вычисленіе, но кромѣ него никто знать этого не можетъ.

Понятіе труда настолько неопредѣленно и растяжимо, что нельзя указать точныхъ его признаковъ.

Ученикъ, заучивающій вокабулы,—работаетъ; крестьянинъ, пашущій землю,—работаетъ; судья, подготовляющій къ докладу дѣло, —

работаетъ; танцовщица, разучивающая какое-нибудь па,—работаетъ; государственный человѣкъ, рѣшающій важный вопросъ,—работаетъ.

Какъ привести къ одному знаменателю все безчисленное количество дѣйствій, которое обозначается словомъ—работать? Работаетъ человѣкъ и для себя, и для другихъ, и за плату, и по призванію, и по чувству долга, и изъ честолюбія и по тщеславію.

Есть только одинъ признакъ, который подъ понятіемъ работы объединяетъ самые разнообразные роды дѣятельности: нужно, чтобы воля человѣка была направлена не на эту дѣятельность, какъ таковую, а на ея результаты, иными словами, чтобы самая дѣятельность была для него средствомъ, а не цѣлью. Въ этомъ состоитъ единственный признакъ, отличающій работу отъ *игры* или забавы. Но ясно, что можно себѣ представить игры и забавы, въ результатѣ которыхъ получится не потребленіе, а созданіе нѣкоторыхъ новыхъ цѣнностей, и тогда исчезнетъ даже это отличіе. Человѣкъ здоровый и молодой иногда не только не тяготится трудомъ, но, наоборотъ, испытываетъ въ немъ своего рода потребность. Представимъ себѣ, что такому человѣку для достиженія извѣстной цѣли надо сдѣлать двадцать или тридцать верстъ пѣшкомъ или верхомъ; для него это въ сущности будетъ прогулкой, а для старика, который думаетъ только о покоѣ,—тяжелымъ трудомъ. Предположимъ далѣе, что цѣль этой поѣздки состоитъ въ томъ, чтобы сообщить третьему лицу очень важное и спѣшное извѣстіе. Ясно, что для послѣдняго совершенно безразлично, кѣмъ доставлено это извѣстіе и, такимъ образомъ, значеніе ихъ дѣянія для него одинаково, хотя бы для одного изъ дѣйствующихъ это дѣяніе было — тяжелымъ трудомъ, а для другого — простою забавой; разница можетъ быть только въ этическомъ, а не въ экономическомъ значеніи ихъ поступка.

Не все ли равно для того, кто ѣстъ дичь или рыбу, кѣмъ она убита или поймана—любителями спорта, или профессіональными охотниками и рыболовами? Въ одномъ случаѣ она добыта трудомъ, въ другомъ—простою забавой, но цѣнность продукта въ обоихъ случаяхъ одна и та же. Различеніе между потребительной и мѣновой цѣнностью ничуть не помогаетъ, такъ какъ, если бы любители, охотникъ или рыболовъ, вздумали вынести на рынокъ продукты своей охоты или ловли, то они, очевидно, могли бы получить за нихъ ту же цѣну, какъ охотники и рыболовы профессіональные. Слѣдовательно, не только цѣнность, но и цѣна предмета опредѣляется отнюдь не количествомъ труда, который былъ затраченъ, а степенью

потребности, которая можетъ быть удовлетворена имъ. Правда, что если трудъ, необходимый для полученія того или другого предмета, станетъ очень великъ, то предложеніе его на рынкѣ неизбѣжно сократится и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастетъ его рыночная цѣна; но это зависитъ не отъ того, что добываніе такого предмета потребовало больше труда, а отъ того, что предложеніе его на рынкѣ стало меньше и, слѣдовательно, удовлетвореніе потребности, которой онъ служитъ, труднѣе.

Шекспиръ заставляетъ Ричарда III-го во время сраженія воскликнуть: „Коня! коня!—полъ царства за одного коня"... И дѣйствительно, въ данный моментъ король готовъ отдать полъ царства за одного коня, но странно было видѣть въ этомъ указаніе на „мѣновую цѣнность" коней вообще.

Впрочемъ, трудность достиженія того или другого блага несомнѣнно дѣлаетъ его цѣннѣй для тѣхъ, кто къ нему стремится во что бы то ни стало; желаніе, которое легко и скоро находитъ удовлетвореніе, не можетъ достигнуть значительной степени напряженности, потому что она кажется цѣннѣе,чѣмъ труднѣе достиженіе цѣли.

Но и въ этомъ отношеніи безразлично, отъ чего бы ни зависѣла *трудность*, отъ того ли, что нужно большое количество работы, или отъ того, что природныя условія дѣлаютъ желаемый предметъ рѣдкимъ, или отъ простой случайности, благодаря которой онъ особенно нуженъ и трудно доступенъ въ данный моментъ и потому особенно цѣненъ, какъ въ помянутомъ примѣрѣ Ричарда III.

Мнѣніе, что трудъ есть единственный источникъ цѣнности, есть основное заблужденіе, сдѣлавшееся исходной точки множества политико-экономическихъ системъ. Правда, что сравнительно очень немногіе изъ окружающихъ насъ и нужныхъ намъ предметовъ въ самыхъ разнообразныхъ родахъ потребностей, начиная съ одежды, пищи и кончая книгами, нотами и картинами, не могутъ являться на рынокъ безъ примѣненія множества разнородныхъ формъ человѣческаго труда; но отсюда слѣдуетъ только, что при созданіи цѣнностей трудъ почти всегда входитъ какъ одинъ изъ элементовъ, а никакъ не то, чтобы онъ былъ единственнымъ или хотя бы только главнымъ источникомъ цѣнности.

Бываютъ случаи, когда трудъ, повидимому, *создаетъ* цѣнность изъ ничего: скульпторъ, который куски глины или камня превращаетъ въ драгоцѣнную статую, повидимому, создалъ цѣнность; но не говоря о томъ, что между цѣнностью статуи и количествомъ затраченнаго

на нее труда нельзя указать опредѣленнаго отношенія, бываетъ и такъ, что природа и случай даютъ человѣку готовыя цѣнности безъ всякаго труда.

Въ большинствѣ случаевъ природа и трудъ являются факторами, изъ которыхъ слагается цѣнность предмета, т. е. его способность удовлетворять человѣческія потребности. Но никакими натяжками нельзя подвести подъ трудовую теорію такія особенности, которыя, не завися ни отъ какихъ положительныхъ законовъ и не требуя отъ ихъ обладателя ни усилій, ни воздержанія, могутъ служить для нихъ источникомъ дохода. Для великана или для карлика, которыхъ за деньги показываютъ въ циркѣ, очевидно, самый ростъ ихъ составляетъ нѣкоторую цѣнность. Для красавицы, которая, не имѣя никакихъ талантовъ, пользуется успѣхомъ на сценѣ, ея наружность есть также цѣнность; всякое природное качество, которое даетъ одному человѣку преимущество передъ другими, есть для него несомнѣнная цѣнность, хотя бы онъ не употребилъ никакого труда для ея пріобрѣтенія или усиленія.

IV.

Цѣна, т. е. мѣновая цѣнность предмета, выражаемаго въ деньгахъ, опредѣляется предложеніемъ и спросомъ; слѣдовательно, когда рѣчь идетъ о товарахъ, которыхъ владѣлецъ не является потребителемъ, или которые онъ потребляетъ въ очень ограниченномъ размѣрѣ, товары эти представляютъ для него цѣнность лишь потому, что онъ можетъ обмѣнять ихъ на другіе, которые могутъ удовлетворить его потребности. Понятно поэтому, что если онъ самъ производитъ тѣ товары, которые вывозятъ на рынокъ, то онъ можетъ производить и продавать лишь до тѣхъ поръ, пока получаемыя въ обмѣнъ деньги или произведенія оплачиваютъ трудъ производства.

Если, напримѣръ, сапожникъ употребитъ недѣлю, чтобы сшить двѣ пары сапогъ, и продастъ ихъ за такую цѣну, которая позволитъ ему снова купить кожу и необходимые для его собственнаго потребленія предметы, онъ можетъ продолжать производство, но если цѣны на обувь упадутъ, можетъ быть, онъ будетъ вынужденъ искать другого ремесла; но такъ какъ при низкой цѣнѣ на сапожный товаръ это сдѣлаетъ не онъ одинъ, а также другіе сапожники, то предложеніе сократится, потребность въ обуви станетъ удовлетворяться

труднѣе и цѣны на нея должны будуть снова повыситься, пока не достигнуть уровня, соотвѣтствующаго другимъ производствамъ. Однако законъ, благодаря которому цѣны опредѣляются, повидимому, не только потребностями покупателей, но и трудомъ производителей, распространяется только на товары, находящіеся въ непрерывномъ и длящемся процессѣ производства, который по волѣ производителя можетъ быть расширяемъ и сокращаемъ. Если же мы будемъ говорить не о болѣе или менѣе продолжительномъ періодѣ, а о готовыхъ товарахъ, въ данный моментъ находящихся на рынкѣ, то цѣна ихъ опредѣляется исключительно *спросомъ*, т. е. степенью потребности въ нихъ покупателей. Покупателю нѣтъ никакого дѣла до того, что стоитъ товаръ продавцу, и если продавецъ пытается убѣдить его, что товаръ „себѣ дороже стоитъ", то вовсе не потому, что надѣется, что тотъ захочетъ вознаградить его за понесенные убытки, а потому, что думаетъ тѣмъ самымъ доказать, что покупатель нигдѣ дешевле не купитъ. Цѣнность товара, а слѣдовательно и цѣна всегда состоитъ въ той пользѣ или удовольствіи, которыя покупатель предполагаетъ извлечь изъ него *въ будущемъ*, а никакъ не въ томъ трудѣ или издержкахъ, которыхъ стоитъ производство этого товара *въ прошедшемъ*. Особенно яркое доказательство этого представляютъ такъ называемые модные товары: въ моментъ появленія они стоятъ несоразмѣрно дорого сравнительно съ расходами на ихъ производство, но не успѣетъ пройти нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ они теряютъ 50% цѣнности.

Всякое производство есть въ сущности затрата или потребленіе нѣкоторой цѣнности не ради непосредственнаго удовлетворенія той или другой потребности, а для пріобрѣтенія другой, большей цѣнности въ будущемъ, т. е. для полученія возможности позже удовлетворить другую, болѣе настоятельную потребность, или ту же самую но въ болѣе полной мѣрѣ.

Трудъ только тогда можетъ считаться производительнымъ, когда сдѣланныя усилія даютъ возможность достигнуть цѣли, ради которой они были сдѣланы; количество усилій само по себѣ никакой цѣны не имѣетъ. Представимъ себѣ, что кто-нибудь нанялъ носильщиковъ, которые должны доставить грузъ до извѣстнаго мѣста; носильщики исполняютъ это и получаютъ условленную плату. Но допустимъ, что они почему-нибудь вмѣсто обычнаго разстоянія прошли вдвое большее. Наниматель можетъ изъ человѣколюбія возвысить условленную

плату, но количество затраченнаго труда само по себѣ не даетъ носильщикамъ права требовать ея повышенія.

Представимъ себѣ повара, который съ отвращеніемъ занимается своимъ ремесломъ. Трудъ его для него, конечно, гораздо тяжелѣе, чѣмъ для другого; это однако не даетъ ему основанія требовать бо́льшаго вознагражденія за свою работу. Вообще, чѣмъ слабѣе работникъ, тѣмъ труднѣе для него работа, однако никто не станетъ платить ему дороже потому только, что онъ слабѣе. Помогать слабымъ дѣло благотворительности и христіанскаго милосердія, но въ политической экономіи на такихъ чувствахъ нельзя ничего основать.

Между тѣмъ попытки вывести происхожденіе цѣнности изъ крайне неопредѣленнаго понятія „труда" въ значительной мѣрѣ обязаны своимъ происхожденіемъ филантропическимъ стремленіямъ и желанію улучшить положеніе „слабыхъ".

Нельзя не сочувствовать этому стремленію, но съ другой стороны нельзя не видѣть, что оно не только не приводитъ къ желаннымъ результатамъ, но скорѣе наоборотъ—удаляетъ отъ нихъ. Логика мститъ за себя и одно заблужденіе влечетъ за собою другое. Вмѣсто того, чтобы искать рѣшенія тамъ, гдѣ оно возможно, въ согласномъ развитіи факторовъ производства, теорія, видящая источникъ цѣнности исключительно въ трудѣ, неизбѣжно приводитъ къ борьбѣ этихъ факторовъ.

V.

Какъ мы уже видѣли въ началѣ этого очерка, цѣнность, также какъ и благо, есть понятіе относительное: когда хотятъ выразить высшую, такъ сказать, абсолютную степень блага, говорятъ: „это сокровище безцѣнное".

Значитъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ предполагается, что сокровище или благо имѣетъ нѣкоторую цѣну, и слѣдовательно единицу, до которой не доходитъ или которую превосходитъ его цѣнность.

Выбирая между различными благами, каждый принимаетъ это мѣрило сообразно своимъ вкусамъ и потребностямъ. Представимъ себѣ человѣка, который располагаетъ свободнымъ вечеромъ и хочетъ доставить себѣ удовольствіе. Онъ обдумываетъ, какъ ему провести этотъ вечеръ? Онъ можетъ пойти въ театръ, можетъ сдѣлать прогулку верхомъ или на лодкѣ, можетъ заѣхать къ знакомымъ. Если

это человѣкъ не богатый, въ его разсчетахъ будутъ играть роль и тѣ расходы, которые ему придется сдѣлать; но если онъ рѣшилъ истратить опредѣленную сумму, то, очевидно, онъ употребитъ ее на то, что, по его разсчету, должно доставить ему наибольшее удовольствіе.

Такимъ образомъ деньги, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могутъ, повидимому, служить не только средствомъ обмѣна различныхъ цѣнностей, но и ихъ мѣриломъ.

Оно такъ и есть въ дѣйствительности. Даже самый богатый человѣкъ, которому захочется курить, не заплатитъ тысячи рублей за папиросу, хотя дастъ за нее, можетъ быть, въ десять или двадцать разъ больше цѣны ея производства.

Итакъ, деньги въ большинствѣ случаевъ могутъ служить, хотя весьма шаткимъ, мѣриломъ цѣнности. Отчего же зависитъ это ихъ свойство, которое не принадлежитъ даже въ приблизительно равной степени ни одному другому матеріальному предмету? Сами по себѣ никакой нашей потребности деньги не удовлетворяютъ, но мы глубоко увѣрены, что какъ только захотимъ, мы можемъ обмѣнять ихъ на такіе предметы, которые удовлетворяютъ почти любую изъ этихъ потребностей. Такимъ образомъ мы увѣрены, что деньги та сила, которая даетъ намъ возможность *безъ затраты собственной мышечной или умственной силы* удовлетворить большинство нашихъ потребностей.

Нельзя ли, однако, сдѣлать отсюда выводъ, что и онѣ представляютъ собою лишь нѣчто въ родѣ аккумулятора: только сумму накопленныхъ прежде усилій? Теорія, которая видитъ основаніе всѣхъ цѣнностей въ трудѣ, не можетъ не остановиться на этой гипотезѣ.

Печатаніе кредитныхъ билетовъ не представляютъ почти никакого труда, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы они не представляли значительной цѣнности. Но, говорятъ экономисты, цѣнность эта вполнѣ условная: они представляютъ только право на полученіе извѣстнаго количества звонкой монеты, а эта монета въ свою очередь несомнѣнно представляетъ уже сумму труда, необходимаго для добыванія металла, изъ котораго она сдѣлана. Въ настоящее время и при настоящихъ условіяхъ это дѣйствительно такъ, и можно сказать даже, что количество труда, воплощеннаго въ каждой золотой монетѣ, значительно, но въ сущности цѣнность ея, также какъ и цѣнность кредитнаго рубля, зависитъ совсѣмъ не отъ количества труда, которое было употреблено на ея производство, а отъ *увѣренности*, что вмѣсто нея всегда возможно получить нѣкоторое количество другихъ предметовъ, которые

6*

удовлетворятъ наши *будущія потребности*. И въ томъ и другомъ случаѣ роль играетъ только вѣра въ *будущую покупную силу* денегъ, а отнюдь не тѣ труды или лишенія, посредствомъ которыхъ онѣ были добыты или пріобрѣтены.

Стоитъ себѣ представить, что въ химіи сдѣлано новое открытіе и можно фабриковать золото, или что найдены золотые рудники, которые дѣлаютъ добываніе его не труднѣе добыванія мѣди, и цѣна его сразу измѣнится, хотя количество труда, затраченнаго на золото, добытое прежде, отъ этого не уменьшится.

Можно возразить на это, что такое соображеніе относится не къ одному золоту, а ко всѣмъ товарамъ, какъ только легкость добыванія и предложеніе ихъ увеличиваются, а потребность остается одна и та же. Это однако не совсѣмъ такъ. Остальные товары даютъ покупателямъ возможность непосредственнаго удовлетворенія природныхъ потребностей, деньги же удовлетворяютъ только потребность въ обмѣнѣ товаровъ, а слѣдовательно, какъ только теряютъ способность быть мѣриломъ цѣнностей, теряютъ и сами всякую цѣнность, такъ какъ другой потребности, за малыми исключеніями, онѣ удовлетворить не могутъ.

То, что опредѣляетъ цѣну товаровъ вообще—это съ одной стороны распространенность и настоятельность извѣстной потребности, а съ другой—количество предлагаемаго товара, т. е. большая или меньшая легкость ея удовлетворенія. Если предложеніе товара, удовлетворяющаго нѣкоторой природной, находящейся въ каждомъ человѣкѣ потребности, увеличивается, цѣна на этотъ товаръ падаетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ спросъ на него (по удешевленной цѣнѣ) возрастаетъ, такъ какъ кругъ людей, получающихъ возможность удовлетворить эту потребность, становится шире. Есть однако товары, къ которымъ такое соображеніе непримѣнимо, такъ какъ цѣнность ихъ зависитъ, именно, отъ того, что предложеніе ихъ весьма ограничено; драгоцѣнные камни и драгоцѣнные металлы принадлежатъ именно къ числу такихъ товаровъ. Представимъ себѣ, что фунтъ золота стоитъ то же, что фунтъ желѣза,—оно станетъ почти безполезно, т. е. утратитъ свою потребительную цѣнность какъ мѣновой знакъ и какъ предметъ роскоши. Если бы владѣлецъ золота очутился въ такой мѣстности, гдѣ оно не служило бы мѣновымъ знакомъ и откуда онъ не имѣлъ бы надежды выбраться даже въ отдаленномъ будущемъ, оно сразу потеряло бы всякую привлекательность

въ его глазахъ, и онъ предпочелъ бы ему самые недорогіе предметы, могущіе служить непосредственно удовлетворенію его потребностей.

Въ цивилизованномъ мірѣ привычка связывать представленіе значительной цѣнности съ понятіемъ о благородныхъ металлахъ такъ велика, что мы почти не можемъ представить себѣ ихъ дѣйствительной цѣнности независимо отъ ихъ значенія какъ мѣнового знака.

Намъ трудно уяснить себѣ, что цѣнность эта зависитъ не отъ тѣхъ естественныхъ потребностей, которымъ они удовлетворяютъ какъ товаръ, а отъ того, что въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій они служили для обмѣна другихъ товаровъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что деньги—не только кредитные билеты, но и звонкая монета,—хотя и могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ служить мѣриломъ цѣнности, но такое свойство ихъ основано не на какихъ либо объективныхъ особенностяхъ, а на убѣжденіи, что и въ будущемъ онѣ должны имѣть покупную силу, которой обладали прежде.

Психологическое изслѣдованіе того, на чемъ основана такая увѣренность, повело бы насъ слишкомъ далеко, но тотъ фактъ, что въ въ практической жизни она существуетъ, доказываетъ, что, какъ бы то ни было, мѣрило цѣнности возможно, и если оно не удовлетворяетъ требованіямъ точности и разумности, то спрашивается, нельзя ли найти другое болѣе точное и разумное.

VI.

Не можетъ быть вполнѣ объективнаго мѣрила цѣнности отдѣльныхъ предметовъ, такъ какъ сила потребности и способность даннаго предмета удовлетворить ей можетъ быть опредѣлена лишь тѣмъ, кто испытываетъ эту потребность.

Есть однако такія потребности, которыя свойственны всѣмъ людямъ, и такіе предметы, которые могутъ удовлетворить имъ; слѣдовательно, такіе предметы должны имѣть нѣкоторую цѣнность для всѣхъ, и только степень ея можетъ колебаться.

Когда человѣкъ сытъ, видъ или запахъ пищи не вызываетъ въ немъ аппетита; когда ему жарко, шуба не вызываетъ желанія надѣть ее, дрова—желанія затопить печку, но онъ знаетъ, что они могутъ пригодиться, и ему можетъ быть голодно или холодно, потому и пища, и шуба, и дрова остаются для него цѣнностями даже тогда, когда онъ не испытываетъ въ нихъ непосредственной нужды.

Однако, если и существуютъ такіе предметы, которые сохраняютъ для каждаго цѣнность, несмотря на то, что въ данный моментъ не ощущается въ нихъ потребности, то съ другой—есть и такіе, цѣнность которыхъ зависитъ исключительно отъ особыхъ условій, наступающихъ въ извѣстный моментъ и которыя могутъ уже не повторяться (напримѣръ, цѣнность прѣсной воды въ пустынѣ или на кораблѣ, гдѣ ея остается мало). И тѣ предметы, которые мы привыкли считать цѣнными, для каждаго имѣютъ весьма различное значеніе, смотря по тому, насколько близка дѣйствительная, а не только возможная нужда въ нихъ.

Именно это различіе въ цѣнности предметовъ, потребность въ которыхъ *испытывается*, и тѣхъ, въ которыхъ она *ожидается*, составляетъ логическое, хотя и не всегда сознаваемое основаніе найма, процентовъ и земельной ренты. (Проценты и земельная рента составляютъ въ сущности только плату за пользованіе капиталомъ или землей, т. е. тотъ же наемъ нѣкотораго имущества).

Человѣкъ, которому въ данный моментъ нуженъ принадлежащій ему предметъ, не уступитъ его ни окончательно, ни временно другому иначе, какъ въ обмѣнъ за другой, который теперь ему еще болѣе нуженъ. Совсѣмъ другое дѣло, если у него есть предметъ, который въ данный моментъ ему не нуженъ, а можетъ понадобиться только впослѣдствіи: онъ можетъ или совсѣмъ продать его, разсчитывая, что успѣетъ пріобрѣсти другой такой же, когда понадобится, а пока можетъ на вырученныя деньги удовлетворить другую, болѣе близкую потребность, или отдать его въ наемъ, при чемъ наемная плата уравновѣшиваетъ различіе въ цѣнности между предметомъ, удовлетворяющимъ уже наступившую потребность и той, которая только можетъ наступить.

Но ясно, что въ зависимости отъ вѣроятности и близости наступленія той или другой потребности цѣнность предметовъ, удовлетворяющихъ имъ, должна подвергаться постояннымъ колебаніямъ. Важно поэтому найти такой предметъ, потребность и, слѣдовательно, спросъ на который всегда былъ бы если не одинаковъ, то по крайней мѣрѣ ощущались бы съ болѣе или менѣе значительной силой.

Ясно, что среди протяженныхъ вещей такого предмета найти нельзя. Быть можетъ, это и побудило многихъ искать не только основанія, но и единицы цѣнности въ трудѣ. Однако, самъ по себѣ трудъ, очевидно, не есть цѣнность; самъ по себѣ онъ не только не удовлетворяетъ никакой потребности, но, наоборотъ, вызываетъ утомленіе

и есть только средство для удовлетворенія другихъ желаній, которыя заставляютъ человѣка мириться съ необходимостью труда.

Цѣль каждаго, по скольку она опредѣляется не религіозными или нравственными мотивами, есть личное счастье въ ближайшемъ будущемъ.

Но что такое подобное счастье? Это прежде всего—отсутствіе страданій, и во-вторыхъ—возможно большая сумма удовольствій. Молодость, здоровье, спокойствіе—вполнѣ отрицательные, хотя самые существенные элементы счастья; они означаютъ только отсутствіе старости, болѣзни и тревоги, но безъ нихъ немыслимо никакое положительное удовольствіе. Что касается положительныхъ удовольствій, то они или тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ физіологическими процессами, или имѣютъ нематеріальный характеръ, какъ, напримѣръ, удовлетвореніе любознательности, самолюбія, тщеславія и т. д.; какъ тѣ, такъ и другія зависятъ отъ отношенія нашего къ внѣшнему міру. Наше собственное тѣло, поскольку оно не подчинено нашей волѣ, составляетъ уже часть внѣшняго міра, есть уже *не-я*, хотя всѣ впечатлѣнія этого міра мы получаемъ только черезъ него и только черезъ него же дѣйствуемъ на этотъ міръ.

Отсюда слѣдуетъ, что первое условіе человѣческаго счастья состоитъ въ возможности опредѣлять отношенія собственнаго тѣла къ внѣшнему міру, т. е. ощущать тепло и холодъ, видѣть свѣтъ, слышать звукъ и т. д. настолько, насколько это пріятно самому человѣку, а не испытывать обжоговъ, отмораживанія членовъ, или не быть вынужденнымъ видѣть и слышать то, что вызываетъ чувство отвращенія.

Но единственный способъ, посредствомъ котораго мы можемъ измѣнять наше отношеніе къ окружающей средѣ и, слѣдовательно, наши ощущенія, состоитъ въ томъ, чтобы *двигать* окружающіе насъ предметы или самимъ передвигаться среди нихъ. Поэтому *удовлетвореніе какой бы то ни было потребности предполагаетъ возможность движенія.*

Такимъ образомъ, способность сообщать собственному тѣлу или тѣламъ окружающимъ движенія, обусловливающія соотвѣтствіе между ними, есть первое условіе удовлетворенности, получается ли помянутое соотвѣтствіе посредствомъ сообщенія движенія собственному тѣлу или тѣламъ посторониимъ,—вообще говоря, безразлично. Если, напримѣръ, мнѣ темно читать, то все равно, самъ ли я придвинусь къ лампѣ, или придвину ее къ себѣ; если мнѣ холодно въ моей ком-

натѣ, то все равно, затоплю ли я печь, такъ что комната нагрѣется, или перейду въ другую, уже натопленную.

Но способность, позволяющая приспособляться къ средѣ, или приспособлять ее къ своимъ потребностямъ, т. е. двигаться и двигать другія тѣла, есть не что иное, какъ *сила*.

Сила есть причина движенія.

Только сила можетъ заставить тѣло, находящееся въ состояніи покоя, выйти изъ этого состоянія. Только сила можетъ остановить его, когда оно движется; только сила можетъ измѣнить направленіе и скорость однажды полученнаго движенія. Поэтому только сила можетъ прекратить несоотвѣтствіе въ отношеніи нашего тѣла къ окружающей средѣ.

Но мускульная сила человѣка поставлена въ очень тѣсные предѣлы. Не только сообщить движеніе тѣламъ, масса которыхъ во много разъ превышаетъ его собственный вѣсъ, но и измѣнить форму мельчайшихъ тѣлъ, которыя вызываютъ въ немъ мучительные процессы, она не можетъ.

Однако даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ сила эта позволяетъ намъ двигаться и передвигать окружающіе предметы, она есть величайшее благо. Чтобы оцѣнить это благо, стоитъ себѣ представить, что мы лишились его и не можемъ ни говорить, ни двигаться. Сила и возможность располагать ею составляютъ основное первоначальное благо всего живущаго. Нѣтъ человѣка, который болѣе или менѣе не сознавалъ бы этого. Нѣтъ ни ребенка, ни взрослаго, ни бѣднаго, ни богатаго, ни образованнаго человѣка, ни дикаря, который не хотѣлъ бы быть сильнымъ. Даже тѣ люди, которые, благодаря деньгамъ и прислугѣ, повидимому, никогда не чувствуютъ потребности въ собственной физической силѣ, готовы на всякія жертвы, когда чувствуютъ, что начинаютъ слабѣть. Въ юности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего человѣчества цѣнность физической силы только ярче бросается въ глаза, потому что онъ не научился еще пользоваться силами природы, чтобы увеличивать дѣйствіе собственный силы, подобно тому, какъ онъ увеличиваетъ изображеніе разсматриваемыхъ предметовъ посредствомъ микроскопа или телескопа.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что физическая сила, безъ которой человѣку недоступны никакія другія матеріальныя блага, сама есть благо, и слѣдовательно цѣнность, но она есть не только положительная цѣнность для того, кто обладаетъ ею,—она, поскольку проявляется въ движеніи, становится благомъ или худомъ для дру-

гихъ, смотря по тому, согласны ли проявленія ея съ ихъ желаніями, или противорѣчатъ имъ.

Физическая сила въ противоположность труду имѣетъ еще одно свойство: она можетъ быть точно измѣрена. Степень усилія есть фактъ непосредственнаго сознанія, который не можетъ быть провѣренъ, но количество израсходованной силы можетъ быть вычислено съ математическою точностью, такъ какъ мускульная работа, также какъ и всякая другая, опредѣляется произведеніемъ массы на скорость. Въ этомъ смыслѣ работа можетъ дѣйствительно сдѣлаться единицей цѣнности.

Положимъ, человѣку, для удовлетворенія нѣкоторой потребности или ради полученія денегъ, которыя могутъ удовлетворить ее, ежедневно приходится поднимать нѣкоторый грузъ на извѣстную высоту. Существуетъ, слѣдовательно, опредѣленное отношеніе между цѣнностью, которую пріобрѣтаетъ человѣкъ, и той силой, которую онъ расходуетъ на это пріобрѣтеніе. Но если бы онъ имѣлъ способъ безъ всякаго усилія поднимать тотъ же грузъ на ту же высоту и получать при этомъ такое же удовлетвореніе, или такую же плату, то, очевидно, этотъ способъ имѣлъ бы равную цѣнность съ затрачиваемымъ имъ трудомъ (если допустить, что самый трудъ имѣетъ цѣнность), такъ какъ посредствомъ него достигались бы равные результаты и удовлетворялись бы одинаковыя потребности.

Если человѣкъ хочетъ удовлетворить нѣкоторую потребность, то все то, что позволяетъ ему сдѣлать это, имѣетъ для него одинаковую цѣнность, такъ какъ онъ смотритъ на него лишь какъ на *средство* удовлетворенія помянутой потребности. Средства же эти, независимо отъ достигаемой ими цѣли, сами по себѣ почти всегда связаны съ нѣкоторой степенью труда, утомленія или страданія, и понятно, что средство, которое позволяетъ человѣку достигнуть цѣли съ меньшею степенью труда или неудовольствія, представляется ему цѣннѣе того, которое требуетъ бóльшей степени утомленія или страданія. Иными словами, изъ цѣнности, опредѣляемой удовольствіемъ при удовлетвореніи потребности, надо вычесть цѣнность неудовольствія, которое испытывается ради его достиженія. Такъ какъ физическій трудъ при нѣкоторой напряженности и продолжительности всегда связанъ съ чувствомъ утомленія, отрицательная цѣнность котораго должна уравновѣшиваться положительной, т. е. удовлетвореніемъ той потребности, для которой онъ служитъ, то между нимъ и удовлетворе-

ніемъ данной потребности можно допустить равенство, но равенство въ томъ же смыслѣ, какъ между: +1 и —1.

Однако и такое равенство существуетъ лишь для того, кто посредствомъ собственнаго труда удовлетворяетъ свои потребности и такимъ образомъ является не только потребителемъ, но и производителемъ той же цѣнности. Для того, наоборотъ, кто пріобрѣтаетъ цѣнность не посредствомъ труда, а посредствомъ обмѣна, чужой трудъ, затраченный на созданіе той или другой цѣнности, самъ по себѣ не имѣетъ никакой ни положительной, ни отрицательной цѣны.

Если у одного человѣка есть пудъ ржи, а у другого мѣра яблокъ, то при обмѣнѣ для нихъ совершенно безразлично, сколько труда было затрачено на уходъ за яблоками или на уборку ржи. Если извозчику нужно переѣхать рѣку на паромѣ, а лодочнику доѣхать куда-нибудь на извозчикѣ, то цѣна той и другой поѣздки будетъ опредѣляться не трудомъ, затрачиваемымъ лодочникомъ или извозчикомъ, а большей или меньшей легкостью для каждаго изъ нихъ достигнуть того же мѣста инымъ путемъ. Цѣна опредѣляется не трудностью производства, а настоятельностью потребности и большею или меньшею трудностью ея удовлетворенія.

Одна и та же потребность можетъ быть удовлетворена различными способами, и мы уже видѣли, что когда производитель и потребитель одно и то же лицо, способы эти имѣютъ различную цѣнность, смотря по количеству труда или лишеній, съ которыми они связаны; для потребителя же, какъ таковаго, способы эти совершенно безразличны.

То же самое нужно сказать относительно всѣхъ произведеній въ томъ случаѣ, если мы примемъ за мѣрило ихъ цѣнности *не трудъ, а силу*. Для покупщика вполнѣ безразлично, затрачено ли на производство аршина сукна большее или меньшее число пудофутовъ, также какъ для пассажира все равно, сколько паровыхъ лошадиныхъ силъ надо употребить, чтобы доставить его изъ одного города въ другой, лишь бы передвиженіе совершалось съ одинаковою скоростью и съ одинаковыми удобствами. Но для фабриканта или для желѣзной дороги далеко не все равно, расходовать ли для полученія тѣхъ же результатовъ большее или меньшее количество силы. Ясно, что для нихъ цѣна извѣстнаго производства или передвиженія опредѣляется именно расходомъ силы, и что при одинаковыхъ результатахъ прибыль ихъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше этотъ расходъ.

Когда рѣчь идетъ о передвиженіи, связь между цѣнностью и си-

лой такъ очевидна, что сама собою напрашивается мысль принять единицу силы за единицу цѣнности.

Представимъ себѣ, что автомобили вошли въ общее употребленіе. Ясно, что расходъ топлива, изнашиваніе двигателя, экипажа и т. д. прямо пропорціональны величинѣ пробѣгаемаго пространства и, слѣдовательно, расходу движущей силы. Для потребителя точно также трудъ, отъ котораго избавляетъ его автомобиль, прямо пропорціоналенъ разстоянію отъ пункта отправленія до пункта назначенія. Представимъ себѣ, что на каждомъ перекресткѣ къ услугамъ желающихъ стоятъ такіе автомобили, и цѣна за пользованіе ими не высока. Мы легко можемъ себѣ представить, что билеты такихъ автомобилей (если государство не воспротивится этому) сами собою получатъ значеніе мѣновыхъ знаковъ, такъ какъ постоянно нужны будутъ почти каждому.

Но такія же соображенія относятся не только къ пассажирскому движенію, но и ко множеству другихъ цѣнностей. Электричество съ каждымъ днемъ все болѣе приближается къ типу обыкновенныхъ товаровъ, а въ то же время обратимость электрической энергіи въ свѣтъ, тепло и движеніе, и обратно, доказываетъ несомнѣнную соизмѣримость различныхъ силъ природы, которыя для человѣка являются цѣнностями.

Такимъ образомъ, если принять за единицу нѣкоторое количество одной изъ этихъ силъ, всѣ остальныя будутъ вытекать изъ нея ужъ не произвольно, а съ математической необходимостью. Наука стремится установить однообразную мѣру силъ, и система килограммъ-метръ-секунда является логическимъ выводомъ изъ обратимости природныхъ силъ, которая составляетъ величайшее пріобрѣтеніе современной науки.

Но можно ли сомнѣваться, что каждая изъ этихъ силъ для человѣчества, которое умѣетъ пользоваться ею, составляетъ нѣкоторую цѣнность? И если такъ, то не является ли сама собою мысль объ отысканіи и установленіи общей единицы для опредѣленія силы и цѣнности?

Если сила въ самомъ простомъ и точномъ—механическомъ смыслѣ этого слова, есть возможное и непроизвольное мѣрило цѣнности, то это не значитъ однако, чтобы всѣ цѣнности или блага сводились къ понятію „силы“: не говоря о нравственныхъ принципахъ или объ эстетическихъ наслажденіяхъ, чисто физіологическіе процессы и вызываемыя ими ощущенія не могутъ быть сведены къ исключительно

механическимъ разсчетамъ; но это не мѣшаетъ тому, чтобы различнымъ количествамъ силы могли соотвѣтствовать различныя цѣнности самыхъ разнообразныхъ предметовъ, подобно тому какъ и при теперешней системѣ самыя разнородныя по существу блага имѣютъ одинаковую или различную *цѣну* и выражаются извѣстнымъ числомъ денежныхъ единицъ.

Кн. Д. Цертелевъ.

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

IV. Тягло [1]).

Тягло въ древности означало не только обязанность нести государственныя повинности, но и способность къ этимъ повинностямъ. Кто же былъ способенъ къ тяглу? Способнымъ къ тяглу было все имущее, состоятельное населеніе волостей—княженій. Тягло несли люди, но не въ смыслѣ „ревизской души", а въ смыслѣ людей, имѣющихъ нѣкоторое состояніе.

Люди бѣдные вовсе тягломъ не облагались: они или не несли никакихъ повинностей, или, вмѣсто тягла, платили разъ навсегда опредѣленный оброкъ. Крестьянинъ тверскаго уѣзда Григ. Яковл. Дубининъ, по описи 1580 года, такъ „охудалъ и отемнѣлъ", что вовсе былъ выключенъ изъ тягла и ему дана была льгота на 2 года. По нижегородской описи 1621 года въ Нижнемъ оказалось 140 дворовъ посадскихъ людей очень бѣдныхъ; они также въ тягло не были положены. Но „дворишко вдовы Просковьи Левонтьевой, жены Оконшикова", исключенный также по бѣдности изъ тягла, былъ обложенъ, вмѣсто тягла, единовременнымъ оброкомъ въ 10 алтынъ. Такихъ въ Нижнемъ было нѣсколько. Податное положеніе ихъ было гораздо легче положенія тяглыхъ дворовъ: вмѣсто разноименныхъ повинностей, тяжесть которыхъ представляла неопредѣленную величину и постоянно мѣнялась, они платили разъ навсегда опредѣленный оброкъ. Старый оброкъ уменьшали, если новая опись выясняла пониженіе бла-

[1]) См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвещенія* за 1901 годъ.

госостоянія. По описи Вотской пятины конца XV вѣка экономическое положеніе города Корелы оказалось понизившимся, а потому для облегченія платежа къ Корелѣ въ тотъ же оброкъ присоединили Сванскій Волочекъ, а самый оброкъ уменьшили на 3 руб. 13 грив. Сюда же относятся и предписанія на новыхъ поселенцевъ разводить всякія разметки слегка (А. Э. III № 37; 1614). Новые поселенцы еще не успѣли опериться, а потому и нуждаются въ нѣкоторомъ уменьшеніи тягла.

Теперь возникаетъ вопросъ, что же это за имущіе, состоятельные люди, которые несли тягло? По преобладанію земледѣльческаго хозяйства въ древней Руси это прежде всего люди, занимающіеся земледѣліемъ, это сельскіе хозяева. Вотъ почему всѣ древнѣйшія тяглыя единицы имѣютъ прямое отношеніе къ землѣ. Въ Новгородѣ это обжа, въ Москвѣ сохи, чети. Въ Новгородѣ обежную дань, намѣстничій кормъ и всякое тягло тянутъ съ обжи, въ Москвѣ съ сохи. Изслѣдованіе объ обжахъ, сохахъ, четяхъ, вытяхъ и другихъ единицахъ обложенія я отлагаю до V главы, теперь же указываю на положеніе въ обжи и сохи только какъ на необходимое условіе способности къ тяглу. Тягло тянутъ лица, земли которыхъ положены въ обжи или въ сохи.

Въ обжи и сохи кладутся, какъ мы уже знаемъ изъ предшествующаго, земли отдѣльныхъ хозяйствъ, отдѣльныхъ хозяевъ. Тягло, слѣдовательно, лежитъ на хозяинѣ, а не на живущихъ при немъ дѣтяхъ его, рабахъ или наемныхъ людяхъ. Тягло способенъ нести только хозяинъ двора. Въ договорной грамотѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ тверскимъ великимъ княземъ 1368 года читаемъ: „А на полныхъ холопахъ дани не взяти". Это условіе повторяется и сто лѣтъ позднѣе (1451) въ грамотѣ великаго князя тверскаго съ великимъ княземъ московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ. То же было и въ Новгородѣ. Въ новогородской грамотѣ 1437 г. на черный боръ читаемъ: „а кто будетъ одерноватый емлетъ мѣсячену, на томъ не взяти". „Одерноватый" это продавшійся „одерень", т. е. полный холопъ. Черный боръ съ него не берется, т. е. онъ не тянетъ тягла, какъ и московскіе холопы.

Но что значитъ „беретъ мѣсячену"? Мѣсячена въ XV вѣкѣ значила то же, что и въ XIX-мъ. Это отсыпной господскій хлѣбъ, выдаваемый холопу, не имѣющему своего хозяйства. Холопы, которые, съ дозволенія господъ, вели свое особое хозяйство, надо думать, полагались въ тягло.

Въ 1599 году „государь царь и великій князь Борисъ Θеодоровичъ тѣхъ корелянъ, которые живутъ въ заонѣжскихъ погостахъ и государевы подати платятъ, не велѣлъ высылать въ Корелу, а велѣлъ выслать тѣхъ, которые живутъ въ захребетникахъ и подсусѣдникахъ“ (А. Э. II № 13). Мы уже знаемъ, что захребетники и подсусѣдники не самостоятельные хозяева; въ приведенной грамотѣ они прямо противополагаются плательщикамъ податей. Какъ живущіе въ чужихъ хозяйствахъ, они не тянутъ своего тягла. Въ 1609 году велѣно было послать въ Пелымскій уѣздъ, въ Таборы, на пашню охочихъ людей. Ихъ велѣно было прибрать отъ отца сына, отъ братьи братью, отъ дядь племянниковъ, кто похочетъ идти волею, а не *съ тягла* (А. Э. II № 133). Въ царской грамотѣ 1638 года читаемъ: „А которые люди скажутъ, что они живали въ сотняхъ и въ черныхъ слободахъ *у хозяевъ своихъ въ наймахъ* урочные годы, а въ тяглѣ не бывали, а торговали всякими товары у хозяевъ своихъ“... (А. Э. III № 279). Наконецъ, въ книгѣ сошнаго письма (1629 г.) читаемъ: „А велѣно по государеву указу и боярскому приговору класть въ живущее (въ тягло) крестьянъ и бобылей, которые живутъ *своими дворами*“ (Временникъ XVII, 40).

По этимъ свидѣтельствамъ старина держится еще и въ XVII вѣкѣ: кто живетъ въ наймахъ, а не собственнымъ хозяйствомъ, въ тяглѣ не состоитъ; тягло падаетъ только на хозяевъ. Также не хозяева дѣти при отцахъ, племянники при дядяхъ, младшіе братья при старшихъ. Хозяинъ одинъ, на немъ и лежитъ тягло. Вотъ почему новогородскія писцовыя книги перечисляютъ только хозяевъ, а не все населеніе поголовно.

Итакъ, повинности лежатъ на хозяевахъ. Что это за правило, какъ и откуда оно возникло? Трудно думать, чтобы его сочинили князья и чтобы оно возникло указнымъ путемъ. Князьямъ не было ни малѣйшей причины заботиться о томъ, чтобы повинности несли только хозяева. Для нихъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше отвѣтственныхъ плательщиковъ. Это правило есть бытовое явленіе вѣчевой древности, оно плодъ народнаго обычая. Если нужно тянуть государственное тягло, то кому же его тянуть, какъ не хозяевамъ? Общественный порядокъ нуженъ для имущихъ людей, для хозяевъ; они и берутъ на себя его издержки. Ихъ дѣло устроить неимущихъ безхозяйственныхъ людей такъ, чтобы и они приносили пользу. И хозяева устроили ихъ въ качествѣ своихъ рабовъ, захребетниковъ, закладчиковъ, наймитовъ. Все это не указныя явленія, а явленія народной

жизни. Эти порядки такъ просты, такъ естественны, какъ самыя простыя явленія природы. Возрастающая власть князей нашла все это уже готовымъ. Въ договорахъ, грамотахъ и указахъ князей просвѣчиваетъ бытовая жизнь народа. Но настаетъ время, когда государство перерастаетъ эту народную жизнь; тогда начинается указное творчество сверху въ однихъ областяхъ права раньше, въ другихъ позже. Разсматриваемая нами область народной жизни переходитъ въ указную весьма медленно и довольно поздно.

Такъ какъ тягло лежитъ на землѣ, составляющей хозяйство извѣстнаго человѣка, то отсюда понятно, что тягломъ облагаются только жилыя деревни, а не пустыя, почему-либо покинутыя своими прежними обитателями. По писцовымъ книгамъ сошнаго письма въ обжи и сохи, обложенныя тягломъ, кладутся только живущія деревни, живущія чети. Повинности государству идутъ съ живущихъ обежъ, живущихъ четей пашни. Писцы говорятъ и о пустыхъ сохахъ, но прибавляютъ: „платить съ живущаго“ [1]).

Что же такое это живущее? Новогородскія писцовыя книги говорятъ о жилыхъ деревняхъ и живущихъ обжахъ, но въ особыя подробности о томъ, что именно надо разумѣть подъ живущимъ, не входятъ. Съ точки зрѣнія этихъ книгъ, понятіе живущаго очень простое. Живущее—есть населенная деревня, ей противополагается деревня не населенная, пустая. Такая ненаселенная деревня въ обжи не кладется. Она описывается въ прошедшемъ времени, напримѣръ: „А деревень пустыхъ: деревня Дмитрова—пуста, описана была обжею“ и т. д. Пустыя деревни въ тягло не идутъ, но они могутъ быть даны желающимъ на льготу, года на три, по истеченіи которой поступаютъ уже въ тягло, какъ живущія [2]).

Московскія писцовыя книги входятъ въ большія подробности по этому вопросу и значительно суживаютъ понятіе живущаго. Въ живущее онѣ кладутъ не всю засѣвную землю, входящую въ составъ

[1]) Доказательства сказаннаго легко найти и въ писцовыхъ книгахъ, и въ другихъ памятникахъ. Только для примѣра укажемъ нѣсколько страницъ и №№. Новог. писц. кн. I, ст. 46, 765; III 645; IV, 130 сл., 539, 549; писцов. кн. XVI в. I 437, 503, 684; II 292, 832, 854, 1099, 1114, 1551, 1587; А. Ю. № 209, IV; А. Э. I, № 350; III № 139, 268; IV № 251; съ 1495 по 1682 годъ.

[2]) Новог. пис. кн. I, 46, 62, 261, 650, 765; II, 502, 756, 823; Врем. XII, 137. Такихъ данныхъ много; приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя только потому, что г. Дьяконовъ „полагаетъ“, что платежъ съ живущей пашни, какъ общее правило, появился только со второй половины XVI вѣка. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890 г. VII 222.

жилаго хозяйства, а только пашню въ предѣлахъ трехпольнаго хозяйства. Перелогъ, дикое поле, пашня наѣзжая, лѣсъ и покосъ не входятъ въ составъ живущаго. Для опредѣленія податной тягости берется въ разсчетъ только количество пашенной земли въ постоянномъ трехпольномъ хозяйствѣ; этой землѣ и усвояется названіе „пашни паханой“.

Такъ, напримѣръ, у помѣщиковъ Орловскаго уѣзда. У Жд. Ив. Деменина было пашни паханой доброй земли 1 четь да перелогу 2 чети, да дикаго поля 20 четьи, сѣна 80 копенъ, а платилъ онъ государевы всякія подати только съ живущаго, съ четвертной пашни, съ 1 чети. Также платятъ его братья. У Док. Кондр. Золотухина было пашни паханой доброй земли 7 четьи да дикаго поля 13 четьи въ полѣ, сѣна 30 копенъ, а платилъ онъ всякія государевы подати только съ живущаго, съ четвертныя пашни, съ 7 четьи.

Также облагаются и монастыри. Вас. Андр. Шильниковъ далъ Троицы-Сергіеву монастырю свою вотчину въ Муромскомъ уѣздѣ; пашни въ ней было 5 четей, лѣсомъ поросло 77 десятинъ, сѣна 220 копенъ, лѣсу не пашеннаго 10 десятинъ, а платили они съ живущаго съ пашни только съ 5 четей.

Также платили и дворцовые крестьяне села Марвина Тверскаго уѣзда. Имъ было дано на выть по 8 десятинъ земли. Въ деревнѣ Вавулино на 3 двора пашни въ полѣ было 2 дес., а перелогу пашни 4 дес., сѣна 10 коп., лѣсу кустарю—1 дес.; живущаго сочтено четь выти, а въ пустѣ—полъ выти. Въ дер. Волково на 5 дворовъ пашни 4 дес. въ полѣ да перелогу 8 дес. въ полѣ, сѣна 40 коп., лѣсу не было, а вмѣсто лѣсу дано имъ перелогу пашенной земли полторы десятины; живущаго сочтено полъ выти, а въ пустѣ выть. Платили только съ живущаго, какъ и всѣ.

Въ концѣ XVI вѣка различіе пашни въ полѣ отъ пашни въ перелогѣ встрѣчается и въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ. Паханая пашня въ полѣ считается въ живущемъ, а въ перелогѣ — въ пустѣ [1]).

Такое противоположеніе пашни въ полѣ пашнѣ въ перелогѣ и въ лѣсу трудно считать исконнымъ. Первоначальная пашня была вся переложная; если бы она не шла въ тягло, тогда ни одного землевладѣльца нельзя было бы и повинностями обложить. Это, конечно, нововведеніе позднѣйшаго времени, нововведеніе Москвы. Надо ду-

---

[1]) Неволинъ о пятинахъ, Приложеніе, стр. 70.

мать, что такое ограничительное понятіе живущаго возникло въ видахъ поощренія хлѣбопашества на новыхъ мѣстахъ. Хлѣбопашество въ деревнѣ, около двора есть, конечно, явленіе первоначальное; хлѣбопашество въ лѣсу, въ дикомъ полѣ—явленіе вторичное; чтобы поощрить такое распространеніе хлѣбопашества на новыя мѣста, оно и не клалось въ тягло. Но существо дѣла этимъ нисколько не измѣняется: облагается только живущее, т. е. воздѣлываемое, хотя и не все, а только паханая пашня въ трехпольномъ постоянномъ хозяйствѣ, а не въ переложномъ, не въ лѣсу, не въ дикомъ полѣ; облагается повинностью „паханая пашня", а не сѣнокосъ. Но вмѣстѣ съ появленіемъ такого ограничительнаго пониманія самый терминъ „жилое или живущее" перестаЛЪ выражать дѣйствительное положеніе дѣла. По старымъ новогородскимъ книгамъ это—жилая деревня, а гдѣ люди пашутъ, въ лѣсу или въ полѣ, переложно или на постоянныхъ мѣстахъ, это было безразлично. По позднѣйшимъ описямъ — живущее только у деревни, а въ дѣйствительности вѣдь и перелогъ живущее, и сѣнокосъ живущее, и пашня въ лѣсу живущее. Терминъ оказался шире дѣйствительнаго своего смысла. Онъ переживаніе, остатокъ старины. Выраженіе „пусто", примѣняемое къ пашнѣ перелогомъ, къ пашнѣ въ лѣсу, къ сѣнокосу, тоже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Это не пустыя мѣста, а жилыя. Это тоже переживаніе [1]).

---

[1]) Счетъ „живущаго" въ указанномъ московскомъ смыслѣ встрѣчается въ очень многихъ уѣздахъ по описямъ, напечатаннымъ Калачовымъ,—въ Московскомъ, Владимірскомъ, Тверскомъ, Тульскомъ, Вяземскомъ, Орловскомъ и друг. Но въ Москвѣ все было такъ разнообразно, что мы не рѣшаемся утверждать, что это былъ единственный порядокъ, не допускавшій исключеній. Отъ XVI вѣка къ намъ дошло нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видно, что по просьбѣ землевладѣльцевъ освободить ихъ отъ платежа повинностей съ земель, опустѣвшихъ вслѣдствіе моровага повѣтрія, освобождались переложныя пашни. Стало быть, онѣ были обложены. Дьяконовъ, Акты тяглаго населенія, II, 21, 21—25; 1574—5. Отъ того же времени имѣемъ указъ царя и великаго князя Ивана Васильевича новогородскимъ дьякамъ, въ которомъ предписывается, описывая живущія и пустыя обжи, писать въ живущее всѣ земли, которыя распаханы, при чемъ не дѣлается никакого различія „паханой пашни" и перелога или пашни въ лѣсу. Д. къ А. И. I, № 94; 1556.

Можно думать, что отнесеніе той или другой пашни въ живущее и въ пусто зависѣло всякій разъ отъ особаго наказа писцамъ. Въ выписи изъ новогородской описи Сумерской волости читаемъ: А по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Росіи грамотѣ, за приписью дьяка Андрея Шипова 132-го году (1624), велѣно *наѣзжія* пашни... положити въ живущія выти... или тѣ выти на оброкъ особно отдать..., какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе, а крестьянамъ не въ тягость" (Неволинъ. Приложеніе 129, 1627). По старымъ новогородскимъ писцо-

Но московскимъ писцовымъ книгамъ извѣстна пустота и въ старомъ новогородскомъ смыслѣ. Въ нихъ встрѣчаются цѣлыя вотчины въ пустѣ, т. е. безъ населенія. Деревни, изъ которыхъ ушли крестьяне, называются пустошами. Кромѣ такихъ оставленныхъ населеніемъ земель, въ рукахъ московскихъ государей состоитъ множество „порожнихъ земель“, которыя никогда не были населены. Правительству не легко было извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу. Служилые люди отказывались отъ нихъ „за пустомъ“ [1]).

Итакъ, только земли распахиваемыя были обложены тягломъ, и то не всѣ. Спрашивается, какое же употребленіе дѣлали изъ пустыхъ деревень и земель? Правительство извлекало изъ нихъ пользу разными путями. Онѣ, во 1-хъ, отдавались желающимъ, но не въ тягло, а на льготу на нѣсколько лѣтъ, на 2, на 3, на 7, съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи льготнаго времени, лица, взявшія земли, несли съ нихъ тягло [2]). Во 2-хъ, мы уже знаемъ, что конфискованныя въ Новгородѣ частныя волости вел. князь Иванъ Васильевичъ предоставлялъ въ прекарное владѣніе крестьянъ. Въ этихъ волостяхъ тоже бывали пустыя деревни. Эти пустыя деревни оставлялись за тѣми же крестьянами *въ то же тягло* съ предоставленіемъ имъ права раздавать пустыя деревни новымъ поселенцамъ и тѣмъ облегчать свое тягло. Въ описи Шелонской пятины читаемъ: „Въ той же волосткѣ (Григорьевской Тучина) пустыя деревни“; идетъ перечисленіе 8 деревень съ показаніемъ, сколько въ нихъ прежде было обежъ. „А не пашетъ, не коситъ тѣхъ деревень никто.—И въ тѣхъ деревняхъ пустыхъ садятъ крестьяне

вымъ книгамъ и пашня наѣздомъ клалась въ обжи и, слѣдовательно, въ тягло (I, 536), а по московкимъ описямъ (Калачовъ I, 68) и, какъ можно заключить изъ приведенной выписки, до 1624 года наѣздъ въ тягло не шолъ; съ этого же года его можно было написать въ тягло, можно было и не писать, обложивъ особымъ оброкомъ. Что такое наѣздъ, объяснено въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 г. № 2 на 324 стр. въ примѣчаніи. Московскіе порядки были весьма разнообразны.

Въ царской грамотѣ въ Великій Устюгъ отъ 1637 года къ воеводѣ и подьячему написано: „И нынѣ де вы правите съ нихъ четвертныхъ денегъ съ засѣвные чети по 40 алт., а не съ живущіе, и имъ де въ тѣхъ деньгахъ окупится не чѣмъ“. Здѣсь засѣвныя чети противополагаются живущимъ, и этимъ объясняется тягость обложенія. Здѣсь живущія чети—не всѣ засѣвныя, а нѣкоторыя только, т. е. слово это принимается въ томъ же ограничительномъ смыслѣ, какъ я во многихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка. Рус. Ист. Библ. XII, ст. 201.

[1]) Писц. кн. XVI в. I, 557, 607, 833; II, 223; А. до Ю. Б. № 135.

[2]) Новог. пис. кн., I, 765; III, 615, 800; IV, 4, 539; Писц. кн. XVI вѣка, II, 1551, 1571.

людей себѣ въ тягль въ тотъ же оброкъ". Совершенно такой же порядокъ наблюдается и сто лѣтъ позднѣе. Въ описи дворцовыхъ крестьянъ села Марьина Тверскаго уѣзда читаемъ: „А на пустыя выти крестьяномъ называти жильцовъ на льготу, отъ отцовъ дѣтей, отъ дядья племянниковъ, а давати льготы года на 2, и на 3, и на 4, посмотря по пустымъ двором и по пашнѣ; а кто будетъ на пустое мѣсто безъ хоромъ и на перелложную землю порядитца, и тѣмъ людемъ давати льготы на 5 и на 6 лѣтъ". Это уже правительственныя распоряженія, созидающія сельскую земельную общину, на что мы имѣли случай указать раньше. Правительственныя распоряженія идутъ, все развиваясь, въ цѣляхъ наибольшаго обезпеченія казеннаго интереса. Въ концѣ XV вѣка пустыя земли предоставляются крестьянамъ въ тотъ же оброкъ безсрочно; въ концѣ XVI-го та же льгота дается уже только на срокъ, а какъ льгота отойдетъ, „тѣмъ крестьяномъ денежной оброкъ и посопный хлѣбъ и мелкій доходъ платити съ своею братіею ровно" [1]). Московская практика была чрезвычайно разнообразна. Случалось, въ 3-хъ, и такъ: пустыя земли сдавались желающимъ на оброкъ безъ всякаго обязательства тягломъ даже и въ будущемъ (Писц. кн. XVI вѣка, I, стол. 437). Итакъ, сельское хозяйство есть одно изъ условій способности къ тяглу; но однѣ земли обложены тягломъ, другія (пустыя) совершенно отъ него свободны и оплачивались оброкомъ, опредѣлявшимся по свободному соглашенію съемщика земли съ правительствомъ; наконецъ, были и такія земли, которыя не несли никакихъ повинностей и состояли во льготѣ, но это всегда временно.

Если пустыя земли тягломъ не облагались, то спрашивается, въ какомъ отношеніи къ тяглу находились земли, опустѣвшія послѣ описи; надо было тянуть съ нихъ тягло или нѣтъ? Вопросъ этотъ разрѣшался различно для земель частно владѣльческихъ и для прекарнаго владѣнія крестьянъ царя и вел. князя, которое, какъ мы уже знаемъ, возникло на земляхъ частью конфискованныхъ московскими государями у частныхъ владѣльцевъ, а частью пріобрѣтенныхъ ими другими способами.

Частные собственники и владѣльцы, земли которыхъ пустѣли за смертью или уходомъ крестьянъ, обыкновенно, обращались съ просьбой объ освобожденіи ихъ отъ платежа „съ пуста". Правительство назначало „обыскъ", въ которомъ принимали участіе и мѣстные „добрые

---

[1]) Новогор. пис. кн., IV, 132; Писц. кн. XVI вѣка, II, 291.

люди", и если прошеніе подтверждалось, пустыя земли выключались изъ тягла, которое надо было брать только съ живущаго [1]). Но эта практика допускала исключенія, когда обстоятельства времени того требовали. Въ 1633 году съ вотчинъ Калязина монастыря приказано было взять даточныхъ людей съ живущаго и съ пуста (А. Э., III № 225). Та же участь постигла въ 1655 г. Троицкій Гледенскій монастырь. Ему велѣно было платить и за пустоту также, „какъ съ черныхъ волостей и деревень учнутъ деньги за пустоту съ живущихъ деревень собирать" (Рус. Ист. Библ., XII, стр. 261, № 59).

Иной порядокъ наблюдался въ земляхъ прекарнаго владѣнія государевыхъ крестьянъ и посадскихъ людей. Мы уже знаемъ, что въ ихъ пользованіе предоставлялись лишнія противъ тягла пустыя деревни и выти въ тотъ же оброкъ, въ то же тягло. Оборотную сторону этой льготы составляло то, что вновь оказавшаяся пустота не уменьшала ихъ тягла. Государевы крестьяне и посадскіе платили тягло и за возникшую пустоту всей волостью, всѣмъ городомъ. Таково первое возникновеніе у насъ круговой отвѣтственности крестьянъ и посадскихъ. Это—правительственное мѣропріятіе, какъ и предоставленіе крестьянамъ пустыхъ земель, можетъ быть, никому не нужныхъ. Первая круговая отвѣтственность установляется не для покрытія недоимокъ неплательщиковъ. Такой поруки еще нѣтъ. Всякій платитъ за себя; цѣлая волость или городъ платитъ только за пустыя деревни [2]).

Есть указаніе въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка, что пустыя выти облагались не полнымъ тягломъ, а особымъ разъ навсегда опредѣленнымъ платежомъ. Въ выпискѣ изъ новогородскихъ писцовыхъ книгъ Сумерской волости написано: „И съ тѣхъ пустыхъ вытей платить крестьяномъ, по *прежнему своему уговору*, съ выти по осминѣ ржи и овса" (Неволинъ, Приложеніе 129, 1622). Любопытно, правительство нашло нужнымъ войти съ крестьянами въ особое соглашеніе о платежѣ съ пустыхъ вытей.

Итакъ, появившаяся послѣ описи пустота въ живущихъ земляхъ не освобождала отъ тягла, но тягло могло быть снято въ случаѣ просьбы и обыска. Для земель же государевыхъ крестьянъ было въ употребленіи покрытіе недоимки разложеніемъ ея на все населеніе волости или города, иногда, съ уменьшеніемъ платежа.

---

[1]) Допол. къ А. И., I № 91, 225; *Дьяконовъ*, Акты тягл. населенія, II №№ 18, 20, 26; Рус. Ист. Библ., II, № 37; 1556—1581.

[2]) *Неволинъ*, О пятинахъ, Приложеніе, 127, 129, 141, 171; А. И., I, 211; А. Э. III 37; 1528—1627.

Сельское хозяйство (живущее), слѣдовательно, а не просто землевладѣніе, есть одно изъ условій тягла. Но вѣдь сельское хозяйство отдѣльныхъ лицъ представляетъ чрезвычайно разнообразную экономическую единицу. И двѣ капли воды не совершенно похожи одна на другую, тѣмъ болѣе разныя сельскія хозяйства. Одно больше, другое меньше; одно имѣетъ угодья: рыбныя ловли, бортные ухожьи, бобровые гоны и т. д., другое никакихъ; одно обставлено хорошимъ хозяйственнымъ инвентаремъ, другое — очень недостаточнымъ; одно ведется съ умѣньемъ, другое находится въ рукахъ безтолковыхъ людей, которые едва кормятся отъ земли. Какъ же опредѣлялась платежная способность разныхъ хозяйствъ? Она опредѣлялась не количествомъ распахиваемой земли (живущаго), а экономическимъ состояніемъ всего хозяйства. Наши памятники съ самаго начала XV вѣка и по конецъ XVII-го даютъ на это совершенно ясныя и опредѣленныя указанія. Одни изъ нихъ выражаются очень коротко, другіе гораздо подробнѣе и хорошо дополняютъ первые; въ цѣломъ получается полная и чрезвычайно выразительная картина.

Въ 1410 году нижегородскій князь пожаловалъ игумена Благовѣщенскаго монастыря съ братіею, освободилъ ихъ отъ всякихъ пошлинъ за исключеніемъ дани, — „а когда придетъ дань (татарская) игуменъ заплатитъ за своихъ... сельскихъ людей по *силѣ*“ (А. Э. I № 17). Выраженіе очень краткое, но, полагаемъ, достаточно ясное. Какая это сила? Конечно, хозяйственная. Совершенно такое же выраженіе находимъ въ завѣщаніи вел. князя московскаго, Василія Дмитріевича: „А тѣ волости и села, говоритъ онъ, что я далъ моей княгинѣ, сынъ мой да моя княгиня, пославъ писцовъ, опишутъ и положатъ на нихъ дань по людемъ, по силѣ“, т.-е. по хозяйственной силѣ людей. Та же мысль и въ завѣщаніи сына Василія Дмитріевича, Василія Темнаго: „А какъ почнутъ дѣти мои, говоритъ онъ, жити по своимъ удѣломъ.... и пошлютъ писцовъ и удѣлы свои опишутъ по крестному цѣлованію да по тому писму и обложатъ по сохамъ и по людямъ“.., т.-е. опишутъ въ каждой сохѣ людей по ихъ силѣ.

Въ жалованныхъ грамотахъ XV вѣка, которыми льготы даются на срокъ, встрѣчаемъ то же выраженіе: „А какъ отсидятъ тѣ люди свои урочныя лѣта, и они потянутъ въ мою дань по силѣ“ [1]).

Отъ конца XV вѣка къ намъ дошли первыя писцовыя книги. Въ нихъ читаемъ: „А вел. князя оброкъ въ той волости всѣхъ боярщинъ

[1]) А. Э. I № 18, 39 и много другихъ.

крестьяномъ, деньги и хлѣбъ, разметывать межъ собя по пашнѣ". Что это значить „по пашнѣ"? Незнакомый съ древностями подумаетъ—по размѣрамъ пахотной земли и ошибется. „По пашнѣ" не по размѣрамъ земли, а смотря по ея достоинствамъ, урожайности и доходности. Въ Новгородѣ слово обжа употреблялось въ двоякомъ смыслѣ, въ смыслѣ мѣры земли и мѣры ея доходности. Одно и то же количество земли по мѣрѣ—по доходности могло быть обложено разно, и въ 2 и 3 и въ 4 обжи. Въ описи Деревской пятины читаемъ: „Въ Демонѣ вел. князя пустошь Шарино, Андреевская Аникеева, писана была четырмя обжами и съ того запустѣла. И нынѣ дана на льготу на 3 года, Ивашкѣ Фурсову. А отсидѣвъ урокъ, тянуть ему съ дву обежъ". Первоначально пашня была обложена слишкомъ высоко; ее пришлось обложить вдвое легче; а количество земли осталось то же. Вотъ что значитъ обложить по пашнѣ [1]). Такой порядокъ тягла не по мѣрѣ земли, а по мѣрѣ ея доходности, конечно, возникъ не въ XV вѣкѣ, а есть порожденіе глубокой старины. Переходъ къ болѣе опредѣленной единицѣ,—точной мѣрѣ земли, а потомъ душѣ ревизской, есть явленіе, сравнительно, позднѣйшаго времени.

Памятники XVI вѣка гораздо полнѣе выражаютъ ту же мысль. Они говорятъ о распредѣленіи повинностей между тяглыми людьми „по ихъ животамъ и промысламъ", т.-е., по состоянію ихъ хозяйственной обстановки и прибыльности ихъ хозяйственной дѣятельности вообще. Въ уставной грамотѣ крестьянамъ Устюжскаго уѣзда, Усецкихъ и Засецкихъ волостей читаемъ: „А собирати имъ тотъ годовой оброкъ... съ волостей по животамъ и промысломъ, какъ иныя тягли межъ себя разводятъ". Особенно любопытны выраженія грамоты удѣльнаго князя Владиміра Андреевича крестьянамъ бобровничей полусохи: „А сбирати имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по пашнямъ, и по животамъ, и по статкамъ, и по промысламъ". Этимъ обнимается вся экономическая сторона хозяйства даже въ его источникахъ. И крестьянское хозяйство имѣетъ свою исторію, крестьяне тоже наслѣдуютъ своимъ отцамъ и дѣдамъ; ихъ платежная способность опредѣляется не ихъ личными только силами, не ихъ трудомъ, но совокупностью всего накопленнаго и ихъ предками состоянія. Но въ XVI вѣкъ перешли и выраженія предшествующаго времени. Каменскаго стана крестьянамъ бобровыхъ деревень предписано кормъ ловчему давать „по пашнѣ: которая де-

[1]) Новогор. писц. кн., II, 502; III, 291.

ревня больше пашнею и угодьемъ и на ту больше корму и поборовъ" [1]). Къ пашнѣ отнесены и угодья.

Та же точка зрѣнія держится и въ теченіе всего XVII вѣка. Крестьянамъ Сумерской волости предписывается верстаться по пашнямъ и по угодьямъ, а крестьянамъ Устьянскихъ волостей—по животамъ и промысламъ, какъ иныя тягла межъ себя разводятъ. Особенно любопытны грамоты конца вѣка о сборѣ стрѣлецкихъ денегъ. Крестьянамъ Кольскаго уѣзда велѣно окладъ стрѣлецкихъ денегъ положить „на дворы, смотря по тяглу и промысламъ, и собирать такъ, чтобы богатые полные люди передъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости не были"; крестьянамъ поморскихъ уѣздовъ предписывается чинить разверстку „по землямъ и угодьямъ", какъ и въ XVI вѣкѣ [2]).

Если землевладѣльцы облагались не по размѣрамъ землевладѣнія, а по хозяйственной своей способности къ тяглу, то было совершенно послѣдовательно признать способными къ тяглу и всѣхъ другихъ хозяйственныхъ людей, которые сельскимъ хозяйствомъ не занимались, а обезпечивали себя какими-либо иными путями, напримѣръ, рыболовствомъ, разными рукодѣліями, торговлей и пр. И всѣ они считались способными къ тяглу и платили повинности. Древнѣйшіе новогородскія писцовыя книги уже описываютъ такихъ промышленныхъ людей. Они разсыпаны по всей новогородской землѣ, это безпашенные люди, такъ называемые позёмщики, позднѣе въ Москвѣ бобыли [3]). Сюда же относятся и жители — городовъ и посадовъ, посадскіе люди, не занимающіеся земледѣліемъ, а живущіе торговлей и всякими промыслами. Они облагаются тягломъ также по мѣрѣ животовъ своихъ и промысловъ. Въ городѣ Веневѣ на посадѣ жили торговые люди, лавки ихъ были обложены оброкомъ, а они должны были „верстатися въ тотъ оброкъ межъ себя по товару и промысламъ". Кто читалъ писцовыя книги, тотъ знаетъ, что такихъ свидѣтельствъ можно привести много. Ограничимся немногимъ. Въ 1614 году великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ переписать на свое имя жалованную уставную грамоту, данную Устюжнѣ-Желѣзопольской еще царемъ Иваномъ. По этой

---

[1]) А. Э. I, №№ 150, 212, 243, 257.

[2]) *Неволинъ*, Прилож. 131; А. Э. III. №№ 126, 213, 250; 1627—1681.

[3]) Мы говорили о нихъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* № 2 за 1901 г.

грамотѣ, заходящей въ два столѣтія, посадскіе желѣзопольскіе должны были разводить всякія повинности „по животамъ, и по промысламъ, и по позему". Поземъ — это наемная плата за землю подъ дворъ. Въ Устюжнѣ были посадскіе, которые жили на наемныхъ мѣстахъ. Ихъ надо было облагать, справляясь и съ тою платою, которую они платили за наемъ земли. А далѣе сдѣлано еще поясненіе: „А у которыхъ у молодчихъ у посадскихъ не будетъ своей собины (т. е. своей земли), а живутъ своими дворы (т. е. своимъ хозяйствомъ на чужой землѣ), и на тѣхъ людей разводить всякіе разметы, смотря по ихъ дворамъ и кто чего стоитъ". Итакъ, одной наемной платы мало для опредѣленія способности къ тяглу, надо еще посмотрѣть, кто чего стоитъ. Это выраженіе переноситъ насъ въ XV вѣкъ, къ приведеннымъ выше завѣщаніямъ московскихъ великихъ князей. Они завѣщали облагать повинностями по людямъ смотря, т. е. тоже, кто чего стоитъ. Характерная непрерывность старины! Пятнадцатый и семнадцатый вѣкъ думаютъ совершенно одинаково. Эта старина доживаетъ до конца XVII вѣка. Въ упомянутыхъ выше грамотахъ о сборѣ стрѣлецкихъ денегъ находимъ такія предписанія посадскимъ людямъ: „И чтобъ тѣхъ городовъ посадскіе люди... чинили межъ себя оклады, смотря по пожиткамъ и по промысламъ..., чтобъ лучшіе и полные люди передъ середнею и меншею статьею людми во лготѣ, а середней и меншой статей люди передъ лучшими и полными людми въ тягости, и ни ктобъ въ избылыхъ не былъ, и чтобы возможно было заплатить всякому человѣку свою долю безъ доимки" [1]).

Какъ земли только живущія несутъ тягло, такъ и дворы только живущіе. Въ описи Корелы конца XV в. пустые дворы въ тягло не положены. Съ Вычегодскіе Соли съ посаду оброкъ велѣно брать только съ живущихъ дворовъ. То же и въ XVII вѣкѣ. По государеву указу въ Нижнемъ посадскихъ людей велѣно положить въ сошное письмо въ живущее [2]).

Итакъ, способны къ тяглу всѣ домохозяева, имѣющіе какое-либо приносящее прибыль занятіе: это будутъ земледѣльцы, торговцы и всякіе промышленники. Нашей древности еще чужда мысль, что обложенію подлежитъ только чистый доходъ; но что облагаются не души людскія, а состоянія, это всѣмъ извѣстно и составляетъ

[1]) Писц. кн. XVI в. II 1541; А. Э. I № 234; III № 37; IV № 213, 250; А. Ю. № 229. Съ 1552 по 1681 г.

[2]) Временникъ XII, 6; А. Э. I № 221 и 343; Писцов. кн. XVI в. I 630; Рус. Ист. Библ. XVII, 192.

повсемѣстную практику. Совершенно ясное и полное выраженіе они получили въ документѣ, дошедшемъ до насъ отъ первой половины XV вѣка. Великому князю московскому пришлось платить татарскую дань (около 1437 г.). Въ этой дани должны были принять участіе и новгородскія волости, поэтому оказалось нужнымъ выяснить, кто подлежитъ тамъ дани. Единицей обложенія въ Новгородѣ была соха; на кого же падаетъ сошная дань, кто и что составляетъ соху, какъ платежную единицу? „А въ соху, говоритъ составленная по этому поводу грамота, два коня да третья припряжь, да тшанъ кожевничій за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшцы за соху, лодья за двѣ сохи, црѣнъ за двѣ сохи". Что это за перечисленіе? Новогородцы говорятъ о вещахъ, имъ хорошо извѣстныхъ, а потому выражаются очень коротко; но намъ ихъ хозяйственный бытъ мало извѣстенъ, а потому въ ихъ грамотѣ для насъ есть и непонятное. Что это за чаны, невода, лавки, плуги, црѣны? Думаемъ, что это метафорическія выраженія, которыми обозначаются цѣлыя хозяйства или промыслы отдѣльныхъ лицъ. Это кожевенное хозяйство, рыболовное, торговое, соляное. Каждый такой хозяинъ и составляетъ то одну, то двѣ платежныхъ единицы. Это все люди состоятельные. Впереди всѣхъ поставлены два коня и третій—припряжь. Человѣкъ, обладающій тремя конями,—конечно, богатый человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни занимался; онъ составляетъ цѣлую платежную единицу, какъ и тотъ, кто имѣетъ свою собственную лавку, рыбный или кузнечный промыселъ, кожевенное производство. Это все ясно.—Но торговый человѣкъ, имѣющій лавку, можетъ еще имѣть коня, и двухъ, и даже трехъ; какъ онъ облагался? Можно думать, что онъ облагался и по лавкѣ и по конямъ. А что такое плугъ? Этого грамота не опредѣляетъ [1]). Что такое третья припряжь? Это также неясно. Нѣтъ ли тутъ указанія на старинный способъ передвиженія по натуральнымъ дорогамъ? Два коня везутъ, а третій берется въ запасъ; онъ припрегается, когда окажется нуж-

[1]) Въ новѣйшихъ спискахъ Русской Правды есть такая статья: „А въ солѣ сѣяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовскихъ". Карамз. 58. По этой статьѣ плугъ есть пространство земли, на которое высѣвается 8 ростовскихъ кадей. Если считать кадь равною двумъ новогородскимъ коробьямъ, а коробью равною двумъ четвертямъ, то плугъ будетъ равняться 32 четвертямъ сѣва или 32 четямъ земельной мѣры, т. е. 16 десятинамъ въ полѣ, а въ трехъ — 48-и; соха же будетъ равняться 16 четямъ. Эта величина новогородской сохи не сходится съ той, которая была опредѣлена для нея въ концѣ XVI вѣка. Она почти вдвое менѣе этой послѣдней.

нымъ. Что такое четыре пѣшца? Объ нихъ мы скажемъ ниже.—Все неясное, однако, нисколько не подрываетъ общаго вывода: тягло несутъ состоятельные хозяева; новогородская грамота даетъ внѣшніе признаки этой состоятельности: три коня, лавка, лодка, неводъ и пр.

Уловить признаки состоятельности отдѣльныхъ хозяйствъ и способности ихъ къ несенію государственныхъ повинностей и для нашего времени дѣло чрезвычайно трудное; несмотря на всю помощь, какую можетъ оказать наука практикѣ, современныя законодательства на всякомъ почти шагу дѣлаютъ гибельныя ошибки. Какъ же рѣшала этотъ роковой вопросъ древность? Въ разное время очень различно.

Въ 1478 году, когда великій князь Иванъ Васильевичъ заключалъ свой послѣдній договоръ съ новогородцами, новогородцы предложили ему платить дань съ сохи по полугривнѣ и 7 денегъ. Великій князь велѣлъ у нихъ спросить: что такое ихъ сохи? И они сказали: „Три обжи соха, а обжа — одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ, а кто на трехъ лошадяхъ и самъ третей оретъ, ино то соха". Это опредѣленіе на первый взглядъ не совпадаетъ съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ 1437 года. Оно касается только сельскихъ сохъ и о плугѣ не говоритъ ни слова. Не слѣдуетъ-ли отсюда заключить, что и въ Новгородѣ сельская, по крайней мѣрѣ, единица обложенія въ предѣлахъ одного и того же XV вѣка опредѣлялась разно?

Но что же это такое: „обжа—одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ"? Встрѣчающіяся въ нашей литературѣ остроумныя и весьма тонкія толкованія этого мѣста лѣтописи очень затемнили его смыслъ. Говорятъ, „это единица труда одного коннаго рабочаго". Какая же единица? Вѣдь одинъ конный рабочій можетъ сработать и много и мало, смотря по тому, какъ долго будетъ работать. Если мы говоримъ о единицѣ работы въ какомъ-либо трудѣ, то должны опредѣлить время работы, иначе это будетъ не „единица", а „множица" труда, которою ничего нельзя измѣрить. Несмотря на эту полную непригодность единицы неопредѣленнаго труда для измѣренія сохи, ей очень посчастливилось въ нашей литературѣ. Другіе ученые, вполнѣ присоединяясь къ этому понятію трудовой сохи, нѣсколько дополняютъ его и говорятъ: „Новогородская обжа, выраженная въ единицахъ труда, равнялась участку, обрабатываемому однимъ человѣкомъ на одной лошади". Такъ какъ моментъ времени въ соображеніе опять не принимается, то снова получается нѣчто совершенно неопредѣленное. Участокъ, обрабатываемый однимъ и тѣмъ же человѣкомъ и на одной и той же лошади, но въ теченіе разнаго времени, будетъ разный:

въ день онъ вспашетъ десятину, а въ недѣлю—шесть. Какъ же такую неопредѣленную величину положить въ основаніе обложенія? Что почтенные ученые, мнѣнія которыхъ мы привели, ничего не говорятъ о времени труда, это объясняется тѣмъ, что и въ самомъ памятникѣ ничего не говорится о времени: пашетъ одинъ человѣкъ на одной лошади да и только [1]). Что же это значитъ, что одинъ человѣкъ пашетъ на одной лошади и это составляетъ обжу, единицу платежа, треть сохи?

Очень немного времени спустя послѣ приведеннаго отвѣта новогородцевъ на вопросъ Ивана Васильевича о томъ, что такое новогородская соха, приступили, по повелѣнію великаго князя, къ описи новогородскихъ имѣній. Эта опись дѣлалась по новогородскому счету— три обжи на соху. Въ описи (второй, которая дошла до насъ) постоянно указывается, сколько гдѣ дворовъ, обежъ и какой посѣвъ. Это описаніе, надо думать, дѣлается согласно данному новогородцами опредѣленію того, что такое есть соха и обжа. Въ этомъ описаніи мы и должны искать объясненія сохи и обжи. По новогородскимъ писцовымъ книгамъ соха и обжа не стоятъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ количеству посѣва. На одну обжу высѣваютъ хлѣба 1 коробью, 2, 3, 4, и даже 5 и 8 [2]). О мѣрѣ труда землепашца, конечно, свидѣтельствуетъ количество обрабатываемой въ годъ земли и высѣваемаго и собираемаго хлѣба. Описи указываютъ это количество; оно не стоитъ ни въ какомъ отношеніи съ числомъ обежъ. Можно высѣять хлѣба вдвое, втрое, вчетверо и даже впятеро больше — и все-таки будетъ одна обжа. Что же такое обжа? Ясно, что это не единица труда и не участокъ обрабатываемой земли, ибо нельзя на одинъ и тотъ же участокъ высѣять и 1 коробью и 8-мъ. Что же такое обжа? Это, какъ сказано въ лѣтописи, одинъ человѣкъ пашетъ на одной лошади, т. е. одно-конный хозяинъ и ничего больше! Это чрезвычайно просто и чрезвычайно удобно для обложенія. Всѣ хозяйства съ одной лошадью, сколько бы земли они ни обрабатывали,—составляютъ обжу. Здѣсь обложенъ не трудъ, а

---

[1]) Разныя мнѣнія о сохѣ и обжѣ приведены у г. Милюкова, Спорные вопросы, стр. 35 и сл. и у г. Дьяконова, Разборъ спорныхъ вопросовъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1893 г. № 7.

[2]) Для 5 и 8 см. Нов. пис. кн. III ст. 213 и 333, другія цифры почти на каждой страницѣ. Г. В. Владиславлевъ полагаетъ, что на разные размѣры обжи вліяли инвентарныя особенности каждаго хозяйства, количество рабочаго скота, его положеніе при проѣзжей дорогѣ, судоходной рѣкѣ, качество почвы и пр. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1892 г., № 8.

накопленное имущество, признакомъ котораго берется конь. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ постоянно встрѣчаются деревни съ однимъ дворомъ положенныя въ одну обжу, хотя посѣвъ разный; это все одноконныя хозяйства. Но встрѣчаются и деревни при одномъ крестьянскомъ дворѣ, положенныя въ три обжи. Это одинъ богатый хозяинъ, имѣющій три лошади; его участокъ составляетъ цѣлую соху, но высѣваетъ онъ меньше, чѣмъ тѣ два двора съ 8 коробьями посѣва, на которые мы указали выше и которые были положены въ одну обжу; онъ высѣваетъ только 7 коробей, но у него 3 лошади и, конечно, онъ богаче; у него могутъ быть и отъѣзжіе промыслы [1]).

Этимъ легко объясняются выраженія описи, которыхъ мы коснулись выше: положенъ въ три обжи, а земли у него всего на одну обжу. Положенъ въ три обжи по числу лошадей, но земленашествомъ занимался мало и почему-то обѣднѣлъ. Въ одномъ случаѣ обжа означаетъ платежную способность, въ другомъ мѣру земли, о чемъ рѣчь будетъ послѣ.

Опредѣленія грамоты 1437 года и лѣтописи 1478 года, весьма различныя по полнотѣ, по существу сходятся. И тутъ и тамъ — коневодство принято указателемъ благосостоянія, и тутъ и тамъ 3 лошади составляютъ максимальную единицу обложенія—соху. Въ грамотѣ не говорится о томъ, что лошади пашутъ; въ лѣтописи, наоборотъ, говорится, что на всѣхъ трехъ — пашутъ. Но лошади грамоты, конечно, тоже употреблялись и на пашню; а съ другой стороны лошади лѣтописи не всѣ непремѣнно пахали. Хозяинъ, у котораго посѣвъ былъ небольшой, занималъ своихъ лошадей пашнею гораздо менѣе, чѣмъ тотъ, у котораго посѣвъ былъ втрое и вчетверо больше; у него могли быть другія занятія: извозъ и проч.

Возвращаемся къ „пѣшцамъ" грамоты 1437 года. Четыре пѣшца тоже дѣлаютъ цѣлую соху, какъ и 3 коня. Что это за пѣшцы? Объясненіе имъ находимъ въ грамотѣ митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю. Крестьяне Константиновскаго монастыря въ октябрѣ 1391 года жаловались митрополиту на своего игумена, что онъ наряжаетъ ихъ на работы не по *пошлинѣ* и беретъ съ нихъ такія *пошлины* (здѣсь пошлина въ первомъ случаѣ означаетъ обычай, во второмъ — повинность), какихъ прежніе настоятели не брали. Митрополитъ нарядилъ разслѣдованіе. По разслѣдованію оказалось, что „большіе люди" изъ монастырскихъ селъ церковь наряжаютъ,

---

[1]) Новог. писц. кн. I ст. 63 опись Щилова монастыря.

хоромы ставятъ, игумновъ жребій земли пашутъ, сѣятъ, косятъ и т. д.; а „пѣшеходцы“ изъ селъ рожь молотятъ, пиво варятъ, невода плетутъ и т. д. И тѣ и другіе на праздникъ даютъ яловицу и т. д. На основаніи этой грамоты надо думать, что большіе люди и пѣшеходцы — одинаково крестьяне, домохозяева. Но большіе люди — богачи, имѣющіе лошадей; пѣшеходцы—лошадей не имѣютъ; они поэтому маленькіе люди. По грамотѣ 1437 года четыре такихъ хозяйства равняются одному хозяйству большаго человѣка, имѣющаго трехъ лошадей. Были, значитъ, и въ старину крестьяне безлошадные. Они могли обработывать свои земли наемными лошадьми; а можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ ограничивались очень небольшими участками, которые обработывали въ ручную.

Писцовыя книги не даютъ по этому предмету ясныхъ указаній. Необходимо допустить, что и въ деревняхъ, описанныхъ въ концѣ XV вѣка, были безлошадные хозяева. Это слѣдуетъ изъ того, что иногда два двора полагаются въ одну обжу, три — въ двѣ и т. д. Это, сравнительно, очень рѣдкіе случаи, но все же встрѣчаются. При нашей гипотезѣ о томъ, что такое обжа, они указываютъ на то, что есть безлошадные дворы, которые и даютъ указанный излишекъ числа дворовъ противъ числа обежъ. Въ такихъ случаяхъ встрѣчаемъ и дробное счисленіе числа обежъ, напримѣръ: дворовъ 2, высѣваютъ коробей — 6, обежъ $1^1/_2$. При четырехъ пѣшцахъ на соху, грамоты 1437 года, дѣйствительно должны получаться дробныя части обжи; но что должна означать въ приведенномъ случаѣ половина обжи, а въ другихъ подобныхъ — одна обжа на два двора, двѣ на три и т. д., это не ясно. Намъ неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находятся отдѣльные дворы деревни одинъ къ другому. Въ главѣ о деревнѣ я высказалъ догадку, что они могутъ быть, въ большинствѣ случаевъ, населены родственниками, а иногда товарищами по арендѣ земли. Какъ родственныя, такъ и товарищескія отношенія могутъ вести къ чрезвычайно разнообразнымъ хозяйственнымъ комбинаціямъ между дворами. Эти разныя комбинаціи и разное экономическое состояніе дворовъ, при чемъ лишній дворъ могъ быть только что выдѣлившимся и еще не оперившимся, и могли быть причиной того, что лишній дворъ то вовсе не считается, то считается только въ половину обжи.

Мы не разъ указывали на значительную устойчивость нашихъ древнихъ порядковъ. Здѣсь, наоборотъ, приходится наблюдать довольно быструю ихъ смѣну. Опись конца XV вѣка ничего не знаетъ

о плугѣ и 4 пѣшцахъ, а въ 1437 году они должны были имѣть большое практическое значеніе при описи. Но это, конечно, частность и довольно мелкая и очень условная. Долго живутъ коренные порядки, а не мелочи.

Итакъ, тяглоспособность каждаго отдѣльнаго хозяина опредѣлялась въ Новгородѣ нѣкоторыми внѣшними признаками; въ области сельскаго хозяйства—числомъ лошадей.

При этомъ порядкѣ единица обложенія въ Новгородѣ очень близко подходила къ единицѣ платежа, а иногда и совершенно совпадала съ нею. Единицей обложенія была обжа и соха, состоявшая изъ трехъ обежъ; а это — очень небольшія величины. Въ новогородскихъ волостяхъ было очень много деревень въ одинъ дворъ, положенныхъ въ одну обжу, и въ два двора, положенныхъ въ двѣ обжи. Такимъ образомъ, каждое отдѣльное хозяйство составляло и окладную и платежную единицу. То же самое можно наблюдать и въ деревняхъ со многими дворами. Напримѣръ, деревня въ 5 дворовъ положена въ 6 обежъ. Это указываетъ на 4 хозяйства съ одной лошадью и одно съ двумя, и опять каждое изъ этихъ четырехъ хозяйствъ въ одно и то же время и окладная и платежная единица.

Всѣ внѣшніе признаки хозяйственнаго благосостоянія имѣютъ только относительное значеніе: они могутъ держаться нѣкоторое время и при упадкѣ хозяйства. Число лошадей въ сельскомъ быту, особенно первоначальномъ, имѣетъ великое значеніе и, конечно, можетъ служить показателемъ его благосостоянія. Но въ рукахъ плохого хозяина и многолошадное хозяйство легко пойдетъ на убыль. Точно также лодка, неводъ, чанъ и црѣнъ не всегда свидѣтельствуютъ объ одинаковомъ уровнѣ благосостоянія, чтобы обусловливать совершенно равное обложеніе. Вотъ почему новогородскіе порядки нельзя считать за общіе всей нашей древности, и вотъ чѣмъ могутъ объясняться ихъ колебанія. Въ Москвѣ наблюдается иной порядокъ вещей и не одинъ, а, по крайней мѣрѣ, два разныхъ порядка, если не болѣе. Возникли они не единовременно; одинъ гораздо старѣе другого; но новый не вытѣснилъ стараго, а оба дожили до самаго конца XVII вѣка.

Въ распоряженіяхъ московскаго правительства о раскладкѣ повинностей на отдѣльныхъ домохозяевъ, которыя надо считать наиболѣе ранними по происхожденію, не встрѣчается никакихъ указаній на внѣшніе признаки ихъ благосостоянія. Правительство ограничивается требованіемъ, чтобы государевы крестьяне и посадскіе платили, по людямъ

смотря, по ихъ животамъ и промысламъ, по торговлѣ, по статкамъ, по тому, кто чего стоитъ. Благосостояніе плательщиковъ не опредѣляется никакимъ внѣшнимъ признакомъ, распредѣляющимъ ихъ въ нѣкоторыя группы, равно способныя къ платежу, какъ въ Новгородѣ. Въ Москвѣ мы имѣемъ дѣло не съ группами равноспособныхъ плательщиковъ, а съ отдѣльными плательщиками, которыхъ способность къ платежу индивидуальна. Это совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію налогоспособности. Хозяйственное благосостояніе человѣка до крайности различно и можетъ быть подведено подъ нѣкоторыя общія группы только съ нарушеніемъ этой индивидуальности, слѣдовательно, съ учиненіемъ нѣкоторой несправедливости.

Какъ же достигалось въ Москвѣ выясненіе и опредѣленіе этой индивидуальной способности къ тяглу? Правительство предписывало плательщикамъ самимъ распредѣлять между собою тягло,—по людямъ смотря и т. д. Для этого они должны были выбирать изъ своей среды заслуживающихъ уваженія и знающихъ людей, которые, помолившись Богу и принеся присягу въ томъ, что будутъ дѣйствовать по чистой совѣсти, никого не обижая, должны были произвести раскладку тягла. Это и будутъ излюбленные судьи, сотскіе, старосты и проч.; всѣ они цѣловальники, ибо крестъ цѣлуютъ.

Кажется, и выдумать нельзя порядка обложенія болѣе совершеннаго. Но гдѣ люди, тамъ и неправда; а потому Писаніе и говоритъ: Проклятъ всякъ, надѣющійся на человѣка! Случалось, что выборные люди, эти излюбленные, передъ крестомъ обѣщавшіе дѣйствовать въ правду, облагали плательщиковъ не по животамъ и промысламъ, а однихъ легче, другихъ тяжелѣе. Это вело къ ссорамъ и жалобамъ. Правительство угрожало такимъ излюбленнымъ окладчикамъ наказаніями и предписывало: „другу не дружить, недругу не мстить и лишки ни на чьи дворы не прибавливати ни которыми дѣлы“ [1]).

Но прежде, чѣмъ идти далѣе, считаемъ необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ выраженіяхъ нашихъ памятниковъ по разсматриваемому вопросу, которыя могутъ повести къ недоразумѣніямъ. Въ памятникахъ нерѣдко указывается, сколько именно плательщикъ долженъ платить съ небольшой окладной единицы, напримѣръ, съ двора, съ выти. Шенкурскимъ посадскимъ людямъ предписывается давать за намѣстничь кормъ и проч. оброку 1500 рублевъ на годъ съ двора по 18 алтынъ;

---

[1]) А. Э. I № 242, 243, 343; III № 37; IV № 6; 1555—1646.

а далѣе прибавлено: „а разводить шенкурцамъ, посадскимъ людямъ, межъ собя самимъ, по животомъ и промысломъ". Здѣсь дворъ окладная, а не платежная единица. Посадскіе люди должны платить изъ 1500 р., положенныхъ на весь округъ, по разсчету на каждый дворъ по 18 алт.; но отдѣльные домохозяева платятъ не поровну, не непремѣнно по 18 алт., а по раскладкѣ выборными, кому что придется по животамъ и промысламъ. Точно также посадскіе города Венева должны платить съ лавки по гривнѣ, а съ полки по 10 денегъ на годъ, „а верстатися имъ въ томъ оброкѣ межъ себя по товару и промыслу". Здѣсь также дворъ и лавка только окладная единица, а платежная опредѣляется внутреннимъ верстаніемъ. Въ Тверскомъ уѣздѣ, въ селѣ Щербининѣ есть Скоморошья слободка, въ которой было нѣсколько дворовъ скомороховъ; и скоморохи и другіе сельчане сидѣли на пашнѣ. Все населеніе слободы должно было платить по гривнѣ съ двора: „а верстатися имъ межъ себя.... по животомъ и промысломъ". Мы уже знаемъ, что стрѣлецкія деньги въ концѣ вѣка взимаются, смотря по животамъ и промысламъ, по землямъ и по угодьямъ. Но къ грамотамъ о сборѣ этихъ денегъ прилагается „окладъ, что съ котораго города и уѣзда на дворъ положено". Напримѣръ: „Ярославль—2296 дворовъ, по 2 р., денегъ 4592 рубля. Вологда — 1220 дворовъ, по 1 р. 20 алт. 2 ден., денегъ 2074 рубли 13 алтынъ", и т. д. Это вовсе не значитъ, что каждый дворъ въ Ярославлѣ платить по 2 р., а въ Вологдѣ по 1 р. 23 алт. по 2 ден. Это окладъ, а платежъ — по животамъ и промысламъ, какъ сказано въ текстѣ грамоты. Съ этимъ разъясненіемъ многочисленныя предписанія московскаго правительства о раскладкѣ плательщиками „межъ себя" повинностей особыми выборными по животамъ и промысламъ, по статкамъ, по людямъ смотря и пр. не возбуждаютъ никакихъ недоразумѣній. Этотъ порядокъ стоитъ въ тѣсной связи съ размѣрами окладной единицы. Московскія сохи очень ушли отъ новгородскихъ, онѣ простираются на сотни десятинъ и обнимаютъ множество отдѣльныхъ хозяйствъ, цѣлыя сотни дворовъ. Правительство опредѣляло свои сборы на цѣлую соху, въ обложеніе же отдѣльныхъ хозяйствъ не входило. Это было предоставлено самимъ плательщикамъ.

До насъ дошла чрезвычайно интересная по своимъ подробностямъ опись Нижняго-Новгорода 1621—1629 годовъ. Въ ней не только перечислены всѣ нижегородскіе дворы, лавки, амбары и пр. и приведено сошное обложеніе, что есть во всѣхъ описяхъ, но указано, сколько долженъ платить каждый дворъ, въ какомъ окладѣ состоитъ онъ

въ тяглѣ. Это опредѣленіе податной тягости каждаго двора сдѣлано „по мирскому окладу". Чтобы узнать этотъ окладъ, государевы писцы, Д. В. Лодыгинъ, В. Я. Полтевъ и дьякъ Д. Образцовъ, пригласили старостъ посадскихъ съ товарищами и выборныхъ лучшихъ людей и старожильцевъ, которыхъ и разспрашивали, по крестному цѣлованью, „кто каковъ животомъ и промысломъ, и кто съ чего, по ихъ мирскому окладу, обложенъ въ тяглѣ". Итакъ, въ Нижнемъ обложеніе уже сдѣлано, всѣ дворы, лавки и пр. по мирскому приговору уже расцѣнены, и каждый хозяинъ знаетъ, что ему надо будетъ платить, если придетъ сошная дань или другой какой сборъ. Это старина. Но въ XVII вѣкѣ къ ней примѣшивается новизна. Старина возникла, когда княжеская власть была очень еще слаба. Но въ XVI вѣкѣ она достигла необычайной высоты, а въ XVII окончательно объединилась. Это всѣ должны были чувствовать, а всего болѣе—исполнители указовъ государя, царя и великаго князя. Они это чувствовали и къ старинѣ привносили новизну. Въ описи, изъ которой мы заимствовали все сказанное, есть и такое мѣсто: „А которые торговые и всякіе люди.... въ государеву казну платили по не велику, и на тѣхъ людей сверхъ тѣхъ оброковъ прибавлено по разсмотру и по допросу выборныхъ людей". Принципъ остается тотъ же, люди облагаются по животамъ и промысламъ; но государевы писцы дѣлаютъ поправки къ мирскому обложенію, однако, не произвольно, а согласно показанію выборныхъ. Такое соединеніе выборнаго и приказнаго начала впервые появилось не въ XVII вѣкѣ, на него есть указанія и въ XVI.—Въ нижегородской описи есть и другая новость. Документы прежняго времени говорятъ о раскладкѣ выборными людьми, здѣсь же рѣчь идетъ о мирскомъ приговорѣ, т.-е. о раскладкѣ цѣлымъ міромъ. Когда весь міръ сталъ дѣлать раскладку, объ этомъ не встрѣтили указаній.

Такое индивидуальное опредѣленіе тяглой способности каждаго плательщика должно было сказаться очень разнымъ обложеніемъ отдѣльныхъ дворовъ. И дѣйствительно, въ Нижнемъ отдѣльные дворы платили очень различно. Одни были положены въ тягло съ 10 алтынъ, (такихъ одинъ дворъ), другіе съ 5 (тоже одинъ), съ 3 (такихъ два двора) и т. д.; болѣе бѣдные—съ 7 денегъ, съ 6, съ 3-хъ, съ одной (такихъ 346 дворовъ), съ полушки (275 дворовъ) [1]). Такимъ образомъ, богатые дворы противъ бѣдныхъ платили въ 60 разъ болѣе и даже въ 120. Въ итогѣ подведено, сколько всѣхъ дворовъ и сколько

[1]) Алтынъ=6 деньгамъ, рубль=200.

они должны платить по каждому сбору. Всѣхъ дворовъ въ Нижнемъ было 862, а платить они должны были въ каждое тягло по 6 р. 5 денегъ (итоги подведены не совсѣмъ вѣрно, но это неважно). На слѣдующемъ примѣрѣ будетъ ясно, какъ это дѣлалось. Нижегородцы должны были платить государевыхъ податей съ сохи: ямщикамъ на прогоны по 10 р., полоняночныхъ денегъ по 2 р., итого въ эти два тягла 12 р. съ сохи, а въ Нижнемъ считалось 3 сохи съ половиной (по сошному письму 1624 года), слѣдовательно, всего надо было платить 42 р. Если произвести со всѣхъ дворовъ одинъ сборъ по вышеприведенному обложенію (съ однихъ по 10 ал., съ другихъ по 5, по 4 и т. д.), получится 6 р. 5 ден.; чтобы покрыть указанный налогъ, надо повторить этотъ сборъ 7 разъ, тогда получится 42 р. 30 денегъ, на 30 ден. болѣе того, что нужно. При этомъ обложенный 10 алтынами заплотитъ 2 р. 3 алт. 2 ден., а обложенные деньгою—только по 7 денегъ, т. е. въ 60 разъ меньше, обложенные полушкой —3½ деньги, въ 120 разъ меньше. Мы взяли простѣйшій примѣръ изъ данныхъ той же описи (ст. 191), и все же получился нѣкоторый излишекъ, который возвратить плательщикамъ по мѣрѣ произведенныхъ платежей представляетъ чрезвычайно хитрую, но нестоющую труда задачу. Какъ распоряжались такими всегда возможными излишками, мы не знаемъ. Можно думать, что они обращались въ запасъ для покрытія недоборовъ, которые тоже легко могли оказаться при сборахъ.

Указаннымъ способомъ легко можно вычислить, сколько каждый плательщикъ долженъ былъ платить всѣхъ податей. Опись 1621—29 годовъ приводитъ счетъ отдѣльныхъ податей и ихъ итогъ въ томъ размѣрѣ, какъ онѣ собирались до московскаго разоренія и послѣ разоренія. Мы получимъ, такимъ образомъ, понятіе о возрастаніи податей, причиненномъ разореніемъ. До разоренія нижегородцы должны были платить съ 3½ сохъ 165 р. 32 алт. Чтобы получить эту сумму, тягловой сборъ со всѣхъ плательщиковъ—въ 6 р. 5 ден. надо повторить 27 разъ съ половиною, при этомъ плательщики одной деньги заплотятъ по 27½ денегъ, плательщики по 6 алтынъ заплотятъ въ 60 разъ больше—по 8 р. 7 алт. 8 ден. Послѣ разоренія повинности нижегородцевъ весьма возросли: кромѣ 165 рублей, они должны были платить еще 1638 съ тѣхъ же 3½ сохъ. Эта сумма получится, если тягловую цифру (6 р.) мы помножимъ на 273. При этомъ плательщикъ, обложенный одной деньгой,—уплатитъ 1 р. 12 алт., а съ прежними немного болѣе 1 р. 13 алт., плательщикъ, обложенный 6 алты-

нами, уплатить—безъ малаго 82 р., а съ прежними 84 р. 3 алт. Въ 1627 году Нижній-Новгородъ былъ положенъ въ 4 и $^{7}/_{24}$ сохи и приведенное обложеніе еще увеличилось.

Возростаніе сошныхъ доходовъ съ Нижняго представляется въ слѣдующемъ видѣ. До разоренія Нижній платилъ — 165 руб. деньгами, не считая натуральныхъ повинностей и хлѣбныхъ запасовъ стрѣльцамъ на жалованье. Послѣ разоренія къ этому платежу прибавили на государево жалованье и на подмогу ямскимъ охотникамъ съ сохи по 468 р., итого съ прежними получилось 1803 р. Въ 1627 году этотъ окладъ брали не съ $3^{1}/_{2}$ сохъ, а съ $4^{7}/_{24}$, а это составитъ—2.210 р. 30 алт., не считая натуральныхъ повинностей и хлѣбныхъ запасовъ. Повинности Нижняго въ первой четверти XVII вѣка увеличились, такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ въ 13 разъ [1]).

[1]) Опись Нижняго-Новгорода напечатана въ Рус. Ист. Библ. т. XVII подъ редакціей члена Арх. комиссіи, А. С. Лаппо-Данилевскаго. Почтенный редакторъ нашелъ нужнымъ во введеніи высказать свое мнѣніе по поводу обложенія нижегородскихъ посадскихъ людей разнымъ количествомъ денегъ. „Такимъ образомъ, говоритъ онъ, описаніе 1621—29 года даетъ понятіе о платежной силѣ каждаго лица, налогоспособность котораго признана правительствомъ, при чемъ выражаетъ эту силу въ единицахъ „денежнаго счета", вѣроятно, соотвѣтствовавшихъ дробнымъ дѣленіямъ сошнаго письма". Въ примѣчаніи къ этому мѣсту читаемъ: „По сравненіи съ количествомъ плательщиковъ и общими размѣрами тягла такою величиною, равною суммѣ единицъ денежнаго счета, въ Нижнемъ оказалось 6 р. 5 ден.; количествомъ дробныхъ долей этой суммы, съ котораго данное лицо тянуло тягло, опредѣлялась его платежная сила. Размѣръ самого оклада окладчикамъ всегда легко вычислить, зная какой постоянной величинѣ приравнена была каждая изъ такихъ долей. Напримѣръ, съ деньги нижегородцы въ 1670-хъ годахъ должны были платить одно время 26, другое—40 рублей. (Доп. къ А. И. X 23). Въ такомъ случаѣ какой-нибудь посадскій человѣкъ, Трофимка, состоявшій въ тяглѣ съ деньги (стол. 82), платилъ бы 26 или 40 р. тягла" XXIV — XXV. Нельзя сказать, чтобы это толкованіе свидѣтельствовало о ясности мыслей автора. То, что напечатано въ текстѣ, есть только повтореніе того, что авторомъ подробнѣе говорится въ его организаціи прямого обложенія. Этого подробнаго изложенія мы тоже не могли понять до тѣхъ поръ, пока г. П. Милюковъ въ своихъ спорныхъ вопросахъ не разъяснилъ, въ чемъ тутъ дѣло. Дѣло въ томъ, что почтенный авторъ смѣшалъ денежный счетъ книгъ сошнаго письма съ разложеніемъ тягла по отдѣльнымъ дворамъ, производимаго тоже въ денежныхъ единицахъ, и одновременно хотѣлъ объяснить и то и другое. Поэтому „изложеніе, говоритъ г. П. Милюковъ, вышло у автора нѣсколько сбивчиво". Даже очень сбивчиво. Это смѣшеніе возобновляется и во введеніи, гдѣ налогоспособность каждаго лица авторъ объясняетъ „единицами дробнаго дѣленія сошнаго письма", тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго. Въ примѣчаніи намъ понятенъ только конецъ и только благодаря этому понятному концу мы и остановились на мнѣніи г. Лаппо-Данилевскаго. Если съ деньги надо платить 26 или 40 рублей, то какой-нибудь Трофимка, состоявшій въ

Этотъ порядокъ вещей продолжается до конца XVII вѣка. Въ 1681 году въ Олонецкомъ посадѣ и уѣздѣ считалось посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ 9.784; на нихъ было положено стрѣлецкихъ денегъ за всякіе прежніе доходы 6.081 р. 29 алт. и 5½ ден.; а раскладка этихъ денегъ по домохозяевамъ должна была производиться выборными лучшими людьми по животамъ и промысламъ, по землямъ и угодьямъ (А. Э. IV. № 250).

Мы указали уже, что такое индивидуальное обложеніе вело къ несправедливостямъ и ссорамъ, а потому рядомъ съ нимъ возникаетъ и другое—по внѣшнему признаку. Такимъ внѣшнимъ признакомъ принимается количество жилыхъ четвертей пашни, т. е. количество обрабатываемой земли съ тѣми ограниченіями, на которыя было указано выше. Когда именно появляется такое опредѣленіе налогоспособности, этого, за отсутствіемъ писцовыхъ книгъ первой половины XVI вѣка, съ точностью сказать нельзя; но въ книгахъ конца этого вѣка оно встрѣчается уже очень часто[1]). Въ описяхъ вотчинныхъ и помѣщичьихъ земель въ уѣздахъ Коломенскомъ, Медынскомъ, Орловскомъ и др. встрѣчаемъ знакомое уже

тяглѣ, съ деньги долженъ платить—26 или 40 рублей. Это совершенно правильное умозаключеніе. Сдѣлаемъ изъ него дальнѣйшіе выводы. Трофимка, обложенный деньгой долженъ платить 40 р., Трофимка, обложенный 10 алтынами, т. е. 60 деньгами, долженъ платить 2.400 руб., а весь городъ, обложенный 6 р. 5 ден., долженъ платить 48.000 р. Таковы чрезвычайно цѣнные результаты соображеній почтеннаго автора. Но принять ихъ довольно трудно. Городъ долженъ платить 48.000 р., а обложенъ онъ, какъ сказано въ описи, редактированной самимъ авторомъ, всего въ 2.210 р. Слѣдуя по стопамъ автора, мы пришли къ совершенно невозможному выводу. Надо думать, посылки его были невѣрны. Откуда онъ взялъ свои 26 или 40 рублей? Опись Нижняго, какъ мы видѣли, содержитъ въ себѣ всѣ данныя для объясненія раскладки сошнаго оклада на отдѣльные дворы. Но издатель ими не пользуется; для ихъ разъясненія онъ обращается къ челобитной 1682 года, въ которой читаемъ: „Въ прошломъ 1677 году выбрали нижегородцы въ земскіе старосты Ѳедора Балахонцева и онъ, Ѳедоръ, будучи въ земскихъ старостахъ, раскинулъ тягло сбирать съ деньги по 40 рублевъ, и имъ, нижегородцамъ, учинилъ великую тягость".... А изъ дальнѣйшаго узнаемъ, что другой староста убавилъ съ деньги по 14 рублей и раскинулъ только по 26 рублей. Доп. къ А. И. X № 23. Итакъ, въ концѣ XVII вѣка въ Нижнемъ съ деньги сбирали по 26 и по 40 рублей. Это вѣрно. Но какая это деньга? Этого мы не знаемъ. А что такое деньга 1621 года, это намъ хорошо извѣстно. Деньга 1621 года есть единица обложенія очень маленькихъ людей, за которыми слѣдуютъ уже худые люди. Для объясненія извѣстной величины памятника 1621—29 годовъ, авторъ беретъ неизвѣстную величину памятника 1677 года и получаетъ свой блестящій съ финансовой точки зрѣнія выводъ. Неправильное пользованіе источниками привело и къ неправильному выводу.

[1]) Древнѣйшее, встрѣтившееся намъ, указаніе на обложеніе не по животамъ и промысламъ, а по опредѣленной мѣрѣ земли относится къ 1490 г. А. И. I, № 100.

намъ правило: „а платить ему съ живущаго съ пашни съ 5 четей", „а платить ему съ живущаго съ 14 четей съ осминою", но безъ опредѣленія, сколько именно платить. Тутъ указана только та единица, на которую падаетъ повинность. Это нѣкоторое приближеніе и возвращеніе къ новогородскому порядку вещей. Тамъ платили съ сохи, обжи, невода, лавки и пр., здѣсь съ четверти земли, съ паханой пашни извѣстной мѣры (полъ десятины). Такой способъ платы, понятно, примѣняется только къ уѣздному земледѣльческому населенію, но и горожане, если имѣютъ земли, также подлежатъ платежу съ четвертей. Предписаніе платить съ четвертей предполагаетъ и обложеніе по четвертямъ, а не по сохамъ. Такое обложеніе дѣйствительно и появляется въ Москвѣ. Уже въ половинѣ XVI вѣка размѣръ службы служилыхъ людей опредѣляется по количеству четей владѣемой земли. Въ началѣ XVII вѣка нѣсколько лѣтъ подъ рядъ (съ 1618 года по 1621-й) ямскія деньги собирались съ числа четей, съ чети по рублю. Отъ 1631 года имѣемъ указъ, которымъ было предписано съ вотчинъ Кириллова монастыря, простиравшихся до 23.900 четей, вмѣсто сбора даточныхъ людей для войны, взять деньгами съ числа четей. (А. А. Э. Т. III, №№ 121 и 193). Четь, такимъ образомъ, несомнѣнно играла роль окладной и платежной единицы. Этимъ совершенно разъясняется предписаніе писцовыхъ книгъ XVI вѣка: „Платить съ 5 четей".

Здѣсь опять, какъ Новгородѣ, окладная и платежная единицы совпадаютъ.

То же начало, но съ нѣкоторыми модификаціями, примѣняется къ уплатѣ дворцовыми крестьянами господскаго князю оброка. Дворцовые крестьяне въ концѣ XVI вѣка начинаютъ надѣляться опредѣленнымъ количествомъ земли на выть. Это не значитъ, что каждый крестьянинъ получилъ опредѣленное количество земли на душу; отдѣльный крестьянинъ могъ сидѣть и на части выти, на ея четверти, даже осьмушкѣ; но на цѣлую деревню отводилось опредѣленное количество вытей извѣстной мѣры. Оброкъ налагался на это количество вытей. Напримѣръ: „А оброку крестьянамъ платить въ вел. князю казну въ Дворцовый приказъ 6 р. 7 алт. съ денгою, съ выти по полтинѣ". Между отдѣльными домохозяевами этотъ оброкъ распредѣлялся уже не по животамъ и промысламъ, не по пашнѣ и угодьямъ, а только по количеству земли. Кто сидѣлъ на полъ выти, платилъ—50 ден.; кто на четверти—25 и т. д. Здѣсь опять единица обложенія и единица платежа близко сходятся.

Такъ опредѣлялась способность нести тягло.

Выяснивъ по возможности вопросъ о способности къ тяглу, необходимо остановиться и на вопросѣ о томъ, кто же облагался тягломъ. Древняя Россія сословій не знала, но ей были извѣстны классы людей различные по своему соціальному положенію и занятіямъ. Были бояре, купцы, крестьяне, служилые люди (княжіе мужи) и не служилые, было духовенство, монастыри, владыки и т. д. Все населеніе облагалось повинностями или нѣтъ? Нельзя сказать, чтобы вопросъ этотъ разрѣшался въ нашей литературѣ съ достаточной опредѣленностью и ясностью. И понятно почему. Мы имѣемъ дѣло не съ точными опредѣленіями закона, а съ практикой, очень разнообразной и не легко уловимой. Вотъ почему исключенія принимаются нерѣдко за правило, а общія правила вовсе ускользаютъ отъ вниманія. У насъ было общее правило и множество исключеній, очень ограничивавшихъ его дѣйствіе. Начнемъ съ общаго правила.

По общему правилу все населеніе княженій подлежало повинностямъ. Это совершенно ясно изъ новогородскихъ памятниковъ. По грамотѣ на черный боръ татарская дань уплачивается всѣми, кто имѣетъ лошадь, лодку, неводъ, плугъ и пр. Соціальное положеніе человѣка нисколько не вліяетъ на его обязанность нести государственныя повинности. То же слѣдуетъ и изъ новогородскихъ писцовыхъ книгъ. Всѣ земли, чьи бы онѣ ни были, положены въ обжи и сохи. Волости всѣхъ своеземцевъ, бояръ, бояришекъ, купцовъ, поповъ, церквей, монастырей и самого владыки несутъ обежную дань. Въ обжи положены не только тѣ деревни, которыя они сдаютъ въ аренду крестьянамъ, но и тѣ, въ которыхъ они жили сами и которыя обработывали своими людьми. Городскіе дворы своеземцевъ также были въ тяглѣ. Единственное исключеніе, которое встрѣчается въ старыхъ новогородскихъ описяхъ, относится къ землямъ бѣдныхъ погостскихъ церквей, которыя нерѣдко воздѣлывались самимъ причтомъ. О такихъ земляхъ иногда прямо говорится: въ обжи не положены. Обложеніе всѣхъ новогородскихъ земель повинностями осталось и послѣ водворенія въ нихъ новыхъ людей, московскихъ помѣщиковъ. Помѣстья московскихъ служилыхъ людей также несутъ повинности, какъ и волости новогородскихъ своеземцевъ.

Москва, однако, не является здѣсь ученицей Новгорода, подражательницей новогородскихъ порядковъ. Обложеніе бояръ, вольныхъ служилыхъ людей, данью—въ Москвѣ старина. Московскія свидѣтельства объ этомъ на цѣлое столѣтіе древнѣе новогородскихъ. Въ

договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ: „А кто иметъ жити моихъ бояръ и моего сына, княжихъ Васильевыхъ, и моихъ дѣтей въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ, какъ и своихъ, *и дань взяти*, какъ и на своихъ; а кто иметъ жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ вел. княженіи, а тѣхъ намъ блюсти, какъ и своихъ, и *дань взяти*, какъ и на своихъ". Подъ боярами здѣсь разумѣются вольные слуги, пользующіеся правомъ отъѣзда. Это то же, что и новогородскіе бояре и бояришки.

Тотъ же порядокъ можно наблюдать и на каждой страницѣ московскихъ книгъ сошнаго письма. Въ соху кладутся земли всякихъ владѣльцевъ: вотчинниковъ, помѣщиковъ, казаковъ, дьяковъ, поповъ, церквей, монастырей, владыкъ, митрополита, вдовъ и пр. Какъ и въ Новгородѣ, въ сохи кладутся не только деревни, въ которыхъ сидятъ крестьяне, но и тѣ, гдѣ живутъ сами господа и обработываютъ ихъ трудомъ холоповъ. Въ Медынскомъ уѣздѣ были деревни кн. Хворостининыхъ, введеннаго боярина Дмитрія Ивановича и брата его Ѳеодора, окольничаго. У перваго было 2 сельца да 20 деревень, у втораго 20 деревень и 2 починка. Все это было положено въ сошное письмо. Земли посадскихъ людей также въ сошномъ письмѣ. Въ 1571 году веневскимъ помѣщикамъ, братьямъ Муромцевымъ, дана была на льготу пустая земля съ условіемъ: „а какъ отойдетъ лгота, и Ивану Муромцеву съ братьею государевы всякія подати давати съ полусохи". Единственное исключеніе, которое встрѣчается въ московскихъ писцовыхъ книгахъ, то же, что и въ новогородскихъ. Земли деревенскихъ церквей не кладутся въ сохи и обложенію не подлежатъ [1]). Городскіе дворы также въ тяглѣ.

Таковы свѣдѣнія писцовыхъ книгъ; но и другіе документы говорятъ то же и вполнѣ подтверждаютъ окладное значеніе сошнаго письма.

Въ уставной Бѣлозерской грамотѣ отъ 1488 года читаемъ: „На Рождество Христово намѣстникамъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ: съ княжихъ, и съ боярскихъ, и съ монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ *громотниковъ* (т. е. съ тѣхъ, кому даны льготныя грамоты), и со всѣхъ безъ омѣнки". Въ 1536 году такое же предписаніе сдѣлано для всей Онежской земли. Кормъ велѣно брать „со всѣхъ сохъ, съ моихъ вел. князя, съ владычныхъ, съ боярскихъ и т. д. и съ грамотниковъ, со всѣхъ безъ отмѣны". Сохи вел. князя

[1]) Писц. кн. XVI вѣка II 788, 1099, 1419,

и тѣ въ тяглѣ. Въ 1550 году въ Новгородъ прислана была грамота о сборѣ ямскихъ денегъ и приметныхъ, за посошныхъ людей, и за всякія городовыя дѣла, и за ямчюжное дѣло. Эти деньги велѣно было собирать также *со всѣхъ новогородскихъ сохъ*. Кто въ сошное письмо положенъ, тотъ и плати, кто бы онъ ни былъ, бояринъ введеный, владыка, посадскій человѣкъ, крестьянинъ. Въ 1624 году приказано было стрѣльцамъ на жалованье собирать рожь съ сохи съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, съ митрополичьихъ и съ монастырскихъ земель, и съ грамотчиковъ, и съ тарханщиковъ, и съ лготчиковъ, опричь... отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Русіи монастырей вотчинъ и его, государевыхъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстій, и опричь живоначальныя Троицы Сергіева монастыря вотчинъ, и опричь тѣхъ, которые на нашей службѣ въ Сибири и въ Астрахани". Мы здѣсь встрѣчаемъ исключеніе, подтверждающее правило. Платить должны всѣ, но въ данномъ случаѣ сдѣлано исключеніе для вотчинъ патріаршихъ монастырей и нѣкоторыхъ другихъ. За то должны платить всѣ, имѣющіе льготы [1]).

Приведемъ нѣсколько извѣстій болѣе частнаго характера. Въ 1567 году бояринъ И. В. Шереметевъ Большой билъ челомъ царю и вел. князю Ивану Васильевичу, а сказывалъ: что есть у него вотчина въ Московскомъ уѣздѣ, въ Торокшановѣ стану, купля, деревни и селица, а купилъ онъ тѣ деревни пусты, а старосты и цѣловальники правятъ съ него оброкъ за дань, и за посошный кормъ, и за ямскія деньги, и за городовое дѣло съ пуста. Бояринъ просилъ ослободить его отъ платежа съ пуста. Архимандритъ Симонова монастыря въ 1577 году билъ челомъ о томъ же. Его вотчина монастырская въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ запустѣла, а ямскія деньги и всякія подати и посоху государевы сборщики берутъ съ той вотчины по прежнему. Точно также игуменъ солигалицкаго Воскресенскаго монастыря въ 1608 году жалуется, что монастырь платитъ въ теченіе цѣлыхъ 16-ти лѣтъ всякія государевы подати съ пустой вотчины. Въ 1634 году игуменъ Устюга Великаго Троицкаго монастыря съ Гледени билъ челомъ царю и великому князю и сказывалъ: „Изстари платитъ онъ съ

[1]) А. Э. I № 123 и 181; Доп. къ А. И. I, 94; А. И. III. № 132. Исключеніе отъ всеобщаго обложенія дѣлаются для разныхъ лицъ. Въ 1620 году приказано было со всѣхъ сохъ брать ямскія деньги, и съ грамотчиковъ, и съ тарханщиковъ, и со льготчиковъ, а въ числѣ исключенныхъ находимъ вотчины Кириллова монастыря и митрополита ростовскаго. А. Э. III № 116.

братіею съ монастырскихъ вотчинъ данные и оброчные деньги, и московскіе и стрѣлецкіе кормы, и сибирскіе запасы и ямскіе отпуски, и всякіе мірскіе подати по сотнымъ грамотамъ съ сотными людьми вмѣстѣ". Въ мартѣ 1666 года вдова стольника, княгиня Мышецкая, продала свою деревню двумъ крестьянамъ. Покупатели приняли на себя платежъ государевыхъ податей съ 1-го сентября того же года, „а старыя невыплаты, будо объявятся впредь на который годъ, и до тѣхъ невыплатъ имъ дѣла нѣтъ". Кто же ихъ платитъ? Сама княгиня Мышецкая [1]).

За городскіе дворы дѣти боярскіе, дворяне и другіе служилые люди тягла не несутъ; но это не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Городскіе дворы состоятъ въ тяглѣ потому, что городскіе люди занимаются промыслами. Служилые же люди живутъ въ городскихъ дворахъ въ интересахъ службы, а потому и не подлежатъ окладу. Къ числу служилыхъ людей, не подлежащихъ тяглу съ городскихъ дворовъ, относятся: пищальники, воротники, стрѣльцы, черкасы, сторожа, садовники княжескіе и пр. Точно также не подлежатъ окладу и осадные дворы дворянъ, они тоже не для промысла, а для осады, и живутъ въ нихъ только во время осады.

Итакъ, все населеніе княженій было обязано нести государственныя повинности. Это общее правило стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній [2]).

---

[1]) А. Э. II. № 85; Рус. Ист. Библ. II № 37; XII ст. 197 № 36 и ст. 409 № 93; Дьяконовъ, Акты тягл. населенія II № 20.

[2]) Насколько смутны въ нашей литературѣ представленія о податныхъ обязанностяхъ населенія Московскаго государства, можно видѣть изъ труда г. Лаппо-Данилевскаго, Организація прямого обложенія, напечатаннаго въ 1890 г. Первая глава этого сочиненія имѣетъ задачу выяснить „распредѣленіе податного бремени между отдѣльными классами населенія". Въ самомъ ея началѣ (стр. 45) высказывается такое общее положеніе: „Обязанности распадались, какъ извѣстно, на служебныя (военныя) и податныя. Не было, однако, никакой возможности и даже надобности одинъ и тотъ же классъ обременять исправленіемъ обязанностей, присущихъ двумъ разнымъ классамъ; поэтому люди служилые не выполняли податныхъ обязанностей такъ же, какъ люди тяглые—военныхъ". Итакъ, на разныхъ классахъ лежатъ разныя обязанности: низшій несетъ податное тягло, высшій—военное. Въ подкрѣпленіе своей мысли авторъ приводитъ на той же страницѣ и мнѣніе проф. В. Ключевскаго, который утверждаетъ, что съ объединеніемъ сѣверной Руси поземельныя льготы, какъ послѣдствіе обязательной службы служилыхъ людей, стали общимъ нормальнымъ явленіемъ и получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса. Это то же, что говоритъ и самъ г. Лаппо-Данилевскій, т. е. служилые люди съ объединенія Руси свободны отъ податныхъ обязанностей.

А вотъ что находимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Но изъ общаго правила допускалось, во 1-хъ, множество исключеній, во 2-хъ, разнообразіе повинностей приводило къ замѣнѣ однѣхъ другими, чѣмъ также нарушался принципъ общаго тягла.

На стр. 52 читаемъ: „Наконецъ, былъ цѣлый разрядъ служилыхъ людей, мелкихъ землевладѣльцевъ, подлежавшихъ таглу или поземельному налогу, а потомъ и подворной подати безъ всякихъ ограниченій". А на 54 опять: „Государственная служба освобождала служилыхъ людей отъ тягла".

На стр. 209 авторъ приводитъ челобитье бѣлозерскихъ помѣщиковъ (т. е. служилыхъ людей), изъ котораго дѣластъ выводъ,—„что они платили вдвое менѣе податей, чѣмъ слѣдовало". Итакъ, служилымъ людямъ надо платить подати.

На стр. 215-й нашло себѣ мѣсто извѣстіе, что воеводѣ Головину приказано положить въ 1615 г. въ сошное письмо земли, розданныя въ помѣстья и вотчины, т. е. служилымъ людямъ.

На 245-й авторъ утверждаетъ, что классъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ (т. е. опять служилыхъ людей) въ 1641 г. обращался къ государю съ просьбами объ уплатѣ нѣкоторыхъ податей подворно, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ.

На 312-й—читаемъ: „пятинныя деньги собирались и со служилыхъ людей, занимавшихся промыслами и торговлей".

На 316-й—„Въ 1823 году велѣно развести мостовыя деньги на всѣ вытя безъ выбору".

На 379-й — „Въ слободской украйнѣ городовое и острожное дѣло выполнялось иногда черкесами, казаками, стрѣльцами, и дѣтьми боярскими".

На 384: „Въ царскихъ указахъ повелѣвалось иногда „лѣсъ сѣчи (для городового дѣла) въ близяхъ для поспѣшенія въ чьихъ лѣсахъ ни буди".

На 403: „Въ 1660 г. стрѣлецкій хлѣбъ съ помѣстій брали въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ вотчинъ патріаршихъ, владычныхъ, монастырскихъ".

На 405: „Въ 1670-хъ годахъ дворяне и дѣти боярскіе били челомъ государю о томъ, чтобы стрѣлецкій хлѣбъ имъ платить съ сошнаго письма, а не съ двороваго числа".

На 408-й авторъ утверждаетъ, что „эти сборы (хлѣбные запасы) взимались съ дворцовыхъ селъ, съ посадскихъ людей, помѣстій и вотчинъ и поземельныхъ владѣній духовенства".

И такъ безъ конца.

Мы не поскупились на выписки, но потому, что приводимые авторомъ матеріалы прекрасно подтверждаютъ наше мнѣніе. Но какъ быть съ мнѣніемъ двухъ почтенныхъ ученыхъ, которое мы привели въ началѣ? Надо думать, когда почтенный авторъ писалъ свою 45 стр., онъ находился еще въ полномъ невѣдѣніи того, какіе матеріалы ему придется приводить на стр. 52 и слѣдующихъ. Этимъ, хотя отчасти, и можно объяснить полное несоотвѣтствіе общаго положенія, заимствованнаго у г. Ключевскаго, съ тѣмъ, что говорятъ документы.

На несостоятельность основныхъ положеній автора по вопросу о распредѣленіи податнаго бремени среди населенія Московскаго государства давно уже указано г. П. Милюковымъ въ Спорныхъ вопросахъ финансовой исторіи Московскаго государства. Стр. 77 и сл.

Но прежде, чѣмъ говорить объ исключеніяхъ изъ общаго тягла, необходимо остановиться еще на одномъ вопросѣ.

Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ древности преобладало арендное хозяйство; барщинное начинаетъ принимать большіе размѣры только съ прикрѣпленіемъ крестьянъ. Въ виду значительнаго развитія аренды возникаетъ вопросъ, кто же облагался тягломъ и отвѣчалъ за правильную его уплату: арендаторъ или разные виды землевладѣльцевъ: своеземцы, вотчинники, помѣщики и пр.? Старыя новгородскія описи на этотъ вопросъ не даютъ отвѣта. Въ нихъ показано только число обежъ въ каждой деревнѣ, но ничего не говорится о томъ, кто облагается платежомъ по этимъ обжамъ, арендаторъ или помѣщикъ. Въ позднѣйшихъ московскихъ описяхъ на это прямо указывается. Описавъ деревни извѣстнаго владѣльца, писецъ говоритъ: „Платить ему съ 5 четей". Итакъ, облагается землевладѣлецъ, а не крестьянинъ, съемщикъ земли. Надо думать, что это старина, и весьма понятно почему. Арендаторъ не крѣпокъ землѣ, не сегоднязавтра онъ можетъ уйдти. Какъ же его облагать? Облагается тягломъ и отвѣчаетъ за его исправную уплату всегда самъ землевладѣлецъ. Но изъ этого возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: кто въ дѣйствительности несетъ тягло и кто по обложенію платитъ? До прикрѣпленія крестьянъ это было очень различно и обусловливалось отношеніемъ спроса и предложенія земли. Если спросъ на землю былъ великъ, землевладѣлецъ могъ переводить на арендатора все тягло; если—слабъ, землевладѣльцу приходилось выплачивать тягло изъ своихъ доходовъ.

Въ подтвержденіе этого можно привести и свидѣтельства документовъ. Въ договорахъ о наймѣ земли (порядная) арендаторы иногда говорятъ, что они принимаютъ на себя и уплату всѣхъ государевыхъ податей по волостному разсчету. Если на ряду съ обязанностями, которыя съемщикъ земли принимаетъ на себя по отношенію къ землевладѣльцу, надо упомянуть и о томъ, что онъ принимаетъ на себя уплату податей, то, конечно, отсюда можно заключить, что уплата податей арендаторомъ при наймѣ земли сама по себѣ не мыслится, а должна быть оговорена. Что касается тѣхъ порядныхъ, которыя хранятъ молчаніе по вопросу о податяхъ, то мы не рѣшаемся утверждать, что такое молчаніе надо всегда понимать въ смыслѣ свободы арендатора отъ податей. Если молчаніе не есть простая небрежность редакціи, оно можетъ обусловливаться всѣмъ извѣстными мѣстными обычаями, которые въ разныхъ мѣстахъ могли быть очень различны, но говорить о которыхъ не считали нужнымъ.

Имѣемъ и прямыя указанія на то, что землевладѣльцы принимаютъ на себя уплату повинностей. Въ 1599 году крестьянинъ Родіонъ порядился у протопопа съ братіею на половину деревни, вотчины пречистой Богородицы, съ такимъ условіемъ: „А дань и оброкъ и всякія государевы разметы платить протопопу съ братіею мимо меня". Въ 1628 году другой крестьянинъ нанялъ на 10 лѣтъ церковную землю и поставилъ условіе: „Въ тѣ срочныя лѣта съ тое деревни мнѣ, Василью, не платити ни которыхъ государевыхъ податей". Около того же времени третій крестьянинъ порядился у Спасова монастыря на половину деревни, взялъ льготы на 2 года и въ порядной выговорилъ себѣ свободу отъ всякихъ государевыхъ податей тоже на два года [1]). Итакъ, плата податей съемщикомъ земли, при свободѣ крестьянскаго перехода, есть результатъ соглашенія арендатора съ землевладѣльцемъ. Послѣ прикрѣпленія крестьянъ, плата государственнаго тягла, конечно, всецѣло упала на крестьянскій трудъ.

Переходимъ къ исключеніямъ. Исключенія изъ общаго правила возникали въ силу жалованныхъ грамотъ, которыми отдѣльнымъ владѣльцамъ предоставлялись льготы отъ повинностей. Эти льготы были такъ разнообразны, что составить образецъ одной жалованной грамоты, который включалъ бы въ себѣ всѣ характерныя особенности пожалованій, не представляется никакой возможности: что давала одна грамота, то отрицала другая. Наши древности представляютъ цѣлый рядъ такихъ образцовъ, который значительно долженъ увеличиться, если мы ко льготамъ отъ податей прибавимъ еще льготы отъ княжескаго суда. Не имѣя возможности познакомить читателя съ содержаніемъ льготныхъ грамотъ на одномъ образцѣ, мы должны войдти въ подробности ихъ содержанія. Оно очень различно и со многихъ точекъ зрѣнія.

Въ древнихъ памятникахъ терминъ жалованная грамота имѣлъ очень широкій смыслъ. Всякая милость князя могла получить форму жалованной грамоты. Если населеніе было недовольно намѣстникомъ, назначеннымъ княземъ, жаловалось на его бездѣятельность и лихоимство и просило о разрѣшеніи замѣнить его выборными органами, и князь соизволялъ на это, рѣшеніе князя выражалось тоже въ жалованной грамотѣ, хотя ею и не предоставлялось никакихъ льготъ отъ повинностей. Князь жаловалъ просителей, отмѣнялъ намѣстника и

[1]) Рус. Ист. Библ. т. XII ст. 140 № 12; т. XIV ст. 354, № 140; Ак. тяг. нас. I № 14. Такихъ соглашеній не воспрещаетъ и новая ст. Ц. Суд. (88).

дозволялъ судиться своими выборными. Грамота, которой все это предоставлялось населенію, называлась жалованной, иначе уставной грамотой. Предоставленіе льготъ отъ повинностей есть тоже пожалованіе; оно, обыкновенно, соединяется съ освобожденіемъ пожалованнаго и отъ суда княжескихъ чиновниковъ. Содержаніе льготныхъ грамотъ въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слова мы и будемъ разбирать, но только въ той его части, въ которой идетъ рѣчь о льготахъ отъ повинностей.

1. Льготы отъ повинностей даются самымъ разнообразнымъ лицамъ, и большимъ людямъ, и маленькимъ, которые въ грамотахъ называются Ѳедьками, Митьками; даются монастырямъ, владыкамъ, митрополиту, рыболовамъ, крестьянамъ, служилымъ людямъ, боярамъ. Случается, что пожалованіе простирается на все имѣніе, чѣмъ владѣетъ въ извѣстной мѣстности пожалованный; но едва ли не чаще грамоты даются на одно извѣстное владѣніе, на село съ деревнями, на нѣсколько деревень, на пустошь. Во II т. Рус. Ист. Библіотеки напечатано 11-ть жалованныхъ грамотъ можайскаго князя Андрея Дмитріевича Кирилловскому монастырю. Между ними есть грамоты на одно село, на одну пустошь, только что княземъ пожалованную монастырю и еще не имѣющую населенія. Тутъ и мотивъ ясенъ, хотя и не высказанъ. Пустошь надо населить; для поощренія притока новаго населенія и дается льгота отъ повинностей. Но если льгота дается поименно извѣстнымъ участкамъ земли, то отсюда слѣдуетъ, что у Кириллова монастыря не было общей льготы, и въ Можайскомъ удѣлѣ могли быть у него и нельготныя имѣнія. Кто-нибудь отказалъ монастырю имѣніе по душѣ или монастырь купилъ у кого-нибудь имѣніе; это будутъ не льготныя имѣнія, ибо у монастыря нѣтъ общей льготной грамоты. Онъ можетъ получить и на эти имѣнія льготу, если князь дастъ, но пока не получитъ, они въ тяглѣ. Наши льготныя грамоты только подтверждаютъ общее правило о тяглѣ.

2. На кого простирается льгота отъ повинностей, на все населеленіе селъ, деревень и пустошей или не на все? Это опять чрезвычайно различно. Есть грамоты, въ которыхъ льгота дается всѣмъ, кто „имѣтъ сидѣти" въ извѣстной деревнѣ; а есть и такія, въ которыхъ льгота дается не наличному населенію, а только тѣмъ, кого владѣлецъ вновь призоветъ къ себѣ со стороны. Иногда число пользующихся льготой ограничивается еще условіемъ, чтобы призванные были изъ иныхъ княженій, а не изъ своего. Кромѣ этихъ призванныхъ изъ чужихъ княженій, льгота распространяется только на тѣхъ, кого

владѣльцы „окупивъ посадятъ“, т. е. на рабовъ. Если не будетъ ни призванныхъ изъ иныхъ княженій, ни рабовъ, льгота обращается въ пустой звукъ.

3. На какой срокъ давались льготы; были онѣ вѣчныя или нѣтъ? И на этотъ вопросъ тексты отвѣчаютъ различно. Только въ грамотѣ тверскаго князя, Бориса, нашли мы прямое указаніе на неизмѣнность жалованья. „Дали мы эту милостыню церкви Святой Богородицы, говоритъ князь, *неподвижно*, никакимъ дѣломъ не нарушить намъ этой милости, ни нашимъ дѣтямъ, ни внучатамъ“ (А. Э. I, № 34, 1437—61). Та же мысль о неизмѣнности пожалованія въ другихъ грамотахъ выражается въ иной формѣ. Перечисленіе льготъ заканчивается иногда такой фразой: „А на которую грамоту свою грамоту дамъ, а на сю грамоту грамоты нѣтъ“. Этими словами князь обѣщаетъ не отмѣнять грамоты. Но преемникъ его, конечно, можетъ отмѣнить льготу. Вотъ почему пожалованные, обыкновенно, по смерти князя-жалователя, просятъ его преемника переписать жалованную грамоту на свое имя, т. е. вновь пожаловать.

Но есть грамоты, въ которыхъ время льготы прямо опредѣлено. Льгота дается на 3, на 5, на 10, на 15 лѣтъ, по истеченіи которыхъ пожалованный вступаетъ снова въ тягло. Если льгота дается всѣмъ вновь перезываемымъ, откуда бы они ни пришли, то срокъ опредѣляется, обыкновенно, различно: для перезываемыхъ изъ своего княженія онъ короче, для перезываемыхъ изъ чужихъ княженій онъ длиннѣе. Если для своихъ 3, для чужихъ 10 лѣтъ; для своихъ 5, для чужихъ 10 или 15 лѣтъ. Въ этихъ случаяхъ, если только удастся перезвать изъ чужихъ княженій, льгота оказываетъ пользу не только льготчику, но и мѣстному князю. Давая льготы, князья не забываютъ и себя.

4. Какія же льготы даются пожалованнымъ? Въ этомъ пунктѣ встрѣчаемся уже съ совершенно безконечнымъ разнообразіемъ. Есть не мало грамотъ, въ которыхъ пожалованный освобождается отъ всякихъ даней, кормовъ и сборовъ судныхъ мужей; но также имѣемъ не мало грамотъ и такихъ, въ которыхъ пожалованный освобождается только отъ нѣкоторыхъ сборовъ или, освобождаясь отъ всякихъ даней, обязывается дѣлать въ казну нѣкоторый взносъ деньгами. Приведемъ нѣсколько примѣровъ неполныхъ льготъ.

Нижегородской князь въ 1410 году освободилъ Благовѣщенскій монастырь отъ многихъ сборовъ, въ грамотѣ перечисленныхъ, но передъ этимъ перечисленіемъ дѣлаетъ такую оговорку: „коли придетъ

моя дань (татарская), игуменъ заплатитъ за нихъ (за монастырскихъ людей) по силѣ". Два углицкихъ князя освободили села и деревни Троицы-Сергіева монастыря отъ всякихъ даней, но обязали монастырь платить въ свою казну ежегодный оброкъ, одинъ князь на Рождество Христово, другой на Юрьевъ день весенній и осенній. Тверской великій князь Борисъ пожаловалъ игуменью Срѣтенскаго монастыря, освободилъ отъ всякихъ даней, но въ концѣ грамоты прибавилъ: „а придетъ моя дань великаго князя неминучая, и игуменья сберетъ сама дань съ тѣхъ людей, да пришлетъ къ моей казнѣ". Игуменья соберетъ сама,—это потому, что она не только освобождена отъ въѣзда княжескихъ чиновниковъ, но сотскимъ и старостамъ запрещено „наряжать ея людей". Итакъ, невъѣздъ княжескихъ чиновниковъ не устраняетъ еще зависимости льготнаго имѣнія отъ князя непосредственно. Въ 1507 году великій князь Василій Ивановичъ пожаловалъ игумена Валаамскаго монастыря, велѣлъ своимъ новогородскимъ намѣстникамъ не брать съ крестьянъ монастырскихъ своихъ кормовъ, а также ихъ тіунамъ и людямъ поборовъ своихъ не брать. Всѣ остальныя повинности остались на монастырскихъ крестьянахъ. А въ 1517 году онъ освободилъ отъ многихъ перечисленныхъ въ грамотѣ пошлинъ села и деревни Троицы-Сергіева монастыря, „опричь яму и посошныя службы". Въ Каширскомъ уѣздѣ, въ Ростовскомъ стану, положены церковныя земли въ сошное письмо для одного городового дѣла, а отъ остальныхъ повинностей освобождены. Эта льгота сдѣлана попамъ и причетникамъ церковнымъ „въ руги мѣсто". То же и въ XVII вѣкѣ. Въ 1608 году Воскресенскому монастырю въ Соли Галицкой дана свобода отъ четвертныхъ оброчныхъ денегъ и пошлинъ за намѣстничь доходъ, а всякія другія подати велѣно платить, какъ и иныя монастырскія вотчины платять. Въ 1623 году государь пожаловалъ новогородскаго митрополита, освободивъ его вотчины отъ всякихъ податей, „опричь ямскихъ денегъ, стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, городоваго и острожнаго дѣла". Въ 1637 году возстановлено дѣйствіе жалованной въ 1622 году грамоты Тихвинскому Успенскому монастырю, по которой онъ былъ освобожденъ отъ подможныхъ денегъ ямскимъ охотникамъ, но на условіи, если будетъ держать свой ямъ на 5 дорогъ [1]).

Итакъ, освобожденіе отъ всякихъ даней или только отъ нѣкото-

[1]) А. Э. I № 17, 19, 28, 35, 164; II 85; III № 139, 267; А. И. I № 100; Писц. кн. XVI вѣка II ст. 1431; Рус. Ист. Библ. II № 255;—1510—1637.

рыхъ, условно (за плату оброка, напримѣръ) или безусловно—существуетъ рядомъ и встрѣчается съ древнѣйшихъ временъ и по XVII вѣкъ включительно.

И этимъ еще не исчерпывается все разнообразіе содержанія жалованныхъ на льготы грамотъ. Обыкновенно въ такихъ грамотахъ освобожденіе отъ пошлинъ соединяется съ освобожденіемъ отъ суда княжескихъ чиновниковъ, но въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ: за княжескими чиновниками, въ большинствѣ случаевъ, остается судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ:—разбоямъ и убійствамъ, а не рѣдко за ними оставляютъ и кражу съ поличнымъ. Но есть грамоты, въ которыхъ дѣлается только освобожденіе отъ суда и никакого отъ пошлинъ [1]); и наоборотъ есть грамоты съ освобожденіемъ отъ однѣхъ пошлинъ [2]); о нихъ рѣчь будетъ ниже.

5. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчаемъ приведенное уже условіе: „А у кого будутъ, у нашихъ намѣстниковъ и волостелей, на грамотники грамоты, а на сю мою грамоту грамоты нѣтъ [3]). Такого рода приписки встрѣчаются въ грамотахъ XV и XVI вѣковъ, но чѣмъ ближе къ XVII, тѣмъ рѣже. Приведенная приписка имѣетъ такой смыслъ: эта грамота должна имѣть силу даже и въ томъ случаѣ, когда будетъ предписано сдѣлать сборъ съ грамотниковъ, а другія—теряютъ въ этихъ случаяхъ свою силу. Итакъ, данныя льготы

---

[1]) Для примѣра А. Э. I № 124, 139, 141, 149, 159, 160, 162, 166 и др. Кажется, сюда же надо отнести и одну изъ древнѣйшихъ грамотъ, напечатанную въ Рус. Ист. Библ. II № 15, 1397—432.

[2]) Вотъ образчикъ такой односторонней жалованной грамоты: „Пожаловали есмя Новогородскаго уѣзда... попа Ер. Герасимова и сына его, Исака, въ новогородскомъ уѣздѣ... дворцовую волостку... въ вотчину со крестьяны и съ рыбными ловлями и со всякими угодьи для того: какъ при Борисѣ Годуновѣ, при его самохотной державѣ, злокозненнымъ его умысломъ, мать наша, Великая Государыня старица инока Мароа Ивановна, была сослана въ Новогородскій уѣздъ... въ заточенье, и тотъ попъ Ермолай, памятуя Бога и свою душу,... матери нашей... служилъ и прямилъ и доброхотствовахъ во всемъ... и за то радѣніе и службу пожаловали есмя тое волостку въ вотчину... и съ тое волостки... дани денежныя и хлѣбныя и ямскія и ни къ какому дѣлу посохи, ни ямщины, ни иные ни какія разметы, и посланникамъ нашимъ... въ тое волостку въѣзжати не велѣли, и бояромъ нашимъ, и окольничимъ, и воеводамъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людомъ — съ тоѣ волостки, съ ихъ вотчины, нашихъ никакихъ податей не имати“. А. Э. III № 151; 1628.

[3]) А. Э. I. № 164. 1517. Въ одной изъ древнѣйшихъ жалованныхъ грамотъ это правило выражено такъ: „А хотя коли повелимъ имати на тѣхъ, у кого будутъ грамоты наши жалованныя, на монастырскихъ людехъ ни тогды никто не емли ничего по сей нашей грамотѣ“. Это еще яснѣй. А. Э. I № 5. 1361.

подлежать отмѣнѣ, когда князь найдетъ это нужнымъ, за исключеніемъ только тѣхъ грамотниковъ, относительно которыхъ сдѣлана особая оговорка. Что льготчики дѣйствительно платили, это видно изъ тѣхъ грамотъ XV, XVI и XVII вѣковъ, которыя мы привели выше.

Таково наше льготное право. Предоставленіе льготъ духовнымъ учрежденіямъ имѣло значеніе благочестиваго подвига и должно было войти въ практику въ очень глубокой древности. Первый христіанскій князь, устрояя основанную имъ епископію, не даетъ ей никакихъ льготъ, а обезпечиваетъ ея содержаніе изъ собственныхъ своихъ доходовъ. Это очень понятно. Только что основанная епископія не имѣла ни вотчинъ, ни жалованныхъ земель; но какъ скоро онѣ стали скопляться въ рукахъ церкви, князья стали давать и льготы для увеличенія церковныхъ доходовъ. Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотъ соединяетъ въ себѣ пожалованіе монастырю рязанскимъ княземъ и его боярами селъ и бортныхъ земель и предоставленіе ему льготъ отъ суда и даней. Такое же соединенное жалованье земель и льготъ встрѣчается и въ послѣдующее время. Очень можно допустить, что пожалованіе льготъ не всегда обусловливалось челобитьями жалуемыхъ лицъ и учрежденій, а нерѣдко исходило и отъ благочестивой инціативы самихъ князей. Но, конечно, въ большинствѣ случаевъ челобитье предшествовало пожалованію.

Политическое значеніе такихъ пожалованій у насъ иногда излишне преувеличивается. Несомнѣнно, что предоставленіе указанныхъ льготъ есть уступка княземъ нѣкоторой части своихъ державныхъ правъ; но едва ли справедливо утверждать, что льготная вотчина становилась государствомъ въ государствѣ, а вотчинникъ какъ бы княземъ. Это можно еще утверждать относительно тѣхъ пожалованныхъ, которымъ предоставлялся судъ во всѣхъ дѣлахъ и свобода отъ всѣхъ податей и которые освобождались отъ дѣйствія новыхъ грамотъ. Но такихъ льготчиковъ надо еще поискать; намъ не встрѣтился ни одинъ. Наиболѣе полное опредѣленіе льготъ находимъ въ грамотѣ Ѳедора Ивановича митрополиту Діонисію на слободку Святославлю. Эта грамота возобновлялась потомъ всѣми послѣдующими государями до Алексѣя Михайловича включительно. Начало этимъ льготамъ положилъ еще великій князь Василій Дмитріевичъ, вымѣнившій у митрополита Кипріана городъ Алексинъ на слободку Святославлю. Тутъ было особое основаніе для княжеской милости. Митрополитъ уступилъ князю свой городъ Алексинъ, а взамѣнъ получилъ отъ него слободку, и вотъ

при такомъ обмѣнѣ митрополиту и дана была такая полнота льготъ, которая рѣдко встрѣчается. Тутъ было, значитъ, особое основаніе для значительныхъ льготъ, и тѣмъ не менѣе жалованная грамота не содержитъ въ себѣ приписки: а на сю грамоту—грамоты нѣтъ. А отсюда слѣдуетъ, что слободка Святославля могла быть облагаема повинностями. Отъ Василія Дмитріевича, вымѣнившаго у митрополита Кипріана городъ Алексинъ, имѣемъ весьма важный документъ, въ которомъ изложены права митрополита Кипріана по владѣнію недвижимостями. Этотъ документъ издатели относятъ къ концу XIV вѣка или къ самому началу XV. Митрополиту принадлежалъ тогда городъ Лухъ, церковныя села и Константиновскій монастырь, извѣчный митрополичій, тоже съ селами. Митрополиту были предоставлены судебныя права и льготы отъ повинностей. Судебныя права безъ ограниченій, но если кто будетъ недоволенъ митрополичьимъ намѣстникомъ или волостелемъ и будетъ бить на него челомъ, великій князь самъ его будетъ судить. Судьи митрополита подлежатъ, такимъ образомъ, отвѣтственности передъ княземъ. И это еще не все. Изъ монастырскихъ селъ отъ суда княжескихъ чиновниковъ освобождены только *пошлыя* села, т. е. старинныя, уже состоящія за монастыремъ, а не вновь пріобрѣтаемыя. Эти послѣднія состоятъ подъ общимъ судомъ. Льгота отъ повинностей тоже неполная. И Лухъ и церковныя села даютъ дань въ татарскій выходъ; а церковныя села, кромѣ того, и ямъ. Въ случаѣ войны митрополичьи бояре и слуги должны помогать великому князю. Они выступаютъ подъ начальствомъ митрополичьяго воеводы, но подъ стягомъ великаго князя. Въ этомъ же документѣ находимъ такую любопытную справку: „А что Луховцы ставливали хоромы на князя великаго дворѣ въ Володимерѣ, ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а нынѣча ненадобѣ луховцамъ ставити хоромовъ на вел. князя дворѣ“ (А. Э. I № 9). О натуральныхъ повинностяхъ луховцевъ была сдѣлана справка, причемъ оказалось, что поставка княжаго двора—новость. А другія натуральныя повинности? Думаемъ, что другія, пошлыя, могли удержаться, такъ какъ о нихъ не сдѣлано оговорки. Итакъ, въ концѣ XIV вѣка даже владѣнія митрополита не представляли государства въ государствѣ, что же сказать о болѣе мелкихъ людяхъ и о льготахъ по суду и по повинностямъ еще болѣе ограниченныхъ? А были грамоты, которыми льготъ отъ повинностей и вовсе не предоставлялось. Такихъ ограниченныхъ въ какомъ-либо отношеніи пожалованій большинство. Какая судебная власть этихъ ограниченныхъ льготчи-

ковъ? Въ уголовныхъ дѣлахъ—кражи безъ поличнаго и всякаго рода обиды дѣйствіемъ и словомъ, а въ гражданскихъ—споры собственныхъ крестьянъ. А какіе у нихъ гражданскіе споры? Вотъ и все. Здѣсь очень далеко „отъ государства въ государствѣ и какъ бы княжеской власти“ [1]). Мы имѣемъ даже случаи пожалованія льготъ, при которыхъ князь опредѣляетъ, сколько пожалованный долженъ получать дохода съ своихъ крестьянъ. Въ грамотѣ звенигородскаго князя игумену Старожевскаго монастыря читаемъ: „Чтобы еси на монастырскихъ селѣхъ ималъ: на Рожество Христово, *за дань и за всѣ пошлины*, съ десятины по пяти алтынъ, да по десяти гривенъ масла, да по два сыра, да по овчинѣ“ и т. д. (А. И. № 100; 1490). Князь освободилъ монастырскія села отъ своихъ даней и пошлинъ, но не отъ своей власти. Какое же это государство въ государствѣ?

Около года тома назадъ было высказано совершенно новое мнѣніе о нашихъ льготныхъ владѣніяхъ. Они были отнесены къ разряду „тѣхъ институтовъ, которые въ своей совокупности образуютъ систему

---

[1]) Въ грамотахъ XV вѣка, напечатанныхъ г. Юшковымъ во II томѣ Чтеній за 1898 годъ, есть 13 льготныхъ грамотъ, данныхъ разными князьями ихъ вольнымъ слугамъ. Въ числѣ этихъ 13 грамотъ—10 даны на опредѣленный срокъ, очень различный: есть льготы на 2 года, на 3, самое большое—на 10 лѣтъ; такой срокъ встрѣчается въ одной только грамотѣ и относится къ крестьянамъ, которыхъ пожалованный призоветъ изъ иныхъ княженій (№№ 4, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 26, 27 и 40). Безсрочно льготы отъ повинностей даны только тремъ лицамъ (№№ 23, 31 и 42). Условіе о томъ, что „на сю грамоту грамоты нѣтъ“, встрѣчается только въ одной грамотѣ, № 10. Наши князья давали своимъ вольнымъ слугамъ льготы отъ повинностей, но нельзя сказать, чтобы они были въ этомъ отношеніи очень расточительны. Продолжительные сроки въ 5, 6, 7, 10 лѣтъ даются крестьянамъ, которыхъ пожалованный призоветъ изъ иныхъ княженій. Это населеніе, котораго еще нѣтъ. Такихъ крестьянъ надо еще умѣть переманить къ себѣ. Эта льгота ровно ничего не стоитъ князю. А если крестьяне изъ иныхъ княженій придутъ, они приносятъ князю доходъ по истеченіи льготы. Это выгодная для самого князя льгота.

Въ жалованныхъ вольнымъ слугамъ грамотахъ, въ которыхъ дается свобода отъ суда княжескихъ чиновниковъ, князья предоставляютъ иногда недовольнымъ судомъ пожалованнаго или его прикащика бить на нихъ челомъ князю: „А кому будетъ чего искати на самомъ (пожалованномъ) или его прикащикѣ, ихъ сужу язъ князь такой-то или бояринъ мой введеный“ (А. Э. I № 120 и 132; А. до Ю. Б. № 31, XX). Судъ пожалованнаго стоитъ подъ контролемъ князя. Пожалованный превращается въ княжескаго чиновника, а не становится самъ „какъ бы княземъ“.

Въ актахъ Юшкова есть двѣ льготныя грамоты, въ которыхъ рѣчь идетъ о льготахъ до урочныхъ лѣтъ, но самый срокъ этихъ урочныхъ лѣтъ не указанъ (№ 15 и 27). Трудно думать, чтобы былъ общій срокъ льготъ; это неисправность редакціи грамотъ. Грамота подъ № 27 особенно неисправна.

феодализма". Почтенный авторъ, высказавшій это мнѣніе, перечисляетъ институты, образующіе систему русскаго феодализма. Вотъ они: 1) патронатъ-закладничество; 2) служба бояръ и вольныхъ слугъ, ни чѣмъ не отличающаяся отъ вассалитета; 3) боярское вотчинное землевладѣніе удѣльной Руси, заключающее въ себѣ всѣ основныя черты леннаго (феодальнаго) землевладѣнія; 4) институтъ иммунитета, т. е. судебныя и податныя льготы; 5) раздѣленіе суверенныхъ правъ между крупными землевладѣльцами удѣльной Руси, какъ и на западѣ. На основаніи подробнаго анализа этихъ институтовъ и сравненія ихъ съ соотвѣтствующими институтами феодализма, онъ „выясняетъ тожество основныхъ учрежденій удѣльной Руси и феодальнаго запада". Давно и не разъ, но безъ особаго успѣха высказывавшіяся мнѣнія о феодализмѣ въ древней Руси возродились снова. Виновникъ этого возрожденія исполненъ самыхъ лучшихъ надеждъ. Одинъ изъ своихъ трудовъ онъ начинаетъ такимъ заявленіемъ: „Мой первый опытъ сравнительнаго изученія русскаго и германскаго государственнаго строя среднихъ вѣковъ, закладничество-патронатъ, былъ встрѣченъ сочувственно критиками и рецензентами. Доказательства существованія въ удѣльной Руси патроната подъ именемъ закладничества показались довольно убѣдительными, а г. Рожковъ имѣлъ даже смѣлость заявить, что считаетъ основное положеніе моей статьи вполнѣ доказаннымъ" [1]). Не удивляемся „смѣлости" г. Рожкова, но не можемъ за нимъ слѣдовать. Мы уже имѣли случай высказаться противъ „закладничества-патроната", а теперь должны высказаться и противъ „феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси". Вопросъ о феодализмѣ обнимаетъ очень много предметовъ; онъ касается не только служебныхъ отношеній, но и поземельныхъ; мы же въ настоящей статьѣ говоримъ только о землевладѣніи и при томъ о землевладѣніи вообще, о землевладѣніи же служиломъ рѣчь будетъ далеко впереди. Мы не считаемъ удобнымъ выходить изъ границъ нашего труда и разбирать феодальныя отношенія во всемъ объемѣ ихъ содержанія; мы остановимся только на двухъ институтахъ, относимыхъ авторомъ къ феодализму: на патронатѣ-закладничествѣ, о чемъ была уже рѣчь на страницахъ настоящаго изданія [2]), и на иммунитетахъ, которыхъ намъ

---

[1]) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Феодальныя отношенія удѣльной Руси, 55 сл., 66; Иммунитетъ въ удѣльной Руси, 2.

[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1901 г., № 9.

пришлось коснуться въ настоящемъ трудѣ. Пункты же 2, 3 и 5 отложимъ до будущаго, которое въ руцѣ Господней.

Закладничество-патронатъ, говоритъ авторъ, есть институтъ, входящій въ систему феодализма. Неужели это вѣрно? Мы возражали противъ сближенія нашего закладничества съ тѣмъ, что Фюстель-де-Куланжъ разумѣетъ подъ институтомъ патроната; но допустимъ, что это одно и то же, и спросимъ, развѣ патронатъ, о которомъ говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, а за нимъ и нашъ авторъ, входитъ въ учрежденіе феодализма? Что такое феодальная система, это довольно извѣстно. И понятно почему. Существуетъ множество памятниковъ, въ которыхъ сведены положенія феодальнаго права. Спорно и неясно только возникновеніе этой системы, ея исторія. Патронатъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть учрежденіе, предшествующее появленію на свѣтъ феодальной системы, но вовсе не входящее въ систему феодальныхъ правъ. Съ этой точки зрѣнія патронатъ изучается и Фюстель де-Куланжемъ и другими учеными, а не какъ явленіе феодальнаго строя. Чтобы выяснить исторію возникновенія феодальной системы, западные ученые съ величайшимъ вниманіемъ останавливаются на всѣхъ явленіяхъ предшествующей исторіи, имѣющихъ хотя бы самое отдаленное сродство съ явленіями феодализма. Въ вассалахъ IX вѣка они усматриваютъ тѣхъ товарищей (comites, comitatus) военныхъ предводителей (duces), о которыхъ говоритъ Тацитъ; сеніоръ (senior), терминъ того же времени, переноситъ ихъ вниманіе въ исторію древняго Рима, къ самому основанію римскаго сената; говоря о германскихъ бенефиціяхъ, они вспоминаютъ римскихъ солдатъ (beneficiarii), тоже получавшихъ земли, которыя назывались бенефиціями. Эти историческія сближенія имѣютъ полную цѣну, ибо выясняютъ всѣ факты, предшествовавшіе возникновенію феодализма. Но феодальная система возникла никакъ не ранѣе конца X и начала XI вѣка, а потому никто и не видитъ „институтовъ, образующихъ систему феодализма", въ тѣхъ явленіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь у Цезаря, Тацита, Григорія Турскаго, въ варварскихъ законахъ (leges barbarorum), капитуляріяхъ Карла Великаго и другихъ памятникахъ времени, предшествовавшаго феодализму. Если бы почтенный авторъ и доказалъ, что наше закладничество есть то же, что патронатъ, онъ этимъ еще не доказалъ бы наличности феодализма въ удѣльной Руси.

То же надо сказать и объ иммунитетахъ или льготныхъ владѣніяхъ. Что наши льготныя владѣнія и западные иммунитеты суть учрежденія однородныя, это давно извѣстно. Мы видѣли студенческія лекціи

еще прошлаго вѣка, въ которыхъ наши льготныя владѣнія называются иммунитетами. Но входятъ ли иммунитеты въ систему феодальныхъ учрежденій? Ни однимъ волоскомъ. Что такое иммунитеты? Это освобожденіе отъ суда королевскихъ чиновниковъ и отъ даней, слѣдуемыхъ королю, жалуемое королемъ. Иммунитеты, слѣдовательно, предполагаютъ дѣйствіе королевской власти на всѣхъ подданныхъ, которые платятъ ей повинности и состоятъ подъ судомъ ея чиновниковъ. Въ періодъ феодализма были ли у королей такіе подданные? Такіе подданные у королей были только въ предѣлахъ королевскихъ доменовъ, а не во всемъ государствѣ. Государственный суверенитетъ былъ тогда подѣленъ между королемъ и его вассалами. Королю не шло никакихъ доходовъ съ земель его вассаловъ; судъ же не составлялъ права одного короля, а дѣлился между нимъ и герцогами, графами, виконтами, епископами, и мелкими феодалами, которые, однако, не были его чиновниками и не были имъ пожалованы правомъ суда и податей. Они узурпировали это право. Королямъ при феодализмѣ не до того было, чтобы жаловать кому-нибудь льготы. Наоборотъ, задача политики королевской состояла тогда въ ограниченіи тѣхъ правъ, которыя захватили въ свои руки феодалы въ періодъ упадка королевской власти. Отношеніе феодаловъ и льготчиковъ къ королевской власти ничего не имѣетъ между собой общаго. Пожалованіе льготъ есть милость и ни къ чему не обязываетъ жалуемаго. Если это духовное учрежденіе, пожалованіе дѣлается ради имени Господа и спасенія души жалователя; если это свѣтское лицо, оно жалуется за какія либо оказанныя имъ заслуги. Феодалы, наоборотъ, состоятъ въ обязательственныхъ отношеніяхъ къ своему непосредственному сюзерену: они обязаны оказывать ему военную помощь; они его слуги на основаніи феодальнаго контракта, а льготчикъ можетъ быть освобожденъ и отъ военной повинности. Феодалы дѣлаютъ своему сюзерену въ извѣстныхъ случаяхъ и денежныя пособія, а льготчикъ освобождается отъ всякихъ повинностей. Итакъ, иммунитетное право совершенно не укладывается въ рамки феодальной системы. Какое же ихъ отношеніе? Это отношеніе предшествующаго къ послѣдующему. Иммунитеты существуютъ уже при Меровингахъ. Привелегіи, которыя давались льготчикамъ, предварили тѣ права, которыя узурпировали феодалы. Тутъ есть несомнѣнная историческая связь; но иммунитеты не входятъ въ систему феодализма, они не составляютъ „учрежденія феодальной системы".

Итакъ, патронатъ, иммунитеты и многое другое, о чемъ говоритъ

почтенный авторъ, напримѣръ, институтъ коммендаціи и мундебурдія, все это явленія, предшествующія феодализму, а не самый феодализмъ. Авторъ разбираемаго нами мнѣнія не говоритъ, однако, о самомъ главномъ предвѣстникѣ феодализма—о наслѣдственности должностей. Почему это? Недоумѣваемъ. Этотъ предвѣстникъ былъ вѣдь и у насъ, хотя въ очень слабой степени, на что давно было указано. У насъ, слѣдовательно, были, по крайней мѣрѣ, два предвѣстника феодализма: иммунитеты и наслѣдственность должностей; но послѣдній въ такихъ минимальныхъ дозахъ, что и самъ сторонникъ феодализма въ удѣльной Руси ихъ не замѣтилъ. Предвѣстники были, а былъ феодализмъ? Почтенный авторъ утверждаетъ, что былъ. „Выясняя тожество основныхъ учрежденій удѣльной Руси и феодальнаго запада, я отмѣтилъ, говоритъ онъ, въ своемъ мѣстѣ и нѣкоторыя черты различія". Итакъ, феодализмъ у насъ былъ; удѣльная Русь представляетъ тожество съ феодальными учрежденіями запада. И время сходится. На западѣ полный цвѣтъ феодализма наблюдается съ конца X и начала XI в. до XIV; у насъ, по словамъ Н. П. Павлова-Сильванскаго, съ XII и до XV. Если принять мнѣніе автора, получится картина совершенно непонятнаго рисунка. Мы должны признать положеніе, выработанное западной наукой, о томъ, что возникновеніе феодализма обусловлено нѣкоторыми предшествующими явленіями. На западѣ ихъ довольно много. Это будутъ: патронатъ, сеніоратъ, вассалитетъ, коммендація, иммунитетъ, наслѣдственность должностей и пр. У насъ, по утвержденію автора, феодализмъ проявился въ закладничествѣ и иммунитетахъ (мы теперь воздерживаемся отъ разбора его остальныхъ признаковъ феодализма). На западѣ всѣ предвѣстники феодализма, съ появленіемъ его на свѣтъ Божій, были имъ переработаны и въ древней своей формѣ не удержались. Это совершенно естественно и понятно и иначе и быть не могло. А у насъ? Совершенно наоборотъ, никакого перерожденія не совершилось. Иммунитеты существуютъ въ въ XV, XVI и XVII вѣкѣ, закладничество тоже проходитъ чрезъ всю древнюю исторію, до самого Петра. Какъ же это? Явленія, признанныя западной наукой предшествующими, у насъ оказываются и предшествующими и сопутствующими и послѣдующими! Другіе факты также представляютъ необычайную для феодализма картину. Всеобщая воинская повинность, которая существовала при Меровингахъ, Карлѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, въ феодальную эпоху совершенно перерождается; то же надо сказать и о податной повинности. А у насъ? Всеобщая воинская и податная повинность существуетъ

въ удѣльное время, несмотря на феодализмъ; иммунитеты продолжають существовать до XVII вѣка включительно. Все это никакъ не укладывается въ гипотезу о господствѣ феодализма въ удѣльной Руси. Такихъ непримиримыхъ съ гипотезой о господствѣ у насъ феодализма фактовъ чрезвычайно много. Приведемъ еще два. Въ эпоху феодализма королю не принадлежалъ судъ во всемъ королевствѣ. А у насъ пространная Русская Правда, по автору, памятникъ эпохи полнаго развитія у насъ феодализма, знаетъ только княжескій судъ. Двинская уставная грамота 1387 года, то же время феодализма, дана на имя двинскихъ бояръ и всѣхъ черныхъ людей. Въ грамотѣ говорится, что бояре также, какъ и черные люди, подлежатъ суду государева намѣстника и будутъ судиться имъ на основаніи однихъ и тѣхъ же правилъ. Какъ это согласить съ утвержденіемъ автора о томъ, что наши бояре удѣльнаго времени то же, что западные феодалы? Возможна такая грамота феодальнымъ герцогамъ, графамъ, виконтамъ и баронамъ? Рисунокъ русскаго феодализма у автора очень смутенъ. Феодализмъ на западѣ произвелъ такое глубокое перерожденіе всего общественнаго быта, слѣды котораго сохранились чуть не до нашихъ дней; русскій же феодализмъ не оставилъ по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ, а предшествовавшія ему явленія, иммунитеты и излюбленные авторомъ закладчики, сохранились до XVII вѣка! Картина совсѣмъ несообразная съ обыкновеннымъ ходомъ исторіи. Всѣ эти неясности и несообразности легко исчезнутъ и прояснятся, если мы отбросимъ гипотезу о феодализмѣ удѣльной Руси и скажемъ: у насъ были нѣкоторые предвѣстники феодализма, но очень слабые; феодализма же не развилось, а потому предвѣстники прошли чрезъ всю нашу исторію и живы еще въ XVII вѣкѣ. Такое заключеніе будетъ совершенно соотвѣтствовать наблюдаемой послѣдовательности фактовъ нашей исторіи. Предшествующія феодализма были у насъ слишкомъ слабы, чтобы произвести тѣ же послѣдствія, какія произошли на западѣ, а центральная власть въ нашихъ княжествахъ никогда не падала такъ низко, какъ она упала въ государствахъ, образовавшихся на развалинахъ имперіи Карла Великаго. Изъ всѣхъ предшествующихъ у насъ значительнаго развитія достигали одни иммунитеты; но мы видѣли, какъ они были разнообразны и до какого минимума доходили: всѣ пожалованныя права ограничивались иногда предоставленіемъ льготчику права суда надъ пришлыми крестьянами и то за исключеніемъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ; а въ повинностяхъ онъ не пользовался никакими льготами. Важнѣйшее предшествующее, раз-

ложившее имперію Карла Великаго на отдѣльныя, почти независимыя части, наслѣдственность должностей герцоговъ, графовъ, виконтовъ и т. д.,—у насъ не имѣло ни малѣйшаго значенія.

Несмотря на весь трудъ, потраченный авторомъ феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси, на все сочувствіе къ нему г.г. критиковъ и рецензентовъ и даже на всю „смѣлость" г. Рожкова, теченіе русской исторіи остается въ своемъ прежнемъ руслѣ. О его боярахъ—русскихъ феодалахъ и ихъ вотчинахъ—русскихъ феодахъ мы будемъ говорить при первомъ удобномъ случаѣ; тожество нашей вольной службы со службой феодаловъ и боярскихъ вотчинъ съ феодами такое же крупное недоразумѣніе, какъ и причисленіе патроната и иммунитетовъ къ системѣ феодальныхъ учрежденій. Возвращаемся на прежнее.

Наши жалованныя на льготы грамоты порождаютъ массу исключеній изъ общей обязанности нести государственныя повинности, по чрезвычайно разнообразныхъ: одни пожалованія освобождаютъ отъ всякихъ податей, другія только отъ нѣкоторыхъ, одни безсрочно, другія только на опредѣленный срокъ, въ однихъ случаяхъ освобождается все населеніе села и деревни, въ другихъ только пришлое и т. д. Въ связи съ этими льготами стоитъ различіе бѣлыхъ и черныхъ земель и дворовъ, бѣлыхъ и черныхъ людей. Что же это за различіе?

Начнемъ со свидѣтельства памятниковъ, болѣе простыхъ и совершенно ясныхъ.

Въ описаніи городовъ XVI вѣка бѣлыми называются дворы осадные, дворы пушкарей, царскихъ кузнецовъ, кирпичниковъ и пр. Мы уже знаемъ, что городскіе дворы всякихъ служилыхъ людей повинностями не облагались, а потому они и назывались бѣлыми въ противоположность дворамъ, на которыхъ лежали повинности; эти послѣдніе назывались тяглыми, черными.

По милостью князя всякій человѣкъ и всякое владѣніе могло получить свободу отъ повинностей, а потому всякій человѣкъ и всякое владѣніе могли сдѣлаться бѣлыми. Это достигалось путемъ пожалованія податныхъ льготъ. Иногда все пожалованіе состояло только въ освобожденіи отъ повинностей. Такимъ жалованнымъ грамотамъ усвоялось и особое наименованіе обѣльныхъ грамотъ, но не всегда; а актъ освобожденія назывался обѣленіемъ. Князь предписывалъ „обѣлить деревни, всякія подати сложить и изъ окладу выложить" [1]). Итакъ,

---

[1]) А. И. III № 149; 1627.

обѣленіе есть спеціальное пожалованіе льготъ отъ податей; подсудность же княжескимъ чиновникамъ остается въ полной неприкосновенности. Но и это спеціальное пожалованіе по объему льготы тоже было очень различно. Иногда жаловалась полная свобода отъ всѣхъ податей, иногда только отъ нѣкоторыхъ. Новогородскій митрополитъ Макарій въ 1623 году получилъ подтвержденіе прежнихъ жалованныхъ грамотъ съ 1599 года. Въ этомъ подтвержденіи находимъ, во 1-хъ, жалованную грамоту съ освобожденіемъ отъ суда, за исключеніемъ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, и отъ даней за исключеніемъ ямскихъ денегъ, стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, городового и острожнаго дѣла; и, во 2-хъ, обѣльную грамоту, но только на 20 обежъ софійской пашни. На эти 20 обежъ въ 1599 году онъ получилъ обѣльную грамоту съ освобожденіемъ отъ всѣхъ податей. Это пожалованіе и теперь подтверждено. Здѣсь полное обѣленіе. А въ 1550 году игумену Троицы-Сергіева монастыря была дана обѣльная грамота на городской дворъ въ Москвѣ, но обѣленіе было неполное; монастырь долженъ былъ мосты мостить и сторожей къ рѣшеткамъ выставлять [1]).

Итакъ, обѣленіе можетъ быть полное и неполное. Въ последнемъ случаѣ нѣтъ полнаго противоположенія бѣлыхъ—земель, дворовъ, людей—чернымъ. Бѣлые тоже въ тяглѣ, но въ меньшемъ. А такъ какъ освобожденіе отъ податей дается не только обѣльными грамотами, но и всякими жалованными на льготы, то и эти послѣднія также производятъ обѣленіе. Въ этомъ смыслѣ въ Москвѣ было множество обѣльныхъ людей, земель и дворовъ. Московскіе памятники и перечислить ихъ всѣхъ не въ состояніи. Да и дѣйствительно это трудно сдѣлать, вѣдь жалованныя грамоты давались всѣмъ, начиная патріархомъ и кончая крестьяниномъ. Вотъ для примѣра два перечисленія нетяглыхъ, бѣлыхъ людей и земель. Въ 1555 году велѣно было выписать изъ писцовыхъ книгъ Холмскаго у. всѣ бѣлыя обжи и сохи: помѣщиковъ, вотчинниковъ, владыки, монастырей, церковныя, земецкія, пятіобежныя— и это еще не все, а въ концѣ прибавлено „и всякія бѣлыя обжи и сохи", т. е., у кого бы онѣ ни оказались. Въ 1670 году нужно было узнать, кто въ Устюжскомъ уѣздѣ нетяглые люди купили себѣ тяглыя деревни, и угодья послѣ писцовъ и сравнительно съ тяглыми людьми

[1]) А. И. I № 164; А. Э. III № 139. Въ 1613 году были обѣлены всѣ монастырскія пашни Троицы-Сергіева монастыря, но только монастырскія, т. е. пашни на монастырь, а не крестьянскія. Беремъ это свѣдѣніе у г. Дьяконова, *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1893 г., VII, стр. 211.

повинностей платятъ мало или и вовсе не платятъ. Въ спискѣ этихъ нетяглыхъ, т. е. бѣлыхъ людей, находимъ: монастыри, гостей, людей гостиной сотни, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ, церковныхъ причетниковъ, подьячихъ съѣзжей избы, посадскихъ людей, и это опять не все, въ концѣ прибавлено „или иныхъ городовъ бѣлые, а не тяглые люди". И лучше было бы ограничиться этою одною прибавкою, не дѣлая никакого перечисленія, ибо невозможно перечислить всѣ разновидности. Крестьянъ нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ перечисленіи, а были и крестьяне обѣльные; они упоминаются въ грамотѣ 1623 года о сборѣ съ Новгорода мостовыхъ денегъ. Но уже такова практика московскихъ дьяковъ; они не умѣютъ говорить языкомъ общихъ понятій, а все приводятъ отдѣльные случаи. Отсюда эти безконечныя перечисленія, которыя всегда оканчиваются еще и ссылкой на иные случаи [1]).

Наша старинная бѣлизна, слѣдовательно, двоякаго происхожденія. Во 1-хъ, были бѣлые городскіе дворы, которые не облагались повинностями по общему правилу, потому что не представляли промышленныхъ заведеній; во 2-хъ, были бѣлые дворы, обжи и сохи потому, что таковыми дѣлались милостью князя. Сюда относятся всѣ обѣленные дворы и сохи и всѣ льготные отъ податей по жалованнымъ грамотамъ, о чемъ рѣчь была выше [2]).

Обѣленіе, кажется, происходило всегда по просьбѣ обѣляемаго, но такъ же, какъ и пожалованіе, не обнимало непремѣнно всѣхъ его владѣній. Въ 1588 году велѣно, по просьбѣ игумена Аркажскаго монастыря, обѣлить шесть обежъ отъ всѣхъ повинностей; а что сверхъ того будетъ у монастыря обежъ въ живущемъ, съ того велѣно имать всякія государевы подати (А. И. I № 222). Этимъ объясняется выше-

---

[1]) Доп. къ А. И. I № 78; А. Э. III № 145; Рус. Ист. Библ. XII ст. 425, № 100.

[2]) Трудно допустить, что терминъ „черные" люди и земли въ противоположность къ бѣлымъ пошелъ отъ земель. Скорѣе надо думать, что онъ пошелъ отъ людей. Въ нашихъ памятникахъ наблюдается старинное различіе людей на большихъ и меньшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Малые и бѣдные, конечно,—черные, по сравненію съ богатыми. Отъ различія людей—легкій переходъ къ различію земли и тягла. Тягло несутъ всѣ. Изстари натуральное тягло можно переводить на деньги. Но это могутъ дѣлать только богатые люди. Бѣдные—отправляютъ тягло натурой. Они рубятъ лѣсъ для города и мостовъ, строятъ ограды и пр. Они сами черные и тягло ихъ черное. Но тягло не на лицѣ, а на хозяйствѣ и землѣ, отсюда и земля бѣдняковъ черная.—Терминъ „бѣлый" гораздо моложе термина черный. Онъ образовался, какъ противоположеніе къ готовому уже бытовому понятію.

приведенная грамота, которой предписывается сдѣлать для Холмскаго уѣзда выписку бѣлыхъ сохъ и обежъ помѣщиковъ, вотчинниковъ и другихъ владѣльцевъ. Не всѣ ихъ обжи и сохи бѣлыя, а только нѣкоторыя, и вотъ оказалось нужнымъ выяснить ихъ количество.

Мы имѣемъ грамоты, въ которыхъ предписывается съ бѣлыхъ сохъ сбирать бѣлыя повинности, напримѣръ, „бѣлый кормъ". Эти грамоты составляютъ прекрасное дополненіе къ тому, что сказано выше о положеніи льготныхъ владѣній въ Москвѣ. Льготныя владѣнія освобождены отъ повинностей и суда, но не отъ власти московскихъ князей, а потому, когда оказывается нужнымъ, правительство облагаетъ ихъ сборами. Это и есть то, что мы назвали бѣлыми повинностями и что можно еще назвать бѣлымъ тягломъ. И любопытно, это бѣлое тягло бываетъ больше чернаго. Понятно почему. Бѣлыя сохи свободны отъ обыкновеннаго тягла, а если съ нихъ приходится брать чрезвычайное, то его берутъ съ нихъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ съ черныхъ; все же они, сравнительно, окажутся во льготѣ. Въ 1545 году велѣно было въ Новгородѣ съ бѣлыхъ дворовъ, съ нетяглыхъ, со всѣхъ, взять съ двора по ратнику, а съ черныхъ дворовъ съ 5 дворовъ по ратнику; да съ 20 дворовъ—пудъ зелья, со всѣхъ дворовъ, чей дворъ ни буди. Порохомъ обложены всѣ дворы поровну, а ратными людьми бѣлые дворы въ пять разъ тяжеле. Въ 1536 году, по уставной Онежской грамотѣ, черныя сохи были обложены кормомъ намѣстнику и его людямъ стоимостью въ 12 алтынъ 5 денегъ, а въ 1555 году съ бѣлыхъ сохъ Холмскаго уѣзда приказано было собрать бѣлаго корма по 42 алтына 4 деньги съ той же сохи; это въ три съ половиной раза больше, но это не постоянный кормъ, а тотъ постоянный [1]).

Итакъ, льготныя владѣнія то призываются къ платежу повинностей наравнѣ со всѣми плательщиками, на что мы указали выше; то платятъ по особому окладу,—иногда высшему, чѣмъ обыкновенные плательщики. Отдѣльные случаи платежа бѣлыми сохами по особому окладу и дали поводъ къ такому выраженію въ грамотахъ: „платить игумену Іакиму съ бѣлыми сохами вмѣстѣ (у него была жалованная грамота) по тому жъ, какъ и съ иныхъ монастырскихъ вотчинъ наши всякія подати платятъ" (А. Э. II 85; 1608), т. е., какъ они платятъ съ бѣлыхъ сохъ по особымъ грамотамъ, даннымъ на (жалованныя)

[1]) А. Э. I № 181 и 205; Доп. къ А. И. I № 78.

грамоты. Что не всѣ монастырскія вотчины были бѣлыя, это совершенно ясно изъ предшествующаго изложенія. Но въ видѣ иллюстраціи, никогда не лишней, я приведу извлеченіе изъ переписки устюжскихъ и сольвычегодскихъ монастырей. Она бросаетъ яркій свѣтъ на положеніе дѣла. Въ 1661 году въ Устюгѣ была получена грамота великаго государя, въ которой велѣно было съ монастырскихъ вотчинъ, съ пятидесяти дворовъ, взять по конному человѣку (даточному) съ запасами на государеву (ратную) службу, противъ властелинскихъ и верховскихъ монастырей бѣлыхъ земель. Изданъ, слѣдовательно, указъ о сборѣ конныхъ ратниковъ съ бѣлыхъ сохъ и присланъ къ исполненію въ устюжскіе монастыри. Что же оказалось? Оказалось, что устюжскіе монастыри бѣлыхъ сохъ вовсе не имѣютъ, у нихъ всѣ земли черныя и они всякія государевы подати платятъ съ черными крестьянами врядъ, и въ прошломъ 1658 году съ нихъ взято въ солдаты съ четырехъ дворовъ по человѣку. Въ 1678 году то же случилось съ полтинными деньгами на жалованье ратнымъ людямъ. Вотъ какъ въ Москвѣ плохо знали, гдѣ есть бѣлыя сохи, и какъ необходимы были выписи въ родѣ тѣхъ, которую въ 1555 году приказано было составить для Холмскаго уѣзда. А черныхъ монастырей, которые тянули тягло съ черными людьми, въ Холмогорской и Устюжской епархіи было много. Вотъ они: Архангельскій, Троицкій съ Гледени, Ивановскій, Никольскій-Прилуцкій, Телеговъ, Соловецкая пустынь, Никольской-Коряжскій, Введенскій, Ратмеровскій; девять монастырей, въ которыхъ бѣлыхъ сохъ совсѣмъ не было. Они называютъ себя „черными тяглыми" [1]. Это понятно, они были очень удалены отъ центра. Но не въ лучшемъ положеніи находились иногда и монастыри, имѣвшіе жалованныя грамоты. Это объясняется порядками стариннаго дѣлопроизводства. Списковъ обѣленныхъ сохъ въ приказахъ не вели, копій съ жалованныхъ грамотъ не оставляли. Если жалованная грамота сгорала, то бѣлыя сохи обращались въ черныя. Такъ случилось съ Воскресенскимъ монастыремъ въ Соли Галицкой. Въ 1557 году на Галичъ приходили казанскіе люди, монастырь сожгли, старцевъ побили. Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ писецъ писать земли. Мѣстные крестьяне назвали монастырскія деревни черными, писецъ ихъ такъ и записалъ, и они стали тянуть черное тягло; а игуменъ говоритъ, что у нихъ была жалованная грамота, да сгорѣла. Надо думать, что въ дѣлопроизводствѣ о пожалованіи льготъ не осталось никакого слѣда объ этой грамотѣ,

[1]) Рус. Ист. Библ. XII № 77 и 123.

а потому въ приказахъ и справки не дѣлали; игумену повѣрили на слово. Это тотъ иг. Іякимъ, о которомъ мы только что говорили. Любопытный образчикъ неизвѣстности, кому какое тягло тянуть, представляетъ царская грамота отъ 1643 года. Въ 1642 году приказано было въ Ржевѣ исправить городскую стѣну и мостъ сошными ржевскими людьми, посадомъ и уѣздомъ, а воевода Ив. Гр. Квашнинъ привлекъ къ этому дѣлу посадскихъ людей города Осташкова и въ томъ числѣ патріаршихъ и Іосифова монастыря. Патріаршіе и монастырскіе посадскіе люди подаютъ челобитье, въ которомъ объясняютъ, что они свой городъ Осташковъ дѣлаютъ, который и теперь нуждается въ ремонтѣ, а ремонтъ Ржева въ ихъ тягло не входитъ. Какъ поступаетъ Московское правительство? Оно спрашиваетъ Квашнина, по какому указу привлекъ онъ осташевцевъ къ работамъ по укрѣпленію Ржева. Въ Московскихъ приказахъ, надо думать, не было никакихъ данныхъ для разъясненія этого недоразумѣнія (А. Э. III № 321). Иногда приходилось прибѣгать къ повальному обыску, чтобы узнать, кто какое тягло долженъ тянуть.

Въ виду такихъ порядковъ дѣлопроизводства, различать на практикѣ бѣлыя и черныя сохи было не легко. Затрудненіе это было особенно велико для городскихъ дворовъ разныхъ служилыхъ людей, которые писались бѣлыми не по грамотамъ, а по служебному положенію владѣльцевъ. Но городскіе тяглые дворы составляли предметъ гражданскаго оборота, они закладывались и продавались. Они могли перейдти въ руки бѣломѣстцевъ и, дѣйствительно, переходили; подлежали они въ этомъ случаѣ тяглу или нѣтъ? Конечно, подлежали. Въ описи города они описаны въ числѣ тяглыхъ и, слѣдовательно, принимаются въ разсчетъ при счисленіи сохъ и обложеніи тягломъ. Но новые владѣльцы, какъ бѣломѣстцы, могутъ распространять и, дѣйствительно, распространяютъ свою бѣлизну и на эти купленные дворы и уклоняются отъ тягла. Тяглымъ людямъ это невыгодно. Отсюда пререканія и жалобы. Правительство принимаетъ сторону тяглыхъ людей и предписываетъ такимъ покупщикамъ тянуть тягло вмѣстѣ съ черными людьми. Такія предписанія имѣемъ отъ XIV вѣка и до XVII включительно [1]). Это совершенно послѣдовательно и правильно. Но,

[1]) Этимъ объясняется то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворы церковнаго причта, воротниковъ и другихъ служилыхъ людей—тянутъ тягло на ряду съ черными людьми. Въ Порховѣ, напримѣръ, дворы попа, дьякона, воротниковъ и пищальниковъ тянутъ всякое тягло съ черными людьми потому, что „тѣ дворы всѣ стоятъ на черной землѣ,

надо думать, правительственныя предписанія не всегда достигали цѣли, и бѣломѣстцы продолжали уклоняться отъ тягла. Этимъ объясняются царскія грамоты, которыми посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ стали запрещать продавать свои тяглыя земли, угодья и торговыя и промышленныя заведенія всякихъ чиновъ бѣломѣстцамъ [1]).

Итакъ, у насъ было черное и бѣлое тягло. Тягла эти отличались повинностями, а не свойствами земель или лицъ. То и другое тягло могло лежать на частной земельной собственности и на земляхъ, полученныхъ отъ государя; то и другое тягло могли тянуть всякіе люди, начиная съ владыки и бояръ и кончая крестьянами. Льготами могли пользоваться также всякіе люди. Крестьяне, сидѣвшіе въ черныхъ государевыхъ земляхъ, обыкновенно, называютъ себя и земли свои черными, тяглыми; это совершенно вѣрно, но это не значитъ, что только ихъ земли черныя и тяглыя; а съ другой стороны были и крестьяне обѣленные [2]).

Такое разнообразіе въ отправленіи общаго тягла производятъ льготы, даруемыя милостью князей. Другая причина видоизмѣненій общаго тягла заключается въ естественныхъ различіяхъ тягла. Были люди, по своему положенію или личнымъ свойствамъ способные нести какое-либо спеціальное тягло или службу. Напримѣръ, люди, живущіе у озеръ и рѣкъ, какъ бы предназначены къ рыболовному тяглу;— знающіе плотничье ремесло — къ плотничьему и т. д. Такіе люди призывались къ спеціальному тяглу, а отъ другихъ освобождались въ

тяглой, на посадской и тянутъ съ черными людьми". А. Э. I № 205; 1545. Въ Новгородѣ поставили новую церковь и около не было пустыхъ мѣстъ, а потому причтъ принужденъ былъ жить на черныхъ мѣстахъ и нести всякое тягло съ черными людьми. Въ 1555 году онъ подалъ вел. князю челобитье объ отводѣ бѣлыхъ мѣстъ. Велѣно отвести. Доп. къ А. И. I № 77. А гдѣ пустыхъ бѣлыхъ мѣстъ не было, тамъ приходилось въ такихъ случаяхъ отводить черныя мѣста бѣломѣстцамъ. При описаніи города Тулы сказано, что два осадныхъ двора князей Голицыныхъ, Андрея и Ивана, изстари были посадскіе, тяглые.

[1]) Г. гр. и дог. I № 33; А. Э. III № 37; Рус. Ист. Библ. XII № 213.

[2]) Наше льготное владѣніе далеко не укладывается въ рамки западныхъ иммунитетовъ. Почтенный авторъ „Иммунитета въ удѣльной Россіи" болѣе занятъ подборомъ изъ нашихъ памятниковъ признаковъ, сходныхъ съ чертами западно-европейскаго иммунитета, чѣмъ изученіемъ характерныхъ особенностей нашего льготнаго владѣнія. Оно, конечно, представляетъ явленіе одного рода съ западными иммунитетами, но по своимъ оригинальнымъ особенностямъ очень далеко расходится съ нимъ. А потому мы были бы противъ введенія въ науку иностраннаго термина для обозначенія нашихъ льготныхъ владѣній. Русскія слова—льготныя владѣнія и льготчикъ— совершенно достаточны и очень хорошо выражаютъ существо дѣла.

большей или меньшей степени, смотря по особенностямъ случая. Для иллюстраціи приведемъ небольшой рядъ такихъ видоизмѣненій тягла.

Въ городѣ Каширѣ была рыболовская слободка; жителямъ слободки предоставлено было исключительное право ловить рыбу въ мѣстныхъ водахъ для поставки во дворецъ и для себя, конечно. За эту поставку они были освобождены отъ всякихъ повинностей, кромѣ городоваго дѣла. Рыболовы Ѳедосьина городка не только имѣли рыбную ловлю, но и пахатную землю, но были освобождены отъ посошной службы, ямскихъ денегъ и городоваго дѣла; вмѣсто этихъ повинностей они должны были забивать государевъ ѣзъ (приспособленіе для рыбной ловли) и платить государю оброкъ рыбой. Крестьяне борисоглѣбской слободы изъ-за рыбнаго оброка были освобождены отъ всякаго тягла съ городскими и волостными людьми.—Въ той же Каширѣ было 10 дворовъ плотниковъ; ихъ въ сошное письмо не положили и оброка съ нихъ не написали, потому что они плотничаютъ государево дѣло на Москвѣ и по инымъ городамъ, гдѣ государь велитъ. — Точно также ямскія земли въ сошное письмо не клались [1]).

Ратная повинность лежала на всемъ населеніи. Но въ Московскомъ государствѣ съ половины XVI вѣка возникаетъ особый классъ лицъ, спеціальную обязанность котораго составляетъ военная служба. Точно опредѣлить, что это за лица, не такъ легко, какъ иногда кажется. Ихъ можно было бы назвать служилыми, они нерѣдко такъ и называются; но понятіе службы обнимаетъ большее число лицъ, чѣмъ тотъ классъ, о которомъ мы говоримъ. Черное тягло тоже своего рода служба, и черные люди — тоже служилые. Крестьяне, продавая свои тяглыя деревни, иногда такъ мотивируютъ продажу. Они продаютъ потому, что не могли съ той земли службы служить великому князю. Лица разсматриваемаго класса еще чаще называются вотчинниками и помѣщиками. Слово помѣщикъ соотвѣтствуетъ дѣлу, но не обнимаетъ всего класса. Его дополняютъ поэтому словомъ вотчинникъ. Но понятіе вотчинника шире, чѣмъ нужно. У членовъ бѣлаго духовенства тоже есть вотчины; даже у крестьянъ есть вотчины; а военная служба не составляетъ ихъ спеціальности. У класса лицъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть одинъ общій признакъ. Всѣ они — землевладѣльцы, которые на столько обезпечены землевладѣніемъ, что могутъ жить, не прибѣгая къ труду рукъ своихъ. Чтобы жить, они мо-

---

[1]) Писц. кн. XVI в. II 415, 1302 сл.; Неволинъ, Приложеніе, 322; А. Ю. № 230; А. Э. I № 324; III № 170. 1578—1686.

гутъ довольствоваться трудомъ другихъ людей, принимая на себя только управленіе своимъ хозяйствомъ. Вотъ для этого-то класса и существовала въ Москвѣ спеціальная обязанность военной службы. Эта обязанность не освобождала, однако, подлежащихъ ей лицъ отъ исполненія другихъ повинностей. Соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ общаго и спеціальнаго тягла оправдывается въ данномъ случаѣ нѣкоторой исключительной зажиточностію этихъ лицъ. Снискивая свой хлѣбъ не въ потѣ лица, они были пригодны и къ особой спеціальной военной повинности. Но иногда случалось, что общія повинности взыскивались съ нихъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ другихъ тяглыхъ. Напримѣръ, въ 1688 году хлѣбные запасы стрѣльцамъ съ государевыхъ крестьянъ взыскивались въ размѣрѣ 2 и $^1/_8$ четверти ржи съ двора, а съ помѣщиковъ и вотчинниковъ только по $1^1/_2$ четверти (А. Э. IV № 299).

Но среди этого служилаго класса были люди, стоявшіе въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, напримѣръ, бояре (введеные), окольничіе, разные приказные чины и пр. Занимая особыя должности, они имѣли и особые доходы. Поэтому случалось, что ихъ облагали не только не ниже обыкновенныхъ тяглыхъ, а выше. Въ 1637 собирали деньги на постройку укрѣпленій противъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Съ посадскихъ людей и государевыхъ крестьянъ брали по полтинѣ (100 денегъ) съ чети; съ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (служилые военные люди) по 10 алт. (60 денегъ); а съ вышеуказанныхъ больше всѣхъ по 20 алтынъ (120 денегъ) съ чети (А. Э. III № 268).

Монастыри и владыки также были иногда предметомъ особаго обложенія. Многіе изъ нихъ пользовались очень хорошимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, но спеціальной военной службы не несли. Они оказывались, такимъ образомъ, сравнительно съ другими тяглыми людьми, въ особенно выгодномъ положеніи. Поэтому, общее тягло падало на нихъ иногда въ болѣе сильной мѣрѣ, чѣмъ на остальныхъ тяглыхъ. Когда съ государевыхъ крестьянъ потребовали по 2 съ $^1/_8$ четверти ржи съ двора, а со служилыхъ людей только по $1^1/_2$, владыки и монастырь должны были внести по $3^1/_2$ четверти.

Наоборотъ, земли стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей и затинщиковъ, которые надѣлялись очень небольшими участками, въ сошное письмо вовсе не клались (Времен. 1852 г. кн. XIII, 27). Они несли только военную службу, а отъ тягла были свободны. Служба выборныхъ людей, излюбленныхъ судей, старостъ, цѣловальниковъ, также осво-

бождала отъ тягла. Уставныя грамоты обѣщаютъ имъ, въ случаѣ хорошаго исполненія ихъ обязанностей, полное освобожденіе отъ всякихъ пошлинъ и податей (А. Э. I № 242; 1555). Какъ приводилось такое обѣщаніе въ исполненіе, этого мы въ актахъ не видали. Выше мы привели указаніе на обѣльныхъ крестьянъ. Это, можетъ быть, и суть бывшіе судьи и старосты, обѣленные за хорошее исполненіе своихъ должностей.

Всѣ такія замѣны однѣхъ повинностей другими никогда не разумѣются сами собой, а установляются особыми распоряженіями. Грамоты, которыми иногда дѣлается такая замѣна, имѣютъ характеръ пожалованія и, по своему содержанію, очень близко подходятъ къ жалованнымъ грамотамъ на льготы, о которыхъ рѣчь была выше. Вотъ примѣръ. Въ 1584 году царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ пожаловалъ своихъ рыболовей Борисоглѣбской слободы, въ Ярославскомъ уѣздѣ, велѣлъ переписать на свое имя ихъ старыя грамоты. А въ старыхъ ихъ грамотахъ было написано: „съ городскими имъ людьми и съ волостными не тянуть ни въ какіе проторы, ни въ разметы; а наши намѣстницы ярославскіе и волостели едомьскіе и ихъ тіуны тѣхъ моихъ рыболовей и оброчниковъ не судятъ ни въ чемъ, опричь одного душегубства, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что". Это тѣ самыя выраженія, которыя встрѣчаются во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ на льготы. Но между этой грамотой и тѣми есть и существенная разница. Тѣ грамоты ничѣмъ не обусловлены, кромѣ милости княжеской, а эта тѣмъ, что „рыболовы на княжескій обиходъ ловятъ рыбу". Здѣсь милость за постоянную услугу, а тамъ только милость.

Тягло по принципу общее для всего населенія въ дѣйствительности отличалось величайшей пестротой. Были чисто мѣстныя повинности, напримѣръ, городовое, мостовое дѣло и множество другихъ, которыя отправлялись весьма ограниченнымъ кругомъ населенія. Но и общія чрезвычайно разнообразились въ примѣненіи, благодаря, съ одной стороны, множеству льготъ, а съ другой—большей приспособленности нѣкоторыхъ тяглецовъ къ нѣкоторому особому виду тягла. Этихъ различій такъ много, что ихъ не легко и перечислить всѣ; а по неполному знанію нашему старой жизни не всегда можно объяснить и причины отклоненія отъ общаго правила. Приведенные же примѣры даютъ право утверждать, что вся эта необычайная пестрота тягла вызывалась особенностями древняго быта и стремленіемъ правительства приспособить къ нимъ отбываніе повинностей.

Заключаемъ. Въ древности тягло лежало не на человѣкѣ, а на хозяйствѣ. Хозяйства же облагались тягломъ всякія, кому бы они ни принадлежали. Наличность церковныхъ учрежденій и людей, оказавшихъ князьямъ услуги, повела къ установленію льготныхъ владѣній. Въ настоящее время общеполезныя учрежденія и заслуженные люди содержатся на счетъ доходовъ казны. Князья небольшихъ княженій-волостей не имѣли для этого достаточныхъ средствъ. Вотъ почему они обращались къ пожалованію льготъ отъ повинностей. Они жаловали и земли, но нерѣдко пустыя; льгота была нужна и въ этихъ случаяхъ для привлеченія на пустыя земли населенія. Благодаря льготамъ, появилось различіе черпаго и бѣлаго тягла. Льготныя владѣнія не абсолютно освобождались отъ тягла. За небольшими исключеніями и тѣ, которыя получали свободу отъ всякаго тягла, могли быть призываемы къ отбыванію повинностей, если князь находилъ это нужнымъ. Различіе черныхъ и бѣлыхъ сохъ не стоитъ ни въ какой связи съ сословнымъ различіемъ лицъ. Въ феодальной Европѣ высшій классъ, феодалы (les nobles), были свободны отъ налоговъ, они дѣлали своимъ сюзеренамъ только подарки въ извѣстныхъ случаяхъ; налоги же лежали на крестьянахъ (les roturiers) и рабахъ. У насъ налоги платили и бояре введеные и даже съ пуста и по окладу старостъ и цѣловальниковъ, т. е. крестьянъ.

В. Сергѣевичъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новый трудъ о пелазгахъ.

Gli Hethei-Pelasgi. Ricerche di storia e di archeologia orientale, greca ed italica del Cesare A. De Cara. Три тома. Roma. 1894—1902.

Передъ нами трудъ большой, какіе не часто появляются въ ученомъ мірѣ, плодъ одиннадцатилѣтней безпрерывной работы, усидчивой, разносторонней и рѣдкой учености. Авторъ его, іезуитъ Чезаре А. Де-Кара, давно извѣстный своими трудами въ области восточной филологіи и археологіи, равно какъ и трудами въ области языковъ индо-европейскихъ, взялъ на себя труднѣйшую задачу не только доказать происхожденіе пелазговъ, этого столько же интереснаго, сколько и загадочнаго народа до-классической древности, но и прослѣдить его въ его движеніяхъ по Греціи и Италіи и тѣмъ самымъ выяснить его роль въ культурѣ народовъ классическаго міра. Для выполненія этой задачи ему понадобились три большихъ тома ученѣйшихъ изысканій, изъ которыхъ первый вышелъ еще въ 1894, а два остальныхъ въ нынѣшнемъ (1902) году. Томы эти снабжены, каждый, географическими картами тѣхъ странъ, въ которыхъ движется изслѣдованіе автора, цинкографическими изображеніями тѣхъ предметовъ, которые служатъ къ освѣщенію излагаемаго въ текстѣ, и, что также очень цѣнно, обширными указателями. Содержаніе каждаго изъ томовъ не въ первый разъ появляется въ печати, такъ какъ это есть воспроизведеніе отдѣльныхъ статей, печатавшихся, въ теченіе многихъ лѣтъ, одна за другой въ извѣстномъ органѣ іезуитской пропаганды и учености—*Civiltà Cattolica,* но воспроизведеніе, обновленное внесеніемъ въ него разбора новыхъ данныхъ и новыхъ сужденій, съ которыми авторъ счелъ нужнымъ считаться въ своемъ

изслѣдованіи. Это обновленіе доходитъ до критической отмѣтки ученыхъ работъ, появившихся передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ каждаго тома сочиненія о. Де-Кары, такъ что и мой послѣдній трудъ— „Введеніе въ Римскую исторію"—не только является отмѣченнымъ въ третьемъ томѣ „Гетеевъ-Пелазговъ", но и сопровожденнымъ краткой оцѣнкой какъ съ общей, такъ и съ спеціальной точки зрѣнія автора. Вообще, что касается полноты вниманія автора къ трудамъ другихъ ученыхъ, съ которыми онъ сходится или расходится въ мнѣніяхъ, но которые такъ или иначе затрогиваютъ его тему, хотя бы эти труды появились въ послѣдній моментъ печатанія книги, здѣсь мы имѣемъ образецъ, достойный подражанія.

Хотя трудъ о. Де-Кары посвященъ, повидимому, спеціальному вопросу, но тема его разрабатывается на столь широкомъ полѣ, что я считаю себя рѣшительно некомпетентнымъ для разбора его во всемъ его объемѣ. Ни ассирійско-вавилонскія клинообразныя надписи, ни египтологія, — источники, которыми съ такою свободою пользуется авторъ,—нисколько не входятъ въ область моихъ знаній и занятій. На этомъ основаніи я совершенно исключаю изъ моего разбора первый томъ, въ которомъ авторъ говоритъ о первоначальныхъ поселеніяхъ гетеевъ (или гиттитовъ, какъ ихъ чаще всего называютъ) и пелазговъ—что̀, по нему, одно и то же—въ сѣверной Сиріи, Каппадокіи и въ Малой Азіи и именно въ западной ея части, омываемой Эгейскимъ моремъ, а также и Понтомъ Эвксинскимъ, о религіи этого племени, объ его искусствахъ и о войнахъ, какія оно вело съ одной стороны на востокѣ съ ассиріянами и вавилонянами, а съ другой на югѣ съ египетскими фараонами, при чемъ въ лицѣ гиксовъ даже завладѣло на продолжительное время самымъ Египтомъ. Этому послѣднему вопросу о. Де-Карой было посвящено раньше особое сочиненіе, подъ заглавіемъ: Gli Hyksôs o Re pastori di Egitto. Ricerche di archeologia Egizio-biblica (Roma, 1889). Первый томъ „Гетеевъ-Пелазговъ" встрѣтилъ въ свое время вполнѣ компетентныхъ критиковъ, между прочимъ, въ лицѣ знаменитаго египтолога Масперо (Journal des Débats, 12 іюля 1895) и очень также извѣстнаго оріенталиста и археолога Сэйса (Academy, May, 1895). Тотъ и другой, оцѣнивая трудъ почтеннаго ученаго іезуита, двигались на своей почвѣ.

Что касается второго тома, который разсматриваетъ разныя мѣста пелазгическихъ поселеній на греческихъ островахъ (на Кипрѣ, Родосѣ, Лемносѣ, Самоѳракіи, Имбросѣ, Ѳасосѣ, Делосѣ, Лесбосѣ, Ѳерѣ, Самосѣ, Аморгосѣ, Эгинѣ и Критѣ) и на материкѣ Балканскаго

полуострова, начиная съ Ѳракіи и кончая Пелопоннесомъ, то, хотя въ немъ и нѣтъ почти ничего такого, что не могло бы быть предметомъ разбора для незнакомаго съ іероглифами и клинообразными надписями, но содержаніе его, въ главной своей части, все-таки требуетъ особаго рода студій, чтобы быть разсматриваемо съ надлежащею компетентностью. Наша компетентность въ той или другой степени начинается лишь съ того момента, когда авторъ переходитъ съ своими пелазгами въ Италію, гдѣ онъ начинаетъ разбирать данныя италійской палеоэтнологіи, опредѣлять составъ населявшихъ Италію народностей, пользоваться данными италійской археологіи, діалектологіи и письменности. Она начинается съ третьяго тома труда Де-Кары, въ которомъ почтенный авторъ даже прямо затрагиваетъ вопросы, ставшіе предметомъ изслѣдованія уже вышедшаго въ свѣтъ перваго тома моего „Введенія въ Римскую исторію" и имѣющіе быть изслѣдованными въ дальнѣйшемъ теченіи этого труда, которому я рѣшился посвятить послѣдніе годы своей жизни. Поэтому на третьемъ томѣ сочиненія автора мы и остановимся. Но такъ какъ многое въ немъ тѣсно связано съ данными и выводами второго тома, то мы будемъ касаться и этого послѣдняго—на столько, насколько того будетъ требовать ходъ нашей рецензіи.

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ знакомству съ книгой о. Де-Кары и затѣмъ къ ея оцѣнкѣ, необходимо сдѣлать оговорку.

Быть можетъ, читатель, знакомый съ моимъ первымъ томомъ „Введенія въ Римскую исторію", найдетъ страннымъ то обстоятельство, что я, относясь отрицательно къ теоріи о. Де-Кары о пелазгахъ въ Италіи, считаю тѣмъ не менѣе появленіе его труда важнымъ событіемъ и беру на себя обязанность какъ бы пропагандировать эту теорію между русскими учеными. Но страннаго въ этомъ ничего нѣтъ и не можетъ быть. Вопросъ о пелазгахъ въ Италіи не есть еще вопросъ, окончательно рѣшенный въ наукѣ, и мною онъ рѣшенъ отрицательно лишь въ томъ смыслѣ, что, несмотря на множество раскопокъ, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи, до сихъ поръ не найдено никакихъ слѣдовъ, которые бы говорили о народѣ, бывшемъ въ Италіи носителемъ особой, пелазгической культуры. Для меня, какъ и для всѣхъ тѣхъ ученыхъ, которые изучаютъ до-историческую Италію преимущественно на основаніи памятниковъ палеоэтнологіи, другого рѣшенія въ *данное время* и быть не можетъ. Но возможно, хотя и мало вѣроятно, что новыя раскопки принесутъ такія данныя, которыя измѣнятъ мое отношеніе къ этому вопросу. Мало вѣроятно

это потому, что тщательно произведенныя лѣтомъ 1901 года раскопки вокругъ древней Норбы, колоссальныя полигональныя стѣны которой особенно подстрекали любопытство интересующихся пелазгическимъ вопросомъ, дали результатъ, для приверженцевъ пелазгической теоріи совершенно отрицательный [1]), такъ какъ древность найденныхъ памятниковъ этого города не восходитъ дальше VI-го столѣтія до Р. Хр., а это ужъ времена историческія, когда о пелазгическихъ странствованіяхъ не можетъ быть рѣчи. Правда, кромѣ Норбы есть много другихъ мѣстъ въ средней и южной Италіи съ остатками полигональныхъ стѣнъ, а тамъ сколько-нибудь правильныхъ раскопокъ еще не было, да и въ самой Норбѣ раскопки нынѣшнимъ лѣтомъ возобновились: поэтому еще нельзя сказать утвердительно, что данныхъ въ пользу пелазгической теоріи не только нѣтъ, но *и не будетъ*. А если такъ, то мы не имѣемъ никакого права заранѣе осуждать выводы о. Де-Кары о крупной роли пелазговъ въ до-исторической Италіи, а напротивъ, обязаны основательно познакомиться съ его данными и доказательствами въ пользу его теоріи, тѣмъ болѣе, что его изслѣдованіе идетъ путемъ оригинальнымъ и уже однимъ этимъ свойствомъ подкупаетъ наше вниманіе въ сильной степени.

Содержанію третьяго тома „Гетеевъ-Пелазговъ“ предшествуетъ *Введеніе*, въ которомъ авторъ знакомитъ насъ съ своей точкой зрѣнія на способъ изслѣдованія вопросовъ, касающихся начальной греческой и римской исторіи, и опредѣляетъ свое отношеніе къ другимъ изслѣдователямъ. Онъ требуетъ—и нельзя сказать, чтобъ въ этомъ требованіи не было основанія—„широкаго и глубокаго“ отъ занимающихся древнѣйшими періодами исторіи Греціи и Италіи знакомства съ Востокомъ, съ его разными народами, съ его разнообразными культурами,—съ тѣмъ Востокомъ, на которомъ прошли уже многіе вѣка исторіи и образованности къ тому времени, когда появились начатки исторической литературы въ Греціи. Въ то время, какъ новые историки Греціи и Италіи ограничиваются въ своихъ толстыхъ томахъ перемалываніемъ на разные лады нѣсколькихъ мѣстъ Геродота, отрывковъ Гелланика, Гекатея, Антіоха и другихъ писателей, авторитетъ которыхъ относительно древнѣйшихъ временъ, далеко отъ нихъ отстоявшихъ, очень малъ, и свѣдѣнія которыхъ объ этихъ временахъ до крайности скудны, существуютъ сокровища историческихъ

[1]) См. отчетъ Савиньони и Менгарелли въ *Notizie degli scavi* 1901 г., р. 514—599.

и географическихъ извѣстій о народахъ Египта, Халдеи, Ассиріи, Понта, Арменіи, Малой Азіи, Сиріи, собранныя и скрытыя въ монументальныхъ іероглифическихъ и іератическихъ надписяхъ земли фараоновъ и въ клинообразныхъ надписяхъ Месопотаміи, Арменіи и Тель-Амарны. „Какой древній грекъ, спрашиваетъ авторъ, видѣлъ эти надписи, или, видя, понималъ ихъ? Поэтому, когда рѣчь идетъ о народахъ, переселявшихся въ до-историческія времена изъ Азіи въ Грецію, а оттуда въ Италію, можно получить достовѣрныя свѣдѣнія лишь изъ изученія этихъ источниковъ. Новые историки, однако, такъ не поступаютъ, а предпочитаютъ, сопоставляя извѣстія греческихъ и римскихъ писателей и находя въ нихъ противорѣчія, считать извѣстія объ этихъ далекихъ временахъ легендами или дѣлать изъ нихъ совершенно субъективные выводы". При этомъ авторъ имѣетъ въ виду изъ итальянцевъ особенно *Паиса*, прославившагося своимъ до крайности гиперкритическимъ направленіемъ [1]), а изъ нѣмцевъ— Эд. Мейера и Белоха, какъ трактовавшихъ вопросъ о пелазгахъ совсѣмъ иначе, чѣмъ авторъ. Его мнѣніе о нѣмецкой гиперкритической школѣ, изъ которой вышелъ и Паисъ, нынѣ профессоръ въ Неаполитанскомъ университетѣ, замѣчательно по своей откровенности и рѣшительности. Онъ считаетъ выдающимися ея качествами: „отсутствіе оригинальности въ существенномъ содержаніи и самая безграничная свобода въ подставленіи собственныхъ мнѣній и собственныхъ сужденій на мѣсто и теперь еще уважаемаго преданія, за уважаемость котораго стоятъ люди, по силѣ таланта и по обилію учености, конечно, не могущіе нисколько завидовать кому бы то ни было" (p. 5). Онъ охотно допускаетъ въ Эд. Мейерѣ, какъ и въ Белохѣ, талантъ, разнообразіе свѣдѣній и богатство учености, но упрекаетъ ихъ за „легкость", съ какою они „разрѣшаютъ самые важные и трудные вопросы при помощи личнаго сужденія и *гиперкритики, у которой нѣтъ никакой другой подмоги, кромѣ воображенія*" (p. 6). Извѣстно, что Эд. Мейеръ, авторъ еще не оконченной, но весьма интересной „Исторіи древности", цѣнится въ Германіи очень высоко за свою безспорно большую ученость и тщательность (см. напримѣръ, рецензіи 3-го и 4-го тома въ *Berl. Philol. Wochenschrift* 1891, № 44, въ *Neue philol. Rundschau* 1901, № 24, въ *Wochenschrift für klaissische Philologie* 1902, № 21 и

---

[1]) Storia della Sicilia e della Magna Grecia. Vol. I. 1894; Storia di Roma, Torino-Roma, 1898—1899.

др.); но внѣ Германіи Де-Кара не стоитъ одиноко, выставляя на видъ въ своемъ приговорѣ о немъ, его произволъ и смѣлость въ рѣшеніи вопросовъ, далеко не поддающихся легкому рѣшенію. Съ гораздо большею рѣзкостью на эти и подобныя свойства ученыхъ пріемовъ Мейера указывалъ Теодоръ Рейнакъ, по поводу II-го тома *Geschichte des Alterthums* (1893) германскаго историка, въ своемъ разборѣ, напечатанномъ въ *Revue Critique* 1894 года (p. 165) [1]. Не остается одинокимъ о. Де-Кара также въ отрицаніи необходимыхъ свойствъ строгаго историка и у Юлія Белоха. Онъ приводитъ въ подмогу себѣ рецензію Говэта (Hauvette) на первую часть „Griechische Geschichte“ (Strassburg 1893 г.) этого германскаго ученаго, насаждающаго пріемы нѣмецкой исторической критики въ римскомъ университетѣ [2].

Если ученые, отличающіеся смѣлостью субъективныхъ рѣшеній, какими являются Эд. Мейеръ и Ю. Белохъ или каковъ бельгійскій профессоръ Франкоттъ, авторъ брошюры „Les populations primitives de la Grèce“ (Paris 1891), отвергаютъ существованіе пелазговъ не только въ Италіи, но и въ Греціи, несмотря ни на свидѣтельства древнихъ, ни на сохранившіеся памятники ихъ культуры, то это даетъ автору основаніе настаивать на несостоятельности метода, какому эти ученые слѣдуютъ, и при которомъ они и не могли знать ни происхожденія пелазговъ, ни ихъ исторіи, ни ихъ искусствъ, ни ихъ письма, ни ихъ вещественныхъ памятниковъ, какіе они оставили въ Азіи. Чтобы знать все это, авторъ пользовался не греческими источниками, а восточными: египетскими надписями времени 18-ой и 19-ой династій, ассирійскими надписями, архитектурными памятниками и произведеніями металлургіи и керамики азіатской, греческой, эгейской и италійской. Въ источникахъ этихъ то, что̀ у греческихъ поэтовъ и историковъ относительно пелазговъ есть вѣрнаго, находитъ себѣ подтвержденіе, показывая, въ то же время, весь произволъ, съ

---

[1]) Nous y trouvons d' abord une intempérence d'affirmation et une audace de construction qui contrastent bizarrement avec un scepticisme parfois excessif, l'impatience d'en savoir trop long dans les matières, où il faut se resoudre à ignorer et à attendre, un ton tranchant, par moment brutal, à l'égard de ses devanciers, enfin une absence de sentiment artistique et archéologique.

[2]) C'est une conception personnelle de l' histoire grecque qu'il a exposée: de là l'intérêt très vif qui s'attache à la lecture de ce volume, delà aussi le défaut d'une méthode qui donne parfois l'apparence de la certitude à des résultats encore hypotetiques (въ *Revue Critique* 1893, p. 439).

какимъ приверженцы гиперкритической школы безпощадно отвергаютъ преданіе. Одинъ изъ видныхъ итальянскихъ археологовъ, пизанскій профессоръ Лучіо Маріани, очень расположенный къ автору, назвалъ его традиціоналистомъ въ противоположность антитрадиціоналистамъ или гиперкритикамъ. О. Де-Кара считаетъ нужнымъ пояснить, что преданіе для него значитъ много, но не все, и оно не имѣло бы для него, какъ для гиперкритиковъ, никакой цѣнности, если бы оно принималось, какъ первоначальный и единственный источникъ древней исторіи. Первоначальнымъ, основнымъ и настоящимъ источникомъ о гетеяхъ-пелазгахъ и ихъ переселеніяхъ служитъ для него не преданіе въ собственномъ смыслѣ, а исторія Востока, заключающаяся въ письменныхъ памятникахъ, общественныхъ и монументальныхъ, египетскихъ и ассиро-халдейскихъ, въ которыхъ прямо говорится объ этихъ народахъ, объ ихъ войнахъ, вѣрованіяхъ, искусствахъ и образованности. Если у азіатскихъ греческихъ историковъ въ ихъ отрывкахъ, равно какъ и у поэтовъ и историковъ собственной Греціи, мы находимъ извѣстія, относящіяся къ гетеямъ-пелазгамъ Азіи, Греціи, островамъ и Италіи, то извѣстія эти являются лишь болѣе или менѣе искаженными отголосками народовъ Азіи и Греціи XVI и XV вѣковъ и становятся удобопріемлемыми только при надлежащемъ освѣщеніи ихъ восточной исторіей.

Кромѣ исторіи Востока для изученія до-исторической Италіи служатъ необходимыми дисциплинами палеоэтнологія, антропологія и филологія. Для представителя гиперкритической школы въ Италіи, профессора Паиса, всѣ эти дисциплины мало или вовсе не имѣютъ значенія. При такомъ взглядѣ на дѣло, сопровождаемомъ къ тому же и полнымъ неуваженіемъ къ преданію, никакая древнѣйшая исторія италійскихъ народовъ невозможна. Но лучшіе итальянскіе ученые не имѣютъ ничего общаго съ столь безотрадной школой, какую представляютъ собой гиперкритики. Авторъ поименовываетъ Орси, Пигорини, Бриціо, Колини, которые придаютъ огромную важность палеоэтнологіи, оказавшей столько неоцѣненныхъ услугъ въ дѣлѣ ознакомленія съ до-исторической Италіей, указываетъ и на выдающихся иностранныхъ ученыхъ, каковы Монтеліусъ, Шантръ, Гельбигъ, служащіе представителями палеоэтнологическихъ студій въ европейскомъ ученомъ мірѣ. Рядомъ съ этимъ онъ указываетъ, какъ на одну изъ важнѣйшихъ задачъ итальянской палеоэтнологіи, на раскопки въ городахъ, сохранившихъ киклопическія или пелазгическія стѣны. И надо сказать правду, что если, наконецъ, теперь приступлено къ такимъ

раскопкамъ, то этимъ ученый міръ обязанъ преимущественно многолѣтнимъ и настойчивымъ напоминаніямъ нашего автора, который питаетъ твердое убѣжденіе, что киклопическія стѣны Италіи принадлежатъ пелазгамъ.

Собираясь говорить о пелазгахъ въ Италіи, авторъ заявляетъ, что онъ не имѣетъ въ виду при этомъ вести рѣчь вообще о народахъ до-исторической Италіи, особенно онъ не будетъ касаться сѣверной Италіи, гдѣ пелазговъ никогда не было, за исключеніемъ сѣверо-восточнаго угла ея, гдѣ обитали венеты, которыхъ онъ признаетъ за гетеевъ-пелазговъ, наравнѣ съ италами южной Италіи. Въ то же время онъ считаетъ нужнымъ протестовать противъ примѣненія имени *италиковъ* къ арійскимъ народамъ сѣверной Италіи, кельтамъ и умбрамъ, такъ какъ италы или италики, давшіе названіе Италіи южной оконечности полуострова, или какъ думаетъ авторъ, получившіе свое имя отъ имени страны, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми народами индо-европейской семьи, а суть именно гетеи-пелазги, распространившіеся изъ южной Италіи и въ среднюю. Но тутъ авторъ вступаетъ ногой въ ту темную область своихъ выводовъ, которую онъ долженъ будетъ намъ разъяснить въ разсматриваемомъ томѣ его сочиненія.

Заканчивая свое *Введеніе*, онъ не безъ горделиваго сознанія важности своего труда заявляетъ, что онъ первый пытается освѣтить италійскія первобытныя времена свѣтомъ открытій и изученія Востока, „чего древніе писатели не могли сдѣлать, а новые не успѣли или не хотѣли“ (p. 32).

* * *

Содержаніе третьяго тома „Гетеевъ-Пелазговъ“ распадается на двадцать восемь главъ, изъ которыхъ семь первыхъ занимаются итальянской палеоэтнологіей. Но палеоэтнологія не есть та область, въ которой о. Де-Кара можетъ считаться хозяиномъ. Да онъ и самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (p. 54): non sono paletnologo, nè professo paletnologia (я не палеоэтнологъ и не занимаюсь палеоэтнологіею). Этимъ заявленіемъ авторъ отнимаетъ у рецензента право относиться къ этой части его труда съ строгой критикой. Но оно, въ то же время, и не освобождаетъ рецензента отъ обязанности указать на несостоятельность и ошибочность разныхъ его палеоэтнологическихъ мнѣній и выводовъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что несо-

стоятельность и ошибочность мнѣній и выводовъ въ данномъ случаѣ зависятъ не столько отъ того, что авторъ вращается тутъ на чужой для него почвѣ, но и отъ заранѣе принятой имъ точки зрѣнія на до-историческія населенія Италіи.

Въ первой главѣ, озаглавленной „Италики въ итальянской палеоэтнологіи", авторъ, указавъ, по преимуществу словами Пигорини и Бриціо, на важное значеніе и большіе успѣхи новой школы палеоэтнологовъ въ Италіи, въ сжатомъ очеркѣ описываетъ, по статьямъ Пигорини, террамары и найденную въ нихъ культуру съ приложеніемъ рисунковъ многихъ предметовъ бронзовой эпохи, которые въ болѣе ясномъ и отчетливомъ видѣ изображены на моихъ таблицахъ. Трудъ этотъ о. Де-Кара облегчилъ себѣ тѣмъ, что взялъ въ основаніе своего изложенія не изслѣдованія Пигорини, разсѣянныя какъ въ его собственномъ журналѣ—*Bullettino di paletnologia italiana*, такъ въ *Monumenti antichi* и въ другихъ изданіяхъ Академіи Линчеевъ (*Memorie, Transunti, Rendiconti, Notizie degli scavi*), а два резюмэ работъ, сдѣланныхъ самимъ Пигорини,—одно раннее, относящееся еще къ 1870 г. и помѣщенное въ литературномъ журналѣ—*Nuova Antologia*, а другое, сдѣланное имъ въ 1892 году на географическомъ съѣздѣ въ Генуѣ и напечатанное въ *Atti* этого ученаго итальянскаго съѣзда. Вслѣдствіе того характеристика мѣстъ культуры бронзовой эпохи вышла у автора слишкомъ общею, не дающею понятія о разныхъ фазахъ бронзовой культуры террамаръ, а также отчасти и то, что въ рисункахъ, приложенныхъ авторомъ для иллюстраціи текста, въ число предметовъ бронзовой эпохи попали предметы начала желѣзнаго вѣка. Послѣднее всего скорѣе случилось потому, что предметы эти были сняты фотографически для о. Де-Кары въ Доисторическомъ музеѣ безъ всякаго участія автора въ ихъ выборѣ. Впрочемъ, то, что автору извѣстны и другіе труды Пигорини, онъ доказалъ въ теченіе своего труда разными ссылками на нихъ и выписками. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что онъ, не изучивъ надлежащимъ образомъ представляемаго террамарами археологическаго матеріала и не подвергнувъ его должному сравненію съ матеріаломъ средней Италіи, дѣлаетъ выводы, рѣзко противорѣчащіе какъ выводамъ Пигорини, такъ и моимъ собственнымъ, основаннымъ, главнымъ образомъ, на этомъ сравненіи. Пигорини, какъ извѣстно, выводитъ изъ террамаръ не только такъ называемую культуру Вилланови, но и народъ, бывшій носителемъ этой культуры въ Этруріи, и арійское

населеніе Лаціума. Я въ своей книгѣ рѣшительно оспаривалъ [1]) происхожденіе культуры Виллановы изъ террамаръ, какъ и смѣшеніе умбровъ съ одной стороны съ латинянами, а съ другой съ этрусками, что̀ дѣлаетъ Пигорини вмѣстѣ съ Гельбигомъ и Гирардини, причисляя этрусковъ, несмотря на полную особенность ихъ языка, на литературное преданіе, выводящее ихъ изъ Малой Азіи, и на особенность ихъ религіи и культуры, къ одному племени съ умбрами и латинянами. Но для меня, какъ и для Пигорини, совершенно ясно, въ виду поразительной культурной связи [2]) латинскихъ поселеній въ Лаціумѣ съ культурой террамаръ, что арійское населеніе Лаціума принадлежитъ къ той самой вѣтви, которая, явившись изъ-за Альпъ въ сѣверную Италію и усѣвшись въ венетскихъ палафиттахъ и въ ломбардскихъ, а, особенно, въ эмилійскихъ террамарахъ, принуждена была къ концу бронзоваго или къ началу желѣзнаго вѣка покинуть свои свайныя поселенія и двинуться на югъ по берегу Адріатическаго моря и за Апеннины [3]). Де-Кара одинаково отвергаетъ связь населенія террамаръ какъ съ Этруріей, такъ и съ Лаціумомъ. Но на какихъ основаніяхъ? Онъ не входитъ вовсе въ разсмотрѣніе палеоэтнологическихъ аргументовъ, приводимыхъ Пигорини и мною, словно аргументы эти его и не касаются, а пускается въ разсужденіе о привязанности обитателей террамаръ къ своимъ жилищамъ, что̀ будто бы и дѣлаетъ невѣроятнымъ ихъ переселеніе въ другія мѣста полуострова. При этомъ почтенный авторъ забываетъ, что, несмотря на эту привязанность къ разъ устроенному мѣсту жительства, обитатели террамаръ все-таки должны были по причинамъ, въ точности намъ неизвѣстнымъ, покинуть свои свайныя постройки и уйти въ другое мѣсто, такъ какъ культурные остатки террамаръ не простираются дальше конца бронзоваго или начала желѣзнаго вѣка. Если же они ушли изъ своихъ насиженныхъ мѣстъ—конечно, не добровольно,—то почему же они (вѣроятно, преслѣдуемые новыми пришельцами) не могли дойти до долины Тибра, гдѣ и поселились въ горныхъ мѣстахъ по ту и другую сторону этой рѣки? А что они именно тутъ поселились—хотя нѣкоторые изъ нихъ, не переходя Апенниновъ, двинулись далѣе къ югу и дошли до Іоническаго моря—объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего появившійся въ этихъ мѣстахъ арійскій языкъ, извѣстный

[1]) Введеніе въ Римскую исторію. Часть I, стр. 184 слд., 200 слд.

[2]) Тамъ же, стр. 151 слд.

[3]) Тамъ же, стр. 141 слд.

намъ теперь подъ именемъ латинскаго, затѣмъ принесенный сюда же неизвѣстный тутъ раньше обрядъ трупосожженія, принесенный въ Италію именно обитателями террамаръ, далѣе—общая во многихъ случаяхъ террамарамъ и Лаціуму керамика, особенно бьющая въ глаза маленькими сосудами вотивнаго значенія, общими террамарамъ, складу этихъ сосудовъ, найденному на Квириналѣ въ Римѣ, а также подъ храмомъ Matris Matutae въ Сатрикѣ (нын. Конкѣ) и указывающими на общность во всѣхъ этихъ трехъ мѣстахъ религіознаго обряда. Эту же связь террамаръ съ Лаціумомъ подтверждаютъ не только общія формы керамики съ характеристической для террамаръ и для Лаціума лунообразной ручкой, но и ея бугорчатый и веревочный орнаменты. Ее же доказываютъ и принесенные на берега Тибра остатки бронзовой культуры террамаръ, о чемъ особенно громко говоритъ найденная въ Аллюмьере обоюдоострая бритва, которую на Апеннинскомъ полуостровѣ знали только террамары [1]) и отчасти югъ Италіи подъ Сицилійскимъ вліяніемъ [2]). Наконецъ, о томъ, что поселившіеся въ Лаціумѣ арійцы вышли именно изъ террамаръ, доказываетъ особенная любовь того и другого населенія къ опредѣленнымъ нормамъ постройки селеній, именно, къ четыреугольной ихъ формѣ (Roma quadrata), проведеніе улицъ по линіямъ kardo и decumanus, какъ это до конца древняго міра соблюдалось въ устройствѣ римскихъ лагерей; сюда же относится и общій террамарамъ и латинянамъ обычай хоронить мертвыхъ, хотя бы это былъ только ихъ пепелъ съ обожженными костями, внѣ черты селенія, что̀ было въ Римѣ потомъ утверждено и закономъ XII таблицъ [3]). О всѣхъ этихъ фактахъ о. Де-Кара подумалъ мало, и если подумалъ, то затѣмъ, чтобы прійти къ заключенію, что онъ не видитъ никакихъ слѣдовъ культуры террамаръ въ Лаціумѣ, и если затѣмъ принужденъ допустить нѣкоторые изъ нихъ, какъ обрядъ сожженія и сходства въ керамикѣ, то говоритъ, что объясненія имъ надо искать не въ террамарахъ. Такъ, лунообразная ручка встрѣчается-де и въ другихъ мѣстахъ. Конечно, встрѣчается; но или не такихъ формъ или не такъ часто, какъ въ террамарахъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ Ла-

---

[1]) Аргументы въ пользу связи террамаръ съ Лаціумомъ въ достаточно развитомъ и въ значительной степени подкрѣпленномъ изображеніями предметовъ видѣ приведены въ VI главѣ моего „Введенія въ Римскую исторію", I, стр. 151 слд.

[2]) См. Орси въ *Notizie degli scavi*, 1902, p. 37 sq.

[3]) Cic., De leg. II, 23.

ціума. Сожженіе труповъ составляло принадлежность не однихъ жителей террамаръ, но есть общее достояніе аріевъ. Оно, дѣйствительно, общее достояніе аріевъ, за исключеніемъ, впрочемъ, иранцевъ, огненный культъ которыхъ не допускалъ сожженія труповъ; но вѣдь долженъ же былъ какой-нибудь арійскій народъ принести его въ Лаціумъ. А этимъ народомъ могли быть только жители террамаръ, первые арійцы въ Италіи. Явившіеся гораздо послѣ ихъ умбры, носители культуры Вилланова, т.-е. культуры желѣзнаго вѣка, не могли принести этого обряда въ Лаціумъ уже потому, что древнѣйшіе слѣды культуры альбанскихъ горъ суть слѣды культуры террамаръ, а не Вилланова съ ея характеристическимъ двуконусообразнымъ оссуаріемъ, который изъ многихъ сотенъ разрытыхъ могилъ въ альбанскихъ горахъ попался всего два раза.

Такимъ образомъ, всѣ возраженія о. Де-Кары противъ происхожденія латинянъ изъ террамаръ падаютъ сами собой. Но у него есть въ запасѣ одно, сильнѣйшее, которое было выставлено противъ меня и многоуважаемымъ А. О. Энманомъ [1]). Оно заключается въ томъ, что если бы латиняне вышли изъ террамаръ, то и по приходѣ въ Лаціумъ стали бы также строить террамары, а, между тѣмъ, слѣдовъ террамаръ въ Лаціумѣ не обрѣтается, хотя въ римской равнинѣ, по мнѣнію о. Де-Кары, и были мѣста, удобныя для рода жизни обитателей террамаръ и палафиттъ, по причинѣ ея „болотистаго состоянія" и близости Тибра и Аніо. „Слѣдовательно, заключаетъ авторъ, обитатели террамаръ (terramaricoli) никогда не вступали на почву Рима и Лаціума" (р. 51).

Заключеніе сдѣлано очень поспѣшно.

Прежде всего, нужно замѣтить, что населеніе, непосредственно вышедшее изъ террамаръ, и въ самомъ дѣлѣ едва ли вступило на почву Рима и Лаціума. Все заставляетъ думать, что оно двигалось въ Лаціумъ не одинъ годъ, даже не одинъ десятокъ лѣтъ, двигалось, не имѣя въ виду опредѣленнаго мѣста для переселенія, какъ теперь двигаются наши переселенцы въ Сибирь, а европейскіе въ Америку или Австралію. Оно двигалось многіе годы, какъ переселялись народы въ древнѣйшую пору, останавливаясь, гдѣ можно и гдѣ было удобно, со своими женами, дѣтьми, скотомъ и домашней рухлядью, на продолжительное время, иногда съ намѣреніемъ остаться и навсегда на томъ или другомъ мѣстѣ. Такъ, именно, было съ выходцами изъ

[1]) Въ петербургскомъ археологическомъ обществѣ.

террамаръ. Идя по берегу Адріатическаго моря, они пытались остановиться въ Пиценѣ и даже стали строить тутъ свайныя поселенія, одно изъ которыхъ и было открыто близъ Оффиды. Въ Пиценѣ эти выходцы оставались, быть можетъ, не одинъ десятокъ лѣтъ, пока не были принуждены броситься въ горы и даже перейти на другую ихъ сторону. Съ Пиценомъ, какъ мы знаемъ, соединяли потомъ латинянъ религіозныя вѣрованія. Дѣдъ царя Латина былъ Пикъ, который считался первымъ царемъ Лаціума и имѣлъ культъ на Авентинѣ. Въ своемъ „Введеніи въ Римскую исторію" я указывалъ [1]) какъ на этотъ фактъ, такъ и на тотъ, что съ Пиценомъ, какъ и съ террамарами, связываетъ Лаціумъ сѣточная форма веревочнаго орнамента въ керамикѣ. Если, такимъ образомъ, выходцы изъ террамаръ, проходя Пиценомъ, успѣли оставить тамъ свои слѣды въ мѣстной керамикѣ и связать съ нимъ свои религіозныя вѣрованія, то это показываетъ, что остановка въ этой области была продолжительна, такъ что успѣло народиться новое поколѣніе, которое тамъ не усидѣло и двинулось дальше. Но римскія преданія связываютъ завоевателей Лаціума съ пребываніемъ ихъ въ области Реате (нын. Рьети), одной изъ самыхъ плодоносныхъ областей Италіи, впослѣдствіи сдѣлавшейся достояніемъ сабинянъ. Это была, значитъ, другая продолжительная остановка на пути въ долину Тибра, куда завоеватели Лаціума, населеннаго лигурійскимъ племенемъ, двинулись, по всей вѣроятности, лишь потому, что принуждены были предоставить плодоносную долину Велинскаго озера другимъ обладателямъ. Итакъ, должно было пройти немало времени, прежде чѣмъ вышедшіе изъ террамаръ арійцы, по всей вѣроятности, уже въ лицѣ новаго поколѣнія достигли Лаціума, гдѣ, одолѣвъ исконное населеніе, имъ пришлось, уже и въ видахъ безопасности, занять не равнины, а горы. Новыя условія вызвали и новый способъ обитанія. Естественнѣе этого и быть не могло. Для свайныхъ построекъ, озерныхъ, болотныхъ и сухопутныхъ, тутъ, въ Альбанскихъ горахъ, или на Римскихъ холмахъ, или въ горахъ Тольфы и Аллюмьере, не было никакихъ оснований. Да и вообще свайныя постройки, какъ въ сѣверной Италіи, такъ и въ сосѣдней съ нею Швейцаріи и въ южно-австрійскихъ земляхъ частію еще до начала желѣзнаго вѣка, частію въ теченіе его прекратили свое существованіе. Если же онѣ прекратили свое существованіе на своихъ стародавнихъ мѣстахъ, то какія причины могли вызвать его на новыхъ? Террамара,

---

[1]) Стр. 147.

устроенная на берегу Іоническаго моря, въ Таранто, равно какъ и раньше сдѣланныя попытки завести свайныя поселенія на берегахъ Адріатическаго моря, являются пережитками прежней эпохи, для которыхъ въ новыхъ условіяхъ жизни уже не было разумнаго основанія.

Послѣ настоящаго разъясненія я считаю вопросъ о происхожденіи латинянъ изъ террамаръ исчерпаннымъ и, полагая, что этимъ отвѣтилъ одинаково какъ о. Де-Карѣ, который возражаетъ собственно Пигорини, такъ и г. Энману, о рефератѣ котораго въ Петербургскомъ археологическомъ обществѣ, прочтенномъ тамъ въ мое отсутствіе изъ Петербурга, я впрочемъ не имѣю никакихъ печатныхъ сообщеній, а имѣю лишь одно письменное, полученное въ Римѣ.

Въ той же главѣ о. Де-Кара попутно затрагиваетъ разные вопросы, высказывая по нимъ свое мнѣніе, то вѣрное, то сомнительное, то прямо невѣрное. Къ вѣрнымъ мнѣніямъ относится заявленіе, что этрусковъ никакимъ образомъ нельзя относить къ италикамъ, какъ и то, что и умбры не могли выйти изъ террамаръ; къ сомнительнымъ—то, будто слова Палатинъ и Авентинъ—сабинскаго происхожденія; къ явно невѣрнымъ относится мнѣніе, будто латиняне и вольски обитали въ уходящихъ на половину въ землю эллиптическихъ или круглыхъ хижинахъ, какія открыты въ Конкѣ (древн. Satricum), тогда какъ извѣстно, что такого рода уходящія на половину въ землю хижины составляли принадлежность лигуровъ на всей территоріи Апеннинскаго полуострова. Въ этомъ сказалось недостаточное знакомство автора съ данными итальянской палеоэтнологіи.

Продолжая въ слѣдующей главѣ (II), на основаніи тѣхъ же палеоэтнологическихъ данныхъ, вести рѣчь о различныхъ народахъ, населявшихъ Италію въ до-историческія времена, авторъ считаетъ нужнымъ на этотъ разъ подняться къ временамъ каменнаго вѣка, начиная съ археолитической (иначе палеолитической) эпохи и спускаясь затѣмъ къ бронзовому и, наконецъ, къ 1-му желѣзному вѣку. Обо всемъ этомъ говорится въ одной главѣ, слѣдовательно въ самыхъ общихъ чертахъ, и говорится для того, чтобы дать читателю понятіе о палеоэтнологической хронологіи, „эпилогѣ всѣхъ главныхъ вопросовъ, составляющихъ предметъ палеоэтнологическихъ студій" (р. 58—59). Цѣль автора похвальна тѣмъ болѣе, что въ итальянской литературѣ—странное дѣло!—до сихъ поръ не было дано такой картины до-историческаго быта полуострова. Только само собою понятно, что такого рода общія обозрѣнія всего цѣлесообразнѣе дѣлать не лицу, которое само себя признаетъ дилетантомъ, недостаточно компетент-

нымъ въ дѣлѣ палеоэтнологіи, а такому, для котораго занятіе палеоэтнологіей составляетъ спеціальность. Но, какъ это часто бываетъ, спеціалисты, занятые постоянно разработкою новыхъ вопросовъ или деталями старыхъ, не имѣютъ времени для составленія общихъ обозрѣній или оставляютъ эту работу до той поры, когда всѣ отдѣльные вопросы достигнутъ полнаго разрѣшенія. А такъ какъ такой поры никогда не наступаетъ, то работа, о которой идетъ рѣчь, и откладывается постоянно ad Kalendas graecas. Приходится браться за такую работу другимъ, тѣмъ, кому она необходима для ихъ изслѣдованій, требующихъ новой опоры.

Намъ нечего останавливаться на краткихъ изображеніяхъ эпохъ археолитической, неолитической и энеолитической, не представляющихъ никакого, по крайней мѣрѣ чувствительнаго, уклоненія отъ обычнаго представленія этихъ періодовъ человѣческой жизни въ Италіи. Болѣе интереса представляетъ отношеніе о. Де-Кары къ бронзовому и первому желѣзному вѣку, насколько онъ тутъ проявляетъ свое отношеніе къ спорнымъ вопросамъ и ихъ рѣшеніямъ или высказываетъ мнѣнія, стоящія съ нашей точки зрѣнія во враждѣ съ истиной. Такимъ образомъ, нужно отмѣтить, что въ спорѣ между Бриціо и Пигорини о томъ, какому народу принадлежитъ устройство палафиттъ и террамаръ, онъ рѣшительно, какъ и мы сами, отвергаетъ мнѣніе Бриціо, по которому свайныя постройки озерныхъ палафиттъ и террамаръ принадлежатъ лигурамъ, и основательно находитъ, что широкое географическое распространеніе палафиттъ (отъ Савойи до Венгріи и отъ бассейна Ивреи до Босніи) стоитъ въ согласіи съ широкимъ распространеніемъ по Европѣ арійскихъ народовъ. Рядомъ съ этимъ признаетъ принятіе лигурами во многихъ мѣстахъ сѣверной Италіи бронзовой культуры террамаръ. Но рѣшительно возстаетъ противъ давно, впрочемъ, заявленнаго Орси мнѣнія о связи культуры террамаръ съ микенскою, сопровождая свое несогласіе слишкомъ рѣзкимъ заявленіемъ: „не вижу тутъ даже тѣни сходства“ (р. 76). Орси безъ сомнѣнія, какъ это было мною, еще нѣсколько лѣтъ назадъ, замѣчено [1]), не имѣлъ основанія выводить изъ сходства найденныхъ въ Микенахъ и въ террамарахъ фибулъ скрипочнымъ смычкомъ, fibule ad arco di violino, этнической связи между населеніями обѣихъ мѣстностей, тѣмъ болѣе, что фибула есть явленіе позднее въ ми-

[1]) О томъ, откуда пришли, и кто были латиняне, стр. 28 отд. изд. (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* ноябрь 1898, стр. 26).

кенской культурѣ. Затѣмъ вѣрно и то, что ни въ керамикѣ, ни въ другихъ ремеслахъ, ни въ постройкахъ нѣтъ ничего общаго между микенской культурой и культурой террамаръ. Да, по всей вѣроятности, и самъ Орси теперь не думаетъ, что носители микенской культуры и обитатели свайныхъ построекъ въ сѣверной Италіи были люди одного племени. Но съ другой стороны, нельзя отвергать и извѣстной зависимости италійской культуры бронзоваго вѣка отъ микенской, которая такъ сказалась въ Сициліи и южной Италіи. Связь мѣдныхъ издѣлій террамаръ съ кипрскими свидѣтельствуетъ по меньшей мѣрѣ о существованіи косвенныхъ отношеній сѣверной Италіи къ восточной средиземноморской культурѣ въ эпоху, еще предшествующую развитію собственно микенской культуры. Затѣмъ въ началѣ желѣзнаго вѣка позднее микенское вліяніе явно сказывается какъ по сѣверную, такъ и по южную сторону Апенниновъ. Слѣдовательно, въ ту эпоху, когда микенское вліяніе было господствующимъ въ средиземноморскихъ странахъ и когда оно такъ сильно дѣйствовало на Сицилію (2-й періодъ сикульской культуры), оно естественно должно было такъ или иначе чувствоваться и въ современной ему культурѣ террамаръ. Оно и сказывается въ одинаковой фибулѣ, зашедшей въ микенскую эпоху не только въ долину По, но и въ Сицилію (найдена въ Панталикѣ и въ Коццо ди Пантано). Это фактъ, съ которымъ нужно считаться, и напрасно о. Де-Кара отдѣлывается отъ него заявленіемъ, что фибула родилась на берегахъ Дуная, какъ это ему подсказалъ австрійскій археологъ Гёрнесъ [1]). Не съ береговъ же Дуная фибула микенскаго типа пришла въ Сицилію, да и основательность предположенія Гёрнеса о происхожденіи фибулы подлежитъ большому сомнѣнію. Если такая фибула найдена въ Босніи, въ Глазинацѣ, то она найдена также и въ греческихъ могилахъ въ Египтѣ, современныхъ Аменофису III, что̀ заставляетъ ее относить къ XV столѣтію до Р. Х. и что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ уже нисколько не говоритъ въ пользу дунайскаго происхожденія этого предмета.

Переходя къ желѣзному вѣку, авторъ не касается важнаго и спорнаго вопроса о происхожденіи культуры Виллановы и не возражаетъ противъ происхожденія ея изъ террамаръ, почти общепринятаго, но, по нашему мнѣнію, вполнѣ ошибочнаго. Говоря въ концѣ этой и въ слѣдующей главѣ (III) о народахъ, представителяхъ культуры начала желѣзнаго вѣка, онъ, какъ и мы, совершенно исключаетъ

[1]) Ursprung der Fibel, въ *Serta Harteliana*, p. 100 sq.

происхожденіе умбровъ изъ террамаръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и повторяетъ свое заявленіе о невозможности происхожденія латинянъ отъ обитателей террамаръ, принужденныхъ искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія, и при этомъ снова высказываетъ свое ни на чемъ неоснованное мнѣніе, будто *террамарикoлы* „никогда не покидали своихъ палафиттъ“ (p. 87). Не допускаетъ арійскаго происхожденія венетовъ, а приписываетъ этому народу пелазгическое происхожденіе. То и другое утвержденіе не опирается ни на какіе осязательные факты, и положительно противорѣчитъ палеоэтнологическимъ даннымъ его заявленіе, будто венетская культура развилась внѣ Италіи, тогда какъ тѣсная связь этой культуры съ культурой Виллановы бросается въ глаза, несмотря на нѣкоторыя—несущественныя—особенности культуры, представляемой некрополемъ Эсте и другими могильниками венетовъ внутри и внѣ Италіи. Но выдѣлить венетскую культуру изъ связи съ италійской требовала его пелазгическая теорія, по которой онъ представляетъ себѣ венетовъ пелазгами. Конечно, венетская народность до нѣкоторой степени есть еще спорный вопросъ, но для того, чтобы считать венетовъ пелазгами, все-таки нужно имѣть много смѣлости, для того по крайней мѣрѣ, кто не зараженъ пелазгоманіей. Впрочемъ объ этомъ вопросѣ будетъ еще рѣчь впереди.

Въ III главѣ, которой мы отчасти коснулись, о. Де-Кара, послѣ разсужденія о томъ, что установленное датскими археологами дѣленіе до-исторической эпохи на вѣка — каменный, бронзовый и желѣзный не вполнѣ отвѣчаетъ фактамъ, снова возвращается къ террамарамъ и къ мнѣніямъ разныхъ ученыхъ о народности ихъ обитателей (Пигорини, Бриціо, Серджи, Бертрана) и говоритъ объ умбрахъ, кельтахъ и лигурахъ. Это возвращеніе къ раньше трактованнымъ сюжетамъ объясняется тѣмъ, что книга автора составилась изъ статей, печатавшихся одна за другой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и хотя содержаніе ихъ и слѣдовало извѣстному плану, но все-таки это были отдѣльныя статьи, иногда вызывавшіяся особыми случаями и нерѣдко возвращавшіяся къ прежнимъ вопросамъ ради ихъ большаго уясненія. Но мы теперь оставимъ террамары уже въ покоѣ, прибавивъ къ сказанному раньше лишь то, что авторъ совершенно вѣрно отказываетъ во всякой основательности мнѣнію Пигорини и Гельбига, вводящихъ въ террамары этрусковъ и считающихъ ихъ вмѣстѣ съ Латтесомъ арійскимъ народомъ, такими же италиками, каковы латиняне и умбры. Восточное происхожденіе этрусковъ, дѣйствительно, до того очевидно, что авторъ имѣлъ полное право обозначить мнѣніе выше-

означенныхъ ученыхъ, какъ одно изъ тѣхъ мнѣній, которымъ предназначено умереть и которое онъ считаетъ уже умершимъ, „безъ всякаго о немъ сожалѣнія" (p. 101). При этомъ случаѣ авторъ приводитъ очень хорошее мѣсто изъ статьи Солом. Рейнака [1]), гдѣ говорится, что если бы даже древніе тексты совершенно безмолвствовали объ этрускахъ, то открытіе въ Клазоменахъ (въ Лидіи) расписныхъ саркофаговъ, очень напоминающихъ древнюю этрусскую живопись, должно было бы само по себѣ придать полное значеніе гипотезѣ о ихъ выселеніи изъ Лидіи, которая передается Геродотомъ.

Естественно, что слѣдующую главу (IV) авторъ посвящаетъ вопросу объ этрускахъ, хотя онъ потомъ будетъ о нихъ говорить не одинъ разъ.

Говорить объ этрускахъ, значитъ поднимать одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ древней исторіи. Но для автора это—вопросъ первостепенной важности, который тѣсно связанъ съ идеей всего его труда о пелазгахъ. Онъ подходилъ къ этому вопросу еще во II томѣ, когда говорилъ о пелазгическихъ поселеніяхъ на островѣ Лемносѣ, гдѣ въ 1866 году были найдены надписи, писанныя древними греческими буквами, но на языкѣ неизвѣстномъ, который, по ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ, оказался совершенно похожимъ на языкъ этрусскихъ надписей. Въ другой разъ, въ томъ же томѣ онъ затрагиваетъ этотъ вопросъ, когда говоритъ объ о. Лесбосѣ, какъ также объ одномъ изъ пелазгическихъ поселеній, о чемъ говорятъ не только древніе писатели, но и прежнія имена этого острова: *Пелазгія* [2]) и *Исса* [3]). Приступая теперь къ этой задачѣ, разрѣшеніе которой имъ было подготовлено въ предыдущемъ томѣ, путемъ совершенно самостоятельнымъ, о. Де-Кара считаетъ нужнымъ, прежде всего, указать читателю на сходные по этрусскому вопросу выводы, къ какимъ пришелъ, идя своимъ собственнымъ путемъ, одинъ изъ первостепенныхъ археологовъ нашего времени, шведскій ученый Оскаръ Монтеліусъ. Передавъ сначала взглядъ Монтеліуса на до-классическую хронологію, взглядъ, проведенный этимъ ученымъ въ своемъ мемуарѣ, съ которымъ онъ выступилъ въ Лондонскомъ антропологическомъ институтѣ [4]), авторъ переходитъ къ другому мемуару Монтеліуса, прочтен-

[1]) Въ *Anthropologie* t. VIII (1897), Mars-Avril, p. 222.

[2]) Strab. V, 2, 4.

[3]) Id. I, 3, 19.

[4]) См. въ *Journal of the Antropological Institute* of Great Britain and Ireland, vol. XXVI (1897), p. 261—271.

ному въ засѣданіи того же института (14-го декабря 1896 г.), въ которомъ шведскій археологъ излагаетъ съ такою же твердостью, съ какою выраженъ его взглядъ на до-историческую хронологію въ Греціи и Италіи, свою теорію о происхожденіи микенской культуры изъ Азіи [1]). Кстати замѣтить, что чтеніе того и другого мемуара Монтеліуса вызвало чрезвычайно интересныя пренія, въ которыхъ приняли участіе компетентнѣйшіе археологи въ Англіи: Артуръ Эвансъ и Майресъ (Myres), высказавшіе возраженія, о которыхъ я надѣюсь имѣть случай говорить—что будетъ болѣе кстати—во 2-й части своего „Введенія въ римскую исторію".

Теорія Монтеліуса относительно распространенія культуры изъ Азіи въ Европу заключается въ слѣдующемъ. Въ отдаленнѣйшее время изъ долины Евфрата, гдѣ уже тогда процвѣтала высокая культура, культура эта двинулась къ берегамъ Средиземнаго моря. На пути же отъ Евфрата къ Средиземному морю мы находимъ царство гиттитовъ (Гетеевъ, по терминологіи Де-Кары), которое занимало Сирію и значительную часть Малой Азіи. Этимъ-то народомъ восточная цивилизація и была принесена изъ Халдео-ассирійскихъ странъ къ малоазіатскимъ берегамъ, откуда естественно она должна была перейти на острова Эгейскаго моря и на берега Греціи. Это была бронзовая культура, источникъ такъ называемой микенской культуры, и появилась въ этихъ мѣстахъ гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Она обладала извѣстной архитектурой, скульптурой, стѣнною живописью и живописью на керамикѣ, рѣзьбой на камняхъ, произведеніями изъ золота, серебра, янтаря, алебастра и ляписъ-лазури, а также и письмомъ, какъ это недавно доказано открытіями Эванса. Культура эта въ Греціи и на ея островахъ не была туземною, и не есть продолженіе болѣе древней мѣстной культуры. Это доказывается уже тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ до нея трупы клались въ небольшія могилы, выкопанныя въ землѣ и облагавшіяся кругомъ камнями; а въ микенскую эпоху могилы состояли или изъ широкихъ ямъ, каковы могилы микенскаго акрополя, или изъ камеръ, куда былъ входъ сбоку. Большая часть оружія, утвари, личныхъ украшеній и произведеній керамики въ этихъ могилахъ совершенно различны отъ предметовъ предыдущаго періода, но имѣетъ сходство съ предметами, находимыми на Востокѣ. Для Монтеліуса очевидно

---

[1]) Preclassical chronology in Greece and Italy. Ibid. p. 251 — 261. The Tyrrenians in Greece and Italy (съ 16 таблицами).

(thus es evident), что микенская культура не произошла только въ силу вліянія, пришедшаго изъ другой страны, но *принесена* на острова Эгейскаго моря и въ Грецію *иммиграціей туда новаго народа*. Доказательствомъ служитъ то, что микенскія могилы суть того же рода, какъ вообще могилы въ Малой Азіи, но разнятся отъ характеристическихъ по своему могилъ финикійскихъ, вертикальныхъ колодцевъ съ боковой камерой на днѣ. Львы микенскихъ воротъ и множество другихъ особенностей ведутъ насъ также въ Малую Азію, но не въ Финикію и не въ Египетъ. Наконецъ, Малая Азія и Греція представляютъ рядъ общихъ имъ названій мѣстностей, какъ Олимпъ, Ида, Ларисса.

Иммиграція новыхъ элементовъ на греческіе острова и берега эллинскаго континента, происшедшая гораздо раньше XV вѣка до Р. Хр., къ которому относится расцвѣтъ микенской культуры, не была многочисленна и не истребила прежняго населенія, подобно тому, какъ римляне, вводя въ Галлію свою культуру, оставались тамъ въ меньшинствѣ. Пришельцы были изъ Каріи, Лидіи и другихъ мѣстъ мало-азійскаго побережья, но они не были собственно гиттиты, а находились лишь подъ вліяніемъ гиттитской культуры. Это былъ народъ, который греческое преданіе обозначаетъ именами пелазговъ, тирреновъ, иногда карійцевъ и лелеговъ. Имена эти связаны не только съ Греціей и ея островами, но и съ западомъ Малой Азіи. Несомнѣнно, что пелазги или тиррены и были носителями микенской культуры. Нѣкоторые новые историки стали видѣть въ пелазгахъ вообще населеніе, предшествовавшее эллинскому. Но греческіе писатели такъ не думали. Пелазги у нихъ особый народъ, жившій въ Греціи въ разныхъ мѣстахъ среди туземнаго населенія гораздо раньше пелазгической эпохи. Можетъ быть пелазги или тиррены, которыхъ нельзя отдѣлять друга отъ друга, были общимъ названіемъ этихъ поселенцевъ, подобно тому, какъ франки были общимъ названіемъ европейцевъ на Востокѣ или какъ датчане, обозначавшіе въ Англіи, въ эпоху викинговъ, не только датчанъ, но и шведовъ и норвежцевъ, или какъ,—прибавимъ мы, отъ себя—нѣмцами русскій народъ называетъ иногда и всѣхъ европейцевъ. Нашествіе дорянъ выгнало пелазговъ изъ Греціи и часть ихъ, смѣшанная съ туземнымъ населеніемъ, образовавшая, напримѣръ, іонянъ, выселилась въ Малую Азію, гдѣ образовала іонійскія колоніи, другіе направились на западъ, въ Сицилію и Италію. Главная часть прибывшихъ въ Италію поселилась между Тибромъ и Арно, гдѣ, какъ и въ Греціи, составляла меньшинство среди туземнаго населенія.

Эти поселенцы назывались у грековъ тирренами, у римлянъ — этрусками. Обстоятельство, что это былъ тотъ же народъ, который раньше жилъ въ Греціи, объясняетъ многія черты сходства въ артистическомъ и религіозномъ отношеніяхъ между греками и этрусками.

Дѣйствительно, греческое преданіе устами Гелланика [1]) говоритъ о пелазгахъ, пришедшихъ въ среднюю Италію изъ Ѳессаліи, отнявшихъ у умбровъ Кротону и Цере, занявшихъ большую часть Кампаніи и основавшихъ тамъ новую Ларису. Геродотъ [2]) говоритъ о тирренахъ, эмигрировавшихъ изъ Лидіи въ Этрурію. У лидянъ начала Римской Имперіи, по словамъ Тацита [3]), были въ рукахъ документы, въ которыхъ доказывалось происхожденіе этрусковъ изъ Лидіи. Противъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, къ которымъ авторъ присоединяетъ еще свидѣтельство Антиклида, стоитъ лишь личное мнѣніе Діонисія Галикарнасскаго [4]), считающаго этрусковъ туземцами въ Италіи, мнѣніе, имѣющее не больше значенія, чѣмъ мнѣніе новаго писателя, и не имѣющее за себя ни какого-либо преданія, ни какого-либо историческаго факта. „Нѣмецкая теорія“, производящая этрусковъ изъ Тироля, стоитъ въ противорѣчіи какъ съ греческимъ преданіемъ, такъ и съ археологическими фактами. Факты эти слѣдующіе: 1) Въ теченіе бронзоваго вѣка нѣтъ культурнаго различія между сѣверною и среднею Италіей, при чемъ не замѣчается сильнаго иностраннаго вліянія, которое бы указывало на свѣжую иммиграцію. Въ послѣдній періодъ этого вѣка (то, что обыкновенно принимаютъ за начало желѣзнаго, замѣтимъ мы отъ себя) могилы какъ на сѣверѣ, такъ и въ центрѣ полуострова представляютъ собой колодцы, въ которые опускался оссуарій съ прахомъ сожженнаго трупа. Но съ наступленіемъ желѣза все измѣняется. Въ сѣверной Италіи, куда желѣзо проникло позже (?), продолжаются могилы колодцемъ и съ трупосожженіемъ; въ средней, рядомъ съ такими же могилами, является уже много съ трупопогребеніемъ и масса предметовъ, уже не имѣющихъ отношенія къ типамъ предметовъ бронзоваго вѣка въ Италіи. Однѣ изъ этихъ могилъ — такія же ямы, какъ и наши могилы, съ входомъ въ нихъ сверху, другія — въ видѣ камеръ съ входомъ сбоку. Тутъ намъ необходимо сдѣлать примѣчаніе. Высказывая относительно распредѣленія типа мо-

[1]) Гелланикъ у Діонисія Гал., I, 28 (Fragm. H. Gr., I, 286).

[2]) I, 94.

[3]) *Ann.* IV, 55.

[4]) I, 28.

гилъ въ сѣверной и средней Италіи понятія, не совсѣмъ вѣрныя, Монтеліусъ высказываетъ еще болѣе спорную вещь, что могилы *a camera* въ Этруріи не явились послѣ могилъ *a fossa*, какъ принято думать, на основаніи имѣющихся на лицо данныхъ, а были современны имъ. Онъ упоминаетъ тутъ круглыя камеры со сводомъ, бывшія въ ходу въ Греціи еще въ микенскую эпоху. Такія камеры, говоритъ онъ, были открыты и въ Этруріи, только мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, что въ нихъ было найдено. Но несмотря на отсутствіе данныхъ для опредѣленія хронологіи такихъ камеръ, Монтеліусъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ весьма вѣроятнымъ, что онѣ принадлежали еще первому періоду пребыванія этрусковъ въ Италіи. За то онъ дальше высказываетъ совершенно вѣрную мысль, что перемѣна обряда погребенія здѣсь обозначаетъ перемѣну въ составѣ населенія, и если трупосожженіе по сѣверную сторону Апеннинов является лишь не раньше (?) VI вѣка до Р. Хр., то это объясняется тѣмъ, что этруски долго не переходили изъ средней Италіи за Апеннины. Лишь въ этотъ періодъ въ Болоньѣ являются могилы новаго типа и новые предметы.

Вообще прибытіе этрусковъ въ Италію Монтеліусъ относитъ къ XI столѣтію, ссылаясь на то, что ихъ первый saeculum тамъ считался начавшимся за 1050 лѣтъ до Р. Хр. Этруски, tursâ египетскихъ надписей, являются въ этихъ надписяхъ въ XIV и XIII столѣтіяхъ. Это, именно, народъ восточной части Средиземнаго моря, да и вѣроятнѣе, что tursâ приходили въ Египетъ изъ Эгейскаго моря, а не изъ Этруріи. Тиррены жили въ XIV и XIII столѣтіяхъ только въ Греціи и Малой Азіи. На островахъ Лесбосѣ и Лемносѣ они жили, по Геродоту [1]), еще около 500 г. до Р. Хр. Лемносская надпись (или, лучше, надписи?) является памятникомъ ихъ пребыванія на этомъ послѣднемъ островѣ.

Интересно заключеніе всего этого разсужденія: „Микенская культура, по моему мнѣнію, есть древнѣйшая фаза восточной культуры, принесенной въ Европу; этрусская есть послѣдня фаза той же самой культуры, проникшей далѣе къ Западу“. Если же мы, прибавляетъ Монтеліусъ, не находимъ въ Этруріи многихъ предметовъ микенской культуры, то это потому, что этруски жили въ Италіи уже въ XI столѣтіи, когда эта культура смѣнилась другою.

Эта смѣлая теорія относительно происхожденія этрусковъ и прибытія ихъ въ Италію дополняется хронологическимъ соображеніемъ, что знаменитая могила древняго города Цере (н. Черветри), извѣстная

[1]) V, 26; VI, 186 sq.

подъ именемъ Regulini Galassi, имѣетъ, по Монтеліусу, все основаніе быть относимой не къ VII или даже къ VI столѣтію, какъ это обыкновенно принимается, а къ IX, какъ и могила, извѣстная подъ именемъ Бернардини въ Пренесте (Палестринѣ), въ Лаціумѣ, равно какъ tomba del Guerriero въ Тарквиніяхъ (Корнето) и tomba del Duce въ Ветулоніи. Считаемъ нужнымъ тутъ же замѣтить, что Эвансъ считаетъ это мнѣніе революціоннымъ, такъ какъ оно переворачиваетъ хронологію Италіи древнѣйшаго желѣзнаго вѣка; впрочемъ тотъ же Эвансъ замѣчаетъ, что авторитетъ Монтеліуса заставляетъ относиться къ его мнѣнію съ большимъ вниманіемъ, что и онъ лично давно относился съ недовѣріемъ къ поздней датѣ этихъ могилъ и готовъ отнести ихъ къ послѣдней половинѣ VIII столѣтія. Вѣроятности соображенія Монтеліуса мѣшаетъ то обстоятельство, что въ могилѣ Regulini найдена серебряная амфора съ этрусскими надписями, какъ есть этрусскія надписи и на нѣкоторыхъ вазахъ ветулонійской tomba del Duce; но онъ отстраняетъ это возраженіе заявленіемъ, что не сомнѣвается въ существованіи этрусскаго письма въ IX столѣтіи до Р. Хр., какъ это ни представляется для другихъ маловѣроятнымъ [1]).

Теорія Монтеліуса объ этрускахъ не есть теорія о. Де-Кары. Но послѣдній останавливается на ней съ особенною любовью потому, что въ существенномъ она близка къ его пелазгической теоріи, равно какъ и потому, что она, поддерживая до извѣстной степени его пелазгическую теорію, принадлежитъ первоклассному авторитету, опираться на который, въ подтвержденіе своей теоріи, ему пріятно. Сходство обѣихъ теорій заключается въ томъ, что этруски пришли изъ Азіи, и что они были пелазги, народность гиттитская; разница же заключается въ томъ, что въ то время, какъ Монтеліусъ принимаетъ прибытіе этихъ пелазговъ въ Италію къ началу желѣзнаго вѣка, Де-Кара принимаетъ двоякое прибытіе этихъ пелазговъ въ Италію: первое изъ Өессаліи еще въ энеолитическую эпоху, какъ думалъ раньше Кьеричи, мною опровергнутый [2]); другое, болѣе позднее, о которомъ говоритъ Геродотъ и которое имѣетъ въ виду Монтеліусъ, относящій его къ XII—XI столѣтіямъ до Р. Хр. Первые, protopelasgi, прибыли Адріатическимъ моремъ въ землю умбровъ (которыхъ, по нашему мнѣнію, въ ту эпоху

---

[1]) Вотъ его подлинныя слова: „This result is perhaps astonishing, even shocking, but I cannot see any difficulty in accoping it“ (*Journal of the antropol. Instit*, XXVI, p. 266).

[2]) Введеніе въ Римскую исторію, часть I, стр. 62 и 101.

въ Италіи еще не было), и это будто бы и есть тѣ этруски, которые отняли у умбровъ, по Плинію [1]), триста городовъ и въ числѣ ихъ сильный городъ Кортону, по южную сторону Апенниновъ, и построили стѣны Амеріи; вторые прибыли Тирренскимъ моремъ изъ Лидіи и заняли страну между Арно и Тибромъ, т. е. собственно Этрурію.

Но къ этимъ заключеніямъ авторъ пришелъ не скоро. Чтобы прійти къ нимъ, ему понадобился цѣлый рядъ главъ, въ которыхъ онъ, разсуждая о народностяхъ, населявшихъ южную и среднюю Италію, доказываетъ проникновеніе ихъ пелазгическимъ элементомъ или прямое присутствіе пелазговъ въ этихъ странахъ, проникшихъ съ юга вплоть до Сабинской земли и Умбріи включительно (p. 183). При этомъ онъ рѣшаетъ массу этнографическихъ вопросовъ, обыкновенно не въ томъ направленіи, какъ эти вопросы рѣшались раньше. Такъ, онъ утверждаетъ (p. 153), что умбры, сабиняне, авзоны, латиняне, вольски, герники, самниты, энотры и другіе древнѣйшіе народы южной Италіи принадлежатъ къ одной большой семьѣ народовъ, которая этнологически не есть арійская. Положеніе это можетъ, конечно, показаться очень смѣлымъ, почти безумнымъ, тѣмъ изъ ученыхъ, которые судятъ о происхожденіи народности только по языкамъ, утвердившимся въ данной странѣ еще въ доисторическое время, и которые совсѣмъ не считаются съ фактами палеоэтнологіи, археологіи и антропологіи, но оно далеко не такъ смѣло, если взять во вниманіе данныя палеоэтнологіи и антропологіи, которыя показываютъ, что чисто арійскихъ народностей въ средней и особенно въ южной Италіи нѣтъ. Проникшіе сюда съ сѣвера арійскіе элементы такъ смѣшались съ туземными, что этнологически населенія этихъ мѣстъ дѣйствительно не являются арійскими, имѣя совсѣмъ не тѣ антропологическія особенности, какія принадлежатъ несомнѣнно арійскимъ населеніямъ сѣверной Италіи, какъ и остальной Европы. Бѣда только въ томъ, что о. Де-Кара совсѣмъ не допускаетъ проникновенія арійскихъ элементовъ въ среднюю и южную Италію, заявляя даже (p. 179), что „латины по его мнѣнію, никогда не приходили въ Италію", заявляя такъ на томъ странномъ основаніи, что „нѣтъ никакого указанія на народъ этого племени, который бы существовалъ раньше внѣ Италіи и затѣмъ поселился въ ней". Проникновеніе въ Лаціумъ языка, называющагося латинскимъ и распространившагося затѣмъ на всю Италію, онъ объясняетъ той же своей пелазгической теоріей, но

---

[1]) *N. H.*, III, 14 (19), 113.

объясняетъ не тотчасъ, а въ послѣдней части своей книги, которую онъ посвящаетъ вопросу объ италійскихъ языкахъ и въ которой онъ болѣе, чѣмъ на сотнѣ страницъ, подвергаетъ разбору какъ существующіе критеріи, такъ и данныя, служащія для опредѣленія этихъ языковъ, съ точки зрѣнія, имъ лично выработанной. Этой теоріей языкознанія мы займемся со временемъ въ отдѣльной статьѣ, а теперь возвратимся къ его италійской этнографіи. Но считаю нужнымъ тутъ же предварительно заявить, что по вопросу объ арійскихъ элементахъ въ Италіи, какъ и о распространеніи въ ней арійскихъ языковъ я совершенно расхожусь съ почтеннымъ авторомъ труда о „Гетеяхъ-Пелазгахъ", какъ это ясно видно и изъ обнародованной мною части „Введенія въ Римскую Исторію", признавая однако вполнѣ заслуживающими вниманія тѣ ученыя соображенія автора, какія онъ развиваетъ относительно проникновенія въ Италію съ юга, со стороны Іонійскаго моря, тѣхъ этнологическихъ элементовъ, которые онъ называетъ пелазгическими.

Основой этихъ соображеній у о. Де-Кары служитъ существованіе такъ называемыхъ киклопическихъ или пелазгическихъ памятниковъ въ южной и средней Италіи. Авторъ совершенно вѣрно заявляетъ, что сооруженіе этихъ памятниковъ не могло принадлежать неолитическимъ населеніямъ, т. е. лигурамъ, жившимъ въ землянкахъ, народамъ отсталой культуры, какъ трудно также допустить, чтобы эти огромныя стѣны полигональной кладки могли быть произведеніемъ арійскихъ населеній, которыя явились въ Италію съ культурой свайныхъ построекъ и вообще съ культурой очень низкаго уровня. Между тѣмъ полигональныя постройки сильно напоминаютъ тѣ, которыя существуютъ въ Малой Азіи, въ Греціи, на островахъ Эгейскаго моря, или даже говорятъ объ одномъ и томъ же строительномъ искусствѣ. О. Де-Кара ссылается въ этомъ случаѣ на „всѣхъ археологовъ и архитекторовъ", какіе осматривали пелазгическіе города Италіи и сравнивали ихъ съ малоазійскими и греческими, но мы должны замѣтить, что эта тожественность строительнаго искусства сохранившихся полигональныхъ стѣнъ въ тѣхъ и другихъ мѣстахъ можетъ быть сильно оспариваема. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что такія стѣны существуютъ только въ средней и еще болѣе въ южной Италіи, но ихъ нѣтъ совсѣмъ въ сѣверной, гдѣ къ древнему лигурійскому населенію, ничего такого не строившему, присоединилось въ большомъ числѣ арійское, принесшее съ собой деревянную, а не каменную культуру. Относительно же того, что въ южной Италіи стѣны эти строилъ не

туземный народъ, каковымъ были лигуры или сикулы, какъ они тамъ назывались, а пришлый, о. Де-Кара приводитъ въ подтвержденіе заявленіе изучавшаго археологически многія мѣста южной Италіи проф. Патрони, что въ Луканіи, тамъ, гдѣ встрѣчаются печеобразныя могилы (tombe a forno), составляющія, какъ извѣстно, принадлежность сикуловъ какъ въ Сициліи, такъ и на полуостровѣ, нѣтъ пелазгическихъ стѣнъ, и наоборотъ, тамъ, гдѣ есть эти стѣны, нѣтъ такихъ печеобразныхъ могилъ: это обстоятельство даетъ большую вѣроятность заключенію, что тѣ и другіе памятники не стоятъ въ связи между собою и принадлежатъ разнымъ народамъ. Другимъ основаніемъ къ соображеніямъ относительно проникновенія пелазговъ въ Италію съ юга полуострова и ихъ разселенія по южной и средней Италіи служитъ для автора преданіе, сохраненное греческими и римскими писателями, Діонисіемъ Галикарнасскимъ преимущественно. Но онъ въ то же время замѣчаетъ, что тексты классическихъ авторовъ не служили ему собственно источниками для такихъ заключеній, а лишь подтвержденіемъ того, что онъ вывелъ изъ свидѣтельствъ восточной исторіи и изъ памятниковъ. „Одни тексты“, говоритъ онъ, „не могли научить насъ вещамъ такого рода“ (р. 219).

Восемь главъ, въ которыхъ авторъ развиваетъ свою теорію этнографіи народовъ южной и отчасти средней Италіи, очень интересны. Въ то же время онѣ обличаютъ глубокую ученость автора, какъ и упорное, неутомимое его стремленіе освѣтить филологическими комбинаціями и критическимъ анализомъ текстовъ этотъ темнѣйшій отдѣлъ до-исторической Италіи. Авторъ много говоритъ объ этнологическихъ отношеніяхъ италовъ, энотровъ, сикуловъ, осковъ, моргетовъ, опиковъ, авзоновъ-аврунковъ, аборигеновъ и затѣмъ певкетовъ, давновъ, япиговъ-мессаповъ. Намъ нѣтъ надобности передавать здѣсь всѣ его филологическія соображенія, какъ и разборъ данныхъ, доставленныхъ древними писателями: это завлекло бы насъ очень далеко и утомило бы читателей подробностями, за которыми удобнѣе слѣдить въ самой книгѣ, чѣмъ въ отчетѣ о ней.

Исходная идея автора та, что имя *Италія*, которая обозначала первоначально самую южную часть полуострова, между заливами св. Эвфеміи и Сквиллаче, совсѣмъ не есть названіе греческое, какъ думаетъ Гейстербергкъ, или осское, какъ полагаютъ Коккіа и Тропеа, и что оно не происходитъ отъ одного корня съ vitulus и vitellus, какъ вообще думаютъ ученые нѣмецкіе, итальянскіе и другіе. Названіе страны *Италіей* произошло отъ царя Итала, по происхожденію

энотра. Энотры же были первыми обитателями этой страны, т. е. южной оконечности полуострова, которая одинаково была или называлась Италіей и Энотріей, что согласно и съ заявленіемъ Антіоха Сиракузскаго, писавшаго раньше другихъ объ Италіи (περὶ τῆς Ἰταλίας σύγγραμμα) [1]), который говорилъ [2]): τὴν γῆν ταύτην, ἥτις νῦν Ἰταλία καλεῖται, τὸ παλαιὸν εἶχον Οἰνωτροί. Имя же народа энотровъ, хотя и дошло до насъ въ греческой формѣ, не можетъ быть объяснено изъ языковъ арійскаго корня. Это имя, какъ и имя Itali, есть имя пелазгическое. Авторъ старается доказать [3]), что и этимологически Οἰνωτροί и Πελασγοί одно и то же (p. 186), какъ имя Itali тожественно съ именемъ гетеевъ или гиттитовъ [Itali = (Kh)ita-l], такъ что Италія есть страна не телятъ или быковъ, а гетеевъ или гиттитовъ, жившихъ тутъ подъ именемъ италовъ, энотровъ, моргетовъ.

Итакъ, слѣдуя аргументаціи о. Де-Кары, мы должны видѣть въ италахъ и энотрахъ тотъ народъ, который древніе назвали пелазгами и который далъ странѣ и ея названіе, до сихъ поръ сохранившееся. Этихъ пелазговъ, пришедшихъ со стороны Іоническаго моря, авторъ называетъ *прото-пелазгами* въ отличіе отъ *девтеро-пелазговъ*, пелазговъ-тирреновъ или этрусковъ, прибывшихъ позже со стороны Тирренскаго моря. Они первые внесли на Апеннинскій полуостровъ искусство каменной постройки, которое по мѣрѣ движенія его къ сѣверу совершенствовалось и является въ странѣ между Лирисомъ и Тибромъ, уже „во всемъ своемъ блескѣ", такъ же какъ въ Самніѣ и Сабинской землѣ. Читатель долженъ помнить, что мы передаемъ здѣсь взгляды автора, а не свои собственные. Мы продолжаемъ передавать ихъ и далѣе. Когда одна вѣтвь сикуловъ, пришедшихъ, по автору, въ Сицилію прямо изъ Африки, пришла въ южную Италію, то она отъ поселившихся уже въ Италіи пелазговъ получила бронзовую культуру, съ которою возвратилась снова въ Сицилію. Въ противоположность автору, мы, однако, продолжаемъ думать, что бронзовая культура сикуловъ, развившаяся именно на восточномъ и юго-восточномъ берегу Сициліи, представляетъ прямой результатъ микенской торговли, что въ сильнѣйшей степени подтверждается археологическими данными, добытыми въ огромномъ количествѣ раскоп-

---

[1]) Strab. VI, 1, 4.

[2]) Dion. Hal. I, 12.

[3]) Онъ приводилъ доказательства тому еще въ первомъ томѣ своего труда, говоря о префиксахъ и суффиксахъ гиттитскихъ именъ, p. 438 sq.

ками Орси, какъ на это въ свое время было указано мною въ трудѣ „О происхожденіи Сикуловъ“ [1]). Между тѣмъ какихъ-либо археологическихъ данныхъ, предшествующихъ сицилійской бронзовой культурѣ, въ южной Италіи мы до сихъ поръ не имѣемъ, хотя слѣды одинаковой съ сицилійскою культурой конца бронзоваго вѣка и болѣе поздняго времени (3-го и 4-го сикульскаго періода) на Бруттійскомъ полуостровѣ теперь открыты [2]), какъ нѣсколькими годами раньше они были открыты въ Базиликатѣ, въ окрестностяхъ Матеры [3]). Такимъ образомъ, археологическія данныя, по крайней мѣрѣ тѣ, какія имѣются въ настоящее время, скорѣе свидѣтельствуютъ о вліяніи сицилійской бронзовой культуры на материкъ Италіи, чѣмъ наоборотъ. Но пойдемъ далѣе за нашимъ авторомъ.

Съ крайней южной оконечности Апеннинскаго полуострова, называвшейся Италіей, пелазгическіе переселенцы поднимались на сѣверъ. Въ странѣ опиковъ или осковъ, которыхъ авторъ считаетъ исконнымъ населеніемъ (только не говоритъ, какого корня), появились авзоны, населеніе пришлое и тожественное съ гетеями-пелазгами. Они смѣшались съ опиками или осками; отсюда и происходитъ то, что древніе писатели то считаютъ эти два народа за одинъ (Антіохъ Сиракузскій, Аристотель), то различаютъ ихъ (Поливій, Страбонъ). Авзоны (Αὔσονες) и Аврунки—одно и то же, какъ на это смотрѣли еще Сервій [4]) и Діонъ Кассій [5]). Де-Кара выводитъ эту общую этимологію такой формулой: Aurunci=Aurunici=Auruni=Ausuni. Народъ этотъ распространился съ юга Италіи по Кампаніи, Самнію, землѣ вольсковъ въ Лаціумѣ и даже по Сабинѣ (?), двигаясь въ своихъ переселеніяхъ частію моремъ, частію сухимъ путемъ. Тамъ, гдѣ есть пелазгическія стѣны, ихъ строителями и первыми обитателями въ нихъ были именно эти разселявшіеся по Италіи гетеи-пелазги, подъ именемъ энотровъ и авзоновъ. Переселяясь по сушѣ и по морю, они основали большею частью вблизи рѣкъ города: Арпинъ, Аквинъ, Казинъ, Изернію, Венафръ, Атину, Веролы, Алатри, Ферентинъ, Фунды, Цирцеи, Террачину, Пипернъ, Сетію, Си-

---

[1]) Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1897, декабрь.

[2]) См. въ *Notizie degli scavi* 1902, p. 33—39 сообщеніе Орси о некрополѣ Спеццано въ Калабріи (Spezzano Calabro).

[3]) Патрони, Un villaggio Siculo presso Matera nell'antica Apulia въ *Monumenti antichi* VIII (1898), а раньше см. его отчетъ о раскопкахъ въ *Notizie degli scavi* 1897 (мартъ, апрѣль и май).

[4]) Ad *Aen.* Virg., VII, 727.

[5]) Fragm. 2.

гнію, Норбу, Кору, Альсій, Пирги, Пренесте и сабинскіе города, упоминаемые Варрономъ и Діонисіемъ Галикарнасскимъ. Тѣснѣйшая этническая связь народовъ южной Италіи, этихъ гетеевъ-пелазговъ въ лицѣ энотровъ, авзоновъ и смѣшавшихся съ ними опиковъ, съ народами средней Италіи — вольсками, эквами, герниками, латинянами и сабинянами—о. Де-Карѣ кажется очевидною. При этомъ онъ заявляетъ: „Если же не принимать этого родства или этнической близости, о которой я говорю, то мы должны объявить ложнымъ все древнее преданіе безъ какой-либо возможности объяснить длинный рядъ городовъ, построенныхъ по особому роду однообразной и традиціонной архитектуры, какъ на югѣ, такъ и въ центрѣ Италіи, въ то время какъ въ странахъ сѣвера полуострова такого рода построекъ нѣтъ и никогда не было, такъ какъ все то, что въ нихъ есть наиболѣе древняго, не представляетъ намъ ничего кромѣ палафиттъ и террамаръ“ (p. 245). Заявленіе это очень серьезно, и съ нимъ необходимо считаться, но видѣть въ латинянахъ, эквахъ, герникахъ и сабинянахъ родственниковъ гетеевъ-пелазговъ, т. е. отвергать въ первыхъ арійское происхожденіе и причислять ихъ къ хамитамъ, каковы, по сознанію автора, его гетеи-пелазги, мы рѣшительно отказываемся. Этому противорѣчитъ не только наша собственная теорія, ставящая, на основаніи неоспоримыхъ и важныхъ археологическихъ данныхъ, латинянъ въ тѣсную связь съ населеніемъ террамаръ, но и арійскій языкъ этихъ народовъ, являющійся неотразимымъ свидѣтельствомъ сильнаго прилива въ среднюю и отчасти въ южную Италію арійскихъ элементовъ съ сѣвера. Что эти элементы смѣшались съ другими въ Лаціумѣ, въ Кампаніи, Самніѣ и пр., это несомнѣнно, но были ли эти другіе элементы между прочимъ и пелазгическіе, это вопросъ, который не разрѣшается ни преданіемъ, ни доводами самого о. Де-Кары. Да и самъ онъ склоненъ считать свои заключенія „конъектуральными“, хотя и основанными sopra fondamento probabile (p. 243).

Автору, зашедшему со своими пелазгами внутрь Италіи, невольно пришлось столкнуться и съ аборигенами. Кто были эти аборигены, играющіе такую роль въ первоначальной Римской исторіи? О. Де-Кара рѣшительно отвергаетъ новыя этимологіи, какія возникли для объясненія этого слова, въ замѣнъ прежней, дошедшей еще изъ древности, простой и ясной: *ab origine*. Онъ не видитъ основанія ни въ этимологіяхъ Латтеса и Д'Арбуа де Жюбэнвиля,—изъ которыхъ пер-

вый [1]) названіе аборигеновъ считаетъ фонетическою разновидностью аврунковъ, а второй [2]) видитъ въ aborigines имя лигурійскихъ ambrones и греческихъ Ὄμβριμοι, сильные; ни въ этимологіи, предложенной проф. Зѣлинскимъ [3]), который видитъ въ aborigines Βορείγονοι, какъ это читается у Ликофрона (v. 1253), что обозначаетъ, по нашему, горцевъ, въ этимологіи, принятой также и Паисомъ [4]). Аборигены, какъ убѣжденъ о. Де-Кара не есть какое-либо этническое имя: оно „образовалось чисто отъ латинскаго *ab origine* и обозначало для латинскихъ писателей тѣ народы, которые прежде другихъ заняли земли средней Италіи и потому были наиболѣе древними" (p. 246). Но они „не были и не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ гетеями-пелазгами, т. е. энотрами-авзонами-италами южной Италіи, переселившимися по морю и по сушѣ въ среднюю, смѣшавшимися съ сикулами-лигурами-опиками и съ другими туземцами, именъ которыхъ мы не знаемъ" (ibid.). Аборигены были тѣ же пелазги. „Говоря кратко, и чтобы покончить съ двусмысленностями, аборигены и пелазги—два имени одного и того же народа, т. е. пелазги" (p. 247). Такое категорическое заявленіе авторъ дѣлаетъ, однако, не безъ доказательствъ. И вотъ его доказательства: аборигены принадлежали къ семьѣ энотровъ, какъ въ этомъ не сомнѣвается Діонисій Галикарнасскій [5]), а энотры, какъ авторъ раньше доказывалъ, были гетеи-пелазги. Конечно, генеалогія, даваемая Діонисіемъ, который хочетъ все знать и все объяснять, большой цѣны не имѣетъ, но авторъ видитъ въ ней преданіе, съ которымъ нужно считаться и отвергать которое безъ видимой причины нѣтъ основаній. Впрочемъ намъ гораздо страннѣе кажется выводъ, къ которому пришелъ авторъ относительно происхожденія латинянъ. Имя латинянъ, какъ онъ это доказывалъ еще въ первомъ томѣ своего труда (p. 430 sq.), „есть только видоизмѣненіе имени пелазговъ". Это у него выходитъ такимъ образомъ: „отнявъ у слова πελασγοί суффиксъ γ=к, получается πελ-ασι=πελατι, а съ суффиксомъ—ν— выходитъ πελατι-νοι, откуда Velatini, Vlatini, Latini" (p. 248). Признаемся, что, при всемъ уваженіи къ лингвистическимъ познаніямъ автора, мы рѣ-

[1]) Le iscrizioni paleolatine dei fittili e dei bronzi di provenienza etrusca, 1892, p. 100.

[2]) Les premiers habitants de l'Europe. I, Paris, 1889, p. 359.

[3]) Въ *Xenien* der 41 Versammlung deutscher Philologen etc. München, 1891, p. 41 sq.

[4]) Storia della Sicilia e della Magna Grecia. I. Torino-Palermo, 1891, p. 415 sq.

[5]) I, 13.

шительно не способны принимать такія комбинаціи, какъ серьезное доказательство чего бы то ни было. Положимъ, этимологія словъ *Latium, Latini* не есть вещь вполнѣ ясная и безспорная, но все-таки намъ кажется не въ примѣръ ближе къ истинѣ та, которую о. Де-Кара приводитъ въ другомъ мѣстѣ [1]); если самъ онъ и не даетъ ея этимъ словамъ или въ частности слову Latium (отъ latere), то и не старается опровергать ее, хотя и замѣчаетъ, что эта этимологія предполагаетъ латинскій корень, а для него арійское происхожденіе латинянъ—вопросъ, è in questione. Совершенно не раздѣляя ни точки зрѣнія, ни метода о. Де-Кары въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, я счелъ, однако, долгомъ указать на его взглядъ русскому читателю, который отъ знакомства съ совершенно новымъ для него воззрѣніемъ одного изъ видныхъ представителей западной науки ничего не потеряетъ, такъ какъ въ вопросахъ, насъ теперь занимающихъ, во всякомъ случаѣ есть много темнаго.

Отъ юго-запада и центра Италіи авторъ разбираемаго труда обращается къ юго-и сѣверо-востоку полуострова. Тамъ мы видимъ на югѣ певкетовъ, давновъ, япиговъ, мессаповъ, на сѣверѣ—венетовъ. Авторъ старается разобраться въ названіяхъ древнѣйшихъ народовъ, занимавшихъ историческую Апулію и Калабрію, и это онъ дѣлаетъ съ ловкостью и искусствомъ, какія ему вообще свойственны въ разборѣ труднѣйшихъ задачъ до-исторической Италіи. Ему нетрудно было доказать, на основаніи текстовъ, филологическихъ комбинацій и топонимическихъ сближеній, что тутъ рѣчь идетъ о переселенцахъ Пелопоннеса и съ о. Крита, и побѣдоносно опровергнуть Паиса, главнаго его антагониста, который считаетъ мессаповъ и япиговъ за два отдѣльныхъ народа, пришедшихъ, будто бы, изъ разныхъ мѣстъ и въ разное время. Давны суть ни что иное, какъ греческое названіе певкетовъ историческаго времени. Древнѣйшими переселенцами съ востока тутъ являются певкеты, народъ пелазгическаго происхожденія: певкетъ былъ братъ энотра, а пелазгическое происхожденіе послѣдняго авторъ ставитъ внѣ сомнѣнія. Япиги и мессапы явились позже, но въ глубокой древности. Это два имени одного и того же народа, но лишь впослѣдствіи они являются двумя отдѣльными частями одного и того же племени, отличными одна отъ другой по имени и на дѣлѣ. Мес-

[1]) Въ своемъ рефератѣ Del Lazio e dei suoi popoli primitivi (Roma, 1899), который вошелъ и въ разсматриваемый 3-й томъ его большого труда, какъ XVII глава (см. стр. 290).

сапы прибыли изъ Крита, подъ предводительствомъ Япига, япиги изъ Аркадіи. Япиги и мессапы такіе же пелазги, какъ и певкеты. Въ пользу критскаго происхожденія мессаповъ, переселенцевъ въ до-эллинское время, говоритъ ихъ языкъ (негреческій), соотвѣтствовавшій недавно найденнымъ на Критѣ до-эллинскимъ надписямъ; одинаковая керамика, слѣды которой остались въ Апуліи и въ историческое время; наконецъ, историческое преданіе въ лицѣ Геродота [1]). Въ археологическомъ аргументѣ авторъ опирается на солидное изслѣдованіе Патрони [2]) объ италійской керамикѣ, съ которымъ, несмотря на его нѣсколько заносчивый тонъ, долженъ считаться всякій, кто берется за рѣшеніе относящихся сюда вопросовъ. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованія Де-Кары и Патрони настолько двинули впередъ значеніе вопроса о народности япиговъ—мессаповъ, что мы теперь очень далеки отъ того темнаго его положенія, въ какомъ его оставили работы Моммзена [3]) и Гельбига [4]) и какому думалъ помочь Паисъ своими произвольными и запутанными разсужденіями, такъ неудачно вмѣшавъ въ дѣло яподовъ или япидовъ кельтской или иллирійско-галльской народности и объявивъ певкетовъ осками или иллирійцами V вѣка до Р. Хр. Тутъ уже полное оставленіе пути, на которомъ возможно научное разрѣшеніе задачи.

Поселенцы сѣверо-восточнаго угла Италіи, венеты, у о. Де-Кары также являются, какъ уже было замѣчено раньше, пелазгами. Онъ, правда, признаетъ ихъ, какъ думаютъ почти всѣ ученые, иллирійцами, но иллирійцы у него тѣ же гетеи-пелазги, такъ какъ они происходятъ отъ племени Кадма, героя-эпонима гетеевъ-пелазговъ, у котораго былъ сынъ Иллирій, по греческому преданію [5]). Правда, венетская народность не опредѣлена окончательно, тѣмъ болѣе, что оставленныя ею надписи представляютъ широкое поле для догадокъ, но все заставляетъ думать—языкъ, культура, черепа—что она индоевропейскаго корня, какъ арійцами, болѣе, чѣмъ кѣмъ-нибудь другимъ, являются намъ и вообще народы иллирійской расы. О. Де-Кара

---

[1]) VII, 170.

[2]) Въ *Monumenti Antichi* VI (1896). Впослѣдствіи Патрони издалъ новый трудъ: La ceramica antica nell'Italia meridionale, помѣщенный въ *Atti della R. Accademia di archeologia, di lettere e belle arti*, vol. XIX, Napoli, 1897—1898. О. Де-Кара его не указываетъ.

[3]) Unteritalische Dialekte, p. 84 sq.

[4]) *Hermes* 1876 (XI), p. 257 sq.

[5]) Steph. Byz., Ἰλλυρία.

видитъ въ венетахъ пелазговъ, между прочимъ, и потому, что Ἐνετοί Пафлагоніи и Veneti сѣвера Италіи въ его глазахъ одинъ народъ, чему, конечно, служитъ поддержкой и сказаніе объ Антенорѣ, явившемся на берега Адріатическаго моря съ пафлагонскими венетами и основавшемъ Патавій,—сказаніе, въ помощи котораго авторъ, не приводящій его, повидимому и не нуждается, но онъ забываетъ, что на берегу Атлантическаго океана, въ Галліи, жило также венетское племя, съ которымъ почтенный ученый также долженъ былъ бы сблизить венетовъ Адріатическаго моря. Все ли это одни и тѣ же венеты, жившіе когда-то въ Левко-Сиріи, странѣ, принадлежавшей къ области поселеній гетеевъ? Этотъ вопросъ у автора остается не разработаннымъ. Поэтому наибольшимъ аргументомъ въ пользу пелазгическаго происхожденія венетовъ авторъ, какъ кажется, считаетъ тотъ, что у нихъ былъ обычай кормить на общественный счетъ воронъ, какъ благодѣтельныхъ птицъ, обычай, по сообщенію Өеопомпа у Эліана [1]), общій также иллирійцамъ, өессалійцамъ и лемносцамъ.

Нужно замѣтить, что разработка вопроса о происхожденіи венетовъ составляетъ слабую часть труда о. Де-Кары. Наибольшій интересъ ея заключается въ удачной полемикѣ съ Паисомъ, который искусно обличается въ противорѣчіяхъ и въ произволѣ выводовъ и остроумно называется „плывущимъ безъ компаса и звѣзднаго свѣта" (р. 284). Упрекая его въ злоупотребленіи сближеніями названій мѣстъ и именъ и этимологическихъ промахахъ авторъ дѣлаетъ мнѣ честь, цитуя, въ подтвержденіе своихъ словъ, тѣ строки, которыми я въ статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ" характеризовалъ по латыни филологическую несостоятельность тогда пизанскаго, а теперь неаполитанскаго профессора исторіи.

Раньше было у насъ говорено о томъ, что Де-Кара причисляетъ къ пелазгамъ и народы Лаціума, т. е. латинянъ, осковъ, аврунковъ, а равно и сосѣднихъ съ нимъ сабинянъ и экововъ. Заявленія въ этомъ родѣ онъ дѣлалъ неоднократно въ теченіе своего сочиненія, а затѣмъ онъ посвятилъ этому вопросу и особую главу III тома (XVII), озаглавивъ его „Del Lazio e dei suoi popoli primitivi". Главнымъ основаніемъ для такого заключенія служитъ для него фактъ существованія въ мѣстностяхъ этихъ народовъ такихъ же полигональныхъ киклопическихъ построекъ, какія обнаруживаютъ, по его мнѣнію, присутствіе пелазговъ въ южной Италіи. Тамъ, гдѣ оканчиваются эти постройки,

[1]) Περί ζώων. III, 12.

нѣтъ и пелазговъ. Такимъ образомъ, ихъ нѣтъ въ сѣверной Италіи,— не было тамъ и пелазговъ, хотя авторъ, въ противорѣчіе себѣ, причисляетъ венетовъ, не знавшихъ такихъ построекъ, также къ пелазгамъ, имѣя на то особыя соображенія, только-что нами указанныя. По отношенію къ Лаціуму онъ опирается не исключительно на археологическій аргументъ: онъ видитъ здѣсь подтвержденіе своей теоріи и въ религіи Лаціума, именно въ существованіи тамъ въ древнѣйшее время верховнаго божества съ именемъ Сатурна. Сатурнъ есть ни что иное какъ *Сетъ*, главное божество гетеевъ-пелазговъ Сиріи, Малой Азіи, острововъ Эгейскаго моря и материка Греціи. Корень имени Saturnus или Seturnus (встрѣчается въ надписяхъ) есть *sat* или *set*, а *urnus* есть латинское окончаніе, какъ въ Volturnus, noct-urnus, tacit-urnus (p. 300). А что Сатурнъ былъ главнымъ божествомъ всѣхъ латинскихъ народовъ, это доказывается именемъ *Сатурнія*, которымъ называлась Италія, какъ это видно и изъ извѣстнаго стиха Виргилія [1]). Извѣстенъ также жертвенникъ Сатурна у подножія Капитолія и сказаніе о царствованіи его вмѣстѣ съ Яномъ, равно какъ и то, по которому онъ, будучи изгнанъ изъ Крита, укрывался въ Лаціумѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ насталъ золотой вѣкъ, и процвѣтаніе искусствъ, особенно земледѣлія. Всѣ эти аргументы, въ соединеніи съ существованіемъ въ Лаціумѣ пелазгическихъ или киклопическихъ построекъ, по мнѣнію автора, даютъ полное право заключать, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ населеніемъ пелазгическимъ. Я уже не разъ высказывалъ, что моя точка зрѣнія на этнографію населенія Лаціума, основанная на палеоэтнологическихъ данныхъ, какъ и на первостепенномъ фактѣ арійскаго языка латинянъ и родственныхъ имъ народностей Лаціума, не допускаетъ рѣшенія вопроса въ смыслѣ теоріи Де-Кары, но, въ то же время, съ этой теоріей, хотя и явно враждебной нашей точкѣ зрѣнія, до поры до времени нужно считаться, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно выясненъ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ постройка киклопическихъ стѣнъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка на территоріи Лаціума. Да и самое происхожденіе культа Сатурна, какъ древнѣйшаго изъ божествъ Лаціума, требуетъ, въ виду выдвигаемой Де-Карой связи имени бога съ пелазгическимъ *Set*, болѣе обстоятельнаго объясненія, чѣмъ каково ходячее отъ *sero*, противъ котораго возстаетъ и разница въ количествѣ слога *sa* въ sătum и въ Sāturnus.

[1]) *Georg.* II. 172. Salve, magna parens frugum. *Saturnia* tellus.

Теперь только, послѣ доведенія своихъ пелазговъ изъ Іонійскаго моря до Тибра, авторъ приступаетъ рѣшительнѣе къ этрускамъ, которыхъ онъ затронулъ раньше лишь по поводу теоріи Монтеліуса относительно перемѣны, происшедшей въ Италіи съ окончаніемъ бронзоваго и началомъ желѣзнаго вѣка.

Мы видѣли, что Монтеліусъ признаетъ этрусковъ поздними пелазгами, принесшими въ Италію культуру начала желѣзнаго вѣка въ XI столѣтіи до Р. Хр. Этимъ онъ близко подошелъ къ пелазгической теоріи о. Де-Кары, хотя послѣдняя сходится съ теоріей шведскаго археолога лишь одной своей половиной. Но о. Де-Кара и въ главѣ объ этрускахъ не прямо входитъ въ дѣло, а разбирая мнѣнія о ихъ происхожденіи, высказанныя другими, именно Гзелломъ и Фальки. Первый [1]), находясь подъ вліяніемъ воззрѣній Гельбига и Пигорини, по которымъ культура начала желѣзнаго вѣка происходитъ изъ террамаръ, что̀ мною, кажется, достаточно опровергнуто во „Введеніи въ Римскую исторію“ [2]), склоненъ высказаться въ томъ смыслѣ, что нѣтъ необходимости этрусскую культуру объяснять прибытіемъ новаго этническаго элемента въ Италію съ Востока, но, видя большое препятствіе къ принятію туземности этрусковъ въ ихъ языкѣ, въ концѣ концовъ не приходитъ ни къ какому положительному заключенію. Фальки [3]) объясняетъ этрусскую культуру финикійскимъ вліяніемъ, при чемъ страннымъ образомъ производитъ имя тирреновъ, какъ этруски называются у греческихъ писателей, отъ финикійскаго города Тира. Несостоятельность этой послѣдней гипотезы очевидна, что̀ не мѣшаетъ о. Де-Карѣ высказаться объ авторѣ изслѣдованій о Ветулоніи съ похвалой, какъ о солидномъ ученомъ, внимательно изучающемъ древніе памятники.

Для автора разбираемаго труда ясно, что этрусскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ раньше, чѣмъ будетъ рѣшенъ вопросъ о пелазгахъ, т. е. объ ихъ прибытіи въ Италію. Геродотъ говоритъ о прибытіи тирреновъ въ Этрурію изъ Лидіи, а Діонисій Галикарнасскій считаетъ этрусковъ въ Италіи туземцами и автохтонами. Это рѣзкое противорѣчіе двухъ главныхъ представителей мнѣній о происхожденіи этрусковъ, по мнѣнію нашего автора, исчезнетъ, если, сообразно его пелазгической теоріи, допустить, что этруски прибыли въ Италію

---

[1]) Fouilles dans la nécropole de Vulci. Paris, 1891.

[2]) См. особенно стр. 188 слд.

[3]) Vetulonia e la sua necropoli antichissima. 1891.

изъ Лидіи въ очень древнее время, in età remotissima: тогда будто бы понятно, что Діонисій видитъ въ нихъ народъ столь древній въ Италіи, что находитъ возможнымъ считать ихъ автохтонами. Равнымъ образомъ, ученые, видя сходство древнѣйшей этрусской культуры съ греческою, считаютъ эту послѣднюю матерью этрусской, или наоборотъ (?). Но это сходство объясняется просто, когда обратить вниманіе на то, что та и другая культура имѣетъ свои корни въ культурѣ гетеевъ-пелазговъ Малой Азіи, откуда она была перенесена въ древнѣйшее время въ Грецію, на острова и въ Италію. Для автора греческая и этрусская культуры параллельны, и каждая изъ нихъ шла своимъ ходомъ, вышедши изъ общаго источника. Основная мысль автора высказывается имъ такъ: Этруски народъ пелазгическій, пришедшій изъ Греціи въ Италію во время большого переселенія пелазговъ и остановившійся въ той мѣстности, которая названа Этруріей, т. е. страной гетеевъ, а это—то же самое, что страна пелазговъ" (p. 323).

Вышедшие изъ Малой Азіи этруски принесли съ собой въ Италію халдейскую науку *гаруспицины*, т. е. гаданія по внутренностямъ животныхъ. О. Де-Кара посвящаетъ этому предмету особую статью, пользуясь теперь работой Альфреда Буассье (Note sur un document babylonien se rapportant à l'extispicine. Genève, 1899), который разсмотрѣлъ изображенія печени у вавилонянъ и этрусковъ. Тожественность этой отрасли культа въ Халдеѣ и Этруріи была бы необъяснима безъ происхожденія этрусковъ изъ Азіи, гдѣ произошло и въ точности было усвоено ими это заимствованіе; иначе потребовалось бы допустить или прибытіе вавилонянъ въ Этрурію, или переселеніе этрусковъ въ Вавилонію, какъ не безъ основанія выражается авторъ разсматриваемой книги. Изображенія печени глиняныя, бронзовыя и алебастровыя, происходящія изъ Халдеи и найденныя въ Италіи, служатъ достаточною иллюстраціей факта, столь поразительнаго и представляющагося однимъ изъ самыхъ важныхъ аргументовъ въ подтвержденіе Геродотова повѣствованія о переселеніи части лидянъ въ Италію.

Послѣ всего вышеизложеннаго авторъ считаетъ себя въ правѣ заявить, что вопросъ о происхожденіи этрусковъ изъ Азіи есть вопросъ рѣшенный, или, какъ онъ выражается (p. 339), дѣло такого рѣшенія вопроса „отнынѣ можетъ назваться выиграннымъ". Мы спорить противъ этого заявленія не будемъ, такъ какъ всегда были на сторонѣ сказанія Геродота, которое въ нашихъ глазахъ неопровержимо подтверждалось съ одной стороны археологическими данными, необъяснимыми

при Нибуровской или вообще нѣмецкой теоріи происхожденія этрусковъ изъ-за Альпъ, съ другой—фактомъ ихъ чуждаго индо-европейскому строю языка, находящаго въ свою очередь себѣ аналогіи въ лемносскихъ надписяхъ. Вопросъ теперь лишь въ томъ, какимъ путемъ и когда этруски прибыли въ Италію. На этотъ вопросъ о. Де-Кара отвѣчаетъ въ XX-ой главѣ своего 3-го тома, озаглавивъ ее такъ: „Прибыли-ли тиррены-этруски въ Италію Адріатическимъ, или же Тирренскимъ моремъ"?

Вопросъ этотъ разными учеными рѣшался различно, хотя значительное большинство до сихъ поръ признавало наиболѣе вѣроятнымъ пріѣздъ этрусковъ въ Италію черезъ названное по ихъ имени Тирренское море, что подтверждается и тѣмъ фактомъ, что главная территорія этого народа, собственно Этрурія, прилегаетъ къ Тирренскому, а не къ Адріатическому морю. Но въ послѣднее время выступило на сцену и другое толкованіе Геродотова мѣста (I, 94) о прибытіи лидянъ-переселенцевъ въ страну умбровъ (ἐς Ὀμβρικούς), „гдѣ они построили города и живутъ тамъ до сего времени". Именно Поттье, извѣстный французскій археологъ нашего времени, составитель превосходнаго Каталога античныхъ вазъ Луврскаго музея, понимаетъ дѣло такъ, что Геродотъ здѣсь имѣлъ въ виду умбровъ при-адріатическихъ, а не при-тирренскихъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ свидѣтельство лесбосскаго историка Гелланика [1]), по которому изгнанные изъ своихъ мѣстъ греками пелазги, оставивъ корабли у рѣки Спинета въ Іонійскомъ заливѣ, взяли внутри страны городъ Кротонъ и, двигаясь оттуда (для завоеваній), создали Тирренію, нынѣ такъ называемую". Мы знаемъ, что этруски дѣйствительно овладѣли страной при-паданскихъ умбровъ, но археологическія данныя при-болоньскихъ могильниковъ показываютъ, что это произошло не раньше VI-го столѣтія до Р. Хр. Повѣствованіе же Геродота, какъ и Гелланика, относитъ фактъ выселенія тирреновъ къ гораздо болѣе отдаленному времени. Это, впрочемъ, наше возраженіе, но для Поттье оно не имѣетъ значенія, такъ какъ съ его точки зрѣнія такъ называемая культура Вилланова, т. е. культура начала желѣзнаго вѣка, принесена этрусками [2]). Предположенію Поттье о высадкѣ этрусковъ въ устьи По слѣдуетъ и Паисъ [3]). Но, какъ мы

---

[1]) См. у Діонис. Гал. I, 28.
[2]) Catalogue des vases antiques (Musée de Louvres). Paris, 1899 p. 297 sq.
[3]) Storia della Sicilia e della Magna Grecia I, p. 441.

сказали, обыкновенное мнѣніе археологовъ, палеоэтнологовъ и историковъ то, что этруски прибыли не къ сѣверо-восточному, а къ западному, т. е. тирренскому, берегу Италіи, вблизи котораго и возникли тѣ цвѣтущіе города, въ которыхъ проявилась вся сила этрусской энергіи и образованности. Это мнѣніе недавно обстоятельно и умѣло защищалъ очень замѣтный итальянскій археологъ профессоръ Маріани [1]) въ своей вступительной лекціи по археологіи въ Пизанскомъ университетѣ.

О. Де-Кара находитъ возможнымъ примирить противорѣчіе этихъ мнѣній, и при томъ очень простымъ способомъ. Онъ признаетъ, какъ нами раньше было уже упомянуто, не одно, а два переселенія тирреновъ въ Италію: одно—раннее, о которомъ говоритъ Гелланикъ и которое, отправляясь изъ Ѳессаліи черезъ Эпиръ, было принесено волнами къ берегамъ Адріатическаго моря, а другое—позднее, о которомъ говоритъ Геродотъ и которое шло изъ Лидіи и достигло цѣли путемъ Тирренскаго моря. Это послѣднее совершилось въ такое время, когда искусство мореплаванія сдѣлало большіе успѣхи и когда стала извѣстна трудность плаванія по Адріатическому морю. Тѣ, которые прибыли въ Италію изъ Ѳессаліи, нашли въ своихъ завоевательныхъ усиліяхъ противъ умбровъ помощь со стороны аборигеновъ, тоже пелазговъ, но пришедшихъ съ юга, и при помощи этихъ послѣднихъ и овладѣли городомъ Кротономъ или Кротоной въ Умбріи, о чемъ повѣствуется Діонисіемъ Галикарнасскимъ [2]). Эти ѳессалійскіе пелазги не есть собственно этруски, а протопелазги, и ихъ нужно отличать отъ пелазговъ-тирреновъ, къ которымъ относится Геродотово повѣствованіе. Имъ-то, а не этимъ послѣднимъ принадлежитъ завоеваніе страны умбровъ, у которыхъ они, по Плинію [3]), взяли триста городовъ. Этимъ пелазгамъ, а не тирренамъ Геродотова сообщенія, принадлежатъ стѣны города Амеріи съ ихъ чисто пелазгической или поліэдромегалитической архитектурой, которой уже не употребляли прибывшіе позже къ западному берегу Италіи этруски. Такъ разсуждаетъ авторъ, споря съ Маріани, не принимающимъ прибытія этрусковъ со стороны Адріатическаго моря. Мы, съ своей стороны, не желаемъ ни подтверждать, ни опровергать этихъ разсу-

---

[1]) De' più recenti studi intorno alla questione etrusca. Pisa, 1901, p. 24 sq.

[2]) I, 20.

[3]) N. H. III, 14 (19), 113.

жденій почтеннаго автора труда о „Гетеяхъ-Пелазгахъ". Сказать рѣшительное слово въ этомъ вопросѣ еще не пришло время.

Что касается времени прибытія этрусковъ въ страну умбровъ, то о. Де-Кара точно его не опредѣляетъ. Онъ говоритъ лишь о завоеваніяхъ, произведенныхъ въ странѣ умбровъ ѳессалійскими переселенцами за пять столѣтій до основанія Рима, ничѣмъ однако не доказывая вѣрности такой даты, а о прибытіи этрусковъ къ берегу Тирренскаго моря заявляетъ лишь, какъ о происшедшемъ позже вышеуказаннаго (р. 352). Нѣсколько раньше (р. 423) онъ выражается еще съ большею неопредѣленностью, заявляя, что „этруски суть пелазгическій народъ, пришедшій изъ Греціи въ Италію *во время великаго переселенія пелазговъ*". Это значитъ, что хронологія поселенія этрусковъ въ Италіи, очень важный и, можно сказать, важнѣйшій пунктъ этрусскаго вопроса, съ которымъ тѣсно связано рѣшеніе вопроса во всей его цѣлости, для автора еще совершенно темное дѣло. Говоря о пелазгическихъ вторженіяхъ въ Италію со стороны юговосточнаго конца ея, авторъ, въ спорѣ съ Паисомъ, понижающимъ прибытіе певкетовъ до VI—V вѣка до Р. Хр., выдвигаетъ противъ него дату XVI столѣтія (р. 256). Это-ли есть время великаго переселенія пелазговъ изъ Греціи въ Италію? Если такъ, то можно-ли допустить и прибытіе этрусковъ за XV—XVI столѣтій до Р. Хр., т. е. въ эпоху, когда въ средней Италіи нѣтъ слѣдовъ даже и бронзоваго вѣка, процвѣтавшаго въ это время на островахъ Эгейскаго моря и начавшагося уже въ свайныхъ поселеніяхъ долины По?

Впрочемъ авторъ продолжаетъ разрабатывать этрусскій вопросъ и по выходѣ книги, въ отдѣльныхъ и безспорно интересныхъ статьяхъ, освѣщая его съ новыхъ точекъ зрѣнія. Это даетъ поводъ надѣяться, что и темный вопросъ хронологіи этрусской иммиграціи получитъ у него со временемъ болѣе удовлетворительное рѣшеніе.

Статья наша о III-мъ томѣ большого труда о. Де-Кары сильно разрослась. А между тѣмъ въ концѣ этого тома находится еще цѣлый особый отдѣлъ объ италійскихъ нарѣчіяхъ, которымъ у автора посвящено восемь главъ. Отдѣлъ этотъ чрезвычайно интересенъ, особенно по оригинальности взгляда, проводимаго авторомъ на италійскіе діалекты, опредѣленіе которыхъ по методу индо-греко-италійскому онъ считаетъ неудобнымъ и неправильнымъ. Но разборъ этого отдѣла долженъ составить предметъ особой и при томъ большой

статьи, которую мы обѣщаемъ дать, когда время и другія, особенно близко насъ занимающія, работы позволятъ написать ее.

Теперь же, заканчивая обозрѣніе и разборъ третьяго тома труда о „Гетеяхъ-Пелазгахъ", мы, несмотря на то, что онъ нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ нашими основными взглядами, считаемъ долгомъ заявить, что это—трудъ капитальный не только по величинѣ вложенныхъ въ него усилій къ раскрытію истины и по разлитой въ немъ огромной и солидной эрудиціи, но и по значенію, какое онъ долженъ имѣть въ ряду другихъ, направленныхъ къ разсѣянію мрака до-исторической жизни культурнаго человѣчества древности. Особенная его заслуга заключается въ томъ, что онъ въ наше, дошедшее до крайнихъ предѣловъ скептицизма, время старается доставить должное мѣсто историческому преданію, повѣряя его данными палеоэтнологіи, археологіи и филологіи, а также, гдѣ это возможно, письменными памятниками восточныхъ народовъ, исторія которыхъ началась тысячелѣтіями раньше исторіи грековъ и римлянъ. Не всякому или, лучше, рѣдкому изъ насъ, занимающихся греческой и италійской древностью, выпалъ, какъ о. Де-Карѣ, счастливый жребій читать египетскіе іероглифы и халдейскія клинообразныя надписи. Поэтому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда наши взгляды съ почтеннымъ авторомъ рѣзко расходятся, чтеніе его труда для насъ бываетъ иногда очень назидательно. Изъ него мы узнаемъ немало такого, чтб намъ оставалось неизвѣстнымъ и чтб нерѣдко порождаетъ въ нашемъ умѣ новыя точки зрѣнія и новыя комбинаціи тамъ, гдѣ вопросъ казался намъ уже осмотрѣннымъ кругомъ, если не окончательно рѣшеннымъ. Во всякомъ случаѣ пишущій эти строки долженъ признаться, что чтеніе труда о. Де-Кара доставило ему столько же удовольствія, сколько и поученія.

В. Модестовъ.

С. Мокринскій. Наказаніе, его цѣли и предположенія. Часть 1-ая, общее и спеціальное предупрежденіе преступленій; часть 2-ая, значеніе результата. Москва и Томскъ 1902 г.

Относительно юная наука уголовнаго права пережила однако, подобно своимъ сородичамъ, нѣсколько повторныхъ періодовъ развитія. Начавъ въ XV и XVI вѣкѣ съ экзегезы дѣйствовавшаго тогда права, преимущественно римскаго и отчасти мѣстнаго, западно-европейскаго, она въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ переходитъ къ научной систематикѣ матеріала и систематической его разработкѣ, даетъ рядъ

сочиненій пользовавшихся большимъ авторитетомъ, и заканчивается блестящимъ періодомъ не всегда глубоко продуманныхъ, часто практически малопригодныхъ, но неизмѣнно проникнутыхъ высокими идеалами, трудовъ критическаго направленія, трудовъ, послужившихъ поводомъ, а отчасти и основаніемъ, новыхъ кодексовъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ въ первой четверти прошлаго столѣтія. Литература XIX вѣка пережила тѣ же періоды, но съ болѣе короткими промежутками. Сосредоточивъ вначалѣ почти всѣ рабочія силы на экзегезѣ спеціально мѣстной или и сравнительной новыхъ законодательствъ, она весьма скоро перешла къ догматической ихъ обработкѣ и представила рядъ выдающихся сочиненій этого направленія въ Германіи, Италіи и, въ особенности, во Франціи, соперничая въ этомъ отношеніи съ литературою гражданскаго права. Но, какъ и въ XVIII вѣкѣ, эпоха расцвѣта догматики совпала съ началомъ критическаго разбора существующаго. Послѣдняя четверть прошлаго столѣтія переполнена брошюрами и изслѣдованіями, подвергающими критикѣ, иногда безпощадной, не только отдѣльные институты и постановленія дѣйствующаго законодательства, существующіе нынѣ роды и виды наказаній, условія и порядокъ примѣненія уголовной кары къ отдѣльнымъ случаямъ, но и самыя основы карательной дѣятельности, ея существо и цѣль, и даже пріемы и методы разработки матеріала, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, затрогивающими и самую сущность науки уголовнаго права, подготовляя такимъ образомъ XX вѣку матеріалъ для пересмотра и передѣлки законовъ уголовныхъ.

Въ эти критическіе періоды литературы всякій научный трудъ, дающій возможность разобраться въ страстныхъ, проникнутыхъ полемическимъ партійнымъ задоромъ статьяхъ, брошюрахъ, монографіяхъ, трудъ, дающій возможность спокойно взглянуть на эти боевыя схватки и оцѣнить ихъ результаты, отдать должное ветеранамъ прошлаго и новобранцамъ будущаго, представляется особенно цѣннымъ, и думается мнѣ, что теперь такія изслѣдованія даже болѣе цѣнны, чѣмъ въ концѣ XVIII вѣка, такъ какъ указанная выше повторность литературныхъ періодовъ представляетъ только сходство, но конечно не тожество. Какъ и въ общемъ движеніи человѣческаго развитія, да и всего космоса, такъ и здѣсь, въ миніатюрѣ, можно подмѣтить не нанизанные на вѣковѣчную нить жизни круги, а спираль неуклонно развивающагося бытія.

Прежде всего матеріалъ, надъ которымъ работаетъ современная критическая мысль, не тотъ, съ которымъ имѣлъ дѣло XVIII вѣкъ;

они не сравнимы ни по ихъ жизнепригодности, ни по ихъ научному достоинству, да и не та сумма правового знанія и юридической техники, которую проявляютъ въ настоящее время безпощадные судьи существующаго, сравнительно съ бойцами эпохи великой революціи. Какъ ни высоко цѣнили современники труды, не только Карпцова, Фаринація, Дамгудера, но и Маттеуса, Лейзера, Берлиха или Жусса, но все же нельзя ихъ и сравнивать съ именами Каррары, Ф. Эли Гарро, нельзя же приравнять чахлые учебники XVIII вѣка къ блестящимъ руководствамъ недавняго прошлаго.

Различается литература обоихъ періодовъ и по своимъ стремленіямъ и чаяніямъ. На знамени литературы XVIII вѣка кровавыми буквами было начертано—„права человѣка"; во имя ихъ она была сокрушительнымъ тираномъ фортецій криминалистики—четвертованія, сожженія, конченія, урѣзыванія, вырыванія и всѣхъ подобныхъ имъ безчисленныхъ и замысловатыхъ изобрѣтеній человѣка-звѣря. Во имя разума она высмѣивала и объявляла нетерпимыми: преслѣдованія еретиковъ, чернокнижниковъ и колдуновъ, пылавшихъ и жарившихся не только по винѣ полной невѣжества массы, но съ одобренія, а всего чаще и по распоряженію стоявшихъ на выси, призванныхъ къ спасенію погибающихъ, кощунственно прикрывавшихся именемъ Бога всепрощенія и любви. Наконецъ, во имя правды и справедливости ополчалась она противъ пытки, пристрастныхъ допросовъ и всего строя инквизиціоннаго процесса. Еще много поколѣній будутъ благоговѣйно вспоминать имена борцовъ всѣхъ націй за очеловѣченіе уголовнаго права, неустанно повторявшихъ: „въ звѣрѣ-преступникѣ ищите человѣка: онъ кость отъ костей вашихъ, онъ болѣетъ и страдаетъ, какъ и вы; онъ, какъ и всѣ, можетъ требовать защиты правъ не умирающей и въ немъ человѣческой личности".

На знамени критической литературы XIX вѣка вырисовывается девизъ: „права общества и ихъ защита". На полѣ брани нѣтъ тѣхъ чудовищъ, съ которыми боролся XVIII вѣкъ; какъ ни тяжки нѣкоторыя и изъ современныхъ казней, но ихъ нельзя и сравнивать съ муками минувшаго, и современную карательную систему начинаютъ уже иногда упрекать не въ чрезмѣрности, а въ недостаткѣ энергіи. Поэтому современнымъ представителямъ критической мысли предстояла, казалось бы, одна задача: пріискать и выработать такую систему, которая, не нарушая принциповъ и завѣтовъ прошлаго XIX вѣка, дала бы въ развитіе ихъ болѣе надежную охрану общества и его интересовъ, охрану правопорядка, какъ необходимаго условія развитія

человѣчества и его культуры. Но въ послѣдней четверти прошлаго вѣка, въ лагерѣ критической литературы произошло распаденіе—выдѣлилось направленіе, относящееся отрицательно не только къ положительному матеріалу прошлаго и къ его недостаткамъ, но и ко всякой попыткѣ положить добытые прошлымъ принципы въ основу будущей реформы. Вся старая школа, не только довольствовавшаяся настоящимъ, но и стремящаяся къ реформамъ, объявлена подлежащею сдачѣ въ архивъ, въ почетномъ картонѣ съ ироническою этикеткою „классическая вѣтошь". Объявлены мало по малу подлежащими не передѣлкѣ, а упраздненію такіе Голіафы стараго порядка, какъ ученіе о покушеніи, соучастіи, основы вмѣняемости; ни передъ чѣмъ не останавливающіеся новаторы безбоязненно проникли даже, такъ сказать, въ скинію святыхъ заповѣдей криминалистики, объявивъ, что одинъ изъ основныхъ китовъ уголовнаго credo „nulla poena sine crimine" есть простой миѳическій драконъ, что объектомъ карательной дѣятельности государства должно быть признаваемо не преступное дѣяніе, а преступно насыщенная личность. Не могли ожидать пощады и принципы XVIII вѣка: гуманная заповѣдь „въ звѣрѣ-преступникѣ ищите человѣка"—предположена къ замѣнѣ другою: „въ человѣкѣ-преступникѣ ищите звѣря"; не о правахъ этого выродка, дикаря должно заботиться государство, а объ его истребленіи, да и не одного его, а и съ возможнымъ онаго потомствомъ, посредствомъ кастрированія прирожденныхъ или неисправимыхъ преступниковъ.

Это новое направленіе, народившееся въ Италіи, увлекло, къ сожалѣнію, много юныхъ душъ во всѣхъ странахъ, а въ томъ числѣ и у насъ. Вотъ почему, повторяю, критическое сопоставленіе и провѣрка старыхъ вѣрованій и новыхъ вожделѣній въ трудахъ, подобныхъ сочиненію г. Мокринскаго, представляютъ особенный интересъ.

При этомъ въ заслугу г. Мокринскаго надо поставить, что онъ не разбрасывается на мелочи, но въ предѣлахъ поставленной имъ задачи останавливается, преимущественно, на принципіальной ея сторонѣ; заботится не объ изложеніи взглядовъ того или другого отдѣльнаго писателя, а интересуется различными, такъ сказать, пріемами постановки и разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, указывая выгодныя и невыгодныя стороны отдѣльныхъ системъ и тѣ послѣдствія, къ которымъ они должны приходить при послѣдовательномъ проведеніи ихъ принциповъ. Нельзя также не отмѣтить, что молодой авторъ не увлекается моднымъ теченіемъ, но, отдавая ему должное, ставитъ его все таки на второе мѣсто и придаетъ его основнымъ началамъ лишь

вспомогательное значеніе. Наконецъ, нельзя не поставить въ заслугу автору и хорошее изложеніе. Хотя и встрѣчаются у него нѣкоторыя повторенія, ненужныя отступленія, но за то отсутствуетъ условный высиженный трескучій языкъ, которымъ, къ сожалѣнію, грѣшатъ работы нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ юристовъ. Авторъ твердо помнитъ, что ясность изложенія служитъ лучшимъ доказательствомъ ясности мысли.

Трудъ г. Мокринскаго распадается на двѣ части: въ первой онъ говоритъ о цѣли карательной дѣятельности или, по его опредѣленію, объ общемъ и спеціальномъ предупрежденіи преступленій, а во второй (неоконченной) о предположеніяхъ наказуемости.

Опредѣляя карательную дѣятельность государства, какъ государственное принужденіе къ страданію (стр. 4), авторъ останавливается прежде всего на тѣхъ, по его выраженію, факторахъ, которыми можетъ быть раціонально опредѣляема эта дѣятельность и которые, слѣдовательно, должны быть предметомъ изученія. На первый планъ онъ ставитъ изученіе факторовъ уголовно-политическихъ, т. е. изученіе „условій, при наличности коихъ государство можетъ разумнымъ образомъ позволить себѣ намѣренное причиненіе страданій отдѣльнымъ лицамъ и установить родъ и мѣру послѣдняго“. При этомъ авторъ полагаетъ (хотя и безъ всякой достаточной мотивировки), что уголовная политика должна изучать не только организацію карательной дѣятельности, но и мѣры чисто полицейской охраны безопасности, поскольку онѣ направлены не къ общему оздоровленію условій общественной жизни, а непосредственно обращены на внушающую опасеніе личность, въ цѣляхъ ея обезвреженія (стр. 5).

Но одни соображенія уголовной политики для рѣшенія вопроса о необходимости или излишествѣ уголовнаго наказанія недостаточны; они, по мнѣнію автора, должны находить коррективы, во 1-хъ, въ требованіяхъ нравственности или справедливости, понимая подъ этимъ этическія начала, лежащія въ основѣ даннаго уклада народной жизни, служащія опредѣленнымъ и рѣшительнымъ критеріемъ для оцѣнки личности наказуемаго или дѣянія, имъ совершеннаго; во 2-хъ, въ требованіяхъ правовыхъ, т. е. въ юридическихъ принципахъ, уже усвоенныхъ народомъ; въ особенности въ заботѣ объ укрѣпленіи силы права, ненарушимости его велѣній. Только совмѣстная оцѣнка всѣхъ этихъ факторовъ охранитъ криминалиста-политика при установленіи мѣръ борьбы съ преступленіемъ отъ односторонности и увлеченій. „Начала нравственности и права малоподвижны и устойчивы; напротивъ, предо-

ставленная самой себѣ политика измѣнчива и калейдоскопична, какъ въ начертаніи своихъ задачъ, такъ и въ выборѣ средствъ ихъ практическаго достиженія. Въ значительной мѣрѣ она является продуктомъ личной случайной находчивости, остроумія, индивидуальной изобрѣтательности. Одна принципіальность даетъ ей устойчивость, сообщаетъ достоинство и вмѣстѣ обезпечиваетъ прочный успѣхъ". (Стр. 15).

Но независимо отъ этихъ, такъ сказать, болѣе отвлеченныхъ факторовъ, какъ указываетъ авторъ, при установленіи раціональной, уголовной репрессіи нельзя не имѣть въ виду требованій историческихъ традицій, пережитаго прошлаго, требованій, предъявляемыхъ въ силу привычки, въ защиту усвоеннаго; хотя, по справедливому замѣчанію автора, удовлетвореніе этихъ требованій должно быть допускаемо съ осторожностью; ихъ надлежащая оцѣнка, ихъ, такъ сказать, использованіе можетъ имѣть мѣсто, конечно, лишь при подготовительной, уголовно-политической работѣ. „Мы можемъ только безсмысленно ломать, но не продолжать постройку или разумно перестраивать, если не знаемъ ни почвы, на которой возводится зданіе, ни свойствъ и происхожденія матеріаловъ, употребленныхъ ранѣе на стройку. Каждая ломка отзывается болѣзненно на общественномъ организмѣ, неизбѣжно требуя затраты нашихъ силъ на усвоеніе новыхъ порядковъ. Уже простое соображеніе возможной экономіи силъ вынуждаетъ политика относиться внимательно къ установившейся привычкѣ населенія дѣйствовать по извѣстнымъ побужденіямъ, щадить ее и вмѣстѣ утилизировать, направляя въ желательную сторону"... (стр. 18). „Итакъ, продолжаетъ авторъ, уголовно-политическія соображенія съ одной стороны, а съ другой, нравственныя воззрѣнія руководящихъ круговъ населенія, юридическія начала, уже воспринятыя законодательствомъ, и сила исторической традиціи—таковы основные факторы, равно—de lege lata и de lege ferenda, опредѣляющіе устройство уголовной репрессіи. Первенствующая, руководящая нить принадлежитъ среди нихъ, безспорно, соображеніямъ уголовной политики, научная разработка которыхъ выступаетъ въ уголовномъ правѣ подъ формою такъ называемыхъ релятивныхъ или относительныхъ теорій". (Стр. 19). Разсмотрѣнію и разбору этихъ соображеній и посвященъ первый выпускъ.

Но, говоритъ авторъ, для того, чтобы говорить о возможныхъ уголовно-политическихъ системахъ, какъ результатѣ взаимодѣйствія факторовъ репрессіи, необходимо предварительно установить и разгра-

ничить *основанія* и *предположенія* уголовной репрессіи, и различенію этихъ понятій онъ посвящаетъ отдѣльный параграфъ. Къ сожалѣнію, это разграниченіе представляется весьма неяснымъ и неопредѣленнымъ, и этотъ параграфъ, на мой взглядъ, составляетъ наиболѣе слабый отдѣлъ работы г. Мокринскаго, крайне невыгодно отражающійся на дальнѣйшей характеристикѣ авторомъ враждующихъ группъ современной криминалистики, лишая ее во многихъ частяхъ надлежащей рельефности. „Отъ предположеній уголовной репрессіи, говоритъ авторъ (стр. 21), слѣдуетъ строго отличать ея основаніе или мотивъ. Основанія и предположенія наказанія стоятъ въ отношеніи цѣли и средства. Въ устраненіи одной категоріи фактовъ (предположеній наказанія) криминалистъ-политикъ усматриваетъ средство къ планомѣрному достиженію цѣли—искорененію другой (основаній репрессіи) (??)... Но, далѣе говоритъ онъ (ст. 22), весьма часто фактически основаніе и предположеніе наказанія сливаются, именно, въ случаяхъ, когда законъ вводитъ (?) основаніе уголовной репрессіи въ самый составъ преступленія, реагируя непосредственно на каждый отдѣльный случай искореняемаго общественнаго явленія—таковы законы, карающіе за убійство, изнасилованіе, истребленіе имущества огнемъ и пр. Одни и тѣ же факты здѣсь одновременно являются основаніемъ и предположеніемъ наказанія. Однако едва ли не чаще наблюдается обратное явленіе: предположеніе *не* совпадаетъ съ основаніемъ". Въ примѣръ послѣдняго случая авторъ приводитъ кражу, для юридическаго окончанія которой требуется только изъятіе вещи изъ владѣнія собственника и переходъ, хотя бы на самое короткое время во владѣніе похитителя. Несомнѣнно трудно понять, чѣмъ отличаетъ авторъ понятія „предположенія" и „основанія", что такое вводитъ, какъ „основаніе", законодатель въ составъ убійства и не вводитъ въ составъ кражи? а, между тѣмъ, въ концѣ той же страницы (22) авторъ еще разъ замѣчаетъ: „различеніе понятій основанія и предположенія наказанія имѣетъ весьма важное, не только теоретическое, но и практическое значеніе. Только предположенію, но отнюдь не основанію можетъ быть усвоенъ предикатъ неправа со всѣми вытекающими отсюда практическими послѣдствіями". Основанія уголовной репрессіи, по мнѣнію автора, лежатъ внѣ уголовной политики.

Такими основаніями, продолжаетъ онъ (стр. 25 и сл.), по дѣйствующимъ законодательствамъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ является антисоціальное настроеніе личности, ея преступный характеръ (наказуемость бродягъ, профессіональныхъ нищихъ), а по общему правилу

таковыми представляются явленія общественной жизни, несовмѣстимыя съ публичнымъ интересомъ сами по себѣ, какъ таковыя, внѣ отношенія къ общественной характеристикѣ виновнаго. Оцѣнка сущности и значенія этихъ основаній выходитъ за предѣлы компетенціи криминалиста-политика, а задачею уголовной политики является установленіе предположеній наказанія и затѣмъ, соотвѣтственно сему, выборъ и организація мѣръ наказанія.

Но всѣ эти разграниченія, почти неуловимыя, исчезаютъ при дальнѣйшемъ изложеніи системъ борьбы съ преступностью, и въ особенности при изложеніи принциповъ новѣйшей школы, такъ какъ оказывается, что для нея предположеніемъ (стр. 30) являются отдаленныя причины преступленія, характеръ субъекта, соціальная опасность личности, т. е. то, что ранѣе было причислено къ основаніямъ наказуемости и признано не подлежащимъ обслѣдованію уголовной политики.

Я думаю, что анализъ карательной дѣятельности государства, провѣрка ея раціональности съ точки зрѣнія уголовной политики и въ виду современной борьбы двухъ направленій, представляется болѣе сложнымъ и требуетъ болѣе детальнаго распредѣленія и разбора матеріала. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы отдѣлить и отдѣльно проанализировать нижеслѣдующіе моменты, а затѣмъ отдѣльно оцѣнить отвѣты на нихъ разныхъ школъ: 1) Что вызываетъ государственное принужденіе къ страданію? Преступное дѣяніе, отвѣчаетъ правовѣрная школа; преступникъ, т. е. соціально вредно настроенная личность, категорически заявляетъ лѣвая сторона ломброзистовъ; преступное дѣяніе, какъ проявленіе преступнаго характера, маккіавеллистически, прикрываясь дымкою прошлаго, говорятъ представители правой стороны новаго направленія. 2) Почему преступное дѣяніе вызываетъ карательную дѣятельность государства? Потому что оно вредно или опасно для соціальнаго организма, для государства; основанія этой вредности или опасности могутъ быть выясняемы особливо по каждому преступному дѣянію, анализъ же этихъ основаній не входитъ въ область изученія уголовнаго права, говорятъ классики. Лѣвая именующаго себя позитивнымъ направленія, конечно, оставитъ этотъ вопросъ безъ отвѣта, такъ какъ для нея преступное дѣяніе не имѣетъ само по себѣ никакого значенія, и, наконецъ правая новой школы, открывая свою сущность, отвѣтитъ: потому что это дѣяніе служитъ указаніемъ на существованіе преступно-насыщенной личности, составляющей истинный объектъ репрессіи, ибо для этой группы преступное

дѣяніе является не причиною, а болѣе или менѣе случайнымъ поводомъ примѣненія наказанія. 3) Зачѣмъ караетъ государство? Потому что такъ предустановлено, потому что зло должно влечь зло, потому что справедливость требуетъ отплаты за соціальный вредъ, отвѣчаютъ одни (хотя бытіе такихъ теорій почему-то отрицаетъ авторъ, стр. 10 прим.); для достиженія полезныхъ цѣлей, отвѣчаютъ другіе, дробясь по различію этихъ цѣлей, по ихъ взаимному отношенію, но въ концѣ концовъ, въ особенности въ нынѣ господствующихъ теоріяхъ выдвигая главную цѣль—охрану соціальнаго бытія и правопорядка, какъ его необходимаго условія. Причемъ при разрѣшеніи этого вопроса о цѣляхъ наказанія перемѣшиваются и классики, и сторонники новой школы. Наконецъ, на четвертый вопросъ, какимъ образомъ можетъ идти къ этой цѣли государство, къ какимъ средствамъ оно можетъ прибѣгнуть? опять получаются принципіально различные отвѣты враждующихъ направленій. Отсталые классики, крѣпко держа знамя, завѣщанное великими идеалами XVIII вѣка, говорятъ: не нарушая и въ преступникѣ правъ человѣка, не допуская ни физическихъ истязаній, ни безцѣльныхъ нравственныхъ мукъ, признавая не только нецѣлесообразными, но и прямо вредными для интересовъ общественнаго порядка и развитія—смертную казнь, тѣлесныя наказанія, юридическое вымираніе личности или лишеніе всѣхъ правъ состоянія, и сохраняя только, какъ карательныя мѣры, лишеніе свободы, денежныя взысканія, лишеніе нѣкоторыхъ правъ (ограниченіе правоспособности). Другой отвѣтъ слышится изъ юнаго лагеря. Бросьте сантиментальное фиглярничество, романтическую чувствительность, маниловщину, говорятъ „упростители“ (i simplicisti del diritto penale, по выраженію Луккини) новой школы: „salus publica suprema lex esto“ и „дурную траву изъ поля вонъ“. Выкосимъ ее посредствомъ смертной казни или безвозвратнаго интернированія или, еще лучше, выкорчуемъ ее и съ возможнымъ потомствомъ изъ нивы жизни хотя бы и посредствомъ примѣненія кастраціи какъ наказанія — теорія Servier (Франція), Näcke (Германія), Zuccarelli (Италія), Cassy (Америка), одобренная самимъ, т. е. Ломброзо.

Г. Мокринскій упростилъ задачу, и всѣ попытки построеній раціональной системы репрессіи сводитъ къ двумъ системамъ: спеціальнаго и общаго предупрежденія преступленій, хотя благодаря такому распредѣленію матеріала ему пришлось возсоединить представителей разнородныхъ школъ и разъединить однородныхъ.

Отправное начало системы субъективной или спеціальнаго предупрежденія заключается въ томъ, что предположеніемъ примѣненія

наказанія является наличность преступнаго характера дѣятеля; воздѣйствіе на соціально опасную личность составляетъ задачу наказанія: „Предупрежденіе спеціальное, имѣя задачею воздѣйствовать на конкретную точно указанную личность, требуетъ естественно и величайшей индивидуализаціи употребляемыхъ мѣръ воздѣйствія“ (стр. 33). При этомъ, съ одной стороны, наказаніе является только однимъ изъ средствъ борьбы съ преступникомъ, а съ другой, эти мѣры репрессіи могутъ вызываться не только преступною, но вообще соціально опасною личностью, такъ какъ даже различіе невмѣняемыхъ субъектовъ (умалишенныхъ), учинившихъ вредъ, и неисправимыхъ преступниковъ по отношенію къ репрессіи у многихъ писателей этого направленія, какъ, напримѣръ, у Листа, теряетъ свое значеніе. „При этомъ“, замѣчаетъ г. Мокринскій (стр. 34), „самая разумность существованія уголовнаго кодекса въ современномъ его видѣ, съ точки зрѣнія руководящаго принципа разсматриваемой системы должна быть безусловно отвергнута. Различные составы преступленій и предустановленныя рамки наказаній должны являться лишь досаднымъ, навязаннымъ извнѣ барьеромъ для доктрины, не желающей сообразоваться съ чѣмъ-либо кромѣ опасности и свойствъ опасности субъекта“. Если нѣкоторые писатели новаго направленія и говорятъ, что для примѣненія наказанія недостаточно одного констатированія опаснаго характера субъекта, а необходимо установленіе учиненія ими преступнаго дѣянія, потому что карательное право есть юридически ограниченная власть государства наказывать (Листъ), то, какъ говоритъ г. Мокринскій, такое ограниченіе не имѣетъ подъ собою никакой почвы и не вытекаетъ изъ основныхъ воззрѣній направленія. Авторъ даже думаетъ, что съ точки зрѣнія этой школы не представляется достаточныхъ основаній для установленія наказуемости преступниковъ по случаю; такъ какъ она можетъ говорить только о раціональности борьбы съ преступною привычкою и рецидивомъ, какъ признакомъ соціальной опасности.

Все это приводитъ автора къ тому выводу, что система спеціальнаго предупрежденія не можетъ быть признана имѣющею универсальное нравственное значеніе.

Другую группу составляетъ система общаго предупрежденія преступленій, т. е. предупрежденіе посредствомъ психическаго воздѣйствія не на даннаго преступника, а на личность, опредѣленную in genere... „Существованіе уголовнаго кодекса, этого сборника законодательныхъ угрозъ, приказовъ и запретовъ подъ страхомъ наказанія, является необходимымъ условіемъ самой репрессіи. Также становится

понятнымъ, почему при этой системѣ необходимымъ предположеніемъ наказанія долженъ быть опредѣленный поступокъ, но отнюдь не характеръ субъекта. Грозить разумнымъ образомъ можно лишь за чтонибудь, за какое либо опредѣленное дѣйствіе, совершить или не совершить которое зависитъ отъ воли того, кому предъявляютъ требованія" (стр. 51).

При этомъ посредствомъ такой угрозы законодатель можетъ влiять или на общество вообще, или же на болѣе ограниченный кругъ тѣхъ членовъ общества, которые уже созрѣли для преступной дѣятельности.

Къ уголовно-политическимъ системамъ перваго типа авторъ относитъ, нѣсколько неожиданно, теоріи возмездія, правда имѣя въ виду только тѣ изъ нихъ, которыя обыкновенно включаются въ группу смѣшанныхъ или переходныхъ, а именно (по его номенклатурѣ) теорію нравственнаго воздаянія—Бара; теорію юридическаго возмездія—Блиндинга и теорію соціальнаго возмездія—Шмидта.

Въ главѣ теорій второй группы г. Мокринскій ставитъ теорію Ансельма Фейербаха, по его мнѣнію, и нынѣ не утратившую своей первенствующей роли. Онъ подвергаетъ подробному пересмотру всѣ доводы, приводимые въ ея защиту, такъ и возраженія противъ нея, и притомъ какъ принципіальные, такъ и второстепенные—практическіе. Особенно останавливается онъ на значеніи этой теоріи, какъ принципа устрашенія, и на обвиненіи ея въ чрезмѣрной жестокости. Онъ находитъ, что теперь уже нѣтъ основанія опасаться при принятіи этой системы введенія прежнихъ суровыхъ казней, ибо онѣ исчезли безвозвратно; современная карательная система страдаетъ скорѣе недостаткомъ энергіи, или, какъ онъ говоритъ, монотонностью репрессіи, а потому средства психическаго воздѣйствія нынѣ иныя.

„Эффектъ карательнаго воздѣйствія сводится въ наши дни и чѣмъ далѣе, тѣмъ исключительнѣе, къ причиненію нравственнаго страданія и оно же лежитъ, соотвѣтственно, въ основаніи репрессивной силы угрозы уголовнаго закона" (стр. 75). Поэтому „угроза уголовнаго закона дѣйствуетъ въ наши дни тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ болѣе развито нравственное самоуваженіе, чѣмъ острѣе человѣческое самолюбіе" (стр. 76). Признаніе зависимости репрессивной силы угрозъ отъ ихъ санкціи общественнымъ мнѣніемъ получило, какъ полагаетъ авторъ (стр. 79), свое крайнее выраженіе въ учрежденіи суда присяжныхъ, гдѣ по существу дѣла оправдываетъ и караетъ уже не государство, а само общество, лишь съ помощью и подъ руководствомъ коронпаго

судьи. Учрежденіе суда присяжныхъ можетъ быть разсматриваемо, какъ настоятельное требованіе современной уголовной политики психологическаго принужденія, основное правило которой можно бы было заключить въ слѣдующую формулу: наказаніе тѣмъ репрессивнѣе, чѣмъ оно популярнѣе.

А это значеніе для уголовной репрессіи нравственной поддержки общественнаго мнѣнія вноситъ въ понятіе раціональной репрессіи элементъ нравственнаго воздаянія. Такое нравственное воздаяніе предполагаетъ углубленіе въ субъективный моментъ преступленія, а именно въ оцѣнку мотива дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характера дѣятеля. „Если, говоритъ г. Мокринскій (стр. 85), характеръ субъекта не можетъ имѣть, съ точки зрѣнія разсматриваемой системы, самостоятельнаго значенія, это не значитъ, что онъ лишенъ для нея всякаго значенія—нравственная цѣнность мотива только и можетъ быть установлена на почвѣ изученія характера личности, какъ единаго цѣлаго".

Но нравственное воздаяніе не исчерпывается одною оцѣнкою мотива и характера дѣятеля, на ряду съ нимъ общественное мнѣніе придаетъ важное значеніе размѣру вреда. Мотивъ опредѣляетъ нравственную реакцію общества на преступленіе со стороны количественной.

Отмѣтивъ свѣтлыя и темныя стороны системъ спеціальнаго и общаго предупрежденія, авторъ приходитъ къ тому выводу, что для правильной организаціи карательной репрессіи обѣ системы должны быть соединены и при томъ не механически, а органически, путемъ ихъ взаимнаго восполненія, при чемъ „въ основу компромисса можетъ и должно быть положено начало общаго предупрежденія и только затѣмъ, по удовлетвореніи запросовъ, предъявляемыхъ цѣлью психологическаго принужденія, могутъ быть приняты во вниманіе нужды спеціальнаго предупрежденія" (стр. 107).

Указавъ теоретическую возможность соединенія обѣихъ системъ, авторъ переходитъ затѣмъ къ практической провѣркѣ своихъ соображеній указаніемъ возможности примѣненія такого компромисса на практикѣ. Этотъ параграфъ представляетъ много интереснаго, хотя многія изъ предположеній автора являются весьма и весьма спорными. Таковы, напримѣръ, предположенія объ искорененіи изъ кодекса системы предустановленныхъ надбавокъ и скидокъ съ уголовнаго тарифа, назначаемыхъ въ зависимости отъ способа выполненія преступленія, отъ условій времени и мѣста, отношеній къ пострадавшему и т. п.; его предположенія о значеніи поселенія въ лѣстницѣ наказаній, при чемъ

авторъ полагаетъ, что при разрѣшеніи вопроса о томъ, кого можно и слѣдуетъ направить въ ссылку, рѣшающее значеніе долженъ имѣть критерій не нравственный, а соціальный, т. е. пригодность наказываемаго для выполненія задачъ поселенія. „Для успѣха ссылки", говоритъ г. Мокринскій (стр. 119), требуется одно условіе: чтобы судъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, прежде чѣмъ принять эту мѣру, старательно обслѣдовалъ семейное, хозяйственное и общественное положеніе осужденнаго, избѣгая всячески чрезмѣрнаго отягченія участи лицъ, принадлежащихъ къ составу семьи виновнаго, и не ссылалъ преступниковъ, представляющихъ завѣдомо непригодный матеріалъ для поселенія".

Далѣе весьма парадоксальными являются его соображенія объ организаціи мѣръ исправительнаго характера (стр. 121 и сл.), которыя онъ считаетъ неприменимыми къ преступникамъ, которые не нуждаются въ исправленіи, какъ, напр., преступники по случаю, такъ какъ примѣненіе къ нимъ такихъ мѣръ было бы негуманно, безцѣльно и даже вредно по своимъ соціальнымъ послѣдствіямъ; къ лицамъ неисправимымъ и къ лицамъ, подлежащимъ механическому обезвреженію. Такъ что въ концѣ концовъ, по мнѣнію автора (стр. 135), этотъ режимъ можетъ быть ограниченъ только сферою корыстныхъ имущественныхъ преступленій и то за исключеніемъ тѣхъ (сравнительно весьма рѣдкихъ) случаевъ, когда эти преступленія учиняются вслѣдствіе личной матеріальной нужды или изъ желанія придти на помощь нуждающимся. Необходимымъ условіемъ исправительнаго режима г. Мокринскій считаетъ введеніе института неопредѣленныхъ приговоровъ, хотя этотъ терминъ онъ въ сущности даетъ институту такъ называемаго дополнительнаго задержанія, такъ какъ, по его мнѣнію, и эти приговоры должны имѣть минимальный срокъ—нормальное наказаніе, назначенное за данное дѣяніе, и максимальный—5 лѣтъ (стр. 139); равнымъ образомъ, авторъ требуетъ широкаго примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія съ введеніемъ особыхъ инспекторовъ надзора или широкаго примѣненія патроната для наблюденія за поведеніемъ осужденныхъ.

Въ заключеніи этого параграфа авторъ рисуетъ (стр. 142) такую схему раціональныхъ мѣръ примѣнительно къ номенклатурѣ нашего проекта уголовнаго уложенія.

А. 1) Для достиженія цѣлей психологическаго принужденія 1) каторга безъ поселенія: безсрочная (взамѣнъ смертной казни) и срочная отъ 5—15 лѣтъ для тяжкихъ, но неопасныхъ преступниковъ; 2)

арестъ до 5 лѣтъ для менѣе тяжкихъ преступниковъ, производящихъ наименѣе отталкивающее впечатлѣніе на общество и 3) тюрьма до 5 лѣтъ для прочихъ преступниковъ; арестъ и тюрьма на сроки свыше 3-хъ лѣтъ могутъ, по усмотрѣнію суда, быть замѣняемы поселеніемъ. 2) Для цѣли исправленія—исправительный домъ, примѣняемый факультативно къ корыстнымъ имущественнымъ преступникамъ. Продолжительность заключенія по усмотрѣнію тюремной администраціи, при чемъ minimum срокъ, назначенный въ приговорѣ, maximum — 5 лѣтъ. В. Для цѣли обезвреженія — каторга съ послѣдующимъ поселеніемъ для тяжкихъ опасныхъ преступниковъ и факультативно для отбывшихъ уже наказаніе исправительнымъ домомъ.

Съ тою же цѣлью практической провѣрки своихъ теоретическихъ взглядовъ авторъ останавливается на карательной системѣ проекта нашего уложенія, посвящая ей особый 7-й § и подвергая ее съ точки зрѣнія теоріи общаго и спеціальнаго предупрежденія сильному порицанію.

Авторъ находитъ, что планомѣрное преслѣдованіе цѣлей общаго психологическаго принужденія, исправленія и изолированія чуждо проекту; что съ точки зрѣнія общаго психологическаго принужденія карательная система проекта недостаточно эластична и мягка, такъ какъ проектъ не знаетъ судебнаго выговора, развитой системы денежныхъ пеней и условнаго осужденія; что введенное въ проектъ лишеніе свободы, какъ custodia honesta, проведено непослѣдовательно, такъ какъ, напримѣръ, присуждаются къ тюрьмѣ или исправительному дому за такія дѣянія, которыя позорящаго не заключаютъ и, наоборотъ, примѣняется не позорящее наказаніе—крѣпость и арестъ къ такимъ дѣяніямъ, которыя служатъ проявленіемъ корыстныхъ побужденій, въ особенности безпринципно поставлено въ проектѣ примѣненіе поселенія.

Проектъ, по мнѣнію г. Мокринскаго, совершенно не справился съ требованіями исправленія, такъ какъ въ мѣста заключенія, имѣющія таковое назначеніе—въ исправительный домъ и тюрьму, попадаютъ преступники всѣхъ категорій, подлежащіе и не подлежащіе исправленію.

Мѣры обезвреженія въ проектѣ чрезмѣрно суровы, такъ какъ, напримѣръ, поселеніе всегда слѣдуетъ за каторгою, которая иногда примѣняется къ лицамъ, не испытавшимъ исправительнаго воздѣйствія или къ рецидивистамъ корыстныхъ преступленій, уже отбывшимъ на-

казаніе исправительнымъ домомъ, а правопораженіе зависитъ не отъ тяжести преступленія, а отъ рода наказанія.

Наконецъ, по мнѣнію г. Мокринскаго, не представляется оснований для введенія въ лѣстницу наказаній столь разнообразныхъ видовъ лишенія свободы, какіе знаетъ проектъ, при чемъ въ дѣйствительности эти виды почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга.

Вдаваться въ детальный разборъ указаній автора на несостоятельность карательной санкціи проекта я не считаю возможнымъ, оставаясь въ предѣлахъ рецензіи; но я не могу не привести нѣсколько соображеній, если не парализующихъ, то, во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, ослабляющихъ значеніе этихъ замѣчаній.

А. По поводу перваго упрека въ отсутствіи планомѣрности, я позволю указать, что, какъ особенно видно изъ первоначальной объяснительной записки, редакціонная комиссія, при построеніи своей карательной системы, выходила изъ идеи охраны правового порядка при помощи уголовной кары за преступныя дѣянія, ему вредящія, т. е. выходила изъ основного принципа классической школы, которую авторъ называетъ теоріею частнаго предупрежденія. При этомъ она не оставила безъ обслѣдованія тѣхъ мѣръ борьбы съ преступленіями и преступностью, о которыхъ говоритъ авторъ и изъ которыхъ нѣкоторыя тогда притомъ представлялись почти что въ зародышѣ. Такъ, обсуждала комиссія вопросъ о дополнительныхъ взысканіяхъ для тунеядцевъ и алкоголиковъ, но не внесла въ проектъ закона никакихъ постановленій по сему предмету по практическимъ соображеніямъ, въ виду отсутствія у насъ какихъ либо зачатковъ учрежденій этого рода; теперь, черезъ 20 лѣтъ, фактическія условія измѣнились, и государственный совѣтъ нашелъ возможнымъ включить въ проектъ уложенія постановленія о дополнительныхъ взысканіяхъ для тунеядцевъ и поручилъ министру юстиціи разработать вопросъ о мѣрахъ дополнительной охраны противъ алкоголиковъ-преступниковъ. Останавливалась далѣе комиссія и на возрастающемъ значеніи рецидива и мѣрахъ борьбы съ нимъ; и въ этомъ отношеніи самъ г. Мокринскій говоритъ (стр. 151), что комиссія даже черезчуръ сурово использовала это основаніе усиленія отвѣтственности, при чемъ онъ, дѣлая это замѣчаніе, расходится съ собственными предположеніями по этому вопросу на стр. 143.

Относительно условнаго до времени освобожденія, комиссія признала, что до подробнаго разсмотрѣнія тюремнаго управленія и устройства, окончательное разрѣшеніе этого вопроса было бы пре-

ждевременно, но за то проектъ широко воспользовался извѣстнымъ нашему праву еще съ двадцатыхъ годовъ институтомъ безусловнаго досрочнаго освобожденія [1]).

Наконецъ, относительно условнаго осужденія комиссіею приведены подробныя соображенія о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя могутъ представиться на практикѣ при его введеніи и, на что нельзя не обратить вниманія, такое же отношеніе къ этому институту позднѣе, въ 90-хъ годахъ, высказала комиссія по пересмотру устава уголовнаго судопроизводства, въ которой участвовало большое число нашихъ криминалистовъ-практиковъ и теоретиковъ. Теперь, по почину государственнаго совѣта, этотъ вопросъ будетъ подлежать спеціальной разработкѣ въ министерствѣ юстиціи.

Да и въ какомъ видѣ могло бы выразиться воспринятіе въ карательную систему кодекса сочетанія теорій общаго и спеціальнаго предупрежденія? Я привелъ, напримѣръ, выше схему такого сочетанія, которую предполагаетъ авторъ. Едва ли нужно подробно доказывать ея полную практическую непригодность. Не могла же комиссія, разсчитывая на то, что ея трудъ получитъ осуществленіе, ввести въ проектъ, напримѣръ, различіе въ примѣненіи наказаній, основанное на томъ, на сколько сильное отталкивающее нравственное впечатлѣніе производитъ преступникъ на общество, или назначать безсрочную каторгу для тяжкихъ, но не опасныхъ преступниковъ, а каторгу срочную съ поселеніемъ для тяжкихъ опасныхъ преступниковъ, или предоставить суду замѣнять по его усмотрѣнію четырехгодичный арестъ или трехлѣтнюю тюрьму—поселеніемъ со всѣми его аттрибутами и правопораженіями?

Б. Болѣе значенія имѣетъ второй упрекъ, дѣлаемый авторомъ проекту, упрекъ въ томъ, что воззрѣніе на отдѣльные типы наказаній, усвоенное комиссіей, совершенно не проведено въ особой части, при назначеніи отвѣтственности за отдѣльныя правонарушенія. Такая несоразмѣрность несомнѣнно существуетъ и, можетъ быть, даже въ достаточно значительномъ количествѣ, но и въ этомъ отношеніи нельзя не указать на слѣдующее.

1) Авторъ, приводя случаи неправильнаго примѣненія позорящихъ наказаній и исправительнаго дома или тюрьмы вмѣсто custodia honesta и наоборотъ, основывается въ распредѣленіи той или другой группы

---

[1]) Г. Мокринскій (стр. 143) самъ допускаетъ условное досрочное освобожденіе только для исправительнаго дома.

видовъ лишенія свободы исключительно на юридическомъ составѣ отдѣльныхъ правонарушеній, на ихъ законной характеристикѣ. Но этотъ пріемъ, неправильный по существу, противорѣчитъ и его предшествующимъ соображеніямъ. Выборъ между назначеніемъ позорящаго и непозорящаго наказанія зависитъ, главнымъ образомъ, не отъ свойства дѣянія, ибо не много найдется болѣе значительныхъ преступныхъ дѣяній, которыя никогда бы не могли быть учиняемы изъ позорныхъ побужденій, а отъ свойства дѣятеля, отъ руководящихъ имъ мотивовъ, оцѣнка каковыхъ можетъ быть сдѣлана только при разсмотрѣніи обстоятельствъ отдѣльныхъ случаевъ. Поэтому-то, какъ указываетъ и самъ авторъ (стр. 145 прим.), комиссія первоначально предположила назначать заточеніе, какъ custodia honesta, не только параллельно съ тюрьмою, исправительнымъ домомъ, но даже отчасти и съ каторгой; но затѣмъ, при дальнѣйшей обработкѣ проекта, это предположеніе, по разнымъ практическимъ соображеніямъ, было оставлено.

2) Авторъ въ первомъ параграфѣ указываетъ на значеніе въ числѣ другихъ факторовъ, опредѣляющихъ возможную раціональную карательную систему, требованій историческихъ традицій, или, какъ выразился онъ, подчиняясь модному, хотя и варварскому словообразованію, требованій „историзма", и вотъ объ этихъ-то требованіяхъ онъ забылъ при разборѣ проекта. А между тѣмъ всякій, кто въ будущемъ будетъ изучать исторію новаго уложенія, если ему суждено сдѣлаться дѣйствующимъ, съ любопытствомъ остановится на вліяніи на проектъ, въ различныхъ его фазисахъ, этого „историзма" и притомъ въ различныхъ формахъ.

Во-первыхъ, историзма профессіональнаго, т. е. привычки къ старому, дѣйствовавшему уложенію, со стороны лицъ, его примѣнявшихъ, или такъ или иначе съ нимъ соприкасавшихся, историзма особенно сильнаго у насъ, благодаря слабому развитію юридической науки. Научная разработка русскаго уголовнаго права началась у насъ, что называется, на дняхъ, а при изданіи уложенія 1845 и при его введеніи въ жизнь о ней не было и помину. Въ дѣйствующее уложеніе вошло много постановленій, чуждыхъ нашему старому праву, въ частности своду законовъ, а большею частью механически заимствованныхъ изъ западно-европейскихъ, или, какъ любили выражаться составители уложенія, изъ лучшихъ законодательствъ, постановленій, давно уже безпощадно и безповоротно осужденныхъ на родинѣ и наукою и практикою. А между тѣмъ и эти даже наиболѣе неудачныя заимство-

ванія нашли ревностныхъ защитниковъ. Достаточно указать, что за исключеніе изъ уложенія такого вида квалифицированныхъ захватовъ имущества, какъ открытый грабежъ безъ насилія, котораго не знаетъ ни одинъ изъ современныхъ кодексовъ, не знало и наше старое право, который и практически оказался непригоднымъ, пришлось защитникамъ проекта выдержать упорную схватку; а многіе, напримѣръ, виды квалифицированныхъ кражъ, такой же юридической цѣны, оказались побѣдителями, съ тріумфомъ перешли въ проектъ и будутъ путать нашу будущую бѣдную практику.

Во-вторыхъ, историзмъ вѣдомственный, самый непреодолимый. Чуть ли не каждое вѣдомство, какъ видно изъ отчетовъ, считало свои спеціальные интересы не идущими и въ сравненіе съ интересами общечеловѣческими или даже и государственными, а требовало для нихъ возможно повышенной охраны. Едва ли съ какой-либо уголовно-политической точки зрѣнія на справедливое возмездіе можно объяснить, напримѣръ, почему незаконная торговля питьями въ раіонѣ казенной ихъ продажи влечетъ денежный штрафъ, если вино продается въ запечатанной посудѣ, и требуетъ позорящаго наказанія—тюрьмы, если продается въ распечатанной? А интересы таможенные, торговаго мореплаванія, охоты, военнаго вѣдомства, лѣснаго, общественнаго, казачьяго хозяйства и т. д. и т. д. Хорошо еще, что ихъ защитники соглашались на тюрьму и дѣлали уступку относительно требуемаго ими исправительнаго дома.

Въ-третьихъ, историзмъ, такъ сказать, экономическій. Г. Мокринскій жалѣетъ, напримѣръ, что проектъ не пришелъ къ болѣе развитой системѣ денежныхъ взысканій; но всякій практикъ знаетъ, что и нынѣ, въ значительномъ %, эти взысканія замѣняются лишеніемъ свободы, и при томъ въ самомъ худшемъ его видѣ, въ видѣ, такъ сказать, задержанія за долгъ, а въ будущемъ, при смягченіи размѣровъ замѣны, число неплательщиковъ, вѣроятно, еще болѣе увеличится. Далѣе, хорошо, конечно, было бы параллельно съ мѣстами заключенія—въ видѣ тюрьмы и исправительнаго дома, имѣть мѣста заключенія непозорящаго, въ видѣ заточенія; но гдѣ взять капиталы, необходимые для постройки и тѣхъ и другихъ?

В. Третій упрекъ автора—что при системѣ, усвоенной проектомъ, нѣтъ достаточно основаній для столь большого разнообразія отдѣльныхъ его видовъ, представляется въ извѣстной степени справедливымъ, въ особенности по отношенію къ позднѣйшей организаціи по проекту лѣстницы наказаній. Теперь, я думаю, вполнѣ было бы воз-

можнымъ ограничиться раздѣленіемъ лишенія свободы не на шесть, а на четыре вида: каторгу, поселеніе, тюрьму и арестъ, съ подраздѣленіемъ двухъ послѣднихъ на виды по срокамъ; такъ какъ нынѣ по проекту режимъ исправительнаго дома и тюрьмы, крѣпости и ареста представляется весьма схожимъ. Но при первоначальной постановкѣ проекта дѣло ставилось иначе; исправительный домъ и тюрьма различались, напримѣръ, и по ихъ режиму и по соединеннымъ съ ними правопораженіямъ.

Таково содержаніе перваго выпуска труда г. Мокринскаго; за нимъ должна слѣдовать вторая часть—о предположеніяхъ карательной дѣятельности—изъ двухъ отдѣловъ: ученія о преступномъ дѣяніи и ученія о преступномъ дѣятелѣ, какъ антисоціальной личности, первое, какъ обоснованіе карательной дѣятельности, направленной къ осуществленію цѣли общаго психологическаго принужденія, а второе, какъ предположеніе дѣятельности, преслѣдующей цѣль обезвреженія преступника.

Задача изслѣдованія въ первой своей части, по мнѣнію автора, подраздѣляется: 1) на оцѣнку съ точки зрѣнія общаго психологическаго принужденія объективнаго момента состава, при чемъ и здѣсь должны быть различаемы: а) результатъ, какъ внѣшнее измѣненіе, обусловленное дѣйствіемъ и б) самое дѣйствіе, какъ произвольное тѣлодвиженіе, и 2) на оцѣнку, съ точки зрѣнія той же цѣли, субъективнаго момента преступнаго дѣянія, гдѣ авторъ полагаетъ установить значеніе: формъ виновности, сознанія противоправности содѣяннаго, намѣренія, мотива и нравственнаго характера, поскольку онъ отразится въ преступномъ дѣяніи.

Но такъ какъ въ вышедшемъ второмъ выпускѣ авторъ излагаетъ только первую часть перваго отдѣла, а именно, ученіе о результатѣ, то я и не считаю пока возможнымъ входить въ разборъ этого выпуска и ограничусь только пожеланіемъ, чтобы г. Мокринскій докончилъ свою работу такъ же, какъ и началъ.

Не могу не прибавить, что разбираемый трудъ, какъ и цѣлый рядъ работъ нашихъ молодыхъ криминалистовъ, вышедшихъ за послѣднее время, служитъ доказательствомъ, что наука уголовнаго права стала твердо у насъ, и не далеко время, когда она отвоюетъ по праву себѣ видное мѣсто въ обще-европейской наукѣ, а это будетъ залогомъ, что, можетъ быть, и въ виду недолговѣчности вообще уголовныхъ кодексовъ, не въ особенно дальнемъ будущемъ, въ Россіи появится уголовный кодексъ, построенный на болѣе послѣдовательно

проведенныхъ началахъ раціональной репрессіи, которому уголовное уложеніе да послужитъ предтечею.

Н. Т.

В. Л. Комаровъ. Флора Маньчжуріи. Томъ I. С.-Петербургъ 1901.

Эта объемистая книга представляетъ собой лишь первую часть задуманнаго авторомъ капитальнаго сочиненія, долженствующаго явиться „сводкой всего, что извѣстно для настоящаго времени о флорѣ Маньчжуріи". Вышедшій въ свѣтъ первый томъ заключаетъ въ себѣ „введеніе" и часть списка растеній маньчжурской флористической области, именно—Cryptogamae vasculares, Gymnospermae и Monocotyledoneae. Разборъ главнѣйшихъ вопросовъ фитеогеографическаго характера, а также касающихся теоріи видообразованія, отложенъ авторомъ до слѣдующей части его труда и сдѣланъ во „введеніи" перваго тома лишь настолько, чтобы дать нѣкоторое руководство читателю при его ознакомленіи со спискомъ растеній; тѣмъ не менѣе, уже въ этомъ „введеніи" мы встрѣчаемъ много интереснаго, не только для спеціалиста, но и для всякаго любителя, интересующагося общими ботаническими вопросами, а также желающаго ближе ознакомиться съ изслѣдованной авторомъ любопытной и разнообразной страной.

Первая глава „введенія" знакомитъ насъ съ границами и общимъ характеромъ маньчжурской флористической области. Устанавливая предѣлы ея, авторъ руководился соображеніями исключительно физико-географическаго характера, не принимая къ свѣдѣнію ни административныхъ, ни этнографическихъ границъ, и такой пріемъ, къ сожалѣнію, далеко не всѣми принятый, заслуживаетъ полнаго одобренія, такъ какъ нельзя не согласиться съ авторомъ, что „благодаря этому, флора Маньчжуріи является флорой однородной и естественной, связанной какъ составомъ и общимъ характеромъ ея, такъ и общностью біологическихъ условій и общностью происхожденія и исторіи."

Подъ флорой Маньчжуріи авторъ разумѣетъ флору горной и лѣсной страны средней Маньчжуріи, т. е. мѣстности, лежащей приблизительно между 41° и 49° сѣверной широты и 124° и 137° восточной долготы. На западѣ ее ограничиваетъ большой Маньчжурскій грабенъ, на востокѣ—Тихій океанъ. На сѣверѣ граница извивается отъ слiянія рѣкъ Амура и Буреи къ устью рѣки Гарина, затѣмъ опускается круто на югъ и выходитъ къ морскому берегу южнѣе залива Хаджи (Императорская гавань). Южная граница идетъ отъ приморскаго Ко-

рейскаго города Кенсона и, огибая юго-восточную часть Мукденской провинціи, подымается къ сѣверу и смыкается съ западной границей немного не доходя до Мукдена. Въ политическомъ отношеніи эта мѣстность разбита на три части,—Русскую, Китайскую и Корейскую. Замѣтимъ здѣсь, что было бы крайне желательно увидѣть во второй части труда г. Комарова карту съ указаніемъ границъ области, ея подраздѣленій и маршрутовъ автора.

По рельефу маньчжурская флористическая область—страна невысокихъ горныхъ хребтовъ и плато, изрѣзанныхъ рѣчными долинами; господствующими горными породами являются граниты, порфиры и базальты, а наиболѣе распространенными почвами—пески и глины, при чемъ первые преобладаютъ въ долинахъ, а вторыя—въ горахъ. Климатъ маньчжурской флористической области во всѣхъ ея частяхъ однороденъ и своеобразенъ: онъ отличается теплымъ и весьма обильнымъ осадками лѣтомъ и сухой, малоснѣжной, холодной зимой. Лѣтомъ господствуютъ юго-восточные и южные вѣтры съ Тихаго океана, приносящіе массу водяныхъ паровъ, а зимой ихъ смѣняютъ холодные сѣверо-западные вѣтры изъ сухихъ равнинъ Сибири, дѣлающіе климатъ страны на это время года континентальнымъ. Эти климатическія условія, конечно, обнаруживаютъ сильное вліяніе на характеръ и составъ растительности. Несмотря на непосредственное сосѣдство съ субтропической флорой мусонныхъ странъ восточной Азіи, флора Маньчжуріи носитъ общій характеръ сѣверной растительности, такъ какъ холодныя зимы изгнали изъ нея формы съ вѣчнозелеными листьями; на высотахъ нерѣдко встрѣчаются даже растенія суровой Охотской флоры, а на сухихъ мѣстахъ часто попадаются ксерофильныя формы Монголіи и Даурія, съ которыми Маньчжурія граничитъ на востокѣ. Съ другой стороны, теплое и влажное лѣто даетъ возможность развиваться въ защищенныхъ горами долинахъ южнымъ, субтропическимъ растеніямъ, которыя иногда заходятъ далеко на сѣверъ. Авторъ раздѣляетъ элементы маньчжурской флоры на: 1. *обще арктическій*, куда отнесены растенія лѣсной зоны сѣвернаго полушарія; 2. *тропическій*; 3. *космополитическій* и 4. *эндемическій* элементъ восточной Азіи. Въ общемъ же Маньчжурія, по мнѣнію автора, соотвѣтствуетъ зонѣ съ умѣренно теплымъ климатомъ, зонѣ распространенія широколиственныхъ деревьевъ съ опадающими листьями. Характеръ растительнаго покрова Маньчжуріи въ горахъ—лѣсной, а въ долинахъ—луговой. Недостаточная высота горъ не дала возможности развиться здѣсь типичной альпійской флорѣ. Сильно распространенное въ нѣкото-

рыхъ округахъ вырубаніе хвойныхъ лѣсовъ, связанное съ уменьшеніемъ влажности, оказываетъ чувствительное вліяніе на растительность, которая при этомъ начинаетъ приближаться по своему характеру къ сухой даурской флорѣ.

Для болѣе детальнаго ознакомленія съ характеромъ изслѣдованной имъ страны, авторъ раздѣляетъ ее на тридцать три округа, изъ описанія которыхъ видно, что Маньчжурія отличается большимъ разнообразіемъ растительныхъ формацій. Мы встрѣчаемъ здѣсь большія площади лѣсовъ различнаго состава, луговъ, болотъ, мелкихъ водныхъ бассейновъ, соленыхъ песковъ, песчаныхъ дюнъ, каменныхъ обнаженій и скалъ, культурныхъ площадей и т. д. Всѣ упомянутые округа авторъ соединяетъ въ шесть областей,—Амурскую, Уссурійскую, Южно-Уссурійскую, Гиринскую, Мукденскую и Сѣверно-Корейскую, и въ спискѣ растеній, при указаніяхъ на ихъ распространеніе, имѣетъ въ виду лишь эти крупные районы.

Дальнѣйшія главы „введенія“ посвящены обзору исторіи изслѣдованій маньчжурской флористической области и подробному критическому разбору относящейся сюда литературы, а также описанію собранныхъ различными изслѣдователями гербарныхъ матеріаловъ. Собственныя изслѣдованія г. Комарова продолжались три года, въ продолженіе которыхъ онъ прошелъ огромный маршрутъ и собралъ гербарій изъ 1270 видовъ и подвидовъ растеній. Весь этотъ матеріалъ былъ обработанъ единолично самимъ авторомъ, при чемъ имъ было въ свое время описано около 50 новостей. Вслѣдствіе этого, большая часть фактическаго матеріала, относящагося къ флорѣ Маньчжуріи, могла быть заново критически переработана авторомъ на основаніи собственныхъ наблюденій; изъ разсмотрѣнія помѣщеннаго въ книгѣ списка растеній видно, что сравнительно рѣдки такіе виды, которыхъ авторъ лично не собиралъ, или, по крайней мѣрѣ, не наблюдалъ во время своихъ путешествій.

Наиболѣе интересной главой „введенія“ является послѣдняя, трактующая о видѣ и его подраздѣленіяхъ. Въ настоящее время воззрѣнія различныхъ авторовъ на объемъ понятія „видъ“ и на предѣлы измѣнчивости каждаго вида до того расходятся между собой, синонимика стала до такой степени обширна, сбивчива и неопредѣленна, что глава, подобная разбираемой, является весьма желательной въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ сочиненіи по систематикѣ растеній, для того, чтобы послѣдующіе изслѣдователи, даже въ случаѣ несогласія съ высказанными ихъ предшественникомъ взглядами, могли

ясно и опредѣленно знать, съ чѣмъ они имѣютъ дѣло. Такова именно была цѣль г. Комарова, и, разумѣется, изложеніе имъ своихъ взглядовъ на указанный вопросъ заслуживаетъ полнаго одобренія и подражанія.

Когда Линней сдѣлалъ классификацію растительнаго и животнаго царства и создалъ понятіе „видъ", онъ, какъ и всѣ его современники, считалъ виды первозданными и неизмѣняющимися, и это убѣжденіе въ наслѣдственномъ постоянствѣ органическихъ формъ продолжалось до появленія трудовъ Дарвина. Установленный Дарвиномъ фактъ измѣнчивости и эволюціи органическихъ формъ навсегда лишилъ представленіе о Линнеевскомъ видѣ всякаго реальнаго значенія и оставилъ за нимъ лишь смыслъ формальнаго понятія. Въ подтвержденіе своего ученія Дарвинъ указывалъ на большое число „разновидностей", иллюстрирующихъ измѣнчивость вида, а какъ главные факторы эволюціи организмовъ, онъ называлъ борьбу за существованіе и естественный подборъ, накопляющіе въ потомствѣ случайныя индивидуальныя отклоненія въ томъ случаѣ, если эти послѣднія имѣютъ біологическое значеніе для организма.

Однако, подобная постановка вопроса должна быть въ настоящее время признана не вполнѣ удовлетворительной. Дѣйствительно, фактъ непостоянства вида не подлежитъ сомнѣнію, но накопленіе индивидуальныхъ отклоненій не подтверждается, а „разновидности" оказываются въ большинствѣ случаевъ формами крайне нестойкими и подвергающимися уничтоженію подъ вліяніемъ скрещиванія. Такимъ образомъ, постройка величественнаго зданія, заложеннаго Дарвиномъ, еще не закончена, и вопросъ о происхожденіи видовъ въ настоящее время продолжаетъ стоять на очереди. Въ этомъ отношеніи огромный интересъ представляетъ теорія, высказанная *Коржинскимъ* („Гетерогенезисъ и эволюція". Записки Императорской Академіи Наукъ 1899. Томъ IX, стр. 1), но получившая особое значеніе благодаря изслѣдованіямъ *де Фриза* (Hugo de Vries. „Die Mutationstheorie". Leipzig 1901), который впервые поставилъ вопросъ о происхожденіи видовъ на почву эксперимента, и, можно думать, при такой „физіологической" постановкѣ вопроса, рѣшеніе его въ будущемъ представится лишь вопросомъ времени. Не входя въ подробный разборъ теоріи, представимъ здѣсь лишь главныя ея положенія.

Не всѣ отклоненія отъ нормальнаго типа, встрѣчающіяся въ предѣлахъ одного вида, равнозначущи между собой. Въ одномъ случаѣ (сюда относится огромное большинство варіацій) эти морфологическія

отклоненія, хотя бы и довольно рѣзкія, являются, тѣмъ не менѣе, не стойкими и лишь въ малой степени наслѣдственными. Такого рода варіаціи непостоянны; изслѣдователь процесса видообразованія можетъ оставлять ихъ совершенно безъ вниманія. Въ другомъ случаѣ отклоненія отъ нормальнаго типа постоянны и твердо наслѣдственны; совокупность организмовъ, представляющихъ подобное отклоненіе, составляетъ „первичный видъ“ (де Фризъ), или „расу“ (Коржинскій), и это понятіе имѣетъ опредѣленное *реальное значеніе*; первичные виды являются постоянными.

Что же касается Линнеевскаго вида, то это лишь *формальное понятіе*, объединяющее собой нѣсколько первичныхъ видовъ; несмотря на отсутствіе реальнаго значенія, это понятіе весьма полезно для цѣлей систематики, такъ какъ различія между первичными видами обыкновенно слишкомъ мелки для того, чтобы эти послѣдніе могли съ удобствомъ служить классификаціонной единицей. Отсюда ясно, что вопросъ о происхожденіи видовъ есть, въ сущности, вопросъ о происхожденіи первичныхъ видовъ. Самое образованіе новыхъ формъ происходитъ слѣдующимъ путемъ: въ большинствѣ случаевъ виды пребываютъ постоянными, но временами, подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ пока причинъ, наступаютъ для нихъ періоды измѣнчивости, въ теченіе которыхъ есть возможность появленія новой формы, при чемъ эта послѣдняя появляется внезапно, безъ постепенныхъ переходовъ и, при томъ, такъ, что изъ сѣмянъ типичныхъ экземпляровъ вида, среди сотенъ и тысячъ нормальныхъ сѣянцевъ, появляется одинъ экземпляръ, отличающійся отъ остальныхъ, передающій эти отличія по наслѣдству и дающій начало новому виду. При этомъ появившіяся отклоненія лишь совершенно случайно могутъ имѣть какое-либо біологическое значеніе для организма. Такого рода образованія новыхъ формъ носятъ названіе „мутацій“ (де Фризъ), или „гетерогенныхъ варіацій“ (Коржинскій).

Хотя въ настоящее время огромное большинство растеній находится, по де Фризу, въ періодѣ устойчивости, однако встрѣчаются и такія, которыя находятся въ періодѣ мутацій. Воспользовавшись для своихъ изслѣдованій однимъ изъ такихъ мутирующихъ растеній, именно— Oenothera Lamarckiana Ser., де Фризъ получилъ изъ него нѣсколько новыхъ первичныхъ видовъ, отличающихся постоянствомъ признаковъ и твердой передачей ихъ по наслѣдству; наслѣдственность не уничтожается даже скрещиваніемъ, какъ это было удостовѣрено спеціальными опытами; видъ является фиксированнымъ уже съ перваго поколѣнія.

Въ настоящее время теорія Коржинскаго—де Фриза еще не можетъ считаться законченной, но уже разработанные де Фризомъ вопросы представляютъ величайшій интересъ, и въ настоящее время этотъ выдающійся ученый занятъ дальнѣйшими изслѣдованіями касательно теоріи видообразованія.

Возвращаясь къ разсмотрѣнію взглядовъ г. Комарова на видъ и его образованіе, нужно отмѣтить, что, въ отношеніи подраздѣленій Линнеевскаго вида, онъ въ общемъ согласенъ съ положеніями теоріи Коржинскаго—де Фриза и, признавая, что понятіе „видъ“ есть обобщеніе настолько абстрактное, „что оно становится скорѣе логическимъ отвлеченіемъ, чѣмъ наименованіемъ конкретнаго явленія природы“, расчленяетъ видъ на „расы“, „разновидности“ и „формы“.

„Раса“ принимается г. Комаровымъ въ томъ видѣ, какъ ее опредѣлилъ Коржинскій; она обозначаетъ группы недѣлимыхъ, которыя, различаясь между собой сравнительно не рѣзкими признаками, тѣмъ не менѣе твердо передаютъ эти признаки отъ поколѣнія къ поколѣнію. Кромѣ того, раса отличается замкнутостью площади ея распространенія. Площади распространенія близкихъ расъ одного вида иногда соприкасаются между собой, но почти никогда не находятъ другъ на друга.

„Разновидности“ отличаются лишь весьма слабой тенденціей передавать свои свойства по наслѣдству и, подобно тому, какъ раса связана съ опредѣленными физико-географическими областями, разновидности пріурочены къ извѣстнымъ топографическимъ условіямъ.

„Форма“ есть появленіе у даннаго недѣлимаго, или группы недѣлимыхъ какой либо особенности, настолько тѣсно связанной съ перемѣной внѣшнихъ условій, что изъ ея сѣмянъ можно только въ томъ случаѣ получить тожественныя растенія, если посѣять ихъ въ тожественныя условія. Такимъ образомъ, наслѣдственная передача въ этомъ случаѣ отсутствуетъ. Въ заключеніе своего просто и точно формулированнаго подраздѣленія, авторъ высказываетъ мнѣніе, что „при флористическихъ изслѣдованіяхъ основой, единицей изслѣдованія надо считать не отвлеченное типовое понятіе *видъ*, а реальную генетическую группу—*расу*“.

До сихъ поръ заключенія автора въ общемъ сходятся съ положеніями де Фриза, но дальше, переходя къ разсмотрѣнію вопроса о происхожденіи расъ, авторъ радикально расходится во мнѣніяхъ съ голландскимъ ученымъ. Г. Комаровъ совершенно отрицаетъ существованіе мутацій и, повидимому, сводитъ мутаціонныя измѣненія на

индивидуальныя отклоненія, т. е. на „формы“, возникающія вслѣдствіе неравенства условій эмбріональнаго развитія, именно—неодинаковаго положенія и питанія зародыша. Въ условіяхъ искусственнаго опыта такія „формы“ могутъ, по мнѣнію г. Комарова, сдѣлаться даже родоначальниками новыхъ расъ, но въ природѣ подобное явленіе невозможно, такъ какъ неизбѣжное скрещиваніе должно быстро сгладить подобныя, „индивидуальныя“ особенности. Для возникновенія новой расы необходимо, по мнѣнію автора, чтобы „характерныя ея свойства появились сразу у цѣлаго ряда недѣлимыхъ, вѣрнѣе даже—у всѣхъ недѣлимыхъ, населяющихъ данную географическую область“, такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ будетъ устранено нивеллирующее вліяніе перекрестнаго опыленія.

На основаніи этого, авторъ отрицаетъ также и то, что многіе изъ существующихъ видовъ находятся въ настоящее время въ устойчивомъ состояніи, и полагаетъ, что „всѣ организмы, какіе есть на землѣ, непрестанно находятся въ процессѣ видообразованія, при чемъ видоизмѣняются не отдѣльныя недѣлимыя, но все наличное число ихъ“. Это имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда въ данной мѣстности происходятъ постепенныя измѣненія климата, питанія растеній и т. п.; вообще, если, подъ вліяніемъ измѣненія окружающихъ условій, входитъ что либо новое въ комплексъ обычныхъ физіологическихъ отправленій организма, а видоизмѣненіе физіологическихъ функцій влечетъ за собой и преобразованіе анатомо-морфологической структуры. Это все—измѣненія вѣковыя, такъ что подмѣтить ихъ мы не можемъ, а тѣмъ болѣе безнадежны попытки приблизиться къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи видовъ экспериментальнымъ путемъ.

Итакъ, собственная теорія автора заключается въ томъ, что новыя расы происходятъ посредствомъ вѣкового воздѣйствія физико-географическихъ условій, и растительный покровъ земного шара мѣняется параллельно съ измѣненіемъ климата и рельефа отдѣльныхъ мѣстностей. Выражаясь словами автора: „*раса—явленіе физико-географическое*“. Такимъ образомъ, все различіе взглядовъ г. Комарова отъ теоріи Дарвина сводится къ тому, что, по предположенію г. Комарова, внѣшнія условія вліяютъ на форму организмовъ не черезъ посредство борьбы за существованіе, а непосредственно, прямымъ физіологическимъ воздѣйствіемъ, Дарвиновскій же принципъ „Natura non facit saltus“ вполнѣ раздѣляется и г. Комаровымъ. Всѣ эти соображенія авторъ намѣренъ подкрѣпить фактическими основаніями во второй части своего труда.

Въ такомъ изложеніи теорія г. Комарова a priori не представляетъ ничего невѣроятнаго, и вполнѣ возможно, что указанныя имъ явленія играютъ свою роль въ процессѣ видообразованія; во всякомъ случаѣ, отъ какой бы то ни было критической оцѣнки этой теоріи необходимо воздержаться до того времени, когда трудъ автора будетъ вполнѣ законченъ, теперь же мнѣ хотѣлось бы лишь сказать нѣсколько словъ по поводу его критики теоріи де Фриза.

Прежде всего неясно, на основаніи чего г. Комаровъ отрицаетъ самое существованіе мутацій и считаетъ, что „новые виды" въ культурахъ де Фриза произошли благодаря искусственному охраненію индивидуальныхъ варіацій. Де Фризъ напираетъ на то, что мутанты *обладаютъ въ первомъ же поколѣніи сильной наслѣдственностью признаковъ,* т.-е. прямо качественно отличаются отъ индивидуальныхъ варіацій, и, чтобы усумниться въ этомъ, необходимо предположить у де Фриза какую-нибудь экспериментальную ошибку; въ чемъ же она заключается, — г. Комаровъ не указываетъ. Далѣе, трудно согласиться съ утвержденіемъ, что вообще вопросъ о происхожденіи видовъ не подлежитъ рѣшенію экспериментальнымъ путемъ, такъ какъ эти измѣненія—вѣковыя. Даже признавая существованіе вѣковыхъ измѣненій, я не усматриваю, почему этимъ исключается допущеніе мутаціонныхъ измѣненій, которыя могутъ происходить наряду съ вѣковыми. Между тѣмъ, именно опытъ далъ уже намъ цѣнное пріобрѣтеніе, а именно—разъяснилъ, что внезапное возникновеніе новыхъ расъ *возможно,* и не слишкомъ ли смѣло безусловное утвержденіе, что нигдѣ въ природѣ нѣтъ наличныхъ данныхъ для осуществленія этой возможности?

Слабую сторону опытовъ де Фриза пока составляетъ то, что выводы дѣлаются на основаніи результатовъ, полученныхъ, въ сущности, съ однимъ растеніемъ Oenothera Lamarckiana, и, при томъ, это растеніе въ прежнія времена даже культивировалось, что могло повысить его чувствительность къ измѣненіямъ. Однако, разъ рѣчь идетъ не о фактахъ, а о самомъ методѣ, то эти возраженія отпадаютъ: конечно, де Фризъ не замедлитъ привлечь къ изученію новые объекты, что же касается самого экспериментальнаго изслѣдованія, то его отнюдь нельзя сравнивать съ „культурой", гдѣ создаются искусственныя условія. Если результаты опыта подлежатъ сомнѣнію въ томъ отношеніи, что не разъясняютъ явленій, происходящихъ въ природѣ, то это уже будетъ упрекъ не методу, а экспериментатору, который не сумѣлъ надлежащимъ образомъ обставить условія опыта. Въ данномъ

случаѣ только опытъ можетъ окончательно рѣшить пока еще спорный вопросъ о внезапномъ возникновеніи новыхъ расъ въ природѣ; вообще же въ наукѣ переходъ отъ голаго наблюденія къ опыту, также какъ и переходъ отъ опыта къ дедукціи, всегда являлся прогрессомъ и бывалъ обыкновенно связанъ съ разрѣшеніемъ многихъ до того времени спорныхъ вопросовъ; поэтому, перенесеніе вопроса столь огромной важности, какъ разбираемый нами, на путь опытнаго изслѣдованія нельзя не привѣтствовать, какъ новую фазу его развитія.

Всѣмъ разобраннымъ выше исчерпывается обширное „введеніе" книги г. Комарова. Далѣе слѣдуетъ списокъ растеній, расположенный по системѣ Энглера и Прантля. Списокъ составленъ тщательно и критически; повсюду имѣются литературныя указанія и подробное перечисленіе мѣстонахожденій. Во время своихъ путешествій авторъ постоянно велъ въ пути списки растеній; этотъ прекрасный обычай, особенно рекомендованный еще покойнымъ С. И. Коржинскимъ и незамѣнимый въ отношеніи накопленія фитеогеографическаго матеріала, далъ возможность автору чрезвычайно обогатить свѣдѣнія о распространеніи различныхъ видовъ. Списокъ, помѣщенный въ первомъ томѣ, заключаетъ въ себѣ 461 видъ и 151 родъ растеній и охватываетъ всѣ сосудистые папоротники, хвойныя и однодольныя маньчжурской флоры. Для болѣе значительныхъ семействъ приведена подробная таблица ихъ распространенія. Въ этой части труда г. Комарова мы встрѣчаемъ также факты, не лишенные интереса даже для любителя систематика, но подробное разсмотрѣніе этой части мы предпочитаемъ отложить до окончанія г. Комаровымъ своего капитальнаго сочиненія; въ заключеніе же нельзя не отмѣтить, что авторъ съ большимъ искусствомъ избралъ для своихъ изслѣдованій мѣстность, повидимому какъ нельзя болѣе подходящую для наблюденій вліянія физико-географическихъ условій на образованіе новыхъ растительныхъ формъ.

С. Костычевъ.

Rapport du Jury International du Groupe I (Education et enseignement). Première partie. *Classe I.* Paris. 1902.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій иностранной педагогической литературы за текущій 1902 годъ долженъ по праву считаться первый томъ „Отчета международнаго жюри педагогической группы на всемірной выставкѣ 1900 г.", заключающій въ себѣ данныя, ка-

сающіяся одного перваго класса [1]), въ который входило начальное и внѣшкольное образованіе.

По содержанію этотъ томъ распадается на четыре главныя части,— 1) краткія свѣдѣнія о ходѣ работъ жюри перваго класса, 2) подробное описаніе французскаго отдѣла 1 класса на выставкѣ (включая туда же колоніальныя земли Франціи), 3) описаніе иностранныхъ отдѣловъ въ связи съ характеристикой различныхъ системъ начальнаго образованія и 4) общіе выводы и заключенія жюри.

Самый составъ международнаго жюри перваго класса является ручательствомъ за компетентную и серьезную оцѣнку, которой подверглись экспонаты по начальному образованію въ 1900 г. Достаточно назвать такія имена, какъ предсѣдателя комиссіи Л. Буржуа (бывшаго министра народнаго просвѣщенія, а нынѣ президента палаты депутатовъ), Ш. Бюиссонъ, директора начальнаго образованія Ш. Байе, инспектора начальныхъ училищъ Р. Лебланъ [2]) и другихъ. Среди иностранцевъ были представители Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ, Россіи, Венгріи, Японіи, Мексики, Португаліи. Жюри распалось на четыре подкомиссіи: по элементарнымъ школамъ и дѣтскимъ садамъ, по высшему, начальному образованію, по подготовкѣ учителей и вспомогательнымъ учрежденіямъ (внѣшкольное образованіе).

Всѣ онѣ ставили своею задачей подробный осмотръ на мѣстѣ экспонатовъ какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, сопровождаемый объясненіями завѣдующихъ отдѣлами; сверхъ того всѣ печатные матеріалы, какъ-то: статистика, програмы, отдѣльныя монографіи и ученическія работы были тщательно изучены отдѣльными членами комиссіи. Послѣ 15 соединенныхъ засѣданій и усиленной работы въ теченіе іюня и первыхъ дней іюля, комиссія жюри 1 класса высказала свои заключенія объ успѣхахъ начальнаго образованія въ различныхъ странахъ, поскольку эти успѣхи отразились на выставкѣ, и формулировала свое мнѣніе присужденіемъ наградъ, какъ центральнымъ вѣдомствамъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ.

Изъ находящейся при отчетѣ таблицы наградъ, полученныхъ экспонентами 1-го класса, явствуетъ, что изъ общаго числа 660 экспо-

---

[1]) I группа состояла изъ 6 классовъ: 1) начальное образованіе, 2) среднее образованіе, 3) высшее образованіе, 4) художественное, 5)сельско-хозяйственное и 6) техническое образованіе.

[2]) Авторъ многихъ руководствъ и учебниковъ по естествознанію, ручному труду и т. д. въ начальныхъ школахъ, изъ которыхъ нѣкоторые переведены на русскій языкъ.

нентовъ награждены 402 (59%), при чемъ на долю Россіи пришлось 65 наградъ (при 72 участникахъ), не считая 35 почетныхъ отзывовъ и медалей, выданныхъ сотрудникамъ отдѣльныхъ учрежденій при организаціи выставки.

Протоколы засѣданій и отдѣльные доклады членовъ жюри составили такой обширный сырой матеріалъ, что для окончательной обработки и обнародованія его въ формѣ отчета понадобились почти два года времени. Редакція указаннаго изданія была поручена г. Рене Лебланъ, и для того, чтобы судить, насколько добросовѣстно составители отчета отнеслись къ своему дѣлу, достаточно указать, что трудъ этотъ заключаетъ въ себѣ 1000 съ лишнимъ страницъ. Благодаря умѣлой группировкѣ матеріала, многочисленнымъ иллюстраціямъ въ текстѣ и статистическимъ даннымъ, почерпнутымъ изъ новѣйшихъ изданій, отчетъ даетъ довольно полную картину развитія и успѣховъ народнаго образованія за послѣднее десятилѣтіе, знакомитъ съ новыми методами и учебно-воспитательными теоріями и приводитъ цѣнныя указанія компетентныхъ лицъ на пробѣлы и желательныя реформы. Все это въ совокупности представляетъ рѣдкую, можно сказать, единственную въ своемъ родѣ справочную книгу по вопросу о постановкѣ начальнаго образованія въ Европѣ, Америкѣ и отчасти Азіи.

Справедливость требуетъ замѣтить, что при распредѣленіи мѣстъ, назначеніи числа экспертовъ и предоставленіи всевозможныхъ льготъ для экспонентовъ на выставкѣ 1900 года не было соблюдено настоящей равномѣрности. Французскіе отдѣлы занимали двѣ трети всего пространства, члены жюри настолько превышали численностью своихъ иностранныхъ коллегъ, что голосъ послѣднихъ почти не имѣлъ силы.

Вслѣдствіе этого нѣтъ ничего удивительнаго, что въ разбираемомъ нами изданіи изъ 1000 страницъ 640 посвящено французскимъ учебнымъ заведеніямъ и положенію начальнаго образованія во французскихъ колоніяхъ.

Это обстоятельство не уменьшаетъ достоинствъ отчета, такъ какъ подробныя свѣдѣнія о полной системѣ народныхъ школъ и о связанныхъ съ нею учрежденіяхъ во Франціи, собранныя въ одномъ трудѣ,— представляютъ сами по себѣ немалый интересъ для каждаго педагога.

Кромѣ того и остающіяся на долю иностранныхъ державъ 350 страницъ даютъ богатый и добросовѣстно использованный матеріалъ. Въ выставкѣ приняли сколько-нибудь замѣтное участіе, кромѣ Россіи,

Англія, Бельгія, Соединенные Штаты, Венгрія, Швеція, Норвегія, Голландія, Данія, Италія, Греція, Болгарія, Сербія, Боснія и Герцеговина, Португалія, Румынія, Трансвальская республика и Японія.

Относительно всѣхъ этихъ странъ приводятся общія данныя о положеніи начальныхъ школъ, при чемъ, очевидно, надъ составленіемъ этихъ очерковъ было потрачено много труда, и ихъ авторовъ нельзя упрекнуть ни въ неточности, ни въ пристрастности.

Блестящіе успѣхи Соединенныхъ Штатовъ оцѣнены по достоинству, но наряду съ этимъ подмѣчены особенности школъ въ маленькихъ славянскихъ государствахъ.

Спеціально для русскаго читателя отчетъ представляетъ совсѣмъ особый интересъ, благодаря помѣщеннымъ въ немъ подробному описанію русскаго отдѣла по начальному образованію и очень хорошо составленной характеристикѣ нашей школьной системы. Очеркъ этотъ, заимствованный изъ статьи инспектора народныхъ училищъ города Парижа К. Жано (помѣщенной въ „Revue pédagogique" въ 1900 г.), отличается многими и несомнѣнными достоинствами, изъ которыхъ главнымъ слѣдуетъ признать очевидное основательное знакомство автора съ предметомъ его статьи.

Не скрывая недостатковъ русской школы, высказывая откровенно мнѣніе о необходимости проведенія нѣкоторыхъ реформъ, какъ въ общую систему, такъ и въ программу преподаванія, авторъ тѣмъ не менѣе пророчитъ блестящее будущее русской школѣ, сильной своимъ духомъ.

„Какъ много умственнаго напряженія въ такой короткій промежутокъ времени, сколько мужества и доброй воли! Въ короткій срокъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, русская школа сдѣлала громадные успѣхи. Ея короткое прошлое является залогомъ прекраснаго будущаго".

Общіе выводы и заключенія жюри 1-го класса, приведенные въ концѣ отчета, отмѣчаютъ черты, сходныя во всѣхъ государствахъ въ области усовершенствованія народной школы. Таковы, во-первыхъ, стремленіе снабдить школы обширными и гигіеническими помѣщеніями и доставить возможность посѣщенія школы не столько принудительными законами, какъ приспособленностью самой школы къ мѣстнымъ условіямъ жизни. Общею же чертою являются заботы о подготовкѣ соотвѣтствующаго учительскаго персонала и о пополненіи внѣшкольными способами (чтеніями, воскресными школами, вечерними кур-

сами) свѣдѣній, полученныхъ въ теченіе кратковременнаго пребыванія въ начальной школѣ.

Что касается методовъ преподаванія, то отмѣчено стремленіе ввести игры и гимнастику ради улучшенія физическаго развитія учениковъ, успѣхи, которые дѣлаетъ преподаваніе ручного труда, измѣненія, которыя внесла въ европейскія понятія американская система рисованія въ начальной школѣ. Особенно важными являются замѣтныя заботы о большей наглядности преподаванія и введеніи конкретнаго, жизненнаго элемента въ школу вмѣсто отвлеченныхъ занятій по книжкѣ.

Въ заключеніе отчета приведено предложеніе Л. Буржуа образовать международное бюро для обмѣна наиболѣе интересными педагогическими изданіями и для облегченія возможности педагогамъ держаться постоянно въ курсѣ того, что происходитъ заграницей въ области начальнаго и внѣшкольнаго образованія.

Слова заключительной рѣчи предсѣдателя приводятся цѣликомъ. Они настолько знаменательны, что мы позволяемъ себѣ ихъ перевести. „Что насъ поразило, это замѣчательное, общее всему цивилизованному міру, движеніе къ миру и братству, точкой отправленія котораго является школа. Всѣмъ становится ясно, что скромная начальная школа является основой общаго мира. Всѣмъ друзьямъ справедливости и правды слѣдуетъ объединиться около школы, и тогда черезъ нее восторжествуетъ человѣчность“.

Отчетъ жюри 1-го класса заключаетъ въ себѣ столько интереснаго, что краткая его характеристика не можетъ дать и приблизительнаго понятія о его содержаніи. Во всякомъ случаѣ появленіе его служитъ съ одной стороны свидѣтельствомъ живого интереса къ дѣлу народнаго образованія: недаромъ ему было отведено такое почетное мѣсто на всемірной выставкѣ. Съ другой стороны это лучшій отвѣтъ на недовѣрчивые отзывы о пользѣ педагогическихъ выставокъ вообще и въ частности международныхъ. Просмотрѣвши даже поверхностнымъ образомъ отчетъ одного только перваго класса, человѣкъ, настроенный самымъ скептическимъ образомъ, убѣдится, какой большой матеріалъ даетъ такой обмѣнъ мыслей, какое количество какъ извѣстныхъ, такъ и скромныхъ педагоговъ побуждается къ работѣ, сколько изслѣдованій вызываетъ подобная выставка и какую живительную струю она поневолѣ вливаетъ въ школьное дѣло почти цѣлаго міра.

Е. Ковалевскій.

Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи. *Н. Суворова* (проф. церковнаго права въ Московскомъ университетѣ). Москва. 1902 г.

Сочиненіе это представляетъ этюдъ изъ исторіи церковнаго права.—Подъ византійскимъ папой авторъ разумѣетъ константинопольскаго патріарха Михаила Керуларія, дѣятельность котораго и отношенія къ Риму и византійскому императору находятся въ тѣсной связи и объясняютъ другъ друга.—Въ предисловіи авторъ говоритъ, что на эту связь мало обращалось вниманія въ литературѣ (Димитракопуло, Вилль, Гергенретеръ, Пихлеръ, Неандеръ, Гефеле, Гфрёреръ); изъ русскихъ ученыхъ—*Скабалановичъ* пристрастенъ въ пользу Керуларія, а *Безобразовъ* въ монографіи о Михаилѣ Пселлѣ имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду послѣдняго и Керуларія оставляетъ въ тѣни.—Пробѣлъ этотъ восполняетъ заслуживающая вниманіе книга *Louis Bréhier*. „*Le schisme oriental du XI siècle.* Paris 1899". Французскій писатель, признавая трудность окончательнаго вывода о личности Керуларія за недостаткомъ историческихъ источниковъ, въ то же время увлекается нѣсколько въ своемъ изслѣдованіи, приписывая Керуларію неуклонную послѣдовательность и сознательность въ дѣйствіяхъ, независимо отъ вліянія событій, а въ вопросѣ о раздѣленіи церквей является явнымъ сторонникомъ папы. — Задачей проф. Суворова было изложить и освѣтить фактическія данныя для выясненія цѣльной личности патріарха Михаила Керуларія, насколько она выразилась въ его церковно-политической дѣятельности.— Вся работа распадается на 2 части: въ первой (1—79) излагаются и разсматриваются обстоятельства, предшествовавшія раздѣленію церквей, и разрывъ востока съ западомъ при патріархѣ Керуларіи, — во второй (79—159) отношенія Керуларія къ императорской власти послѣ разрыва съ Римомъ.

Авторъ начинаетъ разсказомъ о неудавшемся заговорѣ противъ Михаила IV Пафлагона (1040); слѣдствіемъ неудачи было осужденіе и ссылка главаря заговора—Михаила Керуларія, котораго приверженцы и друзья прочили въ императоры.—Керуларій постриженъ въ монахи. Племянникъ Пафлагона, Михаилъ Калафатъ, ставъ императоромъ (1041), возвращаетъ Керуларія изъ ссылки. По низложеніи Калафата 62-лѣтняя императрица Зоя, вдова Пафлагона, вступаетъ въ третій бракъ съ Константиномъ Мономахомъ.—Послѣдній, тоже пострадавъ при Пафлагонѣ, въ ссылкѣ сошелся съ Керуларіемъ, а, занявъ престолъ, возвелъ его на патріаршую каѳедру (1043), какъ

человѣка, свѣдущаго въ божественныхъ и человѣческихъ дѣлахъ.— Возведеніе это произошло въ теченіе мѣсяца, по смерти патріарха Алексѣя, и папа Левъ IX считалъ такую поспѣшность неправильной.— Патріархъ Керуларій въ первые же годы царствованія Константина Мономаха, этого императора вивёра (Рамбо), поддержалъ его и охранялъ во время возстанія Льва Торникія. Обстоятельство это, возвысивъ патріарха въ глазахъ народа и императора, какъ бы дало ему право вмѣшиваться во всѣ важнѣйшія дѣла—внутреннія и внѣшнія.— Византійскимъ владѣніямъ въ южной Италіи въ это время стали угрожать норманны; общая опасность сблизила папу и византійскаго императора.—Италіецъ Аргиръ, правитель этихъ владѣній и умный дипломатъ, явился посредникомъ между ними,—но вмѣшательство въ политику Керуларія привело дѣло къ роковому разрыву, извѣстному подъ именемъ раздѣленія церквей 1054 г.—Тутъ авторъ дѣлаетъ небольшое отступленіе, чтобы бросить ретроспективный взглядъ на характеръ отношеній между папами и патріархами—до раздѣленія.

Въ 867 г. патріархъ Фотій обнародовалъ знаменитую энциклику, обличавшую заблужденія латинской церкви. Признанный на соборѣ 879 г. со стороны Рима законнымъ патріархомъ, онъ какъ бы забываетъ свои обвиненія,—церковное общеніе съ западомъ возстановляется и поддерживается вплоть до 996 г., до патріаршества Сисинія (996—999), которому приписывается вторичное опубликованіе энциклики Фотія, вслѣдствіе низложенія съ папскаго престола византійскаго ставленника—Іоанна Филагатоса. За этотъ періодъ и политическія отношенія между имперіями были мирнаго характера, хотя и замѣчалось несочувствіе Византіи къ германскому вліянію въ Римѣ. Но если достовѣрно извѣстно, что съ конца IX вѣка и по начало XI вѣка церковное общеніе между Римомъ и Константинополемъ существовало, то дальнѣйшая исторія первой половины XI вѣка остается до сихъ поръ *неясной*.

Въ первое десятилѣтіе XI вѣка, при патріархѣ Сергіѣ (999—1019), и церковное, и политическое общеніе запада съ востокомъ еще держится. Въ 1014 г. папа Бенедиктъ VIII (1012—24) сошелся съ германскимъ императоромъ Генрихомъ II и призвалъ въ Апулію норманновъ. Это вызвало исключеніе имени папы изъ константинопольскихъ диптиховъ (неосновательно приписываемое въ одной хроникѣ Керуларію подъ 1044 г.), хотя, по мнѣнію Рудольфа Глабера, обстоятельство это могло быть вызвано и неудачными переговорами между папой Іоанномъ XIX (1024) и патріархомъ Евстаоіемъ, который вмѣстѣ

съ императоромъ Василіемъ II добивался признанія константинопольской церкви такой же вселенской, какова была и римская.—Время съ 1024 по сороковые годы мало извѣстно, но о событіяхъ 50-хъ годовъ существуютъ подлинные документы и корреспонденція дѣйствовавшихъ лицъ, изданные *Минемъ* (въ греч. и лат. патрологіяхъ) и *Корнеліемъ Виллемъ* (19 документовъ). Далѣе авторъ занимается разборомъ этихъ важныхъ источниковъ—по вопросу о раздѣленіи церквей.

Посредничество италійца Аргира, остававшагося въ Константинополѣ съ 1046—51 г., кончилось неудачей. Такъ какъ въ числѣ условій союза съ папой долженъ былъ обсуждаться вопросъ о признаніи всецерковной власти папы и о возвращеніи Риму обширныхъ имѣній, отобранныхъ еще Львомъ Исавромъ и Никифоромъ Фокой, то Михаилъ Керуларій и къ переговорамъ и къ Аргиру отнесся непріязненно. Съ послѣднимъ онъ вступилъ даже въ столкновеніе при обсужденіи вопроса объ опрѣснокахъ и во время патріаршаго богослуженія въ Софійскомъ соборѣ нѣсколько разъ отлучалъ его отъ причащенія. До Керуларія вопросу объ опрѣснокахъ большого значенія не придавалось въ греческой полемической литературѣ, но патріарху важно было выставить Аргира въ унизительномъ положеніи передъ народной византійской массой, сильно приверженной къ обрядамъ, тѣмъ болѣе, что обрядъ въ данномъ случаѣ касался главнѣйшаго церковнаго священнодѣйствія (Bréhier). Когда же папа Левъ IX (1048—54) попалъ въ плѣнъ къ норманнамъ, и политическій союзъ съ нимъ потерялъ значеніе для Византіи, Керуларій, безъ вѣдома императора, въ 1053 г. закрываетъ въ Константинополѣ латинскія церкви, обязывая латинскихъ священниковъ и монаховъ слѣдовать греческимъ обрядамъ и угрожая имъ въ случаѣ неповиновенія анаѳемой, какъ *азимитамъ*, т. е. безквасникамъ (опрѣсночникамъ), а противъ римской церкви и папы ловко дѣйствуетъ литературной полемикой черезъ посредство Льва Охридскаго (Болгарскаго) и монаха Никиты Стиѳата (Пектората). Выборомъ этихъ лицъ патріархъ наноситъ двойной ударъ: перваго онъ выбираетъ потому, что на Болгарію еще съ IX вѣка папы изъявляли свои церковныя права, второго по той причинѣ, что онъ былъ монахъ Студійскаго монастыря, извѣстнаго въ то время своимъ тяготѣніемъ къ Риму.

Въ обличительномъ посланіи Льва Охридскаго и въ трактатѣ Никиты на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ опрѣснокахъ, о Filioque ни слова. Со стороны папы Льва IX послѣдовалъ обстоятельный, но рѣзкій отвѣтъ Керуларію и Льву Охридскому, со

ссылками на лжеисидоровы декреталіи и даръ Константина, доказывавшіе *главенство римской церкви*. Затѣмъ наступаетъ краткое перемиріе, не безъ вліянія императора, и въ Константинополь являются 3 легата съ цѣлью уладить недоразумѣніе. Такъ какъ Левъ IX въ вопросѣ *о главенствѣ* и въ слѣдующихъ посланіяхъ къ патріарху никакихъ уступокъ не дѣлалъ, выставляя константинопольскую церковь членомъ и дочерью римской, то между Керуларіемъ и легатами мирнаго соглашенія не состоялось: одинъ изъ легатовъ, кардиналъ Гумбертъ, съ вѣдома и согласія императора, рѣзко обличаетъ въ *діалогѣ* Льва Охридскаго и патріарха,—и безцеремонно-грубо особымъ трактатомъ отвѣчаетъ монаху Никитѣ. И тутъ оба отвѣта Гумберта разбираютъ вопросъ объ опрѣснокахъ, обличаютъ заблужденія грековъ, особенно бракъ духовенства, и кончаются угрозами анаѳемы,—о Filioque не упоминается.—Монахъ Никита отрекся отъ своего сочиненія и отъ хулителей римской церкви въ присутствіи императора и легатовъ въ Студійскомъ монастырѣ. Керуларію было очень непріятно отступничество Никиты (хотя временное), а также поведеніе Петра Антіохійскаго, который, вступивъ на патріаршую каѳедру, офиціально извѣстилъ объ этомъ папу—отчасти слѣдуя древнему обычаю, отчасти по внушенію императора.—Папа похвалилъ Петра за почтеніе апостольскаго престола и, изложивъ въ посланіи къ нему свое исповѣданіе вѣры (съ Filioque), убѣждалъ его постоять за достоинство своей церкви, какъ занимающей третье мѣсто.—Въ томъ же направленіи пишетъ Петру подъ вліяніемъ папы Доминикъ, архіепископъ венеціанскій.—

Керуларій, чтобы привлечь на свою сторону Петра, шлетъ ему посланіе, въ которомъ извращаетъ смыслъ послѣднихъ событій и факты церковной исторіи, легатовъ называетъ самозванцами, поведеніе ихъ выставляетъ грубымъ по отношенію къ себѣ и императору, указываетъ на массу заблужденій латинянъ, на Filioque, опрѣсноки и на дерзкія претензіи легатовъ—учить грековъ и обязывать ихъ къ признанію латинскихъ догматовъ. Петръ антіохійскій отвѣчаетъ Керуларію сдержанно, въ примирительномъ духѣ,—поправляетъ ошибки его и искаженія, различаетъ заблужденія латинянъ—важныя отъ неважныхъ и не допускаетъ мысли о разрывѣ съ римской церковью, даже изъ-за важныхъ ея отступленій. Но посланіе этого достойнаго человѣка запоздало, разрывъ произошелъ.

Недальновидные легаты 16-го іюля 1054 г. въ Софійскомъ соборѣ возлагаютъ на алтарь отлучительную грамоту патріарху Керу-

ларію и его сообщникамъ, а патріархъ (20-го іюля) въ синодальномъ эдиктѣ предаетъ анаѳемѣ составителей грамоты, подстрекателей и пособниковъ. Легаты едва спаслись отъ раздраженнаго и оскорбленнаго патріарха, но увезли съ собой щедрые императорскіе дары для себя лично, для папы и для Монтекассинскаго монастыря. Покровительство императора легатамъ, отлучившимъ патріарха, сильно уронило Мономаха въ глазахъ народа и духовенства. Чтобы сгладить впечатлѣніе, императоръ въ царскомъ рескриптѣ отрекается отъ легатовъ и Аргира и выдаетъ на расправу малоповинныхъ переводчиковъ грамоты. Зато патріархъ всенародно торжествуетъ и, включивъ царскій рескриптъ въ синодальное постановленіе, тѣмъ самымъ прибиваетъ его къ позорному столбу (Брейс), что возбуждаетъ противъ Керуларія крайнюю неприязнь государя.

Осужденію керуларіевскаго собора (синода) придано было въ позднѣйшей исторіи восточной церкви общее значеніе осужденія латинянъ, и до XV вѣка соборъ этотъ считался вселенскимъ, каковымъ считаетъ его и новѣйшій греческій историкъ Димитракопуло.

Такимъ образомъ, движущей причиной раздѣленія церквей были не обряды и догматы, а *вопросъ о власти*, и, если съ Фотія до Куруларія поддерживалось церковное общеніе Рима съ Константинополемъ, то не потому, что папы отказывались отъ главенства, а благодаря ихъ умѣлой выдержкѣ и признанію съ ихъ стороны византійскихъ патріарховъ въ ихъ санѣ. Патріархи же Константинополя, возвысившись надъ прочими восточными каѳедрами, стремились стать независимыми и равноправными съ римскими папами, а такъ какъ путемъ мирныхъ переговоровъ этого достичь не могли, то энергичный, честолюбивый Михаилъ Керуларій рѣшился добиться того путемъ войны съ Римомъ. И если вмѣшательство его въ политику привело къ потерѣ Византіей южно-итальянскихъ владѣній, то разрывъ съ папой дѣлалъ его главой всей восточной іерархіи, и теперь ему оставалось только оградить свое папство отъ власти императора. Дѣйствительно, до своего низложенія и смерти (1059) Керуларій, опираясь на духовенство и народъ, представлялъ грозную силу и серьезную оппозицію византійскимъ государямъ—въ лицѣ Константина Мономаха, Ѳеодоры, Михаила VI и Исаака Комнена.

Съ Константиномъ IX Керуларій вступилъ въ новое столкновеніе по поводу финансовыхъ мѣропріятій императора, направленныхъ на церковныя имущества, такъ какъ государственная казна была сильно истощена расточительностію государя. Смерть Мономаха въ началѣ

1055 г. избавила его, быть можетъ, отъ катастрофы. Императрица Θеодора, сестра Зои, тоже не выносила притязаній патріарха и своимъ соправителемъ сдѣлала престарѣлаго Михаила Стратіотика. Патріархъ, согласно волѣ вскорѣ скончавшейся императрицы, короновалъ его въ 1056 г. и даже поддержалъ во время смуты, поднятой племянникомъ Константина IX, Θеодосіемъ Мономахомъ. Но такъ какъ новый императоръ не сошелся съ патріархомъ, несмотря на совѣты Пселла, а во внутренней политикѣ дѣлалъ промахи и вооружилъ противъ себя и патріарха, и генераловъ арміи, то произошла революція. Стратіотикъ былъ низложенъ и постриженъ въ монахи, на престолъ вступилъ Исаакъ Комненъ. Въ этомъ движеніи патріархъ руководилъ тѣмъ терроромъ, который обрушился на всѣхъ несогласныхъ съ мятежниками, и *своею властію* замѣстилъ важнѣйшія должности по государственному управленію, хотя на другой день ожидалось вступленіе въ столицу самого Комнена, нужды въ такомъ замѣщеніи не было, и вмѣшиваться въ это дѣло патріарху не подобало.

Исаакъ Комненъ щедро одарилъ лицъ, способствовавшихъ его вступленію на престолъ, а патріарху выказалъ особое почтеніе, наградилъ его родственниковъ и въ пользу его отказался отъ вмѣшательства въ церковно-имущественное управленіе, такъ что патріархъ получилъ неограниченную власть раздавать церковныя земли своимъ *проніарамъ* (ленникамъ), какъ царь раздавалъ, въ видѣ пожалованія, царскія земли своимъ служилымъ людямъ. Но вскорѣ императоръ, при возроставшихъ опасностяхъ со стороны внѣшнихъ враговъ, долженъ былъ обратить особое вниманіе на финансы государства. Военное дѣло стояло неудовлетворительно, денегъ было мало, и неутомимый, разумный правитель сокращаетъ жалованье должностнымъ лицамъ, отбираетъ земельныя имущества у многихъ свѣтскихъ владѣтелей и особенно у монастырей и монаховъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ сталкивается съ гордымъ, заносчивымъ патріархомъ (такова характеристика современныхъ ему историковъ), который по своему вліянію на народъ былъ прямо опасенъ императору, а постояннымъ вмѣшательствомъ въ государственныя дѣла и стремленіемъ поставить священство выше царства, вывелъ Комнена изъ терпѣнія. Императоръ воспользовался отъѣздомъ Керуларія изъ Константинополя, приказалъ въ пути его арестовать и отправилъ въ заточеніе на одинъ изъ острововъ архипелага. Чтобы законно оформить такую мѣру, Комненъ велѣлъ доставить патріарха на соборъ въ одно изъ θракійскихъ мѣстечекъ, подальше отъ народа (Пселлъ), но въ дорогѣ Керуларій умеръ.

Окончательный выводъ изъ историческихъ данныхъ о патріархѣ Керуларіѣ авторъ дѣлаетъ слѣдующій: Керуларій не только вторгался въ неподлежащую ему область, не только присвоялъ себѣ отдѣльныя права императорской власти, но стремился поставить императорскую власть въ зависимое отъ патріарха положеніе. (*Rambaud* приписываетъ Керуларію намѣреніе основать на востокѣ греческую теократію, какъ это сдѣлалъ Григорій VII на западѣ).

Въ послѣдующемъ изложеніи авторъ желаетъ показать, что все, происшедшее въ Византіи при Керуларіѣ, объясняется не столько личностію патріарха, сколько особенностями византійскаго церковно-государственнаго порядка того времени.

По правиламъ II и IV вселенскихъ соборовъ епископъ Константинополя, какъ новаго Рима, имѣющаго *равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ*, въ церковныхъ дѣлахъ былъ возвеличенъ подобно римскому епископу и сталъ *вторымъ по немъ*.

Мысль о равныхъ преимуществахъ съ теченіемъ времени создала титулъ *вселенскаго патріарха*, какъ отличіе константинопольскаго епископа (Трулльскій соборъ 692 г.), а слова *второй по немъ* стали объяснять въ Византіи въ смыслѣ послѣдовательности *не чести, а времени* (Аристинъ). Въ IX вѣкѣ патріархъ Фотій заподозрилъ ортодоксію стараго Рима, и на востокѣ явилась новая мысль—старый Римъ потерялъ свое первенствующее положеніе въ христіанскомъ мірѣ, и его значеніе перешло къ новому Риму. Тутъ и *даръ Константина* послужилъ на пользу, ибо, если эта грамота жаловала чрезвычайныя права старому Риму, то послѣ отступничества его отъ истинной вѣры эти права перешли къ новому. Это перенесеніе привилегій имѣло не только духовно-іерархическую сторону, но и церковно-политическую, и на востокѣ возникъ вопросъ не только объ отношеніи вселенскаго патріарха къ остальнымъ восточнымъ, но и объ отношеніи къ императорской власти. Въ эпанагогѣ, приписываемой Фотію и составленной при Василіѣ I (867—886), имѣются два отдѣла съ титулами: о царѣ и о патріархѣ. Въ первомъ говорится, что царь управляетъ *тѣлами* и долженъ блюсти вѣру и каноны, во второмъ—патріархъ управляетъ *душами*, ему подлежитъ толкованіе каноновъ, какъ живому и одушевленному образу Христа.

Поставленіе патріарха рядомъ съ царскою властію, какъ и въ старомъ Римѣ, порождаетъ стремленіе патріарха стать выше этой власти. Византійскіе императоры, какъ бы предугадывая это, стараются соединять царство и патріаршество въ одной фамиліи (Василій I, Левъ

Мудрый, Романъ Лекапенъ) и систематически выдвигаютъ впередъ духовно-первосвященническую сторону своей власти, придавая законодательнымъ актамъ по церковнымъ дѣламъ внѣшнюю форму папскихъ буллъ и бреве.—Патріархи, въ свою очередь, по примѣру папъ, стремятся сдерживать императоровъ и силятся создать себѣ независимое положеніе въ духовной сферѣ, что приводитъ къ обостренію отношеній между священствомъ и царствомъ.

Жизнь запада X вѣка отражается на востокѣ (Гергенрётеръ, Шлемберже): какъ папы, возстановивъ западную имперію въ лицѣ Карла Великаго, начинаютъ уже съ Карла Лысаго дѣлать выборъ между лицами, достойными возложенія на нихъ императорской короны,—такъ и патріархи Константинополя стараются придать особое значеніе освященію императорской власти церковью при посредствѣ патріаршаго благословенія и возложенія царскаго вѣнца, и самое коронованіе ставятъ иногда въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ уступокъ царской власти въ пользу патріаршей (Іоаннъ Цимисхій и патр. Поліевктъ).—

Принявъ во вниманіе византійскія отношенія между патріархомъ и императоромъ въ X вѣкѣ и первой половинѣ XI вѣка, полныя недовѣрія и взаимнаго опасенія, поймемъ и дѣятельность Михаила Керуларія, политика котораго оказала сильное вліяніе на ближайшія послѣ него событія: Исаакъ Комненъ, по интригамъ Пселла и патріарха Константина Лихуда, приверженца Керуларія, завѣщалъ престолъ, помимо близкихъ родственниковъ, Константину Дукѣ, женатому на племянницѣ Керуларія. Константинъ Дука и сынъ его Михаилъ Дука были извѣстные монахолюбцы.....

А. Васильевъ.

Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный иллюстрированный сборникъ, издаваемый Императорскимъ Обществомъ Поощренія Художествъ. Годъ первый. С.-Пб. 1901.

Участь многихъ издательскихъ предпріятій — начинать хорошо, но быстро хирѣть и падать; исключенія рѣдки, и тѣмъ пріятнѣе намъ отмѣтить, что журналъ „Художественныя сокровища Россіи“ принадлежитъ именно къ числу исключеній. Онъ всего менѣе нравился намъ въ началѣ истекшаго года, но, номеръ за номеромъ улучшаясь, къ концу года онъ составилъ весьма интересный томъ. Мы смѣло рекомендуемъ вниманію читателей это изданіе, но позво-

лимъ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣтить и нѣсколько недостатковъ, которые вкрались въ первый томъ журнала.

Задача журнала — знакомить съ художественными произведеніями всѣхъ родовъ искусства всѣхъ школъ и всѣхъ эпохъ, но только съ такими, которыя находятся въ Россіи. „Художественныхъ сокровищъ, по словамъ редакціи, у насъ такъ много, они, собранныя вмѣстѣ, могутъ съ такой полнотой представить все прекрасное, что было создано въ области искусства человѣчествомъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени, что подобное ограниченіе отнюдь не можетъ отнять образовательнаго и художественнаго значенія у нашего изданія". Мы думаемъ, что редакція въ данномъ случаѣ права; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что заграничныя художественныя сокровища у насъ извѣстны больше, чѣмъ наши собственныя— и чрезъ воспроизведенія ихъ и путемъ личнаго ихъ обозрѣнія; поэтому надо признать, что цѣль изданія поставлена вполнѣ разумно.

Въ исполненіе программы редакція дала 144 отдѣльныхъ таблицы и нѣсколько десятковъ снимковъ въ текстѣ. На таблицахъ этихъ воспроизведены картины, скульптурныя произведенія — изъ мрамора, бронзы, дерева,—архитектурныя сооруженія, металлическія вещи, мебель, фарфоръ и фаянсъ, эмали, одѣянія, терракоты, рѣзьба по дереву и кости и т. п. Всего болѣе таблицъ—до 45—посвящено снимкамъ съ картинъ, свыше 25—архитектурнымъ произведеніямъ, 13 — мебели, около 15—скульптурѣ и столько же металлическимъ произведеніямъ и т. д. Большинство исполнено автотипіей и, за немногими исключеніями, болѣе чѣмъ удовлетворительно; прямо плохи двѣ или три таблицы въ самыхъ первыхъ номерахъ со снимками съ терракотъ; вообще снимки со скульптурныхъ произведеній, особенно съ мраморовъ, почему-то наименѣе удачны; они совершенно не передаютъ изящной красоты мрамора; наоборотъ — снимки съ произведеній рѣзного искусства, особенно старинной русской рѣзьбы—кажется, всѣ безъ исключенія исполнены отлично.

Хороши также и всѣ хромолитографіи, которыхъ, правда, немного. Фототипій приложено въ теченіе года до 15; онѣ почти исключительно представляютъ снимки съ картинъ и всѣ безъ исключенія очень хороши; исполнены онѣ въ такихъ превосходныхъ мастерскихъ, какъ Вильборга и Фишера. Одна изъ картинъ Строгановской галлереи—приписываемая Леонарду-да-Винчи—воспроизведена фотогравюрой въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; эта таблица представляетъ настоящій chef d'oeuvre въ своемъ родѣ. Номеръ восьмой

посвященъ спеціально собранію картинъ голландской и фламандской школы П. П. Семенова, номеръ девятый—художественнымъ сокровищамъ дома гр. Строганова, номеръ десятый—китайскому дворцу въ Ораніенбаумѣ; остальные номера—сборнаго содержанія; въ нихъ воспроизведены вещи Императорскаго Эрмитажа, нѣкоторыхъ дворцовъ, Музея Императора Александра III, Общества Поощренія Художествъ, Историческаго музея въ Москвѣ, школы бар. Штиглица, частныхъ лицъ—кн. Юсуповой, кн. Голицыной, гр. Шереметевой, г. Козлова, г. Цвѣткова и др. Что касается выбора предметовъ, снимки съ которыхъ даны въ журналѣ, то нельзя не признать ихъ въ огромномъ большинствѣ любопытными, достойными вниманія. Конечно, одни представляются болѣе интересными, другіе менѣе, но все же интересны почти всѣ; не станемъ даже и называть тѣхъ трехъ, четырехъ таблицъ, которыя на нашъ взглядъ ничего не прибавляютъ къ достоинству изданія; повторяемъ—въ общемъ, оно представляетъ большой интересъ, помимо того даже, что оно почти сплошь содержитъ снимки съ предметовъ, ранѣе большой публикѣ совершенно неизвѣстныхъ.

Совершенно игнорируется въ этомъ изданіи гравюра. Мы не понимаемъ причины такого отношенія къ гравюрѣ и думаемъ, что для этого и нѣтъ достаточныхъ основаній. Неоспоримо, гравюра есть совершенно самостоятельный и заслуживающій полнаго вниманія родъ искусства. Многіе офорты Рембрандта являются оригиналами — въ томъ смыслѣ, что только въ нихъ художникъ и выразилъ извѣстную свою идею или фантазію, и ни въ картинѣ, ни даже въ рисункѣ ея не повторилъ; а иные офорты Рембрандта еще такъ рѣдки, что считаются въ количествѣ, немногимъ превосходящемъ иныя живописныя повторенія одного и того же сюжета; такъ, знаменитая pièce à cent florins въ хорошихъ оттискахъ извѣстна лишь въ 9 экземплярахъ — многіе ли, слѣдовательно, имѣли случай видѣть въ подлинникѣ это удивительное произведеніе,—а офортъ этотъ есть и въ русской коллекціи гр. Строганова. Въ геліогравюрѣ оно отлично воспроизведено въ извѣстномъ изданіи Аманъ-Дюранъ,—дать геліогравюру съ этого офорта было бы очень не лишне; замѣтимъ, что по цѣнѣ онъ стоитъ значительно выше многихъ хорошихъ картинъ: лѣтъ 40 тому назадъ дважды онъ былъ проданъ за 11.000 руб. слишкомъ. Существуетъ портретъ Людовика XVI въ торжественномъ королевскомъ одѣяніи, писанный Калло; картина эта совершенно неудачное, слабое произведеніе, а между тѣмъ Бервикъ награвировалъ съ нея высокохудожественный эстампъ, который является однимъ изъ лучшихъ произведе-

ній рѣзцовой гравюры; къ тому же и оттиски этой доски чрезвычайно рѣдки, потому что вскорѣ послѣ того, какъ доска была готова, разыгралась революція, и Бервикъ, не рѣшаясь хранить даже спрятаннымъ этотъ превосходный портретъ короля, сломалъ доску.

Виссхеръ и Жераръ Эделинкъ не были художниками - живописцами, но не знать нѣкоторыхъ Виссхеровскихъ портретовъ, не знать „Раскаивающейся Магдалины", портретовъ Дильгера и фанъ-Шампаня работы Эделинка,—значить не знать въ исторіи искусства дѣйствительно замѣчательнаго. Наконецъ, есть горячіе любители гравюръ; заслуживаютъ же они хотя нѣкотораго вниманія, и мы надѣемся, что редакція „Художественныхъ Сокровищъ" приметъ, до извѣстной степени, во вниманіе и ихъ интересы и дастъ спимки съ нѣсколькихъ знаменитыхъ эстамповъ, а не будетъ ограничиваться только снимками въ видѣ виньетокъ и заставокъ съ небольшихъ гравюръ изъ рѣдкихъ изданій.

Обращаясь къ тексту журнала, мы должны признаться, что онъ удовлетворилъ насъ гораздо менѣе его художественной части. Вступительная замѣтка редакціи, на нашъ взглядъ, сплошь—за исключеніемъ выписанныхъ выше строкъ—наполнена разсужденіями невѣрными или, по крайней мѣрѣ, очень неудачно изложенными. „Намъ кажется, читаемъ мы на первой же страницѣ, что примѣры искусства прошлаго должны вдохновлять насъ и наталкивать на *новыя* (подчеркнуто не нами) мысли, мы думаемъ, что, глядя на то, какъ прежніе художники всѣ по разному и все же въ одинаковой мѣрѣ были велики и хороши—*и это только потому, что были свободны и смѣлы* (подчеркнуто нами)—и мы освободимся отъ послѣднихъ оковъ школьнаго педантизма и рутины и, наконецъ, заговоримъ своими словами". Неужели же „смѣлости" достаточно, чтобы быть „хорошимъ и великимъ", неужели же всѣ и всякія „свои слова" непремѣнно „хороши и велики"?! Очевидно же вѣдь, что нѣтъ, и примѣровъ въ доказательство, конечно, не нужно приводить... „Мы надѣемся, что наше изданіе будетъ служить стимуломъ для такого искренняго и свѣжаго художественнаго творчества", читаемъ далѣе. Опять мысль совершенно невѣрная: неужели въ самомъ дѣлѣ какимъ бы то ни было изданіемъ можно вызвать людей къ искреннему и свѣжему творчеству? Не похожа ли такая претензія на мысль основать журналъ для того, чтобы вызвать читателей на самостоятельную дѣятельность въ родѣ дѣятельности Ломоносова?... Весьма неясно и непонятно говорятъ авторы предисловія тамъ, гдѣ они „выясняютъ свое отно-

шеніе къ національному искусству". Они резюмируютъ его такъ: „Быть можетъ, только сліяніе этихъ двухъ началъ — русскаго и общеевропейскаго — создастъ истинно русское искусство, равное по значенію великимъ, потому что общечеловѣческимъ, твореніямъ Пушкина, Гоголя, Достоевскаго и Толстого. Пора русскому искусству сбросить съ себя славянофильскую мурмолку" и т. д. Что же это такое? Какъ же возможно противопоставлять понятія „русское" и „общеевропейское"? Вѣдь понятіе „русское" непремѣнно входитъ въ составъ понятія „общеевропейское"; противопоставить можно было бы только понятія „русское" и „западноевропейское". Мы не рѣшаемъ, конечно, этимъ замѣчаніемъ, насколько правильно и нужно такое противопоставленіе. Неправильно также сказать „великое, потому что общечеловѣческое"— правильно будетъ какъ разъ наоборотъ „общечеловѣческое, потому что великое": ясно, не все общечеловѣческое велико, но истинно великое становится и общечеловѣческимъ. Что касается фразы о „славянофильской мурмолкѣ", то это есть только фраза, въ которую невозможно вложить точнаго смысла. Вѣдь славянофильство есть философская теорія, объясняющая общій ходъ историческаго развитія—и потому въ искусствѣ проявляться не можетъ; назвать же „славянофильствомъ" преимущественный интересъ къ своему народу или исключительное пристрастіе къ русскому—это слишкомъ неправильно, чтобы серьезное изданіе могло позволить себѣ такое словоупотребленіе—помимо того уже, что положеніе, будто русское искусство до сихъ поръ было слишкомъ національно, доказано, конечно, быть не можетъ.

Мы не скажемъ, чтобы за истекшій годъ редакція журнала явно проводила ошибочные взгляды, какіе отмѣтили мы въ статьѣ, которою изданіе было начато. Но мы должны сказать, что вообще не замѣчаемъ, чтобы въ изданіи этомъ „проводилась" какая-нибудь мысль; во всякомъ случаѣ, такая неточность и неправильность въ выраженіи не должна бы быть вовсе допускаема въ серьезномъ изданіи; къ тому же изложеніе и другихъ статей отмѣчено иногда нежелательными чертами. Пріятное исключеніе составляютъ въ этомъ отношеніи номера, посвященные коллекціи г. Семенова и дворцамъ Строгановскому и Китайскому, — они изложены дѣльно, просто и содержательно. Въ другихъ же номерахъ замѣчается излишняя склонность къ фразерству, нагроможденіе эпитетовъ и восклицаній, вообще тонъ, часто не соотвѣтствующій внутреннему содержанію той или другой замѣтки, въ сущности довольно бѣдному. Мы не будемъ уже распространяться о такихъ lapsus calami, какъ дважды повторенное вы-

раженіе: „Головы Іоанна Крестителя“ — вмѣсто „Два изображенія головы...“, или о такихъ выраженіяхъ, какъ замѣчаніе объ одной церкви, любопытной, но все же болѣе или менѣе обыкновенной по постройкѣ, будто въ ней „есть что-то тоскливое и въ то же время грозное и величественное“—намъ кажется, что сочетаніе такихъ признаковъ невозможно,—не говоримъ уже о прямо курьезныхъ фразахъ въ описаніи таблицы 13. Мы имѣемъ въ виду описанія въ родѣ слѣдующаго, которое посвящено гипсовому гербу Генуи, итальянской работы XIV или XV в.: „одинъ этотъ щитокъ такой „праздничный“, такъ ярко рисующій рыцарскую доблесть и отвагу, исполненный такой сказочной прелести, такъ складно скомпанованный, такъ красиво и гармонично расписанный и вылѣпленный съ такой огромной „маэстріей“ — содержитъ въ себѣ больше искусства, чѣмъ цѣлыя выставки художественныхъ произведеній нашего времени“. Смѣемъ увѣрить кого угодно, что щитокъ этотъ, изображающій борьбу Св. Георгія со змѣемъ, ничѣмъ особенно „рыцарской доблести“ не рисуетъ, во всякомъ случаѣ, въ репродукціи, хотя и хорошей, но не производящей, все-таки, иллюзіи, такъ что восторги не могутъ не показаться читателю нѣсколько странными. Такимъ же чрезмѣрнымъ нагроможденіемъ эпитетовъ отмѣчены описанія и нѣкоторыхъ другихъ таблицъ—особенно, таблицъ 11-ой и 69-ой. Мы искренно привѣтствовали бы всякую попытку почтенныхъ издателей журнала въ томъ направленіи, чтобы текстъ изданія отличался большею дѣловитостью и меньшею экспансивностью; поменьше восклицаній и побольше бы указаній на библіографію сочиненій о томъ или другомъ художникѣ, побольше свѣдѣній о другихъ его важнѣйшихъ произведеніяхъ—вотъ что, по нашему убѣжденію, нужно журналу. Подобныя свѣдѣнія сообщаемы были въ „Художественныхъ сокровищахъ Россіи“ за истекшій годъ между прочимъ, но мы желали бы видѣть такія свѣдѣнія почаще и въ большемъ объемѣ. Это послужило бы, по нашему убѣжденію, къ выгодѣ изданія, которому мы еще разъ выражаемъ полное сочувствіе и желаніе успѣха—и тѣмъ искреннѣе, что нѣкоторые изъ указанныхъ нами недостатковъ уже сглаживаются и ослабѣваютъ въ номерахъ разсматриваемаго изданія за текущій годъ.

Ч.

В. Н. Перетцъ. **Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. Ч. 1. О древнерусскомъ народномъ стихѣ.—Тонизація силлабическаго стиха.—Тредіаковскій какъ новаторъ въ стихосложеніи. — Начало метротоническаго стихосложенія; паст. Э. Глюкъ и маг. I. В. Паусъ.—Къ вопросу о началѣ малорусскаго народнаго стиха.—Жизнь и труды свящ. I. Некрашевича. Ч. 2. Приложенія.—Списокъ трудовъ паст. Э. Глюка и маг. I. Пауса, ихъ русскія стихотворенія и матеріалы для біографіи.—Вирши свящ. Некрашевича.— Письмо митр. С. Миславскаго.—Указатели. Спб. 1902 (8 нен.+IV+426+186+1 нен.) и 17 положеній къ диссертаціи (отъ 31 марта 1902 г. 3 стр.).**

Диссертація г. Перетца, какъ уже видно изъ самаго заглавія, не представляетъ цѣльнаго и стройнаго изслѣдованія: это—рядъ отдѣльныхъ статей къ одной громадной темѣ: „исторія русскаго народнаго и литературнаго стиха". Въ книгѣ не видно обдуманнаго плана—результата долгой и вдумчивой работы—она носитъ хаотическій, какъ бы подготовительный характеръ. Читателю самому приходится разбираться въ этой массѣ „сырья" и „подмалевокъ". Отъ этого чтеніе книги требуетъ большого напряженія, не всегда вознаграждаемаго добытыми результатами. Изслѣдованія свои авторъ дѣлаетъ въ порядкѣ попадающагося ему подъ руку сырого матеріала, часто уклоняясь отъ своей основной темы и дѣлая отступленія то біографическаго, то культурно-историческаго, то библіографическаго характера. Самъ авторъ обѣщаетъ разрѣшить впослѣдствіи рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, необходимыхъ для его основной темы: о псалтыри въ переводѣ Тредіаковскаго (стр. 343), о виршахъ Климентія (стр. 371), студента Александровича (стр. 372)... Этотъ перечень слѣдуетъ увеличить и рядомъ другихъ вопросовъ и другихъ именъ, не менѣе важныхъ для поставленной авторомъ темы. Таковы стихотворенія Монса, вирши неизвѣстнаго автора XVII—XVIII в. въ рукописи Общества Любителей Древней Письменности Q № 64, стихи Копіевича, черкашенина Михаила Финицкаго, разсужденія Макентина (Кантемира), Ѳеофана и Ломоносова, а съ другой стороны стихотворные лады русской пословицы, ассонансы и аллитераціи нашихъ письменныхъ памятниковъ до XVI в., старыхъ скоморошьихъ пѣсенъ и т. д. Перевѣсъ сырого рукописнаго матеріала въ сочиненіи г. Перетца ведетъ, какъ мы увидимъ, къ пренебреженію матеріаломъ печатнымъ, изслѣдованнымъ другими, а этотъ матеріалъ могъ бы совершенно измѣнить нѣкоторыя точки зрѣнія самого изслѣдователя...

Этюдъ I озаглавленъ „Къ вопросу о древнерусскомъ стихосложе-

ніи". Авторъ ставитъ очень важный вопросъ о томъ, что представлялъ собою древнерусскій стихъ до появленія силлабическаго и (ново?) тоническаго стихосложенія (стр. 2). Не давая на это прямого отвѣта, упомянувъ о ритмичности древнерусскаго стиха, выразившейся въ намѣренной разстановкѣ слова и выработавшейся отсюда глагольной риѳмѣ, авторъ дѣлаетъ неожиданный выводъ: старая малорусская поэзія думъ и народныхъ пѣсенъ до вторженія польскаго вліянія и еллинославянской теоріи (вѣроятно, появившейся въ половинѣ XVI вѣка) была по формѣ тожественна съ великорусской.

Но говоря о *ритмичности*, нужно было автору сначала опредѣлить, что именно онъ подъ этимъ подразумѣваетъ? Относится ли она къ логическому ударенію фразы или къ пѣвческой нотаціи? То же ли самое размѣръ пѣсни или рѣчи *записанной*, — или размѣръ ея во время *исполненія голосомъ*? Важность этого различія въ частности подтверждаетъ и самъ авторъ (стр. 206 и 294). Говоря о древнемъ стихѣ, надо было сказать и объ аллитераціи и ассонансѣ, встрѣчающихся уже въ Словѣ о полку Игоревѣ (съ заутріа въ *пя*токъ *по*топташа *по*ганыя *по*лки *по*ловецкія) и пословицахъ (бережснаго Богъ бережетъ, какъ сани, такъ и сами, хоть стыдно, да сытно), и объ ихъ отношеніи къ риѳмѣ. А то вѣдь какъ объяснить присутствіе ассонанса въ силлабахъ Ф. Скорины 1517 г. (*Востоковъ*. Опытъ о русскомъ стихосложеніи. Спб. 1817 стр. 80)? Говоря только о *глагольной* риѳмѣ, г. Перетцъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ, напр., мнѣніе Потебни о происхожденіи ея изъ „согласованія по представленію" (волчище—сѣрое хвостище, коровища—обжорища. Изъ записокъ по русской грамматикѣ III, стр. 95—98) или такіе примѣры, какъ у *Даніила Заточника*: кому Лачь, а мнѣ плачь; около тура съ топоромъ, аки по бѣсѣ съ клобукомъ; *у скомороховъ*: попалъ тараканъ въ сарафанъ; пряжа потоньше полѣна, потолще полѣна; *заключенія сказокъ:* дали колпакъ, стали въ шею толкать; синь кафтанъ — скинь кафтанъ; *пословицы*: не до жиру, быть бы живу; конецъ — всему дѣлу вѣнецъ; смиренье — дѣвичье ожерелье; *парныя слова* и т. д. Вообще непонятно, какъ авторъ, прямо говорящій, что риѳма встрѣчается въ древне-письменной литературѣ съ эпической окраской (стр. 10), въ то же время утверждаетъ, что народный стихъ перенялъ *риѳму* отъ школьнаго (стр. 15). Намъ кажется, что и вышеприведенные примѣры, и примѣры самого автора ясно указываютъ, что происхожденіе риѳмы нужно искать гораздо раньше появленія силлабическаго стиха и что связь между нею и силлабическимъ сти-

хосложеніемъ должна считаться или въ обратномъ порядкѣ или совершенно уничтоженной.

II глава — процессъ тонизаціи силлабическаго стиха—повторяетъ мнѣнія и примѣры Н. И. Петрова и самого автора, высказанныя въ *Замѣткахъ и матеріалахъ для исторіи пѣсни въ Россіи*, Спб. 1901. Еще покойный И. Н. Ждановъ оспаривалъ исключительность силлабическаго построенія нѣкоторыхъ сапфическихъ стиховъ, считая ихъ метрическими. Г. Перетцъ возражалъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ долженъ былъ сознаться, что онъ устанавливаетъ лишь „формальную схему" силлабическаго стиха. Тѣмъ не менѣе на стр. 21—22 авторъ предлагаетъ силлабическій стихъ, въ которомъ однако можно видѣть при желаніи двустопный и трехстопный хорей, т. е. стихъ тоническій. Слѣдовало бы вообще подробнѣе выяснить, что такое этотъ силлабическій стихъ, какъ онъ „*исполнялся*", и каково отношеніе къ нему ритмической прозы, рубленой цезурами (напр. молитвы), и въ чемъ ея различіе отъ настоящаго силлабическаго стиха, какъ онъ встрѣчается въ литературахъ польской и нѣмецкой, такъ какъ опредѣленія Н. И. Петрова, которымъ слѣдуетъ авторъ, необходимо было бы пересмотрѣть и дополнить.

Въ III главѣ—о Тредіаковскомъ—авторъ считаетъ невозможнымъ, разсмотрѣвъ теоретическія воззрѣнія Василія Кирилловича, считать его новаторомъ: послѣ „Способа" 1735 г. онъ де продолжаетъ писать стихи силлабическіе (стр. 42—43). Прежде всего надо помнить, что можно быть прекраснымъ теоретикомъ и не умѣть примѣнять своихъ знаній на практикѣ. Съ другой стороны авторъ здѣсь допускаетъ разныя натяжки. Вѣдь нельзя же считать поздравленіе 1734 г. бар. Корфу силлабическимъ только потому, что Тредіаковскій не включилъ его въ число примѣровъ, помѣщенныхъ въ Способѣ 1735 г. (стр. 41). Стихи на стр. 43 отлично укладываются, вопреки г. Перетцу, въ амфибрахій,—за исключеніемъ неправильнаго ударенія—свидѣтельства безталанности Тредіаковскаго:

Укрóйся ты прáвда драгáя,
Поднялась на *тебя* ложь злая,
Та нагла, кротка ты безмѣрно,
Свирѣпа та, но ты вся сладость,
Та звѣрообразна, ты благость и т. д.

Все это дѣлаетъ авторъ, намекая, что Тредіаковскій заимствовалъ свою теорію у Глюка и Пауса; но вѣдь это простая, ничѣмъ необоснованная, кромѣ хронологіи, догадка. Вѣдь бумаги Пауса были въ рукахъ

академиковъ, вѣдь ихъ могъ видѣть Ломоносовъ и другіе и могли бы обвинять Тредіаковскаго въ плагіатѣ....

Слѣдующія главы о Глюкѣ и Паусѣ суть самыя важныя и самыя цѣнныя въ изслѣдованіи нашего автора. Ихъ основной выводъ такъ формулированъ В. Н. Перетцомъ: „Первенство въ сочиненіи метротоническихъ стиховъ на русскомъ языкѣ принадлежитъ пастору Э. Глюку († 1705) и магистру І. В. Паусу († 1735), переведшимъ болѣе ста евангелическо-лютеранскихъ религіозныхъ пѣсенъ на русскій языкъ размѣрами подлинника“ (положеніе 11). Но мы уже указали на стихотворенія одновременныя, если не болѣе раннія въ рукописи Q № 64 Имп. Общ. Любителей Древней Письменности (*Х. М. Лопаревъ,* Опис. рукописей Имп. Общ. Люб. Древн. Письм., часть II-я, Спб. 1893, стр. 105). Стихи эти метротоническіе и помѣщены между бумагами 1689—1701 гг. Для примѣра одинъ отрывокъ:

Для чего не веселится?
Богъ вѣсть, гдѣ намъ взавтра быть!
Время скоро изчурится
Яко рѣка пробѣжитъ
И еще себя не знаемъ,
Когда къ гробу прибѣгаемъ.

Затѣмъ авторъ, повидимому, считаетъ, что нѣмецкій Gesangbuch весь написанъ метротоническимъ размѣромъ, тогда какъ въ немъ встрѣчаемъ различные виды стихосложенія, да еще приспособленные къ пѣнію. Кстати сказать, авторъ могъ воспользоваться Gesangbuch'омъ лишь въ болѣе позднихъ, чѣмъ переводы Глюка, изданіяхъ и совсѣмъ отбросилъ вопросъ о редакціи Глюковскаго Gesangbuch'а.

Но какъ бы то ни было, указаніе авторомъ новой переходной ступени, доказывающей органическую связь стиха допетровской Руси съ Русью послѣпетровской, имѣетъ свою цѣну. Тѣмъ досаднѣе пренебреженіе автора къ печатной литературѣ. Онъ не провѣрилъ указаній о Глюкѣ, напечатанныхъ еще митрополитомъ Евгеніемъ въ Другѣ просвѣщенія 1805, I, 92, указаній, повторенныхъ въ Словарѣ и перепечатанныхъ полностью Пекарскимъ, почерпнутыхъ изъ Beiträge zur Kenntniss Russland's Эверса и Энгельгардта и журнала de Trevoux (сборника рецензій): тогда г. Перетцу не пришлось бы догадываться, откуда взялъ Пекарскій программу школы Глюка, какъ онъ это дѣлаетъ въ примѣчаніи на стр. 73. Не заявилъ бы авторъ, какъ новость, свѣдѣній о существованіи школы Глюка послѣ его смерти (положеніе 15 и стр. 187), если бы онъ просмотрѣлъ Описаніе рукописей Бѣляева, составленное

А. Е. Викторовымъ. Изъ выписки изъ приходорасходныхъ книгъ деньгамъ, отпущеннымъ изъ Ингерманландской канцеляріи въ 1705 и 1706 г. на содержаніе гимназіи, видно, что она была открыта 25-го февраля 1705 г. и потомъ, послѣ смерти (5-го мая) Глюка, 10-го сентября поступила въ управленіе стольника Павла Веселовскаго и Петра Коста. Учителей въ гимназіи было 9. Число учениковъ Веселовскій предлагалъ увеличить до 300, но баронъ П. Шафировъ написалъ: „Старатца объ ученіи, больше 100 человѣкъ не принимать“ (Собр. рук Бѣляева М. 1881, стр. 63). Автору осталось неизвѣстной и статья А. П. Барсукова о семействѣ Глюка въ Рус. Архивѣ 1888, № 5, стр. 64.

Но еще болѣе важный пропускъ представляетъ отсутствіе вопроса, ради чего собственно Глюкъ предпринялъ свой русскій переводъ нѣмецкаго Gesangbuch'а и почему его дѣло продолжалъ Паусъ. Время Петра Великаго ознаменовано сильнымъ протестантскимъ броженіемъ на Руси, проявившимся и въ „Богомысліи“ Максимовича, и въ дѣлѣ Тверитинова, и въ дѣятельности Θеофана Прокоповича, характеръ мышленія котораго такъ прекрасно выяснилъ Ю. Θ. Самаринъ. У самого г. Перетца приведенъ рядъ оставленныхъ имъ безъ вниманія данныхъ: такова посылка Пауса въ Россію основателемъ піетизма Франке (II, стр. 110), существованіе школъ піетистовъ въ Россіи (стр. 164) доносъ учениковъ школы на обученіе ихъ иконоборству (стр. 194), переводъ книги Арнда (стр. 229) и т. д. Первое указаніе получаетъ новое освѣщеніе, благодаря письму Лейбница (сентябрь 1699) іенскому профессору богословія Мюллеру: „я уговаривалъ недавно Франке чрезъ нашего общаго друга (Шпенера), чтобы онъ распространилъ *свою* дѣятельность на *миссію* и *отправилъ работниковъ въ Москву*, гдѣ предстоитъ обильнѣйшая жатва. Онъ могъ бы начать съ *нѣмецкихъ школъ*, которыя потомъ распространились бы далѣе подъ покровительствомъ государя“ (*Герье*, Лейбницъ и его вѣкъ. Спб. 1871, т. II, стр. 36). Естественно, что этотъ работникъ нѣмецкихъ школъ и былъ Паусъ. О лютеранской пропагандѣ Глюка упоминаетъ и Фоккеродтъ: Пробстъ (Глюкъ) выписалъ себѣ лютеранскихъ студентовъ богословія и устроилъ свое училище совершенно по правиламъ *шведскаго* церковнаго устава (nach der Vorschrift der schwedischen Kirchenordnung); а чтобы тутъ не было ни въ чемъ недостатка, перевелъ плохими стихами по-русски разныя лютеранскія пѣсни, которыя должны были дѣти благоговѣйно пѣть передъ уроками и послѣ нихъ [1]). Вѣроятно,

[1]) Россія при Петрѣ Великомъ по рукописному извѣстію І. Г. Фоккеродта и О. Плейера, пер. А. Н. Шемякина, М. 1874, стр. 101 изъ Чтеній Общ. Ист. и Древн.,

этотъ переводъ и былъ представленъ государю подъ именемъ *молитвенника* 15-го декабря 1703 г., какъ говоритъ Устряловъ (Исторія царствованія Петра Великаго, т. IV, 1 стр. 144 Ср. разсказъ Вебера).

Наконецъ, данныя объ этой пропагандѣ, да и самой школѣ Глюка авторъ могъ бы почерпнуть въ имъ же самимъ цитуемой книгѣ Д. В. Цвѣтаева: Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи, т. I, предисловіе, стр. XII, гдѣ упоминается и свидѣтельство Фокеродта, и неизданное дѣло Моск. Архива Иностр. Дѣлъ о школѣ Глюка.

Эта пропаганда посредствомъ школы и Gesangbuch'а вызвала обличеніе князя М. Крапоткина, давно напечатанное и также оставшееся неизвѣстнымъ г. Перетцу. Стихи Крапоткина имѣютъ въ виду прямо школу Глюка и Пауса, переводчика Colloquiorum familiarium Эразма Роттердамскаго (Перетцъ, стр. 229).

Нынѣ и между нами, правовѣрными христіаны
Много въ домѣхъ пребываютъ лютераны;
И учатъ юныхъ дѣтей въ Россійскомъ народѣ
Приводя прелестно ко своей невзгодѣ
Въ наукахъ дѣтямъ своего закону *книжку Коллоквіорумъ прикладаютъ*
А тою въ юныхъ лѣтахъ дѣтей прельщаютъ,
Дабы той ихъ люторской слабой законъ они знали.

и далѣе: Эразмъ первую написа прелести своея книжицу, зовому Коллоквіорумъ, въ которой нача хулити и попраніе приводити законъ и дѣйство церковное и посмѣхатися Богословцемъ и поносити преподобныхъ отцовъ и житіе ихъ монашеское хулити и уготова дорогу Мартину Лютеру [1]).

Изъ сказаннаго ясно, почему переводъ псалмовъ былъ приспособленъ къ пѣнію (стр. 295) и какова была роль какого-то русскаго монаха—попа, помощника Глюка при переводѣ: не отсюда ли и слѣды нанароднаго произношенія (стр. 133), да и само метротоническое строеніе текста (Knittelverse), тѣмъ болѣе что въ переводахъ Пауса, лишеннаго русскаго помощника, находимъ языкъ уже книжный и искус-

1874, кн. 2. Und damit es ja an keinem Stücke fehlen möchte, übersetzte er verschiedene Luthrische Lieder ins russische *Knittelverse* welche die Kinder vor und nach der Lection andächtig absingen mussten. Russland unter Peter dem Grossen.. Nach den handschriftlichen Berichten I. Vockerodts und Otto Pleier's herausgegeben von D-r E. Herrmann. Leipzig. 1872 S. 103.

[1]) Рус. Вѣстн., 1872, № 9 т., стр. 229 и 230.

ственный. Не изъ малорусскихъ ли книгъ явились и южнорусизмы въ текстахъ Пауса? По моему мнѣнію умолчаніе о пропагандѣ, какъ главной цѣли перевода—самый важный и существенный пробѣлъ и въ работѣ г. Перетца, и въ самомъ планѣ его изслѣдованія. Отмѣтимъ еще рядъ пропусковъ, особенно непріятныхъ въ сочиненіи, за которое присуждена степень доктора русской словесности. Говоря о школѣ Глюка, авторъ почти не коснулся ея близости со школами піетистовъ, отмѣченными уже у Лукашевича въ его Historya szkòl w wielkiem księstwie Litewskiem. На стр. 227 авторъ отказывается отъ разсмотрѣнія переводческой дѣятельности Пауса, а ему бы здѣсь и книги въ руки. На стр. 290 авторъ упоминаетъ о чтеніи Паусомъ памятниковъ близкихъ по языку къ простой народной рѣчи, но какихъ именно не указываетъ. Характеризуя Самуила Миславскаго, г. Перетцъ пропустилъ цѣнный матеріалъ для его біографіи, напечатанный въ Описаніи рукописей И. А. Вахрамѣева (т. II, 418, 563, 621, 657, 661, 664, 665 и т. III, 108—111; тамъ же и любопытный для г. Перетца сборникъ виршъ и пѣсенъ XVIII в.). Бездоказательными являются выводы автора, считающаго Лукашевичевскій списокъ перевода Глюка—рукописью профессора Баузе (стр. 251) и предрѣшающаго зависимость ямбическаго стиха Тредіаковскаго отъ переводовъ Глюка и Пауса (стр. 343) какъ и указанія на праздность русскихъ дѣвицъ XVII в. по *переводному* сочиненію о благонравіи (стр. 182). Въ біографіи Мелхиседека Значко-Яворскаго и въ другихъ томахъ Архива Югозападной Россіи авторъ нашелъ бы болѣе важный матеріалъ для исторіи быта малорусскаго духовенства чѣмъ въ біографіи Некрашевича (ср. стр. 422). Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить поспѣшности, благодаря которой вкрались разные недосмотры. Такъ авторъ утверждаетъ, будто авторы силлабическихъ стиховъ не заботились о музыкѣ и пѣніи (стр. 299), тогда какъ Симеонъ Полоцкій объясняетъ появленіе своей Риомотворной Псалтыри именно тѣмъ, что православные русскіе стали пѣть псалмы Кохановскаго. Авторъ разъясняетъ цѣль пріѣзда Пауса въ Россію (I, стр. 149 и 151), вопреки документу, приведенному имъ въ приложеніи (II, 109). Совершенно некстати упоминаніе о казни Медвѣдева по поводу обвиненія въ иконоборствѣ (стр. 194). Подводя итоги всему вышесказанному, нельзя не замѣтить, что цѣнная находка г. Перетца много бы выиграла, если бы авторъ сократилъ свою книгу и не торопился обнародываніемъ своей огромной, но наскоро написанной для полученія степени доктора работы. Во всякомъ случаѣ, и въ данномъ видѣ она составляетъ фактиче-

ское пріобрѣтеніе для специалистовъ и друзей исторіи русской литературы, которые уже получили и надѣются получить новые вклады въ родную специальность отъ молодого и трудолюбиваго автора.

И. Шляпкинъ.

Книжныя новости.

Нравственное ученіе св. отца нашего Исаака Сирина. С.-Петербургъ. Изданіе 2-е книгопродавца *И. Л. Тузова.* 1902. 170 стр. Цѣна 50 коп.

Анонимный авторъ взялъ на себя задачу изложить систему нравственнаго ученія св. Исаака Ниневійскаго, воспользовавшись для этого всѣми доступными ему его твореніями, въ виду того, что „для пониманія св. Исаакъ весьма труденъ, потому что мысли его разбросаны по всему пространству его сочиненій и не имѣютъ обыкновенной логической системы (sic!), такъ что, не сводя мыслей объ одномъ и томъ же, нельзя составить точнаго и полнаго понятія о томъ или другомъ предметѣ нравственности, можно даже впасть въ заблужденіе". Намъ представляется, что подобный пріемъ вообще рискованъ, особенно же, когда дѣло идетъ о мыслителѣ, большая половина трудовъ котораго или не сохранилась или недоступна. Къ тому же авторъ одной изъ причинъ трудности твореній выставляетъ „своеобразный языкъ". Но можно ли браться за облегченіе этой трудности, пользуясь переводомъ съ перевода? Не говоря уже о сирійскомъ оригиналѣ, который мало доступенъ, авторъ не заглянулъ даже въ греческій текстъ и пользовался русскимъ переводомъ въ Московскихъ „Твореніяхъ свв. Отецъ". Отсюда же онъ заимствовалъ и фактическія свѣдѣнія для своего „введенія". Послѣднія, конечно, неудовлетворительны и устарѣли. Авторъ не знаетъ біографіи святого, сообщенной Дювалемъ (Litter. Syrienne, p. 233) изъ „Книги цѣломудрія" Ишо-Денаха, который говоритъ не о скитской пустынѣ, какъ мѣстѣ отшельничества св. Исаака, а о Матутской горѣ близъ Бетъ-Хузайо и монастырѣ Роббатъ-Шабура и т. д. Свѣдѣнія о твореніяхъ святого неточно заимствованы изъ неточнаго перевода. Не „Эбедъ-Іезу", а Абд-ишо, не „объ управленіи духовномъ", а „о руководительствѣ Св. Духа", не о „благочиніи", а о „промыслѣ" (стр. 9, пр. 2). Слѣдуетъ также искренно пожалѣть, что авторъ, вмѣсто общихъ фразъ въ предисловіи не далъ свѣдѣній о христіанской Сиріи и Месопотаміи, ея обитателяхъ и литературѣ. При полномъ отсутствіи въ нашихъ учебникахъ исторіи упоминаній объ этой важной и интересной эпохѣ христіанскаго просвѣщенія, при недостаткѣ популярной литературы, такія указанія были бы весьма умѣстны, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о твореніяхъ сирійскаго аввы. То немногое, что даетъ авторъ на стр. 7, пр. 3—невѣрно. Эдесская школа закрыта не въ 442 г., а въ 489 по указу императора Зенона подъ вліяніемъ епископа Кира. Въ Низибіи не „скоро открылось несторіанство", а мѣстная школа была несторіанской уже eo ipso, какъ основанная изгнанными изъ Эдессы пропагандистами этого толка.

Что касается основной части книги, то она не заключаетъ въ себѣ ни-

чего, что было бы неудобопріемлемо для учащихся, кромѣ развѣ осужденія „многознанія“ (стр. 30—43), которое впрочемъ порицается въ томъ случаѣ, когда является замѣной душевной пустоты, образовавшейся по отпаденіи отъ Бога. „Отреченіе отъ міра“, обязательное для всѣхъ, „есть прежде всего отреченіе отъ страстей, возбуждаемыхъ вліяніемъ міра, и умѣніе поставить себя такъ, чтобы неизбѣжныя вліянія его на насъ не возбуждали этихъ страстей“, т. е. то же, что предписываетъ и Евангеліе.

Описи документамъ архива бывшихъ Большесольскихъ посадской избы и ратуши, найденнаго въ посадѣ Большія Соли, Костромскаго уѣзда XVI—XVIII столѣтія. Составлены *Н. Н. Селифонтовымъ*. Изданіе Костромской губернской ученой архивной комиссіи. С.-Пб. 1902. VI+190. 4°.

Въ посадѣ Большія Соли, Костромской губерніи, найденъ былъ обширный архивъ съ документами, идущими еще отъ XVI вѣка до начала XIX, въ количествѣ около 5.000; архивъ этотъ, по распоряженію г. костромского губернатора, переданъ былъ въ костромскую губернскую ученую архивную коммиссію, и комиссія приступила къ печатанію его „Описей“. Для ускоренія дѣла описанія архива отдѣльные работники брали на себя описаніе какой-либо группы документовъ, опредѣляемой просто ея объемомъ; по мѣрѣ изготовленія описанія—оно печаталось, при чемъ описанныя группы обозначаются литерами А, Б, В и т. д.; по окончаніи изданія предполагается снабдить его общимъ оглавленіемъ и указателемъ документовъ. Такой способъ имѣетъ, конечно, нѣкоторыя неудобства—хотя бы одно то, что документы размѣщаются, такимъ образомъ, въ хронологическомъ порядкѣ только въ каждой отдѣльной группѣ, а во всемъ изданіи они перебиты — но за то этотъ способъ даетъ возможность быстрѣе вести работу и скорѣе дѣлать общедоступными ея результаты. А результаты эти заслуживаютъ полнаго вниманія. Особыя условія сдѣлали Большесольскій архивъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ цѣликомъ сохранился на мѣстѣ, никакихъ передачъ его документовъ въ центральные архивы не было; такимъ образомъ, изученіе его раскроетъ намъ цѣликомъ дѣятельность посадской избы и затѣмъ ратуши. Въ то время, какъ документы о дѣятельности другихъ подобныхъ учрежденій приходилось бы собирать въ разныхъ центральныхъ архивахъ, гдѣ они нерѣдко размѣщены по той или другой системѣ и нелегко было бы собрать *всѣ* документы о дѣятельности даннаго учрежденія, Большесольскій архивъ представляетъ изслѣдователю все дѣлопроизводство, всю дѣятельность избы, быть можетъ, за какими-нибудь случайными пробѣлами. Затѣмъ очень важно, что всѣ документы архива относятся къ одной опредѣленной мѣстности и мѣстности не особенно большого размѣра; это даетъ возможность познакомиться съ ея жизнью, съ ея бытомъ во всѣхъ мелочахъ, и подобное изученіе архива было бы въ высшей степени любопытно и могло бы дать драгоцѣнные результаты. Пока описано около 1.000 документовъ; около 50 древнѣйшихъ или наиболѣе интересныхъ напечатаны полностію. Тутъ предъ нами проходитъ длинный рядъ документовъ по финансовой исторіи русскаго уѣзда XVII вѣка—различныя записи принятыхъ денегъ, документы о разложеніи и разверсткѣ повинностей, объ откупахъ и таможенныхъ сборахъ, рядъ данныхъ по исторіи цѣнъ и т. д.; тутъ множе-

ство мелкихъ, но любопытныхъ фактовъ по исторіи мѣстнаго самоуправленія—поручныя записи о новыхъ жильцахъ, различныя явки и жалобы „въ міръ", одобреніе міромъ управителя и просьба оставить его на слѣдующій срокъ, „обыскъ" мнѣнія посадскихъ людей—какъ укрѣпить городъ Кострому, какія стѣны тамъ устроить, а затѣмъ данныя о разложеніи на уѣздныхъ людей расходовъ по сооруженію этихъ стѣнъ; тутъ, далѣе—множество бытовыхъ подробностей, судебныхъ дѣлъ по спорамъ о землѣ, челобитныхъ на грабежъ, воровство, насильственное завладѣніе, явокъ объ угрозахъ, брани, и т. д.; любопытны нѣкоторыя данныя объ отношеніяхъ прихожанъ къ мѣстнымъ священникамъ. Укажемъ нѣкоторые документы этого архива, имѣющіе отношеніе къ вопросамъ, затронутымъ на прошлогоднемъ ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ, именно № 221, въ описаніи лит. В., говорящій о можжевеловой повинности, первыя упоминанія о которой были сдѣланы И. Я. Гурляндомъ, и многочисленныя свѣдѣнія объ иноземцахъ, жителяхъ окрестностей Большой Соли, свѣдѣнія, которыя имѣютъ отношеніе къ докладу на съѣздѣ Н. Д. Чечулина; въ этихъ документахъ говорится и о ссорахъ отдѣльныхъ иноземцевъ съ мѣстными жителями и о бракахъ ихъ съ русскими женщинами. Вообще, повторяемъ, документы Большесольскаго архива представляютъ выдающійся интересъ, и нельзя не поблагодарить костромскую комиссію за опубликованіе о нихъ свѣдѣній. Будемъ надѣяться, что изданіе „Описей" не замедлится, несмотря на то, что костромская комиссія понесла очень чувствительную потерю въ лицѣ Н. Н. Селифонтова.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ:

— *Езерскій, Ѳ.* Учебникъ счетоводства. Русская самоповѣрочная система счетоводства. Въ трехъ частяхъ. Изданіе восьмое. С.-Пб. 1901. 195+104+31 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Его же.* Учебникъ счетоводства. Простая, двойная, англійская и другія старыя системы счетоводства банковаго, коммиссіоннаго, заграничнаго и внутренняго оптоваго, мелочного и мѣнового торга. Полная наглядная практика въ двухъ сводахъ: вѣрномъ и утаечномъ; въ утаечномъ сводѣ приведены самообманы вѣрными балансами въ счетоводствѣ по названнымъ системамъ въ томъ видѣ, какъ эти системы преподаются въ Америкѣ, Англіи, Австріи, Бельгіи, Германіи, Россіи, Франціи и Швейцаріи. Изданіе седьмое. С.-Пб. 1902. 119+191. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Опись документовъ Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ. Выпускъ I. Акты Россіенскаго земскаго суда за 1575—1586 годы, №№ 14575—14586. Вильна 1901. VI+251 стр.

— *Голубъ, В. К.* Пятидесятилѣтіе Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ. Историческій очеркъ, 2-го апрѣля 1852—1902. Вильна 1902. VIII+119 стр. Цѣна 40 к.

— *В. В. Битнеръ.* На рубежѣ столѣтій. Обзоръ главнѣйшихъ научныхъ и

культурныхъ пріобрѣтеній XIX вѣка. Первый томъ. I. Исповѣдь земли. Очеркъ успѣховъ геологіи и палеонтологіи. II. Сѣдая древность человѣчества. Очеркъ успѣховъ археологіи. Съ 24 картинами и таблицами, 2 хромолитографіями и 453 рис. художниковъ: Каразина, Казанцева, Кившенко, Котляревскаго, Самокиша, Панова, Піотровича, Соколовскаго, Самокишъ-Судковской, Овсянникова, Чикина, Дорэ, Ріу, Жирара и другихъ. С.-Пб. 1902. VII+539 стр.

— *Харлампович, К. В.* Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ домонгольскій періодъ. Львовъ 1902. 24 стр. Изданіе „Галицко-русской Матицы".

— Описаніе празднованія 50-тилѣтняго юбилея Шавельской мужской гимназіи. Вильна 1902. 17 стр. (Приложеніе къ циркуляру по Виленскому округу за 1902 годъ).

— Экскурсія учениковъ Виленской 1-й гимназіи въ Крымъ. (7-го іюня—11-го іюля 1901 года). Вильна 1902. 80 стр. (Оттискъ изъ отчета Виленской 1-й гимназіи за 1900—1901 учебный годъ).

— Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію подъ редакціей *В. В. Битнера.* Невидимые враги и друзья. Съ 45 рисунками и таблицею. С.-Пб. 56 стр. Цѣна 50 к.

— *Марковичъ, Арсеній.* Крымъ въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній, 2-е дополненное изданіе, *О. В. Синани.* Симферополь 1902. 271 + V стр. Цѣна 75 к.

— Распредѣленіе населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи по численности въ нихъ населенія. Разработано Центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ по даннымъ первой всеобщей переписи 1897 г. 1902. IV+33 стр.

— Архивъ князя Куракина. Книга десятая, изданная княземъ *Ѳ. А. Куракинымъ* подъ редакціею *В. Н. Смольянинова.* М. 1902. XIV + 479 стр. Цѣна 4 рубля.

— Урожай 1901 года. III. Посѣвныя кормовыя травы, ленъ и конопля. Изданіе Центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ девятнадцатый. С.-Пб. 1902. 14+IX+133 стр.

— *Зеленинъ, Д.*—Н. И. Ильминскій и просвѣщеніе инородцевъ. Изданіе журнала „Русская Школа". С.-Пб. 1902. 20 стр. Цѣна 35 к.

— *Winter, Zikmund.* Život a učení na partikulárních školách v Čechách v XV. a XVI. století. Kulturně historický obraz. Zvláštní výtisk pro Matici českou. V Praze 1901. 821 стр.

— Кустарные промыслы С.-Петербургской губерніи. Изданіе С.-Петербургскаго земства. С.-Пб. 1902. (Статистическое бюро С.-Петербургскаго губернскаго земства). 49 стр.

— *Pérot, Gaston.* Eugène Onéguine. Roman en vers de Pouchkine. Traduit en vers français. Avec une Préface de M. Emile Haumant. Paris-Lille 1902. XX+201 стр. Цѣна 3 фр. 50 сант.

— *Веселовскій, А. Н., академикъ*. В. А. Жуковскій. Чтеніе. С.-Пб. 1902. 12 стр.

— *Соколовъ, Г. А.* О В. А. Жуковскомъ. Астрахань 1902. 39 стр.

— *Его же*. Приготовлены ли мы къ празднованію юбилея В. А. Жуковскаго? Отдѣльные оттиски изъ №№ 66 и 67 „Астраханскаго Листка" за 1902. 20 стр.

— *Троицкій, А. Д.* Идеалы и завѣты поэта-христіанина и христіанина-философа—В. А. Жуковскаго. Кіевъ 1902. 36 стр. Цѣна 20 к.

— Отчетъ о состояніи Саратовской городской публичной библіотеки въ 1901 г. 70-й годъ существованія. Саратовъ 1902. 16 стр.+2 табл.

— *Тарасевичъ, Л. А.*—Къ ученію о гемолизинахъ. Историко-критическое и экспериментальное изслѣдованіе. Изъ лабораторіи профессора И. И. Мечникова. Одесса 1902. 152+68 стр.

— Труды Пермской ученой архивной коммиссіи. Выпускъ V. Пермь 1902. 126 стр. Цѣна 80 к.

— *Тарановскій, Ѳ. В.* Феодализмъ въ Россіи. Критическій очеркъ. Варшава 1902. 53 стр. Цѣна 40 коп.

— *Гексли, Т.* и *Мартинъ, Г.*—Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Переводъ *П. А. Петровскаго, П. П. Сушкина* и *Н. К. Кольцова*. Съ 342 рис. въ текстѣ. М. 1902. XXII+762 стр. Цѣна 3 руб. 50 коп. (Библіотека для самообразованія. XVII).

— *Круксъ, Вильямъ*. О происхожденіи химическихъ элементовъ. Рѣчь, читанная въ Лондонскомъ „Королевскомъ институтѣ" 18-го февраля 1887 г. Переводъ *А. В. Генерозова*. Подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. *М. И. Коновалова*. Съ 3 рис. въ текстѣ. М. 1902. XVI+49. Цѣна 50 к. (Библіотека для самообразованія. I).

— *Конанъ-Дойль, А.* Война въ Южной Африкѣ, ея причины и способъ ея веденія. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *В. В. Язева*. Цѣна 25 коп. Изданіе англійской газеты „Topics" въ Одессѣ. Одесса 1902. 147 стр.

— *Рѣдинъ, Е. К.* Историко-филологическое общество при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ за первыя двадцать пять лѣтъ его существованія (1877—1902). Харьковъ 1902. 10 стр.

— Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа за 1901 годъ. Тифлисъ 1902. 74+616+75 стр.

— Образовательныя прогулки для начальныхъ народныхъ училищъ. Харьковъ 1902. 19 стр. (Харьковское общество для распространенія въ народѣ грамотности).

— *Языковъ, Дмитрій*. Василій Андреевичъ Жуковскій. Біографическій очеркъ. Москва 1902. 42 стр.

— *Бѣляевъ, И. С.* Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. По-

сошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ. М. 1902. 75 стр. Цѣна 40 коп. (Изданіе Общества Ревнителей Русскаго историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III. Выпускъ V).

— Девятый годовой отчетъ Московской городской санитарной станціи, устроенной при гигіеническомъ институтѣ Императорскаго Московскаго университета, за 1900 годъ. Составленъ подъ редакціей проф. *С. Ѳ. Бубнова*. М. 1902. IV+241 стр.

— *Скотакъ, А.* Упражненія съ булавами. Руководство для веденія гимнастическихъ упражненій въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 120 рисунками. Тифлисъ 1902. VI+148 стр. Цѣна 90 коп.

— Отчетъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны Благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства за 1901 годъ. С.-Пб. 1902. II+156+39 стр.

— *Браиловскій, С. К.* Тазы, или Удиhэ. (Съ 8-ю рисунками). Опытъ этнографическаго изслѣдованія. С.-Пб. 1902. 223 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Щербаковъ, С.* Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній Цѣна 1 р. Нижній-Новгородъ 1902. VII+184+IV стр.

— *Павловъ, А. С.* Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе редакціи „Богословскаго Вѣстника", выполненное подъ наблюденіемъ доцента Московской Духовной Академіи *И. М. Громогласова*. Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1902. II+539+IV стр. Цѣна 2 р. 50 к.

— *Bidlo, Jaroslav.* Studya Byzantologicka a Karla Krumbachera „Geschichte der Byzantinischen Literatur". V Praze 1902. 44 стр.

— *Бокинъ, П. П.* Подвижныя игры. Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся. Съ 81 иллюстраціей. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Маркса*. (1902 г.) 346 стр. Цѣна 2 руб.

— *Иловайскій, Д.* Вторая дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М. 1902. IV+106 стр. Цѣна 40 к.

— *Загоскинъ, М. Н.* Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. С.-Пб. 1902. 285 стр. Цѣна 40 к.

— *Шницлеръ, Артуръ.* Жена мудреца. Маленькія новеллы. Переводъ съ нѣмецкаго *О. Н. Поповой*. Издательство *О. Н. Поповой*. С.-Пб. 1902. 131 стр. Цѣна 80 к.

— Извѣстія Императорской Археологической комиссіи. Выпускъ 2-й. Съ портретомъ, 6-ю таблицами и 97-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1902. 127 стр.— То же. Прибавленіе къ выпуску 2-му. С.-Пб. 1902. 53 стр.

— *Шостьинъ, А.* Зачѣмъ блуждать? Размышленія по поводу предполагаемой реформы нашей средней школы. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1902. 20 стр. Цѣна 25 коп.

— Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію подъ редакціей *В. В. Битнера*. Происхожденіе органическаго міра. Съ 38 рисунками, 5 таблицами и картою. С.-Пб. 64 стр. Цѣна 50 коп. Въ Новый Свѣтъ прежде и теперь. Съ 42 рисунками и 5 картинами. С.-Пб. 79 стр. Цѣна 50 коп. (Изданіе *Сойкина*).

— *Мочульскій, В. Н.* Малороссійскія и петербургскія повѣсти Н. В. Гоголя. (Къ исторіи художественнаго творчества). Одесса 1902. 20 стр.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Начальный курсъ географіи. Составилъ *Г. И. Ивановъ*. СПБ. 1902. Стр. 86+14+2 карты. Цѣна 60 коп.

Нельзя указать примѣра, чтобы учебникъ начальнаго курса географіи въ первомъ изданіи выходилъ такимъ привлекательнымъ съ внѣшней стороны, какъ поименованный. Можно сказать болѣе: нѣкоторые наши учебники такого рода существовали десятки лѣтъ, пользовались большою распространенностью, но съ внѣшней стороны стали издаваться на лучшей бумагѣ и болѣе опрятными только черезъ 20—25 лѣтъ и то вслѣдствіе настоянія ученаго комитета. Настоящій учебникъ изданъ на прекрасной бумагѣ, напечатанъ яснымъ, четкимъ, крупнымъ шрифтомъ, снабженъ многочисленными, разнообразными и изящно выполненными рисунками; чертежи и раскрашенныя карты также производятъ пріятное впечатлѣніе. Въ общемъ, съ внѣшней стороны изданіе приноситъ честь автору.

По отношенію къ содержанію учебникъ также не есть повтореніе прежнихъ. Освободивъ себя отъ обязательной офиціальной программы, назначенной для среднихъ учебныхъ заведеній, составитель занесъ въ свой начальный курсъ географіи только такой матеріалъ, который онъ, по своимъ соображеніямъ, считаетъ необходимымъ для начальнаго курса географіи, и расположилъ его въ такомъ порядкѣ, который признается имъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Впрочемъ, со стороны содержанія или, точнѣе говоря, свойства матеріала учебникъ незначительно расходится съ существующими учебниками, такъ что въ этомъ отношеніи его нельзя назвать особенно противорѣчащимъ офиціальнымъ

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

учебнымъ программамъ. Такъ, составитель значительно ослабилъ номенклатуру, исключилъ цыфры, но въ этомъ отношеніи и существующіе одобренные учебники несогласны между собою: въ однихъ больше названій и статистическихъ данныхъ, въ другихъ меньше, и это не мѣшаетъ употребленію ихъ.

По существу, отличіе учебника г. Иванова отъ существующихъ учебниковъ, а равно отъ офиціальныхъ плановъ заключается въ томъ, что составитель бо́льшую часть своего учебника посвящаетъ описаніямъ различныхъ физическихъ особенностей и явленій природы, причемъ эти описанія даются въ сжатыхъ разъясненіяхъ, какъ это дѣлается въ другихъ учебникахъ, или же въ видѣ образныхъ картинныхъ описаній. Ознакомленіе съ такими физическими явленіями, по идеѣ автора, должно предшествовать ознакомленію учащихся съ формою земли и движеніями ея и обзору поверхности земли по глобусу и картѣ. Цѣль такихъ описаній состоитъ въ томъ, чтобы, такъ сказать, связать изученіе географіи съ непосредственными наблюденіями учащихся надъ природою и чрезъ то создать посредствующее звено для образованія въ сознаніи учащихся географическихъ понятій. Иначе говоря, г. Ивановъ пытается возвести для 1-го курса географіи надлежащій методическій фундаментъ, который въ настоящее время въ этомъ курсѣ отсутствуетъ.

Курсъ городскихъ училищъ, судя по офиціальнымъ программамъ и учебникамъ, строится на надлежащемъ фундаментѣ, именно тамъ предварительныя основныя географическія понятія выводятся учениками изъ изученія своей родины, ея окрестностей, уѣзда и губерніи. Въ 70-хъ годахъ, до введенія нынѣ дѣйствующаго устава среднихъ учебныхъ заведеній, нѣкоторыми составителями учебниковъ, напримѣръ Семеновымъ, Бѣлохою, была сдѣлана попытка сообщить эту естественную основу курсу географіи средней школы, но офиціальныя министерскія программы, изданныя въ развитіе устава 1870—71 г., устранили отчизновѣдѣніе по тому главному соображенію, что географія была соединена съ исторіею и, слѣдовательно, родиновѣдѣніе, содержаніе котораго преимущественно черпается изъ физической географіи, должно было быть преподаваемо филологами, лицами незнакомыми съ естественною исторіею. Въ настоящее время, въ виду предполагаемаго внесенія въ курсъ средней школы естествовѣдѣнія, а равно, въ виду того обстоятельства, что преподаваніе географіи мало по малу начинаетъ переходить изъ рукъ филологовъ въ руки натуралистовъ, повторяемъ, въ настоящее время естественно подумать о перестройкѣ

начальнаго курса географіи на болѣе цѣлесообразныхъ началахъ. Впрочемъ, г. Ивановъ вышеозначеннымъ очеркомъ не думаетъ вносить въ курсъ средней школы родиновѣдѣніе въ той формѣ, какъ это дѣлается для городскихъ училищъ; но онъ усвоиваетъ правильное дидактическое положеніе, что „близкія и доступныя для наблюденія явленія должны предшествовать явленіямъ болѣе далекимъ и менѣе доступнымъ", и поэтому вводитъ учениковъ въ обозрѣніе того, что можно наблюдать въ окрестностяхъ города. Въ виду того, что Россія представляетъ изъ себя преимущественно равнину, онъ послѣ ознакомленія учащихся съ планомъ и масштабомъ, съ горизонтомъ и его странами излагаетъ матеріалъ по слѣдующимъ рубрикамъ: Холмы. Почва и подпочвенные слои. Почвенная вода и источники. Ручьи. Рѣки. Озера прѣсныя и соленыя. Затѣмъ идетъ отдѣлъ о горахъ, гдѣ послѣ описанія частей горъ излагается матеріалъ по слѣдующимъ рубрикамъ: Высота надъ уровнемъ моря. Снѣговая линія и ледники. Изъ чего состоятъ горы. Полезныя ископаемыя. Вулканы. Землетрясенія. Жаръ въ глубинѣ земли. Теплые источники.—За горами идетъ отдѣлъ о воздухѣ, именно: Температура воздуха. Холодъ высоко надъ землею. Какъ нагрѣвается воздухъ. Температура воздуха надъ водою. Водяной паръ въ воздухѣ. Роса. Туманъ. Облако, дождь, снѣгъ. Значеніе облаковъ для теплоты воздуха. Дождемѣръ. Вѣтеръ; его направленіе и сила. Вѣтры по берегамъ озеръ и морей. Вихрь и ураганъ. Осадки на горахъ. Погода и климатъ. — Наконецъ, отдѣлъ „Море", подъ рубриками: Отличія морской воды отъ рѣчной. Волны. Теченіе въ морѣ. Приливъ и отливъ. Береговая линія. Морскія дюны. Ледъ на морѣ.—Во всѣхъ этихъ очеркахъ дается только типическое описаніе того или другого объекта и только изрѣдка встрѣчаются примѣры и преимущественно изъ географіи Россіи.

Прямымъ пополненіемъ нѣкоторыхъ описаній служатъ разсказы подъ заглавіемъ „Картины природы и жизни людей", какъ-то: Сѣверный Ледовитый океанъ. Тундры. Лѣса умѣреннаго пояса. Степи. Пустыни. Тропическіе лѣса. Горныя области. Важнѣйшія для человѣка растенія.

Но г. Ивановъ, какъ видно изъ предисловія, полагаетъ, что, смотря по мѣстнымъ условіямъ, порядокъ ознакомленія съ вышеозначенными очерками можетъ и измѣниться. Такъ, по его мнѣнію, въ гористыхъ мѣстностяхъ удобнѣе начинать изученіе съ горъ, а въ приморскихъ—съ моря. Если смотрѣть на постановку преподаванія географіи съ идеальной стороны, то отчизновѣдѣніе, преподанное хотя бы

и въ наивозможно сокращенномъ видѣ, будетъ предпочтительнѣе введеннаго авторомъ предварительнаго курса, такъ какъ изученіе своей родины, хотя бы только съ физической стороны, будучи сосредоточено на матеріалѣ болѣе ограниченномъ и на меньшемъ пространствѣ, могло бы сильнѣе остановить вниманіе учащихся на предметѣ и дало бы такія свѣдѣнія, которыя бы никогда не затерялись и, наконецъ, могло бы заложить сѣмя для воспитанія патріотическаго чувства; но если имѣть въ виду настоящую офиціальную постановку географіи, то къ мысли автора ввести такой предварительный курсъ, необходимо отнестись сочувственно, хотя нельзя къ этому не прибавить, что этотъ предполагаемый фундаментъ могъ бы быть построенъ и на другихъ началахъ, какъ, напримѣръ, нѣкоторые преподаватели спеціалисты совѣтуютъ предварительно останавливаться на описаніяхъ какихъ-либо особенныхъ областей своего отечества и даже земного шара, на выдающихся ландшафтахъ или же, наконецъ, предпосылать разные разсказы и картины; но обо всѣхъ этихъ суррогатахъ отечествовѣдѣнія не можетъ быть одного мнѣнія, такъ какъ они съ методической и дидактической точки зрѣнія имѣютъ свои положительную и отрицательную стороны. То же можно сказать и о предлагаемомъ г. Ивановымъ предварительномъ курсѣ. Положительная сторона его состоитъ въ томъ, что математическая географія въ немъ не составляетъ перваго пункта программы, противъ чего высказываются и здравый смыслъ и педагогика; далѣе, изученіе географіи начинается съ явленій или мѣстностей болѣе или менѣе извѣстныхъ ученикамъ, и затѣмъ въ каждой главѣ сообщаются свѣдѣнія одной категоріи, связанныя между собою генетически, при чемъ эта связь видна и понятна для самихъ учениковъ; тогда какъ при настоящей постановкѣ курса связь эта понятна только учителю. Переходъ отъ одной категоріи предметовъ къ другой опредѣляется въ предполагаемомъ курсѣ сущностью предмета, тогда какъ въ дѣйствующемъ курсѣ онъ опредѣляется учебною системою или программою, которая точно также чужда для учащихся. Наконецъ, важнѣйшее удобство состоитъ въ томъ, что при прохожденіи такого курса легче образуется въ ученикѣ сознаніе, что онъ помнитъ то, что учитъ, отъ чего въ настоящее время ученики бываютъ далеки.

Главная отрицательная сторона разсматриваемаго предварительнаго курса учебника г. Иванова состоитъ въ томъ, что это курсъ собственно естественно-историческій, а не чисто-географическій, такъ что при прохожденіи его можно обойтись безъ географическихъ по-

собій, т. е. безъ глобусовъ, картъ, а между тѣмъ на толковое прохожденіе его потребуются мѣсяцы. Другіе недостатки предварительнаго курса г. Иванова вытекаютъ не столько изъ существа предмета или изъ темы, сколько изъ выполненія.

Первое неотъемлемое условіе предварительнаго курса должно состоять въ простотѣ изложенія, между тѣмъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда описаніе смѣшиваются съ разъясненіемъ, встрѣчаются мѣста замысловатыя и трудныя для пониманія, а слѣдовательно и для заучиванія.

Представляемъ для образца примѣры:

Стр. 17. „Склоны горной цѣпи обыкновенно бываютъ покрыты глубокими долинами, идущими поперекъ цѣпи. Долины эти называются „поперечными". Далѣе слѣдуетъ описаніе неуловимое для учениковъ, по крайней мѣрѣ, безъ хорошаго соотвѣтствующаго рисунка и, во всякомъ случаѣ, трудное по изложенію, именно: „Если поперечныя долины противоположныхъ склоновъ сходятся своими верховьями, то онѣ служатъ горными проходами: самыя высокія мѣста ихъ называются перевалами".

Стр. 31. „Высокія горы почти всегда бываютъ окутаны облаками. Они образуются такъ: когда до горъ доходитъ вѣтеръ, то онъ ударяется объ ихъ склоны и подымается по нимъ вверхъ. При этомъ поднятіи воздухъ охлаждается, и водяные пары сгущаются въ облако, а изъ нихъ идетъ дождь или снѣгъ. Поэтому въ гористыхъ мѣстахъ выпадаетъ больше осадковъ, чѣмъ на равнинахъ".

Стр. 33. „При сильномъ вѣтрѣ на волнахъ образуются пѣнистыя верхушки—гребни, которые отъ напора вѣтра наклоняются впередъ и опрокидываются, производя шумъ. Особенно высоки гребни и силенъ шумъ у отлогихъ береговъ, во время прибоя: волны, подходя къ берегу, наталкиваются на мели и нижнія части ихъ задерживаются, верхнія же забѣгаютъ впередъ и обрушиваются, превращаясь въ пѣну. Если же волны, идя по глубокому мѣсту, ударяются о крутой берегъ или о подводный камень, то онѣ высоко вздымаются кверху (бурунъ)".

Стр. 37. „Песокъ, выбрасываемый волнами на низкій берегъ, захватывается морскимъ вѣтромъ и относится отъ берега. Когда вѣтеръ встрѣчаетъ на своемъ пути какую-нибудь преграду, напримѣръ, дерево, то онъ замедляется и отлагаетъ песокъ. Такимъ путемъ образуется холмъ, имѣющій впереди отлогій откосъ, а сзади—крутой. Такой холмъ называется дюной. Дюна растетъ до тѣхъ поръ, пока

не достигнетъ высоты преграды, а затѣмъ начинаетъ двигаться впередъ. Движеніе это очень медленно; оно происходитъ оттого, что вѣтеръ переноситъ песчинки съ пологаго склона на крутой".

Если имѣть въ виду, что у учениковъ 10—11 лѣтъ слабо мышленіе, короткая память, не великъ запасъ словъ и образовъ, и если имѣть въ виду, что преподаватель не въ состояніи объяснить ученикамъ каждое предложеніе текста, то мы въ правѣ заключить, что во всѣхъ мѣстахъ, подобныхъ выписаннымъ, ученики будутъ заучивать ряды словъ безъ пониманія содержанія.

Задача предварительнаго курса, между прочимъ, должна состоять въ томъ, чтобы ученики усвоили изъ него точное опредѣленіе географическихъ терминовъ, но это не всегда случается. Напримѣръ, нѣтъ ни въ этомъ отдѣлѣ, ни въ другихъ опредѣленія острова, горы, не говоря уже, напримѣръ, о фарватерѣ, о бухтѣ, гавани и т. п. По поводу озера говорится такъ:

Стр. 14. „Если ручей или рѣка встрѣчаютъ на своемъ пути котловину, то они наполняютъ ее водой и образуютъ озеро". Если выводить изъ этихъ словъ опредѣленіе озера, то оно будетъ неправильно.

Разъясненія плана и масштаба вообще неудовлетворительны. Ученіе о планѣ и масштабѣ должно быть преподано практически въ классѣ, и въ географическомъ учебникѣ, можетъ быть, было бы удобнѣе указать только на распорядокъ матеріала, но если давать разъясненія, то они должны преслѣдовать формальную цѣль, т. е. образованіе въ сознаніи учениковъ представленій о глобусѣ и географической картѣ. Между тѣмъ въ текстѣ даже не упоминается географическая карта, хотя г. Ивановъ въ введеніи прямо говоритъ, что послѣ разъясненія плана и масштаба преподаватель сразу можетъ приступить къ эмпирическому ознакомленію съ картою цѣлой губерніи или всей Россіи, а для этого, замѣтимъ мы, требуется хотя элементарное введеніе учениковъ въ пониманіе карты, тѣмъ болѣе, что въ самомъ текстѣ предварительнаго курса изображается дельта Волги и дается карточка Таврическаго полуострова. Ничего нѣтъ также о геометрическихъ линіяхъ и тѣлахъ, хотя въ предварительномъ курсѣ нерѣдко встрѣчаются слова: параллельныя, горизонтальныя, прямой, изогнутый, отвѣсный, соприкасающійся и т. п.

Послѣ предварительнаго отдѣла начинается собственно географическій курсъ ученіемъ о формѣ земли и о движеніи ея. Въ этотъ

отдѣлъ входятъ слѣдующіе вопросы: Выпуклость и поверхность моря и суши. Форма и величина земли. Движеніе земли около самой себя (слѣдовало бы сказать около оси), и къ этому же присоединяется мелкимъ шрифтомъ § „Суточное движеніе небесныхъ свѣтилъ". Всѣ эти вопросы разрѣшены просто, элементарно и вообще хорошо. Заканчивается отдѣлъ ученіемъ о градусной сѣти и картѣ, т. е. отличіемъ карты отъ плана и разъясненіемъ, какъ понимать картографическіе знаки. Но элементарное понятіе о картѣ, какъ сказано выше, должно бы быть дано въ началѣ учебника, именно въ связи съ ученіемъ о планѣ; здѣсь же понятіе о картѣ могло быть только расширено. Что же касается до разъясненія, какъ нужно понимать карту, то этотъ вопросъ долженъ бы быть изложенъ нѣсколько опредѣленнѣе. Составитель объясняетъ только нѣкоторые знаки, какъ, напримѣръ, штриховку для неровностей, краски для низменностей, возвышенностей, для моря и т. п., но, напримѣръ не дается никакой идеи, какъ надо понимать на картѣ слои высотъ.

Дальнѣйшій отдѣлъ, именно „Обзоръ земной поверхности по глобусу и картѣ", по отношенію къ содержанію имѣетъ похвальную особенность, состоящую въ томъ, что къ этому отдѣлу отнесено разъясненіе о земныхъ поясахъ, о движеніи земли вокругъ солнца, что́ гораздо цѣлесообразнѣе и естественнѣе, чѣмъ это дѣлается въ обыкновенныхъ учебникахъ, гдѣ вопросъ разсматривается въ такъ называемой математической географіи, т. е. при началѣ курса. Къ этому отдѣлу отнесены также такіе вопросы, какъ вѣтры, теченія, распредѣленіе осадковъ; но такъ какъ эти вопросы не легки, то составитель вполнѣ раціонально призналъ ихъ необязательными и напечаталъ мелкимъ шрифтомъ.

Къ особенностямъ этого отдѣла нужно отнести еще слѣдующее: въ обзорѣ поверхности земли по глобусу и картѣ составитель многія географическія названія не поименовываетъ, а посредствомъ вопросовъ заставляетъ самихъ учениковъ отыскивать ихъ на картѣ. Особенность эта, приближающая учениковъ къ главному географическому пособію, весьма цѣнна, и въ методическомъ отношеніи весьма желательно, чтобы обозрѣніе поверхности земли дѣлалось совершенно безъ учебника; но цѣнность ея ослабляется тѣмъ, что такой пріемъ обученія не можетъ быть осуществленъ при многолюдномъ классѣ и, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ многое должно быть возложено на домашнія занятія, успѣха отъ которыхъ не всегда можно ожидать. Къ

тому же на нѣкоторые вопросы ученики, пользуясь картою полушарій и даже атласомъ, не легко могутъ найти соотвѣтствующія названія.

Замѣтимъ слѣдующія неточности: на стр. 55 составитель вновь подтверждаетъ, что озера образуются изъ рѣкъ, наполняющихъ котловины, т. е. разумѣетъ озера котловинныя, но вѣдь есть и много другихъ озеръ, происхожденіе которыхъ другое.

Встрѣчаются неудачныя выраженія: Стр. 57. *Въ полярномъ поясѣ* „лѣтомъ солнце стоитъ очень низко; но зато во время лѣта бываетъ *одинъ* такой день, когда солнце не заходитъ болѣе сутокъ *кружась* надъ горизонтомъ“.

Дальнѣйшій отдѣлъ „Картины природы и жизни людей“ представляетъ 7 коротенькихъ, но интересныхъ статеекъ, составленныхъ самостоятельно и хорошо соотвѣтственно возрасту.

Этнографическому отдѣлу дано неудобное заглавіе „Человѣчество“, но самая статья составлена толково.

За этнографіею слѣдуетъ краткій обзоръ Россіи, по поводу котораго необходимо замѣтить слѣдующее: обзоръ напечатанъ мелкимъ шрифтомъ и, слѣдовательно, считается какъ бы необязательнымъ; но такое мнѣніе автора является совершенно неожиданнымъ. Г. Ивановъ приложилъ къ учебнику карту Европы, въ которой Европейская Россія занимаетъ главную часть и, слѣдовательно, она должна быть использована; во-вторыхъ, въ курсѣ встрѣчается весьма много названій изъ Европейской и Азіатской Россіи и понятно, что эти названія должны быть сгруппированы въ своей картографической связи и, наконецъ, въ 3-хъ, ознакомленіе съ Россіею необходимо въ видахъ нѣкотораго подготовленія къ изученію исторіи. Единственное оправданіе для такого мнѣнія—это недостатокъ времени, но, въ виду этого неизбѣжнаго обстоятельства, необходимо было бы краткій обзоръ Россіи сдѣлать въ болѣе сокращенномъ видѣ, чѣмъ это сдѣлалъ г. Ивановъ; въ настоящемъ же видѣ обзоръ собственно излишенъ для учебника; составленъ онъ, впрочемъ, правильно и изложенъ удобопонятно.

Заканчивается элементарный курсъ 13-ю удачно выбранными краткими разсказами по географіи, каковы: Лавина (по Тиндалю). Восхожденіе на Араратъ (изъ книги А. Н. Нечаева „Между огнемъ и мечомъ“). Горный обвалъ (по Гартвигу). Ураганъ (по Рубакину). На воздушномъ шарѣ (по С. Мечу). Въ Атлантическомъ океанѣ (по Короленко „Безъ языка“). Появленіе вулканическаго острова (по Не-

чаеву). Въ тундрѣ (Д. Кеннана въ изложеніи С. Моча) и проч., и проч.

Какъ сказано уже выше, учебникъ богато снабженъ изящными рисунками и чертежами. Но необходимо сказать, что въ этомъ отношеніи оказывается неравномѣрность: съ одной стороны, много рисунковъ излишнихъ, не требуемыхъ текстомъ и которые только будутъ развлекать вниманіе учащихся, а съ другой стороны, недостаетъ многихъ чертежей и рисунковъ, необходимыхъ для большаго разъясненія ученикамъ даннаго предмета и для наилучшаго укрѣпленія въ его памяти. Такъ, мы находимъ, кромѣ схематическаго чертежа водопада, „Водопадъ въ предгорьяхъ Кавказа", „Пороги Иматры", Ніагарскій водопадъ. Или 2 рисунка прилива и отлива и, сверхъ того, „Морской прибой у Гурзуфа".

Нѣкоторые рисунки, видимо, вызваны не нуждами текста, а желаніемъ популяризировать имя художника, напримѣръ „Карабельная роща", фотографія съ картины Шишкина, „Подходъ къ медвѣжьей берлогѣ" Кившенко, „Первый посѣвъ" Стахевича, „Волга у Сызрани" Каразина, „Урокъ пахаря" Врангеля и т. п. Есть даже рисунки совершенно преждевременные съ педагогической точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, „Послѣдній день Помпеи" Брюлова, „Александровскій мостъ черезъ Волгу". Съ другой стороны, много матеріала остается безъ надлежащаго нагляднаго освѣщенія. Такъ, составитель почему-то не придаетъ никакого значенія идеальному изображенію главныхъ формъ земли, которыя, благодаря изданію Хирта, пріобрѣли всеобщее распространеніе при иллюстраціи физическаго отдѣла учебниковъ. Недостатокъ въ такого рода рисункахъ особенно ощущается въ отдѣлѣ о горахъ: къ этому отдѣлу приложены 5 рисунковъ: Гора Казбекъ, Снѣговая линія на Кавказскихъ горахъ, Ледникъ, Дарьяльское ущелье и Ронскій ледникъ; сверхъ того еще рисунокъ Царевъ курганъ на берегу Волги, но отнесенный къ обозрѣнію равнины. Если взглянуть на учебное значеніе этихъ рисунковъ, то мы увидимъ, что, съ одной стороны, они даютъ реальное знаніе, именно ученикъ узнаетъ, что существуетъ Царевъ курганъ, гора Казбекъ, Дарьяльское ущелье, при чемъ картину Дарьяльскаго ущелья можно видѣть въ музеѣ Императора Александра III, далѣе Ронскій ледникъ; но такого рода реальныя свѣдѣнія не уйдутъ отъ учениковъ, такъ какъ обо всемъ этомъ они узнаютъ въ высшемъ курсѣ географіи и при другой болѣе естественной обстановкѣ. Но въ данномъ же мѣстѣ, т. е. въ элементарномъ курсѣ, прежде всего надо глубже напечатлѣть въ воображеніи

учениковъ картину горъ и ихъ частей, и этому могъ бы служить только такой ландшафтъ, на которомъ ученики могли бы созерцать: цѣпь горъ, подошву, склоны, вершины горъ, долины, не исключая котловинъ, снѣговую область, глетчеръ и т. п. Такой идеальный ландшафтъ объяснялъ бы текстъ, который, какъ сказано выше, не во всѣхъ частяхъ ясенъ.

Сверхъ того, въ видахъ подготовленія къ чтенію карты необходимо бы въ предварительномъ курсѣ дать побольше такихъ рисунковъ, которые изображали бы географическіе объекты на рисункѣ и на картѣ. Правда, авторъ далъ одинъ примѣръ, именно на стр. 23 рисунокъ Везувія, а на стр. 47—планъ его; но этого далеко недостаточно.

Кстати также замѣтить, что подъ многими рисунками составитель дѣлаетъ подписи, которыя могли бы имѣть мѣсто въ оглавленіи или въ другомъ мѣстѣ и которыя не имѣютъ никакого значенія для учащихся, какъ, напримѣръ, обозначеніе имени чертежника, названіе журнала, изъ котораго рисунокъ взятъ, указаніе фотографіи и т. п.

Къ учебнику приложены 2 карты — карта полушарій и карта Европы; карты, за исключеніемъ трехъ, четырехъ мелкихъ неточностей, хорошо составлены, изящны и даже четки, но трудно опредѣлить приложеніе ихъ къ преподаванію: полушарія никакъ не могутъ замѣнить стѣнной карты и глобуса, такъ какъ нѣкоторыя данныя изъ физической географіи, какъ, напримѣръ, горы, рѣки, озера, слишкомъ миніатюрны и, слѣдовательно, не ясны. На картѣ обозначены высоты и глубина морей, но вѣдь это матеріалъ по содержанію курса самый второстепенный. Карта Европы точно также не можетъ имѣть значенія, такъ какъ обозрѣніе Европы въ курсъ не входитъ. Для обозрѣнія Европейской Россіи карта, конечно, полезна, но на первый разъ проходить Россію слѣдуетъ во всякомъ случаѣ по большой стѣнной картѣ. По нашему мнѣнію, было бы цѣлесообразнѣе приложить карты, хотя и нераскрашенныя, въ упрощенномъ видѣ, но такія, которыя бы стояли ближе къ курсу и которыхъ нельзя найти въ атласѣ, какъ, напримѣръ, карта главныхъ горъ, рѣкъ и низменностей, составляющая важную часть рельефа. Другія 2 карты, находящіяся въ текстѣ, хотя и не особенно изящны, но вполнѣ достигаютъ своей цѣли.

Къ сказанному небезполезно еще прибавить, что статьи въ курсѣ не подведены подъ §§; всѣ названія печатаются такимъ же шрифтомъ, какъ остальной текстъ, и такимъ образомъ не выдвигаются; географическіе термины также напечатаны обыкновеннымъ шрифтомъ.

Принимая во вниманіе, что всѣ учебники, составленные по выработанному типу, неминуемо въ первыхъ изданіяхъ не могутъ быть свободны отъ недостатковъ; еще труднѣе требовать совершенства отъ 1-го изданія учебника, прокладывающаго новые пути или новые пріемы при преподаваніи. Учебникъ г. Иванова именно и отличается такимъ характеромъ, поэтому строгое сужденіе о научныхъ, педагогическихъ, или точнѣе, методическихъ достоинствахъ книги едва ли умѣстно, но при рѣшеніи вопроса о примѣненіи этого учебника къ классному употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ должно имѣть значеніе слѣдующее соображеніе: первый предварительный курсъ, какъ сказано уже выше, по преимуществу естественно-историческій и можетъ быть преподанъ съ толкомъ только преподавателемъ натуралистомъ, который въ состояніи распорядиться всѣми вспомогательными учебными пособіями по отношенію къ этому предмету; преподаватель же филологъ, вовсе незнакомый съ естественною исторіею и который можетъ располагать только исключительно географическими пособіями, пройти этотъ отдѣлъ съ пользою для учениковъ едва ли можетъ, а между прочимъ съ нимъ органически связаны всѣ другія части курса.

Учебникъ географіи въ трехъ частяхъ.—I. Краткія свѣдѣнія по математической, физической и политической географіи. — II. Западная Европа.— III. Внѣевропейскія страны.—Съ рисунками и картами.—Составила *Н. С. Мальцева,* преподавательница Пермской Маріинской женской гимназіи. С.-Пб. 1902. Стр. 180. Цѣна. 1 р. 25 коп.

I.

Со стороны содержанія приспособленіе учебника къ женскимъ гимназіямъ выражается только отрицательно, именно: цифры въ немъ доведены до минимума и сокращена также номенклатура, особенно въ физической части географіи. Сверхъ того, предварительныя свѣдѣнія изложены не такъ сжато и отвлеченно, какъ въ другихъ учебникахъ. Но, не смотря на это, въ будущихъ изданіяхъ учебника потребуются перемѣны разнаго рода. Для примѣра укажемъ на слѣдующія:

Стр 23—опредѣленіе лавы, какъ „жидкой массы, состоящей изъ расплавленныхъ металловъ и камней“, лучше замѣнить, напримѣръ, слѣдующими словами:.. жидкой расплавленой массы, которая, при остываніи, принимаетъ видъ и свойства камня.

Стр. 24. Въ текстѣ: „Наибольшая глубина моря немногимъ меньше

высоты величайшихъ горъ на землѣ". Это не вѣрно, такъ какъ самая высокая гора, Гауризанкаръ, имѣетъ 8840 метровъ, а наибольшая извѣстная глубина, къ востоку отъ острова Кермадекъ, на сѣверо-востокѣ отъ Новой Зеландіи, 9427 метровъ.

„Морская вода солена на вкусъ"—морская вода, какъ извѣстно, горькосоленая.

Стр. 30. „Вѣтры приносятъ много вреда, но много и пользы. Вѣтры освѣжаютъ воздухъ... несутъ тепло и холодъ, приносятъ съ моря облака и дождь, они громоздятъ дюны"... Дѣлать оцѣнку такихъ выдающихся явленій природы, какъ вѣтеръ, напримѣръ, по отношенію къ пользѣ ихъ или вреду, въ немногихъ словахъ весьма трудно, такъ какъ при этомъ трудно избѣжать противорѣчій—въ данномъ случаѣ, стремясь представить въ формѣ сжатой, но отчетливой, доказательства пользы вѣтра, авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что вѣтеръ образуетъ дюны, а на стр. 67 мы читаемъ: „Сыпучіе пески дюнъ тоже причинили не мало бѣдствій (въ Голландіи): они засыпали поля и цѣлыя селенія, засоряли русла рѣкъ, и тѣ выходили изъ береговъ".

Какъ извѣстно, дюны могутъ помогать человѣку при борьбѣ его съ моремъ, наступающимъ на берега, но вообще приходится бороться съ самими дюнами.

Стр. 32. „Снѣговая линія въ тропическомъ поясѣ находится на высотѣ 5 верстъ. Въ умѣренныхъ странахъ снѣговая линія ниже". Лучше было бы сказать: въ швейцарскихъ Альпахъ высота снѣговой линіи, въ среднемъ, около $2^1/_2$ верстъ (2780 метровъ), въ тропическихъ странахъ она выше.

Стр. 35. По ходу разсказа видно, что африканское озеро Чадъ (Цадъ) причисляется къ соленымъ озерамъ—это не правильно.

„Теплота и влажность—главныя состоянія атмосфернаго воздуха". Выраженіе неудачное и неточное.

Стр. 37. „Изрѣдка въ пустынѣ встрѣчаются оазы"—еслибъ это было вѣрно, то путешествіе по Сахарѣ, напримѣръ, было бы невозможно.

Стр. 44. Туркестанъ обыкновенно относятъ къ средней, а не къ западной Азіи.

Стр. 53. „Длина берега Европы болѣе, чѣмъ у другихъ частей свѣта". Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о развитіи береговой линіи, а не объ абсолютной длинѣ берега Европы.

Стр. 58. „Рѣки (Швеціи) часто состоятъ изъ сцѣпленія многихъ озеръ“—выраженіе непонятное.

Стр. 97. „Вулканъ Стромболи... служитъ съ давнихъ поръ маякомъ для моряковъ“, не объяснено, почему это относится именно къ Стромболи.

На стр. 137 и 169: берега Африки „поросли лѣсами корнепусковъ“, „низкіе берега“ (австралійскаго залива Карпентарій) „покрыты корнепусками“—слово это не объяснено (мангровыя растенія).

Стр. 139. Въ числѣ африканскихъ животныхъ названы тигры.

Стр. 43. „Государство, которое управляется однимъ или нѣсколькими выбранными лицами, называется республикой“. Гдѣ же республика, управляемая однимъ лицомъ?

Стр. 46. Правленіе въ Россіи называется „монархическимъ неограниченнымъ“; то же самое говорится и о Турціи (на стр. 90). Есть же какое-нибудь различіе?

Стр. 88. Упомянутъ гор. Гермуполисъ на о—вѣ Сирѣ, какъ станція для моряковъ, но не упомянута Плевна, не говоря уже о Шипкѣ и С. Стефано.

Стр. 90. Критъ, наравнѣ съ другими островами, считается зависимымъ отъ Турціи.

Стр. 92. Главный городъ Босніи Сераево названъ Сараево и т. п.

Въ азіатскихъ странахъ, наиболѣе близкихъ къ Россіи, мы находимъ такіе недосмотры.

О городахъ Китая (стр. 117—120) вообще наговорено довольно и въ общемъ вѣрно, но характерные факты не всегда отмѣчены. Напримѣръ, Кантонъ названъ „первымъ городомъ по образованію и промышленности“; послѣднее вѣрно, но центромъ образованія или учености считается Пекинъ; Шанхай намѣченъ вѣрно главнымъ портомъ по иностранной торговлѣ, но не отмѣчено, что онъ главный пунктъ христіанскихъ миссій; указаны города по торговлѣ чаемъ, но опять не отмѣчено, изъ какого города русскіе вывозятъ чай.

Стр. 120. О Мукденѣ сказано, что это „священный городъ династіи“; но не отмѣчено, что онъ служитъ усыпальницею ея.

Не упомянута группа людей „хунхузовъ“, столь вредная для русскихъ въ Уссурійскомъ краѣ и въ Манчжуріи.

Главный городъ Тибета названъ Ляссою, а въ прибавленіи Лхассою вмѣсто Хлассы (стр. 118).

На стр. 121 говорится: „Въ настоящее время въ Японіи стараются заимствовать все европейское: образованность, обычаи, языкъ“

и проч. Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего реальнаго, а слѣдовало бы прямо отмѣтить, что они заимствуютъ то, что усиливаетъ внѣшнее могущество Японіи. Вообще, можно сказать, что о Китаѣ и Японіи сказано довольно, но все изложено такъ, что существенное теряется между менѣе важнымъ; напримѣръ, изъ учебника никакъ нельзя вывести, что чай и шелкъ составляютъ главный предметъ вывоза изъ Китая и Японіи, а опіумъ составляетъ главный предметъ ввоза въ Китай. Точно также учащійся не отвѣтитъ на вопросъ, чѣмъ отличаются по характеру японцы отъ китайцевъ, такъ какъ о китайцахъ сказано, что они трудолюбивы и только, а для характеристики японцевъ ничего нѣтъ, такъ что русскія ученицы не будутъ знать, что японцы и воинственнѣе и храбрѣе китайцевъ.

Впрочемъ, неумѣлость выдвигать центральные факты замѣчается и въ другихъ мѣстахъ; такъ, при обозрѣніи Персіи опущена единственная морская гавань у персовъ въ Персидскомъ заливѣ — Абуширъ.

При обозрѣніи Афганистана сказано, что Кабулъ „мѣстопребываніе эмира", но что Кабулъ служитъ какъ бы ключемъ къ Индіи— ни слова (стр. 130).

При обозрѣніи Аравіи (стр. 135) опущено указаніе на Барейнскіе о—ва, знаменитые во всемъ мірѣ ловлею жемчужныхъ раковинъ, принадлежащіе англичанамъ и, благодаря которымъ англичане утвердили свое господство на Персидскомъ заливѣ, а это немаловажно для русскихъ ученицъ.

Абессинія въ оглавленіи названа королевствомъ, а правитель ея— царемъ.

Такого рода недосмотры встрѣчаются и при обозрѣніи Америки.

Книга снабжена разными приложеніями: картами, чертежами, ландшафтами и типами, такъ что въ этомъ отношеніи ее можно назвать роскошнымъ изданіемъ.

Карты, числомъ 16, могли бы составить атласъ; всѣ онѣ помѣщены на отдѣльныхъ листахъ и раскрашены; по внѣшности производятъ благопріятное впечатлѣніе, но по правильности картографическихъ данныхъ, а равно и по количеству данныхъ, могутъ быть названы только сносными.

Типовъ и ландшафтовъ въ книгѣ такъ много, что они могли бы составить альбомъ, и при томъ альбомъ изящный; но по поводу типовъ надо замѣтить, что они слишкомъ идеализированы и едва ли дадутъ вѣрное представленіе.

Напечатана книга на удовлетворительной бумагѣ хорошимъ четкимъ шрифтомъ. Но нельзя не замѣтить, что строки для учебника слишкомъ длинны и неудобны для гигіены глазъ.

Приложенныя карты страдаютъ схематичностью: это особенно замѣтно, если сравнивать карту распредѣленія дождей въ Европѣ съ такою же картою, составленною для Азіи, гдѣ помѣщена и Европа, но въ меньшемъ масштабѣ—напримѣръ, на первой картѣ линія направляется отъ западнаго берега Эстляндіи къ устью Днѣстра, на второй картѣ соотвѣтствующая линія идетъ отъ устья Наровы къ сѣверо-восточной части Азовскаго моря, и это не единственный примѣръ. Кромѣ того, при составленіи картъ, очевидно, не были приняты во вниманіе болѣе новыя данныя.

Начальный учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *В. Н. Львовъ*. Часть I. Позвоночныя съ 222 рис. Москва. 1902. Стр. II+216. Цѣна 1 р.

Появленіе учебниковъ Мензбира и Львова составляетъ несомнѣнно немаловажное явленіе въ нашей учебной литературѣ. Къ числу достоинствъ книги надо отнести ея научность и отсутствіе ошибокъ, ясное и вразумительное изложеніе, прекрасную внѣшность.

Рисунки почти всѣ являются новыми для учебника средней школы и прекрасно выполненными. Можно возразить развѣ противъ нѣкоторыхъ клише, взятыхъ изъ Беклея и представляющихъ нѣсколько совершенно различныхъ животныхъ на одномъ рисункѣ (рис. 136, 142 и др.). Такія сочетанія далеко не всегда естественны.

Къ числу недостатковъ книги надо отнести небрежность редакціи, а мѣстами и языка, а главное невыдержанность плана или лучше его непонятность. Почему напр. при описаніи лошади имѣется латинское названіе, а при описаніи осла—нѣтъ? (стр. 160 и 162). Почему при описаніи носороговъ тоже имѣется, а при описаніи тапировъ—нѣтъ (стр. 162 и 164). Это же отсутствіе выдержанности плана замѣчается и при описаніи отдѣльныхъ формъ, а также и во всей книгѣ.

Конечно, восходящій порядокъ изложенія является наиболѣе научнымъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы выясненіе морфологическихъ и отчасти физіологическихъ особенностей организма надо было начинать съ окуня, гдѣ приходится встрѣчаться съ такими своеобразными и малопонятными для начинающаго органами, какъ боковая линія, плавательный пузырь и т. п. Не проще ли было бы выяснить основныя понятія на человѣкѣ, а потомъ перейти къ изученію всего

животнаго царства въ восходящемъ порядкѣ, если авторъ является его сторонникомъ? Краткое (4 страницы) введеніе, которое должно выяснить столь трудныя для усвоенія начинающимъ понятія, какъ клѣтка, ткань, раздѣленіе труда, слишкомъ сжато, чтобы быть вразумительнымъ: оно не дастъ ученику почти ничего.

Начавъ рыбъ съ окуня, авторъ идетъ уже въ нисходящемъ порядкѣ и кончаетъ безчерепными, которыхъ къ рыбамъ, конечно, относитъ въ видѣ уступки рутинѣ — уступкѣ, на нашъ взглядъ, совершенно излишней. Амфибіи изложены также въ нисходящемъ порядкѣ, но млекопитающія — въ восходящемъ. Если авторъ по отношенію къ рыбамъ и амфибіямъ имѣлъ въ виду начать съ болѣе извѣстныхъ формъ, то почему онъ не руководился этимъ соображеніемъ по отношенію къ млекопитающимъ и начинаетъ ихъ съ такихъ малоизвѣстныхъ формъ, какъ однопроходныя? Не правильнѣе ли было бы держаться одной какой-нибудь системы? Можно было бы болѣе подробно описать одного представителя класса, а потомъ въ восходящемъ порядкѣ прочія формы. Невыдержанность плана и его сбивчивость надо считать главнымъ недостаткомъ учебника. Отмѣтимъ неудобство введенія въ учебникъ для средней школы біогенетическаго закона (стр. 172). Самый примѣръ, выбранный для его выясненія (рога оленя), не особенно удаченъ даже и для высшей школы.

Неудобны такія шероховатости языка, какъ напр. лягушка съ „выброшеннымъ“ языкомъ (стр. 52). Вообще, если авторъ въ послѣдующихъ изданіяхъ исправитъ указанные недочеты, то мы будемъ имѣть прекрасный учебникъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЗАМѢТКИ О ПОСТАНОВКѢ ПРЕПОДАВАНІЯ ВЪ ВЫСШЕЙ ШКОЛѢ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ [1]).

Англійскій языкъ.

Своеобразность педагогической системы, выработавшейся въ средней школѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ, нигдѣ, быть можетъ, не сказывается такъ сильно, какъ въ постановкѣ преподаванія англійскаго языка. Конечно, своеобразность эта не можетъ въ одинаковой мѣрѣ проявляться въ измѣненіи всѣхъ рѣшительно пріемовъ методики и дидактики родного языка, господствующихъ на континентѣ; въ основѣ своей, конечно, пріемы эти остаются одними и тѣми же; но и только. Не говоря уже про то неуловимое въ постановкѣ преподаванія, что не поддается разложенію на составныя свои части и что называется его духомъ, дальнѣйшее развитіе этихъ основъ, перенесенныхъ въ иныя условія, пошло самостоятельнымъ путемъ и выработало свои особыя, оригинальныя формы. Объ этомъ одинаково свидѣтельствуютъ учебные планы, программы съ объяснительными къ нимъ записками такой выдающейся американской школы, какой нельзя не считать Erasmus Hall high School, и авторитетныя мнѣнія такихъ знатоковъ дѣйствительной постановки учебнаго дѣла въ сѣверо-американской школѣ, какими являются составители доклада десяти. Начать хотя бы съ самой формулировки цѣлей преподаванія англійскаго

[1]) *Продолженіе.* См. августовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

языка въ учебныхъ планахъ Erasmus Hall high School. На нашъ слухъ она звучитъ странно. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ значить a liberal education in the mother tongue (либеральное воспитаніе въ родномъ языкѣ)? Но какова бы ни была сама по себѣ эта формула, можетъ быть, и не вполнѣ удачная, можетъ быть, и не особенно ясная, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что она могла возникнуть только изъ желанія выразить въ одной фразѣ ту особенную роль, которую американскіе педагоги хотятъ придать изученію родного языка для общаго развитія американскаго юношества, и тѣ особенности въ пріемахъ, съ помощью которыхъ они хотятъ достигнуть этой цѣли.

Изъ дальнѣйшаго изложенія, какъ программы Erasmus Hall high School, такъ, главнымъ образомъ, болѣе подробныхъ объяснительныхъ записокъ выясняется, въ чемъ собственно внѣшнимъ образомъ проявляются эти особенности.

Проявляются онѣ, прежде всего, въ томъ вниманіи, съ которымъ относится школа къ усовершенствованію своихъ учениковъ въ искусствѣ владѣть даромъ слова. Школа не довольствуется только тѣмъ, чтобы ученики умѣли свободно выражать свои мысли, но она требуетъ отъ нихъ, чтобы они умѣли оспаривать чужія, умѣли находиться во всѣхъ неожиданностяхъ, возникающихъ на почвѣ оживленнаго обмѣна взаимныхъ мнѣній. Въ этихъ видахъ не только къ тремъ урокамъ, полагающимся въ Erasmus Hall high School на курсъ англійскаго языка (два на изученіе образцовъ англійской литературы, одинъ на сочиненіе и риторику), прибавляется въ I классѣ особый (четвертый) урокъ, посвященный исключительно разговорной рѣчи, но и всячески поощряется развитіе и дѣятельность въ средѣ учениковъ „обществъ преній", такъ какъ искусство убѣждать людей есть то именно искусство, которое является самымъ могущественнымъ оружіемъ въ жизни [1]) и нигдѣ, по мнѣнію школы, нельзя такъ легко и

[1]) Общество преній было устроено при Эразмовской школѣ одновременно съ основаніемъ самой школы, но въ началѣ своей дѣятельности не могло приносить существенной пользы въ виду того, что сама школа, только что организованная, не могла оказывать ему должной поддержки. Развиваясь, однако, вмѣстѣ съ развитіемъ школы. общество настолько окрѣпло, что въ 1898 году могло примкнуть къ союзу обществъ собесѣдованій „Лонгъ Айлэндъ", въ которомъ принимаютъ участіе пять лучшихъ школъ въ Бруклинѣ, и примкнуло не безъ успѣха. Изъ трехъ преній, веденныхъ имъ въ 1899 г., въ двухъ Эразмовское общество было признано побѣдителемъ. Третій споръ былъ веденъ въ ничью. Въ настоящее время (1900 г.) дѣятельность общества продолжаетъ расширяться: не такъ давно въ предметъ его занятій были введены бесѣды и споры на темы безъ приготовленія. Членовъ въ обществѣ числится 40. Предсѣдателемъ состоитъ одинъ изъ преподавателей.

естественно заложить основаніе этому искусству, какъ въ спорахъ товарищеской бесѣды. Школа вообще считаетъ, что она всего лучше исполнитъ свое назначеніе, если изъ ея стѣнъ будутъ выходить не ученики съ одними знаніями, а умственно самостоятельные люди, одинаково готовые и къ самодѣятельности, и къ умѣлому участію въ совмѣстной работѣ съ другими, а потому принципіально покровительствуетъ возникновенію ученическихъ обществъ и братскихъ союзовъ какъ для физическихъ, такъ и умственныхъ совмѣстныхъ упражненій; среди всѣхъ этихъ обществъ особое значеніе придается именно обществу преній.

Затѣмъ, особенность въ постановкѣ англійскаго языка въ Erasmus Hall high School сказывается и на выборѣ темъ для ученическихъ сочиненій. Конечно, такъ же, какъ и вездѣ, на этихъ сочиненіяхъ ученики должны выработать правильный, ясный и простой стиль, но уже то обстоятельство, что ученики сами выбираютъ эти темы, носитъ на себѣ печать національной оригинальности. Стремленіе не стѣснять безъ надобности свободы выраженія личности, предоставлять личность самой себѣ постольку, поскольку это можно, безъ явнаго вреда для дѣла, стремленіе, столь характерное для жизни сѣверо-американской національности вообще, проникло, очевидно, и сюда. Задача учителя при выборахъ темъ сводится только къ тому, чтобы ученики выбирали себѣ темы посильныя, чтобы они писали о томъ, что дѣйствительно знаютъ и что дѣйствительно думаютъ. При разборѣ ученическихъ сочиненій въ низшихъ классахъ преподаватель обращаетъ главное вниманіе на то, чтобы ученики умѣли собирать матеріалъ, располагать его въ должномъ порядкѣ и выражать возникающія на его почвѣ мысли. Впослѣдствіи въ старшихъ классахъ, по мѣрѣ того, какъ ученики знакомятся со всѣми родами литературныхъ произведеній, отъ простого описанія до разсужденія включительно, повышаются и тѣ требованія, которыя предъявляются къ ихъ сочиненіямъ [1]).

Еще рѣзче проявляется своеобразность американской системы преподаванія родного языка въ тѣхъ принципахъ, которые положены въ основу подбора литературныхъ памятниковъ языка, изучаемыхъ въ школѣ. Правда, принципы эти нельзя считать исключительною особенностью средней школы, ею самостоятельно выработанною. Примѣ-

[1]) На каждое полугодіе въ Эразмовской школѣ полагаются по девяти письменныхъ работъ. Размѣры этихъ работъ для учениковъ I класса опредѣляются въ 700 сл., для II въ 1000, для III—1200 и для IV—1400.

нія ихъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ объяснительная записка Бруклинской Эразмовской школы, преподаваніе находится въ зависимости отъ тѣхъ требованій, которыя предъявляются къ поступающимъ на экзаменахъ въ колледжахъ. Но какъ бы тамъ ни было, каковы бы ни были источники ихъ возникновенія, принципы эти особенно характерны для преподаванія англійскаго языка въ средней школѣ.

Англійскій языкъ и англійская литература изучаются не въ нихъ самихъ, а главнымъ образомъ съ точки зрѣнія той пользы, которую они могутъ принести для общаго развитія воспитанниковъ. Количество приносится въ жертву качеству. Изучается не вся англійская литература въ преемственной связи ея образцовыхъ произведеній, въ постепенности ея историческаго развитія отъ начала ея до нашихъ дней, а лишь избранныя произведенія выдающихся писателей по стольку, поскольку они могутъ быть сознательно, а не внѣшнимъ только образомъ усвоены учениками и стать объектомъ ихъ умственной самодѣятельности. Избираются при томъ эти сочиненія не съ тѣмъ расчетомъ, чтобы изъ нихъ составился законченный циклъ при условіи прохожденія ученикомъ всего курса high School, а съ тѣмъ, чтобы сочиненія, изучаемыя въ каждомъ отдѣльномъ классѣ, образовывали самостоятельное цѣлое, доступное, съ одной стороны, пониманію учениковъ на томъ умственномъ уровнѣ, на которомъ они соотвѣтственно находятся, съ другой стороны, достаточно характеристичное для главнѣйшихъ теченій англійской литературы. Сочиненія, изучаемыя съ учениками въ классѣ, разсматриваются прежде всего какъ орудія для ихъ умственнаго воспитанія [1]).

---

[1]) Въ I и II классѣ полагается изучать не менѣе трехъ литературныхъ произведеній въ полугодіе, въ III и IV — требованія повышаются. Для характеристики этого подбора литературныхъ образцовъ можетъ служить слѣдующій списокъ сочиненій, принятый въ Erasmus hall high School.

I классъ. 1-е полугодіе.

Tennyson's Enoch Arden,
Scott's Ivanhoe,
Howthorne's Snow Image,
Longfellow's Court schip of Miles Standish.

2-ое полугодіе.

Dicken's Christmas Stories,
Shakespeare's Julius Caesar,
Arnold's Zohrab and Rustem,
Cooper's Last of the Mohicans.

Для того однако, чтобы то общее развитіе учениковъ, которое прежде всего составляетъ цѣль курса англійскаго языка, шло рука объ руку съ литературнымъ ихъ развитіемъ, преподаваніе въ первыхъ трехъ классахъ средней школы (high School) (наши V—VII) обращаетъ большое вниманіе и на изученіе избранныхъ сочиненій также съ литературной точки зрѣнія. Сочиненія разбираются въ классѣ съ точки зрѣнія: а) языка, значенія словъ и мыслей, свойствъ слога и наиболѣе важныхъ изъ стилистическихъ фигуръ; б) плана сочиненія, его строенія и метода; в) того мѣста, которое занимаетъ изучаемое сочиненіе въ литературѣ, обстоятельствъ его возникновенія и жизни автора. Въ тѣхъ же цѣляхъ литературнаго воспитанія ученикамъ предлагается обязательно заучивать наизусть избранные отрывки изъ разбираемыхъ въ классѣ сочиненій. Если самостоятельности учениковъ въ изученіи ими англійской литературы въ первыхъ трехъ классахъ предоставляется сравнительно широкій просторъ, то въ IV классѣ на эту самостоятельность главнымъ образомъ и опирается преподаваніе. Методъ, принятый для IV класса, характеризуется словомъ „лабораторный". Пре-

---

II классъ. 1-ое полугодіе.

Carlyle's Essay on Burns, Burns Poems,
Shakespeare's Merchant of Venice, Dickens Tale of two Cities.

2-ое полугодіе.

Coleridge's Ancient Mariner, Elliot's Silas Marner,
Homer's Ilias, Shakespeare's As you like it.

III классъ. 1-ое полугодіе.

Addison's Sir Roger de Coverley's Papers, Tennyson's Princess,
Milton's Lyrics, Macaulay's Essays on Milton and Addison.

2-ое полугодіе.

Burke's Speech on conciliation, Shakespeare's Macbeth,
Lowell's Vision of sir Launfal, Goldsmith's Vicar of Wakefield.

IV классъ.

Семинаріи по англійскому языку (Laboratory Work).

Кромѣ сочиненій, которыя служатъ предметомъ обстоятельнаго изученія въ классѣ, отъ учениковъ требуется и домашнее чтеніе. Не стѣсняя въ этомъ случаѣ особенно выбора, дѣлаемаго самими учениками, и поощряя ихъ къ чтенію книгъ даже фантастическаго содержанія, школа тѣмъ не менѣе придаетъ большое значеніе контролю преподавателей надъ ученическимъ чтеніемъ. Отчетъ о прочитанномъ и о томъ, какъ оно было ими понято, ученики въ низшихъ классахъ даютъ устный, а въ IV даже письменный.

подаватель въ краткой и простой бесѣдѣ даетъ очеркъ исторіи англійскаго языка и литературы. Слушая эти бесѣды, ученики должны извлечь изъ нихъ существенное и записать эти извлеченія въ свои тетради, потомъ, на основаніи сдѣланныхъ замѣтокъ и данныхъ преподавателемъ указаній, должны самостоятельно разработать предметъ бесѣды въ библіотекѣ. Они должны сами пополнить свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ классѣ, ознакомясь по источникамъ съ жизнію и произведеніями тѣхъ писателей, про которыхъ говорилось въ классной бесѣдѣ. Разъ курсъ доходитъ до одного изъ тѣхъ писателей, основательное знаніе произведеній котораго требуется для поступленія въ колледжи, историческое изученіе языка и литературы пріостанавливается и вниманіе учениковъ сосредоточивается на болѣе полномъ изученіи этого писателя и той эпохи, когда онъ жилъ. На разработку сюда относящихся источниковъ и пособій ученикамъ дается отъ трехъ до четырехъ недѣль. Каждому изъ нихъ указывается одинъ изъ тѣхъ частныхъ вопросовъ, на которые разлагается данная тема, и по этому вопросу ученикъ долженъ подготовиться добросовѣстно. Такъ, біографія писателя, характеристика какъ его самого, такъ и того времени, когда онъ жилъ, и того общества, въ которомъ вращался, должны быть составлены настолько обстоятельно, чтобы ихъ можно было прочесть въ классѣ. Ознакомившись со всѣми произведеніями изучаемаго писателя, отдѣльные ученики должны изъ нихъ извлечь все то, что представляется характернымъ какъ для самого писателя, такъ и для того образцоваго произведенія, знаніе коего признается обязательнымъ для всѣхъ учениковъ. Сдѣланныя съ этой точки зрѣнія выборки прочитываются работавшими надъ ними учениками въ классѣ, или цѣликомъ, или въ сокращеніи. Когда такимъ образомъ путемъ совокупной работы выяснится въ умахъ учениковъ то мѣсто, которое занимаетъ изучаемое образцовое произведеніе въ ряду другихъ, когда вырисуется духовный обликъ его автора и характерныя черты его времени, образцовое произведеніе читается вновь въ классѣ и подвергается всестороннему обсужденію; въ преніяхъ, возникающихъ по его поводу, принимаетъ участіе весь составъ учениковъ.

Поставленный на такихъ основаніяхъ курсъ англійскаго языка въ высшей школѣ является внутренно объединеннымъ. Онъ, по мнѣнію составителя объяснительной записки, приготовляетъ учениковъ въ одинаковой мѣрѣ какъ къ жизни, такъ и къ колледжу; ученикъ пріобрѣтаетъ знаніе того, что есть лучшаго въ литературѣ, бѣглость пера и легкость изустнаго изложенія мыслей.

Насколько можно судить по докладу десяти [1]), постановка преподаванія англійскаго языка въ Бруклинской Эразмовской школѣ очень близко подходитъ къ тому, что въ докладѣ этомъ выставляется, какъ идеалъ такого преподаванія. Разница сводится, главнымъ образомъ, къ числу уроковъ, каковыхъ въ Бруклинской школѣ 13 и каковыхъ докладъ желалъ бы имѣть 20, по пяти въ каждомъ классѣ, т. е. около 800 уроковъ за весь курсъ; изъ нихъ въ общей сложности 480 уроковъ на исторію литературы, 240 на сочиненія, 40 на стилистику въ III классѣ и 40 на историческую и систематическую грамматику въ IV классѣ. Но цѣли остаются тѣ же, то же требованіе, предъявляемое къ преподаванію, чтобы оно 1) научило ученика понимать мысли, выраженныя другими, и выражать собственныя; 2) развило въ немъ любовь къ чтенію, дало ему *нѣкоторое знакомство* съ образцовыми литературными произведеніями и сдѣлало его способнымъ къ дальнѣйшему самостоятельному развитію этого знакомства (X. 88). Точно такъ же, какъ и въ Эразмовской школѣ, за исторіей англійской литературы въ курсѣ англійскаго языка признается значеніе только служебное. Въ особенности возстаетъ докладъ десяти противъ механическаго пользованія учебникомъ англійской литературы, считая, что простое запоминаніе именъ и датъ ничего общаго съ умственнымъ развитіемъ ученика имѣть не можетъ. Высказываясь за то, чтобы въ низшихъ трехъ классахъ свѣдѣнія изъ исторіи литературы сообщались попутно съ изученіемъ ими отдѣльныхъ произведеній въ цѣляхъ лучшаго уясненія внутренняго содержанія послѣднихъ, докладъ десяти для IV класса, впрочемъ, признаетъ желательнымъ, чтобы преподаватель производилъ съ учениками опытъ обзора исторіи англійской литературы въ ея цѣломъ и установленія связи между отдѣльными ея періодами, извѣстными ученикамъ. Но при этомъ ставится непремѣннымъ условіемъ, чтобы обзоръ этотъ только разъяснялъ, а не замѣнялъ самые литературные образцы, располагаемые въ хронологическомъ порядкѣ. Если, дѣйствительно, центръ тяжести въ изученіи англійской литературы будетъ перенесенъ на самыя литературныя произведенія, то тогда, по мнѣнію доклада десяти, преподаваніе безъ особой опасности можетъ разрѣшить ученикамъ пользоваться краткимъ учебникомъ исторіи литературы, какъ справочной книгой.

Извлекая, такимъ образомъ, изъ исторіи англійской литературы для школьнаго преподаванія только то, что можетъ дѣйствительно сдѣ-

[1]) Стр. 20, 21 и 86—95.

латься объектомъ умственной самодѣятельности учащихся, докладъ десяти стоитъ на той же точкѣ зрѣнія и при обсужденіи вопроса о преподаваніи въ средней школѣ исторической грамматики англійскаго языка. Принимая во вниманіе отсутствіе хорошихъ учебниковъ съ одной стороны, съ другой имѣя въ виду тотъ уровень, на которомъ находятся познанія самихъ преподавателей, докладъ считаетъ несвоевременнымъ введеніе въ среднюю школу систематическаго курса исторической грамматики англійскаго языка. Докладъ полагаетъ, что, не зная англо-саксонскаго и средневѣковаго англійскаго языка, ученики немного могутъ вынести изъ изученія фонетики и морфологіи современнаго англійскаго языка съ точки зрѣнія историческаго его развитія. Точно также признаетъ докладъ, что мало можетъ имъ принести пользы разсмотрѣніе синтаксическихъ явленій языка въ связи съ тѣми постепенными измѣненіями, которымъ онъ подвергался въ разные періоды его развитія, разъ эти измѣненія остаются имъ неизвѣстными. Но, выражая сомнѣніе въ пользѣ курса исторической грамматики англійскаго языка въ его цѣломъ, составители доклада думаютъ однако, что отдѣльныя ея части могутъ быть съ пользою изучаемы въ выпускномъ классѣ высшей школы, ибо знаніе исторіи языка, хотя бы въ небольшихъ размѣрахъ, не можетъ не быть полезнымъ какъ для тѣхъ учениковъ, которые не идутъ дальше высшей школы, такъ и для тѣхъ, кто готовится къ поступленію въ колледжи. Кромѣ указанныхъ отдѣловъ исторической грамматики, какъ указано въ докладѣ, есть и другіе, которые могутъ быть съ пользою изучаемы въ томъ даже случаѣ, если ученики не знаютъ не только древне-англійскаго языка, но и ни одного изъ другихъ новыхъ языковъ. Сюда относятся:

I. „Исторія и географія народностей, говорящихъ поанглійски“, постольку, поскольку она можетъ служить объясненіемъ развитія англійской рѣчи.

II. „Фонетика“ съ точки зрѣнія того значенія, которое имѣютъ гласныя и ихъ измѣненія въ англійскомъ языкѣ по сравненію съ вокальною системою другихъ языковъ.

III. „Элементарное ученіе о суффиксахъ, префиксахъ и объ образованіи словъ“ не столько въ видахъ ознакомленія учащихся съ подробностями частныхъ случаевъ, сколько, какъ иллюстрація на примѣрахъ принциповъ историческаго развитія языка.

IV. „Элементы англійскаго словаря“ въ зависимости отъ познаній ученика въ другихъ языкахъ: латинскомъ, французскомъ и нѣмец-

комъ и ихъ свѣдѣній о политическомъ, соціальномъ, умственномъ и и религіозномъ развитіи англійской расы.

V. „Измѣненіе значенія словъ“, съ коими учениковъ должно знакомить не систематически, а попутно съ интерпретаціей литературныхъ памятниковъ.

Что касается собственно до того, на какихъ основаніяхъ долженъ дѣлаться выборъ образцовъ литературы для школьнаго преподаванія, докладъ десяти высказываетъ взгляды, нашедшіе себѣ примѣненіе въ программѣ по англійскому языку въ Бруклинской школѣ. Докладъ требуетъ, чтобы образцы для каждаго класса были подобраны такъ, чтобы обнимать, насколько это возможно, всю англійскую литературу отъ царствованія Елизаветы до настоящаго времени въ наиболѣе характерныхъ ея теченіяхъ. По своему содержанію они должны быть таковы, чтобы ученики могли читать ихъ самостоятельно на дому, ибо только ограниченное число ихъ можетъ быть прочитано въ классѣ подъ руководствомъ преподавателя. Рядомъ съ обязательнымъ чтеніемъ всемѣрно должно быть поощряемо и чтеніе дополнительное, въ каковомъ ученики должны давать отчетъ преподавателю, или устный, или письменный.

На прочитанномъ или на изучаемомъ въ школѣ должны основываться и ученическія сочиненія. Докладъ десяти не признаетъ иныхъ темъ, кромѣ тѣхъ, которыя въ связи съ тѣмъ, что ученикъ дѣйствительно знаетъ, или съ тѣмъ, о чемъ у него могутъ быть *дѣйствительно свои мысли*. Ибо искусство писать только для искусства писать само по себѣ никакой цѣны имѣть не можетъ. Поэтому хотя стилистика и стоитъ въ программѣ III класса, какъ отдѣльный предметъ, но она не изучается въ ней самой и для нея самой, а является лишь, какъ обобщеніе уже раньше собраннаго при чтеніи образцовъ матеріала и тѣхъ указаній, которыя давались ученикамъ при писаніи ими сочиненій (X, 94, 95).

Чтобы дать понятіе о результатахъ, достигаемыхъ преподаваніемъ англійскаго языка, прилагаю нѣсколько темъ для ученическихъ работъ, которыя были на выставкѣ, а затѣмъ одно сочиненіе, которое было признано въ выпускномъ классѣ образцовымъ, и какъ таковое напечатано въ Молденскомъ юбилейномъ сборникѣ.

1) Жизнь Роджерса среди индѣйцевъ. I кл. 1 сем. 17 нед. обуч. Ученикъ 15 л. 8 мѣс. [1]).

[1]) Довольно милое и простое переложеніе прочитаннаго.

2) Польза лилін. I кл. 1 сем. 17 нед. обуч. Ученикъ 15 л. 8 мѣс.

3) Четыре недѣли въ гостяхъ. I кл. 1 сем. 17 нед. обуч. Ученикъ 16 л.

4) Мечта. II кл. 1 сем. 8 нед. обуч. Ученикъ 16 л. [1]).

5) William Cullen Bryant съ фотографіями и рисунками, очень обширное сочиненіе. III кл. 1 сем. 18 нед. обуч. Ученикъ 17 л. 6 мѣс.

6) Арабская улица. I кл. 1 сем. 18 нед. обуч. Ученикъ 15 л. 2 мѣс.

7) Садъ Эноха Ардена. I кл. 1 сем. 18 нед. обуч. Ученикъ 14 л. 11 мѣс.

8) Дора. II кл. 2 сем. 17 нед. обуч. Ученикъ 17 л. 6 мѣс.

9) Авторъ Давида Harum. III кл. 2 сем. 20 нед. обуч. Ученикъ 16 л. 7 мѣс.

10) Зимнія удовольствія. III кл. 2 сем. 20 нед. обуч. Ученикъ 17 л. 10 мѣс.

11) Характеристика друга. II кл. 2 сем. 18 нед. обуч. Ученикъ 16 л. 9 мѣс.

12) Sir Walter Scott съ портретами и видами, біографія, характеристика, перечисленіе произведеній, критика стиля, источники [2]). IV кл.

Образецъ ученическаго сочиненія въ выпускномъ классѣ на тему: Ричардъ III.

---

[1]) Написано недурно и коротко, иллюстрировано рисунками, сдѣланными карандашемъ. Благодаря совершенно особой постановкѣ рисованія въ американской школѣ и тѣмъ требованіямъ, которыя къ нему предъявляются, ученики въ состояніи пользоваться имъ, какъ средствомъ къ болѣе точному и легкому усвоенію свѣдѣній и по другимъ предметамъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы они всѣ рисовали одинаково хорошо, но во всякомъ случаѣ всѣ рисуютъ достаточно для достиженія практическихъ цѣлей, согласно которымъ рисованіе должно помогать прохожденію учебнаго курса по всѣмъ предметамъ, а не стоять совершенно обособленно. Въ этой утилитарности постановки рисованія—его сильная и слабая стороны. Сильная, потому что оно становится необходимымъ для каждаго ученика; слабая, потому что, въ видахъ скорѣйшаго достиженія утилитарныхъ цѣлей, оно не можетъ изучаться строго систематически.

[2]) Life of Walter Scott by I. G. Lockhart.
Sir Walter Scott by Hutton.
Domestic manners and private life of Sir Walter Scott by I. Hogg.
Miscellanies by Washington Irving
" by Thomas Carlyle.
Lands of Scott by Hunnewele.

„Одна изъ причинъ, почему трагедія—Ричардъ III всѣми такъ много читается и такъ высоко ставится, есть та, что она въ главныхъ своихъ частяхъ вѣрна исторіи. Читая ее и вспоминая, что всѣ эти ужасныя преступленія были дѣйствительно совершены, мы испытываемъ больше интереса, чѣмъ если бы они были вымышлены.

Трагедія Ричардъ III точно такъ же, какъ трагедія Юлій Цезарь, изображаетъ дурныя послѣдствія честолюбія; это великій урокъ нравственности. Ричардъ III, герой ея, дурной человѣкъ, дерзкій, честолюбивый, коварный, жестокій и лицемѣрный. Въ „Генрихѣ VI“ мы получаемъ о немъ понятіе. Онъ самъ говоритъ про себя: „у меня нѣтъ братьевъ, и потому я не таковъ, какъ люди, имѣющіе братьевъ. Такъ пусть же это слово любовь, которое старцы называютъ божественнымъ, пусть живетъ оно въ тѣхъ, кто подобенъ другъ другу. А я стою особнякомъ“.

Первая рѣчь Ричарда, въ которой онъ говоритъ о своей рѣшимости сдѣлаться злымъ, предсказываетъ зло для всей страны. Причина, которой онъ объясняетъ то, что сталъ злымъ, есть его безобразіе; но я думаю, что если бы онъ и не былъ уродливъ, онъ сталъ бы такимъ же злымъ и коварнымъ. Онъ говоритъ, что онъ безобразенъ, что для него не можетъ быть счастливыхъ дней, но развѣ Анна не говоритъ:

„Въ такое короткое время мое женское сердце плѣнилось его медовыми рѣчами и стало проклятіемъ для моей души“.

Это показываетъ, что хотя наружность его и не была привлекательна, но не таково было его обхожденіе, и онъ могъ побѣдить женское сердце. Ричардъ побѣждалъ каждаго и имѣлъ успѣхъ во всякомъ предпріятіи благодаря силѣ своей воли и рѣшительности.

Лицемѣріе Ричарда ясно выступаетъ, когда онъ идетъ на встрѣчу лондонскому лорду мэру съ молитвенникомъ въ рукахъ и съ двумя епископами по сторонамъ. То же его свойство проявляется слѣдующими его словами:

„Я не знаю ни одного англичанина въ живыхъ, къ которому у меня въ душѣ была бы хоть тѣнь вражды, не больше какъ у младенца, родившагося въ эту ночь. Благодарю Бога за свое смиреніе“.

Его жестокость извѣстное свойство. Когда Бьюкингэмъ его спрашиваетъ:

„А теперь, государь, что намъ дѣлать, если мы увидимъ, что лордъ Гастингсъ не поддастся намъ?“ Ричардъ холодно отвѣчаетъ:

„Отрубите ему голову“.

Хотя въ Ричардѣ много дурного, но у него есть и хорошее. Онъ храбръ, настойчивъ, энергиченъ и искусенъ. Я помню, что я недавно читала, что его мужество и искусство сдѣлали бы изъ него великаго и достойнаго человѣка, если бы они не были омрачены крайней жестокостью и беззастѣнчивостію совѣсти, и не направлены на зло смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ ту эпоху, когда онъ жилъ, и его близостію къ престолу.

Ричардъ отличается отъ Макбета. Если онъ рѣшился на что-нибудь, онъ уже не колеблется, но остается вѣрнымъ своему рѣшенію. Тѣмъ не менѣе дурныя свойства въ немъ преобладаютъ. Я думаю, что тоньше всего онъ описанъ словами его матери, герцогини Іоркской:

Ты въ дѣтствѣ былъ и золъ и своеволенъ;
Ты отрокомъ былъ дерзокъ и суровъ;
Горячую и бѣшеную юность
Ты пережилъ и, возмужавъ, явился
Коварнымъ, гордымъ, хитрымъ, кровожаднымъ.
Чѣмъ кротче ты на видъ, тѣмъ злѣе,
Скрывая злость подъ мнимой добротой.

Человѣкъ дѣйствительно долженъ быть хитеръ и кровожаденъ для того, чтобы убить двухъ молодыхъ принцевъ; трагедія—самая ужасная изъ всѣхъ, которыя знаетъ исторія. Кромѣ убійства двухъ невинныхъ принцевъ, Ричардъ былъ причиною смерти девяти другихъ лицъ. Но возмездіе составляетъ урокъ нравственности въ этой трагедіи, и Ричардъ, въ концѣ концовъ, побѣжденъ въ бою. Это кажется черезчуръ почетнымъ концомъ для такого убійцы, и я думаю, если бы его постигло одиннадцать смертей, за каждаго изъ убитыхъ по одной, онъ и то бы не былъ достаточно наказанъ".

Нельзя сказать, чтобы сочиненіе это съ нашей точки зрѣнія отличалось особыми достоинствами. Незамѣтно въ авторѣ умѣнія дать стройное и цѣльное развитіе темы. Переходъ отъ одной части къ другой дѣлается въ высшей степени неискусно и страдаетъ не только съ стилистической, но иногда и съ логической точки зрѣнія. Самое содержаніе, хотя и свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ познакомился съ тѣми трагедіями, на основаніи которыхъ составляетъ характеристику Ричарда III, но не отличается тонкостію анализа. Но если съ этой точки зрѣнія сочиненіе оставляетъ желать лучшаго, то, съ другой стороны, оно несомнѣнно показываетъ, что у его автора вырабатывается свое нравственное міровоззрѣніе и устанавливается свой взглядъ на вещи. Въ этомъ отношеніи ему уступаютъ наши выпускныя сочи-

пенія, хотя во всемъ остальномъ, въ количествѣ знаній, въ умѣніи располагать ихъ въ должной послѣдовательности, въ искусствѣ выраженія мысли они его значительно превосходятъ.

Впрочемъ, судя по другимъ ученическимъ сочиненіямъ, которыя мнѣ приходилось читать, а также на основаніи письменныхъ работъ по такимъ предметамъ, какъ исторія, географія и естественныя науки, мнѣ кажется даже, что для юбилейнаго Молденскаго сборника избранное сочиненіе неудачно, что его нельзя считать показателемъ высшихъ результатовъ, достигаемыхъ преподаваніемъ англійскаго языка въ средней школѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Во всякомъ случаѣ, судить о достоинствахъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ оно построено, можно будетъ только тогда, когда, согласно съ желаніемъ десяти, будетъ соотвѣтствующимъ образомъ увеличено число уроковъ англійскаго языка. Пока же можно только сказать, что принципы эти въ высшей степени характеристичны для американской школы, гдѣ все преподаваніе стремится опереться, прежде всего, на „умственную самодѣятельность учащихся", гдѣ курсы предметовъ располагаются такъ, чтобы быть одновременно приспособленными къ постепенному развитію ихъ духовныхъ силъ и представлять изъ себя по возможности законченное цѣлое. Въ частности любопытенъ съ этой точки зрѣнія взглядъ программъ на историческую грамматику англійскаго языка, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ. Въ нашей школѣ оно можетъ идти въ параллель съ грамматикой церковнославянскаго языка. Ея изученіе признается полезнымъ лишь постольку, поскольку оно можетъ вестись на основаніи тѣхъ фактовъ, съ которыми ученики дѣйствительно или освоились или могутъ освоиться, а не тѣхъ, знаніе которыхъ прививается ученикамъ искусственно, и которые поэтому для ихъ развитія иного значенія, кромѣ преходящаго, имѣть не могутъ.

П. Погодинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ МАТВѢЕВИЧЪ ЛАЗАРЕВСКІЙ.

(1834 † 1902 г.).

(некрологъ).

31-го марта текущаго года скончался въ Кіевѣ извѣстный историкъ Малороссіи Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій. Это настолько крупная потеря для науки русской исторіи, что я считаю своимъ долгомъ напомнить вкратцѣ о его научныхъ заслугахъ.

Александръ Матвѣевичъ былъ родомъ изъ Конотопскаго уѣзда Черниговской губерніи и происходилъ изъ старинной малороссійской казацкой фамиліи: прадѣдъ его былъ Конотопскій казакъ. Воспитывался Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій въ Петербургскомъ университетѣ, который и окончилъ по историко-филологическому факультету, затѣмъ занималъ самыя разнообразныя должности, но жилъ преимущественно въ Черниговѣ и Полтавѣ, а съ 1880 года проживалъ въ Кіевѣ и былъ членомъ судебной палаты. Уже въ университетѣ у него проявился духъ научной пытливости: будучи студентомъ въ 1858 г., онъ напечаталъ „Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края"—это драгоцѣнный и въ настоящее время библіографическій списокъ книгъ и журнальныхъ статей по исторіи, словесности, географіи и этнографіи Малороссіи, для составленія котораго нужны были продолжительныя, усидчивыя занятія въ Императорской публичной библіотекѣ, увлеченіе предметомъ и любовь къ своему родному краю и народу. Такая любовь, чистая, безкорыстная, идеально возвышенная, какъ у многихъ другихъ дѣятелей 60-хъ годовъ, осталась у него на всю жизнь—она была главнымъ импульсомъ для его ученыхъ работъ въ области малорусской исторіи, она одухотворяла эти

работы и придавала имъ особенную жизненность и цѣну. Любя народъ, Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій съ любовью изучалъ и его прошлое и старался собрать матеріалы для *сельской* исторіи Малороссіи. Въ предисловіи къ одной изъ своихъ работъ, посвященной исторіи селъ родного ему Конотопскаго уѣзда, онъ писалъ: „русская сельская исторія вообще крайне бѣдна фактическими свѣдѣніями, такъ какъ постоянно заслоняется одними крупными фактами исторической жизни народа. Вслѣдствіе же бѣдности сельской исторіи остаются неизвѣстными многіе факты изъ народной жизни, безъ которыхъ не будетъ возможно полное уразумѣніе тѣхъ темныхъ или свѣтлыхъ сторонъ, которые представляются въ настоящемъ положеніи нашихъ селъ". И онъ всю жизнь, съ необычайнымъ усердіемъ, собиралъ матеріалы для исторіи малорусскаго народа, опубликовывалъ ихъ въ разныхъ изданіяхъ, пользовался ими для своихъ изслѣдованій, монографій и замѣтокъ. Состоя на службѣ въ Черниговской губерніи, онъ обратилъ серьезное вниманіе на всѣ мѣстные архивы, содержавшіе обильный матеріалъ для внутренней бытовой исторіи лѣвобережной Малороссіи XVIII и отчасти XVII вѣка. Чтобы составить себѣ понятіе о важности этихъ архивовъ, достаточно вспомнить, что въ нихъ хранились дѣла важнѣйшихъ старинныхъ малороссійскихъ учрежденій—генеральнаго войсковаго суда, генеральной войсковой канцеляріи, малороссійской коллегіи, намѣстническаго правленія, а также знаменитая Румянцевская опись Малороссіи; въ архивѣ дворянскаго собранія Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій нашелъ генеалогическія данныя о мѣстныхъ дворянскихъ родахъ, а въ архивѣ казенной палаты—монастырскіе акты. Но состояніе этихъ архивовъ было печальное. Часть архива Малороссійской коллегіи хранилась, напримѣръ, въ такъ называемомъ Мазепиномъ домѣ, гдѣ, по свидѣтельству очевидца, было три, такъ сказать, климата: въ нижнемъ подвальномъ этажѣ—холодный и сырой, во 2-мъ—умѣренный, а въ третьемъ—жаркій и сухой. Въ подвальномъ дѣла портились отъ сырости, а когда ихъ переносили для просушки въ третій этажъ подъ раскаленную отъ солнца крышу, тамъ они коробились и приходили еще въ худшее состояніе. Знаменитый архивъ Малороссійской коллегіи, заключавшій основной матеріалъ для внутренней бытовой исторіи Малороссіи въ XVIII в., также находился въ пренебреженіи, былъ мало доступенъ для занятій (хранился при Черниговскомъ губернскомъ правленіи) и постепенно уменьшался въ своемъ объемѣ. Драгоцѣнный историко-статистическій памятникъ—Румянцевская опись Малороссіи хранилась въ казенной палатѣ и не

обращала на себя ничьего вниманія. Въ архивѣ казенной палаты и дворянскаго депутатскаго собранія находились любопытные матеріалы для исторіи мѣстныхъ дворянскихъ родовъ и монастырскаго землевладѣнія, но и они не подвергались изученію. Перейдя на службу въ Полтаву, онъ съ такимъ же вниманіемъ изучилъ полтавскіе архивы и впослѣдствіи пользовался ихъ матеріалами для своихъ работъ.

Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій, можно сказать, открылъ для науки новые источники, а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлую область нашего историческаго прошлаго—*исторію лѣвобережной Малороссіи* съ точки зрѣнія ея внутренняго быта и строя. Всю жизнь свою онъ посвятилъ ея разработкѣ и оставилъ въ ея исторіографіи глубокій, неизгладимый слѣдъ. По справедливости онъ считался первымъ, наиболѣе авторитетнымъ спеціалистомъ въ этой области и сдѣлалъ для нея болѣе, чѣмъ кто другой. Не занимая каѳедры, не имѣя возможности всецѣло отдаться научному труду, занимая должности, не имѣвшія никакого отношенія къ педагогической дѣятельности, Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій, тѣмъ не менѣе, создалъ школу молодыхъ историковъ лѣвобережной Украйны, которая шла по его слѣдамъ и на обязанности которой будетъ продолжать его работу.

Его заслуга въ дѣлѣ изученія источниковъ и разработки исторіи лѣвобережной Малороссіи особенно велика, потому что на первыхъ порахъ онъ долженъ былъ дѣйствовать лично, почти одиноко, безъ содѣйствія учрежденій и ученыхъ обществъ. Въ то время, какъ архивные матеріалы для исторіи правобережной Малороссіи были сосредоточены въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ и издавались Кіевской временной коммиссіей, документы по исторіи лѣваго берега Днѣпра—нынѣшней Черниговской и Полтавской губерніи — были разсѣяны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, и дѣло изданія ихъ было сопряжено съ непреодолимыми затрудненіями. Такимъ образомъ, А. М. Лазаревскому приходилось въ одно и то же время и разыскивать матеріалы, и разрабатывать ихъ съ научною цѣлью. Это обстоятельство должно было отразиться извѣстнымъ образомъ и на характерѣ его работъ — въ большинствѣ случаевъ онѣ представляютъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и сборниками матеріаловъ; но зато всѣ онѣ отличаются необыкновеннымъ богатствомъ фактическаго содержанія, освѣщаемаго комментаріями глубокаго спеціалиста и знатока.

На знакомствѣ съ черниговскими архивами основанъ рядъ его замѣтокъ и статей, помѣщенныхъ въ Черниговскихъ губ. вѣд. и Черни-

говскомъ листкѣ. Кромѣ того, къ 60-мъ годамъ относятся слѣдующія болѣе выдающіяся его статьи: Запорожье въ концѣ XVIII в., современная записка (въ архивѣ Калачова); Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводимую Конисскимъ (въ „Основѣ"); Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и шпиталяхъ въ XVIII в. (въ „Основѣ); Конотопская старина (въ „Памятной книжкѣ Черниговской губ."); Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783)—историко-юридическій очеркъ по архивнымъ источникамъ (въ Зап. Черн. губ. стат. ком., вып. I, 1—152 стр.); Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи (въ Черниговскихъ губ. вѣд. и отдѣльно; А. М. Лазаревскому принадлежатъ вып. 1-й, 2-й и часть 3-го); Описаніе Черниговскаго намѣстничества Пащенка (въ Зап. Черниговской губ. стат. ком. и отдѣльные оттиски); Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ въ Черниговской губ. (въ Зап. Черниговской губ. стат. ком. и отдѣльные оттиски)—здѣсь помѣщены свѣдѣнія о Бокуринскихъ, Бобыряхъ, Богушахъ, Бороздпахъ, Борсукахъ, Бугаевскихъ, Бутовичахъ, Валькевичахъ.

Какъ видимъ изъ этого перечня, одни изъ этихъ трудовъ представляютъ изъ себя матеріалы, извлеченные изъ архивовъ, другіе—самостоятельную обработку архивныхъ данныхъ. Изъ первыхъ работъ выдается „Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи"; это—первая попытка познакомить ученый міръ съ этимъ замѣчательнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно обширнымъ памятникомъ, состоящимъ изъ многихъ тысячъ листовъ. Одно ознакомленіе съ этимъ источникомъ должно было потребовать огромнаго труда. Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій издалъ только въ сущности какъ бы указатель къ этому источнику, съ приложеніемъ немногихъ документовъ: наиболѣе обширная часть матеріаловъ—подворныя статистическія свѣдѣнія — осталась неопубликованной, а, между тѣмъ, этотъ указатель занимаетъ свыше 400 страницъ печатнаго текста. Румянцевская опись Малороссіи до сихъ поръ не издана (въ послѣднее время передана изъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета въ библіотеку Императорской академіи наукъ), и для увѣковѣченія памяти неутомимаго труженика—Александра Матвѣевича Лазаревскаго было бы желательно выработать планъ ея возможнаго изданія и напечатать статистическія данныя и документы, относящіеся къ территоріи хотя бы одного изъ полковъ. Намъ кажется, что высшее ученое учрежденіе въ Россіи можетъ изыскать необходимыя матеріальныя для этого средства, а въ своемъ составѣ оно имѣетъ лицъ, пользующихся общею и

заслуженною извѣстностью въ археографическомъ дѣлѣ. Со времени выхода въ свѣтъ „Обозрѣнія" Александра Матвѣевича Лазаревскаго прошло уже 45 лѣтъ, и къ предстоящему пятидесятилѣтію слѣдовало бы прибавить къ нему новую серію документовъ. Личное непосредственное знакомство съ Румянцевской описью побуждаетъ меня высказать мысль, что изданіе матеріаловъ хотя бы одного полка значительно подвинетъ впередъ разработку экономической исторіи Малороссіи и поможетъ разрѣшить тотъ вопросъ, который ставилъ себѣ проф. И. В. Лучицкій и др. изслѣдователи о сравнительной матеріальной обезпеченности сельскаго населенія въ концѣ XVIII в. и въ наше время.

Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и шпиталяхъ (богадѣльняхъ) были извлечены Александромъ Матвѣевичемъ Лазаревскимъ изъ такъ называемыхъ казацкихъ компутовъ и ревизій и открыли передъ нами чрезвычайно важный и отрадный фактъ большого обилія чисто народныхъ школъ въ старой Малороссіи, органически связанныхъ съ братствами и шпиталями, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ народу и содержимыхъ на его собственныя средства. Немало новыхъ историческихъ данныхъ заключаютъ въ себѣ и остальныя два изданія—о Запорожьѣ и Черниговскомъ намѣстничествѣ.

Но еще большее значеніе имѣютъ три самостоятельныя его работы. На первомъ мѣстѣ должна быть поставлена его монографія о малороссійскихъ посполитыхъ крестьянахъ. Она представляетъ выдающееся явленіе въ областной исторической литературѣ какъ по новизнѣ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ, такъ и по тщательной группировкѣ ихъ. Въ результатѣ этой работы получился совершенно новый и неожиданный для всѣхъ выводъ, что закрѣпощеніе крестьянъ въ лѣвобережной Малороссіи не было вызвано извѣстнымъ указомъ Екатерины II-й (1783 г.), а постепенно было подготовлено самою казацкою старшиною, все болѣе и болѣе увеличивавшею повинности посполитыхъ и стремившеюся ослабить и совсѣмъ уничтожить ихъ право вольнаго передвиженія. Съ нѣкоторыми ограниченіями выводъ этотъ остается въ силѣ, можетъ быть, и въ настоящее время. Онъ былъ формулированъ самимъ авторомъ такъ. „Захвативъ поземельныя права въ свои руки, старшина стала стремиться затѣмъ къ отнятію у посполитыхъ права перехода, пользуясь которымъ крестьяне могли противодѣйствовать общему стремленію малороссійскихъ землевладѣльцевъ расширить свои права надъ крестьянами. Такое стремленіе, не представляя собою въ гла-

захъ русскаго закона ничего необыкновеннаго, мало-по-малу стало находить себѣ поддержку въ этомъ законѣ, такъ что къ концу XVIII в., съ изданіемъ указовъ 10 декабря 1763 и 3 мая 1783 годовъ, нисколько, повидимому, не касавшихся существа юридическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, въ Малороссіи de facto и de jure образовалось полное крѣпостное право, какъ бы въ силу естественнаго порядка вещей, находившаго свою опору и свое оправданіе въ существовавшемъ уже обычномъ правѣ". Какъ бы иллюстрацію къ этой мысли, представляютъ „Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Черниговской губ.": здѣсь мы находимъ не только генеалогическій и біографическій матеріалъ, но и многочисленные факты, рисующіе въ совокупности своей внутренній соціально-экономическій бытъ тогдашняго высшаго класса южно-русскаго общества и его отношенія къ другимъ общественнымъ группамъ. Исходя изъ того убѣжденія, что историкъ не можетъ замалчивать темныхъ сторонъ жизни, Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій и здѣсь приподнялъ передъ нами завѣсу, дотолѣ скрывавшую эти темныя стороны и представилъ не панегирики, не идеализацію малорусской старины, а настоящую, неприкрашенную дѣйствительность, каковою она являлась передъ нимъ въ историческихъ документахъ. Такой же духъ критической пытливости, не смущавшейся установившимися въ наукѣ традиціонными взглядами, Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій обнаружилъ и въ статьѣ о Полуботкѣ, личность котораго была разцвѣчена легендарными героическими подробностями въ пресловутой „Исторіи Руссовъ".

Обширная работа о селахъ Конотопскаго уѣзда представляетъ детальную исторію его селеній, и о характерѣ этой работы даетъ понятіе слѣдующее предисловіе самого сочинителя: „предлагая здѣсь историческіе очерки населенныхъ мѣстъ Конотопскаго уѣзда, мы имѣемъ въ виду сообщить возможно полную исторію ихъ. Очеркъ каждаго поселенія будетъ заключать въ себѣ не только исторію его заселенія, но всю его судьбу отъ возникновенія до настоящаго времени, по возможности. При этомъ главное вниманіе наше обращено будетъ на ту историческую обстановку, въ которую поставлено было населеніе того или другого мѣста и при которой оно совершало историческую жизнь. При этомъ мы воспользуемся всѣми фактами (добытыми нами преимущественно изъ архивныхъ источниковъ), несмотря на кажущуюся, быть можетъ, ихъ незначительность". Работа эта, представляющая страничку изъ сельской исторіи южно-русскаго народа, заключаетъ въ себѣ мате-

ріалы по исторіи заселенія, землевладѣнія, сословныхъ отношеній и управленія края; преобладающій характеръ ея описательный, но видное мѣсто занимаютъ въ ней и статистическія данныя. Въ началѣ статьи помѣщенъ краткій общій очеркъ колонизаціи лѣвобережной Малороссіи до второй половины XVII-го вѣка, т. е. подъ польскимъ владычествомъ.

Къ семидесятымъ годамъ относится рядъ статей Александра Матвѣевича Лазаревскаго въ журналахъ—„Русскій Архивъ" и отчасти „Русская Старина" и „Историческій Вѣстникъ": Приходское духовенство и монахи, Сотники, Павелъ Полуботокъ, Скоропадскіе, Очерки малороссійскихъ фамилій (Апостолы, Базилевскіе, Безбородки, Боровичи, Галаганы, Гамалѣи, Герцики, Гоголи-Яновскіе, Горленки, Грабянки, Дмитрашки-Раичи, Жуженки-Жуковскіе, Иваненки, Искры, Капнисты, Кочубеи). Въ очеркахъ малороссійскихъ фамилій Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій продолжалъ то, что началъ въ очеркахъ дворянскихъ родовъ Черниговской губерніи. Яркими чертами изображены здѣсь типическіе представители знатнѣйшихъ малороссійскихъ фамилій, вышедшихъ, главнымъ образомъ, изъ казацкой старшины и рядоваго казачества и превратившихся впослѣдствіи въ дворянство малороссійскихъ, т. е. Черниговской и Полтавской, губерній. Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій обнаружилъ здѣсь изумительную начитанность въ старой малороссійской генеалогіи и, съ документальными данными въ рукахъ, доказалъ несостоятельность тѣхъ фиктивныхъ родословій, которыя пытались заднимъ числомъ нобилитировать вышедшихъ изъ общей массы казачества болѣе счастливыхъ его представителей, образовавшихъ въ немъ верхній слой—„шляхетное" панство. Всякій новый очеркъ подтверждалъ только прежній выводъ его о тѣсномъ *кровномъ* родствѣ малороссійскаго шляхетства съ малороссійскимъ народомъ въ лицѣ казачества, тѣсно связаннаго съ массою посполитыхъ, т. е. крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастало число фактовъ, ярко иллюстрирующихъ тѣ пріемы и средства, которыми малороссійское шляхетство добивалось обширныхъ земельныхъ владѣній, власти надъ „подданными", незамѣтно превращаемыми въ крѣпостныхъ, а иногда и надъ казаками, и стремилось превратиться въ россійское дворянство. Конечно, при этомъ было немало и злоупотребленій—многочисленныя свидѣтельства о нихъ остались въ тогдашнихъ судахъ,—о нихъ также повѣствуетъ Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій. Благодаря этому, его очерки въ глазахъ нѣкоторыхъ представителей современнаго южно-русскаго дворянства получили харак-

теръ какихъ-то обличеній, памфлетовъ, рисующихъ дѣятельность ихъ предковъ въ одностороннемъ мрачномъ освѣщеніи. Нельзя не сознаться, что очерки Александра Матвѣевича Лазаревскаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно оказываются односторонними, но въ этомъ вина не автора, а его источниковъ: въ эти послѣдніе попадали обыкновенно разнаго рода правонарушенія, служившія предметомъ жалобъ или судебнаго разбирательства; что же касается обычныхъ условій жизни, то они мало обращали на себя вниманіе современниковъ; болѣе блѣдно потому они выступаютъ передъ нами и въ его очеркахъ. Не слѣдуетъ поэтому видѣть въ очеркахъ Александра Матвѣевича Лазаревскаго полнаго всесторонняго воспроизведенія жизни малорусскаго дворянства XVII—XVIII вв., съ ея свѣтлыми и темными сторонами; свѣтлыя черты, несомнѣнно, были—ихъ изображаетъ изрѣдка и самъ Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій, но онѣ такъ же, какъ и обыденная, будничная обстановка жизни малорусскаго общества, яснѣе обозначатся, когда будутъ внимательно изучены и использованы разные мемуары и вообще частныя записки. Но и теперь необходимо сознаться, что, хотя Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій и не обобщаетъ обыкновенно своихъ данныхъ, но въ общемъ итогѣ получается отрицательное заключеніе о нравственныхъ качествахъ изображаемыхъ имъ лицъ, при чемъ авторъ не сгущаетъ тенденціозно красокъ, а только изображаетъ дѣйствительные факты. Общую характеристику жизни цѣлыхъ общественныхъ группъ Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій пытается дать въ своихъ любопытныхъ статьяхъ о сотникахъ и духовенствѣ, хотя и здѣсь въ основаніе положенъ тотъ же фактическій индивидуальный матеріалъ, которымъ онъ орудуетъ въ своихъ очеркахъ малороссійскихъ фамилій. Статьи о Полуботкахъ и Скоропадскихъ стоятъ какъ бы на рубежѣ между очерками фамилій и характеристиками соціальныхъ группъ—онѣ заключаютъ въ себѣ цѣнный матеріалъ для исторіи гетманскаго управленія.

Со времени переѣзда Александра Матвѣевича Лазаревскаго въ Кіевъ или, точнѣе, со времени основанія журнала „Кіевская Старина“, т. е. съ 1882 года, начинается послѣдній наиболѣе плодотворный періодъ его ученой дѣятельности.

Въ этомъ журналѣ Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій помѣстилъ огромное количество изслѣдованій, монографій, статей, рецензій, замѣтокъ, матеріаловъ: общее число ихъ, исключая анонимныя замѣтки, которыхъ также было много, по библіографическому очерку, помѣщенному въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“, за нынѣшній

годъ, равняется 224; другія его работы вышли отдѣльно; нѣкоторыя, наконецъ, были помѣщены въ „Чтеніяхъ общества Нестора лѣтописца"; всего въ этомъ періодѣ было издано имъ 283 работы (не считая мелкихъ), въ томъ числѣ нѣсколько крупныхъ объемистыхъ изданій. Перечислять ихъ мы, конечно, не будемъ, а только отмѣтимъ важнѣйшіе труды по каждому отдѣлу.

Изъ массы изданныхъ имъ сырыхъ матеріаловъ отмѣтимъ: Сулимовскій архивъ (Архивъ Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей), XVI, 316 стр. съ 5 портретами и указателями; Мотыжинскій архивъ; Архивные отрывки для исторіи Полтавской епархіи; Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ (1657—1674); Дополненіе разговора „Великороссіи съ Малороссіей"; рѣчь „о поправленіи состоянія Малороссіи"; Голосъ Малороссіи конца XVIII вѣка; Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря; Черниговская лѣтопись по новому списку (1587—1725 годъ) и Коломацкія челобитныя; Записка 1801 года о нуждахъ малороссійскаго дворянства; Списки Черниговскихъ дворянъ 1783 года, (186 стр.); Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи, 1630—1690 года; Дневникъ Ханенка; Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича, 2 части, XVI, 329, 11, 342; Опись Конотопской сотни 1711 года; Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка; Словарь малорусской старины, составленный въ 1808 г. В. Ломиковскимъ; Частная переписка Мартоса; Отрывокъ изъ дневника Ломиковскаго; Письма Д. М. Велланскаго (1805—1834 г.); Письма Честаховскаго о похоронахъ Шевченка; Любечскій архивъ графа Милорадовича; Матеріалы для біографіи Г. П. Галагана; Отрывки изъ дневника гетманской канцеляріи за 1722—1723 года; Изъ семейной хроники Берловъ; Малороссійскія переписныя книги 1666 года; Цеховые акты лѣвобережной Малороссіи (1622—1645 г.) и много др. Достаточно одного этого перечня, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ А. М. Лазаревскій обогатилъ южно-русскую исторію новыми и цѣнными матеріалами. Здѣсь мы находимъ и офиціальные акты, и частные документы въ видѣ мемуаровъ, дневниковъ, записокъ, писемъ и литературныхъ памятниковъ, и матеріалы древніе (XVII вѣка) и матеріалы новые (XIX вѣка),—но все это относится къ одной и той же территоріи — лѣвобережной Малороссіи. Въ распоряженіи А. М. Лазаревскаго была огромная коллекція разнообразныхъ документовъ, но онъ ее постоянно дополнялъ и черпалъ изъ нея опытною рукою матеріалы для изданія.

Всякій, кому приходилось работать по исторіи лѣвобережной Ма-

лороссіи, оцѣнить значеніе такихъ документовъ, какъ переписныя книги 1666 года, извлеченныя изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, акты, относящіеся къ землевладѣнію, генеральное слѣдствіе о маетностяхъ, цеховые акты и отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ. Первыя имѣлъ въ своихъ рукахъ покойный Н. И. Костомаровъ, сдѣлалъ изъ нихъ небольшое извлеченіе въ „Руинѣ", но не напечаталъ ихъ въ „Актахъ южной и западной Россіи", очевидно, потому, что интересовался болѣе внѣшней исторіей гетманщины. Между тѣмъ, для внутренней экономической исторіи лѣвобережной Малороссіи это матеріалъ первостепенной важности. Значеніе цеховыхъ актовъ, изданныхъ А. М. Лазаревскимъ, усугубляется тѣмъ, что они относятся еще къ первой половинѣ XVII вѣка, т. е. къ самому темному періоду въ исторіи края. А отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ замѣтно пополняютъ скудный запасъ нашихъ свѣдѣній о примѣненіи Магдебургскаго права въ городахъ лѣвобережной Малороссіи. Акты о землевладѣніи, генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка и другіе аналогичные матеріалы имѣютъ серьезное значеніе для характеристики малорусскаго землевладѣнія и колонизаціи края.

Не менѣе велика заслуга А. М. Лазаревскаго и въ изданіи частныхъ матеріаловъ. Дневники Ханенка и Марковича являются важнѣйшими неофиціальными источниками для исторіи лѣвобережной Малороссіи XVIII вѣка. Первый былъ изданъ, а второй переизданъ (хотя и не вполнѣ) А. М. Лазаревскимъ. Изданія эти удовлетворяютъ требованіямъ критики и сопровождаются объяснительными введеніями. Прежній издатель дневника Я. Марковича напечаталъ его съ очень большими сокращеніями—А. М. Лазаревскій воспроизвелъ полный текстъ дневника по подлинной рукописи мемуариста и обогатилъ литературу южно-русскихъ мемуаровъ и своими собственными изданіями. Его „Сулимовскій" и „Мотыжинскій" архивъ заключаютъ въ себѣ множество фамильныхъ документовъ, представляющихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общій интересъ для исторіи Малороссіи. Весьма полезнымъ и своевременнымъ нужно признать также перепечатку Черниговской лѣтописи, такъ какъ изданіе Бѣлозерскаго давно уже сдѣлалось библіографической рѣдкостью. Опубликованіе словаря малорусской старины Ломиковскаго также является пріятнымъ подаркомъ для всѣхъ, занимающихся исторіей Малороссіи, ибо этотъ словарь, наравнѣ съ книгой проф. Г. П. Успенскаго, долженъ быть признанъ первымъ „опытомъ южнорусскихъ древностей". Обнародывая памят-

ники стараго малорусскаго быта, А. М. Лазаревскій съ любовью разыскивалъ также матеріалы, касавшіеся жизни общественныхъ и литературныхъ дѣятелей новаго времени: особенно живой интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ письма Честаховскаго о похоронахъ Шевченка.

Изъ самостоятельныхъ трудовъ отмѣтимъ только самые главные. Во-первыхъ, біографія такихъ дѣятелей Малороссіи—какъ Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе, Свѣчки, Ив. Петр. Забѣла, Марковичи, Голубы, Крыжановскіе, Тамары, Кулябки, Ломиковскіе, Афендики, Левенцы, Лѣсницкіе, Борозды, Раковичи, Оболонскіе, Мануиловичи, П. И. Булюбашъ, Жураковскіе, Бѣлецкіе-Носенки, Трощинскіе, С. Туптало, генеральный писарь Андр. Безбородко, Мих. Боровичъ, Гадяцкій полковникъ, Гр. Андр. Полетика, Троцины, Разумовскій (записка о его кончинѣ и погребеніи), ген. обозный Борковскій, прежніе изыскатели малорусской старины—Як. Мих. Марковичъ и А. И. Мартосъ; Ив. Ром. Мартосъ, Г. Ѳ. Квитка, П. А. Румянцевъ-Задунайскій, А. М. Марковичъ, Н. М. Бѣлозерскій, В. Г. Рубанъ и др. Это—продолженіе извѣстныхъ намъ уже очерковъ старыхъ дворянскихъ малороссійскихъ фамилій, дополненное біографіями южнорусскихъ дѣятелей XIX вѣка. Рядомъ съ представителями малороссійскихъ фамилій, мы находимъ здѣсь и извѣстнаго реформатора Малороссіи гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго, рядомъ съ военными дѣятелями—ученыхъ изыскателей малорусской старины въ началѣ XIX-го столѣтія и писателей—литераторовъ. Особенно цѣнными мы признаемъ монографіи о Полетикѣ, Марковичѣ и Мартосѣ, ибо онѣ восполняютъ дотолѣ существовавшій пробѣлъ въ южнорусской исторіографіи—освѣщаютъ въ ней темную эпоху конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтій. Изученіе работъ Гр. Андр. Полетики привело А. М. Лазаревскаго къ очень важному и темному вопросу объ авторѣ пресловутой „Исторіи Руссовъ", неправильно приписывавшейся Бѣлорусскому епископу Георгію Конисскому—и на вопросъ этотъ пролитъ теперь уже не малый свѣтъ въ его трудѣ, а также тѣсно связанныхъ съ нимъ работахъ Л. Н. Майкова и В. П. Горленка.

Во-вторыхъ. Рядъ статей по исторіи заселенія и землевладѣнія края—Историческіе очерки селъ Конотопскаго уѣзда (юговосточная часть); Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ; Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи; Полтавщина въ XVII-го вѣкѣ; Лубенщина и князья Вишневецкіе, и Историческіе очерки Полтавской Лубенщины. Все это отрывки изъ грандіознаго труда, надъ которымъ А. М. Ла-

заревскій работалъ въ послѣднее время и которому далъ общее названіе „Описаніе Старой Малороссіи“. Значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ возрастаетъ отъ того, что они не вошли въ изданные имъ три тома этого труда.

Въ-третьихъ. Рядъ статей и замѣтокъ по исторіи Малороссіи, преимущественно бытовой, по исторіи южнорусской литературы и искусства. Онѣ напоминаютъ аналогичные труды Максимовича.

Въ-четвертыхъ. Масса рецензій на книги, относящіяся къ Малороссіи. Среди нихъ выдается нѣсколько объемистыхъ критическихъ отзывовъ, представляющихъ самостоятельныя изслѣдованія; таковы его „Замѣтки о Мазепѣ, по поводу книги о немъ Ѳ. Уманца“ (15-ть печ. листовъ); таковъ его разборъ сочиненій Д. П. Миллера о гродскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судахъ и о превращеніи малорусской казацкой старшины въ русское дворянство, разборъ, написанный для комиссіи по присужденію премій Императора Александра II-го при Харьковскомъ университетѣ. Эти труды Д. П. Миллера сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на гетманствѣ Разумовскаго и послѣдовавшей за ней эпохѣ конца XVIII и начала XIX-го вѣка, а А. М. Лазаревскій присоединилъ къ нимъ отъ себя исторію судовъ въ Малороссіи до Разумовскаго и судьбу правящаго класса въ ней до образованія дворянства, иными словами, представилъ эволюцію двухъ важнѣйшихъ явленій внутренней жизни Малороссіи въ самый важный періодъ съ половины XVII до половины XVIII вѣка. Большую эрудицію и критическій талантъ обнаружилъ А. М. Лазаревскій и въ своей обширной рецензіи на два первые тома „Исторіи Запорожскихъ казаковъ“ Д. И. Эварницкаго. Рецензія отличалась суровымъ характеромъ, но принесла несомнѣнную пользу и публикѣ, не замѣчавшей дотолѣ за картиннымъ изложеніемъ событій увлеченій и промаховъ стяжавшаго широкую популярность автора, и самому Д. И. Эварницкому, который впервые прочиталъ настоящую серьезную критику на свой интересный трудъ и могъ воспользоваться ею для 2-го изданія книги. Сюда же можно отнести отрывки изъ его собственныхъ воспоминаній (Черниговскихъ), замѣтки о похоронахъ Шевченка, объ основаніи „Кіевской Старины“, о поѣздкѣ въ Полтаву, о Конотопской старинѣ (по записямъ С. Д. Носа) и т. п.

Наконецъ, въ-пятыхъ. Наиболѣе крупными трудами А. М. Лазаревскаго являются три тома его „*Описанія Старой Малороссіи*“— 1-й обнимаетъ *Стародубскій полкъ* (К., 1888, XVI, 470, XXX), 2-ой— *Нѣжинскій полкъ* (К., 1893, IV, 521, XXV), 3-й—*Прилуцкій полкъ*

(К., 1902, XIV, 426, XXIII). Два первые тома были увѣнчаны отъ Императорской Академіи Наукъ Уваровскими преміями, на основаніи отзывовъ пишущаго эти строки и В. А. Мякотина („Новый историкъ Малороссіи". Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе Старой Малороссіи" Д. И. Багалѣя, С.-Пб., 1891, 148 стр.; Къ исторіи Нѣжинскаго полка въ XVII—XVIII вѣкахъ. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе Старой Малороссіи", т. 2-й. Полкъ Нѣжинскій. В. А. Мякотина, С.-Пб. 1896, 126 стр. большого формата).

Всѣ три книги составлены по одному и тому же плану, который состоитъ въ слѣдующемъ. Во введеніи дается перечень важнѣйшихъ источниковъ (архивныхъ); затѣмъ идетъ историческій очеркъ мѣстности, занимаемой полкомъ, какъ географической единицы, главнымъ образомъ, его колонизація, далѣе слѣдуютъ біографіи всѣхъ дѣятелей полкового управленія—полковниковъ, полковыхъ обозныхъ, судей, писарей, эсауловъ, хорунжихъ; потомъ идетъ географическій очеркъ полка, исторія полковаго города, и, наконецъ, исторія каждой сотни въ отдѣльности; сюда входятъ біографіи всѣхъ сотниковъ, исторія сотенныхъ городовъ и всѣхъ селеній, входившихъ въ составъ той или иной сотни. Выполненіе этого огромнаго плана требовало и массы архивнаго матеріала, и чрезвычайной эрудиціи въ печатныхъ памятникахъ и литературѣ, и необычайнаго усердія, трудолюбія и любви къ дѣлу. Здѣсь не мѣсто останавливаться на неизданныхъ источникахъ, положенныхъ А. М. Лазаревскимъ въ основаніе его капитальнаго труда. Замѣтимъ только, что они весьма цѣнны и разнообразны—обнимаютъ какъ офиціальные акты, такъ и частные матеріалы. Эти-то источники и дали ему возможность осуществить значительную часть намѣченной задачи—дать *описаніе* трехъ полковъ старой Малороссіи въ отношеніи ихъ *заселенія*, *землевладѣнія* и *управленія*; такъ формулировалъ свою задачу самъ А. М. Лазаревскій, но мы должны прибавить, что въ нихъ находится, кромѣ того, еще цѣнный матеріалъ и для характеристики *сословныхъ отношеній*. Такимъ образомъ, книги А. М. Лазаревскаго являются фундаментомъ для будущей внутренней исторіи лѣвобережной Малороссіи. Общее движеніе въ русской исторіографіи отразилось и въ спеціальномъ отдѣлѣ ея—разработкѣ исторіи Малороссіи: въ трудахъ Иванишева, Леонтовича, Антоновича, Левицкаго, Новицкаго, Владимирскаго-Буданова, Яблоновскаго мы видимъ воспроизведеніе внутренней жизни правобережной Малороссіи, въ трудахъ А. М. Лазаревскаго—такое же воспроизведеніе жизни лѣвобережной Малороссіи. Разница только въ томъ, что матеріалы для исторіи

правобережной Малороссіи издавались отдѣльно (Кіевской коммиссіей), и потому историки этого края могли придать своимъ работамъ характеръ научныхъ изслѣдованій, а А. М. Лазаревскій, не имѣвшій возможности издавать своихъ матеріаловъ, долженъ былъ вносить ихъ въ текстъ своихъ сочиненій и придать имъ форму ученаго описанія.

Въ своей рецензіи на 1-й томъ описанія старой Малороссіи я даю о немъ такое общее заключеніе. „Книга А. М. Лазаревскаго отличается чрезвычайнымъ богатствомъ содержанія. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія разъясняютъ намъ многіе важные вопросы внутренней жизни лѣвобережной Малороссіи XVII и XVIII вѣковъ, и главная заслуга А. М. Лазаревскаго заключается въ подборѣ рукописныхъ, а не печатныхъ матеріаловъ. Я показалъ, какую массу весьма цѣнныхъ архивныхъ источниковъ привлекъ къ своей работѣ А. М. Лазаревскій. Онъ самъ разыскалъ этотъ матеріалъ, спасъ его отъ гибели, изучилъ и систематизировалъ... Пробѣлы въ немъ есть, но основныя рубрики онъ заполняетъ. Выборъ его сдѣланъ умѣлою рукою; авторъ понимаетъ относительное значеніе своихъ источниковъ; можно было бы пожелать только большей критики въ предварительномъ изученіи ихъ, въ особенности такъ называемаго генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, заключающаго въ себѣ противорѣчивыя данныя. Благодаря массѣ новаго матеріала, А. М. Лазаревскій могъ дать достаточно полное историко-географическое описаніе Стародубскаго полка, другими словами, съ достаточной полнотой разрѣшить свою основную задачу. Я убѣдился въ этомъ, разобравъ подробно содержаніе всей книги. Если первый отдѣлъ (общій историческій очеркъ) очень кратокъ, за то послѣдующіе (о городахъ, селеніяхъ и старшинахъ) очень обширны и обстоятельны; въ особенности это нужно сказать о 3-мъ и 4-мъ. Каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ массы фактическаго интереснаго матеріала, иногда еще цѣлыя отдѣльныя монографіи и эпизоды... Вся книга даетъ намъ исторію территоріи и отчасти мѣстнаго общества въ лицѣ казацкихъ старшинъ. Въ особенности обстоятельны данныя о территоріи; здѣсь мы находимъ не только много данныхъ для исторіи заселенія края, но и исторію цѣлыхъ территоріальныхъ округовъ (сотенъ и волостей), а также отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ... Въ нихъ, кромѣ того, сообщается множество любопытныхъ свѣдѣній о жизни малорусскаго общества и его землевладѣніи, соціальномъ положеніи, экономическихъ интересахъ (промыслахъ, ремеслахъ и торговлѣ) и частномъ семейномъ бытѣ. Правда, эти данныя не сгруппированы, но авторъ и не ставилъ себѣ цѣлью дать системати-

ческій очеркъ внутренняго быта малороссійскаго общества. Находимъ мы здѣсь и цѣльную картину общественной дѣятельности и частной жизни представителей мѣстнаго полковаго и сотеннаго управленія; это—исторія (въ біографіяхъ) высшаго слоя малорусскаго народа; въ ней есть данныя и для исторіи мѣстнаго управленія, и для характеристики соціально-экономическаго положенія общества и его домашняго быта".

В. А. Мякотинъ дѣлаетъ такое общее заключеніе о значеніи 2-го тома „Описанія Старой Малороссіи" (Нѣжинскаго полка). „Работа А. М. Лазаревскаго, какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи. Задумана и поставлена авторомъ работа очень широко. Цѣлый рядъ разнообразныхъ и весьма важныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріалъ, имъ же самимъ и обработанный. По нѣкоторымъ крупнымъ вопросамъ малорусской исторіи въ книгѣ А. М. Лазаревскаго даны широкія и прочно обставленныя обобщенія, по многимъ другимъ въ ней заключается большое количество въ высшей степени мѣткихъ и цѣнныхъ спеціальныхъ указаній. При этомъ исторія управленія и исторія высшихъ сословій лѣвобережной Малороссіи, составлявшихъ въ ней владѣльческій классъ, являются самыми блестящими, наиболѣе обработанными и наибольшимъ количествомъ фактовъ представленными отдѣлами книги; но и для другихъ затронутыхъ имъ темъ А. М. Лазаревскій собралъ въ своемъ трудѣ массу цѣнныхъ свѣдѣній. При той широкой постановкѣ, какую придалъ авторъ своей работѣ, вполнѣ естественной является сравнительная неполнота нѣкоторыхъ отдѣловъ. Въ значительной степени такая неполнота объясняется неразработанностью спеціальной литературы и хаотическимъ состояніемъ источниковъ и, во всякомъ случаѣ, врядъ ли она можетъ быть обращена въ тяжелый упрекъ автору. Мнѣ приходилось отмѣчать при разборѣ труда А. М. Лазаревскаго и нѣкоторыя его слабыя стороны. Главной изъ нихъ я считаю недостаточное пользованіе автора генеральнымъ слѣдствіемъ о маетностяхъ, не позволившеее автору описать формы держанія имѣній въ гетманской Малороссіи и ихъ исторію съ тою точностью и обстоятельностью, какія были бы въ данномъ случаѣ желательны... Во всякомъ случаѣ, недостатки книги блѣднѣютъ передъ ея крупными достоинствами, дѣлающими ее необходимымъ настольнымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося изученіемъ малорусской исторіи XVII—

XVIII вѣковъ и критику остается только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ, долженствующій сильно подвинуть впередъ дѣло изслѣдованія еще во многихъ отношеніяхъ темной внутренней исторіи гетманщины".

И А. М. Лазаревскій продолжалъ свой трудъ: можно сказать, наканунѣ своей смерти онъ выпустилъ въ свѣтъ 3-й томъ „Описанія Старой Малороссіи", обнимающій территорію Прилуцкаго полка. Онъ составленъ по такому же плану, какъ и первые два, и имѣетъ такія же достоинства, какъ и они. Особенный интересъ его заключается въ томъ, что здѣсь авторъ отъ Черниговщины переходитъ къ Полтавщинѣ, которая представляла своеобразныя особенности и въ своей территоріи, и въ исторіи ея заселенія.

Чтобы покончить съ обозрѣніемъ работъ А. М. Лазаревскаго, прибавимъ, что статьи и замѣтки, помѣщавшіяся въ „Кіевской Старинѣ" и „Чтеніяхъ Общества Нестора", онъ издавалъ въ видѣ сборниковъ, носившихъ заглавіе „Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи". Такихъ сборниковъ, печатавшихся въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, мнѣ извѣстно 4 выпуска.

Большинство своихъ изданій А. М. Лазаревскій могъ осуществить благодаря тому, что ему удалось собрать богатѣйшую спеціальную библіотеку и весьма цѣнный архивъ документовъ по исторіи лѣвобережной Малороссіи. А. М. Лазаревскій былъ настоящій *ученый* коллекціонеръ въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Всю жизнь свою онъ собиралъ книги, журнальныя и газетныя статьи, портреты, гравюры, рисунки, рукописи. Кіевскому университету онъ пожертвовалъ 200 сборниковъ статей и замѣтокъ разныхъ авторовъ по исторіи Малороссіи. Его коллекція историческихъ портретовъ не велика, но весьма цѣнна, потому что состоитъ изъ подлинниковъ. Собранные имъ документы составляютъ нѣсколько десятковъ переплетенныхъ сборниковъ. Онъ охотно предоставлялъ ихъ спеціалистамъ, и пишущій эти строки самъ пользовался ими. Иллюстраціями, относящимися къ Малороссіи, былъ нѣкогда украшенъ весь его кабинетъ. Обладая подобными научными сокровищами, А. М. Лазаревскій не держалъ ихъ подъ спудомъ, а, наоборотъ, старался сдѣлать ихъ доступными для всѣхъ. Этимъ объясняется его усердное сотрудничество въ „Кіевской Старинѣ", начавшееся со времени основанія журнала и продолжавшееся до самой его смерти. Сотрудничество это не приносило А. М. Лазаревскому никакихъ матеріальныхъ выгодъ и носило идейный характеръ—поддержки единственнаго научнаго органа,

посвященнаго исторіи Малороссіи. Въ теченіе 20 лѣтъ А. М. Лазаревскій принималъ участіе и въ дѣлахъ редакціи и вообще отдавалъ этому журналу не мало времени и труда.

Въ послѣдніе годы онъ сталъ принимать также дѣятельное участіе въ трудахъ Кіевскаго Общества Нестора лѣтописца, сдѣлалъ въ немъ рядъ сообщеній, напечатанныхъ въ его изданіяхъ, и былъ одно время даже предсѣдателемъ этого общества. Выборъ его въ предсѣдатели общества, членами котораго состоятъ многіе профессора университета и духовной академіи, пріобрѣвшіе себѣ почетную извѣстность въ наукѣ, былъ законною данью уваженія къ его истинной, хотя и не академической учености.—А. М. Лазаревскій не имѣлъ ученой степени, хотя за свои работы давно уже могъ бы получить степень почетнаго доктора русской исторіи.

Не буду останавливаться на характеристикѣ *свѣтлой* личности покойнаго, его общественныхъ взглядовъ и симпатій, замѣчу только, что страстная любовь къ родной Малороссіи привела его къ чистой, какъ кристаллъ, общественной службѣ ей: она была основнымъ импульсомъ и въ его служебной, и въ его научной дѣятельности, а та и другая создали ему почетное имя и въ русской общественной жизни, и въ наукѣ русской исторіи.

Д. Багалѣй.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Парижъ, іюль 1902 г.

Я не разъ уже вамъ писалъ о совершающемся кризисѣ въ среднемъ образованіи, объ обсужденіяхъ этого вопроса въ высшемъ совѣтѣ народнаго просвѣщенія, о мнѣніяхъ, испрошенныхъ у государственныхъ людей, у педагоговъ и т. д. Теперь кризисъ, наконецъ, закончился... до перваго случая. Жаловались на то, что воспитанники нашихъ лицеевъ принуждены проходить предметы, не соотвѣтствующіе ихъ истинному призванію и ненужные имъ въ дальнѣйшей ихъ жизни. 31-го мая этого года президентъ республики, основываясь на мнѣніи высшаго совѣта министерства народнаго просвѣщенія, издалъ декретъ, устанавливающій принципы, на основаніи которыхъ должно вести среднее образованіе.

Среднее образованіе (пар. 1) должно такъ согласоваться съ первоначальнымъ образованіемъ, чтобы составлять продолженіе четырехлѣтняго курса первоначальныхъ школъ.

Среднее образованіе (пар. 2) обнимаетъ семилѣтній курсъ, распадающійся на два концентрическихъ курса: первый четырехлѣтній, второй трехлѣтній.

На первомъ ученики (пар. 3) имѣютъ право выбора между двумя секціями. На одной, кромѣ предметовъ, общихъ для обѣихъ секцій, преподается обязательно съ перваго года (шестой классъ) латынь и, начиная съ третьяго года, соотвѣтствующаго четвертому классу, греческій факультативно. На другой секціи, на которой не преподаются латынь и греческій, отведено больше мѣста естественнымъ наукамъ, французскому языку, рисованію и т. д.

Обращаю особенно ваше вниманіе на параграфъ, касающійся

факультативнаго преподаванія греческаго языка. Возможно, что число учениковъ, желающихъ изучать его, будетъ теперь весьма ограничено. Боюсь, что скоро, къ нашему сожалѣнію, мы увидимъ полное паденіе греческаго языка.

На обѣихъ секціяхъ (ст. 4) программы поставлены такъ, что по окончаніи перваго цикла ученикъ пріобрѣтаетъ знанія, составляющія законченное цѣлое. Это, въ принципѣ, повидимому, хорошее нововведеніе: часто случается, что юношѣ 14—15 лѣтъ приходится, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, — напримѣръ смерти отца, — выйти изъ школы, при чемъ онъ не получаетъ никакого диплома. Четвертая статья декрета уничтожаетъ это неудобство. Пятая статья постановляетъ, что, по окончаніи перваго цикла, ученикъ получаетъ свидѣтельство о прохожденіи курса средняго образованія первой степени.'

Второй циклъ, какъ было мною выше указано, обнимаетъ три года. На немъ (ст. 6) ученику предлагаются на выборъ четыре группы главныхъ предметовъ: 1) латынь и греческій, 2) латынь и какой-нибудь изъ новыхъ языковъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ; 3) латынь и болѣе основательное изученіе естественныхъ наукъ; 4) изученіе живыхъ языковъ вмѣстѣ съ изученіемъ естественныхъ наукъ безъ латыни.

Въ итогѣ настоящій переворотъ въ педагогикѣ.

Въ декретѣ даны только основныя начала новыхъ программъ, подробно онѣ разработаны въ министерскомъ постановленіи, обнимающемъ болѣе ста страницъ офиціальнаго журнала. По отношенію къ ученикамъ, находящимся въ настоящее время въ лицеѣ, будутъ приняты нѣкоторыя временныя мѣры. При случаѣ я вернусь къ этимъ вопросамъ.

Наши словесные факультеты, какъ вамъ извѣстно, пользуются нѣкоторой педагогической и финансовой автономіей и на свои средства могутъ учреждать новыя каѳедры. Этимъ правомъ недавно воспользовался парижскій словесный факультетъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ голосованіемъ было рѣшено ввести курсъ русскаго языка и литературы, который и будетъ открытъ въ ноябрѣ этого года. Читать его будетъ г. Гоманъ, въ настоящее время профессоръ русскаго языка и литературы въ Лильскомъ университетѣ. Кромѣ курса, который онъ будетъ читать, ему придется прилагать свои знанія русскаго языка къ нѣкоторымъ экзаменамъ. Такъ, въ этомъ году на экзаменъ французскаго языка явилось 26 русскихъ, которымъ кромѣ другихъ сочиненій было

еще задано написать по французски на тему изъ русскаго языка; выдержали экзаменъ 24; одна изъ державшихъ получила весьма почетный отзывъ (г-жа Измалкова, воспитанница Смольнаго института). Въ предпослѣднемъ году на экзаменъ явилось 5, а въ послѣднемъ 8 человѣкъ. Число иностранцевъ, желающихъ получить у насъ дипломъ, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Курсы „Французскаго союза", только что открывшіеся 1-го іюля, привлекли массу слушателей. Эти курсы завоевали себѣ прочное мѣсто въ средѣ нашихъ учрежденій и играютъ важную роль въ нашемъ учебномъ мірѣ.

За послѣднее время появилось много книгъ по вопросамъ педагогики. Одна фирма Армана Колленъ издала три книги 1° Le Congrès des associations régionales et locales des professeurs de l'Enseignement secondaire, publié par les soins de M. Philippe Gidel; 2° L'Université et la société moderne, Gustave Lanson, профессора Сорбоны; 3° La Réforme de l'enseignement par la Philosophie, Alfred Fouillée, члена института. Первая изъ этихъ книгъ находится въ связи съ выставкой 1900. На этомъ конгрессѣ преподавателей среднеучебныхъ заведеній особенно обсуждались четыре слѣдующіе вопроса: о роли праздниковъ во внутренней жизни лицеевъ и гимназій. Большинство членовъ конгресса признало, что жизнь нашихъ лицеевъ слишкомъ монотонна, что слѣдовало бы внести въ нее больше веселья, устраивать простыя празднества, къ участію въ которыхъ привлекать семьи профессоровъ и учениковъ; даже предлагали устроить рекреаціонную залу, въ которой ученики находили бы интересныя игры, вмѣсто того чтобы ходить взадъ и впередъ по двору. Второй вопросъ, обсуждавшійся на конгрессѣ, былъ слѣдующій: слѣдуетъ ли, съ педагогической точки зрѣнія, чтобы одинъ и тотъ же учитель велъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ однихъ и тѣхъ же учениковъ? Обсужденіе этого вопроса было очень оживленно. У іезуитовъ, бывшихъ прекрасными преподавателями, одинъ и тотъ же учитель гуманитарныхъ наукъ велъ своихъ учениковъ черезъ весь курсъ, начиная съ низшаго класса до класса философіи. Послѣ весьма оживленныхъ преній конгрессъ пришелъ къ рѣшенію, что было бы желательно, чтобы профессора живыхъ языковъ, естественныхъ наукъ, географіи и исторіи сохраняли своихъ учениковъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Вообще этотъ конгрессъ показалъ, съ какимъ серьезнымъ интересомъ относятся къ педагогическимъ вопросамъ наши преподаватели лицеевъ.

Въ небольшой книжкѣ г. Лансона объ университетѣ и современномъ обществѣ встрѣчаются очень интересныя мысли. Г. Лансонъ

одинъ изъ выдающихся нашихъ гуманистовъ, авторъ лучшаго краткаго курса исторіи французской литературы, принятаго, какъ учебникъ. Однако онъ признаетъ, что изученіе классическихъ языковъ не можетъ быть въ настоящее время тѣмъ, чѣмъ оно было раньше. Онъ находитъ, что оно отслужило свое время. Для него настоящими гуманитарными науками являются естественныя науки.

Книга г-на Henri Michel, Notes sur l' Enseignement secondaire (libr. Hachette) представляетъ собраніе газетныхъ статей, напечатанныхъ съ 1880 по 1901, и въ нѣкоторомъ родѣ ежедневную хронику событій педагогическаго міра за десятилѣтній періодъ. Дать отчетъ объ этой книгѣ весьма трудно. Г. Мишель идеалистъ и противникъ практическаго духа, царящаго въ настоящее время въ педагогикѣ. Онъ считаетъ несбыточнымъ стремленіе сдѣлать изъ средней школы настоящую школу жизни, изъ которой ребенокъ выходилъ бы вполнѣ вооруженнымъ для борьбы за существованіе (struggle for life). Онъ продолжаетъ считать гимназію искусственной средой, въ которой ребенокъ долженъ быть охраняемъ отъ грубыхъ соприкосновеній съ жизнью и быть въ сторонѣ отъ матеріальныхъ интересовъ, раздѣляющихъ людей и заставляющихъ ихъ бороться другъ съ другомъ и ненавидѣть другъ друга. Онъ требуетъ, чтобы ребенку былъ сохраненъ его идеализмъ. „Не будемъ, говоритъ г. Мишель, очень стараться вызвать въ ребенкѣ человѣка, лучше будемъ желать, чтобъ въ человѣкѣ сохранилось нѣчто отъ ребенка“.

Г. Фулье, философъ, членъ académie des sciences morales et politiques. Само заглавіе его книги: Реформа образованія посредствомъ философіи, достаточно указываетъ на его тенденціи. Онъ желаетъ, чтобы въ образованіи преобладала философія. Онъ находитъ, что для того, чтобы имѣть хорошихъ профессоровъ, надо требовать отъ нихъ на экзаменахъ de licence et d'agrégation серьезныхъ сочиненій и устныхъ отвѣтовъ по философіи. Философскія знанія сдѣлаютъ изъ нихъ хорошихъ учителей по ихъ спеціальности. Они перестанутъ смотрѣть на эту спеціальность какъ на нѣчто, существующее само по себѣ, признаютъ ее частью цѣлаго. Наши учителя грамматики перестанутъ считать себя обязанными подражать педантичной филологіи нѣмцевъ, въ то время, какъ нѣмцы завидуютъ нашей литературной и философской методѣ преподаванія. Наши учителя философіи перестанутъ считать себя обязанными подражать доведенной до крайности эрудиціи, благодаря которой нѣмецкій умъ теряется въ подробностяхъ и за деревьями не видитъ лѣса. Наши учителя литературы перестанутъ

считать своею обязанностью погружаться въ ученую исторію среднихъ вѣковъ, въ мелочи литературной и драматической критики. Наши учителя естественныхъ наукъ узнають отъ Декарта, Лейбница, Канта, Огюста Конта, что единственныя фундаментальныя и воспитательныя науки, открывающія ключъ ко всему остальному, это математика и физика, а остальныя должны быть предоставлены индивидуальному требованію и индивидуальному призванію. Наши учителя слишкомъ учены, слишкомъ свѣдущи, слишкомъ начитаны. Преподаваніе страдаетъ отъ избытка богатства и таланта. Надо сократить и упростить программы, дисциплинировать умы. Философское образованіе учителей—вотъ единственное средство, чтобы укрѣпить и даже спасти гимназическій курсъ.

Я нашелъ нужнымъ привести вамъ дословно различныя мнѣнія по этому вопросу, лично я держусь въ сторонѣ отъ спора. Non nostrum inter vos tantas componere lites.

Каждый мѣсяцъ приноситъ намъ какой-нибудь отдаленный отголосокъ выставки 1900. Фирма Колленъ только что выпустила книгу le Congrès international de l'enseignement secondaire, procès verbaux et comptes rendus officiels. Въ этомъ конгрессѣ принимали участіе 120 иностранныхъ членовъ, изъ нихъ на Россію приходилась львиная доля: 32 представителя. Они не преминутъ дать отчеты о диспутахъ, въ которыхъ они принимали участіе. Я только напомню, что на этихъ диспутахъ обсуждались слѣдующіе вопросы: о соціальномъ значеніи средняго образованія, объ автономіи средне-учебныхъ заведеній, о народномъ университетѣ, объ инипіативѣ и личности ученика, о подготовкѣ учителей, о совмѣстномъ обученіи дѣвочекъ и мальчиковъ, о пополненіи образованія молодыхъ дѣвушекъ практическими свѣдѣніями, о международной школьной перепискѣ. Къ этимъ интереснымъ протоколамъ присоединены нѣкоторые документы и отчеты.

Среди международныхъ конгрессовъ, состоявшихся въ Парижѣ во время выставки, самымъ важнымъ былъ международный конгрессъ исторіи религій. На этомъ конгрессѣ предсѣдательствовалъ г. Альберъ Ревиль, профессоръ исторіи въ collège de France. Вицепредсѣдателями были гг. Александръ Бертранъ, директоръ музея Saint Germain, Мишель Бреаль, Гиме—основатель знаменитаго музея религій, Масперо, Опперъ, Сенаръ; секретарями были оба редактора Revue de l' Histoire de religion, гг. Жанъ Ревиль и Марилье. Г. Марилье недавно трагически погибъ при кораблекрушеніи у береговъ Бретани. Г. Ревиль довелъ до конца изданіе актовъ конгресса. Только что

появился первый томъ (фирма Леру). Въ немъ кромѣ письма покойнаго Макса Мюллера находятся: рѣчь Губернатиса о будущности исторіи религій; трудъ извѣстнаго санскритиста г. Сенара, о буддизмѣ; мемуаръ покойнаго Сабатье, бывшаго декана факультета протестантской теологіи, о библейской критикѣ и исторіи религій, г. Гольдзиме (изъ Будапеста) объ исламизмѣ и парсизмѣ, важный опытъ статистики религій въ концѣ XIX вѣка г. Фурнье де Флориксъ. Несомнѣнно, конгрессъ исторіи религій выказалъ весьма похвальную дѣятельность.

То же можно сказать и относительно конгресса сравнительной исторіи, о которомъ я вамъ уже писалъ. Теперь появились (фирма Колленъ) шесть выпусковъ его трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ серьезный интересъ. Конечно, я не могу дать подробнаго разбора ихъ. Укажу только въ томѣ по общей исторіи и исторіи дипломатіи на значительную статью г. Ксенополь Гдасси, о гипотезѣ въ исторіи; на нѣсколько статей венгерскихъ историковъ, особенно Тракноя; въ томѣ, состоящемъ изъ статей по сравнительной исторіи постановленій и права, на статью князя Н. Голицына объ эмансипаціи крѣпостныхъ при императрицѣ Екатеринѣ II, профессора М. М. Ковалевскаго о ремесленномъ законодательствѣ въ XIII и XIV вѣкѣ и т. д. Интересъ, возбуждаемый этими книгами, только усиливаетъ сожалѣніе, вызываемое преждевременной смертью извѣстнаго ученаго, организовавшаго этотъ конгрессъ, г. де Молье де ла Клавьеръ. Онъ умеръ недавно, 55-ти лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ весьма значительные труды по исторіи возрожденія и исторіи XVII вѣка, которые, если бы онъ прожилъ дольше, вѣроятно открыли бы ему двери академіи.

Событія, театромъ которыхъ былъ недавно Китай, придаютъ особенный интересъ труду г. Анри Кордье, первый томъ котораго только что вышелъ, Histoire des relations de la Chine avec les puissances Occidentales de 1800 à 1900. Профессоръ географіи и исторіи дальняго востока въ школѣ восточныхъ языковъ г. Кордье долгое время жилъ въ Китаѣ и издалъ недавно библіографическій словарь трудовъ, относящихся къ китайской имперіи, Bibliotheca Sinica, за который получилъ премію отъ академіи надписей. Выпущенный имъ томъ обнимаетъ періодъ отъ 1860 г. по 1875 г., т.-е. царствованіе императора Точъ-чи, въ которое самымъ важнымъ событіемъ было возстаніе тайпинговъ. Г. Кордье опирается на массу документовъ, такъ что его книга, написанная безъ притязаній, представляетъ скорѣй сборникъ

дипломатическихъ документовъ, чѣмъ дѣйствительно исторію. Она одинаково интересна для французовъ, англичанъ, русскихъ, австрійцевъ и американцевъ. Наиболѣе интересными эпизодами являются тѣ, очевидцемъ которыхъ былъ самъ г. Кордье, во время своего пребыванія въ Китаѣ. Вскорѣ, по заявленію г. Кордье, появится еще болѣе важный трудъ этого неутомимаго оріенталиста: всеобщая исторія сношеній китайской имперіи съ западными странами съ самаго древняго времени до нашихъ дней.

Я не разъ обращалъ ваше вниманіе на прекрасные труды г. Шлумбергера по исторіи византійской имперіи. Недавно г. Шлумбергеръ издалъ новую книгу, трактующую тотъ же любимый имъ вопросъ: Expédition des Almugavares ou routiers catalans en Orient de l'an 1302 à l'an 1311 (1 vol. in 8° libr. Plon). Рѣчь идетъ о бандѣ каталонскихъ наемниковъ, призванныхъ въ Сицилію въ концѣ XIII вѣка; когда они остались безъ дѣла вслѣдствіе мира, заключеннаго въ 1302 между Анжуйскимъ и Арагонскимъ домами, они предложили свои услуги византійскому императору и выступили въ Малой Азіи противъ турокъ которыхъ разбили; затѣмъ они основались въ Галлиполи и отказались вернуть занятую ими территорію имперіи, которой сначала служили. Послѣ ряда стычекъ съ турками, каталонскій отрядъ принужденъ былъ покинуть Галлиполи; они поселились въ Ѳессаліи, а затѣмъ захватили Аѳины, гдѣ основали испанское герцогство, просуществовавшее около 80 лѣтъ. Разсказъ объ этихъ приключеніяхъ составляетъ настоящую эпопею, Гомеромъ которой является г. Шлумбергеръ. Этотъ ученый писатель умѣетъ быть и романистомъ. Его книга представляетъ интересную страницу изъ византійской исторіи среднихъ вѣковъ.

Лучшій знатокъ нѣмецкой литературы у насъ г. А. Боссе, бывшій главный инспекторъ народнаго просвѣщенія. Онъ раньше преподавалъ въ провинціи, потомъ былъ инспекторомъ преподаванія живыхъ языковъ и составилъ по нѣмецкой литературѣ нѣсколько значительныхъ трудовъ: книгу о средневѣковой нѣмецкой литературѣ и о происхожденіи нѣмецкаго эпоса, книгу о Гете, еще книгу о Гете и Шиллерѣ, наконецъ, исторію нѣмецкой литературы, о которой я вамъ недавно писалъ. Для своей новой книги онъ взялъ сюжетъ, ставшій моднымъ даже во Франціи, благодаря музыкѣ Вагнера: Tristan et Iseult, essai de littérature comparée (Paris, Hachette). Приключенія Тристана и Изольды составляютъ одинъ изъ значительнѣйшихъ цикловъ средневѣковаго эпоса. Онъ повторяется во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, Испаніи, Богеміи, въ скандинавскихъ странахъ. Въ своей книгѣ, не

претендуя на то, чтобы исчерпать вполнѣ этотъ колоссальный матеріалъ, г. Боссе изслѣдуетъ нѣмецкую, французскую и англійскую версіи поэмы, жизнь нѣмецкаго поэта Готфрида Страсбургскаго и его продолжателей. Подъ конецъ онъ разсматриваетъ поэму Вагнера, а въ приложеніи даетъ нѣсколько отрывковъ изъ нѣмецкаго прозаическаго текста. Г. Боссе отказался отъ должности главнаго инспектора, по причинѣ своего возраста (60-ти лѣтъ); надѣемся, что онъ не откажется еще отъ дѣятельности ученаго и писателя.

Послѣ смерти философа-историка Тэна о немъ было написано много книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя очень интересны. Но до сихъ поръ не была напечатана его переписка. Теперь семья покойнаго академика заполнила этотъ пробѣлъ. Книга, озаглавленная H. Taine, sa famille et sa correspondance (libr. Hachette), будетъ вѣроятно состоять изъ трехъ томовъ. Только что вышелъ первый изъ нихъ. Онъ состоитъ изъ юношеской переписки и обнимаетъ періодъ отъ 1847 по 1853, т. е. возрастъ отъ 19 до 25 лѣтъ. Тэнъ являетъ примѣръ замѣчательной скороспѣлости; онъ былъ уже учителемъ въ возрастѣ, когда другіе молодые люди бываютъ только студентами. Въ продолженіе этихъ шести лѣтъ Тэнъ находился въ école normale, гдѣ готовился къ преподаванію философіи. Благодаря своей смѣлости и независимости своихъ доктринъ, онъ провалился на техническомъ экзаменѣ на адъюнктъ-профессора философіи. Ему было дано мѣсто учителя гуманитарныхъ наукъ въ Неверѣ и въ Потье; но провинціальная жизнь ему не понравилась; онъ представилъ докторскую диссертацію на тему о чувствахъ, но она не была принята. Тогда онъ отправился въ Парижъ и представилъ, какъ докторскую диссертацію, книгу о Лафонтэнѣ и его басняхъ (1853). Онъ надѣялся, что ему удастся продать только сотню экземпляровъ ея, а, между тѣмъ, въ настоящее время вышло уже 14-е изданіе ея. Этотъ первый томъ переписки очень интересенъ; изъ него мы узнаемъ, съ какими трудностями пришлось бороться будущему академику, благодаря какимъ испытаніямъ созрѣлъ его талантъ. Его главнымъ корреспондентомъ, кромѣ членовъ его семьи, является Прево Парадоль, который тоже составилъ блестящую карьеру. Эта переписка особенно важна для исторіи философіи во Франціи.

Г. Салье далъ намъ, со своей обычной пунктуальностью, новый выпускъ своего Словаря греческихъ и римскихъ древностей; онъ начинается со слова magister и кончается словомъ medicus; наиболѣе значительными статьями являются, между прочимъ: Magistratus—Lécrivain; Manes—Hild; Marmor—Lafoyer; Mathematici—Boucher Leclerq;

Matrimonium—Collignon относительно Греціи и Lécrivain относительно Рима; Medicus—Salomon Reinach. Г-ну Салье только 74 года. Можно надѣяться, что онъ проживетъ достаточно долго, чтобы довести до конца свой монументальный трудъ.

Новый иллюстрированный Ларуссъ, о которомъ я вамъ писалъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, имѣетъ гораздо болѣе скромныя притязанія, чѣмъ Словарь древностей. Онъ стремится быть популярнымъ произведеніемъ и въ этомъ отношеніи вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Еще никогда у насъ не издавался такъ обильно и искусно иллюстрированный словарь. Съ другой стороны, онъ выбираетъ для своихъ сколько-нибудь важныхъ статей сотрудниковъ изъ числа наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ. Такъ въ послѣднемъ томѣ по исторіи востока написаны статьи г. Масперо, по римской исторіи статьи написаны г. Канье, по математикѣ статьи написаны г. Бобелонъ, по византійской исторіи—г. Шарль-Диль. Пятый томъ отъ Н до М заключаетъ въ себѣ 6200 гравюръ, 120 таблицъ и 84 карты. Это одно изъ удачнѣйшихъ изданій, какъ говорилъ мнѣ недавно одинъ издатель, которому, къ сожалѣнію, не пришла на умъ мысль предпринять подобное изданіе.

Л. Л—ръ.

ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ [1]).

VII.

Аѳаманы и Аминандръ.

Аѳаманы—небольшой народъ восточнаго Эпира, составлявшій въ концѣ III и началѣ II вѣка маленькое царство. Самый извѣстный царь аѳамановъ—Аминандръ, союзникъ этолійцевъ. Имя его много разъ встрѣчается у Поливія и Ливія въ исторіи конца III и начала II вѣка. Аѳаманы граничили съ перревами, долопами, амфилохами, Амвракіею, молоссами.

Аминандръ встрѣчается въ первый разъ въ 220 году. Скердиландъ, царь иллирійскій (именно народа лавеатовъ, жившихъ въ нынѣшней Черногоріи), грабилъ на морѣ. По просьбѣ Амины (Ἀμυνᾶς), царя аѳамановъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, Скердиландъ на возвратномъ пути домой присталъ съ 40 лемвами къ Навпакту и заключилъ условіе съ этолійцами о раздѣлѣ добычи и общемъ нападеніи на Ахаію: Polyb. IV, 16. Ἀμύνας есть сокращенная форма имени Ἀμύνανδρος, какъ Μενεστᾶς у Поливія же вмѣсто Μενέστρατος; Ἀπολλῶς вмѣсто Ἀπολλώνιος, Ἀπολλᾶς вмѣсто Ἀπολλόδωρος. Объясненіе двухъ послѣднихъ формъ я слышалъ отъ А. К. Наука. Вполнѣ вѣроятно, что Ἀμυνᾶς и есть Аминандръ, часто упоминаемый потомъ. Вѣроятно также, что Аминандра въ 220 году называли царемъ by courtesy. Въ числѣ актовъ безопасности, данныхъ разными городами

---

[1]) *Продолженіе.* См. іюньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1902 г.

и державами теосцамъ въ концѣ III и началѣ II вѣка ради бога Діониса, въ сборникѣ Le Bas Inscr. III, 83 помѣщенъ и актъ аѳамановъ. Онъ начинается словами: [Β]ασιλεὺ[ς Θ]εόδωρος [κα]ὶ Ἀμύνανδ[ρο]ς Τ[η]ΐων τῆι βουλῆι [κ]αὶ τ[ῶ]ι δήμωι χαίρειν. Вильгельмъ прочиталъ такъ по своему эстампажу и копіи Гебордея: Gött. gel. Anz. 1898 p. 217; у Леба читалось Πυθόδωρος. Чтеніе Вильгельма несомнѣнно подтверждается существованіемъ у аѳамановъ города Theudoria (упоминаемаго у Ливія) и дилосскимъ инвентаремъ архонта Димара, около 180 года: Диттенбергеръ Sylloge² 588. Въ немъ упоминается чаша (ποτήριον) съ надписью Ἀρτέμιδι Φίλα βασιλέως Θεοδώρου, v. 184. Въ другихъ двухъ мѣстахъ инвентаря, vv. 13 и 213, упоминаются подарки Φίλας τῆς Θεοδώρου. Вполнѣ правдоподобно, что Аминандръ былъ сынъ и соправитель Ѳеодора. А. В. Никитскій не считаетъ Ѳеодора отцомъ Аминандра потому, что въ надписи Мелитеи въ Bulletin de Corr. Hell. встрѣчается Аминандръ съ другимъ именемъ отца. Монсо (Monceaux) дѣйствительно принимаетъ, что Ἀμύνανδρος Μαχάειος, давшій 10 талантовъ городу Мелитеѣ на ворота и на стѣны (надпись издана въ Dialektinschriften подъ № 1453),—царь аѳамановъ. Но, конечно, онъ былъ бы названъ въ благодарственномъ постановленіи царемъ аѳамановъ. Этотъ Аминандръ Махаіевъ (сынъ Махаона; въ Ѳессаліи былъ обычай давать имена миѳическихъ героевъ — Іасонъ, Промиѳей, Полидоръ, Ликофронъ; самое имя Александръ, неупотребительное въ древнее время въ Аѳинахъ, въ средней Элладѣ, въ Пелопоннисѣ) былъ, судя по патронимической формѣ, ein Nordthessaler, говоритъ Фикъ; sine dubio civis Melitaeensis говоритъ Диттенбергеръ. Имя Аминандръ встрѣчается много разъ въ надписяхъ сѣверной Греціи—см. Dialektinschr. 1348, 1351, 1357. До сихъ поръ нѣтъ препятствія считать Ѳеодора отцомъ Аминандра.

Теосцы собираютъ свои грамоты главнымъ образомъ отъ такихъ городовъ, которые занимались завѣдомо морскими разбоями (такъ, отъ критскихъ городовъ, отъ этолійцевъ, отъ римлянъ, которые заключили въ 211 году съ этолійцами настоящій разбойническій договоръ для опустошенія Эллады) и во всякомъ случаѣ могли напасть съ моря или захватить отдѣльныхъ теосцевъ на морѣ. Вполнѣ понятно, что теосцы выхлопотали грамоту отъ дельфійцевъ: для нихъ важно было признаніе ихъ асиліи въ такомъ центрѣ Эллады. Любопытно, что теосцы взяли грамоту и отъ аѳамановъ. Вѣроятно, аѳаманы при Аминандрѣ производили и морскіе набѣги, при помощи этолійцевъ или иллирійцевъ, или сосѣднихъ и дружественныхъ городовъ Амвракіи или

Аргоса амфилоховскаго. Мы видимъ, Филиппъ отдаетъ Аминандру Закинѳъ.

Вилькенъ (Паули-Виссова, статья Amynandros) пріурочиваетъ грамоту аѳамановъ ко второй или третьей стратигіи Александра Калидонскаго — 196/5 или 185/4 года. Грамота этолійцевъ теосцамъ, сохранившаяся въ цѣлости (Dialektinschr. 1411), начинается словами Στραταγέοντος Ἀλεξάνδρου Καλυδωνίου Παναιτωλικοῖς. Очевидно, то была *первая* стратигія Александра. Конечно, вполнѣ вѣроятно, что теосцы выпросили грамоту отъ аѳамановъ тогда же, когда отъ этолійцевъ. О второй и третьей стратигіяхъ Вилькенъ думаетъ потому, что грамота отъ римлянъ дана въ 193 году, отъ критскихъ городовъ въ промежуткѣ между войною римлянъ противъ Филиппа и войною противъ Антіоха, т. е. въ томъ же 193 году или около того. Но грамота отъ этолійцевъ, а съ нею и грамота отъ аѳамановъ и грамота отъ дельфійцевъ (Dial. 2675), даны были несомнѣнно раньше, можетъ быть въ 208 году. Ничто не мѣшаетъ отнести первую стратигію Александра Калидонскаго къ 208/7 году, или къ одному изъ трехъ слѣдующихъ. Что эти три грамоты, этолійцевъ, дельфійцевъ, аѳамановъ, даны въ одно и то же время, доказывается именами теосскихъ пословъ, братьевъ Пиѳагора и Клита. Во всѣхъ прочихъ грамотахъ, полученныхъ теосцами, другія имена пословъ. Но можетъ быть поставлена первая стратигія Александра и на 213/212 годъ. А. В. Никитскій ищетъ отца или родственника царя Аминандра въ дельфійской проксеніи, данной одному аргеоійцу. *Въ географическомъ спискѣ* дельфійскихъ проксеновъ встрѣчаются два проксена изъ Аргеоіи, главнаго города аѳамановъ (у Ливія Argithea), въ разныхъ обломкахъ, въ разное, слѣдовательно, время, какъ видно изъ превосходной работы А. В. надъ обломками географическаго списка: Неоптолемъ и Тимокритъ. Сохранился обломокъ дельфійской проксеніи Неоптолему (Dial.-Inschr. 2640), конца или послѣднихъ десятилѣтій III вѣка. См. Никитскаго, Изслѣдованія, стр. 202. Но нѣтъ поводовъ каждаго аѳамана связывать съ царскимъ домомъ аѳамановъ. Въ Dial.-Inschr. 1341 встрѣчается Θεόδωρος Στομίου αργεοίεις.

Въ 209 году (см. статью мою „По поводу книги С. А. Жебелева“, *Журн. Минист. Народн. Просв.*, за 1902 г., май, отд. класс. филол., стр. 97) этолійцы присоединили своего сосѣда Аминандра, царя аѳамановъ, къ числу посредниковъ при переговорахъ о мирѣ съ Филиппомъ—adhibitus ab Aetolis et ex finitimis pacificator Amynander rex Athamanum: Liv. XXVII, 30. Аминандръ и другіе посредники дважды

собирались для примиренія римлянъ и этолійцевъ съ Филиппомъ: Appian. Maced. 3. Въ 205 году миръ между Филиппомъ и этолійцами состоялся; Аминандръ, вѣроятно, и тутъ былъ посредникомъ. О поведеніи Аминандра при заключеніи этого мира Ливій разсказываетъ странную исторію: Филиппъ далъ Аминандру Закиноъ съ тѣмъ, чтобы Аминандръ позволилъ провести войско чрезъ Аѳаманію въ верхнюю часть Этоліи. Этимъ походомъ македонянъ Филиппъ сломилъ духъ этолійцевъ и побудилъ ихъ просить мира (eam mercedem Amynandro dederat, ut per Athamaniam ducere exercitum in superiorem partem Aetoliae liceret, qua expeditione fractis animis Aetolos compulit ad petendam pacem: XXXVI, 31). Это у Ливія вставлено, какъ эпизодъ, въ изложеніе событій 191 года; но и въ краткомъ изложеніи событій 205 года (XXIX, 12) есть намекъ на чрезвычайныя мѣры, принятыя Филиппомъ, чтобы принудить этолійцевъ къ миру: Aetolos quibus voluit condicionibus ad petendam et paciscendam subegit pacem, *quod nisi omni vi perficere maturasset* etc.—Черезъ Аѳаманію дѣйствительно можно совершить обходное движеніе въ верхнюю Этолію. Къ сожалѣнію, въ отрывкахъ Поливія не сохранилось ни разсказа объ обстоятельствахъ, приведшихъ къ миру 205 года, ни упоминанія о пріобрѣтеніи Закиноа Аминандромъ. Мы видимъ Аминандра другомъ этолійцевъ во весь тотъ промежутокъ времени, пока Аминандръ упоминается, съ 220 до 189 года. Не видимъ, чтобы этолійцы раздражены были противъ Аминандра. Между тѣмъ умышленный пропускъ, и притомъ за вознагражденіе, черезъ свою землю врага въ тылъ этолійцевъ—поступокъ въ высшей степени враждебный. Можетъ быть, у Ливія не такъ разсказано, не въ той связи, не съ тѣмъ оттѣнкомъ.

Въ 205 году, нѣсколько позже, Аминандръ присутствовалъ при свиданіи Филиппа съ проконсуломъ П. Семпроніемъ въ Финикѣ эпирской, когда были заключены предварительныя условія мира между Филиппомъ и римлянами. Пизо (Geschichte der griechischen und mak. Staaten, II, p. 485) говоритъ, что Аминандръ, сосѣдъ этолійцевъ и македонянъ, былъ въ дружбѣ съ тѣми и другими; что въ 206 (или 205) году Аминандръ, бывшій до сихъ поръ нейтральнымъ, перешелъ на сторону Македоніи (p. 500), далъ пропускъ Филиппу и получилъ за это Закиноъ. Такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Можетъ быть, этолійцы сами были довольны, что Аминандръ пріобрѣлъ Закиноъ отъ Филиппа. Раньше—въ 211 году этолійцы вмѣстѣ съ Валеріемъ Левиномъ высаживались на Закиноѣ, взяли городъ кромѣ акрополя. Закиноъ былъ очень выгоднымъ пріобрѣтеніемъ, удобнымъ опорнымъ

пунктомъ для морскихъ экскурсій. Фриманъ (History of federal government) весьма удивляется тому, какъ могла состояться уступка острова царю области, отрѣзанной отъ моря. Но дѣло въ томъ, что Аминандръ былъ всегда за одно съ этолійцами и всегда легко могъ выйти къ морю.

Правителемъ Закиноа Аминандръ поставилъ Филиппа мегалополита, сына Александра. Этотъ Александръ выдавалъ себя за потомка Александра Великаго и назвалъ своихъ сыновей Филиппомъ и Александромъ и дочь Апамою. Апама стала женою Аминандра; неизвѣстно до или послѣ 205 года. Филиппъ мегалополитъ провожалъ сестру на бракъ въ Аѳаманію. По словамъ Аппіана, Филиппъ, видя, что Аминандръ слабъ и неопытенъ въ дѣлахъ, оставался при немъ и управлялъ дѣлами (ἐπεὶ τὸν Ἀμύνανδρον εἶδεν ἀσθενῆ καὶ πραγμάτων ἄπειρον, παρέμενε, τὴν ἀρχὴν διὰ τὸ κῆδος διοικῶν: Syr. 13). Ливій тоже говоритъ, что Филиппъ провожалъ Апаму на ея царскій бракъ и остался въ Аѳаманіи—quam regiis inclutam nuptiis maior ex fratribus Philippus secutus in Athamaniam fuerat. Похоже на то, что приведенныя выраженія Аппіана и Ливія вышли изъ недошедшаго до насъ текста Поливія. Ἀσθενής, повидимому, употреблено Аппіаномъ не въ смыслѣ физической, и не въ смыслѣ политической слабости, а въ значеніи слабости характера.

Въ 200 году римляне, начиная войну съ Филиппомъ, поднимали противъ него всѣхъ грековъ. Послы ихъ ѣздили и къ Аминандру, въ Аѳаманію: Polyb. XVI, 27. О времени этого объѣзда пословъ, тотчасъ послѣ нашествія Никанора на Аттику, объяснено въ статьѣ „По поводу книги г. Жебелева", стр. 100. Въ концѣ лѣта того же года Аминандръ прибылъ въ лагерь консула П. Сульпиція въ Иллирію и предложилъ свой союзъ противъ Филиппа. Консулъ поручилъ ему побудить этолійцевъ принять участіе въ войнѣ: Liv. XXXI, 28. Въ 199 году этолійцы и Аминандръ начали воевать противъ Филиппа. Въ 198 г., послѣ побѣды римлянъ при рѣкѣ Аоѣ, Аминандръ, мало надѣясь на своихъ воиновъ — quia suo militi parum fidebat—выпросилъ у консула Фламинина небольшой отрядъ и вторгся въ Ѳессалію, взявъ Феку, Гомфы и много маленькихъ укрѣпленій: Liv. XXXII, 13. 14. Аминандръ участвовалъ въ свиданіяхъ Фламинина съ Филиппомъ при Никеѣ въ Малійскомъ заливѣ, такъ подробно и живо описанныхъ Поливіемъ XVIII, 1. Послѣ свиданій Фламининъ послалъ Аминандра въ Римъ, „зная его за человѣка, которымъ легко управлять, который легко будетъ слѣдовать руководству тамошнихъ друзей (Фламинина),

а вмѣстѣ съ тѣмъ произведетъ эффектъ своимъ титуломъ царя“ — γινώσκων αὐτὸν εὐάγωγον μὲν ὄντα καὶ ῥᾳδίως ἐξακολουθήσοντα τοῖς ἐκεῖ φίλοις, ἐφ' ὁπότερ' ἂν ἄγωσιν αὐτόν, φαντασίαν δὲ ποιήσοντα καὶ προσδοκίαν διὰ τὸ τῆς βασιλείας ὄνομα. Передъ битвою при Киноскефалахъ Аминандръ присоединился къ войску Фламинина съ 1,200 пѣхоты аѳамановъ: Liv. XXXIII, 3. Послѣ битвы, на собраніи римскихъ союзниковъ въ лагерѣ Фламинина, у входа въ Темпы, римскій главнокомандующій предложилъ союзникамъ установить требованія, какія каждый имѣетъ представить къ побѣжденному Филиппу. Аминандръ говорилъ первый, сказалъ немного и умѣренно. Онъ просилъ, чтобы всѣ союзники позаботились объ аѳаманахъ: на нихъ по удаленіи римлянъ изъ Эллады Филиппъ можетъ обрушить свой гнѣвъ. Македонянамъ всегда легко справиться съ аѳаманами, по слабости и по сосѣдству ихъ земли: Polyb. XVIII, 36. Десять римскихъ легатовъ, установляя въ подробностяхъ условія мира съ Филиппомъ, предоставили Аминандру владѣть тѣми укрѣпленіями, которыя онъ покорилъ въ землѣ Филиппа (т. е. въ Ѳессаліи, и именно въ Перревіи): Polyb XVIII, 47; Liv. XXXIII, 34.— Но союзъ и дружба съ этолійцами побудили Аминандра принять сторону Антіоха, когда Антіохъ началъ войну съ римлянами и самъ прибылъ въ Грецію. Этолійцы и Антіохъ внушили Филиппу, шурину Аминандра, брату Апамы, человѣку тщеславному, надежду на македонскій престолъ, если онъ склонитъ Аминандра и аѳамановъ къ союзу съ Антіохомъ: Liv. XXXV, 47. Аминандръ въ концѣ кампаніи 192 г. занялъ Пелинней со своимъ ополченіемъ аѳамановъ; на зиму, когда союзники разошлись, онъ возвратился въ свою землю. Аминандръ вызвалъ изъ Закинѳа Филиппа мегалополита для военныхъ дѣйствій, а начальникомъ Закинѳа поставилъ Іерокла акрагантинца. Весною 191 года все быстро перемѣнилось съ прибытіемъ римскихъ войскъ. Царь Филиппъ помогалъ римлянамъ. Гарнизонъ аѳамановъ, бывшій въ Пелиннеѣ, сдался, а потомъ и начальникъ гарнизона Филиппъ мегалополитъ. Еще раньше взяты были укрѣпленія, отданныя Аминандру римскими легатами. Плѣнные воины аѳаманы были отданы Филиппу македонскому. Филиппъ хорошо обращался съ плѣнными, отпустилъ ихъ на родину и самъ вступилъ въ Аѳаманію, чтобы покорить ее, воспользовавшись удобнымъ случаемъ. Аминандръ съ женою и дѣтьми вышелъ изъ своего царства и нашелъ убѣжище въ Амвракіи. Катастрофа маленькаго аѳаманскаго царства произошла еще до пораженія Антіоха при Ѳермопилахъ: Liv. XXXVI, 13. 14. Послѣ битвы при Ѳермопилахъ Іероклъ акрагантинскій передалъ Закинѳъ за

деньги ахейской симполитіи (отъ ахейцевъ островъ былъ вытребованъ Фламининомъ во владѣніе римлянъ).

Въ статьѣ „По поводу книги А. В. Никитскаго“ мы приводили дальнѣйшія упоминанія Поливія и Ливія объ Аминандрѣ. Консулъ Ацилій потребовалъ у стратига Фенея выдачи Аминандра; но, очевидно, римляне не придавали значенія этому своему царю-непріятелю. Во время перемирія на шесть мѣсяцевъ, заключеннаго съ консуломъ Сципіономъ въ 190 году, этолійцы возстановили Аминандра на его царствѣ. Это подробно разсказывается у Ливія XXXVIII, 1. При этомъ довольно обстоятельно описывается и сама Аѳаманія. Этолійцамъ и аѳаманамъ удалось разбить и самого Филиппа, пришедшаго отражать Аминандра. Послѣ побѣды надъ Филиппомъ Аминандръ, „считая, что онъ уже прочно возвратилъ себѣ царство“ (δοκῶν ἤδη τὴν ἀρχὴν ἀνειληφέναι βεβαίως: Polyb. XXI, 25: выраженіе въ обычной манерѣ Поливія—принимать во вниманіе только описываемую минуту, не заглядывая даже въ близкое будущее), отправилъ пословъ и въ Римъ и въ Эфесъ къ Сципіонамъ (уже послѣ битвы при Магнисіи). Аминандръ оправдывался въ томъ, что онъ совершилъ свое возвращеніе на царство при помощи этолійцевъ, обвиняя Филиппа, и усердно просилъ римлянъ принять его снова въ союзъ (у Поливія тамъ же; близкій переводъ у Ливія XXXVIII, 3).

Въ 189 году Аминандръ выпросилъ обѣщаніе безопасности у консула Фульвія Нобиліора и явился въ его лагерь подъ Амвракію. Мы недавно разсказывали, какъ при посредствѣ Аминандра Амвракія сдалась римлянамъ. Болѣе мы не встрѣчаемъ Аминандра, не встрѣчаемъ и его сыновей или потомства. Довольно снисходительное обращеніе консула М. Фульвія съ Аминандромъ подъ Амвракіею не избавило, повидимому, этого маленькаго царя и его народа отъ наказанія за отпаденіе на сторону Антіоха. Вилькенъ напрасно говоритъ, что Аминандръ Frieden mit den Römern erlangte. Какъ раньше, послѣ побѣды надъ Филиппомъ, римляне позволили Аминандру присоединить къ своему царству взятыя имъ въ землѣ Филиппа (въ Перревіи) укрѣпленія, такъ теперь, послѣ окончательной побѣды надъ Антіохомъ, Филиппъ претендовалъ на Долопію и на самую Аѳаманію, на все царство Аминандра. Филиппъ послалъ въ Римъ пословъ жаловаться на этолійцевъ именно за то, что они отняли у него Аѳаманію и Долопію, и просилъ своихъ римскихъ друзей раздѣлить его гнѣвъ на этолійцевъ. Филиппъ былъ теперь правъ передъ судомъ римлянъ: онъ во время войны противъ Антіоха помогалъ римлянамъ. И вотъ рим-

ляне приняли его сторону, не хотѣли мириться съ этолійцами: Polyb. XXI, 31. Затѣмъ послѣдовало всетаки заключеніе мира римлянъ съ этолійцами: объ этомъ мирномъ договорѣ мы подробно говорили въ вышеупомянутой статьѣ „По поводу книги А. В. Никитскаго“. Ни Поливій, ни Ливій не упоминаютъ объ участи аѳамановъ при заключеніи мира 189 года. Но видно изъ дальнѣйшаго, что римляне позволили Филиппу въ 188 году покорить все царство аѳамановъ. У Ливія сохранилось изложеніе о жалобахъ оессалійцевъ и аѳамановъ на Филиппа передъ сенатомъ подробнѣе, чѣмъ въ отрывкахъ Поливія. Оессалійцы и перревы жаловались на занятіе нѣкоторыхъ городовъ, аѳаманы на то, что вся ихъ земля подпала подъ власть Филиппа. Въ 185 году римляне опять стали подозрительно относиться къ Филиппу, и римскіе послы въ Темпахъ судили Филиппа съ послами греческихъ народовъ. Аѳаманы просили возстановленія ихъ свободы, просили присоединить къ ихъ землѣ два укрѣпленія. Римляне рѣшили во всѣхъ пунктахъ противъ Филиппа: Liv. XXXIX, 25—26. Итакъ, Аѳаманія стала свободна, и вотъ въ сборникѣ или перечнѣ почетныхъ опредѣленій, данныхъ Кассандру, является и τὸ κοινὸν τῶν Ἀθαμάνων, почтившихъ этого неизвѣстнаго намъ Кассандра εἰκόνι χαλκῇ. Надпись Кассандра относится учеными ко времени около 166 года. А. В. Никитскій дѣлаетъ въ своей книгѣ большой экскурсъ объ этомъ документѣ (стр. 163 слѣд.—Диттенбергеръ Sylloge², № 291).

Въ амфиктіоновской грамотѣ Dialektinschr. 2528, при архонтѣ въ Дельфахъ Вавилѣ, являются аѳаманы въ числѣ амфиктіоновъ. Въ этой грамотѣ перечислено, вѣроятно, 12 іеромнамоновъ этолійцевъ, съ именами ихъ городовъ, хіосецъ, два дельфійца. Аѳаманъ былъ, конечно, одинъ, Ἀθαμάνων Θευδότου, а далѣе слѣдовало имя отца его, или имя города. По теоріи, изложенной въ статьѣ „Кефаллины въ Амфиктіоніи“, аѳаманамъ этолійцы дали, вѣроятно, голосъ перревовъ, бывшихъ подъ властью Филиппа. Перревы, долопы, аѳаманы были, вѣроятно, родными племенами. Перревы и долопы съ древнѣйшаго времени, я полагаю, имѣли по одному амфиктіоновскому голосу, какъ имѣли потомъ; это прямо указываетъ на ихъ родство, какъ и перечисленіе въ амфиктіоновскихъ спискахъ IV вѣка рядомъ Περραιβῶν Δολόπων, см. Dialektinschr. № 2502, стр. 660, № 2504. Такъ стоятъ имена депутатовъ одного племени, напр. Βοιωτῶν два такіе-то, Λοκρῶν два такіе-то. Долопія была въ III и II вѣкахъ присоединена къ Этоліи; ея голосъ этолійцы давали какому-нибудь этолійскому гражданину, *все равно, былъ ли онъ долопъ или нѣтъ*; а голосъ перревовъ

они дали, на эту пилею, вѣроятно, аѳаманамъ, по дружбѣ къ нимъ, объявивъ аѳамановъ перревами, или братьями перревовъ. Бaунакъ, повидимому, даетъ два голоса аѳаманамъ.

Грамоту 2528 Помтовъ относитъ къ 208 году, къ тому же, къ которому я склоненъ отнести грамоты аѳамановъ и этолійцевъ теосцамъ.

Есть монеты съ именемъ 'Αμύνανδρος; Ваддингтонъ читалъ на одномъ экземплярѣ имя аѳамановъ: Revue Numism. 1859, стр. 104—108. Имгофъ-Блумеръ Num. Z. X, 1878 написалъ большое изслѣдованіе о монетахъ Акарнаніи (съ Аргосомъ амфилоховскимъ). Онъ доказалъ, что на упомянутомъ экземплярѣ читается 'Αργείων; существуютъ и другіе экземпляры точно такого же типа, съ именемъ 'Αργείων и 'Αμύνανδρος. Бородатая голова совершенно такая же является на другихъ монетахъ амфилоховскаго Аргоса (многочисленныхъ) съ другими именами. Такъ что вполнѣ возможно, что 'Αμύνανδρος на монетахъ—чиновникъ амфилоховскаго Аргоса. Правда, этотъ городъ очень близокъ къ землѣ аѳамановъ, былъ, какъ и Амвракія, выходомъ для аѳамановъ къ морю. Вейль въ разборѣ названнаго сочиненія Имгофъ Блумера (Num. Zeitschrift, 1880, VII), склоненъ считать Аминандра монетъ за царя аѳамановъ.—Имя Аминандра, какъ мы видѣли, встрѣчается нерѣдко. Есть мѣдныя монеты 'Αθαμάνων.

VIII.

Птолемей Телмисскій.

Въ 189 году римскій сенатъ раздѣлилъ земли и города, отнятыя отъ Антіоха III, между Евменомъ пергамскимъ и родосцами. У Ливія, XXXVII, 56 — опять-таки изъ Поливія, перечисляются страны, отдаваемыя Евмену; въ концѣ перечисленія читается: et Cariam quae Hydrela appellatur, agrumque Hydrelitanum ad Phrygiam vergentem, et castella vicosque ad Maeandrum amnem, et oppida, nisi quae libera ante bellum fuissent, Telmesson item nominatim et castra Telmessium, praeter agrum qui *Ptolemaei Telmessii* fuisset: haec omnia, quae supra scripta sunt, regi Eumeni iussa dari. Rhodiis Lycia data extra eundem Telmessum et castra Telmessium et agrum qui Ptolemaei Telmessii fuisset. haec et ab Eumene et ab Rhodiis excepta. Этотъ не вполнѣ ясный текстъ становится понятнымъ при помощи Поливія XXI, 48: μετὰ δὲ ταῦτα 'Ροδίοις ἐχρημάτισαν διδόντες Λυκίαν καὶ Καρίας τὰ μέχρι Μαιάνδρου ποταμοῦ

πλὴν Τελμισσοῦ. Перечисленіе отданнаго Евмену оканчивается словами: Λυδίαν, Τράλλεις, Ἔφεσον, Τελμισσόν. Итакъ, Телмиссъ былъ отданъ Евмену (nominatim) и, конечно, castra Telmessium, какое-нибудь укрѣпленіе, χάραξ или στρατόπεδον, или φρούριον. Слова haec et ab Eumene et ab Rhodiis excepta относятся только къ одному ager qui Ptolemaei Telmessii fuisset, „бывшей землѣ Птолемея Телмисскаго".

Существуетъ постановленіе Телмиссцевъ (Τελμησσέων) въ честь Птолемея правителя: по всѣмъ вѣроятіямъ, этого самаго Птолемея Телмисскаго, упоминаемаго Ливіемъ. Вотъ текстъ этой надписи (издалъ Berard въ Bull. de Corr. Hellén. 1890, стр. 162 слл.=Michel, Recueil d'inscriptions grecques № 547):

Ἀγαθῆι τύχηι
[Βα]σιλεύοντος Πτολεμαίου τοῦ Πτολε-
μα]ίου καὶ Ἀρσινόης θεῶν ἀδελφῶν, ἔτους
ἑβδ]όμου μηνὸς Δύστ[ρ]ου, ἐφ' ἱερέως Θεοδό-
το]υ τοῦ Ἡρακλείδου, δευτέραι, ἐκκλησίας κυ-
ρί]ας γενομένης, ἔδοξε Τελμησσέων
τ]ῆι πόλει. Ἐπειδὴ Πτολεμαῖος ὁ Λυσιμά-
χο]υ, παραλαβὼν τὴν πόλιν παρὰ βασιλέ-
ως Πτ]ολεμαίου τοῦ Πτολεμαίου κακῶς
διακει]μένην διὰ τοὺς πολέμους ἔν τε τοῖ[ς
ἄλλοις ἐ]πιμελόμενος διατε[λεῖ] κοινῆι τε τῶν
πολιτῶ]ν καὶ ἰδίαι ἑκάστου [κ]αὶ ὁρῶν ἐν πᾶσιν
θλιβο]μένους ἀφεῖκεν ἀτε[λε]ῖς τῶν τε ξυλί-
νων κ]αρπῶν καὶ ἐννομίων, [ἐ]ποίησε δὲ καὶ τῆς
σιτ]ηρᾶς ἀπομοίρας καὶ ὀσπρίων καὶ κέ[γ-
χρ]ου καὶ ἐλύμου καὶ σησάμου καὶ θέρμων πρό-
τε]ρον τελωνουμένους σκληρῶς κατὰ τὸν
νό]μον τελεῖν δεκάτην μετροῦντας ν[έ]ατα
τῶ]ι τε γεωργῶι καὶ τῶι δεκατώνηι, τῶν δὲ λο-
ιπῶ]ν τῶν συγκυρόντων τῆι σιτηρᾶι ἀπομ[ο-
ίραι] ἀφῆκεν πάντων ἀτελεῖς, δεδόχθαι Τε-
λμη]σσεῦσιν ἐπαινέσαι Πτολεμαῖον ἐπι[στρ-
άτηγο]ν εὐνοίας ἕνεκεν ἣν ἔχων διατελεῖ εἰς τὴν
πό]λιν τὴν Τελμησσέων καὶ ἱδρύσασθαι ὑ-
πὲ]ρ αὐτοῦ Διὶ Σωτῆρι βωμὸν ἐν τῆι ἀγορᾶι ἐν
τῶ]ι ἐπιφανεστάτωι τόπωι καὶ θύειν κατ' ἐνια[υ
τὸ]ν ἐν μηνὶ Δύστρωι τῆι ἑνδεκάτηι βοῦν τρι-

ετ]ὴν, συμπορεύεσθαι δὲ πάντας τοὺς π[ο-
λί]τας καὶ τοὺς παροίκους ἐπὶ τὴν θυσίαν. ἐὰν
δὲ] μὴ συντελῆι ὁ ἄρχων καὶ οἱ πολῖται τὴν
θυσ]ίαν κατ' ἐνιαυτὸν, ἁμαρτωλοὶ ἔστωσαν
θεῶ]ν πάντων καὶ ἀπο[τι]ν[έ]τω ὁ ἄρχων ἱερὰς [τ-
οῦ] Διὸς Σωτῆρος δραχμὰς χιλίας ἐὰ[ν
μὴ] διὰ πόλεμον εἴ[ργη]ται τὴν θυσίαν συν[τε-
λεῖ]ν. Τὸ δὲ ψήφισμα τοῦτο ἀναγραψάτω ὁ ἄρ-
χ]ων εἰς στήλην λιθίνην καὶ στησάτω ἐν τῶι
τῆ]ς 'Αρτέμιδος ἱερῶι ἐν τῶι ἐπιφανεστάτωι τό-
πω]ι, τὸ δὲ γενόμενον ἀνήλωμα ἐνενκάτ[ω
τ]ῆι πόλει.

Дополненія принадлежатъ Магаффи — Revenue Laws, Introduction стр. LIII сля. [Οἰν]ηρᾶς, ν[έ]ατα приняты всѣми учеными. The tithe would be estimated on an average yield of the area under cultivation for each sort of produce Магаффи. На камнѣ νατα. 'Επιστράτηγον (ст.) 22 сл. мое предположеніе; такой титулъ носятъ губернаторы большихъ провинцій въ Египтѣ при Птолемеяхъ; дополняютъ ἐπι[μελητή]ν.

2 Дистра 7-го года Птолемея III—1 іюня 240 года до Р. Х., если примѣнить времясчисленіе Канопскаго декрета (см. статью мою „Ежегодные праздники пиоійскій и немейскій"). Птолемей, сынъ Лисимаха, поставленный правителемъ Телмисса, былъ, по всей вѣроятности, племянникъ царя Птолемея Евергета, сынъ его брата Лисимаха. Въ этомъ убѣждаютъ большія полномочія правителя [1]) и то, что ему данъ былъ удѣлъ, особая земля, ager qui Ptolemaei Telmessii fuisset. Безъ сомнѣнія этотъ правитель Телмисса и есть Ptolemaeus Telmessius, упомянутый у Ливія. Въ надписи сказано: „Птолемей сынъ Лисимаха, получилъ отъ царя городъ Телмиссъ въ худомъ состояніи по причинѣ войнъ (продолжительныя войны Евергета съ Селевкомъ Каллиникомъ); освободилъ телмиссцевъ отъ налоговъ на древесные плоды и на пастбища; облегчилъ ихъ въ сборѣ доли вина, въ налогахъ на всѣ стручковые плоды и на просо, черное просо, сезамъ, лупинъ: прежде они подвергались тяжелымъ взысканіямъ откупщиковъ по закону, а онъ постановилъ, чтобы они вносили десятину, отмѣривая изъ новаго сбора [2]) земледѣльцу и откупщику де-

[1]) Магаффи думаетъ точно такъ же: J do not believe that any governor deputed by Ptolemy could possibly have made such concessions: Introd. LV.

[2]) Такъ всего проще, хотя не совсѣмъ такъ у Магаффи.

сятины, а отъ остальнаго всего, что относится къ сбору хлѣбной доли, освободилъ; за это Телмиссцы постановили похвалить Птолемея правителя и пр. и водрузить за него жертвенникъ Зевсу Спасителю на агорѣ на самомъ видномъ мѣстѣ и приносить въ жертву ежегодно 11 дистра трехлѣтняго быка; и чтобы всѣ граждане и парійки приходили на жертву; а если архонтъ и граждане не будутъ совершать ежегодно жертву, то будутъ грѣшниками передъ всѣми богами, и архонтъ долженъ заплатить въ святыню Зевса Спасителя 1000 драхмъ, развѣ война помѣшаетъ ему совершить жертву. А это постановленіе пусть архонтъ напишетъ на каменной стилѣ и поставитъ въ святынѣ Артемиды" и пр.

Облегченія, данныя Птолемеемъ телмисцамъ весьма значительны. Магаффи слова κατὰ τὸν νόμον относитъ къ словамъ τελωνουμένους σκληρῶς, значитъ взысканія откупщиковъ были *по закону* (the population had been oppressively taxed and worried by the τελῶναι and this *according to the law*).

Неизвѣстно, когда родился Птолемей III; его племяннику Птолемею могло быть 18 лѣтъ въ 240 году; Лисимахъ родился раньше 273 года: вотъ все, что можетъ сказать Strack—Die Dynastie der Ptolemäer—объ его возрастѣ. Вильгельмъ въ Gött. Gel. Anzeigen 1898, стр. 209 сл. полагаетъ, и по моему мнѣнію справедливо, что въ CIGr. 4677 идетъ дѣло о сынѣ Птолемея Телмисскаго и о немъ самомъ. Вотъ эта надпись:

Πτολεμαῖον τὸν ἀρχισωματοφύλακα
καὶ ἀρχικυνηγόν, τὸν Πτολεμαίου
τῶν πρώτων φίλων καὶ ἀρχικυνηγοῦ υἱόν,
τὸ κοινὸν τῶν Λυκίων ἀρετῆς ἕνεκεν
καὶ εὐνοίας ἧς ὁ πατὴρ αὐτοῦ διατελεῖ
παρεχόμενος εἴς τε βασιλέα Πτολεμαῖον
καὶ τὴν ἀδελφὴν βασίλισσαν Κλεοπάτραν
θεοὺς Ἐπιφανεῖς καὶ Εὐχαρίστους καὶ τὰ τέκνα
καὶ εἰς τὸ κοινὸν τῶν Λυκίων.

Cleopatra uxor Epiphanis soror audit sollemni more, замѣчаетъ Franz. Надпись списалъ Millingen въ Ливорно; неизвѣстно, откуда камень привезенъ. Францъ думаетъ, что изъ Александріи.—Замѣчательно, что ликійцы говорятъ только о заслугахъ Птолемея-отца, который живъ и постоянно заступается за нихъ. Надпись не можетъ быть

раньше 189 года: Птолемей V Эпифанъ женился въ 193/2 году. Птолемею Телмисскому въ 189 году было, вѣроятно, 70 лѣтъ. Была причина, почему римляне выдѣлили удѣлъ его изъ доли Евмена и изъ доли родосцевъ. Вѣроятно, римляне хотѣли возвратить удѣлъ Птолемею; потомъ объ удѣлѣ Птолемея Телмисскаго нѣтъ упоминаній. Вѣроятно, Антіохъ III, овладѣвъ Ликіею послѣ смерти Птолемея IV Филопатора (т. е. послѣ 204 г.), отобралъ и удѣлъ Птолемея Телмисскаго (у Ливія говорится о „бывшемъ" удѣлѣ). Прямыхъ извѣстій о покореніи Ликіи Антіохомъ III нѣтъ; но *изъ отнятыхъ отъ Антіоха* земель римляне даютъ Ликію родосцамъ. Еслибы Ликія въ 189 году принадлежала Птолемею царю египетскому, то римляне не тронули бы ее: они были союзники и даже покровители Птолемея V. Нѣтъ упоминаній, что на Ликію претендовалъ царь Филиппъ; онъ старается овладѣть Каріею, Кикладами. Также не дали бы римляне родосцамъ *свободныхъ* ликійцевъ. Потомъ, когда ликійцы жалуются на родосцевъ, римляне говорятъ, что дали Ликію Родосу въ союзъ, а не въ рабство.

Тлиполемъ, сынъ Артапата, ликіецъ сталъ на короткое время правителемъ Египта въ малолѣтстве Птолемея V. Но изъ любопытнаго обломка, изданнаго г. Никитскимъ, правда, нельзя сдѣлать какого-либо вывода о времени прекращенія власти Египта надъ Ликіею.

Низе II, стр. 749, Holleaux Revue de Philol. 1894 считаютъ Ptolemaeum Telmessium Ливія *сыномъ* Птолемея Телмисской надписи 240 года; но Вильгельмъ считаетъ того и другого за одно и то же лицо. На это у Вильгельма хорошія основанія. Во первыхъ, въ дилосскомъ инвентарѣ архонта Димара отмѣчена фіала, пожертвованная Птолемеемъ, сыномъ Лисимаха, и прибавлено, что, по заявленію Херея, даръ поднесенъ во время его власти (ἃς ἔφασαν ἀνατεθῆναι ἐπὶ τῆς αὐτῶν ἀρχῆς Χαιρέας καὶ Τελεσπόκριτος—Диттенбергеръ Sylloge², 588, vs. 94). По расчету Омоля, Bulletin de Corr. Hell. 1882, Χαιρέας былъ архонтомъ за восемь лѣтъ до Димара, слѣдовательно около 188. Во вторыхъ, Птолемей заступается за ликійцевъ еще около того же времени по надписи CIGr. 4677. Итакъ, въ трехъ надписяхъ, телмисской 240 года, инвентарѣ Димара и CIGr. 4677 является одинъ и тотъ же Птолемей сынъ Лисимаха, племянникъ Птолемея III Евергета [1]).

Дочь этого Птолемея, сына Лисимаха, племянника Птолемея III, Вереника признана нами въ рескриптѣ царя Антіоха Анаксимброту

[1]) Весьма вѣроятно, что даръ Птолемея Аполлону дилосскому и постановленіе ликійцевъ, то и другое около 189 года, въ связи съ рѣшеніемъ сената.

(см. статью „Антіохъ иліонскихъ надписей", стр. 29 отдѣльнаго оттиска). Всѣ безъ исключенія ученые принимаютъ, что это рескриптъ Антіоха II. Въ упомянутой статьѣ мы не касались Ptolomaei Telmessii Ливія и надписей, относимыхъ къ нему. Рескриптъ Анаксимвроту, какъ доказывается въ моей статьѣ, принадлежитъ Антіоху III и относится къ 213 году приблизительно. Всѣ результаты изслѣдованія Вильгельма о Птолемеѣ Телмисскомъ вполнѣ подтверждаютъ мое мнѣніе о рескриптѣ Анаксимвроту. Въ 213 году Птолемею Телмисскому было, значитъ, 45 лѣтъ, и у него могла быть взрослая дочь, Вереника; ее Антіохъ III назначилъ верховной жрицей (ἀρχιέρεια) своей супруги Лаодики, ἀδελφῆς βασιλίσσης, какъ Антіохъ III называетъ свою Лаодику въ сигейской надписи и въ этомъ рескриптѣ.

Но Вильгельмъ, вмѣстѣ со всѣми учеными, приписываетъ рескриптъ Анаксимвроту Антіоху II и поэтому считаетъ Веренику ἀρχιέρειαν дочерью Птолемея, сына *царя* Лисимаха. Птолемей, сынъ царя Лисимаха, послѣ гибели отца (281) и убіенія Селевка Птолемеемъ Керавномъ, воевалъ, въ союзѣ съ Монуніемъ, царемъ иллирійскимъ (дарданскимъ) противъ Птолемея Керавна въ Македоніи: Trog. Pomp. prol. 24. Вѣроятно, онъ же названъ въ числѣ претендентовъ на Македонское царство послѣ галльскаго разоренія у Евсевія (Порфирія) и въ отрывкахъ Діодора. См. Дройзена III, 268. Затѣмъ о немъ нѣтъ никакихъ упоминаній. Второе и послѣднее упоминаніе относится къ 279 году, не позже. Омоль сообщилъ Вильгельму изъ неизданной дилосской надписи упоминанія о вкладахъ Πτολεμαίου τοῦ βασιλέως Λυσιμάχου, βασιλέως Πτολεμαίου τοῦ Λυσιμάχου, Πτολεμαίου τοῦ Λυσιμάχου: Gött. Gel. Anz. 1898.—Первые два вклада сдѣланы, конечно, претендентомъ Птолемеемъ, сыномъ царя Лисимаха, и, должно быть, около 279 года. Отожествленіе этого Птолемея съ filius Ptolemaei regis Trog. prol. 26 и Athen. XIII p. 593 Πτολεμαῖος—υἱὸς ὢν τοῦ Φιλαδέλφου невозможно. Вильгельмъ и Белохъ видятъ въ немъ сына и соправителя Филадельфа, упоминаемаго въ нѣкоторыхъ папирусахъ. Но Штракъ, Магаффи, Низе думаютъ, что этотъ соправитель, упоминаемый до 259 года,—Евергетъ до воцаренія въ Киринѣ. *Усыновленный* Филадельфомъ не могъ бы въ надписяхъ называться сыномъ Лисимаха.

Я убѣжденъ, что рескриптъ Анаксимвроту принадлежитъ Антіоху III, а не II. Ученые, какъ мною изложено въ статьѣ „Антіохъ иліонскихъ надписей", невѣрно понимаютъ слова ἀδελφὴ βασίλισσα въ смыслѣ родной сестры, между тѣмъ какъ это только деликатное наименованіе

супруги. Въ этой самой статьѣ намъ встрѣтилось выраженіе *ἀδελφὴν βασίλισσαν* какъ наименованіе Клеопатры, жены Птолемея Эпифана, дочери Антіоха III. Кромѣ того, ученые невѣрно считаютъ Лаодику [1]), жену Антіоха II, его родной сестрой, по Поліену, между тѣмъ какъ Порфирій, достовѣрный авторъ, говоритъ, что она была дочерью Ахея, говоритъ и объ ея братѣ Александрѣ, правителѣ Сардъ, разсказываетъ ходъ событій.

Позволю себѣ исправить двѣ ошибки статьи „Антіохъ иліонскихъ надписей“.

Во-первыхъ, надпись съ рескриптомъ Антіоха Анаксимвроту принадлежитъ не Кивирѣ, а, вѣроятно, *Эризѣ*, какъ думаетъ Вильгельмъ. Кивира теперь Хорзумъ, а на мѣстѣ Дурдуркара, находящагося къ сѣверу отъ Кивиры, былъ какой-нибудь другой городъ; можетъ быть, Эриза, Ἔριζα. Кивира была долго подъ властью тиранновъ, но правившихъ умѣренно,—ἐτυραννεῖτο δ' ἀεὶ σωφρόνως δ' ὅμως—Strabo XIII, 4, 17. При Антіохѣ III въ Кивирѣ былъ тираннъ Моагетъ, Polyb. XXI, 34, владѣвшій еще двумя городами. Вѣроятно, онъ признавалъ верховную власть Антіоха; но можетъ быть, для него было благопріятнымъ обстоятельствомъ, что его владѣніе лежало между землями царства Селевкидовъ и Ликіею и Каріею, владѣніями Птолемеевъ. Гн. Манлій Вульсонъ консулъ взялъ значительную контрибуцію съ Моагета, какъ подробно разсказываетъ Поливій. Весьма важно подробное описаніе похода Гн. Манлія внутрь Малой Азіи 189 года, сохранившееся у Ливія. Селевкъ, сынъ Антіоха III, сопровождалъ консула, сдавалъ ему провинціи и города. Консулъ шелъ какъ разъ вдоль южной границы Селевкидскихъ владѣній, *каковы они были до 204 года*, такъ что на сѣверъ отъ полосы, пройденной консуломъ,

---

[1]) Настоящая Лаодика, жена Антіоха II, не называется не только ἀδελφὴ βασίλισσα, но даже и просто *βασίλισσα* въ недавно изданной Haussoullier надписи: Lehmann, Beiträge I, p. 295, 299. Въ рескриптѣ Анаксимвроту царь Антіохъ установляетъ божескія почести своей „сестры царицы Лаодики“. Между тѣмъ божескихъ почестей Лаодики, жены Антіоха II, не было установлено. Замѣчательно, что сынъ этой Лаодики Селевкъ II Каллиникъ держитъ божескій культъ своей бабушки Стратоники и не упоминаетъ о культѣ матери своей. Въ большой Смирнской надписи (CIG. 3137, Michel 19) смирнцы, вѣрноподданные Селевка II, говорятъ: διὰ τὸ τὸμ πατέρα αὐτοῦ θεὸν Ἀντίοχον καὶ τὴν μητέρα τὴν τοῦ πατρὸς θεὰν Στρατονίκην ἱδρῦσθαι παρ' ἡμῖν. Антіохъ II лишилъ Лаодику царскаго сана, удалилъ ее; она приняла сторону Антіоха Іерака противъ Селевка II. Однимъ словомъ, любовныя выраженія рескрипта Анаксимвроту не подходятъ къ Лаодикѣ и Антіоху II, но вполнѣ подходятъ къ другой Лаодикѣ и Антіоху III.

лежали земли, отдаваемыя Евмену, а на югъ земли, назначенныя родосцамъ. Въ 213 году Анаксимвротъ былъ, вѣроятно, сатрапомъ Фригіи. Антіохъ III объявляетъ ему объ установленіи культа „сестры царицы“ Лаодики, и о томъ, что ἀρχιέρεια въ его сатрапіи будетъ Вереника. Анаксимвротъ сообщаетъ объ этомъ начальникамъ округовъ или уѣздовъ и, во исполненіе царскаго повелѣнія, предписываетъ Діонитѣ (Διονυτᾷ) вырѣзать копію царскаго указа на камнѣ и поставить на самомъ видномъ мѣстѣ въ главномъ городѣ округа. Экземпляръ, поставленный въ главномъ городѣ округа Діониты, и дошелъ до насъ. Эриза [1]) упоминается Ливіемъ XXXVIII, 14 въ описаніи похода Гн. Манлія. Римляне берутъ Эризу primo impetu. Такъ что всетаки взяли силою. Подходитъ ли это къ положенію окружного города одного изъ округовъ сатрапіи царства Селевкидовъ? Въ описаніи Ливія Эриза и даже Табы, болѣе западный городъ, отнесены къ Писидіи. Города Писидіи были въ значительной степени самостоятельны и непокорны царямъ. Но Эриза скорѣе относится къ южной Фригіи, Табы—даже къ Каріи.

Во-вторыхъ, я невѣрно приписалъ Бёку догадку о томъ, что Селевкида смирнской и такъ называемой сигейской надписей была часть Каппадокіи. Эта догадка всецѣло принадлежитъ Дройзену. Въ статьѣ моей она опровергается.

Въ заключеніе отмѣчу, что Ахей, существованіе котораго мною предположено, отецъ Александра и Ахея, Лаодики и Антіохиды, былъ, вѣроятно, сыномъ Селевка I. Въ честь Ахея были основаны города— Ахаида, Ахаія или Ахея—Дройзенъ насчитываетъ три города въ восточной части царства Селевкидовъ. Свои имена городамъ даютъ только царствующія лица или ихъ ближайшіе родственники.

IX.

Битва при Косѣ.

Въ Beiträge zur alten Geschichte К. Ф. Лемана, I, стр. 289 сл. помѣщена статья Белоха о загадочной „битвѣ при Косѣ“, морскомъ сраженіи Антигона Гоната съ флотомъ Птолемея. Въ статьѣ „Аѳинское постановленіе въ честь Аристомаха аргосскаго“, въ *Журн. Мин.*

[1]) Топографія Эризы—предметъ особой статьи въ 1 томѣ текущей третьей серіи Ἐφημερίδος Ἀρχαιολογικῆς.

Нар. Просв. за 1879 годъ, я касался битвы при Косѣ, которой Дройзенъ придалъ чрезмѣрное значеніе, выставилъ ее на первый планъ. Появленіе статьи Белоха возбудило во мнѣ надежду, не нашлось ли какого-нибудь хотя бы маленькаго, частнаго, но твердо установленнаго факта, который позволилъ бы опредѣлить время и обстоятельства событія. Въ изслѣдованіи такихъ темныхъ періодовъ достаточно *твердо* установить хотя бы какую-нибудь съ перваго взгляда незначительную подробность; около нея могутъ остановиться и размѣститься другія упоминанія.

Къ сожалѣнію, такой, точно опредѣленной, подробности не нашлось до сихъ поръ. Въ статьѣ Белоха много любопытныхъ догадокъ, и ни одно соображеніе не можетъ быть названо убѣдительнымъ. Но все-таки чтеніе статьи побуждаетъ меня къ пересмотру предмета.

Плутархъ въ разныхъ сочиненіяхъ три раза повторяетъ одинъ и тотъ же анекдотъ объ Антигонѣ Гонатѣ. „Антигонъ второй вообще былъ не тщеславенъ и умѣренъ, а въ морскомъ сраженіи при Косѣ, когда одинъ изъ служившихъ (φίλων, чиновниковъ) сказалъ: „Развѣ ты не видишь, что непріятельскихъ кораблей гораздо больше?“ отвѣчалъ: „а во сколько кораблей ты считаешь то, что я самъ здѣсь?“ (De se ipsum laudando). Въ „Изреченіяхъ царей и полководцевъ“ въ числѣ изреченій Антигона второго приводится то же выраженіе, со вступительными словами: Μέλλων δὲ ναυμαχεῖν πρὸς τοὺς Πτολεμαίου στρατηγούς. Въ біографіи Пелопида то же, со вступительными словами: Ἀντίγονος ὁ γέρων, ὅτι ναυμαχεῖν περὶ Ἄνδρον ἔμελλεν. Итакъ, въ одномъ мѣстѣ морское сраженіе при Косѣ, въ другомъ при Андросѣ, въ третьемъ просто морское сраженіе Антигона Гоната. Объ Антигонѣ Старикѣ разсказывается тотъ же анекдотъ, что объ Антигонѣ Второмъ. Антигонъ ὁ γέρων, конечно, Антигонъ Гонатъ, хотя и его дѣдъ Антигонъ, полководецъ Александра, Антигонъ Одноглазый, дожилъ до 80 лѣтъ, какъ Антигонъ Гонатъ.

Белохъ, также какъ и я въ упомянутой статьѣ, придаетъ главное значеніе словамъ Діогена Лаертія IV, 39 μετά τε τὴν Ἀντιγόνου ναυμαχίαν πολλῶν προσιόντων καὶ ἐπιστόλια παρακλητικὰ γραφόντων αὐτὸς (Аркесилай) ἐσιώπησεν. Итакъ, была *морская битва* Антигона, конечно побѣда, какъ ἱππομαχία Персея. Была одна побѣда, а самъ Плутархъ сбивается, не помнитъ хорошо, въ какомъ сраженіи сказаны приводимыя имъ слова.

Побѣда при Косѣ упоминается еще Аѳинеемъ V, p. 209 e: παρέλιπον δ' ἑκὼν ἐγὼ τὴν Ἀντιγόνου ἱερὰν τριήρη, ᾗ ἐνίκησε τοὺς Πτολεμαίου

στρατηγοὺς περὶ Λεύκολλαν τῆς Κῴας, ὅπου δὴ καὶ τῷ Ἀπόλλωνι αὐτὴν ἀνέθηκεν. Белохъ говоритъ, что со стороны Дройзена произволъ относить упоминаніе Аоинея къ побѣдѣ Димитрія при Саламинѣ 306 года, потому что мысъ Левколла на Косѣ не упоминается, а упоминается на Кипрѣ. Однако, далѣе у Аоинэя отнесены къ той же побѣдѣ стихи комика Алексиса—βασιλέως Ἀντιγόνου νίκης καλῆς. Алексисъ умеръ въ 284 году, и его стихи могутъ относиться только къ Антигону, отцу Димитрія Поліоркита. Такъ что въ этомъ случаѣ Дройзенъ, кажется, правъ.

Битва при Андросѣ упоминается въ прологѣ 27 книги Трога Помпея: et Antigonus (Antigonum) proelio navali prona (oprona) vicerit. Гутшмидтъ (и К. Миллеръ) поставилъ Antigonus—Sophrona vicerit. Софронъ упоминается у Аѳинея XIII, 64; онъ былъ, кажется, египетскимъ (ученые думаютъ, селевкидскимъ) начальникомъ Эфеса около 247 года. Я предполагалъ, что была одна морская побѣда Антигона Гоната, уже въ старости, при Андросѣ, около 243 (Аристомахъ, стр. 33 отд. оттиска). Низе также принимаетъ, что битва при Андросѣ произошла между 245 и 243 годами и была побѣдою Антигона (Gesch. d. gr. u. mak. Staaten II, p. 151).

Белохъ возражаетъ противъ этого хронологическаго опредѣленія, что Трогъ упоминаетъ о битвѣ при Андросѣ между смертію Зіаила, царя виѳинскаго (229), и смертію Антіоха Іерака (около 227). Такимъ образомъ выходитъ, что при Андросѣ сражался Антигонъ Досонъ или Третій, сдѣлавшійся македонскимъ царемъ въ началѣ 229. Надобно замѣтить, что порядокъ событій въ прологахъ Трога довольно точенъ. Мнѣ самому удалось, на основаніи прологовъ Трога, установить войну Антигона Гоната противъ Александра, сына Кратера, на начало 250-хъ годовъ, или конецъ 260-хъ, на время послѣ Хремонидовской войны, и это превосходно подтвердилось новыми эпиграфическими находками. Битва при Косѣ у Трога не упоминается. Итакъ, пожалуй, отнесемъ битву при Андросѣ, была ли она побѣдою или пораженіемъ Антигона, поставимъ ли Antigonus Sophrona или Antigonum Sophron vicerit, къ началу царствованія Антигона Досона. Белохъ ставитъ битву при Андросѣ въ связь съ плаваніемъ Антигона Досона въ Азію (Polyb. XX, 5) или походомъ въ Карію (Trog. 28). Но „покореніе“ Каріи Антигономъ разсказывалось Трогомъ въ 28-ой книгѣ, слѣдовательно совсѣмъ въ другой связи событій и позже. Трогъ о битвѣ при Андросѣ говоритъ въ 27-ой книгѣ, а о царствованіи Димитрія, сына Антигона, и о царствованіи Досона въ 28-ой.

Такъ что по Трогу выходитъ какъ я опредѣлялъ раньше. Самый этотъ походъ въ Карію опять-таки совершенно неизвѣстенъ. Если только что приведенныя упоминанія Полиэнія и Трога относятся къ одному и тому же событію, то совсѣмъ невѣроятно, чтобы послѣ стоянья на мели, при чемъ даже віотійская конница была опасна македонскому флоту (Полиэній), этотъ флотъ еще сражался при Андросѣ. Однимъ словомъ, все въ глубокомъ мракѣ.

Неважно, что Плутархъ одинъ и тотъ же анекдотъ относитъ къ разнымъ битвамъ. Такихъ примѣровъ много.

Въ какихъ войнахъ происходили эти битвы при Косѣ, при Андросѣ? Также невозможно опредѣлить до открытія какихъ-нибудь новыхъ указаній. Войнъ между царями было много въ Эгейскомъ морѣ въ III вѣкѣ. Въ недавно найденной надписи острова Өиры говорится о „продолжительныхъ войнахъ“—μαχροὶ πόλεμοι (въ надписи ω имѣетъ такую же форму, какъ въ извѣстной ольвійской надписи Протогена).

Белохъ ставитъ битву при Косѣ, побѣду Антигона Гоната, на годы 258—256. Я думаю, что это правдоподобно, но не по тѣмъ причинамъ, какія отмѣчаетъ Белохъ. Онъ говоритъ о подаркѣ Антигона и Стратоники (жены его сына?) на Дилѣ въ годъ архонта Фана, около 252 года. Но почему же этотъ даръ имѣетъ отношеніе къ битвѣ при Косѣ? Другія причины еще ничтожнѣе.

Также и о войнѣ, во время которой была битва при Косѣ, предположенія Белоха весьма слабы.

Можетъ быть, ναυμαχία Антигона (была ли она при Косѣ или въ другомъ мѣстѣ) произошла во время его войны противъ Александра, сына Кратера, о которой говорится въ моихъ статьяхъ „Постановленіе въ честь Аристомаха“ и „Александръ сынъ Кратера“. Эта война была въ свое время главнымъ событіемъ политической исторіи Эллады. Белохъ говоритъ: bekanntlich ist das auf den chremonideischen Krieg folgende Jahrzehnt die dunkelste Periode der ganzen Geschichte des III Jahrhunderts und der griechischen Geschichte seit den Perserkriegen überhaupt. Я убѣжденъ, что въ упомянутыхъ статьяхъ это темное десятилѣтіе значительно объяснено. Въ это десятилѣтіе именно и царствовалъ въ Евбіи и Коринөѣ Александръ, сынъ Кратера. Ученые до сихъ поръ еще не отгадали этого; и въ послѣдней большой исторіи III вѣка (Низе, II p. 248), и во всѣхъ отдѣльныхъ статьяхъ, возмущеніе Александра противъ Антигона Гоната отнесено ко времени около 245 года. Затѣмъ надобно помѣстить царствованіе

Александра (τοῦ βασιλεύσαντος Εὐβοίας: Свида п. сл. Εὐφορίων), свадьбу его вдовы Никеи съ Димитріемъ, при чемъ Антигонъ снова овладѣлъ Акрокориноомъ; а въ 243 году Кориноъ уже освобожденъ Аратомъ. Какъ же ученые не видятъ такой несообразности? Изъ надписей явно, что война Александра съ Антигономъ была продолжительная. Въ прологахъ Трога сказано, что эта война была послѣ (dehinc), очевидно скоро послѣ смерти Арея, бывшей въ 265 году. Изъ надписей видно, что послѣ взятія Аоинъ Антигономъ. Александръ не былъ усмиренъ Антигономъ, царствовалъ до своей смерти. Положимъ, онъ царствовалъ съ 262 до 247: истинныя цифры, я увѣренъ, недалеко будутъ разниться отъ этихъ—когда наконецъ откроются въ надписяхъ или папирусахъ. Ученыхъ сковываетъ до сихъ поръ разсказецъ Плутарха v. Arati 15: Антигонъ дѣлалъ видъ, что не враждуетъ противъ Арата (послѣ освобожденія Сикіона); когда Антигонъ пріѣзжалъ въ Кориноъ, то посылалъ отъ своихъ жертвъ (соединенныхъ, конечно, съ пирами) доли мяса (μερίδας) въ Сикіонъ. Ученые и заключаютъ: значитъ когда Сикіонъ былъ освобожденъ Аратомъ, Кориноъ *все еще* былъ подъ властью Антигона; значитъ, Александръ возмутился *послѣ* 251 года! Die Zeit folgt daraus, dass einige Zeit nach der Befreiung Sikyons Antigonos Korinth noch besass (Plutarch, Arat. 15): Низе. Но въ той же біографіи Плутархъ разсказываетъ, что послѣ освобожденія Сикіона Аратъ покушался на жизнь Александра, чтобы освободить Кориноъ; а потомъ заключилъ съ Александромъ союзъ противъ Антигона и тогда прекратилъ покушенія. Трогъ Помпей ставитъ войну Антигона противъ Александра *раньше* освобожденія Сикіона Аратомъ. Итакъ, очевидно, что Антигонъ посылалъ μερίδας изъ Коринеа послѣ смерти Александра, послѣ свадьбы Никеи и послѣ того, какъ опять овладѣлъ Акрокоринеомъ. Съ 247 до 243 года было время посылать μερίδας. Всѣмъ извѣстно, что въ біографіяхъ Плутарха хронологическая послѣдовательность событій постоянно нарушается.—Мы увѣрены, что ученые когда-нибудь догадаются объ этомъ порядкѣ событій.

Битва при Косѣ, лучше сказать—ναυμαχία Антигона, можетъ быть, и имѣла какое-нибудь отношеніе къ войнѣ противъ Александра, сына Кратера, но до сихъ поръ объ этой битвѣ, собственно говоря, нельзя сказать ни слова.

Ѳ. Соколовъ.

ΔΙΟΡΘΩΤΙΚΑ ΕΙΣ ΧΡΙΣΤΙΑΝΙΚΑΣ ΕΠΙΓΡΑΦΑΣ.

1.

Journal of Hell. Studies 1897, τ. 17, σ. 269, ἀριθ. 3. Ἐνταῦθα κεῖται ἐπιγραφὴ ἐκ τοῦ χωρίου Ταχταλὶ, τοῦ ἀπέχοντος τρεῖς ὥρας τῆς Προύσης, περί τινος Ἰωάννου, ὅστις ὑπῆρξε „πιστὸς θεράπων θεοῦ". Ἡ ἐπιγραφὴ δὲν σαφηνίζει τίς ἦτον οὗτος ὁ Ἰωάννης, διότι αἱ μετὰ τοῦτο τὸ ὄνομα γραμμαὶ εἶναι ἐφθαρμέναι· ἀλλ' αὐτῶν ἡ πρώτη ἐν σχέσει πρὸς τὰς ἑτέρας ὑπέστη φθορὰν ὀλιγωτέραν, ἥτις ἐπιτρέπει νὰ χαρακτηρισθῇ τὸ εἶδος τῆς πρὸς τὸν θεὸν τοῦ Ἰωάννου θεραπείας. Ὁ Munro ἀνέγνω οὕτως· „Ἰωάννης Ἐπισκόπης. Μηθὰς ———". Οὕτω διὰ τοῦ Ἐπισκόπης ἐμόρφωσεν ὄνομα κύριον, μητρωνυμικὸν τοῦ Ἰωάννου· ἀλλὰ τὸ πανομοιότυπον τῆς ἐπιγραφῆς ὁδηγεῖ με νὰ γράψω οὕτως· „Ἰωάννης ἐπισκοπῇ [τι]μηθεὶς [τῇ τ]ῶν ———".

2.

Journal of Hell. Studies, τ. 17, σ. 417. Ἐπιγραφὴ ἐκ Βουργὰς τῆς Φρυγίας, γραμμὰς ἀριθμοῦσα ἓξ καὶ φθοράν τινα ὑποστᾶσα εἰς μίαν τῶν πλευρῶν αὐτῆς. Τὴν ἀρχὴν τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης ἀνέγνω ὁ ἐκδότης J. G. C. Anderson οὑτωι· „† Εγο Ηοανης υχοδομησας το(ν) ναο[ν ——————] καὶ Δήδοτον". Διεγνώσθη λοιπὸν ἐνταῦθα ἓν παράξενον ὄνομα κύριον, τὸ Δήδοτον· μετὰ δὲ τοῦτο δὲν ἠδυνήθη ὁ ἐκδότης νὰ διακρίνῃ τι καταληπτὸν ἐν τῷ 2-ῳ τῆς ἐπιγραφῆς στίχῳ, ἀλλ' οὐδ' ἐσημείωσε καὶ πόσα μετὰ τὸ ναὸν λείπουσι γράμματα. Τὸ ἔλλειμμα, ἂν προσέξῃ τις εἰς τὰς λοιπὰς γραμμὰς, εἶναι πέντε ἢ ἓξ γραμμάτων. Ὁ Anderson τὸ ἔσχατον τῆς ἐπιγραφῆς μέρος ἀνέγνω οὕτω· „μετὰ [τὸν ἐπιχθόνιον . . . δρόμον". Τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης μέρη τινὰ ἀναγνωστέα ὀρθότερον οὕτως· „Ἐγὸ Ἡοάνης ὐχοδο-

μήσας τὸ(ν) ναὸ[ν τοῦτον] κὲ δήδω τον κὲ(κ) τὸ χοράφην τὸ λακ . . . . τὸν λόγο(ν) μου ἤνα τ . . . . τὴν ἐκλησήαν ἡς τὴν ἡμέραν [κρίσεως] ἤνα ἔχη τὴν δίκην μετὰ τ[ὸν τίμιον Πρό]δρομον". Ἡ ἐπιγραφὴ εἶναι δημώδης· τὸ δήδω τον κὲ(κ) τὸ χοράφιν μεταφράζεται οὕτω· καὶ δίδωμι αὐτῷ (= τῷ ναῷ) καὶ ἐκ τοῦ χωραφίου· τὸ δὲ μετὰ τὸν Πρόδρομον ἐγράφη ἀντὶ τοῦ μετὰ τοῦ Προδρόμου.

3.

Journal of Hell. Studies, 1898, τ. 18, σ. 325, Ἐπιγραφὴ ἐκ Purk τῆς Μικρᾶς Ἀσίας (παλ. Νικόπολις), ἥτις ὑπὸ τοῦ V. W. York ἀνεγνώσθη οὕτως· „† Ἐνθάδε κ[ατά]κιται Ἡμ[ε]ρί(ς) (Ὀ)τ(ρ)έω[ς or ρι(ος)] Γεω[ργίου]" κτλ. Ἡ τοιαύτη ἀνάγνωσις εἶναι προφανῶς βεβιασμένη, ἐναντιουμένη ἄλλως εἰς τὸ πανομοιότυπον τῆς ἐπιγραφῆς κείμενον, ὅπερ ἀναγνωστέον ἁπλῶς οὕτως· „† Ἐνθάδε κ[ατά]|κειται ἡ μ[α]|καριωτ(άτη) | Γεω[ργία" κτλ. Τὸ μακαριωτ(άτη) ὑποστηρίζεται ἐξ ἄλλων ἐπιγραφῶν. Ὅρα Μουσεῖον καὶ βιβλιοθήκη τῆς εὐαγγελικῆς Σχολῆς· περίοδος πέμπτη. Ἐν Σμύρνῃ, 1885, σ. 63.

4.

Journal of Hell. Studies, τ. 18, σ. 325, ἀριθ. 45. Ἐπιγραφὴ ἐκ Kojiut τοῦ Πόντου, ἔνθα λέγουσιν ὅτι ὁ λίθος μετηνέχθη ἐκ τοῦ Sevri-Tepe, ἐκ τῶν ἐρειπίων μιᾶς ἐκεῖ ἐκκλησίας. Τὴν ἐπιγραφὴν ταύτην ὁ ἐκδότης Yorke ἀνέγνω οὕτως· „† Ὁρᾷς κὲ θαυμά[ζ]ις ἀγαθοῦ κὲ φιλο|χρίστου δεσπότου φιλοτιμίαν. | Ἰουστινιανὸς αὐτοκράτωρ | νικη[τὴ]ς τροπεοῦχος ἀεισέβαστος | ἀνέγιρε . α . δε σπουδῇ κὲ προνοίᾳ | Θεοδοσίου το(ῦ) ἐνδόξ(ου) κόμητ(ος) τῶν | καθο(σιουμένων) δομ(εστικῶν) κὲ θείου κουράτορος | [ἐ]πὶ σωτηρίᾳ τῶν ἑαυτοῦ οἰκητῶν †". Τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης ἡ ἀνάγνωσις συμπληροῦται διὰ τοῦ πανομοιοτύπου, ὅπερ ὁ Yorke ἀπεικόνισεν. Οὕτως ἀντὶ τῶν „ἀνέγιρε . α . δε" ἁρμόζει νὰ γράψωμεν „ἀνεγείρει[ν]α[ὸν ὧ]δε"· τὸ „ἐνδόξ(ου)" πρέπει νὰ τραπῇ εἰς „ἐνδοξ(οτάτου)". Τα „καθο(σιουμένων) δομ(εστικῶν)", ἅπερ ὁ C. H. Turner μεταφράζει εἰς devotissimorum domesticorum, φαίνονταί μοι βεβιασμένα. Τὸ πανομοιότυπον ἔχει οὕτω: ΚΑΘΟΔΟΜΗ· ἀλλὰ ταῦτα ἀσφαλέστερον ἴσως ἀναγνωστέον οὕτω· „καθ(ώ)σ(ιωμένων) δομημάτων". Ἡ ἀρχὴ τοῦ comes domorum εἶναι γνωστὴ (Cod. Iustin. 38, 3)· τὸ δὲ καθωσιωμένα δομήματα δύναται ἴσως νὰ ταυτίζηται τῷ divinos domos· ὑπῆρχε καὶ cu-

rator divinae domus, ὅστις ἦτο ταυτοχρόνως καὶ comes, ἀλλὰ rerum privatarum (Cod. Iustin. 37, 3).

5.

Journal of Hell. Studies, τ. 18, σ. 327, ἀριθ. 47. *Kansa*. Ἡ ἐκ τοῦ τόπου τούτου ἐπιτύμβιος στήλη τοῦ Ἰτάλου, ἣν ὁ Yorke ἐξέδωκεν, ἀνεγνώσθη οὕτως ἐν ταῖς γραμμαῖς 8—10· „σὺν τῇ γυνεκί μο[υ] | Δόμνῃ ΕΘΗC. ἔζησα | καλῶς κὲ ε(ὐ)τέχνως“. Τὸ πανομοιότυπον ὁδηγεῖ με νὰ εἰκάζω, ὅτι πρὸ τῶν ΕΘΗC ὑπάρχει ἐπὶ τοῦ λίθου ἓν Μ, ὅπερ ἐν τῇ μεταγραφῇ τοῦ ἐκδότου ἐξετοπίσθη διὰ τὴν κατὰ σχῆμα συγγένειαν ἐκείνου πρὸς τὸ πρὸ τούτου Η. Ὁ Yorke ἐν τοῖς γράμμασιν ΕΤΕΚΝΩC προσέθηκεν ἓν Υ καὶ οὕτως ἐμόρφωσε τὸ ἐπίρρημα εὐτέχνως· ἀλλὰ τοῦτο τὸ Υ μὴ ὑπάρχον ἐπὶ τοῦ λίθου εἶναι περιττόν, διότι πρόχειρον εἶναι τὸ ἐτέχνωσ[α]· οὕτως ἀναγνωστέον μᾶλλον ὧδε· „σὺν τῇ γυναικί μο[υ] | Δόμνῃ [μ]εθ' ἧς ἔζησα καλῶς καὶ ἐτέχνωσ[α]“. Τὴν 12-ην γραμμὴν ἀνέγνω ὁ ἐκδότης οὕτως· „ἐχάραξα κ(ατομνύ)ων“ κτλ. Ἀλλὰ τὸ πανομοιότυπον δεικνύει, ὅτι μετὰ τὸ ἐχάραξα ὑπάρχει φθορὰ πέντε γραμμάτων, ὧν τὴν μορφὴν ἀμυδρῶς εἰκόνισεν ὁ ἐκδότης οὕτω· **KWMWN**. ἐγὼ δὲ ἐντεῦθεν εἰκάζω ὅτι ἐπὶ τοῦ λίθου ἀντὶ τοῦ κ(ατομνύ)ων εἶναι κεχαραγμένον τὸ κωλύων· διὸ ἀναγνωστέον ὧδε· „μνήμης χάριν στήλη[ν] | ἐχάραξα κωλύων με|τὰ τὴν ἡμετέραν κατάθεσιν“ κτλ.

6.

Ἀθηνᾶ, 1899, τ. 11, σ. 296, ἀριθ. 20. Χαλκὶς ἐν Εὐβοίᾳ. Ὁ κ. Μάτσας κατεχώρισεν ἐνταῦθα τὸ πανομοιότυπον ἐπιγραφῆς τοῦ 975-ου ἔτους, ἣν καὶ ἀνέγνω οὕτως· „† Ἐτελειώθη ⟨ἡ⟩ δούλη | τοῦ θεοῦ Μαριὰμ | Μαρτίῳ δ' ἰνδικτιῶνος γ' | ἔτους ͵ϛυπγ'“. Ἀλλ' ἐνταῦθα ὑπάρχουσι δύο ἀνακρίβειαι· τὸ πρόσθετον δηλαδὴ ⟨ἡ⟩ ὑπάρχει ἐν τῷ πανομοιοτύπῳ, ἔχοντι ἁπλῶς ὧδε· ΕΤΕ$\overset{\text{O}}{\text{Λ}}$ΕΙΟΗ = Ἐτελειόθ(η) ἡ. Τοῦ Θ ὄντος ἄνωθεν τῆς λέξεως, δῆλον ὅτι αὕτη ἐνεχαράχθη συγκεκομμένως. Εἶτα τὸ ὄνομα Μαριὰμ δὲν ὑπάρχει ἐπὶ τοῦ λίθου, ἀλλὰ τὸ ΜΑΡΙΑ$\overset{\text{H}}{\text{M}}$, ὅπερ ἀναγινώσκεται ὧδε. Μαρία μη(νί).

7.

C. I. G., ἀριθ. 8967. Ἐν τῷ χριστιανικῷ μουσείῳ τοῦ Βατικανοῦ ὑπάρχει εἰκών τις παριστῶσα τὴν κοίμησιν τοῦ ἁγίου Ἐφραὶμ τοῦ Σύρου καὶ τὸ

ὄνομα σῴζουσα τοῦ ζωγράφου, ὅπερ καὶ ἔχει ἀναγνωσθῇ οὕτως· „Ἐμμανουήλου τοῦ Τρανφουρνάρι χείρ". Ἡ εἰκὼν αὕτη θεωρεῖται βοηθείᾳ τῆς ἐπιγραφῆς ὡς ἔργον τοῦ 11-ου ἢ τοῦ 12-ου αἰῶνος! Ἀλλ' ὅμως τὸ πανομοιότυπον τῆς ἐπιγραφῆς ἀντὶ τοῦ Τρανφουρνάρι ἔχει τὸ Τζανφουρνάρι, οὗτος δὲ ὁ Ἐμμανουὴλ Τζανφουρνάρις εἶναι γνωστὸς ἐν τῷ 1626-φ ἔτει ἐκ τῆς ὑπ' αὐτοῦ γενομένης τότε ἐκδόσεως ἑνὸς βιβλιαρίου. Ὅρα E. Legrand, Bibliographie Hellénique, XVII siècle, Paris 1894, τ. 1, σ. 202.

8.

I. R. Sitlington Sterret, An epigraphical journey in Asia Minor. Boston 1888, σ. 171, ἀριθ. 165. Ἐνταῦθα κεῖται ἐπιγραφὴ ἐκ τοῦ τόπου Kotchash, ἣν ὁ Sterret ἐκδοὺς πανομοιοτύπως δὲν ἠδυνήθη νὰ μεταγράψῃ τελείως. Ἡ ἐπιγραφὴ αὕτη ἀναγνωστέα οὕτως·„ [+] Ἀνεκεν(ί)σθι ὁ ναὸς ἱ ὑπεραγία Θ(εοτό)κος τοῦ κυροῦ Θεωδόρου |κὲ μαγίστρου τοῦ Καρανδ(ηνοῦ) διὰ συνδρομῖς Ἰω(άννου) ὀστιαρίου κὲ ἐπισκεπτίτου, βασιλευώντ(ων) Βασιλίου [κὲ Κωνσταντίνου]". Ἐκ τῆς μεταγραφῆς τοῦ Sterret λείπουσι τὰ Ἀνεκεν(ί)σθη ὁ ναὸς ἱ ὑπερ καὶ τὰ Καρανδ(ηνοῦ) διὰ συνδρομῖς Ἰω(άννου)· ἀντὶ δὲ τοῦ ὀνόματος Κωνσταντίνου ἔγραψεν ὁ Sterret, ὡς δὲ φαίνεται ἐκ σφάλματος μνημονικοῦ, τὸ ὄνομα Ἰωάννου. Ἡ ἐπιγραφὴ ἐχαράχθη μεταξὺ τῶν ἐτῶν 976—1025. Εἷς δοὺξ Νικηφόρος Καραντηνὸς ἀπαντᾷ παρὰ τῷ Κεδρηνῷ (μεταξὺ τῶν ἐτῶν 1072—1073), τ. 2, σ. 715, 716 Bonn., εἷς δὲ Κωνσταντῖνος Καραντηνὸς ἦτο κληρικὸς ἐν Μιλήτῳ ἔτει 1212 καὶ 1213 (Acta et diplomata graeca medii aevi, VI, σ. 158, 160, 165)· ἕτερος αὐτόθι Νικήτας Καραντηνὸς ἔτει 1250 (Acta VI, σ. 193)· καὶ πάλιν ἕτερος Ἰωάννης Καραντηνός, πριμμικήριος ἐν Μυλλάσσῃ περὶ τὸ τέλος τοῦ 12-ου αἰῶνος, καὶ ὁ τούτου υἱὸς Λέων Καραντηνός (Acta, IV, σ. 320—322, 327—329). Εἷς Βασίλειος Καραντηνὸς ἦτο μητροπολίτης Καισαρείας Καππαδοκίας ἔτει 1352-φ (Acta, I, σ. 322). Τὸ ἐπώνυμον Καρανδηνὸς σῴζεται καὶ σήμερον παρὰ τοῖς Ἕλλησιν, ὡς γίνεται φανερὸν ἐκ τῆς ἐφημερίδος „Πατρίς", τ. ΙΑ', 1901, ἀριθ. 3147, σελ. 3, ἔνθα ἀναφέρονται „Δημήτριος Καρανδινὸς" καὶ „Χρηστίνη Κ. Καρανδινοῦ".

9.

Bulletin de corresp. hell. τ. 23, 1899, σ. 337. Ἐνταῦθα κατεχωρίσθη ἐπιγραφὴ ἐξ εἰκόνος βυζαντινῆς, εὑρισκομένης ἐν τῇ νησίδι Καστελλόρριζον καὶ παριστώσης, κατὰ τὸν Ἀχιλλέα Διαμαντάραν, τὸν ὅσιον Σισώην ἐκ γήρατος κεκυφότα πρὸ τάφου, ἐν ᾧ κεῖται σκελετὸς ἐκτάδην ἀνθρώπινος· ἐπ' αὐτοῦ δὲ τοῦ τάφου ἀναγινώσκεται τὸ ἑξῆς ἐπίγραμμα·

Γῆς ἐπέβην γυμνός, γυμνὸς θ' ὑπὸ γαῖαν ἄπειμι,
καὶ τί μάτην μοχθῶ γυμνὸν ὁρῶν τὸ τέλος;

Γνωστὸν ἐκ τῆς Παλατινῆς 'Ανθολογίας ἐπίγραμμα ὡς ποίημα τοῦ Παλλαδᾶ (X, 58 Didot), ἐκ τοῦ γνωμολογίου τοῦ Γεωργείδου (Boissonade, Anecd. graeca I, σ. 22) καὶ ἐκ τῆς συναγωγῆς παροιμιῶν τοῦ 'Αποστολίου ὡς ἐπίγραμμα τοῦ Λουκιανοῦ (Corpus paroem. II, σ. 344)· ἔκ τινος δὲ ἀγνώστου κώδικος περιέχεται καὶ ἐν τῷ ἐμμέτρῳ Καθρέπτῃ τῶν Γυναικῶν τοῦ Καισαρίου Δαπόντε, τ. 2, σ. 425.

10.

C. I. G., ἀριθ. 8725. Τρίστιχον ἐπίγραμμα, ὅπερ εἶναι ἐγκεχαραγμένον in superliminari portae interioris ecclesiae Cryptoferratensis· ἀνεγνώσθη δὲ οὕτως· „Οἴκου θεοῦ μέλλοντες εἰσβένειν (= εἰσβαίνειν) πύλην | ἔξω γένοισθε τῆς μέθης τῶν φροντίδων, | ἵν' εὐμενῶς εὕροιτε τὸν κριτὴν ἔσω". Οὐδεὶς ἄχρι τοῦδε παρετήρησεν, ὅτι τὸ ἐπίγραμμα τοῦτο ἐποιήθη ὑπὸ Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου. 'Εκ γνώσεως λοιπὸν τῆς συλλογῆς τῶν ποιημάτων αὐτοῦ ἐχαράχθη ἐπὶ τῆς ἐν τῇ Κρυπτοφεράτᾳ ἐκκλησίας, ὅπου ἴσως, ἂν μὴ ἐξέπεσεν, ὑπάρχει καὶ ὁ 4-ος στίχος, ἔχων παρὰ τῷ Στουδίτῃ οὕτω· „λύσεις ὑμῖν διδοῦντα τῶν ὀφλημάτων". Ὅρα *Migne*, Patrol. gr. 99, σ. 1796, ἀριθ. μς'.

11.

'Ο Schlumberger ἀναγράφει ἐν τῷ καταλόγῳ βυζαντινῶν τινων οἰκογενειακῶν ὀνομάτων καὶ τὸ Φάρος ὄνομα, ὅπερ αὐτὸς ἀνεῦρεν ἐγκεχαραγμένον ἐπὶ μικροῦ τινος μολυβδοβούλλου ἐν τῷ νομισματικῷ τῶν 'Αθηνῶν μουσείῳ ἔχοντος δ' ἐπὶ τῆς μιᾶς ἐπιφανείας τὸ + ΚΕ ΒΟΗΘΙ ΤѠ CѠ Δ ΜΗΧΑΗ(Λ) = Κ(ύρι)ε βοήθι τῷ σῷ δ(ούλῳ) Μηχαήλ, καὶ ἐπὶ τῆς ἑτέρας τὸ Α'CΠΑΘ S ΤΑΞΙΑΡΧ, ΤѠ ΦΑΡѠ = πρωτοσπαθ(αρίῳ) καὶ ταξιάρχ(ῃ) τῷ Φάρῳ (Sigillographie de l'empire byzantin, σ. 370 καὶ 691). 'Ο Schlumberger γινώσκει τὸ μολυβδόβουλλον τοῦτο ἐξ ἐκτυπώματος καὶ οὐχὶ ἐξ αὐτοψίας· διὸ καὶ ἐκφράζει δικαίαν ἀμφιβολίαν περὶ τοῦ ὀνόματος Φάρῳ, νομίζων οὕτως ὅτι ἡ τούτου ἀνάγνωσις δὲν εἶναι ἀσφαλής. Τὸ ἀπεικόνισμα παριστᾷ καλῶς τὰ γράμματα ΦΑΡ, τὸ δὲ μετ' αὐτὰ προσόμοιον τῷ Ѡ εἶναι ἀληθῶς ἀμφίβολον. Κατὰ τὴν γνώμην μου πρέπει ἐν τῷ μολυβδοβούλλῳ ἀντὶ τοῦ Ѡ νὰ ὑπάρχωσι τὰ γράμματα IC · καὶ ἂν ταῦτα οὕτως ἔχωσι, τότε τὸ μολυβδόβουλλον εἶναι τοῦ ΦΑΡΙC(μάν), ἑπομένως δὲ τοῦ 11-ου αἰῶνος καὶ οὐχὶ τούτου ἢ καὶ τοῦ 12-ου αἰῶνος. 'Ο Φαρισμὰν οὐ-

τος ὠνομάζετο, κατὰ τὴν σφραγῖδα, Μιχαήλ· ἦτο δὲ πρωτοσπαθάριος καὶ ταξιάρχης. Τῶν τίτλων τούτων τὴν αὐθεντίαν ἐπικυροῖ εἷς καλλιγράφος τῶν ἐτῶν 1042—1043, οὗ τὸ ἔργον ἐξ ἀντιγραφῆς μεταγενεστέρας ἔσωσεν ὁ 258-ος κῶδιξ τῆς μονῆς τῶν Ἰβήρων. Ὁ καθηγητὴς Σπυρίδων Λάμπρος ἀνέγνω εἰς τὸ πέρας τοῦ κώδικος τούτου τὸ ἑπόμενον σημείωμα· „Ἐγράφη ... ἐν τῷ ,ςφνα' ἔτει, ἰνδικτιῶνος ια', ἐκ προστάξεως τοῦ κῦρ σπαθαροκανδιδάτου καὶ ταξιάρχου τοῦ Φαρισμάνου διὰ χειρῶν Θεοδοσίου μοναχοῦ" (Catalogue of the greek MSS on Mount Athos, τ. 2, σ. 67). Ἀλλὰ τὸ σημείωμα πλῆρες, ἴσως δὲ καὶ ἀκριβέστερον, ὑπάρχει ἐν τῷ νῦν τυπουμένῳ τῆς μονῆς τῶν Ἰβήρων καταλόγῳ, ὃν εἶχε συντάξας ὁ Πορφύριος Οὐσπένσκης. Κατὰ τοῦτον λοιπὸν τὸ τοῦ Θεοδοσίου καλλιγράφου σημείωμα ἔχει οὕτως· „+ Ἐγράφη ἡ βιβλος αὕτη τοῦ μακαρίου Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου εἰς δόξαν τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ εἰς οἰκοδομὶν τῶν ἀκουόντων ἐν τῷ ,ςφνα ἔτει ἰνδ. ια, ἐκ προστάξεως τοῦ κυρίου σπαθαροκανδιδάτου καὶ ταξιάρχου τοῦ Φαρισμάν, διὰ χειρῶν Θεοδοσίου μοναχοῦ εὐτελοῦς καὶ πρεσβυτέρου ἐλαχίστου. Οἱ ἐντυγχάνοντες εὔχεσθε ὑπὲρ ἡμῶν διὰ τὸν Κύριον". Τέλος οἱ ἐπὶ τοῦ μολυβδοβούλλου τίτλοι ὑπάρχουσι καὶ ἐν τούτῳ τῷ σημειώματι, καθιστῶντες οὕτως ἱκανῶς φανερὰν τὴν ταυτότητα τοῦ Φαρισμὰν καὶ τοῦ Μιχαὴλ ΦΑΡΙC(μάν). Ἡ οἰκογένεια Φαρισμὰν ἦτον ἰβηρικὴ, ὡς μαρτυρεῖ ὁ Σκυλίτσης—Κεδρηνὸς, ἀναφέρων ἐν τῷ 1068-ῳ ἔτει Φαρεσμάνην τινὰ βέστην τότε γενόμενον (Cedren. σ. 675—676).

12.

Ἐν τῇ Sigillographie, σ. 157, ἀπεικονίσθη σφραγὶς, ἔχουσα ἀφ' ἑνὸς τὸ Μ(ήτη)ρ θ(εο)ῦ ἡ ἀχειροποίητο(ς), καὶ ἐπὶ τῆς ἄλλης πλευρᾶς μακροτέραν ἐπιγραφὴν, ἣν ὁ Schlumberger ἀνέγνω οὕτω· „Τοῦ Κεραμέου πρακτέα διευλύ(τωσον) τοῦ πρὸς βασιλικὰς ἐντολὰς Θεοτόκε". Ἀντὶ τοῦ διευλύ(τωσον) τὸ πανομοιότυπον παρουσιάζει τὸ ΔΙΕΒΛΥȢ. Τὸ ἄνωθεν τοῦ Ȣ ὡσεὶ ταῦ ἀπεικονισμένον φαίνεται ὂν κατ' ἐμὲ τυχαῖόν τι, ξύσμα λόγου χάριν ἢ ὕλη τις ἐπικαθημένη. Ὁπωσδήποτε τὸ ἐκ φυσικοῦ τινος ἀποτελέσματος σημεῖον τοῦτο δὲν δύναται νὰ ἔχῃ σχέσιν μὲ τὴν ἐπὶ τῆς σφραγῖδος ἐπιγραφὴν, ἥτις ἄλλως, ἂν ἀποβλέψῃ τις τὰς ἐσχάτας αὐτῆς δώδεκα συλλαβὰς, εἶναι ἔμμετρος. Ζητεῖται λοιπὸν πρὸ τούτων τῶν συλλαβῶν νὰ ὑπάρχωσιν ἕτεραι δώδεκα συλλαβαὶ, διὰ ν' ἀποτελεσθῇ οὕτως δίστιχον. Τοῦτο κατορθοῦται, ἐὰν μόνον τὸ ΔΙЄΒΛΥȢ ἀναγνώσωμεν διεβλύου = διευλύου. Τὸ δίστιχον λοιπὸν ἔχει οὕτω·

Τοῦ Κεραμέου πρακτέα διευλύου
πρὸς βασιλικὰς ἐντολὰς, Θεοτόκε.

Ῥῆμα διευλύω ἀγνοεῖται, ἀλλ' ἡ σφραγὶς αὕτη ἀναγκάζει ἡμᾶς νὰ προσθέσωμεν καὶ τὸν βυζαντινὸν τοῦτον πρωτοφανῆ τύπον ἐν τοῖς λεξικοῖς [1]).

13.

Ἡ ἐκ τοῦ Ἄργους ἐπιτυμβία Ἰωάννου τινὸς ἐπιγραφή, ἣν ὁ Jules Martha κατεχώρισεν ἐν τῷ Bull. de corresp. hell. 1878, τ. 2, σ. 319, ἄρχεται οὕτως· „Ὁ τῆς ἀρίστης ἐν βίω ζωῆς τυχών, τοῦ σταθμοῦ δὲ τοῦ προσκαίρου τῶν βροτῶν εὑρεθίς, οὗτος ἀληθῶς τὸν βίον ΕΥΚΤΕΝWC ἀεὶ διάγων, Ἰωάννης τοὔνομα, ἐχρήσατο τὸν βίον" κτλ. Ἐν τοῖς γράμμασιν ΕΥΚΤΕΝWC ὁ ἐκδότης ἀναγινώσκει ταῦτα· „εὖ (ἐ)κτενῶς"· ἀλλὰ τί σημαίνει „εὖ ἐκτενῶς ἀεὶ διάγων"; καὶ ἔπειτα διατί νὰ ὑποτεθῇ ἡ ἔλλειψις ἑνὸς Ε; Ἄγνωστον εἶναι, ἂν τὴν πέτραν τῆς ἐπιγραφῆς εἶδεν ὁ Martha· ἀλλ' ἂν ἀληθῶς εὑρίσκεται ἐπ' αὐτῆς ἓν Κ πρὸ τοῦ Τ, τότε προτιμώτερον εἶναι νὰ ὑποθέσωμεν, ὅτι ὁ λιθοξόος, ὅστις εἶναι σφαλματίας (ὅρα τὸ εὑρεθὶς καὶ τὸ ἐν στίχῳ 7 Ὡρέας), ἔχων ὑπ' ὄψει ἓν ΕΥΤΕΚΝWC = εὐτέκνως, ἀπροσέκτως ἐν τῇ χαραγῇ μετέφερε τὸ Κ εἰς ἣν θέσιν ὑπάρχει σήμερον· ἀλλ' ἐπειδὴ τὸ προοίμιον τῆς ἐπιγραφῆς ἐξαίρει τὴν ἀρίστην ἐν τῷ βίῳ ζωὴν τοῦ Ἰωάννου, ἑπομένως δὲ τὴν ἀρίστην αὐτοῦ ὑγείαν, πιστεύω ὅτι ἐν τοῖς γράμμασιν ΕΥΚΤΕΝWC πρέπει νὰ διακρίνωμεν ἓν ΕΥCΤΕΝWC = εὐσθενῶς· ὥστε ὁ Ἰωάννης „οὗτος ἀληθῶς τὸν βίον εὐσθενῶς ἀεὶ διάγων ἐχρήσατο τῷ βίῳ". Τὸ Κ δὲν θὰ ὑπάρχῃ ἐν τῷ λίθῳ· θὰ κεῖται ἐκεῖ ἓν C, ὅπερ εὐκόλως ἠδύνατο νὰ ἐκληφθῇ ὡς IC=Κ. Ἐν τῷ 7 στίχῳ γέγραπται τὸ ΑΝΥΞΕ, ὅπερ ὁ Martha ἀνέγνω ἀνύξε(ιν)· ἀλλὰ τὸ ἀνῦξε = ἀνοῖξαι εἶναι ὀρθόν.

14.

Ἡ ἐκ Δράμας ἐπιγραφὴ ὡς ἄγνωστος ἐν τῇ „Νεολόγου Ἑβδομαδιαίᾳ Ἐπιθεωρήσει" (1892,τ. 1, σ. 652) καὶ ἐν τῷ Bull. de corresp. hell. 1892, τ. 16, σ. 88 καταχωρισθεῖσα ὑπὸ Ν. Ἰ. Γιαννοπούλου εἶναι ἤδη γνωστὴ ἐξ ἡμετέρου ἀντιγράφου καὶ ἐκτυπώματος ἀπὸ τοῦ 1886-ου ἔτους. Ὅρα Ἀ. Π.-Κεραμέως Ἀρχαιότ. καὶ ἐπιγρ. τῆς Θράκης καὶ Μακεδονίας ἐν τῷ ἀρχαιολ. παραρτ. ιζ' τόμου τοῦ ἐν Κ Ι πόλει Ἑλλην. Φιλολογ. Συλλόγου, σ. 109, ὅπου καὶ τὸ πανομοιότυπον εὑρίσκεται τῆς ἐπιγραφῆς. Τὸ ἀντίγραφον τοῦ Γιαννοπούλου εἶναι καὶ ἀτελὲς καὶ ἐσφαλμένον. Οὕτως ἐν τῷ 3-ῳ στίχῳ ὁ Γ. ἀνέγνω

---

[1]) [Ἴσως δὲν εἶναι ἀναγκαῖον νὰ προσθέσωμεν ἐν τοῖς λεξικοῖς τὸν βαρβαρισμὸν διευλύω· οὔτε τὸ εὐ-, οὔτε τὸ διευ- προτίθεται ῥήματι ἑλληνικῷ. Ἐν τῇ τοῦ Schlumberger σφραγῖδι προτιμῶ νὰ ἀναγνώσω ἢ διεβλύτου = διευλύτου (τὸ διευλυτῶ παράγεται ἐκ τοῦ εὔλυτος), ἢ διεκλύου. Β. Ἰέρνστεδτ.]

ΦΡΗΚΤΗΣ· ἀλλ' ὁ λίθος ἀντ' αὐτοῦ ἔχει τὰ „φέρη (=φέρει) καὶ τῆς“ Ἐπειδὴ δὲ τέλος τὸ ἀντίγραφον τοῦ Γ. δὲν εἶναι εὐνόητον, παρατίθημι ἐνταῦθα τὴν ἐμὴν ἀνάγνωσιν:

Αὕτη χάρις πέφυκεν κουροπαλάτου
Ἀλεξίου τέ φημη (= φημι) τοῦ Μανιάκη.
Φέρη (=ει) καὶ τῆς σῆς διαγραφῆς τὸν τύπον,
παναγία δέσποινα, εἰς σωτηρίαν.·.

Μη(νὶ) Ἰουνίω η' ἰνδ. η' ἔτους ,ϛχνγ' ἐπὶ τῆς βα(σιλείας) Μανουὴλ Κομνηνοῦ.

Τὸ ἔτος 6653 ἀντιστοιχεῖ πρὸς τὸ 1145-ον.

15.

Ἐκ Φρυγίας. Χωρίον Muchaïl. Bull. de corresp. hell. XVII, 1893, σ. 289—290. Ἐνταῦθα οἱ E. Legrand καὶ J. Chamonard εὗρον ἐπιγραφὴν χριστιανικὴν ἀρκούντως παλαιάν, ἧς ἤθελεν εἶσθαι ἐπιθυμητὴ ἡ ἔκδοσις τοῦ πανομοιοτύπου πρὸς διάκρισιν τῆς ἐποχῆς αὐτῆς. Τὸ κείμενον ἐξέδωκαν αὐτοὶ καὶ διὰ κεφαλαιωδῶν καὶ διὰ μικρῶν γραμμάτων. Ἐν τῷ 1-ῳ στίχῳ ἀναγινώσκεται τὸ „ἐμὸ (=ἐμοὶ) τὸ ζῆν Χριστὸς κὲ τὸ ἀποθανεῖν κέρδος“. ἀλλὰ πρέπει νὰ σημειωθῇ, ὅτι τοῦτο εἶναι εἰλημμένον ἐκ τῆς πρὸς Φιλιππησίους ἐπιστολῆς τοῦ ἀποστόλου Παύλου (α', 21). Ἐν τῷ τρίτῳ στίχῳ οἱ ἐκδόται ἀνέγνωσαν· „πέντε μὲν δεκάδας τελέσας βουν[ο]ῖς?“· ἀλλ' ἀντὶ τοῦ βουν[ο]ῖς ἴσως ἐπὶ τοῦ λίθου εἶναι κεχαραγμένον τὸ ΒΙѠΝ[Ѡ]ΔΕ. Οἱ ἐκδόται διέκρινον ἐπ' αὐτοῦ τὰ γράμματα ΒΟΥΝ.ΙC, ἐξ ὧν εὐκόλως, νομίζω, θὰ πορισθῇ τις ὅ, τι ἐγὼ εἰκάζω. Τὸν 6-ον στίχον ἀνέγνωσαν οὕτω· „κὲ τῶν | γλυκυτάτων πεδῶν Δόμνης καὶ πάντων τῶ..... ων τῶν κληρονομούντων τὸν πε|νιχρὸν βίον“. Ταῦτα ἀναγνωστέον οὕτω· „κὲ τῶν γλυκυτάτων πέδων (=παίδων) Δόμνης καὶ πάντων τῶ[ν λοιπ]ῶν, τῶν κληρονομούντων τὸν πενιχρὸν βίον“.

16.

Ἐκ Tafas τῆς Συρίας. Ch. Fossey ἐν τῷ Bull. de corresp. hell. 1897, τ. 21, σ. 46, ἀριθ. 26. Τὸ κείμενον ἐν τῷ 1-ῳ καὶ 2-ῳ στίχῳ ἔχει οὕτως· ✝ ΙCΥΧΡΕΟ.CCΚΕΠΗ ΚΑΙ ΑΝΤΙΛΕΜΨΙC. Ὁ ἐκδότης ἀναγινώσκει ταῦτα ὧδε· „Ἰ(η)σ(ο)ῦ Χρ(ιστ)ὲ ὁ [θεὸ]ς Σ(ωτὴρ) σκέπη καὶ ἀντίλ(η)ψις“ κτλ. Ἡ ἀνάγνωσις αὕτη οὖσα προφανῶς ἐσφαλμένη δέον νὰ διορθωθῇ οὕτως· „Ἰ(η)σ(ο)ῦ Χρ(ιστ)ὲ θ[ε]ὲ σκέπη καὶ ἀντίλεμψις“.

17.

Τραπεζοῦς. „Fontaine saint Philippe“. G. Millet ἐν τῷ Bull. de corresp. hell. 1897, τ. 20, σ. 500, ἀριθ. IV. Ἐπιγραφὴ ἐπὶ κρήνης. Ταύτην ὁ ἐκδότης ἐδημοσίευσε διὰ μικρῶν γραμμάτων. Εἶδον αὐτὴν καὶ ἐγὼ αὐτὸς ἔτει 1884-ῳ, ὅτε καὶ κατεσκεύασα ἓν χάρτινον ἐκτύπωμα (estampage), σῳζόμενον ἔτι καὶ νῦν καλῶς παρ' ἐμοί. Ἡ πανομοιότυπος τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης ἔκδοσις κατορθοῦται μόνον διὰ φωτοτυπίας ἢ διὰ ξυλογραφίας· ἔχω δ' αὐτῆς ὑπ' ὄψει καὶ ἀντίγραφον τοῦ κ. Π. Μιχαηλίδου. Ἐν τῷ 2-ῳ στίχῳ ἀντὶ τοῦ „πανευφήμου“ ὁ λίθος ἔχει τὸ „πανεφήμου“· τὰς δὲ δύο τελευταίας γραμμὰς ἀναγινώσκω ἐν τῷ ἐκτυπώματι οὕτω· „— — — θ(υ)γατρος του Ἐσα ὑπ(ὲρ) | μνημοσινου και ιλασμου (οὐχί: μνημοσυνης κλασμου) πταισματον. $\overset{\omega}{\bar{\zeta}}\ \overset{\omega}{\iota}\ \overset{\omega}{\bar{\alpha}}$ ἰνδ. $\bar{\delta}$“. Ὁ ἐκδότης ἀνέγνω „$\overset{\omega}{\bar{\zeta}}\ \overset{\omega}{\iota}\ \overset{\omega}{\bar{\delta}}$ ἰνδ. θ'“. Τὸ θ' δὲν ὑπάρχει, ἀλλὰ τὸ δ'. Ἡ ἰνδικτιὼν εἶναι λελανθασμένη ἐπὶ τοῦ λίθου, διότι τὸ ἔτος ͵ΖΙΑ $\left(=\frac{1502}{1503}\right)$ ἔχει ἰνδικτιῶνα ς'.

18.

Τραπεζοῦς. G. Millet ἐν τῷ Bull. 1896, τ. 20, σ. 496—499. Ἔτει 1884-ῳ εἶδον ἐν Τραπεζοῦντι μεγάλην βυζαντινὴν ἐπιγραφὴν τοῦ ἔτους $\frac{1305}{1306}$ ἀναφερομένην εἰς ναόν τινα τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου κατὰ τὰ Ἐξώτειχα κειμένου καὶ τῆς Πέτρας ἐπικαλουμένου. Ταύτην κατεχώρισα μετὰ σημειώσεων καὶ ἑρμηνείας ἐν τῷ περὶ διαλεκτικῶν ἐπιγραφῶν Τραπεζοῦντος ἄρθρῳ μου ἔτει 1886-ῳ (Ἑλλην. Φιλολ. Συλλόγου παράρτ. ἀρχαιολ. τ. ΙΖ', σ. 114—115). Εὗρε δ' αὐτὴν κατόπι καὶ ὁ G. Millet οὐχὶ ἐν ᾧ τόπῳ πρότερον ἔκειτο, ἀλλὰ dans le voisinage au cimetière de la Panaghia [1]), καὶ κατεχώρισε τὸ κείμενον αὐτῆς διὰ μικρῶν μόνον γραμμάτων, δοὺς οὕτω νέαν ἀνάγνωσιν, ἣν ἐπορίσθη ἐκ τοῦ ὑπ' αὐτοῦ γενομένου ἐκτυπώματος. Ἐπειδὴ δὲ ἡ ἀνάγνωσις αὐτοῦ ἐν συγκρίσει πρὸς τὴν ἰδικήν μου παρουσιάζει μικράς τινας διαφοράς, ἔλαβον πάλιν ἀνὰ χεῖρας τὰ παρ' ἐμοὶ σῳζόμενα ἔτι δύο μου χάρτινα ἐκτυπώματα, ἅτινα καὶ βιάζουσί με νὰ σημειώσω ἐνταῦθα τὰ ἑπόμενα.

Ἐν τῇ ἀρχῇ τοῦ 1-ου στίχου εἶχον πρότερον ἀναγνώσει [+] + + Τοῦ-

[1]) Ἐκ τούτου βεβαίως ὁ λίθος θὰ ἔπαθε φθοράς τινας, ὡς εἰκάζω ἐκ τοῦ ἀντιγράφου τοῦ κ. Millet.

τος [ὁ τό]πος. Ὁ νέος ἐκδότης ἀντ' αὐτῶν ἀνέγνω + Τουτος [τοπ]ος, καὶ σημειοῦται ὅτι καὶ ὁ M. Psichari οὕτως ἀνέγνω ἐν τῷ ἐκτυπώματι· ἀλλ' ἐν τοῖς ἐμοῖς ἐκτυπώμασι διακρίνονται δύο σταυροί· διακρίνονται ἔτι τὰ σκέλη τοῦ Π, μεταξὺ δὲ τούτων καὶ τοῦ C ὑπάρχει τόπος ἐφθαρμένος, ἐν ᾧ δύνανται νὰ χωρέσωσι τὰ γράμματα ΟΤΟ· ὥστε l'article (n')a été (point) omis par le graveur, οὐδὲ δύναται ἡ ἀνύπαρκτος αὕτη omission νὰ σχετισθῇ πρὸς τὴν παρατηρηθεῖσαν ἐν τῷ № II (Bull. σ. 499) „Αυτη στοα“, διότι καὶ ἐδῶ δὲν ὑπάρχει omission. Τὸ „Αυτη στοα“ εἶναι ἀρχὴ ἐμμέτρου ἐπιγραφῆς, καὶ ἐπειδὴ ἔχει τὸν βαρβαρισμὸν „ψυχροῦν“ ἀντὶ „ψυχρὸν“, εἶναι δὲ καὶ δεικτικὴ ἱδρύματος, τὸ „Αυτη στοὰ“ δέον νὰ ἀναγνωσθῇ ἐνάρθρως „Αὔτ' ἡ στοὰ“ ἀντὶ Εὖθ'. Ἀν τῷ τέλει τοῦ 1-ου στίχου εἶχον ἐγὼ ἀναγνώσει ЄΒΝΗΝ = Ἐρήνην. Ὁ Millet ἀνέγνω Ἐρήνη· ἀλλὰ τὰ ἐκτυπώματά μου ἔχουσι φανερῶς τὸ Ἐρήνην καὶ τὴν ἣν διέκρινεν ὁ Millet ὀξεῖαν. Τὴν ἀνάγνωσιν τοῦ Millet (στίχ. 2—3) ευτασαν διο πε[δ]ια βεβαιοῦσι καὶ τὰ ἐμὰ ἐκτυπώματα· διὸ καὶ εἶναι παραδεκτὴ ἐν τῷ κειμένῳ· ὁμοίως δεκτὸν εἶναι καὶ τὸ Νικήτας ἀντὶ Νηκήτας. Ἐν τῷ 5-ῳ στίχῳ ἀντὶ τοῦ [δ]υσην ἔχουσι τὰ ἐκτυπώματά μου [δ]υσιν. Τὸ Ι ἐνταῦθα εἶναι βέβαιον, διότι τὸ παρ' αὐτῷ σημεῖον, ὅπερ δίδει ἐκείνῳ κάπως τὴν τοῦ Η μορφήν, εἶναι ἁπλῶς τοῦ λίθου φυσικὸς πόρος. Αὐτόθι ἀντὶ τοῦ σπιθαμάς τὰ ἐκτυπώματα ἔχουσι τὸ καὶ πρότερον ἀναγνωσθὲν σπηθαμάς. Ἐν τῷ 7-ῳ στίχῳ ἀντὶ τοῦ εκτησθη ὁ λίθος ἔχει ἐκτησ with θ above = ἐκτήσθ(η) = ἐκτίσθη. Αὐτόθι ὁ Millet ἀνέγνω εισθορησθη· ἀλλὰ τὰ ἐκτυπώματα ἔχουσιν εἰσθορησ with θ above = εἰσθορησθ(η) = ἱστορίσθη. Ἐν τῷ 10-ῳ στίχῳ ἀνέγνω ὁ αὐτὸς Θαθα[λαν]ου· ἀλλ' ἐπὶ τοῦ λίθου ἁπλῶς εἶναι κεχαραγμένα τὰ ΘΑΘΛ, ἅτινα αὐτὰ καθ' ἑαυτὰ ἀποτελοῦσιν ἐπώνυμον συγκεκομμένον, ὅπερ πρὸς τὸ παρὸν μένει αἰνιγματῶδες. Τὸ σημεῖον τῆς ἰνδικτιῶνος δὲν ἔχει παρ' αὐτῷ οὐδὲν Π ἀλλ' ἓν ἁπλοῦν δ', τοιοῦτον Δ̄. Μετὰ πάντα ταῦτα τὸ ἐκδοθὲν ὑπ' ἐμοῦ fac-simile εἶναι ἀκριβές, ἀφοῦ πρῶτον διορθωθῶσιν ἐν αὐτῷ μόνα τὰ ευτασαν διο πε[δ]ια καὶ τὸ Νηκήτας· οἱ ἐν αὐτῷ τόνοι καὶ τὰ πνεύματα ὑπάρχουσιν ἔτι καὶ νῦν ἐν τοῖς ἐκτυπώμασί μου.

19.

Τραπεζοῦς. S-te Sophie. G. Millet ἐν τῷ Bull. de corresp. hell. 1895, τ. 19, σ. 429. Ἐν τῇ ἐπιγραφῇ ταύτῃ (Fig. 4) ἀνέγνω ὁ ἐκδότης „Ἰωάννης“. Κατὰ τὸ fac-simile ἀναγνωστέον „Ἰωαννίκ(ιος)“ καὶ κατωτέρω „δια του μονα[χ]ικου σ[ήματος]“.

20.

Αὐτόθι. Bull. τ. 19, σ. 430 καὶ 431, Fig. 8. Ἀντὶ τοῦ Βει(?)ανὸς ἐν τῷ fac-simile ἀναγνώσκεται καθαρῶς τὸ ὄνομα Βρανάς. Τὸ κατόπι τῆδε εἶναι βεβαίως ἀκατάληπτον· ἀντ' αὐτοῦ πρέπει νὰ διαγνωσθῇ μηνός τινος ὄνομα συγκεκομμένον.

21.

Αὐτόθι. G. Millet ἐν τῷ Bull. 19, σ. 436. „Δέησις τοῦ δούλ(ου) τοῦ Θ(εο)ῦ Σάβα | τοῦ Καρίμι | ἔτους ,ϛ ϡ ι' " = 1402. Παρ' ἐμοὶ εὑρίσκεται ἀντίγραφον τοῦ Π. Μιχαηλίδου κατὰ τὸν ἑξῆς τρόπον.

ΔΕΗCΙC ΤΔΥΛΥ ΤΘΥCΑΥΛ

ΓΙ . . . . . ΚΑΡΙΜΗ

ΕΤΥ. ϚΩΙ

Ἂν ἡ ἀντιγραφὴ αὕτη εἶναι πιστή, τότε δέον νὰ ἀναγνώσωμεν· „Δέησις τοῦ δούλ(ου) τοῦ θ(εο)ῦ Σαοὺλ...... Καρίμη. | ἔτους ,ϛωι' " = $\frac{1301}{1302}$.

22.

Αὐτόθι. G. Millet ἐν τῷ Bull. 19, σ. 444. Ἀνεγνώσθη ἐνταῦθη ἐπιγραφὴ κατὰ τὸν ἑξῆς τρόπον· „Ἀνενεόθι ὁ ναὸς τ[ῆς ἁγίας] | Ἄν[νη]ς ἐπὶ Βασιλεί[ου] Λέ[οντος καὶ Ἀλε]|ξάνδρου, στρατηγ[οῦ]ντος Ἀλε|ξίου, κ[αὶ] Ἀσπάστου ἀνα[νεώ]|σαντος τὸν ναὼν | ἔτους ,ϛυγ'". Ἐνταῦθα ἀμφίβολον εἶναι τὸ ὄνομα Ἀσπάστου, ἀνθ' οὗ προτιμῶ τὰ ΑCΠΑCΤΥ νὰ γράψωμεν οὕτω· „ἀσπαθ(αρίου) τοῦ". Τὸ Θ πιθανῶς ἐκ φθορᾶς φαίνεται σήμερον ὡς C. Ἡ ἀνάγνωσις αὕτη ἔχει χρείαν ἐξελέγξεως ἐν Τραπεζοῦντι.

23.

G. Schlumberger, Un empereur byzantin du dixième siècle. Nicéphore Phocas. Paris 1890, σ. 273. Ἐνταῦθα περιέχεται τὸ ἀπεικόνισμα ἀργυρᾶς πλακός, ἣν ὁ S. περιγράφει οὕτω· „Bas-relief d'argent du musée du Louvre de la fin du X-e siècle. Ce bas-relief recouvrait une boite qui servait soit de reliquaire, soit à renfermer le livre des Évangiles.

Il a appartenu à l'abbaye de Saint-Denis. Un ange y est représenté assis auprès du tombeau du Christ et montrant à Marie-Madeleine et à Marie, mère de Jacques, que Jésus en est sorti. Des inscriptions en relief relatives au sujet existent sur le fond; elles sont tirées des Évangiles de Saint Marc et de Saint Matthieu. *Quant à celle qui forme bordure autour du sujet, elle a été composée pour le bas-relief ou elle a été empruntée à l'un des Pères grecs*. Le beau caractere des figures et l'agencement des draperies se réclament encore des traditions du bel art du X-e siècle". Αἱ ἐν τῷ ἀργυρῷ τούτῳ πίνακι ἀνάγλυπτοι ἐπιγραφαὶ ἔχουσιν οὕτω. α') ἄνωθεν τοῦ τάφου: Ο ΤΑΦΟC ΤΟΥ $\overline{\text{ΚΥ}}$.— β') Ἄνωθεν τῆν κεφαλῆς τοῦ ἀγγέλου: ΔΕΥΤΕ ΙΔΕΤ(ε) ΤΟΝ ΤΟΠΟΝ ΟΠΟΥ ΕΚΕΙΤΟ Ο $\overline{\text{ΚC}}$. Τοῦτο ἐλήφθη ἐκ τοῦ Ματθαίου κη', 6.— γ') Ἄνωθεν τῶν δύο Μαριῶν: ΕΙΧΕ ΔΕ ΑΥΤΑC ΤΡΟΜΟC ΚΑΙ ΕΚCΤΑCΙC. Ἐκ τοῦ Μάρκου ις', 8.—δ') Ὑπὸ τὸν ἄγγελον: ΚΑΙ ΟΙ ΦΥΛΑCCΟΝΤΕC ΑΠΕΝΕΚΡΩΘΗCΑΝ. Ἡ δὲ ἑτέρα autour du sujet ἐπιγραφὴ ἀναγινώσκεται οὕτω·

+ ὩC ΕὔΓΡΕΠῊC ΤΑῖC ΓΥΝΑΙΞῚΝ Ὁ ἌΓΓΕΛΟC
ΝΥ͂Ν ἘΜΠΕΦΆΝΙCΤΑΙ : ΚΑῚ ΤΗΛΑΥΓῆ ΦΈΡΩΝ ΤῆC
ἘΜΦΎΤΟΥ CΎΜΒΟΛΑ ἈΫ́ΛΟΥ ΚΑΘΑΡΟΤΗΤΟC ΤῆΜΟΡΦῆ Τ
ΜΗΝΎΩΝ ΤῸ
ΦΈΓ[...]ΑCΤΆCΕΩC, ΚΡΆΖΩ[...]ΓΈΡΘΗ Ὁ $\overline{\text{ΚC}}$:

Ἡ τοιαύτη ἐπιγραφὴ δὲν ἐγένετο διὰ τὴν ἀργυρᾶν πλάκα, ἀλλ' εἶναι πολὺ γνωστὸν τροπάριον, τὸ πρῶτον ἀναστασίμου κανόνος Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ εἰς ἦχον πλάγιον δ', καὶ περιέχεται ἐν τῇ Παρακλητικῇ, λόγου χάριν ἐν τῇ ἐκδόσει τῆς Ῥώμης (1885), σ. 624—625, ὅπου καὶ ἀναγινώσκεται οὕτως· „Ὡς εὐπρεπης ταῖς γυναιξὶν ὁ ἄγγελος* νῦν ἐμπεφάνισται*, καὶ τηλαυγῆ φέρων* τῆς ἐμφύτου σύμβολα* ἀύλου καθαρότητος*, τῇ μορφῇ δὲ μηνύων* τὸ φέγγ[ος τῆς ἀν]αστάσεως*, κράζει· [Ἐξη]γέρθη ὁ Κύριος".

24.

Βέρροια Μακεδονίας. Delacoulonche ἐν τοῖς Archives des Missions Scientifiques, τ. 8, σ. 268, ἀριθ. 86. Μετατύπωσις ἀνακριβὴς ὑπὸ Μ. Δήμιτσα,

Μακεδονικῶν Γ', σ. 86, ἀριθ. 108. Ἐπιγραφὴ εὑρισκομένη ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Ἐλεήμονος· ἧς ὁ Delacoulonche παρέδωκε μόνον τὸ fac-simile· ὁ δὲ Δήμιτσας ἀνέγνω ταύτην οὕτω· „+ Μ[ν]ῆμ[α ἢ μημόριον] τῶν - κομ - Φαταλίου κ[αὶ] τῆς λαμ - συμβίου αὐτοῦ Κελερίν[ης] | καὶ τοῦ ἐγγόνο(υ) αὐτῶν Λαμσίλβ[ου] | ὅστις ἐτάφ(η) ἐνταῦθα - | Σεπτεμβρ(ί)ου - - τοῦ Δεσ-|πό[του] ἡμῶν Ἀναστασίου το[ῦ] Α | κ[αὶ] Ῥούφου - - +“. Ἡ ἀνάγνωσις αὕτη εἶναι σφαλερά. Κατὰ τὸ fac-simile ἀναγνωστέον „+ Μημ(όριον) τῶν λ(α)μ(προτάτων) κόμ(ητος) Φαταλίου κ(αὶ) | τῆς λαμ(προτάτης) συμβίου αὐτοῦ Κελερίν[ης] | καὶ τοῦ ἔγγονος αὐτῶν λαμ(προτάτου) Σιλβ[ίου], | ὅστις ἐτάφι ἐνταῦθα καλ(ανδῶν) | Σεπτέμβρου ἰν(δικτιῶνος) α' ὑπ(ατεύοντος) τοῦ δεσ|πότ(ου) ἡμῶν Ἀναστασίου τὸ α' | καὶ Ῥούφου λαμ(προτάτου)“. Τὸ ἔγγονος δὲν ἦτον ἀνάγκη νὰ μεταβληθῇ εἰς ἐγγόνου, διότι εἶναι γενικὴ τοῦ γνωστοῦ τύπου ἔγγων (ὅρα Du Cange, Glossarium, σ. 342) [1]). Τὸ παρὰ τῷ Δήμιτσᾳ ὄνομα Λαμσίλβου εἶναι φανταστικόν· ἀντ' αὐτοῦ τὸ μάρμαρον ἔχει τὸ λαμ(προτάτου) Σιλβ[ίου]· τὸ δὲ Σιλβίου προτιμῶ παντὸς ἑτέρου ὀνόματος, λόγου χάριν Σιλβ[ανου], διότι μετὰ τὸ Β ὑπάρχει χῶρος μόνον διὰ δύο γράμματα, ΙΟ. Κατὰ τὸ fac-simile ἀντὶ Σεπτεμβρίου τὸ μάρμαρον ἔχει Σεπτέμβρου, ὅπου φαίνεται ὅτι ὁ λιθοξόος τηρεῖ τόνον λατινικὸν ἐκ δημώδους ἴσως χρήσεως τοῦ τύπου * Σεπτέμβρης. Παρὰ τῷ Δήμιτσᾳ δὲν διακρίνεται τῆς ἐπιγραφῆς ὁ χρόνος· τοῦτον ὅμως ὁρίζει τὸ fac-simile. Δεσπότης Ἀναστάσιος νοεῖται ἐνταῦθα ὁ αὐτοκράτωρ Ἀναστάσιος ὁ Δίκορος, οὗ τῆς βασιλείας πρῶτον ἔτος εἶναι τὸ 492-ον, καθ' ὃ ὁ μὴν Σεπτέμβριος ἤρξατο ἀληθῶς μὲ πρώτην ἰνδικτιῶνα· τότε δὲ συνυπάτευε τῷ Ἀναστασίῳ ὁ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ Ῥοῦφος (C. Frick, Chronica minora, σ. 490).

25.

Βέῤῥοια Μακεδονίας, ἐν τῷ ναῷ τῆς ἁγίας Παρασκευῆς. Δήμιτσας, ἀριθ. 109. Ἐπιγραφὴ ἐπιτύμβιος. Ταύτην ὁ Δήμιτσας ἀνέγνω οὕτως· „Ἐν Χριστῷ κυ[ρίῳ ἡ]μ[ῶν τῆς] — — — στρατευσαμένου ἐν τῷ γεννεοτάτου — — — —“. Τὸ fac-simile δὲν εἶναι ἀκριβὲς παρὰ τῷ Δήμιτσᾳ, λαβόντι τοῦτο ἐκ τοῦ Delacoulonche, σ. 268, ἀριθ. 87. Παρὰ τούτῳ ἡ πρώτη γραμμὴ ἔχει οὕτως· + ΕΝΧΡΙϹΤѠ ΚΥΜ• . Μεταξὺ λοιπὸν τοῦ Ѡ καὶ τοῦ Κ ὑπάρχει χῶρος δύο γραμμάτων· ἀλλ' ἐνταῦθα τοιαῦτα θὰ ἦσαν τὰ $\overline{\text{ΙΥ}}$=Ἰησοῦ· ἔπειτα τὰ γράμματα ΚΥΜ• ἀδύνατον εἶναι νὰ κρύπτωσι τὰ δημίτσεια „κυ[ρίῳ ἡ]μ[ῶν

---

[1]) Ἐγράφετο καὶ ἔγκον· ὅρα ἐπιγραφὴν τοῦ ἔτους 1297 ἐν τῇ Byz. Zeitschrift, τ. 4, σ. 99—105, ὅπου ὁ Fr. Cumont ἄνευ ἀνάγκης συμπληροῖ τὸ ἔγκον εἰς ἔγκο(νος).

της]". ἁπλῶς δὲ παριστῶσι τὴν συγκεκομμένην λέξιν „κυμ(ηθείς)·" ὥστε ἡ πρώτη γραμμὴ ἀναγνωστέα· „+ Ἐν Χριστῷ [Ἰησοῦ] κυμ(ηθείς)=κοιμηθείς. Τὸ λοιπὸν τῆς ἐπιγραφῆς δὲν εἶναι σαφὲς ἐκ τοῦ ἀντιγράφου τοῦ Delacoulonche. Αἱ δύο τελευταῖαι γραμμαὶ ἔχουσι παρ' αὐτῷ οὕτω· ΠΑΝΤΑΤΟΝΤΗCΖΟΗC | ΜΟΥΕΤΙΥΔΕΝΟΚΤΙCΤΗC. Τὰ ΕΤΙΥ φαίνονταί μοι κακῶς ἀνεγνωσμένα· ἴσως δὲ τὸ τέλος τῆς ἐπιγραφῆς ἔχει ὧδε· „πάντα τὸν τῆς ζο(=ω)ῆς μου βίον (?) ὔδεν (=οἶδεν) ὁ κτίστης".

26.

Βέῤῥοια Μακεδονίας, ἐν τῷ ναῷ τῆς Παναγίας Δέξας. Δήμιτσας, ἀριθ. 107, ἔνθα ἀναγινώσκει· „Ἐνθάδε κ[ε]ῖτ(αι) Ἰωάννης | νέος υἱὸς Ζηνορ(β?)ίου τοῦ ἐδε- | — — — — τῆς ἐν ἔτη(ει) μ[η]ν[ὸς] | Μαρτίου — — —". Τὸ fac-simile τοῦ Delacoulonche (σ. 267, ἀριθ. 83) ἐπιτρέπει νὰ ἀναγνώσωμεν οὕτως· „Ἐνθάδε κῖτε Ἰωάννης | νέος, υἱὸς Ζηνοβίου τοῦ Ἐδέ(σσης) | ἐκδ(ίκου). Ἐτελεύτησεν ἐτ(ῶν) η' μη(νὶ) | Μαρτίου ἰνδ(ικτιῶνος) ε'". Τὸ Ἐδέσσης ἐξήγαγον ἐκ τῶν ΕΔΕ, ὅπου καὶ λήγει ὁ στίχος, μὴ ἐπιτρέπων τὴν προσθήκην ἑτέρων γραμμάτων· παριστῶσιν ἄλλως εἰπεῖν συγκεκομμένως τὸ παλαιὸν ὄνομα τῆς πόλεως Βοδενά. Τὸ ἐτελεύτησεν ἐξήγαγον ἐκ τῶν παρὰ τῷ Delacoulonche κακῶς ἀναμφιβόλως γεγραμμένων ΕΤΕΛΕΙΤΗCΕΝ. Περὶ δὲ τοῦ ἀξιώματος ἐκδίκου ὅρα Du Cange, Glossar. σ. 361.

27.

Βέῤῥοια Μακεδονίας, „sur l'emplacement d'Hagios-Géorgios". Delacoulonche, σ. 273, ἀριθ. 91α. Μετατύπωσις ἀνακριβὴς ἐν τοῖς Μακεδονικοῖς τοῦ Δήμιτσα, σ. 88, ἀριθ. 113. Παρ' ἀμφοτέροις ἀνερμήνευτος καὶ ἄνευ ἀναγνώσεως. Τεμάχιον λιθίνου ἀναγλύφου σωζοντος κεφαλὰς ἁγίων καὶ δύο ἐπιγραφάς. Τούτων ἡ πρώτη εὐχερῶς ἀναγινωσκομένη δύναται νὰ συμπληρωθῇ οὕτως·

Ὦ ξένε, δ]εῦρο, στῆθι καὶ σκόπει τάδε
καὶ τοῦ βίου θαύμασε τὰς με[ταστάσεις?
διὸ πολυτά]λαντον ἐκχέας βίον
τῇ παραγωγῇ τῆς μονῆς τῆς ἐνθάδε,
— — — — — — — — — — — —

Ἡ δευτέρα ἐπιγραφὴ συνεχίζει τούτους τοὺς στίχους· φαίνεται δὲ καὶ αὕτη ἐκ δύο ἀποτελουμένη στίχων· ἀλλ' ἐπὶ τοῦ λίθου διακρίνονται μόνα ταῦτα·

— — — τ]ῷ βίω ἀμαρ — — —
— — — σοῦ δὲ κακίαν

28.

Βέῤῥοια Μακεδονίας, Fesdchi-Ibrahim-Conaki. Delacoulonche, σ. 76, ἀριθ. 92α. Μετατύπωσις ἀνακριβὴς παρὰ τῷ Δήμιτσᾳ, σ. 89, ἀριθ. 116. Ἐπιγραφὴ ἔμμετρος, ἧς ἡ πλάξ, ὡς φαίνεται, ἔφερεν ἐν μιᾷ ἑκάστῃ τῶν γραμμῶν ἀνὰ δύο στίχους· ἐπειδὴ δ' ἐσώθη τὸ πρῶτον αὐτῆς ἥμισυ, μένουσι νῦν στίχοι μὴ δυνάμενοι νὰ συνδεθῶσι καὶ τελείαν νὰ δώσωσιν ἔννοιαν. Ὁ Delacoulonche ἐξέδωκεν ἁπλῶς ἄνευ ἀναγνώσεως τὸ ἴδιον αὐτοῦ fac-simile· ὁ δὲ Δήμιτσας ἀνέγνω τοῦτο οὕτως· „✝ Ἕως μὲν ἀδάμας φανήσῃ τὸν βίον | καὶ τροφὴν δέξας νόθον ἥτις... | ξύλον ὁ καρπὸς ἦν ὥριμος ἀνθραγάθη-|θησε.. λίθων.... κατ' ἐχθρῶν.. | ριθρυλαητὸν ἄνθρωπος....... | καὶ τὴν παρακμὴν εἶχεν ἡβῶσαν πα|εὐφυῶς ἵππον φύσῃ καὶ σφαιροπ.". Ὁ τρίτος στίχος ἀποδεικνύει, ὅτι ὁ Δήμιτσας διέκρινεν ἐν τῇ ἐπιγραφῇ οὐχὶ κείμενον ἔμμετρον, ἀλλὰ τοὐναντίον πεζόν. Τέλος ἡ ἀνάγνωσις αὐτοῦ εἶναι ἀνακριβής· αὐτὸ τὸ fac-simile δύναται νἀναγνωσθῇ μόνον οὕτως·

✝ Ἕως μὲν Ἀδὰμ ἀσφαλὴς ἦν τὸν βίον
— — — — — — — — — — — —
καὶ τροφὴν δείξας νόθον ἡ τῆς τελ — —
— — — — — — — — — — — —
ξύλον ὡ(=ὁ) καρπὸς ἦν ὥριμος ἀνδραγα[θίας
— — — — — — — — — — — — — —
ἐν μέσῳ λίθων φΙΗΙ (ω) κατ' ἐχθρῶν σ— —
— — — — — — — — — — — — —
πε]ριθρύλλητον ἄνθρωπος γένος, ἐξ οὔπε[ρ
— — — — — — — — — — — —
καὶ τὴν παρακμὴν εἶχεν ἡβῶσαν πά[λιν
— — — — — — — — — — — — — —
εὐφυῶς ἵππων φύσιν καὶ σφαιροπ — —

29.

C. I. G., ἀριθ. 8761. Gratianopoli (Grenoble) in bibliotheca publica in tabula buxea, in qua sculptae sunt duodecim δεσποτικαὶ ἑορταὶ ecclesiae graecae, quales fuere inde a sec. XII. Descripsit titulosque imagi-

nibus singulis appositos interpretatus est Champolion-Figeac in Magasin Encyclopédique IV, a. 1811, p. 241—271". Αἱ παραστάσεις φέρουσι τὰς ἑξῆς ἐπιγραφάς·

α') „Ἡ γένισις τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰ(η)σοῦ Χρ(ι)στοῦ".
β') „Ἡ [Ὑ]παπαντή του".
γ') „Ἡ βάπτησίς του".
δ') „Ἡ μεταμόρφω[σίς του]".
ε') „Ἡ ἔγ[ε]ρσις τοῦ Λαζάρ[ου]".
ϛ') „Τῶν βαϊωφώρων".
ζ') „Ἡ σταύρωσίς του".
η') „Ἡ ἀνάστασίς του".
θ') „Ἡ ἀνάληψής του".
ι') „Ἡ Πεντηκοστή".
ια') „Ἡ κήμησης" (=τῆς Θεοτόκου).
ιβ') „Ἡ ῥίζα τοῦ Ἰεσέ" (=Ἰεσέ)".

„In aversa tabula hacc scripta sunt":

+ ΗΡΑΚΛΕΑCΓΕΡΑCΙΜΟCΤΑΠΕΙΝΟC
ΑΡΧΙΘΥΤΗCΔΩΔΕΚΑΟΡΤΟΝ
ΤΟΔΕΘΕΡΜΩCΠΡΟCΦΕΡΞ
ΓΑΛΗΝΟΤΑΤΩΠΡΙΝΤΖΙΠΙ
ΟΥΓΓΑΡΙΑC.

Ταῦτα ὁ Kirchhoff ἀνέγνω οὕτως· „Ἡρακλέας Γεράσιμος ταπεινὸς ἀρχιθύτης | [τὸ] δωδεκάορτον τόδε θερμῶς προσφέρει [τίτλον] | γαληνοτάτῳ πρίντζιπι.......... Οὐγγαρίας". Εἶτα ἑρμηνεύει τὴν ἐπιγραφὴν ὧδε· „Opus hoc quod Gerasimos, qui Heracleae *Macedoniae* urbis ἀρχιθύτης i. e. episcopus vocatur dicendi genere poetico, dono se obtulisse testatur voivodae cuidam Valachiae, Hungariae regibus tunc temporis subiectae, *ad seculum referendum esse post Chr. tertium decimum* argumentis usus idoneis asseruit Champollion, recte ille quidem cetera quoque interpretatus, nisi quod metricam tituli dedicatorii rationem non agnovit. Quem nos ita disposuimus, *ut tribus eum contineri versibus quos vocant politicis appareret indicatis simul lacunis*, quibus in versuum exitu tertii et quarti verba Gerasimi truncata sunt; quo factum simul est, ut nomen quoque principis illius Valachici, quod omissum fuisse vix potest, hauriretur. Quodsi fuit omissum, facili negotio suppleveris [τῆς βλαχο]ουγαρρίας". Θαυμασία ἑρμηνεία! Τὸ Macedoniae ἤρκεσε τῷ Δήμιτσᾳ νὰ τάξῃ τὴν ἐπιγραφὴν εἰς τὴν Μακεδονικὴν Ἡράκλειαν (σήμερον Monastir, Βιτώλια), νὰ

παραδεχθῇ τὰς παρατηρήσεις τῶν Champolion καὶ Kirchhoff, καὶ νὰ προσθέσῃ ἀφ' ἑαυτοῦ ταῦτα. „Λίαν δὲ περίεργόν ἐστι νὰ γνωσθῇ ποία σχέσις ὑπῆρχε μεταξὺ τοῦ ἐπισκόπου Ἡρακλείας τῆς Μακεδονίας καὶ τοῦ βοεβόδα τῆς ἀπώτατα κειμένης Οὐγγρο-Βλαχίας καὶ τίς ὁ Γεράσιμος οὗτος ἐπίσκοπος τῆς Ἡρακλείας, διότι ὁ Lequien οὐδένα τοιοῦτον μνημονεύει μεταξὺ τῶν ἐπισκόπων τῆς πόλεως ἐκείνης“. (Μακεδονικῶν Γ', σ. 269—270, ἀριθ. 246). Πάντα ταῦτα καὶ τὰ τοῦ Champolion καὶ Kirchhoff εἶναι δυστυχῶς κωμικά. Ἡ buxea tabula δὲν εἶναι οὔτε τοῦ 12-ου οὔτε τοῦ 13-ου αἰῶνος, ἀλλὰ σφόδρα μεταγενεστέρα, τοῦ 18-ου αἰῶνος! Ἡ γνώμη τοῦ Kirchhoff, ὅτι ἅπασα ἡ ἐπιγραφὴ συνίσταται ἐκ στίχων πολιτικῶν εἶναι ἀβάσιμος. Ἡ ἐπιγραφὴ εἶναι τελεία καὶ χρείαν δὲν ἔχει προσθηκῶν· ἀποτελεῖ, ὡς ἔχει, ἕνα μόνον δεκαπεντασύλλαβον στίχον πολιτικὸν ἐξ ἀνάγκης καὶ δύο τελείους δωδεκασυλλάβους στίχους· διὸ καὶ ἀναγνωστέα οὕτως·

Ἡρακλείας Γεράσιμος ταπεινὸς ἀρχιθύτης
δωδεκάορτον τόδε θερμῶς προσφέρει
γαληνοτάτῳ πρίντζιπι Οὐγγαρίας.

Ἡράκλεια δ' ἐνταῦθα νοεῖται ἡ γνωστὴ τῆς Θράκης Ἡράκλεια, ἥτις εἶναι καὶ μητροπόλεως μεγάλης ἐκκλησιαστικῆς ἕδρα· αὐτὸς δὲ ὁ Γεράσιμος εἶναι ὁ πολὺ γνωστὸς ἐκ Λέρου μητροπολίτης Ἡρακλείας Γεράσιμος (1727—1760): οὗ ἡ περὶ τὰ πολιτικὰ δύναμις ἦτο τοσοῦτο μεγάλη, ὥστε καὶ κατώρθωσε νὰ προβληθῇ ἔτει 1741-ῳ τῆς Οὐγγροβλαχίας ἡγεμὼν Μιχαὴλ ὁ Ῥακοβίτσας, τῆς δὲ Μολδαβίας ἔτει 1749-ῳ ὁ τούτου υἱὸς Κωνσταντῖνος Τζιχάνης, γενόμενος ὕστερον (1753) καὶ αὐτὸς ὡς ὁ πατὴρ τῆς Οὐγγροβλαχίας ἡγεμὼν (ὅρα Κ. Σάθα Μεσαιων. Βιβλιοθ. τ. 3, σ. 110, 231, 412. Π. Κομνηνοῦ Ὑψηλάντου τὰ μετὰ τὴν Ἅλωσιν, σ. 325, 350, 365, 379, 384. Μ. Γεδεὼν ἐν τῇ Ἐκκλησ. Ἀληθείᾳ, 1883, τ. 3, σ. 545—550). Ὁ Μιχαὴλ ἡγεμόνευσεν ἐν Βλαχίᾳ τριετίαν ὅλην (1741—1744), ὁ δὲ υἱὸς αὐτοῦ Κωνσταντῖνος ὡσαύτως (1753—1756). διὸ ἡ tabula buxea, καίτοι δὲν ὀνομάζει τὸν τῆς Οὐγγαρίας πρίντζιπα, δύναται νὰ χρονολογηθῇ μόνον μεταξὺ τῶν ἐτῶν 1741—1744 καὶ 1753—1756 (ὅρα Δ. Φωτεινοῦ Ἱστορ. τῆς πάλαι Δακίας, τὰ νῦν Τρανσιλβανίας, Βλαχίας καὶ Μολδαυίας. Ἐν Βιέννῃ 1818, τ. 2, σ. 319—320, 324—326). Ἔν τινι χειρογράφῳ εὑρέθη καὶ „Ἐπίγραμμα εἰς τὸν τάφον τοῦ ἁγίου Ἡρακλείας Κὺρ Γερασίμου“, ὅπερ καὶ κατεχώρισα ἐγὼ ἐν τῷ Μουσείῳ καὶ Βιβλιοθήκῃ τῆς Εὐαγγελικῆς Σχολῆς 2, σ. 87.

30.

Πρέσπαι Μακεδονίας, ἐν τῷ ναῷ τῆς Ἀναλήψεως. Π. Н. Милюковъ ἐν τῷ Βιβλίῳ Извѣстія русскаго археологическаго института въ К—полѣ,

IV, 1, Софія, 1899, σ. 75. Δίδοται ἐνταῦθα διὰ μικρῶν γραμμάτων τὸ κείμενον ἐπιγραφῆς, ἧς ὁ εὑρέτης ἀφῆκε κατὰ μέρος ἄδηλον τὸ πανομοιότυπον. Ἀνέγνω λοιπὸν αὐτὴν οὕτως· „ ·:· ἄναξ. ἄναρχε. χ(ριστ)έ. χ(ριστ)έ μου· λόγε· δέδεξαι κἄμου τὴν ἴκτραν οἰκεσίαν. ὁ ταπινὸς ἐπίσκοπος Νίμφων· κρατο δε τὸν νάων τὸν θείον μετάποτμ(ον). ἀρχ(ὴν) γὰρ ἀνήγειρα ἐκ βάθρου τε καὶ κοπου με χριστὸν ἡμ(ῖν) λέγει. τοῖς θέλουσι σωθεῖναι· ΛΥC ΓΡ Ετοπολων ἀμλ. χυματῶ(?)". Ἡ ἐπιγραφὴ φαίνεται φέρουσα τόνους, εἶναι δὲ προφανῶς ἐν πολλοῖς ἀνορθόγραφος· ἀλλ' εἶναι καὶ ἔμμετρος· τοῦθ' ὅπερ ὁ ἐκδότης δὲν διέκρινεν. Ἡ ἀνάγνωσις αὐτοῦ φαίνεταί μοι οὖσα ἐνιαχοῦ ἀνακριβής· δύναται δέ, τηρουμένων τῶν γραφικῶν σφαλμάτων, νὰ ἀναγνωσθῇ οὕτως· „Ἄναξ ἄναρχε Χριστέ, Χριστέ μου, Λόγε, δέδεξαι κἀμοῦ τὴν ἰκτρὰν οἰκεσίαν. [ὁ] ταπινὸς ἐπίσκοπος Νίμφον [ὁ] πρέσπας? τό[ν]δε τὸν ναὼν τὸν θεῖον μετὰ πότμ(ον)? ἀρχ(ὴν?) γὰρ ἀνήγειρα ἐκ βάθρου τε καὶ κόπου — — — — τοῖς θέλουσι σωθεῖναι· λύσιν γὰρ ἐτῶ πολῶν ἀμ[π]λ[α]κυμάτων". Ταῦτα διορθούμενα δύνανται νὰ ἔχωσιν οὕτως·

Ἄναξ ἄναρχε Χριστέ, Χριστέ μου, Λόγε,
δέδεξαι κἀμοῦ τὴν οἰκτρὰν ἱκεσίαν
(ταπεινὸς ἐπίσκοπος Νίμφων [ὁ] Πρέσπας?),
τόνδε τὸν ναὸν τὸν θεῖον μετὰ πότμ(ον)?
ἀρχ(ὴν?) γὰρ ἀνήγειρα ἐκ βάθρου τε καὶ κόπου
— — — — — τοῖς θέλουσι σωθῆναι·
λύσιν γὰρ αἰτῶ πολλῶν ἀμπλακημάτων.

Τοῦ προτελευταίου στίχου αἱ πρῶται πέντε στιλλαβαὶ εἶναι δυσδιάκριτοι ἐν τῷ ἀντιγράφῳ τοῦ ἐκδότου, διότι δίδοται ἐκεῖ ἀντ' αὐτῶν ἓξ συλλαβαὶ κακῶς ὡς νομίζω ἀνεγνωσμέναι· αἱ δύο πρῶται συναποτελοῦσι φαίνεται τὸ μέχρι, ἀλλ' αἱ μετ' αὐτὰς δέονται δηλίου κολυμβητοῦ. Διὰ τὸν ἔσχατον στίχον ὅρα τὸ παρὰ Cougny ἀδέσποτον ἐπίγραμμα (τ. 3, σ. 343, ἀριθ. 311), ἔνθα γέγραπται τὸ „ἀντεισάγων μοι ἀμπλακημάτων λύσιν".

31.

Θεσσαλονίκη. C. I. G., ἀριθ. 8760. Abbé Duchesne, Mémoire sur une mission au mont Athos, σ. 65, ἀριθ. 65. Δήμιτσα Μακεδονικῶν Γ', σ. 521, ἀριθ. 592. Ἡ ἐπιγραφὴ αὕτη ἀφορᾷ εἰς τὴν ἀνέγερσιν μιᾶς πύλης καὶ συναποτελεῖται ἐξ ἐννέα στίχων, τῶν ὁποίων προβληματικαὶ ἦσαν οἱ τρεῖς ἔσχατοι. Τὸ παρὰ Duchesne πανομοιότυπον εἶναι πιστὸν μέχρι που τοῦ ἑβδόμου στίχου· ἀλλὰ καὶ τοῦτον καὶ τοὺς λοιποὺς δύο στίχους εὗρον ἀπεικονισμένους

ἐν ἀγνοίᾳ τῆς τοῦ Duchesne ἀντιγραφῆς ἐν τῷ βιβλίῳ Извѣстія Русскаго археологическаго института въ К—полѣ, 1899, τ. 4, σ. 128. Τὸ ὅλον τῆς ἐπιγραφῆς ἀναγνωστέον οὕτως· „Ἀνηγέρθη ἡ παροῦ-|σα πύλη ὁρισμῷ τῆς | κραταιᾶς καὶ ἁγίας ἡμῶν | κυρίας καὶ δεσποίνης | κυρᾶς Ἄννης τῆς Παλαι-|ολογίνης, ὑπηρετήσαντος | καστροφύλακος Ἰω(άννου) Χαμαέτου | [τ]οῦ κοιαί[στορος] τῷ ͵ςω | — — — ἰνδ. θ'". Ἡ ἐν τῷ Βιβλίῳ Извѣстія διόρθωσις τοῦ ὀνόματος Χαμαέτου εἰς Χαμα[ρ]έτου πρέπει ν'ἀπορριφθῇ, διότι πρῶτον δὲν ὑπάρχει χῶρος ἐν τῇ ἐπιγραφῇ διὰ τὸ γράμμα Ρ, καὶ δεύτερον τὸ Χαμαέτου εἶναι γνωστὸν ἐν Θεσσαλονίκῃ ἐπωνύμιον τῆς οἰκογενείας Καβάσιλα. Οὕτως ὁ ἐξ αὐτῆς Νικόλαος Καβάσιλας ἐπωνυμεῖτο Χαμαέτης· ὁ δὲ Montfaucon γράψας τὴν συντετμημένην αὐτοῦ γενικὴν ἐτόνισε Χαμαετοῦ (Bibl. Coisliniana, σ. 426). ἀλλ' ὁ ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τῆς ἐν Χάλκῃ μονῆς τῆς Θεοτόκου 157-ος κῶδιξ, ἀπεκάλυψέ μοι πρὸ πολλοῦ τοῦ „κυροῦ Νικολάου Καβάσιλα τοῦ Χαμαέτου οἰκειόχειρα", τουτέστι δέκα πρὸς διαφόρους ἐπιστολὰς αὐτοῦ, ὧν καὶ δύο ὡς ἔχουσιν ἐν τῷ κώδικι, κατεχώρισα ἐν τῷ παλαιογραφικῷ μου δελτίῳ (Ὁ ἐν Κ—πόλει Ἑλλην. Φιλολ. Σύλλογος. Παράρτημα τοῦ ις' τόμου, 1885, σ. 47—48). Ὁ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ καστροφύλαξ Θεσσαλονίκης καὶ κοιαίστωρ Ἰωάννης ὁ Χαμαέτης ἦτο καὶ αὐτὸς πιθανῶς συγγενὴς τῶν Καβάσιλα. Τὸ ἔτος τῆς ἐπιγραφῆς εἶναι δυσδιάκριτον. Ἡ ἐν τῷ βιβλίῳ Извѣстія παραδοδεῖσα ἀνάγνωσις „τῷ ͵ςω | [ἔτει] ἰνδ. θ'" δὲν εἶναι ἀσφαλής, διότι τοῦτο τὸ ἔτος δέον νὰ ἀριθμῇ οὐχὶ 9-ην, ἀλλὰ 5-ην ἰνδικτιῶνα· ἐκτὸς δὲ τούτου τὸ fac-simile τοῦ Duchesne πρὸ τῆς ἰνδικτιῶνος παρουσιάζει λείψανα γραμμάτων ἐπὶ χώρου ἱκανοῦ. Ὁ Duchesne λέγει περὶ αὐτῶν ταῦτα· „Je me suis assuré, en examinant minutieusement la pierre, que la première lettre de la dernière ligne ne pouvait être qu' un ξ, et la suivante qu' un γ ou un β. L' indiction IX achève de déterminer la date. C' est l'an de J. C. 1355 qui a l' indiction IX pour les quatres derniers mois". Ὥστε κατ' αὐτοὺ ὁ λίθος θὰ εἶχεν ἐξ ἀρχῆς τὸ ἔτος ͵ςω | [ξγ]. τοῦτο ὅμως τὸ ἔτος ἀριθμεῖ 8-ην καὶ οὐχὶ 8-ην ἰνδικτιῶνα. Ὁ ἀσφαλέστερος τρόπος εἰς διάκρισιν τοῦ χρόνου τῆς ἐπιγραφῆς ὑπάρχει ἐν τῇ διαγνώσει τῆς ἐν αὐτῇ μνημονευομένης Ἄννης Παλαιολογίνης, ἥτις φαίνεται διαμένουσα ἐν αὐτῇ τῇ Θεσσαλονίκῃ· τοιαύτην δ' ἐγὼ νομίζω τὴν βασίλισσαν Ἄνναν, Ἀνδρονίκου Παλαιολόγου τοῦ πρωτοστράτορος θυγατέρα, δεσπότιδα γενομένην τῆς Ἠπείρου καὶ ὕστερον ὑποταγεῖσαν τῷ αὐτοκράτορι Ἀνδρονίκῳ τῷ 3-ῳ, ὑπὸ δέ τινα περιορισμὸν ἐγκατασταθεῖσαν ἐν Θεσσαλονίκῃ, δόντος αὐτῇ ἐκεῖ τοῦ Ἀνδρονίκου „ἱκανὰ χωρία προσόδων ἐτησίων ἕνεκα" (Γρηγορᾶ τ. 1, σ. 546). Καὶ ἂν αὕτη ἡ Ἄννα ταυτίζεται τῇ ἐν τῷ λίθῳ μνημονευομένῃ, τότε τούτου τὸ ἔτος δέον συμπληρωθῇ εἰς „τῷ ͵ςω[μθ' ἔτει]", ὅπερ ἀληθῶς 9-ην ἀριθμεῖ ἰνδικτιόνα=1341.

32.

Χαλκὶς Εὐβοίας. Γ. Α. Παπαβασιλείου ἐν τῇ Ἀθηνᾷ, 1892, τ. 4, σ. 633—633. Εὑρέθη ἐνταῦθα ἑξάστιχον ἐπίγραμμα εἴς τινα Ἀμφικλέα ἐκ γένους „ὑπάτων"· εἰς δὲ τῆς εἰκόνος αὐτοῦ διάσωσιν ὁ τοῦ ἐπιγράμματος λίθος ἔχει καὶ ταῦτα εἰς στίχους 29. „Προαγορεύω τοῖς κατὰ τὸν χῶρον τόνδε. | Ἐπικατάρατος ὅστις μὴ φείδοιτο | κατὰ τόνδε τὸν χῶρον τοῦδε | τοῦ ἔργου καὶ τῆς εἰκόνος τῆς εἱδρυμένης, ἀλλὰ ἀτιμάσει | ἢ μεταθήσει ὅρυυς ἐξ ὅρων, | ἢ ὑβρίσει μιάνας, ἢ αἰκίσεται, | ἢ θραύσει ἤ τι μέρος ἢ σύμπαν, | ἢ εἰς γῆν ἀνατρέψει καὶ κατα|σκεδάσει καὶ ἀμαυρώσει, τοῦ|τόν τε θεὸς πατάξαι ἀπορίᾳ καὶ | πυρετῷ καὶ ῥίγει καὶ ἐρεθισμῷ | καὶ ἀνεμοφθορίᾳ παὶ παραπλη|ξίᾳ καὶ ἀρασίᾳ καὶ ἐκστάσει δια|νοίας, καὶ εἴη ἀφανῆ τὰ κτήμα|τα αὐτοῦ· μὴ γῆ βατῆ, μὴ θά|λαττα πλωτή, μὴ παίδων γο|νή, μηδὲ οἶκος αὔξοιτο, μηδὲ | καρπῶν ἀπολαύοι, μηδὲ οἴκου· | μὴ φωτὸς, μὴ χρήσεως μηδὲ | κτήσεως, ἐπισκόπους δὲ ἔχοι Ἐρεινύας. | Εἰ δέ τις εὐθετοίη καὶ τηροίη | καὶ συμφυλάττοι, τῶν λόφων | ἀπολαύοι· εὐλογοῖτό τε ἐν | παντὶ δήμῳ καὶ πληθύοι αὐ|τῷ οἶκος παίδων γοναῖς καὶ | καρπῶν ἀπολαύσεσιν, ἐπισκο|ποίη δὲ χάρις καὶ ὑγεία". Ὁ ἐκδότης εἰς τὴν ἐπιγραφὴν ταύτην παρετήρησεν οὐδὲν ἕτερον, ἢ ὅτι περιέχεται ἐν αὐτῇ „ἀρὰ μὲν δεινοτέρα τοῦ παρὰ χριστιανοῖς ἀφορισμοῦ τῷ ὁπωσδήποτε βλάψοντι τὸ μνημεῖον, ὅπερ, ὡς εἰκάζομεν ἐκ τῆς ἐπιγραφῆς, ἦτό τι ἐκπρεπὲς, ἢ τὴν εἰκόνα, εὐχὴ δὲ τῷ εὐθετοῦντι καὶ τηροῦντι καὶ συμφυλάττοντι, ὅπως πάντων τῶν ἀγαθῶν ἀπολαύῃ". Ἐντεῦθεν δὲ φαίνεται, ὅτι τὸν συντάκτην τῆς ἐπιγραφῆς ὁ ἐκδότης νομίζει οὐχὶ χριστιανὸν, ἀλλ' ἐθνικόν. Περὶ τῆς ἐποχῆς αὐτῆς οὐδὲν λέγει, ἄγνωστος δὲ καὶ ἡ τῶν γραμμάτων μορφὴ, διότι τὸ ἐν τῇ Ἀθηνᾷ κείμενον, τὸ κεφαλαιῶδες, προφανῶς ἄλλην τινὰ ἐπὶ τοῦ λίθου μορφὴν ἔχει. Ὁ Ἀμφικλῆς ὁμολογῶν ἑαυτὸν ἐκ γένους ὑπάτων ὄντα, προδίδει ἀφ' ἑαυτοῦ χρόνον χριστιανικὸν, βυζαντινόν· διὰ δὲ τῆς ἀρᾶς καὶ τῆς εὐχῆς παρουσιάζει ἑαυτὸν γνώστην τῆς ἱερᾶς Γραφῆς· ἐπειδὴ δὲ ἀναφέρει καὶ θεότητας ἑλληνικὰς, Ἐριννύας, Χάριτα καὶ Ὑγείαν, ἔζη πιθανῶς ἐν οἷς χρόνοις οἱ τῶν χριστιανῶν λογιώτεροι ἠσμενίζοντο ταῖς κλασικαῖς ἀναμνήσεσιν· ἄλλως δὲ αὐτὸς ὁ Ἀμφικλῆς ἐν τῷ ἐπιγράμματι λέγει· „ναὶ μὴν καὶ γένεος φερεκυδέος ἐξ ὑπάτων με δέρκεο. Πειερίδων οὔποτε λησάμενον". Ἡ ἐπιγραφὴ λοιπὸν φαίνεται οὖσα τῶν μεταξὺ τοῦ 4-ου καὶ τοῦ 6-ου μετὰ Χριστὸν αἰῶνος χρόνων. Ἡ ἀρὰ τοῦ Ἀμφικλέους εἶναι φοβερά· ἀλλ' αὕτη πηγάζει ἐκ τῆς Γραφῆς. Τὸ „μεταθήσει ὅρους ἐξ ὅρων" ἐσχηματίσθη ἐκ γνώσεως τοῦ Δευτερονομίου κζ', 17 „ἐπικατάρατος ὁ μετατιθεὶς ὅρια τοῦ πλησίον". Τὸ „θεὸς πατάξαι ἀπορίᾳ καὶ πυρετῷ καὶ ῥίγει καὶ ἐρεθισμῷ καὶ ἀνεμοφθορίᾳ" ἐλήφθη κατὰ λέξιν ἐκ τοῦ Δευτερονομίου κη, 22 „πατάξαι σε

κύριος ἐν ἀπορίᾳ καὶ πυρετῷ λαὶ ῥίγει καὶ ἀνεμοφθορίᾳ". Τὸ μὴ ὑπάρχον ἐπὶ τοῦ λίθου ἐν παραλείπουσι καὶ οἱ κώδικες AF (Alexandrinus καὶ Ambrosianus). Τὸ κατόπιν ἐν τῇ ἀρᾷ ἀναγινωσκόμενον „παραπληξίᾳ καὶ ἀορασίᾳ καὶ ἐκστάσει διανοίας" ἐλήφθη ὡσαύτως ἐκ τοῦ Δευτερονομίου κή, 28 „πατάξαι σε κύριος παραπληξίᾳ ἀορασίας καὶ ἐκστάσει διανοίας"· ἀλλὰ τὸ μὴ συμφωνοῦν τῷ λίθῳ ἀορασίας ἐν τῷ κώδικι Vaticanus κεῖται ὡς ἐν αὐτῷ τῷ λίθῳ, ἤτοι „καὶ ἀορασίᾳ". Αἱ ἄλλαι ἀραὶ ἐσχεματίσθησαν ἐν γνώσει τοῦ αὐτοῦ Δευτερονομίου.

α') „εἴη ἀφανῆ τὰ κτήματα αὐτοῦ". Πρβλ. Δευτερ. κη', 16, 17, 18 „ἐπικατάρατος σὺ ἐν ἀγρῷ· ἐπικατάρατοι αἱ ἀποθῆκαί σου καὶ τὰ ἐγκαταλίμματά σου — — καὶ τὰ γεννήματα τῆς γῆς σου, τὰ βουκόλια τῶν βοῶν σου καὶ τὰ πρόβατα τῆν προβάτων σου",

β') „μὴ γῆ βατή, μὴ θάλαττα πλωτή, μὴ παίδων γονή". Πρβλ. Δευτερ. κη', 18, 19 „ἐπικατάρατα τὰ ἔκγονα τῆς κοιλίας σου — — · ἐπικατάρατος σὺ ἐν τῷ ἐκπορεύεσθαί σε, καὶ ἐπικατάρατος σὺ ἐν τῷ ἐκπορεύεσθαί σε",

γ') „μηδὲ οἶκος αὔξοιτο, μηδὲ καρπῶν ἀπολαύοι, μηδὲ οἴκου". Πρβλ. Δευτερ. κη', 30 „οἰκίαν οἰκοδομήσεις καὶ οὐκ οἰκήσεις ἐν αὐτῇ· ἀμπελῶνα φυτεύσεις καὶ οὐ τρυγήσεις αὐτόν". Καὶ πάλίν κη', 38—40 καὶ 51.

δ') „μὴ φωτός, μὴ χρήσεως μηδὲ κτήσεως". Πρβλ. Δευτερ. κη'. 28, 29 „πατάξαι σε κύριος — — — καὶ ἔσῃ ψηλαφῶν μεσημβρίας, ὡς εἴ τις ψηλαφήσαι τυφλὸς ἐν τῷ σκότει, καὶ οὐκ εὐοδώσει τὰς ὁδούς σου· καὶ ἔσῃ τότε ἀδικούμενος καὶ διαρπαζόμενος πάσας τὰς ἡμέρας, καὶ οὐκ ἔσται ὁ βοηθῶν".

ε') „ἐπισκόπους δὲ ἔχοι Ἐρεινύας". Ἐσχηματίσθη καὶ τοῦτο ἐκ γνώσεως τοῦ Δευτερονομίου κή, 25 „δῴη σε κύριος ἐπισκοπὴν ἐναντίον τῶν ἐχθρῶν".

Ἡ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ εὐχὴ συνετάχθη ὡσαύτως ἐκ γνώσεως τοῦ Δευτερονομίου, ὡς ἀποδεικνύει ἡ ἀντιπαράθεσις τῶν δύο κειμένων.

Ἐπιγραφή.	Δευτερ. κή, 3—5, 11.
„εὐλογοῖτό τε ἐν παντὶ δήμῳ καὶ πληθύοι αὐτῷ οἶκος παίδων γοναῖς καὶ καρπῶν ἀπολαύσεσιν".	„Εὐλογημένος σὺ ἐν πόλει καὶ εὐλογημένος σὺ ἐν ἀγρῷ· εὐλογημένα τὰ ἔκγονα τῆς κοιλίας σου, τὰ βουκόλια τῶν βοῶν σου — — — καὶ πληθυνεῖ σε κύριος ὁ θεός σου εἰς ἀγαθὰ ἐν τοῖς ἐκγόνοις τῆς κοιλίας σου καὶ ἐπὶ τοῖς γενήμασιν τῆς γῆς σου".

33.

Μονεμβασία. Κωνστ. Γ. Ζησίου Σύμμικτα. Ἀθήνησιν 1892, 4. Ἀθηνᾶ 1891, τ. 3, σ. 120. „ἐπί τινος ἀντηρίδος τοῦ πρὸς μεσημβρίαν τοίχου τοῦ ναοῦ (Χριστοῦ τοῦ ἑλκομένου) ἦτο ἐντετειχισμένη πλάξ, ἐφ' ἧς ἐπιγραφή, διὰ τὴν κακὴν χάραξιν καὶ τὴν ἀνωμαλίαν τοῦ λίθου δυσχερέστατα καὶ οὐχὶ ἀσφαλῶς οὐδὲ πᾶσα ἀναγινωσκομένη“. Ὁ ἐκδότης παρατίθησι πρῶτον τὸ πανομοιότυπον καὶ ὕστερον τὴν ἀνάγνωσιν τῆς εἰρημένης ἐπιγραφῆς. ἀνέγνω λοιπὸν οὕτω·

1. + Δοῦλος Χριστοῦ Γεώργιος ἐπίκλεισιν Κουιγκίδος (;) δικοφύλαξ δὲ Χριστοῦ στύλου(ς)
2. ἐν Μονεμβασίᾳ (;) ἔπηξε καικοπιακῶς· ὑδρῶτα (;)
3. δὲ καὶ πλείστεις ὀφέλειαν καὶ στύλωσις τοῦ ἁγίου
4. οἴκου τούτου ἐπὶ ἔτου(ς) ζμς
5. κατὰ μ(ῆνα) ἰανουάριον λ'.

Τὸ ὄνομα Γεώργιος φαίνεται ἀμφίβολον ἐν τῷ πανομοιοτύπῳ· τὸ ἐπίκλεισιν δὲν διακρίνεται ἐν αὐτῷ, ἀλλὰ μόνον τὸ ἐπίκλει μέ τι σημεῖον ἄνωθεν τοῦ ει. Τὸ Κουιγκίδος ὄνομα, περὶ τῆς ἀκριβοῦς τοῦ ὁποίου ἀναγνώσεως ἀμβιβάλλει καὶ ὁ κ. Ζησίου, δύναται κατὰ τὸ πανομοιότυπον νὰ ἀναγνωσθῇ ἀσφαλέστερον Κουγκίδας· ἀντὶ δὲ τοῦ δικοφύλαξ ὁ λίθος ἔχει σαφῶς τὸ δικαιοφύλαξ. Τὸ πρὸ τοῦ Μονεμβασίᾳ ὀνόματος ἐν δὲν ὑπάρχει ἐν τῷ πανομοιοτύπῳ. Τὸ ἔπηξεν ὡσαύτως δὲν ὑπάρχει, ἀλλ' ἀντ' αὐτοῦ φαίνεται ἓν παρ, εἶτα δὲ διακρίνονται τρία δυσνόητα σημεῖα παριστῶντα γράμματα δυσδιάγνωστα· ἀλλ' ἐνταῦθα δύναται νὰ ὑποτεθῇ μέχρις ἀναθεωρήσεως τοῦ λίθου ἓν ῥῆμα παρέσχε (?). Ἀντὶ τοῦ ἀμφιβαλλομένου ὑδρῶτα διακρίνω ἐγὼ ἐν τῷ πανομοιοτύπῳ τὸ ὑδρῶτει (= ἱδρῶτι). Τὰ παρὰ τῷ ἐκδότῃ „δὲ καὶ πλείστεις“ εἶναι ἀμφίβολα, ἀλλὰ καὶ ἀδιάκριτα ἐν τῷ σχεδίῳ τῆς ἐπιγραφῆς· ἔνθα διακρίνονται σαφῶς τὸ καὶ καὶ ἕν τι. Καὶ πάλιν ἀντὶ τοῦ στύλωσις προτιμώτερον εἶναι τὸ τελευταῖον ὡς σ ἐκληφθὲν γράμμα νὰ ὑποτεθῇ ὡς ν. Τὸ πανομοιότυπον, ὡς λέγει ὁ ἐκδότης, παρουσιάζει πολλὰς ἀμφιβολίας· οὐχ ἧττον ὅμως διακρίνω ἐν αὐτῷ ἐπιγραφὴν οὐχὶ πεζήν, ἀλλ' ἔμμετρον, τέσσαρας δεκαπεντασυλλάβους στίχους· τούτου δὲ λαμβανομένου ὑπ' ὄψει, δέον καὶ πάλιν νὰ ἐξετασθῇ ὁ λίθος, ὁπότε πάντως τῆς ἐπιγραφῆς ἡ ἀνάγνωσις θὰ καταστῇ ἀκριβεστέρα. Οἱ στίχοι δύνανται νὰ ἔχωσιν οὕτω·

Δοῦλος Χριστοῦ Γεώργιος (?) ἐπίκλει[ν ὁ] Κουγκίδας (?),
δικαιοφύλαξ δὲ Χ(ριστο)ῦ στύλου(ς) Μονεμβασίᾳ

παρέσχε χαικοπιακῶς ὑδρῶτει τε(?) καὶ π[όνῳ?
εἰς ὀφέλει[α]ν καὶ στύλωσιν τοῦ ἁγίου τούτου οἴκου

Ὁ τέταρτος στίχος ἀριθμεῖ συλλαβὰς οὐχὶ 15, ἀλλὰ 17· τοῦτο οὐδὲν σημαίνει· ἄλλως δὲ παρατηρεῖται ἐνταῦθα τὸ αὐτὸ ὅπερ καὶ ἐν τοῖς ἀντιγράφοις τῶν μεσαιωνικῶν ποιημάτων· ὅπου οἱ ἀντιγραφεῖς δὲν κάμνουσι χρῆσιν τῶν σημερινῶν ἐθίμων συνιζήσεως καὶ ἀποκοπῶν. Ἡ ἐπιγραφὴ ἐχαράχθη ἔτει 1538-ῳ.

34.

Κωνσταντινούπολις, ἐν τῷ ναῷ τῶν ἁγίων Σεργίου καὶ Βάκχου (Κουτσοὺκ-Ἁγιά-Σοφιά). Theod. Preger, Inscriptiones graecae metricae. Lipsiae 1891, σ. 166. Ἐν τῷ βιβλίῳ τούτῳ (ἀριθ. 210) περιέχεται τὸ ὑπὸ τοῦ Σκυλίτση (Cedreni II, 238 Bekker) μνημονευόμενον ἐπίγραμμα. Ὁ Preger ἔλαβεν ὑπ' ὄψει καὶ τὸ C. I. G., ἀριθ. 8639, καὶ τὸν Kaibel, Epigrammata graeca, ἀριθ. 1064. Ὁ Πασπάτης (Βυζαντιναὶ μελέται, σ. 333) λέγει ταῦτα· „ἐντὸς τοῦ ναοῦ τούτου ἐπὶ ζωστῆρος ἐπιστυλίου εἶναι γεγραμμένοι στίχοι ἑλληνικοί, τοὺς ὁποίους κατὰ πρῶτον ἐδημοσίευσεν ὁ Νικόλαος Ἀλεμάννος ἐν ταῖς σημειώσεσι τοῦ Προκοπίου. Βότρυες καὶ σταφυλαὶ παρὰ τὴν ἐπιγραφὴν ἀναμιμνήσκουσι τὸν Βάκχον τῶν Ἑλλήνων. Ταύτας (γρ. τούτους) ἀντέγραψαν ὁ Δουκάγγιος καὶ οἱ ἡμέτεροι χωρογράφοι". Οὔτε ὁ Δουκάγγιος οὔτε ὁ Ἀλεμάνος ἀντέγραψαν ἐν Κ|πόλει τοὺς στίχους, ἀλλὰ παρέλαβον αὐτοὺς ἔκ τινος ἀορίστου βατικανοῦ κώδικος. Ὁ Kirchhoff ἐν τῷ C. I. G. εἶχεν ὑπ' ὄψει καὶ τὸ ἐκ τοῦ μαρμάρου ἀντίγραφον τοῦ Hammer. Ὁ Kaibel μετεκδοὺς τὸ ἐπίγραμμα δὲν ἐφρόντισε νὰ μάθῃ, ἂν καὶ ἕτερος μετὰ τὸν Hammer ἔλαβεν ἐκ τοῦ μαρμάρου ἀντίγραφον αὐτοῦ· ἀλλ' ἁπλῶς ἀπεδοκίμασε τὴν γραφὴν βασιλῆες (στίχ. 1), ἐν δὲ τῷ στίχῳ 11 ἀντὶ τοῦ ἀεὶ ἔγραψεν αἰεί. Τὸ ἐπίγραμμα ἐπανελήφθη ἐν τῇ συλλογῇ τοῦ Cougny (Epigramm. anthologia, III. Paris 1890, σ. 58), ἀρκεσθέντος καὶ τούτου εἰς τὸ ἐν τῷ C. I. G. κείμενον· μετὰ δὲ τοῦτον ἐπανελήφθη ὑπὸ τοῦ Preger, ἀγνοήσαντος καὶ αὐτοῦ ἀντίγραφα μεταγενέστερα τοῦ Hammer. Καὶ ὅμως εἶναι ἓξ ἕτερα γνωστά, οἷον ἐξ ἑνὸς πατμιακοῦ τοῦ 16-ου αἰῶνος κώδικος (Ἰ. Σακκελίων ἐν τῇ Ἐκκλησιαστικῇ Ἀληθείᾳ. Εν Κ|πόλει 1881, σ. 266), ἓν δεύτερον ἐκ τοῦ 166-ου κώδ. Reginae Svecorum (I. Pitra, Cod. Mssti graec. Reg. Svec. et Pii p.p. II. Romae 1888, σ. 113)· ἓν τρίτον ἀξιόπιστον καὶ πανομοιότυπον ἐξ αὐτοῦ τοῦ μαρμάρου, γενόμενον ὑπὸ τοῦ Philippe Dethier, ὅπερ παραδόξως οὔτε ὁ Kaibel οὔτε ὁ Cougny οὔτε ὁ Preger ἐγνώρισαν. Ὁ Dethier γινώσκει τὰς ὑπὸ τοῦ Πασπάτη μνημονευθείσας ἐκδόσεις, οἷον τοῦ Ἀλεμάνου, Δουκαγγίου, Κωνσταντίου Πατριάρχου, Σκαρλάτου Βυζαντίου· γινώσκει προσέτι

τὸ ἐκ τοῦ μαρμάρου ληφθὲν ὑπὸ τοῦ Saltzenberg ἀντίγραφον· αὐτὸ δὲ τὸ τοῦ Dethier κοινότατον ὂν περιέχεται ἐν τοῖς Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe d. k. k. Akad. d. Wiss. zu Wien 1858, σ. 164—173, ἀλλὰ καὶ ἐντὸς ἰδίου βιβλιδίου, φέροντος τὴν ἐπιγραφήν. Fac-simile der Inschrift in der kleinen Hagia-Sofia zu K|pel zum ersten Male nach etwa 600 Jahren in der Kirche selbst kopiert, Wien 1858. Τέλος ἐγένετο καὶ ἕτερον ἐκ τοῦ μαρμάρου ἀντίγραφον ὑπὸ τοῦ D. Pulgher (Les anciennes églises byzantines de C/ple, Wien 1878, σ. 16 καὶ planche III), ὅπερ ὡσαύτως ἠγνόησαν ὁ Cougny καὶ ὁ Preger. Κατὰ τὸ πιστὸν τοῦ Dethier ἀντίγραφον ἀντὶ τοῦ παραδεκτοῦ γενομένου βασιλεῖς (στ. 1) τὸ μάρμαρον ἔχει τὸ βασιλῆες, ὡς παρὰ τῷ Σχυλίτσῃ, τῷ Hammer καὶ τοῖς λοιποῖς ἀντιγράφοις. Ἐν τῷ 2-φ στίχῳ ἀναγινώσκεται ἀσφαλῶς τὸ ἀνόητος· ἐν τῷ στ. 5 ἀντὶ τοῦ κοινοῦ παμμεδέοντος ὑπάρχει τὸ παγγενέταο (οὕτω καὶ ἐν τῷ πατμιακῷ ἀντιγράφῳ)· ἐν τῷ στ. 8 ἀντὶ τῶν οὐρανοῦ καὶ πᾶσι ὑπάρχουσι τὰ πᾶσιν καὶ οὐρανὸν (οὕτω καὶ ἐν τῷ πατμ. καὶ ἐν τῷ χειμένῳ τοῦ Σχυλίτση)· ἐν τῷ στ. 10 ἀντὶ τοῦ Θεοδώρας ἀναγινώσκεται τὸ Θεοδώρης (οὕτω καὶ Σχυλ. καὶ πάτμιον)· ἐν τῷ στίχῳ 11 χυροῦται τοῦ Σχυλίτση καὶ τοῦ Ἀλεμάνου ἡ ἀνάγνωσις αἰεί (οὕτω καὶ τὸ πάτμιον)· ἐν τῷ στίχ. 12 ἀντὶ τῶν καὶ κτεάνων ἢ κἀκτεάνων ἀναγινώσκεται τὸ ἀκτεάνων (οὕτω δὲ καὶ ἐν τῷ πατμ. καὶ παρὰ τῷ Σχυλίτζῃ).

35.

Γέρμη τῆς Μ. Ἀσίας, νῦν Yerme. W. Ramsay ἐν τῷ Bull. de corresp. hell. 1883, τ. 7, σ. 23. Τεμάχιον ἐπιγραφῆς, ἐν ᾧ ἀναφέρεται εἷς Σωτήριχος, περὶ οὗ οὐδὲν λέγει ὁ ἐκδότης. Τοῦτον ἐγὼ ταυτίζω μὲ τὸν γνωστὸν ἔτει 555-φ στρατηγὸν Σωτήριχον, ὅστις ἔν τινι κατὰ τοῦτο τὸ ἔτος ἐκστρατείᾳ εἰς τὸν Καύκασον εὗρεν οἰκτρὸν τέλος εἴς τι φρούριον τῶν Μισιμιανῶν (Ἀγαθίας, σ. 171—176 Bonn.). Ἡ πορεία τοῦ Σωτηρίχου ἐγένετο διὰ τῆς Μικρᾶς Ἀσίας καὶ ἑπόμενον ἦτο νὰ σταθμεύσῃ ἐν Γέρμῃ· φονευθέντος δὲ αὐτοῦ, φαίνεται ὅτι τῆς Γέρμης οἱ κάτοικοι δόξαν ἑαυτῶν ἐλογίσαντο νὰ διαιωνίσωσι τὴν παρ' αὐτοῖς διαμονὴν τοῦ Σωτηρίχου διά τῆς εἰς τεμάχιον διασωθείσης ἐπιγραφῆς. Ὁ Ramsay ἐκ κακῆς ἴσως τοῦ λίθου καταστάσεως ἀναγινώσκει ἀπὸ τοῦ 3-ου μέχρι τοῦ 7-ου στίχου οὕτω· „— — — παραδοὺς ἐνθάδε κ. . . . . | Σωτήριχος ὁ τῆς μεγ[ίστης?] | μνήμης τῆς τε αρχ . . . . | του .·. τὸ δι[ά]ταγμα . . . . . ἐν|ταῦθα ε[ὐ]ξά[μ]ενος?". Ἀντὶ τοῦ μεγ[ίστης] δυνατὸν νὰ γράψῃ τις ἁπλῶς μεγ[άλης]· ἐν δὲ τοῖς γράμμασιν ΑΡΧ . . . . ΤΟΥΡΙΧ, ἅτινα ὁ R. ἀφῆκεν ἄνευ συμπληρώσεως, εἰκάζω νὰ κρύπτεται ἡ λέξις ἀρχ[ιστρα]τηγ[ίας]· καὶ πάλιν ἀντὶ τοῦ ἀκαταλήπτου εὐξάμενοι τὸ fac-simile ἐπιτρέπει νὰ ἀναγνώσωμεν ἁπλῶς [δ]ε-

ξάμεν[ος]. Οἱ στίχοι λοιποὶ 3—7 δύνανται νὰ ἀναγνωσθῶσιν οὕτω· „παραδοὺς ἐνθάδε κ . . . . . Σωτήριχος ὁ τῆς μεγ[άλης] μνήμης, τῆς τε ἀρχ[ιστρα]τηγ[ίας] τὸ δι[ά]ταγμα . . . . . ἐνταῦθα [δ]εξάμεν[ος καὶ — — —".

36.

Αἴγιον ἐν Πελοποννήσῳ (= Βοστίτζα). C. I. G., ἀριθ. 8771. Ἡ ἐν τῇ Expédition scientifique de Morée (τ. 3, σίν. 84, ἀριθ. 4) ἀπεικονισμένη ἐπιγραφὴ ἀνεγνώσθη ὑπὸ τοῦ Kirchhoff οὕτως· „Ἀρχιερα[τε]ύοντος τοῦ πανιερωτάτου καὶ λογιωτάτου κυρίου Παρθενίου [λα]οῦ παλαιῶν Πατρῶν ἀνηγέρθι ὁ πάνσεπτος οὗτος καὶ θεῖος ναὸς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Κοιμήσεως ἐκ [βάθ]ρων διὰ συνδρομ[ῆς] καὶ δαπάνης τῶν τιμιωτάτων ἀρχῶν τῶν Κ[ε]νοριτῶν κ(αὶ) λοιπῶν χρισ[τ]ι[α]ν(ικ)ῆς πολιτείας ταύτης ἐν [ἔ]τη α[τ]ξς Μαρτίου α. Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστὸ)ς νικ[ᾷ]". Ἡ τοιαύτη ἀνάγνωσις εἶναι ἐσφαλμένη ἐν πολλοῖς· οὕτω τὸ [λα]οῦ δὲν εὐοδοῦται, ἂν καὶ τὸ fac-simile παρουσιάζει τὰ στοιχεῖα ΑΙΟΥ· ἀλλ' ἐν αὐτοῖς ἐγὼ νομίζω κρύπτονται τὰ στοιχεῖα ΜΡΟΠ = μητροπολίου. Τὰ ἀρχῶν τῶν εἶναι ὡσαύτως ἀπαράδεκτα, τὸ fac-simile ἔχει ἀντ' αὐτῶν τὸ ἀρχώντων = ἀρχόντων. Περὶ τοῦ κατόπιν Κενοριτῶν ὁ Kirchhoff λέγει· „Κενορῖται gentis nomen esse coniicias". Τοῦτο δὲν ἔχει οὕτω, ἀλλ' ἁπλῶς ἀναγνωστέον κ(αὶ) ἐνοριτῶν. Καὶ πάλιν ἐσφαλμένη εἶναι ἡ ἀνάγνωσις χρισ[τ]ι[α]ν(ικ)ῆς. Ἐν τῷ fac-simile διακρίνονται τὰ γράμματα ΧΡΙϹΤΙΑΝΤΗ, ἅτινα δέον νὰ ἀναγνωσθῶσιν οὕτω· χριστιανῶν τῆς. Περὶ δὲ τοῦ χρόνου τῆς ἐπιγραφῆς ὁ Kirchhoff λέγει· „Annum e Latinorum more computatum esse sponte apparet. Ergo is erit post Christ. aut 1266 aut 1366, siquidem non potest non esse et capta per Latinos Constantinopoli recentior et Turcica clade paullum antiquior. Iam vero quum litterae secundae quae restant vestigia magis accedere videantur ad similitudinem notae numeralis T quam C, annum significari 1366 extra omnem dubitationem videtur esse positum". Δυστυχῶς ἡ σημείωσις αὕτη καταστρέφεται μὲ τὴν παρατήρησιν, ὅτι τὸ ὡς Τ φαινόμενον γράμμα εἶναι κατὰ τὸ fac-simile ἓν ἁπλοῦν Ψ, ἐπομένως δὲ ἡ ἐπιγραφὴ ἐχαράχθη οὐχὶ τῷ 1366-ῳ, ἀλλὰ τῷ 1766-ῳ ἔτει. Τὸν ἐν αὐτῇ μνημονευόμενον Παλαιῶν Πατρῶν μητροπολίτην Παρθένιον ἐγίνωσκεν ἐν τῷ 18-ῳ αἰῶνι ὁ τότε ἀκμάσας Καισάριος Δαπόντες, ὅστις καὶ ἀνέγραψεν αὐτὸν μεταξὺ τῶν πεφημισμένων ἐλλογίμων ἀρχιερέων, σημειώσας κατὰ λέξιν ταῦτα· „Παρθένιος Ἰωαννίτης, ἐπίσημος διὰ μάθησιν, ὁ Παλαιῶν Πατρῶν, καὶ εἰς τὸν καιρὸν τοῦ πολέμου (= 1770) φυ-

γῶν μετὰ πάντων τῶν εἰς τὸν Μωρέαν ἀρχιερέων (ἕως δέκα) καί τινων πλουσίων λαϊκῶν ὑπῆγεν εἰς Μοσχοβίαν“ (Κ. Σάθα Μεσαιων. βιβλιοθήκη 3, σ. 109. C. Erbiceanu, Cronicarii greci. Bucuresti 1890, σ. 122). Ἀλλὰ καὶ ὁ Pouqueville λέγει περὶ Παρθενίου ταῦτα· „Aegium (= Vostitza) — — — fut le lieu d'où partit le cri d'insurrection, poussé en 1770 par le métropolitain Parthénius, archévêque de Patras, qui y avait rassemblé les archontes de son exarchat“ (Voyage de la Grèce, 2-e édition, Paris 1826, τ. 4, σ. 409).

37.

Ἀττάλεια. W. Ramsay ἐν τῷ Bull. de corresp. hell. 1883, τ. 7. σ. 266—267, ἀριθ. 9 (ἀντίγραφον ἀτελὲς τοῦ Sir C. Wilson). Lanckoroński Städte Pamhyliens und Pisidiens. Wien 1890, τ. 1. σ. 159, ἀριθ. 12 (ἀντίγραφον πλῆρες). Κατὰ τὴν ἔκδοσιν τοῦ Lanskoroński ἀνεγνώσθη τὸ ἑξῆς ἐπίγραμμα·

Ἀεὶ προνοίᾳ [π]ατ[ρ]ικῇ κεχρημένος
ὡς οἷα τέκνοις πᾶσι τοῖς ὑπηκόοις
ὁ παγγάληνος εὐσεβὴς αὐτοκράτωρ
Λέων σὺν υἱῷ τῷ γλυκεῖ Κωνσταντίνῳ,
καὶ πάντα πράττ[ειν] συμπαθῶς [ἡγ]ούμενος,
ὡ]ς τῆς ἁπάντων φροντίσ[α]ι σωτ[ηρ]ίας,
καὶ τήνδε σώζων τὴν φιλόχριστον πόλιν
σοφῶς κατωχύρωσε τείχει δευτέρῳ,
δεικνὺς ἑαυτῆς μᾶλλον ἀσφαλ[ε]στέραν
ἐχθρῶν τε πάσης μηχανῆς ἀνωτέραν.
Καὶ χεὶρ μὲν ἡ μόναρχος ἔργου προστάτις,
ὡς καὶ χορηγὸν τῶν καλῶν καὶ δεσπότις,
Εὐφήμιος δὲ τοῦ κράτους μυστογράφος
θερμῶς ὑπουργῶν εὐφυὴς ἐπιστάτης.

Τὸ ἐπίγραμμα τοῦτο φαίνεταί μοι ἡμαρτημένον ἐξ ἀναγνώσεως ἀνακριβοῦς ἐν τῷ 5-φ καὶ τῷ 6-φ στίχῳ. Οἱ στίχοι ἰαμβικοὶ ὄντες καταλήγουσιν εἰς λέξεις παροξυτόνους· διὸ τὸ κατ' ἐξαίρεσιν ἐν τῷ 5-φ στίχῳ [ἡγ]ούμενος εἶναι ὕποπτον· ἀντὶ τούτου πιθανῶς ἐπὶ τοῦ λίθου μετοχῆς ὑπάρχει παρακείμενος, οἷον εἰθισμένος, ᾑρημένος ἢ ἄλλο τι εἰς—ωμένος λῆγον, διότι πολλάκις τὸ Ω μὴ καλῶς διακρινόμενον ἐκλαμβάνεται ὑπὸ τῶν ἀναγνωστῶν ὡς ΟΥ. Τὸ ἕτερον πάλιν ἐν τῷ 6-φ στίχῳ φροντίσ[α]ι εἶναι συντακτικῶς ἀκατάλληλον. Ἐπὶ τοῦ λίθου ἀνεγώσθη ΦΡΟΝΤΙCΛΙ· ἔνθα τὸ ὡς Λ ἐκληφθὲν γράμμα προδίδει ἀφ' ἑαυτοῦ ὅτι τῆς λέξεως ἡ ἐσχάτη συλλαβὴ εἶναι δυσδιά-

κριτος. Ὑποπτεύω λοιπὸν ὅτι ὁ λίθος θὰ ἔχῃ ΦΡΟΝΤΙΖΩΝ καὶ οὐχὶ ΦΡΟΝΤΙϹΑΙ. Κατὰ τὴν ἐπιγραφὴν ἐπεστάτησεν εἰς τὴν ὀχύρωσιν τοῦ τείχους Εὐφήμιος ὁ μυστογράφος τοῦ κράτους, ἄλλως εἰπεῖν ἐμπεπιστευμένος γραμματικός· διὸ δύναται οὗτος, ὡς καὶ ὁ Lanckoroński πιστεύει (σ. 9), νὰ ταυτισθῇ μὲ τὸν „Εὐφήμιον ἐκεῖνον τὸν περιβόητον γραμματικόν", τὸν συντάκτην τοῦ περιβοήτου ὡσαύτως ἰαμβείου· „γαρασδοειδὴς ὄψις ἐσθλαβωμένη"· ὅστις ἤκμαζεν ἐπὶ τῆς βασιλείας Ῥωμανοῦ τοῦ 1-ου (928. Muralt σ. 505. Const. Porphyr. de thematibus II, 6). Ἐπειδὴ δὲ ἡ ἐπιγραφὴ μιμνήσκεται τοῦ Λέοντος καὶ τοῦ υἱοῦ Κωνσταντίνου, τοῦ ἐν Ἀτταλείᾳ δευτέρου τείχους ἡ κατασκευὴ καὶ τῆς ἐπιγραφῆς αὐτῆς ἡ σύνταξις καὶ χάραξις ἐγένετο ἢ μεταξὺ τῶν ἐτῶν 906—912, ἢ μετὰ τὴν στέψιν τοῦ Κωνσταντίνου, μεταξὺ τῶν ἐτῶν 911—912. Ὅτι δὲ ὁ Εὐφήμιος ἤκμαζε καὶ ἐπὶ Λέοντος, δηλοῦσι τὰ εἰς αὐτὸν διὸ γνωστὰ ἐπιγράμματα (Cougny, Anthol. Palat. τ. 3, σ. 333, ἀριθ. 256 καὶ 257).

38.

Ἀττάλεια. C. I. G., 4° 8743. Ramsay ἐν τῷ Bull. de corresp. hell. 7 σ. 262 Lanckoroński, Städte Pamphyliens und Pisidiens, σ. 159—160, ἀριθ. 13. Παρὰ τῷ Lanckoroński ἀνεγνώσθη οὕτως·

Ἔτους + ,ϛυκδ'.
Ἀ[ε]ὶ [π]ρονοίᾳ τῶν σοφῶν βασιλέων
Κωνσ]ταντίνου Ζωῆς τε τῶν παναγάθων
? Φωκᾶς ἄ]γαν θαυμαστὸς ἐν στρατηγῆσιν
στ]ήσατο σοφῶς τὴν [φιλόχριστο]ν πόλιν
τεί]χει δευτέρῳ ταύτην [εὖ] ὀχυρώσας,
πασ]ῶν πόλεων δείξας ἀσφαλεστέραν.
? Ταύτην δὲ κ]αὶ σέσωκεν χειρὶ Κυρίου
εἰς δόξαν Χριστοῦ καὶ καύχημα Ῥωμ[αίων
◡ — ◡ οιη[ν] τῶν δυσσεβῶν Ἀ[ρ]ά[β]ων.
Ἅπαν δὲ πληροῖ σπουδῇ τὸ ἔργον [τόδε
ἑξχιλιοστ]ῷ καὶ [τετρα]κατοντάδι
διπλῇ δεκάδι σὺν καὶ τετάρτῳ χρόνῳ.
Ἰνδ. [δ'].

Παρὰ τῷ Ramsay βεβαιοῦται τῶν τεσσάρων πρώτων γραμμῶν ἡ ἀκρίβεια. Ἀλλ' ἡ συμπλήρωσις ἐν τῷ 3-ῳ στίχῳ εἶναι προφανῶς ἀνεπιτυχής, διότι ὁ παρεισαχθεὶς ἐκεῖ Φωκᾶς οὐδαμοῦ φαίνεται βιώσας ἐν τῷ θέματι τῆς Ἀτταλείας· διὸ προβάλλεται ἀπορία, μὴ τὸ διακριθὲν ἐν τῷ στίχῳ ΓΑΝ παριστᾷ τέλος ὀνόματος τετρασυλλάβου· ἔπειτα δὲ ὁ Wilson διέκρινε μόνον ΑΝ. Ὁ

„θαυμαστὸς ἐν στρατηγήμασιν" ἔσωσε καὶ τὴν πόλιν 'Αττάλειαν ἐξ ἐφόδου ἢ κατοχῆς τῶν 'Αράβων, ἀλλὰ τοιοῦτον τινὰ ἐκ τῆς ἱστορίας ἀγνοοῦμεν. Ἂν δὲ τὸ ΓΑΝ εἶναι ἀσφαλὲς καὶ θεωρηθῇ μέρος τοῦ ἄγαν, τότε κατὰ συνθήκην ἀντὶ τοῦ Φωκᾶς προτιμητέον τὸ κύριον αὐτοῦ ὄνομα Λέων. Ἡ ἑτέρα συμπλήρωσις ἐν τῷ στ. 6 [εὖ] ὀχυρώσας δὲν φαίνεταί μοι καλή· ἐπειδὴ δὲ τὸ ἐπίγραμμα μιμεῖται τὸ πρότερον (ἀριθ. 40), ἑπόμενον ὅτι ὡς ἐν τούτῳ λέγεται „σοφῶς κατωχύρωσε τείχει δευτέρῳ", ἠδύνατο ὁ μιμητὴς καὶ ἐν ἐκείνῳ νὰ γράψῃ „τείχει δευτέρῳ ταύτην [κατ]οχυρώσας". Τοὺς στίχους 6—9 προτιμῶ νὰ συμπληρωθῶσιν οὕτω·

6. πολλ]ῶν πόλεων δείξας ἀσφαλεστέραν
7. πᾶσιν, ἣν κ]αὶ σέσωκεν χειρὶ Κυρίου
8. εἰς δόξαν Χριστοῦ καὶ καύχημα 'Ρωμ(αίων)
9. καὶ κατατρ]οπὴ[ν] τῶν δυσ(σ)εβῶν 'Α[ρ]ά[β]ων.

Τὰ ἐν τῷ 9-ῳ στίχῳ τῆς ἐκδόσεως Lanckoroński γράμματα οιη ἐν τῷ ἀντιγράφῳ τοῦ Bailie ἔχουσιν οὕτως· ΟΙΗΙ. Τὸ ἐπίγραμμα ἐχαράχθη μεταξὺ τῶν ἐτῶν 915—916.

39.

'Αττάλεια. Lanckoroński ἔνθ. ἀνωτ. σ. 160, ἀριθ. 14. „Oestlich vom Kasernenthurm in der Südwestmauer aussen, in der Höhe, *mühsam zu lesen*". Τὸ οὕτω κοπιωδῶς γενόμενον ἀντίγραφον ἔχει οὕτως·

ΑϹ ΤΟΙΛЄϹΘΛΙΙ ΑΜΠΡΑΙ ΑΤ ΤΑΛΑΙЄΩΝ

ΥΠЄΡϹ ΤЄΦΑ ΝΟΥΔΡΟΥΠ ΑΡΙΟΥЄΥΚΛЄЄϹ

ΑΠΡΙΖ ΔΟΜΟΙΟΝЄΡΓΟΜΟΧΘΟΙϹΦΡΟΝ ΤΙϹΙ

ϹΘЄΝΑΡΟΝ ΤΟΝΟΝ ΤѠϹΑΠ ΤΟΝ ΚΑΙ ΤЄΡΠΙϹϹ

ΤΟΙΟΝΤΑ Χ.Ω ΣΑΙ Ζ ΑΝ ΤΟϹ ЄΥΧЄϹΘΑΙΟΠѠϹ

Α ΜΑΡΤΗΜΑΤѠΝΑΥ ΤΟΝ ЄΥΡΑϹΘΑΙΛΥϹΙΝ

ΚΑΙ ΚΑ ΤΑΔΙΚΗϹЄΚΦΥΓЄΙΝΑΙѠΝΙΟΥ

/////// ΓΗΟΝѠΛЄЄΡΟΝ ΤΟΙΟΑ ΓΗΡ ΤΙϹΘ

ЄΤΟΥϹΥ ϚΤΙΗ L Ζ

Ἐκ τοῦ ἀντιγράφου τούτου ἐγένετο τὸ ἑπόμενον κείμενον·

Ἀστοὶ.... λαμπραὶ Ἀτταλαιέων
ὑπὲρ Στεφάνου δρου[γγ]αρίου εὐκλεές·
ἀπρὶζ δ' ὁμοῖον ἐργομόχθοις φροντίσι
σθεναρὸν τὸν ὄντως....
τοῖον ταχῶσαι ζ[ῶ]ντος εὔχεσθαι ὅπως
ἁμαρτημάτων αὐτὸν εὕρασθαι λύσιν
καὶ καταδίκης ἐκφυγεῖν αἰωνίου
. . . .
ἔτους + ϛυιη + [ϛ]

Τὸ ἐν τῷ στ. 1 φανερὸν Ἀτταλαιέων καὶ τὸ ἀστοὶ δίδουσί μοι τὸ ἐνδόσιμον νὰ ὑποπτεύω τὴν λέξιν πόλεως ἐν τοῖς γράμμασι ΛΕCΘΑΙ, τὰ δὲ μετ' αὐτὰ ΙΑΜΠΡΑΙ θὰ προέρχωνται ἐκ δυσδιακρίτου ἀναγνώσεως τῆς γενικῆς λαμπρᾶς· διὸ ὁ 1-ος στίχος δύναται νὰ ἔχῃ οὕτως· „Ἀστοί, πόλεως λαμπρᾶς Ἀτταλαιέων". Ὁ τύπος Ἀτταλαιέων, ὅστις φαίνεται ὢν ἀσφαλὴς ἐκ τοῦ λίθου, εἶναι πρωτορανής· ἔδει ὁ ἐπιγραμματοποιὸς νὰ γράψῃ Ἀτταλέων, ἀλλὰ τὸ μέτρον ἐβίασεν αὐτὸν νὰ κλίνῃ Ἀτταλαιεῖς, Ἀτταλαιέων. Τὸ ἐν τῷ στ. 2 ΕΥΚΛΕΕC εἶναι ὕποπτον· πρόκειται ἀναμφιβόλως περὶ Στεφάνου ὄντος πρότερον εὐκλεοῦς καὶ οὐχὶ νῦν τοιούτου κηρυσσομένου· διὸ νομίζω ὅτι ὁ λίθος θὰ ἔχῃ γενικὴν πτῶσιν εὐκλέος. Τὰ ἐν τῷ στ. 3 ἀπρὶξ δ' ὁμοῖον εἶναι προφανῶς ἀκατάληπτα, διότι πρέπει νὰ ὁρισθῇ τὸ πρᾶγμα, ὅπερ ὁ Στέφανος ἀπρὶξ ἐργομόχθοις φροντίσι κατεσκεύασεν· ἐπειδὴ δὲ ὁ λίθος εἶναι ἐπὶ τείχους καὶ οὕτω δείκνυται τὸ παρ' ἐκείνου γενόμενον πρᾶγμα, εὔλογον εἶναι ἐν τοῖς στοιχείοις ΔΟΜΟΙΟΝ νὰ ὑποπτεύωμεν ἐν φθορᾷ κεκρυμμένην τὴν λέξιν ΤΟΤΕΙΧΟC. Ἐν τῷ στ. 4 διακρίνονται ὑπὸ τὰ γράμματα CΘΕΝΑΡΟΝΤΟΝΟΝΤωC αἱ λέξεις σθεναρ[ώ]τατον ὄντως· ὅπως δὲ ὁ στίχος γένηται τέλειος, ἀπαιτοῦνται πέντε περιπλέον συλλαβαί· διὸ ἐν τοῖς γράμμασιν ΑΠΤΟΝΚΑΙΤΕΡΠΠΕC δυνάμεθα νὰ εἰκάσωμεν ἐφθαρμένα τὰ λάμπον καὶ τέρπον, καὶ εἰ μὴ ταῦτα, πάλιν ὅμως ὀνόματα ἐπιθετικά. Ὁ στ. 5 δύναται ἐν τοῖς γράμμασι ΤΟΙΟΝΤΑΧΩΣΑΙΖΑΝΤΟC νὰ κρύπτῃ ὡσαύτως δυσδιάκριτα τὸ κατοχυρώσαντος οὕτως. Ὁ στ. 8 δεῖται κολυμβητοῦ δηλίου· οὐχ ἧττον ὅμως ἐν τοῖς γράμμασι ΠΟΝωΛΕΕΡΟΝ δυνατὸν νὰ κρύπτηται ἡ λέξις ψυχώλεθρον. Μέχρι λοιπὸν δευτέρας τοῦ λίθου ἐξετάσεως ἴσως εἶναι μᾶλλον εὐνόητον τὸ ἐπίγραμμα, ἂν προσωρινῶς ἀναγνωσθῇ οὕτως·

Ἀστοὶ πόλεως λαμπρᾶς Ἀτταλαιέων,
ὑπὲρ Στεφάνου δρουγγαρίου εὐκλέος
ἀπρὶξ τὸ τεῖχος ἐργομόχθοις φροντίσι

σθεναρώτατον ὄντως λάμπον καὶ τέρπον
κατοχυρώσαντος οὕτως, εὔχεσθ(ε) ὅπως
ἁμαρτημάτων αὐτὸν εὕρασθαι λύσιν
καὶ καταδίκης ἐκφυγεῖν αἰωνίου
διὰ] ψυχώλεθρον [τοῦ βίου πολιτείαν?

40.

Περὶ τοῦ γνωστοῦ ἰδίκτου τοῦ αὐτοκρατορος Μανουὴλ τοῦ Κομνηνοῦ, δι' οὗ ἐξασφαλίζονται τὰ συνοδικῶς ἔτει 1166-φ δογματισθέντα περὶ τοῦ „Ὁ πατήρ μου μείζων μου ἐστίν" (C. Zachariae, Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum. Lipsiae 1857, σ. 485—492) διηγεῖται Νικήτας ὁ Χωνιάτης τὰ ἑπόμενα· „Ἀμέλει καὶ γραφαῖς ἐρυθραῖς ὡς φλογίνῃ ῥομφαίᾳ τὸ δόγμα τοῦτο διειληφώς, ἀπειλούσαις θάνατον καὶ ἀποκήρυξιν πίστεως τῷ προσεμβλέψαι ὅλως ἔνδον τολμήσαντι καὶ κατὰ πρώτην τοῦ νοῦ κίνησιν πολλῷ δέῳ εἰπεῖν, ἐπιλαβομένῳ καὶ ὑποτονθορύσαντι, ἔπειτα καὶ λιθίναις πλαξὶν ἐγχαράξας (ὑποθήκαις τινῶν τῶν ἐπακολουθούντων αὐτῷ καὶ κολακευόντων) ἐπὶ νεὼ τοῦ μεγίστου ἀνέθετο· ὑφορῶντο γὰρ τὴν τῶν κυρωθέντων ἀνάλυσιν, ὡς εἰς αὐτὸν τὸν λόγον διὰ μέσης τῆς σαρκὸς ἀποφερόντων τὸ ἔλαττον, καὶ μάλισθ' ὅτι τὴν κένωσιν καὶ τὸ κατὰ τὸ ἀνθρώπινον νοούμενον παρεβλέψαντο" (Χωνιάτ. σ. 138 Paris.). Τὸ ἴδικτον λοιπὸν ἐχαράχθη ἐπὶ λίθων ἐν τῷ ναῷ τῆς Ἁγίας Σοφίας ἐντειχισθέντων. Τὸν Χωνιάτην βεβαιοῖ ὁ Ἐφραίμιος λέγων· „ἐρυθροσημάντῳ δὲ δοὺς (ὁ Μανουὴλ) γραφῇ τάδε καὶ πλαξὶ καλῶς ἐγχαράξας λιθίναις ἐπὶ Σοφίας τοῦ νεὼ Θεοῦ Λόγου ἀνάγραφα τίθησιν, ὡς ἔστι βλέπειν" (στίχ. 4770—4773).

Ταῦτα βεβαιοῦνται διὰ μιᾶς διηγήσεως τοῦ 1567-ου ἔτους, ὀφειλομένης εἰς ἀνώνυμόν τινα γραμματέα τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου, ὅστις ἐν ἰδίῳ ὑπομνήματι ἐξιστορεῖ τὴν τότε γενομένην τῆς ἐπιγραφῆς καταστροφήν. Τὴν ἀνεύρεσιν αὐτοῦ ὀφείλομεν εἰς τὸν ῥῶσον ἐπίσκοπον Πορφύριον Οὐσπένσκην. Ἐν τῇ σχηματισθείσῃ ὑπ' αὐτοῦ συλλογῇ παλαιῶν χειρογράφων ὑπάρχει μικρὸς χάρτινος κῶδιξ ἐκ 14 φύλλων, μήκους 0,204, πλάτους 0,138 (ἀριθ. 481 τῆς ἐν Πετρουπόλει Αὐτοκρ. Δημος. Βιβλιοθήκης)· ὅστις διὰ γραμμάτων ἐρυθρῶν εἶναι ἐπιγεγραμμένος οὕτως· „+ Ὁ βασϊλϊκὸς καὶ σϋνοδϊκὸς οὗτος τόμος εὑρέθη ἐν τῷ θείῳ ναῷ τῆς Ἁγίας Σοφίας ἐν πλάκαις μαρμαρῖτϊκες, γεγραμμένον ὡς ἄντικρυ ὁρᾶτε +". Μετὰ τοῦτο ἕπεται τὸ κείμενον τῆς ἐπὶ τῶν μαρμάρων ἐπιγραφῆς, ἤτοι τὸ ἴδικτον τοῦ Μανουὴλ (φύλλ. 1—12), καὶ „διήγησις ἀκριβῶς τὰ περὶ τοῦ θείου τόμου φανεροῦσα" (φύλλ. 14α—14α). Ἡ γραφὴ τοῦ χειρογράφου εἶναι τοῦ 16-ου αἰῶνος καὶ ἔχει πολλὴν ὁμοιότητα μὲ τὴν γραφὴν Ἀλεξάνδρου τοῦ Ἱέραχος, τοῦ χρη-

ματίσαντος λογοθέτου ἐν τῷ Πατριαρχείῳ Κωνσταντινουπόλεως· αὐτὸ δὲ τὸ χειρόγραφον φαίνεται ὂν ἀποκεκομμένον ἔκ τινος κώδικος, ὅστις ἀναμφιβόλως θὰ ἦτο γεγραμμένος ὑπ' Ἀλεξάνδρου τοῦ Ἱέρακος. Μετὰ τὴν ἐπιγραφὴν χεὶρ σφόδρα νεωτέρα τοῦ 16-ου αἰῶνος (κατὰ δὲ πιθανότητα ἡ τοῦ πατριάρχου Γρηγορίου τοῦ 5-ου) ἔχει γράψει ταῦτα· "Καὶ ἐν ἑτέρᾳ βίβλῳ ταὐτὸ εὕρομεν. ✝ Ὁ Κωνσταντινουπόλεως".

Τὰ περὶ τῆς τύχης τοῦ ἐν τῇ Ἁγίᾳ Σοφίᾳ ἰδίκτου ἔχουσιν ἐν τῷ χειρογράφῳ οὕτω·

Διήγησις ἀκριβῶν τὰ περὶ τοῦ θείου τόμου φανεροῦσα.

Πολλὰ μὲν καὶ ἄλλα τὴν βασιλίδα τῶν πόλεων πάλαι κατεκόσμουν θεάματα, ἅτινα τῷ χρόνῳ φθαρέντα εἰς τὸ μὴ ὂν κεχώρηκεν· ἐν δὲ τοῖς ἄλλοις καὶ ὁ τῆς τοῦ Θεοῦ λόγου ἐνυποστάτου [1]) Σοφίας ναὸς ὑπάρχει, ὅς, ἀφανισθέντων τῶν πέριξ μερῶν, μόνος ὑπολέλειπται [2]). Ἐν τούτῳ τοιγαροῦν τῷ θείῳ ναῷ πρὸς τῷ εὐωνύμῳ μέρει τοῦ τοίχου, τοῖς εἰσιοῦσιν αὐτὸ τὸ ἐσώτατον, πλάκες ἦσαν λευκαὶ τέτταρες συνημμέναι μίᾳ τῇ ἑτέρᾳ στοιχηδόν· ὧν ἑκάστη μῆκος μὲν εἶχεν ὀργυίας τρεῖς, πλάτος δὲ ἔλαττον μιᾶς ὀργυίας, ὡς εἶναι τὰς τέτταρας ταύτας πλάκας οὕτως ἐχούσας ὁμοίῳ σχήματι τετραγώνῳ ἰσάκις ἴσῳ. Αὗται κίοσι μακροῖς καὶ λεπτοῖς ὑπερειδόμεναι, προσήγγιζον τῷ τῆς ὀρθομαρμαρώσεως τοίχῳ. Ἐν ταύταις οὖν ταῖς πλαξὶ γραμματα ἦσαν ἐγκεκολαμμένα τὸν ἱερὸν τουτονὶ τόμον ἐμπεριέχοντα· ὃς ἐγένετο μὲν ἐπὶ τῆς βασιλείας Μανουὴλ τοῦ πορφυρογεννήτου διὰ τὴν ἀναφανεῖσαν διαφωνίαν περὶ τῆς ἐν τῷ ἱερῷ Εὐαγγελίῳ κυριακῆς φωνῆς, τῆς. „Ὁ πατήρ μου μείζων ἐστί" (Ἰωάν. ιδ', 28), διήρκεσε δὲ μέχρι τῆς βασιλείας Σελίμη τοῦ υἱοῦ τοῦ βασιλέως Σουλεϊμάνου, ὃς πέμπτος ἐστὶ τῶν ἐν Πόλει τῇ βασιλευούσῃ προκαταρξάντων. Οὗτος τοίνυν εἰσελθὼν ἐν τῷ θείῳ ναῷ προσκυνῆσαι κατὰ τὸ ͵ζος ἔτος μηνὶ Σεπτεμβρίῳ (=1567), ὡς ἐθεάσατο ταῦτα, θαυμάσας μεγάλως, ἠρώτησε τί ἂν εἴησαν ταῦτα. Ἀποκριθεὶς δέ τις τῶν διδασκάλων αὐτοῖς εἶπε· „Ταῦτα, ὦ βασιλεῦ, τοῦ ἡμετέρου νομοθέτου Ἀλλὴ ὑπάρχουσιν ἀπόῤῥητά τινα καὶ μυστηριώδη αἰνίγματα". Πρὸς ταῦτα ὁ βασιλεύς· „Καὶ διατί μὴ γράμμασιν ἀραβικοῖς, ἀλλ' ἀλλοτρίοις ταῦτα ὑπεσημήνατο"; Ὁ δέ· „Ἵνα μὴ πολυπραγμόνως ἐρευνῶνται ταῦτα· ὅπερ ἐπικίνδυνον". Καὶ ὁ βασιλεύς· „Ἐπειδὴ ταῦτα λέγεις οὕτω ἔχουσιν, ἐλθέτωσαν οἱ ἐν τῷ Πατριαρχείῳ διδάσκαλοι, ὡς ἂν ἑρμηνεύσωσιν ἡμῖν ταῦτα". Καὶ εὐθὺς ἐπέμφθη τζαούσιος καὶ μετεκαλέσατο τινὰς γινώσκοντας τὴν τούτων ἐξήγησιν. Οἳ δὴ καὶ πορευθέντες ἐν τῇ Ἁγίᾳ Σοφίᾳ καὶ κλίμακας ὑποθέντες ἀνέγνωσαν καὶ ἐπέγνωσαν ταῦτα, καὶ τὴν αὐτῶν

---

[1]) κώδ. ἐνύποστάτου.

[2]) κώδ. ὑπόληπται.

ἑρμηνείαν [1]) ὡς οἷόν τε δι' ἑρμηνέως εἰς τὴν τῶν Ἀράβων γλῶτταν μεταμείψαντες [2]), δοθῆναι ἐποίησαν τῷ βασιλεῖ· ὁ δὲ πέρα τοῦ σκοποῦ τὴν ἑρμηνείαν ἀκούσας, τὸν κακῶς ἐξηγήσαντα διδάσκαλον ἐπαίδευσεν, ὡς ἠκούσθη· τὰς πλάκας δ' ἐκείνας ἐρωτήσει τοῦ πρωτονομοδιδασκάλου αὐτῶν ἐκεῖθεν μὲν ἀρθῆναι προσέταξεν· ἐν δὲ τῷ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ νεωστὶ κτιζομένῳ τύμβῳ ὑποτεθῆναι [3]) ἐκέλευσε, πρότερον τῶν γραμμάτων ἀφανισθέντων, καὶ αἱ πόνῳ πολλῷ καὶ πόθῳ καὶ τιμῇ ἀναστηλωθεῖσαι πλάκες (βαβαὶ τῶν ἀκαταλήπτων σου κριμάτων, ὦ Χριστὲ βασιλεῦ) ἀτίμως ἐκεῖθεν ἤρθησαν· ὧν μία τῶν τεσσάρων ὑγιὴς ὑπολέλειπται [4]), τῶν ἄλλων τριῶν κατεαγέντων (sic) τῇ ἐκβολῇ καὶ τῷ βάρει. Ἐντεῦθεν ἐν τῷ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ τάφῳ, ὡς εἴρηται, μετεκομίσθησαν, ἐντὸς τοῦ βωμοῦ ἤτοι μαρατίου αὐτοῦ καὶ πτωχοτροφείου [5]). Καὶ ταῦτα μὲν οὕτω ἐγένετο, ὡς εἴρηταί μοι σαφῶς".

Ὑπὸ ταῦτα πάλιν ἔγραψεν ὁ ἀνώνυμος πατριάρχης· „Δὶς καὶ τρὶς εἰς τὸν τῆς ὑπερορίας ἡμῶν χρόνον ἅπασαν τὴν βίβλον μετήλθομεν". Βίβλος δὲ νοεῖται ἐνταῦθα ὁ κῶδιξ, ἐν ᾧ καὶ τὸ ἐκ 14 φύλλων ἔκειτο χειρόγραφον τῆς συλλογῆς τοῦ Οὐσπένσκη· καὶ ἂν ὁ ἀνώνυμος πατριάρχης ταυτίζεται, ὡς εἰκάζω, μὲ Γρηγόριον τὸν 5-ον, ὁ κῶδιξ, ἐξ οὗ τὰ ῥηθέντα ἀπέσπασεν ὁ Οὐσπένσκης φύλλα, θὰ εὑρίσκηται ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τῆς μονῆς τῶν Ἰβήρων, εἰς ἣν ἐσύχναζε διὰ μελέτας ὁ Γρηγόριος. Ἡ περὶ τοῦ ἰδίκτου τοῦ Μανουὴλ διήγησις ἐγράφη ἐν ᾧ χρόνῳ συνετελέσθη τῶν πλακῶν ἡ θραῦσις· τοῦτο ἐξάγεται ἐξ αὐτῆς τῆς διηγήσεως, τοῦ συγγραφέως αὐτῆς μεταχειριζομένου τὸ „ὡς ἠκούσθη" καὶ τὸ „νεωστὶ κτιζομένῳ", ἤτοι ἔτει 1567-φ· ὡς δὲ συγγραφέα αὐτῆς δύναταί τις νὰ εἰκάσῃ ἕνα τῶν τότε ἐν τῷ Πατριαρχείῳ ἀκμαζόντων Ζυγομαλάδων, καὶ μάλιστα τὸν Θεοδόσιον, οὗ τὸ ὕφος ἔχει πολλὴν πρὸς τὴν διήγησιν σχέσιν· τότε δὲ αὐτὸς ἦτο νοτάριος τοῦ Πατριαρχείου. Ἐν τῷ χειρογράφῳ τοῦ Πορφυρίου ἔχομεν οὐχὶ τὸ πρωτότυπον, ἀλλ' ἓν ἁπλῶς ἀντίγραφον τῆς διηγήσεως, ὀφειλόμενον πιθανῶς εἰς τὴν χεῖρα Ἀλεξάνδρου τοῦ Ἱέρακος· διὸ καὶ ἐνδέχεται νὰ ὑπάρχωσιν αὐτῆς ἀλλαχοῦ ἕτερα ἀντίγραφα· ὁποίαν δὲ σχέσιν ἔχει αὕτη πρὸς τὴν παρὰ τῷ Ducange ἀναφερομένην Narratio de Manuelis Comneni imp. decreto de verbis Christi: *Pater major me est*, θὰ μάθωμεν ὁπόταν αὕτη ἀναγνωρισθῇ ἐν τοῖς παρισιακοῖς χειρογράφοις [6]). Τὸ κείμενον τοῦ ἰδίκτου συμπαραβαλλόμενον μὲ τὴν ἔκδοσιν τοῦ Zachariae παρουσιάζει διαφοράς τινας, ὧν ἡμεῖς σημειούμεθα τὰς ἑπομένας. Κατὰ τὰς

---

[1]) κῶδ. ἑρμηνίαν.

[2]) κῶδ. μεταμείψαντες.

[3]) κῶδ. τεθεῖναι.

[4]) κῶδ. ὑπολέλειπτε.

[5]) κῶδ. πτωτροφίου.

[6]) Gloss. ad script. mediae et infimae graecitatis. σ. 38 (index auctorum).

πλάκας ἐν τῷ τίτλῳ ὑπῆρχε τὸ ἀρμενικὸς καὶ τὸ βοσθνικὸς (οὐχὶ βοσεντικὸς) καὶ τὸ χαζαρικὸς (οὐχὶ ἀζαρικὸς)· μετὰ δὲ τὸ θεοφυλάκτου αἱ πλάκες εἶχον τὰ καὶ θεοφρουρήτου. Ἐν τῷ προοιμίῳ τοῦ ἰδίκτου ἀντὶ ζῶντος αἱ πλάκες εἶχον τοῦ ζῶντος καὶ ἀντὶ τοῦ κατισχύσασθαι εἶχον κατισχύεσθαι· καὶ πάλιν ἀντὶ τοῦ πύλην εἶχον τὸ αὐλήν· τοῦθ' ὅπερ πιστοῦται ἐκ τῆς παρὰ τῷ Mai ἐσφαλμένης γραφῆς αὐτήν· βεβαιοῦται καὶ τὸ παρ' αὐτῷ ἑαυτῆς (ἀντὶ ἐν αὐτῇ), καὶ τὸ ἡμᾶς (ἀντὶ ἑκάστων) ἐπευδόκησεν. Ἀντὶ τοῦ ἐν τῷ κειμένῳ ἀκατανοήτου προεισφέρειν αἱ πλάκες εἶχον τὸ προσφέρειν. Τὸ παρὰ Mai ἀπαρέγκλιτον ἀντὶ τοῦ ἐν τῷ κειμένῳ ἀπαράκλιτον βεβαιοῦται ἐκ τῶν πλακῶν· ὁμοίως τὸ προστεθειμένον ἑκάστῳ καὶ τὸ κατόπιν αὐτοῦ μετά, ὅπερ ὁ Zachariae παρέπεμψεν εἰς τὰς σημειώσεις. Ἀντὶ δὲ τῶν καὶ τ. μ. αἴρειν αἱ πλάκες εἶχον ἁπλῶς τ. μ. αἴρει (τὸ αἴρει καὶ παρὰ τῷ Mai), καὶ ἀντὶ τοῦ προβεβλημένη εἶχον προβεβλημένην, καὶ ἀντιλέγουσι τοῦτο ἀντὶ τῶν ἐν τῷ κειμένῳ ἀντερίζουσιν οὕτω. Καὶ πάλιν ἀντὶ τῶν προσιδεῖν ἤρξατο αἱ πλάκες εἶχον ἁπλῶς προσεδείξατο.

Ἐκ τῶν ὀλίγων τούτων ἀξιολόγων διαφορῶν, ἃς ἡμεῖς ὡς δεῖγμα παρεθέσαμεν ἐνταῦθα, φανερὸν εἶναι ὅτι τὸ κείμενον τῶν πλακῶν δέον νὰ ληφθῇ ὑπ' ὄψει πρὸς διόρθωσιν τοῦ παρὰ τῷ Zachariae κειμένου τοῦ ἰδίκτου. Κατὰ τὰς πλάκας ἀντὶ τῶν νῦν ἰνδ. θ' τοῦ ς... ὑπῆρχον τὰ ἰνδικτιῶνος ιδ^{ης}, ͵ςχοδ^{ω}. Ἐν γένει εἰπεῖν τὸ ἐν τοῖς πρακτικοῖς τῆς συνόδου 1166 κείμενον (τὸ παρὰ τῷ Mai) εἶναι πιστότερον τῆς ἐκδόσεως τοῦ Zachariae.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА ВРЕМЯ СЪ 1892 ГОДА ПО 1900 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

Приложеніе къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

I. БОГОСЛОВІЕ.

[ИСТОРІЯ ЦЕРКВИ.—РАСКОЛЪ.—ИСТОРІЯ НЕХРИСТІАНСКИХЪ ИСПОВѢДАНІЙ [1]).

А. Статьи.

1. **В. П. Бузескулъ.** Новое изслѣдованіе по исторіи папства въ XI вѣкѣ. [*А. С. Вязигинъ.* Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ (Гильдебрандъ и папство до смерти Генриха III). С.-Пб. 1898].—1899. Ч. 322, мартъ, отд. II, стр. 155—190.
2. **А. С. Вязигинъ.** Темная пора въ жизни Гильдебранда.—1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 278—299.
3. **А. С. Вязигинъ.** Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ.—1898. Ч. 318, іюль, отд. II, стр. 96—134; августъ, стр. 350—415; ч. 319, сентябрь, стр. 1—46; октябрь, стр. 288—359; ч. 320, ноябрь, стр. 76—128.
4. **С. А. Жебелевъ.** Къ религіознымъ древностямъ острова Коса.—1892. Ч. 284, декабрь, отд. V, стр. 117—120.
5. **А. М. Иванцовъ-Платоновъ.** Къ изслѣдованіямъ о Фотіи, патріархѣ Константинопольскомъ. (По поводу совершившагося тысячелѣтія со времени его кончины).—1892. Ч. 280, мартъ, отд. II, стр. 121—148; ч. 281, май, отд. II, стр. 1—72, іюнь, стр. 299—315; ч. 283, сентябрь, отд. II, стр. 1—60; октябрь, отд. II, стр. 205—251.
6. **В. М. Истринъ.** Къ вопросу о „снѣ царя Іоаса". (По поводу статьи *Мочульскаго*).—1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 300—308.
7. **Д. Ѳ. Кобеко.** Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патріарховъ.—1896. Ч. 305, іюнь, отд. II, стр. 270—279.
8. **Ю. А. Кулаковскій.** Къ исторіи Готской епархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ.—1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 173—202.
9. **Хр. М. Лопаревъ.** Житіе св. царицы Ѳеофаніи и его позднѣйшіе пересказы. (По поводу изданія *Ed. Kurtz.* Zwei griechische Texte über die hl. Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI, въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ", VIII се-

[1]) Статьи по исторіи реформаціи см. въ отд. исторіи.

рія, по историко-филологическому отдѣленію, т. III, № 2, 1898).—1899. Ч. 325, октябрь, отд. II, стр. 343—361.

10. **Н. Я. Марръ.** Изъ поѣздки на Аѳонъ. (О грузинскихъ рукописяхъ Ивера.—О св. Варлаамѣ.—О древне-грузинскихъ переводахъ съ армянскаго).—1899. Ч. 322, мартъ, отд. II, стр. 1—24.

11. **В. М. Меліоранскій.** Новооткрытыя Λόγια Ἰησοῦ, какъ церковно-историческій источникъ. [1. Λόγια Ἰησοῦ. Sayings of our Lord, discovered and edited by *Bernard P. Grenfell and Artur Hunt.* London. 1897. 2. *Adolf Harnak.* Ueber die jüngst entdeckten Sprüche Jesu, Freiburg. 1897. 3. *G. Heinrici.* Λόγια Ἰησοῦ (двѣ рецензіи въ Theologische Litteraturzeitung 1897. № 17, стр. 449—457). 4. *Theodor Zahn.* Die jüngst gefundenen Aussprüche Jesu. Theologisches Litteraturblatt, 1897, № 35 и 36, ст. 417—420 и 425—431. 5. *Henry Redpath.* The so-called Logia and their relation to the canonical Scriptures. The Expositor, 1897, september, 224—230. 6. *John A. Gross*, The sayings of Jesus. The Expositor, 1897, octobre, 257—267. 7. *Аграфовъ.* Незаписанныя въ Евангеліи изреченія Христа Спасителя и новооткрытыя изреченія Его. Христ. Чтеніе, 1897, октябрь, стр. 488—505, и отдѣльно, С.-Пб. 1897].—1897. Ч. 314, декабрь, отд. II, стр. 447—465.

12. **В. М. Меліоранскій.** Вопросъ о древности каноническихъ евангелій.—1898. Ч. 319, сентябрь, отд. II, стр. 72—136.

13. **С. Ѳ. Ольденбургъ.** Первый полный переводъ Палійскаго сборника джатакъ. [The Jātaka or Stories of the Buddha's former Births. Translated from the Editorship of Professor E. B. Cowell, vol I. Translated by Robert Chalmers. *B. A. Cambridge* 1895. pp. XXVI+324].—1895. Ч. 302, ноябрь, отд. II, стр. 36—56.

14. **С. Ѳ. Ольденбургъ.** Современный индійскій святой. (The Right Hon. *F. Max Müller.* Râmakrishna. His Life and Sayings. London, 1898).—1900. Ч. 329, іюнь, отд. II, стр. 347—353.

15. **С. Ѳ. Ольденбургъ.** Василій Павловичъ Васильевъ, какъ изслѣдователь буддизма.—1900. Ч. 330, іюль, отд. IV, стр. 65—70.

16. **А. С. Павловъ.** Къ вопросу о хронологическомъ отношеніи между Аристиномъ и Зонарою, какъ писателями толкованій на церковныя правила.—1896. Ч. 303, январь, отд. II, стр. 172—199.

17. **А. И. Пападопуло-Керамевсъ.** Ѳеофанъ Карикъ, патріархъ Константинопольскій.—1894. Ч. 293, май, отд. II, стр. 1—20.

18. **И. И. Соколовъ.** Новые матеріалы для исторіи Александрійской патріархіи. (По поводу книги епископа *Порфилія Успенскаго* „Востокъ христіанскій. Александрійская патріархія. Томъ I").—1900. Ч. 328, апрѣль, отд. II, стр. 312—342; ч. 329, май, стр. 139—167.

19. **А. Т.** Письмо изъ Рима. (Іюль, 1896 г.).—1896. Ч. 306, августъ, отд. IV, стр. 35—52.

20. **А. Т.** Письмо изъ Рима.—1897. Ч. 312, августъ, отд. IV, стр. 135—147.

21. **Э. Т.** Письмо изъ Рима.—1897. Ч. 310, апрѣль, отд. IV, стр. 33—45.

22. **Е. Т.** Письмо изъ Рима (конецъ іюня 1900 года).—1900. Ч. 330, августъ, отд. IV, стр. 138—154.

23. **Ѳ. И. Успенскій.** Философское и богословское движеніе въ XIV вѣкѣ. (Варлаамъ, Палама и ихъ привер-

женцы).—1892. Ч. 279, январь, отд. II, стр. 1—64, февраль, стр. 348—427.

24. **И. А. Шляпкинъ.** Св. Питиримъ, спископъ Пермскій.—1894. Ч. 292, мартъ, отд. II, стр. 135—145.

25. **Н. Я.** Новое сочиненіе по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу.—1896. Ч. 305, май, отд. II, стр. 163—195.

Б. Рецензіи.

26. *Агрифовъ.* Незаписанныя въ Евангеліи изреченія Христа Спасителя и новооткрытыя изреченія Его. Христ. Чтеніе, 1897, октябрь, стр. 488—505, и отдѣльно, С.-Пб. 1897.—См. ст. **В. М. Меліоранскаго** „Новооткрытыя Λόγια Ἰησοῦ, какъ церковно-историческій источникъ".

27. Archiv für Religionswissenschaft.... herausgegeben von *Dr. Thill. Ths. Achelis.* Bd. I. Heft 1 — 4. Freiburg in B. 1898.—Рец. 1899. Ч. 321, январь, отд. II (книж. нов.), стр. 276—277.

28. Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены. Изслѣдованіе *Александра Бриліантова.* С.-Пб. 1898.—Рец. **В. С. Серебреникова.**—1898. Ч. 319, октябрь, отд. II, стр. 469—491.

29. *Н. Бриліантовъ.* Ѳерапонтовъ Бѣлозерскій нынѣ упраздненный монастырь, мѣсто заточенія патріарха Никона. Къ 500-лѣтію со времени его основанія (1398—1898). Съ приложеніемъ очерка „Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлѣозерѣ". С.-Пб. 1899.—Рец. 1899. Ч. 326, декабрь, отд. II, (книжныя новости), стр. 362.

30. *Н. Бриліантовъ.* Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлоозерѣ. Историческій очеркъ. Съ рисунками. С.-Пб. 1899.—Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. II (книж. нов.), стр. 418—419.

31. *Н. Виноградскій.* Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Смоленскъ. 1899.—Рец. 1899. Ч. 326, декабрь, отд. II, (книжныя новости), стр. 363—364.

32. *Ник. Виноградскій.* Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Смоленскъ. 1899.—Рец. **А. А. Спицына.** 1900. Ч. 330, августъ, отд. II, стр. 399—405.

33. *А. С. Вязигинъ.* Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ (Гильдебрандъ и папство до смерти Генриха III). С.-Пб. 1898.—См. ст. **В. П. Бувескула** „Новое изслѣдованіе по исторіи папства въ XI вѣкѣ".

34. *Adolf Harnack.* Ueber die jüngst entdeckten Sprüche Jesu. Freiburg. 1897.—См. ст. **В. М. Меліоранскаго** „Новооткрытыя Λόγια Ἰησοῦ, какъ церковно-историческій источникъ".

35. *G. Heinrici.* Λόγια Ἰησοῦ (двѣ рецензіи въ Theologische Litteraturzeitung, 1897, № 17, стр. 449—457).—См. ст. **В. М. Меліоранскаго** „Новооткрытыя λόγια Ἰησοῦ, какъ церковно-историческій источникъ".

36. Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina nunc primum edidit *Aug. Heisenberg.* Praecedit dissertatio de vita et scriptis Nicephori Blemmydae. Lipsiae. 1896.—Рец. **О. П. Шестакова.** 1897. Ч. 310, мартъ, отд. II, стр. 245—253.

37. Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius. Von *Lic. Leopold Karl Goetz.* Gotha.

1897.—Рец. 1897. Ч. 311, май, отд. II, (книж. нов.), стр. 256—257.

38. *С. Т. Голубевъ.* Матеріалы для исторіи западно-русской церкви (XVIII столѣтія). Кіевъ. 1893.—Рец. 1896. Ч. 306, іюль, отд. II, (книжныя новости), стр. 229—230.

39. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Жизнеописаніе Преподобнаго Сергія и путеводитель по Лаврѣ. *Е. Голубинскаго.* Сергіевскій посадъ. 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. II, стр. 204—206. (Книжныя новости).

40. Λόγια Ἰησοῦ. Sayings of our Lord, discovered and edited by *Bernard P. Grenfell and Arthur Hunt.* London, 1897.—См. ст. **В. М. Меліоранскаго** „Новооткрытыя Λόγια Ἰησοῦ, какъ церковно-историческій источникъ".

41. *John A. Gross.* The Sayings of Jesus. The Expositor, 1897, octobre, 257—267.—См. ст. **В. М. Меліоранскаго.** „Новооткрытыя Λόγια Ἰησοῦ, какъ церковно-историческій источникъ".

42. *Б. С. Давидовичъ.* Судьбы православія и русской народности на Волыни въ послѣднее столѣтіе (1796—1896). Почаевъ, 1896.—Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. II, стр. 421. (Книж. нов.).

43. Дѣло о патріархѣ Никонѣ. Изданіе Археографической комиссіи по документамъ Московской синодальной библіотеки. С.-Пб. 1897. Рец. 1897. Ч. 314, ноябрь, отд. II, стр. 256—258. (Книж. нов.).

44. *П. Н. Жуковичъ.* Борьба противъ уніи на современныхъ ей литовско-польскихъ сеймахъ (1595 — 1600). С.-Пб. 1897. (Извлечено изъ „Христіанскаго Чтенія", 1896, вып. VI и 1897, вып. I, IV и V).—Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. II, стр. 515—517. (Книж. нов.).

45. *И. Д. Извѣковъ.* Историческій очеркъ состоянія православной церкви въ литовской епархіи за время съ 1839 по 1889 годъ. М. 1899.—Рец. 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. II, стр. 175—176. (Книжн. нов.).

46. *П. Ильинскій.* Луховская Тихонова пустынь Костромской губерніи. Историческій очеркъ. Кострома.—Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. II, стр. 218. (Книжныя новости).

47. Зиновій, инокъ Отенскій и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія. Изслѣдованіе *Ѳ. Калугина.* С.-Пб. 1894.—Рец. **В. Ѳ. Воцяновскаго.** 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 213—223.

48. *Н. Каптеревъ.* Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII вѣка. Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 43-й.—Рец. **А. П—ова.** 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. II, стр. 127—138.

49. Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита Литовскаго и Виленскаго, и возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ Православною церковью въ 1839 г. Съ тремя портретами Іосифа. Соч. *Г. Я. Кипріяновича.* Вильна. 1893 г.—Рец. 1893. Ч. 290, ноябрь, стр. 191—192. (Книжныя новости).

50. The Jātaka or Stories of the Buddha's former Births. Translated from the Editorship of Professor E. B. Cowell, vol I. Translated by Robert Chalmers. *B. A. Cambridge.* 1895. См. ст. **С. Ѳ. Ольденбурга.** „Первый полный переводъ Палійскаго сборника джатакъ".

51. Священникъ *Красовъ,* А. В. Зыряне и св. Стефанъ, епископъ Пермскій. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 308, декабрь, отд. II, стр. 373—374. (Книжныя новости).

52. *М. Крыжановскій.* Толкователи ка-

ноническаго кодекса восточной церкви, Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ. Москва. 1892.—Рец. **П. В. Безобразова.** 1893 г.; ч. 288, августъ, отд. II, стр. 517—534.

53. Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ (XI в.). *И. Ѳ. Красносельцева.* Одесса, 1892.—Рец. **Д. Ѳ. Бѣляева.** 1892. Ч. 283, октябрь, отд. II, стр. 363—379.

54. *Ed. Kurtz.* Zwei griechische Texte über die hl. Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI, въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ", VIII серія, по историко-филологическому отдѣленію, т. III, № 2, 1898.—См. ст. **Хр. М. Лопарева.** „Житіе св. царицы Ѳеофаніи и его позднѣйшіе пересказы".

55. *А. П. Лебедевъ.* Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV по XX вѣкъ. М. 1898.—Рец. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. II, стр. 263—266. (Кн. нов.).

56. Архимандритъ Макарій, основатель Алтайской миссіи. Томскъ. 1892.—Рец. 1893 Ч. 289, сентябрь, отд. II, стр. 284—285. (Книжныя новости).

57. Антоній Радивиловскій, южнорусскій проповѣдникъ XVII вѣка. (Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія его сочиненій и обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей его языка). Съ приложеніемъ неизданныхъ проповѣдей изъ рукописныхъ „Огородка" и „Вѣнца". *М. Марковскаго.* Кіевъ. 1894.—Рец. 1895; ч. 297, январь, отд. II, стр. 282—284. (Книжныя новости).

58. *М. Марковскій.* Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII вѣка.—Рец. **И. П. Житецкаго.** 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 451—463.

59. Матеріалы для исторіи такъ называемой Австрійской и Бѣлокриницкой іерархіи. Издалъ П. Субботинъ. М. 1899.—Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. II, стр. 192. (Книжныя новости).

60. Матеріалы для исторіи Костромской епархіи. Галичская десятина съ пригороды: Солигаличемъ, Судаемъ, Унжею, Кологривомъ, Парфеньевымъ и Чухломою — жилыхъ данныхъ церквей 1628—1710 и 1722—1746 гг. Вып. I. Кострома. 1895. Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. II, стр. 417. (Книжныя новости).

61. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster grösstentheils zum ersten Male herausgegeben und mit Einleitungen versehen von *Ph. Meyer.* Leipzig. 1894.—Рец. **И. И. Соколова.** 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 467—479.

62. Recherches sur le Bouddhisme, par *J. P. Minayeff.* Traduit du russe par R. H. Assier de Pompignan. Paris 1894. (Annales du musée Guimet. Bibliothèque d'études. T. IV).—Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 278—281. (Книжныя новости).

63. Исторія храма Спасителя въ Москвѣ. Составилъ *М. С. Мостовскій.* Изданіе четвертое, дополненное. М. 1891.—Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 288—289. (Книжныя новости).

64. *А. Мюллеръ.* Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Мѣдникова. С.-Пб. 1895. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Т. I и II.—Рец. 1895. Ч. 299, май, отд. II, стр. 247—248. (Книжныя новости).

65. The Right Hon. *F. Max Müller.* Râmakrishna. His Life and Sayings. London. 1898.—См. ст. **С. Ѳ. Ольденбурга** „Современный индійскій святой".

66. Преподобные князь Олегъ и Поликарпъ, Брянскіе чудотворцы. Матеріалы для русской агіологіи. С.-Пб.

Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. II, стр. 575. (Книжныя новости).

67. *Германъ Ольденбергъ.* Будда, его жизнь, ученіе и община. Переводъ со второго исправленнаго изданія П. Николаева. Москва. Изданіе 3-е. Д. П. Ефимова. 1898.—Рец. **С. Ѳ. Ольденбурга.** 1898. Ч. 320, ноябрь, отд. II, стр. 189—193.

68. *Паскаль, Блезъ.* Мысли (о религіи). Съ предисловіемъ Прево-Парадоля. Переводъ съ французскаго П. Д. Первова. Изданіе второе, исправленное. Москва, 1899.—Рец. 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. II, стр. 176. (Книжныя новости).

69. Muhammeds Lehre von der Offenbarung quellenmässig untersucht von Dr. *Otto Pautz.* Leipzig. 1898.—Рец. **А. Э. Шмидта.** 1899. Ч. 325, октябрь, отд. II, стр. 362—375.

70. Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, находящееся въ пространномъ житіи св. Константина Философа, по списку XIII вѣка. Сообщеніе *А. И. Петрова.* С.-Пб. 1894.—Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. II, стр. 429. (Книжныя новости).

71. Спорные вопросы миссіонерской дѣятельности св. Кирилла Философа на Востокѣ. *А. И. Петрова.* Одесса. 1894.—Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. II, стр. 429. (Книжныя новости).

72. *В. М. Площанскій.* Прошлое холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII вѣковъ и другимъ источникамъ. Духовенство. А. Холмская епархія православной и б. уніатской церкви. I. 1428—1630. Вильна. 1899.—Рец. 1900, Ч. 327, февраль, отд. II, стр. 412—413. (Книжныя новости).

73. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. *Н. Покровскаго.* Съ 226 рисунками въ текстѣ и 12 таблицами. С.-Пб. 1892. 4°, стр. LXI+496.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. II стр. 256—257. (Книжныя новости). Рец. **И. В. Цвѣтаева.** 1892. Ч. 279, февраль, отд. II, стр. 494—500.

74. Житіе иже во святыхъ отца нашего Ѳеодора, архіепископа Едесскаго. По двумъ рукописямъ Московской синодальной библіотеки издалъ *И. Помяловскій.* С.-Пб. 1892.—Рец. **А. А. Васильева.** 1893. Ч. 286, мартъ, отд. II, стр. 201—210.

75. *Ив. Преображенскій.* Отечественная церковь по статистическимъ даннымъ съ 1840—1841 по 1890—1891 гг. С.-Пб. 1897.—Рец. 1898. Ч. 315, январь, отд. II, стр. 167—169. (Книжныя новости).

76. Сильвестръ Медвѣдевъ. (Его жизнь и дѣятельность). Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія *Александра Прозоровскаго.* — Рец. **С. П. Браиловскаго.** 1897. Ч. 313, октябрь, отд. II, стр. 374—387.

77. *Henry Redpath.* The so-called Logia and their relation to the canonical Scriptures. The Expositor, 1897, september, 224—230. См. ст. **В. М. Меліоранскаго** „Новооткрытыя Λόγια Ἰησοῦ, какъ церковно-историческій источникъ".

78. Исторія Минской архіепископіи (1793—1832 г.) съ подробнымъ описаніемъ хода возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью въ 1794—1796 г. Изслѣдованіе *Стефана Рункевича.* С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, іюль, отд. II, стр. 205—206. (Книжныя новости).

79. *I. Сырцовъ.* Архипастыри Костромской епархіи за 150 лѣтъ ея существованія (1745—1898 гг.). Кострома. 1898.—Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. II, стр. 217—218. (Книжныя новости).

80. Въ память девятисотлѣтняго юбилея Волынской Епархіи. 992—1892.

Городъ Владимиръ Волынской губерніи въ связи съ исторіею Волынской іерархіи. Историческій очеркъ *Н. Н. Теодоровича*. Почаевъ. 1893.—Рец. 1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 192—193. (Книжныя новости).

81. Вкладная книга Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Съ предисловіемъ *А. А. Титова*. М. 1898.—Рец. 1898. Ч. 318, августъ, отд. II, стр. 531. (Книжныя новости).

82. *Кн. Евгеній Трубецкой*. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Часть I. Міросозерцаніе блаженнаго Августина. М. 1892.—Рец. **Э. Л. Радлова.** 1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 169—184.

83. *Князь Е. Н. Трубецкой*. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ. Идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ, его современниковъ. Выпускъ I и II. Кіевъ. 1897. — Рец. **А. Вязигина.** 1897. Ч. 312, августъ, отд. II, стр. 410—436.

84. **Кн. Е. Н. Трубецкой.** Нѣсколько словъ въ отвѣтъ профессору *Вязигину*. — 1897. Ч. 314, декабрь, отд. II, стр. 501—508.

85. Der heilige Theodosios. Schriften des Theodoros und Kyrillos, hersg. von *H. Usener*. Leipzig. 1890.—Житіе и бытіе святаго отца нашего Өеодосія архимандрита всея пустыни, иже подъ святымъ Христа Бога нашего градомъ, списано отъ преп. Өеодора, епископа Петрьска, бывшу того ученику: Великія Минеи-Четіи, митр. *Макарія*, подъ 11 января.—Рец. **Х. М. Лопарева.** 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. II, стр. 156—163.

86. Епископъ *Порфирій Успенскій*. Востокъ христіанскій. Александрійская патріархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и замѣтокъ, относящихся до исторіи Александрійской патріархіи. Томъ I. Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею Х. М. Лопарева. С.-Пб. 1898. Рец. См. въ ст. **И. И. Соколова** „Новые матеріалы для исторіи Александрійской патріархіи“.

87. *Христіанъ Феофилъ фонъ-Фризе*. Исторія польской церкви отъ начала христіанства въ Польшѣ до нашихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго Бреславльскаго изданія 1786 г., подъ редакціею М. Н. Устиновича. Изд. Варшавскаго Православнаго Свято-Троицкаго братства. Томъ I. Варшава. 1895.—Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. III, стр. 77—78.

88. Іосифъ Курцевичъ, архіепископъ суздальскій, бывшій владимирскій и брестскій (1621—1642). Почаевъ. 1900. *К. Харлампoвича*.—Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. II, стр. 422. (Книжныя новости).

89. *Theodor Zahn*. Die jüngst gefundenen Aussprüche Jesu. Theologisches Litteraturblatt, 1897, №№ 35, 36, стр. 417—420, 425—431.—См. ст. **Б. М. Меліоранскаго** „Новооткрытыя Λόγια Ἰησοῦ, какъ церковно-историческій источникъ“.

90. Цвѣтникъ Пѣшношскій. Подвижники благочестія Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря. М. 1898.—Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. II, стр. 236. (Книжныя новости).

II. ФИЛОСОФІЯ.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ.—ЭТИКА.—ЛОГИКА.—ПСИХОЛОГІЯ.

А. Статьи.

91. **М. В. Безобразова.** „О великой наукѣ“ Раймунда Луллія въ русскихъ рукописяхъ XVII вѣка.—1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 383—399.

92. **А. И. Введенскій.** О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. — 1892. Ч. 281, май, отд. II, стр. 73—112, іюнь, стр. 227—256; ч. 282, іюль, отд. II, стр. 81—129.

93. **А. И. Введенскій.** Условія допустимости вѣры въ смыслъ жизни.— 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. II, стр. 45—75.

94. **М. И. Каринскій.** Объ истинахъ самоочевидныхъ.—1893. Ч. 285; февраль, отд. II, стр. 295—354; ч. 286, апрѣль, стр. 450—498; ч. 288, августъ, стр. 431—516.

95. **М. И. Каринскій.** По поводу полемики г. проф. Введенскаго противъ моей книги „Объ истинахъ самоочевидныхъ“.—1896. Ч. 303, январь, отд. II, стр. 243—290.

96. **М. И. Каринскій.** Разборъ мнѣнія Милля о постулатахъ геометрическаго знанія, подразумѣвающихся при геометрическихъ дефиниціяхъ.— 1897. Ч. 309, январь, отд. II, стр. 292—340.

97. **Н. Н. Ланге.** „Первая аналитика“ Аристотеля. (Продолженіе, см. 11 кн. Жур. Мин. Народн. Просв. за 1891). 1892. Ч. 279, январь, отд. V, стр. 37—48; февраль, стр. 49—80; ч. 280, мартъ, стр. 81—103. 1894. Ч. 292, апрѣль, стр. 10—32; ч. 293, май, стр. 33—69, іюнь, стр. 86—108.

98. **Н. Н. Ланге.** Философія феноменальнаго формализма Н. Г. Дебольскаго. Статья первая. Изложеніе системы.—1900. Ч. 328, апрѣль, отд. II, стр. 197—246.

99. **И. И. Лапшинъ.** О возможности вѣчнаго мира въ философіи.—1898. Ч. 319, сентябрь, отд. II, стр. 47—72.

100. **П. Э. Лейкфельдъ.** Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки.—1895. Ч. 299, іюнь, отд. II, стр. 251—291; ч. 300, августъ, стр. 305—333; ч. 301, сентябрь, отд. II, стр. 32—71; ч. 302, ноябрь, отд. II, стр. 1—35; 1896, ч. 305, май, отд. II, стр. 61—97; ч. 306, іюль, стр. 126—154; ч. 308, ноябрь, стр. 97—126.

101. **П. Д. Первовъ** и **В. В. Розановъ.** Метафизика Аристотеля. (Продолженіе. См. январскую книжку за 1891 г.).—1893. Ч. 288, іюль, отд. V, стр. 47—48; августъ, стр. 49—80; ч. 289, сентябрь, стр. 81—82; 1895 г., ч. 297, январь, отд. V, стр. 20—48; февраль, стр. 49—78.

102. **Э. Л. Радловъ.** Принципы философіи Гюйо.—1894. Ч. 293, май, отд. II, стр. 163—180.

103. **Э. Л. Радловъ.** Ученая дѣятельность проф. М. И. Каринскаго.— 1895. Ч. 297, февраль, отд. II, стр. 406—429; ч. 302, декабрь, отд. II, стр. 281—308.

104. **Э. Л. Радловъ.** Нѣсколько замѣчаній о философіи Н. Н. Страхова.— 1896. Ч. 305, іюнь, отд. II, стр. 339—361.

105. **Л. В. Рутковскій.** Общій характеръ англійской философіи. — 1894. Ч. 291, январь, отд. II, стр. 108—128.

106. **Л. В. Рутковскій.** Гипотеза безсознательныхъ душевныхъ явленій.—

1895. Ч. 297, февраль, отд. II, стр. 323—371.

107. Л. В. Рутковскій. Критика методовъ индуктивнаго доказательства.—1899. Ч. 324, іюль, отд. II, стр. 128—188; ч. 326, ноябрь, стр. 57—102.

108. Ѳ. И. Успенскій. Философское и богословское движеніе въ XIV в. См. № 23.

Б. Рецензіи.

109. *Бинэ, В. Анри, Куртье, Филиппъ.* Введеніе въ экспериментальную психологію. Переводъ съ французскаго Е. И. Максимовой, подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго, по тексту, исправленному и дополненному *В. Анри* для русскаго изданія. С.-Пб. 1895 г.—Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. II, стр. 418—419. (Кн. новости).

110. *С. Аскольдовъ.* Основныя проблемы теоріи познанія и онтологіи. С.-Пб. 1900.—Рец. **И. И. Лапшина.** 1900. Ч. 331, октябрь, отд. II, стр. 388—400.

111. Библіотека философовъ. Изданіе редакціи журнала „Образованіе": I. Гербертъ Спенсеръ. *Отто Гаупта.* Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Александра Острогорскаго (съ портретомъ). С.-Пб. 1898. II. Фридрихъ Нитцше, какъ художникъ и мыслитель. Проф. *А. Риля.* Переводъ съ нѣмецкаго З. Венгеровой. С.-Пб. 1898. (Съ портретомъ). III. Жанъ-Жакъ Руссо и его философія. Проф. *Гефдинга.* Переводъ съ нѣмецкаго Л. Давыдовой (съ портретомъ Руссо). С.-Пб. 1898.—Рец. 1899. Ч. 324, іюль, отд. II, стр. 273—275. (Книжныя новости).

112. *H. Breitinger.* Les unités d'Aristote avant le Cid de Corneille. Genève, 2 ed. 1895.—Рец. **В. В. С.** 1895. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 251—259.

113. *Виндельбандъ.* Философія Канта. Съ нѣмецкаго перевела Надежда Платонова. С.-Пб. 1895 г.—Рец. 1896. Ч. 301, мартъ, отд. II, стр. 196—197. (Книжныя новости).

114. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ *Вильгельма Вундта* проф. при университетѣ въ Лейпцигѣ. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія: „W. Wundt. Vorlesungen über die Menschen und Thierseele" доктора Н. Я. Розенбаха. Съ 45 рисунками. С.-Пб. Изданіе К. Л. Риккера. 1894.—Рец. **А. П. Нечаева.** 1895. Ч. 297, февраль, отд. II, стр. 455—458.

115. *Вундтъ Вильгельмъ.* Очеркъ психологіи. Перевелъ Д. В. Викторовъ подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Н. Я. Грота. Москва. 1897. Изданія Московскаго психологическаго общества. Выпускъ V.—Рец. 1897. Ч. 311, іюнь, отд. II, стр. 489—490. (Кн. новости).

116. Научно-популярная библіотека „Русской Мысли". Гербертъ Спенсеръ. *Отто Гаупта.* Переводъ съ нѣмецкаго М. Я. Фитермана. Москва. 1898.—Рец. 1899. Ч. 324, іюль, отд. II, стр. 273—275. (Книжныя новости).

117. *Гефдингъ.* Очеркъ психологіи, основанной на опытѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва.—Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. II, стр. 507. (Кн. новости).

118. Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893). *А. Н. Гилярова.* Кіевъ. 1893.—Рец. **К.** 1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 184—190.

119. *Н. Г. Дебольскій.* Философія фе-

номинальнаго формализма. I. Метафизика. Выпускъ I. С.-Пб. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. II, стр. 440—441. (Книжныя новости).

120. Проф. *Генри Друммондъ.* Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Переводъ съ англійскаго Никифорова. Изд. Клюкина. 1897 г.—Рец. 1898. Ч. 316, мартъ, отд. II, стр. 240—241. (Книжныя новости).

121. *Генри Друммондъ.* Эволюція и прогрессъ человѣчества. Переводъ съ англійскаго Н. А. Иванова. Москва. 1897.—Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. III, стр. 9—12.

122. Benno Erdmann und Raymond Dodge. Psychologische Untersuchungen über das Lesen, auf experimenteller Grundlage. Halle. 1898.—Рец. **А. П. Нечаева.** 1899. Ч. 323, іюнь, отд. II, стр. 508—512.

123. Исторія этики въ новой философіи. *Фридриха Іодля.* Томъ первый. До конца восемнадцатаго вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею Владиміра Соловьева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1896 г.—Рец. 1896. Ч. 305, іюнь, отд. II, стр. 389—390. (Книжныя новости).

124. *А. Казанскій.* Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса. 1891. 8°, 420 стр.—Рец. **Э. Л. Радлова.** 1892. Ч. 279, январь, отд. II, стр. 218—228.

125. *Ф. Кейра.* Воображеніе и память. Переводъ съ французскаго Е. Максимовой. Изданіе редакціи журн. „Образованіе". С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. II, стр. 353. (Книжныя новости).

126. *Фридрихъ Киркнеръ.* Исторія философіи съ древнѣйшаго до настоящаго времени. (Geschichte der Philosophie). Переводъ съ нѣмецкаго В. Д. Вольфсона. Съ дополнительною статьею „Русская философія" *В. Чуйко.* С.-Пб. Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго. 1895.—Рец. **А. П. Нечаева.** 1895. Ч. 302, ноябрь, отд. II, стр. 119—123.

127. *В. А. Кожевниковъ.* Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи. Часть I. Москва. 1897 г.—Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 346—347. (Книжныя новости).

128. *В. А. Кожевниковъ.* Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи. Часть первая. Москва. 1897.—Рец. **Ю. П. Вартенева.** 1898. Ч. 317, май, отд. II, стр. 179—194.

129. *Н. Колубовскій.* Философскій ежегодникъ. Годъ второй, 1894, изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Москва. 1896.—Рец. 1897. Ч. 309, январь, отд. II, стр. 196—197. (Книжныя новости).

130. *С. Л. Кулюкинъ.* Законы мышленія съ психологической точки зрѣнія. Харьковъ. 1899.—Рец. **И. И. Лапшина.** 1900. Ч. 330, іюль, отд. II, стр. 173—178.

131. *Куно Фишеръ.* Артуръ Шопенгауеръ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею В. П. Преображенскаго. Изданіе Моск. психологическаго общества. Москва. 1896 г.—Рец. 1896. Ч. 306, августъ, отд. II, стр. 411—412. (Книжныя новости).

132. *O. Külpe.* Einleitung in die Philosophie. Zweite, verbesserte Auflage. Leipzig 1899.—Рец. **А. А. Козлова.** 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. II, стр. 201—210.

133. *А. Лаландъ.* Этюды по философіи наукъ, переводъ съ французскаго. 2-е изданіе редакціи журнала „Образованіе". С.-Пб. 1897. — Рец. 1899. Ч. 325, октябрь, отд. II, стр. 378—379. (Книжныя новости).

134. *Г. Ланге.* Душевныя движенія. Психо-физіологическій этюдъ. Пере-

водъ *М. П.* Изданіе Павленкова. (Популярная библіотека). С.-Пб. 1896 г.—Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. II, стр. 353. (Кн. новости).

135. Н. Н. Ланге. Отвѣтъ *Э. Л. Радлову.*—1899. Ч. 322, мартъ, отд. II, стр. 201—212.

136. Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи. *П. Линицкаго.* Харьковъ. 1895 г.—Рец. 1896. Ч. 305, іюнь, отд. II, стр. 393. (Книжныя новости).

137. О познаніи. *П. Линицкаго.* Харьковъ. 1895.—Рец. 1896. Ч. 305, іюнь, отд. II, стр. 393. (Кн. новости).

138. *Джонъ Локкъ.* Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Переводъ А. Н. Савина. Москва. 1898 г.—Рец. 1898. Ч. 317, іюнь, отд. II, стр. 468—469. (Кн. новости).

139. *Луи Лиаръ.* Англійскіе реформаторы логики въ XIX вѣкѣ, переводъ съ 3-го французскаго изданія Н. Давыдова. С.-Пб. 1897.—Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. II, стр. 513—514. (Кн. новости).

140. *Дж. Г. Льюисъ.* Исторія философіи. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія съ приложеніемъ статьи В. Д. Вольфсона, о жизни и ученіи Шопенгауера и Гартмана. Изданіе третье. Съ полнымъ указателемъ. С.-Пб. 1897 г.—Рец. 1898. Ч. 316, мартъ, отд. III, стр. 1—4.

141. *В. Минто.* Логика дедуктивная и индуктивная. Переводъ С. А. Котляревскаго, подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. Москва. 1895.—Рец. **Э. Л. Радлова.** 1895 г. Ч. 302, ноябрь, отд. II, стр. 115—119.

142. *Д. Миртовъ.* Нравственное ученіе Климента Александрійскаго. С.-Пб. 1900. -Рец. **Э. Л. Радлова.** 1900. Ч. 332, декабрь, отд. II, стр. 500—504.

143. *Н. Оже.* Персонализмъ и проективизмъ въ метафизикѣ Лотце. Юрьевъ. 1896 г.—Рец. **Э. Л. Радлова.** 1896. Ч. 307, октябрь, отд. II, стр. 409—414.

144. *Фр. Поланъ.* Психологія характера. Переводъ съ французскаго подъ редакціею и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Изд. Ф. Павленкова. (Популярно - научная библіотека). С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 485. (Книжныя новости).

145. *Полланъ.* Физіологія ума. Переводъ съ французскаго. Москва. Изданіе Клюкина. 1896 г.—Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. II, стр. 147—149. (Книжныя новости).

146. *Дю-Прель.* Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. С.-Пб. 1895 г.—Рец. **А. П. Нечаева.** 1898. Ч. 318, іюль, отд. II, стр. 216—222.

147. Э. Л. Радловъ. Нѣсколько замѣчаній по поводу возраженія проф. *Ланге.*—1899. Ч. 322, мартъ, отд. II, стр. 212—215.

148. *Т. Рибо.* Эволюція общихъ идей. Переводъ съ французскаго Н. Н. Спиридонова. Изд. маг. „Книжное Дѣло“ въ Москвѣ. 1898 г.—Рец. **Вл. С.** 1898. Ч. 320, ноябрь, отд. II, стр. 200—203.

149. *В. Серебрениковъ.* Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. С.-Пб. 1892.—Рец. 1892. Ч. 280, мартъ, отд. II, стр. 277—278.

150. Публичныя лекціи по философіи наукъ. Основныя понятія и методы наукъ физико-математическихъ. Профессора *А. П. Смирнова.* Казань. 1896 г.—Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. II, стр. 166—167. (Книжныя новости).

151. Психологія. Систематическій курсъ чтеній по психологіи. Проф. Казанской духовной академіи *В. А. Снегирева.* Харьковъ. 1893.—Рец. 1893 г.

Ч. 287, май, отд. II, стр. 287—288. (Книжныя новости).

152. *Веніаминъ Снегиревъ.* Психологія. Систематическій курсъ чтеній по психологіи экстраординарнаго проф. Казанской духовной академіи В. А. Снегирева. Харьковъ. 1893 г.—Рец. **В. Серебренникова.** 1896. Ч. 306. іюль, отд. II, стр. 191—209.

153. *М. Е. Соколовъ.* Введеніе въ философію. Петровскъ. 1894 г.—Рец. 1894. Ч. 295, сентябрь, отд. II, стр. 218. (Книжныя новости).

154. *Владиміръ Соловьевъ.* Оправданіе добра. Нравственная философія. С.-Пб. 1897. Рец. **Э. Л. Радлова.** 1897. Ч. 314, ноябрь, отд. II, стр. 233—243.

155. *Е. Соловьевъ.* Г. Гегель, его жизнь и философская дѣятельность. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова). С.-Пб. 1891 г.—Рец. 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. II, стр. 499—501. (Кн. новости).

156. *Тимоѳей Соловьевъ.* Теорія волевыхъ представленій. Отношеніе ея къ специціи и элеваціи органическаго міра. С.-Пб. 1892. Рец. 1893 г. Ч. 289, октябрь, отд. II, стр. 570—571. (Книжныя новости).

157. *Ф. Тома.* Внушеніе и воспитаніе. Переводъ съ французскаго Е. Максимовой. Изданіе журнала „Образованіе". С.-Пб. 1896 г.—Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. II, стр. 354. (Книжныя новости).

158. *А. Фулье.* Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. Переводъ съ французскаго П. Николаева. Москва. 1895 г. Рец. 1896. Ч. 304, мартъ, отд. II, стр. 195—196. (Кн. новости).

159. *Альфредъ Фулье.* Темпераментъ и характеръ. Переводъ В. Н. Линда. М. 1896 г. Изд. маг. „Книжное Дѣло".—Рец. **Вл. С.** 1898. Ч. 320, ноябрь, отд. II, стр. 193—200.

160. *Альфредъ Фулье.* Исторія философіи. Переводъ П. Николаева. 2-е изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1898.—Рец. 1899. Ч. 321, февраль, отд. II, стр. 517—519. (Книжныя новости).

161. *Альфредъ Фулье.* Критика новѣйшихъ системъ морали. Переводъ съ французскаго Е. Максимовой и О. Конради. С.-Пб. 1898.—Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 14—16.

162. Проф. *А. А. Царевскій.* Счастіе человѣческое и его источники. Казань. 1897 г.—Рец. **Р.** 1898. Ч. 316. апрѣль, отд. II, стр. 455—457.

163. Проф. *А. А. Царевскій.* Идеализмъ, какъ насущная потребность нашего времени, и поэзія, какъ средство къ подъему идеализма. Казань. 1897 г.—Рец. **Р.** 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. II, стр. 458—459.

164. *Г. Циглеръ.* Что такое нравственность. Переводъ съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. Изданіе редакціи журнала „Образованіе". С.-Пб. 1896.—Рец. **Э. Л. Радлова.** 1897. Ч. 309, февраль, отд. II, стр. 368—371.

165. Проблема восприятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. *Г. Челпанова.* Часть I. Представленіе пространства съ точки зрѣнія психологіи. Кіевъ. 1896 г.—Рец. 1896. Ч. 305, іюнь, отд. II, стр. 391—393. (Книжныя новости).

166. Курсъ опытной психологіи. *И. Чистовича.* Изданіе 5-е. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. II, стр. 167. (Книжныя новости).

167. *Энгельманъ.* Элементарное описаніе душевныхъ явленій („Краткая

психологія для самообразованія"). Перевелъ съ нѣмецкаго *М. Столяровъ*. Харьковъ. 1896. Изданіе книжнаго магазина Карчагина.—Рец. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. II, стр. 262—263. (Книжныя новости).

III. ПЕДАГОГИКА.

1. ИСТОРІЯ ПЕДАГОГИКИ ВООБЩЕ И ВЪ РОССІИ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

А. Статьи.

168. **А. Д. Вейсманъ.** Амосъ Коменскій и его дидактика.—1892. Ч. 282, августъ, отд. III, стр. 33—67.

169. **О. Д.** Оскаръ Іегеръ, его педагогическая и литературная дѣятельность.—1899. Ч. 321, январь, отд. II, стр. 169—199.

Б. Рецензіи.

170. Исторія русской педагогіи. *М. И. Демкова.* Часть I. Древне-русская педагогія (X — XVII вѣковъ). Изданіе журнала „Гимназія". Ревель 1896.—Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. II, стр. 149—150 (книжныя новости).

171. Исторія русской педагогіи. *М. И. Демкова.* Часть II. Новая русская педагогія (XVIII вѣкъ). Изданіе автора. С.-Пб. 1897.—Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. II, стр. 420—421 (книжныя новости).

172. Исторія русской педагогіи. *М. И. Демкова.* Часть II. Новая русская педагогія (XVIII вѣкъ). Изданіе автора. С.-Пб. 1897. Рец. 1897. Ч. 314, ноябрь, отд. III, стр. 14—15.

173. *М. И. Демковъ.* Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Опытъ педагогической хрестоматіи. Москва. Изданіе Тихомирова. 1898.—Рец. 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. III, стр. 22—23.

174. Jana Amosa Komenského Theatrum Universitatis Rerum. Z rukopisu podávají D-r *Jan V. Novák a Adolf Patera.* V Praze, 1897. Изданіе Чешской Академіи.—Рец. **Вл. Францева.**—1897. Ч. 314, декабрь, отд. II, стр. 468—474.

175. *Евсевій Трифильевъ.* Николай Ивановичъ Новиковъ, какъ педагогъ. (По поводу 150-тилѣтія со дня рожденія Н. И. Новикова). Харьковъ 1896.—Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. III, стр. 29—31.

176. *М. А. Холоднякъ.* Нѣсколько замѣтокъ объ изданіяхъ сочиненій Яна Амоса Коменскаго, хранящихся въ Виленской публичной библіотекѣ.—1895. Ч. 298, мартъ, отд. II, стр. 222—226.

2. ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА.—ВОПРОСЫ ВОСПИТАНІЯ.—СТАТЬИ ПО МЕТОДИКѢ ПРЕПОДАВАНІЯ.

А. Статьи.

177. **И. В.** Новый трудъ по методикѣ исторіи. Отзывъ о сочиненіи А. Кролюницкаго: Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Москва 1890 г.—1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 11—15.

178. **И. В.** Педагогическій журналъ *Я. Г. Гуревича*.—1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 53—59.

179. **Ѳ. Д. Батюшковъ.** О французскомъ языкѣ и его преподаваніи въ университетѣ. (Вступительная лекція).—1895 г. Ч. 302, ноябрь, отд. III, стр. 1—23.

180. Краткія правила относительно учебныхъ столовъ и скамей. **А. Ѳ. Брандта.** (Описаніе новой универсальной парты профессора Харьковскаго университета А. Ѳ. Брандта).—1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 1—10.

181. **А. Д. Вейсманъ.** По поводу вопроса о приготовленіи учителей гимназій.—1894. Ч. 293, іюнь, отд. III, стр. 11—21.

182. **Н. Г. Дебольскій.** Чѣмъ должна быть русская общеобразовательная школа?—1900. Ч. 330, іюль, отд. IV, стр. 23—64.

183. **А. И. Загоровскій.** О преподаваніи и изученіи гражданскаго права въ связи съ нѣкоторыми другими, сюда относящимися, вопросами.—1899. Ч. 326, ноябрь, отд. IV, стр. 21—40; декабрь, стр. 132—152; 1900, ч. 327, январь, стр. 53—80; ч. 328, мартъ, стр. 17—37; апрѣль, стр. 85—116; ч. 329, май, стр. 39—50; іюнь, стр. 61—108; ч. 330, іюль, стр. 1—22.

184. **Ѳ. А. Зеленогорскій.** Самодѣятельность, какъ принципъ въ воспитаніи.—1900. Ч. 329, май, отд. III, стр. 13—24.

185. **П. А. Земятченскій.** Нѣкоторыя замѣчанія о трудахъ спеціальной коммиссіи по техническому образованію.—1894. Ч. 294, іюль, отд. III, стр. 1—7.

186. Къ вопросу о педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній и объ улучшеніи матеріальнаго ихъ положенія.—1899. Ч. 325, октябрь, отд. IV, стр. 11—42; ч. 326, ноябрь, стр. 1—20; декабрь, стр. 49—78.

187. **Н. Макаровъ.** Замѣтки о преподаваніи черченія вообще.—1892. Ч. 281, іюнь, отд. III, стр. 17—65.

188. **Н. И. Макаровъ.** Еще кое-что о черченіи. (По поводу статьи *В. Часовникова*: „Школьное рисованіе").—1893. Ч. 290, ноябрь, отд. III, стр. 1—14.

189. **Н. Е. Скворцовъ.** Органическій недугъ современной гимназіи.—1895. Ч. 299, май, отд. III, стр. 1—36.

190. **В. Часовниковъ.** Школьное рисованіе. (По поводу статьи *Н. Макарова* „Замѣтки о преподаваніи черченія вообще" въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за іюнь 1892 г.).—1893 г. Ч. 285, февр., отд. III, стр. 55—66.

191. **И. Л. Шаталовъ.** Русскій языкъ въ инородческой школѣ.—1897. Ч. 310, мартъ, отд. III, стр. 1—21.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **четырнадцать рублей двадцать пять копѣекъ**, за границу—**шестнадцать руб.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895 и 1900 годы.

Наша учебная литература.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

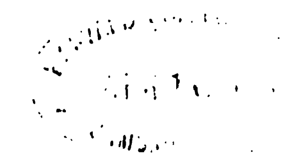
Въ приложеніи.

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го сентября).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXXIII.

1902.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXXIII.

1902.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (12-го іюня 1902 года). *О преобразованіи состоящихъ при Варшавской первой женской гимназіи временныхъ педагогическихъ классовъ французскаго и нѣмецкаго языковъ въ постоянные.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи состоящихъ при Варшавской первой женской гимназіи временныхъ педагогическихъ классовъ французскаго и нѣмецкаго языковъ въ постоянные, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи состоящихъ при Варшавской первой женской гимназіи временныхъ педагогическихъ классовъ французскаго и нѣмецкаго языковъ въ постоянные, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Состоящіе при Варшавской первой женской гимназіи педагогическіе классы французскаго и нѣмецкаго языковъ преобразовать изъ временныхъ въ постоянные на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Педагогическіе классы французскаго и нѣмецкаго языковъ при

Варшавской первой женской гимназіи имѣютъ цѣлью подготовлять преподавательницъ иностранныхъ языковъ для женскихъ учебныхъ заведеній.

2) Педагогическіе классы (ст. 1) содержатся на спеціальныя ихъ средства, образуемыя изъ: а) платы за ученіе, взимаемой съ учепицъ классовъ, и б) отчисленій изъ сбора за ученіе во всѣхъ женскихъ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа. Общая сумма сихъ отчисленій устанавливается министромъ народнаго просвѣщенія, а упадающая на каждую гимназію часть оныхъ—попечителемъ учебнаго округа.

3) Педагогическіе классы находятся въ непосредственномъ завѣдываніи начальства Варшавской первой женской гимназіи. Ближайшій надзоръ за ученицами поручается двумъ надзирательницамъ, по одной для каждаго класса.

4) Надзирательницы классовъ избираются завѣдывающимъ гимназіею директоромъ Варшавской первой мужской гимназіи изъ лицъ, хорошо знающихъ соотвѣтственный классу языкъ, преподающихъ его въ женскихъ гимназіяхъ и отличающихся педагогическими способностями. Надзирательницы утверждаются въ должности попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа.

5) Преподаватели и преподавательницы классовъ избираются завѣдующимъ гимназіею изъ лицъ, имѣющихъ образовательный цензъ не ниже требуемаго отъ преподавателей и преподавательницъ высшихъ основныхъ классовъ гимназін, и утверждаются въ должностяхъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа.

6) Преподаватели и преподавательницы классовъ получаютъ вознагражденіе по числу даваемыхъ ими уроковъ. Преподавателямъ и преподавательницамъ, не состоящимъ на государственной службѣ, могутъ быть, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, предоставлены служебныя права и преимущества, присвоенныя соотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ въ основныхъ классахъ гимназій.

7) Курсъ педагогическихъ классовъ продолжается два года, безъ подраздѣленія на отдѣленія.

8) Въ педагогическихъ классахъ преподаются: 1) *предметы обязательные для обоихъ классовъ*: а) Законъ Божій и б) методика русскаго языка и упражненія въ преподаваніи; 2) *предметы класса французскаго языка:* а) историческая и современная грамматика французскаго языка; б) исторія французской литературы съ подробнымъ обзоромъ лучшихъ произведеній трехъ послѣднихъ столѣтій; в) исторія

всеобщей литературы; г) методика французскаго языка, и д) упражненія въ преподаваніи; 3) *предметы класса нѣмецкаго языка:* а) историческая и современная грамматика нѣмецкаго языка; б) исторія нѣмецкой литературы съ подробнымъ обзоромъ лучшихъ произведеній двухъ послѣднихъ столѣтій; в) исторія всеобщей литературы; г) методика нѣмецкаго языка, и д) упражненія въ преподаваніи.

9) Преподаваніе въ каждомъ классѣ ведется на соотвѣтственномъ языкѣ; предметы, обязательные для обоихъ классовъ, за исключеніемъ Закона Божія иновѣрныхъ исповѣданій, преподаются на русскомъ языкѣ.

10) Успѣшно окончившія курсъ классовъ получаютъ право преподавать спеціально изученные ими языки во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій и равныхъ съ послѣдними женскихъ учебныхъ заведеній Имперіи, причемъ первые три года, по окончаніи курса ученія, эти лица обязаны прослужить въ должностяхъ учительницъ новыхъ языковъ въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа, если ко времени окончанія ими курса въ сихъ заведеніяхъ окажутся свободныя вакансіи упомянутыхъ учительницъ.

II. Учредить при педагогическихъ классахъ французскаго и нѣмецкаго языковъ при Варшавской первой женской гимназіи (отд. I) двѣ должности надзирательницъ, съ присвоеніемъ имъ оклада жалованья по *одной тысячѣ* руб. въ годъ каждой и служебныхъ правъ, а также правъ на пенсію по учебной службѣ, согласно постановленіямъ, дѣйствующимъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.

III. Лицамъ, исполнявшимъ обязанности надзирательницъ педагогическихъ классовъ французскаго и нѣмецкаго языковъ при Варшавской первой женской гимназіи (отд. II) до изданія настоящаго узаконенія, зачесть время, проведенное ими въ этихъ должностяхъ, въ дѣйствительную службу, при условіи внесенія ими за этотъ срокъ установленныхъ вычетовъ.

IV. Потребный на содержаніе означенныхъ въ отдѣлѣ I педагогическихъ классовъ ежегодный расходъ въ размѣрѣ *семи тысячъ* рублей (въ томъ числѣ: на производство содержанія двумъ надзирательницамъ—2.000 рублей, на добавочное вознагражденіе: завѣдующему Варшавскою первою женскою гимназіею—300 рублей, главной воспитательницѣ той же гимназіи—200 рублей, секретарю совѣта—120 р. и письмоводителю—80 рублей, на поурочное вознагражденіе преподавателей и преподавательницъ—3.900 руб., на пополненіе библіотеки и

учебныя пособія—200 руб. и на хозяйственные и канцелярскіе расходы—200 рублей)—относить на спеціальныя средства классовъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 16-го августа 1902 г. № 81, ст. 915).

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРІИ.

(30-го августа 1902 года). *Производится*, за отличіе, изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ *тайные совѣтники* управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія *Зенгеръ*, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(10-го августа 1902 года, № 67). По Императорской Публичной библіотекѣ. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, старшій помощникъ библіотекаря *Кайдаловъ*—съ 23-го марта 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* младшій помощникъ библіотекаря *Философовъ* — съ 8-го октября 1901 г.; завѣдывающій читальною залою библіотеки *Гавриловъ*—съ 1-го февраля 1902 г.

По археографической комиссіи. *Производится*, за выслугу лѣтъ, изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, со старшинствомъ, членъ комиссіи *Лихачевъ*—съ 10-го мая 1902 г.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ *коллежскаго ассессора*, со старшинствомъ, врачъ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ *Штюлеринъ* — съ 13-го января 1901 г., по степени доктора медицины.

По Казанскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета *Полумордвиновъ* — съ 11-го января 1902 г.; учителя реальныхъ училищъ: Самарскаго Александровскаго *Загайкевичъ* — съ 9-го августа 1900 г., Сарапульскаго Алексѣевскаго *Шмидтъ*—съ 8-го декабря 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* сверхштатный ассистентъ клиники нервныхъ болѣзней Императорскаго Казанскаго университета *Перву-*

шинъ—съ 3-го февраля 1902 г.; врачъ Казанской 3-й гимназіи докторъ медицины *Грачевъ*—со 2-го сентября 1901 г.; учителя: Астраханской гимназіи, *Рудневъ*—съ 20-го сентября 1900 г., Казанской учительской семинаріи, *Максимовъ*—съ 31-го декабря 1899 г., помощникъ класныхъ наставниковъ Царицынской Александровской гимназіи *Елисеевъ*—съ 1-го февраля 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* сверхштатный лаборантъ при каѳедрѣ неорганической химіи Императорскаго Казанскаго университета *Кузнецовъ*—съ 6-го марта 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Сызранскаго реальнаго училища *Умниковъ* — съ 11-го декабря 1901 г.; учитель приготовительнаго класса Казанскаго реальнаго училища *Павловъ*—съ 1-го февраля 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: лаборантъ при каѳедрѣ неорганической химіи Императорскаго Казанскаго университета *Богородскій*—съ 28-го декабря 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Вятской, *Мантуровъ*—съ 1-го февраля 1900 г., Саратовской 1-й, *Евдокимовъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель приготовительнаго класса Казанскаго реальнаго училища *Твердышевъ*—съ 1-го февраля 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Антоновъ*—съ 1-го марта 1902 г.; экзекуторъ Казанскаго ветеринарнаго института *Мальковскій*—съ 16-го февраля 1902 г.; учитель приготовительнаго класса Казанской учительской семинаріи *Евсевьевъ*—съ 17-го декабря 1897 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари,* помощникъ библіотекаря Императорскаго Казанскаго университета *Трубниковъ*—съ 30-го марта 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* учитель Чистопольскаго приходскаго училища *Кибардинъ*—съ 1-го октября 1882 г.; исправляющій должность письмоводителя Царицынской Александровской гимназіи *Гѣляевъ* — съ 1-го февраля 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора:* учителя Сызранскаго реальнаго училища, *Удольскій*—съ 28-го октября 1897 г., Казанской Маріинской женской гимназіи, *Сергинъ*—съ 7-го октября 1892 г., Казанскаго учительскаго института, *Брюхановъ*—съ 3-го января 1898 г.; *титулярнаго совѣтника*: помощники прозектора: Императорскаго Казанскаго университета, *Сегель*—съ 19-го января 1898 г., по степени лѣкаря, Казанскаго ветеринарнаго института, *Автократовъ*—съ 16-го декабря 1900 г., по степени магистра ветеринарныхъ наукъ; *коллежскаго секретаря:* учителя городскихъ училищъ: Самарскаго шестиклассnaго, *Мироновъ* (сверхштатный)—съ 6-го

сентября 1897 г., трехклассныхъ: Новоузенскаго, *Стрижевъ*—съ 18-го января 1897 г., Красноярскаго, *Рубцовъ*—съ 15-го сентября 1897 г., при Казанскомъ учительскомъ институтѣ: *Смирновъ*—съ 16-го сентября 1897 г. и *Паринъ* (сверхштатный)—съ 6-го сентября 1897 г.; *коллежскаго регистратора*, домашній учитель Казанской дирекціи народныхъ училищъ *Яковлевъ*—съ 28-го января 1902 г.

(16-го августа 1902 года, № 69). *Назначаются*: директоръ Асхабадской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Бѣлоусовъ* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Моршанскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Воиновъ*—директорами: первый—Асхабадской гимназіи, а второй—Павловскаго реальнаго училища, оба съ 1-го іюля; преподаватель Уфимской гимназіи, статскій совѣтникъ *Бравинъ*—окружнымъ инспекторомъ Оренбургскаго учебнаго округа, съ 1-го августа.

(23-го августа 1902 года, № 72). *Назначаются*: директоръ Кутаисскаго реальнаго училища, магистръ минералогіи и геогнозіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коленко*—директоромъ С.-Петербургской десятой гимназіи, съ 22-го августа; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Великолуцкаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Козловскій*—директоромъ того же училища, съ 6-го іюля; ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Чирвинскій*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрѣ фармакологіи, съ 26-го іюля, согласно прошенію.

Перемѣщается: директоръ С.-Петербургской десятой гимназіи, статскій совѣтникъ *Артемьевъ*—директоромъ С.-Петербургской первой гимназіи, съ 22-го августа.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ С.-Петербургской первой гимназіи, тайный совѣтникъ *Груздевъ*, за выслугою срока, съ 22-го августа, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

По Императорской академіи наукъ. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, младшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ *Бойчевскій*—съ 1-го февраля 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, бывшій наблюдатель Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерваторіи, нынѣ въ отставкѣ *Мазеинъ*—съ 1-го апрѣля 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, наблюдатель Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерва-

торіи *Коровинъ*—съ 3-го марта 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, канцелярскій служитель канцеляріи правленія академіи *Тихонравовъ*—съ 1-го марта 1902 г.

Утверждается въ чинѣ *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ, столоначальникъ канцеляріи Николаевской главной физической обсерваторіи *Городенскій*—съ 1-го апрѣля 1902 года, по диплому первой степени Императорскаго университета.

По Харьковскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: механикъ при механическихъ мастерскихъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Комаровъ*—съ 7-го февраля 1902 г. и учитель Воронежскаго реальнаго училища *Поль*—съ 1-го декабря 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, учитель Новочеркасскаго реальнаго училища *Гротъ*—съ 12-го октября 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, учителя-инспекторы: Валуйскаго городского училища, Воронежской губерніи, *Захаровъ*—съ 1-го августа 1893 г. и Козловскаго городского четырехкласснаго училища, Тамбовской губерніи, *Литвиненко*—съ 1-го іюля 1889 г.; учитель Нижне-Ломовскаго городского четырехкласснаго училища, Пензенской губерніи, *Юдинъ*—съ 1-го августа 1901 г., изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель Воронежской женской гимназіи Нечаевой *Ѳаддеевъ* — съ 15-го сентября 1898 г.; лаборантъ при каѳедрѣ химической технологіи Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Фокинъ*—съ 15-го іюля 1902 г.; казначей (онъ же экзекуторъ) Харьковскаго ветеринарнаго института *Васильевъ*—съ 15-го марта 1902 г.; учитель-техникъ Задонской школы ремесленныхъ учениковъ, Воронежской губерніи, *Пивоваровъ*—съ 31-го октября 1900 г. и учитель Каменскаго окружнаго училища, Донской области, *Ганцъ*—съ 4-го января 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: сверхштатный помощникъ прозектора Харьковскаго ветеринарнаго института *Крахтъ* (онъ же Палѣевъ)—съ 1-го декабря 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Усть-Медвѣдицкаго реальнаго училища *Вихлянцевъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; учитель-завѣдывающій Краснокутскимъ городскимъ Герасима Дашкевича училищемъ, Харьковской губерніи, *Древалюковъ*—съ 27-го августа 1900 г.; учителя окружныхъ училищъ Донской области: Новочеркасскаго, *Жлобинскій*—съ 1-го февраля 1902 г. и Каменскаго, *Задорожній*—съ 30-го сентября 1901 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, учи-

тель приготовительнаго класса Бобровской прогимназіи *Морозовъ*—съ 1-го ноября 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, помощникъ дѣлопроизводителя Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Морозъ* — съ 25-го іюля 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель 4-го Новочеркасскаго приходскаго училища, Донской области, *Пономаревъ*—съ 1-го марта 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, адъюнктъ-профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Тиръ*—съ 1-го января 1902 г.; *надворнаго совѣтника*: преподаватели Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: *Бурнашевъ*, *Песковъ* и *Соломко*, всѣ трое—съ 1-го сентября 1901 г.; *коллежскаго ассессора*: учителя: Харьковской Маріинской женской гимназіи, *Андріановъ*—съ 9-го сентября 1897 г., Новочеркасскаго реальнаго училища, *Ектовъ*—съ 27-го августа 1896 г. и *Эйнбергъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Таганрогскаго средняго восьмикласснаго техническаго училища, *Селенкинъ*—съ 17-го марта 1898 г. и завѣдывающій механическими мастерскими и руководитель занятіями учениковъ въ мастерскихъ того же училища, *Наугольныхъ*—съ 1-го декабря 1897 г.; *коллежскаго секретаря*, учитель Славянскаго городского четырехкласснаго училища, Харьковской губерніи, *Кудрявцевъ*—съ 9-го сентября 1897 г.; *губернскаго секретаря*, учитель Мокшанскаго уѣзднаго училища, Пензенской губерніи, *Пузраковъ*—съ 25-го апрѣля 1898 г.; *коллежскаго регистратора*, учитель чистописанія, черченія и рисованія Пензенскаго уѣзднаго училища, *Капраловъ*—съ 25-го апрѣля 1898 г.

(28-го августа 1902 года, № 73). *Опредѣляется* на службу магистръ минералогіи и геогнозіи *Самойловъ* — адъюнктъ-профессоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, по минералогіи и геологіи, съ 1-го сентября.

Назначаются: экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: докторъ римской словесности, статскій совѣтникъ *Бялинеръ* и докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Григорьевъ*—ординарными профессорами того же университета: первый—по каѳедрѣ римской словесности, а второй—по каѳедрѣ судебной медицины; преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ: Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Щербаковъ* и Красноярской гимназіи, статскій совѣтникъ *Бакай*—директорами: первый—Нижегородской гимназіи, съ 25-го августа, а второй—Енисей-

ской прогимназіи, съ 21-го августа; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, магистръ церковнаго права *Соколовъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по каѳедрѣ церковнаго права.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: чиновникъ особыхъ порученій V класса при Варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, коллежскій совѣтникъ *Зеленинъ*—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ; врачъ для командировокъ при клиническомъ военномъ госпиталѣ, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Кураевъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета, по каѳедрѣ медицинской химіи.

Перемѣщается директоръ Нижегородской гимназіи, статскій совѣтникъ *Самойловичъ* — директоромъ Рязанской гимназіи, съ 25-го августа.

Увольняются отъ службы, за выслугою срока: директоры: Херсонской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Леонтовичъ*, Рязанской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кульчицкій*, Ѳеодосійскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Малиновскій* и Екатеринославскаго перваго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Яржембковскій*, изъ нихъ Кульчицкій—согласно прошенію, съ 25-го августа, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Енисейской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Ленартовичъ*, съ 6-го августа.

(6-го сентября 1902 года, № 77). *Назначаются:* инспекторъ Грубешовской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Аѳанасьевъ*—начальникомъ Ломжинской учебной дирекціи; инспекторъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи, статскій совѣтникъ *Боголюбовъ* — директоромъ Переславской учительской семинаріи; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Варшавскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ *Швачка* — директоромъ Пражской гимназіи; состоящій по главному горному управленію, горный инженеръ, коллежскій ассессоръ *Тове*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по горному искусству, съ 1-го іюля, съ оставленіемъ его состоящимъ по главному горному управленію.

IV. О ПРОФЕССОРСКОМЪ ДИСЦИПЛИНАРНОМЪ СУДѢ.

Государь Императоръ, согласно всеподданнѣйше доложенному управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія заключенію состоявшагося, съ Высочайшаго соизволенія, особаго совѣщанія министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и путей сообщенія, за министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, завѣдывающаго текущими дѣлами сего министерства и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ утвердить 24-го августа 1902 года предположенныя управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія нижеслѣдующія

Временныя правила о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

1. Совѣтъ учебнаго заведенія или соотвѣтствующее ему учрежденіе избираетъ ежегодно изъ числа профессоровъ онаго: въ университетѣ пятерыхъ судей и, на случай болѣзни или отсутствія котораго-либо изъ нихъ, пятерыхъ кандидатовъ; въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, въ ветеринарныхъ институтахъ, въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Новоалександрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, на высшихъ женскихъ курсахъ и въ женскомъ медицинскомъ институтѣ, смотря по мѣстнымъ условіямъ даннаго учебнаго заведенія, либо по три, либо по пяти судей и равное число кандидатовъ въ судьи.

Примѣчаніе. Въ учебныхъ заведеніяхъ съ юридическимъ факультетомъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ судей и одинъ изъ кандидатовъ должны принадлежать къ сему факультету.

2. Избранныя въ судьи и кандидатами въ судьи лица утверждаются въ сихъ должностяхъ попечителемъ учебнаго округа.

3. Изъ указанныхъ выше членовъ суда совѣтъ или соотвѣтствующее ему учрежденіе выбираетъ предсѣдателя. Изъ остальныхъ судей одинъ, по предложенію предсѣдателя, исполняетъ обязанность секретаря.

4. Вѣдѣнію суда подлежатъ передаваемыя ему ректоромъ (директоромъ) дѣла, касательно учащихся: 1) о нарушеніи ими въ зданіяхъ или учрежденіяхъ учебнаго заведенія порядка, особыми правилами каждаго изъ нихъ установленнаго; 2) о столкновеніяхъ между учащимися съ одной стороны и преподавателями или должностными ли-

цами учебнаго заведенія съ другой, хотя бы столкновенія эти произошли внѣ зданій и учрежденій учебнаго заведенія, и 3) о такихъ проступкахъ учащихся, которые, хотя бы и не были предусмотрѣны общими законами, но имѣютъ предосудительный, противный правиламъ чести и нравственности характеръ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ полученія свѣдѣній о томъ, что учащійся подвергся взысканію по приговору общихъ судебныхъ установленій, начальство соотвѣтственнаго высшаго учебнаго заведенія, по своему усмотрѣнію, вноситъ въ профессорскій судъ вопросъ о томъ, не долженъ ли сей послѣдній судъ подвергнуть виновнаго по свойству совершеннаго имъ проступка нравственному порицанію или даже увольненію изъ заведенія.

5. Профессорскій судъ, получивъ отъ начальника учебнаго заведенія весь подлежащій судебному разсмотрѣнію матеріалъ, рѣшаетъ вопросъ о привлеченіи учащихся къ судебной отвѣтственности. Въ случаѣ недостаточности матеріала, препровожденнаго въ судъ, послѣдній принимаетъ мѣры къ пополненію таковаго. По рѣшеніи вопроса о привлеченіи учащихся къ суду, предсѣдатель суда немедленно сообщаетъ начальнику учебнаго заведенія списокъ привлеченныхъ къ суду и освобожденныхъ отъ него.

6. Засѣданія суда назначаются предсѣдателемъ по мѣрѣ надобности.

7. Въ каждомъ засѣданіи судъ долженъ вести дѣла въ полномъ составѣ, т. е. пяти лицъ, гдѣ положено пять судей, и трехъ, гдѣ положено трое судей.

8. Судъ производитъ дѣла устно, но приговоры его, оправдывающіе обвиняемаго или опредѣляющіе одно изъ наказаній, указанныхъ въ правилахъ о взысканіяхъ, вносятся съ соображеніями въ книгу рѣшеній и подписываются всѣми членами.

9. Разбирательство происходитъ при закрытыхъ дверяхъ.

10. Свидѣтели допрашиваются порознь въ присутствіи обвиняемаго. Показанія обвиняемаго и свидѣтелей подписываются тѣми и другими и скрѣпляются секретаремъ суда.

11. Предсѣдатель суда, по назначеніи дня и часа засѣданія для судебнаго разбирательства, дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ, посредствомъ повѣстокъ, какъ обвиняемаго, такъ и свидѣтелей.

12 Всѣ нужныя къ разбирательству лица вызываются въ засѣданіе суда черезъ посредство чиновъ инспекціи.

13. Суду предоставляется обращаться къ начальнику учебнаго заведенія съ заявленіями о желательности обусловленныхъ ходомъ

разбирательства административныхъ распоряженій, требующихъ сношенія съ учащимися.

14. Въ случаѣ неявки обвиняемаго безъ уважительной причины, дѣло о немъ рѣшается въ его отсутствіе.

15. За неявку къ суду по вызову, когда она произошла безъ уважительныхъ причинъ, равно какъ за ложное показаніе, данное на судѣ, обвиняемый подвергается взысканію даже и въ томъ случаѣ, если будетъ оправданъ по предмету обвиненія. Взысканію подвергаются и студенты-свидѣтели за данное ими на судѣ ложное показаніе.

16. Сдѣланное учащимися заявленіе о желаніи оставить учебное заведеніе не освобождаетъ ихъ отъ отвѣтственности передъ дисциплинарнымъ судомъ.

17. Если нарушеніе учащимися установленныхъ для нихъ правилъ сопровождалось какимъ-либо преступленіемъ, то, по исключеніи виновныхъ изъ учебнаго заведенія дисциплинарнымъ судомъ, ректоръ (директоръ) препровождаетъ копію приговора къ подлежащему общему судебному установленію для дальнѣйшаго направленія дѣла по закону.

18. Всѣ рѣшенія суда вмѣстѣ съ подробными мотивами передаются начальнику учебнаго заведенія, который и тѣ, и другія сообщаетъ для свѣдѣнія совѣту или соотвѣтствующему учрежденію. Притомъ по приговорамъ суда, налагающимъ взысканія ниже увольненія виновныхъ изъ учебнаго заведенія, начальникъ сего послѣдняго дѣлаетъ распоряженіе о немедленномъ исполненіи этихъ приговоровъ, а рѣшенія суда объ увольненіи, удаленіи или исключеніи виновнаго представляетъ съ своимъ заключеніемъ попечителю учебнаго округа на утвержденіе.

19. Съ введеніемъ въ дѣйствіе изложенныхъ выше правилъ, временно пріостанавливается примѣненіе слѣдующихъ статей т. XI ч. I св. зак. (уст. уч. учр. и учебн. зав.) изд. 1893 г.: 441 (разд. I, п. 7), 525, 594 (разд. VII), 710, 711, 712, 713, 822 (п. 5), 1155, 1335 (разд. IV, п. V), 1362 (разд. I, п. 8) и 1426 (разд. I, п. 8). Статьи же 524 и 1313 временно примѣняются въ слѣдующей редакціи: (ст. 524) „О всякомъ преступленіи или проступкѣ, совершенномъ студентомъ внѣ университета, полиція немедленно увѣдомляетъ университетское начальство"; (ст. 1313) „О всякомъ преступленіи или проступкѣ, совершенномъ студентомъ внѣ института, полиція немедленно увѣдомляетъ директора". Въ отступленіе отъ § 11 Высочайше утвержденнаго 1-го іюня 1895 г. положенія о С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ дѣла по дисциплинарной части временно

изъемлются изъ вѣдѣнія правленія института. Въ отступленіе отъ § 49 Высочайше утвержденнаго 12-го іюня 1900 г. положенія о Томскомъ технологическомъ институтѣ Императора Николая II, составленіе правилъ о взысканіяхъ за нарушеніе студентами ихъ обязанностей, опредѣленіе и назначеніе взысканій изъемлется изъ вѣдѣнія комитета по студенческимъ дѣламъ.

V. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

3. (15-го августа 1902 года, за № 21600). *Циркулярное предложеніе министерства попечителямъ учебныхъ округовъ о физическомъ воспитаніи учащихся.*

Во Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ на мое имя отъ 10 іюня сего года Его Императорскому Величеству благоугодно было, между прочимъ, подтвердить требованіе о томъ, чтобы въ школѣ было обращено должное вниманіе и на физическое развитіе учащихся.

Озабочиваясь исполненіемъ таковой Высочайшей воли и имѣя въ виду, что министерствомъ народнаго просвѣщенія уже выработанъ рядъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью урегулировать трудъ учащихся и содѣйствовать правильному ихъ физическому развитію, и что мѣропріятія эти могли бы быть введены въ жизнь средней школы съ начала наступающаго учебнаго года, я испросилъ всеподданнѣйшимъ докладомъ отъ 26-го минувшаго іюля Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе, воспослѣдовавшее въ 5 день сего августа, на принятіе слѣдующихъ мѣръ:

1) Въ цѣляхъ устраненія наблюдаемаго иногда среди учащихся чрезмѣрнаго утомленія, предоставить, въ видѣ опыта на одинъ учебный годъ, педагогическимъ совѣтамъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, право въ тѣ недѣли, въ которыя не приходится праздничныхъ дней, давать учащимся, буде это окажется необходимымъ, по одному дню отдыха отъ учебныхъ занятій, съ тѣмъ, однако же, чтобы дни эти не были въ безконтрольномъ распоряженіи учащихся, а были посвящаемы экскурсіямъ, чтеніямъ, осмотрамъ музеевъ и тому подобнымъ разумнымъ развлеченіямъ, смотря по времени года и мѣстнымъ условіямъ, и чтобы количество такихъ дней, находящихся въ распоряженіи педагогическихъ совѣтовъ, не превышало въ теченіе учебнаго года семи.

2) Въ виду того, что весьма многія явленія школьной жизни имѣютъ тѣсную связь со здоровьемъ учащихся и могутъ найти въ педагогическомъ совѣтѣ правильное объясненіе лишь при содѣйствіи училищнаго врача, постановить за правило, чтобы училищный врачъ, который, по дѣйствующимъ уставамъ среднихъ учебныхъ заведеній, приглашается въ засѣданія педагогическаго совѣта лишь тогда, когда сіе признаетъ нужнымъ предсѣдатель совѣта, участвовалъ, наравнѣ съ прочими членами, во всѣхъ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта тѣхъ учебныхъ заведеній, при которыхъ установлена должность врача, съ правомъ голоса по всѣмъ вопросамъ, входящимъ въ область врачебной компетенціи.

Независимо отъ сего, я считаю нужнымъ преподать къ руководству еще слѣдующія указанія.

1) Опредѣленіе часа для начала ежедневныхъ уроковъ предоставляется усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, съ утвержденія учебно-окружнаго начальства и съ тѣмъ, чтобы начало учебныхъ занятій въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ одного и того же города было приблизительно одинаково.

2) Первая и четвертая перемѣны (промежутки между уроками) продолжаются не менѣе 10 минутъ, вторая—отъ 10 до 20 минутъ, а третья—отъ 30 до 40 минутъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, при чемъ учебнымъ заведеніямъ предоставляется право устраивать большую перемѣну въ двѣ смѣны: для младшихъ четырехъ классовъ—послѣ второго урока, а для остальныхъ — послѣ третьяго. Равнымъ образомъ педагогическимъ совѣтамъ предоставляется право съ разрѣшенія учебно-окружнаго начальства раздѣлять учебный день на два отдѣленія съ промежуткомъ между ними отъ 2 до 3 часовъ для отдыха и обѣда въ тѣхъ городахъ, гдѣ это, по мѣстнымъ условіямъ жизни, будетъ признано особенно желательнымъ, но съ тѣмъ, однако, чтобы распредѣленіе учебнаго времени въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ одного и того же города было приблизительно одинаково.

3) Къ днямъ, слѣдующимъ за воскресеньями и праздниками, учащимся не должно быть задаваемо никакихъ излишнихъ работъ, сверхъ обычной подготовки уроковъ, дабы они могли въ эти дни пользоваться дѣйствительнымъ отдыхомъ.

4) Для того, чтобы облегчить учащимся приготовленіе уроковъ и тѣмъ содѣйствовать также ихъ физическому развитію, педагогическимъ совѣтамъ предоставляется устраивать для желающихъ послѣобѣден-

ныя занятія по приготовленію уроковъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, гдѣ это будетъ возможно по мѣстнымъ условіямъ.

5) Начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній вмѣняется въ обязанность заботиться о томъ, чтобы учащіеся могли получать въ учебныхъ заведеніяхъ теплый завтракъ или, по крайней мѣрѣ, чай. Завтраки эти отпускаются за плату, доведенную до возможно незначительнаго размѣра, разсчитаннаго лишь на покрытіе издержекъ, причемъ къ участію въ послѣднихъ разрѣшается, въ случаѣ возможности, привлекать и спеціальныя средства учебнаго заведенія.

6) Въ отношеніи постановки физическихъ упражненій надлежитъ руководствоваться нижеслѣдующими началами:

а) Основнымъ цѣлямъ физическихъ упражненій—поддержанію достаточнаго запаса энергіи въ нервно-мышечной системѣ, пріученію къ выносливости, выработкѣ стройности, легкости и изящества всѣхъ движеній, развитію ловкости, находчивости и разумной увѣренности въ себѣ—всего болѣе соотвѣтствуютъ подвижныя игры; кромѣ того, въ младшемъ и среднемъ возрастѣ тѣмъ же цѣлямъ могутъ служить такъ называемыя порядковыя движенія и нѣкоторыя движенія военной гимнастики (фронтъ, маршировка), для учащихся же старшаго возраста, которые уже не склонны къ нѣкоторымъ играмъ и тяготятся военной гимнастикой, могутъ быть рекомендованы упражненія на снарядахъ, производимыя съ надлежащей осторожностью (легкія упражненія на снарядахъ допустимы, съ разрѣшенія врача, и для учащихся младшаго и средняго возраста). Желательно, далѣе, устройство отъ времени до времени школьныхъ гимнастическихъ праздниковъ и такъ называемыхъ военныхъ прогулокъ, съ тѣмъ, однако, чтобы тѣ и другія отнюдь не были продолжительны и утомительны.

б) Физическія упражненія различнаго рода, въ томъ числѣ и игры, должны производиться подъ умѣлымъ руководствомъ и притомъ по возможности на чистомъ воздухѣ, а въ дурную погоду во вполнѣ приспособленныхъ помѣщеніяхъ (большихъ залахъ, манежахъ), но никакъ не въ тѣсныхъ и пыльныхъ помѣщеніяхъ (классахъ, коридорахъ). При невозможности производить упражненія въ указанныхъ условіяхъ, они должны считаться не только безполезными, но и прямо вредными, и не должны входить въ программу занятій въ классное время.

в) Физическія упражненія должны производиться ежедневно въ продолженіе около $^1/_2$ часа, преимущественно въ срединѣ учебнаго времени, и отнюдь не на первыхъ и не на послѣднихъ урокахъ. Кромѣ

того, воспитанники, живущіе въ интернатахъ, должны посвящать играмъ и другимъ упражненіямъ на чистомъ воздухѣ нѣкоторое время по окончаніи уроковъ.

г) Помимо подвижныхъ игръ и гимнастическихъ упражненій, надлежитъ рекомендовать, въ качествѣ физическихъ упражненій, катанье на конькахъ и лыжахъ, плаваніе и греблю, ѣзду на велосипедѣ, фехтованіе, ручной трудъ, танцы, пѣніе, обученіе игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ. Однако, въ виду несчастныхъ случаевъ, въ большомъ количествѣ повторяющихся изъ года въ годъ съ школьною молодежью при совмѣстномъ катаніи на лодкахъ, надлежитъ совѣтовать настойчиво учащимся пріучать себя, изъ чувства отвѣтственности передъ родными и сопутствующими товарищами, къ соблюденію всѣхъ выработанныхъ опытомъ разумныхъ мѣръ предосторожности. При этомъ слѣдуетъ не только пояснять обстоятельно воспитанникамъ соотвѣтственныя общія правила, но и содѣйствовать установленію въ той или другой мѣстности взаимнаго соглашенія родителей относительно цѣлесообразнаго надзора за учащимися, принимающими участіе въ товарищескихъ прогулкахъ по водѣ. Ѣзда на велосипедѣ допускается лишь съ согласія училищнаго врача, а фехтованіе признается умѣстнымъ лишь для учащихся старшаго возраста. При занятіяхъ ручнымъ трудомъ школьный врачъ слѣдитъ за соблюденіемъ всѣхъ гигіеническихъ условій. Начальники учебныхъ заведеній должны прилагать всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы въ танцахъ и пѣніи принимали участіе по возможности всѣ учащіеся младшаго возраста; что касается старшаго возраста, то пѣніе желательно для всѣхъ, обладающимъ музыкальнымъ слухомъ и голосомъ; въ среднемъ возрастѣ, въ періодѣ измѣненія голоса, занятія пѣніемъ должны быть прекращаемы. Обученіе игрѣ на струнныхъ и ударныхъ инструментахъ весьма желательно; что же касается до духовыхъ инструментовъ, то игра на нихъ можетъ быть допускаема лишь какъ условіе для образованія ученическихъ оркестровъ, и при томъ не иначе, какъ подъ строгимъ контролемъ врача. Занятія танцами, пѣніемъ и игрой на музыкальныхъ инструментахъ заслуживаютъ полнаго вниманія и въ видахъ эстетическаго развитія учащихся.

Вызываемый введеніемъ этихъ занятій расходъ можетъ быть относимъ или на особый сборъ съ учащихся, или на спеціальныя средства учебныхъ заведеній. При этомъ не лишнимъ считаю напомнить указаніе, данное въ циркулярномъ предложеніи министерства отъ 15-го января 1889 г., за № 1068, по поводу введенія въ учебныхъ заве-

деніяхъ преподаванія музыки и пѣнія, а именно, что было бы позволительно приглашать къ пожертвованіямъ на этотъ предметъ мѣстныя общества и частныхъ благотворителей: въ особенности тамъ, гдѣ спеціальныя средства недостаточны.

д) Само собою разумѣется, что все сказанное о физическихъ упражненіяхъ относится лишь къ учащимся вполнѣ здоровымъ; дѣти и подростки слабые (напр., страдающіе выраженнымъ рахитизмомъ), выздоравливающіе или наклонные къ простуднымъ и другимъ заболѣваніямъ, могутъ участвовать въ нихъ не иначе, какъ съ разрѣшенія и подъ контролемъ училищнаго врача. Вообще, физическія упражненія отнюдь не должны имѣть принудительнаго характера, и при пользованіи ими слѣдуетъ строго сообразоваться съ индивидуальными особенностями учащихся; кромѣ того, физическимъ упражненіямъ долженъ быть присущъ элементъ удовольствія, безъ котораго они превращаются въ занятія безполезныя и утомительныя для учащихся. Виды физическихъ упражненій могутъ измѣняться соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, и потому педагогическимъ совѣтамъ предоставляется свобода примѣнять тѣ или другіе виды.

7) Ранцы допускаются какъ одинъ изъ способовъ ношенія учебныхъ пособій, но не считаются обязательной принадлежностью формы. При этомъ обращается вниманіе учебныхъ начальствъ на необходимость принятія надлежащихъ мѣръ къ возможному облегченію вѣса ранцевъ, въ особенности для младшаго возраста. Ношеніе учебныхъ пособій въ сумкахъ черезъ плечо воспрещается.

8) Отъ лицъ, желающихъ занять должность врача средне-учебнаго заведенія, слѣдуетъ требовать, по возможности, спеціальнаго знанія гигіены.

9) Въ число обязанностей училищнаго врача входятъ производство періодическихъ медицинскихъ осмотровъ всѣхъ учащихся (въ томъ числѣ непремѣнно всѣхъ вновь поступающихъ), постоянное наблюденіе за санитарнымъ ихъ состояніемъ, веденіе санитарныхъ листовъ каждаго учащагося въ отдѣльности и составленіе ежегоднаго отчета по санитарной части учебнаго заведенія для представленія онаго, черезъ начальника учебнаго заведенія, попечителю учебнаго округа вмѣстѣ съ годовымъ отчетомъ о состояніи учебнаго заведенія.

10) Училищнымъ начальствамъ и училищнымъ врачамъ вмѣняется въ обязанность имѣть особенно тщательное наблюденіе за случаями появленія заразныхъ заболѣваній среди учащихся, въ видахъ возможнаго огражденія учебныхъ заведеній отъ распространенія сихъ

заболѣваній. При семъ рекомендуется принимать безотлагательно всѣ необходимыя мѣры какъ по части лѣченія заболѣвшихъ, такъ и по части временнаго запрещенія доступа въ учебное заведеніе не только заболѣвшимъ, но и близкимъ къ нимъ лицамъ, могущимъ перенести заразу. Необходимо обращать вниманіе и на случаи появленія заразныхъ заболѣваній въ семействахъ должностныхъ лицъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ учащимися. При упомянутыхъ выше медицинскихъ осмотрахъ и другихъ подходящихъ обстоятельствахъ училищные врачи пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ для ознакомленія учащихся съ элементарными требованіями здравоохраненія, въ особенности въ смыслѣ охраненія себя и другихъ отъ заразныхъ заболѣваній.

11) Начальствамъ учебныхъ заведеній рекомендуется озаботиться нынѣ же, при содѣйствіи училищныхъ врачей, привлеченіемъ на тѣхъ или другихъ условіяхъ, но безъ правъ государственной службы, соотвѣтственныхъ спеціалистовъ къ надзору за состояніемъ зрѣнія и зубного аппарата у учащихся, въ предотвращеніе трудно устранимыхъ впослѣдствіи разстройствъ. Объ относящихся сюда мѣропріятіяхъ начальства учебныхъ заведеній доносятъ учебно-окружнымъ начальствамъ на предметъ полученія дальнѣйшихъ указаній касательно организаціи сего дѣла.

12) Къ числу важнѣйшихъ мѣръ здравоохраненія учащихся надлежитъ отнести поддержаніе чистоты воздуха въ школьныхъ помѣщеніяхъ. Училищныя начальства и училищные врачи обязаны прилагать всѣ мѣры къ тому, чтобы помѣщенія, занятыя учащимися, вентилировались возможно тщательнѣе, при томъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы учащіеся не подвергались риску простудиться. Въ случаѣ надобности, вопросъ о правильномъ вентилированіи школьныхъ и въ особенности классныхъ помѣщеній можетъ быть сдѣланъ предметомъ особаго обсужденія въ педагогическомъ совѣтѣ, съ доведеніемъ результатовъ сего обсужденія до свѣдѣнія учебно-окружнаго начальства.

Въ заключеніе считаю нужнымъ присовокупить нижеслѣдующее. Дружное и заботливое попеченіе о физическомъ развитіи воспитанниковъ, составляя прямую обязанность тѣхъ, кому ввѣрено руководство школьною молодежью, не должно, однако, носить такого характера, который бы порождалъ въ учащихся впечатлѣніе, будто сохраненіе здоровья слѣдуетъ признавать высшею цѣлью человѣческихъ стремленій. Надлежитъ, напротивъ того, наводить съ раннихъ лѣтъ воспитываемыхъ на мысль, что здоровье не есть достойный нрав-

ственнаго существа предметъ самоцѣльнаго наслажденія. Здоровье надобно беречь потому, что оно позволяетъ намъ выполнять наши обязанности, служить добру, прилагать къ полезному дѣлу природныя способности. Тратить неразумно здоровье грѣшно, такъ какъ силы не для того намъ даны Богомъ, чтобы мы ихъ губили. Иными словами, заботу о здоровьѣ желательно соединять въ сознаніи воспитываемыхъ не съ побужденіями чувственности или низменнаго себялюбія, а съ понятіемъ отвѣтственности передъ Богомъ и ближними, съ постепенно развиваемымъ въ юношѣ идеаломъ служенія человѣчества нравственному порядку. Только при такомъ отношеніи школы къ вопросу, она подготовитъ людей, которые, съ одной стороны, будутъ пригодны къ плодотворной дѣятельности по состоянію здоровья, съ другой же окажутся способными поступить, какъ слѣдуетъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда долгъ повелѣваетъ не щадить ни здоровья, ни даже жизни. Только при такомъ воздѣйствіи на учащихся школа будетъ приводить заботу свою о физическомъ развитіи молодежи въ сочетаніе съ тѣми воспитательными цѣлями, которыя предначертаны въ Высочайшемъ рескриптѣ 10-го іюня сего года и непрерывно стремиться къ которымъ долженъ весь учебно-воспитательный персоналъ, какъ уже мною указано въ циркулярѣ отъ 20-го іюля сего года.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для зависящихъ распоряженій по соотвѣтствующимъ учебнымъ заведеніямъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа.

4. (27-го августа 1902 года, за № 23120). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о правилахъ для студентовъ университетовъ.*

Государь Императоръ, согласно всеподданнѣйше доложенному мною заключенію состоявшагося съ Высочайшаго соизволенія особаго совѣщанія министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и путей сообщенія, за министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, завѣдывающаго текущими дѣлами сего министерства и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ, 24-го августа сего года, разрѣшить осуществленіе предположенія министерства народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы §§ 13, 14 и 15 утвержденныхъ 16-го мая 1885 года правилъ для студентовъ университетовъ во время прохожденія курса, а также соотвѣтствующія этимъ параграфамъ статьи правилъ для студентовъ тѣхъ университетовъ, на которые не распространенъ уставъ 23-го августа 1884 года, и правилъ другихъ выс-

шихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, равно какъ временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій, Высочайше одобренныя 22-го декабря 1901 года, были отмѣнены и чтобы съ начала наступающаго академическаго года были въ подлежащихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ введены въ дѣйствіе нижеслѣдующія положенія, примѣнительно къ которымъ должны быть редактированы также соотвѣтствующія мѣста правилъ для студентовъ, поскольку сіи положенія подлежатъ включенію въ правила:

а) При каждомъ курсѣ имѣетъ состоять кураторъ изъ числа преподавателей даннаго учебнаго заведенія. Кураторъ избирается совѣтомъ или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ на годичный или меньшій срокъ для руководительства студентами извѣстнаго курса, причемъ куратору предоставляется устраивать собесѣдованія съ курсомъ согласно инструкціи, вырабатываемой совѣтомъ или соотвѣтствующимъ учрежденіемъ.

б) Кураторы образуютъ комиссію, состоящую подъ предсѣдательствомъ ректора (директора), для совмѣстнаго обсужденія соотвѣтственныхъ дѣлъ, касающихся разныхъ курсовъ, факультетовъ и отдѣленій. Постановленія комиссіи должны быть направлены къ согласованію дѣйствій кураторовъ. Комиссія изъ числа своихъ членовъ выбираетъ товарища предсѣдателя. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ректоръ (директоръ) не присутствуетъ въ засѣданіяхъ комиссіи, предсѣдательствуетъ въ ней товарищъ предсѣдателя.

в) Общія собранія студентовъ всего учебнаго заведенія, равно какъ собранія студентовъ по факультетамъ или отдѣленіямъ не допускаются.

г) Собранія студентовъ по курсамъ созываются либо по распоряженію ректора (директора), либо съ согласія его по почину куратора, который въ послѣднемъ случаѣ и предсѣдательствуетъ въ собраніи.

д) На курсовыхъ собраніяхъ, въ случаѣ желанія студентовъ, допускается предсѣдательствующимъ ректоромъ (директоромъ) или кураторомъ избраніе курсовыхъ старостъ изъ числа студентовъ даннаго курса. Старосты избираются на годичный или меньшій срокъ для сношеній по дѣламъ курса съ преподавателями и администраціей даннаго учебнаго заведенія и для исполненія касающихся студентовъ подлежащаго курса порученій ректора (директора) или преподавателя-куратора.

е) Подробная инструкція относительно курсовыхъ собраній, выбора старостъ, числа послѣднихъ, порядка ихъ утвержденія и т. п. соста-

вляется совѣтомъ даннаго учебнаго заведенія или соотвѣтствующимъ совѣту учрежденіемъ.

ж) Допускается образованіе научныхъ и литературныхъ кружковъ подъ руководствомъ профессоровъ и другихъ преподавателей даннаго заведенія, согласно ходатайствамъ, представленнымъ ректору или директору отъ имени опредѣленныхъ студентовъ черезъ соотвѣтственные факультеты или отдѣленія. Уставы сихъ кружковъ, вырабатываемые подлежащими факультетами или отдѣленіями, утверждаются совѣтомъ или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ. Руководительство тѣмъ или инымъ кружкомъ возлагается факультетомъ (отдѣленіемъ), по принадлежности каѳедръ, на профессора, изъявившаго желаніе принять на себя соотвѣтственныя обязанности, или на одного изъ другихъ преподавателей, съ согласія послѣдняго. Руководительство кружками для занятія искусствами, физическими упражненіями и т. п., каковые кружки допускаются по ходатайствамъ студентовъ въ комиссію кураторовъ (п. б), ввѣряется ректоромъ (директоромъ), на основаніи постановленія комиссіи, приглашеннымъ для сего лицамъ. Вопросы объ организаціи студенческихъ библіотекъ и читаленъ, столовыхъ и чайныхъ, кассъ и т. п. разсматриваются правленіемъ, при участіи комиссіи кураторовъ.

з) Подача адресовъ, представленіе коллективныхъ прошеній, посылка депутатовъ, выставленіе объявленій безъ разрѣшенія инспекціи, устройство сборищъ, произнесеніе публичныхъ рѣчей, денежные сборы и вообще всякаго рода корпоративныя дѣйствія, не предусмотрѣнныя настоящими правилами, не допускаются.

Примѣчаніе I. Въ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, при которыхъ существовали студенческія корпораціи на законномъ основаніи, таковыя оставляются въ прежнемъ видѣ.

Примѣчаніе II. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ и на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ организація, введенная въ ноябрѣ 1901 года, можетъ быть сохранена въ той мѣрѣ, въ какой ея правила не противорѣчатъ вышеизложеннымъ, причемъ совѣтамъ обоихъ заведеній предоставляется ходатайствовать объ ея измѣненіи и дополненіи.

Сообщая вашему превосходительству объ изложенномъ для надлежащихъ распоряженій, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, представить въ министерство, въ возможно непродолжительномъ времени, съ вашимъ заключеніемъ, предположенія совѣтовъ и соотвѣтствующихъ имъ учрежденій подвѣдомственныхъ вамъ высшихъ учеб-

ныхъ заведеній о редакціи текста подлежащихъ введенію правилъ, а также текстъ той инструкціи, которая подлежитъ составленію на основаніи п.п. *а* и *е* вышеприведенныхъ положеній. Равнымъ образомъ прошу ваше превосходительство доставлять въ министерство, въ случаѣ возникновенія упоминаемыхъ въ п. *ж* научныхъ и литературныхъ кружковъ, текстъ уставовъ этихъ кружковъ.

Независимо отъ сказаннаго и въ дополненіе къ циркулярному предложенію отъ 27-го августа, за № 23119, къ каковому циркуляру былъ приложенъ экземпляръ Высочайше утвержденныхъ временныхъ правилъ о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству текстъ правилъ о взысканіяхъ, которыя могутъ быть налагаемы на воспитанниковъ сихъ учебныхъ заведеній. Съ введеніемъ профессорскаго дисциплинарнаго суда нѣтъ болѣе основанія опредѣлять въ правилахъ для студентовъ устанавливавшееся донынѣ точное соотвѣтствіе извѣстнаго наказанія тому или другому проступку. Такая регламентація стѣсняла бы только дѣятельность суда, заставляя его примѣнять одинаково ко всѣмъ провинившимся предусмотрѣнное правилами для даннаго проступка взысканіе, тогда какъ желательно тутъ, наоборотъ, предоставленіе суду широкаго простора для опредѣленія степени личной виновности каждаго изъ подсудимыхъ. Такой просторъ соотвѣтствуетъ вполнѣ основной идеѣ дисциплинарнаго суда. Помимо того, перечень наказаній, налагавшихся доселѣ на студентовъ, нуждался въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ. Съ одной стороны, представлялось цѣлесообразнымъ установить большую постепенность различныхъ взысканій, а съ другой стороны—признанъ не подлежащимъ нынѣ примѣненію арестъ въ карцерѣ, упомянутый въ п. *в* § 31 утвержденныхъ 16-го мая 1885 года правилъ для студентовъ университета во время прохожденія курса на основаніи ст. 525 т. XI ч. I св. зак. (уст. учен. учр. и учебн. зав.), изд. 1893 года. Вслѣдствіе того и въ виду ст. 19 Высочайше утвержденныхъ временныхъ правилъ о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ, временно пріостановившей также примѣненіе означенной ст. 525, было всеподданнѣйше испрошено воспослѣдовавшее 24-го августа сего года Высочайшее соизволеніе на введеніе въ дѣйствіе прилагаемыхъ правилъ о взысканіяхъ въ соотвѣтствующихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о чемъ сообщаю вашему превосходительству для надлежащихъ распоряженій.

Въ заключительныхъ словахъ препровождаемыхъ правилъ о взы-

сканіяхъ подъ выраженіемъ „новыя правила“ разумѣется совокупность не отмѣненныхъ статей прежнихъ правилъ и статей, подлежащихъ введенію въ правила на основаніи распоряженій, сообщаемыхъ въ настоящемъ предложеніи.

Считаю долгомъ своимъ высказать въ заключеніе твердую увѣренность, что профессора и другіе преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія поставятъ себѣ въ священную обязанность оправдать Высочайшее довѣріе, выразившееся въ возстановленіи профессорскаго суда и въ привлеченіи преподавателей къ ближайшему руководительству академической молодежью на почвѣ взаимнаго общенія нормально объединенныхъ учебными интересами студентовъ по дѣламъ ихъ внутренняго студенческаго обихода. Присовокупленіе возлагаемыхъ на профессоровъ задачъ къ тѣмъ, которыя они выполняютъ въ связи со своими прямыми преподавательскими обязанностями, является, безъ сомнѣнія, источникомъ новыхъ серьезныхъ трудовъ и заботъ для соотвѣтственныхъ лицъ, но испытанная преданность преподавательскаго персонала нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній интересамъ науки и любовь его къ учащимся служатъ надежнымъ ручательствомъ тому, что онъ охотно употребитъ всѣ усилія, дабы преодолѣть трудности предстоящаго ему дѣла, памятуя слова Высочайшаго рескрипта 10-го іюня 1902 года на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія:

„Я ожидаю отъ учебной администраціи и профессоровъ сердечнаго и предусмотрительнаго участія къ духовному міру ввѣренной ихъ попеченіямъ молодежи. Да помнятъ они, что во всѣхъ случаяхъ сомнѣнія, борьбы и увлеченія молодежь въ правѣ искать и находить въ своихъ руководителяхъ недостающихъ ей опыта, стойкости убѣжденій и сознанія зависимости иногда цѣлой жизни отъ одной минуты безразсуднаго увлеченія“.

Правила о взысканіяхъ, налагаемыхъ на студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

А. Дисциплинарнымъ судомъ налагаются слѣдующія взысканія: 1) замѣчаніе; 2) выговоръ; 3) лишеніе права участвовать въ курсовыхъ собраніяхъ и быть избраннымъ въ курсовые старосты; 4) переводъ на срокъ не сверхъ одного учебнаго полугодія изъ студентовъ въ вольнослушатели съ тѣмъ, что по истеченіи срока переведенный

можетъ, при безукоризненномъ поведеніи, быть обратно зачисленъ начальникомъ заведенія въ студенты съ правомъ на зачетъ ему удовлетворительныхъ учебныхъ занятій въ истекшее полугодіе, но безъ возстановленія указанныхъ въ пунктѣ 3-мъ правъ и безъ права на освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, а также на пособіе или стипендію; 5) нравственное порицаніе сверхъ наказаній, указанныхъ въ п. 3-мъ или п. 4-мъ; 6) увольненіе изъ учебнаго заведенія до начала ближайшаго или слѣдующаго за нимъ учебнаго года безъ воспрещенія немедленнаго поступленія на общемъ основаніи въ другое учебное заведеніе или съ воспрещеніемъ такого поступленія ранѣе опредѣленнаго срока; 7) удаленіе изъ даннаго учебнаго заведенія безъ срока и съ воспрещеніемъ поступленія въ другое учебное заведеніе до начала второго, послѣ текущаго, учебнаго года; 8) исключеніе изъ учебнаго заведенія безъ права поступленія и въ другія высшія учебныя заведенія.

Б. Начальникомъ высшаго учебнаго заведенія могутъ налагаться слѣдующія взысканія: 1) замѣчаніе, 2) выговоръ, 3) временное запрещеніе посѣщать учебное заведеніе, 4) предложеніе подать прошеніе объ увольненіи изъ заведенія.

Примѣчаніе. Замѣчаніе можетъ быть дѣлаемо не только начальникомъ, но и инспекторомъ учебнаго заведенія.

Означенные виды наказаній примѣняются въ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на которыя распространяются временныя правила о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ, причемъ требованія дѣйствующихъ въ сихъ заведеніяхъ правилъ о наложеніи за перечисленные въ этихъ послѣднихъ проступки опредѣленныхъ наказаній отмѣняются, но съ подтвержденіемъ наказуемости тѣхъ проступковъ, которые предусматриваются новыми правилами для студентовъ.

VI. ПОЛОЖЕНІЯ О СТИПЕНДІЯХЪ И ПРЕМІЯХЪ ПРИ ЗАВЕДЕНІЯХЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

14. (22-го апрѣля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго тайнаго совѣтника Александра Осиповича Односумова при Черниговской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи* рублей, завѣщаннаго тайнымъ совѣтникомъ А. О. Односумовымъ, учреждается

при Черниговской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Завѣщанный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ, по одной тысячѣ руб. каждое, 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія выдается изъ процентовъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ сбора въ казну на основаніи закона 20-го мая 1885 года.

§ 4. Стипендія выдается два раза въ годъ, по полугодіямъ, одному изъ бѣднѣйшихъ, но выдающихся по успѣхамъ, воспитанниковъ Черниговской гимназіи русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія и, по преимуществу, изъ непривилегированнаго сословія.

§ 5. Выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, коему предоставляется также право и лишать ученика стипендіи въ случаѣ его малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія.

§ 6. Ученикъ, оставшійся въ томъ же классѣ на второй годъ по болѣзни или по другимъ причинамъ, признаннымъ со стороны педагогическаго совѣта уважительными, не лишается стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ съ основнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

15. (4-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени сына полковника Сергія Козо-Полянскаго при Новочеркасской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу сорокъ* рублей, пожертвованнаго полковникомъ М. О. Козо-Полянскимъ и заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты и наличныхъ деньгахъ, учреждается при Новочеркасской мужской гимназіи одна стипендія имени сына жертвователя Сергія Козо-Полянскаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность Новочеркасской гимназіи и, оставаясь навсегда неприкосновен-

нымъ, хранится въ Новочеркасскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, составляютъ одну стипендію, которая употребляется для уплаты за право ученія одного изъ бѣднѣйшихъ и лучшихъ по поведенію учениковъ гимназіи, преимущественно сиротъ или полусиротъ изъ дворянъ или чиновниковъ.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Могущіе образоваться по какой-либо причинѣ остатки отъ стипендіи обращаются на нужды гимназическаго храма и на его украшеніе.

§ 6. Ежегодно 2-го октября или въ ближайшій воскресный и праздничный день въ гимназическомъ храмѣ, въ присутствіи стипендіата, должна быть совершаема панихида объ упокоеніи отрока Сергія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

16. (4-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени коллежскаго секретаря Харлампія Яковлевича Гавеловскаго при Астраханской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пять тысячъ четыреста сорокъ восемь* руб. *десять* коп., завѣщаннаго коллежскимъ секретаремъ Харлампіемъ Яковлевичемъ Гавеловскимъ, учреждаются при Астраханской мужской гимназіи двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты и наличныхъ деньгахъ, хранится въ Астраханскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Астраханской гимназіи, составляя ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну установленнаго государственнаго налога, употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ лучшихъ по способностямъ воспитанниковъ въ пособіе тѣмъ же стипендіатамъ на книги и обмундированіе.

§ 4. Если размѣръ платы за ученіе и размѣръ пособія на книги и обмундированіе будутъ менѣе размѣра стипендій, то остатокъ отъ

послѣднихъ считается собственностью стипендіатовъ и хранится по особой сберегательной книжкѣ Астраханскаго отдѣленія государственнаго банка, съ цѣлью употребленія на обмундированіе стипендіатовъ, по окончаніи ими курса гимназіи, и на проѣздъ ихъ въ высшее учебное заведеніе; если же стипендіаты будутъ лишены педагогическимъ совѣтомъ стипендій или не окончатъ курса гимназіи, или не пожелаютъ поступить въ высшее учебное заведеніе, или умрутъ, то помянутая остаточная сумма причисляется къ основному стипендіальному капиталу.

§ 5. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Астраханской гимназіи, которому предоставляется, въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ стипендіатовъ въ наукахъ или неодобрительнаго поведенія, лишить ихъ стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Если стипендіи будутъ временно вакантными, по неимѣнію кандидатовъ, то проценты причисляются къ стипендіальному капиталу.

17. (4-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи потомственнаго почетнаго гражданина Хрисанѳа Михайловича Головкова при Бердянской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 г., утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *четыре тысячи* рублей, внесеннаго вдовою потомственнаго почетнаго гражданина Ольгою Ильиничной Головковой, учреждается при Бердянской мужской гимназіи одна стипендія имени покойнаго мужа жертвовательницы Хрисанѳа Михайловича Головкова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляетъ неприкосновенную собственность Бердянской мужской гимназіи и хранится въ Бердянскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ сей гимназіи.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются въ пособіе одному изъ учениковъ Бердянской гимназіи, который именуется стипендіатомъ Х. М. Головкова.

§ 4. Остатки отъ процентовъ, могущіе образоваться вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ, причисляются къ

стипендіальному капиталу для увеличенія его и, по накопленіи, обращаются въ процентныя бумаги, доходъ съ которыхъ выдается стипендіату.

§ 5. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Бердянской гимназіи изъ числа бѣдныхъ учениковъ ея, лучшихъ по успѣхамъ въ ученіи и по поведенію, православнаго исповѣданія и родившихся въ городѣ Бердянскѣ.

§ 6. Если въ числѣ учениковъ гимназіи окажется одинъ или нѣсколько родственниковъ покойнаго Х. М. Головкова, нуждающихся въ стипендіи, то таковая предоставляется ближайшему родственнику; реимущественное же право имѣетъ болѣе нуждающійся.

§ 7. Стипендія назначается ученику на все время обученія его въ гимназіи до окончанія курса.

§ 8. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неуспѣшности въ ченіи по недостаточности прилежанія, стипендіатъ лишается стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 10. Если гимназія будетъ когда-либо преобразована въ учебное заведеніе другого типа, то стипендія остается при послѣднемъ.

18. (8-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи при Астраханскомъ реальномъ училищѣ имени сына дѣйствительнаго статскаго совѣтника Леонида Петрова.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу сто* руб., пожертвованнаго въ 1902 году женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Евгеніею Ѳедоровною Петровою въ память умершаго сына ея Леонида, учреждается при Астраханскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія, съ наименованіемъ ея стипендіей имени Леонида Петрова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ Астраханскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда еприкосновеннымъ.

§ 3. Право назначенія стипендіата принадлежитъ пожизненно учредительницѣ стипендіи Е. Ѳ. Петровой, а затѣмъ переходитъ къ старшей дочери ея Еленѣ и сыну Павлу; послѣ же ихъ смерти—педагогическому совѣту названнаго училища. Стипендіаты назначаются изъ учениковъ Астраханскаго реальнаго училища, лучшихъ по успѣхамъ

и поведенію, православнаго вѣроисповѣданія, изъ числа дѣтей недостаточныхъ родителей дворянъ и чиновниковъ.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ 5% государственнаго сбора, вносятся за право ученія стипендіата.

§ 5. Педагогическій совѣтъ можетъ, съ согласія поименованныхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ назначеніе стипендіатовъ (§ 3 сего положенія), лишить ученика стипендіи за дурное поведеніе и неудовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

§ 6. Стипендіатъ, остающійся въ томъ же классѣ на другой годъ по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, не лишается стипендіи.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіальнаго капитала присоединяются къ оному и не расходуются впредь до могущаго послѣдовать увеличенія платы за ученіе въ реальномъ училищѣ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

19. (17-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени Николая Васильевича Гоголя при Кіевской 1-й гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *пять тысячъ* руб., пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ Кіевской 1-й гимназіи Александромъ Николаевичемъ Терещенко, учреждается при Кіевской 1-й гимназіи стипендія имени Николая Васильевича Гоголя, въ память пятидесятилѣтія со дня его смерти.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Кіевской 1-й гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ оной, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе одного воспитанника Кіевской 1-й гимназіи. Остальныя процентныя деньги съ пожертвованнаго капитала, за время пользованія ученикомъ стипендіей, выдаются стипендіату по окончаніи имъ полнаго курса Кіевской 1-й гимназіи по частямъ въ видѣ пособій по полтораста руб. въ полугодіе, при условіи

поступленія стипендіата въ высшее учебное заведеніе и пребыванія въ немъ для учебныхъ занятій.

§ 4. Могущіе почему-либо образоваться остатки причисляются къ пожертвованному капиталу. Если такимъ образомъ пожертвованный капиталъ увеличится вдвое, то педагогическому совѣту гимназіи предоставляется право выбирать двухъ стипендіатовъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ § 5.

§ 5. Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣдныхъ учениковъ двухъ младшихъ классовъ Кіевской 1-й гимназіи, русскій подданный, православнаго исповѣданія, изъ уроженцевъ Кіевской, Полтавской или Черниговской губерній, отличающійся благонравіемъ и хорошими успѣхами.

Примѣчаніе. Жертвователю или педагогическому совѣту гимназіи предоставляется право лишить стипендіата пособія или стипендіи, если онъ перестанетъ удовлетворять требованіямъ относительно успѣховъ и поведенія.

§ 6. Выборъ стипендіата принадлежитъ жертвователю Александру Николаевичу Терещенко, послѣ же его смерти право это переходитъ къ педагогическому совѣту Кіевской 1-й гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

20. (11-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго Таврическаго губернатора, шталмейстера двора Его Императорскаго Величества, сенатора Петра Михайловича Лазарева при Симферопольскомъ Императора Николая II-го реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. При Симферопольскомъ Императора Николая II-го реальномъ училищѣ учреждается стипендія бывшаго Таврическаго губернатора, шталмейстера двора Его Императорскаго Величества, сенатора П. М. Лазарева, обезпечиваемая ежегодньмъ ассигнованіемъ изъ средствъ Симферопольскаго купеческаго общества *пятидесяти* рублей.

§ 2. Стипендія употребляется на взносъ платы за ученіе одного изъ нуждающихся учениковъ Симферопольскаго Императора Николая II-го реальнаго училища, изъ дѣтей обѣднѣвшихъ купеческихъ семей г. Симферополя.

Примѣчаніе. Стипендіатъ назначается Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ, по соглашенію съ педагогическимъ совѣ-

томъ Симферопольскаго Императора Николая II-го реальнаго училища.

§ 3. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ, стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища и по соглашенію съ Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ.

§ 4. Въ случаѣ преобразованія Симферопольскаго Императора Николая II-го реальнаго училища, ассигнуемыя на сію стипендію деньги, съ тѣмъ же назначеніемъ, могутъ быть переданы и другому среднему учебному заведенію, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ.

21. (26-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Антона Савельевича и Матроны Григорьевны Лаврецовыхъ при Нарвской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи двѣсти* рублей, пожертвованнаго нарвскимъ купцомъ Сергѣемъ Антоновичемъ Лаврецовымъ, учреждаются при Нарвской мужской гимназіи двѣ стипендіи родителей его Антона Савельевича и Матроны Григорьевны Лаврецовыхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, по тысячѣ руб. каждое, и двухъ по сто руб. каждое, хранится въ Ямбургскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ избранныхъ стипендіатовъ, а остатокъ выдается на руки стипендіатамъ на покупку учебныхъ пособій.

§ 4. Въ стипендіаты избираются два изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи православнаго исповѣданія, отличающіеся безукоризненнымъ поведеніемъ и удовлетворительными успѣхами.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется пожизненно Сергѣю Антоновичу Лаврецову, а затѣмъ женѣ его Глафирѣ Александровнѣ Лаврецовой; по смерти послѣдней право это переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Стипендіатъ, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности, если таковая не зависѣла отъ болѣзни или какихъ-либо другихъ уважительныхъ причинъ, можетъ быть лишенъ стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи, и вмѣсто него избирается жертвователемъ или его женою другой достойный ученикъ, съ утвержденіемъ таковаго выбора педагогическимъ совѣтомъ.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Нарвской мужской гимназіи въ учебное заведеніе другого типа, означенныя стипендіи переходятъ въ это новое учебное заведеніе для употребленія согласно сему положенію.

22. (19-го іюля 1902 года). *Положеніе о пяти стипендіяхъ имени Антіоха Александровича Бантыша при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ учреждается пять стипендій имени Антіоха Александровича Бантыша, каждая въ размѣрѣ одной пятой части ежегоднаго дохода, получаемаго съ капитала въ *пятьдесятъ двѣ тысячи двѣсти* рублей, заключающагося въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, для малоимущихъ дворянъ нижепоименованныхъ губерній и уѣздовъ, безъ различія факультетовъ.

§ 2. Одна стипендія предоставляется въ распоряженіе Курскаго дворянскаго депутатскаго собранія, преимущественно для дворянъ Бѣлгородскаго уѣзда; одна въ распоряженіе Воронежскаго дворянскаго депутатскаго собранія, преимущественно для дворянъ Валуйскаго уѣзда; одна въ распоряженіе Екатеринославскаго дворянскаго депутатскаго собранія, въ пользу преимущественно дворянъ Бахмутскаго уѣзда, и двѣ въ распоряженіе Харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранія, для дворянъ преимущественно Изюмскаго уѣзда.

§ 3. Стипендіи предоставляются обучающимся въ университетѣ или вновь вступающимъ въ него малоимущимъ дворянамъ и независимо отъ успѣховъ и отмѣтокъ по поведенію.

§ 4. Студенты дворяне, вышеупомянутыхъ уѣздовъ, которымъ будетъ предоставлена стипендія, продолжаютъ пользоваться ею во

все время пребыванія въ университетѣ, до окончанія въ немъ курса, или до увольненія изъ него; студенты же дворяне прочихъ уѣздовъ, помянутыхъ губерній, пользуются стипендіей въ теченіе срока, на какой эта стипендія будетъ имъ предоставлена дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендій остатки, употребляются правленіемъ университета на уплату за право слушанія лекцій малоимущихъ студентовъ дворянъ уѣздовъ: Бѣлгородскаго, Валуйскаго, Бахмутскаго и Изюмскаго.

§ 7. Правленіе Императорскаго Харьковскаго университета сообщаетъ подлежащимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ объ окончаніи курса студентомъ, получающимъ стипендію, или о выбытіи его изъ университета.

23. (14-го августа 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Федоровича Досса при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала, пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ И. Ф. Доссомъ въ размѣрѣ *10.000* рублей, учреждается при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ стипендія имени жертвователя для студента, изучающаго политическую экономію или финансы.

> *Примѣчаніе.* Означенный капиталъ въ процентныхъ бумагахъ хранится въ Юрьевскомъ казначействѣ въ составѣ спеціальныхъ средствъ университета по отдѣленію 4-му: „Проценты съ пожертвованныхъ и другихъ капиталовъ“.

§ 2. Избраніе стипендіата предоставляется юридическому факультету Юрьевскаго университета по представленію преподавателей политической экономіи или финансоваго права по очереди.

Въ случаѣ отсутствія кандидата у преподавателя политической экономіи очередь переходитъ къ преподавателю финансоваго права и на оборотъ. Срокъ стипендіи всякій разъ по представленіямъ преподавателей опредѣляется постановленіемъ факультета.

§ 3. Въ случаяхъ, когда указанные въ п. 2-мъ преподаватели не

имѣютъ въ виду подходящихъ кандидатовъ, факультетъ по представленію преподавателей назначаетъ темы по политической экономіи или по финансовому праву для соисканія наградъ по установленнымъ для сего правиламъ. Студенты, удостоенные наградъ за сочиненія по этимъ темамъ, баллотируются въ стипендіаты, по выслушаніи отзыва преподавателя по принадлежности.

§ 4. Объ избранныхъ стипендіатахъ факультетъ доводитъ до свѣдѣнія совѣта и правленія.

§ 5. О своихъ занятіяхъ, коими руководятъ преподаватели политической экономіи или финансоваго права, стипендіатъ ежегодно даетъ отчетъ юридическому факультету.

§ 6. Стипендіатъ, въ случаѣ установленной по представленіямъ преподавателей, руководящихъ занятіями, неуспѣшности, можетъ по постановленію факультета быть лишенъ стипендіи и до истеченія срока, на какой стипендія назначена, съ сообщеніемъ о томъ совѣту и правленію.

§ 7. Проценты, наросшіе въ теченіе времени, когда стипендія никому не выдавалась, не причисляются къ основному капиталу, а образуютъ особый фондъ, изъ котораго каждый разъ по представленіямъ преподавателей политической экономіи или финансоваго права по постановленію факультета производятся расходы въ выдачу наградъ, на поѣздки стипендіатовъ съ научной цѣлью и вообще на всякія другія учебныя потребности стипендіатовъ.

24. (15-го августа 1902 года). *Правила о пользованіи капиталомъ коллежскаго секретаря Николая Васильевича Эндиміонова при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

(Утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. г. товарищемъ министра).

§ 1. На пожертвованный коллежскимъ секретаремъ Н. В. Эндиміоновымъ капиталъ *400* руб., заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, учреждается при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ пособіе имени жертвователя для бѣднѣйшихъ студентовъ всѣхъ факультетовъ, христіанскихъ вѣроисповѣданій.

§ 2. Указанный въ параграфѣ 1 капиталъ въ *400* руб. составляетъ неприкосновенный фондъ, изъ процентовъ съ котораго выдается пособіе имени Н. В. Эндиміонова.

§ 3. Пособіе имени Н. В. Эндиміонова назначается правленіемъ

университета разъ въ годъ при назначеніи студентамъ стипендій въ размѣрѣ, но усмотрѣнію правленія, не выше суммы накопившихся %.

§ 4. Пособіе имени Н. В. Эндиміонова не связано ни съ какими обязательствами для студентовъ.

VII. УКАЗАНІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОГРАММЪ ПРЕПОДАВАНІЯ ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ И ГИМНАЗІЯХЪ НА 1902—1903 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

а) Реальныя училища.

Преподаваніе *Закона Божія, русскаго языка, математики и черченія* должно происходить во всемъ согласно учебнымъ планамъ и примѣрнымъ программамъ 1895 г.

Преподаваніе *географіи* въ первомъ и второмъ классахъ также должно происходить во всемъ согласно учебнымъ планамъ и примѣрнымъ программамъ 1895 года. Что же касается третьяго класса, то, въ виду того обстоятельства, что въ 1901—1902 учебномъ году во 2 классѣ не полагалось проходить краткій очеркъ географіи Россіи, необходимо пройти во всѣхъ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ этотъ курсъ не былъ пройденъ, въ 3-мъ классѣ краткое обозрѣніе Россійской Имперіи, при чемъ, въ случаѣ невозможности вслѣдствіе этой прибавки выполнить программу этого класса, разрѣшается перенести не пройденное въ курсъ IV класса, гдѣ представляется болѣе возможности выполнить намѣченный курсъ. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ 3-мъ классѣ которыхъ въ 1901 — 1902 учебномъ году проходилась географія Россіи, въ 1902—1903 учебномъ должна быть проходима географія Европы.

При преподаваніи *исторіи* и *естествовѣдѣнія* въ I и II классахъ надлежитъ придерживаться основныхъ началъ, указанныхъ въ конспектѣ учебнаго плана 1901 года. Въ качествѣ пособія при преподаваніи эпизодическаго курса исторіи преподавателямъ этого предмета могутъ быть предложены прилагаемыя примѣрныя программы и объяснительныя къ нимъ записки, выработанныя комиссіей генералъ-адъютанта Ванновскаго, при чемъ попечительскимъ совѣтамъ учебныхъ округовъ, находящихся на окраинахъ Россіи, предоставляется право рѣшать вопросъ о прохожденіи или опущеніи тѣхъ отдѣловъ

русской исторіи, которые имѣютъ особое мѣстное значеніе, съ замѣною опущеннаго другимъ матеріаломъ.

Въ 3-мъ и дальнѣйшихъ классахъ преподаваніе указанныхъ предметовъ надлежитъ вести, вполнѣ слѣдуя учебнымъ планамъ и примѣрнымъ программамъ 1895 года.

Для преподаванія *рисованія* въ 1-мъ и 3-мъ классахъ остается программа 1895 года, которая можетъ быть выполнена въ существенныхъ ея чертахъ. Программа по рисованію во 2-мъ классѣ должна быть сокращена, а именно рисованіе съ простыхъ тѣлъ съ тушевкою должно быть перенесено въ 3-й классъ.

Нѣмецкій языкъ въ 1-мъ и 3-мъ классахъ преподается по учебнымъ планамъ 1895 года. Во 2-мъ классѣ курсъ по грамматикѣ долженъ быть сокращенъ, а именно: изъ него, кромѣ курса 1-го класса, должны остаться только пункты *в* и *г* программъ 1895 г., т. е. мѣстоименія возвратныя и неопредѣленныя и спряженіе глаголовъ; въ такомъ случаѣ даже ученики, которые будутъ учиться языку лишь одинъ годъ во второмъ классѣ при 6 урокахъ, будутъ въ силахъ пройти положенный въ I и II классахъ курсъ, при условіи обращенія главнаго вниманія на лексическую сторону и практическое примѣненіе ихъ знаній.

Французскій языкъ. Во 2-мъ классѣ, при увеличенномъ числѣ уроковъ, возможно, не увеличивая теоретической части курса, обратить большее вниманіе на лексическій матеріалъ и практическое его примѣненіе, вслѣдствіе чего знанія учениковъ 2-го класса при переходѣ въ 3-ій классъ, могутъ быть нѣсколько большими, чѣмъ требуется по учебнымъ планамъ 1895 года. Въ 3-мъ классѣ представляется возможнымъ пройти по французскому языку даже нѣсколько больше, чѣмъ требовалось во 2-мъ классѣ по учебнымъ планамъ 1895 года.

Что касается метода преподаванія новыхъ языковъ, то, имѣя въ виду, что рекомендованный для младшихъ классовъ конспектомъ учебнаго плана 1901 года такъ называемый натуральный методъ можетъ быть съ успѣхомъ примѣняемъ лишь при наличности вполнѣ подготовленныхъ къ соотвѣтственному веденію дѣла преподавателей и при томъ главнымъ образомъ, только при небольшихъ группахъ учащихся, признано возможнымъ, не дѣлая этого метода обязательнымъ, предоставить примѣненіе его усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ по соображенію съ условіями, въ какихъ находится каждое данное учебное заведеніе.

б) Гимназіи и прогимназіи.

Въ 1 и 2 классахъ гимназій преподаваніе всѣхъ предметовъ должно происходить по программамъ, установленнымъ на 1902—1903 учебный годъ для тѣхъ же классовъ реальныхъ училищъ. Для прочихъ классовъ остаются программы 1890 и 1900 г.г. съ нѣкоторыми отступленіями, указанными ниже. Именно, прибавленный по новой таблицѣ одинъ урокъ *русскаго языка* въ IV классѣ можетъ быть съ пользою употребленъ на практическія упражненія, устныя и письменныя, при чемъ учебный планъ этого предмета можетъ быть предложенъ въ слѣдующемъ видѣ:

1) систематическое повтореніе всей этимологіи и синтаксиса русскаго языка со сводомъ всѣхъ правилъ о знакахъ препинанія;

2) ознакомленіе учащихся съ періодическою рѣчью посредствомъ чтенія образцовъ;

3) краткая грамматика древняго церковно-славянскаго языка съ разборомъ славянскихъ формъ, необходимыхъ для уясненія нѣкоторыхъ формъ рускаго языка; чтеніе и переводъ Остромирова Евангелія. Практическія упражненія, сверхъ указанныхъ, могутъ состоять въ этомъ классѣ въ устной и письменной передачѣ прочитанныхъ и разученныхъ наизусть учениками болѣе сложныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній по плану, выработанному подъ руководствомъ учителя самими учащимися, а также въ диктовкахъ и въ составленіи небольшихъ описаній по плану, предложенному учителемъ.

Предлагаемый ниже учебный планъ по *латинскому языку* для 3-го класса составленъ такъ, какъ если бы ученики этого класса съ латинскимъ языкомъ незнакомы были вовсе; это признано необходимымъ потому, что латинскій языкъ явится безусловно новымъ для всѣхъ тѣхъ учениковъ, которые въ 1901—1902 учебномъ году поступили прямо во 2-ой классъ, и для тѣхъ, кто въ 1902—1903 учебномъ году поступитъ въ 3-й классъ. Да и тѣ ученики, которые изучали латинскій языкъ въ 1-мъ классѣ, во время годичнаго перерыва въ его изученіи во 2-мъ классѣ, безъ сомнѣнія, успѣли его позабыть въ значительной мѣрѣ, съ послѣдствіями чего нельзя не считаться. Такимъ образомъ, программа по латинскому языку въ 3-мъ классѣ устанавливается въ слѣдующемъ видѣ:

„Склоненіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Главнѣйшія особенности въ склоненіи именъ. Степени сравненія прила-

гательныхъ и главнѣйшія ихъ неправильности. Образованіе нарѣчій и ихъ степени сравненія. Числительныя количественныя и порядковыя (до 1.000). Склоненіе мѣстоименій личныхъ, возвратнаго, притяжательныхъ, указательныхъ, относительнаго и вопросительныхъ. Спряженіе правильныхъ глаголовъ и sum съ сложными".

„Чтеніе латинской хрестоматіи".

Учебный планъ по латинскому языку въ IV классѣ остается одинъ и тотъ же, какъ въ гимназіяхъ съ обоими древними языками въ этомъ классѣ, такъ и въ гимназіяхъ съ однимъ латинскимъ языкомъ, несмотря на разницу въ числѣ уроковъ, при чемъ, однако, уменьшеніе (съ 5 на 4) уроковъ латинскаго языка въ гимназіяхъ съ обоими древними языками должно вызвать необходимость сократить нѣсколько количество читаемыхъ статарно латинскихъ текстовъ.

Программа по *греческому языку*.

4-й классъ (въ гимназіяхъ съ обоими древними языками въ этомъ классѣ). Склоненіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Степени сравненія прилагательныхъ. Образованіе нарѣчій и ихъ степеней сравненія. Мѣстоименія. Спряженіе глаголовъ чистыхъ и вспомогательнаго.

Чтеніе греческой хрестоматіи.

5-й классъ (въ гимназіяхъ съ однимъ латинскимъ языкомъ въ четвертомъ классѣ). Вышеозначенная программа для 4-го класса съ слѣдующими добавленіями: спряженіе глаголовъ нѣмыхъ и плавныхъ. Ознакомленіе учениковъ съ глаголами на μι по мѣрѣ надобности, при чтеніи Анабазиса во второмъ полугодіи.

Изъ *географіи* въ 3-мъ и 4-мъ классахъ проходится географія Европы по планамъ и программамъ 1890 г. (курсъ 3-го класса), такъ какъ ученики 4-го класса, согласно временнымъ программамъ 1901 года, въ 3-мъ классѣ изучали курсъ географіи Россіи, курсъ же географіи Европы остался у нихъ не пройденнымъ.

Въ тѣхъ немногихъ гимназіяхъ, гдѣ въ 3-мъ классѣ въ 1901—1902 учебномъ году проходилась географія Европы, въ 1902—1903 учебномъ году должна проходиться географія Россіи.

Назначенные въ 3-мъ классѣ гимназій 2 урока по *естествовѣдѣнію* имѣютъ цѣлью дать учащимся возможность закончить пропедевтическій курсъ этого предмета, начатый въ 1901—1902 учебномъ году въ 1 и 2 классахъ, по програмѣ, предложенной въ означенномъ году.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

I. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Kalina, P. I.* Die deutsche Handels-Korrespondenz theoretisch und praktisch dargestellt. Warschau. 1901. Стр. 339+I. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ).

б) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Барсуковъ, Николай.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 16-я. С.-Пб. 1902. Стр. X+602. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Богдановъ, М. Н.* Голуби, галки, аисты и другія птицы. (Библіотека для дѣтей и для юношества подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1902. Стр. 26. Цѣна 10 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Богдановъ, М. Н.* Изъ русской природы. Въ колосистой ржи. Разсказъ. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Стр. 31. Цѣна 10 к.“ (для младшаго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Вагнеръ, Ю.* Разсказы о томъ, какъ устроены и какъ живутъ растенія. № 419. М. 1901. Стр. 62+1. Цѣна 18 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Красницкій, А. И.* Жестокое испытаніе. Бытовая повѣсть. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1901. Стр. 192. Цѣна 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Мальчевскій, И. Л.*, и *А. Г. Якобсонъ*. Рядъ простѣйшихъ опытовъ для начальнаго обученія. (Воздухъ.—Вода.—Горѣніе). Изданіе Подвижного Музея учебныхъ пособій. С.-Пб. 1901. Стр. 62. Цѣна 30 коп." (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Нелидовъ, Ѳ. А.* Н. Островскій и его дореформенные типы. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1901. Стр. 44. Цѣна 20 коп." (для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Порьцкій, С. А.* Друзья растеній. Разсказы о дружбѣ растеній съ животными. (Библіотека для дѣтей и для юношества подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1902. Стр. 145. Цѣна 50 коп." (также въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ и городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Руководство къ зоологическимъ экскурсіямъ и собранію зоологическихъ коллекцій. Составлено комиссіей для изслѣдованія фауны Московской губерніи подъ ред. *Г. А. Кожевникова*. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 182. Цѣна 1 р." (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, признавъ при этомъ желательнымъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи цѣна книжки была понижена).

— „*Уэлльсъ*. Борьба міровъ. Романъ. Съ англійскаго переводъ *К. К. Толстого*. Изданіе ред. „Новаго журнала иностранной литературы". С.-Пб. 1898. Стр. 317+II. Цѣна 50 коп." (для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Уэлльсъ*. Невидимый. Диковинный романъ. Съ англійскаго переводъ *О. М. Соловьевой*. Изданіе ред. „Новаго журнала иностранной литературы". С.-Пб. 1901. Стр. 299+2. Цѣна 75 коп." (для средняго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Элліотъ, Джоржъ*. Золотые кудри. Переводъ съ англійскаго *Е. Б.* (Библіотека для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1901. Стр. 154. Цѣна 70 коп., въ папкѣ 90 коп." (для средняго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Въ досужій часъ. Дѣтскій альма-

нахъ. Изданіе книжнаго магазина Лидертъ. М. 1901. Стр. IV+207. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для младшихъ классовъ, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки-читальни (въ дѣтскій отдѣлъ).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Bonwetsch, R.* Deutsche Grammatik für Realschulen. Jurjew (Dorpat). 1902. I Teil. Etymologie. Стр. 64. Цѣна 30 коп.—II Teil. Syntax. Стр. 30. Цѣна 20 коп.“ (для реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ онѣ были тщательно исправлены какъ относительно содержанія правилъ, такъ и относительно ихъ изложенія).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „*В. Шекспиръ.* Трагедія о Гамлетѣ принцѣ датскомъ. Переводъ *К. Р.* С.-Пб. Часть I. 1899. Стр. 461.—Часть II. 1900. Стр. 224.—Часть III. 1901. Стр. 305+LIV.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и вмѣстѣ съ тѣмъ признать заслуживающимъ рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго распоряженія министерства, особому вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для пріобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки и для выдачи учащимся въ награду за отличные успѣхи и поведеніе.

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга 16-я. С.-Пб. 1902. Стр. X+602. Цѣна 2 р. 50 коп.“—признать заслуживающею рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго предложенія министерства, вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки сихъ заведеній.

IX. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Преображенскій, А.* 1) Начальная русская грамматика. Изданіе 2-е, испр. и дополн., В. В. Думнова. М. 1896. Стр. 81. Цѣна 20 коп.—2) Краткая грамматика новаго церк.-славянскаго языка. Изданіе 5-е, В. В. Думнова. М. 1899. Стр. VI+84. Цѣна 30 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Акбройтъ, С. Г.* 1) Растительный міръ въ школьномъ зданіи. Ящики съ живыми экземплярами. 2-е дополн. изданіе. Одесса. 1902. Стр. 6+1. Цѣна 5 коп.—2) Пропедевтика всѣхъ выдающихся ремеслъ, какъ необходимый элементъ воспитанія въ начальной школѣ. 2-е испр. изданіе. Одесса. 1902. Стр. 33. Цѣна 15 коп.“

— „*Крыштофовичъ, Ѳ.* Сушеніе фруктовъ на солнцѣ и приготовленіе изюма. Изданіе П. П. Сойкина (Сельскохозяйственная библіотека). С.-Пб. 1900. Стр. 79. Цѣна 50 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Потѣхинъ, П. Б.* 1) Памяти Аполлона Николаевича Майкова. Стихотворенія. С.-Пб. 1897. Стр. 15.—2) Памяти Александра Сергѣевича Пушкина. С.-Пб. 1899. Стр. 14. Цѣны не обозначены.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Спасскій, В. П.* Лѣкарственныя растенія древесныя и кустарныя. Составл. по сочиненію Х. Егера (Der Apotekergarten). Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1900. Стр. 117+III. Цѣна 20 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Фромъ, Вѣра*. Константинопольскія собаки или Два друга. Изданіе торгов. дома «С. Курнингъ и К°». М. 1901. Стр. 34. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп.“

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Балобанова, Е*. Рейнскія легенды. 3-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 112. Цѣна 1 р.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, съ условіемъ значительнаго пониженія цѣны ея при слѣдующемъ изданіи).

— „*Васинъ, П*. Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Гоголь, Н. В*. Сочиненія. Редакція *А. Г. Филонова*. Изданіе И. С. Аскарханова. С.-Пб. 1902. 1) Полное собраніе въ 2 томахъ. Т. I. Стр. XXXI+910.—Т. II. Стр. 1086. Цѣна за 2 тома 95 коп.—2) Избранныя сочиненія въ 1 томѣ. Стр. XXXI+910. Цѣна 50 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Граниковъ, Михаилъ*. Разговоръ священника съ прихожаниномъ противъ леченія заговорами. Изданіе 3-е, Н. Л. Тузова. С.-Пб. 1894. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Засодимскій, П*. Шахъ Надиръ и мудрецъ Али Керимъ. (Восточное сказаніе). Изданіе торгов. дома «С. Курнингъ и К°». М. 1901. Стр. 27. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп.“

— „*Кольцовъ, А. В*. Стихотворенія. Подъ ред. *К. Говорова*. Изданіе 2-е, И. С. Аскарханова. С.-Пб. 1900. Стр. 71. Цѣна 10 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Митропольскій, Ив*. Сторожъ и другіе разсказы. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 63. Цѣна 30 коп.“

д) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Елиновъ, Н. Н*. Батюшка въ селѣ. Вятка. 1899. Стр. 60+III. Цѣна 5 коп.“

— „*Буссенаръ, Л.* Ледяной адъ. Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ [Приключенія на сушѣ и на морѣ]). С.-Пб. 1901. Стр. 208. Цѣна 50 коп.“

— „*Герштеккеръ, Фр.* Луговые разбойники. Романъ въ 2 частяхъ. Часть I. Подъ личиною рясы.—Часть II. Законъ Линча. Изданіе П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ [Приключенія на сушѣ и на морѣ]). С.-Пб. 1901. Стр. 160+157. Цѣна за обѣ части 75 коп.“

— „*Желиховская, В. П.* Кавказскія легенды. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1901. Стр. 175. Цѣна 1 р. 75 к.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Жуковскій.* Иллюстрированная библіотека соч. В. А. Жуковскаго. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1902. № 1. Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. Стр. 24. Цѣна 3 коп.—№ 8. Наль и Дамаянти. Стр. 112. Цѣна 10 коп.—№ 9. Ундина. Стр. 120. Цѣна 12 коп.—№ 10. Орлеанская дѣва. Стр. 159. Цѣна 15 коп.—№ 11. Рустемъ и Зорабъ. Стр. 148. Цѣна 15 коп.—№ 12. Избранныя баллады. Стр. 112. Цѣна 12 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Какъ жилъ В. А. Жуковскій и что онъ писалъ. (Дешевыя изданія Т-ва И. Д. Сытина. Подъ ред. *П. В. Тулупова*). М. 1902. Стр. 53. Цѣна 6 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Уйда.* Плодовый садъ. Разсказъ. Переводъ *Е. С. Некрасовой.* Изданіе книжн. маг. С. Курнинъ и К°. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Ферри, Габріэль.* Лѣсной бродяга. Въ 3 томахъ. Томъ I. Искатель приключеній. Стр. 272.—Томъ II. Красный карабинъ. Стр. 269.—Томъ III. Орелъ снѣжныхъ горъ. Стр. 253. Изданіе П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ [Приключенія на сушѣ и на морѣ]). С.-Пб. 1900. Цѣна за 3 тома 1 р. 25 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Виноградовъ, И. С.* Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ училищъ. 3-е испр. и дополн. изданіе, В. В. Думнова. Вып. I. Задачи для устнаго и письменнаго рѣшенія на простыя числа. М. 1898. Стр. 4+136. Цѣна 30 коп.—Выпускъ II. Задачи для устнаго

и письменнаго рѣшенія на составныя именованныя числа. М. 1899. Стр. IV+72. Цѣна 20 коп.—Выпускъ III. Ариѳметика и задачи для устнаго и письменнаго рѣшенія на дроби. М. 1899. Стр. 88. Цѣна 20 коп." (съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета, былъ опущенъ въ III-мъ выпускѣ весь I-й отдѣлъ—«Ариѳметика»—а также была назначена цѣна за задачникъ не выше той, которая была объявлена за 1-е и 2-е его изданіе (50 коп.).

— „*Гречушкинъ, С. И.* Русская и церковно-славянская азбука. М. 1901. Стр. 60. Цѣна 15 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее ея изданіе было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Мироновъ, П.* Учебникъ геометріи. 3-е улучшенное изданіе, В. В. Думнова. М. 1899. Часть 1-я. Стр. 132+III+14 табл. чертежей. Цѣна 40 коп. съ перес.—Часть II-я. Стр. 149+III. Цѣна 40 коп." (для городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было тщательно исправлено, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Сосновскій, Алексѣй.* Методика предметовъ обученія въ начальной школѣ. Изданіе 2-е, испр. и дополн. Новочеркаскъ. 1901. Стр. 350+30. Цѣна 1 р." (съ тѣмъ, чтобы слѣдующее ея изданіе было исправлено, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Терешкевичъ, А. А.* Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ по типамъ. Изданіе 6-е, дополн., К. П. Тихомирова. М. 1901. Стр. 110+II. Цѣна 30 коп." (въ учительскія и ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты къ руководству замѣчанія ученаго комитета).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Городцевъ, А.* Сборникъ церковныхъ пѣснопѣній для народнопѣвческихъ хоровъ. Изданіе Пермскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Москва. Стр. 69. Цѣна 30 коп."

(также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Русскіе писатели. Маленькая хрестоматія. V. Изданіе Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1900. Стр. 64. Цѣна 10 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

X. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. временно-исправляющимъ обязанности товарища министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу *В. И. Спасскаго*: „Защита сельскихъ угодій живыми изгородями и лѣсными опушками. Изданіе *К. Тихомирова*. Москва. 1901 г., цѣна 10 коп." — допустить въ библіотеки сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ.

— Книги *Н. Корнакова*: 1) „Краткій практическій курсъ геометрическаго черченія и землемѣрія въ связи съ необходимыми свѣдѣніями по геометріи. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1901 года. Цѣна 50 коп." и 2) „Приборы и пособія, необходимые для уроковъ геометрическаго черченія и краткаго курса землемѣрія въ народныхъ школахъ. Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1901 года. Цѣна 50 коп." — допустить въ ученическія библіотеки промышленныхъ училищъ, 3) „Необходимость для сельскаго населенія знаній по геометріи въ примѣненіи ихъ къ землемѣрію и ремесламъ" — допустить въ фундаментальныя библіотеки тѣхъ же училищъ и 4) „Извлеченіе квадратныхъ и кубиче-

скихъ корней отъ 1 до 1000. С.-Петербургъ. 1900 г. Цѣна 30 коп."— допустить въ названныя учебныя заведенія въ качествѣ учебнаго пособія.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Начальствомъ Московскаго учебнаго округа разрѣшено открыть съ 1902 — 1903 учебнаго года VIII педагогическій классъ съ годичнымъ курсомъ при Тульской 2-й женской гимназіи.

— 31-го марта 1902 года въ с. Янковкѣ, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи, открыто одноклассное министерское училище при 67 учащихся.

МИНСКІЙ ДЕПАРТАМЕНТЪ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

(Эпизодъ изъ исторіи войны 1812 г.).

I.

Движеніе Даву на Минскъ.—Удаленіе русскихъ властей изъ города.—Дѣятельность минскаго губернатора Добринскаго въ Рѣчицѣ и генерала Игнатьева въ Бобруйскѣ.—Торжественная встрѣча Даву въ Минскѣ.—Встрѣча французовъ поляками по уѣзднымъ городамъ Минской губерніи.—Повсемѣстное бѣгство русскаго населенія.

Наполеонъ, занявъ Вильну, рѣшилъ прежде всего разъединить русскія арміи и затѣмъ истребить ихъ по одиночкѣ; съ этою цѣлью онъ отправилъ маршала Даву съ 50-ти тысячнымъ корпусомъ на Минскъ, чтобы преградить Багратіону пути, ведущіе къ 1-ой арміи. Багратіонъ, чувствуя опасность своего положенія, 23-го іюня поспѣшно двинулся на Минскъ, надѣясь предупредить здѣсь французовъ и обезпечить себѣ соединеніе съ 1-ой арміей. 24-го іюня онъ былъ уже въ м. Миръ; но дальнѣйшее движеніе на Минскъ для него оказалось невозможнымъ, такъ какъ пробиться чрезъ сильные непріятельскіе отряды, стянутые около Минска, было немыслимо.

Г. Минскъ въ это время представлялъ картину необычайнаго оживленія и полной сумятицы. Тогдашній минскій губернаторъ Павелъ Михаиловичъ Добринскій [1]), очевидно, не предполагавшій столь быстрой возможности занятія Минска непріятелемъ, лишь 24-го іюня раннимъ

[1]) Назначенный на это мѣсто Высоч. указомъ 21-го мая 1812 года и 3-го іюня вступившій въ должность.

утромъ, почти въ виду надвигавшихся французскихъ отрядовъ, принялъ мѣры къ высылкѣ изъ Минска въ болѣе безопасныя мѣстности наиболѣе цѣннаго казеннаго имущества, а чиновникамъ предложилъ оставить городъ [1]). И вотъ началась суматоха. Спѣшно грузилось на собранныя съ большимъ трудомъ подводы казенное имущество разныхъ правительственныхъ учрежденій. Дѣла губернскаго правленія и другихъ присутственныхъ мѣстъ рѣшено было отправить водою въ Черниговъ; но въ общей сумятицѣ, при отсутствіи ранѣе заготовленныхъ подводъ, увезти удалось, конечно, немногое. Денежная казна губернскаго правленія, казенной палаты и другихъ правительственныхъ учрежденій по мѣрѣ прибытія въ г. Рѣчицу, избранную мѣстопребываніемъ губернатора, сдавались въ Рѣчицкое повѣтовое казначейство, а затѣмъ уже всѣ казенныя суммы отправлены были частію въ Смоленскъ, а главнымъ образомъ, въ Черниговъ для сдачи въ тамошнюю казенную палату [2]). Преосвященный Серафимъ [3]), увѣдомленный утромъ 24-го іюня о необходимости принятія мѣръ къ выѣзду изъ города, собрался очень быстро: въ 11 часовъ вечера, взявъ съ собою все самое цѣнное изъ архіерейской церкви, онъ вмѣстѣ съ соборнымъ духовенствомъ, священникомъ Екатерининской церкви и консисторскими чиновниками на 17-ти подводахъ выѣхалъ въ Смоленскъ. Соборное имущество было вывезено на четырехъ крестьянскихъ подводахъ, которыя удалось достать съ большимъ трудомъ. Архіерейскій же домъ со всѣмъ его имуществомъ порученъ былъ наблюденію двухъ стариковъ іеромонаховъ [4]). Губернаторъ вмѣстѣ съ губернскимъ прокуроромъ и нѣкоторыми чиновниками губернскаго правленія, казенной палаты и другихъ присутственныхъ мѣстъ отправился сначала въ Борисовъ, а потомъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Рѣчицу, гдѣ и оставался все время до освобожденія Минска отъ непріятеля [5]).

Работы въ Рѣчицѣ у губернатора было много. Съ одной стороны,

---

[1]) Арх. Минск. губ. пр. Протоколъ 8-го августа 1812 года.

[2]) Протоколы Губ. Пр. за 1812 г.; Журналы Казен. Пал. 1812 г. II, стр. 155; Проток. Казен. Пал. 1812 г. II, стр. 602. Архивъ Минск. гимн. Дѣло № 13; 30.

[3]) Впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій.

[4]) Архивъ Минской Духовной Консисторіи. Дѣло № 6357 о выѣздѣ его преосвященства изъ Минска по случаю наступленія непріятеля.

[5]) Арх. Губ. Пр. Дѣло № 29010 о всѣхъ чинахъ, бывшихъ въ Рѣчицѣ 1812 г. при нашествіи непріятеля. Дѣло № 29021 о мѣстѣ пребыванія прокурора и другихъ чиновниковъ. Проток. Казен. Палаты 1812 г. II, стр. 598.

онъ занимался, „сколько возможно по военнымъ происшествіямъ", управленіемъ свободными отъ непріятеля повѣтами Рѣчицкимъ, Мозырскимъ, частію Бобруйскаго и оставшимся безъ общаго губернскаго управленія повѣтомъ Бѣлицкимъ (нынѣ Гомельскимъ) Могилевской губерніи. Другимъ еще болѣе труднымъ и важнымъ предметомъ дѣятельности губернатора были заботы о доставленіи продовольствія для 2-го резервнаго корпуса, для крѣпости Бобруйской и для разныхъ воинскихъ частей, находившихся въ предѣлахъ означенныхъ повѣтовъ, и объ охранѣ отъ непріятеля слѣдовавшихъ въ большомъ количествѣ транспортовъ; при чемъ губернаторъ дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ при помощи находившихся въ его распоряженіи чиновниковъ и командъ [1]).

Въ одинаковомъ направленіи съ Добринскимъ дѣйствовалъ и комендантъ Бобруйской крѣпости генералъ-маіоръ Николай Гавриловичъ Игнатьевъ. Отрѣзанный отъ русской арміи непріятельскими отрядами, не получая никакихъ приказаній относительно крѣпости, Игнатьевъ самъ вступилъ въ званіе бобруйскаго военнаго губернатора и увѣдомилъ о томъ окрестное населеніе. Онъ позаботился о собраніи въ большомъ количествѣ провіанта, фуража и подводъ изъ близлежащихъ мѣстностей и тѣмъ далъ возможность пришедшему въ Бобруйскъ Багратіону запастись продовольствіемъ и подкрѣпить свою армію резервными баталіонами. „Князь Багратіонъ утвердилъ Игнатьева Бобруйскимъ военнымъ губернаторомъ на основаніи 4-го пункта положенія о крѣпостяхъ и поручилъ ему управленіе полицейской части въ уѣздахъ Минской губерніи, свободныхъ отъ непріятеля". Чтобы удержать въ повиновеніи окрестное польское населеніе, готовое при первомъ появленіи непріятеля къ открытому возстанію противъ Россіи, Игнатьевъ принялъ цѣлый рядъ мѣръ. Онъ приказалъ помѣщикамъ, крестьянамъ и евреямъ возвратиться въ свои дома, а чиновникамъ и лицамъ, служащимъ по выбору дворянъ и мѣщанъ, — къ своимъ должностямъ и исполненію своихъ обязанностей. За неподчиненіе распоряженіямъ Бобруйскаго для военныхъ повинностей присутствія и Нижняго земскаго суда, а равно и за доставленіе непріятелю провіанта и фуража виновные подлежали смертной казни. Въ случаѣ появленія непріятеля предписано было всѣмъ безъ изъятія удаляться въ лѣса, а запасы хлѣба и провіанта истреблять огнемъ; неисполненіе этого распоряженія признавалось измѣною и наказывалось разстрѣляніемъ. Помѣщикамъ, подъ

[1]) Тамъ же.

страхомъ смертной казни, запрещено было вооружать крестьянъ подъ предлогомъ личной защиты отъ грабителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, объявлено было, что отъ русскихъ войскъ никому обиды не будетъ [1]). Благодаря этимъ мѣропріятіямъ, населеніе Бобруйскаго уѣзда осталось вѣрнымъ своей присягѣ, и потому Бобруйскій уѣздъ менѣе другихъ уѣздовъ Минской губерніи пострадалъ отъ войны.

Въ то время, когда русское населеніе Минска поспѣшно спасалось бѣгствомъ, поляки и не думали покидать городъ; они не только спокойно, но съ радостью поджидали французовъ, какъ своихъ освободителей отъ русскаго владычества. Тѣ учрежденія, въ которыхъ персоналъ служащихъ состоялъ преимущественно изъ поляковъ [2]), не приняли никакихъ мѣръ къ отправленію изъ города принадлежавшаго имъ казеннаго имущества, служившіе въ нихъ чиновники-поляки принимали живое участіе въ общей радости и торжественной встрѣчѣ французовъ. Немедленно вслѣдъ за выѣздомъ изъ города русскихъ чиновниковъ они организовали временный совѣтъ для охраны провіантскихъ магазиновъ и спокойствія жителей. Председателемъ этого совѣта былъ избранъ президентъ 1-го департамента Минскаго главнаго суда Каминскій, а членами: президентъ 2-го департамента того же суда Ходзько, минскій уѣздный предводитель дворянства Игнатій Монюшко и члены городского магистрата [3]). Благодаря заботамъ членовъ этого совѣта, минскіе магазины, заключавшіе въ себѣ большіе запасы муки, овса и пороху, не были сожжены, какъ того требовали русскія власти, и достались въ руки французовъ. Французы нашли въ нихъ по меньшей мѣрѣ 300.000 фунтовъ муки, большое количество овса и 1.500 фунтовъ пороху; кромѣ того, они нашли тамъ еще большой запасъ лазаретнаго имущества; обыватели же города доставили имъ множество подводъ. Вслѣдствіе этого, Даву имѣлъ возможность запастись въ Минскѣ хлѣбомъ для своего корпуса на пять дней [4]).

---

[1]) *Михайловскій-Данилевскій*. Описаніе Отечественной войны I, стр. 320—321.

[2]) Напримѣръ, въ гимназіи.

[3]) Tymczasowa Gazeta Minska, № 1. Людовикъ Каминскій состоялъ председателемъ 1-го департамента по выбору дворянства съ 1808 года. Онъ неоднократно временно исправлялъ должность губернатора и „за отличныя дѣянія по службѣ“ въ 1811 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой ст. (Архивъ Губ. Правл., дѣло 1813 г. о доставленіи формул. списковъ чиновниковъ, служащихъ по выбору дворянства).

[4]) Campagne de Russie (1812) par Z. G. F. Operations militaires (24 juin — 19 juillet), Paris 1900. Донесеніе Даву, стр. 309 и 337.

26-го іюня войска маршала Даву заняли Минскъ. „Непобѣдимыя войска Великаго Наполеона, императора французскаго короля Италійскаго, избавителя Польши, сегодня вступили въ нашъ Минскъ", сообщаетъ Минская газета [1]). „Этотъ историческій день освободилъ нашу провинцію отъ невольничьяго ярма (z iarzma niewolniczego) и возвратилъ насъ отчизнѣ". Въ виду значенія, придаваемаго поляками этому событію, они постарались обставить вступленіе французовъ въ Минскъ необычайной торжественностью. По полученіи извѣстія о приближеніи къ городу маршала Даву, немедленно начаты были приготовленія къ достойному пріему „столь великаго человѣка". Президентъ временнаго совѣта Каминскій вмѣстѣ съ „маршалкомъ" Монюшкой отправились для встрѣчи Даву за двѣ мили отъ города; а другой членъ совѣта Ходзько съ Михаиломъ Пузыной [2]), подкоморіемъ минскимъ, и съ Сѣраковскимъ встрѣтили маршала за Раковской заставой и, привѣтствуя въ его лицѣ самого императора французовъ, поднесли хлѣбъ-соль „свѣтлѣйшему и могущественнѣйшему избавителю своему великому Наполеону". Даву ласково принялъ представителей города и объявилъ имъ отъ лица Наполеона, „что его непобѣдимая армія пришла для возвращенія полякамъ отечества, и несмѣтные отряды ея или покроютъ эту землю своими трупами или возвратятъ полякамъ отчизну во всемъ ея объемѣ,—и тогда вліяніе Россіи на дѣла Европы прекратится". Такимъ образомъ, минчане при первой же встрѣчѣ съ французами были обнадежены въ своихъ самыхъ радужныхъ мечтаніяхъ. Даву, при въѣздѣ его въ городъ, окружила толпа народа, а магистратъ города и цехи привѣтствовали его, подстилая цеховыя знамена подъ ноги „побѣдителя". Когда герцогъ Ауэрштедтскій со штабомъ своимъ прибылъ на площадь, называемую „Высокимъ рынкомъ", обывательницы города преградили ему дорогу, устилая ее цвѣтами. Поднялись радостные клики народа: „Да здравствуетъ Наполеонъ, избавитель Польши" (Niech żyie Napoleon, zbawca Polski). Это радостное торжество сопровождалось игрою городского оркестра на балконѣ ратуши [3]). Квартира Даву была отведена на Высокомъ рынкѣ въ домѣ, примыкавшемъ къ костелу. Площадь эта составляла лучшую часть города; украшеніемъ ея служили трехъ-

[1]) Tymcz. Gaz. Minska, № 1.

[2]) М. Пузына, шамбелянъ двора польскаго, съ 1811 года состоялъ подкоморіемъ Минскаго повѣта (Арх. губ. Пр. Дѣло 30.656).

[3]) Tymcz. Gaz. Minska, № 1, 8 Lipca.

этажное зданіе ратуши, іезуитская коллегія, уніатскій монастырь и православный соборъ. Вообще, въ то время Минскъ, по словамъ одного участника похода и очевидца встрѣчи Даву [1]), былъ лучшимъ послѣ Вильны городомъ въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ; среди жителей было много интеллигентныхъ семействъ, одинаково свободно объяснявшихся какъ по-французски, такъ и по-нѣмецки.

Въ теченіе двухъ дней войска корпуса Даву стягивались къ Минску. Городъ былъ переполненъ ими; впрочемъ, въ городскихъ домахъ нашлось помѣщеніе, главнымъ образомъ, только для генералитета съ ихъ штабами; войска же расположились бивуаками въ окрестностяхъ города. Въ Минскѣ въ это время квартировали маршалъ Даву, корпусный командиръ графъ Груши, дивизіонные генералы: Дессэ, Жюдэнъ, Фріанъ, Моранъ, Компанъ; кавалерійскіе генералы: Шастель, Ляуфажъ и Бруссьеръ [2]).

28-го іюня (10-го іюля н. ст.) назначено было торжественное богослуженіе въ костелѣ по поводу успѣховъ французскаго оружія и освобожденія Минска отъ русскаго владычества. Въ 4 часа дня весь генералитетъ со своими штабными офицерами, въ полной парадной формѣ, съ маршаломъ Даву во главѣ, двинулся изъ его квартиры въ костелъ. Маршалъ и графъ Груши сѣли на возвышеніи около алтаря, остальные генералы расположились полукругомъ позади нихъ; рота гренадеръ стала шпалерами отъ алтаря до самыхъ дверей. Костелъ былъ переполненъ мѣстными жителями; въ ложахъ и на хорахъ расположились богато разодѣтыя дамы. Раздались звучные аккорды органа, и обѣдня началась. Когда колокольчики возвѣстили пресуществленіе Св. Даровъ, всѣ и даже гренадеры пали ницъ; когда священникъ приподнялъ Св. Дары, трижды забили въ барабаны; а затѣмъ, послѣ длинной паузы, когда съ хоръ раздалось торжественное пѣніе, заиграли трубачи. По окончаніи богослуженія Груши, одѣтый въ элегантный зеленый гвардейскій кирасирскій мундиръ, всталъ, накрылъ свою шляпу шелковымъ платкомъ и, передавъ ее самой высокопоставленной изъ дамъ, началъ вмѣстѣ съ ней собирать пожертвованія на бѣдныхъ; сначала они подошли къ Даву, а затѣмъ обошли всѣхъ присутствующихъ. „Это религіозное зрѣлище, по словамъ очевидца, было устроено для того, чтобы, затронувъ струну набожности

---

[1]) *Röder von Bomsdorff.*—Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge an einen Offizier des Generalstabes. Leipzig 1816. I стр. 93.

[2]) *Röder von Bomsdorff*, I. 93.

въ мѣстныхъ жителяхъ, расположить тѣмъ и окрестное населеніе къ французамъ, такъ какъ можно было надѣяться, что молва объ этомъ зрѣлищѣ разнесется по всей губерніи" [1]).

По окончаніи церемоніи Даву произвелъ смотръ 5-й дивизіи, находившейся подъ командой Компана. Послѣ смотра войска были построены четыреугольникомъ, и Даву сказалъ имъ знаменательную рѣчь, которая служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что деморализація уже и въ это время, въ самомъ началѣ кампаніи, имѣла мѣсто во французской арміи [2]).

Со дня вступленія Даву въ Минскъ для минскихъ поляковъ наступили радостные дни. Какъ бы въ дополненіе къ торжественнымъ заявленіямъ Даву, въ городѣ распространился приказъ Понятовскаго по корпусу, возвѣщавшій о возстановленіи Польши во всемъ быломъ ея объемѣ. Горожане поспѣшили украсить свои шляпы старо-польскимъ національнымъ знакомъ—бѣлыми кокардами. Минскъ переполнился помѣщиками, съѣхавшимися со всей губерніи для обсужденія вопросовъ объ устройствѣ возстановленнаго изъ развалинъ отечества; въ домахъ, служившихъ мѣстомъ ихъ сборищъ, и днемъ и ночью раздавался неумолчный шумъ. Впрочемъ, эти шумныя манифестаціи не находили себѣ особаго сочувствія и поддержки во французахъ [3]).

Что касается уѣздныхъ городовъ Минской губерніи, то и въ нихъ происходило то же самое, что и въ Минскѣ: тѣ же торжественныя встрѣчи французовъ католическимъ духовенствомъ и представителями города; шумныя оваціи толпы; вечернія иллюминаціи; необычайное оживленіе, вносимое помѣщиками, съѣзжавшимися изъ окрестныхъ деревень, попраздновать, пообѣдать, поговорить о возстановленной Польшѣ. Вездѣ учреждались временныя комиссіи для охраны города и пріема французовъ. Для французскихъ солдатъ всюду было разливанное море: конторы и винныя лавки откупщиковъ разбивались услужливыми поляками, и все находившееся тамъ вино предоставлялось въ полное распоряженіе французскихъ солдатъ [4]). Не жалѣли поляки и своихъ личныхъ средствъ на угощеніе дорогихъ гостей; въ каждомъ домѣ былъ пиръ [5]). Жители Пинска, поджидая французовъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 95.

[2]) Рѣчь эта приведена ниже.

[3]) *Röder von Bomsdorff*, стр. 97 и 98.

[4]) Журналы Казен. Пал. 1812 г. II, стр. 285 и 299.

[5]) Напримѣръ, директоръ Минской гимназіи истратилъ на этотъ предметъ изъ своихъ скудныхъ средствъ 40 руб. (Арх. гимназіи. Дѣло № 116, документъ № 456).

бодрствовали всю ночь; почти во всѣхъ домахъ для жданныхъ гостей приготовлялся ужинъ: привѣтливо мерцавшіе огоньки въ квартирахъ обывателей Пинска, дымъ печей и ароматный запахъ снѣдей свидѣтельствовали французамъ, что въ Пинскѣ они среди друзей [1]). Военная комиссія въ Пинскѣ, состоявшая изъ повѣтоваго маршала Скирмунта, князя Любецкаго, городничаго Делинсгаузена, „начальника поградской части" Плесскаго и другихъ, при слухахъ о приближеніи непріятеля всячески старалась задержать отправку казенныхъ вещей и денегъ. Благодаря этому, аммуниція и денежныя суммы инвалидной команды и казначейства были отправлены только тогда, когда непріятель подошелъ къ Пинску, и потому были захвачены французами [2]). Съ такою же предупредительностью были встрѣчены французы и въ Борисовѣ. Направлявшійся къ Борисову изъ Минска отрядъ генерала Бордессула еще на дорогѣ былъ встрѣченъ адвокатомъ Борисовскихъ судовъ Станиславомъ Витковскимъ, который поставилъ себѣ за особенную честь первымъ сообщить французамъ извѣстіе объ очищеніи Борисова русскими войсками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь еще болѣе выиграть въ глазахъ французовъ, онъ тутъ же предупредительно предложилъ отбить у казаковъ уведенныхъ ими изъ Борисова воловъ [3]). Въ городѣ была учреждена временная администрація изъ борисовскихъ помѣщиковъ: Піуса, Тышкевича, Воловича, Слизня и Стацевича, которые совмѣстно съ полицеймейстеромъ помѣщикомъ Норвидомъ приняли всѣ мѣры къ достойной встрѣчѣ своихъ освободителей [4]).

Такимъ же образомъ встрѣчали французовъ поляки-помѣщики и чиновники и въ другихъ мѣстахъ, обыкновенно стараясь при этомъ передавать въ руки непріятеля находившееся въ ихъ вѣдѣніи казенное имущество. Такъ, напримѣръ, два шляхтича Богушъ и Митарновскій, назначенные для сопровожденія русскаго транспорта, состоявшаго изъ 72 воловъ и 30 большихъ бочекъ водки, узнавъ о приближеніи французскаго отряда, остановились въ лѣсу, поджидая французовъ и, лишь только тѣ расположились бивуакомъ подъ Глускомъ

---

[1]) Арх. Канц. Минск. губ. предводит. дворянства, XV, 218, 1. Рапортъ начальника Пинской инвалидной команды поручика Бомбеша.

[2]) Тамъ же и Журналы Казен. палаты, 1812, II, стр. 322.

[3]) Gaz. Minska, № 5.

[4]) Журналы Казен. Палаты, 1812 г., II, стр. 299. Норвидъ былъ Борисовскимъ повѣт. судьею.

(недалеко отъ Слуцка), Богушъ и Митарновскій съ любезною предупредительностью поспѣшили доставить свой транспортъ въ ихъ лагерь [1]). Подобные факты считались актомъ высокаго патріотизма и удостаивались восторженнаго описанія въ „Минской Газетѣ“ для назиданія читателей.

Только русскіе люди при приближеніи французовъ всюду покидали свои дома. Крестьяне со всѣмъ своимъ имуществомъ скрывались въ лѣса или бѣжали внутрь Россіи за отступающими русскими войсками, такъ что вступленіе французовъ въ опустѣлыя деревни Минской губерніи совсѣмъ не походило на торжественныя встрѣчи ихъ по городамъ и какъ нельзя лучше показывало, что въ Бѣлоруссіи французы не въ дружественной польской странѣ, а въ коренной русской землѣ. Чиновники разныхъ вѣдомствъ спѣшили въ Рѣчицу, а остальные скрывались—куда кто могъ. Въ Слуцкѣ, напримѣръ, еще до прибытія непріятеля ректоръ семинаріи Лазарь, вице-ректоръ Лойко и нѣкоторые учителя уѣхали въ Кіевъ, а оттуда разошлись по разнымъ губерніямъ; даже ученики семинаріи разбѣжались по домамъ родителей, а нѣкоторые бѣжали въ другія губерніи и странствовали „пѣшіе, имѣя пропитаніе отъ милостыннаго подаянія“ [2]). Въ „бурсѣ“ осталось лишь нѣсколько мальчиковъ—круглыхъ сиротъ, которымъ рѣшительно некуда было дѣться.

II.

Прокламація Даву.—Комиссія временнаго управленія Минской провинціи; составъ ея.—Повѣтовыя комиссіи.—Прибытіе въ Минскъ губернатора Бронивовскаго.—Администрація Минскаго департамента.—Интендантъ Сольнье; совѣтъ администраціи; отдѣленія администраціи.—Муниципальный совѣтъ.—Войсковая комиссія.—Жандармерія.—Директоръ школъ Цейсъ.—Редакторъ „Минской Газеты“—Бордовскій.—Новое административное устройство уѣздовъ.

Первымъ распоряженіемъ Даву въ Минскѣ была его прокламація къ населенію Минскаго уѣзда отъ 27-го іюня (9-го іюля) о доставленіи свѣдѣній коменданту г. Минска генералу барону Сони [3]) относительно оставленныхъ русскими при ихъ удаленіи имуществъ и разныхъ складовъ и магазиновъ; свѣдѣнія предлагалось доставить живу-

---

[1]) Gaz. Minska, № 7.

[2]) *Вержболовичъ*, Исторія Минск. дух. семинаріи, I, стр. 39 и 41.

[3]) Saunie,—вѣроятно, ошибочно вмѣсто Solnier; генералъ Solnier la Gretelle, какъ мы увидимъ ниже, былъ назначенъ интендантомъ Минскаго департамента.

щими въ окружности Минска на разстояніи четырехъ миль въ 48 часовъ, живущими же дальше этого района въ теченіе шести дней. Прокламація эта была разослана президентомъ временнаго комитета Каминскимъ съ предписаніемъ о поспѣшномъ выполненіи ея [1]).

Временнымъ военнымъ губернаторомъ Минска былъ назначенъ бригадный генералъ французской арміи Барбанегръ, а 1-го (13-го) іюля приказомъ Даву была учреждена *коммиссія временнаго управленія Минской провинціи*, подъ предсѣдательствомъ Барбанегра. Эта комиссія ознаменовала начало своей дѣятельности слѣдующей прокламаціей „о счастливой перемѣнѣ правительства": „Граждане—поляки! Часъ нашего счастія наступилъ. Попеченіемъ величайшаго изъ монарховъ и мужествомъ непобѣдимыхъ войскъ его мы возвращены отчизнѣ. Временное правительство, учрежденное по приказанію князя Экмюльскаго, маршала французской имперіи, объявляетъ вамъ правило онаго и доводитъ до свѣдѣнія вашего о столь радостномъ для сердца поляковъ событіи, въ надеждѣ, что каждый добрый полякъ будетъ содѣйствовать его начинаніямъ, направленнымъ къ счастію отечества и осуществленію предначертаній Великодушнаго Избавителя, Великаго Наполеона" [2]).

Въ тотъ же день (1-го іюля), согласно приказанію Даву, состоялось раздѣленіе комиссіи на три отдѣленія: продовольствія, полиціи и финансовъ (wydział żywności, w. policyi, w. skarbu). Предсѣдателемъ общей комиссіи Даву назначилъ Михаила Пузыну; директоромъ 1-го отдѣленія былъ назначенъ Игнатій Монюшко, директоромъ 2-го отдѣленія Людвигъ Каминскій, директоромъ отдѣленія финансовъ—Иванъ Ходзько; однимъ словомъ, лица, явившіяся представителями польскаго общества при занятіи Минска французами [3]). Для печатанія

---

[1]) Дѣло Минской гимназіи. № 12. документъ № 84.

[2]) Gaz. Minska. № 1.

[3]) Членами 1-го отдѣленія были А. Ваньковичъ и М. Зеновичъ; 2-го В. Володкевичъ и графъ К. Линскій; 3-го Ао. Прошинскій и графъ К. Чапскій; секретаремъ комиссіи былъ выбранъ Романъ Ивановскій. Все это, большею частію, были лица, состоявшія до нашествія французовъ на русской службѣ (Арх. Губ. Правл. Дѣло № 30656). Изъ означенныхъ лицъ Зеновичъ (Борисовскій повѣтовый маршалъ) былъ откомандированъ состоять при Даву. въ качествѣ генеральнаго комиссара, а на его мѣсто былъ выбранъ Викентій Гицевичъ. Нѣсколько позже въ 1-ю армію было назначено 24 комиссара для пополненія фуража и другихъ услугъ. Эти комиссары оказывали очень дѣятельную помощь французскимъ войскамъ по доставленію провіанта, насильно отбирая у населенія, особенно у евреевъ и русскихъ, хлѣбъ, муку, сѣно,

распоряженій временнаго правительства захвачена была губернская типографія и завѣдываніе ею поручено типографщику губернскаго правленія Стефановичу; русскія литеры было приказано перелить на польскія и французскія [1]). 9-го (21-го) іюля комиссія ввела въ провинціи новый стиль [2]).

Комиссія временнаго управленія позаботилась также объ устройствѣ администраціи и въ уѣздахъ Минской губерніи, занятыхъ французами, а именно: въ Минскомъ, Борисовскомъ, Игуменскомъ и Вилейскомъ. Административная власть была вручена здѣсь *повѣтовымъ комиссіямъ*, въ составѣ пяти членовъ, изъ коихъ одинъ считался предсѣдателемъ и именовался комиссаромъ. По мѣрѣ занятія французами другихъ уѣздовъ и тамъ устанавливалась подобная же администрація [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращено было вниманіе на организацію правильныхъ почтовыхъ сношеній; и прежде всего—по Виленскому тракту и по Молодеченской дорогѣ до Дисны. Инспекторомъ почтъ Минской провинціи былъ назначенъ Игнатій Олеша [4]).

3-го (15-го) іюля прибылъ въ Минскъ генералъ французской арміи Брониковскій, назначенный Наполеономъ на должность минскаго губернатора вмѣсто генерала Барбанегра, который получилъ назначеніе на должность военнаго губернатора въ Борисовъ. Ставя во главѣ управленія занятыми губерніями родовитыхъ поляковъ, Наполеонъ являлся глубокимъ дипломатомъ: вліяніе такихъ чиновниковъ было ничтожно, такъ какъ парализовалось властью самого Наполеона и его довѣренныхъ лицъ; а, между тѣмъ, подобныя назначенія вполнѣ удовлетворяли чувство національной гордости и тщеславіе поляковъ. И дѣйствительно, пріѣздъ Брониковскаго въ Минскъ, по словамъ Минской газеты, переполнилъ радостью сердца поляковъ: они услышали изъ устъ своего правителя родную рѣчь, которой не было слышно уже въ теченіе 20 лѣтъ [5]). Немедленно по пріѣздѣ Брониковскій вступилъ въ управленіе провин-

скотъ, вино и проч. (См. напримѣръ, протok. Губ. Пр. отъ 21-го апрѣля 1813 г., а также Арх. Дух. Конс. дѣло № 6359, стр. 820).

[1]) Протоk. Губ. Пр. 2-го и 17-го іюля 1813 г.

[2]) Gaz. Minska, № 3.

[3]) Gaz. Minska, № 3-й.

[4]) Тамъ же, № 1-й. Олеша былъ засѣдателемъ 1-го департамента Минскаго главнаго суда. Арх. губ. правл. № 30656.

[5]) Минск. газ., № 1.

ціей и ежедневно принималъ участіе въ засѣданіяхъ комиссіи временнаго управленія.

Черезъ двѣ недѣли послѣ учрежденія, 15-го (27-го) іюля комиссія временнаго управленія Минской провинціи была упразднена и замѣнена *администраціею Минскаго департамента*, такъ какъ Минская губернія вмѣстѣ съ губ. Виленской и Гродненской и областью Бѣлостокской вошла въ составъ возрожденнаго Наполеономъ княжества Литовскаго.

Согласно общимъ положеніямъ объ управленіи Литвы, обнародованнымъ Наполеономъ въ его приказѣ отъ 1-го іюля (н. ст.) 1812 года [1]), во главѣ администраціи Минскаго департамента поставленъ былъ представитель французской власти — Solnier la Gretelle, съ званіемъ интенданта; его обязанность состояла въ томъ, чтобы блюсти интересы французовъ, быть посредникомъ между высшею властью и администраціей департамента, и первое время знакомить ее съ совершенно новымъ строемъ управленія. Устройство департамента и управленіе имъ поручено было *совѣту администраціи* (*Rada administracyjna*), состоявшему подъ предсѣдательствомъ интенданта изъ трехъ членовъ—поляковъ, назначенныхъ Наполеономъ: Іосифа Володкевича, Адама Гинтера и Ксаверія Обуховича; въ засѣданіяхъ совѣта принималъ участіе и Минскій губернаторъ—генералъ Брониковскій. Администрація Минскаго департамента стояла въ непосредственной зависимости отъ комиссіи временнаго управленія Великаго Княжества Литовскаго, которая и поспѣшила прислать въ Минскъ свои инструкціи черезъ Г. Петерсона, назначеннаго предсѣдателемъ Минскаго главнаго суда. Члены совѣта администраціи были, вмѣстѣ съ тѣмъ, предсѣдателями трехъ *отдѣленій* (widzyał): продовольствія, полиціи и финансовъ, на которыя дѣлилась администрація департамента; къ присутствованію въ отдѣленіяхъ были призваны члены упраздненной комиссіи временнаго управленія [2]).

[1]) Тамъ же, № 6-ой.

[2]) Такимъ образомъ, администрація Минскаго департамента окончательно сложилась изъ слѣдующихъ лицъ: отдѣленіе продовольствія—предсѣдатель Іосифъ Володкевичъ, товарищъ его Игнатій Монюшко (5-го августа назначенный подпрефектомъ Минскаго совѣта; на его мѣсто избранъ Мельхіоръ Володкевичъ) и члены Антоній Ваньковичъ (уволенный впослѣдствіи за слабостью здоровья и замѣненный графомъ Яномъ Сѣраковскимъ) и Викентій Гицевичъ; отдѣленіе полиціи—предсѣдатель Адамъ Гинтеръ, товарищъ его Людовикъ Каминскій и члены Викентій Володкевичъ и графъ Ксаверій Липскій; отдѣленіе финансовъ, которому, между прочимъ было поручено за-

Совѣтъ администраціи департамента открылъ свои засѣданія 2-го августа нов. ст. Въ это и слѣдующія засѣданія были назначены и другія должностныя лица въ Минскомъ департаментѣ. Мэромъ города Минска былъ назначенъ графъ Ксаверій Липскій; предсѣдателемъ Минскаго муниципальнаго совѣта Михаилъ Пузына [1]); полицеймейстеромъ г. Минска — графъ Пржездецкій. Для организаціи мѣстныхъ войскъ, народной гвардіи и жандармеріи въ Минскѣ была учреждена войсковая комиссія, а ближайшее начальство надъ всѣми этими войсками вручено было коменданту. Изъ числа 14 тысячъ рекрутъ, которыхъ по раскладкѣ комиссіи временнаго правленія Княжества Литовскаго должна была выставить Литва, на долю Минской губерніи выпало 3000. Было сформировано два полка: одинъ—22-ой пѣхотный графомъ Станиславомъ Чапскимъ, а другой—20-ый конный Обуховичемъ; Чапскій и Обуховичъ были назначены командирами этихъ полковъ [2]). Народная гвардія въ Минскѣ не успѣла сформироваться, но жандармерія была сформирована, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ: весь „корпусъ жандармовъ“ Минскаго департамента состоялъ изъ 70 человѣкъ при 19-ти лошадяхъ; между тѣмъ, какъ составъ каждаго уѣзднаго отряда жандармеріи опредѣлялся въ 107 человѣкъ. Командиромъ корпуса жандармовъ, по назначенію Виленской комиссіи, былъ полковникъ Онторпъ [3]).

Нельзя не упомянуть еще о двухъ Минскихъ дѣятеляхъ этой эпохи, которые, не занимая опредѣленнаго положенія въ администраціи департамента, были тѣмъ не менѣе душою и ревностными выполни-

---

вѣдываніе и школьнымъ дѣломъ, состояло изъ предсѣдателя Ксаверія Обуховича, товарища его Ивана Ходьзко и членовъ: Станислава Ельскаго и Аѳанасія Прошинскаго. Для выполненія всякихъ распоряженій администраціи было выбрано по два референдарія для каждаго отдѣленія. Контролерами департамента были назначены Іосифъ Селява, Стефанъ Свида и Антоній Ратынскій; генеральнымъ секретаремъ администраціи—Романъ Ивановскій (Gaz. Minska, № 6-ой).

[1]) *Gaz. Minska*, № 5. Въ архивныхъ дѣлахъ сохранились и имена бургомистровъ городскаго магистрата; ими были Башинскій, Ключинскій, лавникъ Лисовскій и коморникъ Бобровскій.

[2]) *Богдановичъ*. Исторія Отечественной войны 1812 г., т. II стр. 98 и 102. Полкъ Чапскаго былъ уничтоженъ при первой встрѣчѣ съ русскими войсками во время отступленія изъ Минска.

[3]) Тамъ же, а равно и Gaz. Mińska, № 6. Приказъ Наполеона отъ 1-го іюля 1812 г. Леонъ Онторпъ—командоръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго съ 1808 г. состоялъ Игуменскимъ повѣтовымъ маршаломъ.

телями всѣхъ мѣропріятій администраціи въ чисто польскомъ духѣ; это директоръ Минской гимназіи Цейсъ и инспекторъ Бродовскій.

Директоръ гимназіи былъ самымъ энергичнымъ организаторомъ школьнаго дѣла въ Минскомъ департаментѣ, а инспекторъ Бродовскій, въ роли редактора возникшаго въ Минскѣ при нашествіи французовъ повременнаго изданія „Tymczasowa Gazeta Mińska", явился руководителемъ общественнаго мнѣнія и истолкователемъ идей возрожденія Польши. Хотя намъ извѣстны, какъ библіографическая рѣдкость, лишь восемь номеровъ этой газеты [1]), но они прекрасно характеризуютъ какъ настроеніе польскаго общества гор. Минска, такъ и личность самаго редактора: горячая ненависть ко всему русскому, восторженное преклоненіе предъ французами и особенно предъ личностью Наполеона, какъ освободителя Польши, тенденціозныя извѣстія о военныхъ событіяхъ и вдохновенное истолкованіе распоряженій французско-польскаго правительства въ духѣ горячаго польскаго патріотизма—вотъ главныя темы, разрабатывавшіяся въ этой газетѣ ея редакторомъ Бродовскимъ. Газета выходила два раза въ недѣлю, форматомъ въ листъ писчей бумаги, отъ двухъ до шести страницъ въ номерѣ; первый номеръ вышелъ 18-го іюля нов. стиля. Матеріаломъ для Минской газеты служили событія мѣстной жизни, сообщенія о дѣятельности администраціи Минскаго департамента, распоряженія какъ мѣстныхъ властей, такъ и комиссіи временнаго управленія Вел. Княжества Литовскаго и, наконецъ, извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ возникновеніемъ совѣта администраціи Минскаго департамента тѣсно связана и организація новаго административнаго устройства уѣздовъ Минской губерніи. Взамѣнъ прежнихъ повѣтовыхъ комиссій изъ пяти коммсаровъ во главѣ каждаго уѣзда [2]) были поставлены *подпрефектуры*, состоявшія изъ подпрефекта и двухъ членовъ. Подпрефектами были назначены, большею частью, повѣтовые маршалы, т. е. уѣздные предводители дворянства; такъ, напримѣръ, въ Минскомъ уѣздѣ подпрефектомъ былъ назначенъ Игнатій Монюшко, въ Слуц-

---

[1]) №№ 1, 3—8 и 12-ый хранятся у помѣщика Борисовскаго уѣзда Ивана Хрисаноовича Колодѣева, собравшаго въ своей библіотекѣ почти всю печатную литературу по исторіи Отечественной войны какъ на русск., такъ и на иностр. языкахъ. Г. Колодѣевъ съ любезною готовностью разрѣшаетъ заниматься въ его библіотекѣ всѣмъ, интересующимся данною эпохою.

[2]) Въ это время въ составъ Минскаго департамента, кромѣ упомянутыхъ выше уѣздовъ, входили еще—Слуцкій и Дисненскій.

комъ—Войниловичъ, въ Пинскомъ—Скирмунтъ, въ Вилейскомъ—Карницкій [1]); все лица, бывшія во время русскаго владычества уѣздными предводителями дворянства [2]). Подпрефектуры были поставлены въ зависимость отъ французскихъ генераловъ, которымъ съ званіемъ военнаго губернатора была предоставлена высшая власть въ уѣздѣ; такою властью пользовался, напримѣръ, генералъ Барбанегръ въ Борисовскомъ уѣздѣ, генералъ Фрейеръ въ Дисненскомъ [3]). Повѣты дѣлились на дистрикты, а дистрикты на кантоны. Кромѣ того, существовала еще и сельская администрація. Города управлялись муниципалитетами. Въ Минскѣ, подобно другимъ департаментскимъ городамъ, муниципальное управленіе состояло изъ четырехъ отдѣленій: полицейскаго, финансоваго, квартирнаго и богоугодныхъ дѣлъ [4]). Муниципальныя управленія уѣздныхъ городовъ подчинялись подпрефектамъ.

III.

Призрачность свободы поляковъ.—Тяжесть французскаго владычества.—Военное значеніе Минска: продовольственные магазины; устройство госпиталей.—Разочарованіе поляковъ и причины его: тяжесть матеріальныхъ жертвъ; игнорированіе польскихъ интересовъ интендантомъ и военнымъ комиссаромъ; паденіе дисциплины во французскихъ войскахъ и развитіе мародерства.—Празднованіе именинъ Наполеона въ Минскѣ.

Вся администрація Минскаго департамента состояла изъ поляковъ; только интендантъ Solnier la Gretelle да военный комиссаръ (le commissaire de guerre chargé de Service Superieur) Розье (Hatot Rosier) были представителями французской власти. Казалось, что наступили времена былой независимости и самостоятельности Польши. Поляки такъ и думали; въ освобожденіи Польши и Литвы они видѣли чуть ли не главную задачу Наполеона. Всѣ помыслы ихъ теперь были направлены на одинъ предметъ—возстановленіе отчизны. Бодро, съ воодушевленіемъ принялись они за устройство департамента по старо-польскимъ завѣтамъ, отодвинувъ на задній планъ интересы французовъ, казавшіеся имъ столь ничтожными. Но тутъ-то и оказалось, что власть

---

[1]) Минск. Газ. №№ 3 и 8-ой. Проток. губ. Правл. 18-го іюля 1812 г., 15-го марта, 15-го мая и 14-го сент. 1813 г.

[2]) Арх. Губ. Пр. Дѣло № 30656.

[3]) Минск. газ., № 3. Арх. упраздн. судебн. учрежд. Дѣло Главн. Минск. суда за 1812 г.

[4]) *Богдановичъ*, II, 96.

польской администраціи лишь призракъ; что дана она имъ лишь какъ игрушка, тѣшащая ихъ національное тщеславіе. Отъ нихъ требовалось лишь служеніе французскимъ интересамъ, ихъ военнымъ нуждамъ; игра въ возстановленіе Польши позволялась лишь постольку, поскольку она не мѣшала французскому дѣлу. Недаромъ Даву говорилъ въ Могилевѣ, что Наполеонъ желаетъ отъ поляковъ только трехъ вещей: „хлѣба, хлѣба и хлѣба“ [1]). Безъ сомнѣнія, и въ Минскѣ онъ не разъ высказывалъ подобные же взгляды, хотя, можетъ быть, и въ иной формѣ. Трудно представить всѣ тѣ подати и повинности, которыми обложили минчанъ ихъ освободители; въ этомъ отношеніи они дѣйствовали, какъ побѣдители въ покоренной странѣ. Постоянныя реквизиціи производились безъ всякаго соображенія съ платежными способностями населенія департамента; 24 комиссара изъ поляковъ должны были содѣйствовать французскимъ войскамъ въ пополненіи ихъ провіанта и фуража. „Жители Минской губерніи, кромѣ всѣхъ сдѣланныхъ ими поставокъ въ натурѣ, обязаны были уплатить по $9^1/_2$ злотыхъ (1 р. 42 коп.) съ души, что составило около 539 тысячъ рублей серебромъ, и внести въ продолженіе семи дней всѣ недоимки, должныя ими русскому правительству“ [2]).

По мысли Наполеона, Минскъ долженъ былъ играть въ жизни его арміи весьма видную роль: съ одной стороны, онъ долженъ былъ сдѣлаться центральнымъ провіантскимъ складомъ, изъ котораго отдѣльныя воинскія части могли бы запасаться наобходимымъ продовольствіемъ; съ другой стороны, Минскъ предположено было обратить въ сборный пунктъ для отсталыхъ и устроить въ немъ крайній эвакуаціонный пунктъ для всѣхъ раненыхъ и больныхъ французской арміи. Для выполненія перваго предположенія временная правительственная комиссія, согласно желанію Даву, поручила членамъ I-го отдѣленія заняться устройствомъ магазиновъ для доставленія продовольствія: одного, главнаго, въ Минскѣ и другого въ Борисовѣ, а затѣмъ складовъ для той же цѣли и въ другихъ городахъ Минской провинціи [3]). При выполненіи этой задачи воспользовались уже существовавшими въ Минскѣ русскими магазинами, назначивъ, сверхъ того, и цѣлый рядъ другихъ зданій; напр., православный соборъ и нѣкоторые ко-

[1]) *Михайловскій-Данилевскій*. I, 455.

[2]) *Богдановичъ*. Ист. Отеч. войны II, 104; свѣдѣнія заимствованы изъ Записки о войнѣ 1812 г., доставленной начальствомъ Минской губ.

[3]) Минск. газ., № 1 и 12.

столы [1]). Для пополненія минскихъ магазиновъ хлѣбомъ Даву устроилъ въ Минскѣ хлѣбопекарню [2]).

Чтобы сдѣлать Минскъ пригоднымъ для пріема больныхъ и раненыхъ, Даву сейчасъ же по прибытіи въ Минскъ озаботился устройствомъ госпиталя на 200 кроватей для отсталыхъ. Самымъ подходящимъ для этой цѣли зданіемъ оказалась въ Минскѣ гимназія, которая, по распоряженію военнаго комиссара Розье, и была занята подъ госпиталь [3]). Въ концѣ августа, согласно приказанію Наполеона, въ Минскѣ былъ устроенъ „другой большой госпиталь, послѣдній эвакуаціонный пунктъ больныхъ и раненыхъ" [4]). Тогда и обширнаго помѣщенія гимназіи оказалось недостаточно: съ прибытіемъ въ Минскъ все новыхъ и новыхъ партій больныхъ и раненыхъ, оказалась надобность въ занятіи цѣлаго ряда болѣе помѣстительныхъ городскихъ зданій; въ концѣ концовъ подъ лазареты было занято до 500 комнатъ въ 47 домахъ. Кромѣ гимназіи, были заняты слѣдующія зданія: греко-россійскій соборъ, Екатерининская церковь, зданіе присутственныхъ мѣстъ, острогъ, цѣлый рядъ монастырей (бернардинскій, бенедиктинскій, базиліатскій) и множество домовъ частныхъ лицъ [5]). Французы разсчитывали, что при устройствѣ лазаретовъ они встрѣтятъ самое дѣятельное участіе и посильную матеріальную поддержку со стороны мѣстнаго населенія. И дѣйствительно, администрація департамента считала удовлетвореніе нуждъ военнаго госпиталя одною изъ существенныхъ своихъ задачъ [6]), а мѣстное населеніе въ порывѣ патріотическаго воодушевленія и благодарности къ своимъ освободителямъ, съ жаромъ высказывало свою готовность къ всевозможнымъ жертвамъ. „Наши заступники и покровители нуждаются въ продовольствіи, пишетъ Gazeta Mińska; они кровь за насъ проливаютъ, и мы должны дѣлиться съ ними послѣднимъ достояніемъ; тѣмъ болѣе охотно мы должны жертвовать то, что можетъ у насъ остаться по удовлетвореніи нашихъ существенныхъ нуждъ. Правительство принимаетъ всякое пожертвованіе, а благородное соревнованіе въ усердномъ вспоможеніи этому дѣлу будетъ началомъ гражданскихъ заслугъ и существеннѣй-

---

[1]) Арх. Дух. Консист. Дѣло № 6358, стр. 290. Арх. Губ. Пр. Дѣло № 29051 объ очисткѣ р.-кат. костеловъ.

[2]) Compagne de Russie 1812 г., стр. 309.

[3]) Арх. Гимн. Дѣло 1812 г., № 116, 412 и 1813 г. № 117,8.

[4]) Тамъ же, №12,85.

[5]) Арх. Губ. Пр. Дѣло № 29041; Арх. Дух. Консист., № 6358, стр. 298.

[6]) Gaz. Mińska, № 1-ый.

шимъ признакомъ добраго гражданина, а насъ сдѣластъ достойными покровительства Героя нашего вѣка" [1]). „Нѣтъ мѣры жертвъ и личнаго самоотверженія, когда рѣчь идетъ о возвращеніи отчизны". Какъ выраженіе этой готовности къ пожертвованіямъ, въ отдѣленіи финансовъ 4-го (16-го) іюля заведена была книга „добровольныхъ пожертвованій ревностныхъ поляковъ, вносимыхъ на нужды возстановленной отчизны", о чемъ и оповѣщено было въ Минской газетѣ. Но такія добровольныя пожертвованія, несмотря на громкія фразы поляковъ о самоотверженіи и пышныя воззванія газеты, поступали довольно туго [2]).

Само собою разумѣется, что при недостаточности матеріальной поддержки со стороны мѣстнаго населенія Минскіе госпитали, переполненные больными и ранеными, лишенные больничной прислуги и необходимаго лазаретнаго имущества, находились далеко не въ блестящемъ состояніи. По словамъ очевидца—директора гимназіи Цейса, невозможно представить себѣ ту неопрятность и тотъ безпорядокъ, которые царили въ госпиталяхъ („niemożna wyobrazić sobie nieochędostwa i bezrządu, jaki u nich panował") [3]). О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и письмо одного пріѣзжаго поляка, присланное имъ въ редакцію Минской газеты 11-го августа. „Я полякъ, пріѣхавшій въ Минскъ изъ другой провинціи, пишетъ онъ. Побуждаемый любознательностью, я осматривалъ здѣшніе лазареты для больныхъ раненыхъ солдатъ. Я вышелъ отсюда съ тяжелымъ чувствомъ недовольства и негодованія. Видъ отвратительныхъ кроватей, жесткихъ и грязныхъ подстилокъ вызоветъ отвращеніе и негодованіе не только въ сердцѣ поляка, но и у самаго нечувствительнаго человѣка" [4]).

При видѣ этихъ неустроеній и печальнаго положенія больныхъ и раненыхъ, у всякаго посторонняго зрителя невольно рождалось

---

[1]) Ibid., № 5-ый.

[2]) Ibid., № 1-ый. Въ Минской газетѣ помѣщены отчеты лишь о слѣдующихъ пожертвованіяхъ, записанныхъ въ только что названную книгу: 1) княгини Радзивиллъ—30 бочекъ ржаной муки съ мѣшками, 2 бочки крупъ, 10 воловъ, 20 барановъ; 2) помѣщика Ратынскаго—10 тысячъ гарнцевъ водки „на нужды побѣдоносныхъ войскъ"; 3) графа Л. Рокицкаго — шесть выдѣланныхъ лосиныхъ шкуръ; 4) интенданта Сольнье—1200 франковъ на нужды военнаго госпиталя; 5) сумма, вырученная съ любительскаго спектакля, на нужды раненыхъ и больныхъ въ минскихъ лазаретахъ; 6) отъ двухъ семилѣтнихъ дѣтей—два фунта корпіи для военнаго лазарета.

[3]) Арх. гимназіи, № 117, 8, а также № 116, 114.

[4]) Gaz. Minska. № 8.

обвиненіе поляковъ въ несоотвѣтствіи между словомъ и дѣломъ. Авторъ приведеннаго письма открыто бросаетъ это обвиненіе своимъ соотечественникамъ. „Такъ-то мы принимаемъ нашихъ защитниковъ! говоритъ онъ. Такова-то признательность къ тѣмъ, которые жертвуютъ своею жизнью за насъ, кровь свою проливаютъ для возстановленія нашего отечества и для поддержанія его существованія. Да покроетъ насъ стыдъ и позоръ! Мы недостойны заботъ могущественнаго монарха, когда подобнымъ образомъ отплачиваемъ ему за его ничѣмъ невознаградимое покровительство“ [1]). Французамъ этотъ разладъ между словомъ и дѣломъ бросался въ глаза еще сильнѣе. И въ Минскѣ они, вѣроятно, думали о полякахъ то же самое, что витебскій интендантъ Пасторе. „Нельзя было, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, не замѣтить рѣзкаго противорѣчія между ихъ рѣчами и поступками. Стоило заговорить съ ними о причинахъ и событіяхъ войны, слова: побѣда, возрожденіе, свобода, самопожертвованіе не сходили съ ихъ устъ. Но какъ только доходило дѣло до того, чтобы дѣйствительно принести какую-либо жертву, эти недавно еще столь пылкіе люди оказывались глухи на всѣ просьбы или отвѣчали извиненіями, такъ какъ просто отказать у нихъ не хватало смѣлости. Если же, наконецъ, настоятельная необходимость принуждала насъ закономъ устанавливать тѣ жертвы, которыя они должны были принести, они закрывались бронею безнадежной бездѣятельности, громоздили промедленіе на промедленіе, на всякій доводъ отвѣчали ложью, на всякую угрозу—жалобой, и то, что они должны были исполнить въ концѣ концовъ, исполняли только тогда, когда къ этому ихъ принуждали силою оружія“ [2]). Чѣмъ же объяснить подобное явленіе? Вѣдь воодушевленіе поляковъ и ихъ стремленіе къ самопожертвованію, повидимому, были такъ искренни. Неизвѣстный авторъ письма все объясняетъ ихъ легкомысліемъ и неблагодарностью, а Пасторе—врожденной фальшивостью польской натуры, скупостью и вѣроломствомъ поляковъ. И тотъ и другой, по нашему мнѣнію, ошибаются въ опредѣленіи истинныхъ причинъ страннаго поведенія поляковъ. Конечно, пристрастіе къ звонкой фразѣ, несоотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ присущи польскому характеру; но ихъ стараніе уклониться отъ жертвъ на нужды французской арміи объясняется проще. Съ одной стороны, поляки, дѣйствительно, были не въ силахъ нести тѣ жертвы, кото-

[1]) Тамъ же.

[2]) Русскій Архивъ, 1900 г., XII, записки маркиза Пасторе, стр. 495, 496.

рыхъ отъ нихъ требовали: они и безъ того были обременены и истощены непрестанными принудительными повинностями, и натурой и деньгами; въ одномъ Минскѣ причиненные французами убытки (не считая добровольныхъ пожертвованій и повинностей) исчисляются въ 253866 рублей, а по всей губерніи они достигаютъ многомилліонной суммы [1]). Съ другой стороны, всѣ эти жертвы поляки считали лишь актомъ патріотизма и благодарности за освобожденіе, а ничуть не обязанностью союзника [2]); въ своихъ восторженныхъ мечтахъ о возстановленіи отчизны, они забывали о нуждахъ французовъ или отодвигали ихъ на задній планъ; имъ такъ хотѣлось поскорѣе заняться своимъ дорогимъ для нихъ дѣломъ, устройствомъ своей страны, что не до французовъ имъ было. Наконецъ, въ обстановкѣ военнаго времени и въ отношеніяхъ самихъ французовъ къ полякамъ много было поводовъ къ разочарованію и недовольству. Трудно, напримѣръ, было не разочароваться въ своихъ освободителяхъ представителямъ польской администраціи, когда при первыхъ же столкновеніяхъ съ французскими властями имъ стало совершенно ясно, что ихъ власть и значеніе положительно ничтожны безъ содѣйствія интенданта и военнаго комиссара, для которыхъ, какъ и для всѣхъ французовъ вообще, польскія дѣла не представляютъ ни малѣйшаго интереса. Эти чиновники дѣйствовали почти диктаторски, нанося на каждомъ шагу чувствительные удары самолюбію польской знати. Интендантъ Сольнье руководилъ каждымъ шагомъ администраціи Минскаго департамента; подъ его предсѣдательствомъ ведутся засѣданія совѣта; онъ является скрытою пружиною, направляющею и регулирующею его дѣятельность. Военный комиссаръ Розье хозяйничалъ въ Минскѣ, какъ въ завоеванномъ непріятельскомъ городѣ. Онъ ни во что не ставилъ распоряженія губернатора Брониковскаго и административныхъ властей департамента, когда дѣло касалось нуждъ французской арміи, и нерѣдко дѣйствовалъ наперекоръ ихъ распоряженіямъ. Прекрасною характеристикою отношеній французскихъ властей къ мѣстному населенію можетъ служить исторія тѣхъ злоключеній, которыя испытала въ это время Минская гимназія и ея педагогическій персоналъ, несмотря на всѣ старанія директора гимназіи, губернатора Брониковскаго и администраціи департамента защитить гимназію и оградить

---

[1]) Арх. Губ. Предв. двор., XV, 218, 1.
[2]) Gaz. Mińska. № 1 и 5.

ее отъ непріятностей и притѣсненій [1]). Такъ обращались французскія власти съ лицами, занимавшими видное общественное положеніе, и съ учрежденіями, пользовавшимися особыми симпатіями польскаго общества; легко себѣ представить, каково было ихъ отношеніе къ тѣмъ частнымъ лицамъ, за которыхъ некому было вступиться. Само собою разумѣется, что „невозможно было ожидать ни преданности, ни самопожертвованія отъ тѣхъ, которыхъ страна управлялась французами, какъ область, покоренная силою оружія" [2]).

А тяжелыми матеріальными жертвами и униженіемъ представителей польскаго общества далеко еще не исчерпываются всѣ тягости и страданія, которыя налагались на населеніе Минской губерніи тогдашними обстоятельствами. Едва ли не самымъ страшнымъ зломъ для мѣстнаго населенія было паденіе дисциплины во французскихъ войскахъ и, какъ неизбѣжное слѣдствіе этого, развитіе мародерства.

Ко времени прибытія французовъ въ Минскъ эти явленія во французской арміи были уже настолько сильны, что Даву, производя смотръ дивизіи Компана въ Минскѣ 28-го іюля, нашелъ себя вынужденнымъ произнести слѣдующую знаменательную рѣчь: „мы еще не въ непріятельской странѣ, говорилъ Даву; напротивъ того, мы въ дружественной странѣ среди нашихъ искреннѣйшихъ друзей. Дисциплина въ печальномъ состояніи; но я показалъ примѣръ строгости, а слѣдующія наказанія будутъ еще строже. Да, господа! одинъ полковникъ забылся, я сорвалъ съ него эполеты, и императоръ разжаловалъ его. Тринадцать кирасиръ позволили себѣ учинить грабежъ среди бѣла дня въ этомъ мирномъ городѣ, гдѣ находится моя главная квартира... Черезъ часъ они будутъ разстрѣляны. Господа! напоминаю вамъ о вашемъ долгѣ, о волѣ императора, о моихъ приказахъ; клянусь, что я приму мѣры для наказанія, не взирая на личности" [3]). Тутъ же послѣдовалъ приказъ отвести виновныхъ кирасиръ за городъ для разстрѣлянія. Ихъ преступленіе состояло въ томъ, что они вошли въ лавку, находившуюся подъ ратушей, и попросили имъ показать сукна; когда еврей разложилъ на прилавкѣ нѣсколько штукъ сукна, то нѣсколько кирасиръ ворвались за прилавокъ, схватили еврея и начали его колотить, а остальные, схвативъ сукно, бросились бѣжать; но, благодаря собравшейся около лавки толпѣ народа, имъ

---

[1]) Объ этомъ подробно будетъ сказано ниже.

[2]) *Богдановичъ*, Истор. отеч. войны II, стр. 100.

[3]) *Röder v. Bomsdorff*, I стр. 95.

это не удалось, и они вмѣстѣ съ товарищами были схвачены подошедшимъ въ то время патрулемъ. Ужъ если въ Минскѣ на глазахъ у строгаго маршала происходили подобныя вещи, то не трудно себѣ представить, что дѣлалось по глухимъ уголкамъ Минской губерніи.

Зло было настолько велико и получило столь сильное развитіе въ арміи, что самъ Наполеонъ обратилъ на него вниманіе и вынужденъ былъ издать строжайшіе приказы, которыми запрещалось войскамъ нападать на беззащитныя деревни и грабить помѣщичье и крестьянское имущество. Приказано было назначать военные летучіе отряды (colonnes mobiles) и народную жандармерію для охраненія порядка, общественной и частной собственности; этимъ отрядамъ поручено было захватывать бродягъ и отсылать въ полки солдатъ, самовольно оставившихъ свои части. Повѣтовой администраціи, помѣщикамъ, сельской полиціи и крестьянамъ вмѣнялось въ обязанность доносить о подобныхъ праздношатающихся и помогать воинскимъ командамъ и жандармеріи въ поимкѣ мародеровъ. Временная комиссія Великаго Княжества Литовскаго озаботилась, чтобы это распоряженіе получило самую широкую извѣстность въ краѣ; его приказано было огласить повсемѣстно съ церковныхъ амвоновъ, прочитать на сельскихъ сходкахъ, а въ городахъ прибить на дверяхъ ратушъ [1]).

Губернатору Брониковскому на первыхъ же порахъ пришлось принять самыя энергичныя мѣры для установленія спокойствія въ департаментѣ. Ежедневно высылались изъ Минска на разныя дороги „colonnes mobiles“, которые совмѣстно съ жандармеріей захватывали грабителей и представляли ихъ въ военный судъ. Судъ относился къ нимъ безпощадно: 10, 13 и 16-го іюля н. ст. въ Минскѣ была совершена смертная казнь надъ пойманными мародерами. Подобная же кара распространялась и на покупавшихъ награбленныя вещи [2]). Но само собою разумѣется, что воинскія команды могли захватить лишь незначительную часть мародеровъ; въ большинствѣ же случаевъ и ихъ подвиги оставались безнаказанными. Минская уголовная комиссія (Kommissya prewotalna Mińska) 30 іюля объявила, между прочимъ, что въ жалобахъ, приносимыхъ на грабежи мародеровъ, должны быть указываемы имена виновныхъ, такъ какъ въ противномъ слу-

---

[1]) Gaz. Mińska, № 6.

[2]) Тамъ же, №№ 1 и 8; Русск. Арх. 1900 г. XII. Пасторе, стр. 492. Арх. упраздн. судебн. учрежд. 1812 г. № 3.

чаѣ ихъ невозможно разыскать [1]); это было почти равносильно безнаказанности мародеровъ въ большинствѣ случаевъ. И дѣйствительно, опасность отъ безчинства мародеровъ вдали отъ городовъ была такъ велика, что, не говоря уже о крестьянахъ, даже многіе помѣщики, зарывъ въ землѣ все болѣе цѣнное имущество, прятались по лѣсамъ, ведя жизнь, полную лишеній [2]).

Но, несмотря на все разочарованіе въ своихъ избавителяхъ и недовольство ими, поляки старались не раздражать ихъ, видя полную зависимость успѣха своего дѣла отъ французовъ; по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ они по-прежнему выражали восторженное преклоненіе предъ личностью Наполеона и свои симпатіи къ французамъ. Время отъ времени въ Минскѣ устраивались по поводу успѣховъ французскаго оружія торжественныя молебствія, иллюминаціи, любительскія спектакли и благотворительныя гулянья въ пользу больныхъ и раненыхъ солдатъ. Хотя съ теченіемъ времени подобныя торжества все менѣе и менѣе служили выраженіемъ истиннаго настроенія общества, разочарованнаго притѣсненіями своихъ освободителей, однако, они очень характерны для данной эпохи, и потому мы считаемъ необходимымъ остановится на описаніи хоть одного изъ подобныхъ празднествъ.

День именинъ Наполеона, 15-ое августа, нов. ст., минчане рѣшили отпраздновать съ особенною торжественностью. Согласно заранѣе выработанной программѣ, торжество началось еще наканунѣ этого дня. Въ 7 часовъ вечера 14-го августа торжественный звонъ во всѣхъ минскихъ костелахъ возвѣстилъ начало молебствія о благоденствіи императора и благосостояніи войскъ его. Въ 9 часовъ состоялось открытіе повѣтоваго и городского сеймиковъ и были выбраны представители отъ г. Минска и Минскаго повѣта на сеймъ конфедераціи польскаго королевства въ Варшавѣ. Въ 11 часовъ всѣ гражданскія и военныя власти г. Минска собрались въ квартирѣ губернатора Бронниковскаго и вмѣстѣ съ нимъ отправились въ каѳедральный костелъ, гдѣ бискупомъ Дедеркою была отслужена торжественная обѣдня; въ концѣ обѣдни произнесено было соотвѣтственное случаю слово, затѣмъ исполнено „Te Deum“ и совершено молебствіе о здравіи и

[1]) Gaz. Mińska, № 5.

[2]) Архив. упраздн. судебн. учрежденія Минск. губ. Дѣла 1812 г. во время нашествія французовъ, № 6-ой. Sprawa Kryminalistow wsi Troscianki wloscian o zabicie Panow swych obwinionych.

благоденствіи Наполеона. По окончаніи богослуженія состоялся парадъ мѣстныхъ войскъ. Въ пять часовъ пополудни назначено было народное гулянье, на которомъ въ присутствіи властей и при огромномъ стеченіи народа происходили состязанія въ бѣгѣ и стрѣльбѣ въ цѣль. Въ восемь часовъ вечера состоялся любительскій спектакль, приноровленный къ обстоятельствамъ (stosowny do okoliczności); спектакль закончился живыми картинами съ пѣніемъ. Представленіе было платное и сборъ съ него былъ предназначенъ на улучшеніе положенія раненыхъ и больныхъ французскихъ и польскихъ солдатъ. По окончаніи представленія въ театрѣ, весь городъ былъ иллюминованъ; особенно позаботились о блистательной иллюминаціи зданій администраціи, ратуши, каѳедральнаго костела, губернаторскаго дома и зданія, гдѣ находилась квартира интенданта. Въ 10 часовъ вечера муниципальнымъ управленіемъ Минска былъ данъ балъ-маскарадъ, которымъ и закончилось празднованіе этого, по словамъ Минской газеты, „столь дорогого для сердца поляковъ дня“ (obchod dnia tak drogego sercom Polakow) [1]).

Такъ же торжественно праздновали въ Минскѣ и каждое извѣстіе о крупныхъ побѣдахъ французовъ.

IV.

Дѣятельность польской администраціи по внутреннему устройству департамента. — Присоединеніе къ Варшавской конфедераціи. — Торжество католицизма.—Переселеніе римско-католическаго епископа Дедерки въ домъ православнаго архіерея.—Разграбленіе имущества архіерейскаго дома.—Притѣсненія православнаго духовенства.—Торжество уніатовъ и случаи совращенія въ унію.

Мы видѣли, какъ обременено было населеніе Минской губерніи тяжелыми военными повинностями; ему всѣ силы, и матеріальныя и нравственныя, приходилось затрачивать на служеніе нуждамъ французской арміи. Казалось, что при такихъ обстоятельствахъ выполненіе завѣтной мечты о возстановленіи отчизны полякамъ приходилось отложить въ долгій ящикъ, до болѣе благопріятнаго времени послѣ войны. Но такова была сила страстнаго желанія видѣть свою родину возрожденной на былыхъ старопольскихъ началахъ, а себя—въ роли устрои-

[1]) Gaz. Mińska. № 8. Programma uroczytosci dnia 15 Sierpnia poswięconego Imieniowi Nayiaśnieyszego Cesarza i Króla Wielkiego Napoleona, maiącey się obchodzic w Miejscie Departamentowem Mińsku roku 1812.

телей и управителей страны, что населеніе Минской губерніи, по крайней мѣрѣ, дворянство, собравшееся по городамъ, нашло и силы и возможность вершить свое родное польское дѣло.

Не довольствуясь тою формою временнаго правленія, которая была выработана Наполеономъ для устройства областей бѣлорусско-литовскаго края, оставленныхъ русскими, они стремились къ созданію постоянныхъ и болѣе отвѣчающихъ завѣтнымъ мечтамъ поляковъ формъ государственной и общественной жизни.

Возрожденіе Великаго Княжества Литовскаго, провозглашенное Наполеономъ, поляки считали лишь переходной ступенью къ возрожденію Польши во всемъ ея объемѣ, а потому присоединеніе къ Варшавской федераціи и для минскихъ поляковъ было дѣломъ первой и неотложной необходимости. Города бѣлорусско-литовскаго края приступали къ Варшавской конфедераціи по мѣрѣ занятія ихъ французами. Въ Минскѣ конфедераціонный актъ былъ подписанъ 7-го (19-го) іюля. Къ сожалѣнію, не сохранилось того номера Минской газеты, въ которомъ описывается это событіе; но, вѣроятно, оно было обставлено не менѣе торжественно, чѣмъ присоединеніе къ конфедераціи въ Вильнѣ [1]). Въ Слуцкомъ уѣздѣ это присоединеніе совершилось въ срединѣ іюля, а въ занятыхъ французами частяхъ Бобруйскаго уѣзда въ концѣ іюля; въ Вилейскомъ, Игуменскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ оно состоялось значительно позже [2]). Въ началѣ августа администрація Минскаго департамента, согласно приказанію Виленской комиссіи, предписала подпрефектамъ собрать на 15-ое августа во всѣхъ повѣтахъ сеймики и, руководствуясь правилами Варшавской генеральной конфедераціи [3]) и инструкціями Виленской комиссіи, избрать представителей на сеймъ конфедераціи польскаго королевства въ Варшаву. Городамъ Слуцку, Несвижу, Борисову, Бобруйску, Вилейкѣ, Диснѣ и Игумену предписано было того же 15-го августа прислать по два делегата для выбора изъ ихъ среды представителей городскаго управленія на Варшавскій сеймъ [4]).

---

[1]) Русск. Арх. 1900, XII. Насторе, стр. 486.

[2]) *Богдановичъ*, Истор. Отеч. войны II, стр. 96.

[3]) Отечествен. записки, 1865 г., № 11. *Дубровинъ,* Наполеонъ I и поляки въ 1812 г. стр. 88. *Мих.-Данилевскій,* Описан. Отеч. войны, ч. II, стр. 238,

[4]) Gaz. Mińska, № 7. Объ избраніи делегатовъ отъ Минска и Минскаго повѣта, см. выше въ описаніи празднованія именинъ Наполеона. Что касается именъ избранныхъ на сеймикахъ делегатовъ, то намъ извѣстенъ только представитель Пинскаго повѣта—колежск. сов. Любанскій, уѣхавшій въ Варшаву и не возвратившійся обратно и послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи. Проток. Губ. Пр. отъ 23-го мая, 1813 г.

Теперь мы обратимся къ характеристикѣ внутренней дѣятельности польской администраціи и устройства ею отдѣльныхъ частей управленія департамента. Прежде всего остановимся на церковныхъ дѣлахъ.

Само собою разумѣется, что съ переходомъ власти въ руки поляковъ наступило для Минска торжество католицизма, и римско-католическое исповѣданіе сдѣлалось господствующимъ въ Минскомъ департаментѣ. Внѣшнимъ выраженіемъ этого торжества было переселеніе минскаго римско-католическаго епископа Іакова Дедерки въ помѣщеніе минскаго православнаго епископа. Сначала, до половины іюля, архіерейскій домъ былъ занятъ военнымъ постоемъ; французы отобрали у эконома іеромонаха Иннокентія ключи и начали хозяйничать въ домѣ по своему, „дѣлая эконому разныя притѣсненія и страхи, угрожающіе смертью". Когда, наконецъ, они очистили домъ, все оказалось въ полномъ разореніи: замки были всюду отбиты, печати сорваны, ризница разбросана и даже документы на владѣніе духовными имѣніями оказались вырытыми изъ земли [1]). Только что принялся экономъ приводить въ порядокъ разоренное имущество, какъ получилъ повѣстку „отъ учрежденной непріятелемъ польской полиціи" о немедленномъ удаленіи его изъ дома вмѣстѣ съ остальными монахами и о передачѣ ключей отъ зданія и всего имущества тому, кто будетъ присланъ отъ римско-католическаго епископа Дедерки [2]). Сейчасъ же послѣ этого польское правительство вступило во владѣніе архіерейскимъ домомъ. Весь домъ былъ обысканъ и все болѣе цѣнное снесено въ ризницу и запечатано [3]). Съ вѣдома губернатора и французскихъ властей, лица, производившія обыскъ въ архіерейскомъ домѣ, безъ всякаго стѣсненія воспользовались изъ архіерейскаго имущества тѣми вещами, которыя имъ понравились. Экипажи, упряжь, столовая посуда, ковры, часы, комнатные и оранжерейные цвѣты: все было разобрано ими и, что оказалось лишнимъ, раздарено знакомымъ. 130 вазоновъ

---

[1]) Арх. Дух. Конс. Дѣло № 6359, стр. 9. Въ „реестрѣ вещамъ, забраннымъ непріятелемъ", общая стоимость разграбленнаго имущества оцѣнивается въ 6418 р. 61 к.

[2]) Тамъ же, стр. 7. Повѣстка адресована Xięḋżom Ruskiego wyznania, mieszkającym w dworku Byłego Archiereja и подписана приставомъ Кустреемъ; помѣчено 5-мъ августа. Въ тотъ же день относительно выѣзда получено было предписаніе и отъ мэра города Г. Липскаго.

[3]) Арх. Дух. Консист. Дѣло № 6359 о расхищеніи во время непріятельскаго нашествія разными лицами имущества Минск. архіерейск. дома, стр. 3 и 7-ал. Арх. Губ. Пр. Дѣло № 29287 о томъ же, стр. 2.

съ растеніями изъ оранжереи были взяты къ губернатору Брониковскому и отъ него разобраны другими лицами [1]). Дрожки были взяты иностранцемъ Дельпечемъ, по словесному яко бы приказанію комиссара Розье [2]); линейка захвачена Ваньковичемъ, а карета губернаторомъ Брониковскимъ [3]). Второй секретарь губернатора Пржистановскій собственноручно забралъ столовую посуду, часы и ковры; при чемъ посуду онъ уложилъ въ сундукъ, въ которомъ хранилась ризница [4]). Полку чернаго дерева изъ-подъ церемоніальнаго креста, бархатную подушку и тарелки взялъ комендантъ Михаловскій [5]).

На слѣдующій день архіерейскій домъ былъ занятъ епископомъ Дедеркою, который насильно отобралъ у эконома ключи и сталъ распоряжаться въ домѣ, какъ полный хозяинъ. На все имущество архіерейскаго дома, уцѣлѣвшее отъ расхищенія, онъ смотрѣлъ, какъ на свое собственное: забралъ ризницу, архіерейскія митры, документы и даже св. миро и антиминсы. Несмотря на просьбы эконома архіерейскаго дома о возвращеніи ему, по крайней мѣрѣ, антиминсовъ, св. мира и документовъ, Дедерко не хотѣлъ возвратить этихъ предметовъ, говоря: „какъ вы поступали съ базыльянами, такъ должно поступать и съ вами“. Черезъ двѣ недѣли онъ отдалъ только миро, а антиминсы, ризница, митры и документы оставались у него еще и въ 1814 году, несмотря на то, что по возвращеніи русскихъ въ Минскъ поднято было официальное дѣло „о расхищеніи во время непріятельскаго нашествія разными лицами имущества Минскаго архіерейскаго дома“ и другое „объ отысканіи трехъ архіерейскихъ шапокъ, находящихся у бискупа Дедерки“. Изъ находящихся въ дѣлахъ минской духовной консисторіи реестровъ видно, что всего Дедеркою было присвоено себѣ имущества изъ архіерейскаго дома на сумму 5364 рубля. Часть вещей послѣ многолѣтней переписки и многократныхъ требованій со стороны начальства была возвращена, а за другія въ 1837 году по Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ было взыскано съ Дедерки 2870 рублей 90 коп.

Жизненные припасы: мука, хлѣбъ, крупа, сѣно и овесъ, и хозяйственныя принадлежности—котлы, посуда, брички и другіе предметы,

---

[1]) Арх. Дух. Конс. Дѣло № 6359, стр. 771.

[2]) Тамъ же, стр. 772.

[3]) Арх. Губ. Пр. Дѣло № 29287, стр. 6.

[4]) Тамъ же.

[5]) Арх. Дух. Консист. Дѣло, № 6359 стр. 776; см. также реестръ вещамъ, забраннымъ польскимъ правительствомъ, въ томъ же дѣлѣ на стр. 15.

въ изобиліи находившіеся въ архіерейскомъ домѣ и въ особенности на фольваркѣ, подверглись такому же расхищенію. Всѣ распоряженія о выдачѣ архіерейскаго имущества изъ дома и фольварка на разныя общественныя и военныя нужды происходили, со времени занятія дома Дедеркою, по приказаніямъ губернатора Брониковскаго и мэра Линскаго [1]).

Архіерейскій домъ Дедерка ремонтировалъ, сообразно своему вкусу, а домовая Успенская церковь при архіерейскомъ домѣ была имъ передѣлана въ костелъ [2]).

Много обидъ пришлось вынести эконому архіерейскаго дома іеромонаху Иннокентію отъ епископа Дедерки и его приближенныхъ, но, несмотря на это, онъ упорно и настойчиво все время оберегалъ и отстаивалъ интересы архіерейскаго дома. Онъ обращался съ жалобою на своеволіе Дедерки къ губернатору Брониковскому, но тотъ сказалъ ему, что онъ въ церковныя дѣла не вмѣшивается, и направилъ его въ совѣтъ администраціи Минскаго департамента. Совѣтъ, повидимому, отнесся снисходительно къ жалобѣ іеромонаха Иннокентія и постановилъ, чтобы ему была возвращена ризница, документы и нѣкоторые съѣстные припасы; но Дедерко этого постановленія не исполнилъ, а подвергъ Иннокентія еще новымъ преслѣдованіямъ и осмѣяніямъ. Между прочимъ, Дедерко говорилъ, что польское правительство отдало въ его вѣдѣніе православныхъ монаховъ; и, дѣйствительно, онъ распоряжался православнымъ духовенствомъ такъ же, какъ и католическимъ. Соборнаго протоіерея Пительковича, остававшагося въ Минскѣ, онъ совращалъ въ унію; эконому архіерейскаго дома дѣлалъ выговоръ за то, что онъ не присутствовалъ въ каѳедральномъ костелѣ на молебствіи о дарованіи побѣды французскому оружію. Другой разъ, „когда о вступленіи непріятельскомъ въ Москву и о удачномъ яко бы его подъ оною съ россіянами сраженіи оный же епископъ Дедерко, говоритъ Иннокентій, отправлялъ благодарный молебенъ, то чрезъ упомянутаго протоіерея Пителькевича и меня приглашалъ къ тому, но какъ я отъ того отказался болѣзнью, то... обжаловалъ меня бывшему польскому губернатору Брониковскому, который меня за то всячески стращалъ и что я по приглашеніи

[1]) Арх. Дух. Конс. Дѣло № 6359, стр. 3, 10, 42, 48—50, 774, 775, 818, 820. Дѣло № 6358 объ открытіи присутствія консисторіи въ 1813 г., стр. 130 и слѣд. Арх. Губ. Пр. Дѣло № 29287 листы 6, 12, 39.

[2]) Арх. Дух. Конс. № 6358, стр. 283 и 130 и слѣд. № 6359, стр. 6.

его на вѣрность непріятелю присяги не учинилъ подъ стражу меня бралъ, а когда я сказалъ, что ненарушимая вѣрность къ своему Государю предъ Богомъ свята и предъ людьми похвальна во всѣхъ народахъ, то онъ меня за то отъ себя и отпустилъ" [1]). Но не всегда такъ снисходительно относилось польское правительство къ православному духовенству. Священникъ мѣстечка Озаричи Бобруйскаго повѣта Николай Борзаковскій былъ захваченъ непріятелемъ въ плѣнъ и отправленъ подъ карауломъ къ генералу Домбровскому въ м. Свислочь, а отъ него уже въ Минскъ къ Брониковскому. Послѣдній приказалъ посадить Борзаковскаго въ тюрьму, гдѣ онъ и протомился въ заключеніи цѣлыхъ два мѣсяца, „претерпѣвая разныя поруганія, крайнія и нестерпимыя обиды и угрозы смерти". Въ концѣ концовъ, онъ былъ осужденъ на смерть; но на его счастіе пришелъ конецъ польскому господству; русскія войска снова заняли Минскъ, и Борзаковскій былъ освобожденъ изъ острога [2]).

Много также пришлось претерпѣть разныхъ притѣсненій и не разъ дрожать за свою жизнь монахамъ, остававшимся въ Слуцкомъ монастырѣ во время нашествія. Еще хуже было тѣмъ бѣднымъ мальчикамъ сиротамъ, которые не могли бѣжать изъ Слуцка и остались въ своей бурсѣ. Все ихъ бѣдное имущество и оставленные имъ скудные припасы были разграблены, и голоднымъ, босымъ и почти нагимъ дѣтямъ пришлось бы очень плохо, если бы ихъ не принялъ подъ свое покровительство одинъ изъ учителей семинаріи, іеромонахъ Маркіанъ [3]).

Дедерко не выбрался изъ архіепископскаго дома и послѣ занятія Минска русскими войсками и возвращенія въ городъ русскихъ гражданскихъ властей. Мало того, въ сентябрѣ 1813 года онъ имѣлъ смѣлость обратиться къ главноуправляющему дѣлами иностранныхъ исповѣданій съ просьбою предоставить архіерейскій домъ въ Минскѣ для постояннаго жительства минскаго католическаго епископа, а мѣстожительствомъ православнаго епископа назначить Слуцкій монастырь. Конечно, это ходатайство было отклонено, хотя и въ очень мягкой формѣ; а Дедеркѣ приказано было очистить своевольно захваченное

---

[1]) Арх. Духовн. Консист. дѣло № 6359, стр. 2—9.

[2]) Тамъ же, дѣло № 6360 о приведеніи въ извѣстность убытковъ, причиненныхъ непріятелемъ въ церковныхъ и монастырскихъ зданіяхъ и священно-церковно-служителямъ, стр. 656.

[3]) Арх. Духовн. Сем. Нарядъ 1833 г. дѣло № 15. Прошеніе архимандрита Маркіана.

имъ помѣщеніе. Но и послѣ этого Дедерко не особенно торопился и выѣхалъ изъ дома лишь въ маѣ 1814 г., послѣ многократныхъ понужденій со стороны главноуправляющаго.

Мало смущало Дедерку и начатое дѣло; онъ развязно утверждалъ что, занявъ архіерейскій домъ, онъ лишь оберегалъ его и домовую церковь отъ поруганія: устройства тамъ офицерскаго лазарета или театра; „избѣжаніе таковаго для Божія дома и его престола поруганія, вообще во всѣхъ мѣстахъ практикованнаго, значительную мнѣ, добавляетъ онъ, принесло издержку въ чинимыхъ губернатору Брониковскому подаркахъ“ [1]). Онъ всѣми силами постарался затянуть слѣдствіе на долгое время; были пущены въ ходъ всѣ средства для этого, включительно до обвиненія самого эконома архіерейскаго дома въ расхищеніи архіерейскаго имущества. И онъ достигъ своего; дѣло затянулось на цѣлыхъ 25 лѣтъ: лишь въ апрѣлѣ 1837 года по Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ взысканы деньги за вещи, взятыя имъ изъ архіерейскаго имущества; утверждены были сенатомъ и денежныя взысканія, наложенныя губернскимъ правленіемъ на тѣхъ лицъ, которыя не представили предписаній отъ временнаго правительства относительно забора ими тѣхъ или другихъ вещей изъ архіерейскаго дома. Подвергать же кого-либо изъ означенныхъ лицъ судебной отвѣтственности сенатъ счелъ неумѣстнымъ, въ виду Всемилостивѣйшихъ манифестовъ 12-го декабря 1812 года и 30-го августа 1814 года [2]).

Съ торжествомъ католицизма и уніаты Минской губерніи подняли голову. Чувствуя въ лицѣ польскаго правительства твердую почву подъ собою, уніаты вспомнили о временахъ былыхъ „наѣздовъ“ и принялись силою отнимать православные храмы и превращать ихъ въ уніатскіе. Такъ, напримѣръ, въ слуцкомъ повѣтѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Вслѣдъ за только что прошедшими французскими войсками на Хотлянскую церковь „наѣхалъ“ уніатскій деканъ съ четырьмя уніатскими священниками и насильно отнялъ у православнаго священника ключи и объявилъ церковь уніатскою; иконостасъ былъ немедленно разломанъ и престолъ устроенъ по образцу католическихъ престоловъ [3]). Въ мѣстечкѣ Смиловичахъ игуменскаго

[1]) Брониковскій бѣжалъ изъ Россіи вмѣстѣ съ Наполеономъ и, значитъ, на него можно было сваливать вину.

[2]) Арх. Дух. Конс. Дѣло № 6359, стр. 36. 134, 186, 187, 817, 818, 823, 823. Арх. Губ. Пр. Дѣло № 29287 листы 3, 16, 31, 35, 53, 79.

[3]) Арх. Дух. Конс. Дѣло № 6358, стр. 88.

повѣта подобный же наѣздъ на церковь былъ совершенъ 22-го сентября уніатскимъ деканомъ съ 18-ью священниками [1]). Православная церковь въ Игуменѣ захвачена уніатами при подобныхъ же обстоятельствахъ. Такихъ случаевъ, вѣроятно, было немало; но священники церквей, на которыя совершались наѣзды, нерѣдко сами были тайными уніатами или сочувствовали уніи и потому встрѣчали „наѣздъ“ дружелюбно; въ виду этого, о подобныхъ захватахъ впослѣдствіи и не возникало дѣлъ, такъ какъ въ интересахъ и той и другой стороны было скрыть подобное происшествіе [2]). Многіе изъ священниковъ, склонявшихся къ уніи, сейчасъ же послѣ вторженія французовъ въ ихъ приходъ, брили себѣ бороды, стригли волосы на головѣ и одѣвали сутану. Когда впослѣдствіи имъ пришлось отвѣчать за свои поступки, то они говорили, что „сіе ими учинено для непріятельскаго поруганія“ надъ внѣшнимъ видомъ православныхъ священниковъ; а нѣкоторые даже давали сомнительныя показанія, что ихъ будто бы принудили къ этому французы [3]). Но первое-то время, подъ вліяніемъ радостнаго возвращенія въ лоно уніи, они громогласно объявляли, что „чего желали, того и дождались“, а одинъ заштатный старичокъ священникъ даже на слѣдствіи прямо заявилъ: „я всегда былъ и есть уніатъ“ [4]).

Такимъ образомъ, въ 1812 году многострадальному въ Западномъ краѣ православію пришлось внести въ лѣтописи своихъ страданій и гоненій еще новую страницу. Какимъ разореніямъ и какому оскорбленію подвергались православные храмы въ Минской губерніи за время французско-польскаго владычества, объ этомъ еще рѣчь впереди.

V.

Учебное дѣло.—Заботы польской администраціи о правильномъ ходѣ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ департамента; противодѣйствіе со стороны французскихъ властей.—Злоключенія Минской гимназіи: начало учебныхъ занятій въ ней.—Открытіе нѣкоторыхъ повѣтовыхъ школъ.

Виленскій университетъ, ставшій въ главѣ народнаго образованія въ возрожденномъ княжествѣ Литовскомъ, позаботился о доставленіи

---

[1]) Тамъ же, дѣло № 6362 о бритіи бороды и стрижкѣ волосъ свящ. А. Ждановичемъ 1813.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же и еще дѣло № 6410 о діаконѣ Іоаннѣ Загоровскомъ, обрившемъ во время непріятельскаго нашествія бороду и остригшемъ на головѣ волосы.

[4]) Тамъ же, а равно дѣло № 5427 о священникѣ Богдановскомъ, обрившемъ себѣ бороду и остригшемъ волосы; см. еще дѣло № 6515.

покровительства школьному дѣлу со стороны высшаго военнаго и гражданскаго начальства края. Ректоръ университета, глубоко убѣжденный, что послѣ принятыхъ мѣръ ничто уже не помѣшаетъ правильному теченію школьной жизни, предписалъ начать учебныя занятія во всѣхъ заведеніяхъ княжества непремѣнно 13-го сентября. Начальникамъ учебныхъ заведеній предложено было во всѣхъ дѣлахъ, касающихся подвѣдомственныхъ имъ школъ, обращаться за содѣйствіемъ въ уѣздныхъ городахъ къ комендантамъ и подпрефектамъ, а въ департаментскихъ—къ губернаторамъ и администраціи департамента [1]).

При такомъ положеніи вопроса директоръ школъ Минскаго департамента статскій совѣтникъ Цейсъ бодро смотрѣлъ на будущее и приложилъ всю энергію къ правильной организаціи учебнаго дѣла въ департаментѣ, надѣясь встрѣтить полное сочувствіе и дѣятельную поддержку въ мѣстныхъ властяхъ. И, дѣйствительно, польская администрація Минскаго департамента, принимая близко къ сердцу дѣло общественнаго образованія, приложила всѣ усилія къ тому, чтобы снискать у французовъ необходимое школамъ департамента покровительство. По крайней мѣрѣ, сперва самъ маршалъ Даву, а затѣмъ губернаторъ минскій Бронниковскій, генералъ французской арміи, отъ лица Наполеона, обѣщали минчанамъ, что въ учебномъ дѣлѣ, несмотря на тогдашнія обстоятельства, не произойдетъ никакого перерыва, такъ какъ училища будутъ освобождены отъ военнаго постоя [2]). Въ виду этихъ обѣщаній, родителямъ учащихся, по приказанію Бронниковскаго, было сообщено, что „никакой помѣхи и перерыва въ теченіи занятій не будетъ и чтобы они въ надлежащую пору присылали дѣтей своихъ въ школы“ [3]).

Но эти мечты о правильномъ и спокойномъ теченіи школьной жизни сильно разошлись съ дѣйствительностью. Не говоря уже объ уѣздныхъ училищахъ, даже Минской гимназіи пришлось перенести много мытарствъ, прежде чѣмъ оказалась хоть малѣйшая возможность приступить къ обычнымъ занятіямъ. Нужно отдать полную справедливость энергіи и настойчивости директора Цейса, который употребилъ всѣ усилія, чтобы отстоять гимназію отъ военнаго постоя и обезпечить правильный ходъ учебнаго дѣла въ департаментѣ.

---

[1]) Арх. Минск. гимназіи Дѣло № 12 Księga załecen rządowych 1811 г. № 88.

[2]) Тамъ же, № 116 Księga pism wychodzących za 1812 г. № 410, 412 и 414.

[3]) Тамъ же.

Финансовое отдѣленіе администраціи Минскаго департамента, которому Виленская комиссія поручила въ завѣдываніе народное образованіе, съ своей стороны, сдѣлало все возможное въ этомъ направленіи; но ихъ общія усилія разбивались о непреклонную стойкость „облеченнаго высшею властью военнаго комиссара“ Розье, ставившаго нужды французской арміи выше всѣхъ польскихъ интересовъ.

Мы остановимся подробнѣе на тѣхъ испытаніяхъ, которыя пришлось пережить въ эту эпоху Минской гимназіи, такъ какъ сохранившаяся во всей полнотѣ офиціальная переписка директора гимназіи за весь періодъ французско-польскаго управленія въ минской губерніи въ высшей степени характерна для этой эпохи; ни одно изъ остальныхъ учрежденій г. Минска не даетъ такого богатаго въ этомъ отношеніи матеріала.

1811—1812 учебный годъ въ Минской гимназіи, несмотря на военныя обстоятельства и даже приближеніе непріятеля къ Минску, закончился обычнымъ порядкомъ. Нормальное теченіе школьной жизни ничѣмъ не нарушалось; все было тихо и спокойно; какъ и всегда, были произведены экзамены, даже въ присутствіи визитатора [1]); ученики распущены по домамъ. Гимназическое начальство и педагогическій персоналъ совершенно спокойно и даже съ радостью ожидали прибытія французовъ; вѣдь, всѣ они, начиная съ директора и кончая письмоводителемъ, были польскими патріотами. Послѣднимъ актомъ подчиненія русской правительственной власти было постановленіе педагогическаго совѣта въ засѣданіи 24-го іюня относительно гимназическихъ суммъ, хранившихся въ кладовой минскаго уѣзднаго казначейства; сумму эту, въ количествѣ 26.506 р. 51 к., постановлено было, согласно предписанію губернатора, сдать подъ расписку уѣздному казначею для отправленія ея вмѣстѣ съ другими казенными суммами въ Смоленскъ [2]). Что же касается гимназическаго имущества, находившагося на рукахъ директора, то о вывозкѣ его изъ города не поднималось даже и вопроса; равнымъ образомъ, и служащіе гимназіи совершенно не считали нужнымъ удаляться изъ города, а оставались въ Минскѣ и принимали живое участіе въ дѣятельности французско-польской администраціи.

На первыхъ порахъ начальство и учителя гимназіи, въ виду объ-

[1]) Ревизоръ отъ Виленскаго университета.

[2]) Архивъ Минск. гимназіи. Дѣло № 136. Книга протоколовъ съ 1781 г. по 1813 г.

щаній Даву и Бронниковскаго, были увѣрены, что въ ихъ собственномъ положеніи и въ жизни гимназіи не произойдетъ никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ [1]). Но имъ очень скоро пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. Несмотря на тѣ торжественныя увѣренія, въ которыхъ, по словамъ директора, и сомнѣваться было невозможно, въ гимназію былъ назначенъ постой, въ количествѣ 600—700 солдатъ. „Всѣ классы, залы, лѣстницы были переполнены солдатами и ихъ вещами. По причинѣ тѣсноты помѣщенія гимназіи, все зданіе наполнилось невыносимымъ смрадомъ, и до самаго выхода солдатъ не было возможности нанять рабочихъ и лошадей для очистки дома“ [2]). Отъ военнаго постоя гимназіи удалось освободиться лишь въ концѣ іюля; но немедленно вслѣдъ за этимъ военный комиссаръ назначилъ ее подъ военный лазаретъ. Впрочемъ, благодаря усиленнымъ стараніямъ директора и заступничеству администраціи департамента, Розье согласился взамѣнъ гимназіи взять подъ лазаретъ болѣе обширное зданіе присутственныхъ мѣстъ, которыя были переведены въ помѣщенія доминиканскаго костела. Но недѣли черезъ три, съ увеличеніемъ числа больныхъ и раненыхъ въ г. Минскѣ, все же пришлось волей-неволей уступить гимназію подъ лазаретъ. 23-го августа военный комиссаръ, осмотрѣвъ зданіе и находя его вполнѣ подходящимъ для помѣщенія второго большого госпиталя, послалъ городскому головѣ графу Липскому слѣдующее категорическое предписаніе: „Честь имѣю увѣдомить васъ, что, согласно приказу Его Величества (ordres de Sa Majesté), въ Минскѣ долженъ быть устроенъ другой большой госпиталь, послѣдній эвакуаціонный пунктъ для больныхъ и раненыхъ. Зданіе гимназіи, о которомъ было говорено, необходимо очистить отъ лицъ, тамъ проживающихъ, въ 24 часа“ [3]). Напрасно директоръ цѣлый день бѣгалъ по городу, упрашивая всѣхъ, власть имущихъ, отстоять гимназію. Члены администраціи, хотя и обѣщали хлопотать, но всѣ ихъ старанія остались тщетными, и мэръ города Липскій вынужденъ былъ на слѣдующій же день, согласно предписанію Розье, предложить директору очистить гимназію въ 24 часа. Скрѣпя сердце, пришлось директору, инспектору и учителямъ поспѣшно и безпорядочно выбираться изъ своихъ квартиръ. Большая часть клас-

---

[1]) Тамъ же. Дѣло № 116. Księga pism wychodzących za 1812 г. Донесеніе ректору университета за №№ 410, 412 и 411.

[2]) Дѣло № 116. Донесеніе директора университету отъ 30-го августа за № 414.

[3]) Тамъ же. Дѣло № 12, 85.

ской мебели и мебели директора и учителей, которую не успѣли вынести, была поломана и выброшена на улицу. Съ большимъ лишь трудомъ директору удалось получить разрѣшеніе сложить въ одной подвальной комнатѣ гимназическую библіотеку, естественно-историческій кабинетъ, математическіе и физическіе приборы; все это въ суматохѣ пришлось свалить въ одну общую кучу. Черезъ двѣ недѣли Розье приказалъ директору очистить и это жалкое помѣщеніе; никакія ходатайства директора не были уважены [1]).

Послѣ долгихъ усиленныхъ хлопотъ директора и администраціи для гимназіи былъ отведенъ такъ называемый „Зеленый домъ", въ которомъ до нашествія французовъ помѣщалась почта [2]). Чтобы упрочить за собою это новое помѣщеніе, директоръ, по совѣту предсѣдателя финансоваго отдѣленія Обуховича, обратился къ ректору университета съ просьбою похлопотать въ Вильнѣ, чтобы и этотъ домъ не былъ отнятъ у гимназіи, а онъ и преподаватели не были выгнаны изъ квартиръ („abysmy nie byli w każdym momencie z kwater naschych wygnani") [3]). На этотъ разъ, впрочемъ, опасенія напуганнаго директора не оправдались: гимназію оставили въ почтовомъ домѣ.

Но злоключенія ея не прекратились и съ пріобрѣтеніемъ помѣщенія. Несмотря на начало занятій, квартирная комиссія помѣстила въ новомъ зданіи гимназіи 34 солдата изъ стрѣлковаго полка Рокицкаго [4]); та же комиссія, по словамъ директора, жесточайшимъ образомъ преслѣдовала и педагогическій персоналъ гимназіи, обременяя его двойнымъ постоемъ; при чемъ поставленныхъ къ нимъ солдатъ приходилось еще и кормить. У многихъ изъ учителей на квартирѣ были помѣщены больные. „Я самъ, говоритъ директоръ, въ теченіе долгаго времени содержалъ въ моемъ тѣсномъ помѣщеніи, кромѣ многихъ другихъ постояльцевъ, еще четырехъ французскихъ хирурговъ, изъ коихъ трое были больны дезинтеріей; воздухъ въ комнатахъ, благодаря ихъ неопрятности, былъ зараженъ, и мнѣ приходилось помѣщаться вмѣстѣ съ ними" [5]). Военный комиссаръ распоряжался гимназическимъ имуществомъ безъ всякаго стѣсненія, какъ своею собственностью; такъ, напримѣръ, онъ захватилъ изъ гимнази-

---

[1]) Дѣло гимназіи № 12, 90, 116, 457 и 117, 8.

[2]) № 116, 413 и 415.

[3]) Тамъ же, № 425.

[4]) Тамъ же, № 136.

[5]) Тамъ же. Дѣло № 117. Księga pism wychodzących za 1813 г. Донесеніе директора отъ 20-го января 1813 г. за № 8.

ческой библіотеки всѣ болѣе цѣнныя книги, какъ-то: 15 томовъ сочиненій Дидеро, 17 томовъ сочиненій Мармонтеля, 3 тома Исторіи Россіи, стѣнную географическую карту Россіи и атласъ Россійской имперіи по губерніямъ; частію этихъ книгъ онъ подѣлился съ интендантомъ Сольнье [1]).

„Зеленый домъ" ремонтировали и кое-какъ приспособили для помѣщенія гимназіи; сюда были перенесены жалкіе остатки классной мебели, уцѣлѣвшей отъ рукъ голландскихъ солдатъ, которые пользовались ею для топки печей. Но все же занятія въ гимназіи не могли начаться 13-го сентября, какъ того требовали начальство Виленскаго университета и финансовое отдѣленіе администраціи Минскаго департамента. Только съ 21-го сентября начались понемногу занятія; офиціальное же открытіе гимназіи послѣдовало лишь 5-го октября.

Въ этотъ день, согласно желанію Бронниковскаго, состоялся торжественный актъ. На актъ были приглашены всѣ власти: гражданскіе и военные чиновники, какъ поляки, такъ и французы; много также собралось представителей и представительницъ городского общества. Инспекторъ Бродовскій и преподаватель латинскаго языка Тиле говорили рѣчи; первый на польскомъ языкѣ, а Тиле—на латинскомъ. Рѣчи эти, какъ гласитъ офиціальное донесеніе директора, составлены были примѣнительно „къ современнымъ обстоятельствамъ и настоящему акту". Въ день открытія во всѣхъ шести классахъ состояло 167 учениковъ [2]). Съ этого времени занятія въ гимназіи пошли обычнымъ порядкомъ; всѣ преподаватели оказались налицо, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ и не уѣзжалъ изъ Минска [3]). Примѣнительно къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, особенное вниманіе было обращено на изученіе французскаго языка. Въ виду усиленнаго желанія учениковъ обучаться французскому языку и отсутствія нужныхъ для этого книгъ, директоръ настойчиво и много разъ просилъ Виленскій университетъ

---

[1]) Тамъ же, № 116, 8.

[2]) Дѣло № 116. Донесеніе директора университету отъ 11-го октября 1812 г., за № 441.

[3]) Штатъ Минской гимназіи въ это время состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: директоръ Петръ Цейсъ, инспекторъ и учитель польской словесности Бродовскій, физики—В. Сенковичъ, математики—Мих. Полинскій, права и исторіи—Ив. Лапинкевичъ; 2-го класса—Ос. Ипленкій; 1-го—Шимкевичъ; нѣмецкаго яз.—Землеръ; французскаго яз.—Пидо (впрочемъ, по болѣзни не посѣщавшій гимназіи); русскаго яз.—Ив. Остроумовъ (неизвѣстно только, остался ли русскій языкъ въ числѣ предметовъ преподаванія); письмоводитель—Колышко.

о высылкѣ въ Минскъ нужнаго количества экземпляровъ грамматики французскаго языка и французскихъ хрестоматій. Но университетъ тоже не могъ удовлетворить этой потребности; только 10-го ноября, когда въ сущности надобность въ усиленномъ изученіи французскаго языка прекратилась, выслано было 20 экземпляровъ грамматики; высылка хрестоматій замедлилась потому, что университетъ приступилъ къ печатанію словаря для хрестоматіи, безъ котораго пользованіе книгою было неудобно [1]).

Употребляя всѣ усилія для поддержанія правильнаго хода занятій въ Минской гимназіи, временная администрація забывала о самомъ существенномъ—о денежныхъ средствахъ, и гимназія за все время французскаго владычества испытывала самую вопіющую нужду. Только на ремонтъ зданія удалось получить ничтожную сумму и то съ большимъ трудомъ; на хозяйственныя же нужды гимназіи и содержаніе учителей не отпускалось никакихъ средствъ. Учителя, лишенные казенныхъ квартиръ, не получали жалованія и страшно бѣдствовали; гимназія не могла пріобрѣсти самыхъ нужныхъ вещей; не на что было купить даже дровъ для отопленія зданія.

Финансовое отдѣленіе усиленно хлопотало о томъ, чтобы учебныя занятія не прерывались и въ повѣтовыхъ школахъ; занятія и въ нихъ предположено было начать 13-го сентября, о чемъ посланы были 3-го сентября „префектамъ“ [2]) школъ особыя печатныя объявленія. (Какой характеръ носили эти объявленія, лучше всего видно изъ того, что послѣ возвращенія русскихъ властей въ Минскъ, директоръ предписалъ всѣмъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ немедленно возвратить для представленія начальству „этотъ оттискъ, заключающій въ себѣ пагубныя и безразсудныя бредни“ [3]). Изъ числа 12-ти повѣтовыхъ школъ уроки начались 13-го сентября лишь въ трехъ, содержавшихся на казенныя средства, а именно: въ Борисовской, Поставской (Дисненскаго повѣта) и Молодеченской (Вилейскаго повѣта); немного позже были начаты занятія еще въ трехъ: Несвижской—доминиканской, Слуцкой—реформатской и Игуменской—базиліанской. Какъ шли занятія въ этихъ школахъ, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, объ открытіи ихъ было офиціально объявлено [4]). Что же касается

[1]) Дѣло № 12, 93.
[2]) Такъ переименованы были смотрители уѣздныхъ училищъ.
[3]) Дѣло № 116; предписанія директора за №№ 416 и 461.
[4]) Тамъ же, №№ 134 и 139.

остальныхъ шести повѣтовыхъ школъ и приходскихъ училищъ, существовавшихъ въ Минской губерніи, то во все время французскаго владычества они оставались закрытыми.

VI.

Финансовыя затрудненія.—Дѣятельность финансовой комиссіи.—Неудачная попытка создать финансовыя средства при помощи добровольныхъ пожертвованій.—Захватъ оставленной русскими денежной казны.—Уничтоженіе откупа и конфискація имущества откупщиковъ и частныхъ лицъ.—Захватъ казенныхъ имѣній.—Сборъ податей и недоимокъ.—Контрибуціи.—Бѣдственное положеніе чиновниковъ.—Упорядоченіе монетной единицы.

Администрація минскаго департамента для введенія новаго управленія и удовлетворенія потребностей французской арміи, конечно, прежде всего нуждалась въ денежныхъ средствахъ. Для организаціи финансоваго дѣла въ департаментѣ была создана, какъ мы уже говорили, финансовая комиссія—wydział skarbu. Этой комиссіи предстояла одна изъ труднѣйшихъ задачъ—создать денежный фондъ департамента, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было средствъ для этого дѣла. Не трудно было организовать управленіе губерніей при стремленіи всѣхъ поляковъ къ власти и самоуправленію, но тяжело было создать денежныя средства для администраціи при всеобщемъ разореніи и нежеланіи болѣе состоятельныхъ поляковъ нести матеріальныя жертвы. Пришлось прибѣгнуть къ самымъ разнообразнымъ средствамъ.

Прежде всего была сдѣлана попытка организовать денежный фондъ при помощи добровольныхъ пожертвованій. „Отчизна при своемъ возрожденіи требуетъ сильнаго содѣйствія и значительнаго вспоможенія, взывала Минская газета. Вѣрные сыны постараются помочь ей и не перестанутъ одинъ передъ другимъ соревновать въ такомъ благородномъ стремленіи. Кто полякъ, тотъ для своей матери-Польши ничего не пожалѣетъ и охотно пожертвуетъ для нея послѣднимъ своимъ достояніемъ“ [1]). Но заведенная при финансовомъ отдѣленіи „книга добровольныхъ пожертвованій на нужды воскрешенной отчизны“ (Księga dobrowolnych ofiar przez gorliwych Polakow na potrzebu wszrzeszoney Oyczyzny wnaszanych) не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ; пожертвованія, какъ мы уже видѣли, поступали очень туго, да и то

[1]) Gaz. Minska, № 2.

почти исключительно въ пользу раненыхъ и больныхъ. Пришлось заняться изысканіемъ болѣе надежныхъ средствъ для пополненія казны.

Тогда прибѣгли къ самому простому средству—захвату денежной казны, оставленной русскими при ихъ поспѣшномъ отступленіи. Но какъ ни велика была поспѣшность русскихъ, все же казенныя суммы въ бумагахъ, золотѣ и серебрѣ были во-время вывезены какъ изъ минскаго казначейства, такъ и изъ повѣтовыхъ казначействъ Минской губерніи [1]). Кое-гдѣ по городамъ оставлена была гербовая бумага да мѣдная монета, въ виду трудности ея перевозки; напримѣръ, въ кладовой минскаго казначейства осталось мѣди на $26^1/_2$ тысячъ рублей [2]). Хотя мѣдная монета представляла и не особенно цѣнную находку, тѣмъ не менѣе польская администрація израсходовала изъ означенной суммы болѣе 10.000 рублей [3]). Всѣми денежными суммами удалось воспользоваться лишь въ двухъ повѣтовыхъ казначействахъ. Въ виду совершенно неожиданнаго движенія Даву изъ Вильны на Минскъ, виленскій казначей не успѣлъ вывезти изъ Вилейки казенныхъ суммъ, и онѣ поступили въ распоряженіе минской администраціи; по ея приказанію, оставшаяся въ Вилейкѣ денежная казна поручена была охранѣ Вилейскаго городового магистрата, а ключи отъ нея переданы повѣтовому маршалу Корницкому [4]). Въ Пинскѣ казенныя суммы попали въ руки непріятеля, благодаря тому, что враждебные русскому правительству поляки-чиновники постарались задержать до прихода французовъ отправку казеннаго имущества, а отчасти, вѣроятно, и по злому умыслу самого пинскаго казначея. 26-го іюня онъ, согласно приказанію казенной палаты, выслалъ въ Минскъ съ почтою въ серебрѣ и ассигнаціяхъ 41.687 рублей, а мѣдную монету въ боченкахъ представилъ въ пинскую военную комиссію для отправки вмѣстѣ съ военнымъ провіантомъ въ Мозырь водою. Но ни тѣ, ни другія суммы не достигли своего назначенія. Боченки съ мѣдью, благодаря стараніямъ военной комиссіи, состоявшей изъ поляковъ, были отправлены лишь тогда, когда непріятель подошелъ къ самому Пинску, и потому были захвачены [5]). Сумма, высланная по почтѣ въ Минскъ,

---

[1]) Арх. каз. палаты. По канцел. № 2. 31. Журналы каз. палаты 1812 г., II, 269. Проток. 1812 г., II: 598, 602, 517—519.

[2]) Тамъ же. Журналы 1812 г., стр. 155, 269 и 291. Протоколы 1812 г., II, стр. 625.

[3]) Журналы 1813 г., II, стр. 181—183.

[4]) Арх. каз. пал. Журналы 1813 г., I, стр. 518.

[5]) Арх. канцел. губ. предв. двор. XV, 11.

тоже попала въ руки непріятеля. Казначей съ поступившими къ нему за послѣдніе дни деньгами бѣжалъ изъ города; но въ скоромъ времени, не имѣя будто бы возможности укрыться отъ высланной за нимъ погони, вернулся обратно въ Пинскъ и отдался во власть враговъ. Такимъ образомъ, всѣ деньги пинскаго казначейства оказались въ рукахъ французовъ и поляковъ и, очевидно, пошли на ихъ нужды [1]).

Гербовою бумагою, оставленною въ казначействахъ, пользовались, сообразно ея назначенію, замѣнивъ только на ней русскій государственный гербъ одноглавымъ орломъ [2]). Казенное имущество русскихъ присутственныхъ мѣстъ финансовое управленіе употребило на нужды учрежденій временной администраціи. Даже частное имущество, въ особенности деньги, не избѣжали захвата; мы видѣли, напримѣръ, какъ было поступлено съ архіерейскимъ имуществомъ. Что это былъ не единичный случай, указываютъ и другіе подобные же факты; при чемъ захватъ производился офиціальнымъ путемъ; должностныя лица временнаго правительства нерѣдко давали и расписки въ принятіи вещей. Напримѣръ, бывшее въ закладѣ въ минскомъ повѣтовомъ судѣ серебро помѣщика Пуликовскаго взято было въ „Скарбовую администрацію", и въ принятіи его расписался предсѣдатель Ходзько и комиссаръ Прошинскій [3]).

Наиболѣе богатую добычу представляло имущество откупщиковъ, и потому на нихъ было обращено особенно вниманіе администраціи. Во всѣхъ городахъ Минской губерніи, при приближеніи непріятеля, временное правительство, прежде всего, уничтожало дѣйствіе откупа, разрѣшая вольную продажу вина и забирая въ свое вѣдѣніе все имущество винныхъ лавокъ и складовъ откупщиковъ. Въ Минскѣ, напримѣръ, временный магистратъ подъ предсѣдательствомъ Каминскаго, немедленно по занятіи города непріятелемъ, уничтожилъ откупъ и, захвативъ винную лавку, роздалъ всю находившуюся въ ней водку французскимъ солдатамъ. Когда откупщикъ, помѣщикъ Гоувальдтъ, пошелъ жаловаться въ магистратъ, его съ ругательствомъ выгнали вонъ, говоря, что они имѣютъ право забирать принадлежащія ему водку

---

[1]) Арх. каз. пал. Журналы за сентябр. треть 1812 г., стр. 322. Арх. Минской дух. конс. Дѣло № 6358. Рапортъ пинскаго архимандрита и ректора Лазаря отъ 18-го іюля 1812 г.

[2]) Журналы каз. пал. 1813 г. I; образцы подобной бумаги можно видѣть въ дѣлахъ минск. главн. суда за 1812 г.

[3]) Протоколы губ. пр. 29-го апрѣля и 15-го іюля 1813 г. См. еще Арх. губ. Пр. дѣло № 29095, стр. 148.

и деньги, такъ какъ онъ много еще долженъ Россійской казнѣ за откупъ. 29-го іюня финансовое отдѣленіе командировало одного изъ своихъ членовъ Ао. Прушинскаго для конфискаціи всего имущества откупщика. Замки отъ погреба были отбиты, и все вино въ громадномъ количествѣ [1]) конфисковано; при этомъ захвачено было и 2.100 рублей, принадлежавшихъ Гоувальдту [2]). То же самое было и въ Борисовѣ. 30-го іюня французы заняли Борисовъ, а 1-го іюля польскій полицеймейстеръ помѣщикъ Норвидъ объявилъ всенародно, что всѣ контракты, заключенные русскимъ правительствомъ, уничтожаются, а потому прекращается и дѣйствіе виннаго откупа, бывшаго въ содержаніи купца Шмуля Пророкова; винная контора была предоставлена въ распоряженіе французскихъ солдатъ. Пророковъ обратился съ жалобою въ Борисовскую администрацію; но его жалобы не приняли. 21-го іюля члены администраціи вмѣстѣ съ новымъ полицеймейстеромъ Дышлевичемъ явились въ питейную контору, опечатали винный погребъ и отобрали вырученные за вино деньги, въ количествѣ $2^1/_2$ тысячъ. Какъ деньги, такъ и все опечатанное имущество пропали безслѣдно, а Пророковъ ничѣмъ не былъ вознагражденъ [3]). Точно также и въ другихъ городахъ временное правительство по уничтоженіи откупа забирало запасы, посуду и деньги откупщиковъ. Запасы казенной соли также повсюду подвергались конфискаціи [4]).

Болѣе крупною статьею дохода для финансоваго отдѣленія являлись имѣнія казеннаго вѣдомства (старостинскія, арендныя и др.), которыя оно приняло въ свое вѣдѣніе и управленіе; собирало съ этихъ имѣній принадлежащія казнѣ деньги, и „въ расходъ по своимъ ужъ распоряженіямъ употребляло, при чемъ и взысканіемъ недоимокъ, открывшихся по разнымъ имѣніямъ, весьма рачительно занималось“ [5]). Самыя имѣнія отбирались у ихъ законныхъ владѣльцевъ и арендаторовъ и отдавались въ руки другимъ лицамъ [6]). Въ августѣ мѣсяцѣ финансовое отдѣленіе занялось выясненіемъ вопроса относительно спо-

---

[1]) 2.020 штофовъ сладкаго вина, 576 штофовъ ликеровъ, 120 бочекъ горячаго вина по 50 ведеръ и проч.

[2]) Арх. каз. палаты. Журналъ 1812 г. II, стр. 285.

[3]) Тамъ же. Журналъ 1812 г. II, стр. 299, 300, 331 и 332.

[4]) Тамъ же, цѣлый рядъ протоколовъ.

[5]) Тамъ же, протоколъ 21-го декабря 1812 г., стр. 305, 306.

[6]) Тамъ же, а равно Журналы 1813 г., I, стр. 117, 119, 270. Для разбора дѣла о захваченныхъ подобнымъ образомъ имѣній въ 1815 г. по Высочайшему повелѣнію была назначена особая комиссія. Арх. губ. Пр. Дѣло № 29287, стр. 68.

соба пріобрѣтенія всѣхъ вообще казенныхъ имѣній и взысканія съ ихъ владѣльцевъ не уплаченныхъ еще ими казнѣ денегъ или передачи ихъ имѣній другимъ лицамъ [1]). Управленіе имѣніями, отобранными у ихъ законныхъ владѣльцевъ, поручалось особымъ люстраторамъ и администраторамъ изъ польской шляхты, а доходы съ нихъ поступали въ финансовое отдѣленіе [2]). Администраторы занимались взысканіемъ податей и недоимокъ съ крестьянъ казеннаго вѣдомства [3]). Вообще финансовое отдѣленіе, не признавая распоряженій русскаго правительства, тѣмъ не менѣе самымъ тщательнымъ образомъ старалось взыскивать установленныя русскимъ правительствомъ подати и разнаго рода недоимки, образовавшіяся еще до возникновенія временнаго правительства. Съ откупщиковъ, напримѣръ, оно настойчиво требовало уплаты числившихся за ними недоимокъ, даже несмотря на уничтоженіе откупа и захватъ имущества откупщиковъ [4]).

Были случаи обложенія жителей той или другой мѣстности тяжелой контрибуціей; такъ, напримѣръ, по требованію губернатора Бронниковскаго, м. Глубокое дисненскаго повѣта было обложено контрибуціей въ 24.000 франковъ; изъ нихъ 6.000 пало на долю евреевъ, остальные на христіанское населеніе мѣстечка и Кармелитскій монастырь [5]).

Несмотря на всѣ усилія финансовой администраціи, денегъ собралось все-таки очень мало. Чиновники, большею частью, совершенно не получали жалованья или получали неаккуратно. Типографщикъ губернскаго правленія Стефановичъ въ 1813 г. просилъ взыскать съ лицъ, входившихъ въ составъ польской администраціи, не уплаченныя ему деньги за напечатаніе разныхъ распоряженій временнаго правительства, такъ какъ они, хотя и „обнадеживали его уплатою денегъ", но рѣшительно ничего не заплатили [6]). О бѣдственномъ положеніи учителей Минской гимназіи и ихъ крайней нуждѣ мы уже говорили [7]). Не въ лучшемъ положеніи находились, разумѣется, и другіе чиновники;

---

[1]) Gaz. Minska, № 7.

[2]) Протон. губ. правл. 15-го марта 1813 г.

[3]) Арх. упр. госуд. имущ. Минской губ. Хоз. отд., связка 12-я, дѣло № 50, о разореніяхъ казеннаго вѣдомства во время воен. обст., стр. 51.

[4]) Журналы казен. пал. 1812 г. II, стр. 285 и 290; 1813 г. I, стр. 10 и 19.

[5]) Протон. губ. правл. 15-го марта 1813 г.

[6]) Арх. губ. Пр. Протон. 2-го іюля 1813 г.

[7]) См. еще Арх. гимназіи, дѣло № 116 донесенія за №№ 121, 425, 442, 445, 448, 458, 470 и др.

даже бискупъ Дедерко и тотъ, по его словамъ, не получалъ содержанія отъ временнаго правительства; что же послѣ этого говорить о другихъ чиновникахъ [1])?

Большою помѣхою для финансоваго управленія департамента было, между прочимъ, страшное паденіе цѣнности русскихъ ассигнацій и отсутствіе опредѣленнаго курса ихъ стоимости. Это было одинаково неудобно какъ для поляковъ, такъ и для французовъ, а потому „интендантъ Минскаго департамента, освѣдомившись объ отсутствіи какого бы то ни было тарифа, коимъ опредѣлялась бы въ подвѣдомственной ему провинціи стоимость французскихъ монетъ, и замѣчая, что подобная неопредѣленность ведетъ къ многочисленнымъ обманамъ, постановилъ, совмѣстно съ совѣтомъ администраціи, чтобы во всѣхъ повѣтахъ департамента была введена въ употребленіе оцѣнка монетъ, принятая въ росписи великой арміи“. Подпрефектамъ было предписано принять всѣ мѣры къ исполненію означеннаго распоряженія во всѣхъ частяхъ подвѣдомственныхъ имъ повѣтовъ [2]).

VII.

Судопроизводство. — Минскій главный судъ; повѣтовые суды; превотальная комиссія; военно-слѣдственная комиссія.—Преобладающій характеръ судебныхъ дѣлъ этой эпохи.—Возмущеніе крестьянъ противъ помѣщиковъ и наиболѣе характерныя дѣла этой категоріи.—Стараніе поляковъ скрыть истинное положеніе крестьянъ и ихъ отношенія къ помѣщикамъ.

29-го іюня 1812 года комиссія управленія Великаго Княжества Литовскаго издала временныя правила для отправленія правосудія въ княжествѣ. Эти правила и Литовскій Статутъ должны были лечь въ основу судопроизводства во всѣхъ департаментахъ княжества. Порядокъ судопроизводства и дѣлопроизводства устанавливался прежній польскій. Временныя правила опредѣляли порядокъ лишь уголовнаго производства, такъ какъ на первыхъ порахъ предположено было ограничиться разборомъ лишь уголовныхъ дѣлъ какъ старыхъ, начатыхъ еще въ русскихъ судахъ, такъ и новыхъ, начиная съ 22-го іюня. Порядокъ гражданскаго судопроизводства предполагалось выработать въ ближайшемъ будущемъ [3]). Для введенія новаго судопроизводства и

---

[1]) Арх. казен. пал. по канцел. дѣло № 2, 1813 г. О выдачѣ жалованья канцелярск. служит. Журналы 1813 г., I, стр. 332.

[2]) Gaz. Mińska, № 7.

[3]) Архивъ упраздн. судебн. учрежденій Минск. губ. Wiadomość o sprawach kryminalnych i za niemi utrzymuiących się więzniow.

руководства новымъ дѣломъ въ Минскъ былъ командированъ изъ Вильны Петерсонъ.

Въ Минскѣ, какъ главномъ городѣ департамента, былъ учрежденъ главный судъ, дѣлившійся на департаменты; въ уѣздныхъ городахъ—повѣтовые. Главнымъ судьею минскаго суда былъ назначенъ упомянутый Петерсонъ; остальные судьи были выбраны гражданами, преимущественно изъ лицъ, уже занимавшихъ судебныя должности въ прежнее время. Минскій главный судъ открылъ свои засѣданія лишь 22-го августа н. ст., такъ какъ для суда было такъ же трудно найти помѣщеніе, какъ и для гимназіи; отчасти же открытіе замедлилось вслѣдствіе поздняго прибытія Петерсона [1]).

Кромѣ главнаго и повѣтовыхъ судовъ, въ это время еще дѣйствовала „превотальная комиссія", находившаяся въ Минскѣ,—для разбора политическихъ преступленій и дѣлъ о мародерахъ [2]). Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершалось при участіи французскихъ солдатъ, слѣдствіе производилось особыми военно-слѣдственными комиссіями, которыя, впрочемъ, все производство дѣла обыкновенно, по окончаніи слѣдствія, направляли въ Минскій главный судъ [3]).

Большинство дѣлъ, начатыхъ еще въ русскихъ судахъ, было прекращено, и арестанты выпущены на свободу; лишь немногія изъ подобныхъ дѣлъ были закончены польскимъ судомъ [4]). Да по правдѣ сказать, для новыхъ судовъ довольно было дѣла по разбору и тѣхъ уголовныхъ преступленій, которыя въ большомъ количествѣ возникали въ минской губерніи въ это смутное время; такъ, напримѣръ, за одинъ сентябрь мѣсяцъ I-мъ департаментомъ минскаго главнаго суда разобрано было 28 уголовныхъ дѣлъ, все довольно сложнаго характера; въ августѣ почти такое же количество [5]). Среди уголовныхъ дѣлъ этой эпохи подавляющій процентъ составляютъ дѣла о возмущеніи крестьянъ противъ помѣщиковъ, поджогѣ ихъ имѣній и убійствѣ сво-

---

[1]) Protokoł czyli Dziennik czynności Potocznych Sądu Głownego 1-go departamenta mca Sierpnia 22 dnia sporządzony. Протоколъ 31-го августа. Gaz. Mińska, № 7.

[2]) Gaz. Mińska, № 5.

[3]) Арх. упраздн. судебн. учрежд. Дѣла I-го департ. Минск. главн. суда во время французск. нашествія 1812 г. Дѣло о безпорядкахъ въ имѣніи Ваньковича.

[4]) Тамъ же, Protokoł czyli Dziennik sądu gl. 1-go depart. 14-го сентября 1812 г. Проток. Губ. Пр. 25-го марта 1813 г.

[5]) Тамъ же. Вѣдомость объ уголовныхъ преступленіяхъ за августъ и сентябрь 1812 г.

ихъ пановъ [1]). Но, такъ какъ эти дѣла находятся въ тѣсной связи съ вопросомъ о положеніи крестьянскаго бѣлорусскаго населенія во время владычества французовъ въ минской губерніи, то мы и ознакомимся съ ними въ общей характеристикѣ положенія крестьянъ въ данную эпоху.

Православные крестьяне бѣлоруссы, составляющіе коренную массу населенія Минской губерніи, совсѣмъ иначе относились къ французскому владычеству, чѣмъ поляки. Для бѣлоруссовъ, этихъ вѣковыхъ страдальцевъ за русскую народность и православіе, владычество французовъ и торжество поляковъ являлось возвращеніемъ къ столь ненавистному недавнему прошлому. Еще двадцати лѣтъ не прошло, какъ они свободно вздохнули, избавившись отъ польско-католическаго гнета, и теперь снова грозила имъ та же опасность; съ другой стороны, ихъ испытанное въ горнилѣ страданій національное чувство никоимъ образомъ не могло примириться и съ французскимъ, иноземнымъ и иновѣрнымъ владычествомъ. Вотъ почему непріятель, проходя по минской губерніи, на всемъ ея пространствѣ встрѣчалъ лишь опустѣлыя деревни. Казалось, все сельское населеніе вымерло; оно бѣжало отъ ненавистныхъ французовъ и поляковъ въ глубь своихъ дремучихъ и болотистыхъ лѣсовъ. Бросивъ свое имущество, лишившись послѣднихъ скудныхъ средствъ къ жизни, оно не унывало: голодъ и лишенія были для него привычное дѣло. Въ этой глуши, скрытые отъ чуждыхъ глазъ, бѣлорусскіе мужички по-своему обсуждали настоящее положеніе дѣлъ и принимали свои средства къ борьбѣ со врагомъ. Здѣсь среди нихъ мы встрѣчаемся съ первыми героями партизанской войны. Путь для французовъ былъ одинъ опредѣленный, изъ Минска черезъ Борисовъ, Бѣлыничи на Могилевъ. Они двигались по безлюдной дорогѣ, по опустѣвшимъ деревнямъ; но десятки тысячъ крестьянскихъ глазъ слѣдили за ихъ движеніемъ изъ чащи своихъ лѣсовъ. Стоило только отдѣльнымъ французскимъ солдатамъ неосмотрительно удалиться въ сторону отъ движенія арміи, какъ они попадали въ руки крестьянъ; расправа съ ними была коротка: ихъ безпощадно убивали. Для примѣра приведемъ слѣдующій фактъ, занесенный въ лѣтописи тогдашней уголовной хроники. Два французскихъ солдата изъ арміи Даву, во время движенія на Могилевъ, около деревни Есьмонъ отстали, сбились съ пути и попали на другую дорогу. Они обра-

[1]) За сентябрь мѣсяцъ изъ 28 уголовныхъ дѣлъ 25 относятся къ этой, именно, категоріи; приблизительно такой же процентъ и за августъ.

тились къ встрѣчнымъ крестьянамъ съ просьбою указать имъ путь; тѣ показали видъ, что желаютъ помочь французамъ, но вмѣсто того, чтобы вывести ихъ на дорогу, завели въ глубь лѣса и убили палками, а трупы закопали въ землю вдали отъ дороги. Наряженный изъ Борисова экзекуціонный отрядъ разыскалъ виновныхъ въ убійствѣ трехъ крестьянъ дер. Есьмонъ. Они вмѣстѣ съ другими крестьянами скрывались въ низменной, болотистой, поросшей лѣсомъ равнинѣ, въ трехъ верстахъ отъ деревни Клёвки; при нихъ найдены были и вещественныя доказательства совершеннаго ими убійства: солдатскій мундиръ 8-го линейнаго полка, шинель, каска, лядунка и другія вещи. Виновные подъ крѣпкимъ карауломъ были отправлены сначала въ Борисовъ, а потомъ въ Минскъ; но по дорогѣ одному изъ нихъ, при содѣйствіи караульныхъ крестьянъ, удалось бѣжать [1]).

Подобные случаи нападенія крестьянъ на французскихъ солдатъ были не рѣдкостью, но не имѣли того систематическаго и повсемѣстнаго характера, какимъ отличались враждебныя дѣйствія ихъ противъ поляковъ. Въ повсемѣстныхъ крестьянскихъ возстаніяхъ особенно рельефно выразилась вся сила ненависти, вѣками накоплявшаяся въ душѣ забитаго бѣлорусса противъ своего вѣковаго врага и утѣснителя. Для нападенія на пановъ и разоренія ихъ имущества крестьяне нерѣдко соединялись въ большіе отряды, имѣвшіе смѣлость вступать въ борьбу даже съ французскими солдатами, случайно находившимися въ томъ или другомъ имѣніи.

Крестьяне деревень Борисовскаго повѣта: Староселья, Можанъ, Клевки, Есьмонъ, удалившись въ лѣса, составили нѣсколько отрядовъ и организовали правильныя нападенія на хлѣбные магазины, амбары, овины и кладовыя окрестныхъ помѣщиковъ, а затѣмъ стали грабить и жечь помѣщичьи дома и фольварки. Помѣщики и ихъ управляющіе ничего не могли подѣлать съ возмутившимися крестьянами, которые не только вышли изъ повиновенія, но даже угрожали жизни своихъ пановъ. Перепуганные помѣщики обратились за помощью къ военному губернатору г. Борисова, генералу Барбанегру. Придавая серьезное значеніе волненію среди крестьянъ, Барбанегръ въ концѣ іюля выслалъ въ Есьмонскую волость экзекуціонный отрядъ, который, кромѣ прямой своей задачи—усмиренія крестьянъ, долженъ былъ заняться поимкою французскихъ мародеровъ и отсталыхъ солдатъ, въ значительномъ

---

[1]) Тамъ же; дѣло объ убійствѣ французскихъ солдатъ крестьянами дер. Есьмона, стр. 19, 20, 26 и 33.

количествѣ находившихся въ той мѣстности. Всѣ обвиненные въ возмущеніи крестьяне были арестованы и доставлены въ Борисовъ; борисовская военно-слѣдственная комиссія, снявъ допросъ, передала дѣло въ Минскій главный судъ [1]). Подобное же возмущеніе крестьянъ произошло въ началѣ августа въ имѣніи князя Радзивилла въ д. Смолевичахъ; только благодаря присутствію въ имѣніи французскихъ солдатъ, арендатору удалось арестовать виновныхъ [2]).

Но особенно характерно по своимъ подробностямъ дѣло объ убійствѣ крестьянами деревни Тростянъ (игуменскаго повѣта) всего семейства помѣщика Гласко, состоявшаго изъ 12 человѣкъ.

Съ приближеніемъ непріятеля, тростянскіе крестьяне со всѣмъ имуществомъ и скотомъ скрылись въ лѣсъ. Несмотря на тягости кочевой жизни, они отчасти были довольны своею судьбою, въ надеждѣ, что, благодаря обстоятельствамъ военнаго времени, имъ удастся избавиться отъ власти своего извѣстнаго жестокостью помѣщика Гласко. Но ихъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Гласко, опасаясь мародеровъ, и самъ бѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ укрывались его крестьяне, построилъ себѣ тамъ шалашъ и поселился въ немъ со всей своей семьей. Скитальческая жизнь не образумила Гласко, не смягчила его сердца. Попрежнему обременяя крестьянъ непосильною работою, онъ заставлялъ ихъ питаться лишь мякиною; всякая вина наказывалась еще безчеловѣчнѣе, чѣмъ въ обычное время. Наконецъ, всегда безропотные бѣлоруссы не выдержали и рѣшили расправиться съ Гласко по-своему и избавиться отъ него разъ навсегда. Руководителемъ задуманнаго преступленія явился глубокій старикъ-крестьянинъ Тарасъ Борисенокъ. Онъ собралъ сходку, на которой и порѣшили убить Гласко, а чтобы преступленіе какъ-нибудь не раскрылось, рѣшено было истребить и все его семейство. Борисенокъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ среди своихъ односельчанъ, бралъ грѣхъ на свою совѣсть; будучи не въ силахъ, вслѣдствіе своей дряхлости, принять личное участіе въ задуманномъ дѣлѣ, онъ далъ въ помощь убійцамъ своего единственнаго сына. 8-го іюля крестьяне подстерегли помѣщика Василія Гласко, ѣхавшаго вмѣстѣ съ женой и братомъ Мартыномъ, и убили всѣхъ троихъ, а затѣмъ толпою направилась къ шалашу, въ которомъ находились остальные члены семьи Гласко, въ

---

[1]) Архивъ упраздн. судебн. учрежденій Минск. губ. Дѣла I-го департамента Минскаго главнаго суда за время французскаго владычества.

[2]) Тамъ же.

числѣ девяти человѣкъ, и произвели надъ ними свою кровавую расправу. Трупы всѣхъ убитыхъ притащены были во дворъ имѣнія Гласко и сожжены на громадномъ кострѣ. Совершивъ свой самосудъ, крестьяне выкопали зарытое въ землѣ помѣщичье имущество и вмѣстѣ съ платьемъ убитыхъ раздѣлили между собою.

Чтобы окончательно скрыть слѣды преступленія, сожгли и домъ помѣщика со всѣми хозяйственными постройками. Затѣмъ, съ чисто бѣлорусскою хитростью, трое зачинщиковъ преступленія, съ Борисенкомъ во главѣ, отправились въ Игуменъ и заявили начальству, что проходившіе чрезъ Тростяны французы напали на имѣнье, убили помѣщика Гласко со всей его семьей и сожгли имѣнье; они просили даже назначить кого-нибудь для управленія имѣніемъ Гласко. Но ихъ хитрость не удалась; преступленіе было открыто, и виновники его предстали на судъ I-го департамента Минскаго главнаго суда. Несмотря на доказанность преступленія и его звѣрскій характеръ, несмотря на сознаніе виновныхъ, представитель защиты все-же нашелъ возможнымъ просить судъ о снисхожденіи, взглянувъ на это жестокое преступленіе, какъ на актъ самозащиты, потому что, по словамъ защитника, преступленіе совершено не съ цѣлію грабежа, не въ пьянствѣ, не подъ вліяніемъ распущенности, а единственно по причинѣ безчеловѣчнаго обхожденія Гласко, избавиться отъ котораго крестьяне не видѣли другого средства, кромѣ убійства [1]).

Съ этими правдивыми картинами крестьянскаго быта и отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ какъ-то не вяжется та идиллія крестьянскаго благоденствія, которую рисуетъ намъ Минская газета. „Отовсюду доходятъ до насъ, говорится въ № 8 отъ 12-го августа нов. ст., утѣшительныя извѣстія, что жатва нынѣшняго лѣта необычайно хороша, урожай небывалый. Помѣщики, арендаторы и земледѣльцы не въ силахъ достойно благодарить Провидѣніе, которое точно для избавителей нашихъ излило щедрое изобиліе на землю, пораженную прошлогоднимъ неурожаемъ и недавнимъ разореніемъ отъ москалей. Совершенное усмиреніе мародеровъ въ здѣшней провинціи, достигнутое дѣятельными мѣропріятіями губернатора, разсылкою летучихъ отрядовъ для ловли преступниковъ и соотвѣтственными наказаніями за преступленія, принесло желанное спокойствіе. Крестьяне возвратились въ свои дома; покинутыя на время поля вновь наполнились

---

[1]) Тамъ же. Sprawa Kryminalistow wsi Trosciauki włoscian o zabiciu Panow swych obwinionych.

людьми, занятыми теперь спѣшною уборкою хлѣба, съ такою щедростью ниспосланнаго Провидѣніемъ въ этомъ году". Тѣмъ болѣе странною покажется эта картина крестьянскаго благоденствія, если мы сопоставимъ съ нею распоряженіе комиссіи временнаго управленія великаго княжества Литовскаго, напечатанное недѣлею раньше въ той же газетѣ. Вотъ это интересное предписаніе. „Комиссія, исполняя важнѣйшую обязанность управленія поддерживать порядокъ и безопасность сельскаго хозяйства въ краѣ, симъ доводитъ до свѣдѣнія и приказываетъ всѣмъ повѣтовымъ, дворовымъ и крестьянскимъ учрежденіямъ и властямъ слѣдующее: 1) Всѣ крестьяне, жители городовъ и деревень, которые, въ виду прохожденія войскъ, оставили свои дома, должны возвратиться къ своимъ земледѣльческимъ занятіямъ и исполнять свои обязанности. 2) До опубликованія новыхъ общихъ распоряженій, всѣ землепашцы и крестьяне должны повиноваться своимъ господамъ, арендаторамъ и землевладѣльцамъ или ихъ замѣстителямъ; обязаны ничѣмъ не нарушать господской собственности, отбывать работы и исполнять всѣ тѣ повинности, которыя предписаны имъ инвентарями [1]) и какія они до сихъ поръ исполняли. 3) Не исполняющіе этого и ведущіе себя дурно, по заявленію управителей имѣнія, должны быть увѣщеваемы, наказываемы и принуждаемы повѣтовыми властями къ исполненію своихъ обязанностей, съ употребленіемъ даже военной силы, если въ томъ будетъ надобность. 4) Повѣтовыя власти и учрежденія, заботясь о водвореніи порядка и спокойствія среди населенія, обязаны немедленно разбирать жалобы объ обидахъ, причиненныхъ крестьянамъ требованіемъ повинностей сверхъ положеннаго или отказомъ имъ въ помощи, взыскивая съ виновныхъ и вознагражденіе въ пользу обиженныхъ [2]). Такимъ образомъ, въ этомъ циркулярномъ предписаніи виленская комиссія констатируетъ, какъ несомнѣнный фактъ, возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ и оставленіе ими своихъ домовъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и причину этого явленія -усиленныя притѣсненія крестьянъ помѣщиками. Однимъ сло-

[1]) По составленнымъ въ 1798 г. инвентарямъ въ казенныхъ жалованныхъ и старостинскихъ имѣніяхъ крестьяне обязаны были слѣдующими повинностями: панщизною, гвалтомъ, подорожчизною и вещественною данною и, кромѣ того, денежнымъ чиншемъ. Арх. Управл. Госуд. Имущ. Минск. губ. Хозяйств. отд. Дѣло 1813 г. № 50 о разорен. казен. вѣдомства, стр. 55.

[2]) Gaz. Minska, № 6 dnia 5 sierpnia 1812 r. Od. Kommissyi tymczasowego Rządu Xiętwa Litewskiego wszystkim Zwierzchnosciom Departamentowym, Powiatowym, Municypalnym i Wiejskim.

вомъ, возмущеніе крестьянъ, прекращеніе полевыхъ работъ и бѣгство въ лѣса были явленіемъ повсемѣстнымъ въ бѣлорусскомъ краѣ. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ оно имѣло мѣсто и въ минской губерніи [1]) и, конечно, не могло исчезнуть мгновенно, какъ бы по волшебству, такъ какъ причины, вызывавшія явленія, коренились слишкомъ глубоко въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и не переставали существовать и послѣ 12-го августа.

Ясно, что, въ виду тяжелаго положенія края, приведенное распоряженіе временнаго правительства Литовскаго княжества высказываетъ лишь pia desideria относительно устройства крестьянскаго быта; а Минская газета, въ интересахъ успокоенія общества, поторопилась представить эти пожеланія уже осуществившимися въ Минскомъ департаментѣ, въ разрѣзъ съ истиннымъ положеніемъ дѣла и тѣми фактами, которые обнаруживались въ возникавшихъ судебныхъ процессахъ.

VIII.

Заблужденія поляковъ относительно хода войны и положенія французской арміи.—Неожиданность появленія Дунайской арміи въ предѣлахъ минской губерніи.—Беззащитность Минска.—Пораженіе Косецкаго подъ Новосверженемъ и Койдановымъ.—Паника въ Минскѣ.—Бѣгство Бронниковскаго съ остатками гарнизона изъ Минска.—Занятіе города русскими войсками.—Предписаніе Чичагова о поимкѣ Наполеона.

Хвастливыя, преувеличенныя извѣстія объ успѣхахъ и побѣдахъ французовъ и молчаніе объ ихъ неудачахъ держали поляковъ Минскаго департамента въ неизвѣстности относительно истиннаго положенія дѣлъ. Упоенные властью и возвращеніемъ къ старопольскимъ порядкамъ, они даже не могли представить себѣ близкой возможности паденія всего того, что они съ такою любовію созидали: могущество Наполеона казалось имъ несокрушимымъ, а подъ его охраною столь же несокрушимою казалась имъ и ихъ самостоятельность. А, между тѣмъ, конецъ ихъ торжества ужъ наступилъ: 7-го октября, считая кампанію проигранной, Наполеонъ выступилъ изъ Москвы, и его армія послѣ цѣлаго ряда пораженій, голодная и дезорганизованная, въ началѣ ноября приближалась къ границамъ минской губерніи, по пятамъ

[1]) Арх. Упр. Госуд. имущ. Минск. губ. хоз. отд. Дѣло № 50 о разореніяхъ казен. вѣдомства во время воен. обстоят.; № 53 о разореніи им. Бѣлавичи, № 49 о разореніи им. Брожскій ключъ и др.

преслѣдуемая русскими. А съ юго-запада, между тѣмъ, навстрѣчу французамъ надвигалась дунайская армія Чичагова, который въ началѣ ноября вышелъ изъ бездѣйствія и отъ Бреста двинулся на Минскъ. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ минской губерніи долженъ былъ разыграться послѣдній актъ трагедіи,—здѣсь предполагалось нанести послѣдній ударъ Наполеону и самого его захватить въ плѣнъ.

Велико было удивленіе населенія минской губерніи, когда вблизи Несвижа появился сначала передовой отрядъ графа Ламберта, а за нимъ и главныя силы арміи Чичагова. О пораженіи Наполеона, о его бѣгствѣ изъ Москвы здѣсь не было извѣстно; Минская газета трубила лишь о блистательныхъ побѣдахъ Наполеона и полномъ разгромѣ русской арміи. И вдругъ въ предѣлахъ Минскаго департамента Великаго Княжества Литовскаго, какъ горделиво величали поляки минскую губернію, появляются свѣжія и многочисленныя войска. Поляки, торжествовавшіе возстановленіе отчизны, сразу пали духомъ; ужасъ и смятеніе распространились среди нихъ. „Спѣшили сожигать мятежническія воззванія, газеты, прозрачныя картины, горѣвшія при иллюминаціяхъ, когда праздновали вступленіе въ Москву; а національная гвардія прятала оружіе и кокарды и разбѣгалась по домамъ“ [1]).

Но въ самомъ Минскѣ еще продолжалось пріятное для поляковъ заблужденіе. Даже Брониковскій не могъ повѣрить донесеніямъ о появленіи въ его департаментѣ дунайской арміи; двигавшіяся отъ Слонима къ Несвижу войска арміи Чичагова онъ принялъ за партизанскіе отряды и считалъ возможнымъ справиться съ ними при помощи того ничтожнаго отряда, который находился въ его распоряженіи. Почти всѣ наличныя силы минскаго гарнизона (около 5000) поставлены были имъ подъ начальство генерала Косецкаго и отправлены по направленію къ Несвижу, чтобы разсѣять появившіеся тамъ русскіе отряды. Но само собою разумѣется, что такое порученіе оказалось Косецкому не подъ силу. 1-го ноября его отрядъ былъ на голову разбитъ Ламбертомъ подъ Новосверженемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ русскими были заняты сосѣднія мѣстечки Миръ и Столбцы. Въ тотъ же день отрядъ полковника Кнорринга занялъ Несвижъ, гдѣ оказалось, по донесенію Чичагова, болѣе, нежели на милліонъ брилліантовъ и жемчуга, награбленныхъ французами въ Москвѣ и присланныхъ для сохраненія въ Несвижъ. Графъ Ламбертъ преслѣдовалъ Косецкаго, отступившаго къ Минску, и 3-го ноября въ сраженіи подъ Койдановымъ и Му-

[1]) *Михайловскій-Данилевскій*. IV, 125.

ровщизною уничтожилъ почти весь его отрядъ. Въ сраженіяхъ 1-го и 3-го ноября было взято въ плѣнъ болѣе 4000, въ томъ числѣ 63 офицера; захваченъ обозъ, двѣ пушки и два знамени. Самъ Косецкій съ полковникомъ Чапскимъ и сотнею солдатъ бѣжалъ въ Минскъ.

По плану войны Минскъ для Наполеона являлся слишкомъ важнымъ пунктомъ, чтобы Наполеонъ даже въ своемъ отступленіи могъ забыть о немъ или оставить его на произволъ судьбы: здѣсь были заготовлены громадные запасы провіанта, а въ нихъ было единственное средство спасенія остатковъ голодной и оборванной арміи; здѣсь же сосредоточено было множество больныхъ и раненыхъ. Но Наполеонъ былъ настолько увѣренъ въ безопасности Минска, что своевременно не снабдилъ его даже надежнымъ гарнизономъ. Только во время пребыванія въ Москвѣ, когда ему уже смутно рисовалась возможность отступленія по Смоленской дорогѣ, онъ предписалъ Викто́ру остановить въ Минскѣ 7-й виртембергскій полкъ, двигавшійся тогда изъ Данцига къ Гжатску, и шестые батальоны 22 легкаго, 46 и 93 линейныхъ полковъ и сформировать изъ нихъ резервную минскую бригаду въ составѣ шести батальоновъ. Кромѣ этихъ частей, минскій гарнизонъ состоялъ изъ незначительнаго числа вновь сформированныхъ въ Литвѣ войскъ и различныхъ депо французскихъ, польскихъ и иностранныхъ полковъ; число людей во всѣхъ этихъ командахъ не превышало 2000 старыхъ солдатъ и 3600 новобранцевъ [1]). Таковъ былъ составъ минскаго гарнизона въ это время.

Получивъ опредѣленныя свѣдѣнія о намѣреніи русскихъ занять Минскъ, Наполеонъ понялъ, что подобный гарнизонъ слишкомъ ничтоженъ, и употребилъ всѣ усилія, чтобы удержать за собой городъ, который, въ виду собранныхъ въ немъ запасовъ, получалъ особенное значеніе при отступленіи. Здѣсь Наполеонъ думалъ дать отдыхъ своимъ истомленнымъ войскамъ, привести ихъ въ порядокъ и обмундировать. Поэтому маршалу Удино предписано было занять Борисовъ и спѣшить къ Минску; сюда же изъ-подъ Бобруйска на помощь ему долженъ былъ явиться и Домбровскій съ своей дивизіей. Но ни то, ни другое движеніе не удалось: отряды Чичагова опередили Домбровскаго въ Минскѣ и Удино въ Борисовѣ.

Отрѣзанный отъ сообщенія съ арміей Наполеона, Домбровскій не имѣлъ яснаго представленія о положеніи дѣлъ, а потому рѣшилъ отправиться въ Минскъ и лично убѣдиться, насколько велика опасность;

---

[1]) *Богдановичъ*, т. III, стр. 221.

опередивъ свою дивизію, онъ явился въ Минскъ. Здѣсь ему пришлось убѣдиться только въ томъ, что для Минска уже было все потеряно и удержать этотъ городъ нельзя. Въ городѣ былъ полный переполохъ: всюду виднѣлись бѣглецы изъ разбитаго на голову отряда Косецкаго, а разъѣзды графа Ламберта, преслѣдующіе бѣглецовъ, были уже въ виду города. Видя полную невозможность сдѣлать что-нибудь для защиты Минска, Домбровскій поспѣшно вернулся къ своей дивизіи и, оставивъ минскую дорогу, двинулся черезъ м. Березино къ Борисову, чтобы отстоять хоть этотъ городъ и обезпечить отступленіе арміи Наполеона.

Брониковскій съ остатками минскаго гарнизона 4-го ноября въ 2 часа пополудни поспѣшно выступилъ изъ города и тоже направился къ Борисову. Множество офицеровъ безъ командъ и гражданскихъ чиновниковъ, опасавшихся послѣдствій своей измѣны русскому правительству, бѣжали въ Вильну и смутили литовское правительство и населеніе Вильны первыми извѣстіями о пораженіи Наполеоновской арміи: такъ какъ и сюда не доходили вѣрныя свѣдѣнія объ истинномъ положеніи вещей, а если и доходили, то тщательно скрывались отъ мѣстнаго населенія. Велико было смятеніе въ Минскѣ; въ поспѣшномъ бѣгствѣ своемъ поляки не успѣвали захватить самаго цѣннаго изъ своего имущества. Самъ Брониковскій, убѣгая изъ Минска, не могъ взять съ собой даже самыхъ необходимыхъ вещей; онъ успѣлъ лишь поручить своему „кухмистеру" Коржинскому отправиться съ вещами въ Вильну въ архіерейской каретѣ. Коржинскій, отобравъ самое необходимое изъ имущества: оказавшіяся въ домѣ деньги (50 червонцевъ и 170 талеровъ), нижнее бѣлье, верхнее платье и серебряную столовую и чайную посуду, передалъ все это секретарю Брониковскаго Турчинскому, который отправлялся въ догонку за своимъ генераломъ по направленію къ Борисову. Впрочемъ, эти вещи такъ и не попали въ руки Брониковскаго. Турчинскому видно было не до губернаторскихъ вещей во время тѣхъ ужасовъ, которые пришлось пережить непріятельской арміи въ Борисовѣ; онъ оставилъ ихъ на храненіе помѣщицѣ борисовскаго повѣта Есьманъ, у которой онѣ послѣ изгнанія французовъ были отобраны борисовскимъ земскимъ исправникомъ. Исправникъ представилъ генералъ-губернатору Игнатьеву, а тотъ переслалъ ихъ для храненія въ минскую казенную палату. Впослѣдствіи, по постановленію комитета министровъ, означенное имущество Брониковскаго было продано съ аукціона, за исключеніемъ серебра, которое было отослано въ Департаментъ горныхъ и соляныхъ

дѣлъ для передѣлки на монетномъ дворѣ въ деньги; а деньги эти предположено было отнести къ суммамъ на предметъ „призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля“ [1]). Такъ печально завершилась эпопея трехмѣсячнаго губернаторства въ Минскѣ генерала французской арміи Николая Брониковскаго.

Вслѣдъ за удаленіемъ изъ Минска неудачи посыпались на голову Брониковскаго. Онъ прибылъ въ Борисовъ 6-го ноября, предупредивъ, такимъ образомъ, русскихъ, но не сумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія. Онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ неудачныхъ распоряженій и разбросалъ свои силы; два дня провелъ онъ въ совершенномъ бездѣйствіи и даже убѣдилъ подошедшаго въ ночь съ 8-го на 9-ое Домбровскаго въ полной безопасности Борисова [2]). Благодаря этому, измученныя продолжительнымъ и быстрымъ переходомъ войска Домбровскаго расположились на отдыхъ въ походныхъ колоннахъ, не занявъ даже редутовъ. Но отдыхать имъ не пришлось; войска графа Ламберта неожиданной аттакой на разсвѣтѣ привели ихъ въ полное смятеніе; завязавшееся жаркое сраженіе окончилось къ четыремъ часамъ дня полнымъ пораженіемъ Домбровскаго и Брониковскаго: два знамени, восемь пушекъ и болѣе 2500 плѣнныхъ были трофеями побѣдителей. Когда послѣ этого пораженія и занятія Борисова русскими войсками Брониковскій явился къ Наполеону въ Студянку, то Наполеонъ принялъ его очень дурно, съ бранью за неумѣніе отстоять Борисовъ [3]).

Едва успѣлъ Брониковскій бѣжать изъ Минска, какъ городъ былъ занятъ отрядомъ графа Ламберта. Въ качествѣ плѣнныхъ было захвачено 45 штабъ-и оберъ-офицеровъ и 2000 нижнихъ чиновъ, большею частью раненыхъ и больныхъ, и освобождено 110 человѣкъ нашихъ плѣнныхъ [4]). Непріятели въ своемъ поспѣшномъ отступленіи не успѣли истребить громадныхъ запасовъ хлѣба, комиссаріатскихъ вещей, пороху и свинца, собранныхъ въ магазины Минска. Въ помѣщеніи костеловъ—доминиканскаго, бернардинскаго, бенедиктинскаго и францисканскаго оказалось такое количество сарачинскаго пшена,

---

[1]) Арх. Минск. Казен. Пал. по канцел. дѣло № 14 о вещахъ и денежной суммѣ, принадлежавшихъ бывшему во время французск. правленія въ Минскѣ губернатору Брониковскому. Арх. Губ. Правл. Журналы 1813 г. II Проток. 17-го и 28-го августа.

[2]) *Богдановичъ*, т. III, стр. 230 и слѣд.

[3]) *Современникъ* 1855 г. № 7. *Шпилевскій*, Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю, стр. 23.

[4]) *Богдановичъ*, III, 226.

за нѣсколько дней привезеннаго изъ Франціи, что его достаточно было для дунайской арміи на цѣлый мѣсяцъ [1]).

На слѣдующій день прибыли въ Минскъ пѣхота авангарда, резервъ и главная квартира Чичагова; прочія же войска расположились въ окрестностяхъ Минска. Для отдыха и снабженія провіантомъ войска Чичагова оставались въ Минскѣ до 8-го ноября. Занявъ Минскъ, Чичаговъ, повидимому, считалъ выполненною главнѣйшую задачу своего движенія, такъ какъ находился теперь на пути, по которому отступала непріятельская армія. Немудрено поэтому, что его воображенію уже рисовалась возможность поимки самого Наполеона. 7-го ноября онъ далъ секретное предписаніе графу Ланжерону такого содержанія: „Наполеонова армія въ бѣгствѣ, виновникъ бѣдствія Европы съ нею.— Мы находимся на путяхъ его. Легко быть можетъ, что Всевышнему угодно будетъ прекратить гнѣвъ свой, предавъ его намъ, почему желаю я, чтобъ примѣты сего человѣка были всѣмъ извѣстны. Онъ росту малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая и толстая, волосы черные. Для вящшей же надѣжности ловить и приводить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я не говорю о наградѣ за сего..... Извѣстныя щедроты Монарха..... за сіе отвѣтствуютъ. Минскъ 7-го ноября 1812 г.“ [2]). Дѣйствительно, Чичагову легко было захватить Наполеона, но не тѣми способами, какими онъ думалъ. Отъ него зависѣло занять переправу черезъ Березину и истребить на Зембинскомъ дефиле мосты и гати и тѣмъ лишить армію Наполеона всякой возможности къ отступленію; но Чичаговъ по странной оплошности не сдѣлалъ ни того, ни другого.

Въ наши задачи не входитъ изображеніе ошибокъ Чичагова, благодаря которымъ осталась невыполненною мысль объ истребленіи французской арміи и плѣненіе Наполеона въ предѣлахъ минской губерніи; не будемъ также останавливаться и на описаніи той кровавой трагедіи, которая разыгралась на берегахъ Березины и которая хорошо извѣстна каждому. Теперь мы обратимся къ тѣмъ перемѣнамъ во внутренней жизни минской губерніи, которыя были слѣдствіемъ очищенія ея отъ непріятеля и занятія русскими войсками; а, равнымъ образомъ, попытаемся нарисовать картину того разоренія губерніи, которое было печальнымъ результатомъ четырехмѣсячнаго французско-польскаго владычества.

---

[1]) *Михайловскій-Данилевскій*, IV, 131. *Современникъ* 1855 г. № 7. *Шпилевскій*, стр. 27.

[2]) *Шильдеръ*, Императоръ Александръ Первый, т. III, стр. 153 и 566.

IX.

Временный военный губернаторъ—полковникъ К. Б. Кнорррингъ.—Прибытіе въ Минскъ гражданскаго губернатора Добринскаго и военнаго—Игнатьева.—Возстановленіе присутственныхъ мѣстъ и полиціи.—Радость русскихъ, остававшихся въ Минскѣ во время нашествія.—Поведеніе поляковъ-чиновниковъ, принимавшихъ участіе во временной администраціи.—Всемилостивѣйшій манифестъ 12-го декабря и обратное принятіе на службу поляковъ-чиновниковъ, измѣнившихъ Россіи.—Возвращеніе въ свои имѣнія помѣщиковъ, принявшихъ сторону непріятеля.

Съ приближеніемъ русскихъ войскъ французско-польское правительство въ Минской губерніи само собою пало; большая часть лицъ, принимавшихъ участіе во временномъ правленіи бѣжала изъ Минска. Въ занятомъ русскими войсками Минскѣ учреждено было временное военное управленіе. Временнымъ военнымъ губернаторомъ Минска былъ назначенъ полковникъ Уланскаго Татарскаго полка Карлъ Богдановичъ Кноррингъ; за отсутствіемъ гражданскихъ властей, онъ вступилъ въ управленіе всѣми частями въ освобожденныхъ отъ непріятеля мѣстностяхъ минской губерніи [1]).

17-го ноября 1812 г. минскій гражданскій губернаторъ П. М. Добринскій, находившійся въ Рѣчицѣ, получилъ съ нарочнымъ повелѣніе отъ главнокомандующаго М. Ил. Кутузова—какъ можно скорѣе возвратиться въ Минскъ вмѣстѣ со всѣми губернскими чиновниками, при немъ находившимися, и заняться возстановленіемъ въ Минскѣ и уѣздныхъ городахъ присутственныхъ мѣстъ, городской и земской полиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему предписывалось, съ введеніемъ законнаго правленія, прежде всего позаботиться о доставленіи продовольствія для арміи посредствомъ сбора съ обывателей сухарей, крупъ, овса, рогатаго скота и проч. [2]). Сдѣлавъ предварительныя распоряженія по этому вопросу, Добринскій со всѣми чиновниками выѣхалъ изъ Рѣчицы и 21-го ноября прибылъ въ Минскъ.

Комендантъ Бобруйской крѣпости генералъ-майоръ Николай Гавриловичъ Игнатьевъ былъ утвержденъ въ должности минскаго воен-

---

[1]) Журналъ Минск. Казен. Пал. за II половину 1813 г., стр. 202. Русскій Архивъ 1869 г. Переправа черезъ Березину, стр. 1153.

[2]) Арх. Губ. Пр. Дѣло № 29010 о всѣхъ чинахъ, бывшихъ въ Рѣчицѣ въ 1812 г. при нашествіи непріятеля. Донесеніе губернатора министру полиціи отъ 22-го ноября 1812 г. Арх. Казен. Пал. Протоколы 1812 г., II, стр. 908.

наго губернатора и 23-го ноября тоже пріѣхалъ въ Минскъ. Мало-по-малу собрались въ Минскъ чиновники всѣхъ губернскихъ казенныхъ учрежденій; съ возвращеніемъ чиновниковъ и по уѣзднымъ городамъ возстановлялись присутственныя мѣста. 30-го ноября Кутузовъ торжественно объявилъ объ освобожденіи Литвы, а съ нею и минской губерніи отъ непріятеля [1]). 19-го декабря минское губернское правленіе открыло свое присутствіе и въ первомъ же засѣданіи постановило возобновить обычныя занятія и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи [2]). Впрочемъ, возстановленіе нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ и открытіе въ нихъ занятій состоялось даже нѣсколько раньше: казенная палата, напримѣръ, открылась 9-го декабря [3]); въ минскомъ уѣздѣ присутственныя мѣста и полиція возстановлены были съ 7-го декабря [4]). Въ декабрѣ мѣсяцѣ по-прежнему открылось присутствіе минской духовной консисторіи; священно и церковно-служители, вынужденные оставить свои приходы, вернулись къ своимъ мѣстамъ [5]).

Можно себѣ представить, съ какою радостью встрѣчены были сначала русскія войска, а затѣмъ и гражданскія власти тѣми русскими людьми, которые по своей волѣ или въ силу обстоятельствъ оставались въ Минскѣ во время французско-польскаго владычества. Несмотря на всю тяжесть своего положенія среди враждебныхъ всему русскому поляковъ и французовъ, они остались вѣрными присягѣ и своему долгу; нѣкоторые изъ нихъ проявили даже истинный героизмъ. Мы уже говорили о дѣятельности эконома архіерейскаго дома, іеромонаха Иннокентія, теперь кстати упомянемъ еще о двухъ личностяхъ, которыя вѣрою и правдою служили русскому дѣлу въ Минскѣ въ тяжелыя времена французскаго нашествія. Одинъ изъ нихъ, совѣтникъ губернскаго правленія Чоглоковъ, посвятилъ себя уходу за больными и ранеными русскими плѣнниками, которые были брошены въ минскихъ лазаретахъ безъ всякаго призора. Только благодаря доброму сердцу Чоглокова, его безкорыстной любви къ ближнему, его само-

---

[1]) Арх. Губ. Предв. двор. III, 2, № 96.

[2]) Арх. Каз. Пал. Книга сообщеніямъ Минск. Губ. Правл. за 1812 г.

[3]) Тамъ же. Дѣло 1813 г. № 20. Выдача казен. жалованья канцел. служителямъ, остававшимся въ Минскѣ.

[4]) Журналы Минск. казен. пал. 1812 г., II, стр. 322.

[5]) Арх. Дух. Консисторіи. Дѣло № 6358. Объ открытіи по-прежнему присутствія консисторіи и о высылкѣ свящ.-и церк.-служителей къ своимъ мѣстамъ 1813 г.

отверженію, многіе изъ этихъ плѣнниковъ остались въ живыхъ [1]). Другимъ скромнымъ героемъ былъ вахмистръ казенной палаты Тимоѳей Евлантьевъ. Оставаясь въ Минскѣ во время нашествія непріятелей, онъ задался цѣлью сберечь отъ расхищенія казенныя вещи и документы. Работая по ночамъ, онъ перенесъ весьма значительную сумму казенныхъ денегъ, облигаціонныхъ записей и множество другихъ цѣнныхъ документовъ въ угловую комнату доминиканскаго монастыря, въ которомъ помѣщалось польское судилище. Дверь, которая вела въ эту комнату, онъ завалилъ досками и разнымъ хламомъ; благодаря этому, собранныя вещи и бумаги ему удалось сохранить отъ расхищенія даже со стороны удалявшихся навсегда изъ Минска французовъ и поляковъ. Сбереженныя имъ казенныя вещи и бумаги Евлантьевъ представилъ возвратившимся въ Минскъ властямъ [2]).

Большинство поляковъ, составлявшихъ временное правительство Минскаго департамента, какъ мы уже сказали, бѣжало вмѣстѣ съ непріятелемъ; но нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, предсѣдатель Минскаго муниципальнаго совѣта М. Пузына, бургомистры Башинскій и Ключинскій, полицеймейстеръ Пржездецкій, директоръ и учителя гимназіи, приставъ Кустрей и другіе, остались въ Минскѣ и подчинились новому порядку вещей, выставляя свое участіе во французско-польской администраціи лишь актомъ необходимости. Директоръ гимназіи Цейсъ свое служеніе непріятельскому правительству объяснялъ исключительно беззавѣтною преданностью служебному долгу и полнымъ самопожертвованіемъ ради интересовъ общественнаго образованія. „Рапорты мои управленію Виленскаго университета отъ занятія г. Минска до настоящаго времени, свидѣтельствуютъ, писалъ онъ 20-го января 1813 г., что я посвятилъ себя, не взирая на громадныя затрудненія, борьбѣ со всевозможными препятствіями съ тою цѣлью, чтобы теченіе занятій, согласно предписанію устава, не прерывалось“ [3]). И нужно отдать ему честь, что онъ съ одинаковою настойчивостью хлопочетъ объ удовлетвореніи нуждъ гимназіи какъ передъ французско-польскимъ правительствомъ, такъ передъ Кноррин-

---

[1]) Журналы Губ. Пр. за 1812 и 1813 гг., а равно донесеніе Чичагова у Мих.-Данилевскаго, II, стр. 31.

[2]) Журналы Казен. Пал. 1813 г. II, 636—639.

[3]) Арх. Минск. гимн. Księga pism wychodzących za 1813 г., № 8. См. также книгу исходящихъ за 1812 г. № 462, представленіе Цейса губернатору Добрынскому отъ 30-го ноября 1812 г.

гомъ и возвратившимися русскими гражданскими властями [1]). Та готовность и предупредительность, съ которою русское правительство отнеслось къ интересамъ гимназіи и просвѣщенія, лучше всего могли убѣдить Цейса въ томъ, на чьей сторонѣ право и сила. Отъ русскихъ властей онъ безъ особаго труда достигъ того, чего не могъ достигнуть при польскомъ правительствѣ. Такъ, напримѣръ, уже 14-го ноября 1812 г., по представленію директора, полковникъ Кноррингъ предложилъ квартирной комиссіи, „чтобы она всѣ занимаемые дома профессорами и учителями, безъ крайней надобности, не отягощала воинскими постоями“ [2]); а, между тѣмъ, сколько потрачено было усилій и исписано бумагъ, чтобы добиться этой льготы у французско-польскаго правительства, и, тѣмъ не менѣе, ходатайство директора не было уважено. Директоръ и учителя остались на своихъ мѣстахъ и по-прежнему продолжали свое дѣло. Подкоморій минскій Михаилъ Пузына, игравшій такую видную роль во временномъ правительствѣ, тоже остался въ Минскѣ, и 9-го ноября ему даже было поручено исправлять должность минскаго повѣтоваго маршала [3]). Римско-католическій епископъ Дедерко, столь опредѣленно заявившій свой польскій патріотизмъ и ненависть къ Россіи, тоже не думалъ выѣзжать изъ Минска и по-прежнему оставался на своемъ мѣстѣ до 1815 г., онъ даже не хотѣлъ выѣзжать изъ захваченнаго имъ помѣщенія православнаго архіерея. Впрочемъ, многіе изъ поляковъ-чиновниковъ, оставшихся въ Минскѣ, не имѣя мужества, подобно директору Цейсу, открыто признать свое участіе въ дѣятельности временнаго правительства, сваливали всю вину на своихъ бывшихъ сотоварищей, бѣжавшихъ за границу [4]); такъ, между прочимъ, поступилъ даже и епископъ Дедерко, старавшійся часть своей вины сложить на губернатора Брониковскаго [5]). Они постарались уничтожить всѣ слѣды своей преступной дѣятельности; особенно тщательно была скрыта или уничтожена вся официальная переписка французско-польской администраціи. Полковникъ Кноррингъ, вступивъ въ должность минскаго военнаго губернатора, а затѣмъ гражданскій губернаторъ Добринскій, по возвращеніи своемъ въ Минскъ, немедленно потребовали предста-

[1]) Арх. гимн. Книга исходящихъ за 1812 г.
[2]) Арх. гимн. Дѣло № 12. Письмо Кнорринга подъ № 91.
[3]) Арх. губ. пр. Дѣло № 30656.
[4]) См., напримѣръ, журналы каз. пал. 1813 г., II, стр. 201.
[5]) Арх. дух. консист. Дѣло № 6359, стр. 134, 776, 820.

вленія имъ всѣхъ распоряженій французско-польскаго правительства и вышедшихъ въ свѣтъ номеровъ „Минской газеты". Но приказаніе ихъ было исполнено, кажется, только однимъ директоромъ гимназіи, да и то представленныхъ имъ документовъ въ настоящее время не оказывается въ мѣстныхъ архивахъ [1]). Что же касается дѣлъ минскаго муниципалитета, полицейскаго, финансоваго и продовольственнаго отдѣленій администраціи Минскаго департамента, то казенная палата, имѣвшая въ нихъ настоятельную надобность, никакъ не могла ихъ разыскать, несмотря на всѣ старанія [2]).

Но оказалось, что, благодаря безконечному милосердію Императора Александра, для поляковъ не было никакихъ основаній опасаться дурныхъ послѣдствій своей измѣны Россіи. По волѣ Императора всѣ чиновники-поляки, даже тѣ, которые входили въ составъ польско-французской администраціи, были вновь приняты на прежнія должности [3]). Манифестомъ, даннымъ 12-го декабря въ Вильнѣ, всѣмъ полякамъ западныхъ губерній, принявшимъ сторону непріятеля, возвѣщено было забвеніе прошлаго и полное прощеніе. Послѣ этого большинство поляковъ-чиновниковъ, принимавшихъ самое ревностное участіе въ дѣятельности временнаго правительства, возвратились на свои мѣста и спокойно продолжали службу. Для примѣра укажемъ на слѣдующихъ лицъ: Л. Каминскій и Ив. Ходзько по-прежнему остались предсѣдателями 1-го и 2-го департаментовъ минскаго суда; при чемъ Каминскій впослѣдствіи, съ 1818 г. былъ даже вице-губернаторомъ Минска; начальникъ почтъ Минскаго департамента Ив. Олеша остался засѣдателемъ 2-го департамента; борисовскій повѣтовый маршалъ М. Зеновичъ, занимавшій мѣсто члена совѣта, временной администраціи, былъ оставленъ въ дожности уѣзднаго предводителя и по изгна-

---

[1]) Арх. гимназіи № 109 Księga piśm wychodz. za 1812 г. №№ 463 и 464.

[2]) Журналы Минск. каз. палаты за майскую и сентябрьскую треть 1812 г., стр. 305—306; тамъ же дѣла по канцел. за 1812 г. № 26 объ отысканіи разныхъ бумагъ. Арх. упр. госуд. им. Минской губ. Хоз. отд. Дѣло № 85/76 по сообщенію коммиссіи, учрежденной для продажи казен. имѣній. Дѣла 1-го департамента Минск. главн. суда за время нашествія французовъ сохранились въ архивѣ упраздненныхъ судебныхъ учрежденій Минской губ.; нѣкоторыя распоряженія финансоваго отдѣленія сохранились въ архивѣ Минской гимназіи. Шпилевскому извѣстны были подлинные протоколы засѣданій Борисовской подпрефектуры („Современникъ" 1854 г. XI. Путешествіе по Полѣсью, стр. 45, 55).

[3]) Памятн. книжка Минской губ. 1878 г. II. Прилож., стр. 65. См. также журналы и протоколы казен. пал. за 1813 г.

ніи французовъ, а съ 1815 г. состоялъ минскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; Л. Ошторпъ, бывшій начальникомъ корпуса минской жандармеріи, остался игуменскимъ повѣтовымъ маршаломъ, а съ 1823 г. тоже былъ губернскимъ предводителемъ; членъ совѣта администраціи Викентій Гецевичъ въ 1816—1818 г. былъ минскимъ вице-губернаторомъ. Всѣ вообще повѣтовые маршалы, игравшіе столь видную роль въ дѣятельности временнаго правительства, были оставлены въ занимаемыхъ ими должностяхъ [1]). Даже инспекторъ гимназіи Бродовскій, проповѣдывавшій въ издаваемой имъ „Минской газетѣ“ самую ожесточенную ненависть ко всему русскому и развивавшій идеи польскаго патріотизма, восторженно преклонявшійся передъ французами и особенно Наполеономъ, и тотъ лишь на короткое время выѣхалъ изъ Минска; вслѣдъ за изданіемъ манифеста 12-го декабря онъ вновь занялъ свое мѣсто и вскорѣ затѣмъ былъ даже назначенъ директоромъ училищъ Гродненской губерніи, въ каковой должности и умеръ въ 1829 г. Ободренные царскимъ милосердіемъ многіе изъ минскихъ поляковъ-чиновниковъ (даже епископъ Дедерко) потребовали отъ русскаго правительства жалованья, не выданнаго имъ за время нашествія французовъ [2]). Новый Всемилостивѣйшій манифестъ 30-го августа 1814 г., коимъ дѣла относительно поляковъ, измѣнившихъ отечеству и нанесшихъ ущербъ казеннымъ интересамъ, „преданы вѣчному забвенію и глубокому молчанію и запрещенію даже впредь чинить какое-либо притязаніе или взысканіе“, совершенно успокоилъ всѣхъ виновныхъ, опасавшихся еще возмездія за свой образъ дѣйствій хотя бы въ отдаленномъ будущемъ [3]).

Что касается поляковъ-помѣщиковъ, перешедшихъ на сторону непріятеля, то Всемилостивѣйшій манифестъ 12-го декабря 1812 года одинаково распространялся и на нихъ. Для возвращенія бѣжавшихъ съ непріятелемъ за границу поляковъ назначенъ былъ срокъ, и только имущество тѣхъ, которые не пожелали бы вернуться къ этому сроку, предположено было подвергнуть конфискаціи. Поэтому большинство поляковъ-помѣщиковъ минской губерніи спокойно вернулись въ свои

---

[1]) Тамъ же и арх. губ. пр. Дѣло 30656 о доставленіи формулярн. списковъ чиновниковъ, служащихъ по выбору дворянства за 1813 г.

[2]) Арх. Минск. каз. пал. 1812 г.. II отр. 305—306; 1813 г., I стр. 332. По канцел. за 1813 г. дѣло № 2 о выдачѣ жалов. канц. служителямъ.

[3]) Арх. дух. конс. дѣло № 6359. стр. 822.

имѣнія; тѣмъ болѣе, что времени обдумать свое положеніе имъ было дано достаточно: окончательное постановленіе общаго присутствія Минскаго губернскаго правленія и казенной палаты по предмету конфискаціи имуществъ состоялось лишь 21-го мая 1813 года [1]). Имѣнія тѣхъ, которые къ этому сроку не возвратились въ Россію, были конфискованы, но лишь немногія поступили въ продажу, такъ какъ мало-по-малу и ихъ владѣльцы вернулись домой и получили свое имущество. Всѣ подобныя лица впослѣдствіи были даже вознаграждены за произведенные въ ихъ имѣніяхъ русскими войсками заборы и воспользовались различными льготами относительно казенныхъ повинностей съ имѣній, въ виду разоренія ихъ „по военнымъ обстоятельствамъ" [2]).

„Всепрощеніе", объявленное государемъ, разстроило, по словамъ Шильдера, намѣреніе Кутузова представить на монаршее воззрѣніе предположеніе, чтобы генераловъ и офицеровъ, отличившихся во время Отечественной войны, наградить помѣстьями литовскихъ и бѣлорусскихъ помѣщиковъ" [3]).

X.

Послѣдствія французскаго владычества для минской губерніи.—Разореніе Минска и уѣздныхъ городовъ.—Бѣдственное положеніе населенія и особенно крестьянъ.—Заключеніе.

Поляки-чиновники и помѣщики минской губерніи поплатились за свои увлеченія слишкомъ легко и во всякомъ случаѣ въ той степени, въ какой имъ самимъ заблагоразсудилось; но не таковы были послѣдствія французскаго нашествія для остального населенія губерніи. Поляки-ремесленники и купцы, евреи, крестьяне-бѣлоруссы, русскіе чи-

---

[1]) Арх. губ. пр. дѣло № 29959 о конфискованныхъ имѣніяхъ помѣщиковъ, не возвратившихся въ предѣлы Россіи на срокъ, положенный Высочайшимъ манифестомъ 12-го декабря 1812 г. Арх. упр. госуд. имущ. Минской губ. хоз. отд. дѣло № 81/76.

[2]) Арх. упр. госуд. имущ. Минской губ. хоз. отд. дѣло № 50 о разореніи казен. вѣд. во время воен. обст.; № 53 о разореніяхъ въ им. Бѣлавичи; № 19 о разореніи им. Бржосскій Ключъ; № 61 о секвестрованныхъ и разрѣшенныхъ отъ онаго имѣніяхъ отлучившихся за границу лицъ. Протоколы губ. пр. 9-го апрѣля 1813 г. Журналъ 6-го сентября 1813 г.

[3]) *Шильдеръ*, Императоръ Александръ I. т. III, стр. 134.

новники и духовенство, церкви, монастыри, казенныя учрежденія: — всѣ они подверглись страшному разоренію и многіе годы не могли оправиться отъ его послѣдствій. Русскимъ властямъ, возвратившимся въ Минскъ, нѣсколько лѣтъ пришлось потрудиться надъ возстановленіемъ порядка въ губерніи и устройствомъ населенія, пострадавшаго отъ непріятельскаго нашествія и безцеремоннаго хозяйничанья французско-польской администраціи.

Городъ Минскъ представлялъ картину полнаго разоренія: мостовыя, фонарные столбы, мосты, шлабгаумы, будки для ночныхъ сторожей были разрушены; повсюду на площадяхъ, улицахъ и дворахъ накопились кучи грязи и мусора; въ городскомъ саду поломана масса деревьевъ; многіе дома подверглись сильной порчѣ и разоренію; всюду виднѣлись зданія съ выбитыми стеклами; оконныя рамы, двери, даже стропила и полы во многихъ домахъ были уничтожены, такъ какъ употреблялись на отопленіе вмѣсто дровъ [1]). Болѣе всего пострадали зданія казенныхъ учрежденій, православные храмы, католическіе и уніатскіе монастыри, въ которыхъ были учреждены непріятельскія присутственныя мѣста, лазареты и провіантскіе склады. Сохранилось свидѣтельство очевидца, дающее намъ прекрасную картину тѣхъ разореній, которымъ подверглись въ Минскѣ казенныя зданія даже наиболѣе оберегавшихся временнымъ правительствомъ учрежденій. Это рапортъ директора гимназіи Цейса управленію Виленскаго университета отъ 20-го января 1813 года о состояніи гимназіи. Здѣсь онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Что касается гимназическаго дома, то онъ совершенно разоренъ. Французы все въ немъ измѣнили, стѣны, печи, лѣстницы, погреба, двери, конюшни, сараи: все это было совершенно передѣлано, сообразно ихъ фантазіи; нѣкоторыя комнаты обращены въ прачешныя, сѣни и проч.; въ концѣ концовъ они, по своему обыкновенію, все совершенно испортили и разрушили. Невозможно вообразить себѣ ту неопрятность и тотъ безпорядокъ, которые у нихъ господствовали. Для топки печей они сожгли лѣстницы отъ погребовъ, а также и ту, которая вела на чердакъ. Почти всѣ двери выломаны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уничтожены полы и потолки, выломаны всѣ подпорки подъ стропилами, а мѣстами и самыя стропила, и желѣзная крыша грозитъ паденіемъ. Все дерево, нахо-

---

[1]) Протоколъ губ. пр. 6-го апрѣля 1813 г. Рапортъ бывшаго полицеймейстера обще съ Минской градской экономической комиссіей отъ 21-го января 1813 г.

дившееся въ конюшняхъ и каретныхъ сараяхъ, въ людскихъ и кладовыхъ, сожжено. Стѣнка, которая отдѣляла гимназическій дворъ отъ русской соборной церкви, равно какъ и отхожія мѣста разобраны, а кирпичъ употребленъ на другія надобности; равнымъ образомъ, какъ сказано выше, выломано много поперечныхъ стѣнокъ въ самомъ зданіи. Своды въ погребахъ уничтожены; въ одномъ погребѣ это сдѣлано для болѣе удобнаго сбрасыванія туда труповъ, которыми погребъ былъ наполненъ до самаго прибытія въ Минскъ губернатора. Эти трупы, число которыхъ, по словамъ полицейскаго офицера, простиралось до трехсотъ, не имѣя возможности замерзнуть подобно найденнымъ въ большомъ количествѣ (болѣе 60) на дворѣ, въ конюшнѣ и каретномъ сараѣ, заразили все зданіе и во всей окружности наполнили воздухъ несноснымъ зловоніемъ. Занятыя больными комнаты такъ заражены, что въ нихъ нельзя выдержать и одной минуты. А такъ какъ отхожихъ мѣстъ давно уже нѣтъ, то почти все зданіе гимназіи обратилось въ одно отхожее мѣсто. Фасадъ зданія ужасно обезображенъ выливавшимися изъ оконъ всевозможными нечистотами; внутрь же зданія нельзя проникнуть вслѣдствіе нечистоты половъ, стѣнъ и даже потолка: все это загажено и насквозь пропитано нечистотами всякаго происхожденія" [1]).

Въ такомъ же состояніи было и зданіе присутственныхъ мѣстъ, занятое подъ лазаретъ. Все казенное имущество оказалось здѣсь расхищеннымъ; столы, стулья, двери и даже полы сожжены въ качествѣ дровъ; дворъ и комнаты были завалены трупами. На ремонтъ корпуса присутственныхъ мѣстъ, квартиръ губернатора и вице-губернатора, тоже сильно пострадавшихъ, потребовалось 32,281 р. 46 коп., а на возмѣщеніе убытковъ по пропажѣ и порчѣ казенныхъ вещей въ одной казенной палатѣ понадобилось 6,746 рублей [2]).

Что касается дѣлъ и архивовъ присутственныхъ мѣстъ, остававшихся, большею частью, въ Минскѣ, за невозможностью вывозки ихъ при отсутствіи подводъ, во время поспѣшнаго бѣгства изъ города,— то они оказались въ плачевномъ состояніи. Часть дѣлъ различныхъ

---

[1]) Архивъ Минской гимназіи Księga pism wychodzących za 1813 r. № 8. Księga Zaleceń Vzadówych za 1813 r. № 30. Протоколы губ. пр. 2-го и 23-го апрѣля 1813 года.

[2]) Арх. каз. пал. по канцел. дѣло № 33 о доставленіи вѣдомости, какихъ палата во время непріятельскаго нашествія лишилась мебелей. Проток. губ. пр. 10-го апрѣля 1813 г.

учрежденій свалена была въ общую кучу въ одной изъ комнатъ казенной палаты, а остальныя свезены и безпорядочно сложены были въ доминиканскомъ монастырѣ. Всѣ эти дѣла валялись безъ всякаго присмотра, а потому ихъ бралъ всякій, кто только хотѣлъ; множество казенныхъ бумагъ найдено было валявшимися на улицѣ, у частныхъ лицъ, а въ особенности у продавцовъ мыла и сала [1]).

Значительно пострадавшими оказались и православные храмы города Минска. О разореніи домовой церкви архіерейскаго дома мы уже говорили. Минская приходская Екатерининская церковь была занята непріятелемъ подъ лазаретъ; иконостасы оказались разломанными, а одинъ изъ нихъ, съ правой стороны, былъ совершенно уничтоженъ; престолы сожжены; церковныя вещи и священные сосуды разграблены. Кладбищенская церковь была обращена въ пороховой складъ [2]). Минскій каѳедральный Петропавловскій соборъ пострадалъ сравнительно мало, благодаря тому, что въ немъ былъ устроенъ провіантскій магазинъ; въ придѣлѣ Александра Невскаго даже совершалось богослуженіе. По вступленіи въ Минскъ русскихъ войскъ соборъ былъ очищенъ, и престолъ возобновленъ. Соборный домъ, занятый подъ лазаретъ, сильно пострадалъ. Ближайшія къ Минску церкви: Крупецкая, Старосельская [3]), Тарасовская, Гребенская и другія были разграблены непріятелемъ. Католическіе монастыри Минска были обращены въ провіантскіе склады [4]).

Возвратившимся въ Минскъ русскимъ властямъ, такимъ образомъ, прежде всего предстояло заняться очисткою города отъ нечистотъ и приведеніемъ въ порядокъ присутственныхъ мѣстъ и городскихъ зданій. Къ концу января 1813 г. большая часть казенныхъ зданій уже была очищена и приводилась въ порядокъ, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ, которые были оставлены подъ лазаретами [5]). Очистка города шла гораздо медленнѣе: еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ во многихъ мѣстахъ лежали громадныя кучи навоза и мусора, на вывозъ кото-

---

[1]) Арх. казен. пал. По канцел. дѣло 1812 г. № 20 и 1813 г. № 21. Протоколъ каз. пал. 1812 г. II, стр. 307. Журналы губ. пр. 14-го сентября 1813 г.

[2]) Арх. Дух. Конс. дѣло № 6358 объ открытіи по-прежнему присутствія консисторіи, стр. 291.

[3]) Тамъ же, стр. 290.

[4]) Арх. губ. пр., дѣло № 29011, объ очисткѣ костеловъ. Историч. свѣдѣнія о началѣ и судьбѣ правосл. церкви въ Минской епархіи арх. Николая. Примѣч. на стр. 48.

[5]) Арх. гимн. Книга исходящ. за 1813 г., № 8.

рыхъ требовались весьма большія суммы денегъ. Медленно шло и исправленіе многочисленныхъ поврежденій на улицахъ, площадяхъ и въ садахъ города. Жители Минска, участвовавшіе въ разореніи и разграбленіи казеннаго и частнаго имущества, не подвергались преслѣдованію и наказанію, но должны были возвратить захваченное и заплатить за испорченное и уничтоженное, если не могли представить предписаній непріятельскаго правительства, оправдывающихъ ихъ дѣйствія [1]).

Убытки, причиненные г. Минску военными обстоятельствами, были громадны: по общему подсчету непріятелями было причинено убытку на 253.866 р. 1 к. ассигнаціями; сверхъ того, русскими войсками нанесено убытковъ на 117.719 р. 38 к. [2]).

Ту же картину разоренія, въ большей или меньшей степени, представляли и уѣздные города минской губерніи, занятые непріятелями. Больше всего пострадалъ г. Борисовъ и его окрестности. Въ самомъ Борисовѣ, можно сказать, не осталось камня на камнѣ; всѣ лучшіе дома были выжжены, а имущество жителей разграблено. Положеніе населенія и послѣ изгнанія непріятелей было самое плачевное; оно не въ силахъ было хоть какъ-нибудь устроиться своими средствами; только благодаря безденежному отпуску казеннаго лѣса и другимъ льготамъ со стороны правительства, борисовскіе мѣщане могли кое-какъ обстроиться и нѣсколько поправить свои дѣла. Казенныя зданія въ Борисовѣ были въ конецъ разорены. Изъ 12 церквей Лошницкаго благочинія уцѣлѣло только пять; остальныя же всѣ пострадали въ большей или меньшей степени. Борисовскія церкви: Воскресенская и Преображенская, были ограблены и, по занятіи ихъ подъ лазаретъ, осквернены; Немоницкая со всею утварью и церковными вещами сожжена; Лошницкая Николаевская тоже сожжена уже 15-го ноября генераломъ Домбровскимъ; Ратутицкая церковь ограблена и осквернена. Священно-и церковно-служители разоренныхъ церквей страшно бѣдствовали, еще и 1813 г. проживая въ чужихъ сараяхъ и баняхъ.

По изгнаніи непріятеля, военный губернаторъ Игнатьевъ и гражданскій Добринскій поспѣшили въ Борисовъ и здѣсь были очевидцами страшной картины бѣдствій, которымъ подвергся Борисовъ.

[1]) Проток. губ. пр. 15-го и 18-го марта, 6-го и 23-го апрѣля 1813 г. Арх. Минск. гимназ., дѣло № 13, документы подъ №№ 30, 38 и 46. Арх. Казен. Пал. по канцел. дѣла №№ 24, 33. Арх. губ. пр., дѣло № 29287, листъ 3-й.

[2]) Арх. Канцел. Минск. губ. предводит. дворянства XV, 218, 1. Вѣдомость о причиненіи французскими войсками убытка въ Минскомъ повѣтѣ.

Въ самомъ Борисовѣ, а, главнымъ образомъ, въ его окрестностяхъ и преимущественно въ Студянкѣ, по ихъ приказанію и на ихъ глазахъ, были зарыты и сожжены десятки тысячъ труповъ людей и лошадей; собрано было множество оружія и аммуниціи; нѣсколько дней на множествѣ подводъ, по словамъ студянскихъ крестьянъ, вывозили все это въ Минскъ, а оттуда въ Москву [1]).

Г. Слуцкъ пострадалъ значительно меньше. Даже слуцкія городскія церкви не пострадали отъ непріятеля; но зато былъ совершенно разоренъ домъ, въ которомъ находилось слуцкое духовное правленіе; равнымъ образомъ, сильному разоренію подвергся и Слуцкій Троицкій монастырь; онъ понесъ убытку на 4000 рублей, а корчма, принадлежавшая монастырю, почти на 3000 р. [2]). Зданіе духовной семинаріи, находившаяся при ней „бурса“, или общежитіе, равно какъ и самый Троицкій монастырь, въ которомъ онѣ помѣщались, были заняты непріятелемъ. Французы и поляки хозяйничали въ монастырѣ и семинаріи по-своему. Всѣ столы и скамейки въ семинаріи и бурсѣ были сожжены, окна побиты, печки повреждены, а „семинарскія оставшіяся книги, по разбитіи библіотеки, сожигаемы были, говоритъ очевидецъ, по причинѣ не бывшихъ дровъ для сваренія пищи“ [3]). Монастырское имущество и имущество монаховъ было разграблено: многое, впрочемъ, непріятели пощадили, благодаря стараніямъ оставшагося въ Слуцкѣ преподавателя семинаріи іеромонаха Маркіана, „по причинѣ его, какъ онъ самъ говоритъ, учтиваго и христіанскаго обращенія съ французскими генералами“; по просьбѣ Маркіана одинъ генералъ даже далъ ему двухъ солдатъ для содѣйствія ему въ охранѣ семинарскаго и монастырскаго имущества отъ расхищенія [4]).

Въ Дисиѣ сильно пострадали казенныя постройки; православные храмы подверглись разграбленію и оскверненію [5]). Въ большей или

---

[1]) Минск. Губ. Вѣдомости, 1877 г., № 33, *Игнатьевъ*, Деревня Студянка. Арх. Минск. Дух. Консист., дѣло № 6358. Рапортъ Лошницкаго благочиннаго. Арх. губ. пр. Дѣла канцел. минскаго губернатора, № 87.

[2]) Арх. Дух. Конс., дѣло № 6358, стр. 136—143 и дѣло № 6360 о приведеніи въ извѣстность убытковъ, причиненныхъ нашествіемъ непріятеля въ церковныхъ и монастырскихъ зданіяхъ, стр. 44.

[3]) Арх. Минск. духовн. семинаріи. Нарядъ 1833 г., дѣло № 15. Прошеніе архимандр. Маркіана, бывшаго во время нашествія французовъ преподавателемъ семинаріи. *Вержбиловичъ*, Исторія Минск. дух. семинаріи. Вып. I, стр. 37—39.

[4]) Арх. дух. семинаріи; въ томъ же прошеніи Маркіана, пунктъ 12.

[5]) Арх. дух. конс. Дѣло № 6358, листъ 59. Арх. губ. правл. Проток. 21-го марта 1813 г.

меньшей степени пострадали отъ непріятеля и другіе уѣздные города минской губерніи.

Вполнѣ естественно поэтому, что всѣ убытки, причиненные минской губерніи войною, представляютъ многомилліонную сумму. „По приведеніи въ извѣстность всѣхъ потерь, понесенныхъ губерніею отъ непріятельскаго нашествія, оказалось, что погибло болѣе 50000 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти, погибшихъ отъ болѣзней"; сожжено казенныхъ и частныхъ зданій и причинено другого рода убытковъ казнѣ и частнымъ лицамъ на сумму 34.186.976 рублей [1]). Но не всѣ уѣзды пострадали въ одинаковой степени. По собраннымъ казенною палатою свѣдѣніямъ, отъ непріятельскаго нашествія потерпѣли весьма значительное разореніе игуменскій, вилейскій и дисненскій повѣты, затѣмъ слуцкій и минскій въ нѣкоторыхъ частяхъ; что же касается борисовскаго повѣта, то онъ пострадалъ болѣе всѣхъ упомянутыхъ. Другіе повѣты (мозырскій, пинскій и бобруйскій) пострадали меньше; а рѣчицкій совсѣмъ не былъ занятъ непріятелями [2]).

Особенно бѣдственными оказались результаты нашествія и временнаго непріятельскаго правленія для разнаго рода землевладѣльцевъ и крестьянъ. Крестьяне, какъ извѣстно, во время войны скрывались по лѣсамъ; жатвы снять не могли, а гдѣ и успѣли снять хлѣбъ, такъ пришлось лишиться его, благодаря непрестаннымъ реквизиціоннымъ повинностямъ; подъ озимые посѣвы полей не обрабатывали, да и яровые посѣвы на 1813 г. произвести было не изъ чего, хотя бы даже въ ограниченныхъ размѣрахъ для собственнаго пропитанія. Таково было положеніе дѣлъ даже въ уѣздахъ, наименѣе пострадавшихъ отъ войны [3]). Положеніе крестьянъ было поистинѣ ужасное. Разореніе полное, а тутъ еще эпидемическія болѣзни, развившіяся на почвѣ продолжительной голодовки и др. лишеній; а, между тѣмъ, и по удаленіи непріятеля представляются все новыя] и новыя реквизиціонныя требованія [4]). Вполнѣ понятно, что при такомъ положеніи дѣла не только крестьяне, но и помѣщики были положительно не въ силахъ нести ка-

---

[1]) Минск. Губ. Вѣдомости № 35. *Игнатьевъ,* Хроника событій Минской губ. *Михайловскій-Данилевскій,* IV, стр. 349.

[2]) Журналъ Казен. Пал. 1813 г., II, стр. 515.

[3]) Арх. управл. госуд. имущ., Хоз. отд., связка 12-я, дѣло № 50 о разореніяхъ казен. вѣдомства во время воен. обстоят., стр. 52-ая. Св. II; дѣло № 49. О разореніи во время войны содержателя им. Вржосскій Ключъ.

[4]) Арх. губ. пр., дѣло № 29010.

зенныя повинности. Казенная палата со всѣхъ сторонъ была завалена прошеніями крестьянъ и помѣщиковъ (даже и такихъ, которые принимали активное участіе въ дѣятельности временнаго правительства и несли налагаемыя на нихъ повинности добровольно) о сложеніи съ нихъ казенныхъ недоимокъ, въ виду полнаго ихъ разоренія. Правительство, входя въ положеніе разореннаго войною населенія, старалось по возможности облегчить его положеніе; такъ, напримѣръ, по Высочайшему манифесту 30-го августа 1814 года недоимки съ казенныхъ крестьянъ были сложены [1]).

Такимъ образомъ, минская губернія, за исключеніемъ рѣчицкаго уѣзда, по окончаніи Отечественной войны представляла картину полнаго разоренія, и мѣстнымъ властямъ въ теченіе многихъ лѣтъ нужно было употреблять чрезвычайныя усилія, чтобы хоть нѣсколько привести въ порядокъ взбудораженную и выбитую изъ колеи жизнь губерніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на помощь мѣстнымъ властямъ назначались, по Высочайшему повелѣнію, особыя комиссіи, въ родѣ учрежденной 19-го января 1815 г. въ Минскѣ комиссіи для разбора дѣлъ о захваченныхъ имѣніяхъ или Несвижской комиссіи по дѣламъ о Радзивилловскихъ имѣніяхъ [2]). Иногда для той же цѣли изъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій командировались особыя лица; такъ, напримѣръ, для приведенія въ должный порядокъ минской епархіи, былъ командированъ отъ Св. Синода рязанскій архіепископъ Ѳеофилактъ [3]).

Интересно сопоставить картину полнаго разоренія минской губерніи послѣ войны съ тѣми розовыми надеждами, которыя отъ лица минскихъ поляковъ возлагала на Наполеона и французовъ „Минская газета“. Вмѣсто политической свободы, которой ждали поляки отъ своихъ освободителей, они испытали лишь гнетъ французской военной власти, принесшей имъ полное разореніе и униженіе ихъ самолюбія,

---

[1]) См. указ. выше дѣла упр. госуд. имущ.; еще тамъ же Хозяйств. отд., дѣло № 53 о разореніяхъ, причиненныхъ непріятельскими войсками им. Бѣлавичи; дѣло № 48, о реквизиціонныхъ сборахъ съ имѣнія Турова. Судн. отд., дѣло № 327. Кромѣ того, по описямъ хозяйств. отд. и отд. судн. дѣлъ значатся еще утерянныя дѣла 1813 г. По прошенію старшинъ м. Марково, Вилейскаго уѣзда объ увольненія ихъ отъ реквизиціи по разоренію непріятельскими войсками и 1818 г. по рапорту Борисовскаго земскаго суда о разореніи крестьянъ отъ непріятеля.

[2]) Арх. губ. пр., № 29060 и № 29095, стр. 127; дѣла же Радзивилловской комиссіи хранятся въ Арх. госуд. имущ.

[3]) Арх. Казен. Пал. Предложеніе министра финансовъ отъ 12-го декабря 1812 г.

а вмѣсто равноправія и благоденствія подъ сѣнью національной администраціи—они увидѣли лишь шумиху громкихъ фразъ, игру честолюбія и полнѣйшую безурядицу, сопровождаемую иногда беззастѣнчивымъ стремленіемъ къ наживѣ насчетъ ближняго [1]). Сравнивая такую свободу и самостоятельность съ водворившимся порядкомъ и великодушнымъ всепрощеніемъ гуманнаго русскаго царя, навѣрное, не одинъ изъ гражданъ эфемернаго Минскаго департамента Великаго Княжества Литовскаго недобрымъ словомъ помянулъ своихъ мнимыхъ освободителей.

В. Краснянскій.

---

[1]) Достаточно, напримѣръ, вспомнить тѣ многочисленные фальшивые акты, которые отъ имени князя Доминика Радзивилла, служившаго въ непріятельской арміи и бѣжавшаго затѣмъ за границу, составлены были для передачи многихъ его недвижимыхъ имѣній въ другія руки. Арх. губ. пр. Дѣло № 29095. Предписанія, полученныя минскимъ военнымъ губернаторомъ Игнатьевымъ въ 1813 г., стр. 127 и слѣд., а равно цѣлый рядъ дѣлъ о Радзивилловскихъ имѣніяхъ въ Арх. госуд. имущ. Минской губерніи.

О СТИЛѢ ШАТОБРІАНА И ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦІИ.

Les grandes montagnes ont sur leur versant tous les climats et les grands poëtes tous les styles.

V. Hugo.

Стиль первыхъ произведеній Шатобріана представляетъ особенный интересъ для исторіи переживанія классическихъ воззрѣній и ихъ конфликта съ новыми вѣяніями, съ новыми художественными тенденціями въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій.

Хотя французскіе романтики считали свое время эрой эманципаціи искусства отъ оковъ традиціоннаго догматизма, а свою поэтику прямо противоположной поэтикѣ классиковъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ разрывъ съ традиціей далеко не былъ столь полнымъ и безусловнымъ, какъ они утверждали.

Правда, во всѣхъ своихъ реформахъ и начинаніяхъ они постоянно ссылались на иностранныхъ писателей. Вмѣсто Корнеля, Расина, Буало и Вольтера кумирами ихъ были Данте и Шекспиръ, Шиллеръ и Гёте, Байронъ и Вальтеръ-Скоттъ [1]), такъ что для многихъ изъ современниковъ своихъ французскіе романтики были представителями анти-національнаго теченія въ литературѣ. Несомнѣнно также, что тѣ новыя вѣянія, тѣ новые запросы духа, которые возникли во второй половинѣ XVIII столѣтія, а послѣ революціи стали проявляться съ особенной интенсивностью, не остались безъ вліянія не только на содержаніе литературныхъ произведеній, но и на ихъ форму. Они въ

[1]) См. *Théophile Gautier*, Histoire du Romantisme. Paris 1874.

значительной степени преобразовали стиль создали множество новыхъ комбинацій, ввели въ литературный обиходъ новыя слова, выраженія, образы и т. п.

Но въ составъ романтической поэтики все-таки вошло такое значительное количество классическихъ элементовъ, что большинство представителей перваго и даже второго поколѣнія французскихъ романтиковъ болѣе чѣмъ на половину классики [1]).

Самые горячіе приверженцы новыхъ эстетическихъ теорій были воспитаны на Корнелѣ, Расинѣ, Буало и Виргиліи. Гюго, глава романтической школы во Франціи, долго держался чисто классическихъ воззрѣній и никогда не могъ вполнѣ отъ нихъ отрѣшиться. По словамъ Суріо [2]), онъ въ началѣ своей литературной дѣятельности былъ восторженнымъ поклонникомъ того самаго Ла-Гарпа, на котораго такъ яростно нападалъ впослѣдствіи. До Préface de Cromwell Гюго признаетъ ученіе „о трехъ единствахъ" и сожалѣетъ о томъ, что на практикѣ ихъ слишкомъ часто не соблюдаютъ [3]). Въ предисловіи къ „Nouvelles Odes" Гюго выступаетъ въ роли посредника между классиками и романтиками; всѣ ихъ споры, по его словамъ, происходятъ вслѣдствіе недоразумѣнія, такъ какъ между той и другой школой нѣтъ существеннаго различія.

Разсужденія Альфреда де Виньи „о правдоподобіи въ искусствѣ", помѣщенныя имъ въ видѣ предисловій къ „Cinq Mars" (1827), носятъ несомнѣнный отпечатокъ классическихъ воззрѣній. Въ то время романтическія теоріи еще настолько сбивчивы и неясны, что Бейль причисляетъ къ романтикамъ Скриба [4]). По свидѣтельству А. Дюма, никто изъ романтиковъ не могъ сказать въ точности, чего онъ хочетъ: всѣ порицали старое, но никто не зналъ, чѣмъ его замѣнить [5]).

Смутно чувствуя, что старыя формы не могутъ включить новое содержаніе, не могутъ выразить новыя идеи и чувства, французскіе

---

[1]) О связи классиковъ съ романтиками см. *Montégut*, „Nos Morts contemporains". 1887; *Larroumet*, „Etudes de littérature et d'art, 1-ere série 1893; *Em. des Essarts*, „Le Romantisme classique" въ Revue d'Histoire littéraire 15 avril 1894; *Kranz*, „L'évolution de la tragédie classique en drame romantique" въ Revue des cours et conférences 31 déc. 1896; *Deschanel*, Le Romantisme des classiques. Calmann-Lévy 1884.

[2]) *M. Souriau*, La Préface de Cromwell. Paris 1897, p. 82.

[3]) Ibid., p. 83.

[4]) Filon, Mérimée et ses amis.

[5]) Théâtre complet d'Alexandre Dumas; Michel Lévy 1874, I, 22.

романтики ищутъ формъ, такъ сказать, ощупью. И нерѣдко въ ихъ произведеніяхъ классическая традиція одерживаетъ верхъ надъ новыми стремленіями. Происходитъ курьезный конфликтъ между эстетическими тенденціями, навѣянными воспитаніемъ, школой, и смутнымъ, часто безсознательнымъ исканіемъ такихъ формъ искусства, которыя бы соотвѣтствовали новымъ запросамъ времени.

Этотъ конфликтъ особенно рельефно сказывается въ раннихъ произведеніяхъ Шатобріана.

Классикъ по своему литературному воспитанію, по своимъ воззрѣніямъ на искусство и его задачи, Шатобріанъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень чутокъ ко всѣмъ новымъ вѣяніямъ, ко всему тому, что, такъ сказать, „носилось въ воздухѣ". Его стиль служитъ весьма характернымъ показателемъ всѣхъ тѣхъ колебаній, исканій и сомнѣній, которыя были пережиты большинствомъ французскихъ писателей на зарѣ XIX столѣтія.

Между тѣмъ, сколько намъ извѣстно, стилю Шатобріана не было посвящено донынѣ полнаго и всесторонняго изслѣдованія. Тѣ подчасъ весьма цѣнныя замѣчанія о Шатобріановскомъ стилѣ, которыя разсѣяны въ работахъ Сентъ-Бёва [1]), Вильмена [2]), Гизо [3]), Фагэ [4]), Брюнетьера [5]) и друг., не были до сихъ поръ сопоставлены между собой, провѣрены и сведены въ одно цѣлое.

Кромѣ того, мнѣ кажется, нельзя не отмѣтить нѣкоторой односторонности и пожалуй даже предвзятости въ большинствѣ сужденій о стилѣ Шатобріана. Критиковъ обыкновенно подкупаетъ романтичность біографіи автора „Рене", соотношеніе между Шатобріаномъ и его героями [6]).

---

[1]) *Sainte Beuve*, Notices къ изданіямъ сочиненій Шатобріана (1859—61); Portraits comtemporains, t. I (1834); Causeries du Lundi, T. I, II, X; Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire (1860).

[2]) *Villemain*, Etude sur Chateaubriand, sa vie, ses écrits, son influence. La Tribune moderne (1858).

[3]) Le Temps passé, mélanges de critique littéraire et morale par M. et M-me *Guizot*, 1887 T. II p. 216—236.

[4]) *E. Faguet*, Le Dix-Neuvième siècle, 12-e édit.; Politiques et moralistes du XIX s.

[5]) *F. Brunetière*, L'Evolution des genres. T. I, Paris, Hachette, 1898, 6-e leçon, L'Evolution de la poèsie lyrique en France. T. II; le Roman Naturaliste, Paris 1896.

[6]) Замѣтимъ кстати, что при сопоставленіи Рене, Шактаса, Эвдора и др. съ самимъ Шатобріаномъ свѣдѣнія о мировой скорби, о тоскѣ (ennui), будто-бы преслѣдовавшихъ Шатобріана чуть ли не съ пеленокъ, почерпаются главнымъ образомъ

Стремясь объяснить и генезисъ его поэтики и особенности стиля исключительно только обстоятельствами его личной жизни, въ настоящее время изученной до мельчайшихъ деталей [1]), обыкновенно критики останавливаются на тѣхъ мѣстахъ его произведеній, въ которыхъ наиболѣе рельефно проявляются міровая скорбь, эстетическое пониманіе христіанства, субъективизмъ и т. п. Словомъ, имѣются въ виду тѣ особенности его стиля, тѣ изъ его эстетическихъ воззрѣній, которыми онъ примыкаетъ къ романтическому движенію.

Несмотря на явно враждебное отношеніе „стараго сахема" къ новой школѣ, многіе изъ французскихъ романтиковъ видѣли въ немъ если не отца, то во всякомъ случаѣ одного изъ главныхъ зиждителей романтической эстетики. Для Сентъ-Бёва онъ могучій дубъ, подъ сѣнью котораго зародилось новое литературное теченіе [2]), для Теофиля Готье—прямой предшественникъ Виктора Гюго. Вся разница между ними, по словамъ Готье, лишь та, что Шатобріанъ не владѣлъ, подобно Гюго, богатой стихотворной формой, что у него „не было крыльевъ" [3]).

Взглядъ на Шатобріана исключительно только какъ на предвозвѣстника французскаго романтизма въ связи со слишкомъ большимъ довѣріемъ къ его автобіографическимъ признаніямъ и способствовалъ, мнѣ кажется, тому, что многія изъ особенностей его стиля не были донынѣ разсмотрѣны всесторонне.

Какая связь существуетъ между Шатобріаномъ и французскими писателями и критиками временъ „консульства и имперіи", какъ новыя идеи мирились съ принципами его литературнаго воспитанія? Этихъ вопросовъ обыкновенно или не касаются вовсе, или ограничиваются

изъ его собственныхъ признаній въ Mémoires d'Outre-Tombe и въ Souvenirs de jeunesse. Оба эти сочиненія были написаны въ такое время, когда Шатобріанъ въ тѣсномъ кружкѣ своихъ почитателей и друзей служилъ предметомъ настоящаго культа, какъ пѣвецъ тоски и печали. Тогда типы его романовъ, въ особенности же homme fatal, были еще въ большой модѣ и Шатобріану могло быть и выгодно и удобно представить свою біографію въ особенномъ свѣтѣ; словомъ, для насъ далеко не рѣшенъ вопросъ о томъ, создавалъ ли Шатобріанъ своихъ героевъ по образу и подобію своему или же après coup самъ сталъ разыгрывать ихъ роль.

[1]) См. подробную библіографію въ Essai d'une bio-bibliographie de Chateaubriand et de sa famille par *René de Kerviller*, Vannes 1895, дополненную *Maurel*'емъ въ Essai sur Chateaubriand, Paris 1898.

[2]) *Sainte-Beuve*, Chateaubriand et son groupe, Préface.

[3]) *Th. Gautier*. op. cit. p. 4.

бѣглымъ обзоромъ Essai sur les Révolutions, les Natchez и les Martyrs, указаніемъ на несвоевременность шатобріановскихъ эпопей, бывшихъ неудачной попыткой подражать Гомеру [1]), критикой ихъ merveilleux [2]) и, наконецъ, замѣчаніемъ, что по своей „первой манерѣ писать“ Шатобріанъ нѣсколько напоминаетъ Деллиля и другихъ представителей описательной поэзіи [3]).

Между тѣмъ вопросъ объ отношеніи Шатобріана къ классической традиціи представляетъ, мнѣ кажется, двойной интересъ: психологическій, какъ конфликтъ между теоріями, навѣянными воспитаніемъ, школой, и новыми тенденціями, идущими извнѣ, и интересъ историко-литературный, такъ какъ разладъ между формой и содержаніемъ, нерѣдко встрѣчающійся въ первыхъ произведеніяхъ Шатобріана, является одной изъ самыхъ типичныхъ особенностей литературы его времени.

I.

Поэтика Шатобріана, изложенная имъ въ извѣстномъ трактатѣ Génie du Christianisme, замыкаетъ собой ту эволюцію, которая начинается со времени Возрожденія преклоненіемъ предъ античными образцами и завершается во второй половинѣ XVIII-го столѣтія эстетическимъ эклектизмомъ. Торжество духа *moderne* надъ античной традиціей, впервые проявившееся въ извѣстномъ спорѣ „о превосходствѣ новыхъ писателей надъ древними“, порождаетъ со второй половины XVIII-го столѣтія эстетическій ригоризмъ болѣе строгій, чѣмъ пресловутыя „правила“ Буало. Если для Вольтера Гомеръ такой же варваръ, какъ Шекспиръ, а Софоклъ и Эврипидъ—дѣти въ сравненіи съ Корнелемъ и Расиномъ, то это объясняется тѣмъ, что авторъ „Генріады“ и „Магомета“ не находилъ въ произведеніяхъ древнихъ и иностранныхъ писателей соблюденія правилъ „возвышеннаго стиля“ и „утонченнаго вкуса“, которыя онъ и его современники считали необходимыми для эпопеи и драмы.

Находя у Эсхила и Шекспира „грубыя ошибки“, онъ приходитъ

---

[1]) *Brandes*, Die Emigrantenlitteratur. 1872.

[2]) *Paul Albert*, La litterature française au Dix-Neuvième siècle, t. I. Paris 1887, p. 164 sq.

[3]) Ibid, p. 153 sq. Оригинальный взглядъ на Шатобріана и его отношеніе къ французскимъ классикамъ высказываетъ *Bertrand*, La Fin du classicisme et le retour à l'antique, Paris, Hachette 1897, ch. VIII, 3 p. 318 sq.; также *Michiels*, Histoire des idées littéraires au XIX s., 1842.

къ тому заключенію, что искусство въ Англіи при Шекспирѣ, какъ въ Греціи при Эсхилѣ, было въ зачаточномъ состояніи [1]).

Въ XVIII-мъ столѣтіи во всемъ, что касается формы, техники, пріемовъ мастерства,—античная традиція замѣняется традиціями французскаго классицизма эпохи Людовика XIV-го. Даже такой тонкій знатокъ греческихъ писателей, какъ Дидро,—вынужденъ сдѣлать уступку вкусамъ современниковъ. Геній, по его словамъ, неразрывно связанъ съ техникой. Для такого утонченнаго, впечатлительнаго общества, какъ французское, болѣе всего подходятъ звучныя, нѣжныя и трогательныя „элегіи“ Расина. „Бойни“ Шекспира и кровавыя битвы Гомера могутъ внушить французамъ только ужасъ и отвращеніе [2]).

Въ концѣ столѣтія среди французскаго общества замѣчается реакція въ пользу латинскихъ и греческихъ писателей. Но даже для самыхъ горячихъ приверженцевъ древности образцами „высокаго стиля“ все же остаются произведенія Буало, Расина и Вольтера. Надъ всѣми заимствованіями, какъ у грековъ и римлянъ, такъ и у англичанъ и нѣмцевъ, неограниченно царятъ правила „утонченнаго вкуса“.

Ла-Гарпъ, Мармонтель, Лемерсье ревниво слѣдятъ за соблюденіемъ „правилъ“.

Лемерсье, приводя тѣ условія, которыя, по его мнѣнію, необходимы для того, чтобы литературное произведеніе было безупречнымъ, насчитываетъ таковыхъ 26 для трагедіи, 24 для комедіи, 23 для эпопеи [3]).

Торжество картезіанскаго раціонализма и духа салоновъ надъ античной традиціей, заключая форму въ тѣсный корсетъ строгаго догматизма, въ то же время открывало широкій доступъ новому содержанію. Если литература должна прежде всего примѣняться къ требованіямъ вкуса современнаго общества, а это было лозунгомъ всѣхъ modernes, то, очевидно, все, что переживаетъ это общество, что его занимаетъ и волнуетъ, должно найти въ ней отраженіе. Со второй половины XVIII вѣка отовсюду проникаютъ во французскую литературу идеи и тенденціи совершенно чуждыя классицизму. Въ большинствѣ случаевъ проводникомъ ихъ служитъ романъ, какъ литературный жанръ, наименѣе связанный традиціонными правилами.

Исканіе грустныхъ эмоцій, моральныхъ уроковъ, культъ гробовъ,

---

[1]) Discours sur la tragédie à Mylord Bolyngbrocke.

[2]) Paradoxe sur le comédien.

[3]) Cours analytique de littérature, t. I.

сѣдой старины, поэзія далекихъ странъ, экзотизмъ и т. п., зародившіеся во Франціи самостоятельно, или заносимые извнѣ, входятъ въ моду въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтіи. И классическій корсетъ, будучи не въ силахъ включить это новое содержаніе, трещитъ и лопается по всѣмъ швамъ. Одни изъ писателей, какъ Шенье, Лебренъ, Бартелеми, обращаются къ произведеніямъ древнихъ и въ нихъ ищутъ формъ для выраженія новыхъ идей. Другіе заимствуютъ образы и выраженія у Мильтона, Оссіана, Юнга, Аріосто и Тассо. Третьи, и таковыхъ большинство, упорно держатся Буало, Расина и Вольтера.

Среди критиковъ возобновляется старинный споръ des anciens et des modernes. Но теперь онъ принимаетъ нѣсколько иную форму, чѣмъ въ концѣ XVII-го столѣтія.

Тогда обсуждали вопросъ о томъ, возможенъ ли прогрессъ въ тѣхъ рамкахъ, которыя начертали писатели Греціи и Рима. Теперь вопросъ этотъ давно уже рѣшенъ утвердительно, и споръ идетъ о томъ, считать ли художественными произведенія грековъ, римлянъ, англичанъ и нѣмцевъ; вообще существуетъ ли иное искусство, кромѣ французскаго? По отношенію къ этому вопросу, такъ же какъ и по методу разбора любого художественнаго произведенія, критики того времени распадаются на два лагеря.

Лемерсье, Ла-Гарпъ, Мармонтель, соглашаясь съ тѣмъ, что въ произведеніяхъ древнихъ и иностранныхъ писателей встрѣчаются крупныя достоинства, все же находятъ у нихъ много погрѣшностей противъ „стиля“ и „вкуса“. Всѣ представители догматической критики съ Ла-Гарпомъ во главѣ [1]) одну лишь Францію считаютъ разсадникомъ просвѣщенія и изящества.

Образцовъ искусства, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ искать даже не у Расина, а у Вольтера. Въ концѣ XVIII-го столѣтія и въ періодъ „консульства и имперіи“ вольтеріанство не только ученіе философское, но и эстетико-литературное. Въ рукахъ „философовъ“ la Décade, le Publiciste, le Journal de Paris.

Взгляды и теоріи этихъ „блюстителей правилъ“, какъ мы увидимъ далѣе, не остались безъ вліянія на автора Génie du Christianisme. Но въ то же время въ нѣкоторой части французскаго общества, особенно

---

[1]) Какъ извѣстно, Ла-Гарпъ въ концѣ жизни разошелся съ вольтеріанцами. Но его „обращеніе“ произошло лишь на почвѣ вопросовъ религіозныхъ. По своимъ эстетическимъ воззрѣніямъ Ла-Гарпъ остался поклонникомъ и послѣдователемъ Вольтера.

послѣ революціи, происходитъ реакція противъ Вольтера не только на почвѣ религіозной и философской, но и на почвѣ литературной. Буассонадъ, Жоффруа и другіе сотрудники „Дебатовъ" и „Меркурія" настолько тѣснятъ вольтеріанцевъ, что Наполеонъ считаетъ нужнымъ заступиться за философовъ [1]).

Среди ихъ противниковъ особенно интересенъ для насъ Жоффруа, такъ какъ значительная часть его идей вошла въ Génie du Christianisme. Не будучи учителемъ Шатобріана въ прямомъ смыслѣ, Жоффруа популяризировалъ, сдѣлалъ модными многія идеи, которыми воспользовался авторъ Génie du Christianisme.

Подобно большинству фельетонистовъ, которые работаютъ такъ сказать на спѣхъ, пишутъ ежедневно, Жоффруа нерѣдко впадаетъ въ противорѣчія [2]). Но въ различныхъ сужденіяхъ его, выраженныхъ въ „Année littéraire" и въ „Journal des Débats", ясно сказывается совсѣмъ иное пониманіе искусства, чѣмъ у Ла-Гарпа и его школы. Отвергая философію XVIII-го вѣка вообще и теоріи Вольтера въ частности, Жоффруа нападаетъ и на эстетическія воззрѣнія „философовъ". Особенно расходится онъ съ ними по тому критерію, которымъ пользуется для оцѣнки литературныхъ произведеній: „насколько, пишетъ онъ, литературные толки безплодны и безжизненны, когда состоятъ въ „расковыриваніи словъ", въ разсмотрѣніи того, соблюдены ли правила „жанровъ", настолько они интересны и живы, когда произведенія разсматриваются въ связи съ тѣми нравами, которые на нихъ отразились" [3]).

„Наблюдать за отраженіемъ нравовъ на идеяхъ и на стилѣ писателей, изучать эти нравы, сравнивая ихъ съ обычаями разныхъ народовъ—вотъ въ чемъ состоятъ задачи философіи литературы" [4]).

Такимъ образомъ Жоффруа является представителемъ критики относительной, разсматривающей литературныя произведенія съ историко-бытовой точки зрѣнія.

Инициаторомъ этого теченія въ критикѣ, какъ извѣстно, былъ Руссо, впервые опредѣлявшій „вкусъ" какъ способность нравиться большинству [5]). Одновременно съ нимъ Дидро стремится поставить

---

[1]) *Welschinger*, La presse sous le premier empire, p. 89.

[2]) Geoffroy et la critique sous le consulat et l'empire par *Des Granges*, Paris 1897.

[3]) Année littéraire, an IX, t. I. nº 6.

[4]) Débats 13 oct. 1803.

[5]) Emile, 1, IV.

искусство въ связь съ обычаями и нравами современниковъ. Его „буржуазная“ драма была попыткой въ этомъ направленіи.

Къ историческому методу въ критикѣ отчасти примыкаетъ и г-жа Сталь въ своей книгѣ De la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales (1800 г.).

Такимъ образомъ къ началу XIX-го столѣтія вопросъ о связи литературы съ нравами былъ уже поставленъ, и заслуга Жоффруа состоитъ въ томъ, что онъ популяризировалъ его.

Считая прекрасное понятіемъ относительнымъ, ставя его въ зависимость отъ условій времени и мѣста, Жоффруа переноситъ споръ о превосходствѣ новыхъ писателей надъ древними на совершенно новую почву. Такъ называемыя „погрѣшности“ Гомера онъ объясняетъ низкимъ культурнымъ уровнемъ грековъ того времени и даетъ подробное описаніе соціальной и религіозной жизни аѳинянъ въ V-мъ вѣкѣ [1]). Греческихъ драматурговъ онъ не только не считаетъ „дѣтьми“ по сравненію съ французскими трагиками, а, напротивъ, ставитъ ихъ наравнѣ съ величайшими писателями вѣка Людовика XIV-го [2]).

Уваженіе Жоффруа къ древнимъ нисколько не мѣшаетъ ему относиться сочувственно ко всѣмъ новымъ вѣяніямъ конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтій. Когда въ 1781 году La Curne de Sainte Palaye издаетъ свои Mémoires sur l'ancienne chevalerie, Жоффруа указываетъ на рыцарскіе нравы, какъ на богатый матеріалъ для поэтическихъ произведеній [3]).

Онъ привѣтствуетъ Бернардена де Сентъ-Пьеръ и хвалитъ его за то, что въ Études de la Nature Бернарденъ обратился къ изученію природы и тѣмъ „оказалъ неоцѣнимую услугу наукамъ и искусствамъ“ [4]).

Не менѣе восторженный отзывъ даетъ Жоффруа объ „Атала“ Шатобріана. „Все ново въ этомъ своеобразномъ произведеніи. Поэтъ переноситъ насъ въ далекія невѣдомыя страны, средь дикихъ лѣсовъ и пустынь... Это рядъ такихъ описаній, которыхъ нѣтъ и слѣда ни у Гомера, ни у Виргилія... Шатобріанъ открылъ для поэтовъ новый источникъ чудеснаго... Атала истинно оригинальное произведеніе и детали этой поэмы столь-же новыя, сколь смѣлыя, несомнѣнно являются

---

1) Année littéraire IX, t. I n° 2.
2) Débats 17 floréal X.
3) Journal de Monsieur 1781 t. IV p. 33.
4) Année littéraire, t. I, lettres I et VIII.

цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу возвышенной поэзіи; Шатобріанъ— это Гомеръ пустынь и лѣсовъ" [1]).

Еще болѣе сходится съ Шатобріаномъ Жоффруа по своему эстетическому пониманію христіанства. Вотъ что пишетъ онъ по поводу трагедіи Легувэ „Смерть Авеля": „греко-римское язычество было богато граціозными образами, но трогательныя картины, великія патетическія сцены можно найти лишь на почвѣ христіанства; въ трагедіяхъ „Эстеръ" и „Атала" гораздо больше патетическаго, истинно возвышеннаго, чѣмъ во всемъ Гомерѣ" [2]).

Такое пониманіе христіанства, какъ извѣстно, лежитъ въ основѣ Génie du Christianisme.

II.

На Génie du Christianisme принято смотрѣть какъ на первый блестящій манифестъ романтизма [3]), какъ на одно изъ самыхъ яркихъ проявленій католической реакціи на зарѣ XIX-го столѣтія.

Книгу эту обыкновенно ставятъ въ непосредственную связь съ эдиктомъ Наполеона о возобновленіи католическаго культа, считаютъ первымъ звеномъ той цѣпи, которая идетъ отъ Бональда и Де-Мэстра къ Луи Вельо и Мельхіору де Вогюэ. Но если оставить въ сторонѣ ту часть Génie du Christianisme, которая касается догматовъ вѣры и несостоятельность коей была признана самыми горячими приверженцами католицизма, то остальная часть этой книги представитъ собой поэтику, въ которой христіанство не болѣе какъ предлогъ для автора, чтобы высказать свои эстетическія воззрѣнія. И хотя Шатобріанъ пытается увѣрить насъ, что книга его написана подъ непосредственнымъ вліяніемъ того нравственнаго „обращенія", которое произошло съ нимъ послѣ смерти его матери, но нетрудно убѣдиться, что трактатъ его скорѣе сводъ литературныхъ впечатлѣній теоретика и задолго собранныхъ матеріаловъ компилятора, чѣмъ исповѣдь неофита.

Прикрываясь желаніемъ стать защитникомъ христіанства, Шатобріанъ вводитъ въ свою поэтику всѣ эстетическія теоріи, всѣ идеи и тенденціи, которыя, такъ сказать, „носились въ воздухѣ" въ концѣ

---

[1]) Année littéraire, IX, t. III n° 18.

[2]) Débats 9 thermidor an IX.

[3]) Chateaubriand par de *Lescure*, Paris Hachette 1892 p. 149.

XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтій. И съ первыхъ же главъ литературной части его трактата сказывается та курьезная двойственность въ эстетическихъ воззрѣніяхъ, та смѣсь новыхъ идей съ традиціонными представленіями объ искусствѣ, которыя такъ рельефно отражаются и на стилѣ его первыхъ произведеній.

По своему методу критики Шатобріанъ отчасти расходится съ французскими классиками, видѣвшими въ литературныхъ произведеніяхъ нѣчто независимое отъ условій времени и мѣста. Желая доказать, что христіанство представляетъ собой почву болѣе благопріятную для искусства и поэзіи, чѣмъ греко-римское язычество, Шатобріанъ, подобно Жоффруа, разсматриваетъ вопросъ о превосходствѣ новыхъ писателей надъ древними съ историко-бытовой точки зрѣнія.

II-ая, III-ья и почти вся IV-ая части его книги посвящены параллельному разсмотрѣнію обычаевъ и нравовъ христіанскихъ и языческихъ, а также и того, поскольку тѣ и другіе отразились на литературныхъ произведеніяхъ. Но вопреки своему тезису, Шатобріанъ сплошь и рядомъ обнаруживаетъ свои классическія симпатіи. Доказывая, что христіанскіе нравы столь-же если не болѣе поэтичны, чѣмъ языческіе, онъ въ подтвержденіе этого проводитъ параллель между произведеніями античныхъ и христіанскихъ писателей. И что же? Получается, что не только первые нисколько не уступаютъ вторымъ, но даже превосходятъ ихъ во многихъ отношеніяхъ, т. е. какъ разъ обратное тому, что авторъ хотѣлъ доказать. „Христіанскіе писатели, говоритъ Шатобріанъ, обыкновенно болѣе изысканы, утончены, болѣе интересны по своимъ пріемамъ композиціи, чѣмъ античные. Но зато послѣдніе болѣе естественны, трагичны, возвышенны и правдивы. Ихъ вкусъ вѣрнѣе нашего, ихъ воображеніе благороднѣй... Они имѣютъ въ виду не украшеніе деталей, а цѣльность плана. Жалоба пастуха, подвиги героя—для нихъ темы для цѣлыхъ поэмъ. Не знаю, чѣмъ это объяснить, но ихъ поэмы обыкновенно производятъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ наши романы, изобилующіе инцидентами и лицами. Искусство писать, повидимому, послѣдовало примѣру живописи: кисть современнаго поэта богата множествомъ красокъ самыхъ различныхъ оттѣнковъ; — античный поэтъ пишетъ цѣлую картину, пользуясь лишь тремя красками Полигнота“ [1]).

Такимъ образомъ, Шатобріанъ, въ вопросѣ о превосходствѣ новыхъ

[1]) Génie du Christianisme, Paris Garnier frères. t. I, p. 196—197.

писателей надъ древними, симпатизируетъ послѣднимъ гораздо болѣе, чѣмъ Жоффруа и другіе критики того времени. Точка зрѣнія Шатобріана чисто *эклектическая*. Разбирая художественныя произведенія всѣхъ временъ и народовъ отъ Гомера и Библіи, Данте и Мильтона, Тассо и Аріосто до Корнеля, Расина, Бернардена и Шенье включительно, онъ приходитъ къ тому заключенію, что всѣ они изобилуютъ „высшими" красотами, всѣ достойны подражанія.

Разсматривая литературныя произведенія съ историко-бытовой точки зрѣнія, онъ имѣетъ возможность включить въ свою поэтику и такіе элементы, которые игнорировались и отвергались французскими классиками.

Но допуская въ искусство новое содержаніе, Шатобріанъ во всѣхъ вопросахъ формы остается ревностнымъ приверженцемъ классической эстетики. По своимъ воззрѣніямъ на стиль онъ послѣдователь не Жоффруа, а Ла-Гарпа и его школы. Эстетическія теоріи представителей догматической школы отразились и на Génie du Christianisme и на стилистическихъ пріемахъ „Натчезовъ" и „Мучениковъ".

Словомъ, въ лицѣ Шатобріана скрещиваются ученія двухъ главныхъ эстетическихъ школъ того времени: историко-бытовой и догматической. На отношеніи Шатобріана къ послѣдней мы и хотѣли бы теперь подробнѣе остановиться.

III.

Разладъ между старой формой и новымъ содержаніемъ въ концѣ XVIII-го столѣтія, кромѣ эклектизма и неразрывно съ нимъ связанной мозаичности стиля, порождаетъ также и представленіе о стилѣ какъ о чемъ-то чисто механическомъ, внѣшнемъ, независимомъ отъ содержанія.

Интересъ къ слову ради слова, къ формѣ ради формы—отличительная черта французской литературной критики въ концѣ XVIII-го вѣка. Конечно, такой интересъ всегда существовалъ во Франціи со временъ Возрожденія. Но въ эпохи, предшествовавшія зарожденію крупныхъ литературныхъ теченій, онъ проявлялся съ особенной силой. Такъ было въ XVII-мъ вѣкѣ передъ тѣмъ, какъ окончательно сформировался французскій классицизмъ эпохи Людовика XIV-го; то же замѣчается незадолго до возникновенія романтизма. По своимъ воззрѣніямъ на стиль классики-декаденты временъ консульства и имперіи гораздо ближе стоятъ къ précieux и précieuses XVII-го вѣка, чѣмъ къ писателямъ и критикамъ первой половины XVIII-го столѣтія.

По мѣрѣ приближенія къ эпохѣ революціи строгая разсудочность представителей школы „здраваго смысла“ постепенно замѣняется исканіемъ чисто внѣшнихъ эффектовъ, фіоритуръ и украшеній стиля. Измѣненіе художественнаго идеала особенно замѣтно, если сопоставить литературныя теоріи Ла-Гарпа и другихъ учениковъ Вольтера съ Discours de réception à l'Académie Française Бюффона (1753 г.).

Бюффонъ смотритъ на стиль, какъ на средство наиболѣе живо и послѣдовательно изложить внутреннюю связь идей.

Стиль, по его мнѣнію,—это активное проявленіе совокупности интеллектуальныхъ способностей человѣка; онъ отожествляетъ стиль съ самою личностью: le style c'est l'homme même [1]). Свойства его зависятъ исключительно отъ сюжета; только возвышенный сюжетъ порождаетъ „le sublime“. Украшеніямъ, фигурамъ Бюффонъ придаетъ второстепенное значеніе. Онъ возстаетъ противъ злоупотребленія ими, противъ напыщенности, неестественности стиля. „Ничто, говоритъ онъ, не противорѣчитъ болѣе естественно-прекрасному (beau naturel), чѣмъ стремленіе говорить о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ и явленіяхъ высокопарными фразами. Это свойство писателей образованныхъ, но лишенныхъ творчества. Они трудятся не надъ выраженіемъ идей, а надъ подысканіемъ блестящихъ фразъ; извращая смыслъ, прибѣгая къ иносказаніямъ, они полагаютъ, что тѣмъ облагораживаютъ рѣчь“.

Внѣшнія украшенія, которыя Бюффонъ считаетъ аксессуарами, въ глазахъ Мармонтеля и Ла-Гарпа играютъ главную роль въ поэтическомъ стилѣ. Мармонтель въ Eléments de littérature дѣлитъ патетическое на pathétique directe и indirecte. Послѣдній видъ патетическаго долженъ подготовить, настроить слушателей или читателей, умилить, растрогать ихъ. Тогда ораторъ или поэтъ самъ, такъ сказать, „бросается въ толпу“, самъ стремится къ тому, чтобы казаться болѣе растроганнымъ, чѣмъ его слушатели. Это и есть pathétique directe. Для того, чтобы подготовить его дѣйствіе, необходимо изобразить предметъ въ самыхъ интересныхъ деталяхъ, *прикрасить* его, представить съ пріятной для слушателей стороны [2]).

Главное призваніе искусства, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ,

[1]) Настоящее значеніе этого выраженія разъяснено г. Кранцемъ въ его трудѣ: L'Esthetique de Déscartes (русскій переводъ печатается въ текущемъ году въ „Научномъ Обозрѣніи“).

[2]) Eléments de littérature, t. II.

чтобы прикрасить дѣйствительность. Этой цѣли служитъ аллегорія, которая для него лишь видъ распространенной метафоры. Вся миѳологія грековъ, по его мнѣнію, ничто иное какъ подобная аллегорія, какъ искусственные поэтическіе пріемы [1]).

Отыскиваніемъ условій стиля noble, sublime и т. п. занимается и Ла-Гарпъ въ своемъ многотомномъ Cours de littérature. Любое литературное произведеніе онъ разсматриваетъ съ той точки зрѣнія, по скольку въ данной фразѣ, въ данномъ стихѣ соблюдены правила „благороднаго стиля". Въ любомъ выраженіи, эпитетѣ, въ любомъ акустическомъ впечатлѣніи, производимомъ тѣмъ или инымъ стихомъ, онъ видитъ нѣчто преднамѣченное, искусственно подысканное. Безсознательный элементъ въ литературѣ для него не существуетъ, и къ Гомеру онъ примѣняетъ ту же мѣрку, что къ Расину и Корнелю. Стиль для Ла-Гарпа это нѣчто совершенно независимое отъ содержанія. Его слѣдуетъ украшать тропами, фигурами, метафорами [2]). Образцами для этого должны служить произведенія Расина и Вольтера [3]).

Словомъ, поэтика у Ла-Гарпа сводится къ исканію литературныхъ рецептовъ, согласныхъ съ общими принципами классической эстетики.

Другъ и послѣдователь Ла-Гарпа, восторженно привѣтствовавшаго его литературные дебюты [4]), Шатобріанъ и въ Génie du Christianisme и въ Défense et examen des Martyrs по своимъ воззрѣніямъ на стиль такой же ригористъ—догматикъ, какъ большинство его современниковъ.

Отсталость его теоретическихъ представленій о художественной формѣ прямо противорѣчитъ тѣмъ новымъ краскамъ, которыми онъ пользуется, тому содержанію, за которое онъ ратуетъ.

2-я и 3-я части Génie du Christianisme содержатъ въ себѣ стилистическій трактатъ по воззрѣніямъ на стиль и часто даже по методу разбора художественныхъ произведеній совершенно сходный съ Eléments de littérature Мармонтеля и съ Cours Ла-Гарпа.

То же представленіе о стилѣ, какъ о чемъ-то внѣшнемъ, неза-

---

[1]) T. I.

[2]) T. I.

[3]) Ibid.

[4]) Объ отношеніяхъ Шатобріана къ Ла-Гарпу см. письма перваго къ Fontanes 2-го октября 1801 г., 1-го вандемьера an XI и записку, которую приводитъ *Pailhès*: Chateaubriand, sa femme et ses amis. Paris—Bordeaux 1896, p. 91.

висимомъ отъ содержанія, о чемъ-то такомъ, что слѣдуетъ „украшать“, то же смѣшеніе образовъ съ реторическими фигурами, исканіе акустическихъ эффектовъ и т. п.

Если Жоффруа, осуждая Ла-Гарпа за его критическій методъ, справедливо назвалъ его „un épluchеur de mots“, то подобное прозвище нерѣдко можетъ быть примѣнено къ Шатобріану, какъ критику. Разбирая идиллію Теокрита, онъ подробно останавливается на стихѣ:

ὦ λευκὰ Γαλάτεια и т. д.

и дѣлаетъ къ нему слѣдующее характерное примѣчаніе: „поэтъ не могъ выбрать болѣе удачныхъ и звучныхъ словъ. Дорическій діалектъ придаетъ его рѣчи простоту, которую невозможно передать на нашъ языкъ. Множество α какъ бы воспроизводятъ миръ и тишину деревенской природы: такъ и слышится наивный говоръ пастуха“ [1]).

Въ любомъ отрывкѣ Гомера, Виргилія и Данте Шатобріанъ видитъ нѣчто преднамѣренное, имѣющее цѣлью вызвать то или другое чувство не содержаніемъ, а акустическимъ впечатлѣніемъ, различными сочетаніями буквъ и звуковъ. Стихъ Гомера:

Δεῖνον δ' ἐβρόντησε πατὴρ ἀνδρῶν-τε θεῶν-τε

онъ такъ комментируетъ: „эти ρ и звуки на ῶν, которыхъ множество въ приведенномъ стихѣ, подражаютъ раскатамъ грома, гремящаго съ перерывами: ῶν-τε-θε-ῶν-τε. Такъ гласъ небесъ во время бури замираетъ и вновь гремитъ среди лѣсовъ. Туманные фантастическіе образы смѣняютъ у Гомера прежнія описанія. Чувствуется, что вы поступили въ область смерти; выраженія Гомера становятся туманными; слова глухія со множествомъ свистящихъ ς воспроизводятъ еле-внятный голосъ тѣней“ [2]).

Классическое отношеніе къ стилю не только выражается Шатобріаномъ теоретически, какъ уступка господствующей эстетической школѣ. Онъ искренно вѣритъ въ непогрѣшимость „правилъ“, признаетъ и три единства [3]) и всѣ рецепты классической эстетики. „Тѣ изъ моихъ читателей, говоритъ онъ, которые прочли съ удовольствіемъ „Мучениковъ“, могутъ быть спокойны: ихъ эстетическое удовольствіе было вызвано поэмой, написанной по всѣмъ пра-

---

[1]) Génie du Christianisme, t. I, p. 217.

[2]) Ibid., p. 277; см. также ibid., p. 297, 98.

[3]) Examen des Martyrs, p. 527. Paris. Garnier

виламъ" [1]). Какъ мы увидимъ далѣе, всѣ особенности и свойства классиковъ-декадентовъ конца XVIII-го вѣка до мозаичности стиля и рабскаго подражанія корифеямъ литературы включительно, отражаются какъ на теоретическихъ воззрѣніяхъ, такъ и на пріемахъ творчества Шатобріана.

IV.

Основнымъ догматомъ французскаго классицизма, какъ извѣстно, было то убѣжденіе, что искусство—не подражаніе природѣ просто, а прекрасной природѣ. Художникъ долженъ прикрасить дѣйствительность, представить ее такъ, чтобы она намъ нравилась. Такое представленіе объ искусствѣ лежитъ въ основѣ эстетики Шатобріана. Воспроизведеніе идеально-прекраснаго (beau idéal), по его мнѣнію, сводится къ тому, чтобы *выбирать* среди явленій жизни поэтическое и возвышенное. Воинъ, погибающій во цвѣтѣ лѣтъ на полѣ брани, можетъ быть *живописнымъ* и служить предметомъ художественнаго произведенія. Но слѣдуетъ избѣгать изображенія труповъ (каково бы ни было совершенство исполненія); также не слѣдуетъ изображать людей, удрученныхъ болѣзнями и старостью [2]).

Равнымъ образомъ канадскій охотникъ, убившій стрѣлою дикую козу и готовящій себѣ пищу на огнѣ пылающаго дуба, нисколько не противорѣчитъ представленію о поэтическомъ. Но если поэтъ, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ Гомеръ, вздумаетъ описывать котлы, вертелы, вазы, находящіяся въ шатрѣ Ахиллеса, то онъ рискуетъ впасть „въ тривіальность описаній" [3]). Во избѣжаніе этого онъ долженъ или не изображать этихъ предметовъ вовсе, или выразить ихъ иносказательно. Такъ поступали поэты всѣхъ временъ: „toujours cachant et choisissant ils (les poètes) se trouvèrent peu à peu dans des formes qui n' étaient plus naturelles, mais qui étaient plus parfaites que la nature; les artistes appelèrent ces formes le beau idéal. On peut donc définir le beau idéal: l' art de choisir et de cacher" [4]). Такое „прикрашиваніе" природы, возведенное въ литературный принципъ еще Batteux, у представителей описательной поэзіи Деллиля, Руше, Сенъ-Ламбера и друг. касается главнымъ образомъ предметовъ внѣшняго

[1]) Ibid., p. 534.
[2]) Génie du Christianisme, t. I, p. 345
[3]) Ibid., p. 225.
[4]) Ibid.

міра. Звѣри, птицы, растенія, всѣ предметы, окружающіе насъ, дѣлятся на „благородныхъ“ или „поэтическихъ“—и низкихъ. Если приходится говорить о послѣднихъ, то поэтъ прибѣгаетъ къ перифразѣ [1]). Такихъ перифразъ множество и въ les Natchez и въ les Martyrs. Летучихъ мышей Шатобріанъ называетъ: ces oiseaux douteux dont un insecte impur semble avoir tissu les ailes [2]), пѣтуха—cet oiseaux belliqueux et rustique qui reveille au matin les villageois [3]), порохъ—les semences de feu [4]) и т. д.

Едва-ли въ этомъ пріемѣ слѣдуетъ, подобно Брюнетьеру, видѣть оригинальничаніе, стремленіе облечь много разъ сказанное въ новую форму [5]). Перифразы, по нашему мнѣнію, лишь одно изъ частныхъ проявленій классическаго пониманія возвышеннаго и поэтическаго.

Шатобріанъ не только примѣняетъ его къ изображенію отдѣльныхъ предметовъ. Исканіе beau idéal, очистку, идеализацію дѣйствительности не трудно прослѣдить у него какъ въ цѣлыхъ картинахъ природы, такъ и въ изображеніи характеровъ и типовъ.

Въ природѣ Шатобріанъ всегда ищетъ лишь величественныхъ, грозныхъ явленій. Сцены изъ повседневной жизни, сѣрая природа, окружающая насъ, отсутствуютъ въ его картинахъ.

Отчужденіе отъ дѣйствительности, отвращеніе къ житейской прозѣ приводятъ его къ экзотизму, по слѣдамъ Бернардена де Сентъ-Пьеръ и къ культу гробовъ, сѣдой старины, по примѣру Юнга, Оссіана и Вольнея. Но вводя въ свою поэтику эти элементы, Шатобріанъ *все-же остается классикомъ по тѣмъ пріемамъ, которыми онъ пользуется, чтобы распредѣлять, сортировать новыя краски, по той очисткѣ, которой ихъ подвергаетъ.*

Если въ его произведеніяхъ постоянно встрѣчаются описанія „красныхъ фламинго“, „зеленыхъ и желтыхъ змѣй“, „трубокъ мира“, „томагавковъ“, „крокодиловъ“ и т. п., то въ этомъ отнюдь

---

[1]) Этотъ пріемъ, излюбленный представителями такъ называемой описательной поэзіи, былъ осмѣянъ Риваролемъ въ его шуточномъ Dialogue du chou et du navet, направленномъ главнымъ образомъ противъ Делиля. Заключительный стихъ этого памфлета: Sa gloire passera, les navets resteront сталъ классическимъ. См. Rivarol et la société française pendant la Révolution et l'Emigration par M. de Lescure. Paris, Plon 1883.

[2]) Les Martyrs, p. 141.

[3]) Ibid., p. 225.

[4]) Les Natchez. Livre I (Atala. René, Les Natchez).

[5]) *Brunetière*, Études critiques, 1 série, p. 267.

не сказывается желаніе Шатобріана порвать съ традиціями классицизма. Онъ считаетъ экзотическую природу настолько отдаленной, чуждой, непохожей на нашу, что изображеніе ея нисколько не противорѣчитъ классическимъ представленіямъ о поэтическомъ и возвышенномъ. Описывая любую картину, онъ имѣетъ въ виду не точное воспроизведеніе видѣннаго или пережитаго, а эстетическое наслажденіе читателя. Въ этомъ отношеніи весьма характерно то различіе въ описаніяхъ одного и того же города въ его письмѣ къ Bertin [1]) и въ Itinéraire de Jérusalem. Въ письмѣ къ Бертену, написанномъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него Венеціей, Шатобріанъ говоритъ слѣдующее: „эта Венеція, вѣроятно, такъ же не понравилась бы вамъ, какъ не понравилась она мнѣ: c' est une ville contre nature. На каждомъ шагу приходится или садиться въ лодку, или пробираться по узкимъ проходамъ, болѣе похожимъ на корридоры, чѣмъ на улицы". Площадь св. Марка ему понравилась, но вся архитектура Венеціи слишкомъ прихотлива и пестра. Зданія производятъ впечатлѣніе двухъ или трехъ дворцовъ, нагроможденныхъ другъ на другѣ. „Знаменитыя гондолы, пишетъ онъ далѣе, показались мнѣ лодками, нагруженными гробами".

Замѣчательны, по его мнѣнію, только монастыри, во множествѣ построенные на островахъ и рифахъ, окружающихъ городъ. „Эти религіозныя зданія ночью, среди спокойныхъ водъ, производятъ живописное и трогательное впечатлѣніе".

Въ Itinéraire о невыгодномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него Венеціей, Шатобріанъ не говоритъ ни слова. Шатобріанъ выбралъ среди своихъ впечатлѣній лишь тѣ, которыя, по его мнѣнію, наиболѣе суггестивны, трогательны, живописны. Характерное описаніе улицъ и гондолъ выпущено. Въ результатѣ получается слѣдующее:

Le vent du Sud-Est soufflait assez pour enfler la voile, pas assez pour troubler la mer. A mesure que la barque s'éloignait, je voyais s'enfoncer sous l' horizon les lumières de Venise et je distinguais comme des taches sur les flots des différentes ombres des îles dont la plage est semée. Ces îles au lieu d' être couvertes de forts et de bastions, sont occupées par des églises et des monastères. Les cloches des offices et des lazarets se faisaient entendre et ne rappelaient que des idées de calme et de secours au milieu des tempêtes et des dangers. Nous nous approchâmes assez d' une de ces retraites pour entrevoir des moines qui

---

[1]) Приведено у Pailhés'a, op. cit., p. 351.

regardaient passer notre gondole; ils avaient l'air de vieux notonniers rentrés au port après de longues traverses. Peut-être bénissaient-ils le voyageur, car ils se souvenaient d'avoir été comme lui étrangers sur la terre d' Egypte: fuistis et vos advenae in terra Egypti" [1]).

Стремленіе прикрашивать дѣйствительность еще болѣе сказывается тамъ, гдѣ Шатобріанъ изображаетъ не внѣшнюю природу, а внутреннюю. По его мнѣнію, музамъ ненавистно все умѣренное, обыденное, среднее. Христіанство потому именно способствуетъ развитію поэзіи, что людей изображаетъ всегда или гораздо ниже или гораздо выше дѣйствительности [2]).

„Андромаху" Расина Шатобріанъ цѣнитъ болѣе, чѣмъ Андромаху Гомера, такъ какъ Расинъ прикрасилъ дѣйствительность, идеализировалъ ее [3]).

Этимъ стремленіемъ увеличить, представить съ выгодной стороны, прикрасить жизнь и объясняется то, что большинство героевъ и героинь Шатобріана представляютъ собой недѣйствительные типы, являются олицетвореніями какого-нибудь качества или недостатка. Условія среды, климата, расовыя особенности въ сущности болѣе входятъ въ кадръ его картинъ, чѣмъ отражаются на характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ краткихъ эпизодахъ (Атала, Велледа) кадръ, всегда мастерски подобранный и воспроизведенный Шатобріаномъ, настолько захватываетъ вниманіе читателя, что, такъ сказать, сливается съ изображаемою личностью, придаетъ ей жизненность. Но главныя дѣйствующія лица романовъ Шатобріана скорѣе абстракціи, чѣмъ живые люди. Ему почти совершенно чуждъ комплексъ разнородныхъ чувствъ, сочетаніе и скрещиваніе противоположныхъ душевныхъ переживаній. Нѣжная Цимодоцея, кроткая Целута при всѣхъ обстоятельствахъ жизни остаются такими же, какими поэтъ изобразилъ ихъ въ моментъ ихъ появленія передъ читателемъ.

Вмѣсто психологическаго анализа характеровъ и типовъ Шатобріанъ даетъ намъ рядъ картинъ и ситуацій, въ которыхъ его героини какъ бы застываютъ, принявъ эффектную позу. Очертивъ нѣсколькими штрихами ихъ нравственный обликъ, Шатобріанъ, такъ

---

[1]) Свойство Шатобріана передавать въ своихъ сочиненіяхъ впечатлѣнія совершенно иначе, чѣмъ они были пережиты въ дѣйствительности, отмѣчено еще Сентъ-Бёвомъ въ статьѣ, написанной въ 1850 году по поводу Mémoires d' Outre-Tombe.

[2]) Génie, t. I, p. 217.

[3]) Ibid., p. 210.

сказать, „иммобилизируетъ“ ихъ. Въ композиціи характеровъ онъ совершенно расходится съ Расиномъ, доведшимъ анализъ самыхъ различныхъ оттѣнковъ чувства до совершенства. Герои и героини Шатобріана скорѣе всего напоминаютъ героевъ и героинь трагедій Вольтера.

Даже Рене, въ которомъ обыкновенно находятъ черты характера самого Шатобріана, въ сущности такое же ирреальное существо, какъ Эвдоръ и Цимодоцея. Разочарованіе въ жизни начинается для него чуть ли не со дня его рожденія, и каждое слово, каждый поступокъ Рене могутъ быть предсказаны заранѣе. Адарьо, Шактасъ, Эвдоръ, Гіероклесъ и друг. также олицетворенія одного какого-нибудь качества, недостатка, одной какой-нибудь страсти, при чемъ всѣ эти лица, такъ сказать, распредѣляются попарно. Гуманный и кроткій Шактасъ противопоставленъ суровому Адаріо, Утугамизъ—Оидурэ, Эвдоръ—Гіероклесу и т. д. Это пріемъ, излюбленный классическими драматургами XVIII столѣтія, и Шатобріанъ считаетъ его необходимымъ въ художественной композиціи. Освобожденный Іерусалимъ, по его мнѣнію, верхъ совершенства въ этомъ отношеніи: звѣрству Аргана противопоставлено благородство Танкреда, мудрость Годфрида — коварству Аладина [1]) и т. п.

Итакъ, въ изображеніяхъ природы, внутренней и внѣшней, Шатобріанъ, хотя и беретъ *элементы* другіе, чѣмъ тѣ, которыми орудовали классики, но по своимъ пріемамъ творчества, по тому, какъ онъ эти элементы группируетъ, распредѣляетъ, сортируетъ, онъ остается вѣрнымъ классической традиціи.

Идеализація и облагораживаніе природы отъ него переходитъ и къ первымъ романтикамъ, къ представителямъ такъ называемой серафической поэзіи. Ла-Мартинъ, де Виньи, Гюго въ первый періодъ своей литературной дѣятельности также исключаютъ изъ своей поэтики все обыденное, также ищутъ идеально-прекраснаго. Ихъ герои и героини такія же „ирреальныя“ существа, какъ Цимодоцея, Эвдоръ и Рене. Лишь къ 30-мъ годамъ XIX столѣтія во французской литературѣ, подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта, появляются новые типы со всѣми качествами и недостатками живыхъ людей [2]). Въ своемъ знаменитомъ манифестѣ Préface de Cromwell Гюго порываетъ съ beau

[1]) Génie, t. I, p. 174.

[2]) *Louis Maigron*, Le roman historique à l'époque romantique, Essai sur l'influence de Walter Scott, ch. III, IV. Paris Hachette 1898.

idéal Шатобріана. Искусство, по словамъ Гюго, должно быть зеркаломъ жизни. Все, что въ ней встрѣчается: свѣтъ и тѣни, великое и смѣшное, красота и уродство, все—должно быть воспроизведено художникомъ: „если онъ долженъ выбирать среди предметовъ (а онъ несомнѣнно долженъ), то не самое красивое, а самое *характерное*" [1]). Это новое представленіе объ искусствѣ, легшее въ основу романтической поэтики послѣ 1830 года, породило теченіе прямо противоположное Шатобріановскому. Реакція противъ его beau idéal способствовала тому, что многіе изъ французскихъ романтиковъ стали останавливаться съ особенной любовью на детальномъ изображеніи физическаго и нравственнаго уродства. Идіоты, маньяки, горбуны, косые, кривые, хромые и т. п. стали необходимой принадлежностью каждаго романа. Таковы l'Homme qui rit, Квазимодо, обитатели Cour des miracles у Виктора Гюго, докторъ Стангстадіусъ, Стэнсонъ, старая Катрина [2]), Зденко, Венцеслава фонъ Рудольштадтъ [3]) у Жоржъ Зандъ. Увлеченіе романтиковъ физическими и нравственными уродами было одной изъ главныхъ причинъ отрицательнаго отношенія къ нимъ Шатобріана.

„Вліяніе Fontanes'a, пишетъ онъ въ 1832 году, предохранило меня отъ необузданности и экстравагантности въ замыслахъ, отъ шероховатости въ исполненіи, которыми такъ страдаютъ мои послѣдователи". Изображеніе уродства, по его мнѣнію, не подражаніе природѣ, а продуктъ извращеннаго ума и вкуса: „cette passion pour les bambroches, les culs de jatte, les borgnes, les moricauds, les édentés et cette tendresse pour les verrues, les rides, les esquarres, les formes triviales, sales, communes sont une dépravation de l'esprit".

V.

Шатобріанъ примыкаетъ къ классикамъ—декадентамъ конца XVIII столѣтія не только по тому, какъ онъ понимаетъ прекрасное, но и по своему отношенію къ формѣ. Стиль его поэмъ Les Natchez и Les Martyrs настоящая мозаика, характерный образчикъ такъ называемаго стиля empire.

---

[1]) La Préface de Cromwell par Maurice Souriau. Paris 1897, p. 266.

[2]) L'homme de Neige.

[3]) Consuelo.

Въ этихъ двухъ поэмахъ, написанныхъ какъ бы въ подтвержденіе эстетическихъ теорій Génie du Christianisme, распадъ между формой и содержаніемъ проявляется особенно рельефно.

Идеалъ эпическаго творчества для Шатобріана это включить христіанское содержаніе въ рамки гомеровскаго эпоса, слить воедино библейскій стиль со стилемъ древнихъ писателей. Такая идея была далеко не новой во французской литературѣ. Ронсаръ въ своей „Франсіадѣ" беретъ тему изъ новой исторіи, а форму заимствуетъ у Виргилія и Гомера. Въ XVII вѣкѣ вкусъ общества ко всему сказочному, героическому, чудесному порождаетъ множество эпопей, носящихъ слѣды Амадисовъ и Астреи. Темы этихъ эпопей заимствованы изъ средневѣковой и новой исторіи. Въ нихъ находится въ изобиліи то „чудесное", „сверхъестественное", заимствованное изъ христіанской теогоніи, которое Шатобріанъ считаетъ необходимымъ „механизмомъ" эпопеи. Хотя Буало въ сатирахъ своихъ разгромилъ эти продукты духа précieux, но не убилъ ихъ окончательно. Демарэ въ Comparaison de la langue et de la poésie française (1670), въ Défense du poème héroïque и, наконецъ, въ la Défense de la poésie et de la langue française (1675) вступилъ въ полемику съ поклонниками античной традиціи. Онъ указывалъ на то, что христіанскіе сюжеты не только вполнѣ поэтичны, но даже поэтичнѣе греческихъ и римскихъ. Что касается стиля французскихъ эпопей того времени, то онъ представляетъ собой амальгаму заимствованій изъ Гомера, Виргилія, Библіи и отцовъ церкви. Въ историческій или легендарный кадръ включаются многочисленные намеки на современность, модныя чувства, занятія, разговоры и т. п.

„Телемакъ", несмотря на античный сюжетъ, въ сущности весь проникнутъ духомъ христіанскаго ученія, и стиль его такая же мозаика, какъ стиль предшественниковъ Фенелона на поприщѣ эпической поэзіи. Фенелонъ заимствуетъ у древнихъ образы, выраженія, эпитеты, но заимствованія его чисто внѣшнія, формальныя. Духъ свѣтскаго общества и правила христіанской морали просвѣчиваютъ сквозь античную оболочку.

Въ поэмахъ Вольтера и Андре Шенье христіанское „чудесное" отсутствуетъ. Вмѣсто ангеловъ и демоновъ авторъ „Генріады" вводитъ аллегорическія существа въ родѣ Фанатизма, Мщенія и т. п. Но отсутствіе христіанскаго „чудеснаго" въ „Генріадѣ" нисколько не способствуетъ цѣльности стиля этой поэмы, соотвѣтствію между формой и содержаніемъ. Вольтеръ беретъ сюжетъ изъ эпохи Лиги, а образы

заимствуетъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, изъ произведеній Виргилія, Буало, Расина и т. п.

По мѣрѣ того какъ мы приближаемся къ концу XVIII столѣтія, амальгама стилей проявляется все рельефнѣе въ произведеніяхъ поэтовъ и романистовъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерны неоконченныя поэмы Шенье l'Invention и Hermès. Намъ, быть можетъ, замѣтятъ, что поэзія Шенье представляетъ собой исключительное явленіе, что онъ не создалъ школы и большинство его произведеній стали извѣстными лишь долго спустя послѣ его смерти. Но его пріемы творчества во многихъ отношеніяхъ характеризуютъ общую тенденцію писателей того времени, между прочими и Шатобріана, который былъ знакомъ по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ произведеній Шенье [1]).

Поэтику свою Шенье излагаетъ въ „l'Invention" и „Гермесѣ". По его мнѣнію, для современныхъ поэтовъ сюжеты находятся въ изобиліи у Торичелли, Ньютона, Кеплера и Галилея. Современный Виргилій долженъ черпать изъ ихъ сокровищницы. Въ „Гермесѣ" онъ хочетъ дать резюме исторіи всего міра. Всѣ современныя открытія, всѣ современныя идеи должны себѣ найти отраженіе въ его поэмахъ. Но такъ какъ поэтичны только нравы древнихъ, то слѣдуетъ современную жизненную правду изображать античными красками, новое содержаніе облекать въ античную форму:

„Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques".

Какъ онъ сочиняетъ эти античные стихи, мы видимъ изъ его Epître à Lebrun. „То, говоритъ онъ, я заимствую у древнихъ мысль и облекаю ее въ собственные образы, въ mes frais ornements, то заимствую лишь отдѣльное выраженіе и примѣняю къ новому содержанію" [2]).

Въ результатѣ получается смѣсь всевозможныхъ выраженій и образовъ, заимствованныхъ изъ Гомера, Виргилія, Теокрита, Біона, Тибулла, Библіи и т. д.

По своимъ стилистическимъ пріемамъ, по своему отношенію къ творчеству Шатобріанъ во многомъ сходится съ Шенье. Онъ также полагаетъ, что эпопея должна включать въ себѣ картину всего міра [3]).

---

[1]) См. Génie du Christianisme, t. I, p. 248 и XV примѣч. въ концѣ книги, гдѣ Шатобріанъ приводитъ на память нѣсколько отрывковъ изъ Шенье, котораго считаетъ поэтомъ равнымъ Теокриту.

[2]) См. Epître à Lebrun, IV, 98, 99 и 116 sq.

[3]) Génie, t. I, p. 188.

Это высшій родъ поэзіи, и всѣ разновидности стилей могутъ найти въ ней примѣненіе [1]).

Цѣль его „Мучениковъ" показать на примѣрѣ, что христіанское „чудесное" столь же и даже болѣе поэтично, чѣмъ „чудесное" греко-римской миѳологіи. Эта идея сказывается также и въ les Natchez, хотя, по словамъ Шатобріана, онъ въ послѣдней эпопеѣ хотѣлъ главнымъ образомъ изобразить l'homme de la nature [2]).

Но чтобы облечь христіанскій сюжетъ въ художественную форму, поэтъ, по мнѣнію Шатобріана, долженъ черпать и даже *слѣпо* въ произведеніяхъ древнихъ писателей [3]). Подражаніе и копированіе возводятся имъ въ художественный принципъ: „отмѣтимъ тотъ фактъ, говоритъ Шатобріанъ, что пѣвецъ Потеряннаго Рая, такъ же какъ пѣвецъ Авзоніи, *стали оригинальными*, присвоивъ себѣ чужія богатства. Оригиналенъ не тотъ поэтъ, кто никому не подражаетъ, а тотъ, кому никто не можетъ подражать".

Возражая нѣкоторымъ критикамъ, упрекавшимъ его въ мозаичности стиля, Шатобріанъ приводитъ статью одного изъ защитниковъ своихъ (вѣроятно, Фонтана). Защитникъ „Мучениковъ" ссылается на Виргилія, Тассо, Мильтона, Вольтера, эпопеи коихъ, по его словамъ, настоящія мозаики. „Никто, говоритъ онъ, за исключеніемъ критиковъ, осуждающихъ „les Martyrs", не посягалъ донынѣ на право поэта переносить въ свои произведенія красоты, созданныя его предшественниками. Всѣмъ извѣстно, замѣчаетъ г. Ла-Гарпъ, что присвоеніе красотъ изъ произведеній, написанныхъ на чужомъ языкѣ, всегда считалось завоеваніемъ, достойнымъ генія; а чтобы судить о томъ, насколько подобныя завоеванія даются легко, стоитъ только вспомнить слова Виргилія, что легче отнять у Геркулеса его палицу, чѣмъ похитить одинъ стихъ у Гомера" [4]).

Не у однихъ только древнихъ писателей поэтъ долженъ, по мнѣнію Шатобріана, черпать свой поэтическій матеріалъ. Самый возвышенный стиль долженъ получиться изъ сліянія образовъ и выраженій Гомера съ образами и выраженіями библейскими. Кромѣ того, поэтъ можетъ прибѣгать также къ наиболѣе извѣстнымъ изъ французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ поэтовъ. Изъ числа христіан-

---

[1]) Ibid., p. 172.

[2]) Les Natchez, Préface.

[3]) Les Martyrs, Remarques, p. 438.

[4]) Examen des Martyrs, p. 536.

скихъ писателей достойны стать наряду съ Гомеромъ и Виргиліемъ Расинъ, Мильтонъ и Тассо [1]).

Вообще въ Examen des Martyrs такъ же, какъ въ Remarques, Шатобріанъ, защищаясь отъ многочисленныхъ нападокъ критики, высказываетъ весьма характерный взглядъ на стиль. То или другое выраженіе, образъ, сравненіе хороши не потому, что они умѣстны и поэтичны; они должны считаться таковыми, если могутъ быть поддержаны цитатой.

Изъ подобнаго представленія о стилѣ истекаетъ слѣдующій излюбленный пріемъ Шатобріана. Желая изобразить любую сцену или картину, онъ подыскиваетъ у древнихъ и новыхъ писателей такія мѣста, гдѣ говорится что-либо подходящее къ тому, что онъ хочетъ изобразить. Подыскавъ нѣсколько подходящихъ отрывковъ, Шатобріанъ сливаетъ ихъ вмѣстѣ, нисколько не стѣсняясь сочетаніемъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, какъ, напримѣръ, образовъ изъ Апокалипсиса, Тассо, Гомера и Катулла. Напримѣръ, Цимодоцея говоритъ о любви. Чтобы составить рѣчь молодой гречанки, Шатобріанъ, по собственному признанію [2]), прибѣгаетъ къ слѣдующимъ источникамъ: Iliad. lib. XIV v. 214, Gerusal. Canto XVI st. 25, Racine Phèdre, acte I sc. 3, Théocrit. Idyl. II v. 3 и, наконецъ, переводъ Сафо Буало. Конечно, будь подобныя смѣшенія единичными случаями въ произведеніяхъ Шатобріана, они не давали бы намъ права выводить какія бы то ни было заключенія о пріемахъ его творчества. Въ жизни народовъ самыхъ различныхъ эпохъ и расъ несомнѣнно существуетъ множество однородныхъ ситуацій, порождающихъ одинаковыя или почти одинаковыя чувства, мысли и рѣчи. Могутъ, напримѣръ, быть такія положенія, при которыхъ негритянка будетъ говорить о любви стилемъ Сафо или Руфи. И если современный писатель воспроизведетъ ея рѣчь, то мы едва-ли станемъ обвинять его въ томъ, что онъ прибѣгъ къ амальгамѣ стилей, смѣшалъ стиль Сафо съ библейскимъ. Но, во-первыхъ, смѣшеніе стилей въ произведеніямъ Шатобріана явленіе обычное. Для описанія битвъ, рѣчей, совѣщаній, бытовыхъ картинъ и т. п. Шатобріанъ сливаетъ вмѣстѣ отрывки изъ Библіи, Освобожденнаго Іерусалима, Гомера, Виргилія, отцовъ церкви и т. п.

Кромѣ того, онъ самъ сообщаетъ намъ, по какимъ источникамъ составленъ тотъ или другой отрывокъ, гордится ихъ разнообразіемъ

---

[1]) Examen des Martyrs, p. 506.

[2]) Remarques, p. 467.

и амальгаму стилей считаетъ пріемомъ правильнымъ и желательнымъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прочесть его Remarques и Examen des Martyrs.

VI.

Чисто механическое отношеніе Шатобріана къ стилю нерѣдко приводитъ его къ полному несоблюденію колорита мѣста и времени. Въ „Мученикахъ" и „Начезахъ" во множествѣ встрѣчаются такіе отрывки, гдѣ разнообразіе источниковъ, изъ которыхъ Шатобріанъ безъ разбора заимствовалъ свои краски, приводитъ къ курьезному несоотвѣтствію между образами въ одной стороны и міровоззрѣніемъ, типами и нравами изображаемой среды съ другой. Въ „Мученикахъ", напримѣръ, чувствуется, что большинство типовъ составлены, такъ сказать, компилятивно. Шатобріанъ рисуетъ христіанъ по Библіи, отцамъ церкви, Боссюэ, Массильону, а язычниковъ по Гомеру и Виргилію. Греки IV-го вѣка послѣ Рождества Христова встрѣчаются съ греками временъ троянской войны.

Если такой типъ, какъ „кроткая" Цимодоцея, возможенъ во всѣ времена, то отецъ ея, жрецъ Демодокъ, говорящій и думающій, какъ гомеровскій старецъ, въ періодъ упадка язычества, при императорѣ Діоклетіанѣ является вопіющимъ анахронизмомъ. Въ les Natchez еще рѣзче сказывается противорѣчіе между описываемой средой и образами, заимствованными изъ самыхъ различныхъ источниковъ. Гомеровскіе рѣчи, эпитеты, сравненія сплошь и рядомъ влагаются въ уста краснокожихъ дикарей Новаго Свѣта. Nipane, умирая, обращается къ своимъ сыновьямъ съ рѣчью, представляющей почти буквальный переводъ изъ Гомера. По всякому поводу Шатобріанъ сравниваетъ дикарей съ греками. Казалось бы, что общаго между воинами иллинойцевъ, казнящими своихъ плѣнниковъ, и пожаромъ Трои?

Между тѣмъ читаемъ слѣдующее:

„Le grand prêtre paraît au milieu du cercle que formait la foule: il tient à la main une torche qu'il secoue en dansant. Bientôt il communique le feu au bûcher: on eût cru voir un des sacrifices offerts par les anciens Grecs sur les bords de l'Hellespont. Le Mont Ida, le Xante et le Simoïs pleuraient Astyanax et les ruines fumantes d'Ilion" [1]).

Самымъ характернымъ образчикомъ примѣненія миѳологическихъ

[1]) Les Natchez. Livre, X p. 249.

сравненій къ совершенно неподходящей картинѣ является слѣдующій отрывокъ:

„A cet exercice des armes succèdent de savantes manoeuvres. Tour à tour l'armée s'allonge et se resserre tour à tour s'avance et se retire. Ici elle se creuse *comme la corbeille de Flore,* là elle s'enfle *comme les contours d'une urne de Corinthe; le Méandre se replie moins de fois sur lui même, la danse d'Ariadne gravée sur le bouclier d'Achille* avait moins d'erreurs que *les labyrinthes* tracés sur la plaine par *les disciples de Mars*" etc. Кто смотритъ на эти маневры французской арміи, кому могутъ придти въ голову подобныя сравненія?—„Les Indiens assemblés contemplaient ces jeux qui leur cachaient des tempêtes" [1]).

Всѣ эти сравненія изъ Гомера, Виргилія, Тассо [2]), въ сочетаніи съ описаніями экзотической природы, нравовъ и обычаевъ дикарей производятъ впечатлѣніе хаоса. Молодой дикарь Утугамизъ сравнивается съ деревомъ Аталанты, душистый плодъ котораго освѣжаетъ уста утомленнаго путешественника [3]). Крикъ дикарей одновременно сравнивается съ бомбой, проводящей по воздуху огненную борозду, и съ крикомъ сына Пелея на берегахъ Симоиса [4]). Вообще нагроможденіе сравненій—излюбленный пріемъ Шатобріана. Къ нему мы еще вернемся. Замѣтимъ пока, что вышеуказанное примѣненіе миѳологическихъ образовъ и сравненій къ явленіямъ жизни совершенно чуждой греко-римскому міру, въ сущности черта, свойственная всѣмъ французскимъ классическимъ писателямъ. Такихъ примѣровъ можно указать множество какъ у классиковъ декадентовъ конца XVIII-го столѣтія, такъ и у самого Буало [5]). Миѳологическія сравненія, гомеровскіе эпитеты считались „красотами". Къ нимъ настолько привыкли поэты, что примѣняли по всякому поводу, не замѣчая, что этимъ они нарушали колоритъ мѣста и времени.

Нельзя не отмѣтить, однако, того, что со второй половины XVIII-го вѣка у нѣкоторыхъ изъ французскихъ писателей замѣтно исканіе правдивыхъ красокъ въ историческихъ картинахъ. И далеко не всѣ современники Шатобріана были удовлетворены его колоритомъ.

Вскорѣ послѣ напечатанія эпизода „Атала" появилось нѣсколько

[1]) Natchez. Livre I p. 135.
[2]) Ibid. Livre II p. 138.
[3]) Ibid. Livre XII p. 309.
[4]) Ibid. Livre III p. 165, см. также Livre III p. 155; Livre IX p. 171; Livre X p. 291 etc.
[5]) См. Ode sur Namur, le Passage du Rhin etc.

критическихъ статей и памфлетовъ, осмѣивавшихъ чрезмѣрную идеализацію дикарей Шатобріаномъ.

Его обвиняли въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ нихъ сантиментальныхъ и добродѣтельныхъ „дѣтей природы", совсѣмъ непохожихъ на американскихъ Охотниковъ Великаго Духа. Сомнѣнія насчетъ того, посѣтилъ ли Шатобріанъ всѣ описываемыя имъ мѣста, проглядываютъ уже у нѣкоторыхъ критиковъ и памфлетистовъ первыхъ годовъ XIX-го вѣка [1]).

Въ 1832 году R. de Mersenne уже прямо обвиняетъ Шатобріана въ томъ, что его путешествія были воображаемыми [2]). Насколько подобныя обвиненія основательны, мы теперь не беремся судить.

Замѣтимъ только, что въ историческихъ и экзотическихъ картинахъ Шатобріана сказывается двойственность. Тамъ, гдѣ онъ „*поэтъ*", гдѣ разсказъ его сохраняетъ форму эпопеи, классическія воззрѣнія одерживаютъ верхъ надъ исканіемъ колорита мѣста и времени. Классическій словарь, традиціонные образы не могутъ выразить новаго содержанія, и получается полный хаосъ. Но и въ „Мученикахъ" и въ „Начезахъ" нерѣдко встрѣчаются такія мѣста, гдѣ Шатобріанъ, увлекшись описаніями картинъ величественной дикой природы или картинъ бытовыхъ и историческихъ (напримѣръ, извѣстное описаніе битвы франковъ съ римлянами въ VI-ой книгѣ „Мучениковъ"), какъ бы забываетъ свои классическія теоріи. Въ этихъ случаяхъ онъ—великій мастеръ колорита, и это признавали за нимъ многіе изъ современниковъ. Но такое отступленіе отъ его эстетическихъ догматовъ происходитъ, такъ сказать, помимо его воли. Новое содержаніе, новыя краски осиливаютъ старую форму, и только довольно поздно, уже въ зрѣломъ возрастѣ, Шатобріанъ пришелъ къ сознанію, что его „манера писать" въ „Мученикахъ" и „Начезахъ" была ложной, что классическіе сравненія и образы отжили свое время.

VII.

Чередованіе двухъ совершенно различныхъ направленій замѣчается также въ эпитетахъ и образахъ Шатобріана. Съ одной стороны онъ

[1]) См., напримѣръ, itinéraire de Pantin au Mont Calvaire en passant par la rue Mouffetard etc. ou lettres inédites de Chactas à Atala, ouvrage en style brillant traduit pour la première fois du breton par M. de Chateauterne. Paris. Dentu 1811.

[2]) Lettres sur les voyages imaginaires de M. de Chateaubriand dans l'Amérique par *R. de Mersenne*. Paris 1832. См. также Découverte d'une petite mystification. Critique des voyages de Chateaubriand. Extrait de l'Invariable—nouveau. Mémorial catholique de Fribourg. Années 1832—1836. Paris. Crapelet.

во многихъ мѣстахъ своихъ первыхъ произведеній придерживается классической терминологіи, прибѣгаетъ къ фигурамъ классической реторики и украшеніямъ стиля. Но съ другой стороны уже въ Génie du Christianisme встрѣчаются такія описанія, въ коихъ конкретный, суггестивный, образный терминъ замѣняетъ абстракціи и условныя „красоты" классической школы.

Эти два направленія борятся въ les Natchez и les Martyrs, а въ „Voyage de Jérusalem" и во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ Шатобріана второе торжествуетъ надъ первымъ.

Выходъ къ свободному творчеству, отрѣшеніе отъ классическихъ предразсудковъ даются Шатобріану только послѣ долгой и мучительной борьбы. Къ этой двойственности таланта автора „Мучениковъ" и „Начезовъ" мы еще вернемся. Отмѣтимъ пока тотъ фактъ, что Шатобріанъ, котораго справедливо считаютъ однимъ изъ творцовъ художественной прозы въ XIX-мъ вѣкѣ, исходитъ изъ чисто-классическихъ представленій о стилѣ. Многія мѣста „Начезовъ" и „Мучениковъ" напоминаютъ описанія Деллиля, Руше, Сенъ Ламбера, Тома и другихъ классиковъ-декадентовъ того времени.

Отличительнымъ свойствомъ классическаго стиля во Франціи, какъ извѣстно, было употребленіе эпитетовъ—по преимуществу абстрактныхъ, безцвѣтныхъ, лишенныхъ всякой суггестивности.

Въ любомъ стихѣ Корнеля, Расина или Буало мы непремѣнно найдемъ такихъ эпитетовъ два или три:

„Et le farouche aspect de ces *fiers* ravisseurs
Relevait de ses yeux les *timides douceurs*" [1].

Подобное построеніе стиха и фразы стремится соблюдать только логическую связь идей и совершенно исключаетъ образность и суггестивность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ поэтическій словарь классиковъ входитъ множество условныхъ терминовъ также абстрактныхъ, которые ничто иное какъ стихотворныя chevilles. Они повторяются всякій разъ, когда требуется изобразить данный предметъ, данное состояніе, данное дѣйствіе. Говоря о своей любви, герой классической трагедіи непремѣнно скажетъ или *mes feux* или *ma flamme*, о своей силѣ *mon bras*, о красотѣ *les charmes* и т. п. Особенно часто повторяются такія выраженія какъ *timides douceurs:*

---

[1]) Britannicus.

„Tu sais combien de fois ses *jalouses tendresses*
Ont pris soin d' assurer l' amour de ses maîtresses“ [1]).

Эти особенности стиля отъ классиковъ переходятъ также къ представителямъ такъ называемой описательной поэзіи, напр. у Руше:

„Jurez que la beauté plus forte dans ses larmes
Trouvera votre coeur armé contre ses charmes“ [2]),

у Сенъ Ламбера:

„Au bord d' un clair ruisseu Chloé *timide* et *tendre*
Opposait *la pudeur* aux transports de Sylvandre“ [3]) etc.

Изобиліе абстрактныхъ терминовъ, отсутствіе колоритныхъ эпитетовъ отличительная черта стиля не только французскихъ поэтовъ XVII-го и XVIII-го столѣтій, но и большинства прозаиковъ. См., напр., у La Calprenède: „Ah! dit-il avec *une action toute languissante*, voilà *le séjour de la cruauté*; c' est en ce lieu que la pitié ne peut point trouver d'entrée et c'est en ce lieu qu'on donne des ordres *sanglans* contre ma vie *infortunée* tandis que j' adore d' un coeur *religieux* la belle bouche qui les prononce“ [4]).

Также у современницы Шатобріана г-жи де-Жанлисъ:

„Les ministres *odieux* de ses volontés *arbitraires* le consolaient de la haine *publique* en appellant ses *cruautés* des acts *équitables* d'une politique *habile*, comme si une *longue* et *continuelle sévérité* pouvait s' allier avec la *justice* chrétienne, comme si les rois, sans la *clémence*, pouvaient être sur la terre l' image de la divinité“ [5]).

Стиль Шатобріана во многихъ мѣстахъ „Мучениковъ“ и „Начезовъ“ совершенно сходенъ со стилемъ только что приведенныхъ авторовъ. У него въ изобиліи встрѣчаются абстрактные термины, напримѣръ:

„Le jeune Viriate entrainait après lui *la fureur* de ces cavaliers rapides“ [6]).

---

[1]) Mithridate I sc. 1.
[2]) Les Mois.
[3]) Les Saisons.
[4]) Faramond I, 50.
[5]) Jeanne de France. nouvelle historique.
[6]) Les Martyrs, p. 99.

или

„La *douce persuasion* porta ces paroles adroites au fond du coeur de Demodocus“ [1]) etc.

Что касается до отвлеченныхъ эпитетовъ, то они встрѣчаются въ его „эпопеяхъ“ почти на каждой страницѣ:

„Il se plaisait surtout à relire les malheurs de Didon au tombeau du *tendre* et *beau* génie qui raconta la *touchante* histoire de cette reine *infortunée*“ [2]).

или

„Aussitôt que le souverain des hiérarchies *maudites* est entré dans son habitacle *impur*, il ordonne au quatre chefs des légions *rebelles* de convoquer le sénat des enfers“ [3]).

Иногда этотъ пріемъ обращается въ жонглированіе эпитетами, въ подборъ антитезъ, распредѣляемыхъ попарно:

„Des *paisibles* vallons de l'Arcadie j' avais été transporté à la cour *orageuse* d'un Empereur romain et maintenant du sein de la *molesse* et de la société *civilisée* je passais à une vie *dure* et *périlleuse* au milieu d' un peuple *barbare*“ [4]).

Такое же исканіе чисто внѣшнихъ украшеній стиля сказывается также въ нагроможденіи сравненій. Шатобріановскія сравненія очень часто—не рядъ образцовъ, безсознательно подсказанныхъ автору его воображеніемъ, а искусственныя реторическія фигуры. Особенно характерно въ этомъ отношеніи то, какъ Шатобріанъ понимаетъ гомеровскія сравненія и метафоры. Исходя изъ общей всѣмъ французскимъ классикамъ точки зрѣнія на Гомера, Шатобріанъ въ каждомъ его эпитетѣ, въ каждомъ образѣ видитъ нѣчто преднамѣренное, искусственное. Для Шатобріана, какъ для Ла-Гарпа, совершенно непонятна роль безсознательнаго элемента въ творчествѣ Гомера. Любой образъ употребленъ Гомеромъ, по мнѣнію Шатобріана, не потому, что онъ, такъ сказать, самъ напросился, а потому, что поэтъ имѣлъ въ виду произвести извѣстное впечатлѣніе, оттѣнить данное выраженіе, примѣнить искусственный пріемъ. Особенно интересенъ для характеристики того, что разумѣетъ подъ гомеровскимъ

---

[1]) Ibid. p. 28.

[2]) Ibid. p. 80.

[3]) Ibid. p. 135; см. также pp. 31, 53, 90 etc.

[4]) Les Martyrs, p. 95.

стилемъ Шатобріанъ, параллельный разборъ стилей Библіи и Гомера въ концѣ II-й части Génie du Christianisme [1]).

Гомеровскія сравненія, по мнѣнію Шатобріана, имѣютъ цѣлью дать отдохнуть читателю отъ патетическихъ сценъ, заставляя его вниманіе остановиться на пейзажахъ и картинахъ мирной пастушеской жизни [2]).

Въ Библіи, наоборотъ, сказывается стремленіе произвести впечатлѣніе на читателя краткими, образными выраженіями, контрастами между величіемъ идеи и тривіальностью формы [3]).

Чтобы рельефнѣе оттѣнить различіе стилей библейскаго и гомеровскаго, Шатобріанъ пытается передать отрывокъ Библіи стилемъ Иліады и Одиссеи. Особенности гомеровской рѣчи для него сводятся къ изобилію эпитетовъ, къ примѣненію совершенно излишнихъ опредѣленій, распространенныхъ сравненій и т. п. [4]).

Такое же чисто внѣшнее, формальное отношеніе къ образу мы находимъ во многихъ мѣстахъ шатобріановскихъ поэмъ. Его параллелизмы въ большинствѣ случаевъ построены по одному общему шаблону. Первый и второй членъ параллелизма намѣренно осложняется множествомъ деталей, новыми сравненіями, отступленіями и т. п.

Но въ этомъ пріемѣ сказывается не жажда конкретнаго мышленія, благодаря которой поэтъ останавливается на объясняющемъ образѣ дольше, чѣмъ нужно для цѣлей объясненія, а стремленіе „украсить" стиль.

„Le souvenir de ses erreurs passées alarme Eudore: il craint de retomber dans les fautes de sa jeunesse; il songe à fuir, à se dérober au péril qui le menace; ainsi lorsque la tempête n'a point encore éclaté, que tout paraît tranquille sur le rivage, que des vaisseaux imprudents osent déployer leurs voiles et sortir du port, le pêcheur expérimenté secoue la tête au fond de la barque, et appuyant sur la rame une main robuste, il se hâte de quitter la haute mer, afin de se mettre à l'abri derrière un rocher" [5]).

Сравненія и эпитеты нагромождаются имъ не въ силу того, что образы одинъ за другимъ тѣснятся въ его воображеніи. Для Шато-

---

[1]) Génie, t. I Livre V ch. III, IV.

[2]) Ibid. I p. 320.

[3]) Ibid. p. 321.

[4]) Ibid. p. 332.

[5]) Martyrs, p. 192. см. также ibid. pp. 55, 107. 224, 263, 277 etc.

бріана, какъ для Виктора Гюго, нагроможденіе сравненій актъ вполнѣ сознательный, такъ сказать теоретическій. У того и другого писателя сравненія чередуются въ строгомъ порядкѣ, подобно хорошо обученнымъ солдатамъ:

„Comme on voit les flots de la mer se briser pendant un orage, comme en automne les feuilles séchées sont enlevées par un tourbillon; comme les roseaux plient et se relèvent dans une inondation subite, comme un grand troupeau de cerfs brame au fond d'une forêt, ainsi s'agitait et murmurait le conseil" [1]).

Шатобріанъ производитъ старательную сортировку сравненій, разбираетъ ихъ малѣйшіе оттѣнки. Каждое изъ нихъ должно имѣть строго опредѣленное назначеніе. Если, какъ мы видѣли раньше, распространенный параллелизмъ имѣетъ цѣлью дать отдохнуть читателю, привлекая его вниманіе на рядъ картинъ изъ мирной жизни, то другого рода сравненія болѣе всего содѣйствуютъ тому, чтобы вызвать въ читателѣ чувство грусти и меланхоліи. Къ нимъ относится видъ сравненій обычныхъ у Виргилія, а именно сравненія отрицательныя, начинающіяся съ *не такъ... иначе* и т. п. [2]).

У Шатобріана чаще всего сравненія эти сводятся къ слѣдующему типу:

„Les barbares repoussent ce cri par un affreux mugissement: la foudre éclate avec *moins* de rage sur les sommets de l'Apennin, l'Etna gronde avec *moins* de violence lorsqu'il verse au sein des mers de torrents de feu, l'Océan bat les rivages avec *moins* de fracas quand un tourbillon, descendu par l'ordre de l'Eternel, a déchaîné les cataractes de l'abîme" [3]).

VIII.

Къ числу такихъ же внѣшнихъ украшеній стиля, какъ параллелизмы, слѣдуетъ, мнѣ кажется, отнести и тѣ многочисленныя сентенціи и пессимистическія разсужденія Шатобріана, которыя обыкновенно ставятся на счетъ его міровой скорби.

Еще въ XVII столѣтіи Ларошфуко выработалъ форму для сентенцій въ своихъ „Pensées et Maximes". Его наблюденія и выводы обык-

---

1) Atala, p. 27, см. также Les Martyrs, p. 250.

2) Génie du Christianisme t. I p. 219.

3) Les Martyrs, p. 103.

новенно пессимистическаго свойства заключены въ краткія, сжатыя фразы, въ искусно составленные антитезы и параллелизмы.

Въ XVIII столѣтіи, по мѣрѣ того какъ въ литературѣ развивается стремленіе морализировать, сентенціи становятся моднымъ стилистическимъ пріемомъ. Форма ихъ нерѣдко та же, что у Ларошфуко. Но въ то время какъ Pensées et Maximes безпокойнаго герцога—„фрондера“ имѣютъ въ виду только искусство ради искусства и представляютъ собой рядъ выводовъ и наблюденій мыслителя-скептика, сентенціи писателей XVIII столѣтія стремятся прежде всего „поучать“ и „исправлять“ и обращаются въ готовое клише, въ ходячія литературныя chevilles. Ихъ считаютъ необходимой принадлежностью стиля, ими испещрены письма, драмы и романы энциклопедистовъ, сочиненія Жанъ-Жака. Такихъ chevilles множество во всѣхъ сочиненіяхъ Шатобріана. Изъ „Начезовъ“, „Мучениковъ“, „Атала“ и „Рене“ можно выбрать цѣлый томъ сентенцій, заимствованныхъ изъ Боссюэ, писателей церкви, Библіи и т. п.:

„L'homme n'est lui même qu'un édifice tombé, qu'un débris du péché et de la mort, son amour tiède, ses sentiments incomplets, ses pensées insuffisantes, son coeur brisé tout chez lui n'est que ruines“ [1]).

Такими же chevilles представляются намъ и пространныя реторическія разсужденія о бренности всего земного, о неисполнимости вожделѣній и т. п., постоянно сопровождающія описанія гробницъ и руинъ въ романахъ второй половины XVIII столѣтія.

Въ эпоху, предшествующую французской революціи, становится модной игра въ міровую скорбь, какъ почти одновременно съ этимъ была въ модѣ игра въ восхищеніе деревенской природой, надъ чѣмъ такъ зло смѣется въ своихъ письмахъ Орасъ Вальполь. Скорбныя разсужденія и возгласы французскихъ писателей выражаются всегда одинаково и производятъ впечатлѣніе реторическихъ фигуръ, а отнюдь не сердечныхъ признаній. Образчикомъ ихъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ Вольнея: онъ сидитъ на развалинахъ Пальмиры. Его воображеніе воскрешаетъ цѣлую угасшую цивилизацію, и развалины наводятъ его на слѣдующія печальныя размышленія:

„Et maintenant voilà ce qui subsiste de cette ville puissante, un lugubre squelette! Voilà ce qui reste d'une vaste domination: un souvenir obscur et vain! Au concours bruyant qui se pressait sous ces portiques a succédé une solitude de mort. Le silence des tombeaux s'est

---

[1]) Génie, t. II. p. 81, см. также René, p. 87, 90, 92 etc.

substitué au murmure des places publiques. L'opulence d'une cité de commerce s'est changée en une pauvreté hideuse. Les palais des rois sont devenus le repaire des bêtes fauves; les troupeaux parquent au seuil des temples, et les reptiles immondes habitent le sanctuaire des dieux!.. Ah!.. comment s'est éclipsé tant de gloire!.. comment se sont anéantis tant de travaux!" [1]) etc.

Это пишетъ тотъ самый Вольней, который въ другомъ отрывкѣ радуется тому, что колоннады храмовъ распилены на жернова для мельницъ, такъ какъ благодаря этому народъ, потратившій столько трудовъ на сооруженіе храмовъ, можетъ найти теперь хотя бы нѣкоторое вознагражденіе [2]). Стоитъ раскрыть любую книгу начала XIX и конца XVIII столѣтій, чтобы непремѣнно натолкнуться при описаніи руинъ на то же готовое клише, на тѣ же избитыя разсужденія [3]).

Кромѣ этой формы пессимистическихъ изліяній, формы весьма обычной при описаніи руинъ въ les Martyrs, въ René, въ Génie du Christianisme, Шатобріанъ, подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, часто выражаетъ свою скорбь въ антитезахъ и параллелизмахъ. Въ большинствѣ случаевъ это для него не болѣе, какъ предлогъ для жонглированія образами и сравненіями:

„Hélas, mon cher enfant, les hommes ne peuvent déjà plus voir, qu'ils peuvent encore pleurer" [4]).

„Ils adoraient le néant d'où la servitude allait sortir..." [5]) etc.

Послѣдняя форма для выраженія скорби приводитъ насъ къ антитезамъ и контрастамъ, которые играютъ весьма существенную роль въ стилистическихъ пріемахъ Шатобріана.

IX.

У французскихъ классическихъ писателей антитезы встрѣчаются довольно часто. Краткія антитезы, завершающія періодъ или чередующіяся въ репликахъ—отличительная черта корнелевскаго стиля, напримѣръ, въ „Сидѣ":

---

[1]) Volney, les Ruines.

[2]) Volney, Voyage en Egypte.

[3]) См., напримѣръ, стихотв. Soumet, привед. въ примѣч. къ Génie du Christ t. II, p. 319.

[4]) Atala, p. 18.

[5]) Les Martyrs, p. 279, тамъ же p. 172 etc.

Le comte.

Es-tu si las de vivre?

Rodrigue.

As-tu peur de mourir?

или

Pauline.

Où le conduisez-vous?

Félix.

A la mort

Polueucte.

A la gloire... [1]).

Антитезы, болѣе распространенныя, носящія нѣкоторые слѣды пуэнтовъ précieux и précieuses, встрѣчаются довольно часто въ Pensées et Maximes Ларошфуко, въ особенности въ первоначальной редакціи этой книги.

Ла-Брюйеръ, Массильонъ, Боссюэ нерѣдко прибѣгаютъ къ нимъ:

Fêtes sacrées, mariages fortunés, voile nuptial puis-je mêler aujourd'hui vos cérémonies, vos pompes avec ces pompes funèbres et le comble des grandeurs avec leurs ruines [2]).

Особенной популярностью пользуются антитезы у поэтовъ и ораторовъ эпохи революціи.

Дантонъ, Мирабо, Робеспьеръ, Томà считаютъ ихъ верхомъ поэтическаго краснорѣчія.

Особенно любитъ ихъ Томà:

„Les quatre siècles des arts, *monuments de génie* sont *aussi des monuments de* bassesse. Qu'il en naisse un cinquième et qu'il soit celui de la vérité" [3]) etc.

или

„Il sait que la dignité des rangs est à un petit nombre de citoyens, mais que la dignité de l'âme est à tout le monde... Si les richesses s'offrent à lui il s'honore par leur usage, si elles s'éloignent il s'honore par sa pauvreté..." [4]).

Шатобріанъ пользуется антитезами столь же часто, какъ Томà и

---

[1]) Polyeucte, acte V, sc. III.

[2]) Bossuet, Oraison funèbre de Marie Thérèse d'Autriche.

[3]) Thomas, Essai sur les Eloges.

[4]) Idem. Discours de réception à l'Académie française; см. также L'homme des champs Делиля и Шенье Elégies. p. 191.

ораторы революціи. По справедливому замѣчанію Жюля Леметра, это пріемъ наиболѣе благопріятный для того, чтобы заключить мысль въ пластичную форму.

Прибѣгая къ антитезамъ, Шатобріанъ, пожалуй, не столько льстить вкусамъ современниковъ, сколько слѣдуетъ своимъ собственнымъ влеченіямъ. Антитезы самыхъ различныхъ типовъ встрѣчаются почти на каждой страницѣ „Мучениковъ" и „Начезовъ".

„Cet horizon unique sur la terre rappelait le triple souvenir de la vie guerrière, des moeurs pastorales et des fêtes d'un peuple qui comptait les *malheurs de son histoire* par les *époques de ses plaisirs*" [1]).

Romains, tous vos présents n'ont pas été funestes: si vous nous avez apporté *le fer qui enchaîne*, vous nous avez donné *le fer qui délivre* [2]).

La postérité de Joseph rentre dans la terre de Gessen et cette conquête *due aux larmes des vainqueurs* ne *coûte pas une larme* aux vaincus [3]) etc.

Несомнѣнно, что многія изъ антитезъ Шатобріана въ сущности такія же внѣшнія „украшенія" стиля, какъ тѣ, о которыхъ мы уже говорили. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что антитезы лишь внѣшнее, формальное выраженіе контраста, а послѣдній—самая естественная, самая законная форма, въ которую только можетъ вылиться чувство, стремящееся воплотиться въ мысли [4]). Контрастъ—пріемъ излюбленный не однимъ только Шатобріаномъ, но и Гюго и многими романтиками. Это одна изъ тѣхъ формъ, благодаря которымъ Шатобріанъ отдѣлился отъ классической школы и нашелъ выходъ къ личному творчеству. Останавливаться на этой стадіи развитія таланта Шатобріана мы теперь не будемъ, такъ какъ предполагаемъ вскорѣ коснуться этого вопроса въ отдѣльной работѣ.

Гр. Ф. де Ла-Бартъ.

---

[1]) Les Martyrs, p. 18.

[2]) Ibid., p. 110.

[3]) Ibid., p. 181; также ibid., p. 75; Atala, p. 33 etc.

[4]) См. *Norden*, die antike Kunstprosa von VI Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Leipzig 1898 и рецензію на эту книгу проф. Зѣлинскаго „Вѣстника Европы", ноябрь 1898 г.

Аѳинскій великій Синаксарь, какъ цѣнный археологическій и историческій источникъ.

(Докладъ на XII-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ).

Лѣтомъ 1890 г. я пріобрѣлъ въ Константинополѣ недавно отпечатанную книгу подъ такимъ замысловатымъ заглавіемъ: „Яшма умственнаго рая или великое собраніе житій всѣхъ святыхъ, на (каждый) день празднуемыхъ, собранныхъ и изданныхъ на счетъ Константина Дукаки (поклонника). Изъ многихъ и различныхъ книгъ и рукописей отобранныхъ и съ наибольшимъ стараніемъ очищенныхъ, исправленныхъ, распространенныхъ и уясненныхъ и на разговорный языкъ переведенныхъ. Здѣсь находится сперва издаваемый *январь* мѣсяцъ, Аѳины 1889 г.“ [1]). За этимъ заглавіемъ слѣдуетъ молитва и посвященіе родителямъ и родственникамъ составителя, а за тѣмъ довольно обширное предисловіе къ читателямъ, подписанное тѣмъ же Константиномъ Дукаки. Тонъ его совсѣмъ несовременный, а старозавѣтно-благочестивый: мимоходомъ осудивъ безполезное и даже вредное чтеніе романовъ, Дукаки говоритъ о великой пользѣ чтенія житій святыхъ для людей всѣхъ классовъ и тѣмъ мотивируетъ просто-

---

[1]) Ιασπις
του νοητου Παραδεισου ητοι μεγαλη συλλογη βιων παντων των αγιων της ημερας εορταζομενων συλλεχθεντων και εκδοθεντων δαπανη Κωνστ. Χ. Δουκακη (προσκυνητοῦ) Ἐκ πολλῶν καὶ διαφόρων βιβλίων ἐκδεδομένων καὶ χειρογράφων, καὶ μεθ᾽ὅσης πλείστης ἐπιμελείας ἀνακαθαρθέντων, διορθωθέντων, πλατυνθέντων, σαφηνισθέντων, καὶ εἰς τὴν καθομιλουμένην γλῶσσαν καταγλαϊσθέντων.
Πρωτον ηδη εκδεδομενη εις τυπον μην Ιανουαριος Α᾽.
Εν Αθηναις
εκ του τυπογραφειου Μ. Παπαγεωργιου. 1889.

народный языкъ своего изданія. Ссылаясь на предшественниковъ, онъ опредѣляетъ число всѣхъ мучениковъ, за вѣру пострадавшихъ и тѣмъ ее утвердившихъ, въ 10, 950,000, такъ что на каждый день ихъ приходится около 30,000. Обстоятельно объяснивши, какъ въ концѣ концовъ они побѣдили своихъ мучителей, авторъ отказывается вычислить безконечное количество святыхъ *всѣхъ* наименованій, проситъ прощенія за несовершенство своего изданія — книги *великихъ потовъ*, заявляетъ, что о красотѣ слога и вообще изяществѣ изложенія онъ нимало не заботился, и рекомендуетъ читать его книги какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ церквахъ для народа въ соотвѣтствующіе мѣсяцы и числа. Въ виду этого *зимніе* мѣсяцы его Великаго Сборника, когда ночи долгія и досугу много, будутъ значительно обширнѣе лѣтнихъ, когда происходятъ всѣ деревенскія работы.

Уже изъ этого предисловія, какъ и изъ самого заголовка, явствовало, что книга разсчитана на 12 томовъ и, стало быть, дойдетъ до конца нескоро; а подписаться на нее не предлагалось, и продаваться долженъ былъ каждый томъ отдѣльно, если не ошибаюсь, по 5 франковъ въ Константинополѣ и по 5 драхмъ въ Аѳинахъ (разница на дѣлѣ огромная).

Такія изданія въ частныхъ библіотекахъ рѣдко оказываются полными, если и доходятъ благополучно до конца. Но на этотъ разъ мнѣ посчастливилось, благодаря двукратному путешествію въ Аѳины, а главное, благодаря любезности члена археологическаго института Г. Н. Беглери, который слѣдилъ за *Великимъ Синаксаремъ* (Συναξαριστὴς Μέγας; такъ онъ сталъ называться со второго тома), и для себя и для меня, и около двухъ лѣтъ назадъ я получилъ 12-й томъ, названный Аметистомъ.

Перелистывая, признаюсь, довольно небрежно, эти драгоцѣнные камни по мѣрѣ ихъ полученія, я пришелъ къ заключенію, что *Великій* Синаксарь при кажущейся полнотѣ своей—каждый изъ 12 томовъ заключаетъ въ себѣ отъ 400 до 500 стр. крупнаго октава весьма убористой печати—въ сущности не полнѣе, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и хуже 3-хъ-томнаго Синаксаря Никодима Святогорца, которымъ я уже давно пользовался въ изданіи 1869 года: во 1-хъ, въ послѣднемъ изданіи ученый аппаратъ лучше и полнѣе, во 2-хъ, въ *Великомъ* Синаксарѣ не оказалось ровно никакого указателя, столь необходимаго въ подобномъ сложномъ и многотомномъ изданіи (а у Никодима Святогорца имѣются два указателя, хотя и очень примитивныхъ: алфавитные списки святыхъ 1-го и 2-го тома и такой же

списокъ для всѣхъ 3-хъ томовъ); въ 3-хъ, наконецъ, внѣшняя сторона Синаксаря 1869 г. довольно прилична, тогда какъ корректура Великаго Синаксаря ниже всякой критики, и языкъ его пестръ и не исправенъ до послѣдней возможности. Только одна, какъ показалось мнѣ при бѣгломъ просмотрѣ, выгода была у 12 томнаго Синаксаря, да и та въ научномъ отношеніи не имѣетъ большой цѣны: въ немъ много поученій новѣйшихъ ораторовъ. Тѣмъ не менѣе, начавъ собирать изданіе, я довелъ его до конца, намѣреваясь заняться имъ при случаѣ.

Такой случай оказался наконецъ; четвертую часть этого обширнаго сборника—три мѣсяца: апрѣль, май и іюнь, т. е. около 1500 страницъ, я не изучилъ, а только прочиталъ болѣе или менѣе внимательно и пришелъ къ заключенію, что Великій Синаксарь Аѳинскій вполнѣ заслуживаетъ самой тщательной разработки, такъ какъ онъ дастъ массу интереснаго матеріала и по археологіи и по исторіи Византіи и даже по внутренней исторіи новой Греціи и исторіи ея церкви. Этотъ матеріалъ (кромѣ впрочемъ, послѣдняго его отдѣла, котораго, сколько я знаю, нельзя найти въ такомъ количествѣ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ) встрѣчается частями въ болѣе старыхъ сборникахъ житій и часто въ болѣе первоначальномъ видѣ; но здѣсь мы имѣемъ его въ замѣчательной полнотѣ и большею частію въ особой *простонародной*, стало быть, характерной и особо интересной, окраскѣ.

Считаю необходимымъ подтвердить сказанное нѣсколькими примѣрами.

Начинаю съ отдѣла преимущественно археологическаго — иконописи и вообще художественныхъ древностей.

Въ Великомъ Синаксарѣ мы находимъ въ очень большомъ количествѣ описанія то довольно ясныя, то весьма неопредѣленныя наружности святыхъ, представляющія весьма цѣнный матеріалъ для разъясненія состава нашего *подлинника* въ разныхъ его отдѣлахъ.

Подъ 2-мъ іюня, напримѣръ, мы читаемъ, что Никифоръ исповѣдникъ, патріархъ Константинопольскій, очѣнь походилъ на св. Кирилла александрійскаго, только былъ совсѣмъ бѣлъ волосами, и носъ у него былъ не длинный и губы не толстыя (VI,12).

Подъ 15 іюня о пророкѣ Амосѣ сказано: „онъ былъ по характеру тѣла косматъ (*δασύς*), почти старикъ, бородку имѣлъ острую и похожъ былъ по виду на Іоанна Богослова“.

Это примѣры описаній неудачныхъ. А въ томъ же мѣсяцѣ подъ 29 числомъ мы имѣемъ очень хорошее и подробное описаніе наружности ап. Петра, при которомъ находится весьма умная его харак-

теристика съ указаніемъ на его крайнюю впечатлительность, выразившуюся, напримѣръ, въ его бесѣдѣ съ Спасителемъ при омовеніи ногъ (VI, 337).

Рядомъ съ этимъ продуктомъ богословски и даже философски развитого ума мы можемъ ради контраста поставить описаніе наружности св. Христофора, составленное по простонародному воззрѣнію: „зубы у него высовывались изо рта какъ у кабана; голова его была какъ у собаки“ (οἱ ὀδόντες τοῦ εὐγαίνουν, ὡς τοῦ χοίρου ἔξω τοῦ στόματος, ἡ κεφαλή τοῦ εἶναι ὡς τοῦ σκύλου V, 137).

Встрѣчается весьма интересный матеріалъ по иконографіи въ описаніяхъ видѣній святыхъ и въ похвальныхъ словахъ имъ, даже сочиненыхъ новѣйшими духовными ораторами. Такъ, подъ 9 іюня въ житіи Кирилла Александрійскаго мы читаемъ его такое сонное видѣніе аллегорическаго характера: въ великолѣпномъ храмѣ будущій святой увидѣлъ Богородицу, окруженную сонмомъ ангеловъ и св. Отцовъ, которые какъ бы готовились защищать ее; между ними былъ и Іоаннъ Златоустъ; увидавъ Кирилла, онъ сталъ гнать его вонъ, какъ умаляющаго честь Богоматери; но черезъ посредничество Ея (διὰ μεσιτείας τῆς Κυρίας Θεοτόκου) исповѣдники примирились между собою (VI, 83).

Въ словахъ на Рождество Іоанна Крестителя (24 іюня), изъ которыхъ одно принадлежитъ Никифору Теотоки, а другое святогорцу (?) Макарью Скордели, мы встрѣчаемъ такую интересную подробность для иконографіи Цѣлованія Елизаветы (какъ извѣстно, въ миніатюрахъ младенецъ во чревѣ ея часто изображается колѣнопреклоненнымъ): св. Елисавета къ словамъ: „взыгра младенецъ во чревѣ моемъ“ прибавляетъ: и поклонился тебѣ, какъ Матери Божіей, (σὲ ἐπροσκύνησεν ὡς Μητέρα Θεοῦ VI, 269; у Скорделія VI, 274).

Въ томъ же словѣ Н. Теотоки Іоаннъ Креститель называется: *неземный ангелъ* [1]) *и небесный человѣкъ* (ib. 274), а у Скорделія самъ Креститель называетъ себя посредникомъ между Богомъ и людьми (277), ораторъ же представляетъ его стоящимъ передъ Господомъ въ *моленіи* (δέησις—деисусъ), съ простертыми руками и склоненной главой.

Къ той же композиціи деисуса, столь распространенной въ русской иконописи, относится указаніе въ житіи весьма поздняго святого: Аѳанасія еп. Христіанупольскаго (род. въ 1665), гдѣ ему во снѣ является Богородица съ Крестителемъ, какъ покровители безбрачія, и

[1]) Оправданіе его изображенія съ крыльями.

велятъ ему отослать назадъ брачныя одежды и отказаться отъ невѣсты, а съ нею и отъ всѣхъ непрочныхъ радостей жизни (V, 317).

Подъ 23 апрѣля въ очень любопытной, по многимъ для меня, по крайней мѣрѣ, новымъ подробностямъ, редакціи житія св. Георгія съ чудесами (V, стр. 346—364 петита), въ изложеніи чуда св. Великомученика объ освобожденномъ изъ плѣна отрокѣ Георгіи, святой говоритъ ему: „ну садись сзади меня на лошадь!“ „и тотчасъ вскочилъ юноша и поскакалъ“ (καὶ παρευθὺς ἐπήδησε ὁ νέος καὶ ἵππευσε стр. 360). Если не ошибаюсь, на древней, армянской иконѣ въ городѣ Ѳеодосіи видѣлъ я всадника—св. Георгія, за котораго сзади ухватился мальчикъ; не находя такого сюжета ни у болландистовъ, ни въ русскихъ сборникахъ, я отнесъ его на счетъ спеціально армянской редакціи; теперь оказался его источникъ и по-гречески.

Подъ тѣмъ же числомъ (стр. 380 и слѣд.) находится небольшая статья объ иконахъ св. Георгія, хранящихся въ Зографскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Одна изъ этихъ иконъ, по словамъ сказанія, была первоначально въ монастырѣ, называемомъ *Фануилъ*—это библейское имя, какъ извѣстно, играетъ видную роль въ западномъ апокрифическомъ сказаніи о Рождествѣ Богородицы,—въ Сиріи близъ Лидды. Когда приблизилось время гнѣва Божьяго и вся Сирія должна была подпасть подъ власть арабовъ, въ этомъ монастырѣ игуменствовалъ Евстратій. Въ присутствіи его и всей братіи, по волѣ Великомученика, надъ этой иконой совершилось чудо: живопись отдѣлилась отъ доски (ἡ ζωγραφία τῆς ἁγίας εἰκόνος ἀπεχωρίσθη ἐκ τῆς σανίδος), поднялась кверху и изчезла неизвѣстно куда. Евстратій и братія его были очень огорчены этимъ; но св. Георгій явился Евстратію и сказалъ ему: „Не печальтесь изъ-за меня: я нашелъ себѣ монастырь въ жребіи Богородицы на Аѳонѣ, и если желаете, поспѣшите туда“ и пр.; въ Зографѣ и нашли икону палестинскіе монахи. Съ той же иконой св. Георгія, много лѣтъ спустя, случилось и другое чудо: одинъ епископъ небрежно и непочтительно тронулъ щеку святого; тогда указательный палецъ его присталъ къ доскѣ и могъ быть отдѣленъ только мучительной операціей.

Въ концѣ этой статьи находится очень обстоятельное указаніе на внѣшній видъ этой чудотворной иконы; она древняго византійскаго письма и отъ времени потемнѣла (ἕνεκα τῆς ἀρχαιότητος εἶναι σκοτεινή. εἶναι δὲ ἔργον Βυζαντινόν). На ней въ настоящее время серебряный окладъ, изготовленный въ Петербургѣ благословеніемъ митрополита Серафима (стр. 382).

Статья эта, какъ легко догадаться и по содержанію ея, конечно, заимствована изъ одного описанія Св. Горы (весьма неопредѣленно процитированнаго: „Ἀνωτέρα ἐπισκίασις ἐπὶ τοῦ Ἄθω“). Замѣчу по этому поводу, что книги, изданныя святогорцами, а еще больше того рукописи разныхъ аѳонскихъ монастырей, особенно ватопедскаго, дали для составителей Великаго Синаксаря огромную жатву, не менѣе, я думаю, пятой части всего новаго матеріала. Въ конецъ VI тома редакторъ безъ всякаго на то основанія внесъ и цѣлую исторію обители Ватопедской (VI, 427), написанную нѣкіимъ Агапіемъ (стр. 430). Аѳонъ же по своимъ близкимъ связямъ съ Россіей внесъ въ Аѳинскій Синаксарь кое-какой русскій матеріалъ, можетъ быть, у насъ до сихъ поръ нигдѣ не отмѣченный. Такъ, напр., подъ 27-го мая (но въ видѣ приложенія въ концѣ VI тома) мы находимъ въ немъ память отца нашего Іоанна Русскаго, преставившагося въ 1740 году. Этотъ Іоаннъ попалъ къ туркамъ въ плѣнъ во время войны Петра Великаго съ Турціею и былъ отведенъ въ Кесарію Каппадокійскую. Онъ одинъ изъ всѣхъ своихъ товарищей не захотѣлъ измѣнить Христу и выразилъ готовность претерпѣть за вѣру всевозможныя страданія. Твердостью своего характера онъ пріобрѣлъ уваженіе невѣрныхъ и сталъ пользоваться среди нихъ большимъ авторитетомъ. Онъ творилъ чудеса еще при жизни; послѣ его смерти открылись его мощи, которыя чудодѣйствуютъ и до нынѣ (послѣднее чудо пріурочено къ 1874 г.). Составитель, какъ самъ указываетъ (стр. 411), взялъ это житіе изъ I тома Исторіи Каппадокійской Церкви Анастасія Левида, вышедшей въ Аѳинахъ въ 1885 году, каковой книгой снабдилъ его монахъ Пантелеймоновскаго монастыря Андрей изъ Кесаріи. Монахъ этотъ, очевидно, грекъ, но пребываніе въ Руссикѣ развило въ немъ особый интересъ ко всему русскому.

Въ превосходно составленномъ, отчасти на основаніи свидѣтельствъ современниковъ житіи Леонтія, патріарха Іерусалимскаго (XII в.), память котораго празднуется 14-го мая, мы находимъ такое любопытное указаніе на иконопортретную живопись: только что скончался человѣкъ, извѣстный святостію своей жизни; сейчасъ же призываютъ *искуснаго* живописца и заказываютъ ему написать точное изображеніе новопреставленнаго (V, 253—4).

Подъ 20 мая встрѣчается несомнѣнное, повидимому, свидѣтельство, что и въ позднее сравнительно время (XI—XII в.) изготовлялись колоссальныя мозаическія (ἐν ψηφίσιν) иконы именно для алтарей, даже въ отдаленныхъ провинціяхъ (V, 349).

Подъ 7 мая (V, 97) излагается всѣмъ народомъ видѣнное явленіе Креста на небѣ при императорѣ Констанціи, сынѣ Константина, и при Кириллѣ, еп. Іерусалимскомъ, происшедшее въ 346 году, которое объясняетъ нѣкоторыя особенности въ иконографіи Воздвиженія Креста Господня. Сильно распространенное и на востокѣ и на западѣ литургическое видѣніе закалаемаго Младенца въ житіи бл. Арсенія подъ 8 мая (V, 126) является въ такомъ развитомъ и стройномъ видѣ, въ какомъ я по крайней мѣрѣ не встрѣчалъ его нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Но я безполезно утрудилъ бы ваше вниманіе, еслибъ сталъ *перечислять* всѣ многочисленные случаи, гдѣ три прочтенные мною мѣсяца Великаго Синаксаря даютъ любопытныя для исторіи иконописи указанія; а еслибъ я сталъ приводить или пересказывать самый текстъ ихъ, я не кончилъ бы и до завтра. Даже въ плохо составленномъ и до крайности неравномѣрно распредѣленнымъ комментаріи оказываются иногда интересныя замѣчанія; такъ, напр., подъ 8 мая (V, 115) мы находимъ (правда, заимствованное) объясненіе, почему хламина, гдѣ произошло Сошествіе св. Духа, имѣетъ форму крещальни или баптистерія.

Не мало интересныхъ свѣдѣній находимъ мы для исторіи византійской церковной поэзіи, въ особенности въ житіяхъ гимнографовъ, напр. Іосифа, подъ 3-мъ апрѣля (IV, 51 и слѣд.); несравненно больше, конечно,—для исторіи византійской прозы, именно агіографіи, такъ какъ авторы житій, часто ученики и духовныя дѣти святыхъ, сообщаютъ много подробностей о своихъ отношеніяхъ къ учителямъ и о своей собственной жизни (напр. V, 171, 186 и мн. др.).

Во всѣхъ подобныхъ сообщеніяхъ, конечно, можно подозрѣвать большее или меньшее, хотя бы и безсознательное, отклоненіе отъ истины въ сторону восхваленія и преувеличенія. Но такія подозрѣнія неумѣстны, когда мимоходомъ поминаются безразличные для автора культурные факты, въ родѣ, напр., того, что въ послѣднія времена римской имперіи тюрьмы были биткомъ набиты выборными сановниками, которые уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей или не были въ силахъ исполнять ихъ, вслѣдствіе тяжкаго финансоваго положенія народа (IV, 223), или напр. о столкновеніи христіанской морали и римскаго права въ эпоху Ѳеодосія Великаго (V, 119), факты, смыслъ которыхъ былъ часто теменъ самому разсказчику.

Къ той же категоріи несомнѣнныхъ сообщеній относится, напр., указаніе въ житіи муч. Евтихія, что во времена Юліана особымъ

уваженіемъ высшаго языческаго общества пользовалось божество (идолъ, какъ выражается авторъ) Судьбы (τῆς Τύχης), о которомъ я дѣлалъ сообщеніе на одномъ изъ предыдущихъ съѣздовъ; сюда же слѣдуетъ причесть и чрезвычайно многочисленныя картинки византійской жизни и обломки ихъ, во всѣ вѣка, отъ Юстиніана до паденія Константинополя включительно (см. IV, 358, IV, 463; V, 80—81 и т. д. и т. д.), а также и черты нравовъ турками обладаемой Греціи, въ родѣ, напр., указанія на погребальные обряды въ житіи Панарета, архіеп. Кипрскаго (V, 51) или восхваленія извѣстной книги: „Добротолюбія“ и Катихизиса, составленнаго Московскимъ митрополитомъ Платономъ (IV, 181).

Для этого времени, конечно, важнѣе всего житія новомучениковъ, представляющія *сотни* страницъ (изъ 1500 стр. 3-хъ томовъ, мною прочтенныхъ, имъ посвящено не менѣе 350), которыя написаны людьми хорошо освѣдомленными, свидѣтелями драматическихъ событій и иногда очень талантливыми. Я позволю себѣ остановить ненадолго ваше вниманіе на этомъ видѣ агіографіи, весьма рѣдкой за предѣлами греческаго міра. Но прежде, нежели перейти къ изложенію образцовъ, я долженъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній, которыя извлекаются изъ тѣхъ же житій новомучениковъ.

Турки, какъ магометане, конечно, стремились распространить свою религію; къ тому же имъ было и политически выгодно, если ихъ христіанскіе подданные принимали мусульманство: черезъ это они совершенно удалялись отъ единоплеменниковъ и становились настоящими турками. Но вовсе не въ ихъ характерѣ было *принуждать* къ перемѣнѣ вѣры, да и знаменитое обѣщаніе Магомета: „я поставлю рядомъ мечеть и христіанскій храмъ“ и пр., соблюдалось довольно строго. Откуда же при такомъ положеніи вещей мученики за вѣру?

Только въ одномъ случаѣ христіанинъ, какъ таковой, подвергался наказанію—если онъ переходилъ въ христіанство изъ магометанъ. Оказывается, что подобные переходы, бывшіе обыкновенно *рецидивомъ*, случались довольно часто, и тогда, если бывшій магометанинъ самъ признавался въ своемъ дѣяніи или былъ уличенъ въ немъ, онъ подвергался троекратному допросу, который по турецкимъ нравамъ не всегда обходился безъ насилія и побоевъ; если обвиненный во время этихъ допросовъ соглашался остаться магометаниномъ, его отпускали; если нѣтъ, его выводили на базаръ и рубили ему голову, какъ виновному въ оскорбленіи ислама.

Стало быть, *по закону*, чтобы пострадать за вѣру, надо было

прежде два раза измѣнить вѣрѣ. Но этотъ законъ, сравнительно очень вѣротерпимый, допускалъ много обходовъ и злоупотребленій. Во-первыхъ, всякій христіанинъ, совершившій крупный проступокъ по службѣ или уголовнаго характера, могъ избавиться отъ заслуженнаго наказанія, принявъ магометанство, при чемъ, конечно, онъ очень рѣдко дѣлался искреннимъ магометаниномъ, а между тѣмъ съ нимъ обязательно турчились и несовершеннолѣтніе сыновья его (какой религіи будутъ женщины, на это не обращалось вниманія), которые такимъ образомъ становились мусульманами насильно, наказывались же за возвращеніе въ христіанство также смертію; во-вторыхъ, заявленія о желаніи принять исламъ принимались и отъ несовершеннолѣтнихъ, (при чемъ всѣхъ безъ различія, кто изъявлялъ такое желаніе, правительственныя лица брали подъ особое покровительство); и въ-третьихъ, наконецъ, изъ того же духа прозелитизма, власти были наклонны къ излишней довѣрчивости относительно выраженія вышеуказаннаго желанія: стоило двумъ-тремъ „достовѣрнымъ свидѣтелямъ" показать на такого-то, что онъ высказывалъ такое желаніе, судья считалъ это за фактъ, и обвиненный долженъ былъ или исполнить вымышленное обѣщаніе или сложить свою голову.

Но рядомъ съ тенденціозною придирчивостью властей и раздраженіемъ турецкой толпы, въ XVII и XVIII вѣкѣ и особенно на островахъ мы находимъ примѣры отрадной вѣротерпимости и со стороны начальства, и со стороны народа турецкаго; въ началѣ XIX вѣка, когда начинаетъ подготовляться возстаніе, такихъ случаевъ я не встрѣчалъ. Я укажу нѣсколько житій изъ разныхъ эпохъ и разнообразныхъ по складу; отобрать послѣднія не трудно, такъ какъ въ разсказахъ о новомученикахъ почти нѣтъ шаблону или того, что французы называютъ moule épique (только первая рѣчь передъ судилищемъ и прельщенія со стороны властей часто бываютъ слишкомъ сходны).

Начну съ соотечественника.

1683 г. 3-го апрѣля пострадалъ въ Константинополѣ Павелъ Русскій (Ρῶσσος); онъ еще въ дѣтствѣ былъ захваченъ татарами и проданъ христіанину, который послѣ многихъ лѣтъ службы отпустилъ его на волю. Онъ женился также на русской плѣнницѣ, и заболѣлъ падучей. Когда его для излѣченія жена и сосѣди рѣшили отвести въ одинъ чудотворный храмъ, онъ въ припадкѣ безумія сопротивлялся и крикнулъ встрѣтившимся ему туркамъ, будто онъ тоже мусульманинъ. Турки донесли объ этомъ визирю, и тотъ велѣлъ привести къ нему

и кричавшаго и христіанскихъ поповъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя Павелъ, выздоровѣвшій за это время, объяснялъ свой крикъ безуміемъ, его заключили въ тюрьму. Присутствовавшая при допросѣ жена его сказала ему по русски (μὲ τὴν διάλεκτον τῶν Ρώσσων): „будь твердъ“; одинъ изъ турокъ понялъ ея слова и перевелъ ихъ судьѣ; ее жестоко избили палками. Когда и на слѣдующемъ допросѣ черезъ три дня Павелъ остался при своемъ намѣреніи не измѣнять христіанству, его отвели на *ипподромъ*, извѣстный *акъ-мейданъ*, и тамъ отрубили ему голову (IV, 55—8).

Къ серединѣ того же XVII столѣтія относится житіе Димитрія Филадельфійскаго (VI, 17 — 21), который подъ вліяніемъ угрозъ и ласкательствъ потурчился, имѣя всего 13 лѣтъ отъ роду, а 25 лѣтъ раскаялся и заявилъ объ этомъ въ судѣ. Судья, очевидно, вовсе не одержимый духомъ прозелитизма, рѣшилъ обойти законъ: онъ велѣлъ наказать его палками и выгнать вонъ. Но Димитрій, не желая лишиться вѣнца мученическаго, пошелъ въ кафе и тамъ сталъ публично обличать магометанство, за что и былъ казненъ.

Къ XVII же вѣку относится единственный въ этихъ 3-хъ мѣсяцахъ мною встрѣченный новомученикъ изъ турокъ: св. *Ахметъ*, скончавшійся за вѣру отъ меча агарянскаго 3-го мая 1682 г. Онъ былъ довольно важнымъ чиновникомъ въ Константинополѣ, жены не имѣлъ, но имѣлъ наложницу изъ русскихъ плѣнницъ. Къ ней ходила другая русская, старушка, посѣщавшая христіанскую церковь; разъ гостья принесла въ домъ Ахмета кусочекъ антидора, и хозяинъ былъ пораженъ необыкновеннымъ отъ него благоуханіемъ. Заинтересованный христіанскими обрядами, онъ сталъ посѣщать наше богослуженіе, имѣлъ въ церкви видѣніе и тайно крестился. По черезъ нѣкоторое время онъ заявилъ о своемъ христіанствѣ и былъ казненъ въ Кеатъхане (V, 86).

Перехожу къ XVIII вѣку. 21-го іюня 1732 г. на островѣ Хіосѣ былъ казненъ Никита Писирійскій. Писира—небольшой островъ между Косомъ и Родосомъ; отецъ Никиты, человѣкъ, повидимому, достаточный, вынужденъ былъ потурчиться изъ-за страха наказанія за провинности по службѣ. *По обычаю* потурчили при этомъ и его дѣтей мужескаго пола; приняла магометанство и жена его, чтобы не разставаться съ дѣтьми. Никита былъ при этомъ названъ Мегметомъ (Μεϊμέτης) и впослѣдствіи не помнилъ себя христіаниномъ. Разъ, играя съ однимъ турецкимъ мальчикомъ, онъ поссорился съ нимъ, и мать послѣдняго, вмѣшавшаяся въ эту ссору, обозвала Никиту невѣрнымъ

(μουρτάτην καὶ ἄπιστον). Обиженный ребенокъ побѣжалъ жаловаться своей матери. Та старалась утѣшить его, но была вынуждена объяснить ему, что турчанка по своему права. Тогда Никита задумалъ вернуться къ вѣрѣ предковъ и тайно отъ родителей, (чтобы не вовлечь ихъ въ отвѣтственность) уѣхалъ на Хіосъ. Тамъ онъ попалъ въ монастырь, называемый Новымъ, и разсказалъ игумену о своемъ положеніи. Тотъ, по совѣту одного бывшаго архіерея, возсоединилъ Никиту съ церковью и позволилъ ему жить въ монастырѣ. Узнавъ, что вернувшійся ко Христу долженъ очиститься отъ своего грѣха кровію, юноша Никита—ему и въ это время было не болѣе 16 лѣтъ—заявилъ о своемъ переходѣ въ христіанство на судѣ. Долго, но напрасно начальство уговаривало его взять свое признаніе обратно; наконецъ его осудили на смертную казнь; но народъ на Хіосѣ настолько отвыкъ отъ человѣкоубійства, что казнь пришлось совершить безъ всякой торжественности. Послѣ смерти своей новомученикъ сотворилъ нѣсколько чудесъ (VI, 250—257).

23-го апрѣля 1752 г. былъ казненъ въ Птолемаидѣ нѣкто Георгій: онъ былъ служителемъ у одного европейца и ходилъ постоянно къ одной старой турчанкѣ покупать свѣжія яйца для своего господина. У турчанки была дочь—дѣвушка, а Георгій былъ очень красивъ собою и, повидимому, любезенъ, и дѣвушка полюбила его. Сосѣдки вздумали услужить ей и заявили въ судѣ, будто Георгій высказывалъ намѣреніе потурчиться, чтобы жениться на этой дѣвушкѣ—онѣ были увѣрены, что такимъ заявленіемъ устроятъ счастіе молодыхъ людей. Но Георгій не согласился измѣнить вѣрѣ, былъ казненъ, похороненъ въ церкви, и при гробѣ его происходили чудеса (IV, 387 и слѣд.).

Все это еще отношенія болѣе или менѣе мирныя, а вотъ уже слышатся первые признаки надвигающейся на турокъ грозы.

Въ 1770 г. былъ мученъ и казненъ въ Аѳинахъ *Михаилъ* огородникъ; онъ былъ юноша весьма простого ума (ἁπλοῦς πολὺ εἰς τὴν γνώμην), а зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, перевозя на своемъ ослѣ разные товары изъ города въ деревню; на него безъ всякаго основанія напали люди воеводы (οἱ ἄνθρωποι τοῦ Βοεβόνδα) и, обвинивъ его въ томъ, будто онъ *доставляетъ порохъ клефтамъ* (полупатріотамъ, полуразбойникамъ, предшественникамъ бойцовъ великаго возстанія), принуждали его потурчиться. Михаилъ геройски вытерпѣлъ побои и самую смертную казнь, повторяя, по простотѣ ума своего, одно слово: не потурчусь (δὲν τουρκίζω VI, 398—400).

28-го мая 1794 г. былъ казненъ Митръ, родомъ изъ Мореи; еще

11-тилѣтнимъ ребенкомъ онъ, соблазненный житейскими выгодами, перешелъ въ магометанство, принялъ имя Мустафы, служилъ многимъ пашамъ, потомъ самъ возвысился и разбогатѣлъ; но затѣмъ онъ покаялся, распродалъ все свое имѣніе, ушелъ къ своимъ и былъ возсоединенъ съ христіанами. 10 лѣтъ послѣ этого онъ прожилъ спокойно, но былъ узнанъ своими прежними знакомыми и привлеченъ къ суду. Напрасно уговаривали его власти отступиться отъ христіанства; онъ остался твердъ, и ему публично отрубили голову. Святое тѣло его, съ разрѣшенія начальства, взяли христіане и честно погребли въ храмѣ св. Димитрія Мѵроточиваго (V 493—496).

Это житіе изложено довольно кратко и безцвѣтно; въ противуположность ему, житіе Нана или Іоанна Ѳессалоникійскаго, память котораго празднуется на слѣдующій день,—29-го мая, разсказано іеромонахомъ Никифоромъ Хіосскимъ съ массою драматическихъ подробностей.

Никифоръ очень обстоятельно излагаетъ исторію родителей своего героя: отецъ его, башмачникъ ремесломъ и тоже Іоаннъ по имени, владѣя въ Селуни небольшою собственностью, оставилъ тамъ семью, а самъ переѣхалъ въ Смирну и открылъ въ ней башмачное заведеніе. Подросъ его старшій сынъ Ѳеодоръ, онъ взялъ его съ собою; подросъ второй Іоаннъ, онъ и его перевезъ въ Смирну. Ѳеодоръ былъ грамотенъ, Іоаннъ—нѣтъ, но онъ чрезвычайно любилъ слушать чтеніе брата, въ особенности когда тотъ читалъ житія святыхъ и страданія мучениковъ. Ему было 17 лѣтъ, но на видъ можно было дать гораздо больше. Онъ былъ очень красивъ собою и отличался безупречной нравственностью; магометанство онъ ненавидѣлъ отъ всей души. 3-го мая 1802 г. отецъ послалъ его съ готовыми башмаками къ одному турку. Проходитъ нѣсколько часовъ, юноша не возвращается. Не попалъ-ли онъ въ тюрьму? опасаются родные (въ Смирнѣ же живутъ двоюродные братья героя); посылаютъ справиться. Нѣтъ его тамъ! Къ вечеру приходитъ ужасное извѣстіе: Іоаннъ, оказывается, потурчился! Бѣжитъ на дворъ муллы отецъ; насилу допустили его; увидалъ онъ Іоанна въ тюрбанѣ и турецкомъ платьѣ: едва на ногахъ устоялъ, а спросить сына онъ нашелся только о томъ, куда тотъ дѣвалъ посланные съ нимъ башмаки. Услыхавъ, что башмаки доставлены по адресу, несчастный отецъ пошелъ домой съ плачемъ и рыданіями, призывая всю христіанскую общину въ свидѣтели своего несказаннаго горя. Черезъ 8 дней новообращенный встрѣтилъ на улицѣ своего двоюроднаго брата; тотъ отвернулся отъ него. „Отчего ты мнѣ не

кланяешься? спросилъ бывшій Іоаннъ, нынѣ Мехметъ. — Что между нами за поклоны? отвѣтилъ тотъ: ты—турокъ, а я христіанинъ.—„Не пройдетъ 15-ти дней, и вы узнаете, какого рода я турокъ,“ отвѣтилъ Махметъ. Но прошло 15 дней и болѣе, и отъ него нѣтъ извѣстій. Встрѣтили его опять на улицѣ соотечественники изъ Селупя и посмѣялись, что онъ все еще носитъ башмаки (папущи) изъ мастерской своего отца. Мехметъ отвѣтилъ имъ, что въ воскресенье на Соанъ-базарѣ его увидятъ въ иной одеждѣ. Затѣмъ онъ приходитъ къ нѣкоему Димитрію и проситъ одолжить ему крестъ. Тотъ отказываетъ, но объ этой странной просьбѣ сообщаетъ ближайшимъ роднымъ героя. Тѣ чрезвычайно обрадовались, такъ какъ, сопоставивъ слова и факты, пришли къ заключенію, что впечатлительный юноша задумалъ пострадать и для того притворно принялъ магометанство. Дѣйствительно, 25-го мая во вторникъ Нанъ, надѣвъ снова свое христіанское платье, но еще въ тюрбанѣ (σαρίκι) пошелъ къ судьѣ и донесъ самъ на себя. Новость эта быстро распространилась по городу, обрадовала всѣхъ православныхъ и сильно опечалила турокъ. Нана посадили въ тюрьму. Но тюрьмы турецкія и для такихъ преступниковъ были не очень крѣпки: оттуда Нанъ нашелъ возможнымъ послать за отцомъ своимъ. Отецъ прислалъ ему свое благословеніе, но самъ придти не рѣшился, опасаясь непріятностей. Происходитъ второй допросъ. Какъ льстили Нану и какъ убѣждали его остаться магометаниномъ! Но напрасно! Тогда, не желая доставлять христіанамъ новаго мученика, власти придумали такую хитрость: они рѣшили отвезти его на корабль, который отправлялся въ Алжиръ съ 300 турокъ: тамъ онъ поневолѣ останется мусульманиномъ. Къ счастью, Нанъ понялъ ихъ планъ и на хитрость отвѣчалъ хитростью: онъ сдѣлалъ видъ, будто колеблется, и попросилъ два дня на размышленіе. Турецкія власти возликовали и согласились; а Нанъ изъ тюрьмы слѣдилъ за опаснымъ ему кораблемъ и, къ своей великой радости, скоро узналъ объ его отплытіи. Тогда онъ отдалъ свое жалкое имущество одному бѣдному матросу, сидѣвшему въ той же тюрьмѣ, и явился на третій и послѣдній допросъ. Чтобы соблазнить его, богатые турки собрали въ его пользу довольно большую сумму денегъ, а одинъ купецъ старался прельстить его роскошнымъ платьемъ. Напрасно! „Ну, иди, куда хочешь, зовись, какъ хочешь“, говорятъ ему представители власти, а слуги шепчутъ ему: бѣги изъ тюрьмы. Но Нанъ добивается своего права быть казненнымъ. „Ты умрешь въ мученіяхъ!“ говорятъ ему; но и это его не останавливаетъ. Нечего дѣлать! Его ведутъ на торговую площадь. Сбѣгается весь

городъ, приходятъ и французы, и армяне; православные ликуютъ; турки страшно ожесточены. Ему велятъ стать на колѣни; палачъ для устрашенія махаетъ передъ его глазами ятаганомъ; одинъ кафеджи, ставъ на колѣни предъ Наномъ, пытается уговорить его въ послѣдній разъ. Тотъ отрицательно потрясъ головой и сказалъ трижды: Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіе Твое! Сверкнулъ ятаганъ, голова покатилась, и православные кинулись къ тѣлу, чтобы захватить или горсть земли, пропитанной его кровью, или клокъ его одежды и хоть нѣсколько волосъ святаго, и начали рубить его персты; молодцы (οἱ λεβέντες) изъ полиціи собрали отъ благочестивыхъ болѣе 3000 грошей. На другой день растащили бы по частямъ все тѣло; но вмѣшался благочестивый московскій купецъ, который пришелъ къ заключенію, что „неприлично рубить тѣло мученика, будто мясо на бойнѣ“ (ὥσαν τὸ κρέας εἰς τὸ σφαγεῖον) и, воспользовавшись своимъ знакомствомъ съ муллою и своимъ авторитетомъ, за 400 грошей и хорошій подарокъ получилъ право похоронить останки мученика, какъ слѣдуетъ [1]). Замѣтивъ, что сами турки признавали святымъ юношу, не пожалѣвшаго отдать жизнь свою за вѣру свою, авторъ переходитъ къ повѣствованію о посмертныхъ чудесахъ св. Іоанна (V, 499—513).

Я опускаю столь-же драматически изложенныя житія Марка Смирнскаго 1801 г. (VI, 30 и слѣд.), Акакія Ѳессалоникійскаго (1816 г. V, 18 и слѣд.), Іоанна болгарина (1802 г. V, 256) и спѣшу закончить мой рефератъ, цѣль котораго вовсе не *исчерпать* огромный историческій и археологическій матеріалъ Великаго Синаксаря, а только *затронуть* его и указать на него молодымъ и сильнымъ работникамъ. Что касается до отношенія въ немъ археологіи къ исторіи, я долженъ сказать, что если въ отдѣлѣ, о которомъ я только что говорилъ сейчасъ, исторія, литература и культура берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ археологіей, въ остальныхъ трехъ четвертяхъ, т. е. въ житіяхъ мучениковъ древнихъ и святыхъ другихъ наименованій, столь же рѣшительно надъ всѣмъ преобладаютъ археологія и особенно археологическая этнографія; въ отношеніи же исторіи и самъ составитель настолько невиненъ, что, напримѣръ, Аркадія и Гонорія считаетъ язычниками, крестившимися только впослѣдствіи (V, 192), и своихъ читателей считаетъ еще болѣе невинными. Предназначая свою книгу-библіотеку для чтенія простонародья, онъ, гдѣ можетъ, выбираетъ изъ разныхъ редакцій житія наиболѣе апо-

[1]) Фамилія купца (Παναγιώτης Παναγιωτόπουλος) показываетъ, что по происхожденіи онъ былъ грекъ, только натурализовавшійся въ Москвѣ.

крифическія [1]) и къ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ апокрифамъ чувствуетъ такую симпатію, что даже заказываетъ переводить ихъ съ латинскаго (см. въ концѣ VI тома апокрифъ о Мельхиседекѣ, письма Публія, Лентула и пр.). Для *демонологіи* мы находимъ въ каждомъ томѣ Синаксаря богатства неисчерпаемыя и именно въ наиболѣе простонародной и часто наиболѣе архаичной формѣ; мы находимъ въ немъ и весьма цѣнные обломки простонароднаго восточнаго календаря, который несомнѣнно оказалъ сильнѣйшее вліянія на народные календари славянскихъ племенъ (см. напримѣръ, IV, 199 о св. Симеонѣ, IV, 126 о св. Антипѣ, какъ лѣчителѣ зубной боли и пр. и пр.); находимъ и много параллелей къ апокрифамъ, которые перешли въ духовную народную поэзію, напримѣръ, въ пѣсни Каликъ перехожихъ (см. IV, 442 и мн. др.) и т. д.

Короче сказать, Аѳинскій Великій Синаксарь—цѣлая обширная народная энциклопедія, соединяющая съ современностью самую отдаленную христіанскую древность, и я не думаю, чтобы въ христіанской археологіи могъ оказаться болѣе или менѣе широкій вопросъ, для рѣшенія котораго эта энциклопедія не представила бы цѣннаго матеріала [2]).

А. Кирпичниковъ.

---

[1]) Позволяю себѣ привести только одинъ примѣръ—начало житія великомученицы Ирины (V, 91): „Она была дочь Ликинія... и родители называли ее прежде Пенелопою; такъ какъ она была прекрасна и превосходила красотою своею всѣхъ современныхъ дѣвицъ, то оставалась въ нѣкоторой высокой башнѣ, построенной ея отцомъ. Тамъ жила она съ 13 служанками—красавицами, имѣла большое богатство, а тронъ ея, столъ и подсвѣчникъ были сдѣланы изъ золота. Когда отецъ поселилъ ее въ этой башнѣ, ей было всего 6 лѣтъ, и состоялъ при ней педагогомъ и учителемъ одинъ старецъ, по имени Апелліанъ, опредѣленный къ этому отцомъ ея Ликиніемъ. Въ одинъ изъ дней святая видитъ голубя, влетающаго въ башню и несущаго въ клювѣ своемъ масличную вѣтвь, которую она и положила на золотомъ столѣ; а потомъ видитъ она орла съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, который былъ положенъ на тотъ же самый столъ.

[2]) Послѣ моего доклада проф. Амф. Степановичъ Лебедевъ относительно новомучениковъ далъ мнѣ очень важное библіографическое указаніе: еще въ 1862 г. въ С.-Пб. вышла книга; „Христіанскіе мученики, пострадавшіе на востокѣ со времени завоеванія Константинополя турками. Съ новогреческаго языка перевелъ священникъ Петръ Соловьевъ“. XIII и 314. А еще прежде того, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ „Духовной Бесѣдѣ“ помѣщались переводы отдѣльныхъ житій изъ того же сборника, взятые изъ Новаго Мартирологія, изд. въ Аѳинахъ въ 1856. Ни книги свящ. П. Смирнова, ни ея оригинала я еще не видалъ, но, благодаря любезности того же проф. Лебедева, прочиталъ отдѣльно-напечатанныя житія; между ними не оказалось ни одного изъ приведенныхъ мною выше; да и тонъ ихъ совсѣмъ другой, не простонародный.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Буддійское искусство въ Индіи, Тибетѣ и Монголіи.

Buddhist Art in India. Translated from the Handbuch of Prof. *Albert Grünwedel*. by Agnes *G. Gibson*. Revised and enlarged by *Jas. Burgess*. With 154 Ill. London 1901. *A. Grünwedel*. Mythologie des Buddhismus. Leipzig. 1900. (188 Abbildungen).

До самаго послѣдняго времени не было сдѣлано никакихъ попытокъ систематизаціи того богатаго матеріала по буддійскому искусству, который собранъ неустанными заботами Кеннингэма, Фергюссона и Бёрджесса, при просвѣщенномъ содѣйствіи и щедрости индійскаго правительства. Первой [1]), и чрезвычайно удачной, попыткой подобной систематизаціи явилась работа проф. *А. Грюнведеля*, Buddhistische Kunst in Indien [2]). Нынѣ, переведенная подъ руководствомъ выдающагося знатока индійскаго искусства *Дж. Бёрджесса*, дополненная и въ нѣкоторыхъ частностяхъ переработанная имъ, она даетъ намъ превосходную картину современнаго знанія значительной части индійскаго искусства.

Громадный опытъ, многолѣтнее пребываніе въ Индіи, единственное въ своемъ родѣ личное знакомство съ индійскими памятниками, рядъ выдающихся написанныхъ имъ монографій дали д-ру Бёрджессу возможность отнестись вполнѣ самостоятельно къ переведенной имъ книгѣ, что и придастъ особую цѣну его переводу.

---

[1]) Книги по индійскому искусству г. *Breton*, которая быть можетъ сдѣлала подобную попытку, мы, несмотря на тщательные поиски, найти не могли; насколько намъ извѣстно, съ нею незнакомы и наши сотоварищи по изученію индійскаго искусства. Ссылокъ на нее мы не встрѣчали.

[2]) Второе изданіе вышло въ 1900 г. См. статью нашу „Буддійское искусство въ Индіи“. Изв. И. А. Н. Февраль 1901. Стр. 215—225.

Пока, къ сожалѣнію, мы еще въ весьма малой мѣрѣ выяснили себѣ вопросъ о періодахъ въ исторіи индійскаго искусства и при попыткахъ говорить о школахъ поневолѣ смѣшиваемъ принципы хронологическій и географическій: такъ мы съ одной стороны говоримъ о „древнеиндійскомъ“ (или „персидско-индійскомъ“) стилѣ, имѣя въ виду періодъ до проявленія значительнаго и рѣшительнаго вліянія античнаго искусства на индійское, съ другой—о „Гандхарской школѣ“, указывая на рядъ памятниковъ, найденныхъ въ предѣлахъ стариннаго гандхарскаго царства. Такое недостаточное знаніе преемственной связи памятниковъ искусства является существеннымъ препятствіемъ для полнаго и всесторонняго ихъ изученія и вноситъ неминуемо нѣкоторую случайность въ описанія, такъ какъ описывающему часто трудно дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что имѣетъ главное и что второстепенное значеніе; то же имѣетъ мѣсто и при выборѣ памятниковъ, которые должны служить характерными представителями той или другой школы или эпохи. Эти обстоятельства надо непремѣнно имѣть въ виду при разсмотрѣніи всякой работы объ индійскомъ искусствѣ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что разбираемая книга не обнимаетъ, по весьма понятнымъ, какъ мы далѣе увидимъ, причинамъ, всей совокупности памятниковъ буддійскаго искусства въ Индіи, насколько они намъ извѣстны теперь. Книга имѣетъ въ виду: *во-первыхъ*—древне-индійское національное искусство, съ слабыми слѣдами вліянія античнаго искусства, III—II вѣковъ до Р. Хр.—періодъ этотъ носитъ у Грюнведеля названіе „персидско-индійскаго стиля“ (Persisch-indischer Stil), у Бёрджесса „ранняго индійскаго стиля“ (early Indian style). Памятники этого періода, разсмотрѣнные въ книгѣ: главнымъ образомъ Sāñcī, отчасти Gayā и Barāhat; *во-вторыхъ*, искусство гандхарское, находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ позднеантичнаго искусства I—V (?) вѣковъ по Р. Хр.; *въ-третьихъ*, искусство индійское, національное, но уже подъ значительнымъ вліяніемъ гандхарскаго или античнаго искусства—въ книгѣ только рельефы ограды стўпы Amarāvatī (II вѣкъ по Р. Хр.) и то въ незначительной мѣрѣ; *въ-четвертыхъ*, отраженіе индійскаго буддійскаго искусства на внѣиндійскомъ—нѣсколько отдѣльныхъ замѣтокъ.

Такимъ образомъ оставлены въ сторонѣ [1]) памятники, созданные

---

[1]) Главнымъ образомъ, повидимому, за отсутствіемъ въ Европѣ оригиналовъ, частью вслѣдствіе опредѣленныхъ размѣровъ Handbuch'а.

подъ сильнымъ античнымъ вліяніемъ въ Mathurā; значительная часть матеріала древнѣйшихъ пещеръ, это для времени до Р. Хр. Для времени по Р. Хр.—пещеры Аджанты съ ихъ богатѣйшими фресками [1]) и скульптурами; многочисленные рельефы и статуи, найденные въ предѣлахъ старинной страны Magadha, представляющіе подобно рельефамъ Amarāvatī созданія индійскаго національнаго искусства, на которыхъ въ значительной мѣрѣ отразилось вліяніе гандхарскаго искусства; памятники эти могутъ въ главнѣйшей своей части относиться ко времени отъ IV—VIII вѣковъ по Р. Хр. Къ этой же категоріи мы желали бы отнести и памятники на Явѣ, созданные, очевидно, индійскими мастерами [2]). Большого вниманія заслуживаютъ бронзы, стоящія въ непосредственной связи съ памятниками въ Magadha, а также ихъ тибетскіе преемники, близко примыкающіе къ нимъ по стилю [3]). Наконецъ послѣдними звеньями въ цѣпи буддійскихъ памятниковъ искусства въ Индіи являются бенгальскія и непальскія миніатюры [4]).

Буддійское преданіе возводитъ начало буддійскаго искусства еще ко времени самого учителя и знаетъ нерукотворенный образъ, обязанный своимъ происхожденіемъ милости Будды: царь Bimbisāra хотѣлъ отдарить царя Rudrāyana, приславшаго ему богатые дары, и, какъ лучшее, что могъ придумать, выбралъ изображеніе Будды. Онъ заказалъ его художникамъ, но живописцы не могли схватить чертъ учителя; тогда Будда велѣлъ принести холстъ, отбросилъ тѣнь свою на холстъ и приказалъ заполнить получившійся контуръ красками [5]). Нѣкоторыя (вѣроятно довольно позднія въ ихъ современной формѣ, но старинныя по существу) иконографическія сочиненія тоже возводятъ начало буддійскихъ священныхъ изображеній ко времени Будды. Мы, къ сожалѣнію, недостаточно еще знаемъ нравы первоначальной буддій-

---

[1]) Эти удивительнѣйшіе памятники индійскаго искусства, несмотря на многочисленныя и дорогія изданія, не могутъ въ настоящее время быть изучены вполнѣ научно безъ новаго, *систематическаго* совмѣстнаго изданія скульптуръ и фресокъ.

[2]) Изданіе рельефовъ Боро-Будуръ Leemans'a, драгоцѣнное для изученія сюжетовъ и композицій, совершенно безполезно при изученіи стиля. Въ музеѣ по антропологіи и этнографіи Академіи Наукъ находятся гипсовые слѣпки 6 рельефовъ Боро-Будура.

[3]) Замѣчательное собраніе кн. *Ухтомскаго,* находящееся нынѣ въ Этнографическомъ отдѣлѣ музея Императора Александра III, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ драгоцѣннѣйшихъ индійскихъ и тибетскихъ буддійскихъ бронзъ старинной работы.

[4]) См. *А. Foucher,* Etude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde d'aprés des documents nouveaux. P. 1900.

[5]) Divyâvadâna, p. 547.

ской общины, чтобы рѣшить, могли ли появиться изображенія Будды или вѣрнѣе символы его (см. далѣе) въ первое же время послѣ его смерти, но несомнѣнно, что внѣшнихъ препятствій этому не было и что уже въ то время (V вѣкъ до Р. Хр.) существовало индійское искусство, по всей вѣроятности въ значительной мѣрѣ самобытное, возникшее на почвѣ религіозной и имѣвшее предметомъ богатый пантеонъ, который мы встрѣчаемъ въ индійскомъ эпосѣ, и многочисленные, многообразные мѣстные культы. Такое предположеніе, которое найдетъ себѣ, какъ мы думаемъ, полное подтвержденіе тогда, когда въ широкой мѣрѣ будутъ произведены въ Индіи раскопки, теперь вытекаетъ изъ той, сравнительно, высокой степени развитія искусства, которую показываютъ буддійскіе и джайнскіе памятники III и II вѣковъ до Р. Хр., памятники, носящіе почти вполнѣ индійскій національный характеръ. Замѣчательно, что памятники эти, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать на основаніи только что сказаннаго о начаткахъ индійскаго искусства, даютъ намъ не мало изображеній геніевъ и божествъ обще-индійскаго пантеона.

Преданіе говоритъ намъ о многочисленныхъ сооруженіяхъ великаго буддиста царя Ашоки въ III вѣкѣ до Р. Хр. [1]), и археологическія находки послѣднихъ лѣтъ въ значительной мѣрѣ подтверждаютъ преданіе.

Но большихъ памятниковъ, сколько-нибудь удовлетворительно сохранившихся, у насъ нѣтъ до III — II вѣка до Р. Хр. Здѣсь сразу мы находимъ два любопытнѣйшихъ сооруженія — стӯпы (курганы, обложенные кирпичами) съ ихъ оградами—это стӯпы Barāhat (Bharhut) къ ю.-ю.-з. отъ Аллахабада, и Sāñcī, около 20 миль къ с.-в. отъ столицы Бхопала и также ограда храма въ Gayā, гдѣ царевичъ Siddhārtha сталъ Буддою.

На стӯпѣ Barāhat большая часть скульптуръ находится на столбахъ ограды и снабжена надписями, объяснявшими изображенія посѣщавшимъ святыню паломникамъ и часто отмѣчающими, какимъ ревнителемъ вѣры и благолѣпія сооружена та или другая часть зданія.

---

[1]) Напримѣръ, Divyāvadāna говоритъ о многочисленныхъ постройкахъ Ашоки и между прочимъ о четырехъ большихъ святыняхъ: мѣстѣ рожденія (jāti), мѣстѣ просвѣтленія (bodhi, mahābodhi), мѣстѣ первой проповѣди (dharmacakra), мѣстѣ смерти (parinirvāṇa). На первомъ изъ этихъ мѣстъ (мѣстѣ рожденія Будды), на южной границѣ Непала, найдена въ послѣдніе годы надпись царя Ашоки на столбѣ, говорящая о посѣщеніи имъ святыни.

Въ Sāñcī скульптуры находятся на воротахъ, устроенныхъ противъ каждой страны свѣта (с., ю., в., з.).

И Barāhat и Sāñcī и Gayā имѣютъ одну общую черту — хотя изображенія въ нихъ посвящены въ значительной мѣрѣ легендѣ Будды, самъ онъ нигдѣ не появляется, его замѣняютъ *символы:* колесо (закона), ступни (въ санскритѣ для выраженія почтенія говорятъ о „ступняхъ такого-то“), престолъ и т. п. Мы встрѣчаемся здѣсь съ явленіемъ, аналогія которому находится и въ первоначальномъ христіанскомъ искусствѣ. Темы изображеній: сцены изъ легенды Будды, изъ джāтакъ (разсказовъ о прежнихъ перерожденіяхъ Будды), божества, символическіе предметы, орнаментъ (главную роль играетъ лотосъ).

Несмотря на существованіе подписей подъ многими изображеніями (Barāhat), содержаніе скульптуръ для насъ часто еще не ясно, такъ что мы не можемъ дать себѣ полнаго отчета въ планѣ и замыслахъ художниковъ-строителей этихъ святынь [1]).

Хронологія многочисленныхъ пещерныхъ построекъ не достаточно еще установлена, чтобы мы могли ввести эти любопытнѣйшіе памятники въ историческую серію произведеній буддійскаго искусства [2]), поэтому намъ придется сразу перенестись изъ II вѣка до Р. Хр. во II вѣкъ по Р. Хр. Здѣсь мы находимъ большую стӯпу Amarāvatī. Въ ней, наряду съ ярко-выраженнымъ національнымъ элементомъ, уже чувствуется замѣтное вліяніе античнаго искусства, особенно это отразилось на композиціи, отчасти въ зависимости отъ введенія изображенія учителя, *царевичемъ* до достиженія имъ высшаго разумѣнія, *монахомъ* послѣ достиженія; кромѣ того формы человѣческаго тѣла съ одной стороны менѣе угловаты, съ другой менѣе пышны. Вообще

[1]) Для ступы въ Barāhat: *A. Cunningham.* The Stūpa of Bharhut. London 1879. *И. Минаевъ.* Буддизмъ. I. С.-Петербургъ 1887. Для Gayā: *A. Cunningham.* Mahābodhi, or the Great Buddhist Temple at Buddhagayā. London 1892. Для Sāñcī: *H. H. Cole.* The Great Buddhist Tope at Sanchi 1885. *J. Fergusson.* Tree and Serpent worship. 2 Ed. London 1873. *Jas. Burgess.* The Great Stūpa at Sānchi-Kānākheda. Journ. R. As. Soc. Jan. 1902. Для всѣхъ древнихъ памятниковъ вообще. *Jas. Burgess.* The ancient Monuments, Temples and Sculptures of India. Part I. London 1897 и *J. Fergusson.* History of Indian and Eastern Architecture. London 1876. Мы указываемъ, разумѣется, только главнѣйшія сочиненія.

[2]) Для пещерныхъ построекъ (кромѣ Аджанты, см. далѣе): James *Fergusson* and *Jas. Burgess.* The Cave-Temples of India. *Jas. Burgess.* Report on the Buddhist Cave Temples and their Insriptions. London 1883. *Id.* Report on the Elura Cave-Temples, and the Brahmanical and Jaima Temples in Western India. London 1883.

скульптуры Amarāvatī, къ сожалѣнію сильно пострадавшія отъ неумѣлыхъ раскопокъ, принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній индійскаго искусства. Сюжеты здѣсь въ общемъ тѣ же, что и въ старинныхъ скульптурахъ и, также какъ и тамъ, весьма многія сцены не поддаются еще объясненію [1]). Изъ пещеръ ко II вѣку по Р. Хр. относятся сооруженія въ Nāsik (первая половина II вѣка) и Kanheri [2]), оба въ западной Индіи.

Далѣе мы встрѣчаемъ богатыя не только скульптурами, но и фресками, пещеры Аджанты (Ajaṇṭā), которыя вырывались постепенно въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и представляютъ собою картину развитія индійскаго искусства за длинный періодъ времени: древнѣйшія пещеры относятся ко времени до Р. Хр., позднѣйшія можетъ быть вырывались еще въ VIII вѣкѣ по Р. Хр. Къ сожалѣнію, какъ мы указывали выше, всестороннее изученіе этого буддійскаго музея пока невозможно [3]).

Къ Аджантѣ тѣсно примыкаетъ по стилю внѣиндійскій памятникъ, величественный храмъ Боро-Будуръ на Явѣ, несомнѣнное созданіе индійскихъ мастеровъ, по всей вѣроятности, изъ сѣверо-западной Индіи; постройка его, вѣроятно, относится ко второй половинѣ IX вѣка [4]). Поразительное богатство его рельефовъ заключаетъ въ себѣ помимо изображеній легенды Будды, джātакъ, еще цѣлый рядъ статуй буддъ и бодисатвъ, при чемъ Боро-Будуръ уже всецѣло принадлежитъ Махаянѣ, между тѣмъ какъ въ Аджантѣ мы находимъ смѣсь Махаяны и Хинаяны, этихъ двухъ основныхъ направленій буддизма [5]).

Параллельно со всѣми этими памятниками тянется съ очень отдаленнаго времени (до Р. Хр.) рядъ памятниковъ цейлонскихъ, весьма еще мало изученныхъ.

Магадха и Бенгалъ оставили намъ цѣлый рядъ скульптуръ почти исключительно махаяническихъ и на которыхъ, какъ и на рельефахъ

---

[1]) *J. Fergusson*. Tree and Serpent worship. 2 Ed. 1893. *Jas. Burgess*. Report on the Amarāvati and Jggayyapeta Buddhist Stûpas. London 1887.

[2]) См. выше литературу о пещерныхъ святынихъ.

[3]) *Jas. Burgess*. Notes on the Bauddha Rock-Temples of Ajantâ. Bombay 1879. *J. Griffiths*, The Paintings in the Buddhist Cave-Temples of Ajantâ. London 1896.

[4]) *C. M. Pleyte*. Die Buddha-Legende in den Skulpturen des Tempels von Bôrô-Budur. Amsterdam 1901. Здѣсь подробно указана литература.

[5]) См. вышеуказанную книгу *A. Foucher*. О рядѣ старинныхъ бронзъ кн. *Э. Э. Ухтомскаго* см. въ имѣющемъ выйти въ Bibliotheca Buddhica (изд. Имп. Акад. Наукъ) описаніи собранія, сдѣланномъ А. Грюнведелемъ.

Amarâvatî, сказалось вліяніе античнаго искусства, на что уже было указано выше. По времени онѣ совпадаютъ приблизительно съ болѣе поздними аджантскими пещерами. Сосредоточенныя въ индійскихъ музеяхъ онѣ еще мало изслѣдованы и использованы для исторіи индійскаго искусства. Прямыми продолжателями ихъ, частью даже вѣроятно современными имъ, являются бенгальскія и непальскія миніатюры, относящіяся къ тому времени, когда буддизмъ уже началъ исчезать изъ Индіи. Ими и литыми и рѣзными статуэтками кончается буддійское искусство въ Индіи, переходящее въ разныхъ формахъ во всѣ индійскія страны и о которомъ въ этой стадіи его развитія мы отчасти будемъ говорить далѣе.

Пока мы совершенно оставили въ сторонѣ одно направленіе буддійскаго искусства, извѣстное подъ именемъ „Гандхарской школы", имѣвшее рѣшающее и плодотворное вліяніе на все позднѣйшее индійское искусство и особенно буддійское искусство разныхъ внѣиндійскихъ странъ и народовъ [1]). Намъ пришлось это сдѣлать, потому что гандхарское искусство только по сюжетамъ своимъ и по нѣкоторымъ частностямъ можетъ быть названо индійскимъ, по всему же остальному оно представляетъ собою лишь отпрыскъ позднеантичнаго, въ значительной мѣрѣ даже первоначальнаго христіанскаго искусства.

Возникшее въ странѣ пограничной съ Индіей, въ царствѣ Гандхара, гдѣ греческое вліяніе существовало уже издавна, гандхарское искусство должно было прежде всего остановиться на тѣхъ типахъ античнаго искусства, которые подошли бы къ буддизму. Къ несчастію, мы въ настоящее время не можемъ себѣ еще составить, хотя бы приблизительное, понятіе о ходѣ развитія гандхарскаго искусства; почти всѣ раскопки велись въ значительной мѣрѣ любителями, и часто нѣтъ возможности установить связь между памятниками, найденными вѣроятно въ одной и той же мѣстности, за полнымъ отсутствіемъ данныхъ о мѣстѣ и условіяхъ находки. Кромѣ того лишь самая незначительная часть найденныхъ памятниковъ издана въ удовлетворительныхъ снимкахъ. Но и теперь можно уже выяснить нѣкоторые античные типы, воспринятые и переработанные въ Гандхарѣ. Аполлонъ, послужившій для созданія типа Будды, Ганимедъ Леохара,

---

[1]) *J. Burgess*. The Ancient Monuments etc. *H. H. Cole*. Graeco-Buddhist Sculptures from Yusufzai 1885. *J. Burgess*. The Gandhâra Sculptures. Journ. Ind. Art and Industry. 1898, 1900. *V. A. Smith*. Graeco-Roman influence on the civilisation of ancient India. Journ. As. Society of Bengal LVIII, 1 (1889). LXII. *A. Foucher* приготовляетъ въ настоящее время большой трудъ о гандхарскомъ искусствѣ.

превратившійся въ гаруду (орелъ), держащаго нагини (Ганимедъ), эроты, пайгніи, Зевсъ, Силенъ, сатиры, Гэ, боги, взирающіе сверху, Аонпа; изъ христіанскихъ — Христосъ, послужившій прототипомъ для нѣкоторыхъ изображеній Будды; волхвы, приносящіе дары, — четыре бога, приносящихъ чаши Буддѣ и др. Несомнѣнно, что при болѣе тщательномъ изученіи гандхарскихъ памятниковъ число установленныхъ заимствованій увеличится, и удастся опредѣлить болѣе точно и самые источники заимствованія. Сюжеты изображеній преимущественно изъ легенды Будды и въ сравнительно незначительной мѣрѣ джātаки. Встрѣчается много отдѣльныхъ статуй, какъ украшеніе храмовъ и монастырей.

Хронологически гандхарское искусство относится ко времени между I и V (?) вѣкомъ по Р. Хр.; уже въ VII вѣкѣ китайскій паломникъ Сюан-цзанъ застаетъ въ Гандхарѣ и прилегающихъ странахъ развалины и не недавнія. Но если само искусство Гандхары исчезло такимъ образомъ сравнительно скоро, то вліяніе его было громадное и слѣды его сохранились не только въ теченіе долгихъ вѣковъ въ самой Индіи, но и находятся въ искусствѣ странъ столь отдаленныхъ отъ Индіи, какъ, напримѣръ, Японія.

Любители теоріи, учебныхъ руководствъ и каноновъ индійцы конечно не оставили и искусства безъ подобныхъ сочиненій, но до сихъ поръ почти всѣ дошедшіе до насъ труды въ этой области, правда и не особенно многочисленные и не особенно древніе (по крайней мѣрѣ по редакціи), до сихъ поръ находятся въ рукописяхъ, къ тому же еще почти не изслѣдованныхъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что часть индійскихъ оригиналовъ утрачена и извѣстна намъ лишь чрезъ тибетскіе и китайскіе переводы. Наибольшей, повидимому, извѣстностью пользовались сочиненія, извѣстныя подъ названіемъ pratimālakṣaṇa, дававшія указанія относительно размѣровъ изображеній священныхъ лицъ и предметовъ, а также и относительно составленія изображеній; сохранились и санскритскіе ихъ оригиналы и переводы на китайскій, тибетскій, монгольскій языки; подобнаго же рода сочиненія есть, повидимому, на языкѣ пāли. Въ тибетскомъ переводѣ сохранилось сочиненіе подъ заглавіемъ Citralakṣaṇa, теорія живописи. Въ сочиненіяхъ, касающихся ритуала, разбросано не мало указаній по иконографіи, но и тутъ все еще почти не издано и не изслѣдовано. Богата иконографическими указаніями литература заклинаній. Изъ извѣстныхъ намъ сочиненій, которыя могли бы оказаться особенно полезными для буддійской иконографіи, укажемъ на Sādhanamālā, Kriyāsaṃ-

grahapañjikā, Kriyāsamuccaya, винаи различныхъ школъ. Свѣтская литература, надлежащимъ образомъ изслѣдованная, дала бы не мало указаній относительно распространенности искусства и отношенія къ нему. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ далеко еще не ясенъ вопросъ о взаимоотношеніи буддійской литературы и искусства.

Выше мы сказали, что, исчезнувъ на родинѣ, въ Индіи, буддійское искусство вмѣстѣ съ буддизмомъ перешло далеко за предѣлы Индіи: на югѣ оно завоевало острова Индійскаго океана, оставивъ намъ такія удивительныя сооруженія какъ великолѣпный храмъ Боро-Будуръ на Явѣ; на востокѣ оно вмѣстѣ съ искусствомъ брахманскимъ, тоже индійскимъ, оказало рѣшительное вліяніе на Индо-Китай. На сѣверѣ, гдѣ сильно вліяло гандхарское искусство, возникло искусство хотанское [1]), перенесшее, можетъ быть вмѣстѣ съ индійскими художниками, индійское художественное преданіе, въ сѣверную Кашгарію, гдѣ въ Турфанѣ мы находимъ рядъ памятниковъ совершенно индійскаго характера [2]); здѣсь Д. А. Клеменцомъ найдены остатки цѣлой индійско-уйгурской культуры. Отправляемая нынѣ въ эти мѣста экспедиція берлинскаго королевскаго этнографическаго музея, съ превосходнымъ знатокомъ буддійскаго искусства проф. Грюнведелемъ во главѣ, привезетъ, вѣроятно, еще не мало образцовъ искусства, имѣвшаго большое вліяніе на буддійское искусство сопредѣльныхъ странъ. Тибетъ получилъ, повидимому, свои художественные образцы главнымъ образомъ изъ Непала и Кашмира, хотя быть можетъ нѣкоторое вліяніе оказало и гандхарское искусство. Чрезъ Тибетъ, Китай и Турфанъ индійское искусство проникло и въ Монголію, Корею и Японію.

Какъ видно изъ нашего бѣглаго и краткаго обзора, кругъ вліянія индійскаго буддійскаго искусства былъ громадный; большее вліяніе имѣло лишь одно античное искусство, которому столькимъ обязано индійское. До сихъ поръ однако не только, какъ мы замѣтили выше, само буддійское искусство въ Индіи почти не изучено, но и не изучено буддійское искусство въ странахъ, которыя заимствовали свое искусство изъ страны основателя буддизма. Пополнить этотъ пробѣлъ, хотя

---

[1]) См. *Г. Кизерицкій*. Хотанскія древности изъ собранія *Н. Ѳ. Петровскаго*. Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. IX. *Н. Ѳ. Петровскій*. Древности Кашгара. З. В. О. Р. А. О. *Stein*. Preliminary Report. L. 1901.

[2]) *D. Klementz*. Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan I. St.-Petersburg 1899. Д. А. Клеменцъ приготовляетъ къ печати продолженіе этого любопытнаго изданія.

бы въ нѣкоторой мѣрѣ для одной изъ указанныхъ странъ, Тибета, и въ зависимости отъ нея Монголіи, и задался проф. *Грюнведель*, первый знатокъ ламайскаго искусства.

Трудность проникновенія въ Тибетъ и его главныя святыни, а также и большая замкнутость по отношенію къ міряна̀мъ, особенно чужестранцамъ, всей монастырской жизни Тибета являются причиною того, что тибетское искусство, сосредоточенное почти исключительно въ монастыряхъ, осталось и остается до сихъ поръ мало доступнымъ для европейскихъ изслѣдователей. Европейскія собранія, за исключеніемъ одного, кн. Э. Э. Ухтомскаго, о которомъ мы уже упоминали и которое пока еще не сдѣлалось общедоступнымъ, несмотря на полную на то готовность со стороны его владѣльца, настолько бѣдны и односторонни, что не могли служить источникомъ для серьезныхъ научныхъ работъ. Изъ европейскихъ собраній только берлинскій Königliches Museum fur Völkerkunde и парижскій Musée Guimet имѣютъ сколько-нибудь значительныя коллекціи произведеній ламайскаго искусства, такъ что только въ Петербургѣ, съ собраніемъ кн. Э. Э. Ухтомскаго, въ этнографическомъ отдѣлѣ музея Императора Александра III, и съ собраніемъ музея антропологіи и этнографіи Академіи Наукъ, когда эти собранія будутъ надлежащимъ образомъ каталогизированы [1]), можно будетъ приступить къ настоящему, разностороннему изученію ламайскаго искусства Тибета, Китая, Китайскаго Туркестана и Монголіи.

Проф. *Грюнведелю* пришлось приступить прежде всего къ созданію болѣе опредѣленныхъ рамокъ для его труда, такъ какъ матеріалъ былъ громадный и совершенно почти еще не систематизированный. Онъ распредѣлилъ свой трудъ по слѣдующимъ отдѣламъ: послѣ обширной вводной главы о буддійскомъ пантеонѣ въ Индіи слѣдуетъ глава вторая „Духовенство", раздѣленная на подотдѣлы: 1) Индѣйскіе святые. 2) Святые древнѣйшаго буддизма въ Тибетѣ. 3) Учители, обратившіе монголовъ въ буддизмъ, и желтая церковь. Глава третья посвящена богамъ и подраздѣлена на слѣдующіе подотдѣлы: 1) Боги хранители (тибет. yi-dam). 2) Будды. 3) Бодисатвы. 4) Бо-

[1]) Часто раздаются жалобы на отсутствіе у насъ хорошихъ каталоговъ музеевъ, и упускаютъ при этомъ изъ виду, что и большинство западно-европейскихъ музеевъ тоже не имѣютъ научныхъ каталоговъ. Это и вполнѣ понятно, такъ какъ для подобныхъ каталоговъ нужна наличность многихъ и самыхъ разнообразныхъ спеціалистовъ. Кромѣ того нужно еще много свободнаго времени отъ текущей регистраціи у хранителей музеевъ и деньги, а ни того, ни другого, обыкновенно въ нашихъ музеяхъ нѣтъ.

гини—Tārā и дākинй. 5) Разные Dharmapāla, охранители вѣры. 6) Мѣстныя божества. Порядокъ этотъ не вполнѣ отвѣчаетъ тому, который примѣняется въ туземныхъ иконографическихъ сочиненіяхъ, и принятъ былъ авторомъ, по всей вѣроятности, отчасти въ связи съ распредѣленіемъ собранія кн. Э. Э. Ухтомскаго, къ которому книга его должна была служить какъ бы путеводителемъ. Впрочемъ, до сихъ поръ практика, въ виду малаго количества сочиненій, занимавшихся ламайской иконографіей [1]), не выработала никакой общепринятой классификаціи.

---

[1]) Изъ старыхъ работъ заслуживаютъ вниманія: *Pallas*, Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. St.-Petersburg 1775—1801, 2 тома; оригиналы многихъ изображенныхъ на таблицахъ божествъ находятся въ Музеѣ по Антропологіи и Этнографіи и позволяютъ судить о томъ, что рисунки сдѣланы не очень точно.—*Chappe d'Auteroche*, Voyage en Sibérie. Paris 1768. I-ый томъ. Здѣсь рядъ прекрасныхъ таблицъ ламайскихъ божествъ, объясненія къ нимъ почтеннаго аббата, болѣе всего извѣстнаго по Екатерининскому „Антидоту", отличаются значительной фантастичностью.—Изъ новыхъ главнѣйшія слѣдующія: *J. Burgess*. Прибавленіе къ книгѣ Notes on the Bauddha Rock-Tedples of Ajantā. Bombay 1879. Здѣсь напечатаны примѣчанія къ таблицамъ божествъ изъ непальскаго буддійскаго пантеона, изображенія очень близкія къ тибетскимъ. Опущена таблица съ изображеніями женскихъ демоновъ ḍākini, которая предназначалась д-ромъ *Бёржессомъ* къ изданію и которую онъ имѣлъ любезность прислать намъ; изображенія эти близки къ изображеніямъ въ „Сборникѣ 300 бурхановъ" (см. дальше).—*E. Schlagintweit*. Buddhism in Tibet. Leipzig-London 1868 (французскій переводъ въ Annales du Musée Guimet III). Здѣсь много цѣнныхъ свѣдѣній и таблицъ.—*A. Grünwedel*. Notizen zur Ikonographie des Lamaismus Orig. Mitth. aus d. Ethnol. Abth. der Königl. Museen in Berlin 1885. Стр. 38—45, 103—131. Въ высшей степени цѣнное описаніе ряда ламайскихъ божествъ и святыхъ, главнымъ образомъ изъ двухъ великолѣпныхъ альбомовъ королевскаго этнографическаго музея въ Берлинѣ; въ альбомахъ этихъ миніатюры выдающагося художественнаго достоинства.—*А. Позднѣевъ*. Очерки быта буддійскихъ монастырей... въ Монголіи. С.-Петербургъ 1887. Любопытныя замѣтки по ламайской иконографіи, съ таблицами. У проф. Позднѣева превосходная коллекція ламайскихъ священныхъ изображеній, и весьма желательно, чтобъ онъ издалъ хотя бы краткое описаніе своего цѣннаго собранія.—*E. Pander*. Das Lamaische Pantheon. Z. für Ethnologie 1889. 2. Здѣсь сообщены интересныя свѣдѣнія о ламайскомъ пантеонѣ и даны снимки, но работа сдѣлана поспѣшно и довольно небрежно.—*E. Pander—A. Grünwedel*. Das Pantheon des Tschangtscha Hutuktu. Berlin. 1890. Здѣсь издана большая часть извѣстнаго китайско-тибетскаго иконографическаго „Сборника 300 бурхановъ" и полный перечень 300 бурхановъ, съ краткими примѣчаніями. Сборникъ этотъ, по прекрасному альбому Азіатскаго музея, издается нами полностью въ Bibliotheca Buddhica, изданіи Академіи Наукъ. *L. A. Waddell*. The Buddhism of Tibet or Lamaism. London 1895. Много свѣдѣній по иконографіи, но изображенія въ значительной мѣрѣ заимствованы изъ другихъ книгъ.—Хорошая и довольно подробная библіографія по ламайской иконографіи въ разсматриваемой въ настоя-

Ламайскіе памятники дѣлятся на двѣ большія группы: статуэтки и рельефы изъ самаго разнообразнаго матеріала (дерево, камень, металлы) и писанныя красками (на холстѣ, шелку, деревѣ и т. п.) изображенія. Наиболѣе старинныя изображенія, до сихъ поръ извѣстныя, относятся, какъ и слѣдовало ожидать, къ первой группѣ. Здѣсь мы находимъ статуэтки, которыя хотя и идутъ изъ Тибета, Китая и даже иногда Монголіи, но носятъ отпечатокъ чисто индійской работы. При малой изученности вопроса нельзя, впрочемъ, вполнѣ ручаться за то, что это не тибетскія или китайскія подражанія индійскимъ оригиналамъ. Большое разнообразіе стилей доступныхъ нашему изслѣдованію статуэтокъ указываетъ на широкій кругъ распространенія буддійскаго искусства во времена послѣ Рождества Христова. Одно обстоятельство еще особенно затрудняетъ насъ, когда мы хотимъ точнѣе пріурочить тотъ или другой стиль къ извѣстному періоду или мѣстности: не слѣдуетъ забывать, что въ прежнее время общеніе между буддійскими странами Азіи: Индіей, Индо-Китаемъ, островами Индійскаго океана, Средней Азіей, Китаемъ, даже Японіей, были гораздо оживленнѣе, чѣмъ теперь, что изъ страны въ страну ходили многочисленные паломники, главные распространители священныхъ изображеній, и заносили священные предметы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ въ глухіе монастыри и городки, гдѣ столѣтіями бережно хранилась святыня. Такъ, въ китайскихъ и даже корейскихъ и японскихъ монастыряхъ находили старинныя индійскія рукописи, которыя монахи, конечно, не умѣютъ уже читать, но хранятъ за святость предполагаемаго содержанія, и хорошо извѣстно, что въ монастыряхъ Тибета находятся почти что цѣлыя библіотеки санскритскихъ рукописей. Попадающіе въ европейскія собранія статуэтки и писанные образа представляютъ очень часто, и именно въ отношеніи древнѣйшихъ предметовъ, результатъ кражи или грабежа, и потому объ ихъ происхожденіи мало что извѣстно точнаго. Монастырскіе же инвентари пока европейцамъ недоступны. Такъ какъ ни для одной буддійской страны мы не имѣемъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній объ историческомъ развитіи въ ней искусства, то не можемъ во многихъ случаяхъ рѣшить вопроса о томъ, имѣемъ ли дѣло съ привознымъ предметомъ или съ образцомъ туземнаго, подражательнаго иноземному, производства.

щей статьѣ книгѣ проф. *Грюнведеля*. Die Mythologie etc. стр. 200—203 и passim въ примѣчаніяхъ, полныхъ драгоцѣннѣйшаго матеріала, въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ по частнымъ вопросамъ.

Съ этой стороны варварское разграбленіе Пекина европейскими войсками и разрушеніе монастырей, свято хранившихъ въ теченіе долгихъ вѣковъ всѣ достававшіеся имъ священные предметы, тяжелый ударъ для исторіи буддійскаго искусства, потому что разграбленіе это или уничтожило или вырвало изъ ихъ исторической обстановки цѣлый рядъ старинныхъ произведеній буддійскаго искусства [1]). Трудность работы надъ громаднымъ, совершенно необработаннымъ матеріаломъ ламайскаго искусства очень велика, а число работниковъ въ этой области крайне ограничено, между тѣмъ значеніе этого искусства, какъ передатчика индійскаго культурнаго вліянія, несомнѣнно.

Какія же непосредственныя задачи изученія ламайскаго искусства? На нашъ взглядъ, онѣ двояки. Во-первыхъ, необходимо ознакомиться съ техникой современныхъ мастеровъ, тѣми преданіями, которыя они хранятъ, и выяснить, какіе нынѣ существуютъ художественные или ходожественнопромышленные центры ламаизма, и на основаніи этихъ данныхъ опредѣлить современное положеніе дѣла. Во-вторыхъ, разработать (а если возможно, то и издать) туземную литературу по иконографіи и по ритуалу. Починъ дѣлу положенъ проф. *Грюнведелемъ* для ламайскаго искусства, и имъ же и д-ромъ *Бёрджессомъ* для столь тѣсно связаннаго съ нимъ индійскаго искусства; надо надѣяться и желать, чтобъ они нашли себѣ подражателей. Крайне желательно, чтобы Россія, съ ея многочисленными ламаитами и превосходными собраніями по буддійскому искусству, приняла дѣятельное участіе въ его разработкѣ: вѣдь ея Академія Наукъ и ея ученые внесли уже такъ много въ изслѣдованіе буддизма и ламаизма, а ея путешественники такъ много сдѣлали для разысканія и описанія буддійскихъ древностей и святынь; стоитъ только вспомнить имена Палласа, Шмидта, Ковалевскаго, Васильева, Шифнера, Минаева, Поздиѣева, Потанина, Клеменца.

Русскій переводъ обѣихъ превосходныхъ книгъ проф. *Грюнведеля* былъ задуманъ нами и почти совсѣмъ исполненъ; независящія отъ насъ обстоятельства помѣшали изданію этого перевода.

С. Ольденбургъ.

---

[1]) Проф. *Грюнведель*, въ сообщеніи, читанномъ зимою 1901 года въ Восточномъ Отдѣленіи Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, горячими и краснорѣчивыми словами охарактеризовалъ современный европейскій вандализмъ по отношенію къ Китаю.

П. Ровинскій. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. II. С.-Пб. 1897—1901.

Въ 1888 г. вышелъ первый томъ обширнаго и замѣчательнаго труда г. Ровинскаго, посвященнаго прошлому и настоящему Черногоріи. Послѣ нѣкотораго промежутка явились двѣ части второго тома: въ 1897 г. II, 1, въ 1901 г. II, 2. Первый томъ заключалъ географическое описаніе и историческій очеркъ Черногоріи, во второмъ томѣ почти совсѣмъ закончена этнографія. Сборникъ народныхъ пѣсенъ и статьи о языкѣ будутъ помѣщены въ послѣднемъ выпускѣ вмѣстѣ съ археологіей и статьею о современномъ состояніи Черногоріи.

Полный разборъ всего этого труда будетъ нами помѣщенъ въ отчетѣ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1901 г. Въ настоящей статьѣ мы остановимся лишь на второмъ томѣ, обнимающемъ этнографію Черногоріи, на который вполнѣ справедливо и самъ авторъ смотритъ, какъ на главную и самую важную часть своего сочиненія. Его задачей въ этомъ отдѣлѣ было представить по возможности самую точную и подробную характеристику черногорскаго народа и его жизни во всѣхъ сферахъ и отправленіяхъ со всей окружающей ее обстановкой. Неудивительно поэтому, что и по объему этнографическій отдѣлъ превосходитъ первыя двѣ части, заключающія въ себѣ географію и исторію, на которыя авторъ смотритъ скорѣе, какъ на введеніе къ этнографіи.

Чтобы выяснить значеніе этого важнѣйшаго отдѣла въ трудѣ г. Ровинскаго, бросимъ взглядъ на положеніе югославянской этнографіи вообще.

Въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ болгарское министерство народнаго просвѣщенія начало издавать Сборникъ въ Софіи, въ которомъ видное мѣсто занимаетъ отдѣлъ этнографіи, это изданіе обратило на себя всеобщее вниманіе.

Это и неудивительно. Болгаре, до освобожденія не имѣвшіе литературнаго центра, и не могли сосредоточить своихъ усилій, а потому ихъ раннія публикаціи этого рода, разсѣянныя по разнымъ пунктамъ всего славянскаго міра, не производили такого впечатлѣнія, какое теперь производятъ матеріалы, входящіе въ Сборникъ, вмѣстѣ съ предпріятіями частныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, Жива Старина г. Маринова и др.

Если этотъ матеріалъ и до сихъ поръ не оскудѣваетъ, то въ зна-

чительной степени это зависитъ и отъ того, что въ Софію по преимуществу притекаетъ этнографическое богатство Македоніи, безъ котораго полнота и обиліе не мало бы проигрывали.

Если мы теперь обратимся къ сербамъ, то, говоря о положеніи этнографіи у нихъ, приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ особыхъ причинъ и условій, которыя отзываются на ихъ трудахъ въ этой области.

Этнографическое изученіе сербскаго народа началось съ первыми проблесками возрожденія. Въ лицѣ Вука Стефановича Караджича сербы получили такого блестящаго собирателя произведеній народной словесности, что его сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, загадокъ и обычаевъ, составленные съ выборомъ изъ многаго лучшаго, на весь міръ прославили сербскій творческій геній. Нисколько поэтому неудивительно, что сербская академія рѣшила предпринять новое полное изданіе собраннаго Караджичемъ матеріала. Насколько и въ количественномъ отношеніи этотъ матеріалъ былъ обиленъ, можно судить по тому, какъ разрослось начатое и теперь уже близкое къ концу академическое изданіе. Изъ пяти томовъ пѣсенъ выросло девять. Но у сербовъ былъ не одинъ Вукъ. За нимъ послѣдовали другіе: Петрановичъ, Врчевичъ, Милутиновичъ и пр. Если же присоединить еще хорватскія изданія и сборники, выпущенные въ послѣднее время въ Боснѣ, то нельзя не признать за сербо-хорватами первенства въ области народнаго творчества на славянскомъ югѣ.

Но развѣ можно считать дѣло оконченнымъ, развѣ все уже исчерпано? Разумѣется, нѣтъ. И вотъ и въ Бѣлградѣ, и въ Загребѣ признается необходимымъ продолжать это дѣло. Сербскій академикъ С. Новаковичъ выступаетъ съ предложеніемъ издавать при академіи этнографическій сборникъ. Въ запискѣ, представленной имъ по этому поводу, упоминая о выдающихся заслугахъ Вука, г. Новаковичъ свидѣтельствуетъ, что послѣ него замѣчается упадокъ и народнаго творчества, и энергіи собирателей, уступающихъ Вуку: „труднѣе было собрать цѣлую книгу подобнаго содержанія, еще труднѣе стало ее редактировать, какъ слѣдуетъ, не легко было и издать особенно, когда извѣстно, что нельзя больше найти того, что нашелъ Вукъ. Отъ того въ послѣднее время матеріалъ этого рода началъ разбрасываться по календарямъ, мелкимъ журнальцамъ, по всевозможнымъ уголкамъ, какъ и всякій другой низшаго сорта книжный продуктъ", и въ то же время указываетъ тѣ пути, какими съ успѣхомъ можно выйти изъ болѣе

или менѣе равнодушнаго отношенія къ дѣлу: „и однако едва ли бы кто сказалъ, что такимъ образомъ собрано все, что нужно собрать въ народѣ, послѣ чего уже совсѣмъ излишне трудиться на этой нивѣ. Искусство собиранія, руководство людьми, у которыхъ есть охота собирать, но нѣтъ умѣнія, искусный подборъ матеріала при печати, который бы само собою направлялъ собирателя; одинъ центръ, куда бы стекался подобный матеріалъ—все это вмѣстѣ могло бы еще оказать довольно услугъ, чтобы исчерпать до конца эту сторону духовнаго проявленія народной жизни". Г. Новаковичъ находитъ полезнымъ расширить и самый кругъ собираемаго матеріала. Онъ указываетъ на необходимость изученія діалектовъ, собиранія мѣстныхъ историческихъ сказаній, народныхъ преданій объ отдѣльныхъ мѣстахъ и лицахъ, направляетъ собирателя въ такія мѣста, гдѣ до сихъ поръ менѣе работали.

Предложеніе было принято, при академіи сталъ выходить этнографическій сборникъ. Но пока вышли только двѣ книги: „Животъ срба селяка. У Београду 1894"—переработанное изданіе выходившихъ ранѣе замѣтокъ г. Миличевича и „Старинска српска jела и пиħа од Симе Троjановиħа. У Београду 1896". Послѣдняя книга, впрочемъ, представляетъ не столько матеріалъ, сколько его обработку, при чемъ авторъ привлекаетъ обширную литературу по общей этнографіи въ ущербъ избранному имъ предмету [1]).

Замѣтно, повидимому, что предпріятіе еще не пошло въ ходъ бойко [2]). Чѣмъ же это объяснить? По нашему мнѣнію, важную роль играетъ здѣсь то обстоятельство, что, благодаря историческимъ условіямъ, къ несчастію складывающимся все еще не особенно благопріятно для сербской народности, сербамъ трудно установить единство центра.

Прежде всего важнымъ факторомъ является существованіе двухъ академій въ Бѣлградѣ и Загребѣ. Въ 1892 г. выступилъ г. Новаковичъ съ своимъ предложеніемъ въ Бѣлградѣ, въ 1893 г. состоялось рѣшеніе издавать этнографическій сборникъ, а въ 1896—1897 гг. Югославянская Академія выступаетъ съ такимъ же изданіемъ, преслѣдующимъ тѣ же цѣли: Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena.

Въ то время какъ г. Новаковиħ ставилъ извѣстныя границы для

[1]) Сравни замѣчанія объ этой книгѣ въ Zbornik'ѣ Югославянской Академіи, съ которыми мы вполнѣ согласны.

[2]) Съ удовольствіемъ можемъ прибавить, что въ самое послѣднее время вышелъ III томъ, въ который вошли пѣсни изъ Левча на Моравѣ Ягодинскаго округа и Антропогеографски проблеми Балканскога полуострва од Др. I. Цвиjиħа, отдѣльный оттискъ изъ IV тома того же сборника.

дѣятельности сербскихъ собирателей: „Географическія границы Сборника должны бы были опредѣлиться границами той территоріи, на которой распространена наша народная эпопея, куда простираются границы переходныхъ говоровъ. Гдѣ неизвѣстно ни о Косовскомъ боѣ, ни о Маркѣ, ни о Неманичахъ, тѣ мѣста наши изслѣдователи могли бы оставить другимъ", Югославянская Академія, на первомъ планѣ, разумѣется, имѣющая въ виду хорватовъ и сербовъ, не исключаетъ и словенцевъ съ болгарами, признавая, впрочемъ, что тѣ и другіе начали самостоятельную дѣятельность—въ Лѣтописи матицы словенской одни и въ Сборникѣ за народни умотворенія другіе [1]). Но со стороны болгарской приглашеніе осталось безъ отзыва, мы не нашли въ выпускахъ, которые имѣли возможность видѣть, ни какой-либо болгарской статьи, ни матеріала.

Если такимъ образомъ теперь трудно мечтать о какомъ-либо центрѣ для южныхъ славянъ въ широкомъ смыслѣ, то безспорно, что предпріятіе Загребской академіи отнимаетъ у Бѣлградской тотъ матеріалъ, который идетъ изъ Босны и Герцеговины, столь богатыхъ произведеніями народнаго творчества сербскихъ земель. Какъ видно изъ Zbornika, не мало весьма цѣннаго матеріала идетъ оттуда.

Въ отличіе отъ Бѣлградской, Загребская академія выпустила во второмъ томѣ своего Zbornika программу для собиранія этнографическаго матеріала. Г. Новаковичъ представлялъ это самому ходу дѣла.

До сихъ поръ вышло шесть томовъ этого изданія, шестого пока еще первая половина.

Есть и еще изданіе, гдѣ помѣщается сербскій матеріалъ. Это Гласник земальског музеја у Босни и Херцеговини, въ которомъ имѣется и этнографическій отдѣлъ.

Итакъ, сербамъ приходится считаться съ отсутствіемъ единаго центра литературной дѣятельности. Это обстоятельство нельзя забывать и при оцѣнкѣ ихъ трудовъ и усилій и въ области этнографіи.

Если мы теперь обратимся ко всѣмъ исчисленнымъ изданіямъ и посмотримъ, что въ нихъ есть касающагося Черногоріи, то окажется очевидной скудость напечатаннаго матеріала.

У г. Миличевића, который помѣщалъ матеріалъ изъ разныхъ сербскихъ краевъ, лишь немногія сообщенія идутъ изъ Черногоріи. Въ Zbornik'ѣ Югославянской Академіи мы нашли только двѣ весьма, правда, любопытныя статьи: Crnogorski prilozi: a) Iz Gluhog Dola u crmničkoj

[1]) Zbornik I, Pripomenak VIII.

nahiji. L. Jovović; b) Iz Bara i barske okolice u primorskoj nahiji. M. Jovović. Два небольшія сообщенія находимъ и въ Земальскомъ Гласникѣ: Народно глумоване у цуцком Трепшьеву и Оро црногорска народна игра. I. Ф. Иванишевиħа. 1895, стр. 152—155, 1900, стр. 433—542.

Тѣмъ очевиднѣе, какой интересъ получаютъ двѣ части второго тома г. Ровинскаго, поражающія уже однимъ внѣшнимъ объемомъ—стр. 778 въ первой и 646 во второй—и представляющія полную картину черногорскаго быта.

Приступаемъ къ краткому обозрѣнію содержанія 18 главъ, на которыя раздѣлилъ авторъ этнографическій отдѣлъ, чтобы опредѣлить въ общихъ чертахъ интересъ и значеніе труда, огромное преимущество котораго заключается уже и въ томъ, что онъ принадлежитъ одному автору, а потому само собой носитъ цѣльный характеръ.

Первыя двѣ главы посвящены племенному составу Черногоріи и общей характеристикѣ племени.

Въ первой г. Ровинскій собираетъ данныя, касающіяся отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ сложилась Черногорія, и отдѣльныхъ родовъ въ ихъ средѣ, наиболѣе выдавшихся. Это тѣ этнографическія группы, на которыя въ силу разнообразныхъ причинъ подраздѣляется населеніе Черногоріи. По языку да и по происхожденію это сербы южнаго говора и большею частію герцеговинцы. Но въ цѣломъ составѣ этого населенія авторъ различаетъ остатки такъ называемыхъ имъ старожиловъ—стараго населенія Зеты, которое въ X вѣкѣ окончательно заняло ея территорію, отъ позднѣйшаго населенія, которое пришло главнымъ образомъ изъ Герцеговины и слилось со старымъ, одержавъ надъ нимъ верхъ. Вѣроятной причиной этого явленія авторъ считаетъ то обстоятельство, что старое населеніе не было вполнѣ свободнымъ, жило на землѣ властельской; наоборотъ, новые поселенцы, бѣжавшіе послѣ паденія сербскаго царства, представляли собою сильные и богатые роды. Народное преданіе безсознательно и невѣрно смотритъ на старожиловъ, какъ на какихъ-то инородцевъ.

Авторъ пользуется въ этой главѣ грамотами, записями, надписями на надгробныхъ памятникахъ, археологическими памятниками, каковы церкви, развалины зданій, могильныя плиты, топографическими указаніями и сохраняющимся въ народѣ преданіемъ какъ объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, такъ и объ отдѣльныхъ лицахъ въ пѣснѣ или въ живомъ разсказѣ.

Изъ сгруппированнаго здѣсь авторомъ матеріала уясняется болѣе или менѣе происхожденіе отдѣльныхъ племенныхъ группъ, большая

или меньшая давность ихъ пребыванія на мѣстѣ, или поздній приходъ, ихъ взаимное отношеніе и перемѣщенія, чистота ихъ сербской крови, или, наоборотъ, примѣсь въ нихъ чужероднаго элемента албанскаго или турецкаго, итальянскаго, установляется генеалогія отдѣльныхъ родовъ, напримѣръ, тожество Черноевичей и Юрасичей, албанское происхожденіе Дрекаловичей и др. Цѣнными данными, какія здѣсь собраны для исторіи рода Черноевичей, въ значительной степени пополняется то, что объ этомъ уже есть въ I томѣ. Равнымъ образомъ для опредѣленія этнографической албанской границы въ Зетѣ здѣсь подобраны весьма цѣнныя указанія. Здѣсь можно найти отмѣченными и преданія каждаго отдѣльнаго племени, какія въ немъ сохраняются о богомильствѣ.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ авторъ указываетъ на тѣхъ лицъ, со словъ которыхъ то или иное преданіе имъ записано, напримѣръ, воеводы Марка Милянова (стр. 80), братоножича Николы Митровича (стр. 87).

Во второй главѣ авторъ устанавливаетъ характерныя черты и до сихъ поръ столь еще сильнаго въ Черногоріи родового быта.

Связь между отдѣльными племенами выражается въ празднованіи одному святому, въ незаключеніи браковъ внутри своего племени, въ неотчуждаемости входящей въ его границу земли. Каждое племя распадается на слѣдующія звенья: братства, отдѣльные въ нихъ роды и семьи или дома. Въ зависимости отъ дѣленія на братства находится распредѣленіе населенія внутри племени, владѣніе землей, планинами и водами, принадлежащія лишь членамъ братства церкви.

Отсюда также патронимическія названія села, которое сливается съ братствомъ или родомъ. Далѣе авторъ говоритъ о территоріальныхъ границахъ и способѣ ихъ опредѣленія, разбирая при этомъ мѣста грамотъ, въ которыхъ описаніе границъ испещрено славянскими выраженіями тѣхъ природныхъ признаковъ, которыми опредѣлялась граница, и относящіеся сюда термины въ живомъ языкѣ. Интересно, что послѣдніе не сохранили славянскихъ названій, въ однѣхъ мѣстностяхъ замѣнившись турецкими: удудъ, сентъ, сенетъ, въ другихъ итальянскими: куфинъ, кувинъ, ковинъ. Здѣсь же идетъ рѣчь, какъ и кѣмъ повѣрялась граница въ случаѣ пограничныхъ споровъ, при чемъ оказывается, что въ Черногоріи сохранились лишь слабые слѣды особыхъ обрядовъ, о которыхъ говоритъ г. Миличевичъ: заклинаютъ, взявъ кусочекъ земли, или сорвавъ пучокъ травы. Только два случая оригинальнаго пріема опредѣленія границы ходомъ и быстрымъ бѣгомъ двухъ на встрѣчу посланныхъ человѣкъ приво-

дитъ г. Ровинскій въ Пивѣ и Кучахъ. Переходя къ земельнымъ отношеніямъ, авторъ разсматриваетъ различные виды землевладѣнія въ Черногоріи. Интересно при этомъ, что въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ участковъ, которые выдѣлялись въ братствѣ каждой семьѣ, мы находимъ вполнѣ сохранившеюся сербскую терминологію: сухомедья, ограда, врзмина, забран, дубрава, забjeљ, также въ терминахъ, касающихся наслѣдства и пріобрѣтенія земли: очевина, дѣдовина, бащина, куповина, своина, стечевина, крволочина. Наоборотъ, термины общиннаго владѣнія чужіе: комун, комуница, метех, беглук, вакам. Особый отдѣлъ отведенъ авторомъ внутренней организаціи племени. Здѣсь разсмотрѣны происхожденіе, функціи и значеніе званій: воеводы, сердаря, кнеза, духовныхъ властей, губернадура и даны свѣдѣнія о судѣ кметовъ съ указаніемъ мѣста, гдѣ онъ происходилъ, и порядка веденія дѣлъ (въ терминологіи итальянское вліяніе: банак, сентенція), о народныхъ собраніяхъ, о дѣлахъ, какія они вѣдали, и срокахъ, въ какіе они собирались.

Заканчивая главу, авторъ говоритъ объ учрежденіи сената и перяниковъ и постепенномъ переходѣ отъ племенного строя къ государственности, при чемъ отмѣчены и самыя позднія перемѣны, какъ учрежденіе министерствъ вмѣсто сената. Исчезли племенные главари, но слѣды племенного духа все еще сказываются въ жизни въ предпочтеніи своего человѣка чужому. Благодаря тому же, при всей демократичности строя черногорской жизни въ черногорцахъ жило и живетъ стремленіе выдѣлиться изъ другихъ славой рода. Вступая въ сношенія съ другими державами, они добивались титуловъ въ Венеціи и Россіи. Позволимъ замѣтить, что у насъ есть нѣсколько выписокъ о дворянскомъ происхожденіи черногорцевъ, удостовѣренія въ чемъ выдавались въ Черногоріи, отъ времени владыки Петра II [1]). Теперь то же стремленіе ведетъ къ привилегіямъ людей, отличаемыхъ правительствомъ.

Въ III-й главѣ г. Ровинскій разсматриваетъ семью или домъ и жизнь въ семьѣ. Начавъ съ терминовъ, существующихъ для понятія семьи: породица, фамеља (дом, кућа), и опредѣливъ различіе между семьей задружной и инокосной, при томъ отмѣтивъ отсутствіе у черногорцевъ обычнаго сербскаго термина задруга, г. Ровинскій касается вопроса о составѣ ея, пользуясь шематизмомъ епископа Виссаріона Любиши и жалуясь, что черногорское правительство не на-

[1]) Будутъ помѣщены въ Отчетѣ.

ходитъ нужнымъ публиковать статистику населенія. Самыя большія семьи, теперь весьма рѣдкія, находятся въ герцеговинской части Черногоріи. Поэтому авторъ, какъ рѣдкое исключеніе, подробно описываетъ семью, въ которой было 57 душъ. Замѣчено вообще, что наибольшія семьи въ старое время находились главнымъ образомъ на турецкой границѣ, что объясняется потребностію въ оборонѣ отъ турецкихъ нападеній. Когда эти условія миновали, начинаются семейные раздѣлы, несмотря на стремленіе правительства ихъ задерживать въ интересахъ экономическихъ. Здѣсь уже дѣйствуетъ склонность къ индивидуальности, въ Черногоріи сказывающаяся сильнѣе, чѣмъ въ Сербіи. Обращаясь къ взаимному отношенію членовъ семьи, г. Ровинскій прежде всего настойчиво утверждаетъ, что во главѣ семьи большой или малой стоитъ домаћин—старшій въ семьѣ по рожденію, исправляя ошибочный взглядъ, раздѣляемый между прочимъ и Караджичемъ, будто бы такимъ домовладыкой бываетъ не старшій, а способнѣйшій. Равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи о выборѣ главы дома. Лишь когда домовладыка достигаетъ преклоннаго возраста, онъ предоставляетъ сыну вести всѣ дѣла, самъ служа лишь совѣтомъ, но сохраняя свое главенство въ домѣ. Если послѣ его смерти остаются нераздѣльно живущіе братья, старѣйшинство переходитъ къ старшему изъ нихъ. Этимъ вполнѣ подтверждается родовой характеръ наслѣдованія въ нашихъ древнихъ княжескихъ родахъ. Если брата въ семьѣ нѣтъ, а дѣти еще не взрослыя, во главѣ семьи становится жена умершаго: на нее переходитъ участіе не только въ хозяйственныхъ, но и въ общественныхъ дѣлахъ. Отсюда объясняются фамиліи съ окончаніями на ич отъ женскаго имени, напримѣръ, Марић и др. Безъ отца и матери во главѣ семьи при малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ можетъ стать даже и старшая дочь. Далѣе г. Ровинскій говоритъ о положеніи каждаго отдѣльнаго члена семьи, сына, дочери, взаимныхъ отношеніяхъ между ними, отмѣчая наиболѣе характерныя черты, напримѣръ, въ отношеніяхъ брата и сестры и проч. Особо разсматриваетъ авторъ семейное и соціальное положеніе женщины. При этомъ имъ принимаются во вниманіе особыя историческія условія черногорской жизни, равно какъ и общій взглядъ на женщину. Г. Ровинскій далекъ отъ крайности видѣть въ черногорской женщинѣ рабу, или же, наоборотъ, считать ее вполнѣ равноправной съ мужчиной и ставить въ положеніе, какого не занимаетъ и европейская женщина. Если предпочтеніе оказывается мальчику и вообще мужскому потомству, то здѣсь сказывается торжество родо-

вого принципа: сынъ продолжатель рода. Приводя рѣзкіе примѣры предпочтенія мужского пола женскому (стр. 226—227), суроваго обращенія мужей съ женами и отдѣльные исключительные случаи въ отношеніи къ женѣ мужа (230—231), получающіе однако извѣстное объясненіе (231), г. Ровинскій выставляетъ и тѣ случаи, въ которыхъ черногорская женщина является на высотѣ, какой не достигаетъ еще у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ: право быть главой дома, полноправность въ имущественныхъ отношеніяхъ, неприкосновенность во время войны. Наконецъ, авторъ упоминаетъ о героизмѣ черногорки, воспѣтой княземъ Николаемъ. Обращаясь къ браку и супружескимъ отношеніямъ, г. Ровинскій разсматриваетъ взглядъ черногорца на бракъ, безъ котораго жизнь не даетъ права на имя человѣка, условія его заключенія по отношенію къ родству, взаимности, возрасту вступающихъ въ бракъ; отмѣчаетъ особые случаи, когда родители рѣшаютъ бракъ уговоромъ еще до рожденія дѣтей, отмицу, уходъ и, наконецъ, говоритъ о положеніи молодыхъ въ домѣ, объ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Переходя къ имущественнымъ отношеніямъ, г. Ровинскій прежде всего замѣчаетъ, что черногорская семья не есть юридическая единица, какою была семья римская. Оттого проступки однихъ лицъ въ ней по отношенію къ другимъ представляютъ нарушеніе естественныхъ отношеній, не имѣютъ юридическаго характера. Отсюда такіе факты, какъ удаленіе сына безъ лишенія его доли имѣнія. Въ нераздѣльной семьѣ нераздѣльная собственность, при раздѣлѣ дѣлежъ имущества поровну. Различіе есть, впрочемъ, между имѣніемъ наслѣдственнымъ и купленнымъ, распоряженіе которымъ свободнѣе. Изъ послѣдняго отецъ можетъ дать извѣстную часть дочери или завѣщать женѣ. Женщина исключается изъ наслѣдства, выходя замужъ, и получаетъ при этомъ только приданое и что ей дастъ семья добровольно, но при отсутствіи братьевъ можетъ унаслѣдовать и все имѣніе. Такое имѣніе носитъ имя материнства, и мать можетъ имъ располагать добровольно, оставляя или сыновьямъ, или дочерямъ; если же послѣ смерти не останется никакого распоряженія, это имѣніе дѣлится между дочерьми. Изложивъ остальныя имущественныя отношенія по законникамъ князя Даніила и Богишича, г. Ровинскій даетъ цѣнныя извлеченія изъ документовъ цетинскаго монастыря, представляющихъ дарственныя, продажныя и залоговыя записи, которыя характеризуютъ имущественныя отношенія разныхъ лицъ. Скрѣпленныя свидѣтелями изъ народа, онѣ сохраняютъ вѣрность обычаю и народному духу, благодаря чему увели-

чивается ихъ цѣнность. Изъ нихъ видно, что въ этихъ вкладахъ участвовали и женщины. Г. Ровинскій справедливо отмѣчаетъ по этому поводу несогласныя съ обычаемъ ограниченія, какія въ отношеніяхъ имущественныхъ внесены касательно правъ женщины г. Богишичемъ въ составленный имъ кодексъ, раздѣляя въ этомъ случаѣ замѣчанія, сдѣланныя г. Спасовичемъ. Въ заключеніе исчислены названія родства. Интересно при этомъ отмѣтить ничтожное число турецкихъ словъ: даиджа, амиджа, балтеза, баджанак, одива, лале, изъ которыхъ при томъ нѣкоторыя употребляются лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ при сохраненіи славянскихъ синонимовъ въ другихъ.

Глава IV, разсматривающая черногорца, какъ отдѣльную единицу, и его индивидуальныя свойства, распадается на два отдѣла, въ которыхъ собраны характерныя черты, рисующія физическій и нравственный типъ черногорца. Въ первомъ прежде всего отмѣчаются наружные признаки: рослость, стройность и соразмѣрность всѣхъ частей тѣла; правильность и красота лица, обиліе и густота волосъ; гибкость мышцъ, важность тѣлодвиженій; что касается физическихъ способностей и отправленій—необыкновенное развитіе зрѣнія, слуха, умѣренность въ пищѣ и питьѣ, выносливость въ отношеніи къ холоду и голоду, терпѣливость въ перенесеніи ранъ и операцій; наконецъ, долговѣчность, болѣе, впрочемъ, въ старшемъ поколѣніи. Особо перечисляются слова, касающіяся различныхъ частей тѣла человѣческаго, а также выражающія характерныя внѣшнія черты отдѣльнаго человѣка. Послѣ общихъ замѣчаній объ уходѣ за тѣломъ особенное вниманіе удѣлено болѣзнямъ и ихъ народному лѣченію. И здѣсь вездѣ приведены народныя названія болѣзней. О душевно-больныхъ, глухонѣмыхъ, эпилептикахъ и слѣпыхъ авторъ говоритъ, пользуясь цѣнной статьей доктора Милянича—замѣтимъ, русскаго воспитанника, получившаго образованіе въ Московскомъ университетѣ,—присоединяя къ тому и свои наблюденія. Упоминая здѣсь о старыхъ лѣчебникахъ, г. Ровинскій указываетъ, что такіе были въ библіотекѣ цетинскаго монастыря. Отрывки изъ такого сборника имъ найдены въ Подгорицѣ; также есть статьи въ сборникѣ одного торговца. Припоминая греческія выраженія въ одномъ изъ лѣчебниковъ, разсмотрѣнныхъ проф. Ягичемъ, г. Ровинскій прибавляетъ къ тому, что и въ Черногоріи въ старое время были лѣкарями греки. Напомнимъ по этому поводу, что въ одной рукописи подобнаго содержанія, видѣнной нами

въ Хиландарѣ, при бѣгломъ ея пересмотрѣ, бросились въ глаза грецизмы.

Переходя къ нравственному типу черногорца, г. Ровинскій отмѣчаетъ необыкновенную воспріимчивость внѣшнихъ впечатлѣній черногорца, необыкновенную память (отсюда легкое изученіе языковъ), быстроту и сообразительность ума, обнаруживающіяся при рѣшеніи задачъ въ школѣ. Но при этихъ достоинствахъ недостаетъ углубленія въ сущность предмета или вопроса, а отсюда узкая практичность и недальновидность. Но встрѣчаются и противоположные типы съ широкимъ умомъ, дальновидностью и философскимъ взглядомъ, блестящимъ представителемъ которыхъ является въ прошломъ владыка Петръ II. Впечатлительность развиваетъ въ черногорцѣ и дурныя черты: крайнюю раздражительность и амбиціозность даже въ мелочахъ, которыя иногда доводятъ его до душевной болѣзни. Зато живость ума благопріятствуетъ богатому воображенію и фантазіи черногорца, отражаясь на образности и картинности въ поэтическихъ произведеніяхъ, а также и въ обычномъ разговорѣ и оборотахъ языка; съ другой стороны сила чувства, переходя въ энергію, приводила черногорца къ побѣдѣ надъ всевозможными препятствіями, помогла ему спасти родину отъ порабощенія. Обращаясь далѣе къ частнымъ проявленіямъ общихъ способностей, г. Ровинскій отмѣчаетъ какъ дурныя черты: крайнее самолюбіе, гордость, тщеславіе, упрямство, такъ и хорошія: сильно развитое чувство чести, необыкновенную храбрость, общительность, гостепріимство и щедрость.

Въ отношеніяхъ государственныхъ и общественныхъ черногорецъ склоненъ къ признанію единоличной власти, исполненъ симпатій къ своимъ ближайшимъ братьямъ сербамъ, свободнымъ и еще болѣе ждущимъ освобожденія, не чуждъ идеи славянской съ особенными симпатіями къ Россіи, какъ оплоту православія; отличаясь терпимостію къ иностранцамъ вообще, въ силу историческихъ условій имѣетъ и антипатіи, вызванныя грубымъ эгоизмомъ, лукавствомъ и посягательствомъ на чужое со стороны ближайшихъ западныхъ сосѣдей, сначала венеціанцевъ, теперь австрійцевъ. Замѣчаемыя въ послѣднее время недружелюбныя отношенія къ албанцамъ представляютъ явленіе позднѣйшее и поддерживаются католической пропагандой. Въ отношеніяхъ къ религіи и церкви г. Ровинскій отмѣчаетъ положительныя черты черногорца: живую вѣру въ Бога, преданность церкви, выражающуюся въ постройкѣ церквей отдѣльными селами и общинами, соблюденіи поста, участіи въ церковныхъ процессіяхъ, въ по-

ченіи къ духовенству, о которомъ нѣтъ соблазнительныхъ разсказовъ—да не было къ нимъ и повода. Высоко цѣнитъ черногорецъ просвѣщеніе и школьное ученіе, усердно посѣщая школу, не имѣя предразсудка противъ ученія дѣвочекъ. Въ заключеніе этой главы г. Ровинскій группируетъ пословицы, въ которыхъ выражается житейская мудрость черногорца, и приводитъ выраженія, характеризующія различныя нравственныя качества человѣка.

Глава V посвящена жилищу со всею внутреннею и внѣшнею обстановкой. Авторъ говоритъ здѣсь объ устройствѣ черногорскихъ домовъ обычныхъ каменныхъ и деревянныхъ въ Васоевицкой нахіи. Такъ называемая поземуша представляетъ типъ примитивнаго человѣческаго жилья, въ которомъ и люди и скотъ помѣщаются вмѣстѣ, нѣтъ раздѣленія на комнаты, нѣтъ настоящаго потолка и пола, нѣтъ оконъ, но посреди огнище съ непрерывно поддерживаемымъ огнемъ, у котораго и грѣются и варятъ пищу въ дыму, который за отсутствіемъ печи и трубы выходитъ наружу въ щели и двери. Другого рода домъ „на подъ", или „на избу" изъ двухъ этажей, въ которомъ вверху живутъ люди, внизу помѣщеніе для скота, принадлежностью котораго является такъ называемый тріемъ, т.-е. наружная галлерея. Г. Ровинскій подробно разсказываетъ, какъ строятся разнаго сорта дома, изъ какихъ частей состоятъ, какія помѣщенія есть при нѣкоторыхъ изъ нихъ, какіе существуютъ способы отопленія, освѣщенія, какая въ домѣ имѣется домашняя утварь и посуда, какія есть орудія. Ближайшее отношеніе къ предмету этой главы имѣетъ весьма интересная статья г. В. Вулетића Вукасовића, помѣщенная въ Zbornik'ѣ I, стр. 27—43: Narodna kuća ili dom s pokućstvom u Dalmaciji, u Hercegovini i u Bosni, въ которой разсматриваются постройки, близкія къ черногорскимъ, а потому и дающія интересный матеріалъ для сопоставленій. Этой статьей авторъ Черногоріи не могъ впрочемъ пользоваться, такъ какъ I томъ Zbornika и 1-я часть II тома труда г. Ровинскаго вышли одновременно. За то въ большомъ проигрышѣ оказался авторъ статьи, помѣщенной въ Гласникѣ Земальскаго музея за 1899 г.: „Пучка куħа у Босни и Херцеговини", Р. Мерингеръ, не знакомый ни съ книгой г. Ровинскаго, ни съ статьей Вукасовића. При скудости произведенныхъ имъ наблюденій для него остается многое непонятнымъ въ устройствѣ сербскаго дома сравнительно съ видѣнными имъ домами въ Тиролѣ. Нужно однако замѣтить, что и у Мерингера, и у Вукасовића больше рисунковъ, которые представляютъ большой интересъ и важны для

сравненій и выводовъ. У г. Ровинскаго, къ сожалѣнію, есть только рисунки васоевицкихъ деревянныхъ домовъ и пријеклада. А между тѣмъ помимо интереса, какой представляютъ всѣ вещи, чѣмъ они проще, есть у г. Ровинскаго указанія и на украшенія домашней работы креселъ (стр. 481) съ фигурной рѣзьбой, ковша съ искусно вырѣзанной ручкой, деревяннаго бокала съ рѣзьбой (стр. 485). Судя по рисункамъ въ названныхъ статьяхъ, есть варіанты однихъ и тѣхъ же предметовъ, напримѣръ, пријеклада у г. Ровинскаго и г. Мерингера.

Главу VI „народный костюмъ и относящееся къ нему домашнее женское производство“ начинаетъ г. Ровинскій описаніемъ прялки и ткацкаго станка, который по его замѣчанію еще проще и первобытнѣе, чѣмъ нашъ. Опять нельзя не пожалѣть, что нѣтъ рисунковъ или фотографическихъ снимковъ. Судя по описанію г. Ровинскаго, прялка черногорская похожа на изображенную на рисункѣ Вукасовича, но и тутъ могутъ быть различія; г. Ровинскій, напримѣръ, ничего не говоритъ о вырѣзкѣ боковъ лопаточки, какая есть на рисункѣ Вукасовића. А прялка, пріобрѣтенная нами въ Охридѣ, также чрезвычайно простая, иной совершенно формы. Интересно, что и въ Черногоріи также, какъ въ Македоніи, названія, относящіяся къ пряжѣ и станку, сохранились чисто славянскія. Есть сходство и въ частностяхъ, напримѣръ, въ названіи софия, совисља въ значеніи челнокъ, сравни болгарское совалка. Описывая мужской и женскій костюмъ, г. Ровинскій постоянно слѣдитъ за перемѣнами въ немъ, являющимися въ послѣднее время, отмѣчаетъ вліяніе сосѣдей, напримѣръ, албанцевъ, оцѣниваетъ достоинство той или другой одежды или обуви, перечисляетъ разные ея виды, указываетъ отличія того или другого костюма у разныхъ племенъ. Въ названія одежды у южныхъ славянъ проникло много турецкихъ словъ, есть они и у черногорцевъ, но повидимому менѣе, чѣмъ въ Боснѣ или Герцеговинѣ. Можно привести цѣлый рядъ примѣровъ, когда рядомъ съ турецкими употребляются и славянскія выраженія, напримѣръ, учкур, гајтан, по и свитњак, чембер и повезило, пешкир и рушник, јастук и узглавач, тестемель и навлака, белензуци и наручници. Перевѣсъ во всякомъ случаѣ на сторонѣ славянскихъ названій. Весьма интересныя и разнообразныя названія вышивокъ на женской рубашкѣ исключительно славянскія.

Глава VII даетъ свѣдѣнія о хлѣбныхъ растеніяхъ, мясѣ и молочныхъ продуктахъ и приготовляемыхъ изъ нихъ кушаньяхъ, о зелени и плодахъ, употребляемыхъ въ пищу, далѣе о напиткахъ и ихъ при-

готовленіи и, наконецъ, объ употребленіи табаку. Здѣсь опять въ отдѣлѣ о яствахъ и напиткахъ представляетъ интересный матеріалъ статья: Narodna jela i pića po Bosni i Hercegovini И. Зовка въ I томѣ Zbornika.

Въ главѣ VIII исчисляются выраженія, употребляемыя при счетѣ предметовъ, при опредѣленіи времени вообще, частей года, дня, ночи, разстояній. Интересны извлеченія изъ черногорскихъ грамотъ, относящіяся къ измѣренію поверхности земли, изъ которыхъ нѣкоторыя слова сохранились и до сихъ поръ, хотя и съ измѣненіемъ значенія. Исчислены мѣры сыпучихъ тѣлъ и жидкостей, указаны измѣренія вѣса въ старое и позднѣйшее время. Денежныя названія представляютъ смѣсь уцѣлѣвшихъ отъ старины словъ не славянскаго происхожденія, турецкихъ, венеціанскихъ и австрійскихъ.

Глава IX „Земледѣліе“ обнимаетъ общія замѣчанія о разныхъ видахъ обработываемой земли, сортахъ почвы, удобреніи, орошеніи и осушеніи ея; о земледѣльческихъ орудіяхъ, обработкѣ ими разныхъ хлѣбовъ, ихъ уборкѣ. Особенно много вниманія при этомъ удѣлено кукурузѣ, которую черногорецъ предпочитаетъ другимъ сортамъ хлѣба, присвоивая ей имя жита (стр. 533), и обработка которой представляетъ наибольшій интересъ. При описаніи земледѣльческихъ орудій приложены рисунки разныхъ видовъ плуга съ обозначеніемъ на нихъ названій составныхъ частей. Молотьба производится лошадьми, какъ и въ другихъ мѣстахъ славянскаго юга, напримѣръ, въ Македоніи, а иногда и у насъ, или цѣпами. Названіе послѣднихъ, какъ и у насъ: цѣпъ и молотило, цjеп, ћеп, штjеп и млатац. Ихъ устройство такое же. Сѣется также просо и разныя бобовыя и гороховыя растенія; важнымъ подспорьемъ хлѣбу является картофель, который, нужно замѣтить, хорошаго качества. Гораздо менѣе пришлось говорить о сѣнѣ и покосахъ, которыхъ въ старой Черногоріи почти совсѣмъ и нѣтъ. Поэтому здѣсь развито обрубаніе вѣтокъ преимущественно дуба, который складываютъ въ высокіе и узкіе стожки, заготовляя кормъ скоту. Оттого самое дерево смотритъ долговязымъ, а не развѣсистымъ, какъ у насъ, и особенно въ тѣ мѣсяцы, когда обрѣзаютъ вѣтки, какъ мы это видѣли во время путешествія (ср. стр. 630). Далѣе идетъ рѣчь объ огородныхъ растеніяхъ; табакѣ, льнѣ, маренѣ и особенно подробно о виноградѣ и маслинахъ. Говоря о воздѣлываніи винограда, г. Ровинскій руководился написанной по его просьбѣ статьей М. Пламенца, уроженца Цермницы. Заканчивается глава описаніемъ лѣса и лѣсного хозяйства. Слова, сюда относящіяся, всѣ безъ исключенія славянскія.

Не меньшій интересъ представляетъ X глава о скотоводствѣ, составляющемъ важную отрасль черногорскаго хозяйства. Менѣе развито коневодство, ограничивается необходимою потребностью разведеніе рогатаго скота, наоборотъ мелкій рогатый скотъ, овцы и козы, является основой хозяйства. Въ этой главѣ особый интересъ представляетъ подборъ разныхъ названій лошадей, крупнаго рогатаго скота, и овецъ и козъ въ особенности, по масти и другимъ признакамъ. Для овецъ приведено 47 названій. Матеріалъ этого же рода для Босны и Герцеговины собранъ г. Зовкомъ въ Zbornik'ѣ I томъ стр. 308—314. Названій овецъ въ его статьѣ гораздо менѣе, наоборотъ, гораздо болѣе названій рогатаго скота. Особый интересъ представляетъ жизнь на планинахъ въ катунахъ въ лѣтнее время, при описаніи которой г. Ровинскій пользуется запиской одного учителя изъ Васоевичей Захаріи Вуковиħа, присоединяя въ концѣ нѣсколько относящихся сюда пѣсенъ.

За недостаткомъ сѣна черногорцу приходится отдавать скотъ иногда въ далекія мѣста въ Посавину и Сербію; или же бываетъ, что хозяинъ, у котораго недородъ сѣна, отдастъ на извѣстныхъ условіяхъ свой скотъ на прокормъ другому. Упомянувъ о болѣзняхъ скота и ихъ лѣченіи, о занятіяхъ свиневодствомъ въ немногихъ мѣстахъ, г. Ровинскій перечисляетъ праздники, во время которыхъ выражается та или иная забота о скотѣ и совершаются различные обряды надъ нимъ. Въ заключеніе приведены случайно попавшія въ руки автора данныя относительно земледѣлія и скотоводства.

Въ главѣ XI—обработывающая промышленность—идетъ рѣчь объ устройствѣ мельницы, при чемъ приложены рисунки съ указаніемъ названій отдѣльныхъ ея частей. Въ дополненіи къ этой главѣ присоединены свѣдѣнія о выжиганіи извести и виноделіи.

Въ главѣ XII—о путяхъ сообщенія, авторъ говоритъ о дорогахъ, переправахъ черезъ рѣки, мостахъ, описываетъ устройство телѣги, саней (приложены рисунки), упоминаетъ о средствахъ, употребляемыхъ при перевозкѣ и переноскѣ тяжестей, перечисляетъ названія лодокъ и ихъ частей.

Въ главѣ XIII послѣ немногихъ словъ объ охотѣ, которая мало развита, сообщаются подробныя свѣдѣнія о рыболовствѣ, которое служитъ важнымъ подспорьемъ въ жизни черногорца. Авторъ перечисляетъ разные сорты рыбъ, говоритъ о способахъ ихъ ловли и особенное вниманіе удѣляетъ организаціи ловли въ Рѣкѣ Черноевича, ловъ въ которой принадлежитъ исключительно цеклинянамъ. При

этомъ описаны сѣти и составныя части нхъ. Интересно, что неводъ носитъ такое же названіе грибъ и въ Охридѣ, какъ это видно изъ описанія Охрида, помѣщеннаго г. Шапкаревымъ въ Сборникѣ Книжовнаго Дружества, стр. 28; но названія отдѣльныхъ частей не совпадаютъ. Г. Ровинскій подробно описываетъ и самый ловъ рыбы. Ловятъ рыбу и въ другихъ мѣстахъ Черногоріи.

Глава XIV—досугъ—посвящена играмъ, пляскамъ и другимъ забавамъ. Сравнивая описанія г. Ровинскаго съ описаніемъ игръ у Караджича и Врчевича, мы отмѣтили здѣсь нѣсколько новыхъ; въ другихъ случаяхъ есть совпаденіе; но есть и такія, которыя у В. Караджича отмѣчены какъ черногорскія, и которыхъ однако нѣтъ у г. Ровинскаго. Что касается черногорской пляски, то у г. Ровинскаго различается черногорское оро отъ цермницкаго или герцеговинскаго кола. Дѣло въ томъ, что оро есть пляска двухъ лицъ — парня и дѣвушки въ кругу собравшагося народа, а коло это пляска многихъ при участіи однихъ мужчинъ — въ цермницкомъ, мужчинъ и женщинъ—въ герцеговинскомъ. Въ родѣ черногорскаго оро кучское коло всегда мужское, въ которомъ участвуютъ только двое [1]). Прибавимъ къ этому, что у Медаковича упоминается о пляскѣ двухъ паръ — мужчины съ мужчиной и женщины съ женщиной. Очень жаль, что г. Ровинскій не упоминаетъ объ этомъ отличіи. Во всякомъ случаѣ описаніе г. Ровинскаго разрѣшаетъ недоумѣніе г. Иванишевича, помѣстившаго статью: Оро црногорска породна игра [2]), который высказываетъ сомнѣніе, употребляется ли въ Черногоріи слово коло вмѣсто оро. Во-первыхъ, судя по выраженію *кучское коло*, можно думать, что названіе пляски не одинаково по племенамъ; во-вторыхъ, цермницкое коло соотвѣтствуетъ, какъ выше сказано, обычному сербскому и сохраняетъ его названіе. Изъ глухой ссылки г. Иванишевича не ясно только, примѣнялъ ли писатель, о которомъ онъ говоритъ, названіе коло къ описываемой Иванишевичемъ пляскѣ, т. е. оро, или независимо отъ того говорилъ о коло въ Черногоріи. Жаль во всякомъ случаѣ, что г. Иванишевичу осталось неизвѣстно описаніе г. Ровинскаго. Излишне прибавлять, что вполнѣ правъ г. Ровинскій, отвергая сопоставленіе оро съ орао и не усматривая подражанія полету орла въ самой пляскѣ, какъ объясняетъ и Иванишевичъ. Оро, какъ объясняетъ г. Ровин-

[1]) Какъ и у арнаутовъ сосѣдей кучъ.

[2]) Въ Гласникѣ земальскаго музея. 1900.

скій, есть хоро. Таково названіе хоровода и у болгаръ, и въ Македоніи; только македонское хоро всего болѣе похоже на герцеговинское. Въ немъ участвуютъ и парни и дѣвушки, держась другъ съ другомъ руками, или за платокъ, если берутся, стоя рядомъ, дѣвушка съ парнемъ. Такое хоро мы видѣли въ Заровѣ.

Въ главѣ XV авторъ описываетъ вооруженіе черногорца, начиная съ стараго, какое представляли буздованъ, брадва, копье, стрѣлы, мечъ, сабля, и затѣмъ огнестрѣльное, въ числѣ котораго были пушки, шибы—ружье въ родѣ пищали, и переходя къ новѣйшему, въ которомъ также различаетъ холодное—нож, ханджар и огнестрѣльное—всевозможные сорты ружей. Описаніе это сопровождается ссылками на народныя пѣсни. Далѣе авторъ разсматриваетъ веденіе войны, а именно: большую войну, четованье, гайдучество, поединки и особые пріемы въ бою, объясняющіеся условіями черногорской жизни. Прекрасный матеріалъ дали здѣсь автору пѣсни, воспѣвающія борьбу черногорцевъ съ турками, вошедшія въ извѣстный сборникъ Сербское огледало, который былъ редактированъ владыкой Петромъ II. За отсутствіемъ какихъ-либо документальныхъ источниковъ сохранившееся въ пѣсняхъ преданіе служитъ драгоцѣннымъ источникомъ для этнографической стороны этого дѣла. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ помогалъ здѣсь автору Медаковић, заставшій многіе военные обычаи черногорскіе, теперь уже выведшіеся, какъ, напримѣръ, поединокъ, четованье. Этими источниками до сихъ поръ никто не пользовался, чтобы набросать картину военнаго быта черногорцевъ, и страницы, написанныя на ихъ основаніи, читаются съ живымъ интересомъ. Впечатлѣніе получается сильное уже и потому, что сборникъ Сербское огледало редактированъ искусно: не всякая пѣсня попадала въ него, а лишь такая, которая была пропѣта пѣвцомъ хорошо. Авторъ въ заключеніи дѣлаетъ, однако, оговорку, что въ изображеніи боевой жизни черногорцевъ онъ ограничился извѣстнымъ періодомъ, исключивъ послѣднія 50 лѣтъ, да и здѣсь исчерпавши сравнительно малый матеріалъ. Масса матеріала осталась нетронутой; по заявленію автора много его остается и не собраннымъ, хранясь до сихъ поръ въ неопубликованныхъ народныхъ разсказахъ. Въ этомъ нѣтъ преувеличенія. Достаточно напомнить, что въ предисловіи къ Сербскому огледалу сказано: „Здѣсь выходитъ въ свѣтъ менѣе десятой части черногорскихъ пѣсенъ, но главныя битвы, начиная съ 1702 г., всѣ на лицо. Въ будущемъ обнародуемъ и тѣ геройскіе подвиги, о

которыхъ здѣсь не упомянуто". Но второго тома сборника такъ и не вышло.

Обычаи и обрядовая жизнь, къ описанію которыхъ переходитъ г. Ровинскій въ слѣдующей XVI главѣ, благодаря сохранившимся въ нихъ архаическимъ чертамъ древняго быта, утраченнымъ другими сербами, привлекали особенное вниманіе изслѣдователей и путешественниковъ. Но въ ихъ описаніи у Караджича, Медаковића, Врчевича недостаетъ детальности и варіантовъ по мѣстностямъ, а кромѣ того они не приведены въ систему. Въ виду этого представляетъ интересъ предложенное г. Ровинскимъ ихъ обозрѣніе, въ которомъ они подраздѣлены на религіозные и юридическіе.

Обычаи, находящіеся въ связи съ религіей и церковною жизнію, г. Ровинскій разсматриваетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Рождество, Пасха, праздники по числамъ мѣсяца, особенные дни, слава, крестные ходы и завѣты, освященіе масла.

Благодаря указаніямъ на особенности празднованія Божича въ самомъ Цетиньѣ и другихъ мѣстахъ Черногоріи, напримѣръ, Подгорицѣ, Васоевичахъ, Морачѣ и Ровцахъ, даже описаніе столь извѣстнаго празднованія Рождества получаетъ въ изложеніи автора большой интересъ.

Оставляя въ сторонѣ другіе праздники, мы остановимся на празднованіи славы, которую сербы считаютъ отличительной чертой своего народа. Это празднованіе въ честь того святого, въ день котораго происходило обращеніе въ христіанство извѣстныхъ родовъ. На это указываетъ и самое названіе крсно име. Г. Ровинскій высказываетъ мысль, что слѣды этого праздника можно усматривать и у другихъ славянъ: у насъ, напримѣръ, таковы храмовые праздники. Интересно, что и у сербовъ Неманичи, праздновавшіе славу въ день св. архангела Михаила, строятъ въ честь этого святого храмы въ Зетѣ, на Превлакѣ, въ Іерусалимѣ. Старожилы Цеклина славятъ св. Ѳеклу, и въ честь этой святой сохранилась самая старая въ этомъ племени церковь. Простой народъ у насъ, по справедливому замѣчанію г. Ровинскаго, не справлялъ именинъ, а въ приходскій праздникъ открывалъ свой домъ для гостей, считая его и праздникомъ своего дома. У насъ въ Великороссіи, замѣтимъ, и до сихъ поръ народъ мало празднуетъ именины, а храмовой праздникъ празднуется почти вездѣ съ особенной любовію, не менѣе трехъ дней, мѣстами и болѣе, несмотря на лѣтнюю горячую пору, напримѣръ, Ильинъ день.

Вскользь упоминаетъ г. Ровинскій о славѣ у болгаръ, у которыхъ онъ исчезъ, сохранившись лишь кое-гдѣ. Замѣтимъ по этому поводу, что празднованіе этого рода подъ именемъ „служба" „светецъ", быть можетъ, не случайно сохранилось въ западной Болгаріи, какъ можно судить по описанію г. Маринова въ Живой старинѣ. А населеніе западной Болгаріи, какъ и Македоніи, многими чертами ближе къ сербскому, чѣмъ восточно болгарское.

Напечатанный г. Ровинскимъ цѣнный списокъ тѣхъ дней, на которые приходится слава, удивительно совпадаетъ со спискомъ г. Маринова. И у послѣдняго есть: Малка Богородица (Рождество Богородицы), св. Тома, Петковденъ, св. Лука, св. Димитрий, св. Безсрѣбренници, св. Савва, св. Стефанъ, св. Василъ, св. Марко, Рангеловъ день, св. Николай, Трифунци, Гергевденъ [1]).

Что же касается самыхъ святыхъ, то нѣкоторыя имена соединяются съ начальной эпохой христіанскаго просвѣщенія южныхъ славянъ, напр. св. Димитрій солунскій (и у Ровинскаго, и у Маринова), св. Несторъ, св. Наумъ (у Маринова), св. Кирилъ (у Ровинскаго). По мѣткому замѣчанію г. Ровинскаго, связь славы съ крещеніемъ подтверждается полнымъ отсутствіемъ народныхъ именъ, каковы, Вукъ, Живко и др., въ сербской семьѣ преобладающія надъ церковными. Если это такъ, то съ другой стороны отмѣченныя нами имена свидѣтельствуютъ, по нашему мнѣнію, о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имя святого идетъ изъ далекой старины. Вѣдь извѣстный день предпочитался другому по особой причинѣ: выбирался или день большого праздника, какъ, напримѣръ, Рождество Богородицы, или же день первенствующихъ святителей церкви (видимъ имена апостоловъ, пророковъ, архангела Михаила, великомученика Георгія и др.), или же память особо чтимыхъ мѣстныхъ святыхъ, каковы Димитрій Солунскій, Несторъ.

Сохраненіе празднованія славы у западныхъ болгаръ и въ Македоніи является важной этнографической чертой, соединяющей ихъ съ сербами.

Что касается крестныхъ ходовъ, то въ этомъ отношеніи замѣчаемъ полное совпаденіе съ нашими крестными ходами. Интересно, какое большое пространство занимаетъ иногда такой ходъ.

Въ связи съ этимъ также находится, по нашему мнѣнію, велико-

---

[1]) *Живая Старина*, III томъ, стр. 300—301.

русскій обычай ходить съ иконами по деревнямъ, что бываетъ обычно въ извѣстные сроки.

Обычаи семейные г. Ровинскій начинаетъ съ брака. Отмѣтивъ при этомъ особенное вниманіе, какое останавливали на себѣ свадебные обычаи у изслѣдователей сербской народной жизни, г. Ровинскій заявляетъ, что послѣ матеріаловъ, собранныхъ Богишичемъ, Даничичемъ, трудно дать многое и что за исключеніемъ записи подгорицкихъ обычаевъ, доставленной ему Закомъ Рогошичемъ, онъ располагаетъ единственными своими личными наблюденіями и непосредственными разспросами. Здѣсь автору „Черногоріи“ пригодились бы нами вышеупомянутыя статьи гг. Іовичичей, дающихъ такое же описаніе изъ Глухого Дола и Бара съ окрестностями, которыми онъ не пользуется. Касаясь въ частности свадебныхъ пѣсенъ и упоминая о жалобахъ Врчевича на исчезновеніе ихъ въ Черногоріи, г. Ровинскій обращаетъ вниманіе собирателей, что на дѣвичникахъ ему приходилось слышать много новыхъ пѣсенъ и что обильный матеріалъ этого рода ожидаетъ трудовъ мѣстныхъ изслѣдователей. По этому поводу замѣтимъ, что и о другихъ обычаяхъ при рожденіи, смерти и похоронахъ важны описанія по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Въ тѣхъ же статьяхъ помѣщенъ матеріалъ, сюда относящійся, и, сличая его съ тѣмъ, что есть у г. Ровинскаго, мы нашли въ нихъ интересныя отличія и подробности, безъ сомнѣнія важныя для возсозданія общей картины.

При обозрѣніи юридическихъ обычаевъ г. Ровинскій начинаетъ съ побратимства, посестримства и кумства, игнорируемыхъ современнымъ законодательствомъ, исчисляя ихъ виды по способу заключенія. Обычаи, касающіеся имущественныхъ отношеній, г. Ровинскій разсматриваетъ, главнымъ образомъ пользуясь трудомъ Богишича, отмѣчая при этомъ какъ тѣ случаи, въ которыхъ составитель Законника остается вѣренъ народному взгляду, такъ и тѣ, когда онъ вноситъ отступленія, безъ нужды замѣняя обычай постановленіемъ, не соотвѣтствующимъ его духу, какъ, напримѣръ, въ статьяхъ о дарѣ, объ имущественныхъ правахъ женщины и ея власти въ семьѣ. Говоря о вѣрѣ, правѣ убѣжища, кровной мести, авторъ пользуется извѣстнымъ сочиненіемъ Медаковича Живот и обичаји црногораца, при которомъ всѣ эти обычаи, теперь исчезающіе, были живы. Стоящее въ связи съ кровною местію умиреніе крови теперь также уже не практикуется въ Черногоріи; тѣмъ интереснѣе подробное описаніе одного случая, происходившаго въ 1890 г. въ Приморьѣ, при которомъ г. Ровинскій лично присутствовалъ, получивъ приглашеніе. Затѣмъ г. Ровинскій разсматриваетъ

статьи, касающіяся суда, сопровождая изложеніе постоянными указаніями, какой взглядъ на тотъ или другой актъ имѣетъ народъ. Въ заключеніе предложена оцѣнка извѣстныхъ въ Черногоріи законниковъ съ точки зрѣнія ихъ большей или меньшей вѣрности народнымъ началамъ.

Двѣ послѣднія главы разсмотримъ вмѣстѣ, такъ какъ онѣ находятся въ связи одна съ другой.

XVII глава—Общее міровоззрѣніе, характеризуетъ взглядъ черногорца на міръ матеріальный съ его небесными и воздушными явленіями, неорганической жизнію, жизнію растеній и животныхъ и міръ духовный, обнимающій вѣрованія и суевѣрія.

Подобный матеріалъ изъ другихъ сербскихъ краевъ въ обиліи помѣщается въ этнографическихъ изданіяхъ, нами въ началѣ указанныхъ. Авторъ „Черногоріи“ не принималъ его во вниманіе. Вполнѣ понятно, что здѣсь встрѣчаемъ много совпаденій съ воззрѣніями другихъ славянъ и прежде всего ближайшихъ по мѣсту—Западной Болгаріи и Македоніи. Сравнительное его изученіе принадлежитъ будущему.

Послѣдняя глава XVIII посвящена произведеніямъ народнаго творчества. Справедливо указывая, что эта область привлекала особенное вниманіе собирателей и изслѣдователей этнографическаго матеріала всѣхъ сербскихъ краевъ, г. Ровинскій старался помѣщать лишь то, что еще не было въ печати, не ручаясь, что, при трудности обозрѣнія огромной относящейся сюда литературы, можетъ оказаться что-нибудь и раньше напечатанное. Начавъ было записывать весь матеріалъ цѣликомъ, г. Ровинскій замѣтилъ, что нѣкоторыя сказки до мельчайшихъ подробностей сходны съ находящимися въ собраніи В. Караджича. Это заставило его прекратить такую работу. Такимъ образомъ обширный запасъ народнаго творчества сведенъ авторомъ „Черногоріи“ на небольшое число, скорѣе на образцы этого рода или интересные варіанты.

При этомъ, по признанію автора, проза только въ немногихъ случаяхъ записана имъ дословно по-сербски, въ большей же части передано лишь содержаніе по-русски, и только нѣкоторые №№, полученные отъ другихъ лицъ въ сербской записи, печатаются безъ малѣйшихъ измѣненій и исправленій, хотя бы въ языкѣ и были неисправности.

Позволимъ сдѣлать по этому поводу слѣдующія замѣчанія. Трудъ собиранія произведеній народной словесности былъ бы значительно облегченъ, если бы собранъ былъ матеріалъ, разсѣянный въ періодической печати, какъ это дѣлается у насъ проф. А. Ив. Соболевскимъ по

отношенію къ народнымъ пѣснямъ. Было бы желательно, чтобы за такое предпріятіе взялась Бѣлградская академія, окончивъ изданіе собранія Караджича. Столь же важно библіографическое обозрѣніе этнографическаго матеріала, которое ставитъ своей задачей юго-славянская академія.

Эти изданія облегчили бы продолженіе работы собиранія и изслѣдованія накопившагося матеріала. Пока же можно желать, чтобы собиратель записывалъ все сполна безъ пропусковъ, независимо отъ того, напечатана или нѣтъ та или другая пѣсня или сказка. Дѣло въ томъ, что даже въ самыхъ лучшихъ сборникахъ не всегда съ желательной точностью отмѣчался печатаемый матеріалъ. Нерѣдко и у В. Караджича указано лишь лицо, отъ котораго получены пѣсни или сказки. Такъ, напримѣръ, въ первомъ изданіи сказокъ отмѣчено: такіе-то №№ послалъ мнѣ изъ Боки г. В. Врчевић; но всѣ ли эти сказки записаны г. Врчевићемъ въ Бокѣ, этого не видно. Далѣе не ко всѣмъ №№ указаны и лица, отъ которыхъ матеріалъ полученъ. Оттого редакторы отдѣльныхъ томовъ пѣсенъ нерѣдко должны дѣлать оговорку: насколько можно было узнать, изъ этихъ пѣсенъ послали такіе-то №№ такія-то лица, слѣдуетъ перечень именъ, напримѣръ томъ VI, стр. XII. Указателя мѣстностей, которыя находятся при пѣсняхъ и сказкахъ отчасти въ самомъ текстѣ, къ сожалѣнію, редакція не даетъ.

Поэтому, если бы пѣсня или сказка, записанная въ извѣстной мѣстности, и совпадала съ печатной, то тѣмъ самымъ давалось бы указаніе, откуда идетъ тотъ или иной разсказъ, въ случаѣ если бы онъ ранѣе оказался безъ пріуроченія къ извѣстному мѣсту. Не говоримъ уже объ интересѣ варіанта, совпадающаго по содержанію, со стороны діалектической. Тамъ менѣе можетъ удовлетворять русскій пересказъ. Поэтому желательно, чтобы сами черногорцы дали намъ на сербскомъ языкѣ тѣ №№, которые у г. Ровинскаго вошли въ русскомъ пересказѣ. Народная сказка съ живымъ разговорнымъ языкомъ даетъ богатый матеріалъ и для синтаксиса, стиля. Повтореніе этихъ сказокъ необходимо и ради полноты, которая мѣстами нарушена отмѣченными самимъ собирателемъ пропусками (стр. 587).

Доставленныя на сербскомъ языкѣ сказки записаны Богданомъ Лалевићемъ (Васојевићи, Андријевица) №№ 3, 4, 6, 10 и со словъ Станы Милетиной № 11; отъ Стояны № 1 (изъ Васоевичей, Андријевица), изъ Загарча отъ Петка Гавриловића русскіе пересказы №№ 7 и 8 въ Пивѣ безъ указанія лицъ.

Ради примѣра г. Ровинскій приводитъ и рядъ пословицъ и загадокъ, собранныхъ въ Васоевичахъ, откуда меньше сообщеній въ литературѣ (стр. 617). Нѣсколько №№ взяты изъ черногорскаго журнала Луча за 1899 г., въ которомъ помѣщается подробный матеріалъ.

Начиная съ стр. 625 и до конца тома приведены анекдоты и шутки, но уже исключительно въ русской передачѣ. Желательно, чтобы и подобный матеріалъ былъ напечатанъ по-сербски.

Какъ ни уменьшился весь этотъ матеріалъ въ своемъ объемѣ въ силу указанныхъ авторомъ соображеній, и онъ представляетъ не малый интересъ.

Важно прежде всего то, что народная память хранитъ воспоминанія о Неманичахъ и другихъ историческихъ лицахъ сербскаго царства. Таковы сказанія о св. Саввѣ, кралицѣ Еленѣ, Стефанѣ Высокомъ, Вукашинѣ, Лазарѣ и Душанѣ, Георгіи Бранковичѣ. Что касается Вукашина, то оказывается, что въ Черногоріи и до сихъ поръ ходитъ разсказъ, представляющій параллель къ знаменитой пѣснѣ о постройкѣ Скадра. Въ связи съ преданіемъ о происхожденіи Вукашина изъ Зеты, которое занесено въ лѣтопись Тронопіскую, и данными топографіи, указывающими на имена мѣстъ Мрне, Мрлапъ, и поэтическія воспоминанія говорятъ, повидимому, за сербское происхожденіе этого вельможи Душана. Эти данныя не приняты совсѣмъ во вниманіе авторомъ свода пѣсенъ о Маркѣ Кралевиħѣ Йордановымъ, ссылающимся лишь на указаніе владыки черногорскаго Василія Петровиħа, который говоритъ, что Вукашинъ „былъ отъ націе Болгарскіе" [1]).

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что въ другихъ мѣстахъ книги г. Ровинскаго помѣщено кое-что изъ матеріала, относящагося къ этой главѣ, на что мы мѣстами и указывали.

Таково содержаніе этнографическаго отдѣла въ трудѣ г. Ровинскаго.

Разумѣется, главной задачей автора было представить полную картину этнографическаго быта Черногоріи, и это имъ выполнено блестяще. Пользуясь отчасти матеріаломъ, ранѣе обнародованнымъ, привлекая литературу предмета, гдѣ это было необходимо, авторъ однако главнымъ образомъ опирался на собранный во время продолжительнаго пребыванія въ Черногоріи имъ самимъ матеріалъ. Оттого даже и въ такихъ случаяхъ, когда объ извѣстномъ вопросѣ существуетъ значительная литература, его изложеніе у г. Ровинскаго сохраняетъ

[1]) Сборникъ на Българско книжовно Дружество въ София I стр. X введенія.

интересъ мѣстными указаніями, детальными дополненіями, которыя однако только ярче и глубже освѣщають предметъ.

Но какъ ни обиленъ собранный авторомъ матеріалъ, еще богаче самая жизнь съ ея разнообразіемъ. Неудивительно поэтому, что г. Ровинскому и самому приходилось отмѣчать пробѣлы и обращать вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей на пункты, требующіе дальнѣйшей разработки.

Мы не разъ указывали, что г. Ровинскій при выполненіи своего труда пользовался помощію мѣстныхъ уроженцевъ, вызывая ихъ печатные труды или письменныя сообщенія. Можно надѣяться, что выходъ книги еще сильнѣе оживитъ интересъ черногорцевъ къ своей родинѣ.

Чтобы судить, насколько важенъ вкладъ, внесенный г. Ровинскимъ въ область сербской этнографіи, достаточно сравнить его книгу съ первымъ выпускомъ этнографическаго сборника, изданнымъ сербской академіей, который значительно уступаетъ труду г. Ровинскаго и въ полнотѣ матеріала и въ его разработкѣ. Въ изданіяхъ Загребской академіи есть работа г. Ловретича, посвященная народной жизни и обычаямъ Отока, но она касается лишь одного мѣста и потому уже, не смотря на свой интересъ, не можетъ идти въ сравненіе съ описаніемъ г. Ровинскаго, обнимающимъ народный бытъ такой своеобразной страны, какова Черногорія.

Касаясь самыхъ разнообразныхъ сторонъ черногорскаго быта, г. Ровинскій даетъ богатый матеріалъ для сербскаго словаря. До сихъ поръ наибольшее число черногорскихъ словъ вошло въ словарь В. С. Караджича. Желая опредѣлить, насколько трудъ г. Ровинскаго пополняетъ Караджича, мы произвели опытъ сличенія. Въ результатѣ оказалось, что: 1) у г. Ровинскаго есть масса словъ, которыхъ нѣтъ въ словарѣ Караджича. Въ сдѣланномъ нами спискѣ такихъ словъ насчитывается 616; 2) такія слова, которыя не встрѣтились у Караджича съ тѣмъ значеніемъ, какое для нихъ отмѣчено г. Ровинскимъ. Такихъ случаевъ насчитывается въ нашемъ спискѣ свыше 150; 3) огромное число словъ у Караджича осталось безъ указанія на то, что они употребляются и въ Черногоріи, какъ это видно изъ книги г. Ровинскаго. Понятное дѣло, что и всѣ такіе случаи представляютъ интересъ, прикрѣпляя извѣстное слово къ извѣстной мѣстности.

Мы не говоримъ о другихъ случаяхъ, въ которыхъ книги г. Ро-

винскаго даютъ цѣнныя указанія и дополненія. Позволимъ привести нѣсколько примѣровъ.

У Караджича есть слово сувота, но у г. Ровинскаго находимъ объясненіе особаго употребленія этого слова, подтвержденное цѣлымъ рядомъ примѣровъ.

Слово гвозд у Караджича объясняется „камень, выдавшійся высоко надъ землей", у г. Ровинскаго: лѣсъ въ скалистой мѣстности, а также мѣсто, гдѣ прежде былъ такой лѣсъ.

Слово скобаль у Караджича „риба некака", у Ровинскаго опредѣлено значеніе. И такъ далѣе.

Нельзя только не пожалѣть, что г. Ровинскій не справлялся всегда съ Караджичемъ. Благодаря этому, у него остались безъ оговорки такіе случаи, когда у Караджича находимъ болѣе точное указаніе, напримѣръ, при словахъ коризма II, 2195 у Вука съ указаніемъ на Цермницу; при словѣ лабудина II, 1, 594 у Вука съ указаніемъ на Бѣлопавлиħи; при словѣ лакомица II, 1, 484 у Вука опять указаніе на Цермницу.

Иногда у Караджича есть близкое слово къ приведенному г. Ровинскимъ, у котораго однако не указано, напримѣръ, жабокрек II, 2, 474 у Караджича: жабокречина; у Караджича: оредине, у г. Ровинскаго: одредина II, 1, 600.

Обращаемъ на это вниманіе въ ожиданіи получить разъясненіе въ обѣщаемомъ авторомъ подборѣ словъ.

Разумѣется, при описаніи различныхъ обычаевъ и бытовыхъ подробностей автору приходилось иногда прибѣгать къ сопоставленіямъ и сравненіямъ съ другими народами. Въ большинствѣ случаевъ г. Ровинскій дѣлалъ это, отмѣчая какую-либо особенно характерную черту. Напримѣръ, упоминая о нюханіи при поцѣлуѣ, когда мать цѣлуетъ ребенка, мужчины другъ друга (II, 2, 330), г. Ровинскій указываетъ то же самое у сибирскихъ инородцевъ. Или, напримѣръ, на стр. 187 того же тома припаданье за столомъ отца и сына къ землѣ и вопросы другъ къ другу: видишь ли меня, сынъ? во время рождественскихъ праздниковъ г. Ровинскій сравниваетъ съ подобнымъ же пряташьемъ у малороссовъ.

Но помимо такихъ случаевъ, было бы желательно болѣе послѣдовательное сопоставленіе съ ближайшими, разумѣется, прежде всего сербами и хорватами, а затѣмъ и съ болгарами.

Такъ, напримѣръ, авторъ дважды говоритъ, что онъ слышалъ вы-

раженіе самосаздани Богъ (II, 2, 491). Такое же выраженіе приводитъ и г. Миличевић (Живот срба сељака, стр. 49).

Въ главѣ о религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ г. Ровинскій отмѣчаетъ отличія отъ нашей русской практики. Напримѣръ, о томъ, что Отче нашъ и Вѣрую читается, а не поется, что ту и другую молитву читаетъ митрополитъ, если не служитъ, или князь.

При этомъ слѣдовало бы сказать, что то же есть и въ Сербіи, то же и въ греческихъ церквахъ и въ славянскихъ монастыряхъ на Аѳонѣ. И тамъ чтеніе этихъ молитвъ лежитъ или на старшемъ изъ братій, если служитъ игуменъ; или читаетъ онъ самъ, когда присутствуетъ въ церкви не служа; или же, наконецъ, это предоставляется почетному гостю изъ міряпъ, случайно присутствующему въ церкви. Но и у насъ такъ было прежде; такъ и теперь у единовѣрцевъ. Современная практика представляетъ отступленіе отъ старины. То же и въ названіяхъ предметовъ; поліелей или богородично коло вмѣсто паникадило такъ называется оттого, что около паникадила въ нашемъ смыслѣ есть своего рода кругъ съ подвѣсками, ради торжественности искусно раскачиваемый монахомъ въ торжественный моментъ всенощнаго бдѣнія. Такъ это на Аѳонѣ. Отсюда и названіе: коло. Южные славяне во многомъ остаются ближе къ грекамъ.

Говоря о календарѣ (II, 2, 462), г. Ровинскій указываетъ, что у черногорцевъ, какъ и у другихъ сербовъ, мѣсяцы всего чаще пріурочиваются къ праздникамъ. Можно было бы прибавить, что то же самое отмѣчено для западной Болгаріи Мариновымъ, который приводитъ названія Рангеловски для ноября, Никулски для декабря, Гергевски для апрѣля, Илиевски для іюля и т. д. Сходство иногда полное. Интересъ это обстоятельство получаетъ потому, что этнографическая близость описываемыхъ г. Мариновымъ предѣловъ Западной Болгаріи къ Сербіи можетъ объясняться близостью самаго населенія.

Болѣе послѣдовательное сопоставленіе иногда бы уберегло г. Ровинскаго отъ сомнительныхъ заключеній. Приведемъ въ подтвержденіе этого слѣдующій примѣръ.

Говоря о необыкновенномъ развитіи зрѣнія черногорцевъ, г. Ровинскій находитъ у нихъ въ то же время большое смѣшеніе въ распознаваніи цвѣтовъ. Самый рѣзкій примѣръ этого представляетъ смѣшеніе зеленаго цвѣта съ сѣрымъ. При этомъ г. Ровинскій приводитъ такіе примѣры, какъ названіе зеленою лошади сѣрой масти, откуда имя Зеленко, или выраженіе о конѣ: зелен као трава.

Дѣйствительно, такое выраженіе бросается въ глаза странностію, но такое употребленіе прилагательнаго зелен не у однихъ черногорцевъ. То же самое находимъ и у болгаръ. Словари Дювернуа и Герова отмѣчаютъ зеленче о конѣ, при чемъ у Дювернуа сопоставляется съ этимъ *сербское*, а не черногорское лишь названіе (у Караджича нѣтъ при этомъ словѣ указанія на Черногорію исключительно) зеленко. Геровъ приводитъ еще слово зеленика съ слѣдующимъ объясненіемъ „зеленъ конь сивъ съ доста черно, та да бие на зелено: продавася коня зеленика". Здѣсь дѣлается попытка дать слову натуральное объясненіе. Въ словарѣ Дювернуа приведено интересное выраженіе: врану коню до зелена грива, которое соединеніемъ цвѣтовъ вранъ и зеленъ какъ будто подтверждаетъ толкованіе Герова. И у Даля приведено прилагательное зеленогривый, а интересны также прилагательныя: зеленопѣгій и зеленочерный. Извѣстенъ опять особый эпитетъ вина—зелено вино, хотя въ Словѣ о полку Игоревомъ вино называется синее. Отсюда ясно, что выводить изъ этихъ примѣровъ заключеніе о неразличеніи черногорцемъ цвѣтовъ нельзя.

Такъ можетъ быть объяснено и выраженіе зелен мач, которое встрѣчается во всѣхъ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ, а не черногорскихъ исключительно. Возможно, что этимъ прилагательнымъ отмѣчается отливъ стали.

То же можно сказать и о словѣ плавъ; оно имѣетъ два значенія не у однихъ только черногорцевъ, а вообще въ сербскомъ языкѣ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Говоря о западномъ церковномъ вліяніи на Черногорію, г. Ровинскій объясняетъ имъ популярность въ Черногоріи имени Мартина (епископа римскаго, 11-го ноября), по народному говору св. Мрата, по которому рождественское заговѣнье и постъ называются мратинскими, тогда какъ имя апостола Филиппа ради его забыто, хотя оно приходится какъ разъ на день заговѣнья.

При этомъ г. Ровинскій ссылается на обычаи въ этотъ день въ Голландіи.

Но возможно ли принять такое объясненіе? Намъ представляется рядъ возраженій такого рода. Обратившись къ матеріаламъ, напечатаннымъ въ Zbornik'ѣ, относящимся къ обычаямъ сербско-хорватскаго католическаго населенія, мы не замѣтили пріуроченныхъ къ этому дню какихъ-либо обычаевъ, нѣтъ и названія отъ имени этого святого для заговѣнья.

Далѣе то же имя находимъ и въ Сербіи: на 11-ое ноября приходится св. Мрата. Перечисляя имена святыхъ въ календарѣ, г. Ми-

личевић замѣчаетъ: „Мрате нема (имя понимается какъ женское), а у старијема био је и св. Мартин. Однако всѣ, празднующіе этотъ день, знаютъ, что празднуютъ св. Мратѣ" [1]). „Въ народѣ встрѣчается имя Мратинко, а Мартин у сербовъ православныхъ я и не слыхалъ" [2]).

То же и въ западной Болгаріи: Мратинци 11, 12, 13 дни ноября. Съ этими днями соединяется здѣсь цѣлый рядъ суевѣрій. Есть злой духъ мратиніък, который убиваетъ домашнюю птицу, особенно курицъ. Заколотая курица называется мратинче, а три или 7 ночей въ эти дни называются мратински нощи [3]).

Связь съ именемъ св. Мартина, повидимому, есть, но, какъ видно, суевѣрія распространены далеко за предѣлами Черногоріи, и можно ли объясненіе искать въ католическомъ вліяніи?

Отмѣчая важность и необходимость параллельнаго изученія славянъ и албанцевъ, г. Ровинскій указываетъ рядъ совпаденій въ бытѣ и вѣрованіяхъ. Въ этомъ г. Ровинскій видитъ и результатъ смѣшенія. Въ числѣ другихъ совпаденій приведено и то, что вторникъ у тѣхъ и другихъ, т.-е. албанцевъ и черногорцевъ, считается тяжелымъ днемъ. Но изъ книги г. Маринова видимъ, что и въ западной Болгаріи вторникъ считается тяжелымъ днемъ. Значитъ, сходство есть независимо отъ соприкосновенія съ албанцами, о которомъ нельзя утверждать для западной Болгаріи [4]).

Встрѣчаются у г. Ровинскаго и нѣкоторыя ошибки. Такъ, напримѣръ, онъ считаетъ одного корня наше слово бадожокъ—палка и сербское бадњак, но первое стоитъ, безъ сомнѣнія, въ зависимости отъ слова батогъ; а второе съ корнемъ бьдѣти. Слово бъдникъ есть и у болгаръ.

На стр. 446 второй части II т. г. Ровинскій говоритъ, что о мѣсяцѣ въ Черногоріи говорится грије вмѣсто сјаје, отчего возникаютъ недоразумѣнія; но у Вука Караджича указано выраженіе сунце грије—sol lucet. Значитъ, не вездѣ въ сербскихъ краяхъ такое значеніе можетъ казаться страннымъ.

Наконецъ, позволимъ указать еще на то, что, къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Ровинскаго рѣдки рисунки. Если бы къ ней приложенъ былъ

---

[1]) Живот срба сељака, стр. 146.

[2]) Ib.

[3]) *Жива Старина*, книга I, стр. 60—63, ср. также 54.

[4]) Ib., 120.

альбомъ рисунковъ, еще важнѣе было бы описаніе матеріальной культуры Черногоріи [1]).

Но, разумѣется, немногіе недостатки не умаляютъ значенія этого труда, который, безъ сомнѣнія, займетъ видное мѣсто среди югославянской этнографической литературы.

П. Лавровъ.

Два новыхъ сборника бѣлорусскихъ сказокъ.

1. *Е. Р. Романовъ:* Бѣлорусскій сборникъ. Выпускъ шестой. Сказки. Могилевъ 1901. 8°. IV + 528.

2. *M. Federowski:* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materyały do etnografii słowiańskiej, zgromadzone w latach 1877—1893. Tom II. Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Część 1. Baśnie fantastyczno-mityczne. W Krakowie. 1902. 8°. XXXII + + 370,

Шестой выпускъ изданія г. Романова, не составляя самостоятельнаго отдѣла въ его „Бѣлорусскомъ сборникѣ“, служитъ продолженіемъ тѣхъ матеріаловъ, которые помѣщены въ III и IV выпускахъ. Въ немъ напечатано 57 сказокъ, большинство которыхъ изображаетъ миѳическихъ богатырей („осилковъ“), совершающихъ разные сверхъестественные подвиги (больше убивающихъ чужеземныхъ чудовищъ-силачей: змѣевъ-цмоковъ, Кощея, Бабу-Ягу), а иногда добывающихъ диковинныя рѣдкія вещи (жаръ-птицу, гусли-самогуды и т. п.), чаще необычайную красавицу. Большинство сказокъ въ общемъ является новостью въ сравненіи съ тѣмъ, что имѣется въ III—IV выпускахъ. Но что касается отдѣльныхъ сюжетовъ, развивающихся въ нихъ, то

---

[1]) Въ послѣднее время этнографическая литература обогатилась весьма цѣннымъ въ этой области трудомъ болгарскаго этнографа Д. Маринова (на сборникъ котораго мы не разъ ссылались въ этой рецензіи), помѣщеннымъ въ Матеріалахъ къ XVIII книгѣ министерскаго Сборника подъ заглавіемъ: „Градиво за вещественната култура на западна България“. Въ этой книгѣ собраны данныя, относящіяся къ дому, домашней жизни, земледѣлію, скотоводству и различнымъ сельскимъ производствамъ. При этомъ описаніе быта сопровождается большимъ числомъ рисунковъ, изображающихъ домъ и составныя его части, пристройки при домѣ, утварь, посуду, земледѣльческія орудія, телѣгу и пр., ткацкій станокъ и т. д. Эти рисунки, которыхъ число однако можно было бы значительно увеличить, придаютъ особый интересъ описанію, которое выигрываетъ въ ясности, и даютъ возможность сравнительнаго изученія подобнаго матеріала изъ другихъ мѣстностей.

они повторяють темы, уже извѣстныя изъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ сказокъ, только часто бываетъ нѣсколько иная обстановка и вообще новая комбинація обстоятельствъ. Въ этомъ легко убѣдиться, если даже бѣгло просмотрѣть нѣкоторыя сказки настоящаго выпуска и хотя бы III вып. „Бѣлорусскаго сборника", напримѣръ, Иванъ Ивановичъ, кобылинъ сынъ (III, 133) и Кобылинъ сынъ (VI, 248), Тремъ-сынъ (III, 247) и Тремъ-сынъ Безыменный (VI, 297), Вячорка, Повношникъ, Заранка (III, 92) и В., П., Зарявой (VI, 347), Удовины сыны (III, 154 и VI, 335). Иногда сказки носятъ сходныя названія, но содержаніе ихъ совершенно различное, таковы: Попелышка (III, 226 и VI, 123), Удовинъ сынъ (III, 120 и VI, 318), Соломонъ и воробей (IV, 219) и Премудрый Соломонъ (VI, 447). Можно думать, что въ подобныхъ случаяхъ даются отдѣльные эпизоды прежде цѣльныхъ сказокъ и легендъ. Но особенно станетъ для насъ ясной связь даннаго выпуска сказокъ съ предыдущими и обрисуется его цѣнность, если мы разсмотримъ тѣ сказочные сюжеты, которые развиваются въ немъ, сравнительно съ другими записями. Воспользуемся для этого перечисленіемъ сказочныхъ мотивовъ въ прежнихъ выпускахъ „Бѣлорусскаго сборника" Романова, сдѣланнымъ проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ въ его обстоятельнѣйшемъ отзывѣ объ этомъ сборникѣ (см. Отчетъ о пятомъ присужденіи преміи Макарія, 167—214): искусный воръ №№ 10 и 11 (Семь сѣдьневъ и Семь Семёновъ) и у Сумцова 195 стр.; трудныя задачи—почти во всѣхъ сказкахъ, см. Указатель, 517, и у Сумцова, 203; благодарныя животныя: волкъ, стр. 51 (и Указатель, 514), заяцъ, 51, китъ-рыба, 52, щука, 211, дятелъ, 210, синица, 240, медвѣдица, 210, ракъ, 210, 240, пчелы, 240, Пулыгрица-птица, 345, 352, змѣя-гадюка, 405, и у Сумцова, 206—207; запретное помѣщеніе, 207, 226, 329, 356 и т. д. и у Сумцова, 207; чудесное зачатіе отъ вѣтра, 131, 146, 354, отъ съѣденной рыбы, 248, 255, 262, и у Сумцова, 208; смерть Кощея безсмертнаго скрыта въ яйцѣ, сундукѣ, козлѣ, вѣникѣ, 3, 4, 130, 142, 222, 229, 245, 343, и у Сумцова, 209; герой засыпаетъ на колѣняхъ дѣвицы, пробуждаетъ его лишь слеза, упавшая на щеку, 375, и у Сумцова, 210; Урвидубъ, Вернигора—Дубовикъ, Горовикъ, 125, 137, 147, 321, 340, 356, и у Сумцова, 210; поднятое героемъ золотое перо птицы приноситъ ему несчастье, 395, и у Сумцова, 211; Баба-Яга съ своими кобылицами—см. Указатель III вып., 369, и VI, 513; булава, ляска, тросточка: палица богатырская—см. Указатель III, 369, и VI, 513; влѣзанье въ ухо коня съ цѣлью сдѣлаться мо-

лодцемъ, III вып., 18, 59, и VI вып. 85, 470 и др.; вода гоющая и живущая—см. Указатель III в., 369, и VI в., 514; Вусыня, III, 16, и VI, 116 (Усачъ); домъ золотой, серебряный, мѣдный, III, 22, VI, 77, 78, 227; змей, смокъ, цмокъ—см. Указатель, III, 371; и VI, 516 и т. д.

Послѣ отзыва проф. Н. Ѳ. Сумцова о первыхъ двухъ выпускахъ сказокъ, собранныхъ г. Романовымъ, намъ остается мало говорить о настоящемъ выпускѣ: онъ имѣетъ тѣ же достоинства и не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, отмѣченныхъ г. Сумцовымъ. Несомнѣнныя его достоинства—прекрасныя записи отъ вполнѣ надежныхъ разсказчиковъ. Сказки очень велики по объему: нѣкоторыя занимаютъ до 24 страницъ убористой печати (ср. № 5). Дѣйствіе вездѣ излагается очень полно; даже въ сказкахъ съ знакомымъ содержаніемъ много новыхъ эпизодовъ, такъ что если и выступаютъ уже извѣстныя лица, но подвиги ихъ въ иномъ родѣ, при другой обстановкѣ. Нѣкоторыя сказки и легенды представляютъ и новые сюжеты. Мы остановимся только на двухъ сказкахъ: „Петра и Магдалена“ (стр. 14—25) и „Премудрый Соломонъ“ (447—462). Первая представляетъ передѣлку французскаго романа о Петрѣ Провансальскомъ, переведеннаго съ польскаго въ XVII в. на русскій языкъ [1]). Бѣлорусская сказка, вѣроятно, имѣетъ въ своей основѣ не русскій пересказъ; на это указываютъ какъ имя героини Магдалена вм. Магилена, такъ и нѣкоторые другіе признаки: „старъ-польское царство“ вм. неаполитанское, „бывъ высыпъ, островѝна такая“ вм. островъ (ср. польское wyspa). Въ сравненіи съ текстомъ, приведеннымъ у Ровинскаго: „Повесть о благородном кн҃зе Петрѣ златыхъ ключахъ и о бл҃городнои корелѣвнѣ Магилѣне“ (Русскія народныя картинки, I, 117), бѣлорусская сказка очень подробна. Другія свѣдѣнія объ этой повѣсти у Ровинскаго же V, 99, 104, 109, 113, 114, а также еще раньше у Пыпина: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. С.-Пб. 1857, стр. 233—237.—Легенда „Премудрый Соломонъ“ очень подробно излагаетъ извѣстные разсказы о дѣтствѣ Соломона, его семейной жизни и спасеніи изъ ада, отчасти разсмотрѣнные у А. Н. Пыпина: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ

[1]) Ссылку на этотъ источникъ сказки имѣемъ у г. Романова (см. стр. 517 въ Указателѣ, подъ „золотые ключи“). Жаль, что она сдѣлана поздно. Если бы она была сейчасъ же подъ текстомъ, то не пришлось бы въ выноскѣ дѣлать неправильнаго объясненія „бургоньскихъ горъ“ (см. 16 стр.).

русскихъ", 102—124, и особенно у А. Н. Веселовскаго: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ". С.-Пб. 1872. Изданы онѣ по старинным рукописямъ и позднѣйшимъ записямъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: А. Аѳанасьева: „Народныя русскія легенды". Москва. 1859, стр. 53 („Соломонъ Премудрой"); И. Худякова: „Великорусскія сказки". Вып. 2. Москва. 1861, стр. 133—138 („Царь Соломонъ"); въ „Памятникахъ старинной русской литературы, издаваемыхъ граф. Г. Кушелевымъ-Безбородко". Вып. 3. С.-Пб. 1862, стр. 51—71; въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности", издаваемыхъ Н. Тихонравовымъ, т. IV. М. 1862, стр. 112—153; въ „Памятникахъ отреченной русской литературы", собранныхъ и изданныхъ Н. Тихонравовымъ, т. I, С.-Пб. 1863, 254 — 272; въ „Смоленскомъ этнографическомъ сборникѣ" В. Добровольскаго, часть I, С.-Пб. 1891, 243—257; въ львовскомъ изданіи: „Памятки україньско-руськоі мови і літератури. Т. I. Апокріфи старозавітні, зібрані з рукописів україньско-руських". У Львові. 1876; кое-какіе матеріалы имѣются и въ другихъ изданіяхъ. Легенда, напечатанная у г. Романова, содержитъ слѣдующіе мотивы:

а) Ненависть матери Соломона къ своему сыну. По однимъ изъ старинныхъ легендъ причиной нелюбви Вирсавіи къ Соломону было непочтительное отношеніе еще семилѣтняго мальчика къ женскому уму („вѣшу песье г-но съ женскимъ умомъ". Памятники старинной литературы, 63, Лѣтописи Тихонравова, 112 и др.), по другимъ— изобличеніе ребенкомъ Соломономъ своей матери въ блудѣ (Лѣтописи Тихонравова, 122). Въ бѣлорусской легендѣ причиной ненависти царицы къ своему еще утробному сыну является изобличеніе ея въ неправедномъ судѣ съ нѣкоторымъ намекомъ на блудъ. Дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ. Жили двѣ вдовы. У одной были „колёсы", а у другой кобыла. Разъ баба, имѣвшая телѣгу, взяла у другой кобылу и поѣхала въ лѣсъ за дровами. Нарубивши дровъ, подходитъ къ возу и видитъ: подъ телѣгой лежитъ жеребенокъ. „И сама собѣ рассуждаецъ: ци гэто кобыла ожарабилася, ци гэто колёсы жарабили жарабя̀? Узила жарабя̀ съ-подъ колёсъ и потсадзила подъ кобылу. То, акъ жаряба посса̀ло матку, такъ ина дровъ наклала на туу кобылу и вязёцъ домовъ". Пріѣхавши домой, она спрятала жеребенка, а лошадь возвратила своей сосѣдкѣ. Но кобыла начала сильно ржать по жеребенку. Тогда ея хозяйка, сообразивъ, въ чемъ дѣло, потребовала себѣ жеребенка: „Дзѣ ты дзѣла жарабя̀ моё? Кобыла была жарэбная". Занимавшая кобылу отвѣчаетъ: „гэто колёсы моё ожара-

бились".—А зачимъ ты думаешъ, што колёсы ожарабились?—„А затымъ, што я подъ колёсами нашла". Долго они спорили и рѣшили идти на судъ къ царю; но царя не оказалось дома, и стала судить царица. Она приказала стянуть телѣгу на гору, привести туда кобылицу и жеребенка и толкнуть телѣгу внизъ съ горы. Телѣга съ грохотомъ покатилась, и слѣпой жеребенокъ отъ испуга помчался за нею. „Тады царица говорицъ, што колёсы ожарабили жарабя. Тая баба бярецъ жарабя, чiё колёсы". Царица была беременна. „И оказуетца у яё у серадзіни: „якъ гэто судзишъ, матушка? ты суздишъ касцъ, по блудному, бо ты сама блудная!" У г. Романова приводится, какъ варіантъ, и другой разсказъ о неправедномъ судѣ матери Соломона и объ изобличеніи ея сыномъ (стр. 460). Въ легендѣ, приведенной у Добровольскаго, выступаютъ не двѣ крестьянки, а мужикъ и гончаръ, подъ возомъ котораго оказался родившійся жеребенокъ. У Романова разсказъ болѣе логичный.

б) Желаніе отдѣлаться отъ нелюбимаго сына. Разсерженная непочтительностью сына, мать обыкновенно даетъ слѣдующее приказаніе его дядькѣ Ичкалу: „поиди къ морю и возми изъ Соломона сердце, вымъ, да и принеси ко мнѣ живое, я, спекши, съѣмъ его, а тѣло въ море вкинь". Дядька, по совѣту самого Соломона, приноситъ царицѣ сердце пса, а царевича оставляетъ въ живыхъ (Памятн. стар. русской литературы, 63; Лѣтописи Тихонравова, 124 и др.). Въ бѣлорусской легендѣ царица не даетъ такого жестокаго распоряженія: она, правда, предложила было своему повару зарѣзать ребенка, но потомъ опомнилась и рѣшила подмѣнить его чужимъ; ей достался ребенокъ кузнеца, а къ кузнецу попалъ Соломонъ (Въ менѣе обстоятельной редакціи о томъ же читаемъ у Худякова, 133, и у Добровольскаго, 247). Имя „Соломонъ" дали ребенку потому, что у кузнеца одно время онъ былъ спрятанъ въ соломѣ (то же у Худякова и Добровольскаго). Въ старыхъ разсказахъ этого замѣчанія нѣтъ, но тамъ есть упоминаніе о томъ, какъ царевичъ Соломонъ, послѣ оставленія его дядькой на берегу моря „пріиде въ весь нѣкую и обрѣте крестьянина, рожь молотяща на гумнѣ" (Лѣтопись Тихонр., 127).

в) Соломонъ у кузнеца. У кузнеца Соломонъ быстро выросъ и сталъ пасти скотъ. Сверстники пастухи, по его предложенію, рѣшили выбрать себѣ старшаго. По легендамъ у г. Романова и Худякова (134), Соломонъ предложилъ такъ произвести выборъ: въ ближайшемъ болотѣ квакали „люгашки"; кто ихъ уйметъ, тотъ и будетъ старшимъ. Лягушки послушались только голоса Соломона; у Добро-

вольскаго (248—249) указано еще два испытанія (заставить замолчавшихъ лягушекъ квакать, согнуть и разогнуть березу). Соломонъ и сталъ старшимъ; упорядочилъ пастьбу; сталъ учить сверстниковъ грамотѣ, при чемъ писали на берестѣ грязью; изобрѣлъ порохъ и огнестрѣльное оружіе и началъ стрѣлять изъ пушекъ. Всѣхъ этихъ подробностей въ прежде изданныхъ старыхъ повѣстяхъ нѣтъ; тамъ только разсказывается о томъ, что Соломонъ у крестьянина пасъ котъ, да какъ онъ производилъ судъ надъ животными (Лѣтоп. Тихонр., 131, 134—135); въ одномъ мѣстѣ (ib., 130) еще говорится, какъ къ Соломону приводили дѣтей своихъ „въ наученіе витежскому дѣлу".

г) Давидъ узнаетъ, что находящійся у него сынъ не Соломонъ. Сынъ кузнеца, хотя и находился въ царскихъ палатахъ и былъ воспитываемъ какъ царевичъ, сразу началъ обнаруживать свое низменное происхожденіе: ему игрушками служили молотки, щипцы. Царь, видя это, рѣшилъ испытать его: поѣхалъ съ нимъ кататься въ лѣсъ и спрашиваетъ: „што бъ у гэтой пущи було"?—Вырубиць гэтый лѣсъ и накласьци дровъ....попалиць ихъ,—за гэто уга̂лля ковалёмъ будзець бязъ клопоту", отвѣчаетъ сынъ. Царь вполнѣ убѣдился, что это не Соломонъ, а сынъ кузнеца. Увѣренность царя поддерживали и слухи объ умѣ мнимаго сына кузнеца; въ этомъ имѣлъ случай царь убѣдиться и лично. Такъ разсказывается въ бѣлорусской легендѣ. Въ старинной записи, напечатанной у Тихонравова (Лѣтоп., 131), царь не ѣдетъ съ сыномъ въ лѣсъ, а о подмѣнѣ узнаетъ во снѣ отъ ангела. Царица не сознается въ томъ, что она велѣла подмѣнить своего сына и предложила царю произвести слѣдующее испытаніе: „коли же твой Соломонъ сынъ, хай заўтра коваль къ табѣ прыѣдзець и не на кони, не пяхотой, и не надзѣвшыся, и не голый, и не подъѣвшы, и кабъ голодзенъ ня бывъ". Царь позвалъ кузнеца и задалъ ему указанную задачу. Благодаря мудрости Соломона, все устроилось благополучно: отецъ поѣлъ киселя безъ хлѣба, снялъ съ себя всю одежду и покрылся рыболовной сѣтью, сѣлъ верхомъ на козла и явился къ царю. Царь спросилъ, кто научилъ его такъ сдѣлать. „Это мой сынъ Соломонъ", отвѣчалъ тотъ. Подобный разсказъ объ испытаніи въ легендахъ про Соломона приведенъ только у Худякова (135) и у Добровольскаго (253), но тамъ онъ не поставленъ въ надлежащую связь со всѣмъ разсказомъ. Подобная задача встрѣчается иногда и въ другихъ сказкахъ, напримѣръ, о дѣвкѣ семилѣткѣ (ср. Памятники старинной русской литературы, вып. I, стр. 50,

приложеніе къ повѣсти о Муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи): „панъ загануе, щобъ вона пріѣхала до мѐне нi конемъ, нi воломъ, нi саньми, нi возомъ, нi оглоблями, нi боса, нi обута, нi гола, нi вдягнута"... (ср. еще сказки Аѳанасьева, № 191, примѣч.).

д) Возвращеніе Соломона ко двору. Царь велитъ передать кузнецу его настоящаго сына, а Соломона доставить во дворецъ. Когда Соломонъ узналъ объ этомъ, тотчасъ скрылся изъ дома кузнеца. Поиски за нимъ во всѣхъ редакціяхъ легенды изложены приблизительно сходно (ср. Весcловскiй: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, 56—59). Въ бѣлорусской легендѣ слѣдующія отличія: вставляется эпизодъ про построеніе храма (460—461). Давидъ послалъ искать людей, чтобы достроить храмъ. Соломонъ набралъ 11 сверстниковъ: „волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо"—и начали строить. Кончили храмъ, но только крыши не достроили и просятъ расчета. „Що жъ у васъ верху нема"? — А коли намъ верхъ кончить, дакъ ты скоро помрэшъ. — „Ну, що жъ, братцы: дамъ вамъ расчетъ, побѣдайтя ў мяне"! И завялѣвъ ложки здѣлать по аршыну: „якъ яны будуть обѣдать, я ўгадаю"! Садились яны одинъ наўпротивъ другого, брали ложки за концы и одинъ одному давали ѣсть черазъ столъ. Царь глядѣлъ, глядѣлъ, такъ и не узналъ, кто изъ нихъ старшiй—премудрый Соломонъ. Побывавъ въ разныхъ странахъ, Соломонъ рѣшилъ явиться къ отцу. Онъ надѣлалъ много зеркалъ и прiѣхалъ въ свой городъ. Здѣсь онъ разставилъ ихъ на рынкѣ и сталъ продавать. Ходила царицына дѣвушка по городу, увидала тѣ зеркала и купила одно небольшое себѣ. Зеркало очень заинтересовало царицу. Вмѣстѣ съ дѣвушкой она пошла въ городъ. Нашли продавца, и царица была поражена особенно однимъ большимъ зеркаломъ. Хотѣла его купить, но продавецъ рѣшительно заявилъ, что онъ уступитъ ей зеркало лишь тогда, если она проспитъ съ нимъ ночь. Царица согласилась на это условіе и выдала ему рукописаніе. Зеркало было доставлено во дворецъ. Когда Давидъ увидѣлъ эту незнакомую вещь, сразу сообразилъ, что она дѣло рукъ его сына Соломона. Тотчасъ отправился въ городъ, нашелъ своего сына и привезъ его во дворецъ. Сынъ разсказалъ о намѣреніи матери погубить его, о ея развратѣ и показалъ ея рукописаніе. Въ старинныхъ повѣстяхъ Соломонъ продаетъ не зеркала, а дорогіе свѣтящіеся камни; съ матери письменнаго обязательства не беретъ, но всеже ложится спать, и здѣсь происходитъ объясненіе съ нею, а потомъ съ отцомъ (ср. Памяти. стар. русск. лит., 65—66 и др. изд.).

По другой бѣлорусской редакціи, Соломонъ открылся отцу при слѣдующей обстановкѣ. Старый чортъ научилъ его очень искусно играть на скрипкѣ. Будучи на свадьбѣ у отца, онъ такъ заигралъ, что никто „не ўсѣдивъ и не ўлеживъ, пустились у его скакать и люди, и собаки, гуси и куры и ўся тварь на землѣ“. Затѣмъ царь поручилъ ему стеречь садъ и однажды ночью пошелъ провѣрить его. Происходитъ признаніе. Отецъ плачетъ отъ радости и передаетъ сыну царство. Соломонъ царствуетъ долго, „премудро разводя обиды каждому; и ўсѣ звѣри яго слухались“ (Роман., VI, 462).

е) Женитьба Соломона. Въ древнѣйшихъ редакціяхъ (напримѣръ, въ помѣщенной въ Памятн. стар. русск. лит., 66 и слѣд.) легенды о Соломонѣ такъ разсказывается про его женитьбу: по повелѣнію отца своего царя Давида, онъ выбралъ по обычаю своему „вельми красну и премудру“ царицу и женился. Послѣ свадьбы царь Соломонъ послалъ индійскому царю Пору перстень, который онъ снялъ, въ бытность свою у Пора, съ руки его жены, когда онъ „съ нею пребылъ“. Поръ изъ мести хитростью похищаетъ жену Соломона. Когда послѣдній узналъ, гдѣ его жена находится, отправился туда съ большимъ войскомъ и здѣсь, благодаря своей мудрости, не только избѣгнулъ явной гибели, но даже повѣсилъ своего соперника, измѣнницу жену и ихъ сына. Сюжетъ этотъ нѣсколько варіируется по разнымъ редакціямъ: похитителемъ жены Соломона является даже Китоврасъ (Буслаевъ: Истор. Хрест., 718—724, и въ Памятн. стар. русск. литер., 59). Въ бѣлорусской легендѣ слѣдующія отличія: дѣвушка, къ которой посватался Соломонъ, любила уже до того времени царя Давидона и вышла замужъ за Соломона лишь благодаря его мудрости. Съѣхавшіеся на свадьбу царьки заспорили о томъ, кто на свѣтѣ вѣрнѣе: жена ли, мать, или отецъ. Соломонъ, желая показать, что собака вѣрнѣе жены, ударилъ кнутомъ сначала собаку; та завизжала, но когда онъ ее позвалъ, бросилась къ нему и стала лизать ему руки. „Тогда примѣръ здзѣлавъ: узявъ, три разы такъ пугой сцёбнувъ жонку помалѐньку“. Жена страшно обидѣлась и тотчасъ уѣхала къ Давидону. Дальше такъ же, какъ въ старыхъ повѣстяхъ.

ж) Соломонъ и Іисусъ Христосъ. Этотъ эпизодъ извѣстенъ мнѣ только изъ „Народныхъ русскихъ легендъ“ Аѳанасьева (стр. 53), Львовскихъ „Памятниковъ украинско-русской мовы и литературы“ (стр. 293: як Соломон із пекла вимудрувався) и изъ сборника г. Романова. Въ послѣднемъ онъ изложенъ очень подробно. Расправившись съ своею невѣрной женой и ея похитителемъ, Соломонъ шелъ

домой. Тутъ встрѣтилъ его Іисусъ Христосъ. Вмѣстѣ пошли они въ адъ. Христосъ всѣ души вывелъ изъ ада, а Соломона оставилъ тамъ: „Суся Хрысьцё! вы мяне покипули одного“? — „А ты своёй мудросцю отгэтуль уцячешъ“. Оставшись въ аду, Соломонъ надѣлалъ шнурковъ и колышковъ и сталъ размѣривать адъ. Подходитъ чертенокъ и спрашиваетъ, что онъ дѣлаетъ. Соломонъ отвѣчаетъ, что опредѣляетъ мѣста для церквей. Тогда черти удалили его изъ ада. Мотивъ о построеніи церкви для устрашенія чертей ср. у Шейна: „Матеріалы“, II, 124 (Климко). Въ украинской легендѣ дѣло представляется нѣсколько иначе. Въ аду Соломонъ, „сѣвши почаля спѣвати воскресний канон: Б҃же мой, да вознесется рꙋка твоя! Не забꙋди нищих своих до конца!“ На вопросъ дьяволовъ, что онъ думаетъ дѣлать въ аду, Соломонъ отвѣтилъ: „слꙋхайте, дïаволы, хоть мнѣ тꙋт велѣли сидѣти, во ся Хс҃ по мене дрꙋгïй раз вернет сюда; тых ѿпровадивши, то еще з большим страхом по мене прïйдет“. Слышавши то дïаволы звомалися вельми й порвавши Соломона, вытрꙋтили его с пекла.—Благодаря своей мудрости, Соломонъ сумѣлъ въ аду приковать главнаго діавола, а избавившись изъ ада попасть въ царствіе небесное раньше Христа.

Такіе эпизоды о Соломонѣ содержитъ легенда, записанная г. Романовымъ. Въ ней много чертъ, не уступающихъ по своему значенію тѣмъ подробностямъ, какія находимъ въ древнѣйшихъ легендахъ про Соломона. Нѣкоторые эпизоды сохранились только въ ней одной.

Былинныхъ сюжетовъ въ разсматриваемомъ выпускѣ сборника г. Романова, какъ и въ предыдущихъ, мало (ср. Сумцовъ, 213), но все же они есть. Разные силачи обладаютъ богатырской палицей (см. въ Указателѣ, 513, подъ словомъ „булава“); разсказывается (стр. 401), какъ одинъ силачъ получаетъ необычайную силу отъ питья. „Што, Иванька: ци чувствуешъ ты силу ў сябѣ“?—Да якъ, дзѣдушка, ня чувствую: коли бъ хто поставивъ слупъ, у зѐмлю конецъ и ў небо конецъ, и ўбивъ колцо у слупъ, увесь бы свѣтъ обороцивъ! Подумавъ ёнъ, подумавъ: „много силы яму давъ“! Давъ яму стаканъ вина, што на Юрьевскій дзень пьетца, вясною; у яго силы отбылô. „Будзець сь цябе и етыя силы“! Въ одномъ мѣстѣ (468) идетъ рѣчь о полученіи силы отъ умершаго богатыря. Въ другомъ (376)—богатырь подаетъ о себѣ вѣсть на свадьбѣ спасенной имъ дѣвушки, опуская кольцо въ стаканъ вина. Сраженіе съ разными змѣями дѣло постоянное (см. въ Указателѣ, 516, подъ словомъ „змѣй“). Разные силачи добываютъ себѣ коней такъ же, какъ богатыри (ср. въ Указателѣ, 520, подъ словомъ „конь“). Это больше паршивые жереб-

чики, которые на свободѣ затѣмъ выпасываются въ замѣчательныхъ коней. Упряжь на нихъ дорогая: „Цяперь“, говоритъ одна такая лошадь, „мяне сѣдлай: кладзи на мяне сядло черкесськая, потпружи мяне двѣнадцацимы потпругамы! Цяперь садзись на мяне лѣпко и дзяржись крѣпко, и узнимемся вышы лѣсовъ стоячихъ, вышы воболокъ ходзячихъ“! (363, ср. еще 377). Въ параллель былинной „шапкѣ земли греческой“ или извѣстному колоколу на головѣ старчища-пилигримища можно указать здѣсь богатырскую шапку въ 500 пудовъ, которая давитъ людей: „быгытырськыя шапка дужа цяжолыя, дыкъ ина зыдавила яго“ (147, ср. еще 118). Оборотничество Волха Всеславьевича найдетъ здѣсь также не мало параллелей, напримѣръ, хотя бы въ слѣдующемъ мѣстѣ (489): „Пиридо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ“. Вообще при разборѣ былинъ и сказокъ разнаго рода въ данномъ выпускѣ можно найти не мало интереснаго во всѣхъ отношеніяхъ матеріала. Сравненія, несомнѣнно, облегчатся благодаря указателю, который впрочемъ можно бы составить значительно полнѣе, а главное—расположить въ строгомъ алфавитѣ. Слѣдовало также, по образцу прежнихъ выпусковъ, при сказкахъ отмѣтить параллели изъ другихъ собраній, какъ къ цѣлымъ сказкамъ, такъ и къ отдѣльнымъ ихъ частямъ и сюжетамъ, по крайней мѣрѣ изъ русскихъ собраній.

Многія изъ напечатанныхъ въ разсматриваемомъ выпускѣ сказокъ изобилуютъ очень интересными чертами стариннаго быта, удержавшагося до сихъ поръ лишь въ незначительныхъ пережиткахъ. Приведу нѣсколько примѣровъ. Въ сказкѣ „Васька Попялышка“ (стр. 127) дочки змѣя для подтвержденія своей клятвы „по кому зямли зьѣли“; такъ же клянется въ сказкѣ „Настася Прикрася“ (376) царевна: цыганъ „вынимаиць ножъ и говориць: присягни, што я цябе ратувавъ отъ зьмѣя и будзишъ мнѣ жана... ина комъ зямли зьѣла нирядъ имъ“... Въ сказкѣ „Шкляныя горы“ (108) находимъ такой эпизодъ: Иванъ Знайденъ приходитъ къ Юрію; послѣдній крикнулъ молодецкимъ голосомъ. „Якъ идуть къ яму вовки, скольки ё на сьвѣти“... Такимъ образомъ Юрій распоряжается волками; недаромъ говоритъ народъ: что у волка въ зубахъ, то Юрій далъ. Въ этомъ случаѣ данный сказочный эпизодъ совпадаетъ и съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ духовнаго стиха про Егорія. Въ сказкѣ: „Семь Сяменовъ“ (105) судъ постановилъ наказать волшебницу мачеху слѣдующимъ образомъ: „узяць осиновую дровину, и убіць у грудзи ле,

и дзѣ мѣсто неспособное, положиць яѐ“. Въ великорусскихъ сказкахъ о семи Семенахъ конецъ обыкновенно другой (ср. Аѳанасьевъ, № 84). Какъ приведенное мѣсто напоминаетъ извѣстныя расправы съ колдунами или съ опивцами въ заговорахъ!

Разсматривая VI вып. „Бѣлорусскаго сборника“ г. Романова, нельзя ограничиться только его литературнымъ значеніемъ. Издатель большинство сказокъ (74%) записалъ самъ, да и остальныя (26%) или записаны подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. Романова, или доставлены вполнѣ надежными лицами. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ настоящее собраніе очень цѣнно и для характеристики языка извѣстной мѣстности. Впрочемъ, это значеніе нѣсколько ослабляется по слѣдующимъ причинамъ.

а) Въ Могилевской и Витебской губерніяхъ много великоруссовъ-раскольниковъ, которые поселились тутъ уже давно, въ Могилевской губерніи еще въ XVII вѣкѣ. Въ 1881 году въ разныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи ихъ числилось 16.753 человѣка (Дембовецкій: Опытъ описанія Могилевской губерніи, I, 665). За 20 послѣдующихъ лѣтъ количество ихъ, конечно, значительно возросло, да и прежде ихъ бывало иногда очень много—до 40.000, напримѣръ, въ 1735 году (Демб., Оп., I,659). Нечего и говорить про Витебскую губернію, откуда также имѣются сказки у г. Романова: она въ значительной своей части имѣетъ сосѣдями сѣверно-великоруссовъ, да и въ разныхъ мѣстахъ внутри ея находится не мало великоруссовъ, особенно единовѣрцевъ и раскольниковъ. Въ 1894 г. единовѣрцевъ въ губерніи было 5.486 человѣкъ, старообрядцевъ 86.149 душъ, всего 91.635 человѣкъ (ср. Романовъ: Матеріалы по исторической топографіи Витебской губерніи, 60). Имѣя въ виду частое общеніе бѣлоруссовъ съ великоруссами въ указанныхъ мѣстахъ, мы естественно будемъ склонны къ предположенію, что на народныхъ говорахъ Могилевской и Витебской губерній будетъ часто замѣтно сильное великорусское вліяніе даже съ оттѣнками церковно-славянщины. Все это, какъ увидимъ, и подтверждаютъ записи г. Романова.

б) Въ „Матеріалахъ по исторической топографіи Витебской губерніи“, стр. 52, г. Романовъ говоритъ: „Для меня не составляетъ загадки и обиліе полонизмовъ въ текстахъ произведеній бѣлорусской народной словесности, записанныхъ польскими этнографами, даже въ записяхъ вполнѣ добросовѣстныхъ. Я знаю по собственному опыту, что бѣлорусскій пѣвецъ или сказочникъ большія усилія прилагаетъ къ тому, чтобы передать произведеніе языкомъ вполнѣ до-

ступнымъ и понятнымъ его слушателю, и вслѣдствіе этого съ великоруссомъ говорить по-русски, съ полякомъ якобы по-польски, „съ паномъ по-пански“ и т. д. Стремленіе это до такой степени сильно, что даже собирателю-бѣлоруссу, являющемуся въ глазахъ разсказчика все же „паномъ“, приходится зорко слѣдить за языкомъ произведенія, во избѣжаніе испещренія его формами и словами, несвойственными бѣлорусскому языку. Поэтому приступать къ выводамъ на основаніи подобныхъ записеїі слѣдуетъ съ большою осторожностью, иначе можетъ получиться такой нежелательный фактъ, что за языкъ народа будетъ принятъ тотъ невозможный жаргонъ, который измышленъ авторомъ или записывателемъ“. Приведенную выдержку непремѣнно слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи записей въ сборникѣ г. Романова. Какъ иначе объяснить такія, напримѣръ, несвойственныя бѣлоруссамъ формы и выраженія, какъ (беру первыя попавшіяся): отвѣщавъ (обычное въ сборникѣ) вмѣсто отказàў, казàў, даже отв*ѣ*ціў, возлюбленный 1, пріўкрасной ib., распрашавацъ ib. вмѣсто распытывацъ, дзѣствицялно ib., нельзя ib., потъ сохраненіемъ ib., плоцадзь ib., дзѐньги ib., завѝсиць 3, являетца ib., пожалуста ib., дура ib., ленты ib., шкапъ ib., сцёклы ib., провизіи ib., сундукъ ib., далякò вм. далёко, свойго чада-дитяти 14, тяперыча 40, учицеля́ приказали 40, нярстомъ 41, обядзѝцелно (= убѣдительно) 44, сядзиць другой 45, младыжъ-юнонъ 48, *эгъ, господа* кавалерія, руськаго цара *воины* 57, побачимъ разныхъ овещей (= вещей) 61, куща 61, естли вм. *коли* 62, кольцо имянноа 62, былѝ рады, що *друхъ друха* найшовъ 64, *пойдутки я посмотру* на гиньджалъ, якъ то мой братъ *находитца* 65, забира-ка (=бери) 67, вездѣ „дочаръ“ вм. дочкá, „бярэменный“ вм. ў цяшкў или цижáрная 101, выпивъ *стаганъ* чаю, шклянку 118, роща 202, охота ib., лакей ib., прудъ 119, цилисá (=*тѣла*) 150, супруга 152, никого нѣтути 164, ни видзивъ никогò—ни чаловѣка проходзяща, ни птицы пролетащи 225, объ государствянныхъ дочаровъ 319, отсюля́ 322, градъ (=городъ) 385 и т. д. На 340 страницѣ даже самъ Романовъ дѣлаетъ приписку о томъ, что „языкъ отчасти подвергся вліянію живущихъ здѣсь (въ Рогачевскомъ у.) старообрядцевъ-великоруссовъ“; но языкъ этой сказки, вообще говоря, не отличается отъ языка другихъ.

в) Не слѣдуетъ придавать особенное значеніе и тому, что записи въ большинствѣ случаевъ сдѣланы подъ диктовку неграмотныхъ лицъ: живое общеніе съ великоруссами, всеобщая воинская повинность, языкъ церкви и поучительное слово священника, общеніе съ грамотными (а

теперь, думаю, они попадаются въ каждой семьѣ) не менѣе содѣйствуютъ воспріятію особенностей великорусской и въ частности литературной рѣчи, нежели и грамотность. Мнѣ тоже приходилось дѣлать бѣлорусскія записи, при томъ чаще подъ диктовку грамотныхъ лицъ, и записи имѣли меньше великоруссизмовъ, нежели у г. Романова: я только всегда предупреждалъ моихъ пѣвцовъ или разсказчиковъ, чтобы они говорили по-просту; иногда прорывались у нихъ литературные слова и обороты, но стоило только переспросить при чтеніи своихъ записей, и они тотчасъ поправляли свои промахи. Еще одно обстоятельство бросается въ глаза при чтеніи приписокъ подъ сказками: вездѣ фамиліи крестьянъ больше имѣютъ окончанія на-овъ, -евъ, -инъ (Ясоновъ 7, Андреевъ 14, Ивановъ 25, Ѳедоровъ 36, Алексѣевъ 60, Григорьевъ 70, Елисеевъ 81, Силинъ, Лукьяновъ 90 и т. д.). Имѣя въ виду, что въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи фамиліи крестьянъ не имѣютъ подобныхъ окончаній, я обратился къ одному моему знакомому, родомъ изъ с. Черетянки Гомельскаго уѣзда, за разъясненіемъ этого обстоятельства. Тотъ мнѣ отвѣчалъ, что попадаются подобныя фамиліи, но не чаще, чѣмъ на -скій и -вичъ, а также съ другими окончаніями; между прочимъ приведенная у г. Романова въ V-мъ вып. (стр. 444) фамилія Бѣляевъ неправильна: этотъ крестьянинъ называется Лука Бѣляй. Очевидно, или лица, записывавшія для г. Романова, старались придать великорусскую окраску фамиліямъ своихъ разсказчиковъ, или же (что вѣроятнѣе) сами разсказчики „передъ русскимъ бариномъ“ хотѣли стать вполнѣ русскими; возможно конечно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ отечества употреблены вмѣсто фамилій.

г) Еще одно обстоятельство нѣсколько умаляетъ значеніе записей г. Романова: это отсутствіе хотя бы полуфонетическихъ записей. Одного № 17-го, записаннаго болѣе или менѣе фонетически, для всесторонняго сужденія о языкѣ мало. Неударяемыя *о* и *е* не вездѣ въ Бѣлоруссіи читаются „по-русски“ (предисловіе II), т. е. не во всѣхъ случаяхъ одинаковая степень аканья. Слѣдовало изъ каждаго уѣзда хотя бы по одной сказкѣ (или болѣе или менѣе значительной части ея) записать фонетически. Никакой пестроты не было бы, какъ нѣтъ ея и теперь, хотя всѣ согласные (впрочемъ не безъ отступленій) переданы фонетически; *дз* и *ц* мягкіе удачно обозначены, по системѣ Безсонова, посредствомъ *д* и *т* съ надписною чертой; да и гласные часто передаются фонетически (*у* вм. *о*, *э* вм. *о* и т. под.).

Несмотря однако на все вышеизложенное, VI вып. „Бѣлорусскаго

сборника" г. Романова даетъ, вообще говоря, массу очень цѣннаго лингвистическаго матеріала. Въ этомъ случаѣ значеніе его едва ли не выше даже литературнаго. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ, больше случайныхъ.

Въ области *гласныхъ*—случаи 1) появленія *а* вмѣсто безударныхъ *ы* и *и* (отвердѣвшаго вторично); стар*а*ка 40, ч*а*сло 41 Горецк., мяне уд*а*р*а*цъ 49 ib., ёнъ лёхк*а*мъ ударомъ лошадзь ударивъ 50 ib., разн*а*ми скидаваютца звярыми 51 ib., спраш*а*ваецъ 53 ib., п*а*татца 110 Черик., пошли п*а*ратца 119 ib., пос*а*лаець 310 ib., с*а*грацъ 376 Мстисл., н*а*шыпавъ разн*а*хъ (плодовъ) 379 Климов., б*а*ла 381 ib., на мбг*а*лку 470 Сѣнн.

2) Появленія *а* вм. *е* безударнаго въ началѣ словъ: *а*сли (если) 327 Орш.

3) Появленіе *у* вм. безударнаго *о* (=о, *ъ* и *ь* послѣ шипящихъ): обн*у*ч*у*вавъ 1 Чаусск., п*у*г*у*дуватца 27 Черик., разыск*у*вать 348 ib., ск*у*вавъ (при сковали) 45 Горецк., *у*тэтый=отъ (вотъ) этый 61 Гомельск., вярёвк*у*ю разьмѣрили 73 Климов., ставъ уж*у* просітца 123 Мстислав., благ*у*сл*у*венію 255 ib., к*у*рчевъя 355 ib., вин*у*вать ib., по ет*у*му п*у* мосту 378 ib., тих*у*, мой жарабокъ 440 Сѣнн., царевна тройк*у*ю по горыду прикатытца 465 Климов., стрѣцицъ зъ музук*у*ю 469 ib.

4) Это же *у* является также вм. *а* безударнаго, совпавшаго съ *о* безударнымъ: комн*у*тку 354 Мстисл., ёнъ вырв*у*ць 147 Клим., поглядзитк*у* 37 Горецк.; той же участи подверглось и *а* вторичное изъ *ѣ* безударнаго: стр*у*чая (=встрѣчаетъ) 340 Быx.

5) Есть нѣсколько случаевъ, когда *у* имѣемъ на мѣстѣ *ы* и *и* (отвердѣвшаго вторично): общимъ съ малорусскимъ будетъ *у* въ б*у*ло 9 Гом., ср. 470 Сѣнн.; другіе случаи: муж*у*кй 91 Горецк., муз*у*кую 469 Клим., в*у*ходзицъ 26 Черик. Въ трехъ послѣднихъ примѣрахъ, очевидно, та же особенность, которую отмѣтилъ А. И. Соболевскій въ „Опытѣ русской діалектологіи" на стр. 88.

6) Вмѣсто ударяемаго великорусскаго и отчасти бѣлорусскаго *о* часто имѣетъ *э*; особенно обычно *э* на мѣстѣ ударяемаго *ы* въ группѣ *ыj* изъ основного *ы* неполнаго образованія передъ *j*; послѣ задненебныхъ вм. *э* конечно бываетъ *е*: тэй бо́льшій пошовъ 32 Черик., класъ тэй 40 Горецк., тэй коваль (рядомъ съ „той дурачокъ") 325 Рогач., однэю рукой 40 Горецк., по 'днэй итази 42 ib., другѐю (рукою) 393 Сѣнн., тэя дворныя усе́рдзилися 30 Черик., яке́я дровы 147 Клим., Орш., браты тэя поѣхали 255 Мстисл., бацька изъ маткой старэ̀я 288

браты тэя злэя духи искушаюць 466 Клим., мошэньники вы такѐя 464 ib.

7) Появленіе *и* вм. *о* подъ вліяніемъ разныхъ причинъ: ипять 41 Горецк. (перетолкованіе слова, заимствованнаго изъ великорусскаго), *и*стриця, найстрили 357 Мстисл., ажн*и* вм. ажно 136 Сѣнн.

Въ области *согласныхъ* отмѣтимъ, напр., слѣдующіе случаи:

1) Смѣшеніе *ч* и *ц* въ сѣверовосточныхъ областяхъ, встрѣчающееся иногда и въ другихъ мѣстахъ: у своё *ч*арство 236 Сѣнн., *ч*арськихъ 400 Чаусск., сястри*ц*ки 164 Город., мучи*ц*ки 312 ib.

2) Смѣшеніе *ж* и *з*: у жы*ж*ни своёй 17 Гом., колодзи*ж*у 255 Мстислав. Впрочемъ, въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ это явленіе не сходно съ подобнымъ въ псковскихъ говорахъ. Зар*з*ала 50 Горецк.= основ. сл. ржзати.

3) Замѣны основной группы *dj*: рождж*о*нъ (рядомъ съ рождзёнъ) 39 Горецк., приваджуюць 30 Черик., на купца походжъ 309 ib.; вліяніе литературной рѣчи: ми*жд*а субой 15 Гом., ср. 44 Горецк., 91 ib., осу́ждан 44 ib.

4) Очень обыченъ въ нѣкоторыхъ могилевскихъ говорахъ пропускъ *j* между гласными: ёнъ призыв*аа* 15 Гом., выпив*аа*, отвящ*аа*, пригон*яа* 19 ib., т*аа*, котор*аа* 51 Горецк., пожыр*аа* 61 Гом., коп*а*чку 82 Быx., погуля́мъ 215 Гом., тая можа ти ня зн*аа*, т*уу* спросить 217 Гом., ёнъ выним*аа* совсимъ сыр*оа* 341 Быx. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пропускается *j* вторичный изъ *ж*: ёнъ к*аа* (=каже) 8 Гом., мо́ецъ (=можетъ быть) 30 Черик., 44 Горецк., ёнъ отвящая: м*оо* такъ 205 Гом. Пропускъ *j* въ началѣ слова:... ня ѣли, *а*къ тутъ намъ дали 43 Горецк.

5) Пропускъ разныхъ согласныхъ: стручая 340 Быx. (вм. встрѣчаетъ), дзѣюшкинъ (=дѣвушкинъ) 454 Сѣнн., лядѣти 60 Гом., полятитка (=поглядика) 325 Рогач., ли вм. дли—для: заказавъ ли сябе обѣдъ 4 Чаусск., пріяжджають къ вору (=двору) 102 Гом., поняй (=погоняй) 61 Гом., къ табѣ оявимся 82 Быx.

6) Приставка *в* передъ *о* и *у*: у вотца, вумпыи 254 Мстисл., увыйшли у лѣсъ у вогромный 342 Быx. Интересно: дали яму хвацеру ўвы вдовы 71 Клим. Въ словахъ „ох*в*оцитца", „на х*в*оту" 70 Клим. вставочное *в* объясняется народной этимологіей.

7) Повидимому, отъ старины удерживается твердость согласныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ: молодзёцк*ы*мъ голосомъ, ѐтак*ы*хъ 40 Горецк. Вторичное отвердѣніе: кр*ы*лцо 26 Черик. Вторичное умягченіе: хто раз*ь*ница 348 Черик., куролевсьтво 15 Гом.

8) Случаи однородности звуковъ: на куриной нóэцы 289 Орш., *миз*ь сóбку 380 Климов., *иж*ъ жаной 326 Рогач.

Какъ примѣры болѣе рѣдкихъ случаевъ въ области *склоненій* отмѣтимъ:

1) Смѣшеніе основъ у именъ существительныхъ: сынъ Пётр*а* 18 Гом., повырвавъ гвозды 237 Сѣнн., дакъ моѐ чад*ы* немà 14 Гом., по разному им*ю* давъ 286 Орш., получыли вы яко-нибудь повѣст*я* 15 Гом., уходзиць у нѣйкое у царств*я* 136 Сѣнн., горшокъ капуст*и* 316 Город., на одинъ сажаиъ 288 Орш.

2) Перемѣна рода и склоненія: свой мечь, етой мечи, свою мечь 18 Гом., сказавъ своѣй слузѣ 19 ib., уловлю я ет*у* (=ето) коцёшка и зъѣмъ яго живого 4 Чаусск.

3) Особенности въ падежахъ: поѣхавъ ёнъ подъ дуб*а* 301 Черик.; сын*овъё* моѐ любимыя 26 ib., булó у яго тры сын*овъё* 470 Сѣнн., яны не кобылицы, да зьмя*йё* 397 ib., ну, господа сват*овъя* 284 Чаусск.; употребленіе дат. п. вм. твор.: абарацѝлись сы̀зымъ вỳткамъ 150 Город., залились яны буйнымъ, горючимъ слезамъ 164 ib., усыпавъ трёмъ пальцамъ мучицки 312 ib.; творит. на—*ы*: изъ намы 40 Горецк., зь им*ы* 41 ib., двенадцацим*ы* потпругам*ы* 363 Орш.; звяр*ы*ми 51 Горецк.; мѣстный на—*охъ*: на вусóхъ дзяржи́ць 119 Чериков., на тыхъ дубóхъ 280 Чаусск., я по грибóхъ ходзила ды заблудзила 393 Сѣнн.

4) У прилагательныхъ род. п. ед. ч. жен. р.: гэтак*ія* красив*ыя* у свѣци нема 293 Орш.

5) Разныя особенности у мѣстоименій и числительныхъ: якъ гóра менѣ було 24 Гом., мижда субóй 15 ib., мижда соби 44 Горецк., яни (=они) 91 ib., у одныѐ (род. ед. ж. р.) мужа 322 Рогач., и не спали яны усеѐ ночь 300 Черик., отъ двёхъ смяртей 13 Гом., твоихъ двёхъ сястёръ 322 Рогач.

Въ области спряженій отмѣтимъ:

1) Особенности въ образованіи основъ: спрашаваемъ 27 Черик., скидаваютца 51 Горецк., ёнъ погулюець у дому 44 ib., спрашіеця 29 Черик., спрашіець 44 Горецк., спрашіть 70 Клим., выстрівся 74 ib., своихъ мужовъ знỳджіимъ (=утруждаемъ) 255 Мстисл.

2) Настоящее время. *3 л. ед. ч.*: ё ỳ яго сямикрылная лошадь 9 Гом., якій бывъ, такій и ё 14 ib., уси ёсь 296 Орш., отъ идиць дальше (=вотъ идетъ онъ дальше) 51 Горецк.; ёнъ говора, живѐ 7 Гом., спрашуя 8 Гом., мяне ỳцѣша, бача 82 Бых., царъ проѣждаiь и ви́джа 101. *1 л. мн. ч.*: вывядомъ 15 Гом., мы могомъ уѣхать,

сюды принясомъ 19 ib., вѐрномся 252 Могил. *3 л. мн. ч.*: яны у комлаты ускакуять 205 Гом., яны поўзлàжавали жалудьдя ѣсть да й пяюти тамъ 325 Рогач., зъѣхалися умѣсто ўси и гуворати Ворону 209 Гом.

3) Давнопрошедшее: я крэпко ужасно бывъ успувъ 51 Горецк.

4) Причастія: ёнъ голо̀ся якъ яго могà 325 Рогач., отслужомши годъ 298 Черик.

Но особенно много въ разсматриваемомъ выпускѣ разнаго *синтактическаго* матеріала; приведу нѣсколько примѣровъ: и поѣхавъ ёнъ подъ дуба подъ етаго 301 Черик.; царъ проѣждавъ и виджа ета притча, што на 'дномъ коню усямёхъ пашуть 101 Гом.; сказавъ: господа, вы вышлитя... Го́спода отвястѝла 18 Гом.; ужэ ўси народы съ цэрквы попошли 318 Рогач.; сьмяютца коло мяне 288 Орш., ср. 362 ib., 412 Чаусск.; тогды пріѣхали яны дома 366 Орш.; на вочахъ насѐть (=слѣдитъ за нимъ) 237 Сѣнн.; росъ не по годахъ, да по часахъ, да по минутахъ 340 Бых.; слыхо̀мъ було слыхаць а цяперъ и ў глазы видаць 342 ib.; я ёсь одзинъ у доми 42 Горецк.; а осьмъ Микѝта 386 Сѣнн.; пошли у лазьню у гэту 119 Черик.; супруга ягоная (=его) 152 Город.; ну, якъ ици, дыкъ ици—потходзиць 49 Горецк.; отъ ѣдзець. Якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць—узьѣзжжаець на чистое поля 47 Горецк.; якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи—узбѣгаецъ ёнъ 238 Сѣнн.; самъ поѣхавъ къ отцу. Мацъ померши, только три дни ни засьпѣвъ 318 Город.; не запилновали—и стохъ украдзено 287 Орш.; мо̀ець, я ци не допытаюсь рячей у яго 30 Черик.; тоды ёнъ уже, скушно яму̃ стало тамъ,—ли жа пройцѝтца, ли жа прокацѝтца хочетца 2 Чаусск.; лошадзь — разинувъ ротъ на еты снопы. Только проглыцѝць—казакъ Михайла хвацивъ яѐ за грыву 49 Горецк.; што мы и сколько живемъ на свѣци, ну еткаго кушанья ня ѣли, акъ тутъ намъ дали 43 Горецк.; служба ня будзець цижала: у мяне ўсяго трохъ кобылицъ пасциць троя судокъ 52 Горецк.; яны дальше удвойнѣ, чимси учора были 54 ib.; ѣдучи имъ по дорози, захоцѣлося спаць Ялени и Ивану царевичу 5 Чаусск.; я ўловивъ, сѣно ядучы (=поймалъ, какъ она ѣла сѣно) 288 Орш.; бросивши гусьли, самъ наўходакà 309 Черик.; попавъ мужичка худачка на поли оручѝ 426 Сѣнн.; вы больша́й семъдзесятъ лѣтъ мѣеця 37 Горецк.; набивъ усякія зьвирины бисъ конца 70 Климов.

Въ 1899 году я имѣлъ случай говорить о первомъ томѣ собранія Федеровскаго (ср. Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности

Импер. Академіи наукъ, IV, 349—353); въ настоящее время передъ нами 1-ая часть II-го тома названнаго собранія, заключающая въ себѣ сказки „фантастично-миѳическія“. Всѣхъ записей здѣсь 410. Расположены онѣ въ слѣдующемъ порядкѣ I. Міръ животный (Thier-epos). Сказки, въ которыхъ выступаютъ а) одни только животныя: муха, шершень, сова, мышь, заяцъ и жаба, коза и волкъ, пѣтухъ, котъ и лиса, пѣтухъ, баранъ и волъ (№№ 1—13); б) животныя и люди: воробей, пѣтухъ и курица, коза, лисица и волкъ, лисица и ужъ, собака, медвѣдь, левъ (№№ 14—36); в) животныя и духи: чортъ и котъ (№ 37). Міръ фантазіи (миѳическія особенности и звѣри съ сверхъестественными свойствами): а) говорящія животныя (№№ 38—46), б) говорящія животныя и миѳическія существа (№№ 47—60), в) звѣри, миѳическія существа и богатыри (№№ 61—68), г) смѣсь: говорящія деревья, поющая дудка, живая и мертвая вода и под. (№№ 69—83). III. Міръ духовный: а) человѣкъ—жизнь теперешняя и будущая (№№ 84—93 и 394—400), б) олицетворенныя существа—болѣзни, смерть и т. п. (№№ 94—103), в) люди—духи (чародѣйство: знахари, вѣдьмы) (№№ 104—170), г) духи, привидѣнія, божества (№№ 171—300 и 401—403), д) Богъ, святые, священники (№№ 301—349 и 404), е) преданія объ извѣстныхъ мѣстахъ (№№ 350—384 и 405—410). Такимъ образомъ содержаніе настоящаго полутома составляютъ сказки, по терминологіи старыхъ этнографовъ, изъ міра животнаго, миѳическія, космогоническія, легенды, преданія, народныя вѣрованія. Матеріала изъ указанныхъ областей здѣсь сообщается масса. „Старинныя преданія западно-бѣлорусскаго племени“, говоритъ Федеровскій (XIII), „представляютъ столь неизмѣримо богатый матеріалъ, что смѣло можно считать ихъ самымъ обширнымъ отдѣломъ среди всѣхъ произведеній, входящихъ въ составъ устной его словесности“. Слова эти, несомнѣнно, справедливы и имѣютъ силу не только по отношенію къ западной Бѣлоруссіи, но и къ восточной; наглядно убѣдиться въ этомъ можно, если примемъ во вниманіе хотя бы количество напечатаннаго до сихъ поръ матеріала указаннаго рода: у Романова 1191 стр., у Добровольскаго („Смоленскій этнограф. сборникъ“) 700 стр., у Шейна („Матеріалы“) 472 стр., у Федеровскаго 360. Если сюда присоединить еще подобные матеріалы, напечатанные Никифоровскимъ, Дмитріевымъ и нѣкоторыми другими, то получится въ общемъ около 3000 страницъ убористой печати. Количество это, впрочемъ, значительно уменьшится, если выбросить повторенія и маловажные варіанты.

Напечатанный въ настоящемъ выпускѣ матеріалъ, какъ можно

уже было видѣть изъ краткаго обозрѣнія содержанія, очень разнообразенъ, но не всему ему должно быть мѣсто въ этомъ полутомѣ. Если его содержаніе „baśne fantastyczno-mityczne", какъ это обозначено на обложкѣ, то какое имѣютъ сюда отношеніе всѣ разсказы про знахарей, вѣдьмъ (отдѣлъ III, статья 3)? Мѣсто имъ было въ I томѣ, гдѣ шла рѣчь о людяхъ, обладающихъ демоническими свойствами. Также и разсказы про Бога, его святыхъ, про діавола уже приводились въ I томѣ, равно какъ и сказки о мифическихъ сверхъестественныхъ существахъ. И самъ авторъ (Предисловіе, VIII) сознаетъ, что эти матеріалы скорѣе относятся къ I тому. Такая путаница въ расположеніи произошла отчасти отъ того, что многіе изъ напечатанныхъ въ разсматриваемомъ полутомѣ матеріаловъ записаны послѣ составленія I тома, а главнымъ образомъ отъ того, что авторъ держался странной системы въ расположеніи произведеній народнаго творчества. Основа для ихъ дѣленія не была строго обдумана: вѣрованія, предразсудки и сказки далеко не одно и то же. Къ первымъ народъ питаетъ полное довѣріе, тогда какъ сказки онъ разсказываетъ лишь для забавы или нравоученія, но содержаніе ихъ не считаетъ дѣйствительно бывшимъ: это—складка. Ясно, что въ отдѣлъ сказокъ не могли войти разсказы про знахарей, вѣдьмъ, отчасти про Бога и его святыхъ, равнымъ образомъ преданія про разныя мѣста. Во всемъ этомъ, съ точки зрѣнія народа, не фантастическій разсказъ, а правда. Какъ справедливо отмѣтилъ въ своемъ отзывѣ о сказкахъ, собранныхъ Романовымъ, проф. Сумцовъ, прежняя система дѣленія этого рода произведеній, въ которой особенно большой отдѣлъ давался на долю мифическихъ сказокъ, въ настоящее время наукой не можетъ быть признана удовлетворительной (Отчетъ о пятомъ присужд. премій Макарія, 167); единственно раціональнымъ, по моему мнѣнію, было бы такое дѣленіе, въ которомъ весь сказочный матеріалъ былъ бы расположенъ по предметамъ, по сказочнымъ сюжетамъ. Тутъ естественно животный эпосъ выдѣлился бы въ одну группу, сказки съ дѣйствующими въ нихъ неодушевленными предметами въ особую группу, міръ духовъ составилъ бы особый отдѣлъ, сказки про человѣка опять соединились бы вмѣстѣ и т. д. Отдѣльные предметы и лица, ихъ подвиги и дѣйствія и т. д. составили бы подраздѣленія этихъ группъ. Расположить въ подобной системѣ особенно легко было бы записи г. Федеровскаго, такъ какъ онѣ вообще очень невелики, иногда только въ нѣсколько строкъ. Не думаю, чтобы и дальнѣйшая классификація сказокъ была лучше, насколько можно судить объ этомъ по той части

предисловія къ сборнику (XIV—XV), гдѣ говорится о предполагаемомъ расположеніи всего матеріала; одно служитъ утѣшеніемъ, что къ обоимъ томамъ сборника приложены прекрасные указатели темъ и предметовъ; кромѣ того передъ каждымъ отдѣломъ имѣется подробное перечисленіе сюжетовъ и заглавій сказокъ.

Что касается внутренняго достоинства разсматриваемаго собранія, то оно, несомнѣнно, велико: по словамъ автора, „всѣ безъ исключенія матеріалы въ этомъ собраніи представлены въ ихъ родной одеждѣ, какъ были взяты изъ устъ народа. Конечно, письмо не можетъ замѣнить фонографа, говоритъ г. Федеровскій: но во всякомъ случаѣ я старался записывать насколько возможно точнѣе, если только мнѣ слухъ не измѣнялъ“ (Предисловіе, XV). Указаннымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ извинить и то, что многія сказки представляютъ изъ себя уже извѣстные изъ другихъ сборниковъ разсказы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполнѣ съ ними совпадающіе, въ другихъ отличающіеся отъ нихъ въ немногомъ. Но всѣ такія произведенія очень цѣнны въ отношеніи языка. Жаль, что авторъ нигдѣ не сдѣлалъ указаній варіантовъ, хотя бы изъ другихъ бѣлорусскихъ собраній: вѣдь, эти собранія ему были извѣстны; только при легендѣ о кровосмѣсителѣ сдѣлана ссылка и то лишь на Чубинскаго да на Zbiór wiadomości, XIII т., тогда какъ этотъ сюжетъ извѣстенъ и по другимъ изданіямъ, между прочимъ развивается и въ пѣсняхъ (ср. Отчетъ о пятомъ присужденіи премій Макарія, 161—163). Въ небольшой замѣткѣ не стану дѣлать подробнаго разбора сюжетовъ настоящаго полутома, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи этого изданія могутъ встрѣтиться сходные мотивы,—я разсмотрю только одну сказку: „Абъ рыцару, якъ юонъ забіў змѣя“ [1]). Эта сказка (стр. 82) представляетъ рѣдкій въ Бѣлоруссіи, особенно западной, отголосокъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ (ср. еще у Романова, IV, 17, гдѣ только одинъ эпизодъ: исцѣленіе сидня и очистка имъ поля отъ пней). Въ ней разсказывается, какъ въ одной деревнѣ жили мужъ да жена; у нихъ былъ только одинъ сынъ, но и онъ „не мѣў жа́днаи вла́дзы да трыдзесту лѣтъ“. Пошли его родители однажды въ поле жать. Вотъ приходятъ къ ихъ дому три старика и просятъ у сына напиться. А онъ говоритъ: „Даў бы я вамъ, алѐ не могу хадзиць“. Такъ ены ка́жуць ему: „Напрабу́й ты аднаѐю нагѐю, чы ты можашъ ею рухаць“. Онъ двинулъ ногой и почувствовалъ, что мо-

[1]) Во избѣжаніе типографскихъ затрудненій вмѣсто сборной латиницы употребляю кирилловское письмо.

жетъ ходить. По просьбѣ стариковъ онъ принесъ имъ полное ведро вина и сказалъ: „Пійце".—„Папрабуй самъ напицьсе". Онъ все это вино сразу выпилъ. Затѣмъ ему предложили принести два раза столько. Онъ и это выпилъ. То же онъ сдѣлалъ и въ третій разъ. Тогда его спрашиваютъ: „Ну, якъ у цебе вѐлька [1]) сила есть"?—„Чую—кажа—такую силу, цо муогъ бы ўсю зѐмлю перавернўць, жобъ тылё дали мнѣ такй стоўпъ". Старцы предлагаютъ ему еще разъ выпить вина, послѣ чего у него силы осталась уже только половина. Уходя, они даютъ ему булавку („шпильку зъ галоўкаю на канцў"), изъ которой кузнецы должны были выковать ему палицу въ семь пудовъ. Кромѣ того, старики дали ему желѣзный лукъ и двѣнадцать стрѣлъ („куль"—пуль, по несообразительности разсказчика): „Гэты лукъ, то будзе табѣ на тые рязбуойники, цо ў лѣси ў такумъ мѣйсцу есть". Научили они, какъ и коня раздобыть. „Сѣвши на него", сказали они: ѣдзь просто на схудъ слуонка безъ (=черезъ?) гэтые лѣсэ, то ѣдучы напаткаешъ заразъ дванасце разбуойники, то заразъ кладзи ў лукъ кулѝ и бій. Пòтымъ—кажуць—... ў лѣсѣ знайдзешъ тамъ дванасце дубэ агрòмныхъ, а на ихъ гнѣздò, а ў туомъ гнѣздзѣ змѣй будзе зъ аднаѐю галавою. Якъ будзешъ подъѣжджаць, то юонъ свисне, але ты не ўважай... А якъ юонъ высадзиць гòлаў, то ты чымхучѣй кладзи кулю ў лукъ и пападай смў ў правае око... привежы да сѣдла и ѣдзь зь имъ просто да кроля". У короля будетъ большой пиръ, на которомъ будутъ похваляться, кто чѣмъ можетъ. Старики совѣтуютъ отвязать тогда змѣя, „жебы па сваѐму свиснуў, то ены за страху попадаюць на землю и ужѐ нихто зъ табою не будзе прабавацьсе". Дальше сказали ему старики нести родителямъ въ поле обѣдъ и сами ушли. Выздоровѣвшій сидень все сдѣлалъ, какъ ему сказали.—Не знаю, какъ смотрѣть на эту сказку. Врядъ ли можно видѣть здѣсь позднѣйшее знакомство съ извѣстными былинами про Илью Муромца, распространившееся при посредствѣ грамоты: у Суховоли по-русски, несомнѣнно, рѣдко кто умѣетъ читать. Очень быть можетъ, что это слѣды стариннаго знакомства бѣлоруссовъ съ былевою поэзіей. Еще въ XVI вѣкѣ въ Бѣлоруссіи знали о богатыряхъ. Такъ, извѣстный переводчикъ Библіи на западно-русское нарѣчіе въ 1517—1525 годахъ, докторъ Франциснъ Скорина изъ Полоцка, въ предисловіи къ книгѣ

[1]) Въ записи много полонизмовъ, такъ какъ она сдѣлана у м. Суховоли Сокольскаго уѣзда.

судей говоритъ о Самсонѣ: „и иныи богатырскии многии дѣла чинилъ“, или въ общемъ предисловіи къ переводу: „аще ли же кохание имаши водати о военных а о богатырских делехъ, чти книги судеи, или книги маховеевъ“ (ср. еще мой разборъ „Матеріаловъ“ Шейна въ I-мъ присужденіи премій Батюшкова, 71—72).

Всѣ записи въ настоящемъ сборникѣ, какъ и въ I томѣ, сопровождаются указаніемъ лицъ разсказчиковъ и мѣстъ наблюденія. Въ своемъ отзывѣ о первомъ томѣ я воздержался отъ сужденія относительно точности въ передачѣ бѣлорусскихъ звуковъ, такъ какъ тогда я былъ мало знакомъ съ западно-бѣлорусскими говорами. Послѣ того мнѣ пришлось побывать въ разныхъ мѣстахъ западной Бѣлоруссіи (ср. Русскій Филологич. Вѣстникъ, XLVI, 275); кромѣ того, и редакторъ настоящаго полутома собранія Федеровскаго г. I. R(ozwadowski) побывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда сообщаются записи; да и самъ собиратель въ предисловіи помѣстилъ „Tymczasowe uwagi o narzeczu zachodnio-białoruskiem“ (XIX—XXVIII). Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго является возможность высказать свое заключеніе о точности въ передачѣ звуковъ и формъ разсматриваемой мѣстности. Оказывается, что вообще языкъ переданъ довольно точно. Одно лишь, въ чемъ я сомнѣвался при чтеніи I тома, и что́ затѣмъ подтвердилось моими наблюденіями и г. Розвадовскаго, оказалось недостаточно вѣрнымъ, основаннымъ лишь на предвзятой теоріи,—это написанія въ родѣ ịe ụo; по рѣшительному заявленію г. Розвадовскаго слоговымъ въ этихъ дифтонгахъ является *i*, *у*(*ы*) и *и*(*у*), а не *о* и *е*, т. е. равны ie, ye, uo. На мой слухъ во всѣхъ такихъ случаяхъ замѣтно закрытое *е* умягчительное, нѣсколько протянутое, и *о* закрытое, приближающееся къ *у*, тоже нѣсколько протянутое; нѣкоторая длительность *е* и *ọ* обусловливается ударяемостью слога; передъ смягченными согласными ея не бываетъ, что́ объясняется еще большей узостью названныхъ звуковъ. Кромѣ того, не во всѣхъ говорахъ даже ịe, ụo остаются безъ перемѣны. По заявленію г. Розвадовскаго, „użycie znaków ịe, ụo polega poczęści na nieporozumieniu między autorem a wydawcą tomu pierwszego, poczęści zaś na niedostatecznym opisie fonetycznym autora“ (Предисл. XXIX). Приведенное замѣчаніе о недостаточной въ фонетическомъ отношеніи записи авторомъ указанныхъ дифтонговъ вполнѣ подтверждается и тѣми замѣчаніями автора о нарѣчіи западно-бѣлорусскомъ, которыя предпосланы текстамъ. Такъ мы тутъ читаемъ, напр., cịèdzić, cịel, cịep, cịéuka и т. д. съ мягкимъ *ц* на мѣстѣ основного славянскаго *ц*, чего въ бѣлорусскомъ не бы-

ваетъ, или czätièry съ мягкимъ *t* вм. czatery, harjèch, harjeć, harjełka и т. д. съ мягкимъ *r*, чего опять въ данной мѣстности не бываетъ; подобныхъ примѣровъ особенно много (см. стр. XX). Далѣе употребленіе въ началѣ словъ u̯ и u (т. е. ў и у), по свидѣтельству проф. Розвадовскаго, не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла: u̯ (ў) бываетъ лишь послѣ гласныхъ предшествующаго слова и передъ согласнымъ слѣдующаго (XXXI). Въ нѣкоторыхъ однако случаяхъ, я думаю, г. Федеровскій вѣрно уловилъ бѣлорусское билабіальное *в*: это когда оно приставляется передъ *о* въ такихъ случаяхъ, какъ: u̯òjczäńko, u̯òkna, u̯òrczyk, u̯òsim, u̯òziero и т. д. (XXIII). Въ остальномъ ороографія автора въ отношеніи передачи звуковъ не вызываетъ замѣчаній.

Сообщенія автора о бѣлорусскихъ говорахъ вызываютъ еще нѣсколько замѣчаній другого рода. Такъ, странно, что въ спискѣ словъ съ кажущимися дифтонгами помѣщены мѣстные падежи отъ разныхъ словъ съ удареніемъ на концѣ, напр.: dwarjè, dupljè, na harjè, Pietrjè и т. д. (XIX—XXI); всѣхъ словъ вѣдь не перечислить: не лучше ли было бы обобщить это явленіе? Замѣчаніе о множественномъ числѣ къ слову „бояринъ" (XXI) изложено сбивчиво: въ извѣстныхъ мнѣ мѣстахъ Новогрудскаго уѣзда, на который между прочимъ сдѣлана здѣсь ссылка, не говорятъ bajàrje; такъ же сбивчиво изложено тамъ же замѣчаніе о мѣстномъ къ слову „печь". Одно можно сказать, что самая западная бѣлорусская окраина знаетъ „на печѐ". Кстати, въ Новогрудскомъ уѣздѣ дифтонговъ рѣшительно нѣтъ. Иногда лишь крестьяне недостаточно энергично движутъ губами при произношеніи ударяемаго *о*, отчего выговоръ его кажется медленнѣе обыкновеннаго. На страницахъ XXVI—XXVII приведены случаи двоякой акцентовки нѣкоторыхъ словъ въ Волковыскомъ и Слонимскомъ уѣздахъ, при чемъ, когда удареніе падаетъ на второй отъ конца слогъ, г. Федеровскій правильно видитъ польское вліяніе. Однако, въ этотъ отдѣлъ неправильно попали такія слова, какъ: аглóбляхъ, бáбаў, чéрци, дóляхъ, гапýчаў, зъ сестрóю, трí ески, зладзѣи; во всѣхъ ихъ общебѣлорусское удареніе и часто общерусское.

На стр. XXVIII слишкомъ рѣшительно сдѣлано разграниченіе произношенія окончанія 3-го лица на—*тся*. Въ Новогрудскомъ и Слуцкомъ уѣздахъ обыкновенно слышится—*цца* или—*тца*; окончаніе—*тся* или—*цься* въ этихъ мѣстахъ можно слышать лишь отъ грамотныхъ по-русски или по-польски; окончанія *цса* у Стволовичъ и Горо-

дища въ Новогрудскомъ уѣздѣ я никогда не слыхалъ, хотя часто бывалъ тамъ.

Въ предисловіи же (XVII—XVIII) дана библіографія предмета; но она далеко неполная: нѣтъ, напримѣръ, упоминанія о бѣлорусскихъ сказкахъ въ „Смоленскомъ этногр. сборникѣ“ Добровольскаго, въ „Русскихъ сказкахъ“ Аѳанасьева, въ книгахъ Никифоровскаго и др. Не знаю, зачѣмъ приведено здѣсь это указаніе нѣкоторыхъ изданій: авторъ ими совершенно не пользовался. Очень цѣнно указаніе (на стр. X—XI) о томъ, когда у бѣлоруссовъ начинаютъ сказывать сказки и кто этимъ дѣломъ занимается.

Перечисленные мною недостатки сборника г. Федеровскаго, говоря вообще, не больше тѣхъ, которыми страдаютъ лучшія русскія изданія; въ отношеніи языка онъ часто превосходитъ послѣднія, особенно сборники Шейна и Дмитріева. Изданіе отличается полнымъ безпристрастіемъ и вѣрностью въ передачѣ сюжетовъ. Остается пожелать автору успѣха въ нелегкомъ его трудѣ.

Е. Карскій.

О ереси жидовствующихъ. Новые матеріалы, собранные *С. А. Бѣлокуровымъ, С. О. Долговымъ, И. Е. Евсѣевымъ и М. И. Соколовымъ*. Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1902.

Новые матеріалы, изданные московскими учеными, — пять памятниковъ, неизвѣстныхъ доселѣ въ печати.

Первый изъ нихъ, самый значительный по объему и вмѣстѣ самый малоцѣнный по содержанію, — „На жидовъ и на еретики посланіе“, инока Саввы Сѣнного острова, съ датою на полѣ: 6996. Его содержаніе составляютъ обширныя выписки изъ посланій апостола Іакова, Толковой Палеи и другихъ произведеній старой русской письменности. Историческія данныя, сообщаемыя авторомъ, крайне скудны. Онъ обращается къ „господину Дмитрію Васильевичу“, боярину Д. В. Шеину, какъ удачно показываетъ С. А. Бѣлокуровъ, и упоминаетъ о томъ, что этотъ Дмитрій Васильевичъ, „коли былъ посломъ“ (въ Крыму, какъ показываетъ С. А. Бѣлокуровъ), „говорилъ съ тѣмъ жидовиномъ съ Захаріею съ Скарою“. Къ сожалѣнію, это упоминаніе о встрѣчѣ Шеина съ Скарою (= Схарія Іосифа Волоцкаго) маловажно: не видно, гдѣ эта встрѣча произошла, въ Крыму,

или гдѣ на пути въ Крымъ, напримѣръ, въ Кіевѣ, повидимому центрѣ ереси. Другихъ историческихъ данныхъ у Саввы нѣтъ. Что касается до даты — 1488 года, — то С. А. Бѣлокуровъ, пользуясь соображеніями г. Голубинскаго, основательно заподозрѣваетъ ея связь съ временемъ написанія посланія. Дѣйствительно, упоминаніе Саввою объ „обличеніи новгородскихъ поповъ", т. е. о соборѣ 1490 года, препятствуетъ видѣть въ ней дату произведенія. По нашему мнѣнію, эта дата въ единственномъ пока извѣстномъ спискѣ, по которому издано посланіе, находится не на мѣстѣ—при заглавіи. Въ оригиналѣ она была, вѣроятно, нѣсколько ниже заглавія, тамъ, гдѣ говорится о посольствѣ Дмитрія Васильевича и его свиданіи съ Захаріею; посольство, по документамъ (см. стр. VI), имѣло мѣсто въ 1487 — 1488 годахъ.

Второй памятникъ — „Посланіе Θедора Жидовина" къ своимъ роднымъ, пріятелямъ и всему іудейскому племени о христіанской вѣрѣ. Изъ него видно лишь то, что Θедоръ принялъ христіанство при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ и митрополитѣ Іонѣ, слѣдовательно между 1448 и 1461 годами, повидимому въ Москвѣ. Можно рѣшительно говорить о тожествѣ этого Θедора съ другимъ Θедоромъ, переведшимъ съ еврейскаго на славяно-русскій языкъ сборникъ еврейскихъ молитвъ (подъ именемъ „псалтыри"), по благословенію митрополита Филиппа (1464—1473 гг.). М. И. Соколовъ сомнѣвается въ принадлежности Θедору перевода молитвъ, предполагая, что Строевъ, сообщившій объ этомъ трудѣ Θедора, приписалъ его Θедору только по догадкѣ. Но напрасно: статья Строева, гдѣ говорится о Θедорѣ, напечатана въ 1834 году, а „Посланіе Θедора Жидовина" извѣстно лишь въ единственномъ спискѣ собранія Ундольскаго, съ которымъ Строевъ не могъ быть знакомъ до 60-хъ годовъ. По мнѣнію М. И. Соколова, Псалтырь Θедора *несомнѣнно* представляетъ собою памятникъ литературы жидовствующихъ, и, *вѣроятно*, ее имѣетъ въ виду архіепископъ Геннадій, когда пишетъ епископу Сарскому Прохору, что послалъ къ митрополиту, между прочимъ, тетрадь, „по чему жидовствующіе молились по-жидовски, и ты тамо узришь все, что ся какъ чинило и какъ *превращены псалмы на ихъ обычай*" (стр. 99). Но мы затрудняемся связывать Θедора съ жидовствующими и отожествлять его переводъ съ бывшими въ рукахъ Геннадія „превращенными псалмами"; послѣдніе, всего скорѣе, — обыкновенные псалмы, очищенные отъ свидѣтельствъ о Христѣ или какъ иначе измѣненные. На нашъ взглядъ, Θедоръ — только одинъ изъ евреевъ, принявшихъ

христіанство; ни его „Посланіе", ни его „Псалтырь" не даютъ основанія видѣть въ немъ еретика.

Третій памятникъ — поученіе митрополита Зосимы, съ изложеніемъ дѣйствій собора противъ жидовствующихъ 1490 года и съ обличеніемъ ихъ ереси, извѣстное ранѣе лишь въ небольшомъ отрывкѣ. Изъ него мы узнаемъ имена осужденныхъ за ересь (во главѣ — Захарія чернецъ, ересемъ начальникъ, извѣстный изъ другихъ источниковъ), ходъ соборнаго суда и обвиненія, выставленныя противъ еретиковъ. Объ жидовствованіи послѣднихъ въ этомъ памятникѣ почти нѣтъ рѣчи; ихъ обвиняютъ почти исключительно въ поруганіи святыхъ иконъ.

Четвертый памятникъ, „Соборный приговоръ" 1490 года, объявленный Захаріи и другимъ осужденнымъ, упоминаетъ въ числѣ ихъ заблужденій, кромѣ иконоборства, еще хульныя рѣчи на святыхъ, отрицаніе постовъ, почитаніе субботы болѣе воскресенія; „а *иніи* отъ васъ воскресенію Христову и Его святому вознесенію не вѣруютъ". Одна изъ заключительныхъ фразъ „Соборнаго приговора" показываетъ, что осужденные, какъ, впрочемъ, мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, отнеслись къ обвиненію отрицательно: „а что передъ нами на соборѣ здѣшніе люди добрые да священници свидѣтельствовали на васъ на лице о вашемъ безчиніи и о поруганіи и о хулѣ на святыя иконы, и вы того всего *позапрѣлися есте*". Какъ видно изъ изложеннаго, оба послѣдніе памятника (изданные С. О. Долговымъ) даютъ мало новаго и не проливаютъ свѣта на загадочныхъ еретиковъ.

Пятый памятникъ—книга пророка Даніила въ переводѣ съ еврейскаго, по западно-русскому списку XVI вѣка. Здѣсь мы имѣемъ переводъ тѣхъ только частей этой книги, которыя имѣются въ еврейскомъ масоретскомъ текстѣ, т. е. безъ 13-й и 14-й главъ, и безъ вставки въ 3-й главѣ, которыя извѣстны лишь въ греческомъ текстѣ 70-ти. Переводчикъ перевелъ лишь часть текста; другую онъ взялъ изъ древняго церковно-славянскаго перевода, или цѣликомъ, или съ измѣненіями, согласно еврейскому оригиналу. И. Е. Евсѣевъ причисляетъ этотъ памятникъ къ трудамъ жидовствующихъ, равно какъ и переводъ съ еврейскаго (или приспособленіе древняго перевода къ еврейскому тексту) нѣсколькихъ другихъ книгъ ветхаго завѣта, находящійся въ рукописи вмѣстѣ съ книгой Даніила (Виленской Публичной библіотеки № 262). Но доказательствъ у него нѣтъ, и мы можемъ, съ неменьшимъ основаніемъ, связывать переводы съ еврейскаго съ трудами Франциска Скорины и другихъ западно-русскихъ дѣятелей XVI вѣка, имѣвшими цѣлью познакомить западно-русскихъ

грамотныхъ людей съ священнымъ писаніемъ на понятномъ для нихъ языкѣ. Само собою разумѣется, остается вопросомъ, кто былъ переводчикъ, еврей ли изъ какой-нибудь христіанствующей секты, нѣсколько знакомый съ церковно-славянскимъ языкомъ, или христіанинъ, изъ евреевъ, сохранившій и по принятіи христіанства уваженіе къ еврейскому тексту священнаго писанія и къ еврейскому же его толкованію, или даже просто ученый еврей, выполнившій *заказанную* ему какимъ-нибудь любителемъ изъ христіанъ работу. Чтеніе его труда даетъ намъ лишь указаніе на значительную спѣшность работы и на столь небрежное редактированіе текста, что обыкновенный, не ученый читатель долженъ былъ нѣсколько затрудняться въ его пониманіи. Мы читаемъ въ текстѣ рядомъ одно и то же имя то въ еврейской, то въ греко-славянской окраскѣ: *царь игудинъ*, и *сыны юдины*, *царь июдѣйскій*; *царъ бавельскій* и *мудрецъ вавилоньскій*; *Мѣшахъ* и *Мисаилъ*; *Даніелъ* и *Данилъ*; встрѣчаемся то съ церковно-славянскими словами и формами, то съ поздними западно-русскими или даже польскими.

А. Соболевскій.

Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-Шань. Отчетъ о путешествіи, совершенномъ по порученію Императорскаго Географическаго Общества въ 1892—94 годахъ, горнаго инженера В. А. Обручева. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ редакціею *И. В. Мушкетова.*

Этотъ обширный трудъ представляетъ собою въ настоящее время два тома, заключающіе въ себѣ въ общей сложности 1380 страницъ текста, 14 маршрутныхъ картъ, около 80 фототипій и около 180 рисунковъ въ текстѣ. Изъ нихъ во второмъ томѣ печать значительно убористѣе, чѣмъ въ первомъ. I томъ представляетъ путевые дневники, касающіеся Восточной Монголіи, провинцій Чжи-ли, Шань-си, Шень-си и Гань-си, Ордоса, Алашаня и Восточнаго Нань-Шаня. II томъ содержитъ путевые дневники, касающіеся остальныхъ частей Нань-Шаня, Цзинь-линъ-шаня, Центральной Монголіи, Бей-Шаня и Восточнаго Тянь-Шаня.

Въ упомянутыхъ дневникахъ авторъ ограничивается лишь фактической стороной и излагаетъ свои наблюденія надъ встрѣченными горными породами и характеромъ мѣстности, но выводы и обобщенія въ дневникахъ отсутствуютъ, такъ какъ это составитъ содержаніе

III тома, время изданія котораго еще не опредѣлено. Этотъ томъ также будетъ иллюстрированъ картами, профилями, фототипіями и рисунками. Въ немъ обѣщанъ критическій обзоръ геологической и географической литературы изслѣдованныхъ странъ и подробный очеркъ ихъ геологіи и географіи на основаніи матеріаловъ, заключающихся въ I и II томахъ, и на основаніи результатовъ, добытыхъ ранѣе другими изслѣдователями тѣхъ же мѣстностей; общая характеристика породъ и почвъ, собранныхъ авторомъ; распространеніе сыпучихъ песковъ и лёсса и процессы вывѣтриванія и раздуванія и наконецъ, *списки* опредѣленій ископаемыхъ животныхъ и растеній.

Описаніе же всего палеонтологическаго матеріала, собраннаго во время путешествія, приняли на себя нѣкоторые русскіе и иностранные ученые, и результаты ихъ работъ со списками ископаемыхъ, описаніемъ новыхъ формъ и выводами будутъ изданы отдѣльно различными учеными обществами, частью у насъ, частью за границей.

Объ экспедиціяхъ другихъ путешественниковъ, какъ-то Рихтгофена, Сечени, Джилля, Пржевальскаго, Потанина и др. авторъ упоминаетъ лишь тогда, когда они значительно дополняютъ или, наоборотъ, рѣзко противорѣчатъ его собственнымъ наблюденіямъ.

О путевыхъ приключеніяхъ авторъ упоминаетъ лишь вскользь въ тѣхъ случаяхъ, когда они измѣняли ходъ наблюденій и маршрутъ или вліяли такъ или иначе на экспедицію. Это дѣлаетъ дневники нѣсколько сухими и интересными лишь для среднеазіатскаго путешественника и геолога въ качествѣ справочной книги, для каковой цѣли они и предназначены.

Свѣдѣнія случайныя, не служившія прямой цѣли экспедиціи — встрѣчи, приключенія, этнографическія и экономическія замѣтки и данныя, предназначенныя для бо́льшаго круга читателей, собраны авторомъ въ отдѣльной книгѣ и изданы на нѣмецкомъ языкѣ, что не можетъ не сократить кругъ русскихъ читателей; это весьма прискорбно, такъ какъ интересующихся Центральной Азіей и у насъ весьма много, а чтеніе на нѣмецкомъ языкѣ для громаднаго большинства, если и не вполнѣ доступно, то, во всякомъ случаѣ, затруднительно и кропотливо.

Горн. инж. Обручеву было предложено русскимъ географическимъ обществомъ изслѣдовать въ геологическомъ отношеніи восточную и среднюю часть Центральной Азіи, почти совершенно не изученныя въ геологическомъ отношеніи прежними изслѣдователями, своими маршрутами связать между собою маршруты и работы прежнихъ геологовъ,

пополнить нѣкоторые пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ о строеніи Азіи и расширить районъ изслѣдованія на западъ, почти до границы Тибета. Но на первыхъ же порахъ, на маршрутѣ изъ Урги въ Калганъ, какъ это видно изъ дневниковъ, оказалось, что свѣдѣнія о геологическомъ строеніи Центральной Азіи чрезвычайно бѣдны и что принятое наукой мнѣніе Рихтгофена о мощномъ лёссовомъ покровѣ, почти скрывающемъ разрушенный эоловыми процессами каменный скелетъ Центральной Азіи на большей части его протяженія, ошибочно. Для опроверженія укоренившейся въ наукѣ вышеупомянутой гипотезы Рихтгофена явилась необходимость захватить возможно большій районъ, собрать значительное количество фактовъ въ мѣстностяхъ различнаго характера, обратить особое вниманіе на новѣйшія отложенія, прикрывающія каменный скелетъ, на процессы размыва, вывѣтриванія и раздуванія, образующіе этотъ новѣйшій покровъ, и на основаніи этого матеріала создать новую правильную гипотезу.

Въ Центральной Азіи и мѣстностяхъ, ограничивающихъ ее съ юго-востока, необходимо было дать хотя бѣглый очеркъ большихъ пространствъ Центральной Азіи и ея окраинъ, выяснить въ общихъ чертахъ ихъ геопластику и геотектонику и этимъ создать основаніе для детальныхъ изслѣдованій будущихъ геологовъ.

Тѣмъ не менѣе, основной задачѣ программы, именно, изслѣдованію Нан-шаня, Бей-шаня и южнаго подножія Восточнаго Тянь-шаня была посвящена большая часть времени, а именно 300 дней изъ всего срока экспедиціи, тогда какъ на остальныя мѣстности, гораздо болѣе обширныя, потрачено лишь 240 дней, при чемъ на каждый путевой день приходилось среднимъ числомъ 24 версты; ясно, что при такомъ расчетѣ изслѣдованія могутъ быть лишь маршрутными; при геологическихъ же изслѣдованіяхъ и маршрутныхъ съемкахъ, производимыхъ тѣмъ же геологомъ въ Центральной Азіи даже и внѣ всякихъ хребтовъ, изобилующей выходами горныхъ породъ, детальное изслѣдованіе невозможно. Поэтому въ результатѣ экспедиціи является не подробное геологическое изслѣдованіе, а лишь геологическая рекогносцировка или канва, на основаніи которой будущіе геологи могутъ вести свои изслѣдованія.

Такъ какъ первые два тома изслѣдованій г. Обручева не заключаютъ въ себѣ ни обобщеній, ни выводовъ, и представляютъ собою лишь путевые дневники и маршрутныя карты, то въ настоящей статьѣ приходится ограничиться краткимъ изложеніемъ содержанія и разсмотрѣ-

ніемъ маршрутныхъ картъ, воздерживаясь отъ преждевременныхъ выводовъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1-го сентября 1892 г. по 20-ое октября 1894 года В. А. Обручевъ прошелъ и составилъ маршрутъ въ предѣлахъ Китайской Имперіи, отъ Кяхты до Кульджи, на протяженіи 12,770 верстъ. Изъ этого числа 5,403 версты пройдены и изслѣдованы въ мѣстностяхъ, вовсе еще не посѣщенныхъ европейскими путешественниками; на протяженіи остальныхъ 7,367 вер. наблюденія являются только дополненіемъ къ изслѣдованіямъ прежнихъ путешественниковъ. Правильныя геологическія наблюденія произведены на протяженіи 11,908 верстъ и попутныя—на разстояніи 826 верстъ. На протяженіи 3,840 верстъ произведена подробная съемка съ ежедневнымъ вычерчиваніемъ маршрута; на протяженіи 1,736 верстъ велись описанія мѣстности, записи направленія пути и разстояній. На этомъ пространствѣ, на существовавшихъ уже ранѣе картахъ авторъ проложилъ свой собственный маршрутъ, а также дополнилъ и исправилъ эти карты. Приложенныя къ дневникамъ карты представляютъ собою полный маршрутъ всего путешествія г. Обручева и служатъ для оріентировки при чтеніи. Геологическихъ данныхъ онѣ не имѣютъ, но служатъ основой для нанесенія геологическихъ красокъ и будутъ изданы вторично при третьемъ томѣ, дополненныя геологическими красками; въ виду этого рельефъ мѣстности выраженъ въ нихъ слабѣе дѣйствительнаго. Нѣкоторыя изъ этихъ картъ представляютъ собою собственно маршрутъ г. Обручева, названы маршрутными съемками и не имѣютъ градусной сѣтки; другія составлены на основаніи картъ и съемокъ другихъ путешественниковъ, и на нихъ нанесены собственные маршруты г. Обручева и данныя относительно разстояній между урочищами, направленія дороги, характера мѣстности и названія урочищъ изъ путевыхъ дневниковъ; онѣ, большею частью, имѣютъ градусную сѣтку.

Маршрутная съемка производилась при помощи горнаго компаса и часовъ: опредѣлялось направленіе дороги и затѣмъ разстояніе на основаніи скорости хода каравана; время отъ времени, въ особенности послѣ перемѣны вьючныхъ животныхъ, провѣрка времени движенія посредствомъ измѣренія лентой пути, пройденнаго караваномъ въ опредѣленный промежутокъ времени; такая же провѣрка производилась при перемѣнѣ характера мѣстности, напримѣръ, при вступленіи въ очень пересѣченную мѣстность, въ сыпучіе пески, и наоборотъ. Кромѣ того въ мѣстностяхъ населенныхъ опрашивались относительно

разстояній между урочищами, колодцами и т. п. проводники и мѣстные жители.

Изъ этого способа полученія географическихъ данныхъ можно заключить, что они не вполнѣ точны; однако послѣ сравненія маршрутовъ г. Обручева съ фотографическими копіями съемокъ Козлова и Роборовскаго получилась небольшая разница.

Дневники изданы съ нѣкоторою перемѣною хронологическаго порядка и расположены по районамъ, но полностью, почти въ томъ видѣ, какъ ведены во время пути, съ незначительными исправленіями и добавленіемъ точныхъ опредѣленій горныхъ породъ и абсолютныхъ высотъ. Такимъ образомъ, богатый матеріалъ, собранный въ теченіе двухъ лѣтъ, будетъ использованъ весь, и ничто изъ веденныхъ шагъ за шагомъ наблюденій о характерѣ мѣстности и всѣ, даже болѣе мелкія геологическія данныя не пропадутъ даромъ. На основаніи этого матеріала всѣ выводы автора доступны для провѣрки по дневникамъ. Съ другой стороны, будущій путешественникъ будетъ имѣть возможность оріентироваться на мѣстѣ, исправлять и дополнять наблюденія автора, если онъ пройдетъ тѣми же путями, и сравнивать свои наблюденія, если они будутъ незначительно уклоняться отъ его пути. Къ сожалѣнію, при дневникахъ нѣтъ общей карты съ нанесеніемъ путевой линіи г. Обручева и другихъ ученыхъ путешественниковъ; она дала бы ясную картину уже изслѣдованныхъ мѣстностей Средней Азіи и была бы нелишней даже и для спеціалиста геолога.

Экспедиція г. Обручева началась 1-го сентября 1892 г., когда онъ выѣхалъ изъ Иркутска въ Кяхту черезъ озеро Байкалъ, дѣлая попутныя геологическія наблюденія. Путешествіе совершалось частію на верблюдахъ, а также въ носилкахъ на мулахъ. Спутниками Обручева были исключительно туземцы. Брали съ собою значительную кладь, состоявшую изъ геологическихъ и метеорологическихъ инструментовъ, палатокъ, подковъ, войлоковъ, провизіи и т. п.

Во второй половинѣ сентября, отправивъ вещи на двухъ китайскихъ повозкахъ кратчайшимъ путемъ въ Ургу, Обручевъ верхомъ въ сопровожденіи переводчика, крещенаго бурята изъ казаковъ, двинулся изъ Кяхты въ предѣлы Китайской имперіи.

Отъ Кяхты до Урги (325 в.) маршрутъ Обручева слѣдуетъ по большой дорогѣ, снятой въ 1858 г. топографомъ Волковымъ. На этой съемкѣ Обручевымъ нанесенъ его собственный маршрутъ, на небольшихъ разстояніяхъ отклоняющійся отъ пути Волкова, и обоз-

начены названія урочищъ, отмѣченныхъ въ путевыхъ дневникахъ. Путешествіе это длилось съ 27 сентября по 5 октября.

Путь отъ Урги чрезъ Ихе-Удэ и черезъ Гоби до *Калгана*, длиною въ 887 верстъ, обыкновенно проходятъ въ 16—19 дней, но Обручевъ употребилъ на него мѣсяцъ, съ 14 ноября по 14 ноября, такъ какъ путешествіе совершалось только днемъ, чтобы имѣть возможность попутно постоянно производить наблюденія. Маршрутная съемка отъ Урги до Великой стѣны у г. Калгана показываетъ, что на этомъ пространствѣ путь Обручева значительно уклоняется отъ маршрутовъ другихъ путешественниковъ и даетъ мѣстами совершенно новыя свѣдѣнія, мѣстами же пополняетъ существующія карты.

Изъ горныхъ породъ въ Восточной Монголіи встрѣчены граниты, составляющіе собою сѣверный склонъ хребта Мангатай, массивъ горъ Богдо-ула и представляющіе иногда причудливыя формы отдѣльностей въ видѣ матрасовъ. Гнейсы встрѣчены были въ началѣ путешествія въ окрестностяхъ Кяхты; діориты въ видѣ жилъ среди метаморфическихъ сланцевъ, ріолиты и ріолитовыя лавы; порфировыя породы имѣются на южномъ склонѣ хребта Мангатай, базальтовые и трахитовые холмы встрѣчены между Ургой и ст. Ихэ-удэ. Изъ осадочныхъ образованій здѣсь развиты мезозойскіе песчаники, конгломераты и глины. Коренныя породы покрыты толщами потретичныхъ наносовъ и лёссомъ. Интересными являются здѣсь новѣйшія центрально-азіатскія трансгрессирующія отложенія, которыя Обручевъ предлагаетъ называть „гобійскими отложеніями“, взамѣнъ названія „ханхайскія“, предложеннаго имъ въ предарительныхъ отчетахъ. Первый выходъ этихъ отложеній встрѣченъ въ горахъ Удзуръ-шанты между Ургой и ст. Ихэ-удэ.

Не менѣе интересно указать здѣсь, что въ верхней части Калганскаго ущелья обнажаются толщи рыхлаго конгломерата, среди галекъ котораго осутствуютъ гальки базальта, залегающаго въ видѣ покрова на толщѣ конгломерата. А это указываетъ на то, что изверженіе базальта произошло уже послѣ отложенія конгломератовъ. Въ этомъ же ущельи встрѣчаютъ пласты ріолитоваго туфа, переслаивающагося съ глинами, а близъ русской слободы г. Калгана — ріолитъ въ видѣ столбчатой отдѣльности.

Провинція Чжи-ли. Маршрутъ отъ Калгана до Пекина длился пять дней—съ 22 по 27 ноября 1892 г. Упаковавъ въ Калганѣ коллекціи, собранныя въ Гоби, Обручевъ выѣхалъ въ носилкахъ, везомыхъ мулами, по большой дорогѣ чрезъ г. Сюань-хуа-фу на Пекинъ, но

этотъ способъ путешествія оказался непрактичнымъ, вслѣдствіе чего въ мѣстахъ наиболѣе интересныхъ въ геологическомъ отношеніи изслѣдователь шелъ пѣшкомъ. Отъ Калгана началось путешествіе въ предѣлахъ собственно Китая.

Такъ какъ мѣстность вдоль большой дороги между Калганомъ и Пекиномъ на значительной части протяженія была изслѣдована Ф. Рихтгофеномъ въ 1871 году и описана во второмъ томѣ его „China", то Обручевъ рѣшилъ не затрачивать много времени на изслѣдованіе этой мѣстности, а только познакомиться при этомъ проѣздѣ съ горными породами Сѣвернаго Китая.

Но для части, не изслѣдованной Рихтгофеномъ, Обручеву удалось собрать достаточно данныхъ для дополненія его наблюденій. Путь Обручева по большой дорогѣ почти совпадаетъ съ путемъ топографа Волкова; на его съемкѣ 1858 года Обручевъ нанесъ свой маршрутъ и дополнилъ ее какъ своими изслѣдованіями, такъ и данными съ карты Рихтгофена.

Пройдя отъ русской слободы до г. Калгана по ущелью среди ріолитовыхъ горъ, путешественникъ пересѣкъ при с. Ю-лин-пу долину небольшой рѣчки, за которой въ изобиліи появляется сѣро-желтый лёссъ, толща котораго мѣстами при подъемѣ на перевалъ достигаетъ 2—3 саж. мощности. За переваломъ (выс. 780 метровъ), образованнымъ скалами различно-окрашеннаго трахита, на южномъ склонѣ снова появляется лёссъ. За городомъ Сюанъ-хуа-фу на лёссовомъ покровѣ сѣвернаго склона Фуанъ-янъ-шаня мѣстами видны сыпучіе пески въ видѣ совершенно оголенныхъ бархановъ, соединенныхъ въ короткія цѣпи; гребни бархановъ и цѣпей простираются NO—SW, и крутые склоны ихъ обращены на SO, что указываетъ на преобладаніе NW вѣтровъ; пески эти поднимаются отъ уровня рѣки до высоты 100—150 метровъ.

Далѣе въ цѣпи плоскихъ холмовъ у Санъ-шуй-пу обнажается песчаникъ, а затѣмъ скалы мелафира, въ которомъ колея дороги мѣстами врѣзана на 5—6 вершковъ; это показываетъ, насколько велико здѣсь движеніе и какъ стара дорога. Слѣдующій хребетъ Хуанъ-янъ-шань образованъ кремнистыми известняками (по Рихтгофену нижнесинійскими), а вдоль сѣверной подошвы хребта обнажены большіе выходы вулканическихъ породъ. У горы Цзи-минъ-шаня встрѣчаются угленосныя отложенія, въ видѣ различныхъ песчаниковъ съ отпечатками стволовъ и вѣтвей растеній. Немного далѣе рядомъ съ песчаникомъ залегаетъ черный діабазъ, а затѣмъ снова появляются

кремнистые и доломитовые известняки, весьма похожіе на синійскіе. Эти известняки встрѣчаются и дальше вдоль дороги у хр. Іеи-янъ-шаня, гдѣ имѣются также граниты, гнейсы и порфириты.

За хребтомъ Цзинъ-ву-шань дорога представляетъ „неглубокія дефилэ“ въ лёссѣ, прикрывающемъ собою коренныя породы. Приближаясь къ Наньяоускому хребту, дорога проходитъ близъ села Тен-де-пу среди глинъ, изобилующихъ створками раковинъ *Unio* и *Corbicula* (Cyrena) и представляющихъ собою отложенія прѣснаго или солоноватаго озера, заполнявшаго широкую долину рѣчки Гуэй-хэ между хребтами Цзинъ-ву-шань и Наньяоускимъ, вѣроятно въ концѣ третичнаго періода.

Вскорѣ за сел. Юй-линь дорога вступаетъ на поясъ выноса Наньяоускаго хребта, сплошь усыпанный обломками и валунами различныхъ породъ. По зубчатымъ отрогамъ Наньяоускаго хребта тянется Великая стѣна. Близъ города Ча-дао развѣтвленія Великой стѣны вѣнчаютъ собою одинъ изъ послѣднихъ холмовъ. Здѣсь стѣна эта сложена внизу изъ тесанныхъ глыбъ крупнозернистаго гранита, вверху изъ сѣраго обожженнаго кирпича. За переваломъ чрезъ хр. Гун-душань, представляющій выходы разнообразныхъ вулканическихъ породъ, дорога проходитъ по живописному Наньяоускому ущелью, окаймляющемуся скалами гранита, въ которыхъ мѣстами высѣчены тибетскія надписи, барельефы идоловъ и въ одномъ мѣстѣ статуэтки ихъ, высѣченныя изъ гранита въ гранитныхъ же нишахъ.

Наньяоускій хребетъ образованъ гранитами и известняками (синійскими); послѣдніе пересѣчены сіенитъ-порфирами, діоритами и діабазами и подстилаются внизу кварцитами. Хребетъ представляетъ исполинскій флексёръ, упирающійся съ сѣвера въ массивъ изверженнаго гранита.

Чжи-ли и Шень-си. Пополнивъ въ Пекинѣ свои дорожные запасы, Обручевъ 3-го января 1893 г. выѣхалъ въ Тай-юань-фу по большой дорогѣ, пройденной Рихтгофеномъ, поэтому основой для маршрутной карты послужили карты этого путешественника; на полосѣ вдоль большой дороги нанесены названія городовъ, селеній, горныхъ хребтовъ и рѣкъ; въ этой мѣстности путь Обручева уклонился отъ пути Рихтгофена только на небольшомъ пространствѣ между двумя городами. Разстояніе отъ Пекина до Тай-юань-фу, составляющее 1060 китайскихъ ли или 530 верстъ и пройденное Обручевымъ въ двѣ недѣли, можетъ быть раздѣлено на двѣ части, существенно различающіяся другъ отъ друга. Первая часть въ 290

верстъ отъ Пекина до городка Хоу-лу пролегаетъ по такъ называемой Великой равнинѣ на разстояніи отъ 5 до 40 верстъ отъ подошвы горной страны, ограничивающей равнину съ запада; вторая часть, отъ Хуо-лу до Тай-юань-фу, пересѣкаетъ эту горную страну въ направленіи съ востока на западъ.

Первая часть представляетъ мало интереса для геолога: мѣстность почти совершенная равнина, пересѣченная руслами многочисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ, стекающихъ съ западныхъ горъ и направляющихся къ Печелійскому заливу; почва—равнинный лёссъ или аллювіальныя отложенія; воздухъ въ сухое время года (зимой) переполненъ лёссовой пылью и настолько непрозраченъ, что горы, ограничивающія равнину съ запада, бываютъ не видны по цѣлымъ днямъ или видны очень смутно. Страна густо населена, селенія расположены близко другъ къ другу, а промежутки между ними заняты пашнями, садами, кладбищами и кумирнями.

Вторая часть представляетъ интересную горную страну, сложенную согласно наблюденіямъ Рихтгофена, пополненнымъ Обручевымъ, изъ синійской, каменноугольной и надкаменноугольной системъ. Преобладающими породами среди этихъ осадочныхъ образованій являются различные известняки, глины и песчаники, изогнутые пласты которыхъ усложняютъ тектонику мѣстности, являющейся въ этомъ отношеніи весьма интересной.

Среди каменноугольныхъ отложеній встрѣчаются здѣсь угленосные пласты. Таковы знаменитыя антрацитовыя копи близъ с. Ши-па-цзуй, описанныя Рихтгофеномъ, но не посѣщенныя Обручевымъ.

Весьма интереснымъ является наблюденіе путешественника у с. Шань-коу: толща лёсса, залегающая на *известнякахъ*, отличается отъ нормальнаго лёсса отсутствіемъ извести; этимъ прямо доказывается, что этотъ лёссъ не мѣстнаго происхожденія и что составъ лёсса не находится въ зависимости отъ состава подстилающихъ его горныхъ породъ.

Описанію Шень-си *Ордоса*, т. е. мѣстности, расположенной внутри большого изгиба Желтой рѣки, въ отчетѣ посвящены три главы (VII, VIII, IX), при чемъ Ордосъ пересѣченъ дважды въ различныхъ направленіяхъ: поэтому сюда также относятся двѣ маршрутныя карты. Основой для первой изъ нихъ послужила карта пограничной полосы Азіатской Россіи изданія главнаго штаба. На разстояніи между г. Тай-юань-фу до с. Ла-чень-пу маршрутъ совпадаетъ съ маршрутомъ

Рихтгофена, а отъ г. Хуа-ма-ченъ до г. То-тка—съ маршрутомъ Потанина.

Въ провинціи *Шань-си* описываемой въ главѣ VI, при маршрутѣ отъ г. Тай-юань-фу до Желтой рѣки противъ г. У-бао, встрѣчаются также осадочныя отложенія, выраженныя преимущественно различными известняками. Такъ, при спускѣ съ перевала за селомъ Сун-дзя-цзо изъ подъ лёса выходятъ пласты синійскихъ известняковъ, подстилающихся трилобитовыми известняками; синійскіе известняки встрѣчаются и дальше по дорогѣ. На перевалѣ Хуо-ло-линъ обнажаются каменноугольные известняки. Въ провинціи Шань-си весьма часты угольныя копи, какъ, напримѣръ, у с. Нань-ень-цзунь, близъ рч. Цзо-юаньдунь, на р. Вэнь-шуй, въ Цзи-хуа-шанѣ, у г. Лю-линъ-ченъ и др. Интересно указать здѣсь на лёссовые валики въ 3—4 арш. вышиной, служащіе для просушки оберточной бумаги, выдѣлываемой изъ рисовой соломы жителями селенія близъ городка Цзинь-си-чена. Одна изъ стѣнокъ такихъ валиковъ выглажена, и на нее прямо налѣпляются квадратныя листки этой бумаги.

Для втораго маршрута въ Ордосѣ картъ не существовало, и путь, по которому шелъ Обручевъ, былъ пройденъ только миссіонерами; поэтому здѣсь изслѣдователемъ ведена была правильная маршрутная съемка. На этихъ маршрутахъ встрѣчены были на большомъ разстояніи вдоль великой китайской стѣны обширныя пространства барханныхъ песковъ, образующихъ бугры въ нѣсколько саженъ высоты. Они безпрестанно переносятся вѣтромъ съ мѣста на мѣсто и угрожаютъ засыпать не только культурныя пограничныя съ ними площади земли, но отдѣльныя фанзы, мѣстами уже покинутыя людьми, и даже цѣлыя селенія. Скудная растительность, мѣстами возникающая на сыпучихъ пескахъ и кое-какъ временно скрѣпляющая ихъ, безразсудно истребляется китайцами на топливо и вытравляется скотомъ, чѣмъ уничтожается и эта возможность закрѣпленія почвы.

Алашанскій хр., Гань-су и Вост. Нань-шань. Къ главамъ X, XI и XII относится маршрутъ отъ г. Нинъ-ся-фу, на лѣвомъ берегу Желтой рѣки, въ Чжунъ-вэй, Лань-чжоу, Да-цзынь и Лянъ-чжоу.

Главной основой его послужила съемка Рокгилля 1892 г., причемъ первая часть пути, до Лань-чжоу, вполнѣ совпадаетъ съ маршрутомъ Рокгилля. Къ этой основѣ были присоединены съемки Литтльдэля, съемки Обручева, Пржевальскаго, Скасси и Потанина. Полученная такимъ образомъ карта была дополнена всѣми данными и разспросными свѣдѣніями изъ дневниковъ Обручева.

Первая по времени экскурсія Обручева въ этой области, начатая 21-го февраля, была совершена отъ г. Нинъ-ся-фу (1030 метр. надъ у. м.) на Алашанскій хребетъ, въ неблагопріятное для геологическихъ изслѣдованій время.

Культурная и населенная китайцами мѣстность лѣваго берега Желтой рѣки тянется на 180 верстъ отъ То-па на югъ, гдѣ рѣка выходитъ изъ ущелья до г. Ши-цзу и гдѣ она снова стѣсняется горами. Въ предѣлахъ этой равнины Желтая рѣка, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, каждые 30 лѣтъ мѣняетъ свое теченіе, при чемъ 100 лѣтъ тому назадъ рѣка ночью неожиданно повернула на западъ и разрушила небольшой городокъ, бывшій на ея лѣвомъ берегу, а теперь находящійся на правомъ (въ предѣлахъ Ордоса).

Дорога въ Фу-ма-фу, столицу Алашани, по направленію къ Алашанскому хребту идетъ на протяженіи 15 верстъ по культурной земледѣльческой мѣстности и затѣмъ выходитъ въ пустыню, откуда открывается видъ на величественный Алашанскій хребетъ: онъ круто поднимается надъ плоскими выносами, выдвигающимися далеко въ пустыню; формы его сильно расчленены, гребень зубчатый. Дорога вступаетъ въ узкое ущелье между крутыми склонами Алашанскаго хребта. Перевалъ находится на высотѣ 2540 метр.

Алашанскій хребетъ, по сдѣланному Обручевымъ пересѣченію, состоитъ изъ тѣхъ же трехъ системъ осадочныхъ породъ, которыя слагаютъ плато и сбросовые хребты Шань-си, а именно изъ каменноугольныхъ известняковъ, продуктивной толщи съ флецами каменнаго угля и изъ огромной надкаменноугольной толщи. Другихъ породъ авторомъ не встрѣчено, но Пржевальскій, пересѣкшій хребетъ нѣсколько сѣвернѣе, говоритъ, что въ сложеніи хребта принимаютъ участіе сланцы, известняки, фельзиты, фельзитовый порфиръ, гропулитъ, гнейсъ, слюдистый песчаникъ и новѣйшія вулканическія породы.

28-го февраля путешествіе продолжалось изъ г. Нинъ-ся-фу по направленію къ юго-западу по долинѣ Желтой рѣки, представляющей довольно густо населенную, благодаря ирригаціи и воздѣланную равнину. У с. Та-пу дорога вступаетъ въ горы. У сел. Лю-дунь-цзе встрѣчаются пашни, усыпанныя нарочно камнемъ съ цѣлью сохраненія влажности почвы. Періодически ихъ замѣняютъ новыми; камень добывается китайцами посредствомъ шурфовъ.

Покинувъ долину Желтой рѣчки къ западу отъ Чжгунъ-вея, дорога поднимается на плоскій увалъ, весь покрытый барханными песками и состоящій изъ рыхлыхъ новѣйшихъ песчаниковъ, подстилае-

мыхъ красными песчаниками надкаменноугольной толщи. За рѣкой въ западномъ концѣ Да-цзи-тэ-шаня имѣется продуктивная толща съ пластомъ угля.

За уваломъ дорога идетъ вверхъ по долинѣ Чжанъ-лю-шуй, заполненной озерными отложеніями, въ нижнемъ горизонтѣ которыхъ авторомъ найдены два рога крупнаго быка, длиной по наружной кривизнѣ въ 1 арш. и отличающіеся отъ роговъ Bos primigenius весьма значительной кривизною. Къ устью долина перегорожена холмами, образованными красными глинами, прикрытыми желтымъ песчаникомъ и конгломератомъ. Къ югу отъ нея начинается горная страна, состоящая изъ ряда отдѣленныхъ котловинами хребтовъ, простирающихся съ W на O. На сѣверѣ возвышенности образованы надкаменноугольными сѣрыми и красными песчаниками и сланцами, но безъ хорошаго угля; на югѣ кромѣ этихъ породъ встрѣчаются темно-сѣрые песчаники и глинисто-слюдистые сланцы, а также филлиты и кристаллическіе известняки; во многихъ мѣстахъ на головахъ пластовъ этихъ породъ залегаютъ трансгрессирующіе конгломераты, преимущественно красные.

Далѣе къ югу составъ поверхностнаго слоя постепенно измѣняется: неслоистые и слоистые пески, составляющіе почву песчаныхъ покрытыхъ низкимъ кустарникомъ степей, сѣвернѣе линіи Чжуксъ-вей—Лянъ-чжоу, смѣняются здѣсь лёссомъ, покрытымъ травою, при чемъ и толща лёсса, постоянно увеличиваясь, достигаетъ у г. Лань-чжоу 200—300 метровъ мощности. Интересно указать, что приблизительно по границѣ лёссовой и песчаной степей проходитъ Великая стѣна, которая очень часто, по наблюденію автора, совпадаетъ съ границей распространенія лёсса.

Между Нингъ-ся и Лань-чжоу (столица Гань-су) на протяженіи 70-ти верстъ пересѣкается весьма расчлененная мѣстность, покрытая мощной толщей лёсса. Въ сѣверной части лёссъ, слагая собою холмы округлаго очертанія, скрываетъ подъ собою коренныя породы; въ южной же части, благодаря большой глубинѣ долинъ изъ подъ лёсса обнаруживается толща красныхъ конгломератовъ съ прослоями подчиненныхъ имъ глинъ и песчаниковъ, достигающихъ мощности 150—200 метровъ въ горахъ, находящихся къ югу отъ г. Лань-чжоу.

Осадочныя отложенія, слагающія хребетъ и плато сѣверо-западнаго Китая и Алашаня, представляютъ непрерывную серію, начиная каменноугольными, а мѣстами синійскими известняками и кончая красными песчаниками третичной системы. Преобладающими въ этой

серіи являются отложенія мелководныя, а верхнія (красный эоловый песчаникъ) относятся, быть можетъ, къ образованіямъ наземнымъ. Что касается угля, то онъ встрѣчается не только въ продуктивной (верхнекаменноугольной) толщѣ, но и въ мезозойской (вѣроятно юрской).

Мощныя толщи типичнаго неслоистаго лёсса, по мнѣнію автора, и здѣсь свойственны только Китаю, а не Центральной Азіи; съ переходомъ изъ периферическихъ частей, обладающихъ стокомъ водъ въ океанъ, въ части центральныя, лишенныя этого стока, типичный лёссъ быстро выклинивается и смѣняется эоловыми песками и озерными отложеніями. „Центральная Азія, по выраженію автора, рождаетъ пыль, но осажденіе ея происходитъ только на ея окраинахъ и въ периферическихъ частяхъ".

Весь маршрутъ отъ Пекина до Лань-чжоу составилъ 1830 верстъ и продолжался не много болѣе двухъ мѣсяцевъ (съ 3 января по 14 марта 1893 года).

Во время 15-ти дневнаго пребыванія въ Лань-чжоу (съ 14-го по 29-е марта) совершена небольшая экскурсія въ кумирни, расположенныя на нижней части обрыва хребта Гуань-шань. Эта плоская возвышенность расчленена узкими долинами рѣчекъ и глубокими обрывами на плоскія, столбообразныя горы. Вблизи кумиренъ, на высотѣ 65 метровъ находятся многочисленные красивые источники-водопады прѣсной воды. Ниже по теченію Желтой рѣки дорога пересѣкаетъ Великую стѣну и устремляется на СЗ въ ущелье, гдѣ горы представляютъ поразительное подобіе грандіозныхъ башенныхъ замковъ съ округленно-покатыми крышами, со многими выступами и карнизами въ верхней части стѣнъ и крутымъ откосомъ у ихъ подошвы, при чемъ крышу или верхній слой образуетъ лёссъ, столбы—гобійскія отложенія и подножіе—осыпи. Вблизи города Пинь-фань, на рѣкѣ того же имени, впадающей въ р. Желтую съ СВ, находится кумирня на высокой остроконечной скалѣ, съ которой открывается обширный видъ на хребетъ Пинь-фань-шань, составляющій одинъ изъ отроговъ Нань-шань. Путешествіе отъ Лянь-чжоу въ Лянъ-чжоу (230 вер.) въ предѣлахъ восточнаго Нань-шаня чрезъ г. Пинь-фань и Гу-лань-сянь продолжалось съ 30 марта по 8 апрѣля. Между Пинъ-фань и Лянъ-чжоу была совершена еще экскурсія черезъ городъ Да-цзинь, т. е. совершенъ перевалъ черезъ Пинфанскій хребетъ и хребетъ Момо-шань, при чемъ захваченъ край Алашанской пустыни съ песками, носимыми вѣтромъ.

Изъ Лянъ-чжоу направленіе маршрутной съемки взято почти

прямо на З по *оазисамъ С-З Гань-су*, описанію которыхъ посвящено три главы (XIII—XV). Карта составлена на основаніи съемокъ Обручева, сдѣланныхъ при двукратномъ и мѣстами троекратномъ проѣздѣ вдоль сѣвернаго подножія Нань-шаня, и только нѣсколько дополнена по даннымъ Л. Лоци и Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе по оазисамъ Гань-су заключаетъ въ себѣ нѣсколько маршрутовъ, совершенныхъ частью въ 1893 году, а частью въ 1894 году.

Въ XIII-й главѣ описывается маршрутъ, совершенный 9 апрѣля—8 мая 1893 года, отъ г. Лянъ-чжоу черезъ г. Гань-чжоу въ г. Су-чжоу съ двумя боковыми своротами—вверхъ по р. Да-хэ вглубь сѣверныхъ предгорій Нань-шаня западнѣе г. Лянъ-чжоу и къ миссіи Сю-дья-чуань въ хребетъ Тей-хуанъ-шань, не доѣзжая г. Шань-дань-оянь. На этомъ пути кромѣ различныхъ кристаллическихъ породъ встрѣчены преимущественно каменноугольныя отложенія, содержащія во многихъ мѣстахъ каменный уголь. Нѣкоторыя угольныя копи уже не разработываются, такъ какъ достигли максимальной для китайскихъ рудокоповъ глубины, именно уровня подземныхъ водъ, ниже которыхъ безъ водоотливныхъ средствъ, конечно, нельзя работать. Здѣсь же найдена изслѣдователемъ каменноугольная фауна. Въ этой части встрѣчены нѣкоторые оазисы, каковы: Гао-тэй, Линъ-шуй и Су-чжоу, а также солончаки и песчаныя площади.

Другой маршрутъ, описываемый въ главѣ XIV-й, былъ сдѣланъ (20 апрѣля—16 мая 1894 г.) отъ г. Лянъ-чжоу черезъ Чуянь-фань въ г. Гань-чжоу и по южной дорогѣ въ г. Сы-чжоу. Въ началѣ путь шелъ по весьма частымъ барханнымъ и бугристымъ пескамъ и по пустынной равнинѣ. Здѣсь авторъ описываетъ, между прочимъ, образованіе баргановъ, а также картину пыльной бури въ песчаной равнинѣ. Далѣе оазисы встрѣчаются часто.

И здѣсь также встрѣчено нѣсколько угольныхъ копей. Этою главою заканчивается первый томъ отчета.

Наконецъ въ послѣдней главѣ (XV-й) описываются четыре маршрута въ Гань-су: 1) Отъ устья ущелья Янъ-коу-эръ до г. Гань-чжоу (8—10 августа 1893 года). 2) Отъ г. Су-чжоу до г. Динъ-та-сы (21—22 сентября 1893 года). 3) Отъ г. Су-чжоу до устья ущелья А-уза-коу (25—30 мая 1893 года); и 4) Отъ г. Су-чжоу за пустыни къ сѣверу отъ р. Су-лей-хэ (17—28 іюля 1894 года).

Для этихъ мѣстъ, особенно трехъ послѣднихъ маршрутовъ, весьма характерны галечныя отложенія, покрывающія собою мѣстами значи-

тельныя площади. Мѣстами галька отшлифована, а мѣстами напротивъ покрыта черной коркой, свидѣтельствующей о ея продолжительной неподвижности.

Между Су-чжоу и Динъ-та-сы, близъ с. Лянь-сань-хоу интересны холмы и столовыя возвышенности; холмы часто имѣютъ коническую или усѣченно-коническую форму, представляя „свидѣтелей", отдѣленныхъ отъ плато размывомъ и раздуваніемъ, т. е. типичную картину разрушенія столовыхъ возвышенностей, описанную I. Вольтеромъ въ его книгѣ „Die Denudation in der Wüste und geologische Bedeutung".

Первоначальному образованію бархана способствуетъ обыкновенно какое-нибудь незначительное естественное препятствіе: кустъ, дерево и т. п. Сначала возлѣ него образуется гряда или коса сыпучаго песку; когда она настолько выростетъ, что естественное препятствіе не ограждаетъ ея достаточно, то болѣе крупный, а затѣмъ и мелкій песокъ начинаетъ пересыпаться на противоположную сторону, при чемъ барханъ имѣетъ конусообразную форму съ крутымъ подвѣтреннымъ бокомъ, далѣе навѣтренная сторона все увеличивается и верхушка бархана становится плоскою, затѣмъ и плоская поверхность образуетъ постепенный склонъ на подвѣтренную сторону, и барханъ получаетъ форму болѣе или менѣе округленнаго холма.

Сила вѣтровъ, образующая и переносящая эти барханы съ одного мѣста на другое, достигала (26 апрѣля) 12 метровъ въ секунду на высотѣ 6-ти футовъ отъ поверхности земли, или 5-ти метровъ въ секунду на высотѣ 0,5 фут. отъ поверхности. Горы и песчаные холмы во время пыльной бури, разыгравшейся 26 апрѣля въ пустынной равнинѣ, вполнѣ исчезаютъ изъ виду на разстояніи 1 или $1^1/_2$ версты, и даже ближайшіе предметы въ 50 саженяхъ едва видны. Желтая пыль и песокъ ослѣпляютъ, а ходьба противъ вѣтра едва возможна. Солнце постепенно исчезаетъ за тучами несущейся пыли и песка; горизонтъ становится сѣрымъ. Всѣ предметы въ палаткѣ покрываются тонкимъ слоемъ глинисто-слюдяной пыли, проникающей черезъ мельчайшія отверстія. Но уже черезъ $^1/_2$ сутокъ наступаетъ рѣзкая перемѣна погоды: температура понижается съ $+15°$ до $+3°$ Ц., идетъ сильнѣйшій дождь и затѣмъ снѣгъ, воздухъ въ теченіе первыхъ же минутъ совершенно очищается отъ пыли; вновь образовавшіяся косы, гребни и барханы закрѣпляются на мѣстѣ.

Къ маршрутной съемкѣ въ горной системѣ *Нань-шань* относятся главы XVI—XX. Этотъ маршрутъ составился изъ двухъ экспедицій:

1-ая въ 1893 г. отъ 25-го мая по 18-ое августа; здѣсь маршрутъ Обручева пересѣкъ семь цѣпей Западнаго Нань-шаня (хр. Рихтгофена, Да-сю-шань, Ѣ-ма-шань, Гумбольдта, Цаганъ-чолу, Дыханъ-дабанъ и Мушкетова), затѣмъ повернулъ на востокъ по сѣверному Цайдаму вдоль южнаго подножія хребтовъ Мушкетова и Южно-Кукунорскаго, мимо нѣсколькихъ малыхъ озеръ, на Ю берегъ озера Кукуноръ, черезъ хребетъ Потанина въ г. Си-нинъ-фу; оттуда на ССЗ до г. Гань-чжоу, по Восточному Нань-шаню пересѣкъ четыре цѣпи этой части Нань-шаня, и 18-го августа прибылъ обратно въ г. Се-чжоу, исходный пунктъ экспедиціи; всего 1817 верстъ. Второй маршрутъ былъ значительно короче и заключался внутри перваго; исходный пунктъ его былъ тотъ же Су-чжоу, онъ совершенъ лѣтомъ 1894 г. и заключалъ въ себѣ Средній Нань-шань. Здѣсь маршрутъ Обручева почти цѣликомъ проходитъ по мѣстамъ, совершенно неизвѣстнымъ, только въ нѣсколькихъ пунктахъ соприкасаясь съ маршрутомъ Козлова, и на востокѣ отчасти сливается съ маршрутомъ Грумъ-Гржимайло.

Вслѣдъ затѣмъ Обручевъ посѣтилъ Центральную Монголію, что не входило въ первоначальный планъ. Изслѣдованію обширной горной системы Нань-шань, разстилающейся къ югу отъ Алашаньско-Бейшанской части Центральной Азіи и полосы оазисовъ западной Гань-су и занимающей площадь около 300.000 кв. верстъ, было посвящено авторомъ около семи мѣсяцевъ. Такая значительная затрата времени объясняется не только обширностью и сложностью этой горной страны, но и относительной ея неизвѣстностью. Хотя Нань-шань и до Обручева былъ предметомъ изслѣдованій русскихъ и иностранныхъ экспедицій (три экспедиціи Пржевальскаго, экспедиціи Сосновскаго, Потанина, Сечени съ Лоци и съ Крейтнеромъ, Михаэлиса, Рокгилля, братьевъ Грумъ-Гржимайло), тѣмъ не менѣе не было достаточно выяснено не только геологическое строеніе, но даже орографія горной системы; такъ, даже послѣдніе путешественники считали Нань-шань состоящимъ изъ двухъ (Грумъ-Гржимайло) или четырехъ (Лоци) главныхъ цѣпей. Составленныя предшествующими изслѣдователями на основаніи отдѣльныхъ пересѣченій страны карты Нань-шаня страдаютъ въ той или другой своей части крупными ошибками и противорѣчатъ одна другой. Задача разобраться въ этой путаницѣ и выяснить топо-и орографію этой горной страны и выпала на долю В. А. Обручева, который пересѣкъ семь разъ въ различныхъ мѣстахъ отъ 65° до 74° в. д. главную часть Нань-шаня, находящуюся къ сѣверу отъ долины Бухаинъ-гола, озера Куку-нора и Сининско-Ланьчоужской котловины, и про-

шелъ во всю длину отъ рѣки Бомынъ-гола до Синина его южную часть, пересѣкая въ различныхъ мѣстахъ разрозненные кряжи сѣвернаго Цайдама, Южно-Кукунорскій и горы, отдѣляющія Куку-норъ отъ Синина. Въ результатѣ оказалось, что Нань-шань представляетъ то меньшое, то большее число самостоятельныхъ параллельныхъ цѣпей, отдѣленныхъ между собою тектоническими долинами и имѣющихъ преобладающее простираніе WNW до NW, въ зависимости отъ преобладанія сбросовыхъ и складчатыхъ дислокацій этого направленія; число же продольныхъ хребтовъ въ западномъ и восточномъ Нань-шанѣ достигаетъ не 2—4, какъ полагали предшествующіе путешественники, а девяти. Ширина хребтовъ Нань-шаня, большею частью, отъ 10 до 25 верстъ, достигая мѣстами до 50 и болѣе верстъ. Ширина продольныхъ долинъ между хребтами весьма различна и колеблется отъ полуверсты до 40 верстъ. Что касается вышины горныхъ хребтовъ и абсолютной высоты продольныхъ долинъ, то западная половина Нань-шаня превосходитъ восточную. Въ первой большинство переваловъ не ниже 12—14 тысячъ футовъ, гребни достигаютъ отъ 14 до 16 тыс. футовъ, а высшіе пики—до 20 тыс. футовъ, тогда какъ въ восточной половинѣ большинство переваловъ ниже 12 и даже 10 тыс. футовъ, гребни не превосходятъ 14 тыс. футовъ, а высшіе пики достигаютъ только 17—18 тыс. футовъ.

Абсолютныя высоты большинства продольныхъ долинъ на западѣ находятся на 10—12 тыс. футовъ, а на востокѣ 4—5 тыс., иногда достигая 8 тыс. футовъ. Въ отношеніи количества снѣговъ и льдовъ въ видѣ фирновыхъ полей и ледниковъ западный Нань-шань также превосходитъ восточную часть, но количество атмосферныхъ осадковъ, оказывается, гораздо значительнѣе въ восточномъ Нань-шанѣ, который поэтому обилуетъ проточными водами, лѣсами и вообще растительностью, тогда какъ западный Нань-шань, вслѣдствіе недостатка влаги, представляетъ оголенные и безплодные хребты и долины.

Средній Нань-шань по количеству осадковъ и пейзажей занимаетъ промежуточное положеніе и заслуживаетъ названія степного, тогда какъ западная часть горной страны можетъ быть названа пустынной, а восточная—лѣсной.

Что касается геологическаго строенія Нань-шанской горной системы, то, по изслѣдованіямъ г. Обручева, въ составъ ея входятъ породы массивно-кристаллическія, слоисто-кристаллическія и осадочныя.

Изъ первыхъ встрѣчаются граниты, сіениты, порфириты, породы близкія къ діориту и мелафиру, кварцевый и ортоклазовый порфиръ,

фельзитъ и другіе порфириты. Гранитъ слагаетъ центральную гряду Ъ-ма-шань въ западномъ Нань-шанѣ и образуетъ менѣе значительные выходы на сѣверныхъ склонахъ этого хребта. Затѣмъ встрѣчаются выходы его на обоихъ склонахъ Южно-Кукунорскаго хребта, въ передовой грядѣ хребта Рихтгофена, разрѣзъ котораго изображенъ авторомъ. Другія породы встрѣчены въ видѣ различной величины выходовъ на второй и третьей линіи маршрутовъ.

Значительно большимъ распространеніемъ пользуются слоисто-кристаллическія породы, подраздѣляемыя авторомъ по ихъ возрасту на двѣ группы; болѣе древняя состоитъ исключительно изъ гнейсовъ и гнейсо-гранитовъ, а болѣе новая—изъ гнейсовъ и кристаллическихъ сланцевъ.

Изъ осадочныхъ породъ въ Нань-шаньской горной системѣ самыми древними являются породы метаморфическія, состоящія изъ метаморфизированныхъ песчаниковъ и кварцитовъ, переслоивающихся съ глинистыми, кварцево-глинистыми и филлитовыми сланцами. Среди этихъ отложеній встрѣчаются кварцовыя жилы, являющіяся мѣстами золотоносными, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ старые золотые пріиски въ зап. Нань-шанѣ въ устьѣ ущелья А-цза-коу у хр. Рихтгофена и въ долинѣ р. Уланъ-булакъ на южномъ склонѣ хр. Гумбольдта. На этихъ пріискахъ золото добывалось, повидимому, не промывкою, а провѣиваніемъ. Въ Восточномъ Нань-шанѣ золотые пріиски имѣются въ долинѣ р. Да-тун-хе (или Тымъ-да-хе), въ долинѣ р. Лунъ-ту-хе близъ хр. Ши-шань, и по р. Эръ-ду-хе. Здѣсь интересны нѣкоторыя свѣдѣнія о добычѣ золота на послѣднемъ пріискѣ и о платѣ рабочимъ. Артели золотоискателей, состоящія обыкновенно изъ 10 человѣкъ (6—7 взрослыхъ и 3—4 подростка), добываютъ прямо изъ русла галечники, изъ которыхъ намываютъ отъ 1 до 3 фыновъ (8—24 доли) золота въ 100—120 корзинахъ по 60 гиновъ (85 фунтовъ) галечника. Промывка ведется на вашгердахъ. Добываемое золото очень мелкое, средней пробы; 1 фыкъ золота (8 доль) продается за 250 чохъ (около 35 копѣекъ), т. е. 1 золотникъ за 4 р. 20 коп.

Каждый рабочій получаетъ 800 чохъ (около рубля) въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ харчахъ, обуви и инструментахъ. Такая же незначительная плата практикуется и на пріискѣ по р. Лунъ-ту-хе, у пикета Ши-цзинъ-динъ, гдѣ рабочіе, обязанные сдавать все промытое золото хозяину, получаютъ 0,55 лана (около рубля) въ мѣсяцъ.

Нѣсколько пріисковъ имѣются и въ Среднемъ Нань-шанѣ между г. Су-чжоу и долиной р. Су-лей-хе. Таковы пріиски въ уроч. Хун-

шуй-по Су-чжоускаго округа и въ уроч. Ѣ-нью-па Си-нинскаго округа, гдѣ содержаніе золота составляетъ 30 долей въ 100 пуд. песка. Добычей золота здѣсь занято отъ 2 до 3 тысячъ китайцевъ, при чемъ каждый золотоискатель зарабатываетъ за 2 мѣсяца работы отъ 10 до 15 лана серебра (отъ 20 до 30 руб.).

Метаморфическая золотоносная свита песчаниковъ и сланцевъ преобладаетъ въ сѣверной части Нань-шаня, преимущественно въ хребтѣ Рихтгофена и въ разрозненныхъ хребтахъ Бей-шаня; гнейсы же и кристаллическіе сланцы распространены, напротивъ, въ южной части Нань-шаня.

Послѣ свиты метаморфическихъ песчаниковъ и сланцевъ въ Нань-шанѣ весьма развита свита породъ, представляющихъ отложенія весьма продолжительнаго періода абразіи и трансгрессіи, значительная часть котораго совпадаетъ съ каменно-угольной эпохой. Эти отложенія, среди которыхъ древнѣйшимъ являются силурійскія, не всюду одинаково развиты и не вездѣ имѣютъ одинаковую мощность и одинаковый характеръ.

Силурійскія отложенія встрѣчены только въ Среднемъ Нань-шанѣ на маршрутѣ отъ г. Су-чжоу до долины р. Су-лай-хе. Къ этимъ образованіямъ относятся авторомъ известняки, кварциты и сланцы на сѣверномъ склонѣ хр. Риттофена по ущелью Цзинь-фо-хе, въ южной части этого хребта по р. Ма-шуй-хе, по р. Да-коу-хе, по р. Су-лей-хе и въ хребтѣ Талай-шань и въ хр. Александра III.

Девонскія отложенія, выраженныя красными и зелеными глинистыми сланцами и песчаниками, а также известняками, встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ какъ средняго, такъ западнаго и восточнаго Нань-шаня.

Каменноугольныя отложенія представляютъ собою мощную свиту, состоящую изъ каменноугольнаго известняка, различно-окрашенныхъ песчаниковъ, глинистыхъ сланцевъ, пестрыхъ сланцеватыхъ глинъ и черныхъ углистыхъ глинъ и каменнаго угля.

На основаніи встрѣченной кое-гдѣ карбоновой фауны, представляется возможнымъ различить во всей толщѣ каменноугольныхъ отложеній всѣ три отдѣла каменноугольной системы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти отложенія являются угленосными и заключаютъ въ себѣ ископаемый уголь, добываемый изъ существующихъ угольныхъ копей. Таковы угольныя копи Дун-та-іе въ западномъ Нань-шанѣ, копи близъ с. Хый-узе-хуа, копи Мей-шань (осмотрѣнныя Л. Лоци), старыя копи на сѣверномъ склонѣ хребта Рихтгофена къ югу отъ

г. Нань-хоу-чень, а также на томъ же склонѣ хребта къ западу отъ ущелья р. Да-бей-хе.

За этими трансгрессивными отложеніями слѣдуютъ отложенія новѣйшаго морского покрытія, отдѣленныя отъ первыхъ громаднымъ промежуткомъ времени—періодомъ континентальнымъ. За этотъ промежутокъ времени на площади бывшаго морского дна поднялись хребты, достигавшіе 18—20 тыс. футовъ н. у. м. Подвергаясь разрушающей дѣятельности эрозіонныхъ процессовъ въ различной степени, хребты эти, тѣмъ не менѣе, не были сглажены вновь наступившимъ ингрессивнымъ, а не трансгрессивнымъ моремъ съ востока и запада въ продольныя долины между хребтами, образовавъ здѣсь длинные и узкіе проливы, въ которыхъ прибой волнъ не могъ проявить столь интенсивной дѣятельности въ разрушеніи береговыхъ хребтовъ, и море это не могло сгладить существовавшіе хребты, отлагая свои осадки на абразіонной поверхности, подобно морю каменноугольнаго періода. Время наступленія этого послѣдняго Гобійскаго моря точно не опредѣлимо за отсутствіемъ органическихъ остатковъ, но вѣроятно оно захватываетъ часть мѣлового и весь третичный періодъ.

Отложенія этого моря встрѣчаются преимущественно по окраинамъ Нань-шаня. Толща этихъ ингрессивныхъ отложеній мощностью не менѣе 4 тысяч. футовъ, состоитъ изъ конгломератовъ, песчаниковъ, глинъ и мергельныхъ известняковъ; породы эти являются различно окрашенными; при чемъ нижняя часть этихъ морскихъ отложеній, окрашенная благодаря обилію окисловъ желѣза въ интенсивный красный цвѣтъ, указываетъ на тропическій климатъ, а постепенное ослабленіе окраски въ верхнихъ горизонтахъ свидѣтельствуетъ о постепенномъ переходѣ климата отъ влажнаго къ сухому. Послѣ отступленія Гобійскаго моря и распаденія его на отдѣльныя горько-соленыя озера, къ которымъ принадлежитъ между прочимъ озеро Кукуноръ, наступилъ въ Нань-шанѣ современный континентальный періодъ, во время котораго отложились мощныя толщи конгломератовъ, слоистыхъ песковъ и глинъ, галечниковъ и лёсса.

Весьма много данныхъ у автора относительно горообразовательныхъ процессовъ и о направленіяхъ дислокацій въ Нань-шаньской горной системѣ. Въ общемъ складки горныхъ породъ здѣсь идутъ въ двухъ направленіяхъ: WNW, которое преобладаетъ въ среднемъ Нань-шанѣ, и ONO, которое является одинаково въ западномъ и восточномъ. Изъ направленій отдѣльности преобладаетъ вообще WNW, этому направленію слѣдуютъ большинство жилъ и выходовъ извер-

женныхъ породъ Нань-шаня. Послѣднія дислокаціи, уже послѣ отступленія Гобійскаго моря, слѣдовали направленію WNW. По наблюденіямъ автора направленіе хребтовъ обусловлено не направленіемъ складокъ, а направленіемъ громадныхъ сбросовъ.

Изъ полезныхъ ископаемыхъ въ Нань-шанѣ, кромѣ указанныхъ выше золота и каменнаго угля, встрѣчается гипсъ, квасцы, поваренная соль, мѣдь, марганцевая руда, а также минеральные источники.

Мы остановились болѣе подробно на этихъ четырехъ главахъ не только потому, что изслѣдованіе Нань-шаня представляло главнѣйшую задачу экспедиціи Обручева, но и потому, что изслѣдованіе этой сложной горной страны дало много интересныхъ и новыхъ фактовъ относительно орографіи и геологіи ея, даже послѣ работъ нѣсколькихъ предшественниковъ автора.

Цинь-линъ-шань. Этой мѣстности въ отчетѣ Обручева посвящены двѣ главы. Маршрутная съемка этой горной системы составлена изъ нѣсколькихъ съемокъ и картъ Рихтгофена и Потанина. Къ этимъ маршрутамъ присоединены маршруты Обручева въ мѣстностяхъ, гдѣ нашъ изслѣдователь являлся первымъ путешественникомъ, или такихъ, о которыхъ свѣдѣнія въ то время еще не были опубликованы. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ Цзинь-линъ-шаня имѣется полный маршрутъ.

Эта экскурсія была начата 1-го января 1894 г. Миноваvъ г. Бао-цзи-сянь (въ Шень-си), нашъ путешественникъ направился къ юго-западу поперекъ горной системы Цзинь-линъ-шаня, по большой дорогѣ до г. Фынь-сянъ, одному изъ главныхъ путей между сѣверными и южными провинціями Китая, пройденной ранѣе Рихтгофеномъ. Проведя первые десять дней китайскаго новаго года въ г. Хай-сянъ, такъ какъ въ это время китайцы путешествуютъ лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ, Обручевъ продолжалъ путь на югъ до г. Гуань-юань въ Сы-чуани у южнаго подножія Цзинь-линъ-шаня; это былъ самый южный пунктъ, достигнутый Обручевымъ во все время его путешествія.

Отсюда онъ круто повернулъ на ССЗ, пересѣкая ту же горную систему въ болѣе западной части и чрезъ г. Цзѣ-чжоу и г. Минъ-чжоу 21-го марта нашъ путешественникъ пришелъ въ г. Лань-чжоу, уже ранѣе имъ посѣщенный.

Столь же разнообразными, какъ въ Нань-шанѣ, оказались горныя породы въ Цзинь-линъ-шанѣ. Здѣсь встрѣчены граниты и гнейсы, древніе метаморфическіе сланцы, а осадочныя породы оказались во

многихъ мѣстахъ содержащими окаменѣлости, благодаря которымъ явилась возможность опредѣленія ихъ возраста. Такъ, въ силурійскихъ отложеніяхъ недалеко отъ г. Нинъ-цзянъ-чжоу были найдены округлые полипняки коралловъ, между тѣмъ какъ Рихтгофенъ во время своего путешествія коралловъ въ этихъ пластахъ не нашелъ. Кромѣ того, здѣсь, немного далѣе, были найдены отпечатки плеченогаго, повидимому, изъ см. Orthidae.

Далѣе въ окрестностяхъ с. Шынь-сюань-и также встрѣчаются окаменѣлости, собираемыя мѣстами жителями и продаваемыя въ качествѣ лекарства въ селеніи на выставленныхъ на улицѣ столикахъ по 1 коп. за 10 штукъ.

Эти окаменѣлости были куплены авторомъ, но еще не опредѣлены. Купленныя же Рихтгофеномъ формы оказались, по опредѣленію проф. Кайзера, принадлежащими къ верхнедевонской фаунѣ. У сел. Лун-дунъ-пей былъ встрѣченъ известнякъ съ брахіоподами, которые указываютъ, по опредѣленію Ѳ. Н. Чернышева, на верхне-каменноугольный возрастъ этихъ известняковъ. Встрѣчены и пермо-тріасовыя отложенія по долинѣ р. Цзян-линъ-цзянь. Мезозойскія отложенія Цзинъ-линъ-шаня также содержатъ органическіе остатки. Таковыми являются угленосныя отложенія близъ сел. Сю-цзя-хе, гдѣ существуютъ копи для добычи ископаемаго угля.

Здѣсь песчаники заключаютъ обильную флору въ видѣ отпечатковъ растеній, которыя, по опредѣленію д-ра Ф. Крассера, указываютъ на рэтическій (верхне-тріасовый) возрастъ отложеній. Проф. Шенкъ, на основаніи изученія собранныхъ Рихтгофеномъ въ тѣхъ же копяхъ отпечатковъ растеній, считаетъ эти отложенія нижне-юрскими. По по опредѣленію того же проф. Шенка отпечатковъ растеній, собранныхъ Л. Лоци въ 1879 г. изъ тѣхъ же копей, оказывается, что эти растенія указываютъ на средне-юрскій возрастъ угленосныхъ отложеній.

Это разногласіе можетъ быть выяснено путемъ пересмотра и сравненія всѣхъ трехъ коллекцій.

Даже въ новѣйшихъ образованіяхъ, именно въ лёссовомъ покровѣ, авторъ собралъ много раковинъ, которыя были опредѣлены д-мъ Стурани и являются сходными съ живущими нынѣ въ той мѣстности молюсками.

Изъ полезныхъ ископаемыхъ въ Цзинь-линъ-шанѣ встрѣчаются желѣзная охра, желѣзная руда и каменный уголь. Послѣдній добывается во многихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ м. Тьѣ-чух-цзе въ 30 верстахъ на SW отъ г. Фынь-сянъ, въ м. Ма-нуо въ Сы-чуани,

14*

въ упомянутомъ уже сел. Сю-цза-хе; въ окрестностяхъ сл. Ван-див͏ацзе, а также близъ с. Ва-кань-сянь (на сѣверномъ склонѣ перевала Кух-шань (Чуань-шань) и копи Кё-дья-ванъ и др.

Кромѣ желѣза и угля добывается здѣсь золото по берегамъ р. Пей-шуй-цзяна путемъ промывки галечныхъ наносовъ. А въ селѣ, находящемся на NO отъ Ко-шу-ицзе, населеніе занимается добычей соли выщелачиваніемъ въ воронкообразныхъ корзинкахъ лёсса и древнихъ галечниковъ.

Слѣдуетъ указать еще на находку выхода базальта; находка этой породы въ предѣлахъ Цзинь-линь-шаня весьма интересна, такъ какъ въ сѣверномъ Китаѣ базальты до сихъ поръ были извѣстны только въ провинціяхъ Чжи-ли и Шань-си вдоль южной окраины монгольскаго плато.

Эцзинъ-голъ и Бей-шань. Эта часть пути проходитъ отъ г. Сучжау черезъ г. Цзинь-та-сы по лѣвому берегу рѣки Эцзинъ-гола до ставки торгоутскаго князя въ урочищѣ Хара-сухай; затѣмъ по низовьямъ той же рѣки, мимо восточнаго конца озера Гатіупъ черезъ пустыню и холмы Сухомту. Основой этой маршрутной карты служилъ маршрутъ Потанина 1886 г.; такъ какъ путь Обручева съ нимъ совпадаетъ до урочища Хара-Сухай, то къ нему лишь прибавлены данныя изъ дневника о характерѣ мѣстности вблизи дороги и названія урочищъ. Отсюда путь Обручева отдѣляется отъ маршрута Потанина и идетъ по мѣстамъ, никѣмъ не изслѣдованнымъ.

Центральная Монголія (глава XXIV и XXV). Черезъ холмы Сухомту путь продолжается на сѣверъ къ ключу Плисынъ, у сѣвернаго подножія горной цѣпи Поинъ-богдо; отсюда путь Обручева сворачиваетъ круто на востокъ по сѣвернымъ грядамъ той же цѣпи, черезъ горы Дэнгъ къ колодцу Баинъ-худукъ въ горахъ Дзолинъ въ виду юго-восточной оконечности монгольскаго Алтая; это былъ крайній сѣверный пунктъ экспедиціи въ центральной Монголіи. Этотъ путь вмѣстѣ съ предыдущимъ составляетъ 1110 верстъ и продолжался отъ 21-го сентября по 14-е ноября 1893 г., когда Обручевъ прибылъ къ миссіи Санъ-то-хо на Желтой рѣкѣ. Карта, представляющая путь по центральной Монголіи, составлена исключительно на основаніи собственной маршрутной съемки нашего путешественника по мѣстамъ совершенно неизвѣстнымъ; только въ трехъ мѣстахъ его путь пересѣкаетъ, въ мѣстахъ пустынныхъ, маршруты Пржевальскаго.

Маршрутъ г. Обручева по центральной Монголіи, т. е. отъ города Су-чжоу до долины Желтой рѣки пролегалъ по мѣстностямъ,

не посѣщеннымъ ни однимъ геологомъ, и на большинствѣ протяженія по мѣстностямъ, не посѣщеннымъ ни однимъ изслѣдователемъ, кромѣ миссіонеровъ, а потому данныя объ орографіи и геологіи центральной Монголіи составляютъ заслугу нашего изслѣдователя, давшаго первую основу къ выясненію лика этой области.

Центральная Монголія представляетъ разрозненные, болѣе или менѣе высокіе, всегда скалистые, хребты и цѣпи холмовъ двоякаго простиранія WNW и NO, если простиранія выражены ясно, или же группируется въ возвышенности различнаго очертанія и направленія, отдѣленныя другъ отъ друга болѣе или менѣе широкими низменностями, представляющими большею частью плоскія котловины или впадины. Абсолютная высота этихъ впадинъ колеблется отъ 1,040 метровъ до 1,700 м., а абсолютная высота хребтовъ не превышаетъ 2,500 м. Отличительной особенностью хребтовъ центральной Монголіи является расположеніе ихъ на высокихъ и широкихъ пьедесталахъ, незамѣтно понижающихся къ низшимъ частямъ впадинъ и вѣнчающихся скалистыми вершинами, прорѣзанными ущельями.

Подобно восточной Монголіи, центральная Монголія представляетъ не пустыню, а поросшую травянистою и кустарною растительностью степь, за исключеніемъ мѣстности къ западу отъ Эцзинъ-гола, представляющую вполнѣ лишенную растительности пустыню, въ которой весьма рѣзко проявляется дѣятельность агентовъ пустыни: инсоляціи и шлифовки утесовъ оголенныхъ склоновъ и гребня пескомъ. Въ геологическомъ отношеніи центральная Монголія представляетъ много общаго съ восточной Монголіей; здѣсь встрѣчаются тѣ же коренныя горныя породы, тѣ же дислокаціи. Древнѣйшими коренными породами здѣсь, также какъ и въ Нань-шанѣ, являются породы архейскія, распадающіяся на двѣ группы: 1) древнѣйшіе гнейсо-граниты и гнейсы, встрѣченные въ хребтахъ Ноинъ-ула, Табунъ-тахилъ, въ холмахъ Баинъшанды, и въ хребтахъ Хара-наринъ-ула, расположенныхъ на южной окраинѣ центральной Монголіи. 2) Гнейсы, перемежающіеся съ кристаллическими сланцами и встрѣчающіеся вмѣстѣ съ предыдущими породами въ тѣхъ же хребтахъ, а также слагающіе собою группу холмовъ на лѣвомъ берегу Эцзинъ-гола и хребты Дэнгъ въ центральной части страны.

Болѣе распространенными являются здѣсь полу-кристаллическіе сланцы, перемежающіеся не съ гнейсами, а съ кристаллическимъ известнякомъ или съ метаморфическими песчаниками и кварцитами. Эти сланцы слагаютъ отчасти холмы лѣваго берега Эцзинъ-гола, вхо-

дятъ въ составъ хребтовъ Дэнгъ и Дзолинъ, Аргалинъ, Цохё, Шара-тологой, Маниту и Хара-наргенъ-ула. Часть этихъ породъ, вѣроятно, относится къ У-тайской формаціи (архейской системы) Рихтгофена, а метаморфическіе песчаники и сланцы—къ древне-палеозойскимъ. За этими породами слѣдуетъ толща каменноугольнаго известняка, встрѣчающаяся, главнымъ образомъ, въ пустынныхъ хребтахъ лѣваго берега Эцзинъ-гола (въ грядахъ Эцзинъ-ула), затѣмъ въ горахъ Боро-ула, въ хребтѣ Булыгинъ-шерь и на сѣв. склонѣ хребта Ноинъ-ула. Толща эта, имѣющая небольшое распространеніе, состоитъ изъ чистыхъ и кремнистыхъ известняковъ, известняковыхъ брекчій, известково-кварцевыхъ и кварцевыхъ сланцевъ.

Болѣе распространенною является толща песчаниково-конгломератовая, слагающая собою хребетъ Тосту, южный склонъ горъ Арголинъ, холмы Шара-тологой и Хара-обо и склоны хребта Маниту.

Верхняя часть этой толщи, вѣроятно, относится отчасти уже къ мезозойскимъ отложеніямъ. Какъ эта песчаниково-конгломератовая, такъ и известняковая толща сильно дислоцированы.

За этими отложеніями слѣдуютъ отложенія гобійскія, представляющія два яруса, періоды образованія которыхъ отдѣлены другъ отъ друга періодомъ значительной дислокаціи, постигшей нижній ярусъ, который состоитъ изъ чередующихся пластовъ разноцвѣтныхъ глинъ, мергелей, глинистыхъ песчаниковъ и мелкозернистыхъ конгломератовъ, простирающихся ONO до WNW. На головахъ пластовъ этого яруса трансгрессируетъ верхній, мощностью всего въ 3—4 сажени, представляющій пластъ крупно и мелкозернистаго конгломерата. Новѣйшими отложеніями центральной Монголіи, образующимися въ современный періодъ размыва и раздуванія, являются рѣчныя слоистыя глины, пески, галечники, наносы временныхъ потоковъ и эоловые пески. Эти эоловые неслоистые пески въ нѣсколько футовъ мощности замѣняютъ собою лёссъ.

Кромѣ этого песка, покрывающаго собою долины и склоны горъ, встрѣчается песокъ, образующій собою холмы и барханы, матеріаломъ для образованія которыхъ являются продукты вывѣтриванія горныхъ породъ и раздуванія слоистыхъ рѣчныхъ песковъ. Бугристые и барханные пески встрѣчаются весьма рѣдко въ центральныхъ частяхъ, но по мѣрѣ приближенія къ горной окраинѣ центральной Монголіи образуютъ широкую полосу бугровъ и бархановъ, простирающуюся до Желтой рѣки. Немалую роль въ строеніи хребтовъ центральной

Монголіи играютъ изверженныя породы, выходы которыхъ встрѣчаются почти во всѣхъ хребтахъ. Различные порфиры граниты, сіениты, діориты, мелафиры и ихъ туфы, а изъ новыхъ породъ базальты встрѣчаются въ видѣ болѣе или менѣе крупныхъ выходовъ или въ видѣ жилъ различнаго простиранія.

Изъ немногочисленныхъ полезныхъ ископаемыхъ въ центральной Монголіи встрѣчаются: желѣзная руда, желѣзная охра и каменный уголь. Выходы хорошаго бездымнаго каменнаго угля имѣются въ горахъ Хоира-богдо („двѣ святыя"), въ мѣстности по лѣвому берегу Желтой рѣки, но добыча его монголами запрещена. Другое мѣсторожденіе каменнаго угля находится также въ мѣстности по лѣвому берегу Желтой рѣки, въ Хоро-хото въ разстояніи 330 ли отъ Санъ-то-ха, гдѣ добывается хорошій уголь, пользующійся широкимъ распространеніемъ и доставляемый въ резиденцію Санъ-то-хо. Также добывается каменный уголь въ горахъ Ула-шань къ сѣверу отъ г. Бауту.

Бей-шань (главы XXIII и XXVI). Маршрутъ въ горной системѣ Бей-шаня составленъ исключительно на основаніи съемокъ Обручева по караванной дорогѣ изъ Юй-мыня въ Хами черезъ урочище Лу-цогу и др.

Бей-шанемъ или Хамійской пустыней называется горная страна, составляющая продолженіе Алашаня за долиной Эцзинъ-гола. Эта часть Центральной Азіи представляетъ обширное вздутіе, съ разсѣянными на немъ отдѣльными хребтами и возвышенностями, доходящее на востокъ до долины Эцзинъ-гола. Относительная высота этихъ хребтовъ незначительна, въ большинствѣ случаевъ только въ нѣсколько сотъ футовъ надъ сосѣдними долинами или котловинами и только очень рѣдко достигаетъ 1500—2000 футовъ.

Простираніе хребтовъ въ Бей-шанѣ не однообразно и неправильно; преобладающимъ простираніемъ можно считать WNW, O—W и ONO. Также неправильны и впадины между возвышенностями Бей-шаня, представляющія собою мульды и котловины различныхъ очертаній. Двумя широкими и глубокими впадинами широтнаго направленія ограничивается Бей-шань съ сѣвера и съ юга; сѣверная впадина отдѣляетъ его отъ Нань-шаня.

Изъ горныхъ породъ, принимающихъ участіе въ строеніи Бей-шаня, встрѣчаются граниты и гнейсы, образующіе собою гряды и холмы; мѣстами граниты и гнейсы пересѣчены жилами порфировъ и зелено-ка-

менныхъ породъ. Весьма интересны здѣсь процессы вывѣтриванія и выдуванія, наблюдаемые на гранитныхъ холмахъ. Результатами этихъ процессовъ получаются громадныя ниши, гребни и бугры на гранитныхъ холмахъ. Различныя стадіи процессовъ вывѣтриванія и выдуванія иллюстрированы изслѣдователемъ нѣсколькими прекрасными фотографическими снимками. Изъ осадочныхъ породъ встрѣчаются каменноугольныя отложенія, выраженныя известняками, сланцами и песчаниками, мѣстами являющіяся угленосными. Большимъ развитіемъ пользуются здѣсь также гобійскія и новѣйшія отложенія.

Непосредственнымъ продолженіемъ этой съемки въ западномъ направленіи является съемка *вдоль южнаго подножія Восточнаго Тянь-шаня и въ Люкчунской впадинѣ.* (Главы XXVII и XXVIII). Эта карта составлена Обручевымъ также исключительно на основаніи его собственныхъ съемокъ. Путь этотъ пройденъ ранѣе еще нѣсколькими путешественниками: Кэри, Грумъ-Гржимайло и др., такъ что картографическій матеріалъ для этой страны является вполнѣ достаточнымъ.

Этотъ маршрутъ пролегаетъ по большой дорогѣ, которая въ средней своей части пересѣкаетъ южные отроги Тянь-Шаня, вслѣдствіе чего здѣсь, не сходя съ пути, можно производить достаточныя геологическія изслѣдованія, но отсюда нашъ путешественникъ сдѣлалъ еще небольшую экскурсію въ сторону, въ высокіе пески Кумъ-тагъ.

Изъ Люкчунскаго оазиса, гдѣ находится метеорологическая станція Роборовскаго, изслѣдователь отправился 11-го сентября 1894 г. на западъ черезъ оазисы солончаки Люкчунской впадины къ озéру Бодженте по солончаковой степи. Обогнувъ западный конецъ озера, Обручевъ сдѣлалъ двухдневную экскурсію на югъ, вглубь хребта Чоль-тагъ. Далѣе маршрутъ пересѣкъ западную часть Люкчунской впадины; отсюда Обручевъ вернулся вновь на большую дорогу, по которой прибылъ въ Урумчи черезъ горы Джаргёзъ и Дунъ-шань.

Восточный Тянь-шань или Карлыкъ-тагъ, представляющій климатическій барьеръ между холодной Джунгаріей и теплой Кашгаріей, входитъ въ предѣлы Центральной Азіи изъ русскаго Туркестана въ видѣ длиннаго и высокаго клина. Въ главахъ XXVII и XXVIII авторъ описываетъ свой маршрутъ вдоль южнаго подножья Тянь-шаня къ востоку отъ Урумчи между ключемъ Утунъ-одзы, чрезъ Пиганскій оазисъ и Люкчунскую впадину до г. Урумчи. Эта часть Тянь-шаня представляетъ громадный, скалистый и на южныхъ склонахъ очень пустынный хребетъ, состоящій изъ нѣсколькихъ цѣпей. Главная цѣпь

достигаетъ наибольшей высоты, около 18 тыс. футовъ въ горахъ Богдо-ола. Къ востоку отъ Богдо-ола къ главной цѣпи примыкаетъ южная цѣпь, составляющая до того самостоятельный хребетъ Джаргёзъ. Подножье пустыннаго южнаго склона Тянь-шаня, бѣднаго растительностью и проточными водами, окаймлено полосой самой ужасной пустыни, лишенной растительности, и съ почвой, состоящей изъ смѣси песка, глины, гальки и щебня; плотная поверхность почвы, выметенная бурями, усыпана галькой и щебнемъ; только мѣстами на болѣе значительныхъ рѣчкахъ въ устьяхъ ущелій встрѣчаются небольшіе оазисы, пашни и сады. Съ юга эта пустынная полоса ограничивается прерывистою цѣпью оазисовъ, населенныхъ тюрками, дунганами и китайцами. Третью полосу вдоль южнаго подножья Тянь-шаня представляетъ Люкчюнская или широтная впадина, отдѣляющая Тянь-шань отъ Бей-шаня.

Въ геологическомъ строеніи мѣстности принимаютъ участіе породы слоисто-кристаллическія, массивныя и жильныя и осадочныя. Первыя въ видѣ гранитовъ и гнейсовъ встрѣчены только по р. Хая въ началѣ маршрута. Болѣе часто встрѣчаются породы массивныя и жильныя, являющіяся притомъ весьма разнообразными: гранитъ массивный и жильный, гранито-порфиръ, гранито-сіенитъ, діоритъ, мелафиръ, мелафировые туфы и брекчіи, различные порфиры и порфириты, а также фельзиты были наблюдаемы во многихъ мѣстахъ.

Изъ осадочныхъ образованій развиты мезозойскія, гобійскія (третичныя) и послѣтретичныя. Палеозойскія отложенія выражены только средне-и верхне-каменноугольными образованіями. Эти образованія, состоящія изъ различныхъ породъ, среди которыхъ имѣются известняки съ окаменѣлостями, встрѣчены на склонѣ Чоль-тага, а также въ грядахъ Дунь-шаня (недалеко отъ Урумчи), гдѣ песчаники оказались содержащими отпечатки растеній, принадлежащихъ, по опредѣленію д-ра Ф. Крассера, къ верхне-каменноугольнымъ. Окаменѣлости средне-каменноугольнаго возраста были найдены на сѣв. склонѣ хребта Кумдабана. Среди мезозойскихъ отложеній, возрастъ которыхъ можетъ быть опредѣленъ, являются юрскія отложенія, содержащія въ себѣ остатки растеній и залежи бураго угля. Эти отложенія встрѣчаются довольно часто. Такъ, близъ с. Сань-то-линь-цзе въ угольныхъ копяхъ Ташъ-кэсэ собраны растительные остатки, оказавшіеся принадлежащими къ бурой юрѣ. Къ юрскимъ же, вѣроятно, относятся песчаники и мергели сходные съ породами Ташъ-кэсэ, и встрѣченные далѣе по пути къ

ключу Ти-ти-цо и далѣе въ Чоглу-чайскихъ высотахъ. Затѣмъ юрскія отложенія имѣются на обрывистомъ склонѣ Ковань-тага (уже за Пичанскимъ оазисомъ), въ Сыркыпь-тагъ (здѣсь, близъ устья Люкчюнской рѣчки добывается уголь), гдѣ также найдена юрская флора. Къ юрскимъ же относятся авторомъ отложенія, встрѣченныя въ нѣсколькихъ мѣстахъ на дальнѣйшемъ пути. Большимъ распространеніемъ пользуются здѣсь гобійскія отложенія, подраздѣляемыя на двѣ части: верхняя образована конгломератами съ прослоями песчаника, а нижняя изъ чередующихся пластовъ конгломератовъ и мергелей и песчаниковъ.

Изъ Урумчи въ Кульджу. *Южная Джунгарія и хребетъ Борохото.* Для этой части пути, въ 600 верстъ длиною, маршрута не существуетъ, такъ какъ съемки на этомъ пути не производились и геологическія наблюденія велись мимоходомъ вслѣдствіе чрезвычайной усталости послѣ двухлѣтней почти непрерывной работы. Многіе предметы снаряженія приходили къ концу; записныя книжки, тетради и бумага почти израсходовались, такъ что наблюденія пришлось бы записывать кистью и тушью на китайской бумагѣ. Одежда, обувь, палатки и пр. также пришли въ крайній упадокъ. Поэтому горная группа Богдо-ула въ Восточномъ Тянь-шанѣ въ 80 верстахъ къ ВЮВ отъ Урумчи, входившая въ программу, осталась неизслѣдованной. Въ числѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, кромѣ личнаго переутомленія, являлось выпаденіе большого снѣга на горахъ и крайнее утомленіе людей и верблюдовъ каравана.

Наблюденія автора, хотя и бѣглыя, все же дали нѣкоторыя свѣдѣнія о геологіи этой мѣстности. Изъ осадочныхъ образованій здѣсь встрѣченъ каменно-угольный известнякъ съ остатками криноидей, юрскія и гобійскія образованія (конгломераты). Эти образованія встрѣчены были по рч. Боркустѣ, по дол. р. Тогуръ-су и по дол. р. Или. Кромѣ осадочныхъ, здѣсь часты породы массивныя и жильныя, выходы которыхъ замѣчены во многихъ мѣстахъ. Какъ и въ Восточномъ Тянь-шанѣ, здѣсь имѣются массивные и жильные граниты, мелафиры, различные порфиры и порфириты и фельзиты.

Изъ Кульджи г. Обручевъ выѣхалъ 20-го октября 1894 г. и прибылъ 9-го декабря въ С.-Петербургъ, привезя съ собою массу новыхъ свѣдѣній, наблюденій и фактическаго матеріала изъ блестяще выполненнаго грандіознаго путешествія по Центральной Азіи.

Обиліе этихъ свѣдѣній и наблюденій, изложенныхъ въ двухъ объ-

емистыхъ томахъ въ видѣ дневника, представляетъ понятное затрудненіе для изложенія въ видѣ краткаго очерка, въ которомъ долженъ быть сгруппированъ весь добытый матеріалъ и представлены главнѣйшіе выводы. Эта задача можетъ быть выполнена только авторомъ, который обѣщалъ сообщить объ этомъ вмѣстѣ съ результатами обработки собранныхъ имъ коллекцій въ третьемъ томѣ, появленіе котораго будетъ встрѣчено съ еще большимъ интересомъ.

Н. Каракашъ.

Литовцы и славяне въ Германіи.

Die Slawen in Deutschland. Beiträge zur Volkskunde der Preussen, Litauer und Letten, der Masuren und Philipponen, der Tschechen, Mähren und Serben, Polaben und Slowinzen, Kaschuben und Polen von *Dr. Franz Tetzner*. Mit 215 Abbildungen, Karten und Plänen, Sprachproben und 15 Melodien. Braunschweig. Frd. Vieweg. 1902. XX+520 стр. in 8°.

Авторъ этого труда д-ръ Фр. Тецнеръ старался объединить въ одно цѣлое всѣ свѣдѣнія по этнографіи *не* нѣмецкихъ народностей *славянскаго* и *литовскаго* происхожденія, которыя онъ самъ отчасти собралъ въ 1895—1900 гг. во время поѣздокъ въ Литву, въ курляндскій Нерунгъ, въ землю сербо-лужичанъ, чеховъ, мораванъ, мазуровъ, кашебовъ и такъ называемыхъ русскихъ старообрядцевъ филипоновъ. Воспитанникъ Лейпцигскаго университета и бывшій слушатель проф. д-ра Авг. Лескина, Тецнеръ, къ сожалѣнію, недостаточно усвоилъ себѣ необходимыя знанія по славянской филологіи и оттого впалъ въ довольно странныя ошибки, причисляя, между прочимъ, къ *западно-славянскимъ* народностямъ Германіи (westslavische Volksstämme in Deutschland), кромѣ мазуро-поляковъ, чехо-мораванъ, сербовъ, словинцевъ и кашебовъ, — еще и *русскихъ* филипоновъ. По какой причинѣ прусы, литовцы и куро-латыши причислены къ славянамъ, также не объяснено. Наконецъ, совершенно не использованы труды, напечатанные на *польскомъ* и другихъ славянскихъ языкахъ. Но, несмотря на эти крупные недостатки, сочиненіе, впервые представляющее главныя фольклористическія примѣты славянъ и литовцевъ Германіи, не мало имѣетъ значенія для пробужденія интереса къ славянской этнографіи въ *нѣмецкой* читаю-

щей публикѣ. Для *русскаго* читателя и отчасти даже для ученой публики самою интересной является первая треть этой книги, озаглавленная: „Балтійскія народности въ Германіи“ („Altpreussen, Litauer und Letten“).

Даже русскій переводъ небольшой брошюры Теннера „Dainos“, изданной въ Лейпцигѣ въ 1897 г. у Реклама (Universalbibliotek), освѣдомилъ бы русскую публику о существованіи цѣлой областной литературы на литовскомъ языкѣ, закрытой у насъ пресловутымъ запрещеніемъ *латинки* для литовцевъ и литовскихъ народныхъ книгъ. Надо при этомъ отдать полную похвалу извѣстной издательской фирмѣ Фридриха Фивега и сына въ томъ, что она не отказала автору въ средствахъ для исполненія многочисленныхъ приложеній въ видѣ статистическихъ таблицъ, картъ, нотъ и изображеній жилищъ и одеждъ изучаемыхъ народностей. Славянскіе и литовскіе элементы нѣмецкаго народонаселенія въ провинціяхъ западной и восточной Пруссіи, верхней Силезіи и Саксоніи, благодаря такому картинному описанію, освѣщаются вполнѣ достаточно. Но съ строго научной точки зрѣнія замѣчается не мало пробѣловъ. Автора мало волнуютъ вопросы о распредѣленіи западно-славянскихъ нарѣчій и объ отношеніяхъ другъ къ другу *полабскаго* и кашебо-словинскаго, польскаго и сербо-лужицкаго языковъ.

Недавно именно этой проблемѣ посвятилъ свои труды д-ръ *Ф. Лоренцъ* (F. Lorentz) въ „Архивѣ“ Ягича т. 24, кн. 1—2, стр. 1—73, въ статьѣ „Das gegenseitige Verhältniss der sogenannten lechischen Sprachen“. Онъ пришелъ къ тому результату, что 1) сѣверная западно-славянская группа раздѣляется на три самостоятельные языка: a) сербо-лужицкій, b) польскій, c) балтійско-вендскій (Ostseewendisch); 2) балтійско-вендскій или славянскій языкъ распадается на двѣ группы: лютецкія и поморскія нарѣчія, раздѣляющіяся рѣкою *Одеръ*. Изъ заодрскихъ лютецкихъ нарѣчій намъ болѣе или менѣе извѣстно нарѣчіе полабскихъ древлянъ (das drawönische Polabisch) у люнебургскихъ вендовъ. Изъ поморскихъ нарѣчій существуетъ еще понынѣ языкъ словинцевъ въ приходахъ Гарде и Смользинъ въ Стольпскомъ округѣ и кашебское нарѣчіе, распадающееся опять-таки на сѣверно- и южно-пошебское. Границею между обоими нарѣчіями служатъ озеро *Леба* и рѣчка *Пустинке*.

Другая работа, посвященная изслѣдованію восточно-прусскихъ окраинъ и спеціально Литвѣ и мазовшанамъ, озаглавлена: Deutsches Land und Leben in Einzeldarstellungen, Landschaftskunden und Städte-

geschichten, т. е. Монографіи о нѣмецкой землѣ и жизни въ видѣ описанія отдѣльныхъ областей и исторіи городовъ, и издается штутгартской фирмой „Hobbing и Büchle“ съ 1898 года. Главнымъ сотрудникомъ этого научно-популярнаго предпріятія является учитель д-ръ *Альбертъ Цвэкъ* (Dr. Alb. Zweck), который пока издалъ: 1) Litauen. Eine Landes und Volkskunde 1898. 8°. (VI+452 стр.) и 2) Masuren. Mit 59 Abbildungen und 3 statistischen Karten. 1900. 8°. (VI+358 стр.).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Тецнеру сравнительно легко было обработать тѣ части своего труда, которыя касаются литовцевъ и мазуровъ. О литовцахъ мы имѣли уже до появленія его книги солидныя изслѣдованія профессора д-ра Адальберта Бецценбергера въ Кенигсбергѣ: 1) Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volksstammes der Litauer (Göttingen 1882); 2) Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache 1877, первая попытка характеристики языка литовскихъ книгъ XVI и XVII вѣковъ; 3) рядъ болѣе мелкихъ изслѣдованій по фольклору и діалектологіи Литвы, изъ которыхъ можно указать на разборъ тканой надписи яко бы XVI вѣка на шелковомъ поясѣ (Ein altes Denkmal der litauischen Sprache въ 15 томѣ „Beiträge z. Kunde d. indogerm. Sprachen“) и въ особенности 4) статьи Zur litauischen Dialektforschung. Одинъ изъ главныхъ результатовъ его изслѣдованій тотъ, что языкъ прусско-литовской письменности — языкъ судавскій или такъ называемыхъ ятвяговъ. Тецнеру послѣ весьма широкихъ изслѣдованій Бецценбергера, который объѣздилъ всю прусскую Литву и во многихъ мѣстностяхъ бывалъ не разъ для своихъ діалектологическихъ и археологическихъ разысканій, осталось только изслѣдованіе архивное, и ему дѣйствительно удалось въ Толминкеменѣ, на родинѣ знаменитаго національнаго поэта Донелейтиса, найти любопытные матеріалы по исторіи культуры Литвы XVIII вѣка (срв. стр. 50 и сл.). Нѣкоторая неполнота замѣчается какъ у Тецнера, такъ и у Цвэка въ характеристикѣ народностей, обитающихъ восточную Пруссію. Незамѣтно вліяніе трудовъ какъ германскихъ, такъ и чешскихъ антропологовъ, каковы Вирховъ, Тишлеръ, Нидерле и др.

Врядъ ли достаточно, для характеристики каждаго языка и нарѣчія, привести небольшіе тексты изъ „Отче Нашъ“, какъ это сдѣлалъ Тецнеръ. Языки чешскій, польскій, вендо-сербскій или лужицкій, литовскій и латышскій подверглись такой хорошей обработкѣ не только въ фонологическомъ и морфологическомъ, но и въ семасіологическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, что не трудно было бы дать читателю

нѣкоторое понятіе о соотношеніяхъ, въ лексическомъ составѣ языковъ, коренныхъ словъ и понятій къ словамъ заимствованнымъ. Послѣ трудовъ такихъ знаменитыхъ лингвистовъ, какъ, напримѣръ, д-ра *В. Томсена*, „Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisklettiske) Sprog“ (Kobenhavn. 1890), финскихъ ученыхъ *О. І. Миккола* въ Гельсингфорсѣ [1]) и проф. *А. Брюкнера* въ Берлинѣ, касаться славянскихъ заимствованій въ литовскихъ языкахъ не трудно.

Мы уже не говоримъ о любопытной популярной книжкѣ А. Брюкнера: Cywilizacja i język, Warssz. 1901, которая въ завлекательной формѣ излагаетъ судьбы польскаго языка въ борьбѣ съ натискомъ западно-европейской цивилизаціи. Знаменитый по своему акценту литовскій языкъ, этотъ остатокъ староарійской древности, также заслуживалъ бы болѣе подробной филологической характеристики. Вообще странно, что въ популярныхъ трудахъ избѣгаютъ популяризировать результаты современной литовской филологіи и сравнительной лингвистики. Неудивительно при этомъ, что въ передачѣ славянскихъ словъ и въ ихъ переводѣ на нѣмецкій языкъ встрѣчаются погрѣшности или даже курьезы. На стр. 254, напримѣръ, объяснено чешское *Cudowa* изъ *chudoba* худоба, бѣдность; на стр. 236 указано на какое-то мѣсто *Сіены*, вѣроятно, Сейны, уѣздный городъ Сувалкской губерніи. Орѳографія текстовъ, сообщенныхъ въ концѣ каждой статьи въ видѣ молитвъ, краткихъ пѣсенъ и т. п., весьма разнообразна: при записи ихъ пользовались то польской, то французской транскрипціею (напримѣръ, на стр. 248 prisono вм. *присно*, prisno).

Что касается книгъ Цвэка, то онѣ съ внѣшней стороны прекрасно обработаны, но отсутствіе сравнительнаго метода придаетъ имъ „провинціально-ограниченный“ характеръ. Совершенно непонятно, какъ можно было мазуровъ-евангеликовъ и ихъ территорію изучить безъ знанія польскихъ трудовъ о мазовшанахъ, въ особенности Оскара Кольберга, Карловича и мн. другихъ, безъ сравненія восточно-прусской географической номенклатуры со списками населенныхъ мѣстъ Ломжинской и Сувалкской губерній.

Мазуры прусскіе, какъ извѣстно, принадлежатъ къ территоріи смѣшанной, на которой древніе насельники-туземцы, какъ-то галинды (голядъ), судавиты-ятвяги и пруссы, смѣнялись послѣ орденскаго разоренія новыми колонистами изъ нѣмцевъ и поляковъ. Польскіе

---

[1]) Berührungen zwischen den westfinn. Spr. u slavischen. Helsingfors. 1894.

этнографы раздѣляютъ Прусскую Мазовію на Мазуры пясчыстс (подъ Щитнемъ), Мазуры каменистые и Мазуры горбатые, т. е. горные, отъ древне-прусскаго слова *„garbas“* горы, или въ польскомъ переводѣ „pagórkowate“ подъ Голдапомъ. Слѣды древнепрусскіе встрѣчаются на каждомъ шагу, но оба изслѣдователя мало ими интересуются, и детальнаго знакомства съ прусскою ономатологіею стараго періода въ этихъ книгахъ не видно. Повидимому, въ восточной Пруссіи недостаетъ еще изслѣдованій историко-этнологическихъ на основаніи изученія названій мѣстностей, т. е. топографической номенклатуры, нѣтъ хронологическаго разграниченія между древне-русскими и польско-нѣмецкими названіями мѣстъ, по образцу книги Авг. Биленштейна „Die Grenzen des lettischen Volksstammes. С.-Пб. 1892“. Возьмемъ для примѣра у Цвэка „Masuren“, стр. 15: озеро Мавры, Mauer See, въ актѣ 1340 года „Mabrow“, у поляковъ въ болѣе позднее время *„Mamri“* производится различно или отъ литовскаго *maurai*, травушка-муравушка (нѣм. Entengrün), или отъ польскаго *mara, mary*, „Spuk, Gespenst, Verderben“, т. е. кикимора, видѣнія. Эти „мары“ являются въ образѣ мальчиковъ въ красныхъ шапочкахъ и заманиваютъ своихъ жертвъ-утопленниковъ. Изъ литовскаго или судавскаго „Mauru azir“ произошло Mawrow (маврово озеро), Мамри, а народная этимологія связала это слово съ „марами“. На этомъ озерѣ есть полуостровъ Кирсайтенъ, отчество отъ какого-нибудь *Kirsas, Kirsnas*, черный, отъ корня, часто встрѣчающагося въ прусской ономатологіи. Такъ, мы имѣемъ у Нессельмана „Thesaurus linguae prussicae“ *kyrsin, kirsnes* названіе озера, *kirsna* рѣчка, притокъ рѣки Деймы, *kirsno* названіе поля, *kirsno* названіе озера, *kyrsythe* nomen viri и *kirsno* въ составныхъ словахъ и названіяхъ деревень въ родѣ *Kirsna-bėkei, kirsna-kaimei, kirsn-upėnai* въ переводѣ Черная деревня, чернорѣчные и т. под. Отсюда же происходить названіе Судавской территоріи *Kirsnovia* и наше сувалкское *Кирсна*, Кирсно; Кирснбе тилтасъ мостъ Кирсянскій.

Этими историко-этнографическими и археологическими задачами въ настоящее время занято новое нѣмецкое ученое общество въ Лётценѣ-Левентинѣ „Masowia“. Оно въ 1901 году выпустило седьмую книгу своихъ ежегодныхъ „Сообщеній“ „Mitteilungen der Litterarischen Gesellschaft Masovia“, herausgegeben von Dr. K. Ed. Schmidt in Lötzen. Этимъ же обществомъ переиздано въ 1900—1901 гг. сочиненіе Авг. Германа Лукануса: Preussens uralter und heutiger Zustand. 1784. Мазовское общество въ Левентинѣ-Лётценѣ, какъ и Литовское лите-

ратурное въ Тильзитѣ, показываютъ, что образованные люди въ восточной Пруссіи живо интересуются своимъ историческимъ прошлымъ и сознательно слѣдятъ за культурной работой современности. Но всѣ эти занятія значительно выиграли бы въ своихъ окончательныхъ результатахъ отъ знанія какого-нибудь славянскаго или литовскаго нарѣчія. Незнаніе польскаго языка лишило обоихъ изслѣдователей возможности пользоваться трудами проф. Мѣржинскаго о *Кривe*, *Ромовe*, Голядской вѣдуньѣ-чародѣйкѣ и вообще памятниками литовской и старо-прусской миѳологіи, т. е. извѣстнымъ трудомъ „Mythologiae Lithuanicae Monumenta".

Наконецъ, странно, что нѣмцы, которые принимали такое близкое участіе въ распространеніи у насъ своихъ литовскихъ печатныхъ контрафакцій, сравнительно мало освѣдомлены относительно младолитовскаго движенія въ Россіи и вліянія языка прусско-литовской областной письменности на выработку литературнаго языка для сувалкскихъ и ковенскихъ литовцевъ. Такъ, не обращено Тецнеромъ никакого вниманія на любопытный этюдъ датскаго ученаго *Мейера-Бенедиктсона* (Åge Meyer) Et Folk, der Vaagner. Kulturbilleder fra Litaven. Копенгагенъ. 1895. 8°. 259 стр. Въ послѣдней 7-ой главѣ авторъ изложилъ результаты своего изученія литовскаго вопроса и младолитовскихъ стремленій въ Россіи и нарисовалъ намъ весьма яркую и крайне интересную картину просвѣтительныхъ стремленій „этихъ новыхъ воспитанниковъ нашихъ русскихъ школъ и университетовъ", неволею судьбы часто разыгрывающихъ роль враговъ старой, ополяченной интеллигенціи.

Тецнеръ на стр. 55-ой ограничивается простымъ перечисленіемъ именъ и фамилій, часто скрывающихся подъ псевдонимомъ современныхъ, литовскихъ писателей, не углубляясь въ смыслъ и цѣль этихъ литературныхъ теченій. Ничего не сказано о вліяніи „Четырехъ Временъ года" Доналейтиса на поэтовъ природы въ родѣ Барановскаго (его стихи посвящены родинѣ и главное лѣсу и пущѣ Вилкомирскаго уѣзда, такъ называемому оникштенскому бору „Anikszcziu, szilelis"). Гужутисъ—только псевдонимъ, а настоящая фамилія его Фромъ; драмы, его, напр., „Баринъ и крестьяне" (Ponas ir mužikai) недавно еще съ успѣхомъ представлены были на литовской сценѣ въ С.-Петербургѣ. Что же касается Довконта, Волончевскаго и Юшкевичей, то о нихъ имѣется уже рядъ изслѣдованій на нѣмецкомъ, русскомъ, литовскомъ и польскомъ языкахъ. Недавно еще Краковская академія издала народныя мелодіи (1785 мотивовъ), собранныя Антономъ Юшке-

вичемъ и обработанныя гг. Оск. Кольбергомъ, І. Коперницкимъ, Носковскимъ и Ив. Адр. Бодуэномъ де Куртене (Cracovie 1900. 4°. 247+XLIV).

Изъ сочиненій, относящихся къ прусскому племени, не упомянуты важныя изслѣдованія акад. *Ф. Ѳ. Фортунатова* о прусскомъ удареніи, разборъ соч. *Бернеккера* „Preuss. Sprache", сдѣланный Бецценбергеромъ, не отмѣчена любопытная драма *А. Шульца* „der Edelknecht" со стихами и пѣснями на древне-прусскомъ нарѣчіи. Вообще слѣдовало бы въ популярномъ трудѣ о литовцахъ и славянахъ въ Германіи отмѣтить вліяніе и присутствіе литовскихъ фольклористическихъ элементовъ въ современной нѣмецкой беллетристикѣ, у Вихерта въ Littauiche Geschichten, *Наста* въ его „Litauisches Blut", у фонъ-Кейзерлинга въ „Johannisopfer" и многихъ другихъ. Для народной психологіи при этомъ важно указать на близкую связь поэзіи съ этнографіею и часто одностороннее отношеніе къ „малымъ симъ" или же къ такъ называемымъ „менѣе культурнымъ народностямъ". О славянскихъ недочетахъ подробнѣе реферировать не стоитъ: они слишкомъ явны и слишкомъ значительны.

Надо еще сказать, что авторъ не пользовался изслѣдованіями и сборниками Оскара *Кольберга* „Lud polski", „Mazowsze" и другихъ. Съ *славянской* точки зрѣнія и вмѣстѣ съ *научной* книга Тецнера является поверхностнымъ обозрѣніемъ главныхъ особенностей славянъ Германіи, ихъ этнографіи и исторіи, но для *нѣмецкой* публики это единственный въ своемъ родѣ сводъ свѣдѣній политико-этнологическихъ о славянахъ и литовцахъ съ примѣсью нѣкоторыхъ собственныхъ наблюденій автора надъ литовцами, мазурами, кашебами, словинцами и въ особенности русскими филипонами въ Экертовѣ и Ортельсбургѣ. Пора ученымъ славистамъ въ Германіи и у насъ самимъ заниматься популяризаціею своихъ изслѣдованій.

Э. Вольтеръ.

Къ критико-библіографической замѣткѣ проф. А. И. Соболевскаго [1]) **о сочиненіи проф.** ***В. Н. Малинина:*** **„Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія". Кіевъ. 1901.**

Въ свое время мы имѣли случай болѣе или менѣе подробно познакомиться съ жизнью и произведеніями старца Филоѳея, почему и

[1]) *„Жур. мин. нар. просв."*. 1901. Декабрь. Критика и библіографія. Стр. 484—490.

позволимъ себѣ сдѣлать теперь нѣсколько частныхъ дополненій къ критико-библіографической замѣткѣ проф. Соболевскаго.

По мнѣнію г. Малинина, „какъ писатель, старецъ Филоѳей сдѣлался извѣстнымъ лишь въ самое недавнее время. Карамзинъ, повидимому, не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ его посланій... Нѣтъ упоминаній о немъ и въ „Историческомъ словарѣ о бывшихъ писателяхъ духовнаго чина греко-россійской Церкви“ митрополита Евгенія“ (по изданію 1827 г.)... „Въ первый разъ имя Филоѳея, какъ писателя, сдѣлалось извѣстно въ 1846 году, когда было напечатано его посланіе къ дьяку Мунехину въ I томѣ „Дополненій къ актамъ историческимъ“, подъ № 23 [2]). Между тѣмъ, на 275-й стр. второго тома этого самаго второго, „исправленнаго и умноженнаго“, изданія (1827 г.) „Словаря историческаго о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской Церкви“ мы читаемъ: „*Филоѳей*, старецъ Псковскаго Елизарьева монастыря, жившій въ началѣ XVI столѣтія. Изъ сочиненій его дошло до насъ въ рукописяхъ два его *посланія* къ царскому дьяку Михаилѣ Григорьевичу Мисюрю, служившему при царскихъ намѣстникахъ во Псковѣ съ 1510 по 1528 г. Первое заключаетъ отвѣтъ на Мисюринъ вопросъ о лѣтосчисленіи, астрономіи и астрологіи... Второе посланіе писано во время свирѣпствовавшей 1522 г. во Псковѣ моровой язвы“... Такимъ образомъ, Филоѳей впервые сдѣлался извѣстнымъ, „какъ писатель“, не въ 1846 г., а уже къ 1827 году, при чемъ тогда вѣрнѣе, чѣмъ первыми, по мнѣнію г. Малинина, открывателями литературнаго наслѣдства Филоѳея, было опредѣлено время написанія его посланія по поводу моровой язвы. Отмѣченный недосмотръ г. Малинина тѣмъ менѣе понятенъ, что онъ цитуетъ [3]) изданное въ 1842 г. „Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума“ Востокова, который не только усвоялъ Филоѳею „извѣстное посланіе къ дьяку Мисюрю“, но и задавался вопросомъ о принадлежности ему „твореній“ Филоѳея „прозвитера“—каноновъ Чирской иконѣ Божіей Матери и Всеволоду-Гавріилу, князю Псковскому [4]).

Кстати объ этихъ канонахъ, содержащихся, какъ извѣстно, въ рукописи Румянцевскаго музея, № 397 (по „Описанію“ Востокова) [5]).

[2]) *Малининъ*, указ. соч., стр. 62.

[3]) Ibid., 755 стр.

[4]) Стр. 597—8.

[5]) Говоря вообще, эта рукопись, представляющая, можетъ быть, одинъ изъ послѣднихъ отголосковъ утраченной политической самостоятельности Пскова и вмѣстѣ

Несогласный съ архіеп. Филаретомъ Черниговскимъ, на основаніи того же „Описанія“ Востокова, приписывавшимъ упомянутые каноны старцу Филоѳею [6]), и идя дальше вопроса о тожествѣ ихъ автора—„прозвитера“ Филоѳея съ нашимъ старцемъ,—вопроса, которымъ задаются Востоковъ и—еще осторожнѣе—проф. В. О. Ключевскій [7]), г. Малининъ „не рѣшается усвоять нашему старцу указанныхъ каноновъ“ [8]). Оставляя пока въ сторонѣ сильно смущающую г. Малинина разницу въ названіяхъ одноименнаго автора каноновъ и посланій („пресвитеръ“ и—„старецъ“, „инокъ“), посмотримъ, что даетъ въ этомъ отношеніи рукопись, гдѣ содержатся интересующіе насъ каноны. Прежде всего, рукопись эта произошла не позже второй половины XVI вѣка [9]), къ которому относится дѣятельность и нашего Филоѳея. Съ другой стороны, включенные въ рукопись „мѣстные праздники—... по большей части, псковскіе (гл. 2, 26, 34, 36)“, и, кромѣ Филоѳея, двое изъ авторовъ сборника—псковичи [10]). Наконецъ, хотя чудо съ Чирской иконой Богоматери произошло 17-го іюля 1420 (6928) года [11]), но Филоѳеевъ канонъ на этотъ случай помѣщается въ рукописи [12]) *вторымъ* по счету, а потому могъ быть написанъ значительно позже 1420 года и, очень вѣроятно, нашимъ Филоѳеемъ. Одному и тому же автору [13]),—значитъ, склоняемся думать мы, опять старцу Филоѳею,—принадлежитъ и канонъ кн. Всеволоду-Гавріилу [14]).

Кромѣ указанныхъ каноновъ, нѣтъ, кажется, серьезныхъ препятствій приписывать Филоѳею краткія повѣсти сборника—и не только о чудѣ Чирской иконы Божіей Матери [15]),—какъ преосв. Филаретъ

разложенія древне-русскаго партикуляризма относительно почитанія святыхъ, очень интересна и заслуживаетъ обстоятельнаго изученія.

[6]) „Обзоръ рус. дух. литературы“. Харьковъ. 1859. Стр. 185. — „Ист. рус. Церкви“. Изд. 5. М. 1888. Т. III. Стр. 212.

[7]) „Древне-рус. житія святыхъ“... М. 1871. Стр. 249.

[8]) Ibid., стр. 756—7.

[9]) Доказательства см. у Востокова, особ. 597 и 603 стр.

[10]) Востоковъ, 597.

[11]) Это видно изъ оглавленія разсматриваемой рукописи (л. 4) и изъ повѣсти о чудѣ (л. 382 об.).

[12]) Л. 291 об. сл.

[13]) Это признаетъ и г. Малининъ, стр. 755.

[14]) Л. 87 сл.

[15]) Л. 382 об.—383 об.

Черниговскій[16]),—но и на обрѣтеніе мощей[17]) и на „память“[18]) кн. Всеволода-Гавріила. Эти повѣсти, составленныя, правда, въ общепринятыхъ житійныхъ терминахъ, имѣютъ замѣтное сходство съ соотвѣтствующими канонами какъ въ содержаніи, такъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

Предполагаемая нами принадлежность упомянутыхъ каноновъ (и повѣстей) старцу Филоѳею станетъ еще вѣроятнѣе, если мы обратимъ вниманіе на цѣль составленія занимающей насъ рукописи, состоявшую, почти несомнѣнно, въ томъ, чтобы распространить за предѣлы Псковской области значеніе мѣстныхъ праздниковъ[19]).

Въ связи съ этимъ, не лишено доказательнаго значенія болѣе, чѣмъ вѣроятное предположеніе Востокова[20]), что пресвитеръ Василій,—авторъ нѣсколькихъ главъ нашего сборника: службы[21]) на „преставленіе“ преп. Евфросина[22]), *можетъ быть*, службы великомуч. Георгію Новому[23]) и житія его[24]), службы преп. Саввѣ Крыпецкому[25]) и, *можетъ быть*, житія его[26]), подробныхъ повѣстей о „житіи и жизни“[27]), а также относительно обрѣтенія и перенесенія мощей и о чудесахъ[28]) кн. Всеволода-Гавріила,—одно лицо съ пресвитеромъ Василіемъ, авторомъ втораго житія преп. Евфросина[29]). Принимая пред-

---

[16]) „Обзоръ рус. дух. лит.“, I. с.

[17]) Л. 353 об.—354 об.

[18]) Л. 359 об.—360 об.

[19]) Востоковъ, 597; сравн. Малининъ, 8—9. Въ данномъ отношеніи и для характеристики общихъ церковно-политическихъ тенденцій рукописи очень любопытна заключающаяся здѣсь передѣлка въ примѣненіи ко св. кн. Ольгѣ и Пскову извѣстной легенды о посѣщеніи Кіева ап. Андреемъ (л. 380 об. слл. См. также у Востокова, стр. 601).

[20]) Стр. 596 и 603. На стр. 596 Востоковъ отмѣчаетъ, что въ Василіевой службѣ на „преставленіе“ препод. Евфросина замѣчается тоже отношеніе къ сугубой аллилуіи, что и въ житіи.

[21]) Второй по счету (Востоковъ, 596).

[22]) Л. 219 об. слл.

[23]) Л. 231 слл.; ср. у Востокова, 596.

[24]) Л. 375 об. слл.

[25]) Л. 304 слл.

[26]) Л. 383 об. слл.; ср. у Востокова, 601.

[27]) Л. 390 об. слл.; ср. у Востокова, 603.

[28]) Л. 398—418.

[29]) Въ рукописи есть краткая редакція этого житія (л. 372 слл.). Въ какомъ хронологическомъ отношеніи она къ полной?—О Василіи и написанномъ имъ житіи преп. Евфросина см., напримѣръ, у Малинина, стр. 8 слл.

положеніе Востокова, можно будетъ задаться вопросомъ, не передѣлалъ ли [30]) Василій [въ 1550 г. [31])] составленныхъ, можетъ быть, въ Елеазаровомъ монастырѣ краткихъ сказаній (Филоѳея) о Всеволодѣ-Гавріилѣ, какъ нѣсколько раньше [въ 1547 г. [32])] онъ передѣлалъ написанное здѣсь же житіе преп. Евфросина.

Если придавать значеніе одному разночтенію втораго посланія къ Мунехину: „препростъ селянинъ" [33]), не возможно ли болѣе рѣшительное заключеніе относительно сословія, изъ котораго произошелъ Филоѳей, чѣмъ мы видимъ у г. Малинина [34])?

На основаніи разсмотрѣнія соотвѣтствующихъ данныхъ втораго житія преп. Евфросина и посланій Филоѳея [35]), г. Малининъ склоняется къ отожествленію послѣдняго съ упоминаемымъ въ житіи игуменомъ Елеазарова монастыря Филоѳеемъ. Правда, это отожествленіе напрашивается само собой, разъ г. Малининъ, вмѣстѣ съ проф. Ключевскимъ [36]) и въ противоположность П. Строеву, неосновательно считающему Филоѳея преемникомъ Игнатія [37]), опредѣляетъ для игуменства житійнаго Филоѳея время, ничуть не расходящееся съ извѣстными данными біографіи нашего старца. Въ то же время само по себѣ совпаденіе имени нашего Филоѳея и четвертаго игумена Елеазарова монастыря не обязываетъ къ непремѣнному отожествленію этихъ двухъ лицъ. Не отожествляетъ же г. Малининъ перваго игумена Евфросиновой обители Игнатія съ вѣроятнымъ его сподвижникомъ „многогрѣшнымъ инокомъ Игнатіемъ" [38])? Съ другой стороны, если бытность игуменомъ и не могла служить для Филоѳея препятствіемъ называть себя „старцемъ" [39]), остается непонятнымъ, почему тогда, въ противоположность своему предполагаемому предшественнику Памфилу [40]), онъ не воспользовался упоминаніемъ о своемъ игуменскомъ

---

30) Л. 399 об.: „Отъ нѣкоего писанія мало нѣчто изобрѣтохомъ, иже о святемъ".

31) *Востоковъ*, 603.

32) *Востоковъ*, 603; *Малининъ*, 8.

33) Оно отмѣчено и у г. Малинина (прилож., стр. 37, прим. 20).

34) *Малининъ*, 45.

35) Ibid., 33—39.

36) L. c.

37) „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви". Спб. 1887 г. Стр. 387.

38) Стр. 3—4.

39) Стр. 39—43.

40) Его извѣстное посланіе переиздано г. Малининымъ въ двухъ редакціяхъ. Прилож., стр. 1—6.

санѣ, какъ средствомъ придать своимъ посланіямъ больше авторитета. Вѣдь, игуменъ является представителемъ мнѣнія цѣлаго монастыря. Въ посланіяхъ Филоѳея (особенно повторительныхъ, если только они принадлежатъ нашему старцу), затрогивавшихъ серьезные и животрепещущіе вопросы своего времени и писанныхъ, главнымъ образомъ, къ высокопоставленнымъ лицамъ и самимъ великимъ князьямъ, упоминаніе объ игуменствѣ имѣло бы полный смыслъ. И это тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, въ посланіи „къ нѣкоему вельможи, въ мірѣ живущему“, Филоѳей говоритъ очень строго, прямо сурово. Развѣ что во время своего игуменствованія онъ не написалъ ни одного посланія? Но можно ли это доказать?

При возможныхъ возраженіяхъ противъ признанія за старцемъ Филоѳеемъ игуменскаго сана есть нѣкоторыя основанія предполагать, что онъ былъ пресвитеромъ. Въ доказательство сошлемся прежде всего на сказанное выше въ пользу отожествленія нашего старца съ „прозвитеромъ“ Филоѳеемъ, творцемъ каноновъ (и, можетъ быть, повѣстей) Чирской иконѣ Божіей Матери и кн. Всеволоду-Гавріилу. Такое же значеніе имѣетъ, по нашему мнѣнію, общій, преимущественно учительный, тонъ посланій Филоѳея, въ особенности же какъ встрѣчающееся въ посланіи къ вел. кн. Ивану Васильевичу суровое обличеніе пастырской неучительности („Пастыріе умолкоша страха ради, еже не отпаднути своеа тщетныа славы, или отъ своихъ дѣлъ обличаеми, нерадяще о стадѣ Христовѣхъ словесныхъ овецъ“ [41]), такъ и слѣд. слова посланія къ вел. князю Василію Ивановичу: „боюся молчати, аки онъ рабъ, сокрывый талантъ“ [42]). Этотъ тонъ, это обличеніе и эти слова, особенно взятые вмѣстѣ, наиболѣе умѣстны въ посланіяхъ лица священнаго сана. Г. Малининъ, правда, говоритъ, что „священника изъ иноковъ не принято обозначать словомъ „пресвитеръ“, а „священноинокомъ“ [43]). Но, такъ какъ это утвержденіе не сопровождается для времени Филоѳея ни однимъ доказательствомъ, такъ какъ, съ другой стороны, всякій монахъ,—имѣлъ ли онъ, или не имѣлъ священную степень, — могъ называться „старцемъ“, отчего бы, наоборотъ, іеромонаху нельзя было назваться или быть названнымъ пресвитеромъ [44])? Въ этомъ случаѣ не будетъ рискованной [хотя и соблаз-

---

[41]) Прилож., стр. 64.

[42]) Прилож., стр. 53, лѣв. столб.

[43]) Стр. 756.

[44]) Тѣмъ болѣе единственный разъ, какъ творецъ каноновъ Филоѳей.

нительной въ смыслѣ пополненія скудныхъ біографическихъ данныхъ Филоѳея] необходимости предполагать съ г. Малининымъ, что Филоѳей вступилъ въ братство Елеазарова монастыря изъ „бѣлыхъ священниковъ“ [45]). Но если бы даже и такъ, почему Филоѳей, хотя бы въ видѣ „исключенія“ [46]), не могъ сохранить въ монашествѣ своего мірского имени въ виду уже одного совпаденія его съ именемъ тогдашняго игумена обители? Вѣдь, носилъ же, какъ мы знаемъ, имя Игнатія,—можетъ быть, въ честь перваго игумена послѣдней,—одинъ изъ современной ему братіи.

Г. Малининъ старается сдѣлать понятной и исторически обычной для того времени неоднократную посылку авторами почти или даже совсѣмъ одинаковыхъ по содержанію и по формѣ посланій [47]). Но во всѣхъ приводимыхъ имъ случаяхъ повторительныя посланія писались *не тѣмъ* лицамъ, которымъ первыя [48]). Между тѣмъ, адресатами первыхъ и повторныхъ посланій Филоѳея являлись, по мнѣнію г. Малинина, большей частью *одни и тѣ же* лица. Однако, если извѣстное посланіе не повліяло на адресата въ первый разъ, какой смыслъ былъ во вторичной его посылкѣ? Кромѣ того,—что бы ни говорилъ г. Малининъ, — нельзя не считаться съ совершеннымъ отсутствіемъ пріуроченья вторичныхъ посланій Филоѳея къ опредѣленному автору и адресату [49]). Относительно посланія къ Мунехину въ частности, разъ оно не могло быть отправлено въ началѣ эпидеміи (организованныя мѣры противъ морового повѣтрія и произведенное ими впечатлѣніе, даже среди „поганыхъ“), для двукратной посылки его оставалось слишкомъ мало времени: эпидемія продолжалась немного больше полгода [50]).

Г. Малининъ, повидимому, правъ, что утѣшительное посланіе къ неизвѣстному опальному вельможѣ не принадлежитъ, вопреки распространенному мнѣнію, попу Сильвестру [51]). Но такъ ли вѣроятна принадлежность его и Филоѳею? По крайней мѣрѣ, приложимо ли къ

---

[45]) Стр. 756.

[46]) Ibid.

[47]) Стр. 70—78; сн. 164—6; 370—71.

[48]) Въ этомъ смыслѣ вполнѣ понятно, что посланіе Филоѳея къ Іоанну Акиндѣевичу „о злыхъ днехъ и часѣхъ“ есть повтореніе его же посланія къ Мунехину „противъ звѣздочетцевъ и латинъ“.

[49]) Стр. 164 и 369; сн. 73—77.

[50]) Малининъ, стр. 166—7.

[51]) Стр. 170—186.

нему слѣдующее мѣсто этого посланія: „аще видиши грѣшника..., въ житейскихъ... пребываніихъ изобилующа и славно живуща, *якоже азъ окаянный*"... [52])? Не рѣшаясь въ то же время отрицать принадлежность Филоѳею посланія „въ бѣдѣ сущимъ" [53]), можетъ быть, мы выйдемъ изъ затрудненія, предположивъ зависимость Филоѳея и quasi—Сильвестра отъ какого-нибудь третьяго источника, если только мнимый Сильвестръ не передѣлалъ Филоѳея [54]). Второе предположеніе, какъ отчасти и первое, считаетъ возможнымъ и самъ г. Малининъ [55]).

Отъ частнаго переходя къ общему, нельзя не отмѣтить у г. Малинина наличности нѣкоторыхъ гадательныхъ предположеній и обоснованія на нихъ извѣстныхъ заключеній. Впрочемъ, принимая во вниманіе скудость историко-литературнаго матеріала относительно старца Филоѳея, съ другой стороны—осторожность, естественность и плодотворность большинства изъ этихъ предположеній, мы не видимъ нужды перечислять ихъ, тѣмъ менѣе—ставить въ вину нашему автору.

За всѣми указанными нами и болѣе важными недостатками, отмѣченными проф. Соболевскимъ, книга г. Малинина, *перваго и единственнаго* изслѣдователя жизни и литературной дѣятельности старца Филоѳея, имѣетъ несомнѣнное значеніе. Мы, съ своей стороны, видимъ его, главнымъ образомъ, въ томъ, что достаточно подробно и точно (хотя бы на основаніи общеизвѣстныхъ источниковъ и пособій, *но не ихъ однихъ*) опредѣляя литературныя предпосылки и историческую обстановку посланій Филоѳея, эта книга является необходимымъ обстоятельнымъ комментаріемъ къ сочиненіямъ нашего, не всегда яснаго, писателя и дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ его былой широкій авторитетъ [56]), равно какъ настоящее его мѣсто въ исторіи

[52]) Прилож., 17 стр., прав. столбецъ. Любопытно, что въ посланіи „въ бѣдѣ сущимъ" отсутствуютъ только подчеркнутыя слова.

[53]) Стр. 65—7; 167—70.

[54]) Возможность послѣдняго случая доказывается несомнѣнной авторитетностью посланій Филоѳея среди современниковъ. См. у Малинина, напримѣръ, 218 и 219 стр.

[55]) Стр. 218—221.

[56]) Объ этомъ, кромѣ многихъ мѣстъ въ книгѣ г. Малинина, см. у Н. Ѳ. Каптерева: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ". Вып. 1. Москва. 1887 г. Прим. 36 на стр. 147—8; также у А. П. Голубцова: „Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны". Москва. 1891 г. Прим. 3 на стр. 16—17. Послѣдняя книга у г. Малинина не упоминается, какъ и т. I „Матеріаловъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи"... (Спб. 1890 г.), гдѣ на стр. 236—7 указывается извѣстная часть литературы объ Елеазаровомъ монастырѣ, отчасти и о Филоѳеѣ.

русской мысли и жизни. Не распространяемся уже о самостоятельномъ интересѣ и несомнѣнной научной цѣнности нѣкоторыхъ отдѣловъ книги (и, конечно, ужъ матеріала, собраннаго въ нихъ), равно какъ и о томъ, что г. Малининъ подвергъ изслѣдованью *всѣ* наиболѣе важныя и оригинальныя произведенія Филоѳея.

С. Казанскій.

Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. II томъ. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книги первая и вторая. ***Дм. Цвѣтаева,*** **ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Варшава. 1901 и 1902 г.**

Недавно историческая литература обогатилась цѣннымъ вкладомъ. Проф. Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаевъ, авторъ капитальнаго историческаго труда „Протестантство и протестанты въ Россіи" и другихъ работъ, послѣ своихъ многолѣтнихъ трудовъ выпустилъ двѣ книги приложеній къ своему историческому изслѣдованію: „Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ". Въ двухъ объемистыхъ книгахъ приложеній содержится свыше 400 №№ документовъ и около 30 №№ плановъ и рисунковъ, извлеченныхъ изъ архивовъ и библіотекъ не только русскихъ, но и заграничныхъ, именно: изъ библіотеки Варшавскаго университета, Императорской С.-Петербургской Публичной библіотеки, Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, музея кн. Чарторыскихъ въ Краковѣ, библіотеки кн. Барберини и архива центральнаго управленія доминиканъ въ Римѣ, Ватиканскаго архива въ Римѣ, библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, архива нѣмецко-лютеранской общины въ Гостынинѣ; изъ варшавскихъ архивовъ: старыхъ дѣлъ при канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора, новыхъ дѣлъ при той же канцеляріи, бывшаго финансоваго въ Царствѣ Польскомъ управленія (при казенной палатѣ), главнаго архива древнихъ актовъ (при судебной палатѣ), окружнаго суда, ипотечнаго при томъ же судѣ, магистрата, штаба военнаго округа, учебнаго округа, университета, первой Варшавской мужской гимназіи, православной консисторіи, католической консисторіи, евангелическо-лютеранской консисторіи, костела Іосифа Обручника и др.

Кромѣ двухъ книгъ приложеній къ историческому изслѣдованію, до настоящаго времени проф. Цвѣтаевымъ напечатано въ „Варш. Универс. Извѣст." нѣсколько отдѣльныхъ монографій, относящихся

къ данному предмету, теперь же начато печатаніе изслѣдованія въ цѣломъ видѣ. Точный методъ въ разработкѣ первостепеннаго архивнаго матеріала и прекрасное литературное изложеніе, составляющіе достоинство всѣхъ многочисленныхъ работъ автора, отличаютъ и этотъ трудъ. Говоримъ пока объ отдѣльныхъ монографіяхъ. Извлеченные проф. Цвѣтаевымъ документы знакомятъ насъ не только съ временными мѣстами погребенія Шуйскихъ—Гостынскимъ замкомъ и Московской каплицей,—какъ можно было бы судить на основаніи заглавія, но и съ исторіей тѣхъ зданій и учрежденій, которыя постепенно возникали на ихъ мѣстахъ, таковы: монастырь доминиканъ-обсервантовъ, общество любителей наукъ, памятникъ Копернику, первая мужская гимназія и существующая донынѣ на мѣстѣ древняго Гостынскаго замка лютеранская церковь.

По содержанію своему, всѣ документы могутъ быть раздѣлены на нѣсколько категорій. Одни изъ нихъ относятся къ пребыванію и кончинѣ Шуйскихъ въ польскомъ плѣну и перевезенію ихъ останковъ въ Москву. Въ этой категоріи документовъ особенное вниманіе обращаетъ на себя описаніе унизительной для Шуйскихъ сцены представленія ихъ гетманомъ Жолкѣвскимъ королю Сигизмунду на Варшавскомъ сеймѣ 29-го октября 1611 г. (1-я кн., № 1); приложена и копія съ картины художника Долабеллы, изображающей эту сцену. Во 2-й кн. (подъ № 1) напечатана интересная грамота короля Сигизмунда, въ которой онъ, объявляя о своихъ побѣдахъ въ Московскомъ государствѣ и о присоединеніи Смоленска къ Польшѣ, излагаетъ обвиненія противъ царя Василія Шуйскаго, сообщаетъ о взятіи Шуйскихъ въ плѣнъ и пр. Любопытны документы, свидѣтельствующіе объ издержкахъ польскаго правительства на русскихъ, принимавшихъ присягу на вѣрноподданство польскому королю, перебѣжчиковъ, лазутчиковъ и т. п.

Вкратцѣ исторія пребыванія и кончины Шуйскихъ въ польскомъ плѣну и перевезенія ихъ останковъ въ Москву представляется въ такомъ видѣ.

Царю Василію Шуйскому съ братьями и невѣсткой былъ назначенъ на житье Гостынскій королевскій замокъ (недалеко отъ Варшавы), но онъ недолго ютилъ въ своихъ стѣнахъ несчастныхъ узниковъ, не больше года. Въ 1612 г. одинъ за другимъ отошли въ вѣчность: 12-го сентября царь Василій, 17-го кн. Димитрій и 15-го ноября—супруга послѣдняго—Екатерина Григорьевна. „Кто раньше занималъ престолъ или былъ близокъ къ нему“, справедливо замѣчаетъ г. Цвѣ-

таевъ, „тому по утратѣ прежняго и послѣ театральной сцены 29-го октября, безцѣльной, унизительной и фальшивой, трудно было, кажется, жить долго; лишеннымъ возможности возстановленія и защиты, старшимъ Шуйскимъ оставалось лишь быстро истаять“ (моногр. „Царь В. Шуйскій“, 8). Тѣла Шуйскихъ первоначально были погребены въ Гостынскомъ замкѣ, а потомъ торжественно перенесены королемъ Сигизмундомъ въ нарочно устроенную на Краковскомъ предмѣстьѣ красивую усыпальницу („Московскую каплицу“). Усыпальница эта должна была служить для прославленія имени Сигизмунда и упроченія памяти о немъ („на всеобщую память въ потомствѣ“). Но останкамъ православнаго царя не суждено было навсегда остаться въ католической странѣ. По воцареніи Михаила Ѳеодоровича, въ правительственныя сферы мало-по-малу начинаетъ проникать сознаніе долга пріобрѣсти тѣло Василія Шуйскаго и съ честью похоронить его среди прочихъ московскихъ царей. Исполненіе же этого возможно было только по смерти короля Сигизмунда, при сынѣ его Владиславѣ, по заключеніи Поляновскаго договора, по которому устанавливался вѣчный миръ между Москвой и Польшей. Въ 1635 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ въ Польшу пословъ во главѣ съ кн. Львовымъ-Ярославскимъ, для закрѣпленія мира королевской присягой и испрошенія тѣлъ Шуйскихъ. Очень любопытенъ данный посламъ наказъ о томъ, какъ они должны просить въ Польшѣ выдачи тѣлъ Шуйскихъ, и отчетъ пословъ о выполненіи возложеннаго на нихъ порученія (кн. 1, №№ IV, V). Наказъ предписывалъ заговорить о возвращеніи тѣлъ не прежде, чѣмъ „крестъ король на записи поцѣлуетъ“ и будутъ исполнены всѣ формальности. Даны были инструкціи и относительно денежнаго вопроса; если поляки „учнутъ просити за царя Васильево тѣло казны“, русскіе должны усиленно торговаться съ ними, прибавляя понемногу, начиная съ пяти тысячъ. Наказомъ рекомендовалось вести переговоры сначала о возвращеніи тѣла одного царя, а потомъ, въ случаѣ успѣха, и остальныхъ Шуйскихъ. Но исполненіе возложеннаго на пословъ порученія оказалось не такъ труднымъ, какъ предполагали въ Москвѣ. Польскіе вельможи, выслушавъ просьбу русскихъ, послѣ небольшого колебанія сообщили обо всемъ королю Владиславу, и король „для брата своего... царя... Михаила Ѳеодоровича... дружбы и любви“ приказалъ выдать посламъ тѣла всѣхъ Шуйскихъ. Не обошлось, конечно, „безъ подарковъ“ разнымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ въ этомъ дѣлѣ посламъ, но, во всякомъ случаѣ, это стоило гораздо меньше предположеннаго. Гробы съ тѣлами Шуйскихъ были извле-

чены изъ усыпальницы, обиты драгоцѣнными матеріями, и изъ Варшавы въ Москву двинулась торжественная процессія. Все время въ пути священники и діаконы читали псалтырь и совершали панихиды. Звонъ двухтысячепудового колокола съ Ивана Великаго возвѣстилъ о приближеніи къ Москвѣ процессіи. На встрѣчу ей вышло многочисленное духовенство во главѣ съ патріархомъ Іоасафомъ, а около Успенскаго собора присоединился самъ царь и шелъ до Архангельскаго собора, гдѣ и совершено было торжественное погребеніе царя Василія Шуйскаго. „На душѣ многихъ московско-русскихъ людей теперь сдѣлалось легче. Съ пріобщеніемъ гроба бывшаго царя Василія Ивановича къ другимъ царскимъ гробамъ, они почувствовали, что прежняя вина заглаживалась, наступало нравственное примиреніе" („Царь В. Шуйскій", 30). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ была вывезена въ Москву и надгробная мраморная плита съ извѣстною латинскою надписью Сигизмунда о своихъ побѣдахъ и плѣненіи Шуйскихъ. Наконецъ, Петръ Великій взялъ у своего союзника, короля Августа II, извѣстную картину Долабеллы.

Вторая группа документовъ касается „Московской каплицы" и судьбы ея зданій и земли. По вывозѣ въ Москву тѣлъ Шуйскихъ, „Московская каплица", такимъ образомъ, опустѣла и оставалась безъ употребленія до 1668 г., когда ею воспользовались доминикане-обсерванты. Это одинъ изъ католическихъ монашескихъ орденовъ, прибывшихъ въ Польшу въ самый разгаръ католической реакціи. Преемникъ короля Владислава, Янъ Казимиръ подарилъ доминиканамъ въ 1668 г. каплицу съ площадью въ 100 локтей длины и 40 локтей ширины, для устроенія монастыря и храма. Несмотря на противодѣйствіе настоятеля сосѣдняго миссіонерскаго костела св. Креста, заявлявшаго, что доминикане будутъ приносить его костелу „большой матеріальный и духовный ущербъ", актъ закрѣпленія за доминиканами земли былъ утвержденъ. Еще долго продолжалась упорная борьба миссіонеровъ съ доминиканами, но всѣ происки миссіонеровъ были безуспѣшны и каплица оставалась за доминиканами. Частію изъ прикупокъ, частію изъ подарковъ у обсервантовъ оказалась очень обширная площадь поземельныхъ владѣній. На мѣстѣ первоначально круглой „Московской каплицы" постепенно сложился большой продолговатый костелъ въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной, съ группою монастырскихъ построекъ. Перестройки бывшей царской усыпальницы и время изглаживали память о начальной ея исторіи, а, между тѣмъ, и въ офиціальномъ церковномъ языкѣ и среди народа

долго сохранялось за ней названіе „Московской каплицы“. Въ 1783 г. костелъ былъ окончательно перестроенъ „къ существенному ущербу своей прямой исторической цѣнности“. Впослѣдствіи „даже въ офиціальной рѣчи и якобы со ссылкой на документы, стали сообщать, будто на этой землѣ до занятія ея доминиканами не было никакой стройки, не было никакого историческаго памятника. Возможно, что такъ говорить иногда побуждали и особыя причины, а не одно измѣненіе вида мѣстности или простое забвеніе прежнихъ фактовъ“ (моногр., 103). Съ 1783 г. названіе „Московская каплица“ было изъято изъ официальнаго языка. Послѣ печальныхъ событій конца XVIII и начала XIX вѣка доминиканскій монастырь сталъ приходить въ упадокъ, замирать. Послѣ же трагическаго случая—самоубійства на престолѣ главнаго алтаря костела ксендза Даниковскаго—костелъ былъ закрытъ. Правительственная комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія рѣшила съ открытіемъ и освященіемъ костела „повременить, пока впечатлѣніе отъ соблазна не ослабнетъ въ народѣ“. Между тѣмъ возникъ проектъ передачи костела подъ церковь русскимъ, поселившимся въ Варшавѣ и давно просившимъ о предоставленіи имъ удобствъ въ отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей. Было издано даже постановленіе намѣстника царства кн. Заіончека о передачѣ подоминиканскаго костела „въ церковное пользованіе греко-россійскаго обряда“. Но костелъ все-таки не отдали русскимъ. Въ концѣ концовъ, подъ предлогомъ „украшенія города“, подоминиканскія зданія были снесены, при чемъ часть матеріала пошла на постройку костела св. Александра, сооружавшагося въ память посѣщенія императоромъ Александромъ I Варшавы, а другая часть обращена въ пользу эдукаціоннаго фонда. Вся подоминиканская площадь въ 1820 г. была передана въ собственность общества любителей наукъ, которое помѣщалось раньше на улицѣ Канонія.

Слѣдующая группа документовъ представляетъ цѣнные матеріалы для исторіи Общества любителей наукъ. Главнымъ образомъ во второй книгѣ напечатаны интересные документы о дѣятельности этого общества, объ его учрежденіи и организаціи, уставахъ и правилахъ, объ отношеніяхъ общества къ русскому правительству, о выборѣ имъ въ свои члены русскихъ и юго-славянскихъ ученыхъ и поэтовъ, участіи членовъ въ возстаніи 1830—1831 гг., закрытіи общества и о дальнѣйшей судьбѣ дома общества.—Общество любителей наукъ продало свой прежній домъ на ул. Канонія и построило себѣ новое зданіе на подоминиканской площади. Однимъ изъ главныхъ дѣлъ об-

щества на новомъ мѣстѣ было сооруженіе памятника Копернику въ 1828 г., рядомъ съ зданіемъ общества. Интересны протоколы объ избраніи въ члены. Изъ русскихъ поэтовъ и ученыхъ членами общества до возстанія тридцатыхъ годовъ были выбраны: Державинъ, Карамзинъ, Румянцевъ, Кеппенъ, Шторхъ, князь Вяземскій, Симоновъ, Булгаринъ и др. Во время возстанія общество, „отдавая справедливость ученымъ русскаго народа", выбрало въ члены: Калайдовича, Строева, Качановскаго, митр. Евгенія Болховитинова, Полевого, Гулакъ-Артемовскаго; рядомъ съ ними были выбраны и вожаки возстанія... Любопытны документы, пролившіе свѣтъ на участіе большинства членовъ общества въ возстаніи. Скомпрометированными являются, напримѣръ, слѣдующіе выдающіеся члены: предсѣдатель общества Нѣмцевичъ („сочинилъ... проектъ преступнаго акта объ удаленіи государя императора и его августѣйшихъ наслѣдниковъ отъ престола царства Польскаго"), графъ Плятеръ („принималъ дѣятельное участіе въ мятежѣ, какъ министръ статсъ-секретарь мятежническаго правленія"), кн. Адамъ Чарторыскій (способствовалъ „къ пріуготовленію въ Виленскомъ университетѣ молодыхъ студентовъ для польской революціи", „былъ предсѣдателемъ мятежническаго правительства", „подписалъ отзывъ къ польскому народу, приглашая всѣхъ жителей защищать Польшу противъ русскихъ и не принимать никакихъ предложеній со стороны русскаго правительства" и т. п.), Лелевель, Мицкевичъ, еп. Пражмовскій, кс. Швейковскій, Линде, проф. Бродзинскій, Солтыкъ, гр. Лубенскій, гр. Сѣраковскій, проф. Шубертъ и др. Обо всѣхъ членахъ, участникахъ возстанія, сообщаются документальныя данныя.

Въ 1833 г. общество было закрыто, а зданіе его сначала было куплено подъ помѣщеніе лотерейнаго управленія, а потомъ съ 1857 г., по Высочайшему повелѣнію, было назначено на помѣщеніе медико-хирургической академіи, въ настоящее же время принадлежитъ первой мужской гимназіи. Въ этомъ зданіи была устроена церковь, но она была крайне неудобна для совершенія богослуженія, помѣщаясь въ небольшой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ. Поэтому она была перенесена въ 1878 г. въ актовый залъ. При попечителѣ Варшавскаго учебнаго округа А. Л. Апухтинѣ рѣшено было произвести капитальную перестройку зданія 1-й гимназіи, такъ какъ оно пришло въ ветхость во всѣхъ частяхъ. Проф. Праховымъ былъ составленъ проектъ перестройки лицевого фасада зданія въ русскомъ стилѣ, но онъ не получилъ утвержденія, и дѣло, такимъ образомъ, затягивалось.

Въ 1893 г. проф. Цвѣтаевъ представилъ попечителю Апухтину докладную записку, въ которой документальными данными доказалъ, что на мѣстѣ зданія 1-й гимназіи, и нѣсколько впереди, былъ погребенъ въ особой капллицѣ русскій царь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ виду чего попечитель съ большею настойчивостью обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой разрѣшить перестройку фасада гимназическаго зданія въ русскомъ стилѣ и устроить въ этомъ зданіи православную церковь [1]). Правительственное разрѣшеніе на перестройку и отпускъ суммъ изъ государственнаго казначейства было получено. Благодаря стараніямъ Апухтина стекались и частныя пожертвованія. Однимъ изъ главнѣйшихъ и первыхъ жертвователей былъ протоіерей о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (Кронштадтскій), принесшій до 18 тыс. руб.; затѣмъ устроитель реальнаго училища въ Сосновицахъ, фабрикантъ Г. Г. Дитель далъ на это патріотическое дѣло болѣе 50 тыс. руб., и другіе. Бывшій военный министръ П. С. Ванновскій отпустилъ, съ Высочайшаго соизволенія, на отливку колоколовъ для гимназической церкви 800 пудовъ мѣди и бронзы изъ старыхъ пушекъ (кн. 2, № докум. CLXXIV). Зданіе перестроили по новому проекту архитектора Покровскаго. Фасады зданія были исполнены въ русскомъ стилѣ XVII вѣка, облицованы облицовочнымъ

---

[1]) Не ограничиваясь историческими записками, проф. Цвѣтаевъ выяснялъ значеніе мѣста и дѣла особыми письмами, при чемъ въ одномъ изъ нихъ, посланномъ въ Петербургъ попечителю Апухтину, наканунѣ разсмотрѣнія и рѣшенія строительнаго дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, на засѣданіи котораго долженъ былъ быть и попечитель, онъ, со ссылками на новые, найденные имъ документы и планы, указавъ, что „каплица или часовня была въ районѣ и нѣсколько впереди главнаго, передняго корпуса гимназіи, въ которомъ теперь сооружается церковь", убѣжденно излагалъ: „Это, нѣтъ сомнѣнія, еще болѣе усиливаетъ необходимость заботъ о данномъ корпусѣ и церкви. «Царь Василій государь былъ великій, помазанникъ Божій», говорили московскіе послы, прибывшіе въ Варшаву съ порученіемъ выпросить у короля Владислава IV тѣло Василія. Тѣло было отпущено, и Михаилъ Ѳедоровичъ со всѣмъ почетомъ похоронилъ его въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ; Алексѣй Михайловичъ выпросилъ у Владислава мраморный камень съ надписью, бывшій на каплицѣ («мрамуровый надгробный камень съ надгробнымъ написаніемъ»); Петръ Великій взялъ изъ Варшавскаго Королевскаго замка картину Долабеллы, изображавшую представленіе Василія Сигизмунду III въ Варшавѣ. При покойномъ Государѣ Александрѣ II на мѣстности усыпальницы Шуйскаго возникла церковь и русская школа. Современному поколѣнію выпадаетъ довершить здѣсь патріотическую задачу. Въ какой мѣрѣ, целесообразно съ мѣстными потребностями и соотвѣтственно государственно-національному достоинству, будетъ выполнена она — объ этомъ станутъ судить грядущія поколѣнія".—Это письмо показывалось членамъ Совѣта (кн. 2, стр. 346—347).

кирпичемъ и изразцами и украшены богатой гипсовой орнаментикой. А въ 3-мъ этажѣ зданія, въ память о покоившемся государѣ, устроена богатая и художественно отдѣланная обширная церковь.

Между тѣмъ, какъ это патріотическое дѣло опиралось на несомнѣнныя данныя, добытыя научными изслѣдованіями, въ современной польской и даже русской печати совершенно голословно стали выдавать за подлинную, донынѣ сохранившуюся усыпальницу Шуйскихъ зданьице, стоящее въ саду первой гимназіи. Такіе голоса стали явно направляться противъ реставрированія созданнаго на мѣстѣ „Московской каплицы“ дома бывшаго общества любителей наукъ. Послѣ тщательныхъ разысканій проф. Цвѣтаева, въ настоящее время не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что зданьице въ саду гимназіи, у дальней стѣны (см. рисунокъ въ 1-й кн.), никогда не было усыпальницей Шуйскихъ и не имѣетъ съ ней никакой связи. Это небольшое шестигранное зданіе въ концѣ XVII в. принадлежало женѣ литовскаго вельможи Служко и служило бесѣдкой („altanka“ кам. бесѣдка по инвентарной описи 1699 г.). Эта бесѣдка по плану 1699 г. и послѣдующихъ годовъ (см. въ прилож. ко 2 т.) означалась локтей на 200 отъ земельной площади, подаренной кор. Яномъ Казимиромъ доминиканамъ-обсервантамъ. Недвижимость, принадлежавшая нѣкогда Служко, неоднократно переходила изъ рукъ въ руки; наконецъ, часть ея въ 1872 г. была присоединена къ 1-й гимназіи; на ней-то нынѣ и стоитъ небольшая ветхая бесѣдка.

Наконецъ, послѣдняя группа документовъ касается бывшаго королевскаго гостынскаго замка, его внѣшняго убранства и устройства въ немъ лютеранской церкви. Принадлежавшій раньше мазовецкимъ князьямъ, гостынскій замокъ въ 1462 г. былъ присоединенъ Казимиромъ Ягеллономъ къ коронѣ, перестроенъ и укрѣпленъ. Въ 1611 г. Сигизмундъ III возобновилъ его, предназначая для Шуйскихъ. Въ XVIII в. замокъ уже былъ полуразрушенъ, а въ началѣ XIX в. на развалинахъ его была построена лютеранская церковь; уцѣлѣвшая замковая башня служитъ теперь колокольнею. Къ 1-й книгѣ приложенъ рисунокъ лютеранской церкви въ Гостынинѣ.

Вообще всѣ документы, собранные изъ многочисленныхъ архивовъ, охватываютъ такимъ образомъ событія и факты за три слишкомъ столѣтія съ 1561 по 1890 годы; они вполнѣ исчерпываютъ данный предметъ и проливаютъ яркій свѣтъ на многіе вопросы, которые до послѣдняго времени были или мало извѣстны или же совсѣмъ неизвѣстны.

Разбираемый нами трудъ, имѣющій общее научное историческое

значеніе, является очень полезнымъ и въ методическомъ отношеніи, какъ руководство для будущихъ изслѣдователей старины Привислянскаго края. Отыскиваніе матеріаловъ въ варшавскихъ архивахъ до послѣдняго времени представляется дѣломъ далеко нелегкимъ. При многихъ учрежденіяхъ хранятся документы не однихъ данныхъ учрежденій, но и ихъ предшественниковъ и даже институцій стороннихъ. Работа проф. Д. В. Цвѣтаева, извлекшаго цѣнные документы изъ различныхъ архивовъ и расположившаго ихъ по хранилищамъ, откуда они извлечены, дастъ ясное указаніе, гдѣ и что можно отыскать по тому или другому вопросу. „Распредѣленіе актовъ по ихъ хранилищамъ", говоритъ авторъ: „представляетъ наглядный примѣръ, какія и въ какомъ порядкѣ находятся тамъ документы, что далеко не безразлично для дальнѣйшихъ изслѣдователей при отыскиваніи ими новыхъ матеріаловъ: разъ имѣются акты о такомъ то предметѣ, естественно ожидать, что встрѣтятся тамъ и въ томъ же приблизительно распорядкѣ документы и о другихъ подобныхъ предметахъ" (Предисл., стр. 3, кн. 1.).

Закончимъ свою статью выраженіемъ самаго сердечнаго пожеланія почтенному профессору скорѣйшаго окончанія предпринятаго имъ цѣннаго научнаго труда.

А. П—скій.

Отвѣтъ И. А. Шляпкину.

Опубликованная весной моя работа „Изъ исторіи развитія русской поэзіи" (Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, томъ III) привлекла на себя вниманіе И. А. Шляпкина, который и подѣлился своими впечатлѣніями съ читателями *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1902 г. сент.). Я очень признателенъ г. рецензенту за это вниманіе, тѣмъ болѣе, что спеціальные труды имѣютъ у насъ вообще очень ограниченный кругъ читателей. Ни коимъ образомъ, однако, не могу согласиться съ нѣкоторыми мнѣніями г. Шляпкина, а также съ нѣкоторыми пріемами его критики. Свои возраженія я дамъ въ томъ же порядкѣ, какъ ихъ дѣлаетъ мой рецензентъ.

Г. Шляпкинъ не находитъ въ моей книгѣ обдуманнаго плана, результата долгой и вдумчивой работы. Между тѣмъ — подлежащій разсмотрѣнію критики III-й томъ моихъ „Изслѣдованій" стоитъ въ тѣсной связи съ I-мъ, и планъ его кратко, но съ достаточной

ясностью, изложенъ въ предисловіи, и не только планъ, но и самый процессъ работы. Конечно, моя книга имѣетъ характеръ подготовительный, но въ этомъ я не вижу ничего печальнаго; если мой матеріалъ пригодится другимъ — я могу только порадоваться, зная слабую разработанность тѣхъ вопросовъ, въ области которыхъ вращается моя книга.

Г. Шляпкинъ упрекаетъ меня въ „поспѣшности". Но онъ читалъ мою книгу, вѣроятно, также поспѣшно, почему и вкрались въ его рецензію печальные „недосмотры", хотя для написанія рецензіи онъ имѣлъ столько же времени, сколько я—для цѣлой книги. Онъ совершенно напрасно утверждаетъ, что я „дѣлаю изслѣдованіе" въ порядкѣ попадающагося подъ руку сырого матеріала. Г. Шляпкинъ могъ бы упрекнуть меня въ хаотичности книги лишь въ томъ случаѣ, если бы планъ моей работы не былъ указанъ въ предисловіи, если бы на стр. 371—372 не были указаны причины, временно прервавшія нить изслѣдованія, если бы эта моя работа не примыкала нѣкоторыми частями къ I-му тому и если бы, наконецъ, рецензентъ передалъ общее содержаніе книги согласно расположенію главъ, не умолчавъ о содержаніи двухъ, очень для меня важныхъ. Что же касается отступленій біографическаго и культурно-историческаго характера, то эти отступленія далеко не случайны, а даже неизбѣжны при состояніи вопросовъ исторіи литературы XVIII вѣка, которые трактуются мною. Но, наряду съ укоромъ за эти невольныя отступленія отъ основной темы, почтенный рецензентъ говоритъ какъ бы съ упрекомъ о моихъ обѣщаніяхъ разрѣшить только впослѣдствіи рядъ частныхъ вопросовъ. Я охотно мирюсь съ этимъ противорѣчіемъ г. Шляпкина; но, думается мнѣ, упрекать меня за эти обѣщанія — не приходится. Часть обязательствъ, взятыхъ мною на себя въ I и III тт., уже близки къ исполненію: статьи о виршахъ Александровича, Лютенскаго и др. печатаются, а о стихотвореніяхъ Монса и др. собранъ уже матеріалъ, который я не замедлю опубликовать.

Г. Шляпкинъ полагаетъ, что печатный матеріалъ, которымъ я „пренебрегаю", могъ бы совершенно „измѣнить нѣкоторыя точки зрѣнія самого изслѣдованія"... Едва ли это такъ. Пересмотрѣвъ всѣ ссылки г. Шляпкина, я рѣшительно недоумѣваю, — что изъ моихъ 17 тезисовъ, вкратцѣ формулирующихъ итоги изслѣдованія, можетъ быть измѣнено или отброшено. Не печатнымъ матеріаломъ, вышедшимъ въ свѣтъ въ то время, когда исторію считали чуть ли не искусствомъ вымышлять, а исторіи русской литературы не существовало—не этими

цитатами изъ авторовъ XVIII и первой четверти XIX столѣтія, изъ третьихъ рукъ, будутъ опровергнуты эти тезисы, а лишь новыми фактами, подлинными документами затронутой нами эпохи.

Переходимъ къ частностямъ. Мнѣ кажется, что недовольство г. Шляпкина моимъ невниманіемъ къ вопросу о сущности ритма, объ аллитераціи, ассонансахъ—основано на нѣкоторомъ недоразумѣніи. Конечно, говоря о ритмѣ въ отрывкахъ лѣтописи и другихъ памятникахъ, у меня упомянутыхъ, я могъ говорить только о ритмѣ, образуемомъ логическими удареніями и синтактическимъ строемъ предложенія. Странно было бы говорить о ритмѣ въ пѣвческомъ, музыкальномъ смыслѣ; вѣдь мы даже представленія не имѣемъ о томъ, пѣлись ли вообще эти отрывки, а подавно уже и о томъ, какъ они пѣлись... За симъ, держась строго фактической почвы, я и не считалъ себя вправѣ привлекать къ своему разсужденію пословицы, такъ какъ достаточное для изученія количество ихъ дошло въ записяхъ, только начиная съ конца XVII вѣка. Да и весьма рискованно безъ предварительнаго историческаго изученія рѣшать, имѣемъ ли мы въ каждомъ данномъ случаѣ народную пословицу или—изреченіе книжника, а то и заимствованіе изъ учительной литературы (напр.: „ученье свѣтъ, неученье тьма"). Вообще—это солидная тема, которой можно посвятить не одно изслѣдованіе, а для послѣднихъ необходимы подготовительныя работы вродѣ извѣстной книги П. К. Симони. Мнѣ кажется страннымъ, какъ г. Шляпкинъ смѣшиваетъ риому въ пословицахъ—съ риомой книжныхъ виршъ; эту послѣднюю, преимущественно глагольную и причастную, мы имѣли въ виду въ нашей работѣ; въ пословицахъ едва ли можно указать аористическія риомы! Подобной риомы мы не имѣемъ въ древнѣйшихъ записяхъ народныхъ великорусскихъ пѣсенъ, хотя бы Ричарда Джемса. А я въ своей работѣ имѣлъ въ виду именно подобныя пѣсни, но отнюдь не пословицы.

Г. Шляпкинъ недоволенъ моими возраженіями акад. И. Н. Жданову, моему оппоненту на магистерскомъ диспутѣ: я „самъ долженъ былъ сознаться, что устанавливаю лишь *формальную* схему силлабическаго стиха". Спрашивается, какую же иную схему я могъ возстановлять, когда матеріалъ, бывшій у меня подъ руками, не давалъ права на болѣе широкіе выводы.

Г. Шляпкинъ вообще охотно задаетъ задачи. Такъ нѣсколько ниже онъ говоритъ, что „слѣдовало бы вообще подробнѣе выяснить, что такое этотъ силлабическій стихъ, какъ онъ *исполнялся*" и т. д. Это, какъ извѣстно и моему рецензенту, вопросъ у насъ совсѣмъ не

разработанный изслѣдователями. Лучше всѣхъ могли бы разобраться въ немъ такіе знатоки исторіи русской музыки, какъ С. В. Смоленскій, вообще — музыканты, нелишенные знанія старинной русской поэзіи. Такую же, несоотвѣтствующую плану моей работы, задачу задаетъ мнѣ г. Шляпкинъ и далѣе, предлагая рѣшить вопросъ о редакціи Глюковскаго Gesangbuch'а. Я думаю, кромѣ того, что едва ли у одного человѣка хватитъ силъ перерѣшить всѣ возникающіе въ области нашего изслѣдованія вопросы. Я былъ бы очень доволенъ за нашу науку, если бы г. Шляпкинъ не отказался принять активное участіе въ рѣшеніи этихъ вопросовъ.

Г. Шляпкинъ неоднократно повторяетъ, что у меня недостаточно характеризована дѣятельность піэтистовъ; но гдѣ слѣдуетъ, я указываю на отношеніе къ нимъ Пауса, привожу свѣдѣнія объ аналогичной школѣ фонъ-Вреха, а чтобы не загромождать свою книгу выписками изъ печатнаго—ссылаюсь на общеизвѣстный трудъ *Sachse*, Ursprung und Wesen d. Pietismus. Читатель можетъ убѣдиться, что никакого „умолчанія" о пропагандѣ протестантовъ въ Москвѣ—нельзя видѣть въ моей книгѣ, тѣмъ болѣе, что я, говоря о ней, останавливаюсь довольно долго и на антипротестантской дѣятельности братьевъ Лихудовъ.

Совершенно недоумѣваю, почему мой рецензентъ полагаетъ, что „Knittelverse" нужно понимать какъ „плохіе стихи". Слѣдовало бы г. Шляпкину знать, что подъ такимъ терминомъ обыкновенно понимаютъ *намѣренно* вульгарный стихъ, грубый, юмористическій. Его родичи въ русской литературѣ XVIII вѣка — надписи къ лубочнымъ картинкамъ, переводные фацеціи въ стихахъ. Какъ бы ни были слабы съ современной намъ точки зрѣнія стихи д-ра *М. Лютера*, все-таки примѣнять къ нимъ терминъ „Knittelverse" мы считаемъ весьма рискованнымъ.

Среди возраженій г. Шляпкина я нахожу нѣсколько совсѣмъ особаго свойства. Эти собственно возраженія ко мнѣ непосредственно не относятся. Самый простой способъ критики — вести рѣчь не о томъ, что *есть* въ книгѣ, а о томъ, чего въ ней *нѣтъ*. То же дѣлаетъ и г. Шляпкинъ, но едва-ли съ пользой для дѣла. Такъ онъ, напримѣръ, находитъ, что мнѣ необходимо было воспользоваться указаніями о Глюкѣ митрополита Евгенія, Эверса, Энгельгардта, Пекарскаго... Можетъ быть, это и такъ, но я предпочитаю показанія подлинныхъ документовъ свидѣтельствамъ изъ третьихъ рукъ, къ тому же весьма сомнительнаго достоинства. Противъ конечныхъ выводовъ этой главы

г. Шляпкинъ не споритъ. Я же думаю, что нагроможденіе библіографическаго балласта полезно лишь тогда, если нѣтъ подъ руками первоисточника. При наличности его—все лишнее отпадаетъ, тѣмъ болѣе, въ трудѣ, который и безъ того, по увѣренію г. Шляпкина, заваленъ „сырьемъ".

Довольно странными кажутся мнѣ слѣдующія замѣчанія рецензента:

1) Мнѣ приписано мнѣніе, будто я считаю стихотворное поздравленіе бар. Корфу силлабическимъ *только потому*, что Тредіаковскій не включилъ его въ число примѣровъ въ списокъ 1735 г.; но у меня приведенъ отрывокъ, тожественный по формѣ съ тѣмъ 14-сложнымъ силлабическимъ стихомъ, о тонизаціи котораго идетъ рѣчь во второй и десятой главахъ, ихъ же г. Шляпкинъ не касается.

2) Г. рецензентъ договариваетъ—и довольно неудачно, будто я намекаю на *плагіатъ* Тредіаковскаго у Пауса. У меня въ виду не плагіатъ, а лишь *подражаніе*.

3) Въ ряду особенно тяжелыхъ моихъ винъ, г. Шляпкинъ указываетъ, что я не упоминаю о памятникахъ народной рѣчи, которые читалъ Паусъ. Но они указаны мною на стр. 246: Сказка о Бовѣ королевичѣ, Преніе живота и смерти, юмористическая Калязинская челобитная, О взятіи Царьграда.

4) Г. рецензентъ утверждаетъ, что я отказываюсь разсматривать переводческую дѣятельность Пауса: между тѣмъ, давая опытъ его біографіи и оцѣнку литературной дѣятельности, и ранѣе и послѣ—я даю рядъ замѣчаній объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, переведенныхъ Паусомъ.

5) Я полагаю, что слова рецензіи: „Совершенно некстати упоминаніе о казни Медвѣдева по поводу обвиненія въ иконоборствѣ"—могутъ быть объяснены лишь какъ результатъ поспѣшнаго чтенія моей книги: у меня послѣ указанія на трудное положеніе Пауса, обвиненнаго въ порицаніи иконопочитанія, говорится: „Дѣло получило серіозный оборотъ, весьма опасный: у всѣхъ въ Москвѣ было еще въ памяти дѣло К. Кульмана (сожженъ, 1689 г.) и С. Медвѣдева (казненъ, 1691 г.)", т. е. я указываю только на печальную участь проповѣдниковъ неправославныхъ идей—и только!

6) Г. Шляпкинъ увѣряетъ, будто бы я дѣлаю „указанія на праздность русскихъ дѣвицъ XVII вѣка по *переводному* сочиненію о благонравіи". Любознательный читатель можетъ убѣдиться, что здѣсь неточность, происшедшая, однако, не изъ-за *моей* „поспѣшности".

Ранѣе на стр. 165, я писалъ: „Мы не имѣемъ оригинальныхъ педагогическихъ сочиненій Пауса, да едва ли онъ и оставилъ что нибудь свое. Но для характеристики педагога важны и тѣ руководства, которыми онъ пользуется, которыхъ идеи усвоилъ и проводитъ въ жизнь"... И далѣе мною пересказано содержаніе „Книги о воспитаніи дщерей". А еще нѣсколько далѣе, на стр. 183—184 (а не 182) я извлекъ нѣсколько мнѣній автора этого переведеннаго Паусомъ сочиненія, при чемъ оговорился: „Едва-ли подобныя особы, парящія въ „воздушныхъ помышленіяхъ" и страстяхъ... были обычны на Руси въ то время, когда появился туда Паусъ"...

7) Но верхомъ странности критическихъ пріемовъ г. Шляпкина является замѣчаніе на стр. 239: „Бездоказательными являются выводы автора, считающаго лукашевичевскій списокъ перевода Глюка—рукописью профессора Баузе (стр. 251)"... Если читатель обратится не только къ 251 стр. моей книги, но перечтетъ её всю—съ бо́льшимъ, конечно, вниманіемъ, чѣмъ рецензентъ, — и тогда онъ не найдетъ въ ней подобной несообразности. Что же касается тожества пѣсенъ Познанскаго сборника съ пѣснями Академическаго, это ясно доказано детальнымъ сравненіемъ на стр. 134—141. Гдѣ и какимъ образомъ могъ г. Шляпкинъ найти это въ моей книгѣ — я положительно отказываюсь понять. Неужели И. А. Шляпкинъ могъ спутать проф. Байера, историка, съ библіографомъ, проф. Баузе?

Всякій, кто работаетъ для расширенія предѣловъ точнаго знанія въ области своей науки, охотно сознается въ своихъ промахахъ, неточностяхъ, даже ошибкахъ. Спѣшу самъ указать, что списокъ перевода сочиненій гуманиста Палингенія, сдѣланнаго Паусомъ—имѣется еще въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи и что изданное нами письмо митрополита Самуила Миславскаго — переиздано нами вторично: впервые оно было напечатано въ Кіевской Старинѣ 1883 г., апрѣль, но менѣе точно. Найдутся, безъ сомнѣнія, и другія неточности, неизвѣстныя теперь ни мнѣ, ни г. Шляпкину. Но онѣ не мѣняютъ основныхъ выводовъ работы, и не въ нихъ сила. Какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, и моя работа, конечно, далека отъ совершенства, тѣмъ болѣе, что во многихъ вопросахъ мнѣ пришлось пролагать путь среди необозримой массы „сырья", что справедливо оцѣнилъ въ свое время рецензентъ моей магистерской диссертаціи, профессоръ А. И. Соболевскій.

В. Перетцъ.

Книжныя новости.

Къ столѣтію комитета министровъ. 1802—1902. Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива комитета министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ *Н. А. Кислинскимъ*, подъ главной редакціей статсъ-секретаря *Куломзина*. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. С.-Пб. 1902. 2 т. VII + 340 + 4 кар.; II + 324+3 кар.

Нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ мысли канцеляріи комитета министровъ ознаменовать столѣтній юбилей комитета изданіемъ историческаго обзора его дѣятельности и не привѣтствовать появленія двухъ первыхъ томовъ этого обзора, посвященныхъ вопросамъ нашего желѣзнодорожнаго хозяйства.

Составитель этихъ томовъ —г. Кислинскій—подробно знакомитъ читателей съ послѣдовательностью сооруженія нашей желѣзнодорожной сѣти, съ условіями, при которыхъ строились отдѣльныя линіи ея, и съ способами реализаціи средствъ для постройки. По этимъ вопросамъ авторъ не только собралъ многочисленныя фактическія данныя, иллюстрировавъ ихъ весьма интересно составленными картами, но и подробно изложилъ соображенія вѣдомствъ и лицъ, которыя въ разное время были призываемы Верховною властью къ обсужденію тѣхъ или другихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи; читатель имѣетъ такимъ образомъ возможность, прослѣдивъ за всѣми дѣйствіями правительства въ этой отрасли народнаго хозяйства, выяснить себѣ и соображенія, которыми оно руководствовалось при этомъ.

Особенно внимательно останавливается составитель на послѣдовательномъ измѣненіи взгляда правительства на одинъ изъ крупнѣйшихъ вопросовъ желѣзнодорожной политики—на преимущества и недостатки концессіонной системы сооруженія желѣзныхъ дорогъ по сравненію съ постройкой ихъ непосредственнымъ распоряженіемъ казны. Хотя составитель принадлежитъ къ поклонникамъ послѣдняго способа постройки, тѣмъ не менѣе онъ съ полнымъ безпристрастіемъ излагаетъ соображенія защитниковъ первой системы, и даже самъ указываетъ на тѣ обстоятельства, которыя могли, по его мнѣнію, служить основаніемъ для такого предпочтенія.

Бывшій въ распоряженіи составителя матеріалъ использованъ имъ, повидимому, съ большимъ вниманіемъ; обзоръ заключаетъ много фактовъ, остававшихся до сего времени неизвѣстными или невыясненными; нѣкоторые отдѣлы могутъ представить интересъ даже для лицъ, не занимающихся вопросами, которымъ посвящено изданіе; напримѣръ, приведенныя составителемъ выдержки изъ сужденій выдающихся государственныхъ дѣятелей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XIX столѣтія относительно сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи даютъ яркую картину того, насколько трудно и противорѣчиво оцѣнивають современники техническихъ открытій ихъ будущее экономическое значеніе.

Составъ матеріала, положеннаго въ основаніе обзора, конечно, сильно отразился на полнотѣ изслѣдованія, хотя составитель въ нѣкоторыхъ случаяхъ

заимствовалъ данныя и изъ другихъ, кромѣ архива комитета, источниковъ; наша желѣзнодорожная политика освѣщена почти исключительно по отношенію къ сооруженію, а не эксплоатаціи сѣти; въ обзорѣ нѣтъ—или почти нѣтъ—фактической оцѣнки различныхъ мѣропріятій, подробности которыхъ изложены такъ внимательно. Юбилейный характеръ изданія и положеніе составителя не позволяли ему также рельефнѣе выяснить заблужденія и ошибки, которыми, по собственнымъ указаніямъ составителя, богата исторія нашего желѣзнодорожнаго строительства.

Несмотря, однако, на эти недостатки, объясняемые, какъ выше сказано, особыми условіями изданія, разсматриваемый обзоръ имѣетъ серьезное значеніе и много облегчитъ работу будущимъ изслѣдователямъ развитія желѣзнодорожной сѣти въ Россіи.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ:

— *Васьковскій, Е. В.* Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ. Одесса 1901. XXII+375 стр. Цѣна 3 р.

— *Дымша, Л.* Государственное право Швеціи. Томъ первый. Часть историческая. С.-Пб. 1901. XV+404+IV стр. Цѣна 3 р.

— *Соколовъ, В.* Государственное положеніе религіи въ Германіи по дѣйствующему праву. Казань 1899. VII+326+II стр. Цѣна 2 руб.

— *Петровскій, Н.* О сочиненіяхъ Петра Гекторовича. (1487—1572). Казань 1901. V+320 стр.

— *Рагозина, З. А.* Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. (Древнѣйшая исторія Востока). Съ 113 рисунками и 2-мя картами. С.-Пб. XV+423 стр. Изданіе *А. Ф. Маркса.* Цѣна 2 р. 50 к.

— Очередные вопросы въ царствѣ польскомъ. Этюды и изслѣдованія подъ редакціей *В. Спасовича* и *Э. Пильца.* Второе изданіе. Томъ I. С.-Пб. 1902. VII+251 стр. Цѣна 1 р.

— *Хрущовъ, И. П.* Бесѣды о древней русской литературѣ. IV+330 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

— *Ди-Сеньи, Н.* Курсъ прямолинейной тригонометріи. Составленъ по программамъ и примѣнительно къ послѣднимъ требованіямъ конкурсныхъ экзаменовъ для поступленія въ институты: горный, инженеровъ путей сообщенія, технологическій и другія высшія техническія учебныя заведенія. С.-Пб. 1902. V+126 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

— *Ивановъ, И.* О нѣкоторыхъ вопросахъ въ связи со счетомъ простыхъ чиселъ. С.-Пб. 1901. IV+120 стр.

— *Португаловъ, О. В.* Преступленіе-кража по дѣйствующему уголовному закону. Краткій юридическій очеркъ. Самара 1901. 16 стр. Цѣна 75 к.

— *Гансенъ, Н. Г.* Опытъ оздоровленія деревни. Съ пятью иллюстраціями

и вступительною статьею Р. И. Сементковскаго. С.-Пб. 1901. VIII+132 стр. Цѣна 75 к. (Изданіе *А. Ф. Маркса*).

— *Неезоровъ, А. С.* Изъ быта села Птичьяго, Челябинскаго уѣзда Оренбургской губерніи. Юрьевъ 1902. 41 стр.

— *Гейсманъ, П. А.* Славянскій крестовый походъ по случаю 25-лѣтія со времени начала войны 1877—1878 гг. С.-Пб. 1902. 48 стр.

— *Львовъ, В. Н.* Первое знакомство съ природой. Выпускъ I. Въ полѣ и въ лѣсу. Составлено по *А. Беклей* и др. Съ рисунками и цвѣтными таблицами. Москва 1902. 47 стр. Цѣна 40 к. Изданіе *М.* и *С. Сабашниковыхъ*.

— *Самоквасовъ, Д. Я.* Архивное дѣло въ Россіи. Книга первая. Современное русское архивное нестроеніе. 1852—1902, 7-е іюля. IV+37 стр. Цѣна 1 р. 25 к. Книга вторая. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи. 1852—1902, 7-е іюля. IV+178 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп. (Московскій архивъ министерства юстиціи).

— Погледъ върху дѣятелността на българската екзархия. 1877—1902 г. (По поводъ на 25-годишния юбилей на Н. Блаженство Българския Екзархъ Иосифа I), отъ Θ. М. и Б. Leipzig 1902. 166 стр.

— *Гауфъ, Л. А.* Практическая грамматика англійскаго языка, имѣющая цѣлью при постепенномъ ознакомленіи учащагося съ грамматическими правилами дать ему возможность съ перваго же урока привыкнуть къ англійскому разговорному языку. (Метода Гаспей-Отто-Зауэра). С.-Пб. 1902. VIII+380 стр. Цѣна 1 р. 80 к.

— *Ковалевскій, Михаилъ.* Русская исторія. Руководство и пособіе. Изданіе *И. И. Шанина*. Москва 1902. Цѣна 15 коп.

— *Динникъ, Н. Я.* Верховья Малой Лабы и Мзымты. Тифлисъ 1902. 73 стр. (Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. Книжка XXII, выпускъ 5-й).

— *Минаевъ, И. П.* Путешествіе Марко Поло. Переводъ съ старо-французскаго текста. Изданіе Императорскаго русскаго географическаго общества подъ редакціей *В. В. Бартольда*. С.-Пб. 1902. XXIX+355 стр. (Записки Императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи. Томъ XXVI).

— *Липскій, В. И.* Горная Бухара. Результаты трехлѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію въ 1896, 1897 и 1899 году. Часть I. Гиссарская экспедиція, 1896 г. С.-Пб. 1902. 318 стр. (Изданіе Императорскаго русскаго географическаго общества подъ редакціей *И. В. Мушкетова*).

— Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества. Томъ XXXVIII. 1902. Выпускъ I. С.-Пб. 1902. 126 стр.

— *Языковъ, Димитрій.* Николай Васильевичъ Гоголь. Біографическій очеркъ. Москва 1902. 50 стр.

— *Бѣляевскій, Н. Н.* Школьныя сберегательныя кассы. Юрьевъ 1902. 24 стр. Цѣна 30 коп.

— *Столяровъ, Николай.* Аналитическое доказательство предложенной г. М. Туганъ-Барановскимъ политико-экономической формулы: предѣльныя полезности свободно произведенныхъ продуктовъ пропорціональны ихъ трудовымъ стоимостямъ. Кіевъ 1902. 23 стр. Цѣна 25 коп.

— *Графъ Соллогубъ, В.* Біографія генерала Котляревскаго. Изданіе третье. С.-Пб. 1901. 158 стр. (Изданія Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Выпускъ 4-й).

— *Желѣзновъ, В. Я.* Очерки политической экономіи. Москва 1902. XXIII+806 стр. Цѣна 3 р. 50 коп. (Библіотека для самообразованія. XXV).

— *Карѣевъ, Н.* Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изданіе третье. С.-Пб. 1902. VIII+348 стр. Цѣна 1 р. 30 к.

— *Его же.* „Теорія личности“ *П. Л. Лаврова.* С.-Пб. 1901. 52 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ XII тома „Историческаго Обозрѣнія“).

— Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ тридцатый. Тифлисъ 1902. 122 стр.

— Данныя о родившихся и бракахъ въ гор. Москвѣ за 1901 годъ. Составлено Московскимъ столичнымъ и губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Москва 1902. 24 стр. (Безплатное приложеніе къ журналу „Извѣстія Московской городской думы“).

— Годовой отчетъ о состояніи русской публичной библіотеки въ городѣ Юрьевѣ. Съ 1-го января 1901 г. по 1-е января 1902 г. Юрьевъ 1902. 17 стр.

— Отчетъ Томскаго епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковныхъ школъ за 1901 гражданскій годъ. Томскъ 1902. 53 стр.

— Отчетъ Томской городской публичной библіотеки за 1901 годъ. Томскъ 1902. 29 стр. (годъ II).

— Краткія историческія свѣдѣнія о Троицкосавскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ. 1876—1901 г. Троицкосавскъ 1901. 23 стр.

— Вечерніе классы для взрослыхъ при Кіевскихъ городскихъ училищахъ, содержимые за счетъ средствъ попечительства о народной трезвости и городской думы. Кіевъ 1902. 14 стр.

— Отчетъ Нижегородской общественной библіотеки за 1901 годъ. (Сорокъ первый отчетный годъ). Нижній-Новгородъ 1902. 74 стр.

— Отчетъ о состояніи Астраханской общественной библіотеки, за 1900 г. (съ основанія 69-й). Астрахань 1902. 32 стр.

— *Ковалевскій, Михаилъ.* Очеркъ всеобщей и русской исторіи. Москва. Изданіе *И. Н. Шанина.* 234 стр. Цѣна 75 коп.

— *Гейсманъ, П. А.* „Упущенные благопріятные случаи"... быть скорѣе разбитымъ. (Оттискъ изъ Военнаго Альманаха на 1902 годъ). С.-Пб. 1902.

— *Антонъ, Г.* Объ умственномъ утомленіи здоровыхъ и больныхъ дѣтей. Переводъ съ нѣмецкаго *Г. И. Гордона.* Кіевъ 1901. 27 стр. Цѣна 20 к.

— *Винклеръ, Я.* Опытъ упражненій по физикѣ и химіи въ гимназіяхъ. Нѣжинъ 1902. 37 стр.

— Отчетъ Императорскаго русскаго географическаго общества за 1901 годъ. С.-Пб. 1902. XII+42+26+64+25 стр.

— Отчетъ о дѣятельности состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества попечительства Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны о глухонѣмыхъ за 1901 годъ. С.-Пб. 1902. 91 стр.

— Отчетъ по кассаціоннымъ департаментамъ правительствующаго сената за 1901 годъ. С.-Пб. 1902. 108 стр. (Приложеніе къ № 7 „Журнала Министерства Юстиціи", сентябрь 1902 г.).

— IX-ый съѣздъ международнаго союза криминалистовъ въ С.-Петербургѣ. С.-Пб. 1902. 97 стр. (Приложеніе къ № 7 „Журнала Министерства Юстиціи", сентябрь 1902 г).

— Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца. Книга четырнадцатая, выпускъ III. Изданъ подъ редакціею *Н. П. Дашкевича.* Кіевъ 1900. IV+отъ 63 до 87 стр., отъ 126 до 164 стр., отъ 91 до 192 стр., отъ 36 до 56 стр., отъ 25 до 44 стр. Цѣна 1 руб. 40 коп. Книга пятнадцатая. Выпускъ I. Кіевъ 1901. Отъ 1 до 26 стр., отъ 1 до 42 стр., отъ 47 стр., отъ 1 до 23 стр. и отъ 1 до 20 стр. Цѣна 1 р. 50 коп. Выпускъ II. Кіевъ 1901. Отъ 26 до 81 стр., отъ 49 до 87 стр., отъ 25 до 44 стр., отъ 21 до 50 стр. Цѣна 1 р. 50 к. Выпускъ III. Кіевъ 1901. Отъ 43 до 47 стр., отъ 83 до 128 стр., отъ 89 до 122 стр., отъ 124 до 177 стр., отъ 51 до 56 стр., отъ 1 до 16 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— Средній посѣвъ и средній сборъ зерновыхъ хлѣбовъ и картофеля за пятилѣтіе 1896—1900 гг. Изданіе Центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Пб. 1902. (Временникъ Центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ № 51. 1902). IX + 25 + 387 стр.

— *Ястребовъ, Н. В.* „O PŮVODU JEDNOTY BRATRSKÉ A ŘÁDU V NI" *Я. Благослава.* (Введеніе и текстъ съ указателемъ). С.-Пб. 1902. XXXV+46 стр.

— Уставъ Общества вспомоществованія бывшимъ ученикамъ С.-Петербургскаго Воздвиженскаго городскаго училища. С.-Пб. 1901. 15 стр.

— *Грановскій, А.* Полтавская епархія въ ея прошломъ (до открытія епархіи въ 1803 г.) и настоящемъ. (Историко-статистическій опытъ). Выпускъ I. Полтава 1901. III+X+418 стр.

— *Овсянико-Куликовскій, Д. Н.* Вопросы психологіи творчества. Пушкинъ,

Гейне, Гете, Чеховъ. Къ психологіи мысли и творчества. С.-Пб. 1902. 301 стр. Цѣна 1 р. 40 к. Изданіе *Д. Е. Жуковскаго.*

— Annuaire de la législation du travail. Publié par l'office du Travail de Belgique. 5-e année—1901. Bruxelles 1902. XV+632 стр. Цѣна 2 fr. 50 c. (Royaume de Belgique, Ministère de l'industrie et du travail. Office du travail).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Д. К. Гика. Приложение алгебры къ геометріи, или алгебраическій способъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Москва. 1901. Стр. 54. Цѣна 40 коп.

Названная книжка, по словамъ предисловія, представляетъ „сжатое изложеніе теоретическихъ свѣдѣній, нужныхъ для рѣшенія задачъ алгебраическою методою".

Книжка сія не превосходитъ своими достоинствами распространеннаго учебника Фролова, а во многихъ отношеніяхъ даже уступаетъ ему. Самое цѣнное въ части элементарной математики, называемой „приложеніемъ алгебры къ геометріи", заключается въ „принципѣ однородности", въ выясненіи причинъ ея нарушенія, въ случаѣ такового, въ возстановленіи нарушенной однородности и въ толкованіи отрицательныхъ рѣшеній.

Къ сожалѣнію, все сіе изложено не достаточно ясно.

И въ самомъ дѣлѣ, авторъ (стр. 6, § 7) говоритъ: „однородность функціи или уравненія можетъ нарушаться въ случаѣ, если примемъ за единицу мѣры перемѣнныхъ (?) одну изъ линій фигуры; напримѣръ, если за единицу мѣры принять букву b, то, послѣ дѣленія всѣхъ буквъ на b, измѣренія членовъ, содержащихъ букву b, понизятся и члены сдѣлаются разныхъ измѣреній".

Ясно, что это невѣрно. Напр., однородная формула $a^2 + b^2 - c^2$, по раздѣленіи всѣхъ ея буквъ на b, не перестанетъ быть однородною.

Далѣе авторъ говоритъ фразы, не имѣющія связи съ предыдущими, а именно:

---

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

„При этомъ, если b входила во всѣ члены числителя или знаменателя однородной функціи въ одинаковой степени, то, послѣ исчезновенія этой буквы (?), функція можетъ остаться однородной, но съ другимъ показателемъ однородности. Напримѣръ, въ функціяхъ:

$$\frac{a^5b^2 - a^3b^2c^2}{a^2 + c^2} \text{ и } \frac{a^3 - \sqrt{c^5b}}{a - b},$$

изъ которыхъ показатель однородности 1-й есть 5, а 2-й—2, если примемъ единицу мѣры равной b, то, полагая $\frac{a}{b} = a'$ и $\frac{c}{b} = c'$, и потомъ, отбрасывая значки, будемъ имѣть функціи

$$\frac{a^5 - a^3c^2}{a^2 + c^2} \text{ и } \frac{a^3 - c^2\sqrt{c}}{a - 1}“.$$

Выписанныя фразы, не говоря уже про ихъ неправильность грамматическую, неправильны и математически, ибо написанныя авторомъ формулы, при предположеніи $\frac{a}{b} = a'$ и $\frac{c}{b} = c'$ и по уничтоженіи значковъ, обратятся не въ тѣ формулы, какія указаны авторомъ. По всей вѣроятности, авторъ хотѣлъ сказать: „если букву b замѣнить числомъ *1*“.

И вообще, понятіе о нарушеніи однородности изложено сбивчиво.

Авторы различныхъ сочиненій по элементарной математикѣ любятъ вводить понятія о функціяхъ и перемѣнныхъ и даютъ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, неправильно.

Такъ авторъ разсматриваемой книжки на стр. 5 говоритъ:

„Всякое алгебраическое выраженіе измѣняется съ измѣненіемъ входящихъ въ него буквенныхъ величинъ и называется функціей этихъ величинъ“.

„Въ геометрическихъ функціяхъ должно считать постоянными, кромѣ ариѳметическихъ (?) чиселъ, нѣкоторыя буквенныя количества, а именно: отношеніе окружности къ діаметру π; основаніе логариѳмовъ (?); тригонометрическія функціи (?) угловъ: SnA, tgA и проч.“.

Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что иногда постоянныя числа означаются буквами. Такое предположеніе вытекаетъ изъ слѣдующихъ за симъ словъ автора:

„*Перемѣнная* суть только буквы a, b, c,... x, y,..., означающія длины прямыхъ линій (вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать „отрѣзковъ“), измѣренныхъ произвольной единицей мѣры и мѣняющихся съ измѣ-

ненiемъ размѣровъ геометрической фигуры и съ измѣненiемъ единицы мѣры длины".

Всѣ эти опредѣленiя изложены неясно и противорѣчиво.

Къ числу недостатковъ книжки должно отнести отсутствiе задачъ, въ коихъ бы разъяснялось, что иногда модуль отрицательнаго рѣшенiя, отложенный въ сторону, противоположную той, въ которую отложено рѣшенiе положительное, представляетъ рѣшенiе вопроса.

Нѣтъ въ книжкѣ указанiй на преобразованiе формулъ нулеваго измѣренiя въ отношенiе двухъ отрѣзковъ, что очень важно, и является, напримѣръ, непонятнымъ § 28, въ которомъ авторъ говоритъ:

„Пусть требуется построить уголъ x, если

$$Cs\ x = \frac{a^2 - 2bc}{b^2 + c^2}.$$

Построивъ дробь (?), получимъ

$$Cs\ x = \frac{m}{n}".$$

Спрашивается, однако, что значитъ построить дробь, представляющую отвлеченное число?

Въ книжкѣ отсутствуютъ задачи, въ коихъ искомыя должны заключаться въ извѣстныхъ границахъ.

Страницы, начиная съ 22, напечатаны очень мелкимъ шрифтомъ.

Библiотека для дѣтей и для юношества подъ редакцiей И. Горбунова-Посадова. Въ царствѣ лѣсовъ и полей. Образовательныя прогулки среди природы въ различныя времена года. Составилъ *Бернгардъ Ландсбергъ*. Со 2-го нѣмецкаго изданiя перевелъ *С. А. Порѣцкiй*. Со множествомъ рисунковъ. Москва. 1901. Стр. 275+VII. Цѣна 1 р. 30 к.

Книжка Ландсберга представляетъ собой пособiе для экскурсiй, составленное для сѣверной Пруссiи и, слѣдовательно, небезполезное и для нѣкоторыхъ мѣстностей Россiи. Нѣкоторыя части годятся для домашняго чтенiя учениковъ. Конечно, давая описанiя природы по временамъ года и поставивъ себѣ задачей въ то же время выяснить сложныя отношенiя живыхъ существъ въ природѣ (стр. 1), авторъ не вездѣ могъ удачно справиться съ этой нелегкой задачей съ точки зрѣнiя послѣдовательности. Переводчикъ отчасти пытался устранить этотъ недостатокъ примѣчанiями. Вотъ почему столь важныя понятiя для пониманiя бiологическихъ отношенiй, какъ понятiе о хлорофиллѣ (стр. 48) и дыханiи растенiй (стр. 173), объясняются въ примѣчанiи. Переводчикъ распространилъ также послѣднюю главу.

Что касается до зоологической части, то выборъ матеріала не всегда удаченъ. Почему ознакомленіе съ рыбами послѣ нѣсколькихъ словъ о форели начинается въ сущности съ такой уклоняющейся формы, какъ минога? Насколько это неудобно, видно изъ того, что авторъ самъ недостаточно ознакомленъ съ особенностями этой формы. Такъ онъ предлагаетъ (стр. 40) путемъ прибавленія къ водѣ киновари убѣдиться, что минога вбираетъ воду въ ротъ и выпускаетъ черезъ жабры. Да, это дѣлаютъ всѣ рыбы, но только не минога и не ея родственники. Минога, по большей части, вбираетъ и выпускаетъ воду черезъ жаберныя щели.

Почему ознакомленіе съ насѣкомыми начинается съ формъ не типичныхъ, а переходныхъ, а именно съ подуръ (стр. 11)? Впрочемъ, о нихъ говорится два слова. Конечно, если имѣть въ виду ученика, уже получившаго подготовку въ классѣ и знающаго, что такое насѣкомое, то означенный пріемъ еще можетъ быть допущенъ, но и то можно было бы перенести миногу или подуръ на послѣдній годъ, такъ какъ книга написана для трехъ лѣтъ.

Конечно, встрѣчаются такія выраженія: „она понимаетъ, что въ стоячей водѣ яйца погибаютъ отъ чужеядныхъ грибовъ“ (стр. 85). Если бы дѣло шло о гимназисткѣ или о курсисткѣ, то и тогда, пожалуй, можно было бы усумниться, всегда-ли это такъ, но дѣло идетъ о колюшкѣ (самцѣ)! Но это уже промахъ переводчика, ибо въ подлинникѣ сказано: „sein Instinkt lehrt ihn“ (стр. 71), хотя и это врядъ-ли вразумительно для ребенка, едва начинающаго знакомиться съ природой. Точно также слѣдовало бы переводчику подновить примѣры автора данными изъ русской жизни. Такъ, вмѣсто примѣра уничтоженія пробковаго дуба непарнымъ шелкопрядомъ во Франціи въ 1818 году (стр. 227) или рядомъ съ этимъ примѣромъ слѣдовало бы привести случаи массоваго появленія этого насѣкомаго въ Россіи и т. п. Мы не думаемъ, конечно, чтобы ученикъ могъ пользоваться этой книгой безъ пособія преподавателя, но все же она могла бы пригодиться въ ученической библіотекѣ. Авторъ хорошо дѣлаетъ, что не вводитъ въ изложеніе понятія объ общежитіи, понятія не установленнаго научно и недоступнаго усвоенію при начальномъ изученіи природы. Злоупотребленіе этимъ понятіемъ въ Германіи уже вызвало отпоръ со стороны столь опытнаго педагога, какъ Шмейль.

Но главное мѣсто въ книгѣ отведено растеніямъ. Изложеніе идетъ по мѣсяцамъ. Напримѣръ, 1-я глава. Апрѣль. Дѣятельность весны. Въ этой главѣ описывается или же только упоминается цѣлый рядъ ве-

сеннихъ растеній: ольха, орѣшникъ, береза, крупка, ясколка, звѣздчатка, мокрица, мать и мачеха, ожика, первоцвѣтъ, маргаритка, печеночница, хохлатка, вѣтренница, волчье лыко, гусиный лукъ, селезеночникъ, чистякъ. Всего 18 растеній. Хотя изъ нихъ одиннадцать иллюстрированы, все же для одной главы въ 9 страницъ столько названій подѣйствуютъ утомляющимъ образомъ на юнаго читателя. Такъ какъ описаніе растеній чередуется съ описаніемъ животныхъ, то вслѣдствіе этого еще болѣе увеличивается обиліе фактическаго матеріала и названій. Въ виду всего этого книжка болѣе пригодна для чтенія въ классѣ, какъ пособіе при экскурсіяхъ, чѣмъ для чтенія дома. Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно. Иногда встрѣчаются не совсѣмъ удачныя выраженія, а также опечатки. Таковы главные недостатки. Къ числу достоинствъ слѣдуетъ отнести—біологическія свѣдѣнія относительно опыленія, роли насѣкомыхъ, отношеніе къ внѣшнимъ условіямъ. Эти свѣдѣнія, оживляющія изложеніе, обыкновенно совершенно опускаются въ большинствѣ руководствъ.

Можно еще замѣтить, что въ книжкѣ для чтенія выраженія: „мужскіе цвѣты, женскіе цвѣты, половое размноженіе“ могли бы быть замѣнены другими, хотя бы для того, чтобы не мѣшать распространенію полезной книжки.

Краткій учебникъ химіи, неорганической, аналитической и органической. Для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *С. Т. Бартошевичъ*. Изданіе *Ф. Ф. Ляскуса*. Варшава. 1902. 366 страницъ. Цѣна 2 руб.

Изъ предисловія автора видно, что онъ предназначаетъ свою книгу главнымъ образомъ для среднихъ училищъ съ техническимъ или коммерческимъ направленіемъ. Она содержитъ неорганическую химію (стр. 1—160), аналитическую химію (стр. 163—268) и органическую химію (стр. 271—356). Эта книга, очевидно, не можетъ служить учебникомъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ что остается только рѣшить вопросъ о ея пригодности для ученическихъ библіотекъ. Мы разсмотрѣли исключительно только первую часть, т. е. неорганическую химію (стр. 1—160).

Эта часть не можетъ не вызвать самаго крайняго удивленія. Какъ видно изъ заглавнаго листа, авторъ книги—бывшій приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, т. е., надо думать, спеціалистъ по химіи. Между тѣмъ разсмотрѣнная нами первая часть изобличаетъ въ авторѣ несомнѣнное непониманіе элементовъ науки,

незнакомство съ самыми замѣчательными открытіями послѣдняго времени, неумѣніе формулировать самые простые законы, отсутствіе всякаго понятія о дидактикѣ и методикѣ и, наконецъ, незнаніе русскаго языка.

Укажемъ прежде всего на несомнѣнныя *научныя ошибки:*

На стр. 4-ой читаемъ: „Всѣ тѣла въ природѣ встрѣчаются въ трехъ состояніяхъ: въ твердомъ, жидкомъ и газообразномъ". Когда авторъ видѣлъ жидкое дерево, или газообразный воскъ?

На той же стр. читаемъ: „всякое тѣло принимаетъ при кристаллизаціи постоянно одну и ту же, лишь ему свойственную, форму"... Здѣсь двѣ ошибки, ибо одно и то же тѣло можетъ кристаллизоваться въ различныхъ формахъ, и разныя тѣла могутъ кристаллизоваться въ одной и той же формѣ.

На стр. 6-ой: „Тепловая энергія является силой отталкивающей" (!).

На той же стр.: „Частицы, получая большій запасъ энергіи, отталкиваются на большее разстояніе другъ отъ друга" (!). Вообще можно сказать, что вся стр. 6-ая только и содержитъ ошибочныя, или фантастическія представленія, очевидно принадлежащія самому автору.

На стр. 8-ой авторъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ законъ Маріотта: „объемъ газовъ (?) обратно пропорціоналенъ давленію, подъ которымъ онѣ находятся". Хуже формулировать этотъ многострадальный законъ, кажется, невозможно.

На стр. 9-ой авторъ утверждаетъ, что при диффузіи мѣднаго купороса этотъ послѣдній переносится частичками воды, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности частички мѣднаго купороса, очевидно, сами перемѣщаются съ одного мѣста на другое.

На стр. 10-ой: „если мы смѣшаемъ уголь, селитру и сѣру въ кускахъ, то при зажиганіи мы никакой реакціи не получимъ, и эти тѣла сгорятъ безъ взрыва". И такъ по мнѣнію автора сгораніе угля и сѣры не есть реакція.

Стр. 35-ая: „Водородъ впервые былъ сгущенъ химиками Cailletet и Pictet при—140° С. и давленіи въ 200 атмосферъ. Такой, почти невѣроятной (!) температуры можно достичь помощію прибора, въ которомъ испаряется сгущенная угольная кислота, причемъ для своего испаренія она поглащаетъ теплоту отъ окружающихъ ее тѣлъ, въ данномъ случаѣ изъ водорода, и охлаждаетъ его до весьма низкой температуры; кромѣ того, пониженіе температуры усиливается помощію попеременнаго быстраго разрѣженія и сгущенія газа. Повторяя

это нѣсколько разъ, получаютъ сгущенный водородъ въ видѣ жидкаго тѣла. Такимъ же образомъ можно превратить воздухъ въ жидкость, только при болѣе низкой температурѣ, именно около 167°". И это пишется въ книгѣ, вышедшей въ 1902 году! Неужели авторъ никакого понятія не имѣетъ о безчисленныхъ работахъ послѣдняго времени по сжиженію газовъ? Неужели ему неизвѣстно, что Cailletet и Pictet *не* сгустили водорода, и что только Deward'у удалось это въ 1897 году, при чемъ онъ достигъ температуры—256°?

На стр. 36-ой авторъ приводитъ аналогію между медленными испареніями затвердѣвшихъ газовъ и таковыми же испареніями жидкостей, находящихся въ сфероидальномъ состояніи. Такое сравненіе не выдерживаетъ научной критики.

На стр. 56-ой читаемъ: „Отъ содержанія озона (въ текстѣ сказано—„кислорода", и эта ошибка не оговорена въ спискѣ безчисленныхъ опечатокъ) въ воздухѣ, вѣроятно, и зависитъ синева неба". Объясненіе это отличается крайней невѣроятностью.

Стр. 87-ая: „Чѣмъ теплѣе воздухъ, тѣмъ болѣе онъ содержитъ водяныхъ паровъ", что, очевидно, совершенно невѣрно.

Стр. 92-ая: „Въ послѣднее время открыли, что всякая болѣзнь имѣетъ свои бактеріи". Плохой языкъ и смѣлость утвержденія въ этомъ случаѣ одинаково велики.

Способъ изложенія, которымъ пользуется авторъ, можно назвать прямо ужаснымъ.

На стр. 1-ой авторъ хочетъ характеризовать тѣ спеціальныя задачи, которыми занимается химія неорганическая и химія органическая. Онъ пишетъ: „вторая (органическая) занимается разсмотрѣніемъ тѣлъ, состоящихъ изъ такъ называемыхъ органогеновъ: углерода, кислорода, азота, водорода, и происходящихъ отъ жизнедѣятельности животныхъ и растеній, первая же (неорганическая) изучаетъ, вообще, всѣ соединенія элементовъ, равно какъ и простыя тѣла". Можно ли придумать болѣе сбивчивое, неясное, плохо изложенное и въ отдѣльныхъ частяхъ противорѣчивое опредѣленіе!

Стр. 4-ая: (говорится о попыткахъ алхимиковъ превратить одно вещество въ другое). „Только въ концѣ 18-го вѣка французскій химикъ Лавуазье (Lavoisier, род. 1743 † 1794) нашелъ законъ, что вѣсъ дѣйствующихъ тѣлъ равенъ вѣсу тѣлъ происходящихъ, который доказываетъ, что такой переходъ вполнѣ невозможенъ, такъ какъ каждое тѣло имѣетъ свой особый удѣльный вѣсъ". Тутъ отсутствуетъ всякая логика, ибо изъ того, что каждое тѣло имѣетъ свой особый

удѣльный вѣсъ, вовсе не видно, чтобы нельзя было превратить одно вещество въ другое, такъ какъ превращеніе, если бы оно было возможно, очевидно, могло бы сопровождаться измѣненіемъ плотности тѣлъ. Кромѣ того непонятно, какое къ сему вопросу имѣетъ отношеніе законъ Лавуазье.

На той же стр. читаемъ: „Изъ растворовъ можно тоже получить кристаллы, смѣшивая два различные раствора, причемъ образуются двойныя соли, изъ которыхъ одна находится въ растворѣ, а другая выдѣляется на дно сосуда въ видѣ микроскопическихъ кристалловъ". Есть ли какая возможность понять, что хотѣлъ сказать авторъ? Что это за двойныя соли, изъ которыхъ одна находится въ растворѣ, а другая выдѣляется?

На стр. 5-ой авторъ утверждаетъ, что выпариваніе нужно продолжать какъ можно „долѣе", вмѣсто—какъ можно медленнѣе.

Стр. 6-ая: „Если мы станемъ постепенно нагрѣвать какой-нибудь металлъ или другое какое-нибудь тѣло, мы увеличиваемъ его тепловую энергію, а, напротивъ, уменьшаемъ силу сцѣпленія, наконецъ, когда тѣло дойдетъ до извѣстной температуры, сцѣпленіе станетъ такъ ничтожнымъ, что оно (?), преодолѣвая притяженіе сосѣднихъ частицъ, не будетъ въ состояніи преодолѣть взаимнаго притяженія всѣхъ остальныхъ, и уже не будетъ въ состояніи удержать опредѣленной формы, а принимаетъ временно форму сосуда, въ которомъ находится". Весьма интересно было бы знать, къ какому существительному относится мѣстоименіе „оно"? Если предположить, что „оно" есть сцѣпленіе, то выходитъ, что сцѣпленіе принимаетъ форму сосуда; а если допустить, что „оно" есть тѣло, то выходитъ еще большая безсмыслица. Само собой разумѣется, что и сама фантастическая мысль автора, насколько она доступна пониманію, не выдерживаетъ ни малѣйшей научной критики.

На той же стр. читаемъ: „Моментъ (!), когда тѣло твердое переходитъ въ жидкое состояніе, называется точкой плавленія даннаго тѣла". Подобная же фраза повторяется на стр 7-ой.

На 7-ой же стр. мы не безъ удивленія узнаемъ, что газы не испытываютъ взаимнаго притяженія, какъ твердыя тѣла и жидкости, а „движутся свободно съ громадной скоростью".

На стр. 11-ой авторъ говоритъ объ алхимикахъ: „Имъ удавалось выдѣлить изъ свинца съ серебромъ что-то въ родѣ серебра, но при точномъ изслѣдованіи можно легко убѣдиться, что это не есть серебро".

На стр. 13-ой встрѣчается слѣдующая великолѣпная тирада: „Существуетъ, какъ мы выше говорили, гипотеза о передвиженіи частицъ или молекулъ (молекулярное движеніе), и предполагаютъ поэтому, что химическія дѣйствія происходятъ оттого, что молекулы движутся и содрагаются отъ соприкосновенія съ другимъ тѣломъ (переходъ силы движенія въ химическое сродство)". Передъ такой картиной пасуетъ всякая критика.

На той же стр. авторъ утверждаетъ, что сильно помогаютъ усиленію сродства размельченіе, раствореніе и расплавленіе. Авторъ смѣшиваетъ такія элементарныя понятія, какъ сродство и химическая реакція.

Безподобный примѣръ полнаго отсутствія логики мы находимъ на стр. 15-ой, на которой буквально напечатано слѣдующее: „Изъ этого (окрашиванія большого количества воды небольшимъ количествомъ метиленовой синьки) можно было бы заключить, что тѣла дѣлятся до безконечности, но безконечности человѣкъ не можетъ себѣ представить. Для примѣра возьмемъ какое-нибудь сложное тѣло, оно состоитъ изъ нѣсколькихъ простыхъ тѣлъ. Если бы такое сложное тѣло дѣлилось до безконечности, значитъ, дѣленіе его не имѣло бы предѣла, и такое тѣло никогда не разложилось бы на свои составныя части, а разъ это возможно, значитъ существуетъ предѣлъ, при достиженіи котораго, если продолжать дѣленіе дальше, мы получимъ уже не однородное тѣло, а нѣсколько разнородныхъ, составляющихъ его тѣлъ. Эту предѣльную частичку мы называемъ частицей сложнаго тѣла или молекулой. Въ свою очередь частички простыхъ тѣлъ, составляющія частицу сложнаго тѣла, должны быть тоже недѣлимы, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онѣ разъединились бы въ еще меньшемъ видѣ; такую недѣлимую часть простого тѣла называютъ атомомъ".

На стр. 16-ой: „Если бы тѣла могли химически соединяться во всякой пропорціи, то каждыя два тѣла представляли бы рядъ новыхъ соединеній съ разнообразнѣйшими вѣсовыми отношеніями". Мудрено!

Всѣ законы формулированы такъ, что ни одинъ читатель не догадается, въ чемъ дѣло.

На стр. 17-ой законъ Гей-Люссака формулированъ слѣдующимъ образомъ: „Если 2 объема простыхъ газовъ соединяются между собою, даютъ 2 объема сложнаго газа; если же сложный газъ содержитъ болѣе 2 объемовъ, то происходитъ сжатіе объема вновь образованнаго газа".

Стр. 35-ая: „Изъ другихъ тѣлъ водородъ соединяется легко съ губчатой платиной, которая при этомъ возгорается“ (!).

Стр. 63-я: „Вода соединяется съ очень большимъ числомъ тѣлъ: кислотами, основаніями, алкалоидами, смолами, эфирными маслами, поэтому она тѣло индиферентное“. Странный индиферентизмъ, когда вещество соединяется съ большимъ числомъ другихъ веществъ!

Стр. 93-я: „Если бы не существовали бактеріи гніенія, земля вскорѣ покрылась бы трупами людей, животныхъ и растеній, вслѣдствіе чего вскорѣ не было бы мѣста для человѣка“.

На стр. 132-ой авторъ говоритъ о гипсѣ: „Послѣдній представляетъ мягкій, легко рѣжущійся ногтемъ минералъ, часто кристаллическій, въ видѣ наконечника копья ^“.

Считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какимъ языкомъ пишетъ г. Бартошевичъ:

Стр. 4-ая:... „который (философскій камень) позволялъ бы замѣнять неблагородные металлы на благородные“.

Стр. 8-ая: „Давленіе атмосферы на поверхность земли, среднимъ числомъ, равно давленію ртутнаго столба въ 760 мм. вышины. Но давленіе атмосферы подвергнуто постояннымъ колебаніямъ: разъ оно увеличивается, другой разъ уменьшается“.

Стр. 9-ая: „Такое свойство смѣшенія у газовъ и жидкостей называется диффузіей“.

Стр. 11-ая: „Простыя тѣла не могутъ быть переведены одно на другое“.

На той же стр.: „Въ средніе вѣки (!) алхимики трудились“ и т. д.

На той же стр.: „Всѣ тѣла въ природѣ состоятъ изъ простыхъ тѣлъ (элементовъ) и сложныхъ“.

Стр. 17-ая: „Два простыхъ тѣла, соединяясь въ различныхъ отношеніяхъ для образованія нѣсколькихъ новыхъ тѣлъ“ и т. д.

Стр. 61-ая: „Теплоединицей теплоты называется“ и т. д.

Стр. 69-ая:... „причемъ кромѣ перекиси водорода получается соль сѣрнокислаго барія“. Сѣрнокислый барій несомнѣнно принадлежитъ къ солямъ; но что такое соль самого сѣрнокислаго барія, очевидно, извѣстно только одному автору.

Стр. 86-ая: „Воздухъ упругъ и имѣетъ нѣкоторую тяжесть“.

На той же стр.: „Причина (независимости состава воздуха отъ мѣста и времени), вѣроятно, та, что газы постоянно сотрясаются“ и т. д.

Стр. 119-ая: „Металлы есть элементы“ и т. д.

Ко всему вышеизложенному слѣдуетъ прибавить, что въ книгѣ нѣтъ даже намека на все то, чему учатъ благоразумная методика и дидактика. Авторъ, очевидно, съ самаго начала предполагаетъ, что его ученики основательно знакомы съ химіей; но врядъ ли послѣ всего вышеизложеннаго существуетъ какая-либо надобность останавливаться еще и на этой сторонѣ, во всѣхъ отношеніяхъ одинаково удивительнаго учебника господина Бартошевича.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ редакціей *В. П. Семенова*. Томъ третій. Озерная область. СПб. Изд. А. Ф. Девріена. IX+456 стр. Цѣна 1 руб. 90 коп.

Изданіе задумано недурно и могло бы послужить хорошимъ подспорьемъ для преподавателей географіи, если бы было лишено нѣкоторыхъ недочетовъ, крайне нежелательныхъ въ справочной книгѣ.

Прежде всего обращаетъ вниманіе неполнота и даже невѣрность картографическаго матеріала, приготовленнаго къ 3-му тому „Россіи". На нашъ взглядъ тутъ наблюдается малопонятная экономія даже при изданіи общей карты озерной области. Карта эта, безъ сомнѣнія, могла бы быть и полнѣе и лучше издана. Экономія тутъ непонятна, такъ какъ изданіе снабжено многими и подчасъ совершенно излишними политипажами. Желаніе сократить масштабъ приложенныхъ картъ привело къ тому, что, напримѣръ, на картѣ рельефа, приложенной между страницами 16-й и 17-й, получились въ сѣверо-восточной части такіе рѣзкіе скачки въ рельефѣ, которыхъ безусловно не существуетъ въ дѣйствительности.

Карта Невской дельты, приведенная на стр. 8-й, представляетъ неудачную копію съ карты окрестностей Петербурга, составленной академикомъ Шмидтомъ, и даетъ невѣрное представленіе о томъ, что дельта Невы сложена не изъ *рѣчныхъ*, а изъ новѣйшихъ *морскихъ* осадковъ.

Не можемъ не обратить также вниманіе на нерѣдкіе редакціонные промахи, благодаря которымъ получаются такія выраженія, какъ приведенное, напримѣръ, на стр. 5-й, гдѣ говорится, что одна изъ „вѣтвей" Валдайской возвышенности, „достигая р. Мсты, образуетъ извѣстные Боровицкіе пороги"; съ такимъ заключеніемъ, не думаемъ, чтобы согласился кто либо изъ геологовъ, близко знакомыхъ съ описываемымъ краемъ.

На стр. 15-й, гдѣ говорится объ озерѣ Лача, находится мало понятная его характеристика: „это мелководное озеро, обладающее

равнымъ *дномъ, не выносящимъ на поверхность ни одного древняго острова*"...

Думается также, что совершенно излишни въ справочной книгѣ разсужденія о теоріи Канта-Лапласа, особенно въ тѣхъ туманныхъ выраженіяхъ, которыми авторы „Россіи" пытаются (на стр. 19) разъяснить происхожденіе „сѣверныхъ кряжей".

Въ слѣдующей главѣ о климатѣ мы съ самаго начала встрѣчаемъ неудачную редакцію при разъясненіи умѣряющихъ условій „въ видѣ сосѣдства Балтійскаго моря и большихъ озеръ". Сравнительно низкую температуру лѣта и высокую температуру зимы въ озерной области авторы объясняютъ тѣмъ, что „обширная *поверхность* водныхъ бассейновъ, *обладая большой теплоемкостью* по сравненію съ воздухомъ, медленно отдаетъ свое тепло съ переходомъ къ холодному времени года".

Беремъ еще на выдержку стр. 335, на которой указывается, что близъ станціи Попово, у деревни Поповки, по рѣкѣ Поповкѣ тянется прекрасный разрѣзъ силурійскихъ осадковъ и такъ далѣе. Очевидно, авторы тутъ спутали рѣчку Поповку съ другой Поповкой, находящейся подлѣ Павловска и извѣстной издавна всѣмъ геологамъ своими прекрасными разрѣзами.

Считаемъ приведеннаго достаточнымъ для иллюстраціи отрицательныхъ сторонъ третьяго тома „Россіи", но должны въ то же время оговориться, что, на нашъ взглядъ, польза этого изданія не можетъ быть отрицаема, и если въ послѣдующихъ томахъ редакція будетъ нѣсколько строже относиться къ выполняемой задачѣ, то „полное географическое описаніе нашего отечества", несомнѣнно, облегчитъ какъ преподаваніе, такъ и изученіе географіи Россіи.

Deutsche Grammatik für Realschulen. I. Teil. Etymologie. (Стр. 64. Цѣна 20 коп.). II. Teil. Syntax. (Стр. 30. Цѣна 20 коп.). Von *R. Bonwetsch*. Jurjew (Dorpat). 1902.

Г. Бонвечъ въ предисловіи къ своей книжкѣ, между прочимъ, утверждаетъ, что „при исполненіи программы (почему единств. число?) новыхъ языковъ еще очень часто встрѣчаются серьезныя затрудненія въ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподаваніе этихъ предметовъ ведется на иностранномъ языкѣ", объясняя этотъ, безъ сомнѣнія, весьма печальный фактъ слѣдующимъ образомъ: „главнымъ препятствіемъ при этомъ" (при чемъ?), говоритъ онъ, „служитъ трудность изложить и передавать грамматическія правила на иностранномъ языкѣ. Причину же такого затрудненія нужно искать

не только въ равнодушіи къ новымъ языкамъ той среды, къ которой по своему происхожденію принадлежать (?) весьма много учениковъ реальныхъ училищъ, особенно въ провинціи, и въ неувѣренности, съ которой ученики и учителя приступаютъ къ дѣлу, но и въ слишкомъ искустномъ (?!) изложеніи и мало наглядномъ группированіи грамматическаго матеріала. Ученикъ, забывъ особенно хитрое выраженіе или особенно трудный оборотъ въ объясненіи грамматическаго правила, уже не въ состояніи передать его и отдѣлывается молчаніемъ".

Мы думаемъ, что г. Бонвечъ ошибается, если онъ источникомъ „серьезныхъ затрудненій при исполненіи программы новыхъ языковъ" считаетъ равнодушіе къ новымъ языкамъ той среды, къ которой принадлежитъ большинство учениковъ реальныхъ училищъ. Это едва-ли вѣрно, въ особенности въ настоящее время. А почему, по мнѣнію г. Бонвеча, не только ученики, но даже и преподаватели приступаютъ къ изученію новыхъ языковъ съ неувѣренностью,—это намъ не совсѣмъ понятно.

Что же касается упрека г. Бонвеча, направленнаго противъ нѣкоторыхъ составителей нѣмецкихъ грамматикъ и состоящаго въ томъ, что послѣдніе допускаютъ въ своихъ учебникахъ „мало наглядное группированіе грамматическаго матеріала, хитрыя выраженія и особенно трудные обороты въ объясненіи грамматическихъ правилъ", то мы совершенно согласны съ г. Бонвечемъ и не можемъ не признать такого упрека вполнѣ справедливымъ. Дѣйствительно, число тѣхъ нѣмецкихъ учебниковъ, въ которыхъ весь предлагаемый матеріалъ изложенъ коротко, просто и ясно,—очень невелико. Большинство изъ нихъ вполнѣ заслуживаютъ вышеприведеннаго упрека г. Бонвеча. Къ сожалѣнію, къ числу такихъ учебниковъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, принадлежитъ и нынѣ разбираемая нѣмецкая грамматика, составленная г. Бонвечемъ.

Въ слѣдующемъ приводятся примѣры сказаннаго нами.

Прежде всего мы не можемъ признать цѣлесообразнымъ пріема г. Бонвеча, по которому онъ, при изложеніи грамматическихъ правилъ, почти къ каждому нѣмецкому слову, подъ чертой, даетъ русское его значеніе. Эти безпрерывныя выноски отвлекаютъ вниманіе ученика отъ содержанія текста и значительно затрудняютъ его работу. При этомъ, благодаря указанному пріему, авторъ нерѣдко допускаетъ весьма грубыя ошибки. Такъ, напримѣръ, на 1-й же страницѣ текста (стр. 4) въ 4-й строкѣ мы читаемъ: „Es giebt folgende Arten

von Hauptsätzen", и къ слову *von*, подъ чертой, даны предлоги *отъ* *изъ*, такъ что, по требованію г. Бонвеча, русскій ученикъ выше данное нѣмецкое предложеніе долженъ перевести такъ: есть слѣдующіе роды *отъ* (или *изъ*) главныхъ предложеній.

Крайне непріятно, если въ грамматикѣ, желающей избѣжать всѣхъ недостатковъ прежде нея изданныхъ нѣмецкихъ учебниковъ, на первой же страницѣ встрѣчается такая непростительная ошибка.

Однако, это не единственное мѣсто на первой же страницѣ разбираемой книжки, заслуживающее порицанія.

Тамъ же мы читаемъ: Es giebt *den* Aussagesatz, *den* Fragesatz, *den* Ausrufungssatz и т. д. Такая редакція противорѣчитъ духу нѣмецкаго языка. Слѣдовало бы сказать: es giebt Aussagesätze, Fragesätze и т. д. Тотъ же § 1 страдаетъ еще и въ другихъ отношеніяхъ: Befehlssätze, Wunschsätze- и Aufforderungssätze (послѣдній терминъ вообще не употребителенъ въ нѣмецкой грамматикѣ) нельзя поставить въ одинъ рядъ съ Aussage- и Fragesätze, такъ какъ Wunsch- и Aufforderungssätze слѣдуетъ разсматривать, какъ подраздѣленія такъ называемыхъ Befehlssätze, — рѣчи повелительной; а признавать Ausrufugssätze какимъ-то самостоятельнымъ родомъ главныхъ предложеній совершенно ошибочно; каждое повелительное, повѣствовательное и вопросительное предложеніе можетъ быть дано въ видѣ восклицанія, т. е. въ формѣ восклицательнаго предложенія.

На той же 1-й страницѣ, при перечисленіи обстоятельственныхъ предложеній, пропущено обстоятельственное предложеніе слѣдствія, безъ всякой оговорки.

Въ § 3 (на 1-же стр.) употребляются термины: das konjugierte Prädikat и das unkonjugierte Prädikat. Термины эти почти вовсе не употребляются, такъ какъ они неполны и требуютъ еще особаго объясненія.

Въ томъ же §-ѣ и *союзы* (Konjunktionen) причисляются къ частямъ предложенія, наравнѣ съ подлежащимъ, сказуемымъ, дополненіемъ и т. д. Это не со всѣмъ правильно. Союзъ—лишь частица, соединяющая, связывающая *два* предложенія, указывающая на характеръ и значеніе придаточнаго предложенія, но не есть самъ часть ни того, ни другого предложенія.

На слѣдующей стр. (2-й текста), въ § 4-мъ, въ которомъ рѣчь идетъ о „порядкѣ словъ", даются какія-то *схемы* и *формулы*, послѣднія при помощи цифръ. Можно предполагать, что авторъ этими схемами и формулами хотѣлъ облегчить пониманіе названной статьи

нѣмецкаго синтаксиса; намъ, однако, кажется, что исполнить такое доброе намѣреніе ему не удалось и что, напротивъ, данныя имъ схемы и, особенно, формулы болѣе затемняютъ, чѣмъ выясняютъ эту, безъ того довольно трудную для русскихъ учениковъ, статью нѣмецкой грамматики. При этомъ трудность пониманія учащимися данныхъ правилъ значительно усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одно изъ нихъ, ни въ § 4, ни въ § 5, не снабжено соотвѣтствующими примѣрами. Вообще нужно сказать, что однимъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ грамматики г. Бонвеча слѣдуетъ считать полное отсутствіе надлежащихъ примѣровъ при весьма большомъ числѣ предлагаемыхъ имъ правилъ.

И редакція правилъ мѣстами страдаетъ немалой неопредѣленностью и неточностью. Такъ, на той же 2-ой стр. текста, гдѣ говорится объ употребленіи члена въ нѣмецкомъ языкѣ, сказано безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія: „im männlichen Geschlecht steht „der“ und „ein“, im weiblichen „die“ und „eine“, im sächlichen „das“ und „ein“, но въ какомъ именно падежѣ—не указано.

Въ § 8, въ которомъ дается перечень разныхъ категорій именъ существительныхъ, въ одномъ ряду перечисляются: 1) Eigennamen—собственныя имена, 2) Gattungsnamen—нарицательныя, 3) Sammelnamen—собирательныя, 4) Stoffnamen—вещественныя, 5) Abstrakte—отвлеченныя имена. Такой порядокъ, такое раздѣленіе именъ существительныхъ совершенно не логично и способно создать въ головѣ учениковъ большую путаницу, пріучая ихъ къ нелогичному мышленію.

На стр. 3-й текста (8-ой книжки), въ § 9, говорится о томъ, что имена существительныя въ нѣмецкомъ языкѣ бываютъ 3-хъ родовъ и что мужескаго рода, между прочимъ, бываютъ — односложныя коренныя слова,—„die einsilbigen Stammwörter“, однако Haus, Dach, Loch, Buch, Zeit, Luft и громадное число другихъ односложныхъ Stammwörter не бываютъ мужескаго рода. Значитъ, данное г. Бонвечемъ правило крайне неточно. Кромѣ того, въ выноскѣ № 17, подъ чертой, Stammwörter переведены черезъ слово „основы“,—но, вѣдь, основы, какъ извѣстно, никакого рода не имѣютъ.

Въ томъ же §-ѣ, въ перечнѣ словъ средняго рода, сказано: средняго рода также названія *нѣкоторыхъ* (einiger) домашнихъ животныхъ. Это опять правило весьма неточное: вѣдь говорится: *die* Kuh, *der* Ochse, *die* Ziege, *der* Hund, *die* Katze и т. д.

Такого рода правила служатъ лишь обремененіемъ памяти учениковъ и способны ввести ихъ въ заблужденіе.

Такія и подобныя погрѣшности встрѣчаются нерѣдко въ разбираемой книжкѣ и не только въ I-й ея части, этимологіи, но и во II-й части, синтаксисѣ.

Въ этой послѣдней части, въ синтаксисѣ, мы считаемъ нужнымъ еще особо указать на неясность и неточность правилъ, относящихся къ статьямъ, изложеннымъ въ §§ 9—11, Die Modus-und Zeitfolge и § 12. A. Die Hauptsätze 1. Der Aussagesatz. Въ разныхъ правилахъ, данныхъ въ этихъ статьяхъ, слишкомъ часто встрѣчается слово „meist", которое каждому правилу придаетъ слишкомъ шаткій характеръ и лишаетъ его значенія правила.

Такъ же въ §§ 11 и 12 другъ другу противопоставляются a) die direkte Rede, b) die Erzählung и c) die Beschreibung. Такое раздѣленіе нѣмецкой рѣчи совершенно произвольно и ни на чемъ, имѣющемъ научное значеніе, не основано.

Въ особомъ исправленіи нуждаются также статьи о „союзахъ" нѣмецкой рѣчи, какъ въ I части §§ 126 и 127, а во II части всѣ тѣ §§-ы, въ которыхъ рѣчь идетъ о способахъ соединенія придаточныхъ предложеній съ главнымъ, какъ-то: §§ 33—88 и другіе.

Въ послѣднихъ §§ союзами называются г. Бонвечемъ такія слова, которыхъ, оставаясь на почвѣ требованій науки, никто не рѣшается называть таковыми.

Указавъ въ предыдущемъ на разные недостатки грамматики г. Бонвеча, мы считаемъ справедливымъ здѣсь сказать, что она, тѣмъ не менѣе, обладаетъ и нѣкоторыми немалыми достоинствами. Къ послѣднимъ, главнымъ образомъ, принадлежитъ краткость изложенія грамматическаго матеріала, а также ясность и точность большей части помѣщенныхъ въ ней таблицъ склоненій и спряженій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

АЛЕКСАНДРЪ ОНУФРІЕВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

(† 9-го ноября 1901 года).

(НЕКРОЛОГЪ).

9-го ноября прошлаго года наука понесла незамѣнимую потерю— въ $6^1/_2$ ч. вечера умеръ Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій, имя котораго извѣстно біологамъ всего ученаго міра. Онъ родился 7-го ноября 1840 г. въ имѣніи Ворково, Витебской губерніи, и первоначальное воспитаніе получилъ дома, а затѣмъ, 16-лѣтнимъ юношей поступилъ въ Корпусъ Инженеровъ Путей Сообщенія. Но военный режимъ и практическое направленіе этого спеціальнаго учебнаго заведенія пришлись не по душѣ А. О. Ковалевскому. Вслѣдствіе этого, пробывъ въ корпусѣ всего 3 года, онъ ушелъ изъ 5-го класса и записался въ число студентовъ С.-Петербургскаго университета, по естественному разряду физико-математическаго факультета, куда привлекали его лекціи выдающихся въ то время біологовъ Ценковскаго и Куторги. Перешедши на второй курсъ, А. О. Ковалевскій оставилъ Петербургскій университетъ и уѣхалъ за границу, сначала въ Гейдельбергъ, гдѣ онъ занимался у Бунзена, Каріуса и Бронна, а потомъ работалъ въ лабораторіяхъ Лейдига, Моля и Лушки въ Тюбингенѣ. Почти два года, проведенные имъ за границей, не прошли даромъ: А. О. Ковалевскій, занимаясь у первоклассныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, въ то же время готовился къ выпускнымъ экзаменамъ и въ 1862 г. выдержалъ окончательное ис-

пытаніе на степень кандидата естественныхъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Вскорѣ молодой ученый опять уѣхалъ за границу, гдѣ онъ съ увлеченіемъ занялся рѣшеніемъ весьма труднаго эмбріологическаго вопроса о развитіи зародышевыхъ листковъ у низшихъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ животныхъ; только съ выясненіемъ этого вопроса могъ быть пролитъ свѣтъ на происхожденіе зародышевыхъ листковъ, въ особенности средняго, у высшихъ позвоночныхъ. Тудность задачи не смутила А. О. Ковалевскаго: цѣлымъ рядомъ работъ надъ развитіемъ червей, моллюсковъ и артроподъ, въ особенности надъ развитіемъ сагитты и одного изъ низшихъ представителей позвоночныхъ—ланцетника (Amphioxus lanceolatus), онъ блестящимъ образомъ рѣшилъ трудную задачу и пріобрѣлъ себѣ всемірную извѣстность. Имя его стало наряду съ именами Гексли, Геккеля, А. Агасиза и другихъ корифеевъ науки. Выдержавъ предварительно испытаніе на степень магистра зоологіи, А. О. Ковалевскій представилъ въ 1865 г. свою работу „Исторія развитія ланцетника" въ физикоматематическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, въ качествѣ магистерской диссертаціи. Послѣ защиты послѣдней, онъ занялъ мѣсто хранителя Зоологическаго кабинета С.-Петербургскаго университета и, получивъ званіе доцента, сталъ читать съ 1866 по 1867 г. курсъ сравнительной анатоміи, а вскорѣ затѣмъ (въ 1867 г.) защитилъ докторскую диссертацію „Анатомія и исторія развитія Phoronis", напечатанную имъ въ приложеніи къ XI тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ. Къ педагогической дѣятельности, отнимающей много времени, А. О. Ковалевскій не чувствовалъ особеннаго влеченія; его гораздо больше занимали чисто научные вопросы и изслѣдованія, почему уже въ 1868 г. онъ выхлопоталъ себѣ заграничную командировку, хотя не воспользовался послѣднею, такъ какъ въ томъ же году былъ избранъ профессоромъ зоологіи въ Казанскомъ университетѣ. Въ Казани А. О. Ковалевскій былъ лишь кратковременнымъ гостемъ и уже въ 1869 г. перешелъ въ университетъ Св. Владиміра, гдѣ онъ читалъ не только общій курсъ зоологіи, но и частные курсы о лучистыхъ и моллюскахъ и, въ то же время, велъ практическія занятія со студентами. Будучи профессоромъ означеннаго университета, А. О. Ковалевскій въ 1870 года предпринялъ экскурсію на Красное море и, черезъ два года, въ Алжиръ, во время которыхъ онъ собралъ богатый матеріалъ для своихъ научныхъ изслѣдованій, главнымъ образомъ, по развитію руконогихъ. Въ 1873 г. А. О. Ковалевскій перешелъ профессоромъ въ Новороссійскій университетъ, куда его уже давно привлекали близость

моря и возможность имѣть подъ руками матеріалъ, необходимый для изслѣдованій. Въ Одессѣ онъ провелъ бо́льшую часть своей научной и педагогической дѣятельности, часто предпринимая оттуда экскурсіи съ научною цѣлью, и занималъ даже одно время административный постъ проректора Новороссійскаго университета. Здѣсь А. О. Ковалевскій написалъ много выдающихся работъ по эмбріологіи и физіологіи низшихъ животныхъ и особенно близко сошелся съ сотоварищемъ по работамъ—зоологомъ Мечниковымъ. Съ этихъ поръ узы дружбы все тѣснѣе и тѣснѣе связывали двухъ великихъ русскихъ ученыхъ, отдавшихъ всю свою жизнь служенію наукѣ и истинѣ. Съ переходомъ Мечникова въ Парижъ, въ Пастеровскій институтъ, дружескія отношенія между нимъ и А. О. Ковалевскимъ не прекращались и сохранились вплоть до преждевременной смерти послѣдняго. Въ 1890 г. А. О. Ковалевскій былъ назначенъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета на каѳедру анатоміи и гистологіи, вмѣсто академика Овсянникова, и въ то же время былъ избранъ въ академики Импер. Академіи Наукъ. Черезъ три года, получивъ званіе заслуженнаго профессора, онъ оставилъ университетъ и посвятилъ себя исключительно чисто научной дѣятельности. Цѣлые дни, съ утра до вечера, проводилъ А. О. Ковалевскій въ лабораторіи, или работалъ у себя дома, гдѣ имъ была устроена маленькая лабораторія, а результаты его дѣятельности вносили въ сокровищницу науки все новые и новые цѣнные вклады и увеличивали славу этого неутомимаго изслѣдователя. Смѣло можно сказать, что не было такого ученаго общества или учрежденія въ Россіи и заграницей, которое не считало бы А. О. Ковалевскаго въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ. Онъ состоялъ членомъ Моденскаго Общества Натуралистовъ, Лондонскаго Королевскаго Общества, членомъ-корреспондентомъ Туринской Академіи Наукъ и пр. и пр. Германія присудила ему высшую награду, какая выдается за научныя заслуги,—орденъ „pour la mérite".

Послѣдніе годы жизни А. О. Ковалевскаго были годами особенно лихорадочной его дѣятельности: онъ постоянно ѣздилъ на экскурсіи и неутомимо работалъ, какъ будто предчувствуя близкую разлуку съ любимымъ дѣтищемъ, которому онъ отдалъ беззавѣтно всю свою жизнь.

Мы очертили лишь въ общихъ штрихахъ ученую дѣятельность Александра Онуфріевича. Но для того, чтобы возстановить передъ собою полный образъ ученаго, недостаточно лишь одного знакомства съ его научною дѣятельностью, мало знать цѣнность и значеніе его тру-

довъ для науки; необходимо еще проникнуть въ ту сферу дѣятельности ученаго, въ которой обрисовывается его нравственный обликъ. Лишь гармоничное сочетаніе въ немъ двухъ сторонъ его жизни—какъ ученаго и какъ человѣка — по моему мнѣнію, можетъ создать одно высоко-идеальное и симпатичное цѣлое.

Въ А. О. Ковалевскомъ мы находимъ счастливое сочетаніе того и другого—научныя его заслуги извѣстны всему ученому міру, а свѣтлый нравственный образъ его ярко рисуется передъ глазами тѣхъ, кто былъ знакомъ съ нимъ ближе. Я попытаюсь теперь, основываясь больше на своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ, воскресить нравственную сторону жизни А. О. Ковалевскаго.

Прежде всего мнѣ приходитъ на память впечатлѣніе, вынесенное мною при первомъ свиданіи съ А. О. Ковалевскимъ. Зная его великія научныя заслуги и занимаемое имъ высокое положеніе, я предполагалъ встрѣтить въ немъ тотъ обычный типъ ученаго, который нѣсколько свысока и покровительственно относится къ своимъ собратіямъ по оружію, даетъ имъ чувствовать въ болѣе или менѣе деликатной формѣ свое превосходство надъ ними, однимъ словомъ—человѣка, знающаго, какъ говорится, себѣ цѣну. Поэтому, входя въ кабинетъ А. О. Ковалевскаго, я испытывалъ непріятное, даже жуткое чувство. Но всѣ мои опасенія и созданный мною образъ А. О. Ковалевскаго быстро разсѣялись: ко мнѣ на встрѣчу вышелъ человѣкъ, очень скромно одѣтый, котораго простота въ обращеніи, привѣтливость, задушевность въ разговорѣ и замѣчательная скромность невольно поразили и плѣнили меня. Мнѣ казалось, что я уже давнымъ давно знакомъ съ нимъ: столько сердечной доброты и теплаго участія проглядывало въ каждомъ его словѣ, въ каждой фразѣ. Передо мною былъ не ученый академикъ, а человѣкъ, сердце котораго осталось еще юнымъ и чистымъ, не утратившимъ способности отзываться на все хорошее и свободнымъ отъ той пошлости и грязи, какія весьма часто оставляетъ на немъ повседневная жизнь. Но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ было нѣчто чарующее, что невольно вселяло во мнѣ чувство глубокаго уваженія, скажу болѣе, благоговѣнія передъ этой простой и привлекательной личностью. Лишь впослѣдствіи, познакомившись ближе съ нимъ, я понялъ причину, вызвавшую во мнѣ это чувство. А. О. Ковалевскій былъ чуждъ тѣхъ мелочныхъ расчетовъ, дрязгъ, желанія достигнуть всякихъ личныхъ благъ, удовлетворить своему самолюбію и тщеславію, — недостатковъ, которые такъ часто встрѣ-

чаются даже у выдающихся ученыхъ и затемняютъ ихъ научную славу, научныя заслуги.

Несмотря на громадный научный авторитетъ, какимъ пользовался А. О. Ковалевскій, онъ тѣмъ не менѣе какъ будто не сознавалъ этого и поражалъ каждаго своею замѣчательною скромностью и деликатностью, боязнью оскорбить чѣмъ бы то ни было человѣка. Мнѣ почти не приходилось слышать, чтобы онъ отзывался о комъ-либо дурно или рѣзко осуждалъ людей, которые завѣдомо причинили ему немало непріятностей, нарушили временно покой его чистой, незлобивой души.

Онъ былъ всецѣло преданъ наукѣ, любилъ ее всѣми силами своей души, ради нея готовъ былъ принести какія угодно жертвы, видѣлъ въ ней всю цѣль своей жизни и, смѣло можно сказать, жилъ ею и для нея. Заинтересовавшись какимъ-либо научнымъ вопросомъ, А. О. Ковалевскій забывалъ обо всемъ окружающемъ, неутомимо работалъ, добивался истины, не щадя своихъ силъ и здоровья, и успокаивался на время лишь тогда, когда достигалъ цѣли своихъ стремленій. Затѣмъ новый какой-либо научный вопросъ опять увлекалъ А. О. Ковалевскаго, онъ снова весь отдавался научнымъ изслѣдованіямъ, съ новой энергіей принимался за работу и такъ прожилъ всю свою жизнь, посвятивъ себя беззавѣтно служенію наукѣ и истинѣ.

Но будучи человѣкомъ до застѣнчивости скромнымъ, деликатнымъ и въ высшей степени снисходительнымъ къ людскимъ слабостямъ и недостаткамъ, боясь быть несправедливымъ и оскорбить кого бы то ни было, даже простого служителя, А. О. Ковалевскій становился инымъ, разъ только ему приходилось выступать на защиту научныхъ интересовъ, въ смыслѣ ли устройства лабораторіи, снаряженія научной экспедиціи, или же приглашенія на профессорскія или академическія каѳедры достойныхъ, по его мнѣнію, научныхъ силъ. Тутъ онъ проявлялъ, какъ и въ научныхъ изслѣдованіяхъ, замѣчательную настойчивость, не жалѣлъ затраты труда и времени и даже ссорился, насколько, конечно, могъ вообще ссориться А. О. Ковалевскій, съ людьми, въ которыхъ видѣлъ противниковъ науки, нежеланіе помочь ему въ извѣстномъ хорошемъ научномъ дѣлѣ, или когда замѣчалъ, что подъ личиной науки скрывались личные интересы, не имѣющіе ничего общаго съ наукой. Въ послѣдніе годы А. О. Ковалевскаго увлекала мысль устроить въ Севастополѣ біологическую станцію, въ которой могли бы найти себѣ пріютъ и все необходимое для науч-

ныхъ изслѣдованій зоологи, желающіе познакомиться съ фауной Чернаго моря. Но для осуществленія этой мысли необходимо было достать средства и затратить не мало труда и времени. Однако, предстоящія затрудненія въ дѣлѣ устройства станціи не остановили А. О. Ковалевскаго: онъ съ замѣчательною настойчивостью хлопоталъ всюду, гдѣ только могъ, передъ Академіей Наукъ, у частныхъ лицъ, о суммахъ, нужныхъ на постройку станціи. Хлопоты его въ концѣ концовъ увѣнчались успѣхомъ: городъ Севастополь отвелъ подъ станцію лучшее мѣсто на Приморскомъ бульварѣ, а частныя лица, сочувствующія мысли А. О. Ковалевскаго, и отчасти министерство народнаго просвѣщенія дали средства на постройку зданія и устройство станціи. Вскорѣ на Приморскомъ бульварѣ было выстроено красивое зданіе, въ которомъ, благодаря неутомимой дѣятельности и заботамъ А. О. Ковалевскаго, было приспособлено все необходимое для научной работы.

Далѣе, желая устроить и обставить лучше при Академіи Наукъ зоологическую лабораторію, онъ затратилъ немало трудовъ и испортилъ себѣ много крови, прежде чѣмъ, наконецъ, ему удалось выхлопотать въ зданіи Академіи необходимое подъ лабораторію помѣщеніе и приспособить его для занятій. Къ сожалѣнію, А. О. Ковалевскому не суждено было воспользоваться устроенной имъ лабораторіей — вскорѣ смерть лишила насъ этого выдающагося ученаго и рѣдкаго человѣка.

Въ частной своей жизни А. О. Ковалевскій былъ крайне простъ и не требователенъ, не любилъ никакой роскоши, даже въ смыслѣ доставленія себѣ извѣстныхъ эстетическихъ удовольствій; онъ находилъ, что все это отвлекаетъ человѣка отъ научныхъ занятій, неблагопріятно отражается на научной его дѣятельности: ученый, думалъ А. О. Ковалевскій, выше всего долженъ ставить науку и въ ней лишь одной искать высшаго наслажденія. Поэтому, ставя выше всего на свѣтѣ научные идеалы, онъ хотѣлъ, чтобы и другіе также искренно любили науку, и всегда готовъ былъ помочь словомъ и дѣломъ всякому, въ комъ только замѣчалъ хотя бы малѣйшую искру любви къ наукѣ.

Стремленіе къ почестямъ, къ разнымъ внѣшнимъ знакамъ отличія, желаніе играть извѣстную роль и, вообще, увлеченіе внѣшнимъ блескомъ, на что такъ падки многіе, были совсѣмъ незнакомы его чистой душѣ. Онъ избѣгалъ всякихъ торжествъ и всего, что только носило характеръ рекламы и унижало достоинство чистаго представителя науки. Простота въ жизни, правда, безграничная любовь къ

наукѣ, стремленіе къ познанію истины и снисходительное отношеніе къ людскимъ слабостямъ—были главными девизами въ его жизни. Эти качества въ А. О. Ковалевскомъ невольно очаровывали всякаго, привлекали къ нему сердца всѣхъ и были причиной того обаянія, которое онъ оказывалъ на людей.

А. О. Ковалевскій былъ поклонникомъ Запада и западной культуры, весьма охотно ѣздилъ за границу, въ особенности во Францію, и, благодаря своей простотѣ и задушевности, имѣлъ за границей множество друзей и поклонниковъ. Я помню самъ, въ бытность свою въ Прагѣ, какую сенсацію произвелъ пріѣздъ А. О. Ковалевскаго въ этотъ городъ, съ какимъ увлеченіемъ и любовью относились къ нему какъ чешскіе, такъ и нѣмецкіе ученые, съ какимъ восторгомъ передавали мнѣ, что къ нимъ пріѣхалъ знаменитый зоологъ, котораго въ то время я, къ стыду своему, зналъ и цѣнилъ меньше моихъ заграничныхъ собратьевъ.

Отдавая большую часть своего времени и жизни наукѣ, А. О. Ковалевскій тѣмъ не менѣе всегда готовъ былъ помочь и оказать поддержку всѣмъ угнетеннымъ и нуждающимся въ защитѣ: его любящее сердце не выносило несправедливости и гнета. Въ послѣдніе годы, насколько мнѣ извѣстно, къ нему обращалось много совсѣмъ незнакомыхъ или мало знакомыхъ ему лицъ съ просьбами узнать о судьбѣ близкихъ имъ людей, вызволить послѣднихъ изъ затруднительнаго положенія и дать возможность продолжать свое образованіе. Несчастія другихъ А. О. Ковалевскій близко принималъ къ сердцу: ѣздилъ, хлопоталъ, просилъ, отрываясь отъ собственныхъ занятій, и въ большинствѣ случаевъ добивался желаемой цѣли. Нерѣдко, узнавъ случайно о тяжеломъ положеніи знакомыхъ ему лишь по научнымъ трудамъ лицъ, А. О, Ковалевскій самъ вызывался улучшить ихъ положеніе, вырвать изъ неподходящей обстановки. Передо мною живо воскресаютъ воспоминанія изъ моего прошлаго, когда я, закинутый судьбою въ далекую Сибирь, въ Томскій университетъ, всѣми силами своей души стремился вырваться изъ тяжелой для меня обстановки и оставить мѣсто своего добровольнаго заточенія. Теплое участіе ко мнѣ А. О. Ковалевскаго и еще одного изъ нашихъ выдающихся ученыхъ — покойнаго проф. Бабухина — ободрило, поддержало меня и дало мнѣ возможность въ концѣ концовъ жить при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Семья была для А. О. Ковалевскаго второй средой, въ которой онъ чувствовалъ себя такъ же хорошо и свободно, какъ и въ об-

ласти науки. Онъ былъ безгранично преданъ семьѣ, любилъ дѣтей и старался вселить въ нихъ такую же любовь къ наукѣ, какая всецѣло поглощала и самого А. О. Ковалевскаго. Но гармонія между этими чувствами — любовью къ семьѣ и наукѣ—иногда нарушалась: то одно, то другое одерживало перевѣсъ, при чемъ временами страсть къ наукѣ побѣждала любовь его къ семьѣ. Когда заболѣлъ горячо любимый имъ сынъ и, послѣ сдѣланной ему операціи, находился на волосокъ отъ смерти, А. О. Ковалевскій былъ самъ не свой, ужасно страдалъ и волновался, но стоило ему лишь засѣсть за микроскопъ и приняться за изученіе піявокъ, надъ которыми онъ работалъ въ то время, и онъ позабывалъ тогда все, всю тяжесть грозившаго ему горя: любовь къ наукѣ этого замѣчательнаго человѣка на время парализовала любовь къ единственному сыну.

Нашъ извѣстный юристъ Кони говоритъ въ своей біографіи великаго врача-гуманиста Гааза: «Мы мало умѣемъ поддерживать сочувствіемъ и уваженіемъ тѣхъ немногихъ дѣйствительно замѣчательныхъ дѣятелей, на которыхъ такъ скупа наша судьба. Мы смотримъ обыкновенно на ихъ усилія, трудъ и самоотверженіе съ безучастнымъ и лѣнивымъ любопытствомъ, „съ зловѣщимъ тактомъ, какъ выразился Некрасовъ, — сторожа ихъ неудачу". Но когда такой человѣкъ внезапно сойдетъ со сцены, въ насъ вдругъ пробуждается чувствительность, проснувшаяся память ясно рисуетъ и пользу, принесенную усопшимъ, и его душевную красоту,—мы плачемъ поспѣшными, хотя и запоздалыми слезами, въ безплодномъ усердіи несемъ ненужные вѣнки... Каждое слово наше проникнуто чувствомъ нравственной осиротѣлости. Однако, все это скоро, очень скоро проходитъ. Скорбь наша менѣе долговѣчна, чѣмъ башмаки матери Гамлета. На смѣну ея являются равнодушіе и, затѣмъ, забвеніе. Чрезъ годъ — другой, горячо оплакиваемый дѣятель забытъ, забытъ совершенно и прочно, и лишь въ немногія молчаливыя сердца память о немъ, „какъ нищій въ дверь — стучится боязливо". Затѣмъ и обладатели этихъ сердецъ уходятъ, и имя, которое должно бы служить ободряющимъ и поучительнымъ примѣромъ для каждаго новаго поколѣнія, уже произносится съ вопросительнымъ недоумѣніемъ: „какъ? кто это такой?" У насъ нѣтъ вчерашняго дня. Оттого и нашъ завтрашній день всегда такъ туманенъ и тусклъ. Поэтому и смерть выдающагося общественнаго или государственнаго дѣятеля напоминаетъ у насъ паденіе человѣка въ море. Шумъ, пѣна, высокія брызги воды, широкіе, волнующіеся круги.... а затѣмъ все сомкнулось, слилось въ одну безфор-

менную, одноцвѣтную, сѣрую массу, подъ которою все скрыто, все забыто»...

Однако я твердо убѣжденъ въ томъ, что образъ А. О. Ковалевскаго не сотретъ все уничтожающая рука времени, что физическая смерть лишь удалила его отъ насъ, но не уничтожила и не уничтожитъ памяти о немъ, а жизнь этого человѣка будетъ служить примѣромъ намъ и нашей молодежи—какъ нужно истинно служить наукѣ.

А. Догель.

В. К. ЕРНШТЕДТЪ.

(Некрологъ).

Χαλεπὸν τὸ μετρίως εἰπεῖν... Этими словами Өукидида началъ покойный *Викторъ Карловичъ Ернштедтъ* некрологъ своего учителя К. Я. Люгебиля. Эти же слова считаю себя въ правѣ повторить и я, приступая, съ болью въ сердцѣ, къ некрологу моего незабвеннаго наставника. Смерть В. К. Ернштедта глубоко поразила и опечалила многихъ. И тяжесть понесенной утраты становится еще ощутительнѣе и больнѣе, когда вспомнишь, какой ученой силы лишилась наука, какого образцоваго руководителя утратилъ университетъ, какого прекраснаго человѣка потеряли всѣ тѣ, кто имѣлъ счастье быть въ близкихъ отношеніяхъ къ почившему. Горько подумать—смерть вырвала изъ нашей среды В. К. Ернштедта, когда ему не исполнилось еще и 48 лѣтъ. Послѣдніе 4 года В. К. Ернштедтъ часто прихварывалъ. Но какъ разъ минувшую зиму и истекшее лѣто онъ чувствовалъ себя несравненно лучше, чѣмъ ранѣе. Казалось, теченіе болѣзни приняло благопріятный поворотъ, какъ вдругъ 19-го минувшаго августа снова послѣдовало ухудшеніе, а 21-го августа, въ 9 часовъ утра, В. К. Ернштедтъ отошелъ отъ насъ въ вѣчность.

Петербуржецъ по рожденію, В. К. Ернштедтъ и первоначальное и высшее образованіе получилъ въ Петербургѣ. 17 лѣтъ отъ роду окончилъ онъ частную гимназію Видемана, директоръ которой Газенъегеръ былъ его главнымъ наставникомъ, а затѣмъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета, съ которымъ и не разставался въ теченіе всей своей жизни. Главнымъ предметомъ занятій В. К. Ернштедта въ университетѣ была класси-

ческая древность, въ частности греческая филологія. По его собственному заявленію, его главными руководителями въ избранной имъ области научныхъ занятій были К. Я. Люгебиль и Ѳ. Ѳ. Соколовъ. В. К. Ернштедтъ оказался вполнѣ достойнымъ *такихъ* учителей, и вліяніе ихъ, несомнѣнно, сказалось на всей его ученой и преподавательской дѣятельности. О К. Я. Люгебилѣ самъ покойный, въ свое время, писалъ, что „навѣрное весьма немного найдется филологовъ, которые по широтѣ научнаго кругозора, по многообразію научныхъ интересовъ могли бы съ нимъ сравниться", что „никто меньше его не былъ склоненъ къ верхоглядству, къ апріорнымъ общимъ мудрствованіямъ безъ серьезной, фактической подкладки", что „онъ до конца своей жизни продолжалъ скромно учиться и усердно пополнять пробѣлы въ своихъ познаніяхъ". Если, благодаря руководству и общенію съ К. Я. Люгебилемъ, который все же былъ филологомъ κατ' ἐξοχήν, В. К. Ернштедтъ сталъ, съ теченіемъ времени, однимъ изъ выдающихся нашихъ эллинистовъ, то лекціи, бесѣды и долголѣтнее общеніе съ Ѳ. Ѳ. Соколовымъ вселили въ покойнаго ту любовь къ античному, особенно эллинскому, міру, которую постоянно вселялъ и вселяетъ въ своихъ учениковъ Ѳ. Ѳ. Соколовъ и безъ которой самыя занятія классической древностью оставались бы лишенными всей ихъ прелести. Какъ ученикъ и послѣдователь „соколовской" школы, и В. К. Ернштедтъ былъ, въ своей области, „фактопоклонникомъ" въ лучшемъ значеніи этого слова. Кромѣ того уже съ университетской скамьи В. К. Ернштедтъ пользовался постояннымъ общеніемъ съ А. К. Наукомъ и изъ общенія этого извлекъ, какъ онъ самъ говорилъ, немалую пользу.

В. К. Ернштедтъ окончилъ университетскій курсъ, со степенью кандидата, осенью 1875 года и уже съ января 1877 года онъ былъ приглашенъ историко-филологическимъ факультетомъ читать лекціи по греческой филологіи въ качествѣ „преподавателя". Лѣтомъ 1878 г. В. К. Ернштедтъ совершилъ на частныя средства поѣздку въ Англію для сличенія нѣкоторыхъ греческихъ рукописей, а съ осени того же года поступилъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ V прогимназію (преобразованную позже въ VII гимназію). По выдержаніи магистерскаго экзамена и защитѣ диссертаціи В. К. Ернштедтъ, лѣтомъ 1880 года, былъ командированъ за границу. Два года провелъ онъ въ Греціи, живя, главнымъ образомъ, въ Аѳинахъ и занимаясь тамъ изученіемъ греческихъ надписей и памятниковъ классическаго искусства. Когда командировка была продолжена на третій годъ, В. К.

Ернштедтъ предполагалъ ѣхать въ Парижъ и Италію для занятій въ тамошнихъ библіотекахъ рукописями. Программа выполнена была, однако, на половину: по собственному признанію В. К. Ернштедта, Италія съ ея сокровищами такъ плѣнила его, что онъ остался въ ней весь годъ, изучая рукописи, преимущественно датированныя, въ библіотекахъ Рима, Неаполя, Флоренціи, Милана и Венеціи.

По возвращеніи въ Петербургъ, В. К. Ернштедтъ возобновилъ чтеніе лекцій въ университетѣ, сначала какъ приватъ-доцентъ, затѣмъ, съ 1884 года, въ качествѣ экстраординарнаго профессора. Лѣтомъ 1885 года онъ снова отправился за границу, на этотъ разъ на сѣверъ: въ Стокгольмѣ, Скуклостерѣ, Упсалѣ и особенно въ Копенгагенѣ занимался онъ изученіемъ греческихъ рукописей. Время съ 1885 по 1891 годъ В. К. Ернштедтъ провелъ надъ занятіями своей докторской диссертаціей, которую и защитилъ блестяще въ 1891 году, послѣ чего былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Чрезъ два года послѣ того Императорская Академія наукъ удостоила В. К. Ернштедта высокой чести—избранія въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, сначала въ званіи адъюнкта, затѣмъ, съ 1898 года, экстраординарнаго академика. Если прибавить, что съ 1888 по 1892 годъ В. К. Ернштедтъ былъ преподавателемъ греческаго языка въ Реформатскомъ училищѣ, то этимъ будетъ исчерпанъ его послужный списокъ. Изъ него видно, что почти вся дѣятельность В. К. Ернштедта была посвящена Петербургскому университету (отмѣтимъ еще, что, въ теченіе 8 лѣтъ, онъ былъ секретаремъ факультета). Съ нимъ онъ сжился и ему отдалъ лучшія силы. Занимая съ честью, въ теченіе почти 20 лѣтъ, каѳедру греческой филологіи, В. К. Ернштедтъ зорко оберегалъ ея интересы и заботился не только о томъ, чтобы учить своихъ слушателей, но и о томъ, чтобы внушить имъ полное уваженіе къ преподаваемому имъ предмету.

Всѣ печатныя работы В. К. Ернштедта посвящены греческой филологіи. Исключеніе составляетъ его *первая* статья *„Критическія замѣтки на Светонія“ (Журналъ Мин. Нар. Прос.* 1876, октябрь); въ ней обсуждаются 15 мѣстъ изъ „Жизни Цезарей“ Светонія, „или невѣрно понятыхъ комментаторами или нуждающихся въ какихъ-либо поправкахъ“. Интересно отмѣтить, что уже въ этой первой статьѣ, посвященной критикѣ текста, В. К. Ернштедтъ (ему тогда было всего 22 года), твердо и опредѣленно устанавливаетъ тѣ требованія, какія должны быть предъявляемы ко всякаго рода критическимъ работамъ: 1) „нужна естественная и наглядная система“ въ установленіи

рукописнаго преданія того или другого автора, 2) всякая поправка должна опираться на палеографическія данныя и 3) „не менѣе важно, согласна ли извѣстная поправка съ особенностями языка автора". Будучи, съ теченіемъ времени, признанъ выдающимися эллинистами, какъ нашими, такъ и заграничными, однимъ изъ остроумнѣйшихъ и порою блестящихъ критиковъ текстовъ древнихъ, В. К. Ернштедтъ постоянно указывалъ на лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ на то, что хорошая поправка не нуждается въ „разглагольствованіяхъ", и всегда тщательно предостерегалъ „увлекающихся" отъ ненужныхъ конъектуръ.

Еще будучи на университетской скамьѣ, В. К. Ернштедтъ, по указанію К. Я Люгебиля, приступилъ къ детальнымъ занятіямъ надъ текстомъ мелкихъ аттическихъ ораторовъ и для полученія кандидатской степени представилъ критическія замѣчанія къ тексту Антифонта, доказывающія, по отзыву К. Я. Люгебиля, „какъ трудолюбіе, такъ и, кромѣ несомнѣннаго критическаго дарованія, хорошее пониманіе самаго дѣла критики". Эти замѣчанія были напечатаны потомъ въ пересмотрѣнномъ видѣ, подъ заглавіемъ *Observationes Antiphonteae* въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* 1878 (іюль). Пребываніе въ Англіи лѣтомъ 1878 года дало возможность В. К. Ернштедту тщательно сличить двѣ главныя рукописи мелкихъ ораторовъ, и эта работа была положена имъ, какъ главная основа, въ его магистерскую диссертацію *Объ основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга* (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1879, апрѣль и май, и отдѣльно). Здѣсь не только разбирается и опредѣляется взаимное отношеніе двухъ главныхъ списковъ мелкихъ ораторовъ, но указывается также и отношеніе другихъ извѣстныхъ списковъ, какъ другъ къ другу, такъ и къ двумъ основнымъ рукописямъ. На основаніи результатовъ своихъ разысканій, В. К. Ернштедтъ издалъ въ 1880 году *Antiphontis orationes* (*Записки Ист.-Фил. факультета С.-Пб. универ.*, т. V, вып. 2), съ критическимъ аппаратомъ и съ „praefatio", гдѣ сообщилъ въ весьма сжатомъ, сравнительно сокращенномъ и измѣненномъ видѣ содержаніе своего изслѣдованія. Объ этомъ изданіи рѣчей Антифонта К. Я. Люгебиль написалъ подробную рецензію (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1880, ноябрь — декабрь, 1881, февраль). Вотъ заключительныя слова этой рецензіи: „Авторъ ревностно доискивался истины, но когда, несмотря на всѣ старанія, не могъ дойти до нея, то успокаивался той мыслью, что, можетъ быть, другой кто-нибудь будетъ счастливѣе его. Онъ всегда ставилъ себя лишь звеномъ

въ числѣ лицъ, работающихъ надъ такимъ же или подобнымъ трудомъ. Вотъ почему въ его трудѣ я не замѣчалъ натяжекъ, которыми прикрываются затрудненія, представляемыя выясненію дѣла въ томъ или другомъ вопросѣ; напротивъ того, въ предисловіи онъ всегда самъ указываетъ на препятствія, мѣшающія понимать дѣло такъ или иначе. Онъ отнюдь не полагаетъ, что послѣ него ничего не останется дѣлать для пониманія или исправленія текста Антифонта, онъ желалъ своимъ изданіемъ посильно облегчить читателямъ трудъ изданія этого оратора". Кому знакома anima candida К. Я. Люгебиля, тотъ не заподозритъ его въ пристрастіи къ своему ученику. Въ приведенныхъ словахъ К. Я. Люгебиля прекрасно подмѣчена, между прочимъ, отличительная особенность всѣхъ трудовъ В. К. Ернштедта: это удивительная скромность, стремленіе скорѣе умалить, чѣмъ возвеличить свои заслуги, скорѣе не договорить, чѣмъ переговорить. А возгордиться своими заслугами по изданію рѣчей Антифонта В. К. Ернштедтъ, если бы пожелалъ, имѣлъ полное право: напомню, что знаменитый голландскій критикъ Кобетъ такъ отозвался о работѣ В. К. Ернштедта: „онъ представилъ въ своемъ изданіи любителямъ аттическихъ ораторовъ новое пособіе для изученія Антифонта, *лучше и полезнѣе котораго, по моему мнѣнію, нельзя было бы и желать*" (*Mnemosyne*, V, 269 сл.).

К. Я. Люгебилю не суждено было дожить до появленія докторской диссертаціи своего ученика. Она носитъ заглавіе *Порфиріевскіе отрывки изъ Аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды* (*Зап. Ист. Филол. фак. С.-Пб. университета*, т. XXVI) и посвящена, главнымъ образомъ, изданію, возстановленію (на сколько оно возможно) и оцѣнкѣ „одного памятника греческой литературы, хотя небольшого по объему, но чрезвычайно любопытнаго и, въ своемъ родѣ, важнаго", именно отрывковъ Менандра, сохранившихся на лоскуткахъ пергамена и вывезенныхъ, въ свое время, изъ Египта Тишендорфомъ. Отрывки эти изданы были въ 1876 году, по копіи Тишендорфа, Кобетомъ. Затѣмъ рукопись эта затерялась, и честь вторичнаго открытія ея, среди рукописей, поступившихъ въ Императорскую Публичную библіотеку отъ епископа Порфирія Успенскаго, принадлежитъ В. К. Ернштедту, который не только нашелъ рукопись, но и прочелъ въ ней вдвое больше того, что могъ прочесть и списать Тишендорфъ.

Указанная работа В. К. Ернштедта нашла себѣ блестящую оцѣнку въ отзывѣ о ней П. В. Никитина, напечатанномъ въ „Приложеніяхъ"

къ протоколамъ засѣданій совѣта С.-Петербургскаго университета за 1891 годъ (№ 44). Мнѣ не остается ничего лучшаго, какъ повторить вкратцѣ то, что писалъ П. В. Никитинъ о сочиненіи своего покойнаго коллеги. „Одна часть матеріала въ его работѣ, говоритъ П. В. Никитинъ, совершенно новая, другая до нѣкоторой степени извѣстна была и прежде. Трудно сказать, гдѣ успѣхъ его изслѣдованія полнѣе и гдѣ заслуга больше, тамъ ли, гдѣ онъ обрабатываетъ матеріалъ, впервые имъ же добытый, или тамъ, гдѣ исправляетъ работу своихъ предшественниковъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ вступаетъ въ состязаніе съ самыми сильными представителями нашей науки и съ честью выходитъ изъ этого состязанія. Онъ начинаетъ свою диссертацію исторіей издаваемой рукописи; далѣе идетъ обстоятельнѣйшее палеографическое ея описаніе, а по этому поводу сообщается немало новыхъ и вѣскихъ соображеній о подробностяхъ того устройства, какое имѣли у грековъ ихъ изданія текстовъ драматическихъ и діалогическихъ. Въ самомъ изданіи „Отрывковъ“ В. К. Ернштедтъ не ограничивается перепечаткой тѣхъ начертаній, какія прочиталъ въ рукописи, но старается восполнить ихъ многочисленные пробѣлы и съ самой обстоятельной полнотою комментируетъ возстановляемые тексты. Мы намѣтили только самые крупные отдѣлы диссертаціи, но, тщательно разрабатывая каждый изъ этихъ отдѣловъ, подвергая каждый представляющійся на пути изслѣдованія вопросъ самому внимательному и всестороннему обсужденію, В. К. Ернштедтъ успѣваетъ дать множество отдѣльныхъ цѣнныхъ замѣчаній, касающихся то греческой палеографіи и исторіи книжнаго дѣла грековъ и римлянъ, то исторіи греческой литературы, то словоупотребленія, синтаксиса или морфологіи греческаго языка. Тамъ и сямъ искрятся блестящія поправки къ поврежденнымъ текстамъ различныхъ греческихъ писателей. Но главною заслугой диссертаціи все же остается изданіе „Порфирьевскихъ отрывковъ изъ Аттической комедіи“. Только при выдающейся критической проницательности, при очень точномъ знаніи свойствъ литературнаго вида и эпохи, которымъ принадлежатъ издаваемые тексты, и при мастерскомъ умѣньѣ распоряжаться средствами греческой рѣчи, могла быть такъ успѣшно выполнена эта трудная задача... Отъ нѣкоторыхъ стиховъ (издаваемыхъ отрывковъ) осталась, можно сказать, одна только тѣнь.. Ни передъ чѣмъ не останавливающаяся пытливость ученаго заставила заговорить и эту тѣнь... Любитель критическаго искусства не можетъ не восхищаться, видя, какъ, благодаря догадливости, умѣнью и учености критика, оживаютъ эти мертвыя кости, эти

безсмысленные отрывки словъ, какъ они превращаются въ цѣлый рядъ стиховъ, выражающихъ полную и довольно сложную мысль".

Тѣ характерныя черты, которыми отличаются, по сужденію нашихъ лучшихъ эллинистовъ, обѣ диссертаціи В. К. Ернштедта, присущи и остальнымъ его, болѣе мелкимъ по объему, но столь же важнымъ по содержанію работамъ. Литературное наслѣдіе, оставленное В. К. Ернштедтомъ, не поражаетъ своею огромностью, но, можно быть смѣло въ этомъ увѣреннымъ, то, что имъ напечатано, далеко не имѣло, не имѣетъ и не будетъ имѣть преходящаго интереса, и едва ли найдутся въ его сочиненіяхъ такія строки, тѣмъ менѣе страницы, которыя, съ теченіемъ времени, утратятъ свое значеніе. В. К. Ернштедтъ, повидимому, усвоилъ себѣ обычай пускать въ печать только то́, что ему казалось достойнымъ, что имъ было продумано и обслѣдовано до послѣднихъ мелочей. Ничего „лишняго" въ его работахъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, читатель не найдетъ. Манера его изложенія отличается удивительною краткостью; но эта краткость никогда не влечетъ за собой ущерба въ отношеніи какъ внутренняго содержанія, такъ и внѣшней формы. Писалъ В. К. Ернштедтъ даже о предметахъ сухихъ и, на первый взглядъ, скучныхъ въ высокой степени живо и увлекательно.

Бо́льшая часть статей В. К. Ернштедта посвящена критикѣ текста и толкованію различныхъ греческихъ авторовъ, какъ поэтовъ, такъ и прозаиковъ. Таковы его *Замѣтки къ Anacreontea* (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1896, ноябрь и декабрь), обѣщаннаго продолженія которыхъ такъ, къ сожалѣнію, и не появилось; поправки *къ XVII, 72 стиху Вакхилида* (тамъ же, 1898, май), *къ Электрѣ Еврипида* (тамъ же, 1886, іюнь), гдѣ стихи 333—335, какъ недостойные Еврипида, подвергаются аѳетезѣ; его поправка къ *Ресу Еврипида* (ст. 855, тамъ же, февраль, 1897); замѣчанія къ схоліямъ на ст. 1010 „Троянокъ" Еврипида (*Никита*. Тамъ же, 1894, октябрь); поправки къ Antiatticista Bekkeri (Anecdota 85, 24) и къ Etymol. magn. подъ словомъ στατήρ („*Промиѳіи" въ сицилійской комедіи*, тамъ же, 1902, январь) съ разъясненіемъ того, что такое представляли промиѳіи; поправки къ „Лягушкамъ" Аристофана ст. 1076 (*Къ Аристофану*, тамъ же 1891, октябрь), къ отрывку 419 Менандра (*Къ Менандру*, тамъ же, 1892, апрѣль), къ рѣчи Ликурга противъ Леократа §§ 6, 46, 93 (*Къ Ликургу* тамъ же, 1893, мартъ), къ *Риторикѣ Аристотеля* III, 9 (тамъ же, 1895 февраль). Три статьи В. К. Ернштедта посвящены критикѣ и объясненію Ѳукидида: *къ Ѳукидиду* III, 39 (*Журналъ*

Мин. Нар. Просв. 1884, іюнь); ΑΜΥΔΡΟΙΣ ΓΡΑΜΜΑΣΙ (Θукид. VI, 54, тамъ же, 1894, декабрь) и Ἀκοῆς Κρείσσων (Θукид. II, 41, 3), въ „Commentationes Philologicae" въ честь И. В. Помяловскаго (С.-Пб. 1897). Въ „Στέφανος" въ честь Θ. Θ. Соколова (С.Пб. 1895) В. К. Ернштедтъ помѣстилъ очень интересную статью подъ заглавіемъ *Перемѣна декораціи въ „Θесмофоріазусахъ" Аристофана,* гдѣ подвергаются обсужденію ст. 265 сл. комедіи и даются крайне цѣнныя замѣчанія относительно т. н. парэпиграфовъ. Къ разряду же статей, посвященныхъ критикѣ текстовъ, должны быть отнесены его замѣтки къ нѣкоторымъ греческимъ надписямъ, происходящимъ изъ юга Россіи: *Къ надгробію Идаменея (Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1891, апрѣль); *Къ надгробію Инанвы, дочери Главкія* (тамъ же, 1892, сентябрь); *Къ присягѣ херсонисцевъ* (тамъ же, 1892, октябрь); *Объ одной воспорской эпиграммѣ* (тамъ же, 1892, ноябрь). Двѣ статьи В. К. Ернштедта имѣютъ своимъ предметомъ изданіе и объясненіе эпиграфическихъ памятниковъ (*Одна изъ вновь найденныхъ аѳинскихъ надписей* [вмѣстѣ съ В. В. Латышевымъ]. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1880, ноябрь, и Παίδωσι [по поводу олимпійскихъ надписей], тамъ же, 1884, іюль). Наконецъ, одна статья, написанная В. К. Ернштедтомъ во время пребыванія въ Греціи, посвящена выясненію различныхъ вопросовъ, связанныхъ со сраженіемъ при Саламинѣ (*Саламинская битва. Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1882, мартъ).

Будучи однимъ изъ первыхъ — если не первымъ — и лучшихъ знатоковъ въ Россіи греческой палеографіи, В. К. Ернштедтъ посвятилъ немало работъ изданію греческихъ текстовъ, классическихъ и византійскихъ. Его статья *Греческая рукопись контскаго письма* (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1884, май) представляетъ изданіе отрывковъ „Андромахи" Еврипида по рукописи Императорской Публичной библіотеки съ палеографическими замѣчаніями по поводу рукописи и съ перечисленіемъ извѣстныхъ тогда рукописей контскаго письма. Въ статьѣ *Изъ Порфиріевской псалтири 862 года* (тамъ же, 1884, ноябрь; перепечатано въ видѣ „приложенія" въ докторской диссертаціи) В. К. Ернштедтъ издалъ одно изъ т. н. carmina figurata—гимнъ во славу воскресшаго Христа Спасителя съ его прозаической парафразой. Въ 1896 г. В. К. Ернштедтъ, вмѣстѣ съ В. Г. Васильевскимъ, издалъ *Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus* (*Зап. Ист. Филол. факул. СПб. университета,* т. XXXVIII) по рукописи Московской Синодальной библіотеки 436, со введеніемъ о самой рукописи, ея содержаніи и языкѣ писателей изданныхъ трактатовъ. По-

слѣднее время В. К. Ернштедтъ интересовался и греческими папирусами. Какъ мнѣ извѣстно, онъ предполагалъ издать папирусы литературнаго содержанія, хранящіеся въ Императорской Публичной библіотекѣ и въ собраніи В. С. Голенищева. Къ великому сожалѣнію, предположеніе это осталось не осуществленнымъ, и лишь одна статья подъ заглавіемъ *Вѣщій папирусъ* (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1901, октябрь=Commentationes Nikitinianae, СПб. 1901), представляющая изданіе и объясненіе папируса № 13 Публичной библіотеки, содержащаго „отрывокъ описи, инвентарь бумагъ, дѣловыхъ бумагъ въ перемѣшку съ литературными произведеніями", свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ области папирологіи В. К. Ернштедтъ поработалъ бы съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ работалъ онъ надъ чтеніемъ и изученіемъ рукописей вообще. Упомянемъ также, что В. К. Ернштедтомъ былъ составленъ *Списокъ датированныхъ греческихъ рукописей Порфиріевскаго собранія* (СПб. 1885, изъ „Отчета Имп. Публ. библ. за 1883 г.") и описана *Греческая рукопись „Болгарскаго книжевнаго Дружества" № 6* во II томѣ *„Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ"* (Одесса, 1897).

Послѣдняя печатная работа В. К. Ернштедта *„Реченія Эзопа" въ Москвѣ и Дрезденѣ* (*Виз. Врем.* VIII т.) заключаетъ изданіе съ комментаріемъ нѣсколькихъ греческихъ пословицъ съ метрическими толкованіями. Еще и ранѣе покойный интересовался греческими пословицами и издалъ съ комментаріемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ статьѣ *Забытыя греческія пословицы* (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1893, апрѣль и май, ср. также *Къ мірскимъ комедіямъ Эзопа*, тамъ же 1894, мартъ) по двумъ спискамъ, Московскому Синод. библ. 298 и Мюнхенскому 525. Въ своей послѣдней статьѣ В. К. Ернштедтъ издаетъ пословицы, хранящіяся въ Дрезденской рукописи Da 35, представляющей, какъ доказываетъ онъ, начало того сборника пословицъ, который сохранился въ рукописи Московской Синод. библ. 239 и который былъ изданъ Крумбахеромъ. Статья эта, какъ и другія работы В. К. Ернштедта по изданію нѣкоторыхъ византійскихъ текстовъ, остались, къ сожалѣнію, не доведенными до конца за его смертью.

Изъ перечня научныхъ работъ В. К. Ернштедта легко усмотрѣть, насколько широкъ былъ его ученый кругозоръ. Правда, онъ не имѣлъ склонности разбрасываться по тѣмъ или другимъ отдѣламъ избранной имъ спеціальности, еще менѣе того привлекала его популяризація научныхъ знаній, охотно предоставляемая имъ другимъ ученымъ, болѣе къ тому призваннымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы весьма неспра-

ведливо упрекать его въ односторонности. И о немъ, какъ и о К. Я. Люгебилѣ, можно сказать: philologus erat, philologici nil a se alienum putabat. И еще я хотѣлъ бы указать на двѣ отличительныхъ особенности въ трудахъ В. К. Ернштедта: 1) въ перечнѣ ихъ мы не находимъ ни одной критической статьи, хотя критикомъ чужихъ трудовъ ему неоднократно приходилось выступать на диспутахъ, но придирчивымъ критикомъ онъ въ данномъ случаѣ никогда не являлся, 2) всѣ его статьи напечатаны, за исключеніемъ одной небольшой замѣтки къ Светонію (*Hermes*, XXIV), въ русскихъ журналахъ,—обстоятельство тѣмъ болѣе примѣчательное, что нѣмецкимъ, напримѣръ, языкомъ покойный владѣлъ такъ же, какъ и русскимъ, и, при желаніи, ему ничего не стоило посылать свои замѣтки въ нѣмецкіе журналы, гдѣ онѣ, надо полагать, принимаемы были бы съ радостью. На этотъ счетъ покойный держался вполнѣ опредѣленнаго взгляда: онъ полагалъ, что обязанность русскихъ ученыхъ—писать и печатать прежде всего на ихъ родномъ языкѣ, что заграницею о лучшихъ русскихъ работахъ и такъ узнаютъ, помимо всякаго съ нашей стороны посредства. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, В. К. Ернштедтъ былъ далекъ отъ какого бы то ни было представленія о необходимости національзаціи науки въ узкомъ смыслѣ; онъ лишь, въ данномъ случаѣ, ревниво оберегалъ интересы и пріоритетъ науки той страны, къ которой принадлежалъ какъ по происхожденію и образованію, такъ и по личнымъ симпатіямъ.

Значительная часть работъ В. К. Ернштедта напечатана въ классическомъ отдѣлѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Съ журналомъ этимъ покойный былъ связанъ не только своимъ постояннымъ сотрудничествомъ, но еще и тѣмъ, что въ теченіе слишкомъ 10-ти послѣднихъ лѣтъ состоялъ завѣдующимъ отдѣломъ классической филологіи. За это время въ отдѣлѣ появилась масса статей, разнообразныхъ по содержанію, цѣнныхъ по значенію, и заслуга въ этомъ отношеніи всецѣло принадлежитъ В. К. Ернштедту, умѣвшему сплотить вокругъ себя ретивыхъ сотрудниковъ. Помогая иногда В. К. Ернштедту въ редактированіи отдѣла, считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что болѣе внимательнаго и любовнаго отношенія, какое онъ проявлялъ къ дѣлу редактированія, трудно было ожидать.

Съ 1891 года, въ теченіе трехъ лѣтъ, В. К. Ернштедтъ исправлялъ обязанности секретаря классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. О томъ, что имъ сдѣлано за время секретарства, пусть краснорѣчиво говорятъ слѣдующія

статистическія данныя: за это время отдѣленіе имѣло 17 засѣданій, въ которыхъ было доложено 32 реферата по различнымъ вопросамъ классической и византійской археологіи. Въ умѣніи привлекать референтовъ сказалась, несомнѣнно, обаятельность личности В. К. Ернштедта, которому не хотѣлось отказывать даже въ томъ случаѣ, когда иной разъ и приходилось тяжело отъ массы другихъ обязанностей. Оставивъ секретарство, В. К. Ернштедтъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, былъ членомъ совѣта отъ классическаго отдѣленія и постояннымъ (если только ему позволяло здоровье) посѣтителемъ засѣданій, на которыхъ онъ нерѣдко выступалъ и съ своими докладами.

Мнѣ надлежитъ говорить теперь о той сторонѣ дѣятельности В. К. Ернштедта, которая тѣснѣйшимъ образомъ связана съ нашимъ университетомъ и которая мнѣ, какъ его слушателю въ теченіе 4-хъ лѣтъ, близко знакома. Какъ профессоръ греческой филологіи, В. К. Ернштедтъ читалъ исторію греческой прозаической литературы, греческую палеографію, нѣкоторые отдѣлы греческой грамматики. Изъ авторовъ онъ чаще всего выбиралъ трагиковъ (особенно Еврипида), Платона („Федръ", „Пиръ"), „Поэтику" Аристотеля, Өукидида, I-ую книгу Павсанія, трактатъ псевдо-Лонгина περὶ ὕψους и др.; кромѣ того онъ руководилъ практическими занятіями по чтенію и объясненію греческихъ писателей какъ классиковъ-спеціалистовъ, такъ и студентовъ младшихъ курсовъ.

Покойный С. А. Рачинскій выразился въ одной изъ своихъ брошюръ въ такомъ духѣ: лекціи, носящія „характеръ университетскій, строго-научный", обыкновенно посѣщаются лишь немногими студентами. Если это положеніе и не можетъ быть возведено на степень аксіомы, то оно, во всякомъ случаѣ, можетъ быть, близко къ истинѣ. И В. К. Ернштедтъ не принадлежалъ къ числу профессоровъ, для которыхъ бываютъ тѣсны небольшія филологическія аудиторіи. Констатируя этотъ фактъ, я убѣжденъ въ томъ, что имъ не будетъ умалена память о покойномъ, какъ профессорѣ. Напротивъ, я твердо знаю, что В. К. Ернштедтъ никогда не стремился къ тому, чтобы сдѣлать свои лекціи болѣе многолюдными, чѣмъ это надо. Онъ былъ скорѣе профессоръ для меньшинства, чѣмъ для большинства. Послѣднему лекціи В. К. Ернштедта могли показаться скучными и неинтересными прежде всего потому, что въ лекціяхъ этихъ кромѣ дѣла, т. е. науки, ничего не сообщалось. Зато слушатели, мало-мальски интересующіеся предметомъ, посѣщали его лекціи охотно, а спеціалисты-классики обыкновенно ихъ и вовсе не пропускали. Мнѣ довелось только въ теченіе

одного полугодія быть слушателемъ К. Я. Люгебиля, и оцѣнить последняго, какъ преподавателя, я не имѣлъ возможности. Но характеристика К. Я. Люгебиля, какъ профессора, сдѣланная В. К. Ернштедтомъ, мнѣ думается, вполнѣ примѣнима и къ послѣднему. И онъ, какъ и его учитель, „умѣлъ вызывать и развивать въ своихъ слушателяхъ самостоятельность мысли и серьезный плодотворный скепсисъ; онъ не любилъ, чтобы ему вѣрили на слово, а, напротивъ, съ явною радостью встрѣчалъ вопросы, сомнѣнія и возраженія; никогда не уклонялся онъ отъ признанія, что того или другого не знаетъ, въ томъ или другомъ ошибся“. Поэтому и у В. К. Ернштедта лекціи зачастую обращались въ бесѣды, причемъ слушателямъ не возбранялось перебивать профессора вопросами по поводу той или другой детали лекціи; случалось, что отклоненія эти въ сторону принимали даже слишкомъ широкіе размѣры, но бѣды въ этомъ никакой не было, потому что, благодаря этому, мы знакомились попутно не только съ тѣмъ, что̀ составляло ближайшій предметъ лекціи, но и съ массою другихъ данныхъ, въ томъ или другомъ отношеніи стоящихъ въ связи съ нею. При интерпретаціи авторовъ, въ мое время, В. К. Ернштедтъ обыкновенно предлагалъ желающему изъ слушателей перевести соотвѣтствующее мѣсто сначала самому слушателю, затѣмъ тщательно разбиралъ его и уже вслѣдъ за этимъ давалъ свой переводъ. Отъ такой системы чтеніе автора шло, быть можетъ, менѣе быстро, зато въ разобранномъ отрывкѣ каждое слово было понятно всякому, и лекціи, во всякомъ случаѣ, даромъ не пропадали. Практическія занятія, которыя велъ В. К. Ернштедтъ со студентами-спеціалистами, доставляли послѣднимъ истинное наслажденіе. Не говоря уже о томъ, что эти занятія были обставлены строго-научно, спеціалистъ запасался во время ихъ такою массою разнообразныхъ свѣдѣній, что оцѣнить ихъ важность онъ иногда и не могъ сразу. Занятія эти состояли обыкновенно въ самомъ внимательномъ и детальномъ разборѣ какого-нибудь литературнаго произведенія древне-греческаго автора, иногда въ разборѣ діалектическихъ надписей. Съ большою любовью велъ также В. К. Ернштедтъ занятія по греческой палеографіи, и здѣсь, благодаря умѣлому руководству, слушатели довольно скоро свыкались съ чтеніемъ рукописей. Разъ В. К. Ернштедтъ находилъ изъ числа своихъ слушателей лицъ, серьезно интересующихся предметомъ, онъ не ограничивался занятіями въ университетѣ, а устраивалъ еще дополнительныя собесѣдованія у себя на дому. Строго опредѣленныхъ часовъ для тѣхъ и другихъ занятій не полагалось, перерывовъ между

лекціями не было, а подчасъ и занятія прекращались только потому, что аудиторія нужна была для лекціи другого профессора. Нечего и говорить о томъ, что все это происходило по добровольному взаимному согласію: увлекался профессоръ, увлекались и слушатели. Въ обращеніи со студентами-спеціалистами В. К. Ернштедтъ былъ простъ, но ко всякаго рода поблажкамъ, тѣмъ менѣе къ заигрываніямъ, былъ далеко не склоненъ. Дѣло у него было всегда на первомъ планѣ, и кто желалъ серьезно и добросовѣстно работать, тотъ ни въ чемъ не встрѣчалъ отказа: ему предоставлялись и пособія и руководство и совѣты въ полномъ избыткѣ. В. К. Ернштедтъ, какъ филологъ-классикъ, постоянно указывалъ слушателямъ на необходимость какъ можно болѣе читать и читать классиковъ, но, разумѣется, онъ желалъ чтенія сознательнаго, а не машинальнаго. Отъ лицъ, спеціально у него занимающихся, онъ настойчиво требовалъ одинаково внимательнаго отношенія какъ къ реальнымъ, такъ и формальнымъ дисциплинамъ греческой филологіи, и если онъ замѣчалъ у кого-либо увлеченіе въ ту или другую сторону, то неминуемо дѣлалъ предостереженіе. Но въ общемъ В. К. Ернштедтъ никогда не позволялъ себѣ посягать на интересы занимающагося тѣмъ или другимъ отдѣломъ въ избранной спеціальности; въ научномъ отношеніи онъ былъ, какъ истинный ученый, вполнѣ объективенъ, и единственно чего онъ не могъ выносить ни подъ какимъ видомъ, это — пустого фразерства и краснобайства, опасной игры въ громкія слова и общія мѣста. У меня запечатлѣлась фраза изъ одного изъ писемъ В. К. Ернштедта, гдѣ онъ, между прочимъ, выразился такъ: „Вы громкихъ словъ боитесь, *а я ихъ ненавижу*".

И по окончаніи университета В. К. Ернштедтъ продолжалъ оставаться прекраснымъ руководителемъ и помощникомъ своихъ ближайшихъ учениковъ въ научной работѣ. Онъ ободрялъ ихъ своимъ вниманіемъ, оказывалъ имъ, гдѣ нужно, содѣйствіе, искренно радовался всякому ихъ успѣху. Будучи въ обращеніи человѣкомъ до крайности простымъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, онъ скоро изъ учителя обращался въ друга, ему смѣло можно было повѣрять свои мысли, сомнѣнія, разочарованія; онъ всегда въ такихъ случаяхъ находилъ слова утѣшенія и ободренія; но правды, какъ-бы она горька ни была, онъ никогда не скрывалъ, и въ его искренность всѣ тѣ, кто его близко зналъ, глубоко вѣрили. Вообще это былъ такой человѣкъ, на слова котораго смѣло можно было положиться, такъ какъ слова его никогда не расходились съ дѣлами. Будучи человѣкомъ убѣжденнымъ

въ вопросахъ принципіальныхъ, В. К. Ернштедтъ стойко и рѣшительно готовъ былъ всегда отстаивать свои принципы, и склонить его на какія-либо уступки въ этомъ отношеніи было дѣломъ не только безполезнымъ, но и рискованнымъ. Насколько далекъ былъ В. К. Ернштедтъ отъ ученаго чванства предъ своими учениками, доказываютъ слѣдующія строки въ его письмѣ изъ Берлина, куда онъ поѣхалъ, лѣтомъ 1895 года, для занятій папирусами: „былъ я на первыхъ порахъ у Дильса, Ваттенбаха, Фалена. У Дильса мнѣ (въ числѣ другихъ) досталось за одну коньектуру у Симонида. Ваттенбахъ на упражненіяхъ заставилъ, послѣ другихъ, и меня почитать“. Такимъ образомъ, В. К. Ернштедтъ, будучи академикомъ и профессоромъ, не только не постѣснился обратиться въ студента, но еще счелъ нелишнимъ сообщить объ этомъ тому, кто самъ недавно оставилъ университетскую скамью.

Я чувствую себя безсильнымъ охарактеризовать со всею полнотою такого человѣка, какимъ былъ В. К. Ернштедтъ, тѣмъ болѣе, что меня страшитъ мысль потревожить духъ его хотя-бы подобіемъ столь ненавистныхъ ему „громкихъ словъ“. Скажу лишь одно: всю прелесть души покойнаго можно было постигнуть лишь при близкомъ и частомъ общеніи съ нимъ, и ее легче почувствовать, нежели выразить словами. А если нужно очертить нравственный обликъ В. К. Ернштедта коротко, то я ни на минуту не поколеблюсь отнести его къ числу тѣхъ, едва ли многихъ, людей, о которыхъ въ Евангеліи сказано: *μακάριοι οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ*. Эта „чистота сердца“, въ соединеніи съ беззавѣтною и безкорыстною преданностью В. К. Ернштедта дѣлу науки и просвѣщенія, обезпечитъ ему въ будущемъ вѣчную — а его ученики должны прибавить и благодарную — память.

С. Жебелевъ.

ПОПРАВКА.

Авторъ статьи „Мелкія замѣтки по русскому языку“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, іюнь) проситъ исправить слѣдующія погрѣшности, вкравшіяся въ его статью:

Стр. 259,	строка	10 сн.	напечат.	„нарѣчіи“.	Чит.: „нарѣчіи только въ пѣніи“.
„ 264	„	2 „	„	„энергичнымъ“	„ „не энергичнымъ“.
„ 267	„	4 св.	„	„сонѣ“	„ „сѣно“.

КЪ CIGP. I 752 И 941.

Памяти В. К. Ернштедта.

Болѣе или менѣе интересныя надписи въ наше время не долго ждутъ изслѣдователей. Въ первомъ томѣ пелопоннисскаго корпуса Френкель напечаталъ подъ № 752 на стр. 142 одну изъ такихъ надписей, открытую въ Тризинѣ, по копіи и эстампажу Леграна, которому только въ 1899 г. удалось извлечь камень съ надписью изъ церковной стѣны, куда онъ былъ вдѣланъ. Текстъ этой надписи въ первомъ по времени печатанія изданіи гласитъ слѣдующее.

1. ως δεδ —
2. πε]ρὶ δὲ τᾶς εἰ[ράνας — — — — — — — — — — — — — — — —
3. νει δὲ τὰγ γενομέναν — — — — — — — — — — — — — — — —
4. εἰ δὲ διχάσαιτο, ἀποτεισάτω εἰ μὲν ἰδιώτας χιλί[ας] δραχ[μάς, ε]ἰ δ[ὲ ἄρχων
5. μυρίας, καὶ ἁ δίκα ἀτελὴς ἔστω. περὶ δὲ τῶν ἐρρυτιασμένων ὑπὸ τᾶς πό-
6. λιος ἢ ἀγμένων ἀπὸ τᾶς χώρας ἐν ταῖς ἀνεπιβασίαις· ἀπὸ τᾶγ κοινᾶ[ν
7. ποθόδων τᾶν ἐκ τῶν θυννείων ἐπιλυθῆμεν τοὺς ἐρρυτιασμένους
8. στασιαν ὅ κα φέρηι ὁ λόγος ὁ ταμία Φιλοκλέος, καὶ τοῖς σώμασιν τοῖς
9. ἀποπραχθεῖσιν ὑπὸ τῶμ πολεμάρχων Ἀρτεμιδώρωι, Πύρρωι, Θεο-
10. δότωι ἑκάστωι δραχμὰς διακοσίας ἂν Τροζάνιοι νομίζονται, καὶ τὰ
11. χωρία καὶ τὰς οἰκίας, ὅσσα ἐστὶ ἐρρυτιασμένα ὑπὸ τᾶς πόλιος, ἀποδό-
12. μεν τοῖς ἐρρυτιασμένοις, ἐπιλύσαντας ἀπὸ τᾶγ κοινᾶν ποθόδων τοῖς
13. πεπεμμένοις τι τῶν ἐρρυτιασμένων ὑπὸ τᾶς πόλιος. τὰς δὲ ἐπιγαμίας
14. καὶ τὰς ἐγκτάσεις ὑπάρχειν ἑκατέροις ποτ' ἀλλάλους εἰς ἅπαντα τὸ[ν
15. χρόνον. ὅπ]ως δὲ τὰ συμφωνηθέντα κύρια ἦι, ἀποστειλάντω πρεσβεία[ν ἑ-
16. κάτ]εροι εἰς Ἀθάνας καὶ ἀξιούντω δόμεν αὐτοῖς ἄνδρας τρεῖς, οἵτινες πα-
17. ραγ]ενόμενοι τὰ γεγονότα αὐτοῖς ὁμόλογα ἐπικρίναντες ἀνα[θη]σοῦντα[ι

18. ἐν στά]λαις ἐν τὰ ἱερά· τό τε ἐγ Καλαυρείαι τοῦ Ποσειδᾶνος καὶ τὸ ἐν 'Επι-
19. δαύρωι τοῦ 'Ασ[κ]λαπιοῦ καὶ τὸ ἐν 'Αθάναις ἐν ἀκροπόλει τᾶς 'Αθάνας. ὅπως
20. δὲ καὶ τὸ λοιπὸν ἐννόμως ἑ[κάτεραι αἱ] πόλεις ἀμφοτέραις [μ]ὲν π[α — —

sequuntur versuum decem lacerae reliquiae.

По поводу этого текста я пока замѣчу только, что въ строкѣ 10-й у Френкеля простая опечатка: νομίζονται вмѣсто νομίζοντι,—въ эпиграфическомъ текстѣ стоитъ правильно NTI-, но она характерна для Френкелей: и въ стр. 17-й его не смущаетъ медіальная форма ἀναθησοῦντα[ι] (см. ниже). Я въ одной изъ будущихъ статей укажу еще примѣръ того, какъ Френкель не отличаетъ medium отъ activum. Minima non curat praetor, но въ эпиграфикѣ это очень опасно, да, я думаю, и въ грамматикѣ.

Френкель присоединилъ къ тексту нѣсколько замѣчаній: по шрифту договоръ, содержащійся въ надписи, относится къ началу II-го вѣка до Р. Хр.; похищенія людей (стр. 8 сл.) и вещей (стр. 11), совершенныя при вторженіяхъ (стр. 6 [т. е. ἐν ταῖς ἀνεπιβασίαις, очевидно, приравнивается къ in irruptionibus]), были произведены тризинцами, а не испытаны ими,—это выводится изъ простого ὑπὸ τᾶς πόλιος стр. 5—6, 11 и 13, безъ указанія *имени* города; городъ, враждебный Тризину, конечно, былъ однимъ изъ сосѣднихъ, и Френкель видитъ тутъ Ерміону, основываясь на надписи 791, судя по шрифту, одного времени съ нашей: „ac sane quadrant in aetatem indicatam et conditio Peloponnesi turbata, quae patet e titulo nostro, et civitatium Graecarum querelae ad Romanos delatae, quas testatur titulus alter".

Не могу здѣсь не замѣтить, что сопоставленіе нашей надписи съ тризинской же 791 покоится на слишкомъ шаткомъ основаніи, которое, какъ увидимъ, теперь и совсѣмъ разсыпалось. Та надпись говоритъ: [Γ]ό[ργ]ιππον [- - - ν]ονα | εὐεργέταν ἁ πόλι[ς] ἀνέθ[ηκε] | ἀγορανομήσαντα καὶ πρ[εσβεύ]|σαντα εἰς 'Ρώμαν ὑπὲρ φ[ιλίας καὶ] | συμμαχίας καὶ ὑπὲρ τᾶς [εἰράνας] | ποθ' 'Ερμιονεῖς ἑπτάκι[ς]. Здѣсь упоминаніе о *мирѣ* только дополнено, и также дополнено было и въ нашей надписи (стр. 2), гдѣ теперь оно уже признано невозможнымъ. Кромѣ того, нашу надпись Френкель ставитъ около начала II-го вѣка, а частыя жалобы греческихъ городовъ предъ римскимъ сенатомъ едва ли можно начинать съ того же времени. Однако это между прочимъ.

Дальше въ замѣчаніяхъ Френкель указываетъ на дорійскую форму ῥυτιάζω вмѣсто ῥυσιάζω, на то, что и въ Аѳинахъ ius piscandi thynnos сдавалось государствомъ въ аренду (къ стр. 7), что въ стр. 8 чтеніе

σταcιαν стоитъ прочно и что въ стр. 18 ожидалось бы скорѣе Ποτειδᾶνος, чѣмъ Ποσειδᾶνος.

Печатаніе берлинскихъ корпусовъ, если даже матеріалъ вполнѣ собранъ и обработанъ, идетъ, какъ извѣстно, довольно медленно: это вызывается и типографскими условіями и стремленіемъ къ возможной точности и аккуратности изданія (часто, къ сожалѣнію, теперь далеко не всегда достигаемымъ). Еще до окончанія печатанія нашего корпуса успѣлъ напечатать тризинскую надпись и самъ Легранъ въ *BCH*. XXIV (1900), 190 слл. (этотъ выпускъ журнала появился въ срединѣ 1901 года) съ довольно обстоятельнымъ комментаріемъ. Мало того: по изданію Леграна надпись успѣлъ уже обработать Р. Мейстеръ въ *Berichte der sächsisch. Ges. d. Wiss.* 1901, 21 слл. и отчасти Оссулье въ *Revue de philologie* XXV (1901), 336 слл. Появились также замѣтки Бехтеля въ *Hermes*, XXXVI (1901), 610 и Б. Койля (въ Anonymus Argentinensis, 277). Всей указанной литературой Френкель уже могъ воспользоваться при печатаніи addenda et corrigenda (стр. 381); тогда же онъ имѣлъ въ рукахъ и новое сличеніе надписи, сдѣланное для него Проттомъ (надпись теперь въ Аѳинскомъ музеѣ).

Для 1-й строки Легранъ даетъ ΩΣΔΕΔΛ, Проттъ ΩΣΔΕΛΟ. Для 2-й Проттъ: .ΕΡΙΤΑΣΕΙ . . . ΡΙ (послѣднее ρ не вполнѣ), изъ чего уже Френкель вывелъ, что дополненіе π]ερὶ τᾶς εἰ[ράνας] невозможно. Въ стр. 3-й Легранъ и Проттъ даютъ ΝΕΙΩΝΤΑΓ и пр. Для стр. 4—19 въ изданіи Леграна и въ копіи Протта новаго немного. Копія Протта, отмѣчая сохранившіяся части буквъ, тутъ большею частью подтверждаетъ дополненія Френкеля; измѣнить нужно только въ концѣ 14-й стр. τὸ[ν] въ τὸγ и 17-й ἀνα[θη]σοῦντα[ι] въ ἀναθησοῦντι. Значительны измѣненія для 20-й строки. Оказывается, что въ копіи, посланной Френкелю, Легранъ здѣсь отчасти внесъ уже собственныя дополненія безъ оговорки. Въ своемъ изданіи въ началѣ строки онъ оставляетъ большую лакуну, а въ транскрипціи пишетъ въ скобкахъ и съ вопросомъ: „|δὲ καὶ τὸ λοιπ|όν(?).“ Проттъ даетъ эту строку такъ: 20|ΤΟ..ΛΙΙ.....ΟΙΝΕΝΝΟΜΩΣΕ...............ΜΦΟΤΕΡΑΙΣ⁻.ΤΟΙ ΤΡΟ|21|ΤΛ (у Леграна послѣ τέραις: ..ΕΝΤΑΙ..). Въ началѣ строки 20-й стоитъ не δὲ, а το, въ концѣ τοί Τρο[ζά[νιοι]. Вся она требуетъ новаго возстановленія, которое не удается ни Френкелю, ни мнѣ. За 20-й строкой у Леграна слѣдуютъ остатки еще 11 строкъ, у Протта—12, но они такъ ничтожны, что кромѣ отдѣльныхъ словъ и полусловъ ничего не выходитъ, притомъ, если сравнивать Леграна съ Проттомъ, то видно, что многіе знаки очень сомнительны. Тутъ прежде попытки

1*

возстановленія нужно снова хорошо сличить съ камнемъ (самъ Проттъ, кажется, не располагалъ для этого временемъ, см. addenda къ № 753).

Въ томъ же томѣ корпуса подъ № 941 на стр. 213 Френкель издалъ два обломка (A и B) одной и той же плиты изъ епидаврійскаго святилища. Онъ говоритъ о нихъ: „A: margo ad dextram et superne: hic quidem postea decisa videtur tabula. B: margo ad sinistram servatus. *Exscripsi A. B.*" (курсивъ Френкеля). Обломки не широкіе: въ строкахъ A сохранилось отъ 3 до 14 буквъ, въ B отъ 5 до 16. Френкель даетъ транскрипцію каждаго отдѣльно, сначала A, какъ занимающаго верхній правый уголъ, потомъ B. Ему не удается возстановить ни одной цѣлой строки, вездѣ даетъ онъ отдѣльныя слова или группы ихъ. Я приведу его копіи и возстановленія ниже, — въ нихъ есть немало поучительнаго.

Въ примѣчаніи къ этой надписи 941 онъ говоритъ: „Difficile est casui tribuere quod tot tituli verba recurrunt in Troezenio 752" и приводитъ семь сопоставленій A 2=752,5; A 4 στασιαν=752,8; A 7=752,11; A 9 ἐρρυσ=752 passim; B 2 и 8 χώρα=752,6 и 11; B 17=752,12, ср. 7. Онъ даже пробуетъ возстановить A 12 по 752,17 (неудачно) и B 14 по 752,7 и продолжаетъ: „Dixeris nos tenere reliquias inscriptionis n. 752 vs. 18 sq. iussae [т. е. не самой надписи 752, а того рѣшенія—ἐπίκρισις—, которое, какъ говорится въ 752, должны, по просьбѣ договаривающихся городовъ, дать аѳиняне—τρεῖς ἄνδρες—и опубликовать въ Калавріи, Епидаврѣ и Аѳинахъ], sed Athenienses ne in arbitrio quidem pronunciato civitatibus Peloponnesiis credideris usos esse dialecto Dorica. Sed certe ad eandem rem tituli videntur pertinere". Въ addenda къ 752 (только въ addenda! при печатаніи надписи 752 Френкель не замѣтилъ еще даже и сходства ея съ 941) онъ говоритъ: „Denique moneo similitudines non mediocres cum nostro 752 exhibere titulum n. 941, ubi conferas adnotata [мною уже приведенныя]; addendum est—сопоставленіе A 5=752,11". Наконецъ, въ addenda къ 941 (стр. 384) онъ еще прибавляетъ, что какъ въ 941 A 4 слѣдуетъ читать στάσι ἀν' [ὅ κα φέ|ρηι ὁ λόγος] etc., такъ и въ B 13—14 [στάσι ἀν' ὅ κα φέ]|ρηι ὁ λόγος etc. на основаніи 752,8 (такъ расчленилъ тамъ στασιαν κτλ. Б. Кейль).

Итакъ изслѣдователь въ небольшихъ фрагментахъ находитъ около десяти тожествъ или сходствъ съ другой лучше сохранившейся надписью. Изъ послѣдней видно, что копіи должны были быть выставлены и въ другихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и въ епидаврійскомъ святи-

лищѣ, гдѣ найдены фрагменты. Ближайшая мысль была бы: не содержать ли фрагменты одного и того же текста съ упомянутой надписью? Старѣйшіе эпиграфисты замѣчали на узкомъ сохранившемся краю камня сходство съ документомъ у Ѳукидида и возстанавливали надпись почти цѣликомъ. А въ нашемъ случаѣ Френкель сходство замѣчаетъ, но ларчика просто открыть не умѣетъ и начинаетъ мудрствовать: не то ли-де это рѣшеніе, которое ожидалось отъ аѳинянъ? Но этого-де, однако, нельзя допустить въ виду дорійскаго діалекта. Слѣдовательно, и тризинская и эпидаврійская надписи относятся къ одному дѣлу—и кончено. А между тѣмъ уже одинъ взглядъ на цифры сопоставляемыхъ строкъ говорилъ, что нужно идти дальше: сопоставляются изъ А 2, 4, 5, 7 и 9 съ 5, 8, 11, 11 и 12, т. е. и тамъ и здѣсь въ постепенномъ порядкѣ. *Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что фрагменты епидаврійскіе 941 А и В содержатъ тотъ же самый текстъ, что̀ и тризинская надпись 752.* Чтобы убѣдиться въ этомъ окончательно, слѣдовало только поискать еще совпаденій между 752 и 941 (ихъ нашлось бы еще $1^1/_2$ десятка), да не полѣниться распредѣлить текстъ тризинской надписи по тому дѣленію на строки, какое извѣстно изъ епидаврійскихъ обломковъ (тамъ вѣдь въ А цѣлъ правый край, въ В—лѣвый). Я, впрочемъ, не хочу обвинять Френкеля въ лѣности: онъ трудился и трудится въ разныхъ полезныхъ изданіяхъ очень много, и въ частности, когда почитаешь, при какихъ условіяхъ ему приходилось работать въ Епидаврѣ (CIGP. I, стр. V), становится „вчужѣ жалко" (особенно, если читатель по собственному опыту знакомъ съ подобной обстановкой). Френкеля скорѣе сбилъ съ правильнаго пути *margo superne servatus* въ А. Онъ его и въ изданіи обозначилъ жирной чертой, а забылъ свое вполнѣ вѣрное замѣчаніе, что hic, т. е. вверху, *postea decisa* videtur tabula. За вѣрность этого я ручаюсь, не видѣвъ камня. Кромѣ того его могли смутить и имъ же отмѣченныя „vacat" въ А. Далѣе, онъ черезчуръ полагался на правильность своей транскрипціи фрагментовъ. Наконецъ, онъ слишкомъ уже полагается на свое „*exscripsi*", а между тѣмъ ошибки въ его копіяхъ—и здѣсь и въ другихъ случаяхъ—бываютъ; здѣсь, какъ увидимъ, онѣ несомнѣнны и для того, кто не видѣлъ надписи (ср. въ моей статьѣ: „Епидаврійскій списокъ павшихъ въ исѳмійской битвѣ 146 г. до Р. Х.", которая появится вскорѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*). Въ ошибкахъ при снятіи первой копіи опять-таки нельзя сильно обвинять, особенно при плохой сохранности надписей. Не слѣдуетъ только слишкомъ

полагаться на „exscripsi“, а нужно имѣть предъ собой эстампажъ или фотографію. Для академическихъ издателей корпуса нужно было бы это поставить какъ conditio sine qua non editio.

Я предложу теперь текстъ 941 А и В, введя въ него и нѣкоторыя возстановленія, которыя будутъ мотивированы ниже. Maiusculis слѣва передана копія Френкеля для 941 В, справа—тоже для 941 А (нумерація строкъ сохранена по Френкелю). Размѣры лакунъ, которыхъ Френкель точками не обозначаетъ, я старался, по возможности, точно передать большими или меньшими пробѣлами. Кромѣ 941 В и А maiusculis же даны мною въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ сохранившіяся начала первыхъ трехъ строкъ 752 (въ круглыхъ скобкахъ и съ надлежащей помѣтой). Подъ maiusculis 941 В и А стоятъ возстановленія Френкеля. Подъ послѣдними помѣщенъ мой текстъ. Ниже моего текста цифрами послѣ черточекъ указаны начала строкъ по надписи 752.

941 B

1. I… ΚΑΙΟΙΚΑΤΑΠ…
F. .... καὶ οἱ κατὰ π[άντα?
N. ..... δί]καιοι καταπ(??) s. καὶ οἱ καταπλ[έοντες??] et sim.

2. ΙΑΝΚΟΙΝΑΝΧ ΡΑΝ Τ
F. τ]ὰν κοινὰν χ[ώ]ραν
N. τ]ὰν κοινὰν χ[ώ]ραν [κα??]τ — — v. infra.

3. ΗΑΛΛΟΣΤΙΣΑΠΟΚΟΙΝΟΥ
F. ἢ ἄλλος τις ἀπὸ κοινοῦ
N. ἢ ἄλλος τις ἀπὸ κοινοῦ v. infra

4. ΛΕΙΑΠΟΤΕΠΙΑΓΕΙΕΙ
F. [τέ]|λειά (?) ποτ' ἐπιάγει ε
N. λει ἀποτεισάτω· περ[ὶ δὲ — —??] v. infra

5. ΜΗΔΙΚΑΞΑΣΑΙΝΗΘΕΝ
F. μὴ δικάξας αἰνηθέν
N. μὴ δικάξασθαι μηθέν[α μήτε ἰδιώταν μήτε πόλιν μηδετέραν, εἰ δὲ δικάξαιτο],

6. ΑΤΕΔΙΚΑΑΤΕΛΗΣ Ο {init. v. primi tituli 752 Legrand: ΩΣΔΕΛ… / „ „ „ „ „ Prott: ΩΣΔΕΛΟ}
F. ἅ τε δίκα ἀτελής
N. ἅ τε δίκα ἀτελὴς [ἔστ]ω [καὶ ἀποτεισάτω εἰ μὲν ἰδι|ώτας χιλίας δραχμάς],
|752,1

941 Λ

7. ΕΙΔΕΠΟΛΙΣΜΥΡ
F. εἶλε πόλις μυρ[ι (init. v. secundi tit. 752: . ΕΡΙΤΑΣΕΙ . . .ΡΙ)
N. εἰ δὲ πόλις μυρ[ίας· περὶ δὲ τᾶς κοινᾶς χώρας καὶ | π]ερὶ τᾶς ἐ[πικα]ρ[πίας
| 2

8. ΤΑΙΕΚΤΑΣΧΩΡ.' ////////////////////////////// v. 0
F. ται ἐκ τᾶς χ[ώ]ρ[ας (init. v. tertii tit. 752: ΝΕΙΩΝΤΑΙΓΕΝΟΜΕΝΑΝ)
N. τᾶς ἐκ τᾶς χώρα[ς καὶ περὶ τᾶν ποθόδων τᾶν ἐκ τῶν θυν]|νείων τᾶγ γενομέναν
|3

9. ΕΝΤΙΣΕΜΠΡΟΣΘΕ ΕΔΙΚΑΞΑΙΤΟΑΠΟ v. 1
F. εν τις ἔμπροσθε ε δικάξαιτο, ἀπο-
N. ἐν τοῖς ἔμπροσθε[ν χρόνοις μὴ δικάξασθαι μηθένα. | εἰ δ]ὲ δικάξαιτο, ἀπο[τει-
| 4

10. ΣΑΤΘΕΙΜΕΝ Δ ΤΛ ΑΣΚΑΙΑΔΙΚΑΑΤΕΛ v. 2
F. σα[τ]ο, εἰ μὲν δ[εῖ]τα[ι? ας καὶ ἀ δίκα ἀτελ[ής
N. σάτω εἰ μὲν [ἰ]δ[ιώ]τα[ς χιλίας δραχμάς, εἰ δὲ πόλις | μυρί]ας καὶ ἀ δίκα ἀτελ[ής
| 5

11. ΕΣΤ ΠΕ Ι Τ vacat v. 0
F. ἐς τ[ὰ] πε[ρὶ] τὰ
N. ἔστ[ω]· πε[ρ]ὶ [δὲ] τ[ῶν ἐρρυτιασμένων ὑπὸ τᾶς πό|λιος ἢ ἀγμέ]-
|6

12. ΝΟΝΑΠΟΤΑΣΧΩΡΑ ΛΝΠΟ Γ v. 3
F. [κοι?] | νὸν ἀπὸ τᾶς χώρα[ς αν πο
N. νων ἀπὸ τᾶς χώρα[ς ἐν ταῖς ἀνεπιβασίαις ἀπὸ τᾶγ κοιν]ᾶν | πο[θόδων] τ[ᾶν
| 7

13. ΕΚ ΤΩΝ Υ Ε ΣΤΑΣΙΑΝ — v. 4
F. ἐκ τῶν υ στάσι ἀν'[ὅ κα φε-
N. ἐκ τῶν [θ]υ[νν]ε[ίων ἐπιλυθῆμεν τοὺς ἐρρυτιασμένους] | στάσι ἀν' ὅ κα φερ-
| 8

14. ΠΟΛΟΓΟΣΟ Λ ΠΡΑΧΘΕΙ_ΙΝ — v. 5
F. [στάσι ἀν' ὅ κα φέρ]|ῃ ὁ λόγος ὁ [τ]α[μία πραχθεῖ[σ]ιν
N. ῃ ὁ λόγος ὁ [τ]α[μία Φιλοκλέος καὶ τοῖς σώμασιν τοῖς | ἀπο]πραχθεῖσιν [ὑ-
| 9

15. Π ΟΝΙ ΚΑΣΤΩΙ vacat — v. 6
F. π[ρῶτ]ον ἑ]κάστωι
N. π[ὸ] τῶν π[ολεμάρχων Ἀρτεμιδώρωι, Πύρρωι, Θεο|δότωι ἑ]κάστωι
|10

16. ΔΡΑΧΜΑΣΑΙ ΙΤΑΣΟΙΚΙΑ — v. 7
F. δραχμὰς τὰς οἰκία[ς
N. δραχμὰς δι[ακοσίας ἂν Τροζάνιοι νομίζοντι, καὶ τὰ |χωρία κα]ὶ τὰς οἰκία[ς
|11

17. ΟΣΛΕΣΤΙΓ ΤΙΑΣΜΕΝ — v. 8
F. ὅσα ἐστὶ αἰ]τίας μὲν
N. ὅσα ἐστὶ ἐ[ρρυτιασμένα ὑπὸ τᾶς πόλιος ἀποδό|μεν τοῖς ἐρρυ]τιασμέν[οις
|12

18. ΕΠΙΛΥΣΑΙ ΝΕΡΡΥΣ — v. 9
F. ἐπιλυσα ν ἐρρυσ[ι]ασμέν]
N. ἐπιλύσα[ντας ἀπὸ τᾶς κοινᾶν ποθόδων τοῖς | πεπεμμένοις τι τῶ]ν ἐρρυσ-
| 13

19. ΣΙΑΣΜΕΝ ΣΥΠΑΡΧΕ v. 10
F. σίας μὲν ς ὑπάρχε[ι
N. σιασμέν[ων ὑπὸ τᾶς πόλιος· τὰς δὲ ἐπιγαμίας | 14 καὶ τὰς ἐγκτάσει]ς ὑπάρχε[ιν

20. ΕΙΛΤΙ ΙΟΝΗΟ v. 11
F. εια τι ιον ή (seu ῆ) ο
N. ἑκατέ[ροις ποτ' ἀλλάλους εἰς ἅπαντα τὸγ | 15 χρόνον· ὅπως δὲ τὰ συμ]φωνηθ[έν-

ΙΟΥΝΤ v. 12
F. ἐπικριν]οῦντ[ες
N. [τα κύρια ᾖι, ἀποστειλάντω πρεσβείαν ἑ|16 κάτεροι εἰς 'Αθάνας καὶ ἀξ]ιούντ[ω

ΣΟΜ v. 13
F. σ ο μ
N. [δόμεν αὐτοῖς ἄνδρας τρεῖς, οἵτινες πα|17 ραγενόμενοι τὰ γεγονότα αὐτοῖ]ς ὁμ[όλο-

ΑΙΙ v. 14
F. - - -
N. [γα ἐπικριναντες ἀναθησοῦντι | 18 ἐν στάλαις εἰς τὰ ἱερὰ τό τε ἐγ Καλαυρεί]αι τ[οῦ

N. [Ποσειδᾶνος καὶ τὸ ἐν 'Επι|19 δαύρωι τοῦ 'Ασκλαπιοῦ καὶ τὸ ἐν 'Αθάναις ἐν ἀκροπό]-

N. [λει τᾶς 'Αθάνας, ὅπως | 20 το etc.

О возстановленіи текстовъ 941 В и А въ предѣлахъ ихъ соотвѣтствія почти цѣликомъ сохранившемуся тексту 752 (т. е. начиная съ 4-й строки послѣдняго) говорить много не приходится. Неточности Френкеля въ родѣ О вмѣсто Ω въ В 12 и 15, или I вмѣсто Ф А 11, или I вмѣсто Т А 14, или въ родѣ не вполнѣ вѣрнаго размѣра лакунъ, напримѣръ, В 11, В 13, сами собою понятны. Если не считать ихъ, то въ указанныхъ предѣлахъ оказывается 25 точныхъ соотвѣтствій между 941 В и А и 752 (именно В 10—20 и А 1—14) и ни одного несоотвѣтствія. Притомъ текстъ распредѣляется или укладывается въ рамки, данныя намъ лѣвымъ краемъ В и правымъ А, вполнѣ равномѣрными строками. Коротковатой оказывается только строка В 11+А 0,— всего 43 буквы, но она и должна была такой оказаться; въ А Френкель ставитъ на мѣстѣ ея „vacat", не нумеруетъ ея и, очевидно, думаетъ, что она во всю ширину камня была пустой, на дѣлѣ же она почему-то не доходила только до праваго края плиты. Короче другихъ еще В 15+А 6,- только 47 буквъ, но въ концѣ А 6 у Френкеля опять „vacat", и даже нѣтъ нужды допускать, что между собственными именами тутъ могло быть еще два καί (въ 752 ихъ нѣтъ). Вообще длина строкъ колеблется отъ 53 до 63 буквъ. Ср. въ 752 колебаніе отъ 49 до 58; тамъ самая краткая строка 9-я, т. е. какъ разъ большей частью соотвѣтствующая нашей краткой В 15+А 6: въ 752,9 имѣется широкихъ буквъ 3 М и 5 Ω, въ В 15+А 6—2 М и 7 Ω (наоборотъ въ самой длинной строкѣ 752,16 всего одно М и одно Ω, и у насъ въ самыхъ длинныхъ строкахъ: А 13 три М и ни одного Ω, А 14 ни одного ни М, ни Ω). Остается еще отмѣтить переходъ отъ В 18+А 9 къ В 19: ἐρρύσ|σιασμέν[ων: въ 752 вездѣ ῥυτιάζω съ τ, и у насъ В 17+А 8 это τ на половину сохранилось, здѣсь же форма съ σ и даже съ двойнымъ. Смѣна τ—σ не требуетъ объясненій, а двойное σ объясняется или случайнымъ недосмотромъ рѣзчика или аналогіей съ распространеннымъ двойнымъ написаніемъ этого звука. Тожество 941 съ 752 такъ очевидно, что, право, излишне его и доказывать. Скорѣе слѣдуетъ указать на замѣчающіяся мелкія различія той и другой публикаціи и на взаимныя подтвержденія текстовъ. Различія въ двухъ публикаціяхъ одного текста нерѣдки (ср. ихъ, напримѣръ, въ аѳинской и дельфійской публикаціяхъ амфиктіоновскихъ актовъ о діонисовскихъ артистахъ). У насъ, кромѣ ῥυτ—: ῥυσ—, ср. еще 752,11 ὅσσα и В 17 ὅσα, 752,9 τῶμ π—и В 15 τῶν π—, 752,4 δικάσαιτο и А 1 δικάξαιτο. Чтеніе στασιαν 852,8 подтверждается изъ А 4, ἀποπραχθεῖσιν 752,9 изъ А 5. Жаль, что въ В 18+А 9 не сохранилось такого же

подтвержденія для πεπεριμένοις 752,13, а въ В 12+А 3 для ἀνεπιβασίαις 752,6.

Легранъ (стр. 191 сл.) говоритъ, что въ 752 мы имѣемъ не окончательную формулировку соглашенія между городами, такъ какъ та подлежала еще третейскому рѣшенію трехъ аѳинянъ и публикаціи въ Калавріи, Епидавріи и Аѳинахъ, а у насъ нѣтъ основанія думать, что плита 752 завезена въ Дамалу (нынѣшнее имя для Тризина) изъ Калавріи. Френкель, какъ мы видѣли, ожидалъ встрѣтить аѳинскую ἐπίκρισις непремѣнно на аттическомъ діалектѣ. Теперь же, разъ мы убѣдились, что 752 и 941 тожественны и разъ 941 найдена въ Епидавріи, можно объяснить затрудненія и Леграна и Френкеля. Во 1-хъ, возможно думать, что 752 дѣйствительно завезена въ Дамалу изъ Калавріи (самъ Легранъ заявляетъ, что окрестные жители долго пользовались строительнымъ матеріаломъ изъ калаврійскихъ руинъ), если вообще нужно прибѣгать къ этому предположенію. Публикаціи въ *Тризинѣ* и въ другомъ договаривающемся *городѣ* могли и, можетъ быть, должны были состояться независимо отъ трехъ публикацій въ *святилищахъ*: только послѣднія требовали, по нашимъ текстамъ, участія или посредства аѳинянъ, первыя же могли состояться безъ этого участія, въ каждомъ изъ двухъ городовъ его собственной властью и силами. Да, можетъ быть, въ lacerae reliquiae въ концѣ 752 и была рѣчь именно объ этихъ мѣстныхъ публикаціяхъ. Во 2-хъ, аѳинскіе третейскіе судьи при своей ἐπίκρισις въ данномъ случаѣ имѣли предъ собой уже готовое соглашеніе городовъ—τὰ γεγονότα αὐτοῖς ὁμόλογα, слѣдовательно, могли не разбирать и не передѣлывать его по существу, а прямо признать вполнѣ цѣлесообразнымъ и правильнымъ и опубликовать въ той мѣстной (діалектической и процессуальной) формѣ, въ какой соглашеніе было имъ предложено на ἐπίκρισις, прибавивъ отъ себя только соотвѣтствующее заявленіе о состоявшейся ἐπίκρισις. Это заявленіе было или предъ началомъ публикаціи нашихъ τὰ ὁμόλογα или въ заключеніе ихъ,—можетъ быть, въ тѣхъ же lacerae reliquiae 752,—и оно, конечно, было изложено на аттическомъ діалектѣ. Къ сожалѣнію, въ тѣхъ reliquiae не поддаются возстановленію даже отдѣльныя слова, по которымъ можно было бы признать аттическій діалектъ. 752,25 „Τροζάνιοι“, слѣдовательно, еще доризмъ, 27 ΦΙΛΗ, но неизвѣстно, какъ нужно здѣсь читать, 32 ΚΤΗ=„κτη[ματα?]“, Френкель. Въ ἐπίκρισις, кромѣ упомянутаго заявленія судей, могли быть, конечно, и нѣкоторыя добавочныя опредѣленія къ τὰ ὁμόλογα.

До сихъ поръ я разбиралъ фрагменты 941В+А въ предѣлахъ со-

отвѣтствія хорошо сохранившейся части надписи 752. Само собой разумѣется, что тутъ отъ фрагментовъ можетъ быть выигрышъ самое большое формальный. Изъ-за послѣдняго можно было и не хлопотать особенно. Важна для насъ реконструкція епидаврійскаго текста не въ этихъ предѣлахъ, а внѣ ихъ. Мы теперь видимъ (см. тексты), что *941 B даетъ намъ въ своихъ первыхъ девяти строкахъ совершенно новыя частички текста*. При этомъ возможно для возстановленія послѣдней изъ нихъ (9-й) воспользоваться точно опредѣляемымъ размѣромъ лакуны между этой строкой и началомъ 4-й строки 752=941 A 1, а для возстановленія трехъ предшествующихъ строкъ (6, 7, 8) пригодятся намъ крошечные остатки текста, сохранившіеся въ началѣ первыхъ трехъ строкъ 752,—мѣсто ихъ въ реконструкціи опять опредѣляется довольно точно (эти-то остатки 752, 1—3 и приведены въ моихъ параллельныхъ текстахъ). Если при этомъ читатель согласится съ моими дополненіями этихъ частичекъ 941 B 1—9 и остатковъ 752 1—3, то окажется, что мы, благодаря епидаврійскимъ фрагментамъ, узнаемъ нѣчто существенное для цѣлаго документа, можетъ быть, даже болѣе существенное сравнительно съ тѣмъ, что даютъ сохранившіяся полностью слѣдующія семнадцать строкъ.

Буду мотивировать мои возстановленія, идя отъ связнаго текста къ отрывочному, такъ сказать, пятясь назадъ. Предъ εἰ δὲ δικάσαιτο 752, 4 init. уже Мейстеръ предложилъ μηδένα δικάσασθαι для конца 3-й строки. Френкель (въ addenda) говоритъ, что послѣ простого μηδένα δικάσασθαι дальше ожидалось бы εἰ δέ τις δικάσαιτο, и, въ виду отсутствія этого τις, онъ предпочелъ бы дополненіе δικάσασθαι μήτε ἄρχοντα μήτε ἰδιώταν. Однако же по тексту 752 въ 3-й строкѣ послѣ νείων τὰγ γενομέναν (Френкель) едва ли умѣстилось бы длинное дополненіе Френкеля: сохранилось 17 буквъ, дальше должно же было быть что-нибудь послѣ причастія γενομέναν, а предъ дополненіемъ Френкеля необходимо, по крайней мѣрѣ, μή, если не μηδένα, и, наконецъ, дополненіе Френкеля изъ 32 буквъ, слѣд. $17 + x + 2 + 32 = 51 + x$, т. е. при длинѣ строкъ 752 въ 49—58 для x оставалось бы слишкомъ мало мѣста. Да и самая аргументація Френкеля (отсутствіе τις) не убѣдительна: τις вѣдь логически кроется уже въ предшествующемъ μηδένα. Теперь мы видимъ, что между γενομέναν и εἰ δὲ δικάσαιτο было ΕΝΤΙΣΕΜΠΡΟΣΘΕ, т. е. по крайней мѣрѣ 13 буквъ, а для x у Френкеля осталось бы maximum 7 мѣстъ. Итакъ дополненіе Френкеля невозможно. А при дополненіи Мейстера νείων τὰγ (Френкель) γενομέναν ΕΝΤΙΣΕΜΠΡΟΣΘΕ μηδένα δικάσασθαι для 752,3 получится всего 46 буквъ,

т. е. меньше minimum'а. Связать -εν τις ἔμπροσθε съ τὰν γενομέναν,— такова въ обоихъ мѣстахъ транскрипція Френкеля, — невозможно, потому что лакуна ожидается *послѣ* ἔμπροσθε. Сама собой напрашивается мысль, что въ ΤΙΣ копіи Френкеля пропущено О, слѣд. ἐν τοῖς ἔμπροσθε[ν], и дальше, разумѣется [χρόνοις]. Съ прибавкой этихъ буквъ и слова въ 752,3 окажется 55 буквъ, т. е. средняя величина. Для 941 В 9+А1 (съ ἐν τοῖς по ἀποτει-,—см. тексты) оказывается 59 буквъ, т. е. опять средняя величина. Итакъ дополненія мои здѣсь едва ли сомнительны.

Между началомъ 752,2: π]ερὶ τᾶς ΕΙ... ΡΙ (такъ Проттъ,—у Френкеля сначала было εἰ[ράνας]) и началомъ 752,3: νείων τὰγ (Френкель) γενομέναν теперь обязательно вставить изъ 941 В 8: ΤΑΙΕΚΤΑΣΧΩΡΑ[ς]. Если поставить рядомъ: π]ερὶ τᾶς ΕΙ...ΡΙ- - ται (Френкель) ἐκ τᾶς χώρα[ς]- - | νείων τὰγ (Френкель) γενομέναν ἐν τοῖς ἔμπροσθεν χρόνοις μὴ δικάξασθαι μηδένα, то сразу видно, что -ται Френкеля не годится ни какъ остатокъ отъ 3-го лица медіальной формы, ни какъ nominativus отъ существительнаго или прилагательнаго, ни какъ [ταῦ]ται. Не лучше оказалась бы и транскрипція ταῖ. Еще болѣе ясно, что τὰγ γενομέναν не accusativus singularis, а genit. pluralis femin., т. е. не τὰγ, а τᾶγ. Легранъ пишетъ: „ΝΕΙΩΝ τᾶγ γενομένα[ν?]". Къ чему здѣсь вопросъ?! Если уже τᾶγ съ circumflexus, то, конечно, дальше *должно* быть γενομένα[ν], такъ что мѣсто для вопроса было бы только относительно ударенія члена. Почему Легранъ пришелъ къ мысли о genitivus, а не accusativus? Мнѣ думается, что тутъ повліяло ΝΕΙΩΝ, конечно, принятое Леграномъ за тотъ самый genitivus, съ которымъ согласованъ членъ и причастіе. Въ такомъ случаѣ Легранъ весьма благоразумно не даетъ этого ΝΕΙΩΝ въ транскрипціи. Однако можетъ ли быть это ΝΕΙΩΝ (замѣтьте, что такое чтеніе даетъ и Легранъ въ своемъ изданіи въ *BCH.* XXIV и Проттъ, — чтеніе, очевидно, прочное) концомъ имени существительнаго женскаго рода въ genitivus? Если бы это имя было І-го склоненія, то мы въ виду и τᾶγ и γενομέναν ожидали бы не -νειῶν, а -νειᾶν. Я не отрицаю, конечно, возможности чередованія -ᾶν и -ῶν даже въ одной и той же надписи, но здѣсь рядомъ одна подлѣ другой эти разныя формы возбуждаютъ сомнѣніе, которое говорило бы, во всякомъ случаѣ, отчасти противъ дополненія -νειῶν въ видѣ имени І-го склоненія. Я поэтому такого дополненія и не старался найти. А среди именъ ІІ-го и ІІІ-го склоненія, кажется, едва ли возможно найти такое femininum, которое оканчивалось бы въ gen. plur. на νειων, если мы не рѣшимся прибѣгать къ допущенію ор-

өографическихъ разновидностей, что опять отчасти говорило бы противъ прінсканнаго дополненія. Словомъ, я прихожу къ заключенію, что τᾶγ γενομέναν нужно связывать не съ -νείων, а съ какимъ-то другимъ genitivus feminini, который пропалъ раньше этого -νείων. Итакъ мы получаемъ: π]ερὶ τᾶς ΕΙ...ΡΙ - - ΤΑΙ ἐκ τᾶς χώρα[ς - - τᾶν + genit. femin. — —]|νείων τᾶγ γενομέναν и проч. Я предлагаю: ΤΑΙ ἐκ τᾶς χώρα[ς καὶ περὶ τᾶν ποθόδων τᾶν ἐκ τῶν θυν]νείων τᾶγ γενομέναν и проч. Здѣсь мы имѣемъ то, что составляетъ въ 941 В строку 8-ю: получилось 58 буквъ, т. е. средняя длина для 941. Читатель, конечно, видитъ, что дополненіе это подсказано въ словахъ 752, 6—7=941В12+А3 и сл.: ἀπὸ τᾶγ κοινᾶν ποθόδων τᾶν ἐκ τῶν θυννείων. Мнѣ пришлось пропустить только κοινᾶν, потому что съ послѣднимъ строка вышла бы за предѣлы максимальной длины строкъ 941 (58+6=64 при четырехъ Ω). Ниже мы увидимъ, что это κοινᾶν именно здѣсь и должно было отсутствовать.

Я возстановилъ строку для 941, 8. Въ соотвѣтствующей строкѣ 752,2 должно быть: π]ερὶ τᾶς ΕΙ...ΡΙ - - ΤΑΙ ἐκ τᾶς χώρα[ς καὶ περὶ τᾶν ποθόδων τᾶν ἐκ τῶν θυν], т. е., если считать точки за буквы, 14+x+41, т. е. для x-лакуны послѣ ΡΙ имѣется въ нашемъ распоряженіи maximum *три* мѣста (максимальная длина строкъ въ 752 = 58 буквамъ). При такомъ положеніи, кажется, почти очевидно, что въ лакунѣ есть мѣсто только для конца слова ΕΙ...ΡΙ, стоящаго въ родительномъ падежѣ и, несомнѣнно, женскаго рода, такъ что мы безъ колебанія можемъ поставить въ лакуну или ας или ος. Итакъ для этого слова мы имѣемъ или ΕΙ...ΡΙ[.ας] или ΕΙ...ΡΙ]ας] или тоже съ ος. Припомню, что ΡΙ указано только Проттомъ (у Леграна вовсе нѣтъ). Допуская, что въ крайнемъ случаѣ послѣдній вертикальный штрихъ въ копіи явился вмѣсто наклоннаго, можно было бы предложить здѣсь много подходящихъ по внѣшнему составу дополненій (напримѣръ ἑκατέρας, εἰσφορᾶς, ἐκφορᾶς, ἐπιφορᾶς, ἐπικρίσιος, ἐκεχηρίας, ἐνεχυρασίας, ἐκκαρπώσιος, ἐκ- или ἐπιστρατείας, ἐπαχρίας, ἐπαυρήσιος, ἐπακτρίδος, ἐπιδρομᾶς, ἐκλυτρώσιος, ἐμπορίας—кромѣ этихъ, отчасти длинноватыхъ, нашлось бы вѣроятно не мало и другихъ еще). Я лично предпочитаю изъ всѣхъ прінсканныхъ или припомнившихся словъ поставленное мною въ текстѣ ἐπικαρπίας: здѣсь оба π являются на мѣстѣ указанныхъ въ копіи вертикальныхъ чертъ, которыя въ копіяхъ съ лакунами, при отсутствіи оговорки, вовсе не обязательно считать за iota; на три точки падаетъ ΙΚΑ, и конецъ ίας не выходитъ за maximum строки. При этомъ (да и всякомъ другомъ) дополненіи слѣ-

дующее TAI Френкеля, непригодное ни какъ -ται, ни какъ τᾶι (см. выше), очевидно, нужно считать за τᾶς, т. е. π]ερὶ τᾶς ἐπ[ιχα]ρπ[ίας] τᾶ(ς) ἐκ τᾶς χώρα[ς и пр. По поводу сочетанія имени и опредѣленія (τᾶς ἐκ) ср. въ надписяхъ о δημιόπρατα ермоконидовъ Dittenberger, SIG.[2] 41_{11} ἐπικαρπία τῆς γῆς τῆς ἐν Ὀφρυνείοι (а въ SIG[2] 38 ἐπικαρπία Ἀθμονοῖ), а при поискахъ вѣроятно можно найти и полныя аналогіи. О значеніи ἐπικαρπία Диттенбергеръ въ SIG[2] къ 38 цитируетъ Holleaux въ *Revue des études grecques* X (1897), 36 и Ziebart въ *Wochenschr. f. kl. Phil* XIV (1897), 1026, ср. Recueil d'inscr. gr. juridiques I (мѣста указаны тамъ въ index'ѣ).

Попятимся дальше назадъ. Только что возстановленное начало 752,2: περὶ τᾶς ἐπιχαρπίας составляетъ въ то же время самый конецъ для 941 A 7, а для начала его есть у Френкеля „ΕΙΛΕΠΟΛΙΣΜΥΡ= εἶλε πόλις μυρ[ι". Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что здѣсь та самая формула, которую мы имѣемъ почти цѣликомъ въ 752, 4—5 (ср. тоже 941 B 10 + A 2 и сл.): ἀποτεισάτω εἰ μὲν ἰδιώτας χιλί[ας] δραχ[μάς, ε]ἰ δ[ὲ πόλις] | μυρίας, только тамъ Френкель поставилъ вмѣсто πόλις слово ἄρχων (то же и Легранъ, но съ вопросомъ) и этимъ слишкомъ самоувѣреннымъ дополненіемъ (мы видѣли, что онъ прибѣгаетъ къ ἄρχων и ἰδιώτας и въ другомъ мѣстѣ) загородилъ себѣ дорогу къ правильному пониманію 941 A 7. Итакъ мы уже имѣемъ εἰ δὲ πόλις μυρ[ίας — — — π]ερὶ τᾶς ἐπ[ιχα]ρπ[ίας], т. е. 15 + x + 17 = 32 + x, т. е. x здѣсь отъ 21 до 31 буквы (при длинѣ строкъ въ 941). Въ параллельномъ мѣстѣ послѣ μυρίας стоитъ καὶ ἁ δίκα ἀτελὴς ἔστω=18 буквъ. Въ крайнемъ случаѣ у насъ можно было помириться и съ 18 буквами, т. е. на три меньше minimum'а, или даже, чтобы не выходить изъ границъ, прибавить еще καὶ передъ περὶ τᾶς ἐπιχαρπίας,— это καὶ кстати позволило бы устранить и asyndeton (въ параллельномъ мѣстѣ 752,5 = 941 A 11 стоитъ περὶ δὲ τῶν и пр.; разумѣется въ началѣ новаго пункта и asyndeton не исключается). Но строка была бы все-таки коротковата: 50—53 буквы при одномъ M и одномъ Ω, такъ что пришлось бы, пожалуй, допустить еще въ началѣ новаго пункта, т. е. предъ περί, spatium vacuum въ видѣ интерпункціи. Но, что самое главное, δίκα ἀτελὴς ἔστω у насъ стоитъ, какъ увидимъ, *предъ* ἀποτεισάτω—μυρίας, а не *послѣ* μυρίας. Итакъ нужно заполнить лакуну чѣмъ-либо инымъ. Мы видѣли asyndeton въ περὶ τᾶς ἐπιχαρπίας. Вѣроятно, было раньше еще περί (сряду за μυρίας) и, вѣроятно, съ δέ, а тогда, конечно, и καὶ предъ περὶ τᾶς ἐπιχαρπίας, т. е. для 21—31 мѣстъ уже есть 9 буквъ: περὶ δὲ — — — καί. Для x остается 11—22

мѣстъ. Тутъ я могу предложить дополненіе съ значительно меньшей вѣроятностью. Мнѣ кажется, что въ περὶ τᾶς ἐπικαρπίας τᾶς ἐκ τᾶς χώρας простое τᾶς χώρας, безъ опредѣленія, было бы недостаточно ясно, если бы предъ этимъ не было сказано объ этой „χώρας" болѣе опредѣленно, т. е. если бы раньше не упоминалась та же χώρα съ опредѣленіемъ, напримѣръ, περὶ δὲ τᾶς—χώρας,—изъ 11—22 мѣстъ остается 3—14. Какое тутъ могло бы быть опредѣленіе? Возможностей масса: и собственныя имена и прилагательныя и существительныя и мѣстоимѣнія и причастія. Тутъ пришлось бы остановиться на non liquet. Но 941 A 2 въ какомъ-то контекстѣ называетъ намъ τὰν κοινὰν χ[ώ]ραν, и я думаю, что κοινᾶς мы можемъ поставить и въ нашемъ мѣстѣ: 941 B 7 оказывается изъ 55 буквъ,—длина средняя.

Идемъ еще дальше назадъ. Говоря объ εἰ δὲ πόλις μυρίας для 941 B 7, мы уже нашли для 941 B 6: ἀποτεισάτω εἰ μὲν ἰδιώτας χιλίας δραχμάς=35 буквъ. Въ началѣ 941 B 6 есть уже у Френкеля: „ΑΤΕΔΙΚΑΑΤΕΛΗΣ . . Ο=ἅ τε δίκα ἀτελής". Я думаю, что, несмотря на *двѣ* точки и на О, послѣ ἀτελής непремѣнно было ἔστω. Есть слѣд. для начала строки 17 буквъ. Союзъ τε напоминаетъ о слѣдующемъ καί,—еще 3 буквы. Итогъ 17+3+35=55. Тутъ все ясно, но нужно посчитаться еще съ чтеніями начала 1-й строки 752: ΩΣΔΕΛΟ Протта, ΩΣΔΕΔΛ (послѣдній знакъ не полный) Леграна. Начало этой строки должно падать гдѣ-то во второй половинѣ 941 A 6. Можно сказать точнѣе. 752,2 περὶ τᾶς ἐπικαρπίας начинается за 17 буквъ до конца 941 A 7. Предшествующія 38 буквъ изъ 941 A 7 падаютъ на конецъ 752,1, слѣд. для начала ея нужно взять еще отъ 11 до 20 буквъ съ конца 941 A 6: ἰδιώτας χιλίας δραχμάς. Слѣд. ΩΣΔΕΛΟ (или ΔΛ) должно соотвѣтствовать группѣ шести какихъ-то буквъ изъ ἰδιώτας χιλίας δρα. Несомнѣнно, что соотвѣтствія тутъ нельзя найти и, если бы Проттъ и Легранъ заявили намъ опредѣленно, что ΩΣΔΕΛ (или Δ) читаются безспорно, то это говорило бы противъ моей реконструкціи. Теперь мы имѣемъ право думать, что они копировали здѣсь въ *началѣ* первой, т. е. *верхней* строки скорѣе vestigia litterarum, чѣмъ litteras. Я думаю, что вмѣсто ΩΣΔΕΛ на камнѣ есть ΩΤΑΣΧ, т. е. что допущено смѣшеніе Σ съ Τ (возможное), Δ съ Α (обычное), Ε съ Σ (легкое) и Λ съ Χ (т. е. замѣчена лишь нижняя часть буквы). О слѣдующемъ О Протта или неполномъ Λ Леграна на мѣстѣ ожидаемаго Ι и говорить не стоитъ: очевидно тутъ, или и слѣдовъ-то буквъ не сохранилось или Легранъ перескочилъ чрезъ Ι и списалъ слѣдующее Λ изъ ιλίας. Надѣюсь, что ко времени печатанія этой статьи я

получу справку изъ Аѳинъ и что она подтвердитъ мою догадку. По моему 752,1 идетъ отъ ὦτας χιλίας до (exclusive) περὶ τᾶς ἐπικαρπίας=55 буквъ [справка еще не получена].

Идя еще дальше назадъ, мы располагаемъ еще только остатками отъ 941 B, а отъ 752 нѣтъ уже ничего. Конечно, ἅ τε δίκα ἀτελὴς ἔστω въ началѣ 941 B 6 подсказываетъ, что въ концѣ 941 B 5 было εἰ δὲ δικάξαιτο (ср. параллель), а для начала ея у Френкеля: „ΜΗΔΙΚΑΞΑΣΑΙΝΗΘΕΝ=μὴ δικάξας αἰνηθέν“, т. е., несомнѣнно, μὴ δικάξασθαι μηθέν[α], съ пропускомъ въ копіи перваго Θ и съ смѣшеніемъ Μ съ Ν. Итакъ есть 18 + x + 13. Для x я примѣрно предложу μήτε ἰδιώταν μήτε πόλιν μηδετέραν=29 буквъ,—всего 60 буквъ. Вторая половина, быть можетъ, была выражена и иначе, но смыслъ былъ, вѣроятно, тотъ же. Ниже мы видимъ, что ἰδιώτας упоминается *раньше*, чѣмъ πόλις (εἰ μὲν ἰδ.—εἰ δὲ πόλ.). Что рѣчь о *двухъ* городахъ, извѣстно изъ ἑκάτεροι 752, 15—16. Отмѣчу, что именно на основаніи данной строки, въ которой Френкель видѣлъ μὴ δικάξας αἰνηθέν, я и въ 752, 3 = 941 B 9 + A 1 пишу μὴ δικάξασθαι μηθένα, а не μηδένα δικάξασθαι (Meister).

Несомнѣнно, конечно, что рѣчь о томъ, о *чемъ* „нельзя никому судиться“, была въ строкѣ предшествующей, 941 B 4, но, можетъ быть, и не въ ней одной, такъ какъ она могла быть и въ формѣ περὶ cum genitivo, какъ ниже, и въ формѣ, напримѣръ, условнаго предложенія. Но всѣ возстановленія какъ B 4, такъ и B 1—3, пожалуй, и навсегда останутся безнадежными, такъ какъ для этихъ строкъ мы располагаемъ лишь ихъ начальными четвертями, и во всякомъ случаѣ, пока эти четверти извѣстны только въ копіи Френкеля, дополнять остальныя три четверти, хотя бы и въ видѣ примѣра, весьма рискованно. Поэтому въ текстъ этихъ строкъ я не ввожу моихъ догадокъ, а укажу ихъ лишь здѣсь.

Въ B 4 Френкель даетъ: ΛΕΙΑΠΟΤΕΠΙΑΓΕΙΕΙ (три послѣднія буквы съ сомнѣніемъ) и передаетъ это такъ: „[τέ?]]λειά ποτ' ἐπιάγει ε“, т. е. онъ сомнѣвается только въ первомъ словѣ и увѣренъ въ двухъ слѣдующихъ. По моему уже ποτέ какъ будто не особенно пригодно для такого текста, какъ нашъ; кромѣ того я сомнѣваюсь въ возможности подтвердить параллелями форму compositi „ἐπιάγω“. Френкель и здѣсь minima non curat и, конечно, вѣритъ „*exscripsi*“. Я же, хотя и не производилъ точныхъ поисковъ, вездѣ, гдѣ попадался этотъ глаголъ, находилъ ἐπάγω, а предшествующимъ изложеніемъ, кажется, доставилъ себѣ право сомнѣваться въ копіяхъ Френкеля. Въ ΛΕΙ

можетъ скрываться, напримѣръ, [πό||λει,—ср. съ такимъ же окончаніемъ ἀκροπόλει 752,19. А въ слѣдующихъ буквахъ возможно, пожалуй, ἀποτεισάτω· περ[ὶ δὲ], если сравнить френкелевскую копію и мою догадку въ maiusculis:

ΑΠΟΤΕΠΙΑΓΕΙΕΙ
ΑΠΟΤΕΙΣΑΤΩΠΕΡ

Я не предлагаю послѣ ἀποτεισάτω, по аналогіи съ имѣющимися ниже параллелями, дополнить: εἰ μὲν ἰδιώτας χιλίας δραχμάς, εἰ δὲ πόλις μυρίας, хотя ΕΙ Френкеля и годилось бы для εἰ. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ этимъ дополненіемъ у насъ для B 4 оказалось бы уже 53 буквы, т. е. оставалось бы въ концѣ B 4 maximum 10 мѣстъ для возстановленія связи съ μὴ δικάξασθαι слѣдующей строки. Тогда, въ крайнемъ случаѣ, оставалось бы прибѣгнуть къ περὶ δὲ τούτων или περὶ δὲ ταύτης,—12 буквъ въ обоихъ случаяхъ : [πό]||λει ἀποτεισάτω εἰ [μὲν ἰδιώτας χιλίας δραχμάς, εἰ δὲ πόλις μυρίας. περὶ δὲ τούτων||μὴ δικάξασθαι μηθέν[α и пр., а 65 буквъ въ строкѣ при 3 Ω и 3 Μ трудно допустить. Итакъ я пока останавливаюсь на λει ἀποτεισάτω περὶ δὲ съ лакуной въ 34—44 мѣста для genitiv'овъ предъ δικάξασθαι. Мы видѣли, что при томъ δικάξασθαι нельзя дальше ограничиться однимъ μηθένα, а требуется расчлененіе послѣдняго (μήτε—μήτε), тогда какъ при слѣдующемъ ниже δικάξασθαι, несомнѣнно, было только одно μηθένα (752,3=941 B 9+A 1). По этому весьма шаткому, конечно, признаку большей подробности можно догадываться, что μὴ δικάξασθαι B 5 было *первымъ* въ документѣ воспрещеніемъ судиться. Тогда, слѣдовательно, мое ἀποτεισάτω B 4, т. е. стоящее раньше перваго δικάξασθαι B 5, нельзя ставить на одну доску съ имѣющимися ниже ἀποτεισάτω, — иначе пришлось бы допустить, что выше строки B 4 было еще болѣе раннее μὴ δικάξασθαι. И по этому шаткому признаку за ἀποτεισάτω у насъ не хотѣлось бы ставить εἰ μὲν ἰδιώτας и пр. Но если мое ἀποτεισάτω не аналогично съ ниже слѣдующими, если оно не говоритъ о штрафѣ за сутяжничество (εἰ δὲ δικάξαιτο), то какое же оно? Оно могло налагать штрафъ за какое-либо выше опредѣленно названное нарушеніе того или другого пункта настоящихъ ὁμόλογα, напримѣръ, „если же кто-нибудь совершитъ то-то или это, пусть уплатитъ городу вдвойнѣ“ по-гречески: εἰ δέ τις (или αἴ κα) —— optativus (coniunctivus) ——, διπλοῦν τᾶι πόλει ἀποτεισάτω. Мнѣ кажется (опять по общему впечатлѣнію, безъ статистики), что при ἀποτεισάτω дополненіе въ видѣ опредѣленнаго количества денегъ гораздо чаще ставится *послѣ* глагола, а въ видѣ τὸ

διπλοῦν или αὐτὸ καὶ τὸ ἡμιόλιον и т. п.—чаще *передъ* глаголомъ (например, SIG.² 438,129 τὸ διπλοῦν Ϝέκαστος ἀποτεισάτω, 463,130 αὐτοὶ τὰ διπλόα ἀποτεισάντων, 540,1 τὸ ἐπίπεμπτον ἀποτείσει ὁ ἐργώνης, 540,39 τοῦτο αὐτὸ καὶ ἡμιόλιον ἀποτείσει). По этому стилистическому признаку ожидаемое у насъ дополненіе, будетъ ли оно τὸ διπλοῦν или иное въ этомъ родѣ, должно быть *раньше* моего πό]|λει ἀποτεισάτω, т. е. подъ конецъ В 3, гдѣ и есть для него мѣсто. Нужно еще для моего примѣра εἰ δέ τις и пр., чтобы раньше стоялъ *nominativus* лица, и въ В 3 для начала строки Френкель даетъ ἢ ἄλλος τις ἀπὸ κοινοῦ. Очевидно, еще раньше, т. е. уже въ В 2 (если не раньше) былъ еще другой nominativus (или другіе) и лишь предъ нимъ союзъ εἰ или αἴ κα. Понятно, что мы по существу здѣсь не можемъ возстановить текстъ, пока какая-нибудь случайность или раскопки не принесутъ намъ хотя бы кусочковъ или тризинско-калаврійской копіи или эпидаврійской или эгинской. Замѣчу, что ἀπὸ κοινοῦ, конечно, не имѣетъ отношенія къ τὸ κοινόν, а употреблено или въ смыслѣ нарѣчія или въ томъ же родѣ, какъ, напримѣръ, въ ἀπὸ κοινοῦ τινὸς ὁρμώμενοι τόπου καὶ τὰς ἀφορμὰς ἐκεῖθεν λαμβάνοντες (приводится въ Thesaur. linguae Graec. s. v. κοινός).

Въ началѣ В 2 нельзя ничего возразить противъ френкелевскихъ: „IANKOINANX . PAN . T=τὰν κοινὰν χ[ώ]ραν“, потому что было бы простой придиркой, если бы я потребовалъ, напримѣръ, τὰγ вмѣсто τὰν (въ 752 3, 6, 12, 14 fin., 18 мы видимъ это явленіе послѣдовательно) или если бы я сряду заподозрилъ, что послѣднее T стоитъ дальше, чѣмъ на одну букву отъ N (у Френкеля точки между ними нѣтъ, такъ что, можетъ быть, и онъ допустилъ бы тутъ пробѣлъ въ *двѣ* буквы). Невозможно доказать, что это τὰν κοινὰν χώραν входило уже въ предѣлы предположеннаго условнаго предложенія, т. е. стояло не раньше, а послѣ εἰ или ἐάν. Соотвѣтственно ходу моихъ догадокъ-на-догадкѣ возможно было бы предложить примѣрно такое схематическое возстановленіе, начиная съ послѣдней части строки В 1:

|εἰ δέ τις κα]
τὰν κοινὰν χ[ώ]ραν [κα]τ[αβλάψηι εἴτε πόλις εἴτε ἰδιώτας — —]
ἢ ἄλλος τις ἀπὸ κοινοῦ [μετὰ τούτων, τὸ διπλοῦν καθ' ὅ κα καταβλάψηι τᾶι πό]-
λει ἀποτεισάτω· περ[ὶ δὲ — — —

Но, разумѣется, тутъ ни за что нельзя поручиться. Если даже у насъ будетъ подъ руками точнѣйшая копія или точнѣйшія справки опытнаго эпиграфиста, то и тогда едва ли удастся остановиться на предложенной формулѣ или одной изъ множества другихъ. Я возста-

новлялъ здѣсь контекстъ только для того, чтобы показать, въ какой связи могло стоять τὰν κοινὰν χώραν, которое само по себѣ важнѣе всѣхъ остатковъ отъ первыхъ шести строкъ 941.

Остается еще начало В 1 т. е. ... І/ .. ΚΑΙΟΚΑΤΑΠ/= .... καὶ οἱ κατὰ π[άντα?] Френкеля. Еще при возможности сомнѣнія въ копіи тутъ нельзя ничего извлечь. Рядомъ съ френкелевскимъ дополненіемъ можно поставить напримѣръ, [δί]καιοι κατατ или καὶ οἱ καταπλ[έοντες] и т. п.

Итакъ, фрагменты наши позволяютъ присоединить къ хорошо сохранившейся части 752 еще пять строкъ съ весьма вѣроятными, на мой взглядъ, дополненіями и еще четыре строки съ дополненіями, по крайней мѣрѣ, схематическими. Съ формальной стороны результаты моего разбора и реконструкціи поучительны въ томъ отношеніи, что они, обнаруживая ошибки Френкеля въ его копіяхъ и въ дѣленіи текста на слова и въ частичныхъ возстановленіяхъ, показываютъ, какая нужна осмотрительность при дѣлѣ съ фрагментами (см. у меня параллельные тексты). Со стороны содержанія мы получаемъ тутъ извѣстіе объ ἁ κοινὰ χώρα договаривающихся городовъ, объ ἐπικαρπία съ этой χώρα и о прежнихъ доходахъ отъ ловли тунца.

Принявъ во вниманіе эти дополненія и связавъ ихъ съ прежде извѣстнымъ текстомъ, мы видимъ, что предъ нами не простая trözenische Entschädigunsurkunde, — такъ названъ прежній текстъ Мейстеромъ въ заглавіи его статьи. Предъ нами и не симполитическій договоръ: мысль о немъ могла бы явиться въ виду ἁ κοινὰ χώρα, но установленіе ἐπιγαμία и ἔγκτασις говоритъ, что договаривающіяся стороны продолжаютъ и на будущее время свое отдѣльное политическое существованіе; за то же говоритъ и прочій текстъ. Дѣло обстояло, повидимому, такъ: между сосѣдними городами были раздоры, именно отчасти изъ-за рыбной ловли, ловли тунца, отчасти изъ-за владѣнія какимъ-то участкомъ земли, можетъ быть, прибрежной полосой. Раздоры доходили до того, что между городами были ἀνεπιβασίαι и города прибѣгали къ ῥυσιάζειν и ἄγειν. Отсюда, конечно, еще далеко до френкелевскаго „conditio Peloponnesi turbata, quae *patet* e titulo nostro“. Такимъ отношеніямъ полагается конецъ заключеніемъ находящихся предъ нами ὁμόλογα. По взаимному соглашенію опредѣляется, что спорный участокъ на будущее время долженъ стать общимъ достояніемъ договаривающихся сторонъ и что таковыми же будутъ и доходы отъ θυννεῖα: αἱ κοιναὶ πόθοδοι αἱ ἐκ τῶν θυννείων. Судиться изъ-за того участка и изъ-за доходовъ съ него (ἐπικαρπία) и изъ-за доходовъ

отъ рыбной ловли, бывшихъ въ прежнее время, воспрещается подъ угрозой штрафа какъ городамъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ изъ этихъ городовъ. Лицамъ же, несомнѣнно потерпѣвшимъ личный или матеріальный ущербъ отъ прежнихъ ненормальныхъ отношеній между городами, опредѣляется вознагражденіе изъ доходовъ отъ рыбной ловли, которые съ даннаго момента стали κοιναί (прежде они такими не были, потому о *прежнихъ* и не сказано κοιναί). Эти соглашенія предположено было представить на ἐπίκρισις трехъ лицъ изъ аѳинянъ по выбору послѣднихъ, и затѣмъ они были опубликованы, причемъ, какъ видно изъ формулировки и діалекта нашихъ публикацій, аѳинская ἐπίκρισις состояла, вѣроятно, въ простомъ одобреніи состоявшихся ὁμόλογα.

Я пока на этомъ и остановлюсь, — остановлюсь потому, что для перетрактованія всего документа необходимо имѣть подъ руками и всю литературу о немъ и нѣкоторыя пособія, а у меня теперь, кромѣ CIGP. I, есть только статья Леграна и небольшая замѣтка Бехтеля, тогда какъ о Мейстерѣ, Кейлѣ и Оссулье я знаю пока только изъ ссылокъ въ CIGP. I. [1]). Поспѣшить однако съ опубликованіемъ моей реконструкціи текста я считаю необходимымъ. Необходимо это не изъза одного пріоритета, т. е. не потому только, что, напримѣръ, Мейстеръ, который уже писалъ о тризинской надписи обстоятельно (его статья, по библіографическимъ указаніямъ, занимаетъ 10 страницъ), теперь, имѣя навѣрно уже съ апрѣля CIGP. I (у меня съ іюля), можетъ очень скоро узнать тожество этой надписи съ эпидаврійскими фрагментами. Важно, чтобы моя реконструкція появилась *независимо* отъ тѣхъ, которыя, конечно, не замедлятъ появиться за границей. Если онѣ совпадутъ съ моей въ существенныхъ пунктахъ, то это будетъ существенно для значенія самого фрагментированнаго документа. Надѣясь вернуться позднѣе къ истолкованію документа, не могу уже здѣсь не упомянуть, что, по моему, совершенно напрасно и Френкель передаетъ ἐν ταῖς ἀνεπιβασίαις посредствомъ „in irruptionibus" и Легранъ отказывается здѣсь отъ α privativum, а произво-

[1]) Въ лѣтнее время мнѣ приходится пользоваться книгами при такихъ обстоятельствахъ: отъ одного журнала нужный для меня выпускъ еще не полученъ въ библіотекѣ, хотя есть уже слѣдующій; другой журналъ взятъ лицомъ, уѣхавшимъ за границу; третій — у живущаго на дачѣ, четвертый—тоже, а въ имѣющемся экземплярѣ Thesaurus linguae Graecae, по крайней мѣрѣ, въ трехъ нужныхъ для меня мѣстахъ не достаетъ по нѣсколько сотъ страницъ, и совсѣмъ нѣтъ недавно вышедшей книги *Б. Кейля* Anonymus Argentinensis.

дитъ слово отъ ἀνά—ἐπί—βαίνω и принимаетъ въ значеніи „incursion“, считая слово новымъ. Никто, конечно, не станетъ видѣть ἀνά въ ἀνεπίβατος, а отрицать связь послѣдняго съ ἀνεπιβασία я затрудняюсь. Для того, чтобы называть слово новымъ, кажется, необходимо было бы заглядывать въ полные словари и дополненія къ нимъ, какъ Thesaurus или Liddell-Scott или Sophocles и Συναγωγή Куманудиса (теперь еще Herwerden'a Lexicon Graecum suppletorium et dialecticum), но нерѣдко бываетъ, что эпиграфистъ, заглянувъ въ одинъ какой-нибудь словарь, открываетъ Америку, а другіе, понадѣявшись, что, онъ уже вездѣ справился, признаютъ его Колумбомъ. Такая исторія была съ Колумбомъ-Кувомъ по поводу χοροψάλτρια и повторялась и у Ларфельда и у Баунака и у Searles. Слово же ἀνεπιβασία уже въ Thesaurus указано изъ одного псевдоираклитовскаго письма по изданію въ примѣчаніи въ Eunapius cum notis Boissonade et Wyttenbach (Amstelodami 1822) стр. 450 (то же указаніе теперь вошло и въ небрежно издаваемый въ Аѳинахъ Μέγα λεξικὸν Ἑλληνικόν). Въ Epistolographi Graeci въ изданіи у Didot указанное мѣсто въ письмѣ IX, 8 находится на стр. 288. Ираклитъ, обращаясь къ ефесцамъ, отпускающимъ рабовъ, но не дающимъ имъ равноправія и участія въ гражданскихъ дѣлахъ, спрашиваетъ: τί οὖν βούλεσθε; τῆς πόλεως ἀθρόοι ἐξέλθωσι καὶ ἐξελθόντες ἰδίαν πόλιν κτίσωσι καταρώμενοι ὑμῖν καὶ παισὶ παίδων ἀνεπιβασίαν ψηφισάμενοι; Если даже Псевдоираклита Френкель и Легранъ не считаютъ достойнымъ ссылки, то слѣдовало хотя бы упомянуть объ этомъ. Скорѣе оба они въ Thesaurus не заглядывали. Слишкомъ уже велико и тяжело это изданіе, и въ иныхъ библіотекахъ его приходится разрѣзывать только спустя около 50 лѣтъ послѣ выхода послѣдняго выпуска.

А. Никитскій.

отъ рыбной ловли, бывшихъ въ прежнее время, воспрещается подъ угрозой штрафа какъ городамъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ изъ этихъ городовъ. Лицамъ же, несомнѣнно потерпѣвшимъ личный или матеріальный ущербъ отъ прежнихъ ненормальныхъ отношеній между городами, опредѣляется вознагражденіе изъ доходовъ отъ рыбной ловли, которые съ даннаго момента стали κοιναί (прежде они такими не были, потому о *прежнихъ* и не сказано κοιναί). Эти соглашенія предположено было представить на ἐπίκρισις трехъ лицъ изъ аѳинянъ по выбору послѣднихъ, и затѣмъ они были опубликованы, причемъ, какъ видно изъ формулировки и діалекта нашихъ публикацій, аѳинская ἐπίκρισις состояла, вѣроятно, въ простомъ одобреніи состоявшихся ὁμόλογα.

Я пока на этомъ и остановлюсь, — остановлюсь потому, что для перетрактованія всего документа необходимо имѣть подъ руками и всю литературу о немъ и нѣкоторыя пособія, а у меня теперь, кромѣ CIGP. I, есть только статья Леграна и небольшая замѣтка Бехтеля, тогда какъ о Мейстерѣ, Кейлѣ и Оссулье я знаю пока только изъ ссылокъ въ CIGP. I. [1]). Поспѣшить однако съ опубликованіемъ моей реконструкціи текста я считаю необходимымъ. Необходимо это не изъ-за одного пріоритета, т. е. не потому только, что, напримѣръ, Мейстеръ, который уже писалъ о тризинской надписи обстоятельно (его статья, по библіографическимъ указаніямъ, занимаетъ 10 страницъ), теперь, имѣя навѣрно уже съ апрѣля CIGP. I (у меня съ іюля), можетъ очень скоро узнать тожество этой надписи съ эпидаврійскими фрагментами. Важно, чтобы моя реконструкція появилась *независимо* отъ тѣхъ, которыя, конечно, не замедлятъ появиться за границей. Если онѣ совпадутъ съ моей въ существенныхъ пунктахъ, то это будетъ существенно для значенія самого фрагментированнаго документа. Надѣясь вернуться позднѣе къ истолкованію документа, не могу уже здѣсь не упомянуть, что, по моему, совершенно напрасно и Френкель передаетъ ἐν ταῖς ἀνεπιβασίαις посредствомъ „in irruptionibus" и Легранъ отказывается здѣсь отъ α privativum, а произво-

---

[1]) Въ лѣтнее время мнѣ приходится пользоваться книгами при такихъ обстоятельствахъ: отъ одного журнала нужный для меня выпускъ еще не полученъ въ библіотекѣ, хотя есть уже слѣдующій; другой журналъ взятъ лицомъ, уѣхавшимъ за границу; третій — у живущаго на дачѣ, четвертый—тоже, а въ имѣющемся экземплярѣ Thesaurus linguae Graecae, по крайней мѣрѣ, въ трехъ нужныхъ для меня мѣстахъ не достаетъ по нѣскольку сотъ страницъ, и совсѣмъ нѣтъ недавно вышедшей книги *Б. Кейля* Anonymus Argentinensis.

дитъ слово отъ ἀνά—ἐπί—βαίνω и принимаетъ въ значеніи „incursion“, считая слово новымъ. Никто, конечно, не станетъ видѣть ἀνά въ ἀνεπίβατος, а отрицать связь послѣдняго съ ἀνεπιβασία я затрудняюсь. Для того, чтобы называть слово новымъ, кажется, необходимо было бы заглядывать въ полные словари и дополненія къ нимъ, какъ Thesaurus или Liddell-Scott или Sophocles и Συναγωγή Кумануднса (теперь еще Herwerden'a Lexicon Graecum suppletorium et dialecticum), но нерѣдко бываетъ, что эпиграфистъ, заглянувъ въ одинъ какой-нибудь словарь, открываетъ Америку, а другіе, понадѣявшись, что, онъ уже вездѣ справился, признаютъ его Колумбомъ. Такая исторія была съ Колумбомъ-Кувомъ по поводу χοροψάλτρια и повторялась и у Ларфельда и у Баунака и у Searles. Слово же ἀνεπιβασία уже въ Thesaurus указано изъ одного псевдоираклитовскаго письма по изданію въ примѣчаніи въ Eunapius cum notis Boissonade et Wyttenbach (Amstelodami 1822) стр. 450 (то же указаніе теперь вошло и въ небрежно издаваемый въ Аѳинахъ Μέγα λεξικὸν Ἑλληνικόν). Въ Epistolographi Graeci въ изданіи у Didot указанное мѣсто въ письмѣ IX, 8 находится на стр. 288. Ираклитъ, обращаясь къ ефесцамъ, отпускающимъ рабовъ, но не дающимъ имъ равноправія и участія въ гражданскихъ дѣлахъ, спрашиваетъ: τί οὖν βούλεσθε; τῆς πόλεως ἀθρόοι ἐξέλθωσι καὶ ἐξελθόντες ἰδίαν πόλιν κτίσωσι καταρώμενοι ὑμῖν καὶ παισὶ παίδων ἀνεπιβασίαν ψηφισάμενοι; Если даже Псевдоираклита Френкель и Легранъ не считаютъ достойнымъ ссылки, то слѣдовало хотя бы упомянуть объ этомъ. Скорѣе оба они въ Thesaurus не заглядывали. Слишкомъ уже велико и тяжело это изданіе, и въ иныхъ библіотекахъ его приходится разрѣзывать только спустя около 50 лѣтъ послѣ выхода послѣдняго выпуска.

А. Никитскій.

VARIA [1]).

Памяти незабвеннаго учителя В. К. Эрнштедта.

XXXI.

Procop. *De bellis* V 4 p. 21, 18 ed. Bonn. (p. 14, 14 Kr.).

Теодагатъ, которому принадлежали большія помѣстья въ Тосканѣ (Τουσκία), не упускалъ ни одного случая округлить свои имѣнія, всячески притѣсняя сосѣднихъ землевладѣльцевъ и даже посягая на королевскую собственность, и вотъ обиженные имъ сосѣди пожаловались на него королевѣ Амаласвинтѣ.

Διὸ δὴ ἐς τὰς εὐθύνας καλέσασα Θευδάτον ἡ γυνὴ διαρρήδην τε πρὸς τῶν διαβαλόντων [2]) ἐληλεγμένον ἀποτιννύναι πάντα ἠνάγκασεν, ἅπερ οὐ δεόντως ἀφείλετο (Procop. l. c. p. 21, 15 sqq. ed. Bonn., p. 14, 12 sqq. Kr., т. е. по нашему собственному изданію, которое выйдетъ въ свѣтъ въ началѣ будущаго года).

Въ разбираемомъ мѣстѣ δεόντως читается въ рукописи *W*, тогда какъ въ *L* стоитъ δέον, а потому намъ приходится рѣшать вопросъ, которому изъ этихъ двухъ варіантовъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе.

---

[1]) *Продолженіе.* См. іюньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1898 г.

[2]) Это чтеніе, сообщаемое ватиканскою рукописью (*W* = cod. Vaticanus 152), мы предпочитаемъ вульгатѣ διαβαλλόντων, восходящей къ флорентійской рукописи (*L* = cod. Laurentianus pl. 69,8).

Всѣ старинные издатели — начиная съ Гёшеля (Augustae Vindelicorum, 1607) и кончая Диндорфомъ (Bonnae, 1833—1838) — читали δέον на основаніи рукописей, архетипомъ которыхъ является *L*; при этомъ надо замѣтить, что съ ватиканскимъ преданіемъ Гёшель почти совсѣмъ не былъ знакомъ, а послѣдующіе издатели (до Диндорфа включительно) имѣли знакомство съ этимъ преданіемъ вообще лишь по отношенію ко второй половинѣ данной (второй) тетрады „Ὑπὲρ τῶν πολέμων“ (De bellis) Прокопія [1]). Новѣйшій издатель этой тетрады, Компаретти [2]), отдалъ предпочтеніе ватиканскому преданію (vol. I, p. 28, 2) и поступилъ, на нашъ взглядъ, совершенно правильно — по крайней мѣрѣ, въ методологическомъ отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, — съ грамматической точки зрѣнія оба выраженія (οὐ δεόντως и οὐ δέον) въ данномъ контекстѣ одинаково возможны, а такъ какъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ватиканское преданіе оказывается несравненно болѣе близкимъ къ общему архетипу, нежели *(значительно интерполированное)* флорентійское, то ясно, что *ceteris paribus*, — какъ въ данномъ случаѣ, — надо отдать предпочтеніе именно ватиканскому преданію [3]). Въ виду этого и мы сочли

---

[1]) За подробностями по вопросу о возстановленномъ нами подлинномъ заглавіи этого историческаго труда Прокопія отсылаемъ читателей къ нашей статьѣ: *„Къ критикѣ текста второй тетрады* Ὑπὲρ τῶν πολέμων *Прокопія Кесарійскаго“* въ *Византійскомъ Временникѣ*, V (1898), 439.

[2]) La guerra Gotica di Procopio di Cesarea. Testo greco emendato sui manoscritti con traduzione italiana a cura di *Domenico Comparetti.* Voll. I—III, Roma, 1895—1898.

[3]) Фактъ значительной интерполированности флорентійскаго преданія, ускользнувшій отъ вниманія предшествовавшихъ издателей и изслѣдователей, впервые былъ отмѣченъ и доказанъ нами въ статьѣ: *„Къ рукописному преданію* Ὑπὲρ τῶν πολέμων *Прокопія Кесарійскаго“* (Commentationes philologicae въ честь проф. И. В. Помяловскаго, Спб. 1897, 192 сл.). Этимъ самымъ мы упрочили и фактъ неизмѣримаго превосходства ватиканскаго преданія предъ флорентійскимъ, до извѣстной степени признанный уже Компаретти (l. c., vol. I, Prefazione, p. XVII sq.). Безусловно ошибоченъ взглядъ Якоба Гаури, слишкомъ поторопившагося отдать пальму первенства флорентійскому преданію (*J. Haury*, Ueber Prokophandschriften, 128 — въ *Sitzungsber. der philos.-philol. und der histor. Classe der k. b. Akademie der Wiss. zu München*, 1895), опираясь при этомъ на единственный — весьма курьезный, чтобы не сказать больше, — аргументъ, крайнюю проблематичность котораго мы отмѣтили уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ — въ рецензіи на первый томъ изданія Компаретти (см. *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1895, ноябрь, отд. критики и библіографіи, 132 и слѣд.). Впрочемъ имѣемъ основаніе думать, что въ настоящее время и самъ Гаури уже не отстаиваетъ своего страннаго мнѣнія.

вполнѣ цѣлесообразнымъ принять въ текстъ своего изданія чтеніе *W* δεόντως.

Правда, сторонники чтенія *L* могли бы, пожалуй, возразить намъ, что въ данномъ случаѣ нельзя говорить о ceteris paribus уже въ виду того обстоятельства, что выраженіе οὐ δέον можетъ быть подкрѣплено многочисленными параллельными примѣрами изъ того же автора, тогда какъ для οὐ δεόντως, пожалуй, и не отыщется другого примѣра у Прокопія. Мы охотно признаемъ фактическую вѣрность такого возраженія и можемъ даже указать, что οὐ δέον (absolute usurpatum) встрѣчается, напримѣръ, въ слѣдующихъ 16 мѣстахъ — по боннскому изданію vol. I, p. 170,17. 182,12 sq. 183,15. 204,2. 219,1. 477,20. 502,18. 530,6; vol. II, p. 314,19. 338,12. 359,22. 406,12. 411,13. 425,2. 587,9; vol. III, p. 171,17, — причемъ этотъ перечень вовсе не претендуетъ на абсолютную полноту. Но, даже допуская, что οὐ δεόντως нигдѣ болѣе не встрѣчается у Прокопія, мы, тѣмъ не менѣе, сочли бы крупною методологическою ошибкою предпочтеніе флорентійскаго преданія ватиканскому единственно на основаніи вышеуказанныхъ статистическихъ данныхъ. Такое предпочтеніе было бы, на нашъ взглядъ, равносильно произвольному нивеллированію прокопіевскаго языка, — нивеллированію тѣмъ болѣе опрометчивому, что, съ одной стороны, этому автору, какъ извѣстно, въ высокой степени было присуще variandi studium [1]), съ другой, въ виду значительной интерполированности

Кстати упомянемъ, что тому же Гаури не болѣе посчастливилось и въ изслѣдованіи рукописнаго преданія какъ первой тетрады Ὑπὲρ τῶν πολέμων, такъ и другихъ сочиненій Прокопія. Такъ, предложенная имъ стемма рукописей (l. c. 127) оказывается не вполнѣ пригодною *и по отношенію къ первой тетради* Ὑπὲρ τῶν πολέμων, въ чемъ мы убѣдились на основаніи собственныхъ изслѣдованій по этому вопросу. Въ области рукописнаго преданія *„Тайной Исторіи"* (Ἀνέκδοτα) онъ не только проглядѣлъ важное значеніе, какое имѣетъ для критики текста cod. Vaticanus gr. 16, но и совершенно ошибочно объявляетъ эту рукопись копіей миланской (cod. Ambrosianus G 14 sup.) и другой ватиканской (cod. Vaticanus gr. 1001) рукописей, отчасти повторяя ошибку перваго издателя „Тайной Исторіи", — Алеманна (ср. разсужденія Гаури въ *Byzant. Zeitschrift*, IX (1900), 672 сл.). Достаточно однако ознакомиться съ варіантами одного мѣста (Anecd. p. 30,29 Kr., ср. и предисловіе къ нашему изданію, p. XXVIII), чтобы убѣдиться въ несостоятельности мнѣнія Гаури. — Наконецъ, даже въ такомъ несложномъ (по малочисленности рукописей) вопросѣ какъ вопросъ о рукописномъ преданіи *сокращенной редакціи „De aedificiis"* у Гаури дѣло не обошлось безъ ошибокъ. — Съ результатами нашихъ собственныхъ изслѣдованій въ области всѣхъ затронутыхъ выше вопросовъ мы не замедлимъ ознакомить читателей въ особыхъ статьяхъ на соотвѣтственныя темы.

[1]) Любопытныя иллюстраціи этой особенности прокопіевскаго стиля читатели

флорентійскаго преданія весьма возможно допустить предположеніе, что варіантъ οὐ δέον обязанъ своимъ происхожденіемъ именно „поправкѣ“ интерполятора, находившаго, что такое выраженіе болѣе чѣмъ οὐ δεόντως подходитъ къ языку Прокопія.

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній мы не колеблемся отдать предпочтеніе ватиканскому же преданію и въ другихъ аналогичныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, De bellis V, 3 p. 17,15 Bonn. (p. 10,19 Kr.) τὰ δὲ ἀντιλεγόμενα ἐγὼ ἐξεπιστάμενος ὡς ἥκιστα ἐπιμνησθήσομαι (такъ *W*; всѣ же наши предшественники, не исключая и Компаретти p. 21,6, читаютъ ἐπιμνήσομαι, какъ даетъ *L*),— несмотря на то, что въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ находимъ у Прокопія фразу ἐξεπιστάμενος ὡς ἥκιστα ἐπιμνήσομαι, безъ варіанта ἐπιμνησθήσομαι [1]). Не мѣшаетъ упомянуть, что и Джироламо Вителли въ своей рецензіи на первый томъ изданія Компаретти безъ всякихъ колебаній высказывается за предпочтеніе ватиканскаго преданія, совершенно правильно усматривая въ данномъ мѣстѣ Прокопія реминисценцію изъ Геродота II 3: τὰ μέν νυν θεῖα τῶν ἀπηγημάτων οἷα ἤκουον, οὐκ εἰμὶ πρόθυμος ἐξηγέεσθαι, ἔξω ἢ τὰ οὐνόματα αὐτῶν μοῦνον, νομίζων πάντας ἀνθρώπους ἴσον περὶ αὐτῶν ἐπίστασθαι· τὰ δ' ἂν ἐπιμνησθέω αὐτῶν, ὑπὸ τοῦ λόγου ἐξαναγκαζόμενος ἐπιμνησθήσομαι [2]). Съ своей стороны можемъ добавить, что аргументъ въ пользу ватиканскаго преданія, отмѣченный Вителли, нисколько не утратилъ бы своей доказательности по отношенію къ Прокопію даже и въ томъ случаѣ, если бы кѣмъ-либо было доказано, что *самъ Геродотъ* и въ вышеприведенномъ мѣстѣ написалъ ἐπιμνήσομαι [3]), и что ἐπιμνησθήσομαι обязано своимъ происхожденіемъ диттографической ошибкѣ переписчика (ср. выше ἐπιμνησθέω). Дѣло въ томъ,

---

могутъ найти у Шефтлейна (*Joh. Scheftlein*, De praepositionum usu Procopiano, Ratisbonae, 1893), 59—62; ср. также *F. Dahn*, Prokopius von Cäsarea, Berlin, 1865. 439 сл.

[1]) Кромѣ разбираемаго нами еще три примѣра указываетъ Браунъ (*Herm. Braun*, Die Nachahmung Herodots durch Prokop, Nürnberg, 1894), 15, а именно (по боннскому изданію) vol. I p. 342, 11; vol. II p. 318, 21; vol. III p. 94, 11.

[2]) *Rivista di filologia e d' istruzione classica*, XXIII (1895), 405. — Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что и τὰ ἀντιλεγόμενα, о которыхъ говоритъ Прокопій, относятся къ области религіи (δόξης ἕνεκεν, ἣν Χριστιανοὶ ἐν σφίσιν αὐτοῖς ἀμφιλέγουσιν ἀμφιγνοοῦντες).

[3]) Ср. *W. Veitch*, Greek verbs irregular and defective, [4] Oxford, 1879, 452: „μνήσομαι is the prevailing *fut.* form in Her. ἐπι-μνήσ- 1,5. 177. 2,101“; для формы ἐπιμνησθήσομαι онъ указываетъ только одинъ примѣръ — 2,3.

что это ἐπιμνησθήσομαι уже могло читаться въ той рукописи Геродота, которою пользовался Прокопій.

Въ качествѣ другого примѣра укажемъ De bellis V, 7 p. 30,7 Kr. (p. 38,17 Bonn.) καὶ πρῶτον ἔτος ἐτελεύτα τῷ πολέμῳ τῷδε, ὃν Προκόπιος συνέγραψε, гдѣ мы не поколебались принять въ текстъ συνέγραψε, читаемое въ рукописи *V* (cod. Vaticanus gr. 1690), отвергая конъектуру Компаретти ξυνέγραψε [1], — несмотря на то, что во всѣхъ прочихъ мѣстахъ, гдѣ Прокопій послѣдовательно отмѣчаетъ годы войны, читается ξυνέγραψε [2]), и на то, что переписчики весьма нерѣдко путаютъ формы ξύν и σύν.

Возвращаясь къ οὐ δεόντως, мы должны замѣтить, что, отдавая этому варіанту предпочтеніе по методологическимъ соображеніямъ, а потому и вводя его въ текстъ, мы въ то же время вовсе не являемся *безусловными сторонниками* этого чтенія. Дѣло въ томъ, что имѣется возможность до извѣстной степени примирить разногласіе обоихъ преданій посредствомъ весьма простой и легко допустимой въ палеографическомъ отношеніи поправки, въ результатѣ которой получается чтеніе, могущее удовлетворить сторонниковъ выраженія οὐ δέον, какъ имѣющаго за себя столько параллелей въ другихъ мѣстахъ Прокопія, а въ то же время не будетъ въ сущности нанесено ущерба и ватиканскому преданію, такъ какъ именно варіантъ послѣдняго и является исходнымъ пунктомъ эмендаціи.

Мы имѣемъ въ виду слѣдующее чтеніе: ἅπερ οὐ δέον <αὐ>τοὺς [3]) ἀφείλετο. Процессъ порчи подлиннаго текста можно представлять себѣ различнымъ образомъ, но наиболѣе простымъ и естественнымъ намъ кажется слѣдующее объясненіе: пропускъ слога αὐ легко объясняется гаплографическою ошибкой переписчика (ср. непосредственно предшествующій слогъ ον), а затѣмъ въ одной изъ послѣдующихъ копій δεοντους или δεοντοις [4]) могло уже чисто механически [5]) превратиться въ δεόντως *(W)*; что же касается δέον *(L)*, то это чтеніе могло быть

[1]) Предыдущіе издатели читали ξυνεγράψατο, слѣдуя флорентійскому преданію *(L)*.

[2]) Ср. указатель къ боннскому изданію (vol. III) p. 499 col. 1.

[3]) Кромѣ αὐτοὺς можно было бы думать и о возстановленіи τούτους или даже αὐτός, но αὐτοὺς намъ лично кажется наиболѣе вѣроятнымъ.

[4]) Въ виду очень частаго смѣшенія переписчиками окончаній ους и οις ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что уже въ раннихъ копіяхъ архетипа αὐτοὺς успѣло, по винѣ переписчика, превратиться въ αὐτοῖς.

[5]) Думать объ *интерполяціи* не стоитъ уже потому, что ου, οι и ω весьма часто смѣшиваются переписчиками.

результатомъ либо случайной описки переписчика, пропустившаго τως, — либо намѣренной интерполяціи (послѣднее предположеніе намъ представляется болѣе правдоподобнымъ).

Остается пояснить, что, говоря о возможности признанія интерполяціей замѣну δεόντως словомъ δέον, мы вовсе не думаемъ обвинять въ этомъ интерполированіи подлиннаго текста самого писца флорентійской рукописи *(L)*: вина въ интерполяторскомъ искаженіи подлиннаго текста второй тетрады Ὑπὲρ τῶν πολέμων падаетъ на писца или же на корректора той утраченной рукописи (*y*), къ которой восходятъ *L*, парижская (*E* = cod. Parisinus gr. 1038), неаполитанская (*N* = cod. Neapolitanus II C 32) и нѣкоторыя другія рукописи [1]).

XXXII.

Procop. *De bellis* V 7 p. 37,18 Bonn. (p. 29,13 Kr.).

Вскорѣ послѣ того какъ Юстиніанъ объявилъ войну Теодагату, готы подъ предводительствомъ Грипы [2]) заняли городъ Салоны въ Далматіи. Почти въ то же время византійскій полководецъ Константіанъ съ большимъ флотомъ и многочисленнымъ войскомъ приплылъ изъ Эпидамна въ Эпидавръ. Готскіе лазутчики, находившіеся въ Эпидаврѣ, увѣдомили объ этомъ Грипу, и столь близкое сосѣдство значительныхъ непріятельскихъ силъ очень встревожило готскаго генерала, не рѣшавшагося вступить въ бой съ византійцами, такъ какъ войска у него было меньше, а кромѣ того опасавшагося, что Константіанъ станетъ блокировать Салоны.

---

[1]) Ср. нашу замѣтку въ *Визант. Временникъ* VI (1899), 290 сл.

[2]) Это имя въ первый разъ упоминается Прокопіемъ въ началѣ этой же самой (7-ой) главы (p. 25,7 Kr.), и здѣсь какъ *V* такъ и *L* даютъ его одинаково — γρίπα; во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ (p. 28,18. 29,1.4.15. 30,1 Kr.) *L* удваиваетъ π, тогда какъ *V* такъ же послѣдовательно придерживается первой формы (Γρίπας). Всѣ издатели (въ томъ числѣ и Компаретти) пишутъ Γρίππας, только Гёшель въ первомъ мѣстѣ (p. 25,7 Kr.) оставилъ Γρίπα. Мы же признали цѣлесообразнымъ вездѣ возстановить Γρίπας, какъ форму, опирающуюся на лучшее рукописное преданіе и въ то же время вполнѣ соотвѣтствующую остготскому *Gripa*. Вреде, пользовавшійся боннскимъ изданіемъ, говоритъ по поводу Γρίππας слѣдующее: „Der Name, mit hypocoristischer Consonantendehnung und graecisierter Endung, = ostgot. *Gripa*, ist primäre Koseform zu einem Vollnamen, dessen eines Glied zu got. *greipan* an. *gripa* u. s. w. gehörte" (*Ferd. Wrede*, Ueber die Sprache der Ostgoten in Italien, Strassburg, 1891, 92), но полагаемъ, что авторитетъ лучшаго преданія (*V*) устраняетъ необходимость предполагать hypocoristische Consonantendehnung.

Μάλιστα δὲ αὐτὸν ξυνετάρασσεν ὅ τε Σαλώνων περίβολος, ἐπεὶ αὐτοῦ τὰ πολλὰ ἤδη καταπεπτώκει, καὶ τῶν ταύτῃ ᾠκημένων τὸ ἐς Γότθους κομιδῇ ὕποπτον [1]), καὶ διὰ τοῦτο ἐνθένδε παντὶ τῷ στρατῷ ἀπαλλαγεὶς ὅτι τάχιστα ἐν τῷ πεδίῳ στρατοπεδεύεται, ὃ μεταξὺ Σαλώνων τε καὶ Πρόμωνος πόλεώς ἐστι (Procop. l. c. p. 37, 13 sqq. Bonn., p. 29, 8 sqq. Kr.).

Имя Πρόμωνος мы возстановляемъ здѣсь на основаніи собственной конъектуры; въ рукописи *V* читается χρόμωνος., а въ *L* — очевидная интерполяція — κρότωνος. Первый по времени переводчикъ Прокопія, Христофоръ Персона, который издалъ въ Римѣ въ 1506 году [2]) латинскій переводъ второй тетрады De bellis, сдѣланный имъ по ватиканской рукописи *W*, передалъ конецъ вышеприведеннаго мѣста слѣдующимъ образомъ: „eo in campo castra metatus est, qui Salonas et *Cremonem* interiacet oppidum“ [3]), — гдѣ *Cremonem*, быть можетъ, является опиской самого Персоны или опечаткой вмѣсто *Cromonem*. Гёшель не затруднился принять въ свой текстъ Κρότωνος, очевидно, не подозрѣвая, что это чтеніе оказывается интерполяціонной поправкой,—какъ не подозрѣвалъ этого и Гуго Гроцій, который въ своемъ переводѣ, сдѣланномъ по изданію Гёшеля, даетъ слѣдующее: „consedit campo, qui Salonas inter *Crotonem*que est“ [4]).

Впервые Мальтрэ (Claudius Maltretus) понялъ, что Κρότωνος нуждается въ исправленіи, и не поколебался изгнать это чтеніе изъ текста, замѣняя его собственною конъектурой Σκαρδώνης, которая была затѣмъ принята и всѣми прочими издателями до Компаретти включительно.

Въ виду того обстоятельства, что эта вульгата Σκαρδώνης является слишкомъ далекою отъ чертъ рукописнаго преданія, мы считаемъ совершенно излишнимъ доказывать полное превосходство нашей собственной конъектуры Πρόμωνος, для полученія которой надо измѣ-

[1]) Возстановляемъ подлинное чтеніе ὕποπτον (*VL*), правильность котораго доказалъ уже Вителли (*Rivista di filol.* l. c. 106 сл.). До Компаретти издатели, читая на основаніи флорентійскаго преданія τὰ ἐς Γότθους, замѣняли рукописное ὕποπτον конъектурой Скалигера ὕποπτα ἦν, а Компаретти, неудачно комбинируя подлинное чтеніе съ вульгатой, читаетъ τὸ ἐς Γότθους κομιδῇ ὕποπτον ἦν (p. 52,13).

[2]) Данъ (Prokopius von Cäsarea, 463) ошибочно относитъ это изданіе къ 1516 году (опечатка?).

[3]) Цитуемъ по базельской перепечаткѣ Beata Rhenanus'a (Procopii Caesariensis de rebus Gothorum, Persarum ac Vandalorum libri VI, una cum aliis mediorum temporum historicis, etc. Basileae ex officina Ioannis Hervagii, 1531, p. 17).

[4]) Historia Gotthorum, Vandalorum, et Langobardorum: Ab *Hugone Grotio* partim versa, partim in ordinem digesta. Amstelodami, 1655, 158.

нить только первую букву въ варіантѣ лучшаго рукописнаго преданія (*V*). Для реальнаго же обоснованія нашей эмендаціи достаточно сослаться на новѣйшую кипертовскую карту Иллиріи и Θракіи [1]): городъ *Promona*, находившійся на дорогѣ, которая вела изъ Салонъ въ Бурнъ, — миляхъ въ шестнадцати къ западу отъ Скардоны, вполнѣ подходитъ подъ условія, вытекающія изъ контекста разбираемаго мѣста Прокопія.

Не мѣшаетъ также замѣтить, что Промона упоминается еще у Аппіана (Πρωμόνα, Illyr. 12. 25—27 p. 355,24. 356,1. 366,17. 367,9. 12.14. 368,1 ed. Mendelssohn), у Страбона VII, 5,5, гдѣ Швейгхейзеръ, исправляя, несомнѣнно, испорченное рукописное преданіе πριάμωνα, предложилъ читать Πρώμωνα (accus.), — и наконецъ, быть можетъ, у Птолемея II, 16,6, который, перечисляя πόλεις μεσόγειοι Λιβουρνίας, между прочимъ называетъ Ὠουπορούμ (варіанты: ὠουπόρουμ, ὠουπορούν, οὐοπορούμ, οὐωπορου) — „nomen aliunde non notum suspectumque", по справедливому замѣчанію Мюллера, не безъ основанія предполагающаго здѣсь искаженіе имени Промоны.

Что касается вопроса, какимъ образомъ въ прокопіевскихъ рукописяхъ Πρόμωνος могло превратиться въ Κρόμωνος, то въ виду слишкомъ незначительнаго сходства буквъ π и κ мы сочли бы крайне проблематическимъ предположеніе, что писецъ утраченной рукописи (*x*), являющейся общимъ источникомъ *VL*, принялъ за κ неразборчиво написанное или полустертое π [2]). Нѣсколько болѣе правдоподобною мы готовы были бы признать догадку, что первоначально πρόμωνος превратилось, по небрежности переписчика, въ βρόμωνος, а это βρόμωνος, въ свою очередь, превратилось въ χρό-

---

[1]) *H. Kiepert*, Formae orbis antiqui, fasc. I, Berol. 1894, tab. XVII, *Fc.* Ср. также *Mommsen* CIL. III, p. 1035 и примѣчаніе Мюллера къ его изданію Птолемея, vol. I, p. 315.

[2]) Изъ двухъ извѣстныхъ намъ примѣровъ смѣшенія переписчиками этихъ буквъ (и то не π съ κ, но наоборотъ) ни одинъ не можетъ претендовать на доказательность въ данномъ отношеніи: 1) чтеніе рукописей Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους въ отрывкѣ изъ Іосифа Флавія Antiq. Iud. XIII § 260 p. 199,16 ed. Niese πομπίῳ вмѣсто κομπίῳ (?), и 2) чтеніе рукописей извлеченій, περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς въ отрывки изъ Прокопія De bellis, VII 22 p. 372,9 Bonn., p. 317, 10 Kr. (ἤν σέ γε τὴν χείρω σοι τύχην κληροῦσθαι ξυμβαίη)— πληροῦσθαι вмѣсто κληροῦσθαι; здѣсь πληροῦσθαι могло быть обязано своимъ возникновеніемъ просто диттографіи (ср. πλοντήσεις, которымъ кончается предшествующая фраза).

μωνος по винѣ одного изъ послѣдующихъ переписчиковъ, который принялъ β за κ, что̀, конечно, могло произойти очень легко, такъ какъ въ палеографическомъ отношеніи эти буквы, какъ извѣстно, очень мало отличаются другъ отъ друга.

Ничего въ сущности не имѣя и противъ такого предположенія, мы тѣмъ не менѣе предпочитаемъ остановиться на нѣсколько иномъ объясненіи даннаго факта, а именно мы думаемъ, что превращеніе Πρόμωνος въ Κρόμωνος является или прямымъ, или косвеннымъ результатомъ небрежности *рубрикатора*.

Въ первомъ случаѣ надо предположить, что въ рукописи *x* этимъ словомъ начиналась строка, и что первая его буква была приписана киноварью, но только вмѣсто П рубрикаторъ по разсѣянности написалъ К. Изъ другихъ случаевъ аналогичныхъ ошибокъ разсѣянныхъ рубрикаторовъ можемъ указать, напримѣръ, Δρασαμούνδῳ въ cod. Parisinus gr. 1702 вмѣсто Τρασαμούνδῳ (Procop. vol. I p. 349,10 ed. Bonn.) и *Кинъ* (sic) вмѣсто *Нинъ* въ Погодинской рукописи (n. 1437) „Лѣтописца Еллинскаго и Римскаго" (fol. 9ᵛ: „о нинѣ сїѣ кроновѣ. иже под свою м҃трь. Кинь же сїй кроновъ" и проч.; буква К и все заглавіе этой статьи писаны киноварью) [1].

Во второмъ случаѣ приходится предположить, что въ оригиналѣ (Vorlage) рукописи *x* было написано (въ началѣ строки) ρόμωνος, причемъ рубрикаторъ забылъ приписать киноварью первую букву (П) [2], и вотъ писецъ *x*, видя, что одна буква пропущена, дополнилъ ее уже просто на-авось, написавъ κρόμωνος. Въ качествѣ аналогичнаго примѣра можно отмѣтить (временное) превращеніе извѣстнаго готскаго короля *Тутилы* [3]) — въ *Кутилу*, имѣвшее мѣсто въ рукописи *W*: списывая съ рукописи *V*, въ которой стоитъ (въ началѣ строки)

---

[1]) Погодинскую рукопись, нынѣ принадлежащую Императорской Публичной Библіотекѣ, мы сличали въ Юрьевѣ, куда она была выслана по ходатайству Правленія Юрьевскаго университета. Считаемъ долгомъ засвидѣтельствовать свою искреннюю признательность г. директору Императорской Публичной Библіотеки Д. О. Кобеко и Правленію нашего университета за ихъ любезное содѣйствіе нашей работѣ.

[2]) Такихъ случаевъ очень много въ *V*; для примѣра укажемъ .ελισάριος p. 193,19 и 197,6; ·αῦτα p. 194,17 и 199,5; ·οῖς p. 198,15; ·ὰς p. 202,25; ·ὲ p. 204,3 (вмѣсто Δὲ) и т. д. (всѣ цитаты сдѣланы по нашему изданію, vol. III).

[3]) Всѣ издатели второй тетрады De bellis, слѣдуя интерполированному (флорентійскому) преданію, даютъ это имя въ формѣ Τωτίλας; мы же вездѣ возстановили подлинную форму Τουτίλας, слѣдуя ватиканскому преданію; ср. Anecd. p. 22,5. 19 Kr., а также *Wrede* l. c. 135 сл.

· ουτίλας (De bellis VII 2 p. 242,21 Kr., p. 288,7 Bonn.), писецъ W сначала написалъ κουτίλας, но вскорѣ затѣмъ исправилъ свою ошибку, встрѣтивъ въ V нѣсколькими строками ниже правильную форму τουτίλας.

Остается упомянуть, что если бы кто-либо, принимая во вниманіе аппіановскую ореографію Προμόνα, а также Πρώμωνα, возстановляемое Швейгхёйзеромъ у Страбона, предложилъ и у Прокопія читать Πρώμωνος вмѣсто Πρόμωνος, то мы были бы противъ подобной поправки. Наоборотъ, мы предпочли бы на основаніи прокопіевскаго Πρόμωνος возстановить у Страбона Πρόμωνα, а у Аппіана Προμῶνα (Προμώνα),— ср. имена Ἀλουῶνα [1]), Φλανῶνα, Αἰνῶνα, Σκαρδῶνα, Ἀραυζῶνα, Σιδρῶνα, Βλανῶνα, Ἡρῶνα, Ναρῶνα у Птолемея II, 16,2.6.7.

XXXIII.

Procop. *De Bellis* V 7 p. 37,19 Bonn. (p. 29,14 Kr.).

Κωνσταντιανὸς δὲ ταῖς ναυσὶν ἁπάσαις πλέων ἐξ Ἐπιδαύρου Λίσσῃ νήσῳ προσέσχεν, ἣ ἐν τῷ κόλπῳ κεῖται [2]).

Вмѣсто Λίσσῃ νήσῳ въ V читается λυσίνῃ (сперва было написано λυσίνϊ), а въ L — λυσία. Гёшель не затруднился принять въ свой текстъ Λυσίᾳ, что перешло и въ изданіе Мальтрэ, но послѣдній помѣтилъ на полѣ свою конъектуру Λίσσῃ, которою и воспользовались последующіе издатели (Диндорфъ и Компаретти). Эту эмендацію Мальтрэ мы усовершенствовали, прибавляя слово νήσῳ, половина котораго уцѣлѣла въ ватиканскомъ преданіи.

Превращеніе Λίσσῃ νήσῳ въ λυσίνῃ можно очень просто объяснить предположеніемъ, что въ оригиналѣ (Vorlage) общаго источника (*x*) рукописей *VL* было написано λισσηνῃ (надъ н — σ) (или λισσινῃ (надъ н — σ) съ систематической ошибкой) и что писецъ *x*'а пропустилъ надписанную надъ строкою сигму — подобно тому какъ, напримѣръ, писецъ извѣстнаго cod. Peirescianus извлеченій περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας въ одномъ мѣстѣ (fol. 71r

[1]) Возстановляемъ эту форму, сохраненную въ рукописяхъ SZΩ (по обозначенію Мюллера), у Птолемея II, 16,2 вмѣсто вульгаты Ἀλούωνα. Этотъ же городъ упоминается у Птолемея и ниже — III, 1,24, гдѣ вмѣсто вульгаты Ἀλοῦον надо читать Ἀλουον. Мимоходомъ замѣтимъ, что и вмѣсто нелѣпаго Αἴκοῦον III, 16,7 надо читать Αἴκουον (*Aequum*).

[2]) Эта фраза непосредственно слѣдуетъ за тѣми словами Прокопія, которыя были приведены нами въ предыдущей главѣ.

vs. 10), по ошибкѣ, написалъ ὅμη вмѣсто ὅμη (т. е. Ὅμηρος, ср. Georg. monach. p. 264,18 ed. Muralt.), что и было исправлено „manu recenti“, добавившею надъ строкой пропущенную букву.

Возможно, впрочемъ, объяснить вышеупомянутое превращеніе и нѣсколько инымъ образомъ, и это второе объясненіе, быть можетъ, даже слѣдуетъ предпочесть первому, такъ какъ при немъ довольно естественно объясняется возникновеніе и варіанта флорентійскаго преданія (λυσία), который мы затруднились бы признать результатомъ поправки интерполятора.

Это второе объясненіе сводится къ слѣдующему. Въ архетипѣ было написано ΛΙCCΗΝΗCΩΙ, что въ одной изъ ближайшихъ копій, по винѣ переписчика, искажено было въ ΛΥCΙΝΗCΩΙ. Въ этой же копіи (назовемъ ее *x*) вторая половина даннаго мѣста отъ сырости или по какой-либо иной причинѣ подверглась порчѣ и стала читаться неясно, такъ что писецъ той рукописи (*z*), къ которой восходитъ *V*, списывая *x*, могъ разобрать только ΛΥCΙΝΙ (ср. λυσίνϊ *V* pr.); съ теченіемъ времени порча даннаго мѣста въ *x*, естественно, еще болѣе увеличилась, такъ что писецъ той рукописи (*y*), къ которой восходитъ *L*, списывая *x*, могъ разобрать еще меньше, а именно только ΛΥCΙΛ, что онъ и принялъ за ΛΥCΙΑ (ср. λυσία *L*).

Остается замѣтить, что при условіи правильности именно второго объясненія разбираемое мѣсто можетъ служить противовѣсомъ тому единственному аргументу, опираясь на который, Гаури пытался доказать, что флорентійское преданіе (*y*) является болѣе важнымъ и болѣе близкимъ къ общему архетипу (*x*) нежели ватиканское (*z*) [1]. Разбору этого аргумента мы посвятимъ одну изъ слѣдующихъ главъ нашихъ „*Varia*“, а пока ограничимся ссылкой на замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу его въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895, ноябрь, отд. крит. и библіографіи, 132 сл.

XXXIV.

Polyb. XXI 20, 3 p. 5, 1053, 27 ed. Hultsch.

Доказывая въ римскомъ сенатѣ, что даровать свободу греческимъ общинамъ въ Малой Азіи, — какъ о томъ намѣревалось ходатайствовать родосское посольство, — было бы уже потому нецѣлесообразно,

[1]) *Sitzungsber. der Münchener Akad.* 1895, 128.

что отъ этого могли выиграть только враги римскаго государства, тогда какъ интересы истинныхъ друзей послѣдняго должны были потерпѣть существенный ущербъ, пергамскій царь Евменъ II, сынъ Аттала I, упомянулъ о своей всегдашней дружбѣ и неизмѣнномъ расположеніи къ римлянамъ, попутно ссылаясь и на своего отца: δοκῶ δὲ καὶ τὸν πατέρα τὸν ἡμέτερον, εἴπερ ἔζη, τὴν αὐτὴν ἂν προέσθαι φωνὴν ἐμοί. καὶ γὰρ ἐκεῖνος πρῶτος μετασχὼν τῆς ὑμετέρας φιλίας καὶ συμμαχίας σχεδὸν πάντων τῶν [κατὰ] τὴν Ἀσίαν καὶ τὴν Ἑλλάδα κατοικούντων, εὐγενέστατα διεφύλαξε ταύτην ἕως τῆς τελευταίας ἡμέρας, οὐ μόνον κατὰ τὴν προαίρεσιν, ἀλλὰ καὶ κατὰ τὰς πράξεις (Polyb. XXI 20, 2 sq.).

Какъ извѣстно, подлинный текстъ вышеприведеннаго полибіевскаго мѣста сохранился только въ Константиновскихъ извлеченіяхъ περὶ πρέσβεων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους. Кромѣ того не лишеннымъ значенія пособіемъ для критики текста Полибія является и болѣе или менѣе близкій къ подлиннику пересказъ полибіевскаго изложенія, сообщаемый Ливіемъ XXXVII, 53, 8: hanc ego maximam hereditatem a patre accepi, qui primus omnium *Asiam Graeciamque incolentium* in amicitiam venit vestram eamque perpetua et constanti fide ad extremum vitae finem perduxit, и проч.

Въ вышеупомянутыхъ извлеченіяхъ читается τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν καὶ τὴν Ἑλλάδα μενόντων, и отъ этого рукописнаго преданія изъ издателей Полибія впервые отступилъ Гульчъ, выбрасывая, какъ видимъ, κατὰ и замѣняя рукописное μενόντων собственною конъектурой κατοικούντων.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что уже задолго до Гульча однимъ выдающимся конъектуральнымъ критикомъ было высказано сомнѣніе въ умѣстности глагола μενόντων въ данномъ контекстѣ, причемъ предложены были *три* конъектуры, изъ которыхъ только одну (δυσμενούντων) Гульчъ призналъ заслуживающею упоминанія въ его критическомъ аппаратѣ. Вышеупомянутый критикъ — Рейске — разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ [1]): „scio, μένειν saepe idem significare atque habitare, commorari alicubi, vitam agere, et rem familiarem habere. Sed hic quidem loci languet et redundat. Sententia ejus loco postulat πολεμούντων, aut δυσμενούντων, aut, quod a Polybio profectum puto, ἀντιβαινόντων. Saepe μένειν et βαίνειν a librariis permutari monitum est

[1]) *Ioann. Iac. Reiske,* Animadversionum ad Graecos auctores vol. IV, quo Polybii reliquiae pertractantur, Lips. 1763, 649 сл.

ad p. 392, 14 [1]). E Livio nihil quicquam neutram in partem colligas, neque ad tuendam vulgatam, neque ad stabiliendam nostram conjecturam". По поводу послѣднихъ словъ Рейске нельзя не замѣтить, что слова Ливія *Asiam Graeciamque incolentium* какъ разъ подтверждаютъ правильность рукописнаго чтенія и eo ipso обличаютъ безпочвенность всѣхъ трехъ конъектуръ, а равно и ошибочность эстетической критики Рейске.

Въ защиту безвинно заподозрѣнной вульгаты былъ приведенъ весьма солидный аргументъ уже Швейгхёйзеромъ. „Si quid mutatu esset opus", замѣтилъ этотъ почтенный издатель Полибія [2]), „possis etiam μελλόντων suspicari, *cunctantibus omnibus*. Sed nil necesse putamus. μένειν *habitandi* notione habes XXX, 4, 10 [3]). Possit etiam, citra sententiae damnum, prorsus abesse hoc verbum; et praetermisit illud Vrsinus in Notis, ubi reliqua hujus loci verba repetiit; sed id nescimus, an operarum errori tribuendum" [4]).

Аргументъ, приведенный Швейгхёйзеромъ, надо полагать, не показался убѣдительнымъ ни Наберу, ни Гульчу. Впрочемъ, судя по тому, что Наберъ ошибочно приписалъ Рейске и швейгхёйзерову конъектуру μελλόντων [5]), можно думать, что онъ недостаточно внимательно ознакомился съ вышеприведенными замѣчаніями Швейгхёйзера. Что же касается конъектуры самого Набера, то онъ, оставляя, какъ и Рейске, κατά на своемъ мѣстѣ, предложилъ читать βασιλευόντων вмѣсто μενόντων, причемъ, упомянувъ о мнѣніяхъ Рейске и Швейгхёйзера, онъ ограничивается лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Videant palaeographicae artis periti an probari possit quod optime hic convenit βασιλευόντων".

---

[1]) T. c. ibid. 300 сл. — по поводу Polyb. IV, 12,11 (p. 16,10 ed. Hultsch.), гдѣ вмѣсто рукописнаго διαμένοντες Рейске предлагалъ читать διαβαίνοντες, отвергая между прочимъ и конъектуру Гроновія διαρρέοντες, которая въ настоящее время является уже общепринятымъ чтеніемъ.

[2]) Polyb. recens. *Joh. Schweighaeuser*, VII, Lips. 1793, 442.

[3]) Разрядка наша.

[4]) На нашъ взглядъ не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ пропускъ μενόντων въ орсиніевскихъ примѣчаніяхъ, не оговоренный самимъ авторомъ, является либо lapsus calami самого Орсини, либо опечаткой.

[5]) *S. A. Naber*, Polybiana — въ *Mnemosyne* VI (1857), 247: „Reiskius mendum subesse sensit et coniecit πολεμούντων, δυσμενούντων, ἀντιβαινόντων, μελλόντων, quarum coniecturarum nulla placuit Schweighaeusero, qui indicabat vulgatum ferri posse".

О насильственномъ измѣненіи рукописнаго чтенія, произведенномъ Гульчемъ, у насъ уже была рѣчь выше; остается упомянуть, что онъ мотивировалъ свою конъектуру слѣдующимъ предположеніемъ: «in archetypo versus sic discripti fuisse videntur: τῶν | τὴν 'Ασίαν καὶ τὴν 'Ελλάδα κα | τοιχούντων cet., unde κατὰ ad prioris versus exitum aberraverit». Едва ли однако можно признать убѣдительнымъ такое объясненіе въ палеографическомъ отношеніи. Прежде всего невольно напрашивается оставленный Гульчемъ безъ разъясненія вопросъ, съ какой стати писецъ архетипа вздумалъ надписать слогъ κα надъ строкой, если для этого слога было достаточно мѣста и въ строкѣ. Нетрудно понять, что для *самого Гульча* подобное помѣщеніе этого κα надъ строкой оказывается потому желательнымъ, что оно облегчаетъ данному слогу возможность попасть въ предыдущую строку архетипа, — но едва ли можно думать, что писецъ архетипа былъ настолько любезенъ, что постарался такимъ путемъ сдѣлать болѣе правдоподобною безпочвенную догадку вышеупомянутаго издателя. Затѣмъ, весьма проблематическимъ представляется намъ переходъ остающагося τοιχούντων въ μενόντων: едва ли нужно доказывать, что въ палеографическомъ отношеніи между τοιχου и μενο лежитъ цѣлая пропасть. Перекинуть черезъ эту пропасть мостъ, допуская предположеніе, что τοιχούντων переправлено было въ μενόντων *интерполяторомъ*, тоже нельзя, такъ какъ даже при минимальной дозѣ сообразительности интерполяторъ, конечно, скорѣе всего исправилъ бы это τοιχούντων, если не въ κατοιχούντων, то, по крайней мѣрѣ, въ οἰχούντων.

Единственнымъ аргументомъ въ пользу столь сомнительной въ палеографическомъ отношеніи конъектуры Гульча является ея соотвѣтствіе ливіевскому переводу разбираемаго мѣста, но и этотъ аргументъ совершенно парализуется тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что, какъ это отмѣтилъ уже Швейгхёйзеръ, и рукописное чтеніе τῶν κατὰ τὴν 'Ασίαν καὶ τὴν 'Ελλάδα μενόντων точно такъ же вполнѣ соотвѣтствуетъ ливіевскому переводу *Asiam Graeciamque incolentium*: μένειν въ значеніи „*жить*" находимъ у Полибія еще въ двухъ мѣстахъ, а именно XXX, 4,10 οὐ μὴν τοῖς γε παρεπιδημοῦσιν οὐδὲ τοῖς ἐκεῖ μένουσι τῶν 'Ελλήνων οὐδαμῶς ἤρεσκεν [1]) и XXXIV, 9,9 ὅπου τέτταρας μυριάδας

[1]) На сопоставленіе съ этимъ полибіевскимъ мѣстомъ напрашивается слѣдующая фраза, находящаяся въ одной надписи изъ Сеста, изданной Карломъ Курціусомъ въ *Hermes*, VII (1873), — vs. 28 сл.: ἐπιστραφεὶς οὐ μόνον τῶν πολιτῶν καὶ τῶν ἄλλων τῶν κατοικούντων τὴν πόλιν, ἀλλὰ καὶ τῶν παρεπιδημούντ[ων] ξένων (l. c. 116).

ἀνθρώπων μένειν τῶν ἐργαζομένων; ср. кромѣ того Alciphr. III, 5,1 μένει.... μικρὸν ἄπωθεν τοῦ Λεωκορίου; Apollon. De constr. p. 200,22 Bekk. παρὰ ποταμὸν μένει ὁ δεῖνα — παραποτάμιος; Ps.-Hippocrat. epist. 13,5 οἰκήσεις δὲ τὴν ἐμὴν εὐχαιρέουσαν οἰκίην, ἅτε καὶ τοῦ γυναίου μένοντος [1]) πρὸς τοὺς γονῆας διὰ τὴν ἐμὴν ἀποδημίην; Malal. p. 252,19 sq. (ed. Bonn.) μαθόντος, ποῦ μένει Σίμων ὁ μάγος, ἀπῆλθε πρὸς αὐτὸν ἔνθα κατέμεινε, id. p. 439,10 ἐμπρησμοῦ γενομένου ἔνθα ἔμενε; въ такомъ же значеніи употребляетъ Малала и καταμένειν — р. 252,20 (см. выше). 21. 439,20. 481,4.

Наберовская конъектура βασιλευόντων удовлетворительнѣе гульчевской въ палеографическомъ отношеніи, но зато находится въ противорѣчіи съ вышеприведенной фразой Ливія, а потому также не заслуживаетъ вниманія [2]).

Итакъ, на основаніи всего вышеизложеннаго приходимъ къ заключенію, что отступать въ разбираемомъ мѣстѣ Полибія отъ рукописнаго чтенія τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν καὶ τὴν Ἑλλάδα μενόντων нѣтъ рѣшительно никакого основанія.

XXXV.

Къ вопросу о codex Paezianus Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων и его прямыхъ и косвенныхъ копіяхъ, — съ критическими замѣчаніями по поводу новѣйшаго сочиненія Карла де Боора [3]).

Покончивъ съ критическимъ разборомъ полибіевскаго мѣста, считаемъ не безполезнымъ возвратиться къ затронутому выше вопросу объ *архетипѣ*, причемъ попутно опровергнемъ рядъ крупныхъ оши-

---

[1]) Врядъ ли правильно перевелъ это μένοντος Anutius Foesius въ своемъ изданіи Гиппократа (Francof. 1595; мы пользовались женевской перепечаткой 1657 года) — p. 1276, 34 „*maneat*“, что перешло и въ изданіе Герхера (Epistolographi Graeci. Paris. 1873, p. 295).

[2]) Конъектуры Швейгхёйзера мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ самъ авторъ вовсе не настаивалъ на нихъ, приводя ихъ лишь для примѣра

[3]) *C. de Boor*, Zweiter Bericht über eine Studienreise nach Italien zum Zwecke handschriftlicher Studien über byzantinische Chronisten въ *Sitzungsber. der Berliner Akademie der Wiss.*, 1902, 146—164. Систематическое опроверженіе *всѣхъ* ошибокъ де Боора читатели найдутъ въ двухъ нашихъ статьяхъ, изъ которыхъ одна („О рукописномъ преданіи Константиновскихъ извлеченій о послахъ“) уже начала печататься въ *Византійскомъ Временникѣ* (т. VIII, 1901, 479 — 515), а другая — на латинскомъ языкѣ („De excerptorum Constantinianorum περὶ πρέσβεων libris manu scriptis“) — въ скоромъ времени появится въ *Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія*.

бокъ, которыя мы нашли въ вышеупомянутой, недавно появившейся въ печати, статьѣ де Боора, посвященной изслѣдованію рукописнаго преданія Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων. Какая связь между тѣмъ и другимъ, — это сейчасъ станетъ понятнымъ для читателей.

Выше мы уже упомянули, что греческій текстъ полибіевскаго отрывка, часть котораго мы подвергли критическому разсмотрѣнію въ предыдущей главѣ, сохранился только въ Константиновскихъ извлеченіяхъ περὶ πρέσβεων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους. Въ виду этого обстоятельства подъ *архетипомъ*, о которомъ идетъ рѣчь въ вышеприведенной замѣткѣ Гульча, строго говоря, можно подразумѣвать съ одной стороны архетипъ собственно полибіевскихъ рукописей, съ другой — архетипъ рукописей извлеченій περὶ πρέσβεων (ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους). Что касается самого Гульча, то едва ли можно сомнѣваться, что, говоря объ архетипѣ, онъ имѣетъ въ виду именно архетипъ собственно полибіевскихъ рукописей; но не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, что и общій архетипъ всѣхъ извѣстныхъ намъ извлеченій περὶ πρέσβεων, которымъ является знаменитый наэзовскій кодексъ (II), сгорѣвшій въ 1671 году въ Эскоріалѣ, — былъ, по мнѣнію двухъ новѣйшихъ изслѣдователей, Бюттнеръ-Вобста и де Боора, тоже писанъ *въ два столбца*.

По легко понятной причинѣ мы воздержимся отъ разсмотрѣнія вопроса, насколько правильно предположеніе Гульча, что архетипъ собственно полибіевскихъ рукописей, подобно древнѣйшему и лучшему кодексу этого автора (cod. Vaticanus gr. 124), былъ писанъ въ два столбца [1]); замѣтимъ только, что мы ничего не имѣемъ противъ такого предположенія; но нѣкоторыя изъ приводимыхъ почтеннымъ ученымъ въ качествѣ аргументовъ объясненія генезиса ошибокъ писца вышеупомянутаго ватиканскаго кодекса намъ кажутся чрезмѣрно натянутыми. Въ видѣ иллюстраціи приведемъ три примѣра.

Первый примѣръ. По поводу Polyb. II, 45,4 p. 166,17 sq. [2]), ὑπέλαβον, εἰ τοὺς Λακεδαιμονίους προσλαβόντες ἔτι κοινωνοὺς σφίσι κτλ., Гульчъ сообщаетъ, что въ ватиканскомъ кодексѣ читается εἰς | τοὺς λακεδαιμονίους προ· | λαβόντες, и выводитъ отсюда слѣдующее заключеніе: „servavit igitur librarius hoc quoque loco versus archetypi et σ ex προς |

[1]) Ср. предисловіе Гульча ко второму его изданію Полибія, vol. I, p. XI: доказательства сопоставлены имъ въ *Jahrbücher für class. Philologie*, 1867, 292 — 294 и въ Quaestionum Polybianarum pars II, Dresdae, 1869, 6 — 11. Послѣднимъ сочиненіемъ мы не имѣли возможности пользоваться.

[2]) По новѣйшему (второму) изданію Гульча, vol. I, Berol. 1888.

ad εἰ | in superiorem versum traxit; reliquit tamen mira cum fide unius litterae spatium post προ"; — это является почти буквальнымъ повтореніемъ того, чтò было сказано Гульчемъ еще въ 1867 году [1]). На риторическій вопросъ почтеннаго ученаго: *„wie ist dies anders zu erklären möglich als durch die annahme, dasz im original beidemal der gleiche zeilenschlusz war?"* [2]), мы можемъ отвѣтить, что несравненно проще и естественнѣе объяснить обѣ описки совершенно иначе, а именно εἰς вмѣсто εἰ писецъ могъ написать совершенно машинально — подъ вліяніемъ непосредственно слѣдующаго accusativus τοὺς Λακεδαιμονίους, а πρὸς еще того легче могло превратиться въ προ — потому, что въ архетипѣ было, по всей вѣроятности, написано $\overset{o}{\pi\rho}$.

По поводу только что предложеннаго объясненія мы можемъ изъ весьма нерѣдко попадающихся аналогичныхъ случаевъ указать, для примѣра, слѣдующія ошибки переписчиковъ:

I) Malch. fr. 16 p. 407,4 Dind. ἐμέμφοντο ἀλλήλους τῆς ὅλης ἀτολμίας, εἰ χεῖράς τε ἔχοντες καὶ βαστάζοντες ὅπλα μαλακίας τοιαύτης ἀκούειν ἀνέχονται — здѣсь вмѣсто εἰ (эмендація Нибура) во всѣхъ рукописяхъ читается εἰς (cod. Ambrosianus N 135 sup. и его прямыя и косвенныя копіи).

Appian, Lib. 56 p. 240,7 Mend. ἐγνωκότες, εἰ τὸν σῖτον λάβοιεν, ἐκστρατεῦσαι — здѣсь въ cod. Ambrosianus N 135 sup. правильно читается εἰ, а въ одной косвенной копіи этой рукописи находимъ εἰς (cod. Monacensis gr. 185; варіанты другихъ копій амброзіанской рукописи намъ неизвѣстны).

II) Въ сличенной нами брюссельской рукописи извлеченій περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς (cod. Bruxellensis 11301—16), которую для краткости мы будемъ обозначать буквою *B*, слово προσκόψαντας (Polyb. XXVIII, 7, 11 p. 1175,5 ed. Hultsch.) написано съ вышеупомянутымъ сокращеніемъ, а именно такъ: $\overset{o}{\pi\rho}$-|κόψαντας [3]); съ *B* была списана утраченная впослѣдствіи рукопись *(x)*, съ которой въ свою очередь были списаны мюнхенская (cod. Monacensis gr. 267) и ватикано-пала-

[1]) *Jahrbücher für class. Philologie*, 1867, 292.

[2]) Ibid. 292 сл. Курсивъ нашъ.

[3]) У Бюттнеръ-Вобста подъ *B* (по его обозначенію — W) приводится чтеніе προ κόψαντας (*Th. Büttner-Wobst*, Beiträge zu Polybios, Dresden, 1901, 21,1), но это объясняется лишь небрежностью коллацій Жюстиса, которыми пользовался упомянутый ученый.

тинская (cod. Vaticanus Palatinus gr. 413) рукописи, которыя мы будемъ соотвѣтственно обозначать буквами *M* и *P*. Въ *MP* читается одинаково προχόφαντας, изъ чего слѣдуетъ заключить, что и въ общемъ источникѣ *(x)* этихъ рукописей читалось тоже προχόφαντας. Такимъ образомъ очевидно, что, списывая съ *B*, писецъ рукописи *x* принялъ (какъ и Жюстисъ) πρ-|χόφαντας за προχόφαντας [1]).

Возвращаясь къ предложенному Гульчемъ объясненію причины, обусловившей возникновеніе ошибокъ εἰς и προλαβόντες въ ватиканскомъ кодексѣ, мы должны подчеркнуть неестественность и безпримѣрность предполагаемыхъ имъ подобныхъ *перекочевокъ отдѣльныхъ буквъ* (или, какъ мы видѣли выше, *отдѣльныхъ слоговъ*) съ однихъ строкъ на другія. Чрезъ наши руки успѣло пройти болѣе двухсотъ разныхъ греческихъ, латинскихъ, итальянскихъ и славянскихъ рукописей, но, сколько помнится, ни въ одной изъ этихъ рукописей мы ни разу не встрѣчали примѣровъ такого рода перекочевокъ. Надо замѣтить при этомъ, что предполагаемыя Гульчемъ въ обоихъ вышеупомянутыхъ случаяхъ ошибки переписчика *не тожественны съ диттографіями*: при диттографіяхъ мы имѣемъ дѣло, какъ извѣстно, съ ошибочнымъ *повтореніемъ* какого либо слова [2]) или его части или цѣлаго болѣе или менѣе обширнаго мѣста, — тогда какъ въ обоихъ вышеупомянутыхъ случаяхъ Гульчъ заставляетъ *совсѣмъ перелѣзать изъ одной строки въ другую* соотвѣтственныя части словъ, написанныхъ ниже.

---

[1]) Ошибочное мнѣніе де Боора, что *x* является независимою отъ *B* копіей той же рукописи, съ которой была списана *B*, мы опровергнемъ ниже.

[2]) Мимоходомъ отмѣтимъ одну любопытную диттографію такого рода, открытую нами въ Procop. De bellis, VIII, 25 p. 595,3 Bonn. (vol. IV p. 124,17 Kr.): καὶ χάος δὲ τῆς γῆς πολλαχῇ (такъ *L* и издатели; мы возстановляемъ πολλαχόσε, слѣдуя *V*) ἀποσχισθείσης γεγένηται, τὰ δὲ διαιρεθέντα ἔνια σχίσματα (σχῆμα *VL* и cod. Vaticanus gr. 152 *(w)*; σχῖσμα cod. Vaticanus gr. 1301 (𝔚), списанный съ *w*) μὲν αὖθις ἐς ταὐτὸ ξυνιόντα τὸ πρότερον τῇ γῇ σχῆμά τε καὶ εἶδος ἀπέδωκεν, ἔστι δὲ οὗ καὶ διεστηκότα μεμένηκεν, — гдѣ, за исключеніемъ лишь Мальтре (p. 639 B), несомнѣнно, тоже ошибочно читающаго ἔνια, σχῆμα μὲν αὖθις ἐς ταὐτὸ ξυνιόντα, τὸ πρότερον κτλ., всѣ прочіе наши предшественники по изданію Прокопія, принимая конъектуру Скалигера, которому былъ извѣстенъ варіантъ σχῖσμα лейденской рукописи, восходящей именно къ 𝔚, читаютъ σχίσματα, — повидимому, не подозрѣвая, что τὰ δὲ διαιρεθέντα ἔνια σχίσματα слишкомъ сильно напоминаетъ *„масляное масло“*. Мы въ своемъ изданіи читаемъ τὰ δὲ διαιρεθέντα ἐνιαχῇ μὲν κτλ., присовокупляя замѣтку, что можно было бы читать и τὰ δὲ διαιρεθέντα ἔνια [σχῆμα] μὲν κτλ., т. е. просто выбрасывая это σχῆμα, какъ диттографію находящагося строкой ниже. Остается пояснить по поводу первой эмендаціи, которой мы отдали предпочтеніе (ἐνιαχῇ вмѣсто ἔνια σχῆμα), что въ излишнемъ μα слѣдуетъ видѣть соотвѣтственно искаженную диттографію μέν.

Второй и третій примѣры, доказывающіе шаткость нѣкоторыхъ аргументовъ Гульча, мы приведемъ вмѣстѣ. Непосредственно вслѣдъ за вышеприведеннымъ риторическимъ вопросомъ онъ замѣчаетъ: „ähnlich verhält es sich mit der fehlerhaften lesart 3,25,1 ἔτι | τοιγαροῦν τελευταίας ἔτι | συνθήκας, wo im original ἔτι am ende der zeile etwas heruntergezogen gewesen sein mag, so dasz es der abschreiber auszer an der richtigen stelle noch einmal am schlusz der nächsten zeile copierte. dasz eine solche wiederholung auch in der mitte der zeile vorkommen konnte, zeigt 3,50,6 προέπεμψε δὲ | τινὰς πρὸ τῶν καθηγου | μένων, wo das fehlerhafte πρὸ ziemlich dieselbe stelle einnimmt wie der anfang von προέπεμψε in der vorhergehenden zeile" [1]). — Нетрудно однако доказать, что ни то, ни другое мѣсто вовсе не могутъ служить особенно убѣдительными доказательствами того, что и архетипъ полибіевскихъ рукописей былъ писанъ въ два столбца. Дѣло въ томъ, что диттографическія ошибки могутъ обусловливаться и совершенно иными обстоятельствами нежели тѣ, что указаны Гульчемъ. Достаточно сослаться, напримѣръ, на аналогичную диттографію въ вышеупомянутой рукописи *B* (cod. Bruxellensis 11301—16), гдѣ въ извлеченіяхъ изъ той же III книги исторіи Полибія (III, 33,3 p. 234,16 sq. ὁπότερον αὐτοῖς φαίνεται, τοῦτ' ἐκβαλεῖν ἐκέλευσε) писецъ, *списывая агустиновскую рукопись* (π), *писанную не въ два столбца*, первоначально по ошибкѣ написалъ, *переходя съ одной страницы на другую*, φαίνεται, τοῦτ' ἐκ|βαλεῖν φαίνεται (fol. 34/35), но сейчасъ же самъ экспунгировалъ второе φαίνεται.

Теперь оставимъ въ покоѣ архетипъ собственно полибіевскихъ рукописей и обратимся къ другому архетипу (codex Paezianus).

Что касается мнѣнія Бюттнеръ-Вобста и де Боора, будто паэзовскій кадексъ (П), являющійся общимъ архетипомъ всѣхъ прочихъ извѣстныхъ намъ рукописей извлеченій περὶ πρέσβεων, былъ писанъ въ два столбца, то мы безъ всякихъ колебаній признаемъ это мнѣніе *совершенно ошибочнымъ*.

Изъ вышеупомянутыхъ ученыхъ Бюттнеръ-Вобстъ весьма обстоятельно мотивировалъ свое мнѣніе [2]), тогда какъ де Booръ ограничился

---

[1]) *Jahrbücher für class. Philol.* 1867, 293. Ср. также его примѣчаніе въ полибіевскомъ изданіи къ III, 50,6 p. 255,23: „πρὸ ante τῶν add. AFR (repetitum ut videtur ex προ in προέπεμψε, quod in archetypo eundem superioris versus locum occupavit)".

[2]) *Th. Büttner-Wobst.* Studien zu Polybios (въ *Philologus*, LIX, 1900). 563, adn. 5.

бѣглой замѣткой по данному вопросу [1]), — по всей вѣроятности, имѣя въ виду обосновать свое мнѣніе въ другомъ мѣстѣ.

Исходнымъ пунктомъ разсужденій Бюттнеръ-Вобста служитъ большой пропускъ, происшедшій по винѣ писца (Андрея Дармарія) въ мюнхенской рукописи извлеченій περὶ πρέσβεων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους (cod. Monacensis gr. 185). Сравнивая эту рукопись съ другими, болѣе исправными, мы видимъ, что въ ней пропущены слѣдующія мѣста изъ полибіевскихъ извлеченій:

1) заключительная фраза 9-го отрывка [2]): διὸ καὶ τούτοις γέγονε κατάμονος ὁ πόλεμος (Polyb. XXI, 3, 6 p. 1037,30 ed. Hultsch);

2) весь 10 отрывокъ (XXI, 2 p. 1037, 7—17);

3) весь 11 отрывокъ (XXI, 9 p. 1042, 14—19), и наконецъ

4) начальныя строки 12-го отрывка, а именно Ὅτι πολιορκουμένων ...... πυνθανόμενος τήν τε τῶν (XXI, 4,1 p. 1038, 2—4).

Этотъ фактъ наводитъ Бюттнеръ-Вобста на слѣдующія соображенія: „Die von Darmarios übergangene Stelle des Monacensis fasst 795 Buchstaben; nun befinden sich in den Codices Bruxellenses auf einer Seite, die $21^1/_2$ cm hoch und 14 cm breit ist, 20 Zeilen mit durchschnittlich 40 Buchstaben, d. h. es fasst eine Seite der Bruxellenses genau so viel Buchstaben, wie das weggelassene Stück des Monacensis. Da nun letzterer aus der 1671 verbrannten Pergamenthandschrift stammt, so lässt sich weiter folgendes vermuten. Es ist nicht anzunehmen, dass die grosse historische Encyclopädie des Konstantinos Porphyrogennetos, die über 100 Bände umfasst zu haben scheint, anders eingerichtet war, als dass die einzelnen Bände gleichen Formates waren, d. h. den Umfang des cod. Peirescianus, des einzigen erhaltenen Originals [3]), hatten, der 36 cm hoch und 28 cm breit ist. Da nun das im Monacensis fehlende Stück sich genau

[1]) *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 149.

[2]) Счетъ отрывковъ Полибія мы ведемъ по миланской рукописи (cod. Ambrosianus N 135 sup.), которая, какъ это впервые констатировано было нами (*Визант. Временникъ* V, 1898, 476), является единственною непосредственною копіей (первой половины) паэзовскаго кодекса (П), а слѣдовательно и общимъ источникомъ всѣхъ прочихъ извѣстныхъ намъ рукописей извлеченій περὶ πρέσβεων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους. О томъ, что де Бооръ (*Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 154) *совершенно произвольно искажаетъ факты*, называя *совсѣмъ необоснованною гипотезой* этотъ основной — признаваемый совершенно правильнымъ и самимъ де Бооромъ (l. c. 154. 163) — *результатъ нашихъ изслѣдованій* въ сферѣ даннаго вопроса, — подробнѣе поговоримъ ниже.

[3]) Бюттнеръ-Вобстъ, очевидно, упустилъ изъ виду существованіе извѣстнаго ватиканскаго палимпсеста извлеченій περὶ γνωμῶν (cod. Vaticanus gr. 73).

mit einer Seite der Bruxellenses deckt, so möchte ich annehmen, dass auch in dem verbrannten Originale etwa 800 Buchstaben eine festgegliederte, in sich geschlossene Abtheilung d. h. eine Kolumne bildete. Besass nun dieser Pergamentcodex das Format des Peirescianus, so war er in zwei Kolumnen geschrieben und fasste auf der Seite 2mal 800, d. h. 1600 Buchstaben, in voller Uebereinstimmung mit dem Peirescianus, der regelmässig 32 Zeilen mit 46—54 Buchstaben, also durchschnittlich 1600 Buchstaben auf der Seite zählt" [1]).

Легко, однако, доказать ошибочность этихъ выводовъ Бюттнеръ-Вобста.

Прежде всего, невѣрно предположеніе, что мюнхенская рукопись писана была непосредственно съ пәэзовскаго кодекса („Pergamenthandschrift"). Впрочемъ въ ошибочности этого традиціоннаго мнѣнія, впервые опровергнутаго нами, нѣсколько позже убѣдился и самъ Бюттнеръ-Вобстъ, придя на основаніи детальнаго изученія рукописныхъ варіантовъ къ заключенію, что рукописи *M* (cod. Monacensis gr. 185) и *B* (cod. Bruxellensis 11317—21) оказываются непосредственными копіями не пәэзовскаго кодекса, но какой-то утраченной рукописи, которая, по мнѣнію Бюттнеръ-Вобста, была списана непосредственно съ пәэзовскаго кодекса [2]). Однако и это новѣйшее мнѣніе Бюттнеръ-Вобста нуждается въ двухъ существенныхъ поправкахъ: дѣло въ томъ, что общимъ источникомъ вышеупомянутыхъ мюнхенской и брюссельской рукописей является дошедшая до нашего времени трехтомная ватикано-палатинская (codd. Vaticani Palatini gr. 411. 410. 412), которая списана не съ пәэзовскаго кодекса, но съ миланской рукописи (cod. Ambrosianus N 135 sup.). Все это нами было отмѣчено уже въ *Визант...Временникѣ* 1898 г., но наша статья долгое время оставалась неизвѣстною какъ Бюттнеръ-Вобсту (до текущаго года), такъ и де Боору (до 1901 г.) [3]), — очевидно, по той же самой причинѣ, по какой „Graeca non leguntur".

[1]) *Philologus* 1900, 563 adn. 5.

[2]) *Büttner-Wobst*, Der Codex Bruxellensis 11317—21 въ *Byzant. Zeitschrift* X (1901), 68.

[3]) Въ 1899 году де Booръ высказывался по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ мюнхенской (n. 185) и брюссельской (n. 11317—31) рукописей слѣдующимъ образомъ: „entweder eine Handschrift aus der anderen abgeschrieben ist, oder beide auf eine bereits stark verderbte Mittelquelle zurückgehen" (*Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 933), предполагая точно такое же отношеніе и между cod. Monacensis gr. 267 и cod. Bruxellensis 11301—16 (извлеченія περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς

Остается замѣтить, что такъ какъ въ вышеупомянутой трехтомной ватикано-палатинской рукописи (назовемъ ее *P*) находятся *всѣ* полибіевскіе отрывки, не исключая и тѣхъ мѣстъ, которыя пропущены въ мюнхенской, то и основанная на вышеприведенныхъ вычисленіяхъ и предположеніяхъ попытка Бюттнеръ-Вобста доказать, что паэзовскій кодексъ былъ писанъ въ два столбца, оказывается совершенно безплодною.

Мимоходомъ упомянемъ, что мы лично весьма признательны Андрею Дармарію за то случайное обстоятельство, которое повлекло за собой столь значительный пропускъ въ мюнхенской рукописи. Наша признательность обусловливается тѣмъ, что такимъ образомъ почтенный переписчикъ оказалъ намъ три слѣдующихъ услуги: во-первыхъ, онъ далъ намъ возможность документально доказать, что мюнхенская рукопись *(M)* является *непосредственною* копіей рукописи *P*; во-вторыхъ, онъ подарилъ намъ въ то же самое время несомнѣнное, хотя и косвенное, доказательство того, что и брюссельская рукопись (*B*) списана непосредственно съ той же рукописи *P*; наконецъ въ-третьихъ, Дармарій доставляетъ намъ возможность документально опровергнуть ошибку де Боора, который безъ нужды осложняетъ рѣшеніе весьма несложнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей *P* и *BM* [1]).

Дѣло въ томъ, что все пропущенное Дармаріемъ въ рукописи *M* полибіевское мѣсто занимаетъ въ соотвѣтствующемъ томѣ рукописи *P* ровно двѣ страницы, а именно въ cod. Vaticanus Palatinus gr. 411 *fol. 201ʳ начинается фразой* διὸ καὶ τούτοις γέγονε κατάμονος ὁ | πόλεμος, *а fol. 202ʳ заканчивается словами* πυνθανόμενος τήν τε τῶν. Сопоставленіе этого факта съ цѣлымъ рядомъ другихъ, которые будутъ нами указаны въ своемъ мѣстѣ, приводитъ насъ къ несомнѣнно вѣрному выводу, что Дармарій списалъ *M* непосредственно съ *P*, причемъ съ fol. 201ʳ этой послѣдней рукописи (n. 411) случайно перескочилъ на fol. 202ᵛ, пропустивъ такимъ образомъ обѣ промежуточныхъ страницы *P* (fol. 201ᵛ — 202ʳ), — по всей вѣроятности, потому, что онѣ слиплись при перелистываніи.

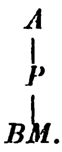
Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что рукопись *B* списана съ

ἐθνικούς).—Всѣ эти соображенія почтеннаго ученаго оказываются, однако, ошибочными: впрочемъ, какъ покажемъ ниже, и знакомство съ нашею статьей не предохранило де Боора отъ крупныхъ заблужденій въ сферѣ *обоихъ* вышеупомянутыхъ вопросовъ.

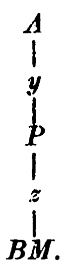
[1]) То же самое слѣдуетъ сказать и о рѣшеніи де Booромъ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ миланской рукописи (cod. Ambrosianus N 135 sup.) и *P*.

той же самой рукописи, что и *M*, то вышеуказанный фактъ является вполнѣ убѣдительнымъ, хотя и косвеннымъ, доказательствомъ, что и въ *B* мы имѣемъ непосредственную копію рукописи *P*. Есть однако и *прямыя* доказательства, — такъ, напримѣръ, въ началѣ второго отрывка [1]) изъ Θеофилакта Симокаттскаго (ср. p. 51,21 sqq. ed. de Boor): Ὅτι ὁ Χαγάνος Ταργίτιον σὺν Ἐλπιδίῳ τῷ Ῥωμαίων πρέσβει ὡς βασιλέα Μαυρίκιον ἔστειλε и проч., — вмѣсто ταργίτιον (такъ *M*) въ *B* (fol. 286ʳ) читается ταργίοντι: эта ошибка писца *B*, очевидно, является результатомъ неправильно понятаго имъ чтенія *P* (именно cod. Vaticanus Palatinus gr. 412 fol. 183ʳ) — ταργί^τι^ον.

Взаимныя отношенія рукописей *A* (т. е. cod. Ambrosianus N 135 sup.) и *PBM* мы опредѣлили, на основаніи детальнаго изученія ихъ варіантовъ, слѣдующимъ образомъ [2]):

Эта наша „гипотеза" показалась де Боору не совсѣмъ вѣрной. Почтенному ученому „erscheint es wahrscheinlich, dass P eine Abschrift vom Ambrosianus darstellt, während die Vorlage von BM eine stark corrigirte Abschrift von P gewesen sein müsste. Doch sprechen manche Stellen für einen anderen complicirteren Zusammenhang" [3]). Оставляя въ сторонѣ этотъ „anderen complicirteren Zusammenhang", видимъ, что первый Zusammenhang можно изобразить въ видѣ слѣдующей стеммы:

[1]) Этотъ отрывокъ вмѣстѣ съ первымъ уже въ паэзовскомъ кодексѣ находился среди извлеченій изъ Менандра.

[2]) См. *Визант. Временникъ*, V (1898), 476, гдѣ вышеупомянутыя рукописи обозначены другими шифрами, а именно G, $\mathfrak{Q}^{I} + \mathfrak{Q}^{II} + \mathfrak{Q}^{III}$, $\mathfrak{B}^{I}$ и $\mathfrak{B}^{II}$.

[3]) *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 157.

Но существованіе *z* документально опровергается тѣми — очевидно, ускользнувшими отъ вниманія де Боора — фактами, съ которыми мы познакомили читателей выше и которые воочію показываютъ, что наша „гипотеза" покоится на болѣе солидныхъ основаніяхъ, нежели разсужденія де Боора. Что же касается *y*, то существованіе этого промежуточнаго звена между *A* и *P* оказывается не менѣе проблематическимъ, чѣмъ и существованіе *z*, — не говоря уже о какомъ-либо еще *„другомъ болѣе сложномъ взаимоотношеніи"* вышеупомянутыхъ рукописей, возможность котораго допускается де Бооромъ [1]).

Возвращаясь къ вышеуказанной чисто механической причинѣ большаго пропуска въ cod. Monacensis gr. 185, считаемъ небезполезнымъ упомянуть, что, на нашъ взглядъ, точно такимъ же образомъ, — т. е. случайнымъ переходомъ переписчика съ конца лицевой страницы одного листа оригинала (Vorlage) на начало оборотной страницы слѣдующаго листа, минуя такимъ путемъ обѣ промежуточныхъ страницы [2]), — слѣдуетъ объяснять и два другихъ почти столь же крупныхъ пропуска, изъ которыхъ одинъ характеризуетъ цѣлую группу рукописей извлеченій περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς, а именно cod. Bruxellensis 11301—16, cod. Monacensis gr. 267 и cod. Vaticanus Palatinus gr. 413, которые для краткости мы будемъ обозначать соотвѣтственно буквами *B*, *M* и *P*, а другой пропускъ находимъ лишь въ одной рукописи этой группы, именно въ *P*.

Этотъ второй пропускъ, — обнимающій въ отрывкахъ изъ Полибія: 1) p. 889,9—11 καὶ Λιβύην . . . . . . τὸ συμβησόμενον, 2) p. 890,9—19 Συνέτυχε . . . . . . συνθήκας· τούτους φιλανθρώπως ἐδέξατο, и 3) 954,10—14 Ὅτι ὁ Ἀθηναίων δῆμος . . . . . . ὁ δὲ βασιλεὺς μετά, — имѣетъ для насъ лишь второстепенное значеніе, съ одной стороны, подтверждая несомнѣнный фактъ взаимной независимости рукописей *MP*, съ другой, позволяя установить, что (утраченная) рукопись (*x*), съ которой были списаны *MP*, имѣла форматъ in quarto. Первый фактъ впервые былъ отмѣченъ нами — въ письмѣ, посланномъ де Боору лѣтомъ прошлаго года [3]), а второй отмѣченъ де Бооромъ въ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 164.

---

[1]) Подробнѣе мы поговоримъ объ этомъ ниже.

[2]) Ошибается де Booръ (l. c. 164), предполагая пропускъ *„листа"* („eines Blattes").

[3]) Не мѣшаетъ напомнить, что въ 1899 году де Booръ, который узналъ о существованіи рукописи *P* лишь въ 1901 году, высказалъ по поводу рукописей *BM* два слѣдующихъ предположенія: „entweder eine Handschrift aus der anderen abgeschrieben

Несравненно болѣе интереснымъ и важнымъ для насъ является первый пропускъ, характеризующій, какъ мы уже отмѣтили, цѣлую группу рукописей и уже въ силу одного этого проливающій яркій свѣтъ на взаимныя отношенія членовъ этой группы. Отъ вниманія де Боора, однако, страннымъ образомъ совершенно ускользнуло важное значеніе этого факта въ данномъ отношеніи, вслѣдствіе чего почтенный ученый совершенно невѣрно опредѣлилъ отношеніе рукописи *B* къ *MP*, — игнорируя наше правильное рѣшеніе этого вопроса, которое мы письменно сообщили ему вмѣстѣ съ перечнемъ и общей стеммой всѣхъ извѣстныхъ намъ рукописей извлеченій περὶ πρέσβεων лѣтомъ прошлаго года.

Въ третьемъ отрывкѣ Менандра (fr. 11 по изданію Диндорфа), въ извлеченіяхъ περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς въ томъ мѣстѣ, которое въ старинныхъ изданіяхъ гласило: πᾶν γὰρ ἀγαθὸν εἰρήνη δοκεῖ. ἐγὼ δὲ κατεπλάγην ἂν ταῖς κομψολογίαις, εἰ μὴ Ῥωμαῖοι μὲν ὑμεῖς, ἡμεῖς δὲ Πέρσαι ἐτυγχάνομεν ὄντες, — впервые Нибуръ констатировалъ лакуну, замѣчая, что здѣсь „deest initium orationis legati Persarum“, и предположилъ пропускъ между словами δοκεῖ и ἐγὼ (p. 350,2 ed. Bonn.). Слѣдующій издатель, Людвигъ Диндорфъ (Hist. Graeci min., vol. II, p. 13,16 sq.), вставилъ послѣ ἀγαθὸν слова πᾶσιν ἀνθρώποις, заимствуя ихъ изъ *M*, и помѣтилъ лакуну тамъ же, гдѣ и Нибуръ.

Сличеніе эскоріальской рукописи вышеупомянутыхъ извлеченій (*R*— cod. Escorialensis R. III. 14), произведенное де Бооромъ, подтвердило догадку Нибура — съ тою только разницею, что пропускъ оказался не послѣ δοκεῖ. какъ предполагалъ этотъ ученый, но послѣ словъ πᾶν γὰρ ἀγαθόν.

Заговоривъ объ эскоріальской рукописи, мы не можемъ умолчать о томъ досадномъ обстоятельствѣ, что оба печатныхъ сообщенія де Боора, касающіяся даннаго вопроса, оказываются весьма неудовлетворительными. Въ первой своей статьѣ онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „in der Abtheilung de legationibus Romanorum ad gentes ist in den Excerpten aus Menander Protektor *ein Blatt erhalten, welches in den übrigen Handschriften fehlt* [1]), und durch welches die

---

ist, oder beide auf eine bereits stark verdorbte Mittelquelle zurückgehen“ (*Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 933), — но обѣ эти его догадки оказались ошибочными. Не менѣе ошибочнымъ, какъ вскорѣ увидятъ наши читатели, оказывается и новѣйшее мнѣніе де Боора по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей *BMP*.

[1]) Курсивъ нашъ.

Б. Рецензіи.

192. *А. Алферовъ.* Очерки изъ жизни языка. (Введеніе въ методику родного языка). Москва 1899.—Рец. **В. К. Поржезинскаго.**—1899. Ч. 323, іюнь, отд. II, стр. 494—508.

193. Exposé de la méthode des premières leçons de français à l'usage des établissements russes. Livre du maître. *Par S. Boulanger.* Saint-Pétersbourg 1893.—Рец. 1893 г. Ч. 289, октябрь, отд. III, стр. 17—19.

194. Приложенія къ циркулярамъ по Московскому учебному округу, издаваемыя подъ редакціею Вл. Исаенкова. D-r *П. Диттвейлеръ.* Дидактика и методика латинскаго языка. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Королькова. Москва 1898.—Рец. 1898. Ч. 320, декабрь, отд. III, стр. 22—25.

195. *К. Ельницкій.* Воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ. Для учебныхъ заведеній и для занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. С.-Пб. 1899.—Рец. 1900. Ч. 329, іюнь, отд. II, стр. 404—405. (Книжныя новости).

196. Публичныя лекціи *В. П. Ермакова.* О преподаваніи ариѳметики и алгебры. Записаны и составлены Н. Мукаловымъ. Кіевъ 1900. — Рец. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. III, стр. 1—4.

197. *Иммануилъ Кантъ.* О педагогикѣ. Переводъ съ нѣмецкаго С. Любомудрова. Съ портретомъ Канта и краткой его біографіею. (Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ). Москва 1896. — Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. II, стр. 165—166. (Книжныя новости).

198. *Н. Карѣевъ.* Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Изданіе журнала „Русская Школа". С.-Пб. 1900.—Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 9—15.

199. Великая дидактика *Яна Амоса Коменскаго.* Переводъ съ латинскаго Андрея Адольфа и Сергѣя Любомудрова. Съ портретомъ Коменскаго, біографическимъ очеркомъ и объяснительными примѣчаніями. Москва 1893. — Рец. **Х. Х. Шванебаха.** — 1893 г. Ч. 287, іюнь, отд. II, стр. 542—544.

200. *Я. Амосъ Коменскій.* Великая дидактика. Перевелъ съ латинскаго А. Щепинскій. С.-Пб. 1893.—Рец. **Н. В. Ястребова.**—1894. Ч. 291, январь, отд. II, стр. 228—233.

201. Избранныя педагогическія сочиненія *Яна Амоса Коменскаго.* Переводъ съ нѣмецкаго Андрея Адольфа и Сергѣя Любомудрова. Москва 1894. — Рец. 1895. Ч. 299, іюнь, отд. III, стр. 61—62.

202. Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Составилъ *А. Еромюницкій.* Москва 1890. — Рец. въ статьѣ **И. В.**: „Новый трудъ по методикѣ исторіи".

203. *А. Кругловъ.* Литература „маленькаго народа". Критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. Выпуски I и II. Москва 1897.—Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 23—26.

204. *П. М. Луговской.* На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу. Новгородъ 1898.—Рец. 1900. Ч. 327, январь, отд. II, стр. 204—205. (Книжныя новости).

205. Основы воспитанія съ первыхъ лѣтъ жизни и до полнаго окончанія

университетскаго образованія. *М. Манасеиной.* Выпускъ I. Воспитаніе религіозное. С.-Пб. 1894.—Рец. 1896. Ч. 303, январь, отд. II, стр. 293—294. (Книжныя новости).

206. То же.—Рец. **И. Беллярминова.**—1896. Ч. 304, мартъ, отд. II, стр. 172—195.

207. Encyklopädisches Handbuch des Blindenwesens. Herausgegeben unter Mitwirkung vieler hervorragender Schul-und Fachmänner von Prof. *Alexander Mell.* Wien und Leipzig 1900.—Рец. **Я. Н. Колубовскаго.** 1900. Ч. 331, октябрь, отд. II, стр. 400—405.

208. *П. П. Миронов.* Изъ „методики родного слова". Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку. Рига 1894.—Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 81—82.

209. Monatshefte der Comenius-Gesellschaft. Erster Jahrgang. 1, 2 und 3 Hefte. Leipzig 1892. — Рец. **Е. А. Леве.**—1893 г. Ч. 285, февр., отд. II, стр. 482—485.

210. Monatshefte der Comenius-Gesellschaft, herausgegeb. von *Ludwig Keller*, 4 и 5 Band. (Помѣсячные выпуски Общества Коменскаго, издаваемые *Людвигомъ Келлеромъ*, 4 и 5 т.).—Рец. **А. Д. Вейсмана.** 1897. Ч. 313, сентябрь, отд. II, стр. 155—165.

211. Методика практическаго курса ариометики. Пособіе для среднеучебныхъ заведеній *Корнелія Некльевича.* Елизаветградъ 1898. — Рец. 1898. Ч. 320, декабрь, отд. III, стр. 25—27.

212. Педагогика *Остермана* и *Вегенера.* Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія С. Г. Яковенко. С.-Пб. 1900.—Рец. 1900. Ч. 329, май, отд. III, стр. 6—8.

213. *Pérez, Bernard.* L'éducation intellectuelle dès le berceau. Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Научно-популярная библіотека „Русской Мысли". Москва 1897.—Рец. 1899. Ч. 324, іюль, отд. II, стр. 271. (Книжн. новости).

214. Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. Выпускъ V. Избранныя педагогическія сочиненія *Генриха Песталоцци.* Томъ III. Мелкія сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго В. Смирнова. Москва 1896.—Рец. 1897. Ч. 310, апрѣль, отд. III, стр. 91—92.

215. Методы и принципы географіи. Руководство къ методикѣ географіи. *Д. Ю. Петри.* С.-Пб. 1892 г.—Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. III, стр. 26—29.

216. *Планкъ.* Латинскій языкъ, какъ средство научнаго образованія. Переводъ съ нѣмецкаго Дм. Королькова. М. 1893. — Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 19—21.

217. *В. Прейеръ.* Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ съ указаніями для родителей о его наблюденіи. Переводъ съ нѣмецкаго П. Каптерева. С.-Пб. 1894.—Рец. **Н. И. Вакста.** 1896. Ч. 308, декабрь, отд. II, стр. 358—364.

218. Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. Выпускъ IX. *Ф. Рабле* и *М. Монтень.* Мысли о воспитаніи и обученіи. Избранныя мѣста изъ „Гаргантуа" и „Пантагрюэля" и „Опытовъ" Монтеня. Переводъ съ французскаго В. Смирнова. Съ приложеніемъ портретовъ и очерковъ жизни Рабле и Монтеня. Москва 1896.—Рец. 1897. Ч. 310, апрѣль, отд. III, стр. 92—93.

219. *D-r Юлій Ротфуксъ.* Воспиты-

вающее обученіе. Переводъ съ нѣмецкаго Дм. Королькова. Москва 1894. — Рец. 1895. Ч. 302, ноябрь, отд. III, стр. 74—75.

220. Русская школа за 1891 г. №№ 1—2.—Рец. см. въ статьѣ **И. В.**: „Педагогическій журналъ *Я. Г. Гуревича*“.

221. Опытъ методики рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Пособіе для преподавателя (съ 280 чертежами въ текстѣ). Составилъ и издалъ *Г. З. Рябковъ*.- Рец. 1895 г. Ч. 300, іюль, отд. III, стр. 11—15.

222. *И. Скворцовъ*. Записки по педагогикѣ. Часть вторая. Общая дидактика. С.-Пб. 1899.—Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. III, стр. 8—12.

223. Очеркъ методики и дидактики учебной географіи. Составилъ *А. Соколовъ*. Съ двумя таблицами чертежей. С.-Пб. 1894.—Рец. 1895. Ч. 302, ноябрь, отд. III, стр. 77—78.

224. *В. Я. Стоюнинъ*. Педагогическія сочиненія. С.-Пб. 1892.—Рец. 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. III, стр. 19—22.

225. Пособіе для устройства общедоступныхъ научныхъ и литературныхъ чтеній. (Хрестоматія для семьи и школы). Изданіе педагогическаго отдѣла Харьковскаго историко-филологическаго общества подъ редакціей проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. Харьковъ 1895. — Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. III, стр. 87—89.

226. *Вендлинъ Тойшеръ*. Теоретическая педагогика и общая дидактика. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Клюева. Маріуполь 1899. — Рец. 1900. Ч. 327, февраль, отд. III, стр. 17—19.

227. *Ф. Тома*. Внушеніе и воспитаніе. Переводъ съ французскаго Е. Максимовой. Изданіе журнала „Образованіе“. С.-Пб. 1896. — Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. II, стр. 354. (Книжныя новости).

228. Труды педагогическаго отдѣла Харьковскаго историко-филологическаго общества. Выпускъ I. Харьковъ 1893. — Рец. 1896. Ч. 303, январь, отд. II, стр. 290—292. (Книжныя новости).

229. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи *Константина Ушинскаго*. Изд. 8-ое, сокращенное подъ редакціею К. К. Сентъ-Илера и Л. Н. Модзалевскаго. С.-Пб. 1894. — Рец. **Н. Н. Страхова.** 1894. Ч. 292, мартъ, отд. II, стр. 184—185.

230. Педагогическая библіотека, издаваемая Тихомировымъ и А. Адольфомъ. Выпускъ X. *Фенелонъ*. О воспитаніи дѣвицъ. Переводъ съ французскаго В. Недачина. Съ портретомъ Фенелона и краткой его біографіей. Москва 1896.—Рец. 1897. Ч. 310, апрѣль, отд. III, стр. 90—91.

231. Подвижныя школьныя игры, собранныя по порученію коммисіи по физическому образованію, состоящей при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техн. знаній, ея секретаремъ *Н. Филитисъ*. Москва.—Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 234. (Книжныя новости).

232. Волшебный фонарь (проэкціонный аппаратъ). Туманныя картины и научная проэкція. Практическое руководство г. *Фуртис*. Переводъ съ французскаго со многими дополненіями и рисунками въ текстѣ А. Д. Мина и Н. Н. Топальскаго. Съ приложеніемъ статьи, составленной по „Scientific American“ А. Д. Миномъ: „Проэкціи живыхъ фотографій“. С.-Пб. 1897.—Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. III, стр. 37—40.

233. *В. Часовниковъ*. Школьное рисованіе.—Рец. смотри статью **Н. И.**

Макарова: „Еще кое-что о черченіи".

234. Звуковой натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ и его примѣненіе къ англійскому языку. *Л. Ѳ. Чудновской.* Одесса 1898.—Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. III, стр. 4—6.

235. *Д-ръ Августъ Шейндлеръ.* Методика преподаванія грамматики греческаго языка. Перевелъ съ измѣненіями и дополненіями примѣнительно къ русскимъ гимназіямъ Н. Корниловъ. Казань 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, январь, отд. III, стр. 1—2.

236. *С. И. Шохоръ-Троцкій.* Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія. С.-Пб. 1892. —Рец. **А. Д. Путята.** 1894. Ч. 293, іюнь, отд. II, стр. 414—424.

237. *Д. П. Янковскій.* Къ вопросу о преподаваніи церковно-славянскаго, русскаго и польскаго языковъ. Варшава 1898.—Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 11—12.

238. *Ф. А. Экштейнъ.* Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ, съ предисловіемъ В. Шрадера. Переведено подъ редакціей Г. Янчевецкаго. Ревель 1889.—Рец. 1893. Ч. 288, іюль, отд. III, стр. 2—4.

3. НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

а) Учебники по начальному обученію.

Б. Рецензіи.

239. *Г. Вишневскій.* Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ училищъ и приготовительныхъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Казань 1891.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 1—2.

240. *И. Гензель.* Руководство для первоначальнаго обученія этимологіи русскаго языка. Приспособилъ для употребленія въ начальныхъ школахъ г. *фонъ-Эльцъ.* Рига 1890. — Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 66—68.

241. *Г. Я. Юрвичъ.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. Составленъ примѣнительно къ требованіямъ примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Часть I-ая. Первый и второй годъ обученія. С.-Пб. 1899. Часть II-ая. Третій годъ обученія. С.-Пб. 1899.—Рец. 1899. Ч. 324, іюль, отд. III, стр. 6—12.

б) Книги для чтенія.

Б. Рецензіи.

242. *Н. Я. Акинфіевъ.* Минералогія въ лицахъ. Сказки для гимназистокъ. Екатеринославъ 1899. — Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. III, стр. 2—4.

243. Общеполезная библіотека для самообразованія. *Л. Брюнъ.* Исторія земли. Переводъ съ 8-го французскаго изданія Литвинова. Москва

1896. — Рец. 1897. Ч. 310, апрѣль, отд. III, стр. 84—87.

244. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. *П. Г. Виноградова.* Удостоена большой преміи имени Императора Петра Великаго. Выпускъ второй. Москва 1897. — Рец. 1899. Ч. 321, январь, отд. III, стр. 5—7.

245. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. *П. Г. Виноградова.* Выпускъ III. М. 1899. — Рец. 1900. Ч. 327, январь, отд. III, стр. 16.

246. На сушѣ и на морѣ. Разсказы *Всеволода Власова.* Сувалки 1896. —Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. II. (Книжныя новости), стр. 143 — 144.

247. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Турки. *Е. Водовозовой.* С.-Пб. 1894. — Рец. 1896. Ч. 304, мартъ, отд. III, стр. 7.

248. Въ лѣсу и въ полѣ. Очерки изъ жизни животныхъ и растеній *Павла Вышнегорскаго.* С.-Пб. 1897. — Рец. 1898. Ч. 318, августъ, отд. III, стр. 24—26.

249. Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь грековъ. *П. Гиро.* Переводъ съ французскаго съ 70 рисунками подъ редакціей Я. И. Руднева. С.-Пб. 1897.—Рец. 1897. Ч. 312, августъ, отд. III, стр. 18 — 19.

250. Die beliebtesten Märchen der Brüder *Grimm.* Лучшія сказки братьевъ *Гриммъ.* Пособіе для класснаго чтенія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, обработалъ *Марксъ Фишеръ.* Изданіе третье, вновь обработанное. Москва 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 32—33.

251. *Г. К. Дорофеевъ.* Кавказскія сказки и преданія для юношества. Первый выпускъ. Тифлисъ 1897.—Рец. 1899. Ч. 321, январь, отд. III, стр. 7—9.

252. „И все это правда". Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разсказовъ *И. Дружбина.* Съ рисунками В. Шпехта, С. Животовскаго и др. С.-Пб. — Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. III, стр. 40—41.

253. По Западной Европѣ. Картины и очерки природы и жизни народовъ западно-европейскихъ государствъ. Книга для чтенія въ семьѣ и школѣ. Учебное пособіе при преподаваніи географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ *С. Г. Дудышкинъ.* Москва 1899. — Рец. 1899. Ч. 326, декабрь, отд. III, стр. 17—21.

254. *К. Келлеръ.* Жизнь моря. Переводъ Вл. Шацкаго подъ редакціею А. М. Никольскаго. Часть I и II. С.-Пб. 1896.—Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 35—36.

255. *М. Киселева.* Разсказы по греческой миѳологіи съ рисунками В. П. Шрейбера. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 8.

256. Изданіе редакціи журнала „Образованіе". Чудеса земного шара. *Германа Клейна.* Переводъ съ нѣмецкаго М. Чепинской, подъ редакціею Н. Березина. С.-Пб. 1900.—Рец. 1900. Ч. 331, сентябрь, отд. III, стр. 7—8.

257. *И. Коростовецъ.* Китайцы и ихъ цивилизація. Съ приложеніемъ карты Китая, Японіи и Кореи. Изданіе второе. С.-Пб. 1898. — Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. III, стр. 6—8.

258. *Карлъ Крепелинъ.* Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества. Перевелъ съ нѣмецкаго П. А Холодковскій. С.-Пб. 1897. — Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. III, стр. 13—16.

259. Историческія чтенія. Исторія новаго времени. 1610—1789. Составил-

Ж. Лакуръ-Гайе. Съ 76 рисунками. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 288—290. (Книжныя новости).

260. *М. А. Лялина.* Русскіе мореплаватели Головнинъ, Коцебу, Невельскій. С.-Пб. 1896. — Рец. 1897. Ч. 311, іюнь, отд. III, стр. 25—26.

261. Историческія чтенія. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени. 1270—1610. Составилъ *Ж. Г. Марьежоль.* Съ 111 рисунками. С.-Пб. 1893. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 288—290. (Книжныя новости).

262. *Ѳ. Медвѣдевъ.* Чудеса растительнаго міра (съ 30 рисунками). С.-Пб. 1895.—Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 34—35.

263. *В. О. Михневичъ.* Историческіе очерки и разсказы. Томъ I и II. С.-Пб. 1900 г. — Рец. 1900. Ч. 331, сентябрь, отд. II, стр. 222 — 223. (Книжныя новости).

264. Четыре разсказа *А. Н. Острогорскаго,* изъ книги „Среди природы". Какъ узнали люди, что воздухъ имѣетъ вѣсъ. — Рец. 1897. Ч. 309, февраль, отд. III, стр. 23—25.

265. Четыре разсказа *А. Н. Острогорскаго,* изъ книги „Среди природы". Огнедышущія горы. — Рец. 1897. Ч. 309, февраль, отд. III, стр. 23—25.

266. Четыре разсказа *А. Н. Острогорскаго,* изъ книги „Среди природы". Родникъ.—Рец. 1897. Ч. 309, февраль, отд. III, стр. 23—25.

267. Четыре разсказа *А. Н. Острогорскаго.* изъ книги „Среди природы". Смерчъ.—Рец. 1897. Ч. 309, февраль, отд. III, стр. 23—25.

268. Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей съ портретами для чтенія юношества. Составилъ *Викторъ Острогорскій.* 4-е изданіе. С.-Пб. 1894.—Рец. 1897. Ч. 311, май, отд. III, стр. 1—3.

269. Проф. *Пуше.* Жизнь земли. Перевелъ и дополнилъ Н. Лялинъ. (Съ 30 рисунками). С.-Пб. 1894. — Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 39—40.

270. Исторія горы. Для юношества. *Элизе Реклю.* Переводъ съ четвертаго французскаго изданія Д. А. Коропчевскаго. Подъ редакціей В. В—ва. Москва 1896.—Рец. 1897. Ч. 309, февраль, отд. II, стр. 385—387. (Книжныя новости).

271. Какъ воевалъ Петръ Великій со шведами. *Іосифъ Сениговъ.* С.-Пб. 1893. — Рец. 1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 193—194. (Книжныя новости).

272. Любимый богатырь русскаго народа. *Іосифъ Сениговъ.* С.-Пб. 1893. — Рец. 1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 193—194. (Книжныя новости).

273. Народныя сказки и пѣсни о Новгородѣ Великомъ. *I. Сениговъ.* С.-Пб. 1894. — Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 233—234. (Книжныя новости).

274. Царь-работникъ и учитель. *I. Сениговъ.* С.-Пб. 1893. — Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 233—234. (Книжныя новости).

275. Янъ Гусъ, его жизнь и реформаторская дѣятельность. Біографическій очеркъ *М. М. Филиппова.* С.-Пб. 1891.—Рец. 1899. Ч. 321, январь, отд. III, стр. 3—5.

276. *В. Н. Харузина.* Сказки русскихъ инородцевъ, съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями. М. 1898.—Рец. 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. II, стр. 503—504. (Книжныя новости).

в) Законъ Божій.

Б. Рецензіи.

277. Учебная карта Палестины. Изданіе школьной картопечатни. Составилъ *И. И. Поддубный.*—Рец. 1900. Ч. 328., мартъ, отд. III, стр. 8—10.

г) Русскій языкъ.

Грамматики.– Хрестоматіи.—Исторія и теорія словесности.

Б. Рецензіи.

278. Учебникъ по русской грамматикѣ. Отдѣлъ I. (Окончанія измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ частей рѣчи). Составилъ *М. Азбукинъ.* Орелъ 1896.—Рец. 1897. Ч. 311, май, отд. III, стр. 8—11.

279. Учебникъ по русской грамматикѣ. Отдѣлъ 2-ой (Составъ словъ. Благозвучіе рѣчи. Общій обзоръ правилъ этимологическаго правописанія). Составилъ *М. Азбукинъ.* Орелъ 1896.—Рец. 1897. Ч. 311, май, отд. III, стр. 8—11.

280. Настольное руководство для всѣхъ и пособіе для учащихся. Словарь русскаго правописанія. Полная отечественная орѳографія. Составилъ по „Русскому Правописанію“ Имп. Академіи Наукъ, В. И. Далю, Н. Макарову, Ф. Рейфу и др. *С. П. Алексѣевъ.* 1899. — Рец. 1900. Ч. 328, апрѣль, отд. III, стр. 31—32.

281. Вопросы науки, искусства, литературы и жизни, № 16. *А. Д. Алферовъ.* Грибоѣдовъ и его пiеса. Москва 1897. — Рец. 1899. Ч. 325, октябрь, отд. III, стр. 35—36.

282. Русская грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній, составленная *Д. Анинскимъ.* М. 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 18—22.

283. Живое слово для изученія родного языка. Методика русскаго языка въ разсказахъ и объясненіяхъ по литературнымъ образцамъ, въ связи съ логикою, грамматикою и словесностью, для всесторонняго развитія и воспитанія учащихся, согласно съ требованіями педагогическихъ принциповъ. Ч. 1-ая. Практическій курсъ 1-го класса. (Воронежъ 1889 г.). Ч. 2-ая. Практическій курсъ 2-го класса. (Воронежъ 1892 г.). Составилъ *А. В. Барсовъ.*—Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. III, стр. 12—14.

284. Для разборовъ и письменныхъ упражненій. Хрестоматія для употребленія при преподаваніи русскаго языка. Курсъ второй. Составлена *П. Басистовымъ.* Изд. 14-е, исправленное примѣнительно къ учебному плану русскаго языка и словесности, утвержденному г. министромъ народнаго просвѣщенія. Москва 1894 г.—Рец. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. III, стр. 1—2.

285. Сборникъ статей для теоретическаго изученія образцовъ русской литературы, примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Баталинъ.* Изданіе

4-ое. М. 1891. — Рец. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. III, стр. 9—11.

286. Правила русскаго правописанія въ связи съ примѣрами для послѣдовательнаго списыванія съ книги и для классныхъ орѳографическихъ упражненій. Составилъ по „Русскому правописанію" академика Я. К. Грота *С. Благовѣщенскій.* Калуга 1896. — Рец. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. III, стр. 1—6.

287. Русская хрестоматія преимущественно для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Составилъ *Викторъ Богдановъ* въ 3-хъ частяхъ. Ч. II (для 3 и 4 классовъ гимназій, реальныхъ и другихъ училищъ). Съ русско-нѣмецк. словаремъ. С.-Пб. 1890 г.—Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 62—65.

288. Грамматика русскаго языка (этимологія, сближенная съ синтаксисомъ). Курсъ средняго и старшаго возрастовъ. Съ приложеніемъ: 1) Краткой грамматики церковно-славянскаго языка и образцовъ изъ Остромирова Евангелія, 2) орѳографическаго указателя. Составилъ *Викторъ Богдановъ.* С.-Пб. 1897. — Рец. 1898. Ч. 315, январь, отд. III, стр. 1—18.

289. Краткій учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. Составилъ *С. Бородинъ.* Москва 1896. — Рец. 1897. Ч. 311, іюнь, отд. III, стр. 29—35.

290. Краткій курсъ теоріи слога прозы и поэзіи. Составилъ согласно учебнымъ планамъ 20-го іюля 1890 г. *С. Брайловскій.* Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ". Воронежъ 1894. — Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. III, стр. 50—52.

291. *Н. Бракенгеймеръ.* Примѣрный сборникъ произведеній для заучиванія наизусть. Одесса 1896. — Рец. 1897. Ч. 310, апрѣль, отд. III, стр. 82—84.

292. *Н. Бунинскій.* Начальная русская грамматика (въ связи съ практическими упражненіями по лучшимъ образцамъ русскихъ писателей). Для приготовительнаго и перваго классовъ средне-учебныхъ заведеній и для низшихъ училищъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва 1897.—Рец. 1897. Ч. 311, май, отд. III, стр. 11—16.

293. Древнерусская книжная и народная словесность. Хрестоматія съ примѣчаніями къ тексту и предисловіемъ о древнерусскомъ языкѣ. Составилъ *И. Бѣлорусовъ,* согласно учебнымъ планамъ и объяснительной запискѣ, утвержденнымъ 20-го іюля 1890 г. Орелъ 1892. — Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 69—74.

294. Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ *Е. Бѣлявскаго.* Изд. 6-ое, вновь пересмотрѣнное и дополненное. Москва 1893. — Рец. 1894. Ч. 294, августъ, отд. III, стр. 28—29.

295. *Ю. Верещагинъ.* Учебникъ исторіи русской словесности въ связи съ упражненіями изложенія мыслей и внѣкласснымъ чтеніемъ. Части I и II. — Рец. 1900. Ч. 332, декабрь, отд. III, стр. 63—67.

296. Краткій учебникъ грамматики (этимологія и синтаксисъ) для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *І. Вертоградскій.* Москва 1895. — Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. III, стр. 64—66.

297. Учебникъ русской грамматики. Синтаксисъ (для младшаго возраста). Составилъ *П. Виноградовъ.* Курскъ 1892. — Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 43—44.

298. Языкъ важнѣйшихъ произведеній русской словесности XI—XIX вѣковъ. Составилъ *Е. Воскресенскій.* Москва 1891. — Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 11—12.

299. *Е. Воскресенскій.* Темы и вопросы для письменныхъ упражненій и литературныхъ бесѣдъ. Москва 1895. — Рец. 1897. Ч. 309, февраль, отд. III, стр. 16—18.

300. Языкъ важнѣйшихъ произведеній русской словесности XI—XIX вѣковъ. Составилъ *Е. Воскресенскій.* Изд. 2-ое, дополненное. Москва 1900. — Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 22—23.

301. Русская хрестоматія. *А. Галаховъ.* Изданіе 23-е. Въ 2-хъ томахъ. Москва 1896. — Рец. 1896. Ч. 305, май, отд. III, стр. 49—50.

302. „Спутникъ правописанія". Краткія правила съ подробнымъ орѳографическимъ словаремъ. Составилъ *И. К. Ганъ.* Изданіе 4-ое, значительно дополненное. Исправлено по „Руководству" академика Я. К. Грота. С.-Пб. 1897.—Рец. 1897. Ч. 314, ноябрь, отд. III, стр. 2—6.

303. Русская литература XIX вѣка. Опытъ исторіи новѣйшей русской словесности въ біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Составилъ *Евгеній Гаршинъ.* Т. I. Выпускъ 1. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 53—55.

304. Учебникъ теоріи словесности. Составилъ *Г. Гвоздиковъ.* С.-Пб. 1893. —Рец. 1894. Ч. 294, августъ, отд. III, стр. 29—31.

305. *И. Гензель.* Руководство для изученія этимологіи русскаго языка. Приспособилъ для употребленія въ младшихъ классахъ гимназій Г. фонъ-Эльцъ. Рига 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 66—68.

306. Хрестоматія по исторіи русской словесности. I. Образцы народной словесности. II. Памятники древнерусской словесности (XI--XV вѣка) съ историческими, литературными, грамматическими объясненіями и со словаремъ. Составилъ *Николай Гераковъ.* С.-Пб. 1899 г. — Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. III, стр. 10—12.

307. Сборникъ образцовъ русской словесности для заучиванія наизусть и выразительнаго чтенія. Съ объяснительнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составилъ *Николай Гераковъ.* С.-Пб. 1899.—Рец. 1900. Ч. 330, августъ, отд. III, стр. 29—32.

308. Русское правописаніе. Сборникъ правилъ и диктовокъ, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ и обнимающихъ собою курсы приготовительнаго и перваго классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ *Ив. Голубевъ.* Варшава 1897.—Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 26—30.

309. *Л. Григорьевъ* и *В. Оленинъ.* Краткій курсъ русской грамматики съ практическими упражненіями (этимологія и синтаксисъ). Рига 1897. — Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 17—23.

310. Сборникъ образцовъ русской словесности, принятыхъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ Казанскаго учебнаго округа для выразительнаго чтенія и заучиванія наизусть. Составилъ *И. Дмитріевъ.* Казань 1897. — Рец. 1897. Ч. 313, сентябрь, отд. III, стр. 1—3.

311. Теорія сочиненій съ хрестоматіей. *П. Житецкаго.* Кіевъ 1895. — Рец. 1895. Ч. 299, іюнь, отд. III, стр. 48—50.

312. Теорія поэзіи. *П. Житецкаго.* Кіевъ 1898.—Рец. 1899. Ч. 323, іюнь, отд. III, стр. 13—16.

313. Очерки изъ исторіи поэзіи. (Пособіе при изученіи теоріи поэтическихъ произведеній). *П. Житецкаго.* Кіевъ 1898.—Рец. 1899. Ч. 323, іюнь, отд. III, стр. 16—18.

314. Начальная русская грамматика. Опытъ конспективнаго изложенія грамматическихъ правилъ съ приложеніемъ соотвѣтственныхъ письменныхъ работъ. Учебное руководство для приготовительнаго класса гимназій, прогимн. и реал. училищъ. Составилъ *Ив. Зерновскій.* Изд. 2-ое. Москва 1894. — Рец. 1895. Ч. 298, мартъ, отд. III, стр. 2—5.

315. *Е. Ѳ. Кирскій.* Пособіе при изученіи русскаго языка и словесности. Выпускъ I (курсъ приготовительнаго, I. II, III и IV классовъ гимназій и прогимназій). Стихотворенія и прозаическія статьи для заучиванія наизусть. Вильно 1892.— Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 80—82.

316. Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ и издалъ *И. Я. Кипріановичъ.* 4-ое изданіе, дополненное и исправленное. С.-Пб. 1896.— Рец. **Н. П. Некрасова.** 1897. Ч. 309, январь. отд. II, стр. 179—195.

317. Руководство къ изученію русскаго языка. Этимологія. Отдѣлъ I. Фонетическій составъ, значеніе и измѣненіе словъ. Составилъ *Е. Козинъ.* Варшава 1891. — Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 74—80.

318. Синтаксисъ русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ съ приложеніемъ задачника. Составилъ *К. Козьминъ.* Москва 1893. Изданіе 2-ое, исправленное. — Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 23—31.

319. Краткая этимологія русскаго языка съ таблицами склоненій и спряженій. Составилъ *И. И. Концевичъ.* Рига. — Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 55—56.

320. Синтаксисъ русскаго языка съ необходимымъ матеріаломъ для упражненій въ синтаксическомъ разборѣ и употребленіи знаковъ препинанія. Составилъ *Красногорскій.* Изданіе 4-ое (сокращенное). С.-Пб. 1897. — Рец. 1900. Ч. 329, май, отд. III, стр. 8—10.

321. *Анд. Круковскій.* Учебникъ грамматики русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Этимологія и начальный курсъ синтаксиса. Съ приложеніемъ: 1) образцовъ для разбора и письменныхъ упражненій; 2) орѳографическаго указателя. С.-Пб. 1896. — Рец. 1896. Ч. 308, декабрь. отд. III, стр. 84—89.

322. Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Ливановъ.* Симбирскъ 1897. — Рец. 1898. Ч. 317, іюнь, отд. III, стр. 23—35.

323. Русская грамматика. Этимологія. Составилъ *П. Миронովъ.* Изданіе 2-ое, вновь исправленное. Рига 1892.—Рец. 1893. Ч. 288, іюль, отд. III, стр. 9—12.

324. Учебникъ русскаго языка. Отдѣлъ теоретическій. Ч. II. Синтаксисъ. Составилъ *Алексѣй Новопашенный.* С.-Пб. 1891. То же. Отдѣлъ практическій. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 56—62.

325. *Викторъ Острогорскій.* Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій. (По Л. Эккардту). Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Изданіе 3-е, вновь пересмотрѣнное и дополненное. С.-Пб.

1897. — Рец. 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. III, стр. 28—31.

326. Учебникъ теоріи словесности. Теоретическія положенія, историческія свѣдѣнія, разборы образцовъ. Выпукъ I. Общая теорія словесности. Теорія прозы. Предварительныя свѣдѣнія о поэзіи. Составилъ *М. Г. Павловичъ.* С.-Пб. 1899. — Рец. 1899. Ч. 324, августъ, отд. III, стр. 15—21.

327. Учебникъ исторіи древней русской литературы. Устная словесность и книжная литература—переводная и оригинальная. Составилъ *М. Павловичъ.* С.-Пб. 1899. — Рец. 1899. Ч. 324, августъ, отд. III, стр. 23—26.

328. Справочный орѳографическій словарь. Пособіе для учащихся. Составилъ *В. Покровскій.* Москва 1897. — Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. III, стр. 4—7.

329. Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. *В. Покровскаго.* Москва 1896. — Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. III, стр. 4—7.

330. Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Часть I. Этимологія. Правописаніе согласно съ руководствомъ Грота. Составилъ *В. Покровскій.* Изданіе третье, исправленное и дополненное. Москва 1897. — Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. III, стр. 4—7.

331. Систематическій диктантъ. Часть 2-ая. Синтаксисъ. Составилъ *В. Покровскій.* Изданіе второе, дополненное. Москва 1897. — Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. III, стр. 4—7.

332. Сокращенная историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Часть III. Составилъ *В. Покровскій.* М. 1898. — Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. III, стр. 12—13.

333. Русская хрестоматія для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Часть IV. Пособіе при изученіи теоріи прозы. Часть V. Пособіе при изученіи теоріи поэзіи. Составилъ *Н. Покровскій.* — Рец. 1895. Ч. 299, іюнь, отд. III, стр. 39—43.

334. О періодахъ. Для IV класса гимназій и прогимназій. Составилъ *Н. А. Поликарповъ.* Ржевъ 1897.— Рец. 1898. Ч. 315, январь, отд. III, стр. 23—26.

335. Исторія русской словесности. Составилъ *И. Порфирьевъ.* Часть II. Новый періодъ, отдѣлъ третій (Литература въ царствованіе Александра I). Казань 1891. — Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 68—69.

336. *А. А. Потебня.* Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка. Харьковъ 1894.— Рец. 1896. Ч. 304, мартъ, отд. III, стр. 3.

337. Теорія словесности. Начала эстетики, реторики и поэтики для VIII класса гимназіи. Составилъ *А. Преображенскій.* Изд. 2-е, дополненное и исправленное. М. 1896. — Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. III, стр. 59—64.

338. Русская грамматика. Для среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ краткой грамматики церковно-славянскаго языка, отрывковъ изъ Остромирова евангелія и орѳографическаго указателя. Составилъ *А. Преображенскій.* Изданіе 5-ое. Москва 1898.—Рец. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. III, стр. 4—6.

339. Очерки по исторіи древне-русской письменности. Отъ начала письменности до XVIII вѣка. Составилъ *И. Протопоповъ.* Харьковъ 1898.—

Рец. 1900. Ч. 330, іюль, отд. III, стр. 6—7.

340. *А. А. Пыльневъ.* Краткій русскій синтаксисъ. I. Отдѣлъ теоретическій: ученіе о предложеніяхъ, знаки препинанія, вопросникъ. II. Отдѣлъ практическій: задачи, упражненія въ разборѣ, диктантъ. С.-Пб 1897. — Рец. 1898. Ч. 317, май, отд. III, стр. 1—11.

341. Вопросникъ къ „Учебному курсу теоріи словесности" В. А. Яковлева. (Примѣнительно къ третьему изданію). Составилъ *А. Пыльневъ.* С.-Пб. 1896.—Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. III, стр. 1—4.

342. *А. А. Пыльневъ.* Элементарная грамматика русскаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 1899. — Рец. 1900. Ч. 330, іюль, отд. III, стр. 1—3.

343. *Е. Раевская.* Опытъ сравнительной грамматики русскаго и французскаго языка по методѣ академика Я. К. Грота. Essai de Grammaire comparée de la langue russe et française, d'après la nouvelle méthode du membre de l'Académie J. Grote. Par M-me C. Raïewsky. Москва 1890. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. III, стр. 32—35.

344. Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. В. Савицкій.* Изд. 3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. С.-Пб. 1894.—Рец. 1894. Ч. 294, августъ, отд. III, стр. 31—37.

345. В. Г. Бѣлинскій о поэзіи. Составилъ *А. И. Сальниковъ.* С.-Пб. 1898. — Рец. 1900. Ч. 327, январь, отд. III, стр. 8—10.

346. Элементарная русская грамматика. Составила *Е. Севрухина.* Изданіе 2-е. Казань 1895. Часть I. Этимологія. Часть II. Синтаксисъ.— Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. III, стр. 81—86.

347. Полный конспектъ по исторіи русской литературы съ самаго начала и до нашихъ дней. Составилъ по нѣкоторымъ учебникамъ и пособіямъ *Николай Синицынъ.* Пермь 1891. — Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 1—3.

348. *П. Смирновскій.* Сборникъ періодовъ, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей (1789—1880). С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 12—13.

349. *П. Смирновскій.* Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соотвѣтствующій приготовительному классу при гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пб.—Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 45—47.

350. *П. Смирновскій.* Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соотвѣтствующій приготовительному классу при гимназіяхъ минист. народнаго просвѣщенія. Изд. 2-е. С.-Пб. 1894. — Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 17—18.

351. *П. Смирновскій.* Исторія русской литературы XIX вѣка. Выпускъ 1-й. Карамзинъ въ до-Александровскую эпоху. С.-Пб. 1899.—Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 10—11.

352. *П. Смирновскій.* Исторія русской литературы девятнадцатаго вѣка. Выпускъ II. Карамзинъ въ Александровскую эпоху. — Рец. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. III, стр. 6—7.

353. Родная рѣчь. Хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть II (для среднихъ классовъ). Составилъ *В. А. Соколовъ.* Москва 1891. — Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 3—4.

354. Опытъ аналитико-историческаго курса теоріи словесности съ присоединеніемъ образцовъ. Составилъ

примѣнительно къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній *М. Соколовъ*. Выпускъ 1-й—до поэзіи лирической (курсъ перваго класса духовныхъ семинарій). Тула 1894. — Рец. 1895. Ч. 299, іюнь, отд. III, стр. 50—51.

355. *И. Н. Стефановскій*. Учебный курсъ теоріи словесности. Второе измѣненное изданіе. Бѣлгородъ 1899.—Рец. 1900. Ч. 330, іюль, отд. III, стр. 3—5.

356. Учебныя руководства для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній подъ редакціей В. М. Краузе. Практическій курсъ русской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній и другихъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа. 1. Этимологія. Составилъ *Г. Цвѣтаевъ*. Рига 1892. — Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 16—23.

357. Темы и планы ученическихъ сочиненій. Составилъ *Н. Цуриковъ*. Часть I. Москва 1895. — Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. III, стр. 52—54.

358. Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціей *А. Н. Чудинова*. Пособіе при изученіи русской литературы. Выпускъ II. Домострой Сильвестровскаго извода. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 4—7.

359. То же.—Выпускъ III. Басни русскихъ писателей въ сравнительномъ изученіи. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 4—7.

360. То же.—Выпускъ IV. Григорій Котошихинъ. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 4—7.

361. То же. Выпускъ VI. Горе отъ ума. Текстъ комедіи съ примѣчаніями, біографія автора, критическіе отзывы Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго, „Мильонъ терзаній“ Гончарова. — Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 4—7.

362. То же. Выпускъ XXVI. Древнерусскія драматическія произведенія. С.-Пб. 1898.—Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 1—3.

363. То же Выпускъ XXVII. В. Г. Бѣлинскій. Критическіе этюды. Ч. 1-ая. С.-Пб. 1898. — Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 1—3.

364. Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціею *А. Н. Чудинова*. Серія вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей. Выпускъ третій. Поэмы Оссіана Джемса Макферсона. Переводъ и примѣчанія Е. В. Балабановой. С.-Пб. 1897.—Рец. 1898. Ч. 316, мартъ, отд. III, стр. 6—8.

365. То же. Выпускъ IV. Старшая Эдда (Семунда Мудраго). Сборникъ миѳологическихъ, гномическихъ и эпическихъ пѣсенъ, въ переводахъ русскихъ писателей. С.-Пб. 1897. — Рец. 1898. Ч. 316, мартъ, отд. III, стр. 6—8.

366. То же. Выпускъ V. Поэма и избранные романсы о Сидѣ. С.-Пб. 1897. Выпускъ VI. Л. Камоэнсъ. Лузіада. С.-Пб. 1897. Выпускъ VII. Данте-Алигіери. Божественная комедія. Ч. I. Адъ. С.-Пб. 1897. Выпускъ VIII. Данте. Алигіери. Божественная комедія. Часть II. Чистилище. С.-Пб. 1897 Выпускъ IX. Данте-Алигіери. Божественная комедія. Ч. III. Рай. С.-Пб. 1897. Выпускъ X. Л. Аріосто. Неистовый Роландъ. С.-Пб. 1898. Выпускъ XI Фр. Петрарка. Избранные сонеты и канцоны. С.-Пб. 1898. — Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 3—6.

367. Русская просодія. Изслѣдованіе объ акцентѣ вообще и значеніе, а равно законы русскаго ударенія въ особенности. *I. Шарловскаго*. Одесса 1890. — Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 49—53.

368. Русская грамматика Г. Блосфельда. Этимологія. Изд. 6-ое. Переработалъ и дополнилъ *Л. Шмидъ*. Митава 1890. — Рец. 1893. Ч. 288, іюль, отд. III, стр. 12—13.

369. Пособіе для историческаго изученія главнѣйшихъ произведеній древне-русской словесности—устной и письменной (для средне-учебныхъ заведеній). Составилъ *Вл. Шпенско*. Керчь 1895.—Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 82—84.

370. Русская литература XVIII столѣтія (Эпоха преобразованій и Ломоносовскій періодъ). Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. *Вл. Шпенско*. Керчь 1896.—Рец. 1897. Ч. 313, сентябрь, отд. III, стр. 3—15.

371. *В. А. Яковлевъ*. Учебный курсъ теоріи словесности. Изданіе третье, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1895. — Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 24—25.

372. *В. А. Яковлевъ*. Этимологія русскаго литературнаго языка въ связи съ этимологіею языка церковно-славянскаго. Изданіе второе (исправленное). С.-Пб. 1899.—Рец. 1900. Ч. 329, май, отд. III, стр. 10—12.

д) Церковно-славянскій языкъ.

Б. Рецензіи.

373. Грамматика русскаго языка (этимологія, сближенная съ синтаксисомъ). Курсъ среднихъ и старшихъ возрастовъ. Съ приложеніемъ: 1) краткой грамматики церковно-славянскаго языка и образцовъ изъ Остромирова Евангелія, 2) ороографическаго указателя. Составилъ *Викторъ Богдановъ*. С.-Пб. 1897. — Рец. 1898. Ч. 315, январь, отд. III, стр. 1—18.

374. Грамматика древне (церковно)-славянскаго языка. Для средне-учебныхъ заведеній, составилъ *П. Бракенгеймеръ*. Изданіе 3-е. Одесса 1892. — Рец. 1893. Ч. 288, іюль, отд. III, стр. 13—16.

375. *П. Бракенгеймеръ*. Грамматика древне (церковно)-славянскаго языка для средне-учебныхъ заведеній. Изданіе 5-е. Одесса 1894.—Рец. 1895. Ч. 299, іюнь, отд. III, стр. 43—47.

376. Сокращенная грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода для низшихъ классовъ духовныхъ училищъ и высшихъ классовъ церковно-приходскихъ школъ. Составилъ *М. Григоревскій*. С.-Пб. 1895. — Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. III, стр. 44—50.

377. **Е. Ө. Карскій.** Нѣсколько словъ по поводу отзыва проф. *Н. П. Некрасова* о VI изданіи составленнаго мною учебника древняго церковно-славянскаго языка.—1898. Ч. 318, августъ, отд. II, стр. 477—489.

378. *П. Коцсвольскій*. Славянская грамматика. (Древній періодъ). Часть I. Этимологія. Часть II. Синтаксисъ. Курсъ среднихъ классовъ (4, 5 и 6) гимназій и реальныхъ училищъ. М. 1891. — Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 7—11.

379. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскою (въ вопросахъ и отвѣтахъ). Составилъ *П. Красногорскій*. С.-Пб. 1898.—Рец. 1899. Ч. 321, февраль, отд. III, стр. 11—29.

380. Грамматика современнаго церковно-славянскаго языка съ примѣрами для упражненій и задачами.

Составилъ *И. А. Муриновъ.* Для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, для городскихъ и духовныхъ училищъ. М. 1894.—Рец. 1895. Ч. 299, іюнь, отд. III, стр. 47—48.

381. **Н. П. Некрасовъ.** Отвѣтъ проф. *Е. Ѳ. Карскому.*—1898. Ч. 318, августъ, отд. II, стр. 489—527.

382. Синтаксисъ славянскихъ языковъ. Отдѣлъ общій. Основные виды предложенія древне-славянскаго, русскаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, словенскаго, сербскаго и болгарскаго. Составилъ *Ѳ. В. Ржига.* М. 1890. — Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 31—32.

383. Словарь древняго славянскаго языка, составленный по Остромирову Евангелію, Ф. Миклошичу, А. Х. Востокову, Я. И. Бередникову и І. С. Кочетову. С.-Пб. 1899. — Рец. 1900. Ч. 327, январь, отд. III, стр. 14—16.

384. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. П. Флеровъ.* Одесса 1894.—Рец. 1894. Ч. 296, отд. III, стр. 9—12.

385. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. П. Флеровъ.* Одесса 1894.—Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. III, стр. 9—12.

е) Польскій языкъ.

Б. Рецензіи.

386. Синтаксисъ славянскихъ языковъ. Отдѣлъ общій. Основные виды предложенія древне-славянскаго, русскаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, словенскаго, сербскаго и болгарскаго. Составилъ *Ѳ. В. Ржига.* М. 1890.—Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 31—32.

ж) Логика и психологія.

Б. Рецензіи.

387. *І. Гобчанскій.* Опытная психологія въ двухъ частяхъ. Составлена по новѣйшимъ источникамъ примѣнительно къ программѣ по психологіи для духовныхъ семинарій. С.-Пб. 1898. — Рец. 1900. Ч. 328, апрѣль, отд. III, стр. 17—19.

388. Учебникъ логики *Ѳ. Козловскаго.* Кіевъ 1894. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Аналитическій выводъ главныхъ принциповъ логики на основаніи разбора образцовъ. Часть II. Сокращенное синтетическое изложеніе главныхъ принциповъ логики.—Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. III, стр. 5—9.

389. *Ѳ. Козловскій.* Учебникъ логики. Ч. I и II. Кіевъ 1894.—Рец. **М. И. Каринскаго.** 1897. Ч. 311, іюнь, отд. II, стр. 469—479.

390. *П. Ланге.* Учебникъ логики. Удостоенъ малой преміи Императора Петра Великаго. Одесса 1898. — Рец. 1898. Ч. 320, ноябрь, отд. III, стр. 1—20.

з) Педагогика.

Б. Рецензіи.

391. *К. Негельсбахъ.* Гимназическая педагогика. Переводъ съ 3 изданія Н. Кораблева. Ревель 1899.—Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 47—50.

392. Записки по педагогикѣ. Часть первая. Общая педагогика. Изданіе третье, дополненное и исправленное. Составилъ *Скворцовъ.* С.-Пб. 1891. — Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. III, стр. 21—26.

393. *W. Schrader.* Гимназіи и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе. Переводъ подъ редакціею Г. Янчевецкаго. Ревель 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 47—50.

и) Классическіе языки.

а) Грамматики. Словари. Хрестоматіи. Пособія по изученію древностей.

Б. Рецензіи.

394. Orbis romanus pictus. Chrestomathia latina cum progymnasmatis, vocabulario, grammatica, lexico in usum tironum scripta. Римскій міръ въ картинахъ. Начальная латинская хрестоматія съ предварительными упражненіями, вокабуляріемъ, грамматикой и словаремъ. Составили *А. Адольфъ* и *С. Любомудровъ.* Ч. I. Курсъ перваго класса. М. 1895.—Рец. 1895. Ч. 300, іюль, отд. III, стр. 2—4.

395. Учебникъ латинской этимологіи, съ хрестоматіею, вокабуляріемъ и словаремъ. Курсъ I класса гимназій. Составилъ, сообразно съ програмкою 1890 г., *М. Б.* С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 15—17.

396. Lhomond. De viris illustribus Romani Imperii. *Для учениковъ* III кл. мужскихъ гимназій. Обработалъ *В. Боруховскій.* Тифлисъ 1897.—Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. III, стр. 2.

397. Учебникъ латинской этимологіи съ хрестоматіею, вокабуляріемъ и словаремъ. Курсъ II класса гимназій. Составилъ, сообразно съ програмкою 1890 г., *М. Быстровъ.* С.-Пб. 1897. — Рец. 1898. Ч. 319, октябрь, отд. III, стр. 21—22.

398. Учебникъ латинской этимологіи. Приложенія (хрестоматія и вокабулярій для третьяго класса гимназій и указатель мѣстъ, заимствованныхъ въ хрестоматіи изъ классическихъ авторовъ). Составилъ, сообразно съ програмкою 1890 г., *М. Быстровъ.* С.-Пб. 1897. — Рец. 1898. Ч. 319, октябрь, отд. III, стр. 21—22.

399. *Э. Вейсенборнъ.* Сборникъ статей для перевода съ русскаго на греческій. Курсъ V класса гимназій. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Счастливцева. Вильна 1892. — Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 3—4.

400. Практическій краткій учебникъ латинскаго синтаксиса, съ упражненіями для перевода съ русскаго языка на латинскій для III, IV, V и VI кл. гимназій, согласно съ новыми

учебными программами (1890 г.). Составилъ *Ив. Виноградовъ*. Ч. I и II. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 16.

401. Латинская хрестоматія съ упражненіями для II и III классовъ гимназій и прогимназій и съ картою Италіи и Греціи. Составилъ *И. Виноградовъ*. М. 1892. — Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 41—42.

402. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій по книгамъ Ходобая и Виноградова. Составилъ примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. *И. Виноградовъ*. Выпускъ I. Москва 1893.—Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. III, стр. 18—19.

403. То же. Выпускъ II (курсъ V и VI классовъ). Москва 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 7—8.

404. Сборникъ отрывковъ для перевода съ латинскаго языка на русскій въ VII и VIII классахъ гимназій. Съ примѣчаніями и указателемъ географическихъ названій и техническихъ терминовъ. Состав. *А. Владимірскій* и *И. Поливановъ*. Москва 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 14—15.

405. *Вольрабъ*. Греческія и римскія древности въ объемѣ гимназическаго курса. Перевелъ Е. Кирчинскій, Варшава 1892. — Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 38—39.

406. Древне-классическія реаліи. Справочная книга и повторительный курсъ для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. По Мартыну Вольрабу и другимъ руководствамъ составилъ, согласно съ новыми учебными планами гимназическаго курса, а также съ § 69 правилъ объ испытаніяхъ, *М Георгіевскій*. С.-Пб. 1893.—Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. III, стр. 19—21.

407. *М. А. Георгіевскій*. Темы для переводовъ съ греческаго языка на русскій въ VII и VIII классахъ гимназій. С.-Пб. 1900.—Рец. 1900. Ч. 328, апрѣль, отд. III, стр. 27—28.

408. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. Вып. I. Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Составилъ *Л. Горкевичъ*. Борисоглѣбскъ 1893. — Рец. 1884. Ч. 294, іюль, отд. III, стр. 16 — 17. — Выпускъ II. Гай Саллюстій Криспъ. Заговоръ Катилины (связный текстъ, непосредственно примыкающій къ латинскому тексту, читаемому въ классѣ). Составилъ *Л. Горкевичъ*. Тамбовъ 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 35—36.

409. Латинская грамматика для русскихъ гимназій. Краткое руководство къ изученію латинской грамматики для гимназій и прогимназій и для лицъ, занимающихся безъ помощи учителя. Примѣнительно къ программѣ 1890 г. Составилъ *Л. И. Горкевичъ*. Харьковъ 1896. — Рец. 1897. Ч. 309, февраль, отд. III, стр. 15—16.

410. Сборникъ греческихъ и русскихъ примѣровъ для упражненія въ греческой этимологіи. Составилъ по Везеру *М. Григоревскій*. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1890.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 22—23.

411. Курсъ греческаго языка по Курціусу и Коху. Составилъ *М. Григоревскій*. Часть I. Этимологія. Изданіе 8-е. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. III, стр. 44.

412. Пособіе для extemporalia. Синтаксическія правила, необходимыя ученикамъ II и III классовъ для переводовъ съ русскаго на латинскій. Съ упражненіями и словами. Составилъ *Д. Дорфъ*. М. 1890. — Рец.

1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 42—43.

413. Латинскій синтаксисъ въ изложеніи *Дютрэ*, по методу, употребляемому въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Франціи, съ измѣненіями примѣнительно къ русскому языку. Переводъ И. Сербова. Херсонъ 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 17—19.

414. Учебникъ греческаго синтаксиса для гимназій. По Wendt. Griechische Schulgrammatik и другимъ пособіямъ составилъ *Владимиръ Исаенковъ*. М. 1891. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. III, стр. 42—44.

415. Латинскіе афоризмы. Полный алфавитный сборникъ наиболѣе употребительныхъ въ русской литературѣ латинскихъ изреченій, цитатъ, пословицъ и выраженій съ русскимъ переводомъ и подробными объясненіями. Составилъ съ краткимъ изложеніемъ правилъ латинскаго чтенія *М. Я. Канторъ*. М. 1895.—Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. III, стр. 143—146.

416. Первая латинская книга для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е, исправленное и измѣненное соотвѣтственно новымъ учебнымъ планамъ. Составилъ *Мих. Кеммерлингъ*. Часть I. Упражненія. Часть II. Словарь. С.-Пб. 1891.— Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 19.

417. То же. Изданіе третье, исправленное и измѣненное соотвѣтственно новымъ учебнымъ планамъ. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 6—7.

418. Упражненія по греческой этимологіи. Составилъ Dr. *Эрнестъ Кохъ*. Часть II. Курсъ IV класса. Москва 1891. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. III, стр. 41—42,

419. *А. Кэи.* Сборникъ упражненій къ греческой этимологіи, приспособленной къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ И. Страховымъ. Часть первая. Склоненіе именъ и спряженіе правильныхъ глаголовъ на ω. М. 1892.—Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 66—67.

420. *Л. Г. Лопатинскій.* Краткая латинская грамматика. Изданіе 6-е, вновь обработанное. Тифлисъ 1895.— Рец. 1895. Ч. 300, іюль, отд. III, стр. 1—2.

421. Начальное руководство къ изученію латинскаго языка, для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Грамматика и хрестоматія. Составилъ *М. Михайловскій*. С.-Пб. 1893. — Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. III, стр. 15—17.

422. То же. Изданіе второе, переработанное.—Рец. 1896. Ч. 304, мартъ, отд. III, стр. 1.

423. Книга упражненій по греческой этимологіи. Составилъ *Я. Моръ*. С.-Пб. 1893. — Рец. 1893. Ч. 288, августъ, отд. III, стр. 19—22.

424. То же. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. 1894.—Рец. 1895. Ч. 298, мартъ, отд. III, стр. 12.

425. То же. Изданіе третье, исправленное, значительно дополненное. С.-Пб. 1897.—Рец. 1897. Ч. 312, августъ, отд. III, стр. 17—18.

426. Краткая этимологія греческаго языка. Составилъ *Я. Моръ*. С.-Пб. 1893.—Рец. 1893. Ч. 288, августъ, отд. III, стр. 19—22.

427. То же. Изд. 2-е, исправленное. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 298, мартъ, отд. III, стр. 12.

428. Краткій синтаксисъ греческаго языка. Составилъ *Я. Моръ*. С.-Пб. 1899.—Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 6—7.

429. Латинская грамматика. По Штег-

ману составилъ *В. Никифоровъ.* Изд. 3-е. Москва 1892.—Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 5.

430. Латинскій синтаксисъ въ объемѣ гимназическаго курса. Составилъ *С. Онацкій.* Изд. 3-е, обработанное примѣнительно къ новымъ учебнымъ планамъ и снабженное многими приложеніями. Казань 1892. — Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 61—62.

431. Греческая хрестоматія. Т. I. Избранныя мѣста изъ греческихъ классиковъ съ біографіями писателей и примѣчаніями, грамматическими и реальными. Составили *С. Ф. Орловскій* и *В. Н. Фаминскій.* Изд. второе. Москва 1892. 1) Выпускъ второй. Избранныя мѣста изъ Исторіи Геродота. 2) Выпускъ четвертый. Избранныя мѣста изъ Иліады Гомера. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 6.

432. Латино-русскій словарь *О. Петрученко.* Москва.—Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 62—64.

433. Элементарная грамматика греческаго языка. Составилъ *В. И. Петръ.* Кіевъ 1895. — Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. III, стр. 79—81.

434. **А. О. Поспишилъ.** Отвѣтъ *С. И. Соболевскому.*—1892. Ч. 280, апрѣль, отд. II, стр. 432—438.

435. Учебникъ латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ *А. Поспишилъ.* Часть I. Курсъ перваго класса. Часть II. Курсъ второго и третьяго классовъ. Кіевъ 1893.—Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. III, стр. 17.

436. Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку. Съ приложеніемъ „Краткой этимологіи и нѣкоторыхъ главнѣйшихъ синтаксическихъ правилъ". Для третьяго и на первое полугодіе четвертаго классовъ. Составилъ *А. Присѣлковъ.* Третье, вновь передѣланное изданіе. Тифлисъ 1894.—Рец. 1897. Ч. 310, апрѣль, отд. III, стр. 79—82.

437. Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ. Примѣнительно къ требованіямъ новыхъ учебныхъ плановъ министерства народнаго просвѣщенія. Составилъ *С. Ридецкій,* и *В. Соколовъ.* Москва 1891.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 21—22.

438. Латинская грамматика съ упражненіями, хрестоматіею и словарями, составленная по Р. Кюнеру. Этимологія. Вып. I. Учебное руководство по латинскому языку для 1-го класса гимназій и прогимназій. Изданіе десятое, вновь обработанное примѣнительно къ учебнымъ планамъ М. Н. П. *С. Ридецкимъ.* Москва 1898.—Рец. 1898. Ч. 320, декабрь, отд. III, стр. 21.

439. Краткая грамматика латинскаго языка. Примѣнительная къ учебнымъ программамъ 1892 г. Составилъ *Н. Санчурскій.* Часть II. Синтаксисъ. С.-Пб. 1892. — Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 6.

440. Краткій очеркъ римскихъ древностей. Согласно съ гимназическими учебными планами и правилами для испытанія (§ 69) составилъ *Н. Санчурскій* при участіи А. Гофманъ, М. Янко, Н. Барсова, И. Діомидова, I. Сѣдлатова, Э. Кесслера и В. Марданова.—Рец. 1897. Ч. 310, апрѣль, отд. III, стр. 93—94.

441. То же. 2-е изданіе. С.-Пб. 1899.—Рец. **Э. А. Верта.** 1900. Ч. 331, сентябрь, отд. II, стр. 176—212.

442. Латинская хрестоматія для I, II, III и IV классовъ гимназій. Составилъ *Ив. Семеновичъ.* 1891. Примѣнительно къ новымъ программамъ

мин. народ. просвѣщенія. Ч. I. Курсъ 1-го класса. Часть II. Курсъ 2-го класса.— Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 19—21.

443. То же. Части III и IV. М. 1891. — Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 62.

444. Греческая хрестоматія для III, IV и V классовъ гимназій. Примѣнительно къ новымъ программамъ министерства народнаго просвѣщенія, составилъ *Ив. Семеновичъ.* Части I, II и III. Москва 1892. — Рец. 1893. Ч. 288, іюль, отд. III, стр. 1—2.

445. Отрывки изъ римскихъ писателей для письменнаго и устнаго перевода въ V, VI, VII и VIII классахъ гимназій. Составилъ *Ив. Семеновичъ.* М. 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 13—14.

446. Начальная латинская хрестоматія для трехъ классовъ гимназій. Выпускъ II. Составилъ *И. Сигъ.* М. 1892.—Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 7.

447. Начальная латинская хрестоматія для трехъ первыхъ классовъ гимназій. Выпускъ III. Курсъ третьяго класса. Латинскій текстъ, метафразы, слова и обороты рѣчи. Составилъ *И. Сигъ.* М. 1894.—Рец. 1895. Ч. 298, мартъ, отд. III, стр. 1—2.

448. Краткая грамматика латинскаго языка. Изданіе 6-е, исправленное и дополненное. Составили *П. Сидоровъ* и *Э. Кесслеръ.* С.-Пб. 1892.— Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 5.

449. Уроки латинскаго языка. Курсъ первый. Составилъ *Александръ П. Степановъ.* Житоміръ 1900. — Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 15—16.

450. Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій. Курсъ V и VI классовъ. Составилъ *О. В. Фарникъ.* Изд. 8-е. С.-Пб. 1894. — Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. III, стр. 15—16.

451. *Ив. Цвѣтковъ.* Латинская грамматика примѣнительно къ русской. Харьковъ 1898.—Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. III, стр. 1—2.

452. Таблицы XII и XIII для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей, съ объяснительнымъ текстомъ подъ заглавіемъ: Греческій театръ. Составилъ и издалъ *Степанъ Цыбульскій.* Царское Село 1891. — Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 67—68.

453. V, VI и VII таблицы для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей. *Ст. Цибульскаго.* Съ текстомъ къ нимъ, подъ заглавіемъ: Римское войско. Составъ и вооруженіе. С.-Пб. 1893.—Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. III, стр. 21.

454. III и VIII таблицы для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей (Греческія монеты и Римскій лагерь), съ объяснительнымъ текстомъ. Составилъ *С. Цыбульскій.* С.-Пб. 1894.— Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 3.

455. Таблицы для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей. Составилъ *С. Цыбульскій.* Таб. X. Греческій домъ. С.-Пб. 1895. — Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. III, стр. 32—33.

456. Греческій домъ. Объяснительный текстъ къ X „Таблицѣ для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей“. Составилъ *С. Цыбульскій.* С.-Пб. 1896.—Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. III, стр. 32—33.

457. Греческая грамматика гимназическаго курса *Э. Черннo.* Часть I. Этимологія. Изданіе девятое, исправленное. Москва 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 5—6.

458. Книга упражненій по греческой этимологіи по руководству II. Везенера и другимъ съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ. Составилъ *Э. Черный.* Изд. девятое, исправленное. М. 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 5—6.

459. Краткій систематическій курсъ латинскаго синтаксиса. Примѣнительно къ гимназическимъ программамъ, утвержденнымъ мин. народ. просвѣщенія 20-го іюля 1890 г., составилъ *П. Черняевъ.* Казань 1894.—Рец. 1894. Ч. 294, іюль, отд. III, стр. 17—18.

460. Краткія указанія для переводящихъ съ латинскаго языка на русскій съ отрывками для переводовъ. Составилъ *П. Черняевъ.* Казань 1895.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 18—19.

β) Школьныя изданія классиковъ и пособія къ нихъ интерпретаціи.

А. Статьи.

461. И. Ѳ. Анненскій. Три школьныхъ изданія Софоклова „Эдипа царя". Отзывъ о книгахъ: 1) Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. Софоклъ. Царь Эдипъ. Объяснилъ *Ѳ. Зѣлинскій.* Часть I: текстъ. Часть II: комментарій. Царское Село. 1892. 2) Σοφοκλέους. Οἰδίπους τύραννος. Текстъ съ примѣчаніями по Науку и словаремъ по Эллендту, составленными для употребленія въ гимназіяхъ *О. Петрученко.* Москва 1886. 3) Σοφοκλέους. Οἰδίπους τύραννος. Трагедія Софокла „Эдипъ царь" въ двухъ частяхъ, отдѣльными книгами: Часть I. Греческій текстъ. Часть II. Введеніе съ четырьмя рисунками, комментарій къ тексту и размѣры лирическихъ партій трагедіи. Составилъ для гимназій *Ив. Мир. Ивановъ.* С.-Пб. 1892.—Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 282—287.

Б. Рецензіи.

462. Иллюстрированное изданіе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціею Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. М. Туллій Цицеронъ. Рѣчь за Лигарія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 2 рисунками и географическими картами. Объяснилъ *В. Алексѣевъ.* С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 11—12.

463. Библіотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ пе-

реводѣ. III. М. Туллій Цицеронъ. Рѣчи противъ Катилины. (Orationes in L. Catilinam). Съ латинскаго перевелъ *В. Алексѣевъ.* Изданіе 2, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1896. — Рец. 1897. Ч. 309, январь, отд. III, стр. 1—2.

464. Сатиры Горація. Книга I-я. Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьею о Гораціи. Составилъ для употребленія въ гимназіяхъ *С. Боришевскій.* Владикавказъ 1892. — Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 35—36.

465. Сатиры Горація. Книга I-я. Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и статьею о Гораціи. Составилъ для употребленія въ гимназіяхъ *Т. Боришевскій.* Владикавказъ 1892.—Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 9—11.

466. Краткій очеркъ миеологіи грековъ и римлянъ. Для старшихъ классовъ гимназій составилъ *Ем. Ветнекъ.* Ревель 1897.—Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. III, стр. 27—28.

467. Титъ Ливій. Книга XXII. Событія второй пунической войны 217 и 216 гг. до Р. Х. Съ введеніемъ, примѣчаніями и географическимъ указателемъ. Составилъ *Ив. Виноградовъ.* Часть I: Текстъ. Часть II: Комментарій. С.-Пб. 1898. — Рец. 1898. Ч. 317, май, отд. III, стр. 19—21.

468. Титъ Ливій. Книга XXX. Событія послѣднихъ трехъ лѣтъ второй пунической войны 203—201 гг. до Р. Хр. Съ введеніемъ, примѣчаніями, географическимъ указателемъ и двумя картами. Составилъ *Ив. Виноградовъ.* Часть I и II. С.-Пб. 1899. — Рец. 1900. Ч. 327, февраль, отд. III, стр. 19—20.

469. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. Царское Село.— Геродотъ. Скиѳія и походъ Дарія на скиѳовъ. (Кн. IV, гл. 1—140). Съ введеніемъ, примѣчаніями, 24 рисунками и географическими картами. Объяснилъ г. *фонъ-Газе.* Ч. I. Текстъ. Ч. II. Комментарій. 1892.—Рец. 1893. Ч. 326, мартъ, отд. III, стр. 1—3.

470. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. Царское село.— Ксенофонтъ. Воспоминанія о Сократѣ. Книга I, съ введеніемъ, примѣчаніями и 3 рисунками. Объяснилъ *К. В. Гибель.* Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. 1891.—Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 1—3.

471. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій. Гай Саллюстій Криспъ. Вып. I. Югуртинская война. Пособіе для учениковъ V и VI классовъ классическихъ гимназій и прогимназій. Составилъ *Л. Горжевичъ.* Борисоглѣбскъ 1893.— Рец. 1894. Ч. 294, іюль, отд. III, стр. 16—17. Вып. II. Заговоръ Катилины. Сост. *Горжевичъ.* Тамбовъ 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 35—36.

472. Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Объяснилъ *Гофманъ.* Изд. 2-е, исправленное. С.-Пб. 1892. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій.—Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 40—41.

473. Первая и вторая рѣчи Цицерона противъ Катилины. Объяснилъ *А. Гофманъ.* Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. С.-Пб. 1894.—Рец. 1894. Ч. 294, іюль, отд. III, стр. 15—16.

474. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціею Л. Георгіевскаго и С. Ман-

штейна. Софоклъ, Антигона. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 21 рисункомъ и схемами лирическихъ размѣровъ. Объяснилъ *А. Н. Деревицкій.* Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, августъ, отд. III, стр. 25—26.

475. Рѣчи Демосѳена противъ Филиппа. Для учениковъ гимназій объяснилъ *Іосифъ Добіашъ.* Выпускъ I. Введеніе, первая рѣчь противъ Филиппа и три Олинѳскія рѣчи. Кіевъ 1892. — Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 4—5.

476. Рѣчи Демосѳена противъ Филиппа. Для учениковъ гимназій объяснилъ *Іосифъ Добіашъ.* Выпускъ II. Введеніе, рѣчи: о мирѣ и о дѣлахъ херсонесскихъ. Нѣжинъ 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, августъ, отд. III, стр. 26—27.

477. Рѣчи Демосѳена противъ Филиппа. Для учениковъ гимназій объяснилъ *Іосифъ Добіашъ.* Выпускъ III. Введеніе и рѣчи: вторая и третья противъ Филиппа. Нѣжинъ 1894.—Рец. 1895. Ч. 299, іюнь, отд. III, стр. 38—39.

478. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. Софоклъ. Царь Эдипъ. Объяснилъ *Ѳ. Зѣлинскій.* Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. Царское село 1892. Смотр. статью **И. Ѳ. Анненскаго.** Три школьныхъ изданія Софоклова „Эдипа-царя".

479. Иллюстрированное изданіе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. М. Туллій Цицеронъ. Рѣчь противъ Верреса. Кн. V: О казняхъ. Съ введеніемъ, примѣчаніями, рисунками и картою Сициліи. Объяснилъ *Ѳ. Зѣлинскій.* С.-Пб. 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III стр. 1—2.

480. Σοφοκλέους Οἰδίπους τύραννος. Трагедія Софокла „Эдипъ-царь" въ двухъ частяхъ, отдѣльными книгами: ч. I. Греческій текстъ. Ч. II. Введеніе съ четырьмя рисунками, комментаріи къ тексту и размѣры лирическихъ партій трагедіи. Составилъ для гимназій *Ив. Мир. Ивановъ.* С.Пб. 1892.—См. ст. **И. Ѳ. Анненскаго.** Три школьныхъ изданія Софоклова „Эдипа царя".

481. То же.—Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. III, стр. 14—15.

482. Cornelii Nepotis vitae selectae. Избранныя жизнеописанія Корнелія Непота съ приложеніемъ географической карты. Издалъ *Е. Киричинскій.* Варшава 1891. — Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 37—38.

483. Вокабуларій къ избраннымъ жизнеописаніямъ Корнелія Непота. Пособіе для учениковъ. Составилъ *Е. Киричинскій.* Выпускъ I. Варшава 1892. — Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 37—38.

484. Рѣчи Демосѳена Олинѳскія и первая противъ Филиппа, съ двумя рисунками и картой Греціи. Для употребленія въ гимназіяхъ объяснилъ *Н. Кореньковъ.* Москва 1891.—Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 64—66.

485. Рѣчи Демосѳена о мирѣ, вторая противъ Филиппа, о событіяхъ въ Херсонесѣ и третья противъ Филиппа. Съ десятью рисунками и картой Греціи. Для употребленія въ гимназіяхъ объяснилъ *Н. Кореньковъ.* Москва 1894.—Рец. 1895. Ч. 300. іюль, отд. III, стр. 4—6.

486. Рѣчь Цицерона за Публія Секстія. Для употребленія въ гимназіяхъ объяснилъ *Н. Кореньковъ.* Москва 1899.

Часть 1 и 2.—Рец. 1900. Ч. 327, февраль, отд. III, стр. 31—32.

487. Гомеровскій словарь (къ Иліадѣ и Одиссеѣ) съ 102-мя рисунками въ текстѣ и картою Трои. *Вл. Краузе.* 2-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное составителемъ. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 17—18.

488. Классная библіотека греческихъ и римскихъ авторовъ. Избранныя рѣчи М. Туллія Цицерона. Текстъ съ объясненіями *А. Лаповаго.* Выпускъ I. Рѣчи: De imperio Gn. Pompei, pro A. Licinio Archio poëta, pro Annio Milone. Часть I. Латинскій текстъ съ введеніями и указателемъ предметовъ и собственныхъ именъ. Москва 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 12—13.

489. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. Ксенофонтъ. Походъ 10.000 грековъ по Анабазису Ксенофонта съ вводными статьями, рисунками, картой и примѣчаніями. Обработалъ *С. И. Любомудровъ.* Ч. I. Текстъ съ вводными статьями, 14-ю рисунками и картой Малой Азіи. Ч. II. Комментаріи. С.-Пб. 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 2—3.

490. Иліада Гомера. Переводъ *Н. М. Минскаго.* Москва 1896.—Рец. 1897. Ч. 309, январь, отд. III, стр. 11—12.

491. Избранныя сатиры Горація. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьею о Гораціи пр. *В. И. Модестова.* С.-Пб. 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 36—37.

492. Избранныя оды Горація, объясненныя *В. Модестовымъ.* Изданіе второе. С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 9.

493. M. Tullii Ciceronis oratio pro L. Murena. Рѣчь Марка Туллія Цицерона за Луція Мурену. Объяснилъ *П. Молчановъ.* Ч. I и II. Москва 1896.—Рец. 1897. Ч. 311, іюнь, отд. II, стр. 26—27.

494. Luciani Mülleri de re metrica poëtarum latinorum praeter Plautum et Terentium libri VII. Accedunt ejusdem auctoris opuscula IV. Editio altera. Petropoli et Lipsiae 1894.—Рец. 1895. Ч. 299, іюнь, отд. III, стр. 39.

495. Виргилій Маронъ. Энеида. Томъ II съ введеніемъ, примѣчаніями, 13 рисунками и географическою картою. Объяснилъ *Д. Нагуевскій.* Изданіе 3-е, значительно исправленное и дополненное. 1891. — Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 60—61.

496. Гай Саллюстій Криспъ. Заговоръ Катилины. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 5 рисунками, географическою картою и планами Рима и римскаго форума. Объяснилъ *Д. Нагуевскій.* Изд. 3-е, ч. I и II. С.-Пб. 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. III, стр. 39—40.

497. Виргилій и его Еклоги. Очерки изъ исторіи римской поэзіи. *Д. И. Нагуевскаго.* Часть I. Казань 1895.—Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. III, стр. 28—30.

498. Учебное изданіе римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями. Виргилій. Энеида. Пѣснь IV, V, VI. Объяснилъ *Д. И. Нагуевскій.* Изданіе третье, значительно исправленное и дополненное. Москва 1897.—Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. III, стр. 28—30.

499. Туллій Цицеронъ. Рѣчь противъ Катилины съ введеніемъ, примѣчаніями, 7 рисунками, географическими

картами и планами Рима и римскаго форума. Объяснилъ *И. Нетушилъ.* Царское село 1891.—Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 60—61.

500. Иллюстрированное изданіе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціею Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. М. Туллій Цицеронъ. Рѣчь за Архія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 4 рисунками и географическими картами. Объяснилъ *И. Нетушилъ.* С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 11—12.

501. Σοφοκλέους Οἰδίπους τύραννος. Текстъ съ примѣчаніями по Науку и съ словаремъ по Эллендту, составленными для употребленія въ гимназіяхъ *О. Петрученко.* Москва 1886.—См. ст. **И. Θ. Анненскаго.** Три школьныхъ изданія Софоклова „Эдипа-царя".

502. Квинтъ Горацій Флаккъ. Оды. Книга I. Переводъ въ стихахъ съ примѣчаніями *П. Порфирова.* С.-Пб. 1898.—Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. III, стр. 2—4.

503. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. Царское село. Гомеръ. Одиссея. Пѣснь II. Съ введеніемъ, примѣчаніями и 12 рисунками. Объяснилъ *С. Радецкій.* Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. 1891. — Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 1—3.

504. Введеніе къ чтенію Гомера. Составилъ *С. Радецкій.* Москва 1892.— Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 5—7.

505. Одиссея Гомера. Пѣснь V. Объяснилъ *С. Радецкій.* Москва 1893.— Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 36—37.

506. Иліада Гомера. Пѣсни VI и VII объяснилъ *С. Радецкій.* Москва 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, августъ, отд. III, стр. 27—28.

507. Иліада Гомера. Пѣснь VIII. М. 1896. Объяснилъ *С. Радецкій.*—Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. III, стр. 23—24.

508. Иліада Гомера. Пѣснь IX и X. М. 1896. Объяснилъ *С. Радецкій.*— Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. III, стр. 23—24.

509. Иліада Гомера. Пѣсни XXII и XXIV. Объяснилъ *С. Радецкій.* Москва 1896. — Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. III, стр. 42—43.

510. Римскіе писатели въ біографіяхъ и образцахъ для чтенія и перевода въ среднихъ и старшихъ классахъ. Часть I. Прозаики. Составили *С. Радецкій* и *В. Соколовъ.* М. 1893.—Рец. 1893. Ч. 288, августъ, отд. III, стр. 17—18.

511. Гай Саллюстій Криспъ. Полное собраніе сочиненій. Перевелъ и объяснилъ *В. Рудаковъ.* С.-Пб. 1894.— Рец. 1895. Ч. 299, іюнь, отд. III, стр. 37—38.

512. Пособія къ чтенію греческихъ и латинскихъ авторовъ, издаваемыя по Крафту и Ранке, подъ редакціею Г. Данненберга и В. Срѣтенскаго. Выпускъ I-ый. Антигона Софокла. Обработалъ *В. Срѣтенскій.* Рига 1897.—Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. III, стр. 30—32.

513. Livii ab urbe condita liber V. Римской исторіи Тита Ливія книга V. Съ объясненіями и введеніемъ, составленными *Н. Страховымъ.* М. 1893.—Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 3—5.

514. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. Царское село. Гомеръ. Одиссея. Пѣснь VI. Съ введеніемъ, примѣчаніями и 12 рисунками. Объяснилъ *Н. А. Счастлив-*

цевъ. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. 1892.—Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 1—3.

515. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціею Льва Георгіевскаго и С. Манштейна. Гомеръ. Одиссея. Пѣснь IX, съ примѣчаніями и 10 рисунками. Объяснилъ *II. А. Счастливцевъ*. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. С.Пб. 1893. — Рец. 1894. Ч. 294. августъ, отд. III, стр. 25—26.

516. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. Введеніе къ чтенію Иліады и Одиссеи. Составилъ *II. А. Счастливцевъ*. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 2—3.

517. Пособія къ чтенію греческихъ и латинскихъ авторовъ, издаваемыя по Крафту и Ранке, подъ редакціею Г. Данненберга и В. Срѣтенскаго. Выпускъ 2-й. G. Julii Caesaris de Bello Gallico liber III. Обработалъ *В. Феттерлейнъ*. Рига 1898.—Рец. 1898. Ч. 319, октябрь, отд. III, стр. 22—23.

518. Гомеръ Иліада. Пѣснь III. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 22 рисунками и географическою картою. Объяснилъ *Степанъ Цыбульскій*. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. Царское село 1891. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. III, стр. 48.

519. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціею Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. Горацій. Избранныя стихотворенія. Выпускъ I. Оды и эподы. Объяснилъ *О. А. Шеборъ*. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. С.-Пб. 1894.—Рец. 1894. Ч. 294. іюль, отд. III, стр. 13—15.

520. Филиппики Демосѳена. Объяснилъ *П. Юнатовъ*. Томъ I. Олинѳскія рѣчи и первая рѣчь противъ Филиппа. Лейпцигъ 1893.—Рец. 1894. Ч. 293. май, отд. III, стр. 9—10.

521. Филиппики Демосѳена. Объяснилъ *П. Юнатовъ*. Т. II. Рѣчи „О мирѣ", вторая противъ Филиппа, „О событіяхъ въ Херсонесѣ" и третья противъ Филиппа. Лейпцигъ 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 3—5.

к) Математика.

Б. Рецензіи.

522. Новая тригонометрія. Рѣшеніе треугольниковъ съ помощью теоремы Агапова. 45 случаевъ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній составилъ *Д. В. Агаповъ*. Оренбургъ 1894.—Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 22—23.

523. *М. Ф. Андрэ*. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. Переводъ съ 4-го французскаго изданія Н. И. Мамонтова. Москва 1895. — Рец. 1896. Ч. 305, іюнь, отд. III, стр. 89—90.

524. *М. Ф. Андрэ*. Упражненія въ геометріи, задачи и подробныя ихъ рѣ-

женія. Переводъ съ французскаго П. И. Мамонтова. Москва 1896.—Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 7—9.

525. Table de triangulaires de 1 à 100.000 suivie d'une table de reciproques des nombres, à cinq chiffres, de 1 à 100.000 et d'une table de sinus et tangentes naturels variant de 30′′ en 30′′, de 0° à 90° avec texte explicativ, par *A. Arnandeau.* Paris 1896.—Рец. 1897. Ч. 314, ноябрь, отд. III, стр. 7—11.

526. *Фр. Аутенгеймеръ.* Элементарный курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Перевелъ съ 3-го нѣмецкаго изданія и дополнилъ примѣчаніями для упражненія В. Гебель. Москва 1895. — Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. III, стр. 125 — 126.

527. *Жозефъ Бертранъ.* Алгебра. Для гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ, преимущественно по Бертрану и другимъ, *Н. Билибинъ.* Изданіе 2-ое. Первое удостоено преміи Императора Петра I. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. III. стр. 58—63.

528. Дополнительныя статьи алгебры съ предшествующею статьею „Приложеніе алгебры къ геометріи". Курсъ VII (дополнительнаго) класса реальныхъ училищъ. 6-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное на основаніи утвержденной въ 1896 году программы. Составилъ *Я. Блюмбергъ.* С.-Пб. 1899.—Рец. 1900. Ч. 330, августъ, отд. III, стр. 23—27.

529. Курсъ элементарной геометріи *А. Боса* и *М. Ребіеры.* Одобренъ въ первомъ изданіи ученымъ комитетомъ Минист. Нар. Просвѣщ., какъ весьма полезное пособіе для гимназій и реальныхъ училищъ. Перевелъ Н. де-Жоржъ. Изданіе II. С.-Пб. 1892. — Рец. 1893. Ч. 287, іюнь, отд. III, стр. 47—48.

530. *Бріо* и *Букс.* Прямолинейная тригонометрія. Второе изданіе. Переводъ, свѣренный съ послѣднимъ французскимъ изданіемъ, П. И. Мамонтова. Москва 1898.—Рец. 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. III, стр. 13—15.

531. *И. Я. Быковъ.* Систематическій курсъ ариѳметики. С.-Пб. 1899.—Рец. 1900. Ч. 328, апрѣль, отд. III, стр. 22—27.

532. Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Составилъ *Ѳ. Бычковъ.* Изданіе пятнадцатое. С.-Пб. 1899.—Рец. 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. III, стр. 1—5.

533. Сборникъ стереометрическихъ задачъ для учениковъ VIII класса гимназій. Составилъ *И. Я. Бѣляевъ.* С.-Пб. 1894.—Рец. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. III, стр. 4—5.

534. Прямолинейная тригонометрія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній съ собраніемъ задачъ. Составилъ *А. Воиновъ.* Харьковъ 1894.—Рец. 1895. Ч. 298, мартъ, отд. III, стр. 9—10.

535. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе, съ прибавленіемъ задачъ, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Воиновъ.* Москва 1895.—Рец. 1896. Ч. 305, іюнь, отд. III, стр. 90—91.

536. То же. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Москва 1899.—Рец. 1900. Ч. 329, іюнь, отд. III, стр. 26—28.

537. Эволюція понятія о числѣ. *М. Волкова.* С.-Пб. 1899.—Рец. 1900. Ч. 328, апрѣль, отд. III, стр. 19—22.

538. Учебникъ началъ математики.

Составленъ по министерскимъ программамъ для средне-учебныхъ заведеній *А. Н. Воробьевымъ*. Часть I. Элементарное счисленіе. Алгебраическое (или буквенное) счисленіе. Алгебра (теорія элементарныхъ уравненій). Алгебраическій элементарный анализъ. Съ приложеніями: 1) основаній теоретической ариѳметики, 2) методовъ рѣшенія ариѳметическихъ задачъ, 3) таблицъ четырехзначныхъ логариѳмовъ, 4) одной таблицы чертежей и 5) собранія задачъ (около 1500). Казань 1896.— Рец. 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. III, стр. 20—25.

539. Учебникъ началъ математики. Составленъ по министерскимъ программамъ для среднихъ учебныхъ заведеній *А. Н. Воробьевымъ*. Часть II. Геометрія. Планиметрія. Тригонометрія. Стереометрія. Съ приложеніемъ: 1) главнѣйшихъ методовъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе и 2) элементовъ теоріи доказательства. Казань 1897. — Рец. 1898. Ч. 318, августъ, отд. III, стр. 33—36.

540. Десятичная или метрическая система мѣръ и вѣсовъ. Ея происхожденіе, преимущества и польза введенія въ Россіи. *В. Гебель*. Съ приложеніемъ таблицы метрическихъ мѣръ. Москва 1892.—Рец. 1893. Ч. 287, іюнь, отд. III, стр. 48.

541. *В. Гебель*. Краткій курсъ алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ. Москва 1895.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 19—20.

542. *В. Гебель*. Дополненіе къ краткому курсу алгебры. Геометрическія прогрессіи и логариѳмы съ приложеніемъ таблицъ пятизначныхъ логариѳмовъ и задачъ. Москва 1895.— Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 19—20.

543. Элементы геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ прибавленіемъ коническихъ сѣченій, рѣшенія задачъ на построеніе и понятія о воображаемой геометріи. Составилъ *Д. Гика*. 1894. — Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 23—26.

544. Элементарная геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. Составилъ *А. Н. Глаголевъ*. 1895.— Рец. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. III, стр. 2—4.

545. *А. И. Гольденбергъ*. Собраніе ариѳметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ. Курсъ перваго класса. С.-Пб. 1896.—Рец. 1897. Ч. 314, ноябрь, отд. III, стр. 6—7.

546. Систематическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *С. М. Граменицкій*. Москва 1895.—Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. III, стр. 57—58.

547. Образцы рѣшенія геометрическихъ задачъ помощью тригонометріи съ приложеніемъ задачъ и таблицы тригонометрическихъ формулъ. Составилъ *Н. де-Жоржъ*. С.-Пб. 1899.—Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 21—22.

548. Прямолинейная тригонометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Злотчанскій*. Второе изданіе, значительно переработанное, исправленное и дополненное. Одесса 1897.—Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. III, стр. 35—37.

549. Сборникъ упражненій и задачъ прямолинейной тригонометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Злотчанскій*. Одесса 1898.—Рец. 1899. Ч. 324, іюль, отд. III, стр. 1—4.

550. Систематическій курсъ начальной

алгебры съ собраніемъ примѣровъ и задачъ. Составилъ и издалъ *И. Я. Ильинъ.* С.-Пб.—Рец. 1895. Ч. 298, апрѣль, отд. III, стр. 28—29.

551. *В. Ипатовъ.* Методъ веденія упражненій въ механизмѣ вычисленій надъ цѣлыми отвлеченными числами.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 2.

552. *В. М. Ипатовъ.* Ариѳметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Цѣлыя числа. Москва 1898. Часть II. Дробныя числа. Москва 1899. — Рец. 1900. Ч. 327, февраль, отд. III, стр. 26—30.

553. Методическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ для письменнаго рѣшенія. Составилъ *Р. Х. Калынинъ.* Ч. II. Четыре дѣйствія надъ дробными числами. Отношенія и пропорціи. Тройныя правила. (Курсъ второго и третьяго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). 1895. — Рец. 1895. Ч. 300, іюль, отд. III, стр. 6—8.

554. Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Составилъ *Е. Е. Кедринъ.* Москва 1898.—Рец. 1899. Ч. 324, іюль, отд. III, стр. 4—6.

555. Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ большого количества упражненій и статьи: Главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Составилъ *А. Киселевъ.* Москва 1892.—Рец. 1893. Ч. 288, августъ, отд. III, стр. 26—28.

556. То же. 2-е исправл. изданіе. Москва 1893.—Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 21—22.

557. Элементарная алгебра. *А. Киселевъ.* 2-е улучшенное изданіе, дополненное сообразно новой программѣ VII кл. реальныхъ училищъ. Москва 1890.—Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 71—74.

558. То же. 5-е улучшенное изданіе, содержащее курсъ классическихъ гимназій и 6-ти классовъ реальныхъ училищъ. Москва 1894.—Рец. 1894. Ч. 296, декабрь, отд. III, стр. 29—32.

559. *А. Киселевъ.* Систематическій курсъ ариѳметики. Изданіе одиннадцатое. Москва 1899.—Рец. 1900. Ч. 329, іюнь, отд. III, стр. 25—26.

560. Сборникъ стереометрическихъ задачъ, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи. Составилъ *А. К. Клионовскій.* Варшава 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, августъ, отд. III, стр. 39—40.

561. *С. И. Корытинъ.* Ариѳметика. Руководство для гимназій, реальныхъ училищъ, кадетскихъ корпусовъ, женскихъ гимназій, институтовъ и городскихъ училищъ. С.-Пб. 1897. — Рец. 1898 Ч. 316, апрѣль, отд. III, стр. 25—28.

562. Ариѳметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Малининъ.* Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва 1895.—Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 84—85.

563. Руководство прямолинейной тригонометріи для гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *А. Малининъ.* Изданіе 15-е. Москва 1899.—Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 23—24.

564. *А. Малининъ* и *К. Буренинъ.* Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ. Изданіе 10-е. Москва 1899. — Рец. 1900. Ч. 332, декабрь, отд. III, стр. 67—71.

565. Геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. Руководство для женскихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ семинарій. Составили

А. Малининъ и *Ѳ. Егоровъ*. Изданіе второе. Москва 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 74—76.

566. Курсъ наглядной геометріи для трехъ низшихъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народн. просвѣщенія. Съ 116 чертежами. Составилъ *М. Малыхинъ*. Москва 1897. — Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. III, стр. 7—9.

567. *В. П. Мининъ*. Сборникъ геометрическихъ задачъ. Изданіе 5-е, значительно дополненное. Съ приложеніемъ большого числа задачъ, рѣшаемыхъ совмѣстнымъ примѣненіемъ геометріи и тригонометріи. Москва 1894.—Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 23.

568. Алгебраическій методъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Часть I. Приложеніе алгебры къ геометріи. Часть II. Собраніе геометрическихъ задачъ на построеніе, расположенныхъ по системѣ, свойственной алгебраическому методу рѣшенія ихъ. *П. А. Некрасова*. Москва 1892.—Рец. 1893. Ч. 288, августъ, отд. III. стр. 24—26.

569. Алгебраическій методъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Приложеніе алгебры къ геометріи. Различные систематическіе способы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе (въ связи съ приложеніемъ алгебры къ геометріи). Конкретное истолкованіе геометріи Лобачевскаго. *П. А. Некрасова*. Изданіе 2-е (пересмотрѣнное, исправленное и дополненное). Москва 1897.—Рец. 1897, ч. 313, сентябрь, отд. III, стр. 15—17.

570. Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Никульцевъ*. Часть первая. Теоретическій отдѣлъ, съ приложеніемъ курса дополнительнаго класса реальнаго училища. Изданіе третье (съ измѣненіями). Москва 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 42—45.

571. То же. Часть 2-я. Задачникъ по алгебрѣ. Изданіе второе, значительно дополненное. Москва 1891.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 44—45.

572. Возвышеніе чиселъ въ квадратъ и кубъ и извлеченіе изъ чиселъ квадратнаго и кубическаго корней. Составилъ *А. Одинцовъ*. Москва 1894.—Рец. 1895. Ч. 300, іюль, отд. III, стр. 9—10.

573. Методы и теоріи для рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе, приложенные болѣе чѣмъ къ 400 задачамъ. Доктора *Юліуса Петерсена*. Съ разрѣшенія автора перевелъ С. И. Крутиковъ. Москва 1892.—Рец. 1893. Ч. 287, іюнь, отд. III, стр. 43—45.

574. *Е. Пржевальскій*. Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Москва 1891. — Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 9—10.

575. Собраніе геометрическихъ теоремъ и задачъ. Составилъ *Е. Пржевальскій*. Изданіе шестое, исправленное. Москва 1891.—Рец. 1895. Ч. 298, апрѣль, отд. III, стр. 27—28.

576. Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій *А. Ребьера*. Перевелъ Н. де-Жоржъ. С.-Пб. 1893. — Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. III, стр. 30.

577. *Е. Рихтеръ*. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1895.—Рец. 1896. Ч. 305, іюнь, отд. III, стр. 91—98.

578. Пятизначныя логариѳмическія

таблицы чиселъ и тригонометрическихъ функцій, съ приложеніемъ Гаусовыхъ логариѳмовъ и различныхъ вспомогательныхъ таблицъ. Составилъ *А. Ф. Родинъ*. С.-Пб. 1895.—Рец. 1897. Ч. 311, іюнь, отд. III, стр. 27—29.

579. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. I. Приготовительный курсъ. Двѣ части. Составилъ *В. Руднисъ* и *Р. Мюльманъ*. Рига 1895.—Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. III, стр. 120.

580. Руководство ученія о проекціяхъ. Теорія и задачникъ для реальныхъ училищъ. Дерптъ 1891.—Рец. 1892. Ч. 282, іюль, отд. III, стр. 26—28.

581. Собраніе стереометрическихъ задачъ, требующихъ примѣненія тригонометріи. Составилъ *Н. Рыбкинъ*. Москва 1892. Второе изданіе той же книги, исправленное и дополненное. Москва 1893. — Рец. 1893. Ч. 287, іюнь, отд. III, стр. 45—47.

582. Собраніе стереометрическихъ задачъ, требующихъ примѣненія тригонометріи. Составилъ *Н. Рыбкинъ*. 3-е изданіе, дополненное планиметрическими задачами и введеніемъ. Москва 1894. — Рец. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. III, стр. 6.

583. Сборникъ геометрическихъ задачъ на построеніе. Составилъ и издалъ *Г. З. Рыбковъ*. Одесса 1894.—Рец. 1895. Ч. 300, іюль, отд. III, стр. 10—11.

584. *А. Серре*. Курсъ ариѳметики. Перевелъ съ нѣкоторыми измѣненіями Н. Юденичъ. Пятое изданіе. Москва 1889.—Рец. 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. III, стр. 15.

585. *В. Соколовъ*. Дополнительныя статьи алгебры въ связи съ повторительнымъ курсомъ для VII дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Островъ 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 2—5.

586. Вычисленіе формулъ по данному приближенію. Опытъ пособія для учащихся. Составилъ *Н. С. Соколовъ*. Муромъ 1898. — Рец. 1899. Ч. 323, іюнь, отд. III, стр. 23—24.

587. Начальная алгебра. Составилъ *Г. Сомовъ*. Изданіе 6-е, подъ редакціею И. Сомова, съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ согласно новымъ программамъ. С.-Пб.—Рец. 1892. Ч. 282, іюль, отд. III, стр. 29—30.

588. Сборникъ геометрическихъ задачъ для учениковъ VII и VIII классовъ гимназій. Составилъ *Н. Сорокинъ*. Изданіе 2-е. Кіевъ 1893. — Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 25—26.

589. *А. Стебловъ*. Руководство къ рѣшенію задачъ на тройныя правила. С.-Пб. 1891.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 46—47.

590. Учебникъ ариѳметики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Е. Н. Тихомировъ*. Москва 1891. — Рец. 1892. Ч. 282, іюль, отд. III, стр. 28—29.

591. Начальная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Е. Н. Тихомировъ*. Второе, исправленное изданіе. Москва 1895.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 20—24.

592. Краткій курсъ прямолинейной тригонометріи. Составилъ *К. Тороповъ*. Пермь 1894.—Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. III, стр. 38—40.

593. Элементы алгебры. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *К. Тороповъ*. Пермь 1900.—Рец. 1900. Ч. 330, августъ, отд. III, стр. 17—23.

594. Ирраціональныя числа и длина окружности. Для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ и поступающихъ въ

высшія учебныя заведенія. *Н. М. Травчетовъ.* С.-Пб. 1895.—Рец. 1896. Ч. 305, іюнь, отд. III, стр. 87—89.

595. Приложеніе алгебры къ геометріи. По программѣ реальныхъ училищъ составилъ *П. С. Фроловъ.* Харьковъ 1894. — Рец. 1895. Ч. 298, мартъ, отд. III, стр. 5—8.

596. Сборникъ геометрическихъ задачъ. Составилъ *Н. Хайловъ.* Изданіе автора. Владиміръ 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 40—42.

597. Краткій учебникъ алгебры. Составилъ *Л. Хмыровъ.* Орелъ 1891.— Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 42—44.

598. Учебникъ ариѳметики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Б. Чихановъ.* Люблинъ 1896.—Рец. 1896. Ч. 308, декабрь, отд. III, стр. 81—83.

599. *Б. Чихановъ.* Учебникъ алгебры. Курсъ средне-учебныхъ заведеній. Люблинъ 1899.—Рец. 1900. Ч. 327, январь, отд. III, стр. 1—8.

600. Упрощенное руководство ариѳметики, по системѣ и подъ редакціею Н. А. Шапошникова, составила *А. И. Ш.* Часть первая, ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Москва 1890. Часть вторая, ариѳметика дробныхъ чиселъ.—Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 68—71.

601. *Н. А. Шапошниковъ.* Учебникъ алгебры, приспособленный къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Второе переработанное изданіе. Часть II. Курсы старшихъ классовъ гимназій и среднихъ классовъ реальныхъ училищъ. Москва 1892.— Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 5—7.

602. *Н. А. Шапошниковъ.* Дополненія элементарнаго курса математики и введеніе въ высшій математическій анализъ. Москва 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 7—9.

603. Методы рѣшенія вопросовъ элементарной геометріи *Вѣры Шиффъ.* С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 298, апрѣль, отд. III, стр. 26.

604. Собраніе геометрическихъ задачъ на вычисленіе для среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ отдѣла задачъ, рѣшаемыхъ съ помощью тригонометріи. Составилъ *Н. И. Шишкинъ.* Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва 1895.—Рец. 1897. Ч. 309, январь, отд. III, стр. 6—9.

605. Учебникъ начальной геометріи. Сокращенный курсъ. Составилъ *М. З. Штепенко.* С.-Пб. 1890.—Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 76—78.

606. Курсъ элементарной алгебры и систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. *Г. Я. Юревичъ.* Часть II. Юрьевъ. 1896.—Рец. 1897. Ч. 309, январь, отд. III, стр. 4—6.

м) Коммерческія науки.

Б. Рецензіи.

607. Cours de correspondance commerciale française à l'usage des écoles de commerce et des classes commerciales des écoles réales par P. *Дисоттин.* Курсъ французской торговой корреспонденціи для коммерческихъ училищъ и для коммерческихъ классовъ реальныхъ училищъ.

Составилъ *І. Дюкоммюнъ*. Москва 1898.—Рец. 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. III, стр. 17—18.

608. Очерки изъ исторіи всемірной торговли въ связи съ развитіемъ экономической жизни. Составилъ *М. П. Соболевъ*. М. 1899. — Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. III, стр. 7—8.

609. Коммерческая географія Россіи. Очеркъ хозяйственной статистики и географіи Россіи, сравнительно съ иностранными государствами. Составилъ *М. П. Соболевъ*. Москва 1900.—Рец. 1900. Ч. 331, сентябрь, отд. III, стр. 1—5.

610. Избранныя сочиненія французскихъ экономистовъ для коммерческихъ училищъ и реальныхъ съ коммерческимъ отдѣленіемъ. *Leon Say*. Comptabilité en partie double et Budget de 1883. *Леонъ Сэ*. Мысли о двойной бухгалтеріи и рѣчь о бюджетѣ 1883 г. Объяснилъ А. Л. Колле. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ, біографіею и портретомъ автора. Одесса 1898. — Рец. 1898. Ч. 320, декабрь, отд. III, стр. 33—35.

о) Физика, химія, физическая географія.

Б. Рецензіи.

611. Физика въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній профессора и доктора физики *А. Аию*. Переводъ съ 2-го французскаго изданія, съ пополненіями и приложеніями П. И. Мамонтова. Ч. I. Предварительныя понятія. Тяжесть. — Теплота. — Звукъ. Приложенія. М. 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, янв., отд. III, стр. 23—27.

612. То же. Часть II. Свѣтъ. Статическое электричество. Магнетизмъ. Динамическое электричество. Дополненіе. Распространеніе теплоты. — Метеорологія. — Приложенія. М. 1895.—Рец. 1895. Ч. 298, апрѣль, отд. III, стр. 30—36.

613. *А. Вилькe*. Электричество, его источники и примѣненія въ промышленности. Съ 628 рисунками въ текстѣ. Перевелъ и дополнилъ Д. А. Головъ. С.-Пб. 1895.—Рец. 1895. Ч. 300, августъ, отд. III, стр. 24—25.

614. *В. Н. Виноградовъ*. Начальная химія для школъ и самообразованія. М. 1897.—Рец. 1898. Ч. 318, августъ, отд. III, стр. 26—28.

615. *Э. Жакъ*. Сборникъ физическихъ задачъ. Переводъ съ французскаго П. И. Мамонтова. М. 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, январь, отд. III, стр. 7—8.

616. *Эрикъ Жераръ*. Курсъ электричества. Два тома. Переводъ съ французскаго изданія М. А. Шателена. Русское изданіе второе. Томъ I и II. С.-Пб. 1896—1897.—Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 31.

617. *Л. Жю*. Задачи по физикѣ. Переводъ съ французскаго П. И. Мамонтова. М. 1892.—Рец. 1892. Ч. 282, іюль, отд. III, стр. 30.

618. Краткій очеркъ химическихъ явленій съ политипажами въ текстѣ. Составилъ по программѣ реальныхъ училищъ *Ѳ. Ѳ. Клиу*.—Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. III, стр. 41.

619. Учебникъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *С. Ковалевскій.* Изданіе 4-е, пересмотрѣнное. С.-Пб. 1895. — Рец. 1896. Ч. 305, май, отд. III, стр. 50—51.

620. То же. Изданіе пятое, переработанное. С.-Пб. 1899. — Рец. 1899. Ч. 325, октябрь, отд. III, стр. 23—30.

621. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. Чтенія *Б. Ю. Кольбе.* Ч. I. Статическое электричество. С.-Пб. — Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 288. (Книжныя новости).

622. То же. Ч. II. Динамическое электричество. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 306, іюль, отд. II, стр. 228—229. (Книжныя новости).

623. Начальный учебникъ физики и химіи. Составили *А. Л. Корольковъ* и *П. Т. Матюшенко.* Кіевъ 1891.— Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 79—81.

624. *К. Д. Красовичъ.* Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. XII-е (посмертное) изданіе подъ редакціей и съ измѣненіями А. Ефимова. С.-Пб. 1895.—Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 22—23.

625. *К. Д. Красовичъ.* Начала космографіи. (Математическая и физическая географія). Изданіе 4-ое. С.-Пб. 1897.—Рец. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. III, стр. 10—12.

626. Полчаса съ микроскопомъ. Популярное руководство къ употребленію микроскопа какъ средства удовольствія и поученія. Составилъ *Эдвинъ Ланкестеръ.* Переводъ съ англійскаго. М. 1897.—Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. III, стр. 9—11.

627. *Роб. Люпке.* Основанія электрохиміи. Перевелъ со 2-го дополненнаго изданія „Dr. Rob. Lüpke. Grundzüge der Electrochemie auf experimenteller Basis“ С. И. Созоновъ. Съ 55 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1897.—Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 30—31.

628. *А. Малининъ.* Курсъ физики для женскихъ учебныхъ заведеній. М. 1899.—Рец. 1900. Ч. 332, декабрь, отд. III, стр. 71—73.

629. Популярно-научная библіотека. Очеркъ электрическихъ явленій и ихъ примѣненій къ практической жизни. *Д. Менро.* Переводъ съ англійскаго. С.-Пб. 1898.—Рец. 1898. Ч. 320, декабрь, отд. III, стр. 30.

630. Простое слово о мудреной наукѣ (Начатки химіи). *Якова Пасынкова.* Съ 5 рисунками. М. 1895. — Рец. 1896. Ч. 304, мартъ, отд. III, стр. 5—6.

631. О главнѣйшихъ физическихъ свойствахъ воздуха. Общедоступная лекція *О. Я. Пергамента.* Одесса 1895. — Рец. 1896. Ч. 305, іюнь, отд. III, стр. 101—102.

632. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Примѣнительно къ программѣ краткаго очерка химическихъ явленій для реальныхъ училищъ составилъ *А. Рождественскій.* М. 1896.— Рец. 1896. Ч. 308, декабрь, отд. III, стр. 78—79.

633. Очеркъ исторіи физики *Ф. Розенберга.* Часть 3-я. Исторія физики въ послѣднее столѣтіе. Выпускъ 2-й. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею И. М. Сѣченова. 1894. С.-Пб.— Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. II, стр. 429—430. (Книжныя новости).

634. Краткая физическая географія. Курсъ VI-го класса реальныхъ училищъ. Составилъ, примѣнительно къ планамъ и программѣ, утвержд. министромъ народн. просвѣщ. 1895 г.,

Н. Словцовъ. М. 1896.—Рец. 1896. Ч. 308, декабрь, отд. III, стр. 79—81.— То же. Второе переработанное изданіе. Составилъ *Н. Словцовъ.* М. 1899. — Рец. 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. III, стр. 15—16.

635. Учебникъ физики для среднеучебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Фроловъ.* Полтава 1891—1893. Выпускъ I. Статика. Выпускъ II. Движеніе. Теплота. Звукъ. Выпускъ III. Свѣтъ. Электричество.—Рец. 1893. Ч. 288, августъ, отд. III, стр. 22—24.

636. Курсъ физики *О. Д. Хвольсона.* Томъ первый. С.-Пб. 1897. — Рец. О. Л. 1898. Ч. 315, январь, отд. II, стр. 157—160.

637. Курсъ физики *О. Д. Хвольсона.* Томъ второй. С.-Пб. — Рец. О. Л. 1898. Ч. 317, іюнь, отд. II, стр. 440—444.

638. *К. Христіансенъ.* Основы теоретической физики. Переводъ С. Г. Егорова подъ редакціей Н. А. Гезехуса. Съ 143 рисунками. С.-Пб. 1897. — Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 31—32.

639. *Chevalier, Muntz, Villedeuil, Jaquier.* Problèmes de Physique. Сборникъ физическихъ задачъ. Перевелъ В. К. Вальтеръ. Часть I. Воронежъ 1892. — Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 15—16.

640. Очеркъ физическихъ основаній электро-техники въ общепонятномъ изложеніи. Шесть популярныхъ опытныхъ чтеній *Эпштейна.* Переводъ со 2-го изданія Н. С. Дрентельна. Съ 39-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб.— Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 90—91.

641. Практическое руководство для электро-химическихъ работъ д-ра *Ф. Эттеля.* Переведено съ нѣмецкаго подъ редакц. Д. Коновалова, В. Святскимъ. 1894.—Рец. 1894. Ч. 296, декабрь, отд. II, стр. 450—451. (Книжныя новости).

642. Докторъ *Ф. Эттель.* Практическое руководство для электрохимическихъ работъ. Переведено съ нѣмецкаго „Anleitung zu electrochemischen Versuchen“ von Dr. *Felix Oettel*, подъ редакціей проф. Д. П. Коновалова, В. Н. Святскимъ. Съ 26-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 300, іюль, отд. III, стр. 15—16.

н) Астрономія.

Б. Рецензіи.

643. *Ал. Гатлихъ.* Начатки космографіи. Съ картою звѣзднаго неба, рисунками и чертежами. М. 1895.— Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. III, стр. 120—125.

644. То же. 2-е исправленное изданіе. М. 1899.—Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. III, стр. 4—7.

645. Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ, звѣзды, туманности. *Герм. Клейна.* Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Изданіе журнала Міръ Божій. Съ портретами и рисунками. С.-Пб. 1894. —Рец. 1894. Ч. 296, декабрь, отд. III, стр. 26—29.

646. Начала космографіи. (Математическая и физическая географія). Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *К. Д. Красевичъ*. Изданіе 4-е, съ измѣненіями и дополненіями Л. Г. Малиса. С.-Пб. 1897.—Рец. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. III, стр. 10—12.

647. Космографія въ историко-генетическомъ изложеніи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 98 чертежами, 20 рисунками и картою наиболѣе замѣчательныхъ созвѣздій, видимыхъ въ Европѣ. Составилъ *Всев. Морозовъ*. Вильна 1894.—Рец. 1894. Ч. 296, декабрь, отд. III, стр. 17—20.

648. Путеводитель по небу. *К. Покровскаго*. М. 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 45.

649. Начала космографіи (математическая географія), учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній, составилъ *М. Попруженко*. М. 1894.—Рец. 1894. Ч. 296, декабрь, отд. III, стр. 20-25.

650. Русскій астрономическій календарь на 1896 г. Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Подъ редакціею предсѣдателя общества. Съ приложеніями. Москва 1896.—Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. III, стр. 69—72.

651. *Камиллъ Фламмаріонъ*. Атмосфера. L'Atmosphère. Общепонятная метеорологія. Полное описаніе воздушныхъ явленій на земномъ шарѣ. Переводъ съ французскаго Е. А. Предтеченскаго и Д. А. Коропчевскаго. Съ 11 раскрашенными хромолитографическими картинами, 1 картою въ краскахъ и болѣе 300 рис. въ текстѣ. С.-Пб. — Рец. 1900. Ч. 330, августъ, отд. III, стр. 27—29.

652. Математическая географія для среднихъ учебныхъ заведеній. Удостоена преміи Императора Петра Великаго. Составилъ *К. Шарнгорстъ*. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. III, стр. 113—120.

р) Естественныя науки.

Б. Рецензіи.

653. *Н. Л. Акинфіевъ*. Опредѣлитель семейства цвѣтковыхъ растеній Европейской Россіи. Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. Систематика растеній въ Россіи. Екатеринославль 1896.—Рец. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. III, стр. 32—33.

654. Учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка и животныхъ, съ краткимъ очеркомъ жизнедѣятельности растеній. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Составилъ *И. А. Аникіевъ*. 4-ое исправленное изданіе. С.-Пб. 1898.—Рец. **Н. И. Бакста.** 1898. Ч. 320, декабрь, отд. II, стр. 392 — 396.

655. Histoire naturelle des êtres vivants. Par *E. Aubert*. Tome I. Cours d'anatomie et physiologie animales et végétales. Tome II. Fascicule I. Reproduction chez les animaux. Fascicule II. Classifications zoologiques et botaniques. Paris 1894 — 1896.—

Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. II, стр. 145. (Книжныя новости).

656. *М. И. Боголюбовъ.* Десять публичныхъ лекцій по индивидуальной гигіенѣ, читанныхъ въ залѣ Совѣта Дѣтскихъ пріютовъ въ февралѣ и мартѣ 1896. Изданіе Совѣта Дѣтскихъ пріютовъ. Москва 1896.—Рец. **Н. И. Вакота.** 1897. Ч. 311, май, отд. II, стр. 214—219.

657. Элементарная зоологія. Часть I. Позвоночныя животныя. Учебникъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Съ 202 рисунками въ текстѣ. *С. А. Бобровскаго.* Москва 1893. — Рец. 1893. Ч. 287, іюнь, отд. III, стр. 41—43.

658. „Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человѣка“. (Опытъ народной гигіены). *С. А. Бобровскаго.* Изданіе пятое, исправленное и дополненное. Москва 1896.—Рец. 1898. Ч. 318, августъ, отд. III, стр. 22—24.

659. Краткій учебникъ ботаники. *И. И. Бородина.* Съ 373 политипажами въ текстѣ. Четвертое исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. 1896. — Рец. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. III, стр. 33—34.

660. Исторія воды *Эмиля Буанъ.* Переводъ съ французскаго Л. П. Н—вой. С.-Пб. 1897. — Рец. 1898. Ч. 315, январь, отд. III, стр. 18—23.

661. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). *Ванъ-Тигема.* Переводъ со 2-го изданія подъ редакціею Ростовцева, съ предисловіемъ пр. Тимирязева. Москва 1895. — Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. III, стр. 40—41.

662. Учебникъ естественной исторіи для реальныхъ училищъ. Составилъ *М. Варавва.* Ботаника I. Курсъ 3-го класса. Москва 1890. II. Курсъ 4-го класса. Москва 1890. III. Курсъ 5-го класса. Москва 1891. — Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 16.

663. Курсъ гигіены для женскихъ гимназій. Составили *М. М. Волкова* и *В. Д. Вольфсонъ.* Съ 70 политипажами. С.-Пб. 1895. — Рец. 1896. Ч. 304, мартъ, отд. III, стр. 9—11.

664. Популярная гигіена (общедоступное руководство здравоохраненія). Составилъ *Ф. Г.* С.-Пб. 1896.—Рец. 1898. Ч. 320, декабрь, отд. III, стр. 28—30.

665. Повторительный курсъ ботаники для натуралистовъ, медиковъ и фармацевтовъ. *А. Ганзена.* Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія. М. Д. Вахтеля. Одесса 1898.—Рец. 1898. Ч. 319, октябрь, отд. III, стр. 19—21.

666. Школьный ботаническій атласъ *А. Генкеля.* С.-Пб. 1897. Выпускъ I. Морфологія растеній. 14 стѣнныхъ таблицъ съ объяснительнымъ текстомъ подъ заглавіемъ: „А. Генкель. Краткій очеркъ морфологіи и органографіи цвѣтковыхъ растеній. Съ приложеніемъ 218 рисунковъ въ видѣ отдѣльной брошюры. С.-Пб. 1897.“—Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. III, стр. 42—44.

667. Курсъ ботаники. Руководство для реальныхъ училищъ. Составилъ *Е. Жадовскій.* Часть I и II. Изданіе К. Тихомирова. Москва 1897.—Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 36—39.

668. *Е. Жадовскій.* Дихотомическія таблицы для опредѣленія растеній. Москва 1899. — Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. III, стр. 16.

669. Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ *Н. Износкову.*

Изданіе 7-ое безъ измѣненій. Казань 1899.—Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 23.

670. Краткій учебникъ минералогіи для женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Кирьяновъ.* Самара 1896. — Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. III, стр. 64—67.

671. Учебникъ минералогіи и физической геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Кричининъ.*—Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. III, стр. 82—85.

672. Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Кричининъ.* Съ 284 рисунками. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. III, стр. 133—139.

673. Минералогія *Лаппорана.* Переводъ со второго французскаго изданія, съ предисловіемъ Г. Н. Вырубова. Съ 598 политипажами въ текстѣ. М. 1899. — Рец. 1899. Ч. 325, октябрь, отд. III, стр. 36—37.

674. Основы метеорологіи и климатологіи. *Д. А. Лачинова.* Второе, вполнѣ переработанное изданіе съ 234 рисунками въ текстѣ и 13-ю раскрашенными картами. С.-Пб. 1895.—Рец. 1896. Ч. 304, мартъ, отд. III, стр. 6—7.

675. *Л. Манженъ.* Элементарная ботаника. Переводъ съ 3-го французскаго изданія Н. И. Мамонтова, подъ ред. А. Н. Петунникова, съ 2 хромолитографическими таблицами, 441 политипажами и 2 картами распредѣленія растеній. Москва 1899. — Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. III, стр. 7—8.

676. Д-ръ *П. Мебіусъ.* Нервная система человѣка. (Международная библіотека, № 31). Одесса 1895. — Рец. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. III, стр. 14—15.

677. Краткій курсъ гигіены. Пособіе для учащихся. Составилъ д-ръ мед. *В. А. Молчановъ.* С.-Пб. 1896.— Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. III, стр. 99—100.

678. Учебникъ зоологіи, составленный примѣнительно къ програмамъ реальныхъ училищъ. Часть I. (Отдѣлъ позвоночныхъ). Составилъ *С. К. Персональный.* Москва 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, августъ, отд. III, стр. 37—38.

679. То же. Часть вторая. (Безпозвоночныя животныя. Общая зоологія). Москва 1896. — Рец. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. III, стр. 34—37.

680. Учебникъ зоологіи. Составилъ *С. К. Персональный.* Изданіе 2-ое, вновь обработанное. Москва 1899.— Рец. 1900. Ч. 327, февраль, отд. III, стр. 21—23.

681. Курсъ ботаники. Составилъ *А. Поплавскій.* Изданіе 6-ое, дополненное согласно програмѣ реальныхъ училищъ и исправленное соотвѣтственно указаніямъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, для употребленія въ качествѣ руководства (со многими рис. въ текстѣ). Варшава 1882. — Рец. 1900. Ч. 330, іюль, отд. III, стр. 14—16.

682. Курсъ минералогіи. Составилъ *А. Поплавскій.* Изданіе 5-ое, дополненное согласно програмѣ реальныхъ училищъ и исправленное соотвѣтственно указаніямъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, для употребленія въ качествѣ руководства. (Со многими рисунками въ текстѣ). Варшава 1890. — Рец. 1900. Ч. 330, іюль, отд. III, стр. 14—16.

683. Курсъ зоологіи. Составилъ *А. Поплавскій.* Изданіе 9-ое, дополненное согласно програмѣ реальныхъ училищъ, вновь просмотрѣнное и испра-

вленное. Со многими рисунками въ текстѣ. Варшава 1897.—Рец. 1900. Ч. 330, іюль, отд. III, стр. 14—16.

684. *Иванъ Поповъ.* Краткія свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи человѣка. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 14 рисунками въ текстѣ. Москва 1897. — Рец. **Н. И. Бакста.** 1898. Ч. 320, декабрь, отд. II, стр. 397—404.

685. Среди цвѣтовъ. Наглядное пособіе при изученіи ботаники. Для школъ и самообразованія. Текстъ *С. А. Порѣцкаго,* съ предисловіемъ подъ редакціею Н. А. Рубакина. Москва 1899. — Рец. 1900. Ч. 327, февраль, отд. III, стр. 30—31.

686. *И. Святскій.* Драгоцѣнные камни. (Съ 38 рисунками). С.-Пб. 1895.— Рец. 1897. Ч. 314, ноябрь, отд. III, стр. 13—14.

687. *Ив. Святскій.* Пѣвчія птицы (съ 21 рис.). С.-Пб. 1896. — Рец. 1897. Ч. 214, декабрь, отд. III, стр. 33—34.

688. Учебникъ зоологіи. Составилъ *Н. К. Свѣтловъ.* С.-Пб. 1899. — Рец. 1900. Ч. 327, февраль, отд. III, стр. 20—21.

689. Зоологическій атласъ. *Г. Лейтсмана* съ текстомъ *К. Сентъ-Илера.* 24 хромолитографированныя таблицы, содержащія 225 изображеній, 93 рисунка въ текстѣ. Изд. 2-ое, исправленное. С.-Пб. и М. 1897.— Рец. 1898. Ч. 318, августъ, отд. III, стр. 21—22.

690. Элементарный учебникъ минералогіи и основанія геологіи. Составилъ *М. Соловьевъ.* Руководство составлено примѣнительно къ новымъ (1888 г.) планамъ министерства народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ. С.-Пб. 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 27—28.

691. То же. 2-е изданіе, исправленное и дополненное согласно съ программами М. Н. П. для реальныхъ училищъ 1895 г. С.-Пб. 1898.— Рец. 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. III, стр. 17—20.

692. Элементарная геологія. Курсъ Уральскаго Горнаго училища. Составилъ *М. Соловьевъ.* Екатеринбургъ 1897.—Рец. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. III, стр. 8—10.

693. Учебникъ зоологіи. Составилъ *Н. Сорокинъ.* Изданіе 2-ое. Москва 1896. — Рец. 1897. Ч. 311, май, отд. III, стр. 3—8.

694. 1) Стѣнныя естественно-историческія таблицы для народныхъ школъ и начальныхъ училищъ, изданныя Императорскимъ Вольно-экономическимъ обществомъ. Изданіе третье. Таблицы по анатоміи и зоологіи вновь пересмотрѣны и дополнены *В. Э. Петерсеномъ,* таблицы по ботаникѣ—проф. *А. Н. Бекетовымъ.* XIII таблицъ и 2) Поясненія къ стѣннымъ естественно-историческимъ таблицамъ. С.-Пб. 1896. Изданіе третье.—Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. III, стр. 67—69.

695. *Б. Федченко* и *А. Флеровъ.* Водяныя растенія средней Россіи. Иллюстрированный опредѣлитель водяныхъ растеній, дикорастущихъ въ средней Россіи. Изданіе авторовъ. Москва 1897. — Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. III, стр. 12.

696. *А. Ѳ. Флеровъ* и *Б. А. Федченко.* Краткое руководство къ собиранію растеній и составленію научнаго гербарія. Изданіе авторовъ. Москва 1896. — Рец. 1898. Ч. 318, іюль, отд. III, стр. 12—13.

697. *Н. Е. Цабель.* Курсъ общей ботаники. Часть II. Растенія безцвѣтковыя или споровыя. Изд. 2-ое, ис-

реработанное и сокращенное. Москва 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, августъ, отд. III, стр. 38—39.

698. Руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ. Составилъ по К. В. Рейли *Н. Ширяевъ*. Съ 93 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1897. — Рец. 1899. Ч. 326, декабрь, отд. III, стр. 32.

699. Царство растеній и минераловъ. 270 изображеній для нагляднаго обученія съ объяснительнымъ текстомъ. *П. Ю. Шмидта*. С.-Пб. — Рец. 1897. Ч. 312, іюль, отд. III, стр. 3—5.

700. Царство животныхъ. 250 изображеній для нагляднаго обученія съ объяснительнымъ текстомъ. *П. Ю. Шмидта*. С.Пб.—Рец. 1897. Ч. 312, іюль, отд. III, стр. 3—5.

701. Учебникъ минералогіи и начальныя свѣдѣнія изъ химіи. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *К. Ѳ. Ярошевскій*. Съ 252 политипажами въ текстѣ. Изданіе 7-ое. исправленное и дополненное. М. 1900.—Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. III, стр. 1—2.

702. *И. И. Ясенскій*. Учебникъ зоологіи. Часть I. Позвоночныя, съ 190 рисунками въ текстѣ. Изданіе 4-ое, дополненное и переработанное согласно программѣ для реальныхъ училищъ мин. нар. просв., изд. 1889 г. С.-Пб. Часть II. Безпозвоночныя. Изд. 4-ое. 1891.—Рец. 1893. Ч. 287, іюнь, отд. III, стр. 36—41.

703. *И. И. Ясенскій*. Учебникъ зоологіи. Часть I. Позвоночныя. Изд. 7-е. Часть II-ая. Безпозвоночныя. Изд. 7-ое. С.-Пб. 1898.—Рец. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. III, стр. 13—16.

c) Исторія.

Б. Рецензіи.

704. **В. Абаза**. Возраженіе на рецензію анонимнаго рецензента моего учебника исторіи Россіи.—1897. Ч. 312, іюль, отд. II, стр. 188—199.

705. Замѣчаніе на „возраженіе“ г. *Абазы*.—1897. Ч. 312, іюль, отд. II, стр. 200.

706. Краткій историко-географическій словарь. Составилъ *Н. Верзинъ*. Тверь 1895. — Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III. стр. 88—89.

707. Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ *Павелъ Виноградовъ*. Часть I. Древній міръ. Изданіе 1-ое. Москва 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, іюль, отд. III, стр. 8—10.

708. То же. Часть II. Средніе вѣка. Москва 1894.—Рец. 1894. Ч. 294. іюль, отд. III, стр. 8—10.

709. То же. Ч. III. Новое время. Москва 1896.—Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. III, стр. 43—44.

710. *Павелъ Виноградовъ*. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть III. Новое время. Второе, исправленное изданіе. — Рец. **Г. В. Форстена**. 1897. Ч. 311, май, отд. II, стр. 248—254.

711. *А. Я. Гамшикинъ* и *К. Н. Успенскій*. Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Москва 1898.—Рец. 1899. Ч. 323, іюнь, отд. III, стр. 18—23.

712. Учебникъ исторіи Древняго Востока. Пособіе для государственнаго экзамена въ русскихъ университетахъ. Составилъ *А. Н. Грень.* Кіевъ. 1899. — Рец. **Б. А. Тураева.** 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. II, стр. 147—154.

713. *Я. Г. Гуревичъ.* Исторія Греціи и Рима. Изд. 6-е. С.-Пб. 1894.—Рец. **М. А. Андреянова.** 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 223—227.

714. Исторія Греціи и Рима (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ для VIII класса гимназій, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, составилъ *Я. Гуревичъ.* Изданіе шестое, исправленное. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 300, августъ, отд. III, стр. 19—20.

715. Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составлена *Я. Г. Гуревичемъ.* Часть третья. С.-Пб. 1889.—Рец. 1895. Ч. 302, ноябрь, отд. III, стр. 75—77.

716. Учебникъ русской исторіи съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. Составилъ *К. Елпатьевскій.* 2-ое исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 35—39.

717. Учебникъ древней исторіи. Выпускъ I. Востокъ и Греція. Составилъ *С. Зенченко.* Москва 1895.—Рец. 1896. Ч. 306, іюль, отд. III, стр. 33—51.

718. Систематическій курсъ древней исторіи. Курсъ IV класса мужскихъ гимназій и прогимназій. (Составленъ примѣнительно къ новому учебному плану). *Николай Знойко.* Одесса 1891. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. III, стр. 17—20.

719. То же. Изданіе 2-ое, исправленное. Одесса 1895.—Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 85—86.

720. Краткіе очерки изъ отечественной исторіи. Руководство, составленное для учениковъ и учепицъ старшихъ классовъ гимназій примѣнительно къ учебному плану, рекомендованному министерствомъ народнаго просвѣщенія, *Ив. Иващенкомъ.* Одесса 1891. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отдѣлъ III, стр. 26—28.

721. Учебникъ Всеобщей исторіи. Составилъ *В. Казанскій.* Часть I. Древній міръ. Орелъ 1898.—Рец. 1899. Ч. 326, декабрь, отд. III, стр. 25—32.

722. *Н. Карѣевъ.* Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. С.-Пб. 1900. — Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 9—15.

723. Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII кл. гимназіи и учебное пособіе для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. II. Главные факты изъ средней и новой исторіи (до 1715 г.). Составилъ *Евстафій Крыловъ.* М. 1890. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. III, стр. 20—26.

724. Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII класса гимназій и учебное пособіе для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Вып. III. Древняя Русь. Составилъ *Евстафій Крыловъ.* Москва 1893.—Рец. 1893. Ч. 287, іюнь, отд. III, стр. 33—35.

725. Краткій курсъ русской исторіи съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и восьми картъ. Составили *П. Либенъ* и *А. Шуйская*. Изданіе III, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1893. — Рец. 1893. Ч. 287, іюнь, отд. III, стр. 35—36.

726. Учебная карта древняго Азіатскаго міра. Составилъ и издалъ *И. П. Максимовъ*. Гомель 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 38—39.

727. Учебная карта Европы въ эпоху великаго переселенія народовъ, въ началѣ VI столѣтія. Составилъ и издалъ *И. П. Максимовъ*. Гомель 1895. — Рец. 1895. Ч. 302, ноябрь, отд. III, стр. 79—80.

728. Учебныя карты Южной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Составилъ и издалъ *И. П. Максимовъ*. Гомель 1896. I. Крестовые походы 1096—1192 года. II. Крестовые походы 1202 — 1291 г.—Рец. 1897. Ч. 312, августъ, отд. III, стр. 28—29.

729. Проф. *В. К. Надлеръ*. Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона (1789 — 1815), изданныя въ обработкѣ проф. *В. П. Бузескула*. Харьковъ 1898. — Рец. 1898. Ч. 320, декабрь, отд. III, стр. 31—33.

730. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Съ рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторенія. Для III кл. гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *Острогорскій*. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. III, стр. 28—31.

731. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862 — 1362 гг.). Томъ первый. *П. М. Павловъ*. М. 1896.— Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. II, стр. 355—356. (Книжныя новости).

732. *Justus Perthes*. Atlas antiquus. Taschen-Atlas der alten Welt. Dr. Alb. van Kampen. Gotha 1893.— Рец. 1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 194—195. (Книжныя новости).

733. *Justus Perthes*. Taschen-Atlas. 29 Auflage. Vollständig neu bearbeitet von Hermann Habenicht. Mit geographisch-statistischen Notizen von H. Wichmann. Gotha 1893. — Рец. 1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 194—195. (Книжныя новости).

734. *К. Петеръ*. Хронологическія таблицы греческой исторіи. Справочная книга и пособіе при преподаваніи въ низшихъ классахъ гимназіи, съ постоянными указаніемъ на источники и съ выдержками изъ нихъ. Перевелъ съ нѣмецкаго В. В. Смирновъ. Москва 1893. — Рец. 1894. Ч. 294, іюль, отд. III, стр. 11—13.

735. *В. Е. Романовскій*. Русская исторія. Пособіе для повторенія ея въ VIII классѣ гимназій. Часть I. Донестровскій періодъ. Изданіе журнала „Гимназія". Ревель 1896.—Рец. 1897. Ч. 312, августъ, отд. III, стр. 26—28.

736. Средняя исторія (для преподавателей). Составилъ *В. Е. Романовскій*. Тифлисъ 1895. — Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 338—341. (Книжныя новости).

737. Краткій учебникъ русской исторіи въ біографическихъ очеркахъ. (Курсъ младшаго возраста). Составилъ *А. П. Сальниковъ*. С.-Пб. 1892. —Рец. 1893. Ч. 286, апрѣль, отд. III, стр. 33—34.

738. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Сборникъ статей, изданный подъ редак-

цiею *В. И. Оноронсева*. Выпускъ I. М. 1898. — Рец. 1898. Ч. 320, декабрь, отд. II, стр. 404—405. (Книжныя новости).

739. Учебный историческiй атласъ. Составилъ *Н. Н. Торнау*. С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 291, январь, отд. II, стр. 240—241. (Книжныя новости).

740. Учебный атласъ по русской исторiи. Составилъ *Н. Н. Торнау*. С.-Пб. 1894. — Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. III, стр. 3—5.

741. *А. Торсле*. Исторiя нашего столѣтiя 1815—1890 гг. Томъ I. 1815—1863. Переводъ съ датскаго М. В. Лучицкой подъ редакцiею проф. И. В. Лучицкаго. Кiевъ 1898.—Рец. 1899. Ч. 321, январь, отд. III, стр. 1—3.

742. Учебникъ Русской Исторiи профессора *Александра Трачевскаго*. Часть I. Древняя Россiя. Второе, исправленное и дополненное изданiе. Съ 25 рис. С.-Пб. 1900. Часть II. Новая Россiя. Второе исправленное и дополненное изданiе. Съ 47 рис. С.-Пб. 1900.—Рец. 1900. Ч. 329, май, отд. III, стр. 1—6.

743. Хрестоматiя по исторiи Западной Россiи. Учебное пособiе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведенiй. Составилъ *Ар. Турцевичъ*. Вильна 1892.—Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. III, стр. 31—32.

744. Русская исторiя (въ связи съ исторiею великаго княжества Литовскаго). Курсъ III класса гимназiй и реальныхъ училищъ. Составилъ *Ар. Турцевичъ*. Вильна 1894.—Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. III, стр. 1—3.

745. Исторiя Грецiи со времени Пелопонесской войны. Сборникъ статей. Переводъ подъ редакцiей *П. Н. Шамонина* и *Д. М. Петрушевскаго*. Выпуски I и II. Москва 1896.—Рец. 1897. Ч. 312, августъ, отд. III, стр. 19—23.

т) Географiя.

Б. Рецензiи.

746. Учебникъ всеобщей географiи (Азiя, Африка, Америка и Австралiя). Составилъ *Т. Будиновъ*. Изданiе 3-е, исправленное. Москва 1899.—Рец. 1900. Ч. 331, сентябрь, отд. III, стр. 6—7.

747. Учебникъ географiи Россiйской Имперiи. Составилъ *И. Бѣлоха*. Сократилъ и переработалъ А. Соколовъ. Изданiе 29-ое съ приложенiемъ двухъ картъ Россiйской Имперiи. Москва 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 29—34.

748. Учебникъ всеобщей географiи. Курсъ элементарный, содержащiй краткiя свѣдѣнiя по математической и физической географiи. Обозрѣнiе земного шара. Отечествовѣдѣнiе. Въ приложенiи: родиновѣдѣнiе и части свѣта. Составилъ *И. Бѣлоха*, переработалъ А. Соколовъ. Изданiе 19-е. Москва 1896. — Рец. 1896. Ч. 308, декабрь, отд. III, стр. 75—77.

749. Курсъ общей географiи въ объемѣ гимназической программы. Составилъ по Гевальду, Данiелю, Кледену, Реклю, Супану и другимъ источникамъ *Л. И. Весинъ*. Азiя, Африка.

Америка и Австралія (100 рисунковъ въ текстѣ). Изданіе 2-ое. С.-Пб. 1895. Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 87.

750. Учебникъ географіи Россійской имперіи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Воронецкій.* С.-Пб. 1895. — Рец. 1896. Ч. 303, январь, отд. III, стр. 13—16.

751. Альбомъ картинъ по географіи Европы, со вступительною статьею д-ра *Гейстбека.* Переводъ съ нѣмецкаго А. П. Нечаева. Съ предисловіемъ Д. А. Коропчевскаго. С.-Пб. 1899. — Рец. 1899. Ч. 326, декабрь, отд. III, стр. 23—24.

752. Учебная карта Кавказа. Составилъ *Даниловскій.* — Рец. 1895. Ч. 302, ноябрь, отд. III, стр. 78—79.

753. Приготовительный курсъ всеобщей географіи въ катихизической формѣ для перваго класса гимназій и низшихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *М. Ф. Заменгофъ.* XV изданіе. Варшава 1900. — Рец. 1900. Ч. 331, сентябрь, отд. III, стр. 5—6.

754. Рельефныя карты. Капитана *Иванова.* — Рец. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. III, стр. 7—9.

755. *А. Ильинъ.* Учебный географическій атласъ. 30 таблицъ. С.-Пб. 1892. — Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 25—28.

756. Географическія карты картографическаго заведенія *А. А. Ильина:* 1) карта полушарій на 8 л. политич. съ надпис., 2) то же нѣмая, 3) то же физич. съ надпис., 4) то же нѣмая, 5) карта Австраліи на 4 лист. полит. съ надп., 6) то же нѣмая, 7) то же физич. съ надпис., 8) то же нѣмая, 9) карта Европы на 4 лист. политич. съ надпис., 10) то же нѣмая, 11) то же физич. съ надпис., 12) то же нѣмая.—Рец. 1897. Ч. 311, іюнь, отд. III, стр. 21—24.

757. Конспектъ географіи всеобщей, русской и элементарной математической, составленный по новѣйшимъ учебнымъ географическимъ изданіямъ, одобреннымъ для духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній. Пособіе при изученіи и повтореніи учебнаго курса географіи. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Составилъ *Александръ Ильинскій.* Воронежъ 1896. — Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. III, стр. 66—69.

758. Начальный курсъ географіи. Съ 1-ю картою и 8-ю картинами. Составилъ *А. Линбергъ.* Москва 1893. —Рец. 1894. Ч. 294, іюль, отд. III, стр. 18—22.

759. Учебникъ общей географіи съ таблицами. Курсъ 1-го класса. Свѣдѣнія изъ математической, физической и политической географіи. Составилъ *Г. С. Лыткинъ.* Изданіе 2-е, исправленное и дополненное чертежами. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 28—29.

760. *И. П. Максимовъ.* Атласъ географическихъ контуровъ. Курсъ 1-го класса. Курсъ II и III классовъ. Гомель 1891. — Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 31—33.

761. *И. П. Матченко.* Опытъ руководства по сравнительной географіи для шестого класса реальныхъ училищъ. Составлено примѣнительно къ новой программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія въ 1888 г. Кіевъ 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 28—31.

762. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I. Основныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Составилъ *И. П. Матченко.* Кіевъ 1895. —

Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. III, стр. 91—95.

763. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ II. Австралія, Африка, Азія и Америка. Составилъ примѣнительно къ программѣ гимназій и реальныхъ училищъ *И. П. Матченко.* Кіевъ 1897.—Рец. 1898. Ч. 317, іюнь, отд. III, стр. 35—39.

764. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ III. Общее обозрѣніе Европы и западно-европейскія государства. Составилъ *И. П. Матченко.* Кіевъ 1899. — Рец. 1900. Ч. 327, январь, отд. III, стр. 10—13.

765. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Курсъ IV. Составилъ примѣнительно къ программѣ гимназій и реальныхъ училищъ *И. П. Матченко.* Кіевъ 1899. — Рец. 1900. Ч. 330, іюль, отд. III, стр. 8—13.

766. Репетиціонныя карты по всеобщей и русской географіи. Составилъ *Орестъ Милевскій.*—Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 37—38.

767. Опытъ географіи Кавказскаго края. Составилъ *Н. М. Надеждинъ.* Тула 1891.—Рец. 1892. Ч. 281, май, отд. III, стр. 14—16.

768. Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. Общій обзоръ земного шара. Съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ краткаго обозрѣнія Россійской Имперіи. Составилъ *Обломковъ.* С.-Пб. 1891.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 39—42.

769. Учебный географическій атласъ. 46 главныхъ картъ, 127 дополнительныхъ картъ и чертежей на 45 таблицахъ. *Э. Ю. Петри.* С.-Пб.—Рец. 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. III, стр. 5—14.

770. Географія Европы съ вопросами и задачами для женскихъ гимназій и низшихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 3-е исправленное. Составилъ *П. Победимскій.* Ростовъ 1891.—Рец. 1892. Ч. 282, іюль, отд. III, стр. 30—32.

771. Географія Россійской имперіи. Курсъ гимназій, реальныхъ училищъ и духовныхъ училищъ. Составилъ *А. Полницкій.* Елисаветградъ 1893. —Рец. 1894. Ч. 291, февраль, отд. III, стр. 22—25.

772. Краткій учебникъ географіи *П. Раевскаго.* Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1893. Три части. Часть I. Описаніе земного шара. Съ 65 рисунками и 3-мя окрашенными картами. Часть II. Внѣевропейскія страны. Съ 4-мя раскр. картами и 48 фиг. въ текстѣ. Часть III. Западная Европа. Съ 4-мя раскраш. картами и 43 фиг. въ текстѣ. — Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. III, стр. 29—30.

773. То же. Изданіе 5, исправленное. С.-Пб. 1894. Ч. I. Описаніе земного шара. Съ 60 рисунками и 3-мя раскрашенными картами. Часть II. Внѣевропейскія страны. Съ 4-мя раскрашенными картами и 64 фиг. въ текстѣ. Ч. III. Западная Европа. Съ 4-мя раскр. карт. и 54 фиг. въ текстѣ. —Рец. 1895. Ч. 300, іюль, отд. III, стр. 17.

774. Географія Россіи. Съ дополнительными статьями повторительнаго курса (VII класса), имѣющими значеніе и для поступающихъ въ военную академію. Составилъ *Василій Рядновъ.* Москва 1894. — Рец. 1896. Ч. 303, январь, отд. III, стр. 1—13.

775. „Обозрѣніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами“. Конспективный курсъ VI класса реальныхъ училищъ. Составленъ по учебнымъ планамъ, ут-

верждениымъ въ 1895 году, *И. Словцовымъ.* Москва 1896. — Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. III, стр. 126—133.

776. То же. Второе переработанное изданіе.—Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. III, стр. 8—9.

777. Учебная книга географіи. Составилъ *К. Смирновъ.* 32-ое изданіе. С.-Пб. 1892. Три книжки: 1) Общія свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Курсъ низшихъ учебныхъ заведеній. 2) Азія, Африка, Америка и Австралія въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. 3) Европа въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. — Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 7—16.

778. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Составилъ *А. Чаплинъ.* Вильна 1895. — Рец. 1896. Ч. 305, май, отд. III, стр. 39—43.

779. Нашъ дальній Востокъ. Съ 36 рисунками въ текстѣ и картою Уссурійскаго края. *Д. И. Шрейдера.* С.-Пб. 1897.—Рец. 1898. Ч. 318, августъ, отд. III, стр. 29—33.

у) Новые языки.

Б. Рецензіи.

780. Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и самообученія, изданіе А. Алексѣева. Выпускъ I. „Le Misanthrope“, comédie par Molière, съ этюдомъ, краткимъ очеркомъ французскаго стихосложенія, примѣчаніями и словаремъ. Составилъ *А. Алексѣевъ.* С.-Пб. 1894. Изд. 2-е.—Рец. 1895. Ч. 298, мартъ, отд. III, стр. 11—12.

781. Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и самообученія, изданіе А. Алексѣева. Выпускъ 5-ый. „Napoléon à Sainte-Hélène par Thiers“. Извлеченіе изъ сочиненія: Histoire du Consulat et l'Empire, съ примѣчаніями, историческими и грамматическими. Составилъ *А. Алексѣевъ.* С.-Пб. 1891.—Рец. 1892. Ч. 282, іюль, отд. III, стр. 19—22.

782. Собраніе франц. авторовъ для школьнаго употребленія и самообученія, изданіе А. Алексѣева. Выпускъ V. Napoléon à Sainte-Hélène par Thiers. Съ примѣчаніями, историческими и грамматическими, и отдѣльнымъ словаремъ. Составилъ *Александръ Алексѣевъ.* Изд. 2-е. С.-Пб. 1895. — Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 28.

783. Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и самообученія, изданіе А. Алексѣева. Выпускъ VI. Athalie, tragédie tirée de l'écriture Sainte 1691 par I. Racine. Съ этюдомъ, краткимъ очеркомъ французскаго стихосложенія, примѣчаніями и словаремъ. Составилъ *А. Алексѣевъ.* С.-Пб. 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр.12—14.

784. Собраніе школьныхъ авторовъ для школьнаго употребленія и для самообученія, изданіе А. Алексѣева. Выпускъ седьмой. „Le village“ par Octave Feuillet. Съ примѣчаніями и словаремъ составили *А. Алексѣевъ* и *Альбертъ Русси.* С.-Пб. 1892.—Рец. 1893. Ч. 286, апрѣль, отд. III, стр. 29—30.

785. Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и само-

обученія, изданіе А. Алексѣева. Выпускъ VIII. Les prisonniers du Caucase. Le lépreux de la cité d'Aoste, par Xavier de Maistre. Съ примѣчаніями и словаремъ составилъ *А. Алексѣевъ*. С.-Пб. 1893.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 14—15.

786. Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и самообученія. Изданіе А. А. Алексѣева. Выпускъ IX. Le passage de la Bérézina, par le général comte de Ségur или XI книга изъ сочин. графа Сегюра: Histoire de Napoléon et de la grande armée, pendant l'année 1812. Составилъ *Александръ Алексѣевъ*. С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 293, май, отд. III, стр. 4—6.

787. Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и для самообученія. Изданіе А. Алексѣева. Выпускъ десятый. Biographies d'hommes célèbres de l'antiquité, par Charles Rollin. (Сократъ.—Крезъ.—Мильтіадъ. — Демосѳенъ. — Порсена. — Югурта).—Рец. 1894. Ч. 293, май, отд. III, стр. 4—6.

788. Собраніе французскихъ авторовъ. Изданія А. Алексѣева подъ общимъ заглавіемъ: для школьнаго употребленія и для самообученія. Выпускъ одиннадцатый. Le Bourgeois gentilhomme, comédie-ballet par Molière. С.-Пб. 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 46—47.

789. Собраніе французскихъ авторовъ. Изданіе А. Алексѣева подъ общимъ заглавіемъ: для школьнаго употребленія и для самообученія. Выпускъ двѣнадцатый. Le Verre d'eau ou les effets et les causes, par E. Scribe. С.-Пб. 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 47.

790. Собраніе французскихъ авторовъ. Изданія А. Алексѣева подъ общимъ заглавіемъ: для школьнаго употребленія и для самообученія. Выпускъ тринадцатый. La bataille de la Moskova (Сраженіе при Бородинѣ) par le général comte de Ségur. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, февраль, отд. III, стр. 47—48.

791. Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и самообученія, изданіе А. А. Алексѣева. Выпускъ 14-й. „Le Cid“, tragédie par P. Corneille, съ этюдомъ, краткимъ очеркомъ французскаго стихосложенія, примѣчаніями и словаремъ составилъ *А. Алексѣевъ*. С.-Пб. 1894.—Рец. 1895. Ч. 298, мартъ, отд. III, стр. 11—12.

792. Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и самообученія, изданіе А. Алексѣева. Выпускъ XV. L'avare, comédie en cinq actes, par Molière. Съ этюдомъ, примѣчаніями и словаремъ. Составилъ *Александръ Алексѣевъ*. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 28.

793. Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*. Одесса 1891. Часть I, для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть II, для среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.—Рец. 1892. Ч. 280, мартъ, отд. III, стр. 10—11.

794. Учебникъ нѣмецкаго языка для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*. Часть вторая, 5-е изданіе. Одесса 1893. — Рец. 1894. Ч. 292, апрѣль, отд. III, стр. 75—78.

795. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*. 5-е, исправленное изданіе. Одесса 1894. — Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 38—39.

796. Избранные нѣмецкіе писатели для школъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ *Θ. К. Андерсона*. Hauff's Märchen. Сказки Гауффа. I часть. С.-Пб. 1893. — Рец. 1895. Ч. 297. январь, отд. III, стр. 20—21.

797. Избранные нѣмецкіе писатели для школъ съ введеніемъ, примѣчаніями, построчнымъ и алфавитнымъ словарями *Θ. К. Андерсона*. Heinrich Heines. Prosa und Gedichte für die Jugend. Mit Heines Bildniss. Проза и стихотворенія Генриха Гейне для юношества. Съ портретомъ Гейне. С.-Пб. 1899. —Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 12—14.

798. Избранные нѣмецкіе писатели для школъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ *Θ. К. Андерсона*. Egmont. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen von W. von Göthe. Эгмонтъ. Гете. С.-Пб. 1894. —Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 17—20.

799. Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ *Θ. К. Андерсона*.—Минна-фонъ-Барнгельмъ, или солдатское счастіе, Лессинга. С.-Пб. 1892. — Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 12—14.

800. Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ *Θ. К. Андерсона*. Wallenstein. Ein dramatisches Gedicht von Friedrich Schiller. Dritter Teil. Wallensteins Tod. Смерть Валленштейна. Шиллера. С.-Пб. 1893.— Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 21.

801. Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ *Θ. К. Андерсона*. Марія Стюартъ. Шиллера. С.-Пб. 1893.— Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. III, стр. 31—32.

802. Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ *Θ. К. Андерсона*. Вильгельмъ Телль. Шиллера. Съ приложеніемъ карты. С.-Пб. 1892.—Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 12—14.

803. Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ *Θ. К. Андерсона*. Geschichtliche Prosa. Историческая проза. С.-Пб. 1895.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 29—31.

804. Deutsches Lesebuch von Th. Anderson. I Theil. 2 Auflage. Нѣмецкая хрестоматія *Θ. К. Андерсона*. 1-ая часть. 2-е изданіе. С.-Пб. 1892.— Рец. 1892. Ч. 282, іюль, отд. III, стр. 1.

805. Систематическій сборникъ разсказовъ для пересказа и перевода съ русскаго на нѣмецкій. 1 часть. *Θ. К. Андерсона*. Пятое исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. 1898.—Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. III, стр. 1—2.

806. То же. 2-я часть. С.-Пб. 1895.— Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 29—31.

807. Lehrbuch der deutschen Sprache von Th. Anderson. Учебникъ нѣмецкаго языка *Θ. К. Андерсона*. С.-Пб. 1895.—Рец. 1897. Ч. 309, февраль, отд. III, стр. 20—22.

808. Resumé de L'Histoire de la littérature française par *Alfred Anspach*. Heidelberg 1892.—Рец. 1892. Ч. 282, іюль, отд. III, стр. 23—26.

809. Lectures et exercices de langue pour les classes inférieures et moyennes par *Alfred Anspach*. St.-Pétersbourg 1893.—Рец. 1893. Ч. 287, сентябрь, отд. III, стр. 4—7.

810. Краткая нѣмецкая грамматика для русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Этимологія. Часть II. Синтаксисъ.

Содержаніе
ТРИСТА-СОРОКЪ-ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(сентябрь и октябрь 1902 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Стран.

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія.

Положенія о стипендіяхъ и преміяхъ при заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Стран.

Стран.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература.

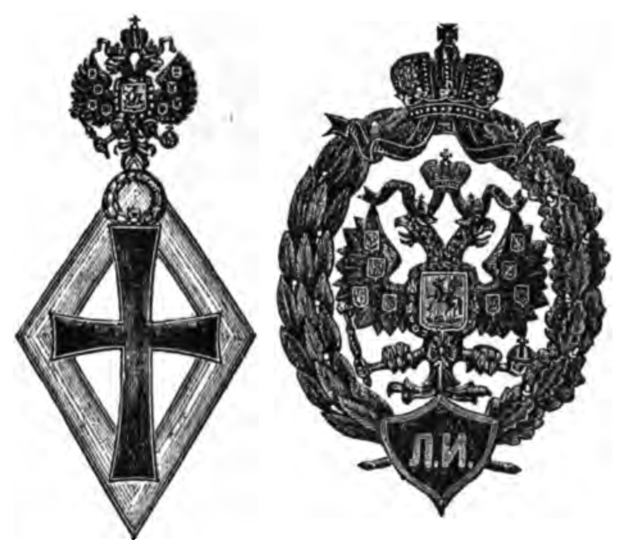
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Въ приложеніи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЦѢНЫ ПОНИЖЕНЫ.

ЗНАКИ нагрудн.: С.-Пбг. и Нѣжинск. ист.-фил. инст.; Демид. юрид. лицея; Лазарев. и Вост. инст.—ювелирн. работы, высш. качества—бол. наборн. *золоченн.* (ручн. работ., составн.) *сер.* 16, 19 и 22 р.; *весь золотой* 70 р.; *золотой* съ *сереб.* щитомъ подъ герб. 60 р. Полунаборн. (ручн. раб., весьма красивые) *сер.* 11 р. Чекан. сер. 8 р. 50 к. Бронз. 4 р. 90 к. Мал. (петличн.) наборн.: *сер.* 9 и 12 р.; *весь золот.* 20 и 17 р. Чекан. *сер.* 8 и 5 р. *Высылаются* наложен. платеж. Знаки: **УНИВЕРСИТЕТСКІЕ—Бол.:** *зол.* 20, 25, 28, 35—40 р.; *сер.* 5, 6 р. 50 к., 8 р., 8 р. 50 к., 9 р. 50 к.; *бронз.* 3 р. 50 к., 4 р., 4 р. 50 к. *Сер.* зн. съ *зол.* герб. и вѣнк. 8, 12 и 15 р. **Мал.** (петличн.): *зол.* 10, 12 р.; *сер.* 4, 5, 6 и 7 р. *Сер.* съ *зол.* герб. и вѣнк. 6, 8 р. и 9 р. 50 к.—НОВОСТЬ: зн. съ *бѣл. прозрачн.* и *нѣжно-голуб. прозрачн. шлифованн.* эмалью—бол.: *зол.* 32 р., 38—50 р.; *сер.* 12 р. *Сер.* съ *зол.* герб. и вѣнк. 18 р. **Мал.:** *зол.* 15 р.; *сер.* 9 р. *Сер.* съ *зол.* герб. и вѣнк. 11 р.—НОВОСТЬ—знаки увеличенн. разм., съ широк. краями, съ *бѣл.-прозрачн.* и *нѣжно-голуб. прозрачн. шлифованн.* эмалью—бол.: *зол.* 48 р.; *сер.* 16 р. *Сер.* съ *зол.* герб., вѣнк. и краями 28 р. **Мал.:** *зол.* 22 р.; *сер.* 12 р. *Сер.* съ *зол.* герб., вѣнк. и краями 18 р.—Унив. зн. для Военныхъ: *зол.* 20 р.; *сер.* 7 р.; *бронз.* 4 р. *Сер.* съ *зол.* герб. и вѣнк. 10 р. Зн. дух. акад., археол., Рижск. инст., юбил. Имп. Маріи и *всякіе друг.* Ордена. Медали. Жетоны. *Сообщ. цѣны.*

Жетоны университетскіе: *выпукл.* съ *накладн.* орломъ—*зол.* 16 р.; *сер.* золоч. 5 р. 75 к.; *обыкнов.*—*зол.* 14 р.; *сер.* золоч. 3 р.

Адресъ—для заказ. *изъ провинціи*: С.-Петербургъ, **ЮРГЕНСЪ** сел. Император. Фарфоров. Завода № 27; для *мѣстныхъ* покупателей и *пріѣзжихъ*—Знаменская улица № 1, магаз. Новокшенова.

При настоящей книгѣ „Журнала" всѣмъ подписчикамъ разсылается объявленіе Товарищества подъ фирмою „Проводникъ".

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **четырнадцать рублей двадцать пять копѣекъ**, за границу—**шестнадцать руб.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895 и 1900 годы.

Наша учебная литература.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Въ приложеніи.

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 1-го октября).

(1)3
7

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994

